Олег ПЛАТОНОВ

Заговор цареубийц

Заговор против России

ВСТУПЛЕНИЕ

Убийство Царя Николая II и его семьи — самое тягчайшее преступление во всемирной христианской истории. Силы, которые замыслили и осуществили его, покушались не просто на личную жизнь русского Царя, его супруги и детей, а на мировой порядок, заповеданный человечеству Иисусом Христом. В этот день в подвале дома Ипатьева совершилось ритуальное действо, была перейдена мистическая черта, за которой под ногами человечества разверзлась пропасть, поглотившая в революциях и войнах XX века миллионы людей, и, ускорив духовную деградацию остальной части человечества в трясине западной иудейско-масонской цивилизации и «массовой культуры», вплотную приблизила конец мира.

Мистический смысл преступления, совершившегося в ночь с 16 на 17 июля 1918 г., состоял в том, что был убит не просто носитель верховной русской власти, а Удерживающий Христианской цивилизации, противостоящей тайне беззакония, воплотившейся в западной иудейско-масонской цивилизации, ядром которой сегодня являются Соединенные Штаты Америки.

Ключ к пониманию убийства Николая II — в словах апостола Павла: «...Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды Удерживающий теперь, — и тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих...» (2 Сол. 2, 6—8).

Как поясняет св. Иоанн Златоуст, здесь под именем Удерживающего имелось в виду Римское государство. «До тех пор, пока будут бояться этого государства, — писал святой, — никто скоро не подчинится антихристу; но после того, как оно будет разрушено, водворится безначалие, и он будет стремиться похитить всю — и человеческую, и Божескую — власть. Так точно прежде были разрушаемы царства: Мидийское — Вавилонянами, Вавилонское — Персами, Персидское — Македонянами,

Македонское — Римлянами; так и последнее будет разорено и уничтожено антихристом; он же будет побежден Иисусом Христом».

После падения Константинополя (Второго Рима) и крушения Византийской империи вселенский центр Христианства перешел в Православное Русское Царство, его столица Москва стала прозываться Третьим Римом, а русский Государь преемственно принял на себя служение Удерживающего. Русский Царь был священным лицом, преемственным носителем особой силы благодати и Святого Духа, которая действовала чрез Него и удерживала распространение зла. Император Николай II был глубоко проникнут сознанием этой лежащей на Нем религиозно-мистической миссии. После отречения Николая II роль Удерживающего перешла к Царице Небесной, о чем русскому народу было объявлено через явление иконы Божией Матери, названной «Державной»[1].

Царь-мученик Николай II принадлежит к числу величайших духовных личностей XX века, воплотивших в себе твердое христианское сознание и готовность отдать жизнь за православную веру. Его духовный подвиг и мученическая кончина нашли отклик в сердцах миллионов православных людей. Спустя десятилетия после его злодейского убийства Русская Зарубежная и Сербская Церкви признали Царя святым. Сегодня миллионы русских православных людей почитают Николая II как святого и молятся ему. Во многих российских церквах появились его иконы, а поклонение ему стало местночтимой традицией в большинстве православных приходов.

Почитание царской власти всегда было свойственно коренным русским людям, но жизнь и смерть Николая II придали этому почитанию особый характер святости, отождествив судьбу Царя с судьбой России. Вот как говорил еще в 1916 году оптинский старец Анатолий (Потапов):

«Судьба Царя — Судьба России. Радоваться будет Царь, радоваться будет и Россия. Заплачет Царь, заплачет и Россия... Как человек с отрезанною головою уже не человек, а смердящий труп, так и Россия без Царя будет трупом смердящим».

Для многих поколений русских людей, и прежде всего крестьян, вплоть до начала XX века понятие «Царь» выражало идею Родины, Отечества, национального единства. В народном со-

---

[1] Алферьев Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. Джорданвилль, 1983. С. 86.

знании Царь именуется не иначе как «батюшка», «отец». И не в административном смысле рабского подчинения, а в смысле высшего духовного авторитета православного человека. Многие века народное сознание рассматривает Царя как связующее звено между Богом и Отечеством. Лозунг «За Бога, Царя и Отечество!» выражал ядро русской национальной идеи.

Коренные русские люди всегда относились к Царю с чувством глубокого почитания, высшего уважения и любви. Для них он был воплощением Родины и Государства, символом России, неразделимо связанным с именем Бога. «Русский Бог велик», — считал русский человек. «Русским Богом да русским Царем святорусская земля стоит, русский народ — царелюбивый».

«Нельзя быть на земле Русской без Государя», — говорят народные пословицы. «Нельзя земле без Царя стоять, без Царя земля вдова».

«Грозно, страшно, а без царя нельзя». «Светится одно солнце на небе, а Царь русский — на земле».

А почему? А потому, что «без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится». «Бог на небе, Царь на земле». «Один Бог, один Государь». «Все во власти Божьей и Государевой».

В народном сознании «народ — тело, Царь — голова». «Государь — батька, земля — матка», «Царь города бережет». «Царь от Бога пристав». «Сердце царево в руке Божьей».

Царь — помазанник Божий, и потому все, что он делает доброго, — Божья воля. «Кого милует Бог, того жалует Царь». «Виноватого Бог простит, а правого Царь пожалует». «Вся жизнь человеческая — служение Богу и Государю». «Где ни жить — одному Царю служить». «За Богом молитва, за Царем служба не пропадает».

В народном сознании Царь получает высшие характеристики. «Где Царь, там и правда», — говорит русский человек. «Всякая вещь перед Царем не утаится». «У Царя руки долги». «Царский глаз далече сягает». «Нет больше милосердия, как в сердце Царевом». «Богат Бог милостию, а Государь жалостию». «У Бога да у Царя всего много». «Все ведают Бог и Государь». Да и вообще слово «Царь» выражает принцип высшего совершенства. Отсюда — «Царь-колокол», «Царь-пушка», «Царь-девица», «Царь-земля».

«Государь только Богу ответ держит», — считает русский человек. «Царский гнев и милость в руке Божьей». Но ответственность Царя перед Богом очень велика, ибо «за царское согреше-

ние Бог всю землю казнит, за угодность милует». «Народ согрешит — Царь умолит; Царь согрешит — народ не умолит».

Все русские люди «душою Божьи, а телом Государевы». «Царь думает, а народ ведает». «Воля царская не судима». От народа Царь требует прежде всего правды: «Царю правда нужна». «Царю правда — лучший слуга».

«Правда Божья, а суд Царев». «Правда Божья, а воля царская». «Воля Царская — закон». «На всё святая воля царская». «Все во власти Божьей и Государевой». «Суди меня Бог и Государь!»

По мнению народа, если у Царя и случается ошибка или неправда, виноват не он, а его окружение. «Не от Царей угнетение, а от любимцев царских». «Не Царь гнетет народ, а временщик». «Не Царь грешит, а думцы наводят».

В сознании русского человека крепко держится обязанность всегда молиться за Царя: «Не всяк Царя видит, а всяк за него молит». «Государь — батюшка, надёжа — православный Царь».

Русская православная мысль конца XIX — начала XX века продолжает твердо держаться убеждения, что невозможно православным христианам иметь Церковь, не имея Царя. Русский Царь, писал в конце XIX века оптинский схиархимандрит Варсонофий (Плиханков), есть выразитель воли Божьей, а не народной. Его воля священна для русского человека как воля Помазанника Божия; он любит его потому, что любит Бога. Царь дарит народу славу и благоденствие, а народ воспринимает их как милость Божию. «Постигают ли нас бесславие и бедствие, мы переносим их с кротостью и смирением, как казнь небесную за наши беззакония, и никогда не изменим в любви и преданности Царю, пока они будут проистекать из наших православно-религиозных убеждений, из нашей любви и преданности Богу»[1].

Понятие «Царь как Помазанник Божий» развивается в трудах П. Пятницкого. По его мнению, само это название свидетельствует о том, что Цари не есть ставленники народные, но что Сам Бог облекает их властию на земле и повелевает им повиноваться, так как все помыслы и стремления Царя всегда направлены ко благу своего народа. Весь внутренний смысл этого церковного обряда ясно познается из молитвы, с которою Мо-

---

[1] Варсонофий (Плиханков), схиархимандрит. Келейные записки. 1892—1896. М., 1991. С. 44.

нарх во время коронования коленопреклоненно обращается к Престолу Всевышнего и в которой молит Отца Небесного наставить в деле, которому послан служить; молит о ниспослании премудрости, дабы Господь Бог даровал Ему, Царю, способность управлять царством к пользе врученных Его управлению людей и к славе Божией[1]. Помазанник Божий, считал архиепископ Сиракузский и Троицкий Аверкий, получал «в совершенном над ним Церковью таинстве Миропомазания особые благодатные дары, дабы быть «Царем и судиею людем Божиим», как исповедует он сам в молитве, читаемой им при священном короновании в храме, перед всеми. Поэтому он и входит в алтарь царскими вратами и причащается перед св. престолом наравне с остальными священнослужителями, чего, конечно, не мог бы делать всякий другой монарх — не православный и не отвечающий требованиям Церкви, не облагодетельствованный ею»[2].

Итогом исканий русской духовной мысли в понимании Самодержавия стала формулировка отца Павла Флоренского. «В сознании Русского народа, — писал он, — Самодержавие не есть юридическое право, а есть явленный Самим Богом факт, — милость Божия, а не человеческая условность, так что Самодержавие Царя относится к числу понятий не правовых, а вероучительных, входит в область веры, а не выводится из внерелигиозных посылок, имеющих в виду общественную и государственную пользу»[3].

Эту формулировку эмоционально дополняет вывод писателя В. Розанова о том, что царская власть есть чудо. В царской власти и через ее таинственный институт, считает он, побеждено чуть не главное зло мира, которое никто не умел победить и никто его не умел избежать: злая воля, злое желание, злобная страсть. Злоумыслить что-нибудь на Царя и отказать ему в повиновении — ужасная вещь в отношении всей истории, всего будущего, на тысячи лет вперед. Вот отчего истребление всяких врагов Государя и всякой вражды к Государю есть то же, что осушение болот, что обрабатывание земли, дождь для хлеба.

---

[1] Пятницкий П.П. Сказание о венчании Русских Царей и Императоров. М., 1896. С. 1—2.

[2] Стойте в Истине... Из проповедей архиепископа Аверкия, Сиракузского и Троицкого Б./м. и б/г. С. 13.

[3] Флоренский П. Около Хомякова. Сергиев Посад, 1916. С. 26.

Никакого черного дня Государю, все дни его должны быть белы, — это коренная забота народа[1].

В целом русская духовная мысль все более глубоко обосновывает главную формулу Русской цивилизации, выражающуюся в святой триединой соборности: Самодержавие — Православие — Народность. В ней нет ничего случайного. Каждый элемент «выстрадан, вымолен, выпрошен у Бога». Церковь, как неиссякаемый источник чистой, ничем не замутненной Христовой Истины; русский народ, как хранитель и убежденный почитатель этой Истины; православный русский Царь, как первый Сын Православной Церкви и первый слуга своего народа, принявший на себя подвиг служения своему великому народу в духе Церковью проповедуемого, народом хранимого и исповедуемого Православия. Здесь все — и Церковь, и Царь, и Народ — стало сознательно, убежденно нацелено на служение единой Божественной Истине. Ее духом должна была насытиться жизнь великого народа — личная, семейная и государственно-общественная. Русское государство по плоти и крови своей от мира сего, но по духу оно не от мира сего, ибо его основное задание не только внешнее устроение жизни Русского народа, а воплощение (конечно, в меру своих сил) в жизни Русского народа Царства Божия, Царства Христовой Истины, от любви и милосердия. Вот почему Русское Царство, по глубокому пониманию русских праведников, не просто царство земное, а Русь Святая — Православная, Дом Пресвятой Богородицы[2].

Перед своим падением великая Русская цивилизация, Святая Русь, явила человечеству две духовно идеальные личности — Царя Николая II и святого праведника Иоанна Кронштадтского, воплотивших в себе все лучшие духовные черты Русской цивилизации. Архимандрит Константин (Зайцев) писал: «Двоица перед нашим духовным взором стоит, являющая собою «симфоническое» единение Великой России и Святой Руси: наш последний Царь и о. Иоанн Кронштадтский! Как полон был духа Святой Руси наш последний Царь, возглавитель Великой России на ее высшем подъеме! Как полон сознания высокой качественности и промыслительной единственности и

---

[1] Розанов В. О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб., 1912.

[2] Бощановский В., протоиерей. Саровские торжества. Прославление мощей преподобного Серафима Саровского 19 июля (1 августа) 1903 г. Джорданвилль, 1950. С. 15.

неповторимости Великой России о. Иоанн — воплощение Святой Руси, в большей целостности и полноте непредставимое!»[1]

Пока во главе Великой России стоял Царь, считал архимандрит Константин, Россия не только содержала в себе отдельные элементы Святой Руси, но и в целом продолжала быть Святой Русью как организованное единство. При этом чем явственнее оказывалось расхождение с Церковью русской общественности, русской государственности, Русского народа, тем явственнее в личности Царя обозначались черты Святой Руси. В этом, по мнению архимандрита Константина, объяснение той трагической, безысходной отчужденности, которая наблюдалась между ним и русским обществом. «Великая Россия в зените своего расцвета радикально отходила от Святой Руси, но эта последняя как раз в это время в образе последнего русского Царя получила необыкновенно сильное, яркое, прямо-таки светоносное выражение»[2].

Гибель русского Царя до предела обострила столкновение двух цивилизаций — русской, православной, духовной, и иудейско-масонской. Это столкновение стало и последним актом, итогом двухтысячелетнего конфликта между Христианством и иудейско-талмудической идеологией. Святая Русь, Россия с момента принятия Христианства была главной христианской страной, наиболее последовательно сохранявшей чистоту веры. Именно в ней в последней битве столкнулись интересы народа-богоносца и народа-богоубийцы.

Русским людям был дан величайший дар служить главным носителем чистоты Православия. Но дар этот сопрягался с огромной духовной тяжестью и ответственностью. И русский народ на каком-то этапе, еще задолго до революции не выдержал тяжести и ответственности. Богоотступничество, первоначально среди космополитизированного дворянства и интеллигенции, уже в XVIII—XX веках создало в русском обществе слой людей, потерявших чувство высшего служения, не понимавших духовного величия Православия и особой миссии русского Православного Царя. Духовное разложение образованного слоя постепенно вело к разложению и народных масс, хотя подавляющая часть русских людей сопротивлялась этому.

Был ли у России шанс уйти от разложения и революции?

---

[1] Константин (Зайцев), архимандрит. Чудо русской истории. Джорданвилль, 1970. С. 97.

[2] Там же. С. 267—268.

Был ли другой путь, чтобы избегнуть цареубийства и катастрофы? Безусловно был. Об этом свидетельствует появление среди русского народа двух великих святых — Иоанна Кронштадтского и Царя Николая II. Первый огненным слогом предупреждал русских о последствиях отступничества народа от православного служения. Второй был примером православного национального вождя, способного вести народ к высочайшим духовным вершинам и земным достижениям. Под водительством этих святых русский народ мог совершить прорыв в духовном разложении российского дворянства и интеллигенции, остановить наступление иудейско-масонской цивилизации. Однако большая часть народа приняла сторону не святого Православного Царя, а вождей иудейско-масонской цивилизации — Временного правительства и большевиков, лукаво обещавших построить «рай Божий на земле». Значительная часть русского народа либо поддержала цареубийц, либо равнодушно взирала на преступления, совершаемые ими. Десятки миллионов жертв стали справедливой Божьей карой за это отступничество.

Как древние евреи лишились своего избранничества за отступление от Бога, уступив место христианским последователям Нового Завета, так и мы, русские, наказаны за свое отступничество от православного служения. Мы все, русские, виноваты, что не смогли сохранить своего православного царства, допустили уничтожение Православной Монархии.

При нашем попустительстве был принужден к отречению последний русский Царь — Помазанник Божий, при нашем попущении была убита Царская семья и власть в стране захватили еврейские большевики, носители иудейско-талмудической идеологии.

В том кошмаре, какой создали в нашей стране последователи талмудического иудаизма, нашлось немало русских людей, которые, забыв Бога и Царя, приняли сначала большевистский, а затем современный криминально-космополитический порядок. Череда жалких, ничтожных, корыстных правителей от Ленина и Троцкого до наших дней окончательно обессилила Россию, сделав большую часть ее народа бездуховным быдлом, превратив ее территории в кормушку для разных мастей преступников, жуликов и международных аферистов.

Над историей цареубийства я начал работать с конца 80-х годов. Многие годы занял поиск в государственных и частных архивах России, США и других зарубежных стран. Мне удалось найти множество ранее не опубликованных документов и мате-

риалов. Особый интерес представляли воспоминания и записки цареубийц, разысканные мною в бывшем Свердловском партийном архиве, а также ценные коллекции редких книг и материалов, посвященных цареубийству, в архиве Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США).

Автор благодарит всех лиц и организации, способствовавшие поиску документов и материалов для этой книги и выходу ее в свет. Выражаю признательность сотрудникам Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ), Особого Архива СССР КГБ (ОА, ныне Центр хранения историко-документальных коллекций), Архива Свято-Троицкого монастыря (АСТМ — Джорданвилль, США), Архива Гуверовского института (АГИ — Станфорд, США), государственных и бывших партийных архивов Пермской, Свердловской и Тюменской областей, хранителям фондов исторических и краеведческих музеев Екатеринбурга, Перми, Тобольска, Тюмени, Алапаевска, Сысерти, Верхней Синячихи, Нижнего Тагила, Верхотурья за ценные сведения, консультации и помощь в поисках документов и материалов, использованных в этой книге. Особую благодарность выношу многочисленным добровольцам, помощникам и краеведам, сообщившим мне важные подробности событий, без содействия которых мое исследование было бы неполным.

Часть I

ИУДАИЗМ И МАСОНСТВО ПРОТИВ ХРИСТИАНСКОЙ МОНАРХИИ

ГЛАВА 1

Трехголовая гидра цареубийства. — Талмудический иудаизм. — Строительство храма Соломона. — Еврейская революция и социализм.

Убийство русского Царя подготавливала трехголовая гидра ненавистников Христа, взращенная на крови христианских мучеников. Первой и самой основной главой кровожадной гидры был талмудический иудаизм, второй — масонство, третьей — социализм и его самое последовательное воплощение — еврейский большевизм. Для каждой из этих сил гибель русского Царя была высшей радостью и первым пунктом религиозно-политической программы завоевания мира.

Тайна беззакония, порождением которой была эта трехголовая гидра, разделила человечество на две противостоящие друг другу части — детей Божьих и детей дьявола. Дети дьявола восстали против духовных детей Христа, Удерживающего и Православного Царства.

Иудеи считали себя «избранным народом», потому что им было дано обетование явления в мир Спасителя (Мессии). Но они оказались недостойны этого обетования. Они ожидали Спасителя как могущественного земного царя, который даст им богатство и власть над другими народами, но, когда явился Христос, открывший перед ними врата в Царство Небесное, они не признали и убили Его и за это были лишены избранничества. Как писал св. епископ Игнатий Брянчанинов, «отвергши Мессию, совершивши Богоубийство, они окончательно разрушили завет с Богом. За ужасное преступление они несут ужасную казнь. В течение двух тысячелетий упорно пребывают в непримиримой вражде к Богочеловеку».

С момента убийства Христа неотъемлемой частью идеологии сект талмудического иудаизма становится стремление к убийству Христианских Монархов, Помазанников Божиих.

Ожесточенная вражда иудаизма к христианской государст-

венности и ее самым последовательным носителям — Православным Царям — стала главной частью тайного иудейского учения, воплотившись в деятельности множества иудейских сект, руководствующихся изуверскими положениями Талмуда[1]. Для иудея, последователя талмудических сект, убийство Христианского Монарха — высшая заслуга в жизни. Согласно учению талмудического иудаизма, «лучшего из гоев (христиан) убей, самой красивой змее размозжи голову!». В талмудическом трактате «Соферим» недвусмысленно рекомендуется: «Справедливейшего из акумов (христиан) лиши жизни». «По заслугам воздается тому, — заявляется в «Зогаре», — кто в силах освободиться от этой партии (еврейских противников), или навеки прославится тот, кто сумеет избавиться от нее и сокрушит ее; и спросил рабби Хецкия: а как сокрушить ее? И открыл уста свои р. Иегуда и рек: борись! Что это за борьба? — Конечно, борьба с тою нечестивою частью, с которой обязан бороться каждый человеческий сын (т. е. еврей); так ведь и Иаков относился к Исаву, а Исав принадлежал к этой части; когда было нужно, он действовал против Исава лукавством. Да, воюй с нею, не покладая рук, пока не установится должный порядок (пока все земные народы не станут рабами нашими). Потому-то я и утверждаю: великая награда тому, кто сумеет освободиться от этой части, кто сумеет подчинить ее себе[2].

По свидетельству крещеного еврея Сикста Сиенского, Талмуд обязывает каждого иудея находиться в постоянной борьбе с Христианским миром, желать гибели его Царей и владык. Сикст, в частности, приводит одно из правил Талмуда: «Мы приказываем, чтобы каждый еврей проклинал три раза в день весь христианский мир и молил Бога посрамить и истребить его со всеми царями и князьями; священники в особенности должны возносить эту молитву в синагоге по ненависти к Иисусу[3].

Совершенно очевидно, что, по учению Талмуда, истребление Христианских Царей — необходимое промежуточное условие на пути к установлению мирового господства иудеев.

После уничтожения Христианских Монархов, выполняющих роль Удерживающего, христианские народы станут легкой

---

[1] Подробнее об этом см. в моих книгах «Загадка Сионских протоколов» (М., 1999; 2-е изд. 2004) и «Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против Христианской цивилизации» (М., 1998; 2-е изд. 2004).

[2] Цит. по: Россия перед вторым пришествием. М., 1994. С. 195.

[3] Sixt Siens Bibliotheca sancti ordin. 1. Paris, 1810. P. 124.

добычей «избранного народа». Тогда, согласно Талмуду, придет иудейский царь — мессия (по христианским понятиям — антихрист), который раздавит всех неевреев колесами своей колесницы: в это время будет великая война, во время которой погибнет две трети народов. Иудеи-победители затратят семь лет на сожжение оружия побежденных. Эти последние подчинятся иудеям и поднесут им богатые дары, но царь-мессия не примет дани неевреев, которые все должны быть уничтожены. Все неисчислимые богатства народов перейдут в руки иудеев. Богатства же царя-мессии будут столь велики, что одни ключи для запирания складов, где они будут храниться, составят груз, который под силу только тремстам вьючным животным; что же касается простых иудеев, то самый незначительный из них получит 2800 рабов. После истребления неевреев глаза оставшихся просветятся: они попросят обрезания и одежду посвящения — мир будет населен исключительно иудеями[1].

Второй головой трехголовой гидры, покушавшейся на Христианского Царя, было масонство, одно из порождений талмудического иудаизма. Подобно иудаизму масонство основывается на учении об «избранном народе», «имеющем право» на мировое господство. Масонство включает в себя не только иудеев, но все масоны по своей сути являются духовными иудеями. Члены масонских лож считают себя участниками строительства храма Соломона. Каждый вступающий символически преобразовывается в иудея, наружным показателем чего является символический процесс обрезания, производящийся над ним. Каждый вступающий должен символически «умереть», отрешиться от всех человеческих качеств, какие он имел до вступления в вольные каменщики. Над ним производится церемония погребения, а затем в пышной и торжественной форме его вновь пробуждают («воскрешают») к новой жизни, где царствует закон Хирама — иудея, строителя храма Соломона. Далее, при посвящении в более высокие степени, пьют еврейскую кровь, хранящуюся для этой цели в вине. Этот ритуал крови выполняется не символически, а действительно — посвящаемый в высшую степень должен на самом деле выпить из сосуда с вином кровь «братьев» одной и той же (высокой) степени, как живых, так и давно умерших. Этот ритуал преследует установление братства с евреями по крови.

---

[1] Мокшанский В.М. Сущность еврейского вопроса. Буэнос-Айрес, 1957. С. 38—39.

Подобно талмудическому иудаизму, масонство ставит своей целью уничтожение Христианской Церкви и Христианской Государственности. На языке масонов это называется революцией.

«Масонство, — утверждалось в одном из руководящих документов мирового масонства, — не признает ни Монарха, ни священнослужителей, ни Бога... Масонство — это непрерываемая революция в действии, не что иное, как непрерываемая конспирация, направленная против политического и религиозного деспотизма... Для нас, облеченных высшей властью, человек сам по себе является одновременно Богом, первосвященником и монархом... Вот высшая тайна, ключ нашей науки, вершина посвящения. Таким образом, масонство является совершенным синтезом всего, что человечно, и значит — Богом, первосвященником и монархом человечества... Вот чем объясняется его универсальность, его живучесть и его могущество. Что же касается нас, великих начальников, мы представляем собой священный батальон величественного патриарха, который, в свою очередь, является богом, первосвященником и монархом масонства»[1].

Революция, писал известный масон Папюс, «суть применение конституции масонских лож к обществу». Масонство сосредоточивает усилия всех революционных умов для свержения Христианского миропорядка и ликвидации священников и монархов. «Настоящий масон не может быть монархистом»[2]. «Носители государственной власти — враги масонства, так как государственная власть — более страшный тиран, нежели Церковь»[3].

По заявлению масона Лемми, «необходимо, чтобы лица, составляющие правительство, были нашими братьями-масонами или были лишены власти»[4]. Следуя этому постулату, масоны были главными организаторами убийств Христианских Монархов от Людовика XVI до сербского короля Александра.

Третьей головой гидры цареубийства был социализм и его высшее выражение — еврейский большевизм. Социализм, наряду с иудейско-масонским капитализмом, был, по словам рус-

---

[1] Архив Гуверовского института (далее — АГИ), фонд Б.И. Николаевского, 273—277.

[2] Memoires de Suprême Conseil de France, 1897. № 97. P. 54.

[3] Акация. 1903. С. 861.

[4] Бюллетень Великого Востока Франции, 1893. С. 478.

ского мыслителя Лосева, одной из сторон развертывания сатанинского духа неприятия христианской цивилизации.

Почти все самые значительные основоположники и вожди социализма были евреями по происхождению (К. Маркс, Ф. Лассаль, М. Гесс) или масонами (Гарибальди, Мадзини, Бакунин, Кропоткин), т. е. иудеями по духу, последователями мессианской утопии построения «высшего общества» на началах иудейского учения об «избранном народе». Даже К. Маркс, открыто презиравший иудаизм и его последователей за «реакционный национализм», в своих социалистических теориях сохранил все антихристианские, богоборческие принципы иудаизма, только перефразировав их.

Его идеи создания справедливого коммунистического общества во всем мире представляли собой модификацию мессианских ожиданий. Хотя в теории Маркса ничего не говорилось о руководящей роли евреев в этом процессе, сам характер предполагаемой «работы» неминуемо требовал для ее исполнения людей определенного, талмудического склада мысли. Социализм и коммунизм являлись как бы первым этапом к установлению господства иудаизма, т. е. царства антихриста. Социализм превращался в орудие окончательного уничтожения Христианства и формирования атеистического, антихристианского сознания.

Еврейское требование земного блаженства в социализме К. Маркса сказалось в новой форме и в совершенно другой исторической обстановке. «Учение Маркса внешне порывает с религиозными традициями еврейства и восстает против всякой святыни. Но мессианскую идею, которая была распространена на народ еврейский, как избранный народ Божий, Маркс переносит на класс, на пролетариат. Этот новый народ избранный — пролетариат под водительством «специфически еврейских пророков и освободителей» стремится осуществить исконное еврейское чаяние рая земного. И в современном социализме мы находим те же черты, что и в древнем иудаизме. Та же страстная нетерпимость к инаковерующим, то же пренебрежение судьбой человеческой личности во имя коллектива»[1].

Талмудическую доктрину о неизбежности мирового господства «избранного народа» и построении всемирного иудейского царства Маркс трансформировал в теорию всемирной револю-

---

[1] Меллер-Закомельский А.В. Страшный вопрос. О России и еврействе. Париж, 1923. С. 40.

ции, установления диктатуры класса для создания высшего общества. Как и талмудический иудаизм, социализм Маркса предполагал широкие меры насилия и террора против всех противников господствующего класса («избранного народа»).

В этом смысле более последовательным и честным, чем Маркс, был Мозес Гесс, подлинный создатель социализма с еврейским лицом.

Друзья называли Гесса «рабби-коммунист Мозес». Всемирная революция будет только тогда успешной, когда ее будут возглавлять иудеи-талмудисты. Окончательное спасение человечества, утверждал он, придет от евреев. Как писал видный современный сионист Г. Фиш, «для него (Гесса. — *О. П.*) сионизм (хотя тогда этого термина еще не было. — *О. П.*) был высшей точкой либеральных революций девятнадцатого века, но и в какой-то степени их антитезой. Сионизм объединит религию и историю; материальное и духовное сольются и образуют идеальное единство. Осуществятся национальные чаяния, поднявшиеся до уровня мирового спасения»[1].

Главная цель всех революций, утверждал в середине XIX века Гесс, — возрождение Израиля на его земле. Когда Израиль вновь обретет свое истинное призвание в господстве «избранного народа» над человечеством, «исторический процесс завершится окончательным избавлением и будут достигнуты цели всех других революций»[2].

Гесс считал еврейскую революцию главной силой человеческого прогресса. Иудаизм представлялся ему не как религия отжившая, преодоленная великим Светом Христианства, а как ее преемник. Высшая фаза иудаизма еще не наступила, но именно она принесет избавление человечеству. Весь мир «нуждается» в возрождении Израиля. Христианство, по утверждению Гесса, никогда не вело человека к подлинному спасению, которое несет иудаизм. Эпоха Христианства подходит к концу; после французской революции XVIII века оно перестало влиять на события в Европе. Победа еврейской социалистической революции в мире неизбежна. Главной целью социалистической революции в монархическом государстве является свержение монархии и убийство законного монарха. Не все социалисты провозглашали эту цель публично, но все принимали и одобряли ее в своем кругу. Первые истинные социалисты — Гарибаль-

---

[1] Фиш Г. Еврейская революция. М. — Иерусалим, 1993. С. 50.

[2] Там же. С. 59.

ди и Мадзини — декларировали лозунг цареубийства, открыто призывая своих сторонников покончить с тиранами, разумея под ними законных Христианских Государей — царей и королей.

ГЛАВА 2

Святополк Окаянный и католический заговор против Руси. — Попытки окатоличить Русь. — Убийство князей Бориса и Глеба. — Восстание против католических оккупантов. — Бегство заговорщиков и убийц в Польшу. — Прославление святых князей.

С момента принятия Христианства Русь стала самым серьезным препятствием на пути к мировому господству иудаизма. Отвергнув Христа, вожди талмудического иудаизма ведут непрекращающуюся работу против Православия и Святой Руси. Рука об руку вместе с ними идут римские папы. После отпадения от Православия католицизм, по сути, превращается в тоталитарную еретическую секту, на которую огромное влияние оказывает иудаизм[1].

Именно интриги иудаизированного католицизма стали первой причиной убийства русских Государей свв. князей Бориса и Глеба, сыновей Великого князя Владимира.

Свв. князья Борис и Глеб были истинными христианскими князьями. Древние источники сообщают, что князь Борис отличался мужеством, силой, красотой, милосердием и щедростью. Отец, бояре, дружина и народ любили его. Он хорошо знал Божественные книги, а князь Глеб в детстве любил слушать его чтение. Борис и Глеб получили от отца в управление соответственно Ростовское и Муромское княжества[2].

Совсем иным человеком был их брат князь Святополк, получивший прозвание Окаянный. Ненавидевший истинное

---

[1] Подробно об этом — в моей книге «Терновый венец России. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против Христианской цивилизации» (М., 1998; 2-е изд. 2004); слабые искорки христианского вероучения, тлевшие в глубине золы католицизма, были окончательно потушены, когда римский папа-масон Иоанн Павел II заключил открытое соглашение католиков с иудеями. Из всех официальных документов исключается любое упоминание об убийстве Христа иудеями, о надругательстве «сынов дьявола» над Спасителем.

[2] Жития русских святых. 1000 лет русской святости. Собрала монахиня Таисия. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1991. Т. 2. С. 67.

Христианство, злобный, деспотичный, он мечтал захватить власть на Руси в свои руки. Святополк женился на дочери польского короля Болеслава Храброго, покровителя иудеев, стремившегося присоединить русских людей к католической секте. От отца Святополк получил Туровское княжество. Вместе с католической женой он привез в Туров католического епископа Кольбергского Рейнберна, поставившего своей целью обратить русских людей в католицизм. Поддерживаемый Болеславом и Рейнберном, Святополк Окаянный готовит заговор против своего отца Великого князя Владимира для насаждения католицизма на Руси. Но Великий князь узнал о преступных замыслах Святополка Окаянного и велел заключить его вместе с женой и католическим епископом в темницу. В хронике Дитмара сообщается, что Болеслав предпринял поход на Русь и воевал с Владимиром. Незадолго до своей смерти Великий князь Владимир неосторожно отпускает Святополка из темницы и сажает его на княжение недалеко от Киева в Вышгороде. После смерти Владимира Святополк Окаянный захватывает власть в Киеве, пытаясь подкупить не любивших его киевлян. Вместе со Святополком в Киев приходит большое количество католиков и иудеев, которые подговаривают его расправиться с братьями Борисом и Глебом, пользовавшимися среди киевлян большой популярностью.

Святополк Окаянный и сам ненавидел Бориса и хотел его убить. Он подсылает к Борису убийцу. Борис знал это[1]. Знал он и то, что весь Киев и вся великокняжеская дружина — 8000 человек, которая была с ним, хотят видеть Великим князем не всеми не любимого Святополка, а его — Бориса. И когда пришел к нему посол от Святополка со словами: «Брат, я хочу с тобой жить в мире и увеличу твою часть в отцовском наследии», — то понял, что в этих словах — ложь. Воины сказали ему: «Иди и сядь на великокняжеском престоле, ибо все войско у тебя!» Князь Борис знал, что ему грозит смерть, но он был христианином и хотел поступить по Евангелию. И он ответил воинам: «Не подниму руку на брата своего, да еще старшего, которого мне следует почитать за отца!» Тогда воины поняли, что защищаться он не будет, и все разошлись, и кн. Борис остался один с немногими отроками (приближенными слугами). Одно-

---

[1] Здесь и далее описание убийства Бориса и Глеба дается по: «Жития русских святых». Т. 2. С. 65—71.

го из них он послал к Святополку и велел сказать ему: «Ты будь мне отцом, ты — брат мне старший!» Но Святополк уже послал к нему из Вышгорода убийц. Отрока он удержал у себя. Был вечер субботы. Борису дали знать, что его хотят убить. В сильной печали вошел князь в шатер и велел служить вечерню. Ночью пришли убийцы и обступили шатер. В это время священник пел утреню, а Борис читал шестопсалмие. Что убийцы пришли — он знал и не прерывал чтения: «Что ся умножиша стужающие ми? Мнози восстают на мя... яко стрелы Твоя унзоша во мне, яко аз на раны готов, и болезнь моя предо мною есть выну... Господи, услыши молитву мою, и не вниди в суд с рабом Твоим, яко не оправдится пред Тобою всяк живый...» А убийцы стояли и слушали. Окончив шестопсалмие, князь Борис стал читать Псалтирь и канон. Утреня окончилась. Князь Борис обратился к образу Спасителя и сказал: «Сподоби меня принять страдание это не от врагов, а от моего брата. Не поставь ему, Господи, сего в вину!» И, сказав это, он лег на постель. Тогда в шатер ворвались убийцы и пронзили его копьями. С ним вместе убили они и верного отрока его Георгия, пытавшегося защитить его своим телом. Этот Георгий был одним из трех братьев-венгров, служивших князю Борису. Два других брата были в это время в отлучке. Георгий носил на шее золотую гривну, пожалованную ему его господином. Чтобы снять ее, убийцы отрубили ему голову. Ее нашел потом брат его, впоследствии ставший прп. Ефремом Новоторжским (28 янв.), который завещал погрести ее в своем гробу. А тела Георгия не нашли. Известно одно явление убиенного отрока. Третьим братом был прп. Моисей Угрин, скончавшийся в 1043 г. (26 июля).

Раненый князь выбежал из шатра. Убийцы окружили его, и он обратился к Богу с последней молитвой: «Ты, Господи, виждь и рассуди меня с братом моим, не поставь ему в вину греха сего, и приими с миром душу мою!» И, сказав это, обратился к убийцам: «Братья, приступити и кончите повеленное вам!» Тогда они завернули его, истекавшего кровью, в шатер, положили на повозку и повезли. Но, узнав, что брат его еще жив, Святополк послал двух варягов, и они пронзили сердце святого князя мечами.

Было это 24 июля 1015 года. Тогда Святополк послал сказать князю Глебу: «Иди скорей, отец зовет тебя, он очень болен!» Глеб, всегда послушный отцу, вскочил на коня и с небольшой дружиной помчался на зов. Недалеко от Волги конь его ос-

тупился и повредил себе ногу. Около Смоленска, когда он пересаживался на реке Смядынь в лодку, встретили его посланцы брата его князя Ярослава Новгородского, предупрежденного сестрой их княжной Предиславой. «Не ходи, — писала она ему, — отец твой умер, а брат убит Святополком». «Увы мне, — воскликнул князь Глеб со слезами, — лучше мне было бы умереть с братом, чем жить на этом свете! Зачем я остался один? Где твои слова, которые ты говорил мне, брат мой любимый! Больше я не услышу твоих тихих наставлений! Если ты получишь дерзновение у Бога, помолись обо мне, чтобы и я принял ту же смерть. Лучше мне было бы с тобою умереть, чем жить в этом обманчивом свете!»

Показались убийцы, посланные Святополком. Их было много. Долго гнались они за князем Глебом на лодках. Когда они приблизились, св. Глеб упросил своих спутников не браться за оружие и не противиться, говоря, что при покорности они просто отведут его к брату, а при сопротивлении всех порубят. По просьбе святого спутники его высадились на берег, с жалостью обращая свои взоры на блаженного, который остался посреди реки с отроками. Враги захватили его лодку. Свирепый Горясер закричал повару святого: «Бери нож и зарежь господина твоего, иначе погибнешь сам». Повар, родом из Торков, возможно тайный иудей, не так, как венгр Георгий, павший за Бориса, вынул нож, взял Глеба за голову и перерезал горло блаженному, подобно незлобивому агнцу. Было это 5 сентября 1015 года.

Тело закланного князя было брошено в пустынном месте между двумя бревнами. Над ним местные жители стали видеть дивное сияние и слышать ангельское пение. А сам святой князь стал являться старейшинам Смоленска, сияя, как молния.

Приемы и особенности совершения убийства свв. князей Бориса и Глеба свидетельствуют о том, что оно носило ритуальный характер. Своими мучениями святые угодники Божии тогда вымолили у Господа спасение Руси от иудаизма и католицизма. Отдав себя на заклание, они показали всему русскому народу, какая судьба его ждет под властью католиков и иудеев.

После этого преступления ненависть киевлян и всех русских людей к Святополку Окаянному усилилась беспредельно. Святополку не удалось осуществить свои замыслы насадить на Руси католичество. Против отступника и убийцы выступил новгородский князь Ярослав Владимирович Мудрый. В 1016 году

после поражения в битве при Любече Святополк вместе со своими католическими и иудейскими соратниками бежал в Польшу, где под руководством короля Болеслава организовал иностранную интервенцию в Россию. Захватив руками поляков Киев, он еще раз пытается окатоличить Русь. Польские войска расположились по городам Киевской земли, начались осквернения православных церквей. Но русские люди изгнали оккупантов, Ярослав Мудрый разбил войска Болеслава. Польский король бежал из России. В его обозе навсегда покинул Русь и сгинул где-то на Западе презираемый русским народом Святополк Окаянный. Как сообщает русская летопись (Воскресенский список), при Святополке Окаянном иудеи имели в Киеве великую свободу и власть. После бегства Святополка многие иудеи были изгнаны из Киева.

Заняв великое княжение в Киеве, Ярослав Мудрый стал искать могилу Бориса. Ее ему указали в Вышгороде, около церкви Св. Василия, а где тело св. Глеба, не знал никто. Наконец услышал Ярослав о чудесных знамениях около Смоленска и сейчас же сказал: «Там тело брата моего, святого Глеба!» Он послал за ним священников. Охотники указали им, где искать святые мощи. Князь Глеб лежал, как живой, и дикие звери не тронули его. Погребли его в одной могиле со святым Борисом.

Однажды один варяг нечаянно наступил на нее. Из могилы вырвался огонь и обжег его. Вскоре церковь Св. Василия сгорела, и надо было переносить тела свв. страстотерпцев в другое место. Тогда обнаружилось их нетление и начались чудеса и исцеления. Так, они явились хромому сыну садовника Миронега и исцелили его, причем перед ними убиенный отрок Георгий нес зажженную свечу. Являлись они всегда вместе, в виде молодых вооруженных воинов в воинских доспехах.

Тогда Великий князь Ярослав воздвиг во имя их в Вышгороде церковь и хотел перенести в нее их святые мощи. Он же приказал написать их икону. Но антирусские силы в Константинополе долгое время препятствовали прославлению свв. Бориса и Глеба. Оно состоялось только 24 июля 1078 года, в день убиения св. Бориса, уже после кончины Ярослава Мудрого.

Своей мученической кончиной свв. князья Борис и Глеб надолго задержали наступление католицизма на Святую Русь. Их дела стали примером христианского противостояния католицизму и иудаизму. Противоречие между Православием и католицизмом решилось в пользу Православия.

ГЛАВА 3

Перенос государственного и духовного центра развития Руси из Киева во Владимир. — Знамение Пресвятой Богородицы. — Андрей Боголюбский и усиление Русского государства. — Противостояние антирусских сил. — Убийство Андрея Боголюбского. — Заговорщики-иудеи Анбал и Офрем Моизович.

Русские летописи и документы свидетельствуют, что убийства русских Государей, Великих князей, Царей всегда происходили на поворотных пунктах нашей истории, когда перед страной стоял выбор направления развития. Так, убийство Бориса и Глеба произошло в тот момент, когда Русь пытались столкнуть с пути Православия в иудаизированное католичество. Если бы Святополк Окаянный сумел захватить великокняжеский престол в Киеве, то Русь была бы окатоличена, а значит, погибла, превратившись в аморфное образование, вроде декоративных государств Польши или Чехии, растворивших свою самобытность в иудаизированной цивилизации Запада. Убиенный Святополком Окаянным князь Борис не стал Великим князем, как того хотели киевляне. Но своей смертью он не дал и Святополку захватить власть и исполнить свой замысел. Своей смертью св. Борис попрал готовящуюся Святополком духовную смерть Руси.

Сходная ситуация исторического выбора возникла на Руси в середине XII века. В это время государственный и духовный центр Руси перемещается из Киева во Владимир. Указание о переносе этого центра было дано Самой Пресвятой Богородицей. В то время Великим князем был Юрий Долгорукий. Своего старшего сына Андрея он посадил на княжение в Вышгороде. Андрей славился мудростью в государственных делах, отличался смелостью и мужеством. За любовь к Богу и Божией Матери летопись называет его Боголюбивым.

В соборе Вышгорода, где правил Андрей, находилась чудотворная икона Божией Матери, присланная Константинопольским патриархом. По преданию, она была написана евангелистом Лукой на доске стола, за которым сидел Спаситель. Увидев эту икону, Пресвятая Богородица сказала: «Отныне ублажат Мя вси роди. Благодать Рождшагося от Меня и Моя с сей иконой да будет!» Св. князь Андрей особенно чтил эту икону и часто молился перед ней. Но однажды утром увидели, что святая икона сошла со своего места и стоит на воздухе. На другое утро то же явление повторилось. Князь Андрей решил, что это знак

благоволения Божией Матери к его желанию. Ночью, тайно, он взял святую икону и повез ее в Ростов. Но когда отъехали 10 верст от города Владимира, икона стала и не захотела идти дальше. Ночью князю Андрею явилась Пресвятая Богородица и сказала ему, что местопребыванием своей иконы Она избирает Владимир. Князь Андрей был поражен. Он не любил старых городов — Ростова и Суздаля. Они управлялись боярским вечем (собранием), которое не считалось с князьями и притесняло бедных, которые назывались «младшими людьми».

Город Владимир, основанный св. равноапостольным Великим князем Владимиром, был населен именно этими «младшими людьми», ремесленниками, пришедшими с юга. Князь Андрей горячо любил этот город, и владимирцы отвечали ему тем же. И вот Сама Царица Небесная избирает его любимый город!

Князь Андрей поспешно вернулся во Владимир, и через два года был уже готов чудный собор во имя Успения Божией Матери, для Ея святой иконы, которую стали с тех пор называть Владимирской.

В том же 1157 году скончался в Киеве Великий князь Юрий Владимирович, и князь Андрей провозгласил себя Великим князем Владимирским. Незначительный прежде, маленький городок Владимир стал стольным городом. Великий князь Андрей расширил и украсил его. Своего предка, св. равноапостольного Великого князя Владимира, он горячо чтил и старался подражать ему, особенно теперь, став Великим князем: он приказывал всюду отыскивать бедных, посылал им возами все необходимое для жизни, сам посещал бедных, ласкал и целовал прокаженных. А от Владимирской иконы Божией Матери в изобилии потекли чудеса. Великий князь Андрей Юрьевич брал ее с собой в походы и молился перед ней. После его победы в 1167 году над волжскими болгарами от Владимирской иконы Божией Матери и Св. Животворящего Креста заблистал свет. В тот же день видел свет от Креста Господня греческий Император Мануил и одержал победу над сарацинами. В память этих событий оба Государя согласились установить 1 августа праздник в честь Происхождения Древ Креста Господня. При Великом князе Андрее Юрьевиче был установлен на Руси праздник в честь Покрова Пресвятой Богородицы, и Андрей соорудил для этого праздника на реке Нерли прекрасный храм, существующий до сих пор. А праздник этот стал любимым всего русского народа[1].

---

[1] Жития русских святых... Т. 2. С. 14,15.

В правление Андрея Боголюбского складываются начала, которые в дальнейшем получили развитие в Московском государстве: укрепление Самодержавия и единовластия Православного Царства, борьба с сепаратизмом боярства, единение Церкви с государством, распространение русского народа на восток. Андрей Юрьевич распорядился составить сказания о чудесах чудотворной иконы Божией Матери во время победоносного похода на волжских болгар (среди которых жило особенно много иудеев), справедливо придав ему значение всемирно-исторического события, связанного с общим походом православных против неверных. Великий князь Андрей вытесняет всех, кто противился укреплению централизованной власти, жестко противостоит языческим, иудейским и католическим элементам. От того, насколько последовательно он проводил свою политику, во многом зависела дальнейшая судьба Русского государства.

Силы, враждебные Руси, организуют убийство Великого князя. Среди убийц было по крайней мере двое иудеев — Анбал и Офрем Моизович. Убийство произошло в ночь с 28 на 29 июня 1174 года. Оно описывается в летописи, приводимой Н. М. Карамзиным. В дружину Великого князя были допущены новообращенные христиане из болгар и евреев. Они-то и организовали это убийство, вместе со считавшими себя обиженными родственниками жены князя Иоакимом и Петром Кучковичами[1]. В числе заговорщиков находился доверенный князя — кавказский еврей-ключник Анбал, сыгравший в этом преступлении главную роль.

Заговорщики в числе 20 человек пробираются в покои Андрея Боголюбского. Страх перед князем так велик, что они не сразу решаются на преступление и возвращаются с полпути. Собираются в винном погребе, а затем уже в крепком подпитии снова поднимаются к ложнице князя.

Один из них кричит через дверь князю: «Господин! Господин!» — «Кто там?» — спрашивает Андрей Боголюбский. «Прокопий», — называют обманщики-заговорщики имя верного княжеского слуги.

Князь будит ночевавшего у его порога отрока-прислужника и спрашивает его: «Мальчик, послушай, ведь это не Прокопий».

Но заговорщики уже выламывают дубовую дверь. Князь

---

[1] Отец Кучковичей С. Кучкович был казнен отцом Андрея Боголюбского Юрием Долгоруким за государственные преступления.

бросается к месту, где у него обычно хранился его боевой меч, принадлежавший некогда св. Борису, и не находит его там. Оказывается, еще вечером предатель Анбал унес его.

Дверь падает, и пьяные заговорщики набрасываются на безоружного князя. Несмотря на свои 63 года, князь Андрей еще силен и разбрасывает убийц в стороны. Падает и гаснет светильник. Князя колют копьями, рубят саблями и мечами. В кромешной тьме заговорщики ранят друг друга. «Горе вам, нечестивые! — сказал Андрей. — Зачем уподобились Горясеру (убийце Бориса)? Какое зло я сделал вам? Если кровь мою прольете, Бог отомстит вам за мой хлеб». Наконец Андрей падает под ударами. Заговорщики думают, что князь убит, берут тело своего сотоварища, нечаянно убитого ими в схватке, и хотят удалиться, но, услышав стон князя, который поднялся на ноги и пошел под сени, останавливаются.

— Тише, — удерживает своих подельников Яким Кучкович. — Я слышал стон.

Схватив светильники, убийцы бросаются обратно в ложницу. Она вся залита кровью, но князя в ней нет.

— Погибли мы теперь!

— Станем искать поскорее.

Убийцы находят князя по кровавому следу, тянущемуся из ложницы в коридор, а оттуда на лестницу. Андрей Боголюбский пытается спрятаться за лестничным резным столбом. Заговорщики набрасываются на умирающего князя и добивают его. По свидетельству летописи, Петр Кучкович отрубил у мертвого правую руку[1]. Утром заговорщики убили княжеского любимца Прокопия и пограбили казну.

---

[1] В 1960-е годы советские ученые кощунственно нарушили покой св. мощей Андрея Боголюбского. Ими проведена экспертиза в Институте рентгенологии (Ленинград). Выводы этой экспертизы, подписанные проф. Д.Г. Рохлиным и В.С. Майковой-Строгоновой, приводятся ниже: «Картина убийства, описанная летописцами, в значительной мере совпадает с реконструкцией, сделанной нами на основании рентгенологического исследования скелета. В частности, на основании характера ранений было правильно распознано оружие нападавших: «и секоша и меци и саблями и копийные язвы даша ему» (летопись по Ипатьевскому списку). Довольно правильно был восстановлен порядок нанесения ударов. Мы не имели, однако, опорных пунктов, позволяющих считать, что заговорщики сначала лишь тяжело ранили Боголюбского, а добили его через некоторое время, когда он, очнувшись, нашел достаточно сил, чтобы доползти до сеней, оставляя за собой кровавый след и привлекая к себе стоном и криком. Мы не обнаружили повреждений в области ребер, о чем упоминается в одном из списков. Возможно, что копьем

Предательски и жестоко убив князя, убийцы надругались и над трупом, выбросив его даже без прикрытия в огород. Далее летопись повествует: «И нача плакать над князем Кузьмище (Кузьма — верный слуга князя): «Господине мой. Како еси не очютился (не отгадал) скверных ворогов своих? Или како не помыслил победити их, иногда побежая полки поганых болгар?» И так плакася; и приде Анбал-ключник... то бо ключ держаще от всего дома княжеского и надо всем волю дал бяше. И рече, возрев нань (на Анбала), Кузьмище: «Анбал — вороже, сверзи ковер или что-либо подослати или чем прикрыти господина нашего». И рече Анбал: «Иди прочь! Мы хочем выверзти псом». И рече Кузьмище: «О еретиче! Помнишь ли, жидовине, которых портех пришел бяше? Ты ныне в оксамите стоишь, а князь лежит наг; но молю тя: сверзи ми что-либо». И сверже ковер и корзно, и обвил его, и несе в церковь».

Но пьяные слуги заговорщиков не хотели отпереть церковь, и пришлось положить тело князя на паперти. Тогда Кузьма стал причитывать над телом князя: «Уже тебя, господин, и холопи твои знать не хотят; а бывало, придет ли гость из Царьграда или из иной какой-нибудь страны, из Руси ли, латынец, христианин или поганый, ты прикажешь повести его в церковь, в ризницу, пусть посмотрит на истинное христианство и крестится, что и бывало: крестились и болгаре, и жиды, и все поганые, видевши славу Божию и украшение церковное, сильно плачут по тебе, а эти не пускают тебя и в церковь положить». Два дня тело лежало на паперти, пока не пришел козьмодемьянский игумен Арсений, внес тело в церковь и отслужил панихиду. На 6-й день, когда волнение улеглось, владимирцы послали за телом князя в Боголюбово. Увидав княжеский стяг, который несли перед гробом, народ заплакал, припомнив, что за убитым князем было

был действительно нанесен удар в грудную клетку, однако без повреждения костной части ребер. Число ран, нанесенных Боголюбскому, несомненно, было больше, чем об этом можно судить лишь на основании скелета, ибо не каждый удар был связан с повреждением костей... Все летописцы отмечают, что Петр Кучкович отсек Боголюбскому правую руку. Однако на правой конечности нами не обнаружено «свежих» ранений, тогда как левая верхняя конечность была рассечена во многих местах: и в области плечевого сустава, и в среднем отделе плечевой кости, и в среднем и нижнем отделе предплечья, и в области пястных костей. Нужно считать, что летописцы — или по ошибке, или не желая сгустить краски и усилить эффект — отмечают, что Петр Кучкович, главарь заговорщиков, отсек Андрею Боголюбскому правую, а не левую руку» (Голубев Г. Раскрыта гробница. «Прометей», 1966. С. 376).

много добрых дел. Похоронили Андрея Боголюбского в построенной им церкви Богородицы.

Молва о коварном убийстве евреями любимого народом князя быстро распространилась по всей Руси, подняв волну ненависти к этим пришельцам. Народ восстал и стал избивать убийц и изменников.

Убив Великого князя, заговорщики не сумели захватить власть, а отвратили себя от русского народа. Своей мученической смертью Великий князь Андрей Боголюбский только укрепил власть, против которой выступили заговорщики. На владимирский престол пришел брат Андрея Михаил, а после его смерти — Всеволод, прозванный «Большое Гнездо». Великие князья стали называться Владимирскими. Великий князь Всеволод был дедом св. Александра Невского и родоначальником Великих князей и Царей, создавших единую Русь.

Придя к власти, Всеволод Большое Гнездо распорядился сейчас же разыскать убийц Андрея Боголюбского. Все они были схвачены и принародно казнены.

ГЛАВА 4

Ритуальное убийство Царевича Димитрия. — Союз католицизма и иудаизма против России. — Гришка Отрепьев. — Убийство Царя Федора Борисовича и Царицы Марии Григорьевны.

Очередным поворотным пунктом русской истории стали события, предшествовавшие Смутному времени. На стыке XVI и XVII веков происходит смена царствующих династий. В этом контексте ритуальный характер, по-видимому, носило убийство почитаемого Русской Церковью сына Ивана Грозного, Царевича Димитрия, Наследника русского Престола, последнего представителя царствующего рода Рюриковичей. Таинственная смерть Димитрия стала прологом трагических потрясений Государства Российского.

После смерти своего отца и воцарения Федора Иоанновича девятилетний Царевич Димитрий вместе с матерью жил в Угличе. 15 мая 1591 года Царевич был найден на дворе зарезанным. В городе ударили в набат. По колокольному звону собрался народ. В смерти Димитрия обвинили приставленных ко двору дьяка Битяговского, его сына и племянника Никиту Качалова. Все они были убиты народом на месте. Для расследования дела из Москвы прибыла специальная комиссия во главе с князем

В. И. Шуйским и Крутицким митрополитом Геласием. Комиссия сделала вывод, что Царевич сам себя зарезал в припадке падучей болезни во время игры в «тычку», когда в руках ребенка был нож. Вывод этот отрицается многими историками. Многие из них считают, что заказчиком убийства был Борис Годунов. Вот как они реконструируют день убийства. Исполнителями убийства стали отец и сын Битяговские и их родственник Качалов; подкупили также мамку Царевича, Василису Волохову, и сына ее, Осипа. Утром 15 мая 1591 года мамка повела Царевича гулять. Кормилица, движимая каким-то смутным предчувствием, не хотела его пускать. Но мамка решительно взяла его за руку и вывела Царевича на крыльцо. Там уже ждали его убийцы. Осип Волохов взял его за руку и спросил: «Государь, у тебя новое ожерелье?» Тогда Волохов ударил его ножом, но неудачно. Качалов и Битяговский бросились на него, зарезали и сбросили тело его с крыльца. В эту минуту на крыльце показалась ничего не подозревавшая мать Царевича, а через мгновение ударили в колокол, и возмущенный народ буквально разорвал убийц на части[1].

По вескому мнению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, загадка этого убийства заключается в том, что оно никому не сулило политических выгод. «Не говоря о Годунове, — отмечает владыка Иоанн, — который, разумеется, отношения к преступлению не имел ни малейшего, боярская верхушка тоже со смертью Наследника ничего не приобретала: во-первых, у Федора вполне мог родиться сын, его законный преемник на российском Престоле, а во-вторых, даже в случае пресечения династии, что казалось весьма маловероятным (кто мог предвидеть постриг Ирины?), боярство не имело никаких шансов на власть — народные волнения 1584 года в Москве это ясно доказывали». Смерть Царевича, считал митрополит Иоанн, могла быть выгодна только тому, кто стремился бы уничтожить саму Россию, нанося удар в наиболее чувствительное место церковно-государственного организма, провоцируя гражданскую войну и распад страны. «В связи с этим небезосновательной выглядит версия о религиозно-символическом характере убийства Царевича, олицетворявшего собой будущее православной русской государственности. Косвенными свидетельствами в ее пользу служат сегодня многочисленные доказательства ритуального характера убиения Святых Царственных

[1] Жития русских святых... Т. 1. С. 228.

Мучеников в Екатеринбурге в 1918 году». Весьма показательно также, что одним из претендентов на российский Престол в Смутное время был Лжедмитрий II — иудей по происхождению. Да и сам Лжедмитрий I (Гришка Отрепьев) поддерживался в своих притязаниях иудейскими кругами из окружения польского короля. Именно они выделили большую часть средств для похода на Москву[1].

История Дмитрия Самозванца — классический пример антирусской деятельности католицизма, завершившейся убийством законного русского Царя Федора Борисовича.

Никому не известный авантюрист и уголовный преступник Григорий Отрепьев бежал в Польшу, там стал выдавать себя за спасшегося Царевича Димитрия и тайно принял католицизм. Польские власти сразу же раскусили авантюриста, но решили не разоблачать его, а использовать в своих целях против России.

Ксендз Помасский связался с иезуитами и обратил их внимание на выгоды, которые может приобрести католическая церковь, поддерживая самозванца. Иезуитский орден с жаром взялся за дело. К Лжедмитрию были приставлены специальные советники. Папский нунций Рангони посылает в Рим донесение о «московском царевиче». Папа Климент VIII, несмотря на то что сразу же понял, с кем имеет дело, дал благословение на поддержку самозванца.

15 марта 1604 года Лжедмитрия приняли польский король Сигизмунд и папский нунций Рангони. Самозванец поцеловал королю руку и попросил его о поддержке в борьбе с законным русским Государем. В конце встречи польский король объявил, что признает самозванца «истинным царевичем», предоставляет ему денежную помощь и разрешает вербовать людей среди польско-литовских подданных для «добывания себе престола». После приема у короля самозванец появляется на улице польской столицы как признанный «царевич московский». Его сопровождает специальная свита из людей, выделенных королем.

Лжедмитрий причастился по католическому обряду. Перед отъездом папского нунция в Рим он принес письмо для передачи папе. В этом письме самозванец сообщал папе свою радость по поводу перехода в католицизм, просил оказывать ему свое покровительство и обещал ввести унию в Московском государ-

---

[1] По свидетельству иезуитов, Лжедмитрий II был евреем, тайным иудеем, учительствовал в Шклове, а затем служил писцом при Лжедмитрии I (Цареубийства. Гибель земных богов. М., 1998. С. 159).

стве, но говорил, что с делом надо повременить, а пока он должен оставаться тайным католиком.

В благодарность за поддержку самозванец обещал польскому королю передать половину Смоленского и шесть городов Сиверского княжеств. Своей любовнице (невесте) М. Мнишек Лжедмитрий обязался подарить Новгород и Псков «со всеми жителями, местами и владениями». Крупные земельные владения были обещаны ряду польских помощников самозванца.

Самозванец провел несколько встреч с руководителями иудейских общин в Польше. Обращаясь к ним за денежной помощью, он обещал им разрешить свободно селиться в России и предоставить особые привилегии. Так к осени 1604 года был создан тесный союз польской власти, католической церкви и иудейских кругов, ставивших своей целью под предлогом поддержки «московского царевича» ниспровергнуть Русский государственный порядок и Православие.

В октябре 1605 года объединенные антирусские и антиправославные силы вторглись на территорию России. Поход Лжедмитрия на Москву проходил под ликование католических и иудейских кругов. Польский король считал, что вскоре Россия станет католической, многие западные русские земли отойдут Польше, а на русском Престоле будет сидеть Царь, послушный папе римскому. В помощь самозванцу были приданы лучшие советники, а главное — отряды закоренелых польских головорезов и украинских казаков. На польские и еврейские деньги в Москве были подкуплены несколько бояр и дворян. Они распускали слухи, что в Москву идет спасшийся Царевич Димитрий. В покушении на жизнь Царевича Димитрия агенты самозванца обвиняли Бориса Годунова.

Несмотря на некоторые успехи, авантюры самозванца в первые месяцы похода терпели неудачу. 21 января 1605 года он был разбит при Добрыницах и вынужден отступить. Однако обстоятельства сопутствовали изменнику. 13 апреля скоропостижно умер Царь Борис, его Наследник, Царь Федор, не успел упрочить свою власть и вместо решительных мер стал колебаться.

1 июня 1605 года в Красном Селе подкупленные сторонники самозванца организовали сход, откуда его участники двинулись на Красную площадь, а затем, подстрекаемые агентами самозванца, ворвались в Кремль. Царь Федор Годунов и его близкие были заключены под стражу.

Подстрекаемый своими католическими советниками, Дмит-

рий Самозванец приказал убить законного русского Царя. 10 июня совершилось цареубийство.

Как пишет историк А. Нечволодов: «С семьей Царя Бориса покончили два отъявленных негодяя: Михаил Молчанов и Шерефединов; они взяли с собой трех дюжих стрельцов и в сопровождении князей Василия Васильевича Голицына и Рубец-Мосальского, лично пожелавших присутствовать при этой гнусной расправе, отправились в старый дом Бориса. Царица Мария Григорьевна была скоро задушена, но Царь Федор защищался отчаянно и был убит самым ужасным образом. Царевну же Ксению оставили в живых и отправили во Владимир, так как самозванец, узнав про ее красоту, приказал князю Рубец-Мосальскому сохранить ее для себя[1]. Народу было объявлено, что Федор и его мать от испуга сами приняли яд; такое же донесение было послано и Лжедмитрию в Тулу. Тело Бориса Годунова было вырыто из Архангельского собора и похоронено в убогом Варсонофьевском монастыре рядом с телами жены и сына»[2].

Цареубийце Дмитрию Самозванцу недолго пришлось продержаться на русском Престоле. Меньше чем через год после цареубийства он был в клочья растерзан собравшимся в Кремле народом, законная кара постигла и его католических и иудейских помощников. Почти никто из них не ушел живым с Русской земли.

ГЛАВА 5

Торжество гидры цареубийства в Западной Европе. — Иудейские корни нидерландской и английской революций. — Продажность Генеральных Штатов и английского парламента. — Изменник Оливер Кромвель. — Убийство короля Карла I.

В XVI — XVII веках происходит стремительное усиление разложения Западной христианской церкви. Иудаизированный католицизм постепенно двигался в сторону отрицания Христианской Монархии. Нидерландская и английская революции, убийство Христианского Монарха Карла I стали той чертой, за которой торжество гидры цареубийства в Западной Европе стало необратимым.

---

[1] Впоследствии она была изнасилована самозванцем.

[2] Нечволодов А. Сказание о Русской земле. М., 1997. Кн. 2. С. 758—759.

В Нидерландах и Англии впервые в мире влияние иудаизма достигло критического предела. Иудейские общины этих стран были самыми крупными, сплоченными и богатыми. Амстердам иудеи называют «своим новым, великим Иерусалимом», а торговый центр Лондона — Сити находился полностью в руках крещеных евреев. Используя деньги, иудейские вожди подкупают депутатов законодательных органов Нидерландов и Англии — Генеральные Штаты и парламент. Финансируемая иудеями нидерландская революция уничтожает Монархию в этой стране, предоставляет еще большие права иудейской общине. Цареубийства здесь не произошло, вероятно, только потому, что нидерландский Монарх, испанский король Карл V, находился в Испании, вне досягаемости восставших.

Иначе дело обстояло в Англии. Здесь король жил в своей стране и по мере роста влияния иудеев становился заложником так называемого Долгого парламента, изменившего своему королю и постепенно узурпировавшего его власть. Как писал еврейский историк В. Зомбарт, «в области английских финансов заметно господствует влияние евреев. В Англии денежные нужды Долгого парламента послужили первым толчком к привлечению туда богатых иудеев... в 1643 году их приток был особенно силен»[1].

Именно в 1643 году в Англии разгорелась кровопролитная гражданская война. Парламентскую армию финансировали богатые евреи. Парламент, узурпировавший в своих руках законодательную и исполнительную власть, сумел изолировать короля и лишить его поддержки извне. В 1646 году королевская армия была разбита, а сам Карл I оказался в руках изменников, возглавляемых Оливером Кромвелем.

Над королем было устроено судилище. Позорный спектакль с заранее известным концом. Кучка изменников во главе с Кромвелем, не имевшая законных прав, взяла на себя смелость судить и вынести приговор Монарху.

Обвинительный акт королю состоял из голословных утверждений, вызывавших у присутствовавших на «суде» зрителей возмущение и смех. «Это ложь! — раздался голос из толпы. — Половина, больше — три четверти народа Англии не согласны с этим! Оливер Кромвель — негодяй и предатель».

«Я отвергаю это, сэр, — с достоинством сказал после зачте-

---

[1] Зомбарт В. Евреи и хозяйственная жизнь. СПб., 1912. Ч. 1. С. 12.

ния обвинительного акта Карл I. — Покажите мне законные основания для вашего суда, опирающиеся на слова «Божий», «Писание» или конституцию королевства... Помните, я ваш король. Мои полномочия, унаследованные по закону, вручены мне Самим Богом. Я не предал их, отвечая новой незаконной власти». Несмотря на давление и попытки запугивания, король держался мужественно и отказался признать законность суда и отвечать на обвинение.

Дальнейший ход судилища шел по программе, заранее составленной изменниками. Выступали лжесвидетели, «судья» Брэдшоу фальсифицировал факты, обходил моменты, подтверждавшие факты государственной измены О. Кромвеля и его окружения. Затем был зачитан «приговор», по которому король присуждался «к смертной казни через отсечение головы от тела».

Так как все было предрешено заранее, королю даже не разрешили сказать последнего слова.

«Отсечение головы от тела» короля состоялось 30 января 1649 года, через три дня после судилища. На площади перед Уайтхоллом сколотили помост, обтянув его черным сукном. Долго искали палача. Никто не хотел, даже за большие деньги, идти на это преступное дело. По преданию, совершить преступление вызвался какой-то иудей, поставивший условие не оглашать своего имени[1]. В день убийства он и его помощник были одеты в костюмы моряков. Они были в париках, лица скрыты масками и накладными бородами.

В последних словах перед казнью, которые слышала только охрана, Карл I еще раз обвинил парламент в измене, попенял подданным, что они дали обмануть себя изменникам; власть вручена ему свыше, и не его вина, что ее отнимают таким преступным способом. «Я умираю, — сказал Карл, — как мученик за народ».

Перед тем как его убили, «Карл снял с себя драгоценности и передал епископу. Затем с его помощью снял камзол и убрал под шапочку длинные развевающиеся и поседевшие волосы. Шагнул к плахе, опустился на колени, положил на нее голову и после краткой молитвы вытянул вперед руки в знак того, что готов к смерти. Палач одним ударом топора отсек голову. Его

---

[1] Архив Свято-Троицкого монастыря (Джорданвилль, США) (далее — АСТМ). Фонд Н.Ф. Степанова (Свиткова); материалы по истории иудаизма и масонства.

помощник тут же подхватил ее и высоко поднял в руке. Тяжелый страдальческий стон пронесся над толпой. Будто привычный мир треснул и раскололся, распался, перестав существовать. Толпу качнуло, люди бросились вперед, к помосту, чтобы омочить платки в священной королевской крови. Особа Монарха, Божиего Помазанника, внушала мистическое благоговение»[1].

В день убийства Карла I Христианский мир перешагнул роковую черту. В христианское сознание внедряется преступная мысль о возможности убийства Помазанника Божиего. Построенная на заветах Священного Писания, христианская иерархия оспаривается и постепенно разрушается. Более чем на два столетия Англия становится эпицентром развития сатанинских сил иудейских сект, установивших над этой страной полный контроль. Правящий класс Англии, и прежде всего лорды, превращается в подручных богатейших иудейских семей, выдвигавших из своей среды самых влиятельных людей английской политики.

Безусловно, все это происходило постепенно. Христианское сознание еще долго не могло примириться с иудейским отрицанием священной легитимности власти, Божественного происхождения власти Христианского Монарха.

Через 11 лет после убийства Карла I антихристианский диктаторский режим, установленный О. Кромвелем, был свергнут. Тела изменника, его зятя и соратника Айртона и «судьи» Брэдшоу были извлечены из усыпальницы в Вестминстере и повешены вверх ногами на Тайберне — месте позорных казней преступников из низшего сословия. Затем головы изменников и цареубийц были отсечены от туловищ и выставлены на шестах у Вестминстерского дворца.

ГЛАВА 6

Масонские ритуалы на крови английского короля. — Приговор европейским Монархам. — Французская революция. — Убийство королевской семьи.

Новым поворотным пунктом всемирной христианской и русской историй стал XVIII век. Сатанинские начала иудаизма и католицизма пополняются новым союзником зла — масонст-

---

[1] Цареубийства... С. 249.

вом. Талмудизм и латинская ересь получают развитие в идеологии масонских лож, враждебной Православию и Христианской Монархии.

Весьма закономерно, что развертывание первых масонских лож осуществляется в 1717 году в Англии, стране, народ которой впервые попустил убийство своего Христианского Монарха. Сатанинские действа первых масонов используют в качестве ритуального материала платки, омоченные кровью английского короля. В этих действах проводилась идея о торжестве иудейско-талмудических начал над христианскими. Из Англии масонство проникает в Нидерланды и другие страны Западной Европы. Ареал его распространения точно совпадает с географией размещения наиболее влиятельных иудейских общин.

Краеугольным камнем масонской идеологии является ненависть к Христианству и Христианской Монархии. Конечно, свои заветные мечты о цареубийстве и истреблении всех Монархов вольные каменщики доверяют даже не всем своим членам. На первых степенях (1—3 градусы) масонского посвящения члены лож могли и не знать о планах цареубийства. Подготовка к мысли о цареубийстве даже в масонской среде начиналась с пропаганды республиканской формы правления. Со второй половины XVIII века масоны независимо от того, к какому ритуалу они принадлежали, всегда проповедовали республику как лучшую форму правления. Настоящие монархисты и православные люди в ложи даже не допускались. Считалось, что каждый масон должен быть «хорошим республиканцем и свободомыслящим». «Настоящий масон не может быть монархистом»[1].

Истребление Монархий мыслилось масонами не только посредством цареубийства, но и путем масонского «перевоспитания» представителей монархических династий Европы. И на этом пути масонам удалось достичь значительных успехов. Уже в 1747 году в числе масонов находились император Франц I, принц Карл Лотарингский, брат императора, король Прусский Фридрих II, принц Уэльский и почти все германские князья; Генрих Бурбон, граф Клермонский, был великим мастером французского масонства с согласия короля Людовика XV, и все самые важные сановники Франции принадлежали к масонству. Во всей Франции не было ни одного значительного города, где

---

[1] Memoires de Suprême Conseil de France, 1897. № 97. P. 54.

бы не существовало у масонов своего «храма», опекаемого каким-нибудь родственником правящей династии.

Те же представители правящих династий, которые не поддавались масонскому перевоспитанию, становились возможными объектами цареубийства.

Самым последовательным проводником идеи цареубийства был масонский орден иллюминатов, созданный по образцу католического ордена иезуитов. Вся деятельность ордена осуществлялась в глубокой тайне, на основе жесткой дисциплины. Член ордена, нарушивший правила конспирации, как правило, подлежал ликвидации. Приказ начальников ордена, какой бы преступный характер он ни носил, немедленно исполнялся[1]. Считая других масонов недостаточно решительными для борьбы, глава иллюминатов ориентировал своих последователей внедряться в масонские ложи и близкие им организации, чтобы использовать их в своих целях.

Орден иллюминатов и связанные с ним масонские ложи становятся одним из главных двигателей трагических событий французской революции, кульминацией которой стало убийство короля и королевы.

«Дух масонства, — заявлял на одном из масонских съездов один из видных вольных каменщиков Сикар де Плозоль, — породил дух революционный. Эта наиболее ценная похвала, которую можно выразить масонской работе в прошлом»[2]. «Останется навсегда незабвенным, что именно французская революция осуществила масонские начала, выработанные в наших масонских храмах»[3].

«Масоны, — говорилось в декларации Великого Востока Франции, — подготовили Великую Революцию... на их долю выпала великая честь дать этому незабвенному событию формулу, в которой воплотились ее принципы: свобода, равенство и братство»[4].

«После 1789 года масоны разбрелись по клубам, — свидетельствует масон Брюнельер, — предались политической жизни, были избраны в народное представительство и зачислились в армию; некоторые ложи прямо обратились в клубы, даже не

---

[1] Подробнее об ордене иллюминатов см. в моей книге «Тайна беззакония» (М., 1998).

[2] Convent G. O. de France, 1913.

[3] Интернациональный Конгресс масонов в Брюсселе, 1910. С. 124.

[4] Акация.1910. С. 402.

изменяя своего названия, как ложа «Ле Серкле Социаль»... Время «споров» и «науки» миновало — надо было действовать»[1].

И масоны стали действовать. В феврале 1785 года на съезде масонов и иллюминатов во Франкфурте-на-Майне принимается решение об убийстве шведского короля Густава III, русской Царицы Екатерины II, Людовика XVI и Марии-Антуанетты[2].

Сведения об этом решении стали известны при французском Дворе, но им не придали значения, посчитав пустой угрозой. В правящих кругах Франции давно уже было известно о практике тайных обществ заранее объявлять о своих террористических намерениях в отношении Монархов и высших сановников. Вероятно, этим они преследовали цель распространить мнение о своей жуткой и непреодолимой силе. Пока власть французского короля была крепка, он только с презрением отмахнулся от этой угрозы. Однако дальнейшее развитие событий пошло по сценарию, разработанному в масонских ложах, и французская революция, начавшаяся в 1789 году на умеренных нотах конституционной монархии, в 1793 году пришла к злодейскому убийству короля и королевы и установлению одной из самых кровавых диктатур в истории человечества. Главной финансовой силой французской революции, так же как нидерландской и английской, были богатые иудейские общины. Они сыграли «выдающуюся роль в качестве поставщиков в эпоху революции»[3]. Другой еврейский историк Г. Грец приводит сведения о крупных суммах денег, пожертвованных евреями на революцию[4].

Масонские ложи организовали выпуск сотен памфлетов и листовок против королевской семьи и Христианства и бесплатно распространяли их среди молодежи и женщин. Большая часть этой литературы имела злостно клеветнический и откровенно непристойный характер. Главным объектом нападок масоны сделали королеву, приписывая ей самые немыслимые грехи и проступки, таким образом дискредитируя в глазах людей идею Монархии. То, что эта кампания была инспирирована иллюминатами, подтверждается участием в ней еврейского авантюриста, выступавшего под именем Калиостро. Этот авантю-

---

[1] Brunliere. De rolle de la F. M. Au XVIII siecle a Nantes.

[2] Свидетельства Безансонского архиепископа, кардинала Маттье и других видных французов (Луч света. 1921. № 3. С. 158).

[3] З о м б а р т В. Указ. соч. С. 53.

[4] Г р е ц Г. История евреев. Т. V. С. 189, 288.

рист, занимавший высокое положение в разных масонских орденах, являлся одновременно и розенкрейцером, и иллюминатом. История с бриллиантами кардинала Рогана, к которой королева фактически не имела отношения, была представлена с помощью Калиостро как пример безнравственности и алчности королевы.

Масонские ложи, особенно принадлежавшие к ордену Великий Восток Франции, стали главными закулисными дирижерами общественного мнения. Особую роль во французской революции сыграла парижская ложа «Девять сестер». На заседании этой ложи в 1789 году была произнесена речь, содержавшая призыв к Генеральным Штатам взять власть в свои руки, как это было во время английской революции XVII века[1].

К лету 1792 года силы, враждебные Христианству и Монархии, сумели восстановить против королевской семьи значительную часть жителей Парижа. 13 августа после сложных интриг и инспирированных иудейскими организациями и масонскими ложами конфликтов королевская семья была заключена в тюрьму, под которую была использована башня Тампль. Весьма символично, что эта башня являлась частью замка-монастыря, почитаемого масонами ордена тамплиеров, глава которого сатанист Жак Моле был сожжен на костре.

29 октября королевскую семью разлучили. Короля с сыном поселили на третьем этаже, а королеву с дочерью и золовкой — на четвертом. Первый и второй этажи занимали надзиратели и охрана. По всем признакам башня Тампль была настоящей тюрьмой. На массивных дверях — глазки для надзирателя, на окнах-бойницах — решетки, всегда прикрытые ставнями, на единственной винтовой лестнице с улицы на верхние этажи стояла многочисленная стража. С королевской семьей обращались грубо и бесцеремонно. Во время сентябрьских убийств революционерами лучших людей Франции к стенам башни приходили толпы подученных масонами санкюлотов и прочей деклассированной черни и требовали казни «тирана». Однажды, чтобы окончательно деморализовать королевскую семью, революционеры принесли под окна башни Тампль надетую на пику голову лучшей подруги королевы мадам де Ламбаль.

Якобинцы во главе с масоном М. Робеспьером и Парижская коммуна, руководители которой также состояли преимущест-

---

[1] Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем. М., 1990. С. 108—109.

венно из масонов, требуют казнить королевскую семью. Чтобы придать казни видимость законности, революционеры организуют процесс. По своему содержанию он напоминал судилище над английским королем Карлом I — спектакль с заранее известным концом. Обвинения против короля носили юридически нелепый характер. Людовик XVI обвинялся не столько в нарушении законов государства, сколько в нежелании признать право революционеров изменить эти законы своим произволом, прикрываясь якобы волей народа.

На закономерный вопрос к своим «судьям», какие законы он нарушил, неслись враждебные возгласы и брань. После дебатов в конвенте Людовик XVI был приговорен к смерти. 27 января 1793 года Людовик XVI, сохраняя достоинство и самообладание, взошел на эшафот. Перед тем как его убили, отрубив голову на гильотине, Людовик XVI сказал: «Я умираю невиновным в преступлениях, в которых меня обвиняют. Я прощаю всем, кто желал моей смерти, и молю Бога, чтобы кровь, которую вы собираетесь пролить, никогда не пала на Францию!..»

Масонским вождям, возглавлявшим французскую революцию, мало было убить короля. Они решили перевоспитать в духе революции его восьмилетнего сына Луи Шарля. Мальчика забрали у матери и отдали на воспитание в семью сапожника, женатого на служанке из трактира. Они обучили его петь революционные песни, носить фригийский масонский колпак с трехцветной масонской кокардой. Наследник французского престола (так он считался после убийства отца) научился пить вино, сквернословить, богохульствовать, проклинать королей и аристократов. За успехи в этих науках видный масон, вожак санкюлотов Эбер, подарил мальчику игрушечную гильотину. За короткий срок масоны превратили мальчика в «отребье рода человеческого», «масонское чудовище» (слова его тетки Елизаветы).

На судилище, которое организовали революционеры против его матери — королевы Марии-Антуанетты, они заставили мальчика подписать «показания» о том, что он находился в кровосмесительной связи со своей матерью, а также имел интимные отношения со своей теткой Елизаветой. Обвинения в совращении собственного сына, выдвинутые против Марии-Антуанетты, были только одним из эпизодов потока лжи и клеветы, использованных революционно-масонской юстицией. Наверное, не было ни одного серьезного преступления и порока, которые бы не инкриминировали бывшей королеве. Вволю

поиздевавшись над королевой, революционеры 16 октября 1793 года убили ее на гильотине.

Перевоспитанный масонами наследник французского престола Луи Шарль по-прежнему находился в тюрьме. Его не отпускали на волю, так как считали опасным для республики. Более того, использовав Луи Шарля в своих преступных целях на процессе против Марии-Антуанетты, масоны решили покончить и с ним. Мальчику были созданы невыносимые условия, революционные надзиратели всячески издевались над ребенком, изводя его насмешками, подвергали побоям. 8 июня 1795 года мальчик умер в тюрьме.

ГЛАВА 7

Король Густав III против революционной Франции. — Его призыв к походу против революционеров. — Интриги герцога Зюдерманландского. — Убийство Густава III. — Заговор против Густава IV Адольфа. — Свержение Христианской Монархии в Швеции. — Захват престола масонским герцогом.

Французская революция обострила линии разделения Христианского мира. Вышедшая из подполья ожесточенная ненависть иудеев, масонов и их соратников к христианам перешагнула все границы, достигнув самых далеких уголков мира. В Швеции в то время правил король Густав III, приверженец неограниченной монархии и вместе с тем номинальный глава шведского масонства[1]. Его царствование было одно из самых удачных в истории шведской монархии. Он успел провести ряд успешных национальных реформ, выдвинувших Швецию в число наиболее динамичных государств мира. Несмотря на то, что Густав III числился номинальным главою шведского масонства, реальным лидером в нем был его брат герцог Карл Зюдерманландский, один из самых влиятельных вождей вольных каменщиков того времени. Честолюбивый и тщеславный, герцог Зюдерманландский все время стремился к высшей власти. Не имея законных прав на шведский престол, он постарался путем интриг устранить с политической сцены законных правите-

---

[1] В Швеции с первых лет появления масонства возникла традиция покровительства масонским ложам самим монархом. Однако, как правило, сам монарх какого-либо серьезного участия в работе масонских лож не принимал, был только «свадебным генералом».

лей Швеции, сначала Густава III, а затем его сына Густава IV Адольфа.

Национальные реформы, которые проводил Густав III в русле просвещенного абсолютизма, не устраивали герцога Зюдерманландского и других руководителей мирового масонства. Противоречия усилились, когда Густав III проявил себя последовательным противником французской революции. Он задумал организовать крестовый поход против революционеров в поддержку французской Монархии. В своей стране он в 1789 году отдал приказ арестовать вождей дворянского сословия, большая часть которых были масонами. Чтобы не допустить революционных эксцессов, Густав III заставил созванный в Стокгольме риксдаг принять новый конституционный документ — «Акт единения и безопасности», дававший королю почти самодержавную власть. Таким образом, ему удалось выбить почву из-под ног революционно-масонских сил, планировавших организовать в Швеции революцию наподобие французской.

В 1791 году Густав III обратился к русской Императрице Екатерине II с предложением начать совместный поход во Францию для уничтожения врагов Христианской Монархии. Екатерина II поддержала шведского короля, хотя из-за войны с Турцией и проблем в Польше не смогла сразу же послать войска на разгром революционеров. В 1791 году был заключен русско-шведский союзный договор для войны с революцией. Швеция получила от русской казны денежную поддержку. Поговаривали также, что между Россией и Швецией была подписана секретная конвенция «по поводу восстановления равновесия в Европе и французской монархии».

Поход на революционную Францию должен был начаться к лету 1792 года, однако 16 марта этого года на Густава III было организовано покушение. Оно было совершено на бале-маскараде, проводимом в стокгольмской опере. Внезапно за спиной короля появился неизвестный человек в маске и черном домино. Им был ставленник масонских лож и так называемой аристократической лиги, состоявшей сплошь из масонов, отставной офицер Я.-Ю. Анкарстрём. Он выхватил пистолет и выстрелил в короля. Весь заряд попал королю чуть выше бедра. Впоследствии выяснилось, что заряд состоял не только из пули, но из дроби и даже ржавых обойных гвоздиков. В тяжелом состоянии король прожил еще более недели. Сразу же после покушения он назначил своим указом временное правительство во главе с герцогом Зюдерманландским, куда вошли и фавориты монарха

Г. Армфельт и генерал Э. Таубе, как и король, настроенные против французской революции.

Перед самой смертью Густав III составляет завещание, согласно которому власть в Швеции, до совершеннолетия его тринадцатилетнего сына Густава Адольфа, переходила герцогу Зюдерманландскому и правительству опекунов, куда включались Армфельт и Таубе. Рядом с комнатой умирающего короля находился герцог Зюдерманландский. Стоя у дверей, он попытался остановить статс-секретаря, который нес завещание королю на подпись, рассчитывая, что Густав III вскоре умрет. Однако статс-секретарь вошел в комнату и подписал завещание. Вскоре король скончался.

Тем не менее масоны нарушили волю умершего короля. На первом же заседании временного правительства верховный судья, высокопоставленный масон и друг герцога Зюдерманландского, заявил, что завещание не имеет юридической силы, так как на нем не хватает подписей свидетелей. Правительство опекунов было распущено, вся полнота власти перешла к герцогу Зюдерманландскому, поход на революционную Францию был отменен.

Почти все главные исполнители убийства были арестованы сразу же после покушения, еще при жизни короля. Конечно, следователям не удалось выйти на главных организаторов преступления, тем более на герцога Зюдерманландского. Однако часть организаторов все же была схвачена. В частности, удалось уличить одного из вдохновителей покушения — отставного генерал-майора К. Пеклина, антироялиста и друга якобинцев. Непосредственные участники заговора были пронизаны духом французской революции и ненавистью к Христианству.

После смерти Густава III расследование застопорилось. В качестве виновного казнили Анкарстрёма. Однако четверо заговорщиков — П. Лильехурн, Хурн, Риббинг и Эренсверд, — отсидев несколько месяцев в тюрьме, вышли на свободу и покинули Швецию.

Герцог Зюдерманландский, став правителем Швеции, начал проводить либеральную политику в масонском духе. Во внешней политике он открыто поддержал французскую революцию и сблизился с французскими цареубийцами.

В 1796 году, по достижении совершеннолетия наследника престола Густава IV Адольфа, герцог Зюдерманландский вынужден был уступить ему власть, но не переставал плести против него масонские интриги.

Сын убитого масонами короля Густав IV царствовал недолго. Его политика вызывала возмущение в масонской среде. Густав IV возобновил союз с Россией. В 1805 году примкнул к третьей коалиции против Франции, из ненависти к Наполеону не присоединился к Тильзитскому миру, отказался примкнуть к континентальной системе и запереть балтийские гавани англичанам. В 1809-м шведские масоны, возглавляемые герцогом Зюдерманландским, составили против Густава IV военный заговор. 13 марта 1809 года Густав IV был арестован и под страхом смерти принужден был отречься от короны для себя и своих потомков, а в декабре того же года изгнан из страны.

Масонские заговорщики провозгласили королем своего руководителя — герцога Зюдерманландского, который стал править под именем Карла XIII. Конституция страны была изменена, реальная власть в стране стала принадлежать масонским вождям и Государственному Совету из 9 членов. С этих пор Христианская Монархия в Швеции прекратила свое существование.

ГЛАВА 8

Герцог Зюдерманландский и русские масоны. — Интриги против русской власти. — Заговор против Екатерины II. — Масонское воспитание Наследника Престола.

Один из крупнейших деятелей мировой масонской закулисы герцог Зюдерманландский повинен не только в убийстве шведского короля Густава III, но и в многочисленных интригах и заговорах, целью которых было убийство русских Самодержцев.

В конце 1740-х — в 1750-е годы герцог познакомился, а затем близко сошелся с видным российским масоном, посланником в Швеции графом Н. И. Паниным, восторженным почитателем прусского короля Фридриха II. Находясь 12 лет за границей, Панин совмещает свою дипломатическую службу с регулярной работой в шведских и германских масонских ложах. Вместе с Паниным герцог Зюдерманландский разрабатывал невыгодный для России план Союза держав Северной Европы «Северный аккорд», в котором нашей стране отводилась роль зависимого сателлита. Шведский герцог и русский граф вынашивали идею создания в России и Швеции конституционной

монархии, в которой истинными руководителями будут «озаренные светом истины» масоны.

Вернувшись из Швеции, Панин с 1760 по 1773 год становится воспитателем Наследника Престола, сына будущих Екатерины II и Петра III, Павла Петровича.

Панин и его масонские соратники надеялись воспитать Павла I в масонском духе, а при восхождении его на Престол занять при нем ведущее положение и установить в России конституционную монархию. Еще в 1762 году Панин подготавливает проект создания так называемого Императорского совета, через который, по его мнению, должны проходить все документы, требующие подписи Царя. Без санкции этого совета ни одно из решений Государя не могло иметь законной силы. Совет мыслился в составе самых просвещенных вельмож, под которыми Панин подразумевал лиц, принадлежащих к масонским ложам.

В этом деле Панину способствовал его племянник князь А. Б. Куракин. Как родственник Панина, Куракин стал товарищем в играх и занятиях будущего Императора Павла I, и между ними завязались дружеские отношения, которые масоны стремились использовать в своих интересах. В 1773 году по рекомендации дяди Куракин вступает в масонскую ложу[1] и в том же году получает официальное назначение состоять при Наследнике Престола.

В 1772 году должно было наступить совершеннолетие Павла и он получал формальные права занять Престол.

Этим случаем решили воспользоваться масонские конспираторы. Ими подготавливается государственный переворот, во главе которого становятся дядя и племянник. Масоны ставят своей целью не только свергнуть Екатерину II, но и разрушить русский государственный порядок и, как в Швеции, передать реальную власть в руки масонских вождей.

Под руководством масона Н.И. Панина его секретарь, тоже масон, Д.И. Фонвизин составляет проект конституции, согласно которому отменялось русское Самодержавие. Как впоследствии писал в своих записках родственник Д.И. Фонвизина М.А. Фонвизин, слышавший об этом из первых уст: «Панин предлагал установить политическую свободу сначала для одного

---

[1] Впоследствии Куракин становится членом и руководителем многих масонских лож, в том числе, что весьма характерно, ордена иллюминатов и секты «Новый Израиль».

только дворянства в учреждении верховного Совета, которого часть несменяемых членов назначалась бы от короны, а большинство состояло бы из избранных дворянством из своего сословия лиц <...>. Сенат был бы облечен полною законодательною властью, а императорам оставалась бы исполнительная <...>. В конституции упоминалось и о необходимости постепенного освобождения крепостных крестьян и дворовых людей <...>. У меня был список с введения, или предисловия, к этому акту <...>, которое, сколько припомню, начиналось так: «Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Сию истину тираны знают, а добрые государи чувствуют. Просвещенный ясностию сея истины и великими качествами души монарх, приняв бразды правления, тотчас почувствует, что власть делать зло есть несовершенство и что прямое самовластие тогда только вступает в истинное величие, когда само у себя отъемлет власть и возможность к содеянию какого-либо зла» и т.д. Засим следовала политическая картина России и исчисление всех зол, которые она терпит от самодержавия»[1].

Известны и конкретные детали заговора против Екатерины: «В 1773 или в 1774 году, когда цесаревич Павел достиг совершеннолетия и женился на дармштадтской принцессе, названной Натальей Алексеевной, — граф Н.И. Панин, брат его, фельдмаршал П.И. Панин, княгиня Е.Р. Дашкова, князь Н.В. Репнин, кто-то из архиереев, чуть ли не митрополит Гавриил, и многие из тогдашних вельмож и гвардейских офицеров вступили в заговор с целию свергнуть с престола царствующую без права Екатерину II и вместо ее возвести совершеннолетнего ее сына. Павел Петрович знал об этом, согласился принять предложенную ему Паниным конституцию, утвердил ее своею подписью и дал присягу в том, что, воцарившись, не нарушит этого коренного государственного закона, ограничивающего самодержавие <...>. При графе Панине были доверенными секретарями Д.И. Фонвизин, редактор конституционного акта, и Бакунин, оба участники в заговоре. Бакунин из честолюбивых, своекорыстных видов решился быть предателем. Он открыл любовнику императрицы Г.Г. Орлову все обстоятельства заговора и всех участников — стало быть, это сделалось известным и Екатерине. — Она позвала к себе сына и гневно упрекала ему его участие в замыслах против нее. Павел испугался, принес ма-

---

[1] Из записок Фонвизина//Цареубийство 11 марта 1801. СПб., 1907. С. 127—129.

тери повинную и список всех заговорщиков. Она сидела у камина и, взяв список, не взглянув на него, бросила бумагу в камин и сказала: «Я не хочу знать, кто эти несчастные». Она знала всех по доносу изменника Бакунина»[1].

Очевидно, в заговоре были замешаны многие вельможи — члены масонских лож, и Екатерина II не решилась тогда выступать открыто против столь мощной и влиятельной организации.

Как повествуется дальше, «из заговорщиков никто, однако, не погиб. Граф Панин был удален от Павла с благоволительным рескриптом с пожалованием ему 5000 душ и остался канцлером; брат его фельдмаршал и княгиня Дашкова оставили двор и переселились в Москву. Князь Репнин уехал в свое наместничество в Смоленск, а над прочими был учрежден тайный надзор»[2].

Открытие заговора, отстранение Панина от Наследника, ссылка Репнина не остановили масонских заговорщиков. Они продолжают свои интриги, где, по-видимому, главным действующим лицом становится князь Куракин. В 1776 году он отправляется в Швецию, встречается там с герцогом Зюдерманландским и наделяется им специальными полномочиями по организации лож шведской системы. Самому Куракину дается высшая масонская степень и звание великого мастера шведской системы. Шведские масоны делают все, чтобы установить контроль над Наследником Престола.

В 1777 году в дело вступает сам шведский король Густав III, стоявший во главе шведского масонства. Он приезжает в Петербург и лично основывает там ложу под юрисдикцией Великой Ложи Швеции, но самое главное — через посредство Панина и Куракина добивается посвящения в нее Наследника русского Престола Великого князя Павла Петровича[3]. Конечно, происходит это в глубокой тайне.

Шведская Провинциальная Ложа выделялась порядком своей внешней организации. Кроме трех символических степеней, имелись еще четыре высших градуса, по которым работал Капитул «Феникс» в Петербурге. В этом городе имелось девять

---

[1] Из записок Фонвизина//Цареубийство 11 марта 1801. СПб., 1907. С. 127—129.

[2] Там же.

[3] ОА, ф. 730, оп. 1, д. 172, л. 4. Есть также версия, что Великий князь Павел Петрович был принят в ложу годом раньше, во время заграничной поездки (во Фридрихсвилде) или другой заграничной поездки в 1782 году (Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны. М., 1991. С. 49—50). Во всех случаях прием связан с участием князя Куракина.

лож, три в Москве, по одной в Ревеле, Кронштадте и Саратове. Имелась также военная ложа при южной армии.

Под контроль шведского масонства попадает большая часть русских лож, ранее контролируемых Германией. Видные государственные деятели, состоявшие в русских ложах, подчиняются шведскому королю.

Об этом, в частности, свидетельствует переписка 1777—1779 годов между масоном князем Куракиным и шведским герцогом Карлом Зюдерманландским, сохранившаяся в Особом Архиве[1]. Из нее явствует, что князь Куракин получал и выполнял инструкции руководителя страны, настроенной тогда отнюдь не дружественно к России.

В 1779 году герцог Зюдерманландский издает декларацию, в которой объявляет для всего мира Швецию девятой провинцией масонского ордена «Строгого Чина», приписав к ней в числе других местностей и всю Россию[2]. Дерзкий поступок масонского вождя вызвал возмущение русской Императрицы Екатерины II. Она приказывает ложи шведской системы закрыть, масонских эмиссаров герцога Зюдерманландского выслать из России, а князя Куракина сослать в саратовскую вотчину.

После этого конфликта масоны затаились, хотя и не отказались от своего намерения поставить под свой контроль Павла I. Граф Н.И. Панин ушел в тень, но не прекращал масонской работы, вплоть до своей смерти он оставался великим наместным мастером Великой Ложи Англии в России, в которой воспитал будущих убийц Павла I.

ГЛАВА 9

Павел I порывает с масонами. — Укрепление русской Монархии. — Подтверждение Указа о запрещении масонства. — Предсказание монаха Авеля. — Заговор масонских лож. — Убийство Императора.

Начало заговора масонов против Павла I, в результате которого Император был убит, следует датировать тем моментом, когда вольные каменщики окончательно осознали, что труды их «масонского просвещения» оказались напрасны.

С года принятия Павла I в масонскую ложу вольные камен-

---

[1] ОА. ф.1412, оп. 1, д. 5300.

[2] Масонство в его прошлом и настоящем. СПб., 1914. Т. 1. С. 152.

щики неустанно подталкивают его к мысли о необходимости установить в России конституционную монархию по образцу Англии.

За три дня до смерти, 28 марта 1783 года, Н. И. Панин беседовал со своим бывшим воспитанником, Наследником Престола, убеждая его в случае вступления на трон ввести в России конституционную монархию. Основные мысли, высказанные Паниным в этот вечер, Павел записал: «Очертив общий состав предстоящих реформ, — резюмирует эти записи летописец, — особо подчеркивалась необходимость «согласовать монархическую екзекутивную власть по обширности государства с преимуществами той вольности, которая нужна каждому состоянию для предохранения себя от деспотизма или самого государя или частного чего-либо». Должно различать власть законодательную и власть, законы хранящую и их исполняющую. Законодательная может быть в руках государя, но с согласия государства, а иначе без чего обратится в деспотизм. Законы хранящая должна быть в руках всей нации, а исполняющая — в руках под государем, предопределенным управлять государством». Затем обосновывалась мысль об учреждении выборного дворянского Сената как законы хранящей власти, уточнялись его компетенции, порядок его взаимодействия с Государем, структура, территориальное деление, полномочия должностных лиц и т.д.[1].

Очевидно, что первое время Павел склонялся в пользу исполнения замыслов руководителей масонских лож. Он принимает участие в некоторых ритуалах. Сохранилось несколько портретов Павла I, где он представлен на фоне масонских символов. На одном из портретов изображены всевидящее око в шестиугольной звезде, молоток, кирка, статуя богини Астреи, на шее у Павла — масонский золотой треугольник на голубой ленте. На другом портрете Павел в масонском переднике третьей степени шведской системы[2].

Однако, заняв Престол, Павел I не оправдал ожиданий масонов. Более того, вместо уничтожения Русской Православной Монархии он, наоборот, пошел на ее укрепление. В день своей коронации, 5 апреля 1797 года, он издает Указ о престолонаследии и об Императорской Фамилии. Он сделал Монархию выше воли человека, твердым учреждением которой соответствует ее

---

[1] Цит. по: П е с к о в А.М. Павел I. М., 1999. С. 253.

[2] Б а к у н и н а Т.А. Знаменитые русские масоны. М., 1991. С. 50.

идея — быть выразительницей неизменного религиозного идеала, выношенного православным народом.

Ставя закон о престолонаследии выше воли Монарха посредством присяги, которую каждый Монарх должен дважды приносить: при вступлении на Престол и при миропомазании, Император Павел выражал веру не в человека, свойственную закону Петра I, а в Промысл Божий. После своего коронования в Успенском соборе 5 апреля 1797 года Павел тут же присягнул сам изданному акту, который и был положен на хранение в Успенском соборе. В этом акте содержатся, кроме правил о престолонаследии, также правила о правительстве и опеке, о правах Императрицы, самостоятельно занимающей престол, есть также постановление о вере Государя, который назван Главою Церкви[1].

В тот же день издан был другой акт — Учреждение об Императорской Фамилии, содержащий в себе постановления: 1) о степенях родства в Императорском Доме, 2) о рождении и кончине Членов Императорского Дома и о родословной книге, 3) о титулах и гербах и прочих внешних преимуществах, 4) о содержании Членов Императорского Дома, 5) о гражданских правах Членов Императорского Дома и 6) об обязанностях Членов Императорского Дома к Императору. Акты эти были составлены еще в бытность Императора Павла Цесаревичем и подписаны им и его женой 4 января 1788 года; им был придан характер семейного закона, но по обнародовании их 5 апреля 1797-го им была сообщена санкция государственной власти и сила основных законов государственных.

Вместе с тем акт 1797 года явился этапом на пути установления в коренном вопросе — обеспечении непрерывности в преемстве верховной власти — принципа законности, являющегося жизненным нервом Самодержавного принципа в отличие от деспотической формы правления. Подчинение самой власти началам права содействовало развитию чувства законности и созданию долга повиновения, на котором держится власть. Законность в России — создание самой верховной власти, а не результат ее ограничения посторонними политическими факторами. Самый факт появления актов Высочайшей воли, в особой форме изданных и служащих неизменной, непоколебимой основой, неприкосновенной и для Монарха, послужил началом

---

[1] Зызыкин М. Царская власть и закон о престолонаследии в России. София, 1924. С. 94.

для дальнейшего развития законности в последующее царствование, в смысле установления различных форм для изъявления воли Монарха в порядке законодательном и исполнительном. Император Павел прежде всего нормировал порядок престолонаследия и порядок фамильного учреждения, соблюдать которые обязуются и клянутся при объявлении совершеннолетия их и Наследник Престола, и все лица, по крови к Императорскому Дому принадлежащие[1].

Одновременно с принятием законов, укрепляющих русскую Монархию, Павел I в том же 1797 году издает Указ, предписывающий применять закон 1794 года о запрете масонских лож со «всевозможной строгостью», и сам выходит из масонства. Из окружения Императора удаляются наиболее активные масоны, а сам он становится гроссмейстером Мальтийского ордена, который в то время находился во враждебных отношениях со значительной частью масонства. Павел ввел цензуру на ввозимые из-за границы книги, тем самым ограничив ввоз масонской литературы. Ненавидя революцию, презирая якобинцев, Павел начинает войну против революционной Франции, русские войска наносят поражение французам, освобождают от революции Италию. Эти действия Императора вызвали злобные нападки масонов. Все его поступки представляются в карикатурном виде, а его самого объявляют сумасшедшим. Масоны рассматривают его как предателя. Особенно враждебную позицию к нему занимают английские и шведские масоны.

О своей смерти от рук заговорщиков Павел I узнал заранее из предсказания монаха Авеля. На личной встрече Авель сказал Царю: «Царства твоего будет все равно что ничего: ни ты не будешь рад, ни тебе рады не будут, и помрешь ты не своей смертью».

Вещий монах открыл перед Павлом грядущие судьбы Государей из Дома Романовых. Вот как в пересказе русского писателя П.Н. Шабельского-Борка излагается история Царственных мучеников от Павла I до Николая II.

«Батюшка-Царь! — обратился к Павлу I Авель. — Коротко будет царствование твое, и вижу я, грешный, лютый конец твой. На Софрония Иерусалимского от неверных слуг мученическую кончину приемлешь, в опочивальне своей удушен бу-

---

[1] З ы з ы к и н М. Указ. соч. С. 94.

дешь злодеями, коих греешь ты на царственной груди своей. В Страстную Субботу погребут тебя... Они же, злодеи сии, стремясь оправдать свой великий грех цареубийства, возгласят тебя безумным, будут поносить добрую память твою... Но народ русский правдивой душой своей поймет и оценит тебя и к гробнице твоей понесет скорби свои, прося твоего заступничества и умягчения сердец неправедных и жестоких. Число лет твоих подобно счету букв изречения на фронтоне твоего замка, в коем воистину обетование и о Царственном Доме твоем: «Дому сему подобает твердыня Господня в долготу дней»...

— О сем ты прав, — изрек Император Павел Петрович. — Девиз сей получил я в особом откровении, совместно с повелением воздвигнуть Собор во имя Святого Архистратига Михаила, где ныне воздвигнут Михайловский замок. Вождю небесных Воинств посвятил я и замок, и церковь...

— Зрю в нем преждевременную гробницу твою, Благоверный Государь. И резиденцией потомков твоих, как мыслишь, он не будет. О судьбе же Державы Российской было в молитве откровение мне о трех лютых игах: татарском, польском и грядущем еще — жидовском.

— Что? Святая Русь под игом жидовским? Не быть сему вовеки! — гневно нахмурился Император Павел Петрович. — Пустое болтаешь, черноризец...

— А где татары, Ваше Императорское Величество? Где поляки? И с игом жидовским то же будет. О том не печалься, батюшка-Царь: христоубийцы понесут свое...

— Что ждет преемника моего, Цесаревича Александра?

— Француз Москву при нем спалит, а он Париж у него заберет и Благословенным наречется. Но тяжек покажется ему венец царский, и подвиг царского служения заменит он подвигом поста и молитвы и праведным будет в очах Божиих...

— А кто наследует Императору Александру?

— Сын твой Николай...

— Как? У Александра не будет сына? Тогда Цесаревич Константин...

— Константин царствовать не восхочет, памятуя судьбу твою... Начало же царствования сына твоего Николая бунтом вольтерьянским зачнется, и сие будет семя злотворное, семя пагубное для России, кабы не благодать Божия, Россию покрывающая. Через сто лет после того оскудеет Дом Пресвятые Богородицы, в мерзость запустения Держава Российская обратится.

— После сына моего Николая на Престоле Российском кто будет?

— Внук твой, Александр Второй, Царем-Освободителем преднареченный. Твой замысел исполнит — крестьян освободит, а потом турок побьет и славянам тоже свободу даст от ига неверного. Не простят жиды ему великих деяний, охоту на него начнут, убьют среди дня ясного, в столице верноподданной отщепенскими руками. Как и ты, подвиг служения своего запечатлеет он кровью царственною...

— Тогда-то и начнется тобою реченное иго жидовское?

— Нет еще. Царю-Освободителю наследует Царь-Миротворец, сын его, а твой правнук, Александр Третий. Славно будет царствование его. Осадит крамолу окаянную, мир и порядок наведет он.

— Кому передаст он наследие царское?

— Николаю Второму — Святому Царю, Иову Многострадальному подобному.

На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим; как некогда Сын Божий. Война будет, великая война, мировая... По воздуху люди, как птицы, летать будут, под водою, как рыбы, плавать, серою зловонной друг друга истреблять начнут. Измена же будет расти и умножаться. Накануне победы рухнет Трон Царский. Кровь и слезы напоят сырую землю. Мужик с топором возьмет в безумии власть, и наступит воистину казнь египетская...»

Горько зарыдал вещий Авель и сквозь слезы тихо продолжал: «А потом будет жид скорпионом бичевать Землю Русскую, грабить Святыни ее, закрывать Церкви Божии, казнить лучших людей русских. Сие есть попущение Божие, гнев Господень за отречение России от Святого Царя. О Нем свидетельствует писание. Псалмы девятнадцатый, двадцатый и девяностый открыли мне всю судьбу его.

«Ныне познах, яко спасе Господь Христа Своего, услышит Его с небес Святаго Своего, в силах спасение десницы Его».

«Велия слава его спасением Твоим, славу и веление возложиши на него».

«С ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое» (Пс. 19,7; 20, 6; 90, 15—16).

Живый в помощи Вышняго, Возсядет он на Престоле Славы. А брат Его царственный — сей есть тот, о котором открыто Пророку Даниилу:

«И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа твоего...» (Дан. 12, 1).

Свершатся надежды русские. На Софии, в Царьграде, воссияет Крест Православный, дымом фимиама и молитв наполнится Святая Русь и процветет, аки крин небесный...»

В глазах Авеля Вещего горел пророческий огонь нездешней силы. Вот упал на него один из закатных лучей солнца, и в диске света пророчество его вставало в непреложной истине. Император Павел Петрович глубоко задумался. Неподвижно стоял Авель. Между монархом и иноком протянулись молчаливые незримые нити.

Император Павел Петрович поднял голову, и в глазах его, устремленных вдаль, как бы через завесу грядущего, отразились глубокие царские переживания.

— Ты говоришь, что иго жидовское нависнет над моей Россией лет через сто. Прадед мой, Петр Великий, о судьбе моей рек то же, что и ты. Почитаю и я за благо о всем, что ныне прорек мне о потомке моем Николае Втором, предварить его, дабы пред ним открылась Книга судеб. Да ведает праправнук свой крестный путь, славу страстей и долготерпения своего...

Запечатлей же, преподобный отец, реченное тобою, изложи все письменно, я же вложу предсказание твое в нарочитый ларец, положу мою печать, и до праправнука моего писание твое будет нерушимо храниться здесь, в кабинете Гатчинского дворца моего. Иди, Авель, и молись неустанно в келии своей о мне, Роде моем и счастье нашей Державы»[1].

Предсказания монаха Авеля скоро начинают сбываться. В 1797—1798 годах против Павла I складывается заговор. Его вдохновителями становятся влиятельные масоны, входившие в ближайшее окружение Наследника Престола Александра I — П.А. Строганов (Великий Восток Франции), Н.Н. Новосильцев (Великая Ложа Англии), А. Чарторыйский (польская ложа шведской системы). Идею свержения своего отца одобрял и сам Наследник Александр[2].

---

[1] Старый Кирибей (П.Н. Шабельский-Борк). Павловский гобелен. Сан-Пауло, 1955. С. 78.

[2] Из переписки будущего Александра I с Ц. Лагарпом следует, что будущий Император уже через год после восшествия на Престол отца допускал необходимость изменить революционным путем правильный порядок престолонаследия и политическую организацию страны (Валишевский К. Сын Великой Екатерины Император Павел I. М., 1990. С. 521).

По масонским каналам к подготовке заговора были привлечены крупные функционеры Великой Ложи Англии, и прежде всего английский посол в России Ч. Витворт, а также представители герцога Зюдерманландского и лож шведской системы. Шведского герцога в России, в частности, представлял Н.П. Панин, племянник организатора заговора против Екатерины II Н.И. Панина.

Координатором заговорщиков стал военный губернатор Петербурга, масон граф П.А. Пален. Хотя будущий Александр I просил заговорщиков не убивать его отца, а только заточить его в крепость, убийство было предрешено заранее. Как впоследствии признавался Пален, Александр потребовал от него клятвенного обещания не покушаться на жизнь его отца. Пален поклялся в этом, хотя заранее знал, что «надо завершить революцию» убийством Павла I[1].

Чтобы преодолеть нерешительность Наследника Престола и получить его согласие начать государственный переворот, Пален добивается у Павла I ордера на арест его сыновей, как замешанных в заговоре. Получив подписанный Императором ордер (использовать который Павел приказал ему только в крайнем случае), масонский интриган показывает его великим князьям, провоцируя их к решительным действиям.

Убийство Павла I осуществляется в ночь с 11 на 12 марта. Почти все его исполнители состояли в масонских ложах[2]. Перед убийством заговорщики крепко выпили, и некоторые шли на преступление сильно пьяными. Судя по всему, у некоторых убийц было желание покончить не только с Павлом I, но и со всей Царской семьей.

Во время ужина, состоявшегося у заговорщиков перед убийством, полковник Измайловского полка Н. И. Бибиков высказал во всеуслышание мнение, что нет смысла стараться избавиться от одного Павла, что России не легче будет с остальными членами его семьи и что лучше всего было бы отделаться от них всех сразу[3].

---

[1] Цареубийство 11 марта 1801. СПб., 1907. С. 135—136.

[2] Вот список главных участников убийства: П.А. Талызин (командир Преображенского полка), Ф.П. Уваров (командир Кавалергардского полка), князь Яшвиль (Конногвардейский полк), князь И. Вяземский (Измайловский полк), П. Кутузов (Кавалергардский полк), князь Б. Голицын, П.А. Зубов и его братья Николай и Валериан, Л.Л. Беннигсен и другие.

[3] Цареубийство 11 марта 1801. С. 86.

Сохранились воспоминания участника этого убийства масона Л.Л. Беннигсена: «Условились, что генерал Талызин соберет свой гвардейский батальон во дворе одного дома, неподалеку от Летнего сада; а генерал Депрерадович — свой, также гвардейский батальон, на Невском проспекте, вблизи Гостиного Двора. Во главе этой колонны будут находиться военный губернатор [Пален] и генерал Уваров, а во главе первой — князь Зубов, его два брата, Николай и Валериан, и я <...>. Граф Пален со своей колонной должен был занять главную лестницу замка, тогда как мы с остальными должны были пройти по потайным лестницам, чтобы арестовать императора в его спальне.

Проводником нашей колонны был полковой адъютант императора, Аргамаков, знавший все потайные ходы и комнаты, по которым мы должны были пройти, так как ему ежедневно по нескольку раз случалось ходить по ним, принося рапорты и принимая приказания своего повелителя. Этот офицер повел нас сперва в Летний сад, потом по мостику и в дверь, сообщавшуюся с этим садом, далее по лесенке, которая привела нас в маленькую кухоньку, смежную с прихожей перед спальней Павла. Там мы застали камер-гусара, который спал крепчайшим сном, сидя и прислонившись головой к печке. Из всей толпы офицеров, сначала окружавших нас, оставалось теперь всего человека четыре; да и те, вместо того, чтобы вести себя тихо, напали на лакея; один из офицеров ударил его тростью по голове, и тот поднял крик. Пораженные, все остановились, предвидя момент, когда общая тревога разнесется по всем комнатам»[1].

Найдя первую дверь, ведшую в спальню, незапертой, заговорщики предположили, что Император скрылся по внутренней лестнице. Но когда подошли ко второй двери, то увидели, что она заперта изнутри. Сломав дверь, заговорщики ворвались в спальню Императора, который стоял за каминным экраном.

Далее Беннигсен пишет: «Держа шпаги наголо, мы сказали ему:

— Вы арестованы, ваше величество!

Он поглядел на меня, не произнеся ни слова, потом обернулся к князю Зубову и сказал ему:

— Что вы делаете, Платон Александрович?

В эту минуту в комнату вошел офицер нашей свиты и шепнул Зубову на ухо, что его присутствие необходимо внизу, где опасались гвардии. Тем более должны были бояться этой гвар-

---

[1] Цареубийство 11 марта 1801. С. 117—119.

дии, что граф Пален еще не прибыл со своей свитой и батальоном для занятия главной лестницы замка, отрезавшей всякое сообщение между гвардией и покоями императора. В эту минуту другие офицеры, сбившиеся с дороги, беспорядочно ворвались в прихожую: поднятый ими шум испугал тех, которые были со мною, они подумали, что это пришла гвардия на помощь к императору, и разбежались все, стараясь пробраться к лестнице. Я остался один с императором, но я удержал его, импонируя ему своим видом и своей шпагой. Мои беглецы, встретив своих товарищей, вернулись вместе с ними в спальню Павла, теснясь один на другого. Я вышел. Я узнал потом те немногие слова, какие произнес император <...>:

— Арестован, что это значит — арестован?

Один из офицеров отвечал ему:

— Еще четыре года тому назад с тобой следовало бы покончить!

На это он возразил:

— Что я сделал?

Вот единственные произнесенные им слова»[1].

Дальнейшие события показали беспредельную низость масонских заговорщиков. Еще несколько минут назад трусливо бежавшие в страхе возмездия офицеры-масоны накинулись на беззащитного Императора. Граф Н. Зубов, совершенно пьяный, ударил Павла по руке и заорал: «Что ты так кричишь!» При этом оскорбленный Император оттолкнул левую руку Зубова. Пьяный заговорщик, сжимая в кулаке массивную золотую табакерку, со всего размаха нанес правой рукой удар в левый висок Императора. Показалась кровь. Павел I упал замертво. Озверевшие масонские заговорщики еще долго избивали мертвого Императора, а затем быстро разбежались в разные стороны.

ГЛАВА 10

Масоны-декабристы. — Стремление к свержению русской Монархии. — Планы цареубийства и истребления Царской Фамилии.

Приняв участие в заговоре против своего отца, Александр I первое время становится заложником масонских лож. Вольные каменщики составляют его ближайшее окружение и занимают ведущие министерские посты. В масонских ложах разрабатыва-

---

[1] Цареубийство 11 марта 1801. С. 119—120, 144—145.

ют проекты конституции, которые должны были упразднить русское Самодержавие и ввести в стране конституционную монархию. Предлагаемые масонами системы выборов гарантировали переход власти от Самодержавного Государя в руки хорошо организованной элиты[1]. Некоторые влиятельные члены масонских лож предлагали уничтожить русскую Монархию совсем и ввести в России республику. Масоны М.Н. Новиков (ложа «Избранные Михаила») и П.И. Пестель (ложа «Соединенных Друзей») были авторами республиканской конституции и идеологии цареубийства еще задолго до декабристского путча.

В 1810-х годах, особенно после войны 1812 года, отношение Александра I к масонам стало меняться. Не желая отдавать свою власть в руки масонских вождей, Император, никогда не забывавший о трагедии отца, начинает осознавать опасность, которая ему угрожает. До него доходят известия о готовящихся заговорах. В 1821 году Императора предупреждает глава Директориальной ложи «Астрея» сенатор Е.А. Кушелев. Он откровенно признает, что масонские ложи опасны для государства и в существующем положении от них не стоит ожидать «ничего, кроме гибельных последствий»[2].

1 августа 1821 года Александр I издает Указ, где повелел «все тайные общества, под какими бы именами они ни существовали, как то масонских лож, закрыть и учреждение их впредь не дозволять».

Масонские ложи приняли Указ как объявление войны. Тайная подрывная работа против Императора усиливается. Ее кульминационным моментом становится военный мятеж 14 декабря 1825 года.

В подполье российских масонских лож рождаются самые кошмарные планы цареубийства. Истоки этих планов явно следует искать в деятельности ордена иллюминатов, который и после запрета своей деятельности в Германии выступал под вывеской французской масонской ложи «Соединенных Друзей», а с 1790-го — прусского тайного союза Тугенбунд (Союз Добродетели). С орденом иллюминатов в его различных обличьях были связаны князь Н.В. Репнин, крупнейшие деятели движения декабристов-масонов М.Ф. Орлов, Н.И. Тургенев (орден русских рыцарей), С.П. Трубецкой, П.И. Пестель, А.Н. Мура-

---

[1] Подробнее об этом см. в моей книге «Тайная история масонства 1731—1996» (М., 1996). С. 57—72.

[2] Бакунина Т.А. Указ. соч. С. 110—111.

вьев, М.А. Фонвизин (ложа «Александра Тройственного спасения»), а также Эрнст-Вениамин-Соломон Раупах, живший в доме одного из вдохновителей убийства Павла I Н.Н. Новосильцева (Великая Ложа Англии).

На иллюминатских основах Тугенбунда была в 1816-м построена первая тайная организация цареубийц Союз спасения[1]. Ее возглавил А.Н. Муравьев, а самыми активными членами стали С.П. Трубецкой (ложа «Трех Добродетелей»), Н. Муравьев (ложа «Трех Добродетелей»), М. Муравьев-Апостол (ложа «Соединенных Друзей»), И.Д. Якушкин, М.Н. Новиков и П.И. Пестель. Последний составил устав общества. В 1818 году Союз спасения был реорганизован в еще более опасную тайную организацию — Союз благоденствия.

В планы заговорщиков входила ликвидация русской Православной Монархии и установление в России, по одним проектам, конституционной монархии, по другим — республики. Не все члены общества осмеливались открыто говорить о цареубийстве, но самые влиятельные его члены вели будущих декабристов именно к этому. Даже самые умеренные декабристы-масоны считали, что они сохранят монарха в России «как занавес, за которым мы сформируем наши колонны».

Как показало следствие, проведенное правительством после военного мятежа 14 декабря 1825 года, масонские заговорщики неоднократно готовили покушение на жизнь Царя, рассчитывая с его убийства начать восстание, а в дальнейшем уничтожить всю Царскую семью. Отмечая необходимость цареубийства, Пестель говорил своему соратнику Поджио, что дело не кончится убийством тринадцати наиболее видных представителей Царской семьи.

Намереваясь убить Царя и всю Царскую Фамилию, масоны-декабристы осознавали, какое страшное преступление они совершают. Поэтому в их планы входило исполнение убийства поручить людям, которые после совершения преступления были бы уничтожены самими масонами, чтобы замести следы и не уронить тень на тайную организацию. Таким образом, покуша-

---

[1] Средний возраст основателей организации М. и С. Муравьевых-Апостолов, А. Муравьева, Н. Муравьева, князя С. Трубецкого и И. Якушкина составляет менее 21 года. Все они были совершенно незрелыми людьми, проводившими свою жизнь между пьянками с проститутками и заседаниями масонских лож.

ясь на цареубийство, они уже готовились откреститься от него. Типичный образец масонского лукавства и провокации[1].

Следствие установило множество попыток декабристов-масонов на цареубийство: в 1816-м — на Царскосельской дороге, в 1817-м — в Москве, в 1823-м — возле Бобруйска, в 1824-м — в Петербурге, в 1825-м — в лагере при Лещине, в 1825-м — в Василькове, в 1825-м — на Сенатской площади в Петербурге.

Существовали и другие варианты цареубийства, известные из показаний декабристов-масонов, но не установленные точно по времени. По показаниям декабриста-масона Завалишина, Лунин рассказывал ему, что некто Головкин предлагал организовать покушение на морском корабле, взорвав или потопив его. Был еще план напасть на Царя во время смотра в Белой Церкви с помощью летучего отряда в черных масках. Масон-декабрист Н. Оржицкий «выражал желание особым способом расправиться с царствующим домом — во избежание излишних затрат на многие виселицы возвести одну «экономическую виселицу», достаточно высокую, на которой повесить царя и великих князей «одного к ногам другого» (вариантом этого предложения было — повесить царя и всех великих князей указанным способом на высокой корабельной мачте)»[2].

Первый известный случай объявления намерения цареубийства относится к августу—сентябрю 1816 года. На одном из заседаний Союза спасения его член М.С. Лунин (ложа «Трех Добродетелей»), помещик, перешедший в католичество, ненавидевший все коренное русское, между делом заметил, что нетрудно устроить заговор и убить Александра I на Царскосельской дороге, по которой он обычно ездит без большой охраны. Для этого, предложил он, достаточно собрать группу решитель-

---

[1] «Не только на юге, но и на севере были распространены мысли об отряде или отдельном лице, которые формально стояли бы «вне общества». Таким способом хотели преодолеть противоречие — нужно совершить цареубийство, но непривычный народ воспримет это как страшное преступление. Некоторые проекты предполагали поэтому в случае захвата власти заговорщиками изгнать или даже казнить цареубийцу, чтобы эта вина не лежала на самом обществе (так, видимо, понимал Пестель «обреченный отряд» и судьбу Лунина. Ту же роль предназначал Рылеев Каховскому)» (Эйдельман Н. Лунин. М., 1970. С. 157).

[2] Цит. по: Башилов Б. История русского масонства. Вып. 9—11. М., 1994. С. 100.

ных людей и одеть их в маски, чтобы спутники Царя не узнали убийц[1].

В 1817-м Союз спасения разрабатывает план цареубийства во время пребывания Александра I в Москве. Произвести это убийство заговорщики собирались во время службы в Успенском соборе Московского Кремля. С предложением совершить цареубийство лично выступили И. Якушкин и Ф.П. Шаховской (ложа «Соединенных Друзей»).

Как сообщил на следствии Пестель: «В 1817 году, когда царствующая фамилия была в Москве, часть общества, находящаяся в сей столице под управлением Александра Муравьева, решилась покуситься на жизнь государя <...>, жребий должен был назначить убийцу из сочленов, и оный пал на Якушкина: служил некогда в Семеновском полку, вышел в армию и теперь живет в отставке».

В стремлении убить Царя Якушкин соперничает с князем Ф.П. Шаховским.

На следствии одному из цареубийц — Лунину задают вопрос: «В показании своем комитету вы говорите, что были на совещании в Москве в 1817 году. На совещании сем, сколько известно комитету, находился и отставной майор князь Шаховской, который предложил, чтобы для исполнения покушения на жизнь покойного императора воспользоваться тем временем, когда Семеновский полк будет в карауле, и вообще только то и говорил, что готов посягнуть на жизнь государя, после чего Сергей Муравьев назвал его «le tigre» (тигр). Объясните подробно и со всей откровенностью, действительно ли было все сие и не говорил ли Шаховской еще чего подобного?» Лунин отвечает:

«На заседании находился князь Шаховской и, сколько могу припомнить, говорил то, что ему приписывают; наименования же «le tigre», данного ему по сему поводу Сергеем Муравьевым-Апостолом, я не помню. Но, невзирая на невоздержанность речей князя Шаховского, свойственную в тогдашнее время пылкости молодых его лет, я как в князе Шаховском, так и в других членах общества не приметил готовности к исполнению предположенного намерения. Последствия оправдали мое, по сему предмету, мнение».

В 1817-м руководители тайного общества не поддержали предложения Якушкина и Шаховского, считая, что преждевре-

---

[1] Эйдельман Н. Лунин. М., 1970. С. 43.

менное выступление может повредить долгосрочным целям заговора. Цареубийство было решено перенести на другой срок[1].

Подготовка планов цареубийства была краеугольным камнем подрывной работы декабристов-масонов. В январе 1820 года на совещании Пестеля с петербургскими членами Союза благоденствия было принято решение введения в России республики путем цареубийства. «Республика, — заявлял Н. Муравьев, — сама собой не явится — ее надо добиваться, и единственным средством ввести в России народное правление может быть только цареубийство»[2]. На этом совещании за цареубийство высказалась половина членов Коренной думы.

В 1821 году Союз благоденствия распускается, а на его основе создают два тайных общества — Северное и Южное. Последнее, возглавляемое Пестелем, абсолютным большинством поддерживает цареубийство. На съезде Южного общества в 1823-м Пестель предлагает организовать специальный отряд (обреченный отряд) из людей, формально к обществу не принадлежащих. Они должны будут истребить Императорскую Фамилию. «Цареубийство, по словам Пестеля, вызовет замешательство в Петербурге, северные же члены тем временем провозгласят новое правительство, а мы на юге поддержим их и обеспечим действительный успех революции». Во главе специального отряда цареубийц Пестель предложил поставить Лунина, который еще в 1817-м предлагал подобную акцию.

В специальный отряд цареубийц должны были войти десять молодых людей, не связанных семьями; заведомо зная о личной обреченности своей, они должны решиться на истребление Царской Фамилии. В этот отряд должен был, в частности, войти М.И. Муравьев-Апостол (ложа «Соединенных Друзей»), состоявший адъютантом малороссийского генерал-губернатора князя Н.Г. Репнина-Волконского, родственника знаменитых масонов Н.В. Репнина и С.Г. Волконского (ложа «Соединенных Друзей»). На торжественном обеде в Киеве Муравьев-Апостол демонстративно отказался поднять тост за здоровье Государя и

---

[1] О готовящемся покушении на него Александр I узнал уже в январе 1818 года. Как свидетельствует в своих записках Николай I: «По некоторым доводам я должен полагать, что государю еще в 1818 году в Москве после Богоявления сделались известными замыслы и вызов Якушкина на цареубийство: с той поры весьма заметна была в государе крупная перемена в расположении духа, и никогда я его не видал столь мрачным, как тогда...»

[2] Карташев Б., Муравьев Вл. Пестель. М., 1958. С. 145.

вылил вино на пол. На что генерал-губернатор Репнин-Волконский заметил молодым адъютантам: «Рано свои знамена показываешь»[1].

В 1823-м масоны-декабристы разрабатывают план захвата и убийства Царя в Бобруйске. Осуществить его должны были члены общества, переодетые в солдатские шинели.

К 1824 году некоторые расхождения среди заговорщиков по поводу цареубийства были преодолены. Почти все руководители и ведущие члены обществ пришли к общему мнению — убить Царя[2]. Совместные планы Южного, Северного и Польского тайных обществ предполагали цареубийство в России и одновременно уничтожение великого князя Константина в Варшаве. Последнее, по замыслу Пестеля, должен был осуществить М.С. Лунин, так как в то время был переведен в Варшаву. На роль же руководителя специального отряда цареубийц заговорщики предлагают другого. Вероятно, на эту роль Пестель готовил сразу двух человек — А.П. Барятинского и М.П. Бестужева-Рюмина, которые, по показаниям масона-декабриста Поджио, должны были возглавить отряды для нападения на Царя.

В 1825-м стремление к цареубийству становится просто манией членов тайного общества. В начале этого года к одному из руководителей Северного общества К.Ф. Рылееву (ложа «Пламенная Звезда») пришел П.Г. Каховский и заявил: «Послушай, Рылеев! Я пришел тебе сказать, что я решил убить царя. Объяви об этом Думе. Пусть она назначит мне срок». Каховский не знал, что Северное общество еще не готово к решительным действиям, ему казалось, что оно гораздо сильнее, чем это было на самом деле (такое мнение Рылеев специально внушал всем новопринятым членам общества). Рылеев испугался решимости Каховского, понимая, что «несвоевременное цареубийство может провалить все планы общества»[3].

Вскоре подобно Каховскому вызвался на цареубийство еще один масонский маньяк А.И. Якубович. Он также пришел к Рылееву и заявил, что намерен во время маневров Гвардии в Петергофе убить Императора. Рылееву пришлось долго уговаривать и Каховского, и Якубовича, чтобы они перенесли свой террористический акт на более поздний срок.

---

[1] Декабристы на поселении. М., 1926. С. 102.

[2] Об этом, в частности, свидетельствуют показания М. Муравьева-Апостола.

[3] Афанасьев В. Рылеев. М., 1982. С. 247.

В Южном обществе тем временем был разработан план военного переворота и цареубийства во время смотра войск в Белой Церкви летом 1826 года. После убийства Царя на смотре заговорщики собирались захватить Киев и отправить часть своих войск в Москву. Северному обществу в это время предлагалось совершить революцию в Петербурге — взять Сенат и другие государственные учреждения, захватить и уничтожить всех членов Царской Фамилии и создать Временное правительство.

Смерть от болезни Императора Александра I в Таганроге спутала карты заговорщиков. Члены Северного общества, первые узнавшие об этом, пытаются использовать переход власти от одного Императора к другому в своих интересах для свержения русской Монархии.

Новый план восстания, разработанный руководителями Северного общества, предполагал захват Зимнего дворца, арест и истребление Царской семьи. Захват и убийство Царской семьи были поручены Якубовичу и Арбузову, которые перед этой акцией должны были поднять войска и выйти на Сенатскую площадь. К счастью, планы заговорщиков не удались. На Сенатскую площадь вышла только небольшая часть войск, на которые они рассчитывали. Там же на площади Якубович и Каховский пытались убить Царя. Но это им тоже не удалось[1]. Решительными действиями новый Император Николай I рассеял ряды мятежников. Почти все кандидаты в цареубийцы были арестованы, осуждены, а пятеро — Рылеев, Пестель, Каховский, С. Муравьев-Апостол, М. Бестужев-Рюмин повешены в Петропавловской крепости.

---

[1] Впрочем, во второй половине декабря 1825-го — начале января 1826 года масоны-декабристы сделали еще одну попытку государственного переворота на Юге России в Василькове. Еще с осени они вели пропаганду среди солдат Черниговского полка, призывая их к походу на Москву и убийству Царской семьи. Во главе заговора здесь стояли масоны С. Муравьев и В.Н. Соловьев; чтобы подвигнуть солдат на государственное преступление, масоны велели поить их водкой сколько им захочется. «Вдохновленные» масонами на цареубийство, солдаты выпили за сутки сто восемьдесят четыре ведра вина (на одну тысячу человек). Начались безобразия. Стали срывать с офицеров эполеты, грабить мещан и евреев. Подняли из гроба столетнего старика, плясали с трупом посреди толпы галдящих, перепившихся солдат. Зверски был избит (чудом остался жив) старик полковник Гебель, арестовавший С. Муравьева (Б а ш и л о в Б. Указ соч. С. 100).

ГЛАВА 11

Социалисты-цареубийцы. — М.В. Петрашевский. — Карбонарский дух социалистических организаций. — Решение убить Николая I. — Масоны Бакунин и Гарибальди. — «Ад» Ишутина. — «Народная расправа». — Предсказания о цареубийстве. — «Чайковцы». — «Земля и воля». — Землеволец Соловьев стреляет в Александра II.

Изобличенные в военном мятеже, подготовке цареубийства, самых опасных государственных преступлениях, масоны-декабристы вели себя на допросах низко, подличали, топили друг друга, стараясь всеми средствами выгородить каждый сам себя. Особенно недостойно показали себя на допросах вожаки — Пестель, Рылеев, Трубецкой. Пестель, например, выдал всех причастных или почти даже не причастных к деятельности тайных обществ, сообщил о каждом унизительные подробности. Казалось, что после всего того, что они совершили, ничего, кроме презрения и брезгливости, в русском обществе к ним не сохранится и их кровожадные идеи цареубийства будут забыты.

Однако не прошло и двух десятилетий, как в России вновь поднимаются головы гидры цареубийства. Питательной средой для них стали масонские ложи, хотя и официально запрещенные, но продолжавшие работать в глубоком подполье. Вольные каменщики не только не осудили преступления своих собратьев-декабристов, а, наоборот, сделали из преступников героев. Из масонских лож по всей стране распространяется миф о «благородных декабристах», «невинных страдальцах за народ, угнетенный царями-тиранами». Эта масонская пропаганда достаточно эффективно проникает во все слои образованного общества, делая его проводником антихристианских, антирусских идей, противных Русской Православной Церкви и Монархии.

Усилия российских масонов объединяются с усилиями западных вольных каменщиков, разыгравших в то время карту социальной революции и социализма. Убогая, примитивная социалистическая пропаганда с Запада внедряется в сознание российских интеллигентов-митрофанов, создавая таких монстров бездуховности, как Чернышевский, Добролюбов, Писарев и т.п. Практически все зарубежные социалисты были либо евреи, либо масоны, а чаще всего и то и другое. Французская революция 1848 года была подготовлена масонами, которые свергли короля и установили новое правительство, из 11 членов которого 9 были масонами.

Парижская коммуна — дело рук масонов и связанных с ними революционных организаций. «Но нигде, — пишет Фара в своем исследовании «Масонство и его деятельность», — оно не выступает так ярко в своей обычной антихристианской и революционной работе, как во время Парижской коммуны 1871 года. Я не буду останавливаться на работе масонства по подготовке свержения Второй Империи, на его первенствующей роли во франко-прусской войне, на деятельности маршала Базена, этой игрушки в руках Великого Востока, на неудачах маршала Мак-Магона, в коих такую значительную роль сыграл племянник бывшего гроссмейстера ордена лейтенант-полковник Маньян, и укажу лишь на открытые выступления масонства после крушения Второй Империи и провозглашения коммуны».

«Ни один государственный строй никогда не был таким таинственным, как Третья республика, — пишет Жак Бидеген, одно время бывший секретарем ордена Великий Восток Франции. — Учреждения, служащие ей фасадом, суть лишь лживые декорации, за которыми происходят вещи, неизвестные толпе».

В официальном журнале Коммуны 27 мая сообщается о торжественном приеме в городской ратуше депутации масонов. «Все сердца бьются в унисон», — сказано в отчете о приеме масонов. Член Коммуны масон Тирифок утверждал, что «масонство принимает Коммуну как базу всех социальных реформ». Член Коммуны и член масонской ложи № 133 Ле-Франсе заявил, что он «давно увидел, что цели Коммуны те же, что и цели масонства». Член Коммуны Алике сказал: «Парижская коммуна на практике и в новой форме приводит то, что масонство издавна провозглашало». Торжество закончилось заявлением одного из масонов, что «Коммуна есть новый храм Соломона» и что цели Коммуны и масонства одинаковы.

В газете, издававшейся Коммуной, 24 мая было помещено следующее воззвание:

«К масонам всех ритуалов и всех степеней.

Коммуна — защитник наших священных принципов, призывает всех к себе. Вы ее услышали, и наши почтенные знамена были разорваны пулями и сломаны снарядами наших врагов. Вы геройски ответили на наш призыв, так продолжайте же при поддержке всех лож.

Воспитание, которое мы получили в наших почтенных ложах, продиктует всем и каждому тот священный долг, который мы обязаны выполнить. Счастливы те, которые восторжеству-

ют, слава тем, кто погибнет в этой священной борьбе. К оружию! Все для республики! Все для Коммуны!»[1]

Начиная с 40-х годов западные социалистические идеи становятся вожделенным объектом подражания для многих российских интеллигентов. Соответственным образом реформируются и идеи цареубийства. Для новоявленных российских социалистов Царь — главное препятствие на пути к социализму и поэтому должен быть уничтожен во имя социального прогресса. Впервые в России эти мысли высказываются в 1844—1849 годах на заседании кружка, а впоследствии тайного общества, руководимого М.В. Петрашевским. Политическим идеалом петрашевцев была социалистическая республика или как минимум конституционная монархия с фиктивной властью царя. Свержение Самодержавия должно было произойти путем восстания. Царю следовало либо подчиниться, либо погибнуть. Заговор петрашевцев был раскрыт. Все его участники во главе с самим Петрашевским арестованы 23 апреля 1849 года. По делу было привлечено 123 человека; 21 — приговорен к расстрелу, который Николай I милостиво заменил другими наказаниями.

Тайные социалистические общества, возникшие в России в 1840—1860-х годах, во многих своих проявлениях были идейно или даже организационно связаны с движением карбонариев.

Члены общества карбонариев набирались преимущественно из масонов и объединялись в «местные венты», подчинявшиеся нескольким «центральным вентам», которые, в свою очередь, выполняли указания «высшей венты», представляющей собой тайное правительство из сорока членов разных национальностей, преимущественно итальянцев и евреев. Во главе высшей венты в 20—40-е годы стоял человек, скрывавшийся под псевдонимом Нубиус, финансовыми делами организации ведал еврей Пиколо Тигре[2].

Карбонарское движение в чистом виде просуществовало до конца 40-х годов, впоследствии преобразовавшись в революционную террористическую организацию, действуя в составе нескольких масонских орденов. Самыми крупными представителями их были Мадзини и Гарибальди, ставшие кумирами для многих поколений российских социалистов. Методы действия и цели карбонариев доводили до крайней степени жестокость и бесчеловечность масонской идеологии. В борьбе против Хрис-

---

[1] Иванов В.В. Цели и задачи преступных сообществ масонов // Былое и грядущее. № 10. Б. г. С. 33—48.

[2] Фара. Масонство и его деятельность. Харбин, 1937. С. 48—50.

тианства и монархической государственности допускалось использование любых средств, и прежде всего убийства Монархов. В 1840-е годы карбонарии приняли решение убить Императора Николая I, для чего под видом врачей в Россию были отправлены 18 членов этого общества[1]. Подробности о подготовке этого покушения не сохранились.

История тайных контактов российских социалистов с карбонариями слабо изучена. Конспирация здесь соблюдалась очень строго. Единство масонов и социалистов воплощалось в появлении таких фигур, как М.А. Бакунин, находившийся в переписке с вождями карбонариев Мадзини и Гарибальди. Опираясь на идеи карбонариев, Бакунин в 1864—1865 годах создает за границей тайное общество «Интернациональное братство», оказавшее сильное влияние на развитие революционных идей в России в самых крайних, изуверских формах.

На карбонарских идеях осенью 1863 года в Москве создается тайная социалистическая организация под руководством Н.А. Ишутина, объединявшая в своих рядах около 200 человек. Одной из главных задач организации было цареубийство. Внутри этой тайной организации создавалось еще более тайное общество заговорщиков, обладавших особыми революционными правами. Общество это именовалось «Ад». Член этой группы Д.А. Юрасов в своих показаниях сообщал: «Общество это должно стоять не только отдельно от «Организации» и не быть ей известно, но его члены обязаны сделаться пьяницами, развратниками, чтобы отвлечь всякое подозрение, что они держатся каких-либо политических убеждений. Члены его должны находиться во всех губерниях и должны знать о настроении крестьян и лиц, которыми крестьяне недовольны, убивать или отравлять таких лиц, а потом печатать прокламации с объяснением, за что было убито лицо.

...Кроме того, другие члены «Ада» должны были следить за действиями организации и в случае ее отклонения от пути, который «Ад» считает лучшим, издаются прокламации или [«Ад»] тайным образом предостерегает организацию и предлагает исправиться; если же члены организации не изменят образа действия, то «Ад» наказывает смертью. Если член, следивший за организацией, будет узнан и арестован, то его место должен занять новый, а арестованный должен отравиться, чтобы не выдать тайны... Кроме всего этого, «Ад» посылает члена для покушения на жизнь государя... В кармане его должны находиться

---

[1] Revue International secrete societes, 1926. № 28.

прокламации, объясняющие причины преступления и требования, желания «Ада»[1].

4 апреля 1866 года член тайной организации Ишутина, его двоюродный брат Д.В. Каракозов, осуществляет покушение на Александра II. При выходе Царя из Летнего сада заговорщик пытался его застрелить. Находившийся в толпе крестьянин Комиссаров толкнул руку стрелявшего. Покушение сорвалось. Все члены тайной организации во главе с Ишутиным были арестованы. Каракозова повесили, а все остальные преступники получили разные сроки каторги и ссылки. В честь спасения Александра II у выхода из Летнего сада была сооружена часовня из серого паросского мрамора с надписью: «Не прикасайся к помазаннику моему»[2].

Карбонарские корни имела и другая тайная социалистическая организация — «Народная расправа». Она была создана С.Г. Нечаевым преимущественно из студентов московской Петровской сельхозакадемии. Нечаев тесно сотрудничал с М.А. Бакуниным, совместно с ним издал от имени «Всемирного революционного союза» ряд манифестов («Постановка революционного вопроса», «Начало революции», а также № 1 журнала «Народная расправа»). Скорее всего, при участии Бакунина Нечаев составил «Катехизис революционера», в котором с исчерпывающей полнотой формулировалось мировоззрение цареубийц. Многие положения «Катехизиса» основывались на документах карбонариев.

В разделе первом об отношении революционера к самому себе «Катехизис» требовал полного отречения от всех форм личной и общественной жизни, презрения к общественному мнению, ненависти к общественной нравственности. «Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему»[3].

Раздел об отношении к товарищам по революции гласил: «Мера Дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к... товарищу определяется единственной степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции». Товарищи не все равны. У каждого посвященного «должно быть под рукой несколько революционеров второго и третьего разря-

---

[1] Виленская Э.С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М., 1965. С. 397—398.

[2] Снесена еврейскими большевиками в 1930 году.

[3] «Катехизис революционера» излагается по: Пирумова Н.М. Бакунин или С. Нечаев // Прометей. Т. 5. М., 1968. С. 169—170.

дов», то есть «не совсем посвященных», на которых он должен смотреть как на часть «революционного капитала», отданного в его распоряжение.

Третий раздел был посвящен отношению революционера к обществу. Здесь объяснялось, что революционер живет в обществе, имея целью лишь его беспощадное разрушение. Имея в виду эту конечную цель, он должен притворяться для того, чтобы проникать всюду во все слои «высшие и средние, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, в Третье отделение и даже в Зимний дворец». Все общество должно быть разделено на несколько категорий.

«Первая категория — неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной зловредности для успеха революционного дела, так, чтобы предыдущие убирались прежде последующих...

Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта...

К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов, или личностей, не отличающихся ни особенным умом и энергией, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силой. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами и путями, опутать их, сбить их с толку и, овладев по возможности их грязными тайнами, сделать их своими рабами[1]...

Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за

---

[1] Это положение «Катехизиса» полностью корреспондируется с письмом (1822) известного итальянского масона еврея Пиколо Тигре, основателя тайной ложи карбонариев в Турине. «Верховной Венте (Ложе) угодно, чтобы вы под тем или иным предлогом вводили в масонские ложи возможно больше принцев и богатых людей. Всякий принц, не имеющий законной надежды получить престол с помощью Божией, стремится получить его с помощью революции. Некоторые из них даже лишены престола или сосланы. Льстите этим искателям популярности, готовьте их для масонства. Верховная Вента впоследствии увидит, что можно будет сделать с ними во имя прогресса. Всякий принц без царства — хорошая для нас находка. Ложа поведет его к карбонаризму. Пускай они служат приманкой для глупцов, интриганов, пошлых обывателей и всякого рода дельцов. Они будут совершать наше дело, думая, что совершают свое».

ними, а между тем прибирать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их донельзя, так, чтобы возврат был для них невозможен, и их руками мутить государство.

Пятая категория — доктринеры, конспираторы и революционеры в праздноглаголющих кружках и на бумаге. Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практичные головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих...

Шестая и важная категория — женщины, которых должно разделить на три главных разряда.

Одни — пустые, бессмысленные и бездушные, которыми можно пользоваться, как третьей и четвертой категорией мужчин. Другие — горячие, преданные, способные, но не наши, потому что не доработались еще до настоящего бесфазного и фактического революционного понимания. Их должно употреблять как мужчин пятой категории.

Наконец, женщины совсем наши, то есть вполне посвященные и принявшие всецело нашу программу. Они нам товарищи. Мы должны смотреть на них как на драгоценнейшее сокровище наше, без помощи которых нам обойтись невозможно».

Вслед за этим шел последний раздел — об отношении к народу. Провозглашая конечную цель: «Полнейшее освобождение и счастье народа», «Катехизис» призывал соединяться «с теми элементами народной жизни», которые всегда прямо или косвенно выражали свой протест против государства и общества: «Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России».

В 60—70-е годы происходит окончательное становление идеологии социализма. В трудах ее крупнейших представителей Н.Г. Чернышевского, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Г.В. Плеханова, П.Н. Ткачева и др. так или иначе подразумевается идея необходимости цареубийства как определенного этапа на пути к социализму. Идея цареубийства становится неотъемлемым элементом социалистической пропаганды, именно по ней оценивается степень «настоящей революционности» того или иного общественного деятеля. Под влиянием этой пропаганды в российском обществе постепенно складывается слой людей, полностью лишенных Христианского монархического мировоззрения, воспринимающих Царя как врага, как препятствие на пути к «светлому будущему».

Подготовка убийства Александра II началась еще в 60-е годы. Но задолго до его осуществления мученическая кончина

Императора была предсказана монахом Авелем, юродивым Федором и старцем Илиодором.

«Не простят жиды Александру II великих деяний, — предсказывал Авель еще в конце XVIII века, — охоту на него начнут, убьют среди дня ясного, в столице верноподданной отщепенскими руками»[1].

Когда Александр II родился в Москве в 1818 году, Императрица Александра Федоровна приказала спросить славившегося в Москве юродивого Федора о том, что ожидает новорожденного. Федор отвечал:

«Будет могуч, славен и силен, будет одним из величайших государей мира, но все-таки (произнес он с ужасом) умрет в красных сапогах». Трудно было предвидеть, что это относится к окровавленным и раздробленным ногам Царя-мученика. За 14 лет до мученической кончины Александра II в Сергиевской пустыни один послушник сошел с ума и был отправлен в дом умалишенных. Он скоро оправился и воротился в пустынь, но ненадолго: через несколько времени он снова обнаружил признаки ненормального состояния ума и был отвезен в тот же дом для излечения. Но и на этот раз он скоро оправился и, по ходатайству смотрителя дома умалишенных, снова был принят в пустынь. Архимандрит Игнатий (Брянчанинов) принял его очень неохотно и уступил только просьбам смотрителя, который дал о нем хороший отзыв. Действительно, послушник стал вести себя хорошо, усердно исполнял свои обязанности и только заметно избегал монастырского общества. Но вот однажды утром, во время заутрени, этот послушник пришел в хлебопекарню, схватил кочергу, раскалил ее докрасна в печи и с какою-то необыкновенною решимостью прибежал в покои архимандрита к портрету Императора. Он бросился к этому портрету и раскаленною кочергою выжег ноги Императора до коленей. Потом он выбежал на монастырский двор, кричал и неистовствовал, повторяя одни и те же слова, что теперь с ним могут делать все, что угодно. С этой минуты послушник этот окончательно сошел с ума и более уже не приходил в нормальное состояние. Замечательно, что этот сумасшедший выжег на портрете ноги Императора почти так же, как спустя 14 лет они были оторваны и разбиты взрывом динамитной бомбы в роковое 1 марта[2].

---

[1] Предсказания Авеля пересказаны П.Н. Шабельским-Борком в его книге «Павловский гобелен».

[2] Дьяченко Г. (сост.). Из области таинственного. М., 1990. С. 19.

Старец Глинской пустыни Илиодор во второй половине 70-х годов предсказал судьбу Александра II: «Насилием сокращены будут дни его: убит будет Царь рукой освобожденного им раба среди бела дня, на стогнах верноподданной ему столицы».

В начале 70-х годов в Петербурге возникло Большое общество социалистической пропаганды под руководством Н.В. Чайковского (впоследствии крупного масона). В общество «чайковцев» входило около 60 человек, среди них М.А. Натансон, С.Л. Перовский, П.А. Кропоткин, С.М. Кравчинский, А.И. Желябов, П.Б. Аксельрод, А.И. Зунделевич, многие из них были связаны с зарубежными революционными и масонскими организациями. Целью общества была подготовка революции для свержения Самодержавия. Большая часть членов общества открыто выступала за цареубийство. «Чайковцы» начали так называемое хождение в народ — попытку социалистической пропаганды в деревне с призывами к революции и убийству Царя.

«Хождение в народ» позорно провалилось. Крестьяне сразу же увидели в «чайковцах» чужаков и государственных преступников, отказывались с ними говорить, а наиболее рьяных и наглых связывали и сдавали в полицию.

Новым этапом развития социалистических организаций стало создание в 1876 году «Земли и воли». В ее рядах вызрел целый ряд террористов, впоследствии совершавших покушения на убийство Царя.

На одной из сходок членов «Земли и воли» за право убить Царя стали бороться Г. Гольденберг (9 февраля 1879-го он убил харьковского губернатора князя Кропоткина) и А.К. Соловьев. Решили, что Гольденбергу как еврею стрелять нельзя. А Соловьева решили негласно поддержать, но от «Земли и воли» официально не помогать; хотя «частным порядком» члены организации Михайлов, Квятковский и Зунделевич вызвались помогать Соловьеву. 2 апреля 1879-го террорист подкараулил Александра II на Дворцовой площади. Преступник выхватил пистолет и начал стрелять. Однако Царь не растерялся, вспомнив старую армейскую тренировку, он бросился бежать, делая петли из стороны в сторону, чтобы помешать террористу прицелиться. Ни один из пяти выстрелов, сделанных Соловьевым, не попал в цель. Подоспевший стражник охраны Кох оглушил террориста саблей, хорошенько отделал его и передал в руки подоспевшей полиции. По приговору суда террорист был повешен.

ГЛАВА 12

«Народная воля». — Жажда цареубийства. — Пятьсот террористов. — Связь с международными иудейскими, масонскими и социалистическими организациями. — Подготовка покушения в Москве, Петербурге, Александровске и Одессе. — Взрыв в Зимнем дворце. — Убийство Александра II. — Еврейская доминанта социалистов-цареубийц.

В 1879 году «Земля и воля» распадается на две организации, одна из которых — «Народная воля» становится центром российского терроризма. Главной целью народовольцев было убийство Царя. В этом они получали поддержку от международных иудейских, масонских и социалистических организаций, которые в значительной степени финансировали их преступную деятельность. С зарубежными подрывными организациями были связаны большинство руководителей и духовных вождей «Народной воли», и прежде всего В.Н. Фигнер, С.Л. Перовская, А.К. Пресняков, С.М. Кравчинский, Л.Н. Гартман. Последний считался официальным связным «Народной воли» с зарубежными тайными обществами. По-видимому, именно через него народовольцы получали иностранное золото для организации террористических актов против Царя и русской власти. Большая часть средств поступала народовольцам от иудейских банкиров, и прежде всего Ротшильдов.

Главным связующим звеном между мировыми антихристианскими антирусскими центрами и российскими цареубийцами служили социалисты-евреи. Уже в 60—70-е годы, еще немногочисленные, они составляли доминанту социалистического движения. В кружке будущего знаменитого масона и террориста Н.В. Чайковского (1869), пожалуй, наиболее заметны были Марк Натансон и Анна Эпштейн. Последняя способствовала возникновению в 1874 году в Вильно (духовном центре иудаизма, местопребывании Синедриона и виленского гаона) революционного кружка, во главе которого стояли Арон Либерман и Арон Зунделевич. От этого виленского кружка и от первого «Еврейского социалистического ферейна», основанного в 1876 году тем же Либерманом в Лондоне, и ведет свою родословную всемирное еврейское социалистическое рабочее движение[1].

В организациях, примыкавших к обществу «Земля и воля»

---

[1] Шуб Д. Евреи в русской революции // Еврейский мир. Нью-Йорк, 1944. Сб. II. С. 126—127.

(1876), участвовало несколько десятков евреев, игравших значительную роль, особенно в южнорусских кружках.

По делу народовольцев на «процессе пятидесяти» (1876) проходили две еврейки — Геся Гельфман и Бетя Каминская. На «процессе 193-х» (1877—1879) на скамье подсудимых оказались уже восемь евреев: Соломон Аронзон, М. Кац, И. Павловский, Моисей Рабинович, Лейзер Тетельман, Соломон Чудновский, М. Эдельштейн и Э. Пумпянская.

К числу наиболее выдающихся еврейских деятелей «Земли и воли» и «Народной воли» относились Айзик Арончик, О. Аптекман, П.Б. Аксельрод, Григорий Гольденберг, Г. Гельфман, Л.Г. Дейч, А. Зунделевич, Савелий и Григорий Златопольские, Вл. Иохельсон, Николай Утин, Фаня Морейнис, Г. Фриденсон, Лазарь Цукерман. Среди террористов-народовольцев, казненных русским правительством уже в 1870-х годах, известны два еврея — Арон Гобет и Соломон Витенберг[1].

Опираясь на финансовую поддержку из-за рубежа, вожакам «Народной воли» удалось сколотить достаточно мощную подрывную организацию, боевое ядро которой, непосредственно участвовавшее в подготовке террористических актов, составляло около 500 человек. Кроме того, до полутора тысяч человек входило в категорию сочувствовавших, то есть лиц, разделявших идеи цареубийства, но активно не участвовавших в его осуществлении.

Устав Исполнительного комитета организации цареубийц был составлен по образцу масонских и карбонарских тайных обществ. Каждый член Исполнительного комитета «Народной воли» мог состоять и в других тайных обществах, чтобы в духе ордена иллюминатов подталкивать их в направлении, выбранном «Народной волей». Каждый был обязан хранить тайну «Народной воли», а в случае нарушения объявлялся предателем и изменником и, следовательно, должен был умереть. Все причастные к подрывной деятельности Исполнительного комитета, в том числе и его члены, считались агентами Исполнительного комитета и разделялись, как в масонских ложах, на три степени.

Ниже приведен устав Исполнительного комитета «Народной воли»:

«1. В Исполнительный комитет может поступать только тот, кто согласится отдать в его распоряжение всю свою жизнь и все свое имущество безвозвратно, а потому и об условиях выхода из него не может быть и речи.

---

[1] Шуб Д. Указ. соч. С. 126—127.

2. Всякий новый член Исполнительного комитета предлагается под ручательством трех его членов. В случае возражений на каждый отрицательный голос должно быть не менее трех положительных.

3. Каждому вступающему читается этот устав по параграфам. Если он не согласится на какой-нибудь параграф, дальнейшее чтение должно быть тотчас же прекращено, и баллотирующийся может быть отпущен только после того, как даст слово хранить в тайне все, что ему сделалось известно во время чтения, до конца своей жизни. При этом ему объявляется, что с нарушившим слово должно быть поступлено, как с предателем.

4. Члену Исполнительного комитета может быть дан отпуск, срочный или на неопределенное время, по решению большинства, но с обязательством хранить в тайне все, что ему известно. В противном случае он должен считаться за изменника.

5. Всякий член Исполнительного комитета, против которого существуют у правительства неопровержимые улики, обязан отказаться в случае ареста от всяких показаний и ни в каком случае не может назвать себя членом комитета. Комитет должен быть невидим и недосягаем. Если же неопровержимых улик не существует, то арестованный член может и даже должен отрицать всякую связь свою с комитетом и постараться выпутаться из дела, чтоб и далее служить целям общества.

6. Член комитета имеет право с ведома организации поступать в члены посторонних тайных обществ, чтобы по возможности направлять их деятельность в духе комитета или привлекать их к нему в вассальные отношения. При этом он имеет право хранить в тайне их дела, пока они не вредят целям комитета, а в противном случае немедленно должен выйти из такого общества.

7. Никто не имеет права назвать себя членом Исполнительного комитета вне его самого. В присутствии посторонних он должен называть себя лишь его агентом.

8. Для заведования органом Исполнительного комитета выбирается на общем съезде редакция, число членов которой определяется каждый раз особо.

9. Для заведования текущими практическими делами выбирается распорядительная комиссия из трех человек и двух кандидатов в нее на случай ареста какого-либо из трех до нового общего съезда. Комиссия должна лишь строго исполнять постановление съездов, не отступая от программы и устава.

10. Для хранения документов, денежных сумм и т.д. назна-

чается секретарь, который должен держать в тайне место, где они хранятся.

11. Член Исполнительного комитета может привлекать посторонних сочувствующих лиц к себе в агенты с согласия распорядительной комиссии. Агенты эти могут быть первой степени — с меньшим доверием, и второй — с большим, а сам член Исполнительного комитета называет себя перед ними агентом третьей степени»[1].

Первую попытку убить Царя террористы предпринимают осенью 1879 года в г. Александровске Екатеринославской губернии. Заговорщики под руководством А.И. Желябова и А.В. Якимовой решили взорвать Царский поезд, следовавший из Севастополя. Под видом купца Черемисова Желябов приобретает участок земли рядом с железной дорогой якобы с намерением построить здесь кожевенный завод. Вместе со строительными материалами заговорщики привезли динамит и подложили под путями мину. В момент прохождения Царского поезда 18 ноября 1879 года Желябов лично соединил провода батареи, ведущие к взрывному устройству. Однако мина не сработала, поезд с Императором благополучно проследовал в сторону Москвы.

Почти одновременно террористы организуют и другое покушение на Царя. В трех верстах от Москвы, также рядом с железной дорогой южного направления, С.Л. Перовская и Л.Н. Гартман под фамилией супругов Сухоруковых открывают лавку сыров. Из подвала дома террористы делают подкоп под железную дорогу и устанавливают под полотном мощную мину. На этот раз 19 ноября 1879 года мина сработала. Но преступники просчитались. Оказывается, состав, на котором ехал Император, проследовал раньше, а жертвой террористов стал поезд с Царской свитой. К счастью, и здесь обошлось без жертв[2].

Сорвалось у террористов и еще одно покушение, которое

---

[1] Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932.

[2] После этого покушения Гартман был опознан полицией, объявлен в розыск и в декабре 1879-го бежал за границу. По настоянию русского правительства французская полиция 23 января 1880 года арестовала Гартмана в Париже. Иудейская, масонская и социалистическая печать развернула активную кампанию в поддержку преступника, покушавшегося на Царя. С требованием освободить Гартмана выступили самые крупные европейские масоны Д. Гарибальди, В. Гюго и др. Преступник был отпущен на свободу и продолжил свою подрывную деятельность против России.

готовилось в ноябре 1879 года в Одессе. Как и в предыдущих случаях, преступники совершили подкоп под железную дорогу.

Следующее покушение на Александра II террористы организовали в Зимнем дворце в Петербурге. По заданию «Народной воли» столяром во дворец под фамилией С. Батышков устроился С.Н. Халтурин[1]. С сентября 1879-го он сумел пронести в Царскую резиденцию динамит и собрать там взрывное устройство. Взрыв был произведен 5 февраля 1880 года. Заговорщики планировали убить не только Царя, но и других членов Царствующего Дома, которые в это время собрались на торжественный обед по случаю прибытия герцога Александра Гессенского. По расчетам заговорщиков, мина должна была взорваться под царскими покоями. Но и здесь расчет цареубийц оказался неверен. Страшный взрыв вздыбил все пространство, но его основная сила обошла царские покои и пришлась на караульное помещение. Было убито и ранено несколько десятков солдат финляндского полка.

Весной 1880-го террористы готовят покушение на Александра II в Одессе. Сюда направляют С.Л. Перовскую, А.В. Якимову с двумя мужчинами-террористами. Мужчины готовят динамит и все что нужно для снаряжения мины. Во время одного из таких сеансов по неосторожности раздается взрыв и один из террористов остается без пальцев. Покушения в Одессе не произошло, потому что Царь через город не поехал. Удрученные заговорщики вернулись в Петербург.

В северной столице террористы тем временем вели приготовления к покушению на Александра II под Каменным мостом по Гороховой улице. Сигнальщицей здесь предполагалась также Якимова. Завидев Царский выезд, она должна была дать знак Желябову быть готовым к взрыву. В воду под мост террористы опустили семь пудов динамита, уложенного в четыре гуттаперчевые подушки. Они соединялись проволокой и были подключены к батарее. План террористов был таков: когда Александр II из Царского Села поедет через Петербург в Ливадию, взорвать поезд. Покушение провалилось, потому что один из его главных участников проспал.

В конце 1880-го заговорщики устраивают динамитную мастерскую на Обводном канале. Отвечали за нее Кибальчич и Якимова. В декабре террористы поселились на Малой Садовой

---

[1] Связь между руководством «Народной воли» и Халтуриным осуществлял другой видный террорист, А.А. Квятковский.

улице, где из сырной лавки был устроен подкоп и заложена мина под улицу.

1 марта 1881 года, в 9 часов утра, на одной из конспиративных квартир, где хозяйничала Геся Гельфман, собрались все террористы, которые должны были принять участие в убийстве Александра II[1]. Было принято окончательное решение совершить убийство именно сегодня. Террорист М. Фроленко отправился на Малую Садовую, чтобы привести в действие взрывное устройство. С. Перовская взяла на себя руководство метальщиками бомб. Террористы знали, что Царь в этот день едет на развод к Михайловскому замку. Если бы он направлялся по Малой Садовой, то его карету должны были подорвать из сырной лавки. Если царская карета миновала Малую Садовую, то террористы собирались напасть на Царя на обратном пути из Михайловского замка и забросать его карету бомбами.

Царская карета выехала из замка в начале третьего. Сигнал к убийству подала С. Перовская. Первым бомбу бросил Н. Рысаков. Взрыв разбил царскую карету и ранил нескольких случайных людей. Сам Царь остался невредим. Стараясь держаться спокойно, он подошел к террористу и стал задавать ему вопросы. Потом вернулся к разбитой карете. Здесь его окружила толпа. Именно в нее бросил свою бомбу другой заговорщик, польский террорист И.И. Гриневицкий. Бомба поразила Царя и убила многих стоявших в толпе. Когда рассеялось облако взрыва, Александр лежал на панели, шинель и фуражка были сорваны взрывной волной, ноги обнажены, и ручьем лилась кровь. Как констатировало медицинское заключение: «Конечностей левой стопы совсем не было, обе берцовые кости до колен раздроблены, мягкие части, мускулы и связки изорваны и представляли бесформенную массу, выше колен до половины бедра несколько ран...» Последними словами государя были: «Во дворец... Там — умереть». Через час с небольшим Царь скончался.

Но и террористы пережили Царя только на месяц. По приговору суда все главные преступники — Желябов, Перовская, Кибальчич, Михайлов, Гельфман, Рысаков — были повешены на Семеновском плацу в Петербурге. Гриневицкий же умер в один день с Царем, смертельно раненный своей же бомбой.

---

[1] Незадолго до покушения полиция арестовала Желябова и еще трех террористов. Поэтому им приходилось на ходу корректировать свои планы.

ГЛАВА 13

Эксгумация «Народной воли» еврейскими революционерами. — Продолжение покушений на русского Царя. — Заговор террористической группы Ульянова (Бланка). — Смерть Александра III. — Версия отравления по приговору тайной иудейской власти.

После казни цареубийц в России на несколько лет установилось относительное спокойствие. Остатки заговорщиков затаились в глубоком подполье. Множество ранее обманутых социалистической пропагандой русских людей отшатнулись от заговорщиков. Тем не менее зарубежные покровители цареубийц не теряют надежды на эксгумацию «Народной воли» и продолжение ее антирусской деятельности.

Через Л. Гартмана в Россию текут деньги на восстановление (а фактически создание новой) организации цареубийц. Кадровый костяк новой «Народной воли» составили преимущественно евреи: Абрам Бах, Раиса Кранцфельд, Борис Оржих, Л.М. Залкинд, Софья Гинзбург, Михаил Гоц, М. Фундаминский, Осип Минор, Генриета Добрускина, Исаак Дембо, Моисей Кроль, Л. Штернберг, В. Богораз-Тан, П. Богораз.

В 1885 году в Екатеринославле собирается съезд южных народовольцев (состоявший почти из одних евреев), постановивший продолжать войну против русской Монархии и охоту на русского Царя. В конце декабря 1886-го А.И. Ульянов (по матери Бланк) и П.Я. Шевырев создают террористическую группу, поставившую своей целью убийство Царя.

1 марта 1887-го террористы решили повторить сценарий убийства Александра II. Была подготовлена группа бомбометателей, которую возглавил В.С. Осипанов. Террорист В.Д. Генералов готовился бросить бомбу в Царя на Невском проспекте. Террористы были схвачены с поличным незадолго до начала покушения. На суде преступники пытались выступать с политическими заявлениями, но выглядели очень жалко. По приговору суда все члены преступной группировки, включая организаторов (А.И. Ульянов и П.Я. Шевырев) и исполнителей (П.И. Андреюшкин, В.Д. Генералов, В.С. Осипанов), были повешены в Шлиссельбургской крепости.

В 1888-м С.М. Гинзбург, выполняя решение созданного за рубежом «Союзно-террористического кружка (центра)», приехала в Россию с целью собрать рассеянные остатки «Народной

воли» и подготовить покушение на Александра III. К счастью, террористка была вовремя арестована[1].

Террористам не удалось убить Александра III. Однако сразу же после смерти Императора в Крыму от болезни стали распространяться слухи, что его отравили. Официально слухи эти подтверждены не были, и смерть Александра III считалась окутанной тайной. В 1921 году русская эмигрантская организация Союз «Единство Руси», располагавшаяся в Нью-Йорке, опубликовала брошюру «Кто убивал русских царей?», в которой давалась новая версия смерти Александра III, согласно которой Государь был отравлен еврейским врачом Г.А. Захарьиным по указанию тайной иудейской власти.

В брошюре приводилась обширная выдержка из книги Э. Салтуса «Императорская оргия»[2]:

«Тем временем Израиль переживал агонию. В тех местностях, где другая охота была запрещена, русские князья травили евреев. Оставался один путь к спасению, это был Бог.

В тайных синагогах возжигались свечи и произносилось великое заклинание Шамата во имя того, что имеет сорок две буквы, во имя Тетраграмматона, во имя «Глобуса и Колеса», во имя того, кто сказал: «Я есмь тот, который есть и который будет». Раввинов умоляли повторять проклятия. Моления воссылались к Иегове, чтобы он послал все несчастья судьбы на Царя. Моления обращались к Всемогущему, чтобы он уничтожил Царя. На Востоке из века жила вера в действительность заклинаний. Россия же всегда была Азией. Заклинания, произносившиеся в тайных синагогах, вознеслись к престолу Всевышнего и, должно быть, были им услышаны.

В Ливадии Император заболел. Заболевание было легкое, простая простуда, которая обыкновенно проходит в неделю, разве что больному не была оказана медицинская помощь, в каковом случае болезнь может принять затяжной характер.

Простуда у Царя осложнилась и перешла в плеврит. В то время в Москве жил доктор-специалист, который лечил очень успешно. Это был Захарьин. Он был вызван в Крым и, прибыв

---

[1] Заговорщица была приговорена к смертной казни, но Царь, на которого она покушалась, заменил эту меру бессрочной каторгой. Преступница содержалась в Шлиссельбургской крепости, где покончила с собой.

[2] Издана в 1921 году в Нью-Йорке. С. 212—215.

туда, поставил свой диагноз. Было бы любопытно видеть его за тем, как он ставил диагноз.

Если бы он был террористом, он мог бы убить Царя, но тогда он немедленно был бы разорван на клочки. Захарьин не был террористом. Он был врачом. В качестве такового он прописал лекарство, которое он предусмотрительно привез с собою.

Без колебания августейший пациент принял это лекарство. Захарьин следил за Царем.

Еще интереснее было бы поглядеть, как Захарьин следил за Царем. Взгляд его, вероятно, выражал шекспировскую мысль: «Наконец-то!»

У постели больного стоял Захарьин. За ним стояла Дагмара. Позади нее находился Обер-Прокурор Святейшего Синода и офицеры Конвоя. В соседней зале были слуги. Далее стояли часовые. Снаружи дворца была расположена сотня казаков. Но, несмотря на все преграды, беззвучно, без доклада, никем не замеченная, без царских почестей, в комнату больного проникла царственная Тень.

Император, еще не зная об этом, но как будто что-то предчувствуя, кивнул Захарьину головой:

— Кто вы такой?

Захарьин, наклонившись вперед, прошептал:

— Я еврей.

— Еврей?..

Тогда Захарьин обернулся к присутствующим и сказал:

— Его Величество бредит.

А затем, опять повернувшись к Царю, он прошептал:

— Вы приговорены к погибели.

Чтобы подавить страх, Император Александр приподнялся на постели. Хотя голос его все еще был мощный, но яд был сильнее... Он опять откинулся назад. Заклинание подействовало.

Израиль победил там, где террор не увенчался успехом.

«Плачь, Россия!» — таков был заголовок в очередном номере официального органа «Новое Время». «Император скончался». Захарьин же был пожалован орденом Александра Невского с традиционными бриллиантами.

Насмешки ради он принял орден».

Часть II
ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ ЦАРЬ

ГЛАВА 14

Рождение в день Иова Многострадального. — Семья. — Русские мамки. — Обучение Закону Божьему и грамоте. — Воспитание религиозного чувства.

6 мая 1868 года в семье Цесаревича Александра Александровича и его супруги Марии Федоровны родился сын, которому никто не предвещал скорого царствования. В самом деле, дед мальчика — пятидесятилетний Император Александр II — был крепким, здоровым мужчиной, чье царствование могло продлиться десятилетия, а отец — будущий Император Александр III — молодым человеком, двадцати трех лет.

Рождение будущего Царя Николая II произошло в тот день, когда Православная Церковь отмечает память святого Иова Многострадального. Этому совпадению и сам Царь, и многие из его окружения придавали большое значение как предвозвестию страшных испытаний. Роды будущего священномученика проходили тяжело. В дневнике Александра III сохранилась запись, относящаяся к этому событию: «Минни (Мария Федоровна) разбудила меня в начале 5-го часа, говоря, что у нее начинаются сильные боли и не дают ей спать; однако по временам она засыпала и потом опять просыпалась до 8 часов утра. Наконец мы встали и отправились одеваться. Одевшись и выпив кофе, пошел скорее к моей душке, которая уже не могла кончить свой туалет, потому что боли делались чаще и чаще. М-ль Михайловна пришла и помогла Минни вместе со мною переносить эти страдания. Я скорее написал мама записку об этом, и мама с папа приехали около 10 часов... Минни уже начала страдать порядочно сильно и даже кричать по временам. Около 12 1/2 она перешла в спальню и легла уже на кушетку, где все было приготовлено. Боли были все сильнее и сильнее, и Минни очень страдала. Папа... помогал мне держать мою душку все время. Наконец в 3 пришла последняя минута, и все страдания прекратились разом. Бог послал нам сына, которого мы назвали Николаем. Что за радость была, это нельзя себе представить, я бро-

сился обнимать мою душку-жену, которая разом повеселела и была счастлива ужасно. Я плакал, как дитя, и так было легко на душе и приятно. Обнялись с папа и мама от души... Я остался у Минни, пока все не пришло в порядок... а потом пришел Я.Г. Бажанов читать молитвы, и я держал моего маленького Николая на руках».

Отец Николая Цесаревич Александр и по душе, и по внешности был истинно русский человек, глубоко верующий, заботливый супруг и отец, он своей жизнью давал пример своему окружению: был неприхотлив в быту, одежду носил чуть ли не до дыр, не любил роскоши. Александр отличался физической силой и твердостью характера, более всего любил правду, спокойно обдумывал каждое дело, был замечательно прост в обращении и вообще предпочитал все русское.

Мать Николая Мария Федоровна (до замужества София Фредерика Дагмара) была дочерью датского короля Христиана IX и королевы Луизы. Как и все иностранные принцессы, выходившие замуж за Наследников русского Престола, она приняла православие, быстро усвоила русский язык и стала настоящей русской патриоткой, поддерживая все государственные начинания своего супруга.

Детей в их семье было пятеро — Николай (самый старший), Георгий, Ксения, Михаил и Ольга. Отец приучал своих детей спать на простых солдатских койках с жесткими подушками, утром обливаться холодной водой, а на завтрак есть простую кашу.

Первое, конечно бессознательное, знакомство Николая с простыми русскими людьми происходило через кормилицу-мамку. Выбирались мамки из русских крестьянских семей и по окончании своей миссии имели право приезда во дворец, во-первых, в день Ангела своего питомца, во-вторых, к празднику Пасхи и на елку, в день Рождества[1].

Во время этих встреч подростки беседовали со своими мамками, впитывая в сознание народные обороты русской речи. Как справедливо отмечалось, «при невероятной смеси кровей в царской семье эти мамки были, так сказать, драгоценным резервуаром русской крови, которая в виде молока вливалась в жилы Романовского Дома и без которой сидеть на русском Престоле было бы очень трудно. Все Романовы, у которых были русские мамки, говорили по-русски с налетом простонароднос-

---

[1] Сургучев И. Детство императора Николая II. Париж, б/г. С. 138—139.

ти. Так говорил и (отец Николая) Александр Третий. Если он не следил за собой, то в его интонациях... было что-то от варламовской раскатистости»[1].

С 1876 года до десяти лет воспитательницей Николая была Александра Петровна Олленгрэн (в девичестве Окошникова), дочь адмирала, георгиевского кавалера, вдова русского офицера шведского происхождения.

Первой воспитательнице Николая поручалось выучить его начальной русской грамоте, начальным молитвам, а также арифметике.

Весьма характерен диалог, который произошел между отцом Николая и его первой воспитательницей (привожу его в кратком изложении):

— Вам дают двух мальчуганов[2], которым рано еще думать о Престоле, которых нужно не выпускать из рук и не давать повадки. Имейте в виду, что ни я, ни Великая Княгиня не желаем делать из них оранжерейных цветов. Они должны шалить в меру, играть, учиться, хорошо молиться Богу и ни о каких престолах не думать, — сказал Цесаревич Александр.

— Ваше Высочество! — воскликнула Олленгрэн. — Но у меня есть еще маленький Владимир.

— Сколько ему? — спросил Наследник.

— Восьмой год.

— Как раз ровесник Ники. Пусть он воспитывается вместе с моими детьми, — сказал Наследник, — и вам не разлучаться, и моим будет веселей. Все лишний мальчишка.

— Но у него характер, Ваше Высочество.

— Какой характер?

— Драчлив, Ваше Высочество...

— Пустяки, милая. Это — до первой сдачи. Мои тоже не ангелы небесные. Их двое. Соединенными силами они живо приведут вашего богатыря в христианскую веру. Не из сахара сделаны. Учите хорошенько мальчуганов, поблажки не давайте, спрашивайте по всей строгости законов, не поощряйте лени в особенности. Если что, адресуйтесь прямо ко мне, а я знаю, что нужно делать. Повторяю, что мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные, здоровые русские дети. Подерутся — пожалуйста. Но доносчику — первый кнут. Это самое мое первое требование. Вы меня поняли?

---

[1] Сургучев И. Детство императора Николая II. Париж, б/г. С. 138—139.

[2] Вместе с Николаем обучался и его брат Георгий.

— Поняла, Ваше Императорское Высочество.

С самого детства будущий Царь Николай II воспитывал в себе глубокое религиозное чувство и неподдельное благочестие. Мальчик не тяготился длинными церковными службами, которые во дворце проходили строго и торжественно. Ребенок всей душой сопереживал мукам Спасителя и с детской непосредственностью размышлял, как бы помочь Ему. Воспитывавшийся вместе с Николаем сын А.П. Олленгрэн, например, вспоминал, как чин выноса Плащаницы на Страстную пятницу, торжественный и скорбный, поражал воображение Николая. Он на весь день становился скорбным и подавленным и просил рассказать, как злые первосвященники замучили доброго Спасителя. «Глазенки его наливались слезами, и он часто говаривал, сжимая кулаки: «Эх, не было меня тогда там, я бы показал им!» А ночью, оставшись одни в опочивальне, мы втроем (Николай, его брат Георгий и сын Олленгрэн Володя. — *О. П.*) разрабатывали планы спасения Христа. Особенно Николай ненавидел Пилата, который мог спасти Его и не спас.

Помню, я уже задремал, когда к моей постельке подошел Николай и, плача, скорбно сказал:

— Мне жалко Боженьку. За что они Его так больно? <...> И до сих пор не могу забыть его больших возбужденных глаз»[1]. В детстве и юности Николай спал на узкой железной кровати с простым матрацем. Значительную часть времени он проводил на воздухе, занимаясь спортом. Даже в холодное время года, чтобы закалить сына, отец настаивал на прогулках. Поощрялись подвижные детские игры, физическая работа в саду. Николай и другие дети Цесаревича Александра часто посещали птичий двор, оранжерею, ферму, работали в зверинце. Им дарили птиц, гусей, кроликов, медвежат, за которыми они сами ухаживали: кормили их, чистили. В детских комнатах постоянно жили птицы — снегири, попугаи, канарейки, которых дети забирали с собой, когда летом уезжали в Гатчину.

За 1876—1879 годы Николай прошел все предметы по программе для поступления в среднее учебное заведение. Чтобы проверить знания Николая, была собрана особая комиссия, которая устроила ему экзамен. Комиссия осталась очень довольна успехами десятилетнего мальчика. Для дальнейшего продолжения учения своего сына Цесаревич Александр пригласил генерал-адъютанта Г. Г. Даниловича, который по своему усмотре-

---

[1] Сургучев И. Указ. соч. С. 108.

нию выбрал Николаю учителей Закона Божьего, русского языка, математики, географии, истории, французского и немецкого языков.

ГЛАВА 15

Убийство Александра II. — Конец безмятежного детства Николая. — Дневник Царевича. — Продолжение образования. — Учебный курс гимназии и университета.

Безмятежное детство Николая закончилось 1 марта 1881 года. В этот день тринадцатилетний мальчик столкнулся со страшным злодейством, поразившим его чудовищной жестокостью, — убийством политическими бандитами деда — Императора Александра II. Преступники забросали Императора бомбами, тяжело ранив его. Александра II привезли во дворец истекающим кровью, с перебитыми ногами.

В бессознательном состоянии Государя внесли в рабочий кабинет и положили на узкую походную койку. Подле умирающего стоял Наследник со своей женой и сыном Николаем. Мальчик вглядывался в лицо любимого деда, дыхание которого становилось все тише и тише, грудь едва поднималась.

Великий князь Александр Михайлович писал в своих воспоминаниях: «Вид умирающего Государя был ужасен: его правая нога была оторвана, левая разбита, бесчисленные раны покрывали лицо и голову. Один глаз был закрыт, другой — смотрел перед собой без всякого выражения.

Каждую минуту входили один за другим члены Императорской Фамилии, комната была переполнена. Я схватил руку Николая, который стоял близко от меня, смертельно бледный в своем синем матросском костюмчике... Агония продолжалась 45 минут...

— Тише! — возгласил доктор. — Государь кончается! — Мы приблизились к умирающему. Глаз безо всякого выражения попрежнему смотрел в пространство. Лейб-хирург, слушавший пульс Царя, кивнул головой и опустил окровавленную руку.

— Государь Император скончался! — громко промолвил он. Все опустились на колени»[1].

В течение недели два раза в день Николай вместе со всей се-

---

[1] Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 50—51.

мьей приходил на торжественные панихиды в Зимнем дворце. Наутро восьмого дня тело торжественно перенесли в Петропавловский собор. Чтобы русские люди могли проститься с телом Царя-Освободителя, Царя-мученика, был избран самый длинный путь по всем главным улицам столицы, который вместе со всеми проделал и Николай.

Убийство деда изменило политическое положение Николая. Из просто Великого князя он стал Наследником Российского Престола, облеченным огромной ответственностью перед страной.

Через несколько часов после смерти Александра II вышел Высочайший Манифест, в котором говорилось:

«Объявляем всем верным Нашим подданным: Господу Богу угодно было в неисповедимых путях Своих поразить Россию роковым ударом и внезапно отозвать к Себе ее благодетеля, Гос. Имп. Александра II. Он пал от святотатственной руки убийц, неоднократно покушавшихся на Его драгоценную жизнь. Они посягали на сию столь драгоценную жизнь потому, что в ней видели оплот и залог величия России и благоденствия Русского народа. Смиряясь пред таинственными велениями Божественного Промысла и вознося ко Всевышнему мольбы об упокоении чистой души усопшего Родителя Нашего, Мы вступаем на Прародительский Наш престол Российской Империи и нераздельных с нею Царства Польского и Великого Княжества Финляндского.

Подъемлем тяжкое бремя, Богом на Нас возлагаемое, с твердым упованием на Его Всемогущую помощь. Да благословит Он труды Наши ко благу возлюбленного Нашего Отечества, и да направит Он силы Наши устроению счастия всех наших верноподданных.

Повторяя данный Нам Родителем Нашим священный пред Господом Вседержителем обет посвятить по завету Наших предков всю жизнь Нашу попечениям о благоденствии, могуществе и славе России, Мы призываем Наших верноподданных соединить их молитвы с Нашими мольбами пред Алтарем Всевышнего и повелеваем им учинить присягу в верности Нам и Наследнику Нашему, Его Имп. Выс. Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу»[1].

Для подростка Николая столь ужасная кончина деда стала незаживающей душевной раной. Он не мог понять, за что убий-

---

[1] Русский инвалид. 1881. 3.3.

цы подняли руку на Государя, прославившегося в русском народе справедливостью, благостью и кротостью, освободившего крепостных крестьян, утвердившего гласный суд и самоуправление местных органов власти. Уже тогда Николай начинает осознавать, что далеко не все подданные России хотят блага своей Родине. Против Святой Руси и русского государственного и общественного устройства восстали темные богоборческие силы, о существовании которых мальчику в свое время рассказывал его наставник по Закону Божьему.

В сознание Николая входило также понимание того, что нарушено самое существенное в государственной жизни России — традиционная духовная, патриархальная связь между Царем и русским народом. Это с горечью осознавали многие из окружения Николая. Уже упомянутый мной великий князь Александр Михайлович впоследствии вспоминал:

«Мы понимали, что что-то несоизмеримо большее, чем наш любящий дядя и мужественный Монарх, ушло вместе с ним невозвратимо в прошлое. Идиллическая Россия с Царем-Батюшкой и его верноподданным народом перестала существовать 1 марта 1881 г. Мы понимали, что русский Царь никогда более не сможет относиться к своим подданным с безграничным доверием. Не сможет, забыв цареубийство, всецело отдаться государственным делам. Романтическая традиция прошлого и идеалистическое понимание русского самодержавия в духе славянофилов — все это будет погребено вместе с убитым Императором в склепе Петропавловской крепости. Взрывом прошлого воскресенья был нанесен смертельный удар прежним принципам, и никто не мог отрицать, что будущее не только Российской Империи, но и всего мира зависело теперь от исхода неминуемой борьбы между новым русским Царем и стихиями отрицания и разрушения»[1].

С 1 января 1882 года Николай начал вести дневник, в котором ежедневно в течение всей дальнейшей жизни записывал главные события дня.

Из дневниковых записей следовало, что в будние дни Николай вставал в семь часов, пил кофе с молоком (в воскресенье и праздники — со сливками), много читал на разных языках, проходил обучение с преподавателями, работал в парке, зверинце и других местах, гулял с детьми, по вечерам устраивались семейные чтения.

---

[1] Александр Михайлович, великий князь. Указ. соч.

Приведу записи, сделанные Николаем с 18 по 24 января 1882 года:

«18 января. Понед. Св. Афанасия и Кирилла.

Проснулись в семь: оделись и в 1/4 восьмого читал французскую книгу; в 3/4 восьмого пили будний кофе; учились; завтракали у себя, так как Папа и Мама поехали в Царское Село к д. Владимиру и т. Михень; ходили работать в саду; пилили, рубили дрова и разводили костер; Джоржи под конец стал немного лениться пилить; после обеда качались в арсенале; после качания немного читали; затем купались и легли спать в десятом часу.

19 января. Вторн. Препод. Макария.

В семь часов утра начали одеваться; в 1/4 восьмого читали; пили будний кофе; учились; завтракали с нами б. Раден, Володя и Елена Шереметевы; ходили работать в Зверинец; у первых ворот выпустили рогатого оленя; рубили дрова из сучьев огромного дерева, на которое Георгий и я влезали, чтобы срубить его ветви; после этого разводили громадный костер; после обеда качались в арсенале; затем читали и легли спать около половины десятого.

20 января. Среда. Препод. Евфимия Великого.

Встав в семь и одевшись, я стал читать; 3/4 восьмого пили будний кофе; учились; завтракал с нами гр. Игнатьев; 3/4 четвертого вышли гулять, ибо гр. Красное Солнышко задержал Папа своими докладами; мы перепилили остальную часть нашего дерева, сожгли все сучья и прежнюю кучу ветвей; полная луна хорошо освещала нам дорогу; после обеда качались в арсенале и затем наклеивали марки; легли спать в десятом часу.

21 января. Четверг. Препод. Максима.

Проснулись в семь часов; оделись и в 20 минут восьмого я начал писать свое сочинение; пили будний кофе; учились; в 3/4 двенадцатого меня... не разб. m. Mole; завтракали с нами гр. Воронцов-Дашков, князь и княгиня Оболенские и гр. Алексей Борисович Перовский; работали в Зверинце с Mr. Heath; после обеда я играл с ним в пирамиду в арсенале; я немного читал, а Георгий играл в Ксеньиных комнатах с нею; легли в 10-м часу.

22 января. Пятн. Апостола Тимофея.

Встали в семь; одевшись, в 25 минут восьмого я сел [за] чтение; пили будний кофе; учились; завтракали у нас: тети Сани и Титикака с Тиньхен; перед прогулкой, т. е. в 3 часа, приехали из Петербурга наши канарейки и попочки; работали в саду на ост-

рове, который расположен между паромом и понташкиным мостом; так как дерево [упало?] между др. деревьями, то для этого призвали матросов; после обеда я качался в арсенале и читал французскую книгу; у Папа и Мама был большой обед; легли спать около половины десятого.

23 января. Суббота. Свящ.-муч. Климента.

Встали около семи; одевшись, читал; пили будний кофе; немного чистили канареек, а во время первого урока Костя совершенно вычистил их и попугаев; учились, завтракали с нами гр. Игнатьев и Катерина Сергеевна с сестрой; работали в Зверинце с Mr. Heath, а перед работой качались в санях; обедал с нами Биш; качались в арсенале; а потом выпили кофе у Ксении; легли спать в три четверти десятого.

24 января. Воскресенье. Препод. Ксении.

Проснувшись, оделись; пили праздничный кофе; затем вычистили своих пернатых; в 9 подошли к Ксении с подарками; в половине десятого сходили к Мама и Папа; перед обедней Ксения получила подарки от Папа и Мама; маленький выход произошел в Белой зале; после обедни завтракали в арсенале; в 3 часа к нам приехали: Сандро, Петя, Кира, Дмитрий, Павел и Борис; ездили на ослах в Зверинец; дорогой домой играли в охоту; обедали в арсенале и затем играли в тир; Сандро привез нам марки для коллекции; легли спать в четверть десятого».

Воспитание и образование Николая II проходили под личным руководством его отца, на традиционной религиозной основе, в спартанских условиях. Учебные занятия будущего Царя велись по тщательно разработанной программе в течение тринадцати лет. Первые восемь — посвящены предметам гимназического курса, с заменой классических языков основами минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии. Особое внимание уделялось изучению политической истории, русской литературы, французского, английского и немецкого языков (которыми Николай овладел в совершенстве). Следующие пять лет посвящались изучению военного дела, юридических и экономических наук, необходимых для государственного деятеля. Преподавание этих наук велось выдающимися русскими учеными с мировыми именами: И.Л. Янышев учил каноническому праву в связи с историей Церкви, главнейшим отделам богословия и истории религии; Н.Х. Бунге — статистике, политической экономии и финансовому праву; К.П. Победоносцев — законоведению, государственному, гражданскому и уголовному праву;

М.Н. Капустин — международному праву; Е.Е. Замысловский — политической истории; Н.Н. Бекетов — химии; Н.Н. Обручев — военной статистике; Г.А. Леер — стратегии и военной истории; М.И. Драгомиров — боевой подготовке войск; Ц.А. Кюи — фортификации.

Чтобы будущий Царь на практике познакомился с войсковым бытом и порядком строевой службы, отец направляет его на военные сборы. Сначала два года Николай служит в рядах Преображенского полка, исполняя обязанности субалтерн-офицера, а затем ротного командира. Два летних сезона Николай проходит службу в рядах кавалерийского гусарского полка взводным офицером, а затем эскадронным командиром. И, наконец, будущий Император проводит один лагерный сбор в рядах артиллерии.

К 21 году Николай стал высокообразованным человеком с широким кругозором, прекрасно знающим русскую историю и литературу, в совершенстве владеющим основными европейскими языками. Совершенство, с которым Наследник владел, например, английским языком, было таково, что оксфордский профессор принял его за англичанина.

Блестящее образование соединилось у Николая с глубокой религиозностью и знанием духовной литературы, что не часто встречалось у молодежи из высшего, правящего класса того времени. Александр III сумел привить своему сыну беззаветную любовь к России, чувство ответственности за ее судьбу. С детства Николаю стала близка мысль, что его главное предназначение — следовать русским православным, духовным основам, традициям и идеалам.

ГЛАВА 16

Чудесное спасение Царской семьи в Борках. — Обучение практике государственного управления. — Посещение российских губерний. — Кругосветное путешествие. — Возвращение через Сибирь. — Скоропостижная смерть Александра III.

17 октября 1888 года Цесаревич Николай испытал страшное потрясение. В этот день возле станции Борки во время железнодорожной катастрофы могла погибнуть вся Царская семья. Когда Царский поезд проходил через глубокую балку, произошло оседание пород и несколько вагонов на полной скорости угодили в яму. Царская семья в момент крушения находилась в ваго-

не-столовой. Завтрак приходил к концу, когда все почувствовали страшное по силе сотрясение. Катастрофа имела три момента. Два толчка, а затем не прошло и секунды, как стена вагона стала разлетаться вдребезги. Вот что писала выходившая в то время газета «Гражданин»: «После первого толчка последовала остановка. Вторым толчком, силою инерции, был выбит низ вагона. Все упали на насыпь. Затем последовал третий момент, самый ужасный: стены вагона отделились от крыши и начали падать вовнутрь. По произволению Господню падающие стены встретились и образовали крышу, на которую свалилась крыша вагона: вагон-столовая обратился в приплюснутую массу. Весь ход колес отброшен далеко в сторону и разбился на мельчайшие части. Крыша, затем свернутая и откинутая в сторону, открыла жалкие остатки вагона. Под обломками, казалось, была погребена Царская семья. Но Господь явил великое чудо. Царь, Царица и царские дети были сохранены для Отечества чудом Всевышнего. Крыша навалилась на них косо, рассказывает очевидец Зичи, который находился в вагоне. «Между стеной вагона и крышей было отверстие, через которое я и вошел. За мной вошла графиня Кутузова. Государыня Императрица была вынута из окошка вагона. У Государя Императора оказался сплющенным серебряный портсигар, с правой стороны в кармане». По словам очевидца, место катастрофы представляло ужасную картину. Вагон-кухня слетел под откос. Крыша другого, министерского, вагона снесена к озеру. Первые четыре вагона представляли собой груду щепок, песка и железа. Локомотив, неповрежденный, стоял на пути, но задние колеса врылись в землю, сойдя с рельсов. Второй локомотив врылся в песок насыпи. У Александра III при виде картины крушения навернулись на глаза слезы. Мало-помалу вокруг Государя стала группироваться свита и все оставшиеся в живых. Единственными свидетелями крушения были оцепенелые от ужаса солдаты Пензенского пехотного полка, стоявшие в цепи в этой местности. Увидав, что нет никакой возможности оказать помощь пострадавшим силами и средствами разбитого поезда, Государь приказал солдатам стрелять. Началась тревога. По всей линии сбежались солдаты; с ними оказался врач Пензенского полка; появились перевязочные средства, хотя и в скудном количестве.

Была слякоть, шел мелкий, холодный дождь с изморозью. Государыня была в одном платье, сильно пострадавшем в момент катастрофы. Под руками не нашлось ничего, чем бы прикрыть ее от холода, и на ее плечи накинули офицерское пальто.

В первый момент многие из находившихся на месте генералов, желая оказать посильное содействие, делали каждый свои распоряжения, но это только тормозило общий ход работ по оказанию помощи. Видя это, Государь взял на себя распоряжение оказания помощи».

С 1889 года Государь начинает привлекать Николая к работе в высших государственных органах, приглашая участвовать в занятиях Государственного Совета и Комитета Министров. Александр III разработал для сына практическую образовательную программу для ознакомления с различными областями России. Для этого Наследник сопровождал своего отца в многочисленных поездках по стране.

В 1889 году Николай совершает ознакомительное путешествие по многим странам мира. Через Вену, Триест, Грецию и Египет Наследник русского Престола путешествует по Индии, Китаю и Японии. В Китае Николай проплыл по реке Янцзы до Хань-Коу и посетил там русские чайные фактории.

Во время путешествия по Японии на Николая было совершено покушение. В городе Отсу на Наследника напал полусумасшедший религиозный фанатик с саблей в руках. Николай был легко ранен в голову. Покушавшийся собирался нанести еще удар, но был сбит с ног и арестован.

В Россию Николай возвращался через Сибирь. Во Владивостоке он участвовал в открытии строительства Сибирской железной дороги, на закладке дока и памятника адмиралу Невельскому. В Хабаровске Наследник присутствовал на освящении памятника Муравьеву-Амурскому. Через Иркутск, Тобольск, Екатеринбург Николай вернулся в Царское Село возмужавшим и окрепшим. Вдали от родителей он провел 9 месяцев (с 23 октября 1890-го по 4 августа 1891-го), проделав путь в 35 тысяч верст.

После такой школы жизни, которую прошел во время кругосветного путешествия Наследник, Александр III начал поручать ему более серьезные дела. Николай был назначен председателем комитета Сибирской железной дороги. Он присутствовал на всех его заседаниях, относясь к этому назначению с большой ответственностью. Отец также поручил Николаю председательствовать в особом комитете по доставке помощи населению губерний, пострадавших от неурожая (действовал до 5 марта 1893 года). Комитет собрал пожертвований более чем на 13 миллионов рублей и распределил их среди голодающих крестьян.

Кроме работы в этих комитетах, Николай постоянно при-

глашается на заседания высших государственных учреждений, где практически знакомится с наукой управления великой страной.

Еще будучи Наследником престола, Николай начал свою благотворительную деятельность, на которую он использовал свои первые личные средства — 4 млн. рублей, полученных по наследству от прабабушки. Этих значительных по тем временам средств хватило ему только на три года благотворительности.

Год за годом Николай нарабатывал опыт государственной, политической и общественной жизни. Его дневники свидетельствовали о его большом труде на этом поприще. Николаю казалось, что впереди у него еще много лет такой подготовки к будущему царствованию.

Однако болезнь отца в течение нескольких месяцев изменила его жизнь. Александр III не любил лечиться, не говорил о своем недуге, который он, по-видимому, получил во время крушения в Борках, когда в течение нескольких минут поддерживал падающую крышу вагона, чтобы спасти семью. Богатырь по своему виду, обладавший огромной силой, способный ломать пятаки и завязать узлом железную кочергу, Александр III стал медленно угасать. Роковую роль сыграла охота в Спасе летом 1894 года. Здесь среди болот Император сильно промок и простудился. По совету врачей он немедленно поехал в Ливадию на лечение. Однако было уже поздно. Недуг крепко сковал пятидесятилетнего Императора. Окруженный молитвами св. Иоанна Кронштадтского, Александр III трижды приобщался Святых Тайн, не терял сознания, пока не скончался.

Все это время рядом с отцом был Николай и другие его дети. 20 октября 1894 года Николай, уже царствующий Император, записывает в своем дневнике:

«Боже, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого дорогого горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется — кажется до того неправдоподобным ужасная действительность. Все утро мы провели наверху около него! Дыхание его было затруднено, требовалось все время ему вдыхать кислород. Около половины 3 он причастился Святых Тайн; вскоре начались легкие судороги... и конец быстро настал! О. Иоанн больше часу стоял у его изголовья и держал за голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни! Бедная дорогая мама!.. Вечером в 9 1/2 была панихида — в той же спальне! Чувствовал себя как убитый... Вечером исповедался».

ГЛАВА 17

Взаимное чувство. — Любовь Николая. — Принцесса Алиса. — Бракосочетание через месяц после похорон отца.

Чувства горя и подавленности, которые испытал Николай после скоропостижной смерти отца, разделила с ним любимая женщина — принцесса Алиса, к браку с которой Наследник русского Престола стремился 10 лет.

Принцесса Алиса родилась в семье герцога Людвига IV Гессен-Дармштадтского и дочери английской королевы Виктории.

Мать будущей русской царицы Алиса Гессенская за свою короткую жизнь (она прожила всего 35 лет, умерла в 1878 году) оставила глубокую память своей душевностью, добротой и милосердием. Она создала несколько благотворительных обществ и активно участвовала в их работе. После ее смерти на добровольные пожертвования горожан ей был воздвигнут памятник «Алисе — незабвенной великой герцогине». Свою душевность и доброту мать передала и дочери. Те, кто знал ее совсем маленькой, вспоминают веселого и доверчивого ребенка, хотя иногда вспыльчивого и даже упрямого. За постоянную улыбчивость и радостные чувства, которые она вызывала, ее звали «солнышко».

Когда девочке было 6 лет, в семье произошла трагедия — заболели дифтеритом и умерли мать и сестра. Девочка на всю жизнь запомнила, как во дворце воцарилась гнетущая тишина, которую нарушал плач няньки за стеной комнаты маленькой Алисы. У девочки забрали игрушки и сожгли — боялись, как бы она не заразилась. Конечно, на следующий день принесли новые игрушки. Но это уже было не то — пропало что-то любимое и привычное. Событие, связанное со смертью матери и сестры, наложило роковую печать на характер ребенка. Вместо открытости в ее поведении стали преобладать замкнутость и сдержанность, вместо общительности — застенчивость, вместо улыбчивости — внешняя серьезность и даже холодность. Только в кругу самых близких людей, а таких были единицы, она становилась прежней — радостной и открытой. Эти черты характера сохранились у нее навсегда и доминировали даже тогда, когда она стала Императрицей. Близко знавший ее учитель царских детей П. Жильяр писал: «Весьма сдержанная и в то же время очень непосредственная, прежде всего — жена и мать, Императрица чувствовала себя счастливой только среди своих. Образованная и обладавшая художественным чутьем, она любила

чтение и искусство. Она любила также созерцание и погружалась в напряженную внутреннюю жизнь, из области которой выходила лишь при появлении опасности. Тогда она со страстной горячностью вступала в борьбу. Она была одарена самыми прекрасными нравственными качествами и всегда руководствовалась самыми благородными побуждениями».

Английская королева очень любила свою внучку и всячески заботилась о ее воспитании. Замок герцога Дармштадтского был пропитан «атмосферой старой доброй Англии». На стенах висели английские пейзажи и портреты родственников из туманного Альбиона. Воспитание велось английскими наставниками и преимущественно на английском языке. Королева Виктория постоянно посылала внучке свои наставления и советы. Пуританская мораль воспитывалась в девочке с самых первых лет. Даже кухня была английской — почти каждый день рисовый пудинг с яблоками, а на Рождество гусь и, конечно, плюм-пудинг и традиционный сладкий пирог.

Алиса получила самое лучшее по тем временам образование. Знала литературу, искусство, говорила на нескольких языках, прослушала курс философии в Оксфорде.

И в молодости, и в зрелом возрасте Царица была очень хороша собой. Это отмечали все (даже враги). Как описывала ее одна из придворных: «Из густой зелени парка показалась стройная, высокая фигура... Царица была вся в белом, на волосах легкая белая вуаль. Лицо было светлым и нежным... волосы красноватого золота, глаза... темно-голубые, а фигура гибкая, как пастуший хлыст. Насколько я помню, на ней был великолепный жемчуг, а бриллиантовые серьги переливались разноцветным огнем, как только она двигала головой...» Или другая зарисовка. «Императрица была очень хороша... высокого роста, стройная, с великолепно поставленной головой. Но все это было ничто в сравнении со взглядом ее серо-голубых глаз, поразительно живых, отражавших все волнение ее...» А вот описание Царицы, сделанное ее ближайшей подругой Вырубовой:

«Высокая, с золотистыми густыми волосами, доходившими до колен, она, как девочка, постоянно краснела от застенчивости; глаза ее, огромные и глубокие, оживлялись при разговоре и смеялись. Дома ей дали прозвище «солнышко». Больше всех драгоценностей Царица любила жемчуг. Им она украшала и волосы, и руки, и платья. Днем Царица ходила в свободной мягкой одежде, отделанной кружевами. Вечером надевала светлые платья, расшитые серебряной или голубой нитью. Предпочита-

ла носить остроносые туфли на низком каблуке из замши или кожи, окрашенной в золотистый цвет».

Глубокая в своих переживаниях и сердечная по натуре, Царица была очень эмоциональна, хотя чаще всего сдерживала чувства, не давала им внешнего проявления. Все наболевшее она доверяла очень узкому кругу близких ей людей, и прежде всего мужу, лучшей подруге Анне Вырубовой и другу царской семьи Григорию Распутину. Для многих она казалась неприступной и величественной. Знавшие ее рассказывали: «В ней характерным отличием была ее величественность. Такое впечатление она производила на всех. Идет, бывало, Государь, нисколько не меняешься. Идет она, обязательно одернешься и подтянешься. Однако она вовсе не была гордой. Она не была и женщиной со злым характером, недобрым. Она была добра и в душе смиренна» (Битнер).

«Она не была гордая в грубом значении этого слова, но она постоянно сознавала и никогда не забывала своего положения. Поэтому она всегда казалась Императрицей. С ней я никогда не мог себя чувствовать просто, без стеснения. Но я очень любил быть с ней и говорить. Она была добрая и любила добрые дела» (Гиббс).

Доброта была главной чертой характера Царицы, а ее стремление помочь всем, кто ее окружал, было постоянным.

История любви русского Царя и внучки английской королевы началась в 1884 году. Он — шестнадцатилетний юноша, стройный, голубоглазый, со скромной и немного печальной улыбкой. Она — двенадцатилетняя девочка, как и он, с голубыми глазами и красивыми золотистыми волосами. Встреча произошла на свадьбе ее старшей сестры Елизаветы (будущей великомученицы) с дядей Николая, великим князем Сергеем Александровичем. И Николай, и Алиса (так тогда звали будущую русскую Царицу) с самого начала почувствовали друг к другу глубокую симпатию. Николай дарит ей драгоценную брошь, а она, воспитанная в пуританской морали, в смущении и застенчивости не смеет ее взять и возвращает ему.

Вторая встреча их происходит только через пять лет, когда Алиса приезжает в Россию навестить старшую сестру. Но все это время Николай помнит о ней. «Я люблю ее уже давно, а с тех пор, как в 1889 году она пробыла в Петербурге шесть недель, я люблю ее еще более глубоко и сердечно». Заветной мечтой Николая становится женитьба на Алисе. Однако у родителей Николая другие планы. По их мнению, Алиса не очень завидная

партия для Наследника российского Престола, они прочат сыну французскую принцессу. Николай, всегда послушный воле родителей, в этом случае с болью в сердце не соглашается с ними, заявляя, что, если ему не удастся жениться на Алисе, он никогда не женится вообще. Наконец, Николай получает у своих родителей согласие на этот брак.

Помолвка происходит весной 1894 года, когда европейские монархи и члены их фамилий съехались на свадьбу старшего брата Алисы. Николай присутствовал здесь как представитель своего отца Императора Александра III, который не мог приехать из-за болезни.

Уже при первой встрече наедине Николай признается Алисе в любви и просит ее руки. Она соглашается. Сбывается то, о чем они мечтали много лет. «Я плакал, как ребенок, — пишет матери Николай, — и она тоже, но это уже не было грустно. Ее лицо сияло от внутреннего счастья». День своей помолвки 8 апреля 1894 года они вспоминают всю жизнь как самое радостное событие, впрочем, как и их свидания в Англии, несколько месяцев спустя. Тогда, в разгар лета, в загородной усадьбе в Уолтоне на Темзе они провели самые пленительные дни своей жизни, одно воспоминание о которых вызывало у Александры Федоровны радостные слезы. Долгие прогулки возле реки, беседы под старым каштаном, совместное чтение. В письме матери Николай пишет: «Весь день при чудесной погоде мы провели на воздухе, катались на лодке вверх и вниз по течению, закусывали на берегу. Настоящая идиллия!»

Дневник Николая Александровича всегда открыт для Алисы, время от времени она делает в нем записи со стихами и молитвами, перемежающимися восклицаниями: «Тысячу раз целую моего любимого». «Да благословит тебя Бог, мой ангел». От нее у него нет тайн. Николай рассказывает Алисе о своем юношеском увлечении балериной Кшесинской. «Что было, то было, — со слезами на глазах пишет Алиса, — прошлое никогда не вернуть. Всех нас подвергают искушению в этом мире, и, когда мы молоды, нам особенно трудно устоять и не поддаться искушению. Но если мы сумеем раскаяться, Бог простит нас. Извини, что я говорю об этом так много, но я хочу, чтобы ты был уверен в моей любви к тебе. Я люблю тебя еще сильнее после того, как ты рассказал мне эту историю. Твое доверие глубоко тронуло меня. Я постараюсь быть достойной его. Благослови тебя Господь, мой любимый Ники...»

Слова, которые Алиса записывает в дневник своего жениха,

проникнуты самым возвышенным чувством любви, свет которой они сумели пронести через всю жизнь.

«Мне снилось, что я влюблена. Я проснулась и узнала, что это — правда, на коленях я благодарила Бога за это счастье. Истинная любовь — это дар Божий. Каждый день она становится сильнее, глубже, полнее и чище». Или в другом месте: «Мы нашли свою любовь. Я связала ей крылья. Она никогда не исчезнет и не покинет нас. Она всегда будет звучать в наших сердцах». И наконец, слова на прощание при отъезде из Англии: «Спи спокойно. Волны убаюкивают тебя. Ангел-хранитель — всегда с тобой. Нежно тебя целую». «Мы всегда принадлежим друг другу. Я тебе. В этом ты можешь быть уверен. Ключ от моего сердца, в котором ты заключен, — потерян, и тебе никогда не выйти оттуда».

Уже позднее Царь записывал в своем дневнике: «Годовщина нашей помолвки. Никогда в жизни, кажется, я не забуду этого дня в Кобурге, как я тогда был счастлив! Чудный, незабвенный день». А Царица до самой смерти носила на шее вместе с крестом жениховский подарок Николая — кольцо с рубином.

События развиваются стремительно. Но к радости обрученных примешивается несчастье. Тяжело заболевает отец Николая. За полторы недели до его смерти Алиса приезжает в Россию, чтобы остаться здесь навсегда. 20 октября 1894 года закрывает глаза Император Александр III, а на следующий день Алиса принимает православие и русское имя Александра Федоровна.

Не проходит и месяца после похорон, и 14 ноября 1894 года происходит бракосочетание уже Императора Николая II с Великой княжной Александрой Федоровной. На браке настаивали близкие родственники Государя, они считали, что таким образом можно как-то успокоить Николая Александровича, потрясенного неожиданной смертью отца и безмерной ответственностью, легшей на его плечи. Огромная роль, которую играл Царь в России того времени, требовала учитывать также психологию крестьянства, которое составляло около 80 процентов всего населения страны. В сознании крестьянства неженатый мужчина не обладал должной мерой дееспособности (русская деревня считала мужчину, достигшего определенного возраста, но неженатого, неполноценным), тем более на престоле должен быть «не мальчик, но муж».

Конечно, соединение любящих сердец в таких условиях вызывало в них противоречивые чувства. «Ты можешь себе представить мои чувства, — писала Александра Федоровна своей се-

стре, — в один день в глубоком трауре, а на другой — в элегантных одеждах для бракосочетания... сначала черные, а потом белые платья». Но жизнь и любовь побеждают смерть. После свадебных церемоний перед первой брачной ночью Александра Федоровна записывает в дневник своего супруга: «Наконец-то мы вместе, соединены на всю жизнь, и, если эта жизнь кончится, мы встретимся в другом мире и останемся вместе во веки веков». А на следующее утро добавляет: «Никогда бы не могла представить, что в мире есть столь совершенное счастье, такое чувство соединения между двумя смертными людьми. Я люблю тебя — в этих трех словах заключается вся жизнь».

Это совершенное счастье близости Николай и Александра сумели сохранить до конца своих дней, до последней минуты в Ипатьевском доме. Когда читаешь их переписку, поражаешься свежести их чувств.

И через пять, и через десять, и через двадцать лет после свадьбы они пишут друг другу такие письма, которые по сегодняшним меркам могут писать редкие молодожены.

Трогательный факт. Вся переписка Царя и Царицы во время расставания начиналась еще до их разлуки.

Первое письмо к супругу Царица писала еще до расставания, за день до его отъезда, давала ему при прощании, а он прочитывал его уже в дороге.

Почти с каждым своим письмом Царица посылала супругу либо икону, либо цветы, либо еще что-нибудь. «Икона эту ночь полежит под моей подушкой, — пишет Царица, — перед тем как я тебе передам ее...» Возле своей подписи Царица ставила крест.

ГЛАВА 18

Начало царствования. — Характеристика Николая II как правителя.

Хотя Николай II получил блестящее образование и всестороннюю подготовку к государственной деятельности, морально к ней он не был готов. Это можно легко понять. Внезапная смерть отца в возрасте 49 лет (которого все считали здоровяком и которому предрекали еще долгое царствование) вначале ввергла Николая в растерянность. Ему только двадцать шесть лет, а он отвечает за судьбу огромной страны. И, к чести его сказать,

он сумел найти в себе силы принять эту ответственность, не перекладывая ее ни на кого.

Основой государственной политики Николая II стало продолжение стремления его отца «придать России больше внутреннего единства путем утверждения русских элементов страны».

В своем первом обращении к народу Николай Александрович возвестил, что «отныне Он, проникшись заветами усопшего родителя своего, приемлет священный обет пред лицом Всевышнего всегда иметь единой целью мирное преуспеяние, могущество и славу дорогой России и устроение счастья всех Его верноподданных». В обращении к иностранным государствам Николай II заявлял, что «посвятит все свои заботы развитию внутреннего благосостояния России и ни в чем не уклонится от вполне миролюбивой, твердой и прямодушной политики, столь мощно содействовавшей всеобщему успокоению, причем Россия будет по-прежнему усматривать в уважении права и законного порядка наилучший залог безопасности государства».

Образцом правителя для Николая II был Царь Алексей Михайлович, бережно хранивший традиции старины.

Однако время, в которое выпало царствовать Николаю II, сильно отличалось от эпохи первых Романовых. Если тогда народные основы и традиции служили объединяющим знаменем общества, которое почитали и простой народ, и правящий слой, то к началу двадцатого века российские основы и традиции становятся объектом отрицания со стороны образованного общества. Значительная часть правящего слоя и интеллигенции отвергает путь следования российским основам, традициям и идеалам, многие из которых они считают отжившими и невежественными. Не признается право России на собственный путь. Делаются попытки навязать ей чужую модель развития — либо западноевропейского либерализма, либо западноевропейского марксизма. И для тех, и для других главное — поломать самобытность России и, соответственно, их отношение к Царю как хранителю идей традиционной России, как к врагу и мракобесу.

Трагедия жизни Николая II состояла в неразрешимом противоречии между его глубочайшим убеждением хранить основы и традиции России и нигилистическими попытками значительной части образованных слоев страны разрушить их. И речь шла не только о сохранении традиционных форм управления страной, а о спасении русской национальной культуры, которая, как он чувствовал, была в смертельной опасности. События

последних восьмидесяти лет показали, насколько был прав российский Император. Всю свою жизнь Николай II чувствовал на себе психологическое давление этих объединившихся, враждебных российской культуре сил. Как видно из его дневников и переписки, все это причиняло ему страшные моральные страдания. Твердая убежденность хранить основы и традиции России в сочетании с чувством глубокой ответственности за ее судьбу делала Императора Николая II подвижником идеи, за которую он отдал свою жизнь.

«Вера в Бога и в свой долг Царского служения, — пишет историк С.С. Ольденбург, — были основой всех взглядов Императора Николая II. Он считал, что ответственность за судьбы России лежит на нем, что он отвечает за них перед Престолом Всевышнего. Другие могут советовать, другие могут Ему мешать, но ответ за Россию перед Богом лежит на нем. Из этого вытекало и отношение к ограничению власти — которое Он считал переложением ответственности на других, не призванных, и к отдельным министрам, претендовавшим, по Его мнению, на слишком большое влияние в государстве. «Они напортят — а отвечать мне».

Воспитатель Наследника Престола Жильяр отмечал сдержанность и самообладание Николая Александровича, его умение управлять своими чувствами. Даже по отношению к неприятным для него людям Император старался держать себя как можно корректней. Однажды С.Д. Сазонов (министр иностранных дел) высказал свое удивление по поводу спокойной реакции Императора в отношении малопривлекательного в нравственном отношении человека, отсутствия всякого личного раздражения к нему. И вот что сказал ему Император: «Эту струну личного раздражения мне удалось уже давно заставить в себе совершенно замолкнуть. Раздражительностью ничему не поможешь, да к тому же от меня резкое слово звучало бы обиднее, чем от кого-нибудь другого».

«Что бы ни происходило в душе Государя, — вспоминает С.Д. Сазонов, — он никогда не менялся в своих отношениях к окружающим его лицам. Мне пришлось видеть его близко в минуту страшной тревоги за жизнь единственного сына, на котором сосредотачивалась вся его нежность, и кроме некоторой молчаливости и еще большей сдержанности, в нем ничем не сказывались пережитые им страдания».

«Во внешности Николая II, — писала жена английского посла Бьюкенена, — было истинное благородство и обаяние,

которое, по всей вероятности, скорей таилось в его серьезных голубых глазах, чем в живости и веселости характера».

Характеризуя личность Николая II, немецкий дипломат граф Рекс считал Царя человеком духовно одаренным, благородного образа мыслей, осмотрительным и тактичным. «Его манеры, — писал дипломат, — настолько скромны и он так мало проявляет внешней решимости, что легко прийти к выводу об отсутствии у него сильной воли; но люди, его окружающие, заверяют, что у него весьма определенная воля, которую он умеет проводить в жизнь самым спокойным образом». Упорную и неутомимую волю в осуществлении своих планов отмечает большинство знавших Царя людей. До тех пор, пока план не был осуществлен, Царь постоянно возвращался к нему, добиваясь своего. Уже упомянутый мною историк Ольденбург замечает, что у «Государя поверх железной руки была бархатная перчатка. Воля его была подобна не громовому удару. Она проявлялась не взрывами и не бурными столкновениями; она скорее напоминала неуклонный бег ручья с горной высоты к равнине океана. Он огибает препятствия, отклоняется в сторону, но в конце концов, с неизменным постоянством, близится к своей цели».

Долгое время было принято считать, что Царь подчинял свою волю Царице, мол, она обладала более твердым характером, духовно руководила им. Это неправильный и очень поверхностный взгляд на их взаимоотношения. Можно привести множество примеров, в их письмах они встречаются часто, как Государь неуклонно проводил свою волю, если чувствовал правильность своего решения. Но его можно было убедить отменить свое решение, если он обнаруживал свою ошибку и справедливость утверждений Царицы. Государыня не давила на супруга, а действовала убеждением. И если она чем-то и влияла на него, то добротой и любовью. Царь был очень отзывчив на эти чувства, так как среди многих родственников и придворных он чаще всего ощущал фальшь и обман. Читая царские письма, убеждаемся, с какой настойчивостью Николай II проводил свои планы и отвергал предложения любимой им жены, если считал их ошибочными.

Кроме твердой воли и блестящего образования, Николай обладал всеми природными качествами, необходимыми для государственной деятельности, и, прежде всего, огромной трудоспособностью. В случае необходимости он мог работать с утра до поздней ночи, изучая многочисленные документы и мате-

риалы, поступавшие на его имя. (Кстати говоря, он охотно занимался и физическим трудом — пилил дрова, убирал снег и т.п.) Обладая живым умом и широким кругозором, Царь быстро схватывал существо рассматриваемых вопросов. Царь имел исключительную память на лица и события. Он помнил в лицо большую часть людей, с которыми ему приходилось сталкиваться, а таких людей были тысячи.

Император Николай II, отмечал историк Ольденбург, да и многие другие историки и государственные деятели России, обладал совершенно исключительным личным обаянием. Он не любил торжеств, громких речей, этикет ему был в тягость. Ему было не по душе все показное, искусственное, всякая широковещательная реклама. В тесном кругу, в разговоре с глазу на глаз, он умел обворожить собеседников, будь то высшие сановники или рабочие посещаемой им мастерской. Его большие серые лучистые глаза дополняли речь, глядели прямо в душу. Эти природные данные еще более подчеркивались тщательным воспитанием. «Я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий Император Николай II», — писал граф Витте уже в ту пору, когда он, по существу, являлся личным врагом Императора.

Характерной черточкой к портрету Царя является его отношение к одежде, бережливость и скромность в быту. Слуга, бывший при нем еще с молодых лет, рассказывает: «Его платья были часто чинены. Не любил он мотовства и роскоши. Его штатские костюмы велись у него с жениховских времен, и он пользовался ими». Уже после убийства в Екатеринбурге были найдены военные шаровары Царя — на них были заплаты, а внутри левого кармана надпись-пометка: «Изготовлены 4 августа 1900 г., возобновлены 8 октября 1916 года».

Более семидесяти лет правилом для либеральных и советских историков и литераторов была обязательно отрицательная оценка личности Николая II. Многое было перевернуто с ног на голову. И чем ближе российский государственный деятель стоял к нашему времени, чем крупнее он был как историческая личность, тем нетерпимей и оскорбительней была оценка его деятельности. Например, по мнению Троцкого, дореволюционная Россия была неспособна рождать крупных политических деятелей, а обречена создавать лишь жалкие копии западных. В русле этой «традиции» советские историки приписывали Николаю II все унизительные характеристики: от коварства, политического ничтожества и патологической жестокости до алкого-

лизма, разврата и морального разложения. История расставила все на свои места. Под лучами ее прожекторов вся жизнь Николая II и его политических оппонентов просвечена до малейших подробностей. При этом свете стало ясно, кто есть кто.

Иллюстрируя «коварство» Царя, казенные советские историки обычно приводили пример, как Николай II снимал некоторых своих министров без всякого предупреждения. Сегодня он мог милостиво разговаривать с министром, а завтра отправить его в отставку. Серьезный исторический анализ показывает, что Царь ставил дело Российского государства выше отдельных личностей (и даже своих родственников). И если, по его мнению, министр или сановник не справлялся с Делом, он убирал его вне зависимости от прежних заслуг. В последние годы царствования Царь испытывал кризис своего окружения (недостаток надежных, способных людей, разделявших его идеи). Значительная часть самых способных государственных деятелей стояла на западнических позициях, а люди, на которых Царь мог положиться, не всегда обладали нужными деловыми качествами. Отсюда постоянная смена министров.

ГЛАВА 19

Семейная жизнь Царя. — Двор. — Родственники. — Приближенные.

Царская семья жила в Александровском дворце. Все в нем было устроено по вкусу супругов. Царский кабинет размещался, например, в сравнительно небольшом помещении. В кабинете стоял письменный стол, за которым работал Царь, и еще один стол, на котором лежали карты России. По стенам стояли книжные шкафы, а также ряд кресел и небольшая кушетка. Каждая вещь в кабинете знала свое место. Государь не терпел беспорядка.

Покои Царицы были отделаны в любимом ею английском духе, стены обиты мебельной тканью. Будуар Царицы и все, что в нем находилось — ковры, занавески, обивка мебели, — были выдержаны в лиловых и белых цветах. На столе лежали книги и газеты, разные декоративные безделушки. Всюду висело много икон. Над кушеткой было повешено изображение Богородицы. В будуаре Царица проводила большую часть времени, здесь, лежа на кушетке, она много читала и писала письма. Много времени Царица уделяла вязанию. К будуару примыкала гардероб-

ная с большими стенными шкафами для ее платьев, полками для шляп и выдвижными ящиками для драгоценностей. Супружеская спальня (ее большие окна выходили в парк) находилась рядом с будуаром Царицы. Здесь стояла широкая кровать, на которой Царь и Царица спали с первых дней супружества и до ссылки в Тобольск.

Работать Царь начинал ранним утром, одевался в темноте и шел к себе в кабинет. Николай II не имел личного секретаря, предпочитая все делать сам. На его столе в кабинете был специальный дневник, куда он по дням и часам записывал свои дела. Многие документы, поступавшие на его имя, он просматривал сам. Своих министров и других приглашенных лиц Царь обычно принимал в непринужденной обстановке. Слушал внимательно, не прерывая. Во время беседы был предупредительно вежлив, никогда не повышал голоса. Примерно в восемь часов Царь обычно заканчивал свой рабочий день. Если в это время у него был посетитель, то Царь вставал и подходил к окну. Это был знак окончания аудиенции. Другой формой окончания аудиенции были слова: «Боюсь, что я утомил Вас».

Когда выпадало время, Царь много читал. Специальный библиотекарь каждый месяц подготавливал для него 20 лучших книг всех стран. Больше всего Николай читал книги на русском языке, но с женой чаще — книги на английском языке. И вся переписка между ними была на этом языке, хотя Царица прекрасно говорила по-русски.

Спать Царь шел около одиннадцати часов. Перед сном делал записи в своем дневнике, который вел много лет. После горячей ванны ложился в постель.

Через год после свадьбы у царской четы родилась дочь Ольга, а затем с периодичностью в два года появляются на свет еще три дочери — Татьяна, Мария и Анастасия. В августе 1904 года Александра Федоровна рожает долгожданного Наследника русского Престола — сына Алексея.

Великие княжны, как в свое время и их отец, воспитывались по-спартански. Они спали в двух больших хорошо проветриваемых комнатах на жестких походных постелях без подушек. Каждый день начинался с холодного купания. С самого детства Царица приучала своих детей к рукоделию, ибо не хотела, чтобы «руки ее дочерей оставались праздными».

Несмотря на свое привилегированное положение, царские дочери вместе со служанками сами убирали свои комнаты и стелили постель. Занятия начинались в 9 часов и велись почти це-

лый день. Княжон учили истории, географии, математике, русскому, французскому и английскому языкам и, конечно, музыке. Девочки много читали и были очень развиты. С детства они привыкли постоянно быть вместе и жили очень дружно, мало общаясь со своими сверстницами вне семьи. Свои письма, которые они часто сочиняли вчетвером, они подписывали буквами ОТМА — первыми буквами их имен по старшинству. Впрочем, родители, да и служащие дворца разделяли их на две пары. Старших девушек — Ольгу и Татьяну — называли «большие», младших, Марию и Анастасию, — «маленькие». Внутри своего сестринского «клана» они держались именно такими парами. Каждая из сестер была не похожа на других. Ольга, самая старшая, внешностью выдалась в отца. У нее было широкое русское лицо, длинные каштановые волосы, голубые глаза. Она была очень сообразительна, эмоциональна и вместе с тем застенчива. Много читала. Когда перед войной ее хотели выдать замуж за румынского принца, она сказала отцу: «Я русская и хочу остаться в России».

Самой энергичной и целеустремленной была вторая дочь Царя — Татьяна. Высокая, стройная, с красивыми рыжеватыми волосами и серыми глазами, она производила впечатление настоящей царской дочери. Именно она была особенно близка отцу, она же была любимицей матери. Татьяна умела окружать мать постоянной заботой и никогда не позволяла себе показать на людях, что она не в духе.

Третья дочь, Мария, — самая красивая и эффектная среди всех царских дочерей, хотя и была склонна к полноте. У нее были яркие губы и темно-голубые, как у матери, глаза, только очень большие, в семье их называли «блюдцами Мари». Она имела веселый, жизнерадостный нрав, была очень добродушна и добросердечна, будущее свое представляла в замужестве и в воспитании детей.

Такой же веселой и жизнерадостной была четвертая дочь Царя — Анастасия. Она быстро схватывала смешные стороны жизни, постоянно потешала всю семью. Так, например, когда пушки на царской яхте давали салют, она в притворном ужасе пряталась в углу, испуганно таращила глаза и высовывала язык. У нее были, безусловно, актерские наклонности, которые она проявляла, изображая разговоры взрослых. Она обладала огромным обаянием и вызывала к себе большое расположение. Кроме того, у нее был замечательный музыкальный слух, что позволяло ей усваивать иностранные языки.

Когда дочери подросли и стали настоящими барышнями, холодное купание их отменили. Вместо него по вечерам им устраивали ароматизированную теплую ванну. На столиках появились украшения и духи. У всех четверых это были «Коти». Но каждая предпочитала свой аромат. Ольга любила «Чайную розу», Татьяна — «Корсиканский жасмин», Анастасия — «Виолетту». Мария перепробовала множество ароматов «Коти», прежде чем выбрать «Сирень».

Как вспоминал учитель царских детей П. Жильяр, все царские дочери были прелестны своей свежестью и здоровьем. Трудно было найти четырех сестер, столь различных по характерам и в то же время столь тесно сплоченных дружбой. Последняя не мешала их личной самостоятельности и, несмотря на различие темпераментов, объединяла их живой связью. В общем, по мнению Жильяра, трудно определяемая прелесть этих четырех сестер состояла в их большой простоте, естественности, свежести и врожденной доброте. Свою мать дочери обожали, считали ее непогрешимой и всегда были полны очаровательной предупредительности по отношению к ней, организуя как бы постоянное дежурство при ней. «Их отношения с Государем были прелестны. Он был для них одновременно Царем, отцом, товарищем».

Центром этой тесно сплоченной семьи, пишет Жильяр, был Царевич Алексей, на нем сосредоточивались все привязанности, все надежды. Сестры его обожали, и он был радостью своих родителей. Когда он был здоров, весь дворец казался как бы преображенным: это был луч солнца, освещавший и вещи, и окружающих (недаром в переписке родители его так и называли — Солнечный луч). Счастливо одаренный от природы, он развивался бы вполне правильно и равномерно, если бы этому не препятствовал его недуг. Недуг, ставший одной из причин трагедии Царской семьи!

Еще в 1906 году Жильяр обратил внимание, с каким трагическим беспокойством Царица стремилась предотвратить каждое резкое движение своего сына. Царица прижимала сына к себе нежным жестом матери, которая боится за жизнь своего ребенка; но у нее эта ласка и сопровождавший ее взгляд обнаруживали так ясно и так сильно скрытое беспокойство, что Жильяр был поражен этим. И только гораздо позже он понял, в чем дело. Царский сын был болен страшной, неизлечимой болезнью — гемофилией.

Болезнь Наследника носила характер государственной тай-

ны. О ней знал только узкий круг лиц, и прежде всего доктора, лечившие его. Даже родственники в большинстве своем были в неведении.

Гемофилия — плохая свертываемость крови — проявлялась у многих представителей мужской линии семьи Александры Федоровны. От гемофилии умерли ее брат и дяди. Этой же болезнью страдали ее племянники. Алексей по своей натуре был живой, подвижный мальчик. Но болезнь на многие дни приковывала его к постели, и это, конечно, сильно угнетало его. Глубокая печаль была видна в его голубых глазах с раннего детства.

Зато когда болезнь отступала, мальчик мало чем отличался от других детей — бегал, играл со сверстниками, шалил, катался на самокате по коридорам, врывался в учебные комнаты сестер, мешая их занятиям. Любил ездить по парку на трехколесном велосипеде, сконструированном специально для него. К нему были приставлены два дядьки из матросов, которые охраняли Царевича и помогали ему. Как у всякого мальчика, карманы Царевича были постоянно набиты всякой всячиной — камешками, гвоздями, веревочками, какими-то бумажками и пр. Конечно, у Царевича было огромное количество самых разных игрушек, от оловянных солдатиков до больших моделей железных дорог, шахт и заводов.

Летом Царевич ходил в матросской форме с лентой на бескозырке с надписью «Штандарт». Зимой его нередко одевали в казачью форму с меховой шапкой, сапогами и настоящим кинжалом. У мальчика было много разных домашних животных, среди которых самый любимый — спаниель Джой, очень красивая собака с шелковистой шерстью, длинные уши которой свисали почти до земли. Царевича научили играть на балалайке, и он нередко забавлял семью звуками этого инструмента.

Чувство постоянной опасности за жизнь сына не покидает царскую чету. Какие попытки спасти его они только не предпринимают! Но даже лучшие отечественные и зарубежные доктора не могут помочь Алексею. Самым эффективным оказывается психотерапевтическое воздействие Григория Ефимовича Распутина. Силой своего психологического влияния на мальчика он, по-видимому, мобилизовывал скрытые в организме мальчика механизмы сопротивления болезни, и она отступала. Можно понять, как благодарны были Царь и Царица!

Свободное время Николай II предпочитал проводить с семьей. После окончания государственных дел вся его семья собиралась на ужин. Еда, как правило, простая, деликатесов поч-

ти не было. После ужина семья часто собиралась в одной комнате, где Царь читал вслух книгу, чаще всего Толстого, Тургенева или Гоголя, а жена с дочерьми что-то вязали или шили. Царь и Царица очень любили эти вечера, на них они отдыхали душой.

Царь любил пешие прогулки по парку. Нередко его сопровождала целая свора шотландских овчарок (которых у него было одиннадцать). Бывало, Царь с детьми садился в шлюпку и катался по водоемам в парке. Да и вообще Царь любил играть со своими детьми в снежки, кататься на лыжах и санях. Зимой возле дворца сооружали снежную гору, с которой дети катались на салазках.

Летом семья Николая II надолго уезжала из Царского Села. В июне около двух недель они проводили на борту своей яхты «Штандарт» на Балтийском море возле скалистых берегов Финляндии. Якорь бросали в пустынной бухте, вокруг ни души, только лес, скалы, песок. На яхте были все удобства для комфортабельной жизни. Вечером, как и в Царском Селе, собирались за ужином, читали книги, музицировали. На борту был оркестр. Иногда устраивались танцы. Рабочий кабинет был у Царя и на яхте. С внешним миром поддерживалась постоянная связь через специальных курьеров, которые круглосуточно дежурили возле яхты.

В августе семья уезжала в Спаду — охотничье поместье на территории нынешней Польши. Здесь Царь охотился, а дети, если они приезжали с ним, гуляли по сосновому бору.

В марте и сентябре Царская семья жила в Крыму. Здесь, в Ливадии, стоял дворец, который особенно любила Царица. Он был построен по ее вкусу из белого мрамора, а внутри обставлен легкой светлой мебелью с лиловой шелковой обивкой. Отсюда на автомобиле Царь вместе с детьми ездил в горы или на ферму, которая поставляла продукты к столу, а также в гости в соседние усадьбы.

Царскую семью невозможно представить вне посещения церкви. Она ревностно соблюдала все праздники, памятные дни и посты.

В Царском Селе было две церкви, которые особенно любили в Царской семье. Одна — придворная Знаменская церковь — находилась на Кузьминской улице, близ Большого дворца. Этот храм пользовался особым почитанием Царской семьи, так как в нем хранилась древняя родовая икона Дома Романовых — Чудотворный образ «Знамения» Божией Матери.

Другим храмом Царского Села, который особенно любили посещать царская чета и их дети, был пещерный (нижний) храм Федоровского Государева Собора, во имя Святого Серафима, Саровского Чудотворца. Это было сказочное место. При Федоровском соборе был воздвигнут Русский городок. Городок строился по проекту Комитета Восстановления Художественной Руси, который включал многих лучших архитекторов, скульпторов и художников. Возглавлял комитет сам Царь. Сохранились описания этого сказочного сооружения. Городок состоял из трех основных зданий и был окружен красочно-красивой кремлевской стеной с башней и тремя воротами, опоясанными «скульптурным кружевом древней русской росписи». Стена прерывалась фронтоном трех больших зданий, выступавших вперед. Главным зданием была так называемая трапезная Государя, состоявшая из многочисленных комнат, включая двухсветный зал со сводами, украшенными гербами всех российских губерний и областей. Трапезная заканчивалась домовым храмом, где каждый образ и каждая лампада говорили о глубокой и драгоценной старине. Два других здания, тоже в древнем русском стиле, со многими архитектурными деталями и мотивами, первоначально предназначались для духовенства Федоровского Государева Собора, но вследствие войны они были использованы как лазареты для раненых воинов. Внутри городка также находились дома для служебного персонала, теннисная площадка, конюшни, гаражи и русская баня. Повсюду были цветники, кусты и деревья редких пород. Весь Русский городок был полуокружен большим прудом. В целом художественный образ Федоровского городка отвечал вкусам и представлениям Царской семьи, отражая их любовь к древнерусскому искусству.

Как всякий монарх, Николай II имел большой Двор и множество придворных. Так было заведено столетиями. Жизнь Двора подчинялась строго соблюдаемому этикету. И сам Государь, и его жена, и дети должны были следовать всем правилам, хотя не любили этого. Каждый шаг Царя и Царицы контролировался охраной. «Эта охрана, — писала А.А. Вырубова, — была одним из тех неизбежных зол, которые окружали Их Величества. Государыня в особенности тяготилась и протестовала против этой «охраны»; она говорила, что Государь и она хуже пленников. Каждый шаг Их Величеств записывался, подслушивались даже разговоры по телефону. Ничто не доставляло Их Величествам большего удовольствия, как «надуть» полицию; когда уда-

валось избегнуть слежки, пройти или проехать там, где их не ожидали, они радовались, как школьники».

Очень важно отметить, что Царь и Царица были заложниками той системы, которая сложилась задолго до них. Из переписки и дневников видно, как одиноко они чувствовали себя в придворной жизни. Искренности, скромности и даже застенчивости Императорской четы противостояла, по сути дела, в моральном смысле глубоко развращенная придворная среда. Здесь было множество лиц, желавших угодить Государю, чтобы получить какие-то выгоды, постоянно интриговавших друг против друга, а в случае неудачи всячески клеветавших на Царя. Конечно, эти люди характерно проявили себя в трудную минуту — после отречения большая часть придворных бежала, никого не предупредив. Самым предательским образом повели себя люди, которых Царь и Царица считали своими близкими друзьями. Непорядочно и даже предательски по отношению к Императору вела себя и часть его родственников.

Говоря о родственниках Николая II, членах Дома Романовых, следует с горечью отметить, что большинство из них были людьми очень заурядными, озабоченными личными проблемами и менее всего думающими о России. Многие из них смотрели на Царскую чету как на источник получения для себя высоких должностей, финансовых средств и обделывания выгодных дел. Из переписки видно, какими чужими среди них чувствовали себя Царь и Царица.

Исключение составляли ближайшие родственники Царя — его мать, Мария Федоровна, сестры Ксения и Ольга, брат Михаил. Их отношения с Царем были искренними и сердечными. Но и здесь существовали свои проблемы. Хотя Царица глубоко уважала и любила мать своего супруга, в их отношениях был определенный холодок, усилившийся в период травли Распутина. Ибо силы, которые вели эту травлю, пытались втянуть в нее даже родственников Царя и сумели настроить в определенном духе Марию Федоровну.

Черногорские принцессы — сестры Милица и Анастасия (Стана) Николаевны (в переписке они часто именуются «черными») вышли замуж за двух братьев, великих князей Петра и Николая Николаевичей. Недалекие, с большими амбициями, эти две сестры стали причиной многих грустных переживаний для Царицы. Если что было не по ним, а Царице претила их взбалмошность и поверхностность, они начинали распространять разные домыслы и слухи, да такие, чтобы обидеть побольше

ней. О Царице они распространяли слухи, что она пьяница, распутница и даже шпионка, призывали заточить ее в монастырь.

Великий князь Николай Николаевич, масон, женатый на Анастасии Николаевне, по многим свидетельствам, хороший военный служака и никакой политик, в годы войны в планах российских масонов стал одной из возможных кандидатур на престол в случае смещения Царя.

Слухи об этом ползли упорные, особенно в период, когда он занимал пост Верховного Главнокомандующего. Да и поступки Николая Николаевича говорили сами за себя. Он, как монарх, приглашает к себе министров, выпускает приказы и обращения по армии, которые пристали только Монарху, всюду распространяются его портреты. Хотя, судя по характеру Николая Николаевича, вряд ли это была его идея, скорей всего, он был орудием в руках своего масонского окружения, и прежде всего своего личного друга А.И. Хатисова и В.Ф. Джунковского. Как бы то ни было, объективно этот великий князь занимал позицию, враждебную Царю. В эмиграции Николай Николаевич считал себя главой Дома Романовых и в душе, по-видимому, до конца своих дней не любил Царя, что, в частности, выражалось в его отказе принять следователя Соколова, пытавшегося разобраться в трагедии Царской семьи.

Другой родственник, сыгравший большую роль в падении Царя, был великий князь Кирилл Владимирович, занимавший пост командира Гвардейского экипажа. Человек двуличный, готовый прислуживаться, когда это касалось его интересов, чтобы получить какие-то должности из рук Царя. В трагические дни февраля 1917 года, когда от его решительности много зависело и мятеж мог быть подавлен, он принял сторону мятежников и прибыл к их штабу во главе вверенных ему Царем войск, чтобы присягнуть «революции». Было это за два дня до отречения Царя, и поступок Кирилла Владимировича иначе, как изменой или предательством, не назовешь. Трудно сказать, чем руководствовался великий князь в своем деянии, возможно, хотел стать революционным императором? Тем не менее в эмиграции он объявил себя главой Дома Романовых.

Немало беспокойства Царской чете доставляли некоторые представители одной из боковых ветвей Дома Романовых — Михайловичи.

Отец Николая II считал великих князей Михайловичей ев-

реями, так как жена Михаила Николаевича, их мать Ольга Федоровна, была еврейской крови.

Самым вредным среди них, по мнению Царицы, был великий князь Николай Михайлович, историк, но главное — масон, член тайного французского общества «Биксио». Вокруг Николая Михайловича постоянно группировались враждебные Царской семье силы.

Другим масоном из числа Михайловичей был великий князь Александр Михайлович, спиритуалист, сам себя называвший розенкрейцером и филалетом. Этот Михайлович был женат на сестре Государя Ксении. От этого брака родилась дочь Ирина, вышедшая замуж за будущего убийцу Распутина Феликса Юсупова, слабонервного неженку, хлыща и фата, лечившегося от психических расстройств.

Ярчайшим представителем выродившейся части Дома Романовых являлся великий князь Дмитрий Павлович, двуличный, подлый, раздираемый политическими амбициями гомосексуалист. Этот человек постоянно терся при царской чете, вынашивая свои преступные замыслы против искренне доверявших ему Царя и Царицы.

Дмитрий Павлович был в числе участников убийства Григория Распутина, а потом самым низким образом юлил, пытаясь доказать, что он здесь ни при чем.

Вдова великого князя Владимира Александровича Мария Павловна (старшая)[1], в переписке она именуется Михень, хотела женить своего сына Бориса, уже изрядно потасканного жуира и бонвивана, на царской дочери Ольге. Конечно, Царская чета была против такого брака: чистой, романтичной, возвышенной девушки с человеком, который по своим жизненным позициям был совершенно противоположен ей. Но его мать проявляла завидное упорство в этом вопросе и неоднократно возвращалась к нему, что не могло не вызвать чувства раздражения, особенно у Царицы.

На фоне двуличия, подлости и интриганства приятно выделялись своей порядочностью и настоящей любовью к России великий князь Константин Константинович, хороший русский поэт, сумевший воспитать в таком же духе и своих сыновей, а также сын великого князя Павла Александровича от морганатического брака Владимир Палей, тоже многообещающий поэт.

---

[1] Кстати говоря, мать печально известного великого князя Кирилла Владимировича.

С родственниками по линии Царицы у Царской четы было сравнительно мало контактов, и они почти прервались с начала войны.

В последние годы наступило охлаждение между Царицей и ее старшей сестрой Елизаветой Федоровной (после убийства ее мужа великого князя Сергея Александровича ставшей настоятельницей общины милосердия). Елизавета Федоровна считала, что Царице не следует видеться с Григорием Распутиным и что вообще она должна выслать его домой. Это ее мнение создавалось не без участия людей, близко к ней стоявших в то время, и в частности Н.К. Мекк, члена комитета Елизаветы Федоровны, и В.Ф. Джунковского, товарища министра внутренних дел, шефа жандармов. Оба они были активные масоны, проводившие свою линию по дискредитации Царской семьи. Незадолго до убийства Распутина Елизавета Федоровна приезжала к сестре и настаивала на удалении Распутина. После этого разговора Царица велела подать поезд и немедленно отправила сестру в Москву. После убийства Распутина Царица получила перехваченные полицией телеграммы ее сестры, направленные убийцам, в которых та поздравляла их с «патриотическим» актом. Царица была потрясена этими телеграммами.

Особый узел напряженности создался в отношениях Императрицы со своими придворными. С самого начала Александра Федоровна старалась найти доступ к сердцам своих придворных. «Но она не умела это высказать, — пишет Жильяр, — и ее врожденная застенчивость губила ее благие намерения. Она очень скоро почувствовала, что бессильна заставить понять и оценить себя. Ее непосредственная натура быстро натолкнулась на холодную условность обстановки двора... В ответ на свое доверие она ожидала найти искреннюю и разумную готовность посвятить себя делу, настоящее доброе желание, а вместо того встречала пустую, безличную придворную предупредительность. Несмотря на все усилия, она не научилась банальной любезности и искусству затрагивать все предметы слегка, с чисто внешней благосклонностью. Дело в том, что Императрица была прежде всего искренней, и каждое ее слово было лишь выражением внутреннего чувства. Видя себя непонятой, она не замедлила замкнуться в себе. Ее природная гордость была уязвлена. Она все более и более уклонялась от празднеств и приемов, которые были для нее нестерпимым бременем. Она усвоила себе сдержанность и отчужденность, которые принимали за надменность и презрение». «Такая ненависть со стороны «испорченно-

го высшего круга», — в отчаянии писала Царица супругу 20 ноября 1916 года. Для многих придворных христианские чувства Царя были признаком его слабости. Они не могли понять, что для Царя было проще простого управлять посредством насилия и страха. Но он этого не хотел. Ориентируясь на народные чувства любви к Царю, как выразителю Родины, он, по-видимому, делал большую ошибку, когда распространял эти чувства на придворных, воспитанных в западноевропейском духе утонченного холопства перед сильными и богатыми. И здесь, конечно, права была Царица, когда говорила, что сердца у людей из высшего общества не мягки и не отзывчивы. Именно к ним относились ее слова, что «они должны бояться тебя — любви одной мало».

Круг людей, который находился близко к Царской чете в последние годы жизни, был довольно узок. О родственниках мы уже говорили, среди них почти не было по-настоящему близких Царской чете людей.

Среди министров и высших сановных лиц таких людей тоже было мало. Более того, среди них буйным цветом расцвела тайная зараза — масонство, бороться с которой было трудно или почти невозможно, потому что свою тайную подрывную работу эти люди вели под личиной преданности Царю и Престолу.

Среди царских министров и их заместителей было по крайней мере восемь членов масонских лож — Поливанов (военный министр), Наумов (министр земледелия), Кутлер и Барк (министерство финансов), Джунковский и Урусов (министерство внутренних дел), Федоров (министерство торговли и промышленности). Масоном был генерал Мосолов, начальник канцелярии министра царского Двора.

В Государственном Совете сидели масоны Гучков, Ковалевский, Меллер-Закомельский, Гурко и Поливанов.

Измена проникла и в военное ведомство, главой которого был уже дважды упомянутый мною масон Поливанов. В масонских ложах числились начальник Генштаба России Алексеев, представители высшего генералитета — генералы Рузский, Гурко, Крымов, Кузьмин-Караваев, Теплов, адмирал Вердеревский.

Членами масонских лож были многие царские дипломаты — Гулькевич, фон Мекк (Швеция), Стахович (Испания), Поклевский-Козелл (Румыния), Кандауров, Панченко, Нольде (Франция), Кудашев (Китай), Щербацкий (Латинская Америка), Забелло (Италия), Иславин (Черногория).

Люди, которые в последние годы близко стояли к Царской семье, не принадлежали к высшему руководству, в основном они были далеки от политики, их приближенность к престолу определялась духовными запросами и личными симпатиями Царской семьи.

Во-первых, это были люди, разделявшие любовь Царской семьи к Григорию Распутину, почитатели этого человека, прежде всего Анна Вырубова, Юлия Ден (Лили), а также вообще люди, духовно настроенные, — Анастасия Гендрикова (Настя), Екатерина Шнейдер (Трина), София Буксгевден (Иза).

Во-вторых, сюда входили несколько высших придворных чинов — начальник Императорского Конвоя Граббе, начальник походной канцелярии Нарышкин, обер-гофмаршал Бенкендорф, министр Двора Фредерикс, а также женатый на его дочери дворцовый комендант Воейков.

И наконец, сюда входил ряд любимых флигель-адъютантов и приближенных Царя — Н.П. Саблин, герцог Лейхтенбергский, граф Апраксин, полковник Мордвинов, князь В. Долгоруков (Валя), граф Д. Шереметев (Димка), князья Барятинские, граф А. Воронцов-Дашков (Сашка), Н. Родионов (Родочка).

Две последние категории лиц, стоявших близко к Царской семье, несмотря на любовь и симпатию к ним Царя, в большинстве своем были настоящими придворными в западноевропейском смысле, за словами преданности Царю скрывавшие свои личные интересы и постоянно интриговавшие. Царская переписка дает этому много примеров. Скажем, чего только стоит интрига командира Императорского Конвоя графа Граббе, пытавшегося пристроить Царю в качестве любовницы некую Солдатенко, чтобы через нее влиять на Царя. Каким глубоко чуждым Царю человеком надо быть и почти его не знать, чтобы пытаться осуществить это намерение!

И в дневнике, и в переписке Царя нередко встречаются фамилии Саблина, Родионова и Мордвинова, их изображения есть и в альбомах царских семейных фотографий. Эти люди были любимцами Царской семьи, проводили с ней время, играли с дочерьми, Царица постоянно заботилась и спрашивала о них в своих письмах.

Полковник Мордвинов среди царских дочерей слыл за забавника, любил шутить, и над ним любили пошутить. Как потом стало ясно, такое амплуа его не устраивало, он не был доволен и был в числе первых, кто бросил Государя в трудную минуту.

Но самым большим любимцем Царской семьи в последние годы был Николай Павлович Саблин, сначала офицер, а затем командир личной императорской яхты «Штандарт». После Григория Распутина и Анны Вырубовой это, пожалуй, самый близкий Царской чете человек. Как уже стало ясно позднее, он был ловкий и умный карьерист, человек холодный и расчетливый, игравший роль преданного Престолу офицера, но изменивший ему в первые дни испытаний.

Сразу же после отречения, еще до того как Царь покинул Могилев, многие его приближенные стали разбегаться. Кто под благовидными предлогами, кто без всяких предлогов просто скрывался, даже не попрощавшись. 5 марта уехали в свои имения граф Фредерикс и генерал Воейков. Когда поезд из Могилева прибыл в Царское Село, бегство приобрело повальный характер. Как рассказывает очевидец, «эти лица посыпались на перрон и стали быстро-быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо проникнутые чувством страха, что их узнают. Прекрасно помню, что так удирал тогда генерал-майор Нарышкин...». Разбежались все любимые флигель-адъютанты, кроме князя Долгорукова, исчезли Граббе, Апраксин, Бенкендорф.

В общем, отречение показало, кто есть кто в царском окружении. Остались только люди, духовно связанные с Царской семьей. Они сохранили ей верность до конца, а некоторые разделили ее судьбу. Впрочем, мы забежали вперед.

Конфликт между высшим светом и Императрицей носил в известном смысле принципиальный характер. С одной стороны — среда, привыкшая к культу праздности и развлечений, с другой — застенчивая женщина строгого викторианского воспитания, приученная с детства к труду и рукоделию. Ближайшая подруга Императрицы Вырубова рассказывает, как Александре Федоровне не нравилась пустая атмосфера петербургского света. Она всегда поражалась, что барышни из высшего света не знают ни хозяйства, ни рукоделия и ничем, кроме офицеров, не интересуются. Императрица пытается привить петербургским светским дамам вкус к труду. Она основывает «Общество рукоделия», члены которого, дамы и барышни, обязаны были сделать собственными руками не меньше трех вещей в год для бедных. Однако из этого ничего не вышло... Петербургскому свету затея пришлась не по вкусу. Злословие в отношении Императрицы становилось нормой в высшем свете. В тяжелое для страны время светское общество, например, развлекалось

новым и весьма интересным занятием — распусканием всевозможных сплетен об Императоре и Императрице. Одна светская дама, близкая великокняжескому кругу, рассказывала: «Сегодня мы распускаем слухи на заводах, как Императрица спаивает Государя, и все этому верят».

В то время как светские дамы занимались такими шалостями, Царица организует особый эвакуационный пункт, куда входило около 85 лазаретов для раненых воинов. Вместе с двумя дочерьми и со своей подругой Анной Александровной Вырубовой Александра Федоровна прошла курс сестер милосердия военного времени. Потом все они «поступили рядовыми хирургическими сестрами в лазарет при Дворцовом госпитале и тотчас же приступили к работе — перевязкам, часто тяжелораненых. Стоя за хирургом, Государыня, как каждая операционная сестра, подавала стерилизованные инструменты, вату и бинты, уносила ампутированные ноги и руки, перевязывала гангренозные раны, не гнушаясь ничем и стойко вынося запахи и ужасные картины военного госпиталя во время войны. Объясняю себе тем, что она была врожденной сестрой милосердия... Началось страшное, трудное и утомительное время. Вставали рано, ложились иногда в два часа ночи. В 9 часов утра Императрица каждый День заезжала в церковь Знаменья, к чудотворному образу, и уже оттуда мы ехали на работу в лазарет... Во время тяжелых операций раненые УМОЛЯЛИ Государыню быть около. Императрицу боготворили, ожидали ее прихода, старались дотронуться до ее серого сестринского платья; умирающие просили ее посидеть возле кровати, подержать им руку или голову, и она, невзирая на усталость, успокаивала их целыми часами».

Один из офицеров, находившихся на излечении в лазарете, где сестрами милосердия были Великие княжны, вспоминает: «Первое впечатление о Великих княжнах никогда не менялось и не могло измениться, настолько были они совершенными, полными царственного очарования, душевной мягкости и бесконечной благожелательности и доброты ко всем. Каждый жест и каждое слово, чарующий блеск глаз и нежность улыбок, и порой радостный смех — все привлекало к ним людей.

У них была врожденная способность и умение несколькими словами смягчить и уменьшить горе, тяжесть переживаний и физических страданий раненых воинов... Все царевны были чудесными русскими девушками, полными внешней и внутренней красоты. Их беспредельная любовь к России, глубокая религиозность, воспринятые от Государя и Государыни, и их под-

линно христианская жизнь могли бы служить примером в течение веков, и их мученический конец и те страдания, физические и моральные, которые они все перенесли, ничем не отличались от страданий первых христиан. Это была одна семья, навсегда связанная друг с другом великой любовью, сознанием долга и религиозностью».

В условиях духовной разобщенности с придворной средой Царская чета чувствовала себя счастливой и умиротворенной только в семейной жизни, постоянном общении с детьми. Из придворной среды близкие дружеские чувства сложились у Царя и Царицы только с Анной Александровной Вырубовой, безраздельно преданной Царской семье до самоотречения. Трудно сказать, что вначале связало Императрицу и одну из многих придворных дам, к тому же на двенадцать лет ее моложе. Скорее всего общее умонастроение, искренность, чувствительность и цельность их натур. Царица очень жалела подругу за ее несложившуюся личную жизнь и относилась к ней почти как к ребенку. Впрочем, своей наивностью Вырубова действительно напоминала ребенка. Анна Александровна приходила в царский дворец почти что каждый день, ездила с ними и в Крым, и в Спаду, и по Балтике. Иногда Царская чета и их дочери посещали маленький домик Вырубовой недалеко от дворца. Исходящая от темных сил клевета приписывала этим встречам характер оргий и дебошей, тем более что иногда в домик Вырубовой приходил и Григорий Распутин. Комиссия Временного правительства, с пристрастием расследовавшая связи и встречи Вырубовой, с разочарованием вынуждена была констатировать лживость всех этих обвинений, более того, медицинская экспертиза установила, что Вырубова никогда не была в интимных отношениях ни с одним мужчиной.

ГЛАВА 20

Григорий Распутин. — Антирусский миф. — Отношения с Царской семьей. — Добротолюбие. — Бессребреность. — Излечение Наследника. — Советы Царю.

«Думаем, что мы не будем далеки от истины, — писала в 1914 году русская патриотическая газета «Московские ведомости», — если скажем, что Распутин — «газетная легенда» и Распутин — настоящий человек из плоти и крови — мало что имеют общего между собой. Распутина создала наша печать, его ре-

путацию раздули и взмылили до того, что издали она могла казаться чем-то необычайным. Распутин стал каким-то гигантским призраком, набрасывающим на все свою тень».

«Зачем это понадобилось? — спрашивали «Московские ведомости» и отвечали: — Он нужен был лишь для того, чтобы скомпрометировать, обесславить, замарать наше время и нашу жизнь. Его именем хотели заклеймить Россию...» Как справедливо отмечал царский врач Е.С. Боткин: «Если бы не было Распутина, противники царской семьи и подготовители революции создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубовой — из меня, из кого хочешь»[1].

Все нападки, клевета, ложь, которые обрушились на Распутина, на самом деле предназначались не ему, а Царю, символизирующему собой Родину и Русское государство. Нащупав самое тонкое, самое нежное, самое интимное место в жизни Царской семьи, враги Царя и России стали с методической старательностью и изощренностью бить по нему, как в свое время они били по Иоанну Кронштадтскому, находившемуся в дружеских отношениях с Александром III.

Царь и Царица не были религиозными фанатиками, их религиозность носила органичный, традиционный характер. Православие для них было ядром существования, идеалом — кристальная вера русских Царей эпохи первых Романовых, вера, неразрывно сплетенная с другими идеалами Святой Руси, народными традициями и обычаями.

Конец XIX — начало XX века характеризовались в России глубоким духовным кризисом вследствие отказа от российских духовных ценностей, традиций и идеалов, перехода значительной части образованного общества на основы существования по западной шкале координат. Царь, по своему положению являющийся Верховным хранителем народных основ, традиций и идеалов, ощущал трагический исход этого кризиса и очень нуждался в людях, которые были близки ему духовно. В этом, на наш взгляд, заключалась главная причина сближения Царской четы и Григория Распутина. Тяга Царя и Царицы к Распутину носила глубоко духовный характер, в нем они видели старца, продолжающего традиции Святой Руси, умудренного духовным опытом, способного дать добрый совет. И вместе с тем они видели в нем настоящего русского крестьянина — представителя самого многочисленного сословия России, с развитым чувством

---

[1] Мельник Т. Воспоминания о царской семье... М., 1993. С. 39.

здравого смысла, народного понимания полезности, своей крестьянской интуицией твердо знавшего, что хорошо, а что плохо, где свои, а где чужие.

«Я люблю народ, крестьян. Вот Распутин действительно из народа», — говорила Царица, а Царь считал, что Григорий — «хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнения и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно». Эту мысль он неоднократно повторяет в переписке и беседах.

Царь с Царицей уважительно называли Распутина «наш Друг» или «Григорий», а Распутин их — «Папой и Мамой», вкладывая в это понятие «отец и мать народа». Беседовали друг с другом только на «ты».

В жизни Царской семьи, по мнению Вырубовой, Распутин играл такую же роль, как святой Иоанн Кронштадтский. «Они так же верили ему, как отцу Иоанну Кронштадтскому, страшно ему верили и, когда у них горе было, когда, например, наследник был болен, обращались к нему с просьбой помолиться» (из протокола допроса А.А. Вырубовой).

До последней минуты Царская чета верила в молитвы Григория Распутина. Из Тобольска они писали Анне Вырубовой, что Россия страдает за его убийство. Никто не мог поколебать их доверие, хотя все враждебные газетные статьи им приносили и все старались им доказать, что он дурной человек. Не следует думать, что Царь и Царица были наивными людьми. По обязанности своего положения они неоднократно устраивали негласные проверки достоверности полученной информации и каждый раз убеждались, что это клевета. Более того, Царская семья знала, с каким глубоким уважением к Распутину относились многие почтенные люди.

Известный исследователь русских религиозных движений В.Д. Бонч-Бруевич считал Григория Распутина одной из самых ярких личностей своей эпохи. Передавая свои впечатления от встреч с Распутиным, ученый, в частности, рассказывал: «Много мне приходилось видеть восторженных людей из народной среды, — ищущих чего-то, мечущихся, «взыскующих града», куда-то стремящихся, что-то строящих и разрушающих, но Г.Е. Распутин какой-то другой, на них непохожий. Не имея никакой политической точки зрения, он что-то стремится сделать. Для кого?..

— Для народушка жить нужно, о нем помыслить... — любит говорить он».

Святой Иоанн Кронштадтский верил в Григория Распутина, считая его выдающимся странником и молитвенником, т. е. человеком, чья молитва Богу всегда угодна.

Множество людей приходило к Распутину с просьбой помолиться за их дела, присылали телеграммы и письма. В архивах сохранилось немало телеграмм, содержащих эту просьбу. Но больше всего ценился прямой контакт с ним. Непредвзятые источники свидетельствуют, что в личной встрече он просто очаровывал людей своей какой-то особой уверенностью, умением поставить себя, доброжелательностью и просто добротой. Многие старики из его родного села Покровского в Тюменской области говорили, что главное в нем — доброта: «Он был добрый и хороший человек, зло о людях не говорил». Это подтверждают показания министра внутренних дел Протопопова: «...зло не говорил про людей, это мне нравилось...», а также впечатления других людей, встречавшихся с ним. Граф С.Ю. Витте сказал о Распутине: «Поистине, нет ничего более талантливого, чем талантливый русский мужик. Какой это своеобразный, какой самобытный тип! Распутин абсолютно честный и добрый человек, всегда желающий творить добро...»

Письма Царицы супругу наполнены глубочайшей верой в Григория Распутина:

«Слушай нашего Друга, верь ему, его сердцу дороги интересы России и твои. Бог недаром его нам послал, только мы должны обращать больше внимания на его слова — они не говорятся на ветер. Как важно для нас иметь не только его молитвы, но и советы!»

«Ах, милый, я так горячо молю Бога, чтобы он просветил тебя, что в нем наше спасение: не будь Его здесь, не знаю, что было бы с нами. Он спасает нас своими молитвами, мудрыми советами, Он — наша опора и помощь».

И, наконец, незадолго до убийства Григория, 5 декабря 1916 года:

«Милый, верь мне, тебе следует слушаться советов нашего Друга. Он так горячо, денно и нощно, молится за тебя. Он охранял тебя там, где ты был, только Он, — как я в том глубоко убеждена... Страна, где Божий человек помогает государю, никогда не погибает. Это верно — только нужно слушаться, доверять и спрашивать совета — не думать, что Он чего-нибудь не знает, Бог все ему открывает. Вот почему люди, которые не постигают его души, так восхищаются его умом, способным все понять. И когда он благословляет какое-нибудь начинание, оно

удается, и если Он рекомендует людей, то можно быть уверенным, что они хорошие люди. Если же они впоследствии меняются, то это уже не Его вина — но Он меньше ошибается в людях, нежели мы, — у Него жизненный опыт, благословенный Богом».

Мы не имеем морального права комментировать эти слова, ибо еще так мало знаем мир высших чувств, которыми жила Царская семья. Спасение России по пути следования народным традициям, основам и идеалам было отвергнуто большинством образованного общества. Мозг нации был болен недугом чужебесия, при котором отечественные ценности представлялись мракобесием и реакцией.

Царь и Царица часто обращаются к Распутину за помощью и молитвой. Вот довольно характерная строчка из письма Царицы Царю: «Я просила Аню телеграфировать нашему Другу, что дело обстоит очень серьезно и что мы просим его помолиться».

«Наш Друг благословляет твою поездку», — нередко пишет Царица Царю.

Дело доходит до того, что Царица видит особые свойства в вещах, принадлежащих Распутину, рассматривает их как своего рода святыни. «Благословляю и целую, мой дорогой, не забудь причесаться маленькой гребенкой», — говорила Царица супругу в особо ответственные периоды. Гребенка эта была подарена Царю Распутиным. Или в другом месте: «Не забудь перед заседанием министров подержать в руке образок и несколько раз расчесать волосы Его гребнем».

Всегда приезжая по первому зову Царской семьи, Григорий денег от них для себя лично не принимал, за исключением сотни рублей, которые они ему посылали на дорогу (а позднее они оплачивали его квартиру). Хотя иногда он брал у них деньги для передачи на разные благотворительные нужды, в частности, от них он получил 5 тыс. рублей на строительство церкви в селе Покровском.

Как отмечается многими современниками, Распутин по природе был человек широкого размаха, двери его дома всегда были открыты; там всегда толпились многочисленные посетители. Если кто-то голодный приходил и просил есть, его не спрашивали об имени, кормили тем, что было у самих хозяев. «Распутин постоянно получал деньги от просителей за удовлетворение их ходатайств, широко раздавал эти деньги нуждающимся и вообще лицам бедных классов...» — позднее писал член следственной комиссии Временного правительства Руд-

нев. Когда требовалась большая сумма, он писал записку тому или иному богатому человеку с просьбой выделить деньги нуждавшимся. Сам Распутин денег почти не имел, если они появлялись, он их сразу раздавал. После его смерти семья осталась без гроша.

Удивительно трогательные взаимоотношения складываются у Распутина с царскими детьми. Когда Распутин бывает во дворце, он беседует с ними и наставляет их. Они пишут ему письма и поздравительные открытки, просят его помолиться об успехе в учебе. «Дорогой, мой маленький! — пишет Григорий Царевичу Алексею в ноябре 1913 года. — Посмотри-ка на Боженьку, какие у него раночки. Он одно время терпел, а потом так стал силен и всемогущ — так и ты, дорогой, так и ты будешь весел и будем вместе жить и погостить. Скоро увидимся». Перед войной готовилась поездка Царевича Алексея вместе с Распутиным в Верхотурский монастырь к мощам Симеона Верхотурского.

По желанию Царской семьи Распутину специальным Указом дается другая фамилия — «Новых». Это слово было одно из первых слов, которое произнес Наследник Алексей, когда начал говорить. По легенде, увидев Григория, младенец закричал: «Новый! Новый!» Отсюда и эта фамилия.

Для Царской семьи Григорий стал олицетворением надежд и молитв. Встречи эти были не часты, но так как проводились негласно и даже тайно, то рассматривались придворными как события огромной важности, о которых на следующий день становилось известно всему Петербургу. Григория проводили, как правило, боковым выходом, по маленькой лесенке и принимали не в приемной, а в кабинете Царицы. При встрече Григорий целовался со всеми членами Царской семьи, а затем уж вели неторопливые беседы. Распутин рассказывал о жизни и нуждах сибирских крестьян, о святых местах, где ему приходилось бывать. Слушали его очень внимательно, никогда не перебивали. Царь с Царицей делились с ним своими заботами и тревогами и прежде, конечно, постоянной тревогой за жизнь сына и Наследника, больного неизлечимой болезнью. Как правило, и он, если не был болен, сидел здесь же и слушал.

Как бы это ни объясняли, но Григорий Распутин был единственный человек, способный помочь Наследнику в его болезни. Как он это делал, наверно, навсегда останется тайной. Но факт есть факт, страшная болезнь несворачиваемости крови,

перед которой были бессильны лучшие доктора, отступала при вмешательстве Григория. Тому есть множество свидетельств, даже со стороны лиц, ненавидевших его. Так, дворцовый комендант В.Н. Воейков писал в своих воспоминаниях: «С первого же раза, когда Распутин появился у постели больного Наследника, облегчение последовало немедленно. Всем приближенным царской семьи хорошо известен случай в Спаде, когда доктора не находили способа помочь сильно страдавшему и стонавшему от болей Алексею Николаевичу. Как только по совету А.А. Вырубовой была послана телеграмма Распутину и был получен на нее ответ, боли стали утихать, температура стала падать, и в скором времени Наследник поправился».

Безусловно, Царь прислушивался к советам Григория. Из царской переписки видно, что Царь с вниманием выслушивал предложения Распутина и нередко принимал их. Особенно это касалось кандидатуры на посты руководителей Святейшего Синода и передвижения епископов в различные епархии, хотя на последнем этапе своей жизни Григорий принимает участие и в подборе кандидатур на посты министров и губернаторов. Во всех случаях он высказывал только свое мнение. Влияние его на Царя было чисто духовным. А Царь ждал от Григория высших духовных откровений, как бы санкций Божественной власти.

Только не надо считать Николая II послушным исполнителем указов Распутина. То, что он советовался с Григорием, вовсе не означало, что он принимал все его советы. При решении абсолютного большинства вопросов Николай не ставил в известность ни Распутина, ни даже Царицу. О многих его решениях они узнавали уже из газет или других источников. В одном из писем к своей супруге Николай достаточно твердо и даже жестко говорит: «Только прошу тебя не вмешивать нашего Друга. Ответственность несу я и потому желаю быть свободным в своем выборе».

ГЛАВА 21

Итоги царствования. — Россия перед цареубийством.

Царствование Николая II — самый динамичный период в росте численности Русского народа за всю его историю. Менее чем за четверть века население России увеличилось на 62 млн. человек, то есть в полтора раза. Рост русского населения опере-

жал рост населения западноевропейских стран более чем в три раза[1].

При Николае II Россия достигла самого высокого в своей истории уровня рождаемости. В 1895—1900 годах на 1000 человек православного населения страны рождался 51 ребенок. Среди других вероисповеданий — иудеев, католиков, мусульман — рождаемость была в 1,6—1,8 раза ниже. Правда, в начале XX века рождаемость стала сокращаться, хотя и продолжала значительно опережать рост населения других вероисповеданий и стран Западной Европы. Одновременно снижались показатели смертности русского населения, хотя здесь успехи России были более скромными, чем в странах Запада. Высокая смертность в России объяснялась, как это ни парадоксально, более высокой рождаемостью, ибо преобладающее число смертей в то время в любой стране приходилось на младенчество и детство. В 1908 — 1910 годах число умерших в возрасте до 5 лет составляло почти 60 процентов всех умерших русских людей[2].

Для всех же остальных групп русского населения (20 лет и старше) уровень смертности был значительно ниже, чем в США и западноевропейских странах. Гораздо большим, чем в этих странах, в России было число долгожителей и стариков, достигших преклонного возраста.

Высокие темпы рождаемости, снижение смертности, незначительное количество эмигрантов обусловили непрерывное увеличение естественного прироста народонаселения России. В 1913 году он был в полтора раза выше, чем в 17 других государствах Европы. Причем если в большинстве ведущих европейских держав естественный прирост падал, то в России он увеличивался. Доля России в мировом населении в 1900 году удвоилась по сравнению с 1800 годом и достигла 10 процентов.

Символом экономического процветания России конца XIX — начала XX века является Великая Сибирская железная дорога, воплотившая в себе все предыдущие хозяйственные достижения страны, явив миру русское экономическое чудо. Дорога протяженностью 7416 км в основном построена всего лишь за десять лет руками примерно 8 тыс. русских строителей, объединенных в рабочие артели. В то время это был самый великий

---

[1] Рассчитано по: Водарский Я.Е. Население России за 400 лет. М., 1973. С. 57; Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. ОГИЗ. 1941. С. 414—415.

[2] Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 5, 224.

в мире экономический проект, воплощенный в жизнь. Но Великая Сибирская железная дорога была далеко не единственной, построенной в царствование Николая II. При нем ежегодно возводилось примерно 2 тыс. км дорог. Металл, рельсы, вагоны, паровозы — все производилось на русских заводах руками русских рабочих. Только высокоразвитая промышленная держава могла освоить железнодорожное строительство такими гигантскими темпами, отражавшими стремительный рост русской экономики.

В 1815—1861 годах число фабрик и заводов России увеличилось в три с половиной раза, а число рабочих — в три раза[1]. За 1860—1880 годы продукция промышленности увеличилась в 2,5 раза[2].

Однако настоящий рывок в развитии российской промышленности произошел в 1880—1910 годы, характеризуясь гигантскими темпами роста промышленности и коренными качественными изменениями в технике и технологии. За 1885—1913 годы промышленная продукция России выросла в 5 раз, превысив темпы промышленного роста наиболее развитых стран мира, заметно повысилось качество продукции, снижались цены на промышленные товары.

В конце XIX — начале XX века осуществлялось коренное техническое перевооружение промышленности. Доля производственного накопления составляла 15—20 процентов национального дохода, что было выше, чем в США[3].

Только за 1885—1913 годы крупные акционерные предприятия увеличили свои фонды в 11,1 раза, хотя мелкие и средние предприятия росли значительно медленнее. Средний рост производственных фондов составлял за 1885—1913 годы 596 процентов, или 7,2 процента в год, т. е. выше, чем в США, за тот же период[4].

Механизация производства происходила ускоренными темпами. Если в 1860 году было внедрено машин на 16,5 млн. руб., то в 1870 году уже на 65 млн. руб., а в 1913 году на 340 млн. руб.

---

[1] Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1922. С. 64.

[2] Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 489, 495.

[3] Вайнштейн А.Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М., 1960. С. 8.

[4] Струмилин С.Г. Избранные произведения. М., 1963. С. 382.

В 1860 году в производстве работало механического оборудования на 100 млн. руб., в 1870 году — на 350 млн. руб., в 1913 году — почти на 2 млрд. руб.[1], то есть ежегодно обновлялось около пятой части технического парка машин.

Темпы роста производства средств производства на частных русских предприятиях были в два раза выше темпов роста легкой и пищевой промышленности. В результате удельный вес производства средств производства достиг 43 процентов всей промышленной продукции. 63 процента оборудования и средств производства, необходимых в промышленности, производились внутри страны, и только немногим более трети ввозилось из-за границы.

Еще в 1890 году США опережали Россию и по темпам роста продукции, и по производительности труда, однако в 1900—1913 годах положение изменилось, разрыв между Россией и США стал сокращаться. Бурный рост промышленного производства наблюдался практически во всех отраслях промышленности России.

Особенно высокими темпами в этот период развивается металлообрабатывающая, химическая, нефтеперерабатывающая отрасли промышленности. В результате за 1897—1908 годы структура обрабатывающей промышленности улучшается. Сокращается удельный вес продукции текстильной промышленности (с 39 до 26 процентов), возрастает удельный вес более «передовых» отраслей.

Русская промышленность в этот период продолжала использовать возможность промышленного развития, предоставляемую передовой техникой и технологией, а также импортом капитала. Несмотря на таможенные ограничения, импорт западной техники продолжался в значительном масштабе.

Возникающие в России новые предприятия, как правило, использовали новейшие достижения техники, технологии и организации производства. Концентрация производства на промышленных предприятиях — самая высокая в мире. В 1910 году в России 53 процента промышленных рабочих работало на предприятиях с числом занятых свыше 500 человек, в США соответствующий показатель составлял 33 процента[2].

---

[1] Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 490.

[2] Лященко П.И. Указ. соч. С. 222, 286; История СССР. Т. VI. М., Наука, 1968. С. 261.

На предприятиях с числом рабочих свыше 1000 человек в России было занято 44 процента рабочих, что в два с лишним раза больше, чем в промышленности США.

В приведенные данные фабричной инспекции не вошли наиболее крупные казенные и все металлургические заводы. Включая и эти заводы, норма концентрации рабочих на крупнейших русских заводах повышается в полтора раза. Таким образом, доля крупных предприятий в России была в три раза больше, чем в Германии и США[1].

Заводов-гигантов с числом рабочих свыше 5000 насчитывалось в Германии в 1907 году всего 12, тогда как в России в одном Петербурге их было больше, чем во всей Германии (14 заводов). По всей же России заводов-гигантов насчитывалось 35.

Вопреки устоявшемуся мнению о каком-то особом, зависимом положении России от иностранного капитала, общий объем зарубежных вложений в промышленность составлял не более 9—14 процентов всех промышленных капиталов, то есть не больше, чем в основных западноевропейских странах, что было связано с общей тенденцией к интернационализации капитала. Отечественные предприниматели определяли всю промышленную политику России. Иностранные капиталы, как правило, допускались в те промышленные области, куда отечественные предприниматели еще «побаивались» вкладывать свои капиталы. В стране было достаточно внутренних средств, чтобы вложить их в промышленность. Так, за 1885—1913 годы прибыль по отношению к основному капиталу составляла 16 процентов, а реальный прирост основных капиталов достигал 7,2 процента, а кроме прибыли существовали и другие источники образования основного капитала в промышленности.

За первое десятилетие царствования Николая II государственный бюджет России увеличился с 965 до 1947 млн. руб., то есть более чем в два раза. В 1902 году он в полтора и более раза превосходил госбюджеты Англии, Франции, Германии, являясь первым по своим размерам. Примерно половину доходов бюджета составляли косвенные налоги и около четверти — доходы государственного хозяйства (государственных заводов, фабрик, железных дорог и т.п.). Причем доходы государственных хозяйств выросли за десятилетие в 3,5 раза. Это означало, что сосредоточение народных ресурсов происходило не только за счет

---

[1] Там же. С. 540.

усиления налогообложения, но и путем развития государственного хозяйства[1].

В 1895 году Россия перешла на систему золотого обращения и установила чрезвычайно строгие условия для выпуска в обращение кредитных билетов, которые должны были обязательно обеспечиваться золотом. Уже к 1904 году золотой запас Государственного банка России составлял 900 млн. руб., тогда как кредитных билетов было выпущено на 580, т. е. золотое покрытие составляло свыше 100 процентов[2]. Вместе с положительным торговым балансом страны это составляло условие для существования русского рубля как самой твердой конвертируемой валюты в мире, которую высоко ценили иностранцы.

Начиная с 1876—1880 годов вплоть до 1913 года Россия имела непрерывный активный торговый баланс. С 1886 по 1913 год она вывезла товаров на 25,3 млрд. золотых руб., а ввезла только на 18,7 млрд. руб., т. е. обеспечила приток золота и валюты в страну на 6,6 млрд. руб.

Русская экономика не ориентировалась на внешний рынок. Среди русских товаров только лен и сливочное масло производились в большей степени для продажи за рубеж. В 1913 году экспорт льна достигал 54 процентов, а масла — 76 процентов их производства. Экспортная доля других товаров была несравнимо ниже: пшеницы — 15 процентов, ржи — 3, овса — 4, ячменя — 34, яиц — 17, сахара — 8, нефтепродуктов — 12 процентов. В целом же Россия вывозила за рубеж не более 6—8 процентов производимых товаров.

Опережая западные страны по темпам экономического роста, Россия вместе с тем по объему промышленного производства еще отставала от США, Великобритании, Германии и Франции, занимая пятое место в мире. Специалисты, основываясь на анализе промышленных мощностей России и среднегодовых темпов роста продукции, предсказывали выход России к 1930-м годам на один из передовых рубежей мирового хозяйственного развития.

Стремительный экономический рост и динамично развивающиеся трудовые ресурсы русской нации в царствование Николая II дали богатые плоды. Народный доход России, по самым приуменьшенным расчетам, вырос с 8 млрд. руб. в 1894 году до 22—24 млрд. в 1914 году, то есть почти в три раза. Среднедушевой доход русских людей удвоился. Особенно высокими

---

[1] Русское богатство. 1902. № 3. С. 119, 137—138.

[2] К о к о в ц о в В.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 440—441.

темпами росли доходы рабочих в промышленности. За четверть века они возросли не менее чем в три раза.

Академику Струмилину удалось доказать, что в начале XX века заработки российских рабочих были одними из самых высоких в мире, занимая второе место после заработков американских рабочих. Вот ход его рассуждений. Средний годовой заработок в обрабатывающей промышленности США по цензу 1914 года достигал 573 долл. в год, 11,02 долл. в неделю, или 1,84 долл. в день. В перерасчете на русскую валюту по паритету дневной заработок американского рабочего составлял 3 руб. 61 коп. золотом. В России, по массовым данным 1913 года, годовой заработок рабочих деньгами и натурой равнялся за 257,4 рабочих дня 300 руб., т. е. не превышал 1 руб. 16 коп. в день, не достигая, таким образом, и трети (32,2 процента) американской нормы. Отсюда и делались обычно поспешные выводы о резком отставании уровня жизни рабочих России от американских стандартов. Но с учетом сравнительной дороговизны жизни в этих странах выводы получаются другие. При сравнении цен на важнейшие пищевые продукты в России и США оказывается, что в США продукты стоят в три раза дороже, чем в России. Опираясь на эти сравнения, можно сделать вывод, что уровень реальной оплаты труда в промышленности России был достаточно высок и опережал уровень оплаты труда в Англии, Германии, Франции[1].

Высокий уровень оплаты труда в промышленности вполне соответствовал сравнительно высокой (для того времени) доле оплаты труда в народном доходе, составляя в 1908 году около 55 процентов, то есть опять-таки был близок к американскому.

Высокий уровень заработной платы русских рабочих сочетался с большим, чем в других странах, количеством выходных и праздничных дней. У промышленных рабочих число выходных и праздников составляло 100—110, а у крестьян достигало даже 140 дней в год.

Русские люди богатели своим трудом. За 1894—1914 годы сумма вкладов населения в сберегательных кассах увеличилась в семь раз. Сумма вкладов и собственных капиталов в мелких кредитных учреждениях за 1894—1917 годы возросла в 17 раз. Вклады в акционерных коммерческих банках за 1895—1915 годы — в 13 раз.

---

[1] Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 122—123.

Многие годы царствования Николая II характеризовались бездефицитным государственным бюджетом, то есть государственные доходы превышали государственные расходы. В предвоенное десятилетие превышение государственных доходов над расходами составляло 2,4 млрд. руб. Государственные финансы процветали. За счет бездефицитного бюджета были отменены выкупные платежи крестьян, понижены железнодорожные тарифы, ликвидированы некоторые виды налогов.

Налоговое бремя на одного русского жителя было самым низким в мире. Русская казна при Николае II стремилась повышать свои доходы не за счет роста налогов, как это чаще всего делалось в западных странах, а путем повышения доходности государственных предприятий. Так, например, выплачивание процентов государственных долгов в основном обеспечивалось за счет доходов от эксплуатации государственных железных дорог.

Общая сумма налогов на одного жителя в России была в два раза ниже, чем во Франции, Германии и Австрии и в четыре раза меньше, чем в Англии[1].

Особенно низкими в России были прямые налоги. По сравнению с Англией их бремя было в 8 раз легче, а с Германией и Францией — в 4 раза.

Весьма показательными для понимания жизненного уровня русских людей в царствование Николая II является потребление мяса и мясных продуктов, возросшее примерно в 2 раза и составившее в 1913 году в среднем 70,4 кг в год на человека (в США — 71,8). Еще более высоким потребление мяса было в городах — в среднем 88 кг на душу населения, при этом в Москве — 87, в Петербурге — 94, во Владимире и Вологде — 107, в Воронеже — 147. Еще больше мяса потреблялось в городах Сибири и Дальнего Востока[2]. Потребление сахара также более чем удвоилось, достигнув 9 кг в год.

В первую половину царствования Николая II сокращалось потребление спиртных напитков на душу населения. За 1894—1904 годы оно снизилось с 7,4 литра до 7 литров[3] — один из

[1] Бразоль Б.Л. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах. М., 1990. С. 4—5.

[2] США: экономика, идеология, политика. 1988, 12. С. 13—17.

[3] Большая Советская Энциклопедия, I изд. Т. 11. С. 81 (некоторое увеличение потребления алкоголя — на 20 процентов — произошло во время смуты 1905—1907 годов).

самых низких показателей потребления алкоголя в мире. В это время в России пили в шесть раз меньше, чем во Франции; в пять раз меньше, чем в Италии; в три раза меньше, чем в Англии; в два раза меньше, чем в Германии.

В области культурного творчества Россия переживала необыкновенный подъем созидательного энтузиазма. «Россия, — писал И. Бунин, — жила жизнью необыкновенно широкой и деятельной, число людей работающих, здоровых, крепких все возрастало в ней». «Отовсюду, — вторит ему молодой тогда писатель Скиталец (С.Г. Петров), — как бы выпирало молодую русскую талантливость, все расцветало... В воздухе веяло обновлением, и, казалось, вся Россия пробуждалась, грезила какими-то сказочными, радужными снами». Созидательный подъем, отмечаемый многими современниками, был мощным проявлением чувства национально-культурного возрождения, переживаемого Россией. Именно в конце XIX — начале XX века в стране возникли все условия для окончательного разрушения космополитического засилья в культуре, рожденного европоцентристской ориентацией значительной части российской интеллигенции, лишенной национального сознания.

Русское культурное творчество возвращается к истокам и начинает приобретать отчетливо национальные формы, которые совершенствовались и усиливались успехами народного просвещения.

За годы царствования Николая II общие расходы на дело народного образования и культуру выросли в 8 раз и более чем в два раза опережали затраты на образование во Франции и в полтора раза — в Англии.

За 1894—1914 годы бюджет Министерства народного просвещения вырос в 6 раз, число учащихся в высших и средних учебных заведениях увеличилось в три раза, а в начальных — в два раза. Плата за обучение в высших учебных заведениях в России была во много раз ниже, чем в США и Англии, а неимущие студенты часто обучались бесплатно. По количеству женщин, обучавшихся в высших учебных заведениях, Россия занимала первое место в Европе.

С 1908 года в России вводится обязательное бесплатное начальное обучение. Для этого каждый год открывалось дополнительно более 10 тыс. государственных школ, число которых к 1913 году достигло 130 тыс. Подавляющая часть русского населения умела читать и писать. Удельный вес неграмотных был незначителен. Из примерно 14 процентов неграмотных боль-

шая часть принадлежала к нерусским народам Сибири и Поволжья. Их неграмотность объяснялась традиционными национальными установками этих народов, а не какими-то препятствиями для получения образования.

Искусство является выражением духовного мира народа. В царствование Николая II оно характеризуется обнадеживающим переломом в сторону возвращения к национальным основам, традициям и идеалам. Академизм и передвижничество, господствовавшие в русском искусстве в XVIII—XIX веках, безусловно, внесли свой вклад в его развитие, но вместе с тем отклонили его от национальной почвы. И академизм, и передвижничество усматривали настоящее русское искусство только с Петра I, а до него видели лишь подражательность и примитивность. Прервалась преемственность в развитии духовных начал, которые в любой стране носят прежде всего национальный характер. Извращается само понятие духовности. У «академистов» оно представляется в идеальных античных образцах, у передвижников — в «идейности» и тенденциозности. По сути дела, передвижничество было оппозиционным, антиправительственным течением русской художественной интеллигенции, зачастую лишенной национального сознания и стремившейся показать русскую жизнь односторонне, только в темных тонах — если крестьянина, то обязательно бедного и забитого, если купца, то обязательно толстого и пьяного, если чиновника, то обязательно отвратительного и жалкого. Обличительная тенденциозность, очернение «цветущей сложности» русской жизни считались «славнейшей традицией русского искусства». На самом же деле такое мировосприятие духовно обедняло русских художников, вымывало из-под них национальную почву. С конца XIX века в русском искусстве происходит отторжение передвижнического духа.

Мощным толчком для национального возрождения в живописи и архитектуре стало «открытие» русской иконы и церковного зодчества, долгое время считавшихся в образованном обществе жалкими подражательными примитивами. После расчистки русских икон и реставрации древних русских церквей стало совершенно очевидно, что речь идет о памятниках искусства мирового значения. Перед взором русских людей открылся целый океан великого искусства Древней Руси, носящего духовный характер. Это открытие резко расширило духовное поле и национально-культурный кругозор деятелей русского искусства. Произошло резкое возвышение их духовного потенциала.

Только великий подъем мог родить таких титанов русской национальной живописи, как В. Васнецов, М. Нестеров, М. Врубель, И. Репин, В. Суриков, К. Коровин, В. Серов, И. Левитан, В. Поленов. Росписи В. Васнецова во Владимирском соборе в Киеве являются высочайшим образцом русской духовной живописи. Образы русских святых и Богоматери во Владимирском соборе в Киеве, картины «Страшного суда» и «Всадника апокалипсиса» поражают своей цельностью и мощью духа. В картинах Васнецова «Три богатыря», «Аленушка», «Три царевны подземного царства», «Иван-царевич» и во многих других оживает эпический мир Древней Руси, духовно тесно связанный с современной жизнью.

Вершиной русской духовной живописи стали произведения М. Нестерова. Прежде всего, конечно, его участие в росписи того же Владимирского собора в Киеве — Рождество Христово, Воскресение, Святые Кирилл и Мефодий, Константин и Елена, Филарет и Варвара, Борис и Глеб, Михаил и Ольга. Чарующей духовной мощью полны картины Нестерова «Видение отроку Варфоломею» и «Пустынник».

М. Врубель, создавший также целый ряд икон и стенных росписей, поражает обостренным ощущением величия древнерусского искусства, его великой духовности, монументальности и пластической выразительности. Тяготея к древнерусскому искусству, Врубель не подражает ему, а развивает. Великолепны его оформления спектаклей Римского-Корсакова «Садко», «Царская невеста», «Сказка о царе Салтане». В картинах «Демон» и «Демон поверженный» Врубель по-новому ставит главный русский вопрос добра и зла, показывает трагическое одиночество личности вне национальной жизни.

Историческая живопись В. Сурикова раскрывает глубокую цельность и полноту духовной жизни России на разных этапах ее развития. «Боярыня Морозова», «Утро стрелецкой казни», «Покорение Сибири Ермаком», «Переход Суворова через Альпы» и другие его картины стали антологией русской жизни.

В целом же период царствования Николая II по количеству великих национальных художников не знал себе равных в русской истории. Существовали целые художественные центры, поставившие своей целью возрождение народного искусства и возвращение к истокам. Такими центрами стали, в частности, Абрамцево, Талашкино, Поленово.

Художественный кружок в Абрамцеве, душой которого был русский предприниматель и меценат С.И. Мамонтов, увлекав-

шийся пением, музыкой и ваянием, объединял целую плеяду талантливых художников, скульпторов, композиторов, музыкантов, актеров, певцов. Здесь создавались живописные полотна, возводились здания в древнерусских архитектурных формах, возрождалось гончарное производство, разрабатывались и декорировались предметы повседневного быта, ставились самобытные спектакли. Через этот кружок прошли все уже перечисленные нами великие русские художники, возвысив друг друга и русское искусство глубоким национальным порывом.

В Талашкине старанием княгини М.К. Тенишевой были организованы художественные мастерские: столярная, резьбы и росписи по дереву, чеканки по металлу, керамическая, окраски тканей и вышивания. Княгиня собирала «стародавние образцы неугасимой красоты» русского быта и давала им творческое развитие в своих мастерских, превратившихся «в заповедное место, в тот живой родник, у истоков которого взаимно обогащались и декоративно-прикладное профессиональное искусство прославленных корифеев, и народное творчество»[1]. В мастерских участвовали тысячи человек. Как писал Н. Рерих: «...У священного очага... творит народ вновь обдуманные предметы... Снова вспоминаются заветы дедов и красота и прочность старинной работы. В молодежи зарождаются новые потребности и крепнут ясным примером».

В поиск новых форм русского искусства большой вклад внесла группа художников, примыкавших к журналу «Мир искусства», душой которого был художник А. Бенуа. Они обогатили русское искусство новыми формами и приемами, создали красочные образы русской жизни и природы. Н. Рерих, А. Головин, В. Борисов-Мусатов, Е. Лансере, И. Билибин, И. Грабарь, К. Юон, Б. Кустодиев стали своего рода вторым кругом русских художников, вольно или невольно формировавшихся вокруг духовного центра русской живописи, рассмотренного нами выше.

В царствование Николая II новое дыхание и стремительный порыв к национальным русским формам приобретает и архитектура. Разрозненные проявления русского стиля в предыдущее царствование в 1890-х годах сливаются в широкое художественное движение, объединенное поисками монументального национального стиля под началом и при явной гегемонии архи-

---

[1] Талашкино. М., 1973. С. 11.

тектуры[1]. Русские архитекторы эпохи национального возрождения отказываются от буквального использования чисто внешних форм древнего русского зодчества, но творчески развивают его дух и мотивы — пластичность, силуэтность, богатырско-эпический строй. Заметными вехами на пути русского возрождения стали сооружения павильона русского прикладного искусства на Всемирной выставке 1900 года в Париже (худ. К.А. Коровин и архитектор И.Е. Бондаренко), павильоны русского отдела на Международной выставке в Глазго (1901) и Ярославский вокзал в Москве (1904 год, архитектор Ф.О. Шехтель), доходный дом Перцова в Соймоновском переулке в Москве (1907) и постройки в Талашкине («Теремок», театр, собственный дом, 1902 год, архитектор С.В. Малютин), дом для вдов и сирот художников в Лаврушинском переулке (архитектор Н.С. Курдюков) и старообрядческие церкви в Москве (вторая половина 1900-го — 1910-е годы, архитектор И.Е. Бондаренко).

Великолепные образцы русского зодчества были созданы архитектором А.В. Щусевым — Казанский вокзал на Каланчевской площади в Москве, церкви в Почаевской лавре и Марфо-Мариинской обители.

Даже стиль модерн в архитектуре и искусстве, получивший распространение в самом конце XIX века, носил в России сугубо национальный характер. Недаром у его отечественных истоков стояли Е.Д. Поленова, В.М. Васнецов и К.А. Коровин.

Блестящим выражением возрождения древнерусского зодчества стали сооружения архитектора В.А. Покровского, сумевшего развить декоративные мотивы и конструктивные особенности традиционной русской архитектуры применительно к новым условиям и создавшего функционально удобные и эстетически совершенные постройки: здания ссудной кассы в Москве и Государственного казначейства в Нижнем Новгороде, ряд других построек, которые поражали совершенством форм и современными удобствами. Самым выдающимся произведением Покровского стал Федоровский собор в Царском Селе (1910—1915), нижний пещерный храм которого особенно любила посещать Царская семья. При Федоровском соборе был воздвигнут Русский городок. В его строительстве и отделке, кроме Покровского, принимали участие и другие архитекторы, лучшие худож-

---

[1] Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830—1910 годов. М., 1978.

ники и скульпторы. Городок состоял из трех основных зданий и был окружен сказочно красивой кремлевской стеной с башнями и тремя воротами, опоясанными «скульптурным кружевом древней русской росписи». Стена прерывалась фронтоном трех больших зданий, выступавших вперед. Главным зданием была так называемая трапезная Государя, состоявшая из многочисленных комнат, включая двухсветный трапезный зал со сводами, украшенными гербами всех российских губерний и областей. Трапезная заканчивалась домовым храмом, где каждый образ и каждая лампада говорили о глубокой и драгоценной старине. Два других здания, также в древнем русском стиле, со многими архитектурными деталями и мотивами, первоначально предназначались для духовенства Федоровского Государева собора, но во время войны они были использованы как лазареты для раненых воинов. Внутри городка также находились дома для служебного персонала, теннисная площадка, конюшни, гаражи и русская баня. Повсюду — цветники, кусты и деревья редких пород. Весь Русский городок был полуокружен большим прудом, который как бы завершал организацию архитектурного пространства.

С творчеством Покровского созвучны выдающиеся произведения архитектора С.С. Кричинского — Храм в память 300-летия Дома Романовых и церковь Николая Барийского в Петербурге.

Русская литература эпохи Николая II являлась одним из высших выражений мировой культуры. Недаром Поль Валери, поэт и замечательный знаток мировых культур, считал главными достижениями человечества античную греко-римскую культуру, итальянское Возрождение и русскую литературу XIX века. Одно только перечисление имен великих русских писателей, творивших в царствование Николая II, говорит о гигантском духовном потенциале эпохи — Л. Толстой, И. Бунин, Л. Андреев, А. Чехов, А. Куприн, А. Блок, С. Есенин, Н. Гумилев, М. Цветаева, А. Ахматова, А. Белый, В. Брюсов, А. Ремизов, В. Розанов и, кроме них, еще десятки выдающихся писателей и поэтов — П. Боборыкин, В. Вересаев, В. Короленко, Д. Мамин-Сибиряк, М. Горький, Д. Мережковский, 3. Гиппиус, Н. Гарин-Михайловский, Н. Телешов и др. Русская литература этой эпохи была духовным поиском идеала, стремлением к преображению души, литературой больной совести и ответственности перед простым народом.

Символом русской литературы этой эпохи стал роман

Л. Толстого «Воскресение» (1899). В нем, по сути дела, отражалось главное духовное противоречие времени — неприглядность, двуличность, лицемерие господствующих слоев общества и интеллигенции и нравственное превосходство простого народа, продолжавшего жить своей традиционной жизнью на началах Святой Руси. По прочтении романа становится ясно, что залогом счастливого будущего России могут быть только эти начала и осознание огромной ответственности за их сохранение и развитие.

Русская музыка и театр времени Николая II — также одно из высших выражений общемировой культуры. В гениальных произведениях П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова, А.К. Глазунова, С.И. Танеева, А.С. Аренского, С.В. Рахманинова, А.Н. Скрябина, С.С. Прокофьева, И.Ф. Стравинского, Н.Я. Мясковского выразилась глубочайшая музыкальная одаренность русского народа. Ни один другой народ в это время не дал столь замечательных музыкантов, как русский.

Глубоко народный характер носило творчество Н.А. Римского-Корсакова, создавшего целый ряд гениальных опер-сказок, отражавших огромное духовное богатство Святой Руси. Оперы «Сказка о царе Салтане» (1900), «Кощей Бессмертный» (1902), «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» (1904—1907), «Золотой петушок» (1907—1909) стали выдающимися явлениями национальной жизни. Римский-Корсаков сделал доступными для сценического воплощения оперы М.П. Мусоргского «Хованщина» и «Борис Годунов», оставшиеся недоработанными после смерти их создателя.

Великий русский композитор С.В. Рахманинов завоевывает мир глубоко проникновенными произведениями, отражавшими существо души русского человека — соединение глубокого лиризма и мощных жизнеутверждающих нот: Второй фортепьянный концерт, Вторая симфония. Тот же тончайший лиризм в сочетании с «каскадным взрывом страстей», оптимистическим стремлением к идеалу, к преображению слышится в произведениях другого великого русского музыканта, А.Н. Скрябина. Его Первая и Вторая симфонии, «Божественная поэма», «Поэма экстаза» — величайшие творения мировой музыкальной культуры.

Высочайшими вершинами русской музыкальной одаренности стала балетная музыка И.Ф. Стравинского «Жар-птица» (1910), «Петрушка» (1911), «Весна священная» (1913), воплотившая богатейшие образы Святой Руси.

Русская школа вокального искусства дала миру великих певцов Ф.И. Шаляпина, Л.В. Собинова, А.В. Нежданову. Пение Шаляпина в ролях Бориса Годунова, Ивана Грозного, Мефистофеля, дона Базилио; Собинова — в ролях Ленского, Лоэнгрина, Ромео; Неждановой — в ролях Антониды, Снегурочки, Татьяны, Маргариты утвердило заветы русской национальной школы оперно-исполнительского искусства в мировом искусстве пения.

Всеобщее мировое признание получили звезды русского балета А.П. Павлова, Т.П. Карсавина, В.Ф. Нижинский, балетмейстер М.М. Фокин. Организованные С.П. Дягилевым «Русские сезоны» в Париже поразили европейцев высочайшим искусством и глубиной духовных образов, созданных русскими артистами, выражавшими огромные ценности русской цивилизации. Русский театр достиг также небывалых высот. Сформировалась русская школа сценического искусства, поставившая на новый уровень весь мировой театр.

Национальные реформаторы русского театра К.С. Станиславский, В.И. Немирович-Данченко, В.Ф. Комиссаржевская стали реформаторами всего мирового театра. Система Станиславского, получившая воплощение в деятельности Московского художественно-общедоступного театра, широко распространилась во многих странах, обогатив мировую культуру. Художественный театр родил целую плеяду великих русских актеров, служивших примером для многих театров как в России, так и за рубежом. М.Г. Савина, М.Н. Ермолова, В.И. Качалов, И.М. Москвин, Л.М. Леонидов стали каждый в своем роде вершинами русского театра.

Русское искусство этого периода стремится не отделиться от русского народа, как это нередко происходило в XVIII и большей части XIX века, а вернуться к нему, чтобы жить его духовными ценностями. Возникает большое количество самодеятельных театров, и не только в столицах, но и даже в самых маленьких уездных и заштатных городах. В народных домах, широко распространившихся по всей России, выступают великие русские артисты.

В традициях русской жизни организовываются народные праздники, имевшие театрализованный характер и сочетавшие в себе все виды искусства — театр, пение, живопись, архитектуру.

В 1902—1904 годах в Москве происходят грандиозные народные гулянья, поставленные известным знатоком и масте-

ром народного театра М.В. Лентовским, в городском манеже, в оформлении известного архитектора-художника Ф.О. Шехтеля. Были поставлены «Снегурочка», «Бедность не порок» — А.Н. Островского, «Русская свадьба в исходе XVI века» — Н. Сухонина, «Архангельский мужик М.В. Ломоносов» и «Севастополь» — историческая хроника Оленина, торжественная увертюра П.И. Чайковского и многое другое. Эти зрелища превращались во всенародный праздник и привлекали огромные толпы народа.

Царствование Николая II — это не только расцвет искусств, но и в не меньшей степени гигантские успехи русской науки. По сути дела, формирование всех главных направлений мировой науки было осуществлено при решающем участии русских ученых.

В области мировой физики огромную роль сыграли великие русские ученые. П.Н. Лебедев на Международном конгрессе физиков вызвал сенсацию сообщением об установлении им опытным путем давления света. Одним из первых в мире разрабатывал проблему теории относительности и создания цельного воззрения на явления природы Н.А. Умов. Ряд мировых открытий в физике, в частности электромагнитной теории света, принадлежит великому русскому физику А.Г. Столетову.

В области химии огромную роль сыграл гениальный русский ученый Д.И. Менделеев, внесший также большой вклад в развитие отечественной экономической науки. Ведущим мировым термохимиком был Н.Н. Бекетов, исследования которого послужили отправной точкой для возникновения алюминотермии.

В биологии и медицине получили всемирное признание И.П. Павлов, И.И. Мечников, И.М. Сеченов, Н.В. Склифосовский. Русские ученые стали лауреатами Нобелевской премии: И.П. Павлов — за труды по изучению процессов пищеварения (1904), И.И. Мечников — за исследования проблем иммунологии и инфекционных заболеваний (1908).

В ботанике прославился русский ученый А.Н. Бекетов, организатор русской школы ботанико-географов, который почти одновременно с выходом в свет «Происхождения видов» Ч. Дарвина, но независимо от него объяснил целесообразное устройство органических форм. Классиком мировой науки стал также К.А. Тимирязев.

Мировое почвоведение складывалось и развивалось на основе русской почвоведческой науки; в мировую почвоведчес-

кую терминологию вошли многие русские слова и понятия. Огромную роль здесь сыграл великий русский ученый В.В. Докучаев.

В области мировой астрономии огромную роль играл астроном А.А. Белопольский, бывший ведущим специалистом по исследованию Солнца.

Изобретение радио, радиосвязи принадлежит великому русскому инженеру-электрику А.С. Попову. Им же написаны ценнейшие работы по изучению рентгеновских лучей.

Русский ученый Б.Б. Голицын стал основателем новой науки сейсмологии. В 1911 году он был избран президентом Международной сейсмологической ассоциации.

Большой вклад в мировую науку внес отец русской авиации Н.Е. Жуковский, который определил подъемную силу крыла самолета и установил метод ее вычисления, тем самым заложив прочную основу теории и практики воздухоплавания.

Стремительным прорывом в науке стали исследования гениального русского ученого К.Э. Циолковского, разработавшего основы науки полетов в космическое пространство, сосредоточившегося на теории движения ракет и реактивных приборов. Выходом в свет работы Циолковского «Исследования мировых пространств реактивными приборами» (1903) был совершен переворот в представлениях о ракетах и создана прочная основа для создания космических ракет для межпланетных полетов.

В общем, в области искусства и науки русскими людьми в царствование Николая II были достигнуты такие гигантские успехи, что об этом периоде следует говорить как о золотом веке русской цивилизации. Никогда еще Россия в столь непродолжительный период не рождала такого количества великих ученых, художников, артистов, музыкантов. Более того, без преувеличения можно сказать, что вся мировая история не знала такого духовного расцвета, невиданного взрыва гениальности и талантливости.

Часть III

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВ ЦАРЯ

ГЛАВА 22

Предсказания русских святых и подвижников Православия о грядущем цареубийстве. — Мистический смысл жизни и смерти Николая II. — Предсказания монаха Авеля и св. Серафима Саровского. — Видение старца Илиодора. — Сострадание Паши Саровской. — Слова св. Иоанна Кронштадтского. — Предвидение Оптинских старцев.

Смерть любого христианина имеет мистическую основу. Умирает тело, а душа возносится к небу, продолжая свое служение Богу. Каждый христианин и в земной жизни и после физической смерти выполняет свою особую миссию, назначенную ему Богом. Великая миссия служения была определена Николаю II. О его мученической смерти ему было предсказано заранее, и он свободно и мужественно нес свой крест, сознательно поднимаясь на уготованную ему Голгофу.

В 1901—1903 годах Государю становятся известны предсказания святых и подвижников Православия о его грядущей гибели в 1918 году. Россия вступила в полосу тяжелейших испытаний. Вывести страну из этой полосы могло только соборное единение Царя и народа. Однако в законченной полноте такого единения не получилось. Значительная часть русских двинулась в противоположном направлении — в сторону иудейско-масонской цивилизации, поставив под вопрос существование Русского Православного Царства — Святой Руси. Случилось то, о чем предупреждало Священное Писание: «Если будете бояться Господа и служить Ему, и слушать гласа Его, не станете противиться повелениям Господа, то будете и вы и Царь ваш, который царствует над вами, ходить вслед Господа, Бога нашего. <...> Если же вы будете делать зло, то и вы и Царь ваш погибнете» (1 Цар. 12; 14, 25).

Нарушенная соборность, расколотость общества, противостояние его части Царю, Помазаннику Божиему, неизбежно вели Россию в царство сатанизма. Без соборного единения Царь был бессилен спасти Россию. Не видя иного выхода, Государь

принял решение ценой жизни своей и самых близких людей спасти Родину, дать ей шанс духовно возродиться. В известном смысле Государь повторял подвиг Христа. Своей смертью он подобно Христу попирал духовную смерть своей Родины. «Необходима искупительная жертва для спасения России: я буду этой жертвой, да свершится воля Божия»[1].

Первое пророчество о своей гибели стало известно Николаю II 12 марта 1901 года. В этот день истек столетний срок хранения конверта с предсказанием монаха Авеля. Конверт этот все сто лет хранился в большом узорчатом ларце на специальном пьедестале в одной из комнат Гатчинского дворца. Как пишет С.А. Нилус: «Было известно, что в этом ларце хранится нечто, что было положено вдовой Павла I, Императрицей Марией Феодоровной, и что ею было завещано открыть ларец и вынуть в нем хранящееся только тогда, когда исполнится сто лет со дня кончины Императора Павла I, и притом только тому, кто в тот год будет занимать Царский Престол в России. Павел Петрович скончался в ночь с 11 на 12 марта 1801 года. Государю Николаю Александровичу и выпал, таким образом, жребий вскрыть таинственный ларец и узнать, что в нем столь тщательно и таинственно охранялось от всяких, не исключая и царственных взоров.

В утро 12 марта 1901 года и Государь и Государыня были очень оживлены и веселы, собираясь из Царскосельского Александровского дворца ехать в Гатчину вскрывать вековую тайну. К этой поездке они готовились как к праздничной интересной прогулке, обещавшей им доставить незаурядное развлечение. Поехали они веселы, но возвратились задумчивые и печальные, и о том, что обрели они в этом ларце, никому ничего не сказали. После этой поездки Государь стал поминать о 1918 годе как о роковом годе и для него лично, и для Династии»[2].

Нилус пишет еще об одном предсказании убийства Николая II, сделанном старцем Глинской пустыни Илиодором. Это предсказание не было известно Государю. Князь В.Д. Жевахов (впоследствии епископ Иоасаф) был в Глинской пустыни уже после революции и там получил последнюю часть видения, касающуюся царствования Императора Николая II. Эта часть видения хранилась в тайне, пока не осуществилась[3].

---

[1] Тихменев Н.М. Духовный облик Императора Николая Второго. Союз ревнителей Памяти Императора Николая II. США, 1952. С. 4.

[2] Нилус С.А. На берегу Божией реки. Т. 2. С. 186—187.

[3] Там же. С. 175—177.

Существует предание о встрече Серафима Саровского с Александром I, на которой он, как в свое время Авель, предсказал судьбу Царей Дома Романовых, и в том числе судьбу Николая II. «Будет некогда Царь, — предсказал святой, — который меня прославит, после чего будет великая смута на Руси, много крови потечет за то, что восстанут против этого Царя и Самодержавия, но Бог Царя возвеличит»[1].

Монахиня Дивеевской пустыни Серафима (Булгакова) рассказывает предание о передаче Е.И. Мотовиловой письма с предсказанием Серафима Саровского «четвертому Государю, который приедет в Саров», то есть Николаю II. Это письмо преподобный Серафим написал, запечатал мягким хлебом и передал Н.А. Мотовилову со словами: «Ты не доживешь, а жена твоя доживет, когда в Дивеево приедет вся Царская Фамилия, и Царь придет к ней. Пусть она Ему передаст».

Государь принял письмо, с благоговением положил его в нагрудный карман, сказав, что будет читать письмо после. Когда Государь прочитал письмо, уже вернувшись в игуменский корпус, Он горько заплакал. Придворные утешали Его, говоря, что хоть батюшка Серафим и святой, но может ошибаться, но Государь плакал безутешно. Содержание письма осталось никому не известно[2].

---

[1] Цит по: Православная Русь. 1991. № 13.

[2] Дивеевские предания. М., 1992. С. 29; по поводу этого письма существует свидетельство княгини Н.В. Урусовой: «Я знаю о пророчестве прп. Серафима о падении и восстановлении России; я лично это знаю. Когда в начале 1918 года горел Ярославль и я бежала с детьми в Сергиев Посад, то там познакомилась с графом Олсуфьевым, еще сравнительно молодым. Он для спасения каких-то документов, должных быть уничтоженными дьявольской силой большевизма, сумел устроиться в библиотеке Троице-Сергиевой Академии. Вскоре был расстрелян. Он принес мне однажды для прочтения письмо со словами: «Это я храню как зеницу ока». Письмо, пожелтелое от времени, с сильно полинявшим чернилом, было написано собственноручно св. преподобным Серафимом Саровским Мотовилову. В письме было предсказание о тех ужасах и бедствиях, которые постигнут Россию, и помню только, что было в нем сказано и о помиловании и спасении России. Года я не могу вспомнить, т.к. прошло 28 лет, и память мне может изменить, да и каюсь, что не прочла с должным вниманием, т.к. год указывался отдаленно, а спасения хотелось и избавления немедленно еще с самого начала революции; и думается, что это был 1947 г., во всяком случае, в последних годах 20-го столетия. Простить себе не могу, что не списала копию с письма, но голова была так занята и мозги так уставали в поисках насущных потребностей для детей, что этим только успокаиваю и оправдываю свою недальновидность... Письмо помню хорошо» (Русский паломник США, Валаамское общество. 1990. № 2. С. 96).

Среди дивеевских преданий сохранилось и еще одно, относящееся к встрече Николая II с блаженной Пашей Саровской в 1903 году. Протоиерей Стефан Ляшевский в своей «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» сообщает, что во время прославления Серафима Саровского Николай II с Государыней и со всеми великими князьями и тремя митрополитами проследовали из Сарова в Дивеево. В экипаже они все подъехали к келье блаженной Паши. Матушка игуменья, конечно, знала об этом предполагавшемся визите и приказала вынести из кельи все стулья и постелить большой ковер. Их Величества, все князья и митрополиты едва смогли войти в эту келию. Параскева Ивановна сидела, как почти всегда, на кровати, смотрела на Государя, а потом сказала: «Пусть только Царь с Царицей останутся». Государь извиняюще посмотрел на всех и попросил оставить его и Государыню одних — видимо, предстоял какой-то очень серьезный разговор.

Все вышли и сели в свои экипажи, ожидая выхода Их Величеств. Матушка игуменья выходила из кельи последняя, но послушница оставалась. И вдруг матушка игуменья слышит, как Параскева Ивановна, обращаясь к Царствующим Особам, сказала: «Садитесь». Государь оглянулся и, увидев, что негде сесть, смутился, а блаженная говорит им: «Садитесь на пол». Вспомним, что Государь был арестован на станции Дно! Великое смирение — Государь и Государыня опустились на ковер, иначе бы они не устояли от ужаса, который им говорила Параскева Ивановна.

Она им сказала все, что потом исполнилось, т. е. гибель России, Династии, разгром Церкви и море крови. Беседа продолжалась очень долго. Их Величества ужасались, Государыня была близка к обмороку, наконец она сказала: «Я вам не верю, этого не может быть!» Это было за год до рождения Наследника, и они очень хотели иметь Наследника, и Параскева Ивановна достала с кровати кусок красной материи и говорит: «Это твоему сынишке на штанишки, когда он родится, тогда поверишь тому, о чем я говорила вам».

С этого момента Государь начал считать себя обреченным на эти крестные муки, и позже говорил не раз: «Нет такой жертвы, которую я бы не принес, чтобы спасти Россию»[1].

---

[1] Фомин С. (сост.). Россия перед вторым пришествием. М., 1994. С. 158—159.

Блаженная Паша Саровская перед своей смертью не переставая клала земные поклоны перед портретом Государя. Когда она уже была не в силах, то ее опускали и поднимали келейницы.

— Что ты, мамашенька, так на Государя-то молишься?

— Глупые, Он выше всех царей будет.

Было два портрета царских: вдвоем с Государыней и Он один. Но она кланялась тому портрету, где Он был один. Еще она говорила про Государя: «Не знай, Преподобный, не знай, Мученик!» Незадолго до своей смерти Прасковья Ивановна сняла портрет Государя и поцеловала в ножки со словами: «Миленький уже при конце»[1].

В день рождения Государя Императора Николая Александровича, 6 мая 1907 года, великий праведник и Пророк Божий Святой Иоанн Кронштадтский предрекал: «Царство русское колеблется, шатается, близко к падению. Если в России так пойдут дела и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвергнуты праведной каре закона и если Россия не очистится от многих плевел, то она запустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и беззаконие. Виновно и высшее правительство, потворствующее беспорядкам. Безнаказанность в России в моде, ею щеголяют... Везде измена, угроза жизни и государственному имуществу... Бедное Отечество! Когда-то ты будешь благоденствовать? Только тогда, когда будешь держаться всем сердцем Бога, Церкви, любви к Царю и Отечеству и чистоты нравов... Восстань же, русский человек! Кто тебя научил непокорности и бессмысленным мятежам на Руси? Престаньте безумствовать!.. Довольно пить горькую, полную яда чашу вам и России! Россия страдает и мучается от кровавой внутренней борьбы, от безбожия и крайнего упадка нравов... Чем мы станем, россияне, без Царя? Враги наши скоро постараются уничтожить и само имя России, т.к. носителем и хранителем России после Бога есть Государь России, Царь Самодержавный, без него Россия — не Россия». «Если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок. Бог отнимет у него благочестивого Царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозваных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами».

Незадолго до своей блаженной кончины о. Иоанн служил

---

[1] Дивеевские предания. С. 30.

литургию в подворье Леушинского монастыря в Петербурге и в своей проповеди призывал народ каяться в своих грехах, так как приближается ужасное время, столь ужасное, что и представить себе нельзя. Игуменья подворья спросила о. Иоанна: «Когда же, батюшка, это время будет?» Отец Иоанн ответил: «Мы с тобою не доживем, а вот они, — указав при этом рукою на монахинь, — доживут, и, когда возьмется от земли Самодержец, тогда придет антихрист».

Монахи Иоанновского монастыря на Карповке в Санкт-Петербурге несколько раз были свидетелями, как к Иоанну Кронштадтскому приезжал Николай II. При последнем визите Св. Иоанн Кронштадтский на вопрос Царя ответил, что «есть только три пути для него: уехать за границу, оставить все и стать странником, оставаясь в России, или стать мучеником». Император выбрал путь мученика, вот откуда у него полное непротивление злым разрушительным силам, так как он заранее знал свой путь и будущее России. Полное смирение перед волей Божией, а не бесхарактерность, как клевещут на него люди противления[1].

Обостренное предвидение грядущего цареубийства показали старцы Оптиной пустыни. «Будет революция, Царя убьют...» — записывает в своем дневнике в 1916 году отец Терентий, духовный сын Оптинского старца Варсонофия[2]. В 1917 году, после отречения Царя, Оптинский старец Нектарий (Тихонов) предрекает: «...1918 год будет еще тяжелее, Государь и вся Семья будут убиты, замучены. Одна благочестивая девушка видела сон: сидит Иисус Христос на Престоле, а около Него двенадцать апостолов, и раздаются с земли ужасные муки и стоны. И апостол Петр спрашивает Христа: «Когда же, Господи, прекратятся эти муки?» И отвечает ему Иисус Христос: «Даю сроку до 22-го года, если люди не покаются, не образумятся, то все так погибнут». Тут же пред Престолом Божиим предстоит и наш Государь в венце великомученика. Да, этот Государь будет великомученик. В последнее время он искупил свою жизнь, и если люди не обратятся к Богу, то не только Россия, вся Европа провалится...»[3]

---

[1] Православная Русь. 1991. № 13.

[2] Троицкое слово (Сергиев Посад). 1991. № 8. С. 10.

[3] Шустин В., протоиерей. Запись об о. Иоанне Кронштадтском и об Оптинских старцах. Из личных воспоминаний. М., 1991. С. 46—47.

ГЛАВА 23

Подготовка цареубийства «Боевой организацией» эсеров. — Финансирование акций из-за рубежа. — Уличный вариант. — Дворцовый вариант. — Ревельский вариант. — План «Рюрик». — Участие в покушении высокопоставленных лиц из окружения Царя. — Картечный выстрел на Иордане.

Новая волна заговоров против Царя связана с возникновением партии социалистов-революционеров (эсеров). Эта подрывная организация в числе своих первых задач ставила цареубийство. Основателями партии были в основном иудеи, большинство из которых впоследствии вошли в масонские ложи, — М.Р. и А.Р. Гоцы, И.И. Фундаминский, Н.Д. Авксентьев, Г.А. Гершуни, В.М. Чернов, Б.В. Савинков, В.М. Зензинов. По вопросу о цареубийстве эсеры были солидарны с масонами, а некоторые акции против Николая II совершали вместе.

Патологические ненавистники Православной России, они организовали подпольную «Боевую организацию» (во главе с Гершуни, с 1903-го — Е.Ф. Азефом, с 1908-го — Савинковым), подготовлявшую убийство Царя, осуществив ряд бандитских нападений на представителей русской государственной власти. В 1901 году террористы совершили убийство министра просвещения Н.П. Боголепова, в 1902-м — министра внутренних дел Д.С. Сипягина, в 1903-м — уфимского губернатора Н.М. Богдановича, в 1904-м — министра внутренних дел В.К. Плеве, в 1905-м — великого князя Сергея Александровича.

Деятельность политических бандитов финансировалась из-за рубежа такими известными иудейскими банкирами, как Я. Шифф, Ротшильды и Варбурги. Какую-то часть денег террористы получали во время бандитских нападений на государственные финансовые учреждения.

С первых дней своего существования подпольщики готовят убийство Царя. Они устанавливают наблюдение за маршрутами Государя во время его поездок по Петербургу. Один из сценариев убийства должен был повторить открытое нападение на улице, как это было в случае с Александром II. Однако вскоре террористы поняли, что осуществить это нападение им не удастся, так как царская охрана во время поездок Царя предпринимала все возможные предосторожности.

Тогда эсеры разрабатывают и другие варианты. Их было множество. Подготавливались они в полной тайне и были

известны очень ограниченному кругу лиц. Сведения о них скудны.

Интересные подробности некоторых вариантов готовившегося эсерами цареубийства приводит Б.И. Николаевский в своей книге «История одного предателя» (Берлин, 1931). Николаевский, социалист по духу и сам разделявший идею цареубийства, был лично знаком со многими террористами. В архиве Николаевского, хранящемся в Гуверовском институте (США), сохранились ценные материалы по истории революционного движения и Сионских протоколов, а также по масонству. Большой пласт в его архиве занимает переписка с видными масонами и деятелями социалистической ориентации[1].

Как «свои своему» социалисты-цареубийцы предоставили Николаевскому ценную информацию, которая в известном смысле имеет характер документа. Ниже приводятся наиболее важные свидетельства из этой книги-документа[2]:

«У эсеров были планы проникнуть на прием во дворец в составе одной из многочисленных депутаций. <...> С большой горячностью ухватился Азеф за предложение одного молодого социалиста-революционера, который только что окончил курс в духовной семинарии; этот юноша — убежденный террорист — имел возможность, приняв сан, при помощи своих влиятельных родственников получить место священника где-либо недалеко от Царского Села. Он надеялся, что в рясе священника ему удастся как-нибудь найти возможность приблизиться к Царю и выступить в роли исполнителя приговора партии. Священник, убивающий Царя, — эта комбинация явно нравилась Азефу, и он настойчиво уговаривал юношу немедленно отстраниться от других революционных дел и целиком отдаться выполнению данного плана. Был целый ряд и иных планов и проектов.

Наиболее серьезными планами, для подготовки которых Азефом делались конкретные шаги организационного характе-

---

[1] В 1996—1997 годах я работал с материалами Б.И. Николаевского в Гуверовском архиве. Знакомство с ними не оставляет никаких сомнений в тесной близости Николаевского к идеологии цареубийства. См., в частности, мою книгу «Тайная история масонства. Документы и материалы». М., 2000. Т. 2. С. 239—399.

[2] В период, к которому относятся сведения, полученные Николаевским, террористическую организацию эсеров возглавлял Евно Фишелевич Азеф, который, как и целый ряд других революционеров, служил в полиции, в своих личных интересах стараясь одурачить ее, ловко лавируя между революционерами и полицией.

ра, были два: покушение во время царской охоты и покушение во время поездки в Ревель. Для выполнения первого велась работа по устройству чайной в одной из деревень вблизи Царского Села, в районе царских охот. Владельцем чайной выступал Чернавский, который должен был играть роль старика-монархиста, члена «Союза русского народа». Второй из указанных планов предусматривал взрыв царского поезда или нападение с бомбами на улицах Ревеля <...>

У членов «Боевой организации» имелось несколько проектов нападения на Царя: они должны были быть использованы в зависимости от того, каким путем поедет Царь к Ревелю — по железной дороге или морем, где он остановится в Ревеле и т.д. Задача Азефа и [начальника Охранного отделения] Герасимова сводилась к тому, чтобы передвижения Царя не допустили применения ни одного из этих проектов и чтобы при этом у членов «Боевой организации» все время сохранялась твердая уверенность, что все неудачи объясняются случайными совпадениями обстоятельств, что полиция не осведомлена об их планах. Справиться с этой задачей удалось без больших затруднений: в одном случае условная телеграмма пришла с совсем небольшим запозданием; в другом — кто-то не успел попасть на нужный поезд. Кроме того, Царь отменил поездку в замок какого-то приближенного из эстляндских баронов, а именно на эту поездку «Боевая организация» возлагала особенные надежды. Все сошло как нельзя лучше: без сучка без задоринки. Герасимов вспоминает, что во время проведения им с Азефом этой операции ему бросилась в глаза совершенно исключительная осведомленность Азефа относительно всех возможных передвижений Царя. Все передвижения, которые вносили в план царской поездки, в каком бы секрете ни держались, немедленно становились известны Азефу. Он даже бравировал этой своей осведомленностью и почти посмеивался над Герасимовым, который такого рода новости узнавал позднее Азефа. Однажды на этой почве между Герасимовым и Азефом вышло нечто вроде маленькой размолвки: в процессе обсуждения плана операций Азеф указал на необходимость принять во внимание какую-то деталь намеченного маршрута Царя. Герасимов возразил, что такой детали в маршруте не имеется, и ссылался на имеющиеся у него официальные документы. Азефа это не смутило:

— Это — новое изменение, которое до вас, очевидно, еще не дошло, — авторитетно заявил он. — Значит, вам сообщат завтра или послезавтра.

И сколько Герасимов ни старался убедить его в невероятности подобного допущения, Азеф уверенно стоял на своем:

— Наши сведения совершенно точны!

Велико было изумление Герасимова, когда на следующий день он получил «строго конфиденциальный» пакет с дополнительной надписью «лично в руки», в котором содержалось извещение о внесении в маршрут Царя той самой поправки, про которую ему накануне рассказывал Азеф.

Во время ближайшей встречи Герасимов, естественно, сделал попытку выяснить источник столь исключительной осведомленности Азефа, но последний решительным образом отказался удовлетворить любопытство своего полицейского патрона. <...>

Позднее Герасимов провел строго секретное расследование о том, кто именно мог быть информатором Азефа. Так как посвященных в детали разработки маршрута царской поездки было очень немного, то отрывочные указания, имевшиеся в рассказах Азефа, нить для расследования давали. Результаты этого расследования заставили Герасимова схватиться за голову: все говорило о том, что информатором Азефа был не какой-либо второстепенный чиновник (именно на это надеялся Герасимов, начиная свое расследование), а лицо весьма и весьма высокопоставленное. Принимать какие бы то ни было меры против него на свою собственную ответственность Герасимов, конечно, не мог и решил сделать конфиденциальный доклад обо всем этом деле Столыпину. Последний долго отказывался верить. По его настоянию была проведена дополнительная проверка полученного результата, которая только подтвердила первоначальный вывод: означенное высокопоставленное лицо, судя по всему, действительно вполне сознательно оказывало содействие террористам в подготовке цареубийства... Казалось, правительство не имело ни права, ни возможности мириться с подобным положением. И тем не менее после долгих размышлений Столыпин дал указание не давать делу никакого движения:

— Выйдет слишком большой скандал, теперь мы не можем допустить себе подобную роскошь... Может быть, после... Да и роль Азефа в этом случае нам придется открыть, а он нам нужен... Лучше не будем трогать. Имейте только его в виду. <...>

В самый разгар подготовки «ревельской кампании» из-за границы пришло сообщение о том, что там намечается возможность организовать покушение на Царя совсем иным путем и с

очень большими шансами на успех. Азеф немедленно отправил своего помощника, Карповича, для выяснения обстановки. Известия, которые приходили от Карповича, внушали радостные надежды, и Азеф спешил сам на место подготовки больших событий. <...>

Новый план состоял в следующем: в Глазго, на верфях Виккерса, строился крейсер «Рюрик» — один из тех, которые должны были заменить старый русский флот, нашедший столь печальный конец в волнах Желтого моря. Для надзора за ходом работ и ознакомления с самим кораблем в Глазго были присланы основные кадры будущего экипажа крейсера. С представителями этого экипажа, революционерами, были завязаны связи, и как социал-демократы, так и социалисты-революционеры вели среди них свою пропагандистскую работу. Работой социалистов-революционеров руководил [К. П.] Костенко, военно-морской инженер, входивший в центральную группу офицерской организации партии и имевший связи непосредственно с Центральным комитетом. Именно ему принадлежала мысль использовать для покушения на Царя тот торжественный царский смотр, который должен был быть устроен при приеме крейсера, когда он придет в русский порт.

Совершить покушение на этом смотре было возможно двумя способами: если бы за выполнение этого предприятия взялся кто-либо из членов экипажа, то он мог бы убить царя из револьвера во время самого смотра или во время обхода Царем помещений принимаемого крейсера; если же такого добровольца из состава экипажа не нашлось бы, то предполагалось тайно провести на крейсер члена «Боевой организации» и дать ему возможность тайно прожить на крейсере до момента царского смотра.

Так как в начале подготовительных работ добровольцев из состава команды не имелось, то все внимание было сосредоточено на втором плане. Возможность пробраться на крейсер, пока он находится в Глазго, имелась полная. С помощью Костенко был найден и укромный уголок, в котором можно было бы прожить некоторое время, не будучи обнаруженным начальством: это были отверстия в румпельном отделении, за головой руля. Помещение это было мало и неудобно. Человек, который взялся бы за выполнение этого акта, должен был бы все время полусидеть-полулежать, не имея возможности выпрямиться. Зато в других отношениях помещение представляло огромные преимущества: из него легко было попасть в центральную трубу вентилятора, по внутренней лестнице которого можно было

подняться непосредственно к адмиральскому помещению и взорвать его во время царского завтрака.

Этот план имел свои отрицательные стороны: время царского осмотра не было заранее известно, и могло случиться, что террористу пришлось бы жить в своем закутке не несколько дней, а целые недели (на практике такой смотр действительно состоялся почти через два месяца после выхода крейсера из Глазго), а для такого испытания человеческих сил могло не хватить. Но считалось, что рискнуть все же имело смысл.

Азеф приехал в Глазго в середине июля [1908 года]. С помощью Костенко он получил — конечно, под чужой фамилией — разрешение осмотреть крейсер и исследовал все помещения, в том числе и те уголки, в которых предполагалось спрятать террориста, вентиляционную трубу и пр. Вывод его был неблагоприятен для плана: он считал его невыполнимым. Его отзыв был решающим, и план был отставлен. После этого вся надежда была на нахождение добровольцев из состава экипажа. После некоторых поисков такие добровольцы были найдены. Это были матрос Герасим Авдеев и вестовой Каптелович. Особенные надежды возлагались на первого — очень смелого, энергичного и весьма революционно настроенного человека. С ним были знакомы как Савинков, так и Карпович; позднее с ним встретился и Азеф. Оба они получили от «Боевой организации» револьверы и со своей стороны написали прощальные письма, в которых объясняли мотивы своего поведения: эти письма вместе с приложенными к ним фотографическими карточками взял с собою Азеф — они должны были быть опубликованы после совершения ими намеченного акта.

В середине августа 1908 года крейсер вышел в Россию. Уже в пути в личном письме к Савинкову Авдеев писал о своих настроениях: «Я только теперь начинаю понимать, что я такое. Я никогда не был и не буду работником-пропагандистом... Я теперь, глубоко, серьезно подумав, представляю себе выполнение порученной задачи... Одна минута разрешит больше целых месяцев».

Только 7 октября состоялся царский смотр. «И Авдеев, и Каптелович встретили Царя лицом к лицу», — сообщает Савинков. По рассказу Костенко, переданному Верой Фигнер, Авдееву пришлось даже по просьбе Царя принести ему бокал шампанского и в течение нескольких минут стоять в непосредственной близости от него. Покушение легко могло быть совершено, но Каптеловичу и Авдееву в решительную минуту не хватило

смелости. По рассказу Костенко, который лучше осведомлен о том, что происходило на крейсере, дело обстояло совершенно иначе: военная организация, существовавшая там, готовила вооруженное восстание. Количество было велико, и руководители организации надеялись, что успех будет на их стороне. Авдеев и Каптелович входили в состав этой организации, но не посвятили ее в свои планы. Тем не менее по их поведению руководители организации догадались, что ими что-то готовится, и потребовали объяснений. Пришлось рассказать — результатом явились бурные объяснения. Было ясно, что план цареубийства скрещивается с планом восстания: одно помешает другому, так как в результате покушения на Царя на крейсере, конечно, начнутся допросы и аресты, полиция неминуемо нападет на след организации и большой план захвата Кронштадта погибнет. В результате организация потребовала от Авдеева и Каптеловича отказа от их планов, и они должны были подчиниться ее решению».

В отличие от Б.И. Николаевского масон Б.В. Савинков сообщает больше подробностей о подготовке цареубийства на крейсере «Рюрик», в частности он приводит важный факт участия в этом деле известного иудейско-масонского конспиратора М.А. Натансона.

Из воспоминаний Б.В. Савинкова:

«До июня 1908 года я прожил в Париже, вдали от всех террористических предприятий. В июне я принял участие в покушении на цареубийство.

В гор. Глазго, в Шотландии, на кораблестроительном заводе Виккерса строился русский бронированный крейсер «Рюрик». Один из корабельных инженеров, К.П. Костенко, был членом военной организации партии социалистов-революционеров. По его инициативе и под его руководством началась революционная пропаганда среди матросов строящегося крейсера. Пропагандистами были: бывший пехотный офицер Варшамов, бывший матрос с эскадры адм. Рожественского Затертый (псевдоним) и член российской социал-демократической партии рабочий Петр (псевдоним). Костенко весною 1908 г. известил Центральный комитет, что на корабле есть несколько десятков матросов-революционеров и что среди них есть люди с террористическим настроением, готовые убить царя на предстоявшем по возвращении «Рюрика» в Россию царском осмотре. М.А. Натансон сообщил мне это известие. Он спросил меня, желаю ли я поехать в Глазго и лично убедиться в возможности

цареубийства? Я ответил, что ничего не могу иметь против этого: я мог только приветствовать каждую попытку террора.

Азеф в Петербурге был занят также приготовлением к цареубийству. Он знал о положении дел на «Рюрике», и по его предложению за границу приехал член восстановленной Азефом «Боевой организации» — П. В. Карпович. Он тоже должен был ехать в Глазго. Я встретился с ним в Париже»[1].

Во время подготовки покушения террористы долгое время жили в Англии, неоднократно посещали крейсер. Все это производилось при фактическом попустительстве английских спецслужб.

Савинков не упоминал о восстании, готовившемся на корабле. Скорее всего, здесь что-то напутал Б. И. Николаевский. Кандидаты в цареубийцы были сломлены простотой и моральным духом Царя. Встретившись с ним, они не осмелились выстрелить в Государя. Как вспоминал Савинков:

«В октябре 1905 в Кронштадте состоялся высочайший смотр «Рюрику». И Авдеев, и Каптелович встретились с Царем лицом к лицу. Ни один из них не выстрелил. Я считаю несправедливым заподозрить Авдеева в недостатке мужества. Слишком быстро и слишком напряженно пришлось переживать ему все колебания террора. Нет ничего удивительного, что «пружина» сломалась». Так считал безбожник и враг России масон Савинков. Ему было не дано понять, что произошло Божье чудо и Господь не попустил совершить преступление, дав русскому народу шанс на спасение в его единении с Царем, хотя этот шанс русский народ не использовал. Факты, приводимые Б.И. Николаевским и Б.В. Савинковым, говорят о многом. Во-первых, эсерам удалось создать хорошо законспирированную организацию цареубийства внутри самой «Боевой организации». О планах подготовки убийства Николая II знал только узкий круг лиц. Во-вторых, организация не нуждалась в деньгах, получая от своих спонсоров все запрашиваемые средства без ограничения. В-третьих, в заговор против Царя были вовлечены высокопоставленные лица из его окружения. Они поставляли преступникам секретную информацию о всех передвижениях Государя. Имя высокопоставленного изменника из окружения Царя, которого Б.И. Николаевский не называет, было, по-видимому, С.Д. Урусов. С 1906 года он был товарищем (заместителем) ми-

---

[1] Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 1991. С. 294—295.

нистра внутренних дел, состоял в одной из лож Великого Востока Франции. Еще одним высокопоставленным изменником из окружения Государя, вероятно, был масон В. Ф. Джунковский, московский вице-губернатор, а позднее товарищ министра внутренних дел.

ГЛАВА 24

Роль масонов в организации покушений на Николая II. — Совместные операции масонов и эсеров. — Проповедь идей цареубийства. — Подводная лодка и самолет как варианты покушения на Царя. — Вариант убийства на балу. — Вариант убийства на военном смотре. — Убийство великого князя Сергея Александровича. — Заговор Наумова (Пуркина).

Николаевский, по-видимому, сознательно не упоминает в своей работе варианты подготовки цареубийства, которые эсеровская партия осуществляла совместно с российскими масонами.

Этот изменник впоследствии перешел на службу к еврейским большевикам, подал им идею проведения чекистской операции «Трест», представлявшей собой масштабную провокацию против монархического движения в России и за рубежом. (См.: Гладков Т. Награда за верность — казнь. М., 2000. С. 108—109.)

Для российских масонов начала XX века курс на насильственную ликвидацию Православной Монархии стоял первым среди их политических задач. Это, в частности, открыто декларировал один из главных руководителей Верховного Совета Великого Востока народов России Н.В. Некрасов[1]. Другой масонский лидер, А.Я. Гальперн, вспоминал, что «очень характерной для настроения подавляющего большинства организаций была ненависть к трону и монарху лично»[2].

Зарубежные масонские ордена были готовы оказывать финансовую помощь российским собратьям, «доставлять им средства победить деспотизм» (из речи великого оратора Великого Востока Франции)[3]. 7 мая 1907 года масон Лейтнер сделал в

---

[1] Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., Терра, 1990. С. 91.

[2] Там же. С 63.

[3] ГАРФ, ф. 102, оп. 316,1905, д. 12, ч. 1, л. 154.

ложе «Правосудие» доклад о своем посещении Комитета по оказанию помощи русским революционерам. В отчете русской разведки отмечается, что «Великий Восток так или иным образом помогает русскому революционному движению»[1].

Масонские ложи помогают террористам в организации покушений на Николая II. От масонского подполья этой деятельностью руководили такие матерые государственные преступники, как Б. Савинков, М. Маргулиес, Н. Авксентьев, Н. Чайковский и др. Как сообщал еще в 1905 году агент Е. Азеф начальнику зарубежной агентуры Л.А. Ратаеву:

«К Гоцу (руководителю партии эсеров-террористов. — *О. П.*) сюда приехал некий Афанасьев, в Питер. Живет на одной из Рождественских, сотрудничает в газете «Наши Дни», близкий знакомый петербургского присяжного поверенного (масона. — *О. П.*) Маргулиеса, с предложением, чтобы партия с.-р. оказала нравственное содействие образовавшемуся в Петербурге кружку (человек 15—18) крупной интеллигенции в террористических предприятиях, направленных против Его Величества и еще некоторых лиц (не названы). Афанасьев — сам член этого кружка. Кружок состоит из литераторов, адвокатов и других лиц инт. профессий (это т. н. левое крыло либералов из «Освобождения»). Кружок обладает деньгами, Афанасьев говорил — 20 000 рублей, и людьми для выступления. Афанасьев просил только, чтобы с.-р. оказали нравственное содействие, т. е. проповедовали эти акты»[2].

Конечно, роль масонов в организации цареубийства не ограничивалась только пропагандой «революционного подвига цареубийства». Личный друг одного из основателей российского масонства и «Союза освобождения» М.М. Ковалевского князь Д.О. Бебутов, в особняке которого собирался Кадетский клуб, в своих воспоминаниях рассказывает, как передавал руководителям эсеровской партии 12 тыс. руб. для убийства Николая II.

Еще одно покушение на Царя с участием масонов готовилось эсерами в 1906 году. Разрабатывались планы, в которые входило приобретение подводной лодки для нападения на Николая II во время летнего отдыха. Одновременно масон Н.В. Чайковский для организации этого покушения передал чертеж специального самолета, с которого и собирались осуще-

---

[1] ГАРФ, ф. 102, оп. 316,1905, д. 12, ч. 1, л. 154.

[2] Былое. 1917. № 1. С. 29.

ствить убийство. В 1907 году эсеровская партия проводит в Мюнхене опыты в области самолетостроения[1].

Масон Б.В. Савинков в своих «Воспоминаниях террориста» довольно подробно описал вариант покушения с помощью самолета, который сконструировал маньяк-террорист С.И. Бухало, помешанный на идее цареубийства. Самолет должен был развивать скорость в 140 км в час и поднимать на любую высоту большой груз. Заговорщики пришли в восторг от открывшихся для них возможностей новых террористических предприятий с помощью аппарата Бухало. Террористы планировали произвести бомбардировку царских дворцов. «Скорость полета, — писал Савинков, — давала возможность выбрать отправную точку на много сотен километров от Петербурга, в Западной Европе: в Швеции, Норвегии, даже в Англии. Подъемная сила позволяла сделать попытку разрушить весь Царскосельский или Петергофский дворец. Высота подъема гарантировала безопасность нападающих. Наконец, уцелевший аппарат или, в случае его гибели, вторая модель обеспечат вторичное нападение. Террор поднимался на небывалую высоту»[2]. Проект цареубийства путем бомбардировки царского дворца с самолета финансировали еврейские миллионеры-масоны М. О. Цейтлин (племянник миллионера Д. Высотского) и Б.О. Гавронский (зять Д. Высотского)[3].

Савинков рассказывает еще о нескольких эсеровско-масонских проектах цареубийства. В начале 1905 года планировалось убийство Царя на балу. Подготовкой покушения руководил М.И. Швейцер («Павел», «Леопольд»). Для этого в кругу, близком к высшему свету Петербурга, была внедрена «девушка из хорошей семьи», дочь якутского вице-губернатора Т.А. Леонтьева, согласившаяся убить Царя.

Террористке удалось вкрасться в доверие организаторов придворного бала и получить почетное право подавать цветы на одном из балов, на котором будет присутствовать Николай II. Однако бал отменили. При подготовке этого покушения Савинков в разговоре со Швейцером высказал позицию эсеровского руководства в отношении цареубийства. «Вопрос об убийстве

---

[1] Вопросы истории. 1993. № 8. С. 119, 137.

[2] Савинков Б.В. Указ. соч. С. 277—278.

[3] Там же.

Царя, — заявил Савинков, — решен давно, что для нас это вопрос не политики, а боевой техники»[1].

Со своим предложением убить Царя выступил некто В.М. Сулятицкий, жаждавший стать «героем революции». «Мечтой Сулятицкого, — писал Савинков, — было убийство царя. Он предлагал для этого план хотя и длительный, зато, по его мнению, верный. Он говорил, что нужно кому-нибудь из революционеров поступить в любое училище в Петербурге. Ежегодно выпускные юнкера производятся в офицеры лично царем. Каждый юнкер может убить царя на этой церемонии. Сулятицкий предлагал именно себя в такие исполнители. Я рассказал впоследствии об этом плане Азефу, и он одобрил его, но по причинам, мне неизвестным, никем и никогда не было сделано попытки привести этот план в исполнение. Я же думаю, что, быть может, Сулятицкий был прав: партия потратила впоследствии не менее времени и гораздо больше сил на цареубийство, но безрезультатно»[2].

Неоднократно планировали убийство Николая II и его близких и большевики. Соратник Ленина, известный большевик А. М. Игнатьев предложил изощренный план похищения Николая II из его резиденции в Петергофе.

По признанию большевика В. Бонч-Бруевича, когда Семеновский полк вошел в Москву в 1905 году с приказом подавить декабрьское восстание, он предложил С.-Петербургскому комитету партии немедленно захватить «парочку великих князей» в качестве заложников, спрятать их в тайное место и держать в постоянном страхе неотвратимой и немедленной казни, если хоть одна капля крови будет пролита на улицах Москвы. До этого боевой отряд большевиков в столице, стремясь поддержать декабрьское восстание, готовил взрыв поезда, перевозившего правительственные войска в Москву из С.-Петербурга. Взрыв, однако, не удался. Большевики также планировали в случае крупных беспорядков стрелять по Зимнему дворцу из пушки, украденной из двора Гвардейского флотского экипажа.

Масоны вместе с эсерами, социал-демократами и другими социалистами организуют ряд клеветнических кампаний для дискредитации верховной власти русского Царя. На событиях конца 1905 года масоны убедились в огромном авторитете Царя среди народа. Они понимали, пока народ верит в Царя, все их

---

[1] Савинков Б.В. Указ. соч. С. 81.

[2] Там же. С. 269.

попытки захватить власть закончатся так же печально, как и в 1905 году.

Одним из главных организаторов подпольных акций кадетской партии против Царя был масон князь Д.О. Бебутов, в свое время финансировавший покушение на убийство Государя и организовавший на свои средства политический клуб, служивший центром разных клеветнических кампаний против русского правительства.

Одной из таких подпольных акций масонов стало издание книги «Последний самодержец. Очерк жизни и царствования Николая II». Объемистый том выпущен специально к 300-летнему юбилею царствования Дома Романовых и содержал массу клеветнических и выдуманных утверждений с целью дискредитации престижа Царской власти. Он был издан в Берлине, авторство его принадлежало масону В. П. Обнинскому, в выпуске участвовали масоны князь Д. О. Бебутов и В.М. Гессен, а по некоторым сведениям и П. Н. Милюков. Финансировал это предприятие тот же Бебутов.

С целью дискредитации деятельности русского правительства масоны создают среди своих единомышленников общество «Культурной борьбы с правительством». В январе 1909 года на квартире скандально известного банкира Митьки (Д. Л.) Рубинштейна масонские лидеры, в том числе кадетская фракция в Государственной думе, устроили концерт, а после него политическое обозрение, где в карикатурном виде изображались Царь и многие деятели царского правительства.

4 февраля 1905 года эсеровские террористы совершили убийство дяди Царя великого князя Сергея Александровича. Руководил преступлением масон Савинков. Бомбы приготовила иудейка Д. Бриллиант. Бросил бомбу в великого князя И.П. Каляев. Произошло это в 65 шагах от Никольских ворот Кремля.

Взрывом, происшедшим от разорвавшейся бомбы, великий князь был убит на месте, а сидевшему на козлах кучеру Андрею Рудинкину были причинены многочисленные тяжкие телесные повреждения. Тело великого князя оказалось обезображенным, причем голова, шея, верхняя часть груди, с левым плечом и рукой, были оторваны и совершенно разрушены, левая нога переломлена, с раздроблением бедра, от которого отделилась его часть, голень и стопа. Силой произведенного злоумышленником взрыва кузов кареты, в которой следовал великий князь, был расщеплен на мелкие куски, и, кроме того, были выбиты стекла наружных рам ближайшей к Никольским воротам части

здания судебных установлений и расположенного против этого здания Арсенала.

Террористы ликовали. Они убили хотя и не самого Царя, но близкого его родственника. Сразу же после этого случая заговорщики ускоряют подготовку к убийству самого Царя. Однако все их многочисленные попытки не увенчались успехом.

В начале февраля 1907 года террористы пытаются убить другого дядю Царя — великого князя Николая Николаевича. Преступление сорвалось. Террорист, который должен был взорвать поезд великого князя, бежал, оставив снаряд большой взрывной силы. Руководил покушением крупный эсеровский функционер и иудей Л.И. Зильберберг[1].

Большая часть заговоров против Царя и его близких так и не были открыты. Но некоторые из них полиции удалось предотвратить.

В марте 1907 года был открыт заговор против Царя и великого князя Николая Николаевича. Арестовано 28 человек, принадлежавших к сугубо законспирированной террористической организации эсеровской партии. Преступники предприняли попытки к изысканию способов проникнуть во дворец, но они не удались. Заговорщики собирали сведения о маршрутах следования Царя, подбирали кадры лиц, готовых совершить цареубийство посредством кинжала или разрывного снаряда. Цареубийство взялся осуществить некто Наумов (Пуркин), для чего его стали готовить к поступлению в придворную капеллу, планировалась также закладка бомбы под царским кабинетом. Три главных участника заговора Наумов, Никитенко и Синявский были казнены[2].

У цареубийц было много шансов умертвить Николая II, но, согласно предсказаниям русских святых, его до определенного времени хранил Сам Бог. Искупительная жертва должна была совершиться позднее. Государь духовным чувством осознавал это и был готов к ней.

По трагической случайности или в результате заговора[3] Царь мог погибнуть 6 января 1903 года. В этот день на Иордане у Зимнего дворца при салюте из орудий от Петропавловской

---

[1] Савинков Б.В. Указ. соч. С. 304.

[2] ГАРФ, ф. 826, д. 47, л. 297—299; Савинков Б.В. Указ. соч. С. 303.

[3] Случай этот не до конца исследован, так как Государь повелел прекратить расследование.

крепости одно из орудий оказалось заряженным картечью, и картечь ударила только по окнам дворца, частью же около беседки на Иордане, где находились Николай II, духовенство и свита Государя. Спокойствие, с которым Государь отнесся к происшествию, грозившему ему самому смертию, было до того поразительно, что обратило на себя внимание ближайших к нему лиц окружавшей его свиты. Государя спросили, как подействовало на него происшествие. Он ответил: «До 18-го года я ничего не боюсь». Командира батареи и офицера (Карцева), распоряжавшегося стрельбой, Государь простил, так как раненых, по особой милости Божией, не оказалось, за исключением одного городового, получившего легкое ранение. Фамилия же того городового была — Романов. Заряд, метивший и предназначенный злым умыслом царственному Романову, Романова задел, но не того, на кого был нацелен: не вышли времена и сроки — далеко еще было до 1918 года[1].

В самые опасные и тяжелые минуты Государь не терял спокойствия духа. «Я, — говорил он, — имею непоколебимую веру в то, что судьба России, моя собственная судьба и судьба моей Семьи — в руках Господа. Что бы ни случилось, я склоняюсь перед Его волей»[2].

ГЛАВА 25

Иудейско-масонская провокация 9 января 1905 года. — Вооруженные террористы готовят покушение на Николая II. — Признание Гапона о намерениях убить Царя.

Крупнейшим мероприятием социалистов и масонов против Русского Православного Царства стала организация смуты в 1905—1907 годах. Она была устроена на иностранные (преимущественно еврейские и японские) деньги с целью свержения и убийства Царя и установления в России иудейско-масонского порядка. Американские финансисты-евреи перечислили на революцию в России многие миллионы долларов. Особенно крупный вклад сделал Яков Шифф — владелец банкирского дома «Кун, Лоеб и К⁰» в Нью-Йорке.

На иностранные деньги существовал сначала в Швейцарии, затем в России так называемый «Союз освобождения», возглав-

---

[1] Нилус С.А. Указ. соч. Т. 2. С. 187.

[2] Православная Русь. 1967. № 10. С. 4.

ляемый в большинстве своем крупными масонами. «Союз освобождения» затратил огромные средства на организацию стачек, забастовок и других видов неповиновения власти. Объединившиеся вокруг «Союза освобождения» эсеры и другие антирусские партии призывают свергнуть Самодержавие и расправиться с Царем.

В своих целях масонам и социалистам удалось использовать созданную нерадивым священником Г. Гапоном организацию, так называемое Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга. Вначале малочисленная и никому не известная организация при поддержке «Союза освобождения» и антирусских партий становится мощным орудием в борьбе против Царя. Если в ноябре 1903 года в организации Гапона состояло 30 человек, то в конце мая 1904 года — 750, а к осени этого же года — уже 1200 человек[1]. С самого начала рабочая организация находилась не столько под контролем полиции, сколько под контролем социалистов, и прежде всего группы супругов Карелиных. Социалисты, естественно, стремились использовать свои методы для намечаемых ими целей движения. Сложился круг единомышленников («группа пяти»), которые за спиной простых членов рабочей организации вынашивали план борьбы против существующего строя. В тайную пятерку вошли сам Гапон, А. Карелин, Д. Кузин, И. Васильев и Н. Варнашов.

Знаменитая петиция 9 января 1905 года разработана «Тайной пятеркой» еще в марте 1904 года. Как рассказывает один из членов этой пятерки Н. Варнашов: «Сделав распоряжение, что его нет дома, плотно прикрыв дверь и предварительно обязав всех честным словом, что то, что будет обсуждаться, останется тайною, Гапон вынул лист бумаги, исписанный красными чернилами, и, предлагая обсудить содержание, прочел его. Это была петиция 9 января 1905 года, а в тот момент рассматривалась как программа руководящей группы «Собрания». Разработав программу своей организации, «пятерка» решила «держать ее в секрете и вести дальнейшую работу под флагом этой программы, не высказывая ее прямо, а постоянно при всяком удобном случае внедрять ее в сознание собиравшихся рабочих»[2].

К осени 1904 года деятельность гапоновской организации приобрела массовый характер. В Петербурге, в Народном доме Паниной с залом на тысячу человек уже с утра толпились рабо-

---

[1] Кавторин В. Первый шаг к катастрофе. Л., 1992. С. 264.

[2] Там же.

чие и разный революционный элемент, впрочем, еще не проявляющий себя открыто. Днем в «Собрании» проходили деловые встречи и обсуждения. К вечеру народа становилось больше, играла музыка, работали буфеты, выступали артисты и литераторы.

В ноябре Гапон проводит встречу с ведущими представителями либерально-масонского «Союза освобождения» Кусковой, Прокоповичем, Богучарским. На этой встрече согласовывается план общих действий. «Освободители» были очень обрадованы далеко идущими планами Гапона.

28 ноября собирается совещание гапоновских «штабных» («Тайной пятерки»), на котором в общих чертах принимается план «заговора на выступление». Ближайшим соратником и советником Г. Гапона был Пинхус Моисеевич Рутенберг, известный всем как Мартын Иванович, — один из видных деятелей сионистского и масонского движения. Собственно говоря, эта темная личность все время стояла за спиной Гапона. Рутенберг стал прототипом героя повести Горького «Все те же» Зейделя, который, по мнению Горького, «является могучим агентом модернизации и европеизации русского общества в противоположность консерватизму азиатского черносотенства». Зейдель высказывает мысль о «бесполезности жизни среди пассивного русского народа».

В конце декабря 1904 года по ничтожному поводу (увольнение четырех рабочих) вспыхнула многотысячная забастовка на Путиловском заводе (начальником мастерской здесь работал Рутенберг), которая потом перекинулась на другие предприятия. Организация забастовки велась опытными «революционерами». К 4 января бастовало 15 тыс. рабочих, к 6 января — 26 тыс., к 7-му — 105 тыс., к 8-му — 111 тыс. Была парализована работа значительной части оборонных предприятий, что с радостью отмечалось японской разведкой. Сколачивается стачечный комитет, создается большой денежный фонд помощи бастующим (большей частью — из тех же иностранных денежных средств; рабочие, конечно, об этом не знали), из которого им платили пособия не меньше заработной платы. Все нити забастовок тянулись к организации, которую формально возглавлял агент полиции Гапон, фактически она находилась в руках опытных «революционеров», подобных Рутенбергу. Они поставляли для этой организации специалистов и инструкторов. Гапон, хотя и стремился играть большую роль, на самом деле служил только ширмой, удобной и выгодной для настоящих хозяев по-

ложения. Незадолго до событий 9 января знакомый Рутенберга по Путиловскому заводу инженер М.К. Парадовский неоднократно беседовал с ним. «В это время, — пишет Парадовский, — я два или три раза виделся с Рутенбергом, и так как я знал, что он близок к Гапону, я, естественно, заговорил с ним об этом, и он поразил меня своим непониманием происходящего и только твердил, что чем хуже Царю, тем лучше всем его верноподданным. (В другом месте Рутенберг злорадствовал над Царем и выражал надежду, что война подорвет его авторитет в народе. — *О. П.*) Когда я сказал ему, что верноподданные Царя — это русский народ и не Гапону быть представителем народа, Рутенберг рассмеялся и сказал: «Гапон — это пешка, и весь вопрос, кто эту пешку двигает»[1].

К началу 1905 года гапоновская организация стала серьезной силой. В нее входило 20 тыс. членов, среди которых много поляков, финнов, евреев. Общество имело свои читальни, клубы, чайные. Рабочим читали лекции: по истории культуры и экономическим вопросам — юрист М.А. Финкель; по истории литературы — редактор «Тюремного вестника» Ф.Н. Малинин; по вопросам текущего момента — Н. Строев (Сергей Яковлевич Стечкин).

Особая работа велась среди женщин. Организатором этой работы была старая социал-демократка Вера Марковна Карелина. И вообще, несмотря на утверждение о том, что гапоновское движение было представлено только рабочими, в нем участвовало большое количество социал-демократов-интеллигентов.

«К 7 и 8 января, — пишет исследователь деятельности гапоновской организации А. Шилов, — социал-демократы настолько овладели... массою, что уже стали говорить, что при гапоновском отделе состоят особые должностные лица, называемые социал-демократами, и Гапон предложил устроить совещание с ними, которое состоялось 7 января».

Именно этими должностными «социал-демократами» составлена прокламация, которая 4 января была широко распространена по всему Петербургу. В прокламации выставлены требования: 1) образование комиссии из представителей рабочих и администрации, в которой решались бы вопросы об увольнении рабочих и о наложении штрафов; 2) повышение заработной платы; 3) 8-часовой рабочий день; 4) отмена сверхурочных ра-

---

[1] Цит. по: Ардаматский В. Перед штормом. М., 1989. С. 285—286.

бот; 5) ограничение детского труда; 6) вежливое обращение со стороны администрации; 7) политические свободы и созыв Учредительного собрания.

Как видим, петиция состояла из экономических требований, а в конце, как бы незаметно да и непонятно для рабочих, протаскивались и политические. Рабочие понимали свои требования чисто экономически и вплоть до 8—9 января были знакомы именно с ними, да другие они вряд ли бы и поддержали. Но в самый последний момент вместо принятых и поддерживаемых рабочими экономических требований появляется петиция, составленная якобы тоже от имени рабочих, но содержащая экстремистские требования общегосударственных реформ, созыва Учредительного собрания, политического изменения государственного строя. Все пункты, известные рабочим и реально поддерживаемые ими, переносятся в заключение. Это была в чистом виде политическая провокация революционеров, пытавшихся от имени народа в тяжелых военных условиях предъявить требования неугодному им русскому правительству.

Идея идти с петицией к Царю была подана Гапоном и его окружением 6—7 января. Но рабочих, которых приглашали идти к Царю за помощью, знакомили с чисто экономическими и, можно сказать, разумными требованиями. Собираясь к Царю, гапоновские провокаторы даже распространяли слух, что Царь сам хочет встретиться со своим народом. Схема провокации такова: революционные агитаторы якобы от имени Царя ходили и передавали рабочим примерно такие «его» слова:

«Я, Царь Божьей милостью, бессилен справиться с чиновниками и барами, хочу помочь народу, а дворяне не дают. Подымайтесь, православные, помогите мне, Царю, одолеть моих и ваших врагов». Об этом рассказывали многие очевидцы, например, большевичка Л. Субботина. Она же передала диалог с одним студентом-революционером:

«Ну, товарищ Лидия, вы вдумайтесь только, какое величие замысла, — говорит один студент, которого мы прозвали Огнедышащий, — использовать веру в Царя и Бога для революции...»[1]

Сотни революционных провокаторов ходили среди народа, приглашая людей 9 января к двум часам на Дворцовую площадь, заявляя, что их там будет ждать Царь. Рабочие готовились к этому дню как к празднику: гладили лучшую одежду, многие

---

[1] На баррикадах. Л., Лениздат, 1984. С. 46.

собирались взять с собой детей. В общем, для большинства рабочих этот день представлялся большим крестным ходом к Царю, тем более что его обещал возглавить священник, лицо духовное, традиционно почитаемое.

Да и власти вплоть до 8 января еще не знали, что за спиной рабочих заготовлена другая петиция, с экстремистскими требованиями. А когда узнали — пришли в ужас. Отдается приказ арестовать Гапона, но уже поздно, он скрылся. А остановить огромную лавину уже невозможно — революционные провокаторы поработали на славу.

9 января на встречу с Царем готовы выйти сотни тысяч людей. Отменить ее нельзя: газеты не выходили. И вплоть до позднего вечера накануне 9 января сотни агитаторов ходили по рабочим районам, возбуждая людей, приглашая на встречу с Царем, снова и снова заявляя, что этой встрече препятствуют эксплуататоры и чиновники. Засыпали рабочие с мыслью о завтрашней встрече с Батюшкой-Царем.

Петербургские власти, собравшиеся вечером 8 января на совещание, понимая, что остановить рабочих уже невозможно, приняли решение не допустить их в самый центр города. Главная задача состояла даже не в том, чтобы защитить Царя (его не было в городе, он находился в Царском Селе), а в том, чтобы предотвратить беспорядки, неизбежную давку и гибель людей в результате стечения огромных масс с четырех сторон на узком пространстве Невского проспекта и Дворцовой площади, среди набережных и каналов. Царские министры помнили трагедию Ходынки, когда в результате преступной халатности местных московских властей в давке погибло 1389 человек и около 1300 получили ранения. Поэтому в центр стягивались войска, казаки с приказом не пропускать людей, но оружие применять лишь при крайней необходимости. Стремясь предотвратить трагедию, власти выпустили объявление, запрещающее шествие 9 января. Но из-за того, что работала только одна типография, тираж объявления был невелик.

8 января Гапон направил письмо министру внутренних дел, из которого видно, что в угоду определенным силам он обманывал как рабочих, так и самого Царя. «Ваше превосходительство! — писал Гапон. — Рабочие и жители Петербурга разных сословий желают и должны видеть Царя 9 сего января, в воскресенье в 2 часа дня на Дворцовой площади, чтобы ему выразить непосредственно свои нужды и нужды всего русского народа. Царю нечего бояться. Я, как представитель «Собрания русских

фабрично-заводских рабочих г. СПБ», мои сотрудники товарищи-рабочие, даже все так называемые революционные группы разных направлений гарантируем неприкосновенность его личности. Пусть он выйдет, как истинный Царь, с мужественным сердцем к Своему народу и примет из рук в руки нашу петицию. Это требует благо его, благо обитателей Петербурга, благо нашей родины. Иначе может произойти конец той нравственной связи, которая до сих пор еще существовала между русским Царем и русским народом. Ваш долг, великий, нравственный долг перед Царем и всем русским народом немедленно, сегодня же, довести до сведения Его Императорского Высочества (так в источнике) как все вышесказанное, так и приложенную здесь нашу петицию. Скажите Царю, что я, рабочие и многие тысячи русского народа мирно, с верою в него, решили бесповоротно идти к Зимнему дворцу. Пусть же он с доверием отнесется на деле, а не в манифестах только к нам.

Копия с сего как оправдательный документ нравственного характера снята и будет доведена до сведения всего русского народа.

8 января 1905 г. свящ. Гапон».

Очевидно, что Гапон, обманывая и Царя, и народ, скрывал от них ту подрывную работу, которая велась его окружением за их спиной. Он обещал Царю неприкосновенность, но сам прекрасно знал, что так называемые революционеры, которых он пригласил для участия в шествии, выйдут с лозунгами «Долой Самодержавие!», «Да здравствует революция!», а в карманах их будут лежать бомбы и пистолеты. Наконец, письмо Гапона носило недопустимо ультимативный характер — на таком языке разговаривать с Царем коренной русский человек не смел и, конечно, вряд ли одобрил бы это послание.

Гапон и преступные силы, стоявшие за его спиной, готовились убить самого Царя. Позднее, уже после событий 9 января, Гапона спросили в узком кругу:

«— Ну, отче Георгий, теперь мы одни и бояться, что сор из избы вынесут, нечего, да и дело-то прошлое. Вы знаете, как много говорили о событии 9 января и как часто можно было слышать суждение, что, прими Государь депутацию честь-честью, выслушай депутатов ласково, все обошлось бы по-хорошему. Ну, как вы полагаете, о. Георгий, что было бы, если бы Государь вышел к народу?

Совершенно неожиданно, но искренним тоном, Гапон ответил:

— Убили бы в пол минут, пол секунд!»[1]

Представители всех антирусских партий распределялись между отдельными колоннами рабочих (их должно быть одиннадцать — по числу отделений гапоновской организации). Эсеровские боевики готовили оружие. Большевики сколачивали отряды, каждый из которых состоял из знаменосца, агитатора и ядра, их защищавшего (то есть тех же боевиков). Все члены РСДРП обязаны быть к шести часам утра у пунктов сбора. Готовили знамена и транспаранты: «Долой Самодержавие!», «Да здравствует революция!», «К оружию, товарищи!». Упомянутая мною большевичка Субботина рассказывала о ночи, предшествовавшей 9 января:

«Входит Самуил-шапошник:

— Товарищ Лидия, где вы были? Я бегал, вас искал. Флаги надо шить.

— Кто заказал — партия?

— Да мы на всякий случай сошьем, завтра чтоб были готовы.

— Ну, Самуил, ерунда, я сейчас оттуда, от собрания, прокламации кто-то бросил, так они (рабочие. — *О. П.*) закричали: не надо нам бунтовщиков с их бумажками, с их флагами, пускай завтра не сунутся, мы одни пойдем, чтоб Царь не подумал, что и мы — бунтовщики. Слышите, они нам места в рядах своих не оставляют. Пусть же одни, бараны, идут. Их вера в Царя — не моя вера, мои знамена — не их знамена. — Слушает меня Самуил, ухмыляется». Диалог Самуила с Лидией кончается тем, что они, каждый по-своему понимая задачу, принимаются за заготовку знамен.

9 января с раннего утра рабочие собирались на сборных пунктах. Перед началом шествия в часовне Путиловского завода был отслужен молебен о здравии Царя. Шествие имело все черты крестного хода. В первых рядах несли иконы, хоругви и царские портреты. Но с самого начала, еще задолго до первых выстрелов, в другом конце города, на Васильевском острове и в некоторых других местах, группы рабочих во главе с революционными провокаторами сооружали баррикады из телеграфных столбов и проволоки, водружали красные флаги. Поначалу рабочие на баррикады не обращали особого внимания, а замечая, возмущались. Из рабочих колонн, двигавшихся к центру, разда-

---

[1] Максимов А. Признание Гапона // Двуглавый Орел. № 37, 20.3.1930. С. 1785.

вались восклицания: «Это уже не наши, нам это ни к чему, это студенты балуются».

Общее число участников шествия к Дворцовой площади оценивается примерно в 300 тыс. человек. Отдельные колонны насчитывали несколько десятков тысяч человек. Эта огромная масса фатально двигалась к центру и чем ближе подходила к нему, тем больше подвергалась агитации революционных провокаторов. Еще не было выстрелов, а какие-то люди распускали самые невероятные слухи о массовых расстрелах. Попытки властей ввести шествие в рамки порядка получали отпор специально организованных групп.

Начальник Департамента полиции Лопухин, который, кстати говоря, симпатизировал социалистам, писал об этих событиях: «Наэлектризованные агитацией, толпы рабочих, не поддаваясь воздействию обычных общеполицейских мер и даже атакам кавалерии, упорно стремились к Зимнему дворцу, а затем, раздраженные сопротивлением, стали нападать на воинские части. Такое положение вещей привело к необходимости принятия чрезвычайных мер для водворения порядка, и воинским частям пришлось действовать против огромных скопищ рабочих огнестрельным оружием...»

Шествие от Нарвской заставы возглавлялось самим Гапоном, который постоянно выкрикивал: «Если нам будет отказано, то у нас нет больше Царя!» Колонна подошла к Обводному каналу, где путь ей преградили ряды солдат. Офицеры предлагали все сильнее напиравшей толпе остановиться, но она не подчинялась. Последовали первые залпы, холостые. Толпа готова была уже вернуться, но Гапон и его помощники шли вперед и увлекали за собой толпу. Раздались боевые выстрелы.

Примерно так же развивались события и в других местах — на Выборгской стороне, на Васильевском острове, на Шлиссельбургском тракте. Появились красные знамена, лозунги «Долой Самодержавие!», «Да здравствует революция!». Толпа, возбужденная подготовленными боевиками, разбивала оружейные магазины, возводила баррикады. На Васильевском острове толпа, возглавляемая большевиком Л.Д. Давыдовым, захватила оружейную мастерскую Шаффа. «В Кирпичном переулке, — докладывал Царю Лопухин, — толпа напала на двух городовых, один из них был избит. На Морской улице нанесены побои генерал-майору Эльриху, на Гороховой улице нанесены побои одному капитану и был задержан фельдъегерь, причем его автомобиль был изломан. Проезжавшего на извозчике юнкера Ни-

колаевского кавалерийского училища толпа стащила с саней, переломила шашку, которой он защищался, и нанесла ему побои и раны... Всего 9 января оказалось 96 человек убитых (в том числе околоточный надзиратель) и до 333 человек раненых, из коих умерли до 27 января еще 34 человека (в том числе один помощник пристава)». Всего было убито 130 человек и 299 ранено[1]. Так завершилась заранее спланированная акция революционеров. В тот же день стали распускаться самые невероятные слухи о тысячах расстрелянных и о том, что расстрел специально организован садистом-Царем, пожелавшим крови рабочих[2].

Вечером 9 января Гапон пишет клеветническую подстрекательскую листовку: «9 января. 12 часов ночи. Солдатам и офицерам, убивавшим своих невинных братьев, их жен и детей, и всем угнетателям народа мое пастырское проклятие; солдатам, которые будут помогать народу добиваться свободы, мое благословение. Их солдатскую клятву изменнику царю, приказавшему пролить неповинную кровь народную, разрешаю. Священник Георгий Гапон»[3].

Г. Гапон сразу же после трагических событий бежал за границу, где с помощью одного английского журналиста состряпал воспоминания, в которых частично приоткрыл свои связи, чем вызвал беспокойство сил, стоявших за его спиной. Он получал деньги от японского правительства, но не напрямую, естественно, а через некоего Сокова, японского агента, выдававшего себя за богача[4]. После амнистии Гапон вернулся в Россию, поддерживал связи с полицией, хвастал, что обладает важнейшими документами, от опубликования которых может не поздоровиться многим. В марте 1906 года он был убит группой боевиков при личном участии Рутенберга, якобы по приказу эсеровского ЦК (в который тогда входил провокатор Азеф) за связь с полицией. Но ЦК эсеров после убийства отказался подтвердить это решение: выходило, что Рутенберг совершил это убийство из каких-то своих соображений. Что же касается связи Гапона с поли-

---

[1] ГАРФ, ф. 826, д. 47, л. 8.

[2] Впоследствии враждебная русскому правительству печать преувеличивала число жертв в десятки раз, не утруждая себя документальными подтверждениями. Большевик В. Невский, уже в советское время изучавший вопрос по документам, писал, что число погибших не превышало 150—200 человек (Красная Летопись. 1922. Пг. Т. 1. С. 55—57).

[3] Ардаматский В. Указ. соч. С. 207.

[4] Былое. Новая серия. № 2. С. 54.

цией, то она Рутенбергу была хорошо известна еще в 1904 году, а следовательно, эта связь — только повод для более важного шага: ликвидации опасного свидетеля. После убийства Гапона его документы были затребованы в Берлин адвокатом Марголиным, а после смерти последнего бесследно исчезли. Рутенберг утверждал, что Гапона убили рабочие. Но, по данным «охотника за провокаторами» Бурцева, Гапона удавил собственноручно некто Деренталь, профессиональный убийца из окружения террориста Б. Савинкова[1].

ГЛАВА 26

Большевистская мафия. — Организация по типу карбонарской или масонской. — Три уровня посвящения. — Жестокость как норма поведения. — Готовность к цареубийству.

Убийство Царя и уничтожение Православной Монархии были первым пунктом партийной программы еврейских большевиков — РСДРП (б). Механизм цареубийства был создан в недрах их партии за 13 лет до убийства Царской семьи. В 1905 году в Екатеринбурге на Урале возникла тайная революционная организация по образцу масонских и карбонарских лож. Возглавил ее один из крупнейших еврейских большевиков Янкель (Яков) Михайлович (Мовшевич) Свердлов[2], жесткий сторонник политического терроризма, бандитизма, насилия и шантажа. Он и его соратники с восторгом мечтали о будущем цареубийст-

[1] Сам Пинхус Моисеевич Рутенберг, активный участник первой антирусской революции, после ее поражения уехал в Италию, где сразу же занял видное место в сионистских и масонских организациях, дружил с Горьким. В 1917 году вернулся в Россию. В октябре был помощником «диктатора» Петрограда Н. М. Кишкина, при благоприятных обстоятельствах мог сыграть при нем ту же роль, что и при Гапоне. В 1919 году уехал в Эрец-Исраэль, где получил концессию на строительство электростанции — первой в Палестине. В 1929 и 1940 годах был председателем «Национального Комитета» («Ваад Леуми») — фактически сионистского правительства еврейских поселений в Палестине. «Оказывал большое влияние на жизнь страны». Умер в 1942 году в Палестине. Еще один провокатор, соратник Рутенберга по эсеровской партии, Евно Фишель Азеф был публично разоблачен как агент полиции, бежал в Южную Америку. Умер в 1918 году в Берлине. В сионистской колонии в Палестине завершила свой жизненный путь и М. Вильбушевич, соратница Зубатова и Гапона.

[2] По документам Департамента полиции он, например, проходил как Яков Мовшевич.

ве, считая это преступление высшим революционным достижением, восхищаясь бандитскими деяниями Желябова, Кибальчича и прочих цареубийц. Всех, кто не разделял этой кровожадной точки зрения, еврейские большевики считали врагами, а «по отношению к врагу все средства хороши и его мнение о нас было для нас безразличным[1]». Членов Екатеринбургской организации РСДРП, возражавших против цареубийства и бандитских методов ведения революционной борьбы, Я. Свердлов осенью 1905 года учил, что «революцию в белых перчатках не делают», «революции не может быть «без крови, без выстрелов», кто думает иначе, тому с нами не по пути»[2]. Конечно, такие представления могли возникнуть только у монстров, духовно чуждых народу древней страны, для которых кровь русских людей — просто водица. Общество в понятии «революционеров» разделялось на «наших» и «не наших». К последним относились все, кто отказывался принимать как истину в последней инстанции лозунги и призывы революционеров. В их среде считалось, что каждый вступивший на путь «революции» получал своего рода индульгенцию как человек, «творивший великое дело на общее благо». Естественные для православного русского человека чувства — милосердие, сострадание, жалость, доброта, — по мнению таких революционеров, предрассудок обывателей, по отношению к врагам проявление этих чувств — преступная слабость. Такая идеология способствовала притоку в революционную среду людей с жестокими или даже садистскими наклонностями. Убить человека просто так — позорно и опасно, убить по политическим мотивам — почетно и даже выгодно. Один из будущих убийц Царской семьи, П.З. Ермаков, по заданию партии еще в 1907 году убил полицейского агента, но не просто убил, а отрезал ему голову. Революционер Илюша Глухарь, также специализировавшийся на истреблении полицейских агентов, убивал их обязательно одним методом — пулей в лоб между глаз. Другой революционер, И. Смирнов, которого выдала жена, после революции собственноручно расстрелял ее[3].

Уральский социал-демократ Николай Алексеевич Чердын-

---

[1] Урал. 1988. № 7. С. 148.

[2] Городецкий Е., Шарапов Ю. Свердлов. (ЖЗЛ). М., 1971. С. 46.

[3] Государственный архив Пермской области (далее — ГАПО), ф. 65, оп. 5, д. 47, л. 242; ф. 145, оп.5, д.71, л. 3.

цев просидел несколько лет в екатеринбургской тюрьме. В своем дневнике[1] описывает «революционную атмосферу», и в частности встречи со Свердловым в 1908—1909 годах. Одна из неприятных сторон тюремной жизни — крысы. Социал-демократы в камере для борьбы с ними создали дружину, которую возглавлял Я.М. Свердлов. Конечно, рассуждает Чердынцев, с крысами надо бороться, но зачем с «бессмысленной жестокостью мучить крыс и наслаждаться этим». Дружинники хватали крыс, кидали их в парашу, чтобы они утонули, сапогами отталкивали крыс от краев, не давая им вылезти, и при этом от души смеялись. Другим развлечением дружинников было повешение крыс.

В тюрьме процветала бандитская групповщина. Главарями были Свердлов и Теодорович, которые поддерживали только своих, пусть они даже совершали любую подлость. Чердынцев отмечает, что поведение этих людей определялось не социалистическими идеалами, а жаждой власти, жаждой доминировать в революционном движении. «На воле... [эти]... товарищи держат себя так же, как сейчас в тюрьме... Теодорович — хулиган форменный, хотя и был членом ЦК РСДРП. По такому типу можно определенно судить, могла ли существовать эта партия в качестве политической силы. «Раз не по-моему, плюю на все и вся. А хорошо ли я делаю — это тоже никого не касается» — вот правило, которым он руководствуется».

Свердлов не гнушается вступать в дружеские отношения с отпетыми уголовниками. Шепчется с ними. О чем-то договаривается. Чердынцева коробят товарищеские контакты Свердлова с одним уголовником-евреем, который не стеснялся рассказывать, как он надувал русских крестьян. В тюрьме Свердлов ведет себя как власть имущий, через него другие заключенные могут получать деньги и передачи. Люди Свердлова на воле держат с ним постоянную связь. По отношению к товарищам Свердлов держит себя диктаторски. «Вся эта манера, — заключает Чердынцев свои рассуждения о Свердлове и Теодоровиче, — изображать из себя что-то важное, имеющее силу и волю везде, могущее карать и миловать, я считаю за признак низости ума и сердца и поэтому так третирую всех этих людишек»[2].

---

[1] Хранится в Свердловском партийном архиве (далее — СПА).

[2] Тем не менее в 1917 году Теодорович станет наркомом по продовольствию в первом советском правительстве, о Свердлове я уже не говорю.

Работая в уральских архивах и фондах музеев, я посмотрел десятки дел лиц, так или иначе причастных к убийству Царской семьи, и вскоре выявил важную закономерность. Все организаторы и ключевые исполнители убийства были боевиками «Боевой организации» РСДРП, возникшей на Урале в конце 1905-го — начале 1906 года под руководством Я.М. Свердлова. Я стал просматривать материалы, относящиеся к ней, и убедился, что это была всеохватывающая тайная организация. Да, у Свердлова имелись все основания изображать из себя персону, имеющую силу и волю везде, могущую карать и миловать, ибо он, говоря современным языком, руководил тайной организацией мафиозного типа — уральским кустом «Боевой организации» РСДРП.

Формально уральский куст подчинялся боевому центру при ЦК партии, который возглавляли Моисей Лурье (кличка Михаил Иванович), Шкляев (Лазарь), Эразм Самуилович Кадомцев (Петр-Павел), Уринсон (Виктор), а позднее Миней Израилевич Губельман (Емельян Ярославский). Но реально главой уральских мафиози был Свердлов.

Как в классической мафии или в масонских орденах, были созданы несколько уровней посвящения в тайну организации. Полной информацией обладал только тот, кто находился на верху пирамиды, он согласовывал свои действия с боевым центром. На уровень ниже сидело тайное оперативное руководство и инструкторы боевой организации, на следующем, тоже тайном, уровне — исполнители различных грязных дел, они получали задания с предыдущего уровня и следовали точным инструкциям; в самом низу — «массовка», рядовые члены, которые привлекались к работе, но ничего не знали о характере деятельности высших уровней посвящения. На практике это было организовано так. При каждом уральском комитете РСДРП создавались три дружины. Одна — известная всем, куда входили рабочие, и две тайные. Они так и разбивались: на первую, вторую и третью[1]. Собственно «боевая» работа велась второй дружиной, в состав которой входили так называемые десятки (отряды), укомплектованные молодыми людьми, не нашедшими себе другого дела в жизни и ставшими боевиками.

---

[1] Описание мафии дается в воспоминаниям боевиков Кадомцевых Э.С. и О.М., Накорякова Н.Н., Ефремова М.И. на вечере, состоявшемся в ноябре 1924 года. Сохранились в Пермском государственном архиве (ГАПО, ф. Р732, оп. 1, д. 3).

Каждая «десятка» имела свое специальное назначение: отряд разведчиков, отряд саперов (закладывать мины), отряд бомбистов (кидать бомбы), отряд стрелков; при второй дружине состоял отряд мальчиков-разведчиков (кстати, будущий председатель Уралсовета, небезызвестный Белобородов, начинал в этом отряде) и распространителей партийной литературы, а также мастерские бомб и другие подобные предприятия. Боевики второй дружины работали в подпольных типографиях, подделывали печати. Во главе каждого отряда («десятки») стоял десятский. Отряды в свою очередь разбивались на «пятки».

Что же делали боевики? Во-первых, совершали политические убийства полицейских, представителей власти, «черносотенцев», то есть всех неугодных партии лиц. Кинуть бомбу в квартиру, где за семейным столом сидел неугодный человек, было в порядке вещей. Некоторые боевики специализировались на убийствах полицейских и их агентов. Полицейских убивали на постах, устраивали засады в их квартирах. Делали фиктивные доносы и убивали пришедших на обыск стражей закона. Во время таких террористических актов гибло больше случайных людей, детей, родственников, близких, чем представителей власти.

Особой стороной деятельности боевиков были грабежи, или, как их называли, «эксы», экспроприации. Грабили кассы, конторы, нападали на транспорт с деньгами. Бомб и патронов не жалели, случайные люди, оказавшиеся рядом, гибли десятками. Легендарный боевик и наставник молодых людей Кадомцев любил повторять: «Не надо быть храбрым — храбрым нужно быть тому, кто трус»; «всякое предприятие надо выполнять с тем спокойствием, с каким хлебаешь ложкою обед за столом»; «самое трудное дело — замести следы, а совершение акта — пустяки»[1]. Боевики тщательно готовились к каждому убийству и грабежу — собирали сведения, чертили планы, готовили ключи, оружие, тщательно продумывали все организационные детали. Занимались боевики и рэкетом, то есть обкладывали богачей данью под угрозой смерти. Кроме того, осуществляли охрану партийных мероприятий и партийных лидеров.

Каждый боевик должен был руководить хотя бы одним грабежом («эксом»), уметь управлять лошадью, паровозом, а позднее и автомашиной, владеть огнестрельным и холодным оружием, знать анатомию человека, чтобы без шума при помощи

---

[1] ГАПО, ф. Р732, оп. 1, д. 3.

холодного оружия убить врага, обладать ловкостью и проворством, а также уметь гримироваться. Боевиков постоянно тренировали, учили владеть оружием. От каждого требовали регулярных упражнений в стрельбе из револьвера во всех возможных положениях тела, упражнений в фехтовании и др. Молодых боевиков подвергали проверочным испытаниям. Так, например, переодетые в полицейскую форму сотоварищи хватали своего «воспитуемого» и производили допрос с применением физических методов. Если испытуемый не выдерживал, его удаляли.

Многие боевики были физически очень сильны и метки в стрельбе. Например, Шура Калинин выжимал руками до 7 пудов, Иван Кадомцев из «браунинга» поражал цель на 75 шагов.

Вот только несколько эпизодов из жизни одного из известных уральских боевиков — Константина Алексеевича Мячина (он же Яковлев, он же Стоянович): в 1905 году кидал бомбы в казаков; в 1906-м — подготавливал к взрыву казармы, метнул бомбу в квартиру руководителя «черносотенцев»; в 1907-м — бросил бомбу в помещение полиции, участвовал в захвате оружия, динамита, ограблении почтового поезда с деньгами (взято 25 тыс. руб.), ограблении самарских артельщиков (взято 200 тыс. руб.); в 1908 году участвовал в нападении на уфимское казначейство, первом миасском ограблении (взято 40 тыс. руб.), убил палача Уварова, участвовал во втором миасском ограблении (взято 95 тыс. руб.). «Убито и ранено со стороны противника, — самодовольно отмечает Мячин, — только при втором миасском ограблении — 18 человек»[1]. Свою жизнь боевик Мячин закономерно закончил руководителем группы лагерей большевистского ГУЛАГа.

А вот пример деятельности Екатеринбургской организации. В августе 1907 года четверо екатеринбургских боевиков, среди которых был П.З. Ермаков, совершают вооруженное ограбление транспорта с деньгами, которые везли кассир и шесть стражников. Грабители были в черных масках. Рассказывает сам Ермаков: «Разделились на две группы. Прождали целую ночь, деньги повезли только утром... Начали беспорядочную пальбу по сопровождающим — ранили четырех человек, убили двух лошадей... денег взяли 12,4 тысячи рублей, спрятали их и на четвертый день передали в областной комитет партии»[2].

---

[1] СПА, ф.221, оп.2, д.964.

[2] Там же, 774.

Вторые большевистские дружины работают в прямой связи с так называемыми «лесными братьями», возглавляемыми известным бандитом А.М. Лбовым (по кличкам «Длинный», «Лещ»). Эти беспартийные грабители также занимались политическими убийствами и грабежами, творили самосуд, а получаемые деньги частично тратили на себя, а частично посылали в комитеты разных партий, в том числе большевикам. Кстати, из числа «лесных братьев» вышли несколько участников убийства Царской семьи. Одной из связных между большевистскими боевиками и лбовскими «лесными братьями» была жена руководителя боевиков во всероссийском масштабе Минея Губельмана — К.И. Кирсанова. Прямую связь со Лбовым поддерживал Свердлов. Боевики РСДРП и «лесные братья» проводят ряд совместных операций. Дороги «лесных братьев» обагрены кровью. Чтобы понять их методы, приведем несколько примеров.

Летом 1907 года 12 вооруженных «лесных братьев» напали на пассажирский пароход «Анна Степановна Любимова», принудили поставить пароход на якорь, выстрелами убили матроса, полицейского, военнослужащего, смертельно ранили пассажира, тяжело ранили капитана парохода и легко — двух пассажиров. Похитили 30 тысяч с небольшим рублей и два револьвера[1].

В этом же году «лесные братья» убили на глазах у рабочих директора Надеждинского завода Прахова и главного инженера за то, что в результате проведенной ими реконструкции завода часть рабочих пришлось сократить. «Лесные братья» занимались рэкетом богачей, а тех, кто отказывался платить, убивали. Так был убит подрядчик Русских. И не удивлюсь, если когда-нибудь будут открыты документы, которые покажут, что «лесные братья» были строго законспирированным отделением вторых большевистских дружин.

Уместно напомнить персональный состав некоторых боевых дружин. В 1905—1907 годах екатеринбургскую дружину, состоявшую примерно из 50 человек, возглавлял Ф.Ф. Сыромолотов (один из главных организаторов екатеринбургского злодеяния).

В нее входили, в частности, П.З. Ермаков, Я.Х. Юровский (исполнители убийства). Тесно с ней были связаны Л.С. Сосновский и С.Е. Чуцкаев (будущие руководители Урал- и горсо-

---

[1] Данные о «лесных братьях» предоставлены мне исследователем этого вопроса, сотрудником Пермского государственного архива В.Ю. Коробейниковым.

вета). Боевую дружину в Перми и Мотовилихе возглавлял А.Л. Борчанинов (будущий руководитель Пермской Губчека). В нее входили и будущие непосредственные участники убийства великого князя Михаила Александровича — Марков и Мясников. В банде «лесных братьев» состояли два других убийцы великого князя Михаила Александровича — Иванченко и Жужгов. А.Г. Белобородов был связан с боевиками на Надеждинском заводе, а позднее вместе с Иванченко вел подрывную работу на Лысьвенском заводе. В алапаевской боевой дружине состояли, в частности, организаторы и непосредственные участники убийства великих князей Е.А. Соловьев и В.Д. Перовский. У Свердлова со многими боевиками были тесные контакты. Так, приезжая в Екатеринбург, он останавливался у Юровского, в Перми и Мотовилихе — у Иванченко, в Алапаевске и В. Синячихе — у Соловьева и Перовского.

Над вторыми дружинами боевиков РСДРП стояли первые дружины, состоявшие из выборной и кооптированной частей (куда руководитель-диктатор мог ввести кого угодно по своему усмотрению). Выборных входило по одному члену из каждого отряда второй дружины плюс командующий всей боевой организацией тысяцкий, избиравшийся представителями 1-й и 2-й дружин совместно. В выборную часть 1-й дружины также входил постоянный представитель партийного комитета. Кооптированная часть первой дружины состояла из разных военных специалистов — инструктора, заведующего мастерскими по изготовлению бомб, заведующего оружием, казначея, секретаря. Выборная часть первой дружины образовывала совет боевой организации, кооптированная — ее штаб. Штаб разрабатывал устав, инструкции, стратегию и тактику «боевых» действий, руководил обучением и вооружением.

За вторыми шли третьи дружины, в состав которых входили «партийцы-массовики», члены парткомитета («комитетчики»), а также примыкающие к партии рабочие. Третьи дружины были школой военного обучения, которым занимались боевики вторых дружин, каждый из которых был обязан подготовить «пяток» из третьей дружины.

Как отмечалось самими боевиками, «такой структурой достигалась конспиративность и гибкость массовой военной организации, тысяцкий знал только десятских, десятские — только своих «пяточников». Благодаря этому в течение 4 лет уральские боевые организации не знали ни одного случая провала»[1].

---

[1] ГАПО, ф. Р732, оп. 1, д. 3, л. 8.

Подготовка и прием боевиков в первую и вторую дружины были обставлены чрезвычайно строго. За новичка ручались два старых члена организации. Поручители отвечали за своего «крестника» головой. В случае каких-либо серьезных отступлений от устава приговор совета приводился в исполнение над «крестником» его поручителями. И вы догадываетесь, конечно, что таким приговором была только смерть. Боевик даже со своими «мог говорить только то, что нужно, а не то, что можно». В уставе постоянно напоминалось, что «боевик имеет оружие не для того, чтобы скрывать его, бросать при опасности, а для того, чтобы убивать врага», а враг был, как правило, безоружный русский человек, мыслящий иначе, чем боевик.

В случае крайней опасности устав рекомендовал живым не сдаваться. Конспирация охватывала все стороны жизни боевика. С недоверием смотрели даже на того, который проходил обучение в третьей дружине. «На случай если кто-то из руководителей будет убит или попадет в тюрьму, имели двух заместителей сотского, десятского, пяточника»[1]. Боевики были хорошо вооружены, оружие получали из Финляндии и Бельгии. Так, П.З. Ермаков в своих воспоминаниях хвастался, что в 1907 году имел «маузер», 4 «браунинга», военный «наган» с шестью сменными барабанами. У боевиков имелись свои мастерские по изготовлению бомб, взрывчатые вещества всегда были в запасе. Хорошо были вооружены и «лесные братья». Один из будущих организаторов и исполнителей убийства великого князя Михаила Александровича, В.А. Иванченко, заведовал в этой шайке оружием. «Оружие, — писал он, — получали из-за границы — бельгийские «браунинги», «маузеры», и в последний день (перед арестом. — *О. П.*) я получил 75 партизанских винтовок без ложа...»[2]

Куда же расходовались средства, добытые грабежом и убийством людей? «Деньги, — рассказывают бывшие боевики, — передавались парторганам для издания газет, содержания боевых школ, для отсылки в центральные учреждения партии. В течение 1906—1907 годов было отослано в областной комитет около 40 тысяч рублей, в ЦК партии (передано через А.И. Саммера) около 60 тысяч рублей». На эти деньги областной комитет

---

[1] ГАПО, ф. Р732, оп. 1, д. 3, л. 8.

[2] Пермский областной партийный архив (далее — ППА), ф. 90, оп. 2, д. И-3.

на Урале издавал три газеты: «Солдат», «Пролетарий» и газету на татарском языке. Деньги поступали также на поездку делегатов на лондонский съезд, на содержание школы боевых инструкторов в Киеве, школы бомбистов во Львове, а также на «держание» границ (Финляндия и Западная Россия) для провоза литературы и провода боевиков, членов партии за границу[1].

Политика большевистского лицемерия проявлялась на примере грабежей («эксов») очень наглядно. Официально, на словах, большевики осуждали эти грабежи, а на самом деле поддерживали их и всячески поощряли. Очень интересно свидетельство А.Ф. Керенского, который был адвокатом на процессе по делу об экспроприации Миасского казначейства. «Официально Ленин и большевистская печать, — пишет Керенский, — заклеймили экспроприации как «мелкобуржуазную практику» левых социалистов-революционеров и максималистов. «Как же так, — спросил я Алексеева (главаря миасского грабежа. — *О. П.*), — выходит, вы проводите экспроприации, хотя это противоречит взглядам вашей партии?» — «Очень просто, — ответил он. — По этому вопросу у нас в партии имеется специальная договоренность. Перед тем как проводить экспроприацию — примерно за две недели, — мы выходим из партии, заявляя о своем несогласии с ее политикой. Это дает нам полную свободу для проведения акции... Через две недели мы подаем заявление о восстановлении в рядах партии, «осуждая» свои ошибки, и нас немедленно восстанавливают»[2]. Естественно, деньги, запачканные кровью, передавались в партийную кассу на содержание все того же административного и репрессивного аппарата.

Но деньги не были главным результатом тайных операций боевиков РСДРП и «лесных братьев». Главное было в том, что в процессе их проведения выковывались кадры людей, готовых выполнить любые приказы, способных убить человека так же спокойно, «как съесть тарелку щей». Сплоченные твердой дисциплиной, связанные кровью жертв, через которые они переступили, подчиненные одной воле, строго законспирированные, умевшие делать свою работу молча, боевики представляли собой силу с огромным потенциалом зла и разрушения. Нужны были условия для реализации этого потенциала. Они наступили в феврале 1917 года. Но и в условиях массовых арестов и провалов боевые организации продолжали существовать, только ухо-

---

[1] ГАПО, ф. Р732, оп. 1, д. 3, л. 24—25.

[2] Вопросы истории. 1990. № 8. С. 105—106.

дили в глубокое подполье. Сам Свердлов неоднократно сидел в тюрьмах и ссылках, откуда бежал при помощи своих боевиков. Все факты говорят о том, что эта мафиозная структура даже расширялась. В Нарымской ссылке Свердлов близко сошелся с Шаей Исааковичем Голощекиным, который стал его личным другом, а позднее представителем на Урале — ключевой фигурой, через которую шла вся подготовительная работа по убийству Царской семьи. Приезжая в Москву, Голощекин останавливался у Свердлова[1].

ГЛАВА 27

Начало ритуального действа против русского Царя. — Призывы иудейских организаций к расправе с Николаем II. — Финансирование цареубийства еврейскими банкирами. — Масонские ложи разжигают Первую мировую войну.

Перед Первой мировой войной среди евреев западных губерний России, а также и Германии распространялась открытка, где изображался раввин с жертвенным петухом («капорес»). У петуха — голова Николая II с Императорской короной. Древнееврейские буквы подписи под открыткой означали «зэ халифати, зэ темурати, зэ капорати». Из этих слов только «капорати» в форме «капорес» вошло в состав еврейского наречия в Германии и стало известным за пределами еврейских общин.

В переводе эти слова означали: да будет это моим искуплением (жертвенное животное, которым я искупаюсь), да будет это моей заменой (то, что меня заменяет), да будет это моей искупительной жертвой. Речь шла о молитве «Kaporoh», которая читается накануне праздника «примирения». Основная мысль следующая (сравн. Брокгауз под «Азазель» и 3-ю книгу Моисея, гл. 16): «Ко дню великого «примирения» перед жертвенником ставили двух козлов в качестве искупительных жертв; по жребию один из них назначался Яхве, другой — Азазелю; первый убивался в качестве искупительной жертвы, и его кровь относили в Святая святых, второй, после того как наложением руки верховного жреца вся вина народа перенесена на его голову, выгонялся в пустыню». В энциклопедии Брокгауза говорится,

---

[1] Якова Свердлова и Шаю Голощекина, подтверждает в своих воспоминаниях жена Свердлова, «связывала не только общность взглядов, но и личная дружба».

что этот Азазель, должно быть, был демоном пустыни, который, по представлению евреев, подобно сатане занимал положение, противоположное положению Бога спасения — Яхве[1]. «Это целесообразное установление сваливать грехи еврейского народа на бедного козла впоследствии распространилось также на других животных. Именно на девятый день месяца Тишри, по учению каббалистов, приверженцами которых являются хасиды в Польше, и в особенности по учению Лурий, следует до восхода солнца трижды взмахнуть над головою белым петухом или белою курицею, причем должны быть произнесены следующие слова: «Род человеческий, живущий в невежестве и во мраке смерти, скованный нуждой и железными цепями, он выведет из темноты и мрака смерти и разорвет его оковы. Глупцам, которых мучат грешная жизнь и преступления, которым противна всякая пища и которые стоят на пороге смерти, когда они в своей тревоге взывают к Всевышнему, дабы он их избавил от нужды, — он посылает свое слово, исцеляет их и спасает от гибели. Они благодарят тогда Всевышнего за его милость и за его чудеса, сотворенные над людьми. Если около него есть ангел-заступник, один из тысячи, чтобы свидетельствовать о том, что человек сотворил доброго, он милует его и говорит «отпусти его, дабы он не упал в пропасть; я нашел (для него) искупление». Если этот обряд делается для себя, то произносят следующее: «Это да будет за меня (нас), это да будет за вас (нас), это да будет моим (нашим) искуплением; этот петух (эта курица) да пойдет на смерть, а я да вниду (мы да внидем) к долгой, счастливой жизни и к миру»[2].

Распространение иудейскими организациями открытки «Раввин с жертвенным животным» было своего рода подготовительным этапом ритуального действа, к которому вожди талмудических сект вели своих последователей в течение многих столетий. Они призывают правоверных иудеев возложить грехи своего народа на плечи Царя и в качестве искупительной жертвы принести его в жертву своему богу. Ритуальное действо, в которое иудейские секты вовлекали русского Царя, носило характер мистической борьбы против Христианства и Удерживающего.

Иудейские вожди призывают соплеменников к расправе с

---

[1] Луч света (Берлин). 1920. № 3. С. 155—156.

[2] Там же. С. 156—157.

русским Царем. Особую роль здесь играл еврейский миллионер из США Я. Шифф. Он делает все возможное для поддержки подрывных сил внутри России, финансирует деятельность социалистических, прежде всего эсеров и большевиков, и националистических партий, выступающих за цареубийство. В России Шифф был связан личными отношениями со злейшими врагами Царя А.Ф. Керенским, Б. Каминкой, П.Н. Милюковым, С.Ю. Витте, А.Ф. Аладьиным[1], а позднее, в 1916 году, с Л.Д. Троцким.

По инициативе еврейских банкиров Шиффа и Лоеба в США создается специальная еврейская организация для борьбы с русским Самодержавием. «Собирайте фонд, — призывал в 1912 году Лоеб, — чтобы посылать в Россию оружие и руководителей, которые научили бы нашу молодежь истреблять угнетателей, как собак. Подлую Россию, которая стояла на коленях перед японцами, мы заставим встать на колени перед избранным от Бога народом»[2]. По данным французской разведки, только через Я. Шиффа российские революционеры в 1915—1917 годах получили на подрывную работу не менее 12 млн. долл.[3].

Большую роль в финансировании революционных партий сыграл английский банкир-иудей, один из руководителей Великой Национальной Ложи Англии, лорд Мильнер. Он «передал на русскую революцию 21 млн. рублей»[4]. Вероятно, часть этих денег через Мильнера была направлена иудейским кланом Ротшильдов, близким соратником которых Мильнер являлся.

Заметную роль в финансировании подрывной деятельности против Царя и Самодержавной России сыграл клан еврейских банкиров Варбургов. Один из этого клана, наиболее активный враг Православной России Макс Варбург, возглавлял банк Ротшильдов—Варбургов во Франкфурте-на-Майне[5].

В целом можно сделать вывод, что против Николая II и Рус-

---

[1] Adler Cyrus. Jacob H Schiff. His life and letters. Vol. 1—2. New York 1928.

[2] Philadelphia Press. 19.2.1912.

[3] Шульгин В.В. Что нам в них не нравится. СПб., 1992. С. 227—228.

[4] Goy V. Dimens in world affairs. Emissary Publication. 1976. P. 91.

[5] Sutton A. Wall Street and the Bolshevik Revolution. Arlington, 1974. P. 39.

ского Православного Царства войной выступили все богатейшие иудейские банкиры мира, мобилизовав на борьбу с русским государственным порядком крупнейшие еврейские и революционные организации и масонские ордена.

В конце 1914 года еврейский журналист Г. Фридлендер выпустил в Берлине брошюру под названием «Русская династия Романовых на скамье подсудимых во всемирной истории». В ней заявлялось, что «России нет пощады. Дело прежде всего касается полного уничтожения династии Романовых». Брошюра завершалась воззванием: «Династия Романовых должна быть уничтожена. Дебет счета этой династии более чем переполнен; более мягкий приговор невозможен».

Первая мировая война создала благоприятные условия для иудейско-масонской конспирации против Русского Царя и Русского Православного Царства. До сих пор не найдено подтверждающих документов, был ли у иудейско-масонских заговорщиков разработанный план разжигания войны. Скорее всего нет. Но то, что такой всемирной войны они ждали, уже давно не вызывает сомнений. В предстоящем мировом столкновении последних Христианских Монархий иудейско-масонские конспираторы видели особую возможность сделать новый рывок к господству над человечеством. Весьма показательно, что все главные масонские ордена противоборствовавших стран стояли на позиции войны: Великая Национальная Ложа Англии, Великий Восток Франции, Великий Восток народов России, старопрусские ложи и Великая Ложа Гамбурга. Последняя являлась учредителем Великой Сербской Ложи, члены которой были замешаны в покушении на эрцгерцога Фердинанда в Сараеве[1].

В ходе следствия по делу убийства эрцгерцога Фердинанда выяснилось, что убийцы Г. Принцып и Габрилович были масонами. План покушения был разработан политическим обществом «Народная Защита». Позднее, уже в 1926 году, представитель масонских кругов Сербии Лазаревич на масонском банкете в Доме сербской гвардии в Белграде официально признал, что «масонство и «Народная Защита» — одно и то же»[2].

Сербские ложи с 23 мая 1912 года были подчинены Высшему масонскому Совету Сербии (Великой Ложе) в Белграде. Эта

---

[1] АСТМ. Фонд Н.Ф. Степанова (Свиткова).

[2] Мокшанский В.М. Сущность еврейского вопроса. Буэнос-Айрес, 1957. С. 55.

Великая Ложа являлась дочерней ложей Великого Востока в Будапеште и была, в свою очередь, основана Великим Востоком Франции. По некоторым данным, план убийства эрцгерцога Фердинанда был составлен руководством Великого Востока Франции[1].

Руководители «Народной Защиты», сербские масоны капитан Д. Танкосич и Цыганович снабдили убийц эрцгерцога деньгами, гранатами и «браунингами». На вопрос о причинах убийства один из его участников, Цабринович, ответил: «Масонство причастно к убийству в Сараеве только в том отношении, что оно меня укрепило в моем намерении. Убийство разрешено масонством, так как Цыганович мне сказал, что уже год тому назад масоны приговорили эрцгерцога к смерти». На тот же вопрос обвиняемый Принцып сообщил: «Цыганович мне рассказал, что Австрийский наследник был приговорен к смерти одной масонской ложей»[2].

ГЛАВА 28

Масоны готовятся свергнуть Царя. — Подготовка цареубийства. — План Гучкова. — Вариант Г.Е. Львова. — Крымовский заговор. — Морской план. — Образование масонского правительства.

Вопрос о насильственном устранении Царя в 1915—1917 годах стал краеугольным камнем масонской конспирации в России. В масонских кругах постоянно вынашивались планы цареубийства. «В 1915 году, — рассказывает в своих воспоминаниях масон А.Ф. Керенский, — выступая на тайном собрании представителей либерального и умеренного консервативного большинства в Думе и Государственном Совете, обсуждавшем политику, проводимую Царем, в высшей степени консервативный либерал В.А. Маклаков (тоже масон. — *О. П.*) сказал, что предотвратить катастрофу и спасти Россию можно, лишь повторив события 11 марта 1801 года (убийство Павла I)». Керенский рассуждает о том, что различие во взглядах между ним и Маклаковым сводилось только ко времени, ибо сам Керенский пришел к выводу о «необходимости» убийства Царя на 10 лет раньше. «И кроме того, — продолжает Керенский, — Маклаков и его

---

[1] Луч света (Берлин). 1920. № 3. С. 163.

[2] Цит по: Там же. С. 164.

единомышленники хотели бы, чтобы за них это сделали другие. Я же полагал, что, приняв идею, должно принять на себя и всю ответственность за нее, самолично пойдя на ее выполнение». Призывы убить Царя со стороны Керенского продолжались и позже. В речи на заседании Государственной думы в феврале 1917 года он призывает к «физическому устранению Царя», поясняя, что с Царем следует сделать то же, «что совершил Брут во времена Древнего Рима».

Ведущая роль в подготовке заговора против Царя принадлежала таким высокопоставленным масонам, как А.И. Гучков, Г.Е. Львов, Н.В. Некрасов, М.И. Терещенко. «С самого начала, — вспоминал А.И. Гучков, — было ясно, что только ценой отречения Государя возможно получить известные шансы успеха в создании новой власти». Хотя заговорщики и не хотят думать о последствиях такого шага, но все же для успокоения своих собратьев, заявлявших о своем монархизме, берут свод законов Российской империи (этим занимается масон М М. Федоров). Находят там закон, который, по их мнению, предусматривает отстранение носителя Верховной власти и установление регентства. Но по всему видно, что заговорщикам был нужен только благовидный повод для захвата власти, последствия же его они никак не рассматривали, хотя и очень боялись, как бы власть не захватила «улица». Возбужденная под влиянием их же пропаганды «улица» становилась опасным явлением, неуправляемым, как взрыв. Подлая дискредитация Царя, его правительства и окружения, проводимая как масонскими и революционными кругами, так и агентами германской разведки, связанными и с теми, и с другими, сделала свое дело.

По рассказу самого Гучкова, заговорщики прорабатывали несколько вариантов захвата власти[1]. Первый вариант предусматривал захват Царя в Царском Селе или Петергофе. Этот вариант вызвал у заговорщиков сомнения, так как, если даже на их стороне будут какие-то воинские части, расположенные в Царской резиденции, все равно произойдет большое кровопролитие при столкновении с верными Государю частями. Второй вариант рассматривал возможность произвести эту операцию в Ставке, но для этого заговорщики должны были привлечь к делу членов Военной масонской ложи, в частности генералов Алексеева и Рузского. Однако Гучков и его соратники понимали, что участие высшего генералитета в акте государственной измены вызовет раскол в армии и приведет к потере ее боеспо-

---

[1] Вопросы истории. 1991. № 7—8. С. 204—207.

собности. Решено было держать высших военных изменников в тени, чтобы не возбуждать общественное мнение. В конце концов, они больше могли сделать для заговора, влияя на события косвенным путем, не давая возможности верным военным частям прийти на помощь Государю (что в дальнейшем и произошло).

С генералом Алексеевым, сыгравшим роковую роль в отречении Государя, Гучков был хорошо знаком с Русско-японской войны, еще ближе они сошлись, когда генерал командовал Северо-Западным фронтом. Сам Гучков считал Алексеева человеком большого ума, но недостаточно развитой воли, разменивающим свой ум и талант на мелочную канцелярскую работу[1]. В этой оценке Гучков был безусловно прав, она подтверждается воспоминаниями сотрудников генерала. Именно Гучков ввел Алексеева в Военную масонскую ложу. Через Алексеева Гучков пытается оказывать и оказывал влияние на военные действия. Он пишет письма со своими советами и тайно передает их Алексееву. Некоторые из этих писем становятся достоянием гласности и приобретают скандальную известность. В них Гучков клеветнически фальсифицирует события.

Алексеев получал также письма от Г.Е. Львова[2] и встречался с ним. Князь Львов рассказывал Милюкову, что вел переговоры с Алексеевым осенью 1916 года. У Алексеева был план ареста Царицы в Ставке и заточения ее в монастырь. План не был осуществлен, потому что Алексеев заболел и уехал в Крым[3].

То, что офицеры Генерального штаба участвовали в заговоре, подтверждал сам Гучков. «Нужно признать, — сразу же после Февральской революции говорил он, — что тому положению, которое создалось теперь, когда власть все-таки в руках благомыслящих людей, мы обязаны, между прочим, тем, что нашлась группа офицеров Генерального штаба, которая взяла на себя ответственность в трудную минуту и организовала отпор правительственным войскам, надвигавшимся на Питер, — она-то и помогла Государственной думе овладеть положением». Начальником штаба военной экспедиции генерала Иванова, направленной на подавление беспорядков в Петроград, был подполковник Капустин, стоявший на стороне заговорщиков[4]. Да и сам генерал Иванов, хотя и не был масоном (?), принадлежал

---

[1] Вопросы истории. 1991. № 7—8. С. 200.

[2] Там же. С. 201.

[3] Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 92—93.

[4] Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 228—229.

к кругу друзей начальника штаба Алексеева и находился в личном знакомстве с Гучковым[1].

Наиболее реальным заговорщики все же посчитали вариант с захватом Царского поезда на пути из Петрограда в Ставку и обратно. Были изучены маршруты, выяснено, какие воинские части расположены вблизи этих путей, и остановились на некоторых железнодорожных участках по соседству с расположением гвардейских кавалерийских частей в Новгородской губернии, в так называемых Аракчеевских казармах. Заговорщики верили в то, что гвардейские офицеры, усвоившие отрицательное, критическое отношение к правительственной политике, к правительственной власти гораздо болезненнее и острее, чем в простых армейских частях, станут их естественными единомышленниками. В целях исполнения третьего варианта к заговору привлекается еще один масон — князь Д.Л. Вяземский, сын члена Государственного Совета, камер-юнкер, возглавлявший санитарный отряд великого князя Николая Николаевича. Через Вяземского заговорщики привлекли к делу гвардейских офицеров. Захват мыслился как боевая акция воинской части фронтового поезда. Схватив Царя, заговорщики надеялись вынудить у Него отречение с назначением Наследника в качестве преемника. Готовились соответствующие манифесты, предполагалось все это выполнить в ночное время, а утром Россия и армия должны были узнать о двух актах, исходящих якобы от самой Верховной власти, — отречение и назначение Наследника. Хотя Гучков в 30-е годы утверждал, что речь о цареубийстве не шла, но трудно представить, что Государь мог добровольно отказаться от Престола. По-видимому, предусматривались еще какие-то методы воздействия на Царя, с помощью которых заговорщики хотели получить отречение. Скорее всего, предполагался заурядный рэкет — угроза жизни жены и детей, — негодяям было хорошо известно, как любил свою семью Царь! Дальнейшие события показали, что и этот метод был использован.

Предполагалась еще и высылка Царя за границу. Тот же Гучков откровенничал в узком кругу: «На 1 марта был назначен внутренний дворцовый переворот. Группа твердых людей должна была собраться в Питере и на перегоне между Царским Селом и столицей проникнуть в царский поезд, арестовать Царя и выслать его немедленно за границу. Согласие некоторых иностранных правительств было получено»[2]. Таким образом, в

---

[1] Вопросы истории. 1991. № 7—8. С. 200.

[2] Верховский А.И. Указ. соч. С. 228.

заговоре были замешаны и представители других государств, по-видимому, прежде всего Франции, и несомненно через масонские связи.

О том, что готовится такая операция, знала также и германская сторона. Незадолго до февраля 1917 года болгарский посланник пытался выйти на контакт с русским правительством, чтобы предупредить его о готовящихся событиях. Со стороны германцев выход виделся в сепаратном мире. Однако для Царя, который держал свои обещания перед союзниками (не зная о той подлой игре, которую они вели с Ним), сепаратный мир с Германией был неприемлем.

Существовал и еще один план заговора против Царя. Его разрабатывал масон Г.Е. Львов. Предполагалось добиться отречения Царя и посадить на трон великого князя Николая Николаевича, а при нем сформировать правительство, в котором главную роль будут играть Львов и Гучков. Переговоры об этом с великим князем вел его друг — масон А.И. Хатисов. Причем при переговорах присутствовали жена великого князя, известная интриганка Анастасия Николаевна, и генерал Янушкевич. К плану такого переворота княжеская чета отнеслась сочувственно, а если и были сомнения, то только в технике его осуществления — последуют ли за заговорщиками армия и ее вожди, не вызовет ли это мятеж на фронте[1].

Самым кровожадным был так называемый крымовский заговор. Генерал А.М. Крымов, активный масон[2], предлагал осуществить убийство Царя на военном смотре в марте 1917 года[3].

Генералу Крымову, пользовавшемуся репутацией решительного человека, отводилась большая роль и еще в одном варианте заговора. Как рассказывал масон Н.Д. Соколов, в феврале 1917 года в Петрограде, в кабинете Родзянко, было совещание лидеров Государственной думы с генералами, на котором присутствовали генералы Рузский и Крымов. На совещании приняли решение, что откладывать больше нельзя, что в апреле, когда Царь будет ехать из Ставки, его в районе, контролируемом командующим фронтом Рузским, задержат и заставят отречься. Генералу Крымову отводилась в этом заговоре решающая роль, он был намечен в генерал-губернаторы Петрограда,

---

[1] Вопросы истории. 1991. № 7—8. С. 213; Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931.

[2] Берберова Н. Люди и ложи. Словарь.

[3] Деникин А. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 36.

чтобы решительно подавить всякое сопротивление со стороны верноподданных Царя. Заговор этот не был чисто масонским, ибо в нем участвовали не только масоны (например, Родзянко), хотя организующая роль здесь принадлежала тому же Гучкову. По сведениям Соколова, во главе этого варианта заговора стояли Гучков и Родзянко, с ними был связан Родзянко-сын, полковник (?) Преображенского полка, который создал целую организацию из крупных офицеров, куда, по некоторым данным, входил даже великий князь Дмитрий Павлович[1].

Наконец, существовал еще так называемый морской план. О нем говорил, в частности, Шульгин. Предполагалось пригласить Царицу на броненосец и увезти ее в Англию. Возможно, что заодно намечалось увезти туда и Царя[2].

Готовясь устранить Царя, либерально-масонское подполье прорабатывает разные варианты его замены. Прежде всего велась речь о передаче власти Наследнику при регентстве великого князя Михаила Александровича. Для некоторой части масонов была предпочтительней фигура великого князя Николая Николаевича. Существовал даже вариант установления новой династии — предполагаются и первые претенденты на Престол: Павел и Петр Долгоруковы-Рюриковичи, состоявшие в масонских ложах. Однако окончательно победила основная масонская точка зрения — полная ликвидация Русского исторического строя и ликвидация Монархии.

Обсуждение вопроса о захвате власти в 1915—1916 годах прошло во всех масонских ложах. Как пишет масон Кандауров, «перед февральской революцией Верховный Совет поручил ложам составить список лиц, годных для новой администрации, и назначить в Петрограде, на случай народных волнений, сборные места для членов лож. Все было в точности исполнено, и революционным движением, без ведома руководимых, руководили в значительной степени члены лож или им сочувствующие»[3].

16 апреля 1916 года на тайном совещании на квартире масонов Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповича представители прогрессистов, левых кадетов и правосоциалистических партий, тоже из числа масонов, еще раз обсудили опубликованные в газете «Утро России» списки кандидатов в министры. На этом совеща-

---

[1] Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 95—97.

[2] Там же. С. 162.

[3] ОА. ф. 730, оп. 1, д. 172, л. 30.

нии в качестве премьера был предложен все тот же руководитель Земгора масон Г.Е. Львов.

В конечном итоге новый состав правительства складывается в тайной конспирации либерально-масонского подполья, из заговорщиков — руководителей масонских лож, одновременно возглавлявших видные «общественные организации» — Земгор, Центральный Военно-промышленный комитет, Прогрессивный блок Государственной думы. Все было решено и оговорено заранее, хотя широкая общественность ничего не знала. Сговор прошел за ее спиной. Кандидатуры были готовы и предложены с подачи руководителей «общественных организаций» — масонов.

«Не то чтобы составлялись списки будущего правительства, — проговаривается видный кадет-масон Н.И. Астров, — но неоднократно перебирались имена, назывались разные комбинации имен. Словом, тут работала общественная мысль: в результате этой работы слагалось общественное мнение. Получалось любопытное явление. Повсюду назывались одни и те же имена».

9—10 декабря 1916 года в Москве у масона Коновалова в который раз собрались представители Союза городов и выработали важные политические резолюции. Смысл их был один: низвержение правительства и установление правительства из числа «общественных деятелей». Резолюции содержали обычную леволиберальную риторику и были практически направлены на захват власти в стране лицами, принадлежавшими в своем большинстве к масонским ложам. Резолюции были подготовлены при участии масонов М.М. Федорова, Астрова, Челнокова, Третьякова, Прокоповича. За день до этого близкая по смыслу резолюция была принята Земским съездом в Москве и зачитана в помещении Земского союза. На квартире Коновалова также обсуждался и состав будущего правительства. В качестве кандидатур на должность председателя Совета Министров наметили А.И. Гучкова и князя Г.Е. Львова, а в министры — М.М. Федорова, Коновалова, Кутлера (все масоны)[1].

Все резолюции было предложено размножить в возможно большем количестве и широко распространить по всей России, а также на фронте в войсках, «дабы создать в массах оппозиционное и даже революционное направление». На заседании Центрального Военно-промышленного комитета открыто говорилось (об этом сообщали секретные агенты), что если будет

---

[1] ГАРФ, ф. 97, д. 27, л. 562.

подходящее настроение в массах, которое должно быть подготовлено резолюциями, то Государственная дума должна провозгласить, что нынешний состав министров низвергнут, а затем составить временное правительство. При обсуждении масон Казакевич возразил, что для разрешения подобных задач потребуется помощь армии, и потому необходимо к ней обратиться. На что масон Терещенко ответил, что «обращаться к армии не надо, а достаточно 2—3 полков, с которыми можно будет все выполнить»[1].

Либерально-масонское подполье использует все возможные способы, чтобы склонить Царя на создание угодного ему правительства. В 1916—1917 годах орудием масонской интриги становится некто А.А. Клопов, чиновник Министерства финансов, на которого еще в 1898 году Николай II случайно обратил внимание и разрешил писать Ему лично, сделал его как бы информатором о настроениях в стране. Остается открытым вопрос, был ли Клопов сам масоном или только подпал под их влияние. Однако одно достоверно ясно, что в 1916—1917 годах он был тесно связан с масонами Г.Е. Львовым и генералом Алексеевым. Как справедливо отмечалось исследователями, в письмах, которые Клопов писал Царю, чувствовалось влияние масонов Коновалова, Некрасова и Керенского[2]. За монархическо-верноподданнической словесной оболочкой протаскивались требования либерально-масонских кругов о создании подконтрольного им правительства, руководимого князем Львовым. К одному из писем Клопова о создании правительства во главе со Львовым прилагалась чудовищная по своей лживости справка о последнем. Злейший враг Царя представлялся в ней как его друг.

ГЛАВА 29

Заговорщики торопятся. — Убийство Распутина. — Солдатские бунты в Петрограде. — Предательство военного командования. — Царь — пленник масона генерала Рузского. — Отречение. — «Кругом измена, и трусость, и обман». — Крушение законной Русской власти.

В конце 1916 года механизм антирусской революции был полностью подготовлен к решительным действиям. Либерально-масонским подпольем разработаны планы устранения Царя,

---

[1] ГАРФ, ф. 97, д. 27, л. 563.

[2] Вопросы истории. 1991. № 2—3. С. 205.

создано отрицательное общественное мнение о законной Русской власти как неспособной и преступной, подготовлены люди для будущего революционного правительства. Заговорщики торопились, ибо предстоящее весной наступление по всем прогнозам должно было закончиться окончательной победой русского оружия, а следовательно, еще большей славой Русского Царя. Для них это означало крушение планов захвата власти. Более того, глубина измены и предательства, которые творились в обществе, пугала самих заговорщиков. Как и Гучков, они понимали, что ими сделано достаточно, чтобы быть повешенными за измену. Заговорщики отдавали себе отчет, что рано или поздно их планы будут раскрыты, а значит, им придется понести заслуженное наказание. Многим деятелям либерально-масонского подполья, кроме ответственности за государственную измену, грозило уголовное преследование за разные преступления. Ожидались серьезные судебные разбирательства по делам о денежных махинациях и взяточничестве в Земгоре и Военно-промышленных комитетах, в которых были замешаны лично Г.Е. Львов, А.И. Гучков, А.И. Коновалов, В.А. Маклаков, П.П. Рябушинский и множество других крупных «общественных деятелей[1]. Судебная ответственность за клевету ожидала и П.Н. Милюкова.

Торопились и представители германо-большевистского альянса. Для Германии антиправительственное восстание в России было, пожалуй, единственным шансом остановить победоносное наступление русских. Инструкции германской разведки большевистским лидерам настаивают на немедленной организации всеобщей политической забастовки, германский Генштаб выделяет на нее огромные средства для раздачи рабочим бастующих предприятий, на содержание большевистских функционеров и ведение подрывной агитации. И либерально-масонское подполье, и германо-большевистский альянс как бы наперегонки стремятся к исполнению своих преступных планов.

Первым решительным шагом против Царя становится

---

[1] Например, В.А. Маклаков обманным путем получил от казны пособие в размере 10 тыс. руб. Субсидии этот вольный каменщик добился под предлогом осушения болот в своем имении. Когда государственная комиссия произвела проверку, то выяснилось, что болота по-прежнему стояли, а деньги предприимчивый масон пустил в коммерцию. Разоблачение обмана вызвало у Маклакова новый взрыв ненависти к «прогнившему самодержавию» (Владимирский вестник. 1964. Январь. С. 17).

убийство друга Царской семьи Г.Е. Распутина. Зная его близость к Царской чете, заговорщики таким образом хотели деморализовать Царя.

Последний раз Царь встретился с Распутиным 2 декабря. Как рассказывает Вырубова, Григорий Ефимович ободрил Царя, сказав, что главное — не надо заключать мира, так как та страна победит, которая покажет более стойкости и терпения. Когда Царская чета собралась уходить, Царь сказал, как всегда: «Григорий, перекрести нас всех». — «Сегодня Ты благослови меня», — ответил Григорий Ефимович, что Государь и сделал.

Идейным руководителем и организатором убийства был масон, кадет В.А. Маклаков. Заранее был разработан план и выбрано место для ликвидации трупа и уничтожения жертвы. В преступлении принимали участие представители всех общественных слоев, пораженных болезнью отторжения от России: представитель аристократической черни, высших правящих слоев общества, в силу западного воспитания и жизненной ориентации безнадежно оторванных от русского народа, член масонского общества «Маяк» князь Ф.Ф. Юсупов, по характеру слабонервный неженка, хлыщ и фат, которого Распутин лечил от психических расстройств; представитель выродившейся части Династии Романовых великий князь Дмитрий Павлович, связанный с масонством, двуличный, подлый, раздираемый политическими амбициями гомосексуалист; правый радикал, экстремист, позер и краснобай, один из тех, кто своей неумной, самодовольной деятельностью дискредитировал русское патриотическое движение, В.М. Пуришкевич.

Преступники заманили Распутина во дворец Юсупова, неудачно пытались отравить, а потом стреляли из пистолета, сначала в спину, затем куда попало, а потом еще добивали гирей по голове. Зверски замученный Распутин был брошен в прорубь возле Крестовского острова.

Похороны Распутина состоялись утром 21 декабря в полной тайне. Никто, кроме Царской четы с дочерьми, Вырубовой и еще двух-трех человек, на них не был. Почитателям Распутина прийти не разрешили. Царская семья тяжело переживала случившееся. Особенно удручало, что многие из ее окружения, даже близкие люди, радовались убийству. Особенно Царскую чету поразили перехваченные полицией телеграммы, которые родная сестра Царицы великая княгиня Елизавета Федоровна послала убийцам Дмитрию Павловичу и Юсупову, поздравляя их с убийством и благодаря их за него. Эти постыдные телеграммы,

пишет Вырубова, совсем убили Государыню — «она плакала горько и безутешно, и я ничем не могла успокоить ее». Благословляя «патриотический акт» убийц, Елизавета Федоровна поддалась общей социальной истерии, которая и опрокинула общество в 1917 году. Рукоплеская убийцам Распутина, Елизавета, по сути, рукоплескала и убийцам своего мужа, и своим будущим убийцам. Поддаваясь общему настроению нетерпимости, признавая убийство как способ решения социальных проблем, она, как и многие тогда, отступила от идеалов Православия.

Да что говорить, если Царь и Царица в известном смысле тоже поддались этому настроению! Ведь убийцы остались без возмездия. Против них не было возбуждено дело, не было справедливого разбирательства. Царь ограничился высылкой Юсупова в свое имение и переводом Дмитрия Павловича на Кавказ. Даже малолетний Царевич Алексей был удивлен, почему Царь справедливо не наказал убийц. Вырубова пишет: «Их Величество не сразу решили сказать ему об убийстве Распутина, когда же потихоньку ему сообщили, Алексей Николаевич расплакался, уткнув голову в руки. Затем, повернувшись к отцу, он воскликнул гневно: «Неужели, папа, ты их хорошенько не накажешь? Ведь убийцу Столыпина повесили!» Государь ничего не ответил ему». На российское общество это произвело огромное впечатление — в общественном сознании возникло «право» на безвозмездное убийство — главный двигатель будущей революции.

После убийства Распутина в масонских ложах проходят заседания, на которых обсуждаются направления антиправительственной агитации. Новая волна клеветнических слухов, распускаемых либерально-масонским подпольем, еще более усиливает обвинение против Царицы о ее «связи» с германскими шпионами, «передаче» немцам военных планов. Само убийство Распутина объявляется «справедливым актом русских патриотов» против «шпионского гнезда темных сил». Центром распространения этих слухов становятся квартиры масонов Коновалова и Керенского.

Царь прибыл в Ставку 22 февраля, а за три дня до этого сюда же после нескольких месяцев отсутствия по болезни приехал не вполне выздоровевший начальник Штаба, масон, генерал Алексеев. Появление его было большой неожиданностью для сотрудников, ибо его ожидали ближе к предстоящему наступлению. В это последнее пребывание Государя в Ставке было много странного: в Петрограде творились страшные дела, а

здесь царила какая-то безмятежная тишина, спокойствие более обычного. Информация, которая поступала Государю, шла через руки Алексеева. Сейчас невозможно сказать, в какой степени Алексеев задерживал информацию, а в какой степени эта информация поступала искаженной из Петрограда. До 27 числа Государь имел искаженное представление о происходившем в Петрограде.

При первом известии о солдатских бунтах в Петрограде Государь решает направить туда войска, чтобы подавить преступный мятеж. Вечером об этом сообщено по телеграфу военному министру в Петроград. Однако эта депеша уже перехвачена, и заговорщики знали о намерении Царя. Отправление войск в Петроград осуществлялось медленно. Только во второй половине дня 28 февраля генерал Иванов с командой георгиевских кавалеров отбыл по назначению.

Сам Царь, не дожидаясь прибытия войск, отправился в Царское Село рано утром 28 февраля, не поддаваясь на уговоры назначить премьером масона князя Львова. Об этом еще вечером его просил брат, великий князь Михаил Александрович. Царь еще не знал, что государственная власть в стране узурпирована заговорщиками и изменниками и что он уже полностью изолирован.

28 февраля масон Бубликов рассылает телеграмму, в которой сообщает, что по поручению комитета Государственной думы он занял Министерство путей сообщения. Контроль за прохождением Царского поезда находится в его руках и он не выпускает его из поля своего внимания до самого последнего момента[1]. Военным комендантом Николаевского вокзала в Петрограде Бубликовым назначается некто поручик Греков, который от имени Временного комитета устанавливает контроль за прохождением всех воинских составов, требуя информацию о количестве и видах войск. Греков требует не выпускать военные поезда со станции без особого разрешения Временного комитета[2].

Царский поезд, контролируемый изменниками, в ночь с 28 февраля на 1 марта сталкивается с заслоном в Любане и Тосно. Вряд ли там были большие войска, скорее всего — незначительные группы вооруженных лиц. Но было принято решение не рисковать и с Малой Вишеры повернуть на Псков.

---

[1] ГАРФ, ф. 97, д. 40, л. 26—28.

[2] ГАРФ, ф. 97, д. 40, л. 21.

1 марта на станции Дно из Царского поезда отправляется телеграмма председателю Государственной думы Родзянке, в которой Царь приглашает его прибыть во Псков в штаб Северного фронта совместно с председателем Совета Министров князем Голицыным, государственным секретарем Крыжановским и тем наиболее желательным кандидатом для составления правительства, которому, по мнению Родзянки, «может верить вся страна и будет доверять население»[1]. Но вся переписка Царя полностью контролируется. Заговорщики боятся выпустить Родзянку из своих рук, ибо не очень доверяют ему. В шесть часов вечера 1 марта в Царский поезд летит телеграмма, подписанная Бубликовым, в которой сообщается, что «Родзянко задержан обстоятельствами, выехать не может»[2]. Царю не дают возможности связаться с семьей в Царском Селе. Все письма и телеграммы, которые Ему шлет жена, перехватываются.

Приехав во Псков, Царь оказался пленником в руках изменников, отрезанным от Ставки и от семьи. Князь С. Е. Трубецкой, пытавшийся попасть к Царю, убедился, что Царь находится в положении арестанта, к нему никого не пускают[3]. Причем охрана осуществлялась военными часовыми, подвластными главнокомандующему Северным фронтом, масону генералу Рузскому[4]. Для встречи с Царем требовалось особое разрешение Рузского. Многие, даже близкие люди, не могли попасть к Царю, перехватывалась вся корреспонденция, и прежде всего письма Царицы и верных Царю людей. После разговора с Рузским Царю и его ближайшему окружению стало ясно, что «не только Дума, Петроград, но и лица высшего командования действуют в полном согласии и решили произвести переворот» (генерал Дубенский)[5]. Рузский прямо заявил, что сопротивление бунтовщикам бессмысленно и что «надо сдаваться на милость победителя».

Генерал Дубенский рассказывает, какое чувство негодова-

---

[1] ГАРФ, ф. 97, д. 40, л. 16.

[2] Там же, л. 33.

[3] Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991. С. 150.

[4] Масон Рузский был тесно связан с сионистскими кругами и покровительствовал им. Весьма характерно, что его дочь В. Рузская еще до 1917 года вышла замуж за известного сиониста Ноя Давидсона, справляла свадьбу в синагоге и сама перешла в иудейство. (Сегодня (Латвия). 15.1.1927).

[5] Отречение Николая II... С. 61.

ния, оскорбления испытали все верные Царю люди: «Более быстрой, более сознательной предательской измены своему Государю представить себе трудно. Думать, что Его Величество сможет поколебать убеждения Рузского и найти в нем опору для своего противодействия начавшемуся уже перевороту — едва ли можно было. Ведь Государь очутился отрезанным от всех. Вблизи находились только войска Северного фронта под командованием того же генерала Рузского, признающего «победителей»[1]».

Один из близких Царю людей предлагает арестовать и убить Рузского. Но все понимают, что положение этим не изменить, так как Рузский действует в полном согласии с начальником штаба Ставки генералом Алексеевым, по сути дела принявшим на себя обязанности Верховного Главнокомандующего и поэтому контролирующим все вооруженные силы.

Тем временем в Ставке ночью с 1 на 2 марта составляется проект манифеста об отречении Государя от Престола. С позиции знаний сегодняшнего дня совершенно ясно, что решительные действия царского окружения по подавлению мятежа, отстранение от власти в армии генералов-изменников даже еще утром 2 марта были возможны. Да и сами изменники чувствовали себя очень неуверенно и больше блефовали, чем были действительно уверены в себе. Как справедливо говорил находившийся рядом с Царем генерал Нилов, нельзя было идти на уступки. «Давно идет ясная борьба за свержение Государя, огромная масонская партия захватила власть, и с ней можно только открыто бороться, а не входить в компромиссы»[2].

Но шли часы, а Царь оставался в прежней изоляции, не получая ни одной весточки от семьи, а вся информация шла через руки генералов-изменников[3]. Царь был подавлен предательством генералов, всегда уверявших Его в верноподданнических чувствах и предавших в трудную минуту. Кто-кто, а они-то уж знали, сколько сил и труда Государь положил, чтобы сделать армию боеспособной и подготовить ее к предстоящему весеннему наступлению. И в этот момент они объявляют Его «помехой

---

[1] Отречение Николая II... С. 61.

[2] Там же. С. 65—66.

[3] Среди многочисленных царских военачальников только небольшая часть отказалась присягнуть самозваному Временному правительству. И лишь двое из них, рыцари чести и преданности Государю — генералы Ф. А. Келлер и Г. Нахичеванский, телеграфировали Царю, предлагая себя и свои войска для подавления изменников.

счастью России» и требуют оставить Трон. Изменники обманывают Царя, внушая Ему мысль, что Его отречение «принесет благо России и поможет тесному единению и сплочению всех народных сил для скорейшего достижения победы».

Ночью после разговора с Рузским Государь принимает решение отказаться от Престола в пользу своего сына при регентстве брата Михаила Александровича. Но он, по-видимому, все еще надеется на армию. Хотя реально связь между Государем и Ставкой армии потеряна не была, генерал Алексеев, по сути, отстранил Царя от контроля над армией и захватил власть в свои руки. Не имея на то никаких прав, он вступил в исполнение обязанностей Верховного Главнокомандующего. Пользуясь своей властью, он рассылает циркулярный запрос командующим армиями. Этот запрос информационной части грубо фальсифицировал реально сложившуюся обстановку, утверждая, что войска деморализованы и войну можно продолжать только при выполнении требований об отречении Царя. Обращаясь к командующим армиями, Алексеев утверждал, ссылаясь на Родзянку, что «обстановка, по-видимому, не допускает иного решения»[1], и тем самым навязывает им, не имеющим другой информации, желаемый для заговорщиков ответ. Алексеев передает командующим фронтами[2] результаты переговоров руководства армии с руководителями Государственной думы. В этих переговорах также намеренно сгущаются краски и положение вещей представляется в свете, выгодном для революционной бесовщины. Сообщается, что беспорядки охватили большую часть России, и в частности Москву. Это была неправда. Беспорядки наблюдались только в Петрограде и Кронштадте, в Москве же и других городах России законная власть полностью контролировала обстановку. Масоны Алексеев, Рузский и Родзянко, «охваченный» плотным масонским окружением, шли на прямое государственное преступление, интерпретируя события в искаженном виде. Ответы командующих армиями соответствовали той информации, которая была ими получена от Алексеева и Родзянки. С болью в душе, еще не зная, что их обманывают, поверив, что дела действительно так плохи и иного пути нет, они соглашаются на отречение. Последний ответ приходит во Псков в 14.50, а около трех Царь направляет телеграмму председателю

---

[1] Отречение Николая II... С. 237.

[2] Среди которых был еще один высокопоставленный масон генерал Брусилов.

Государственной думы и начальнику штаба Верховного Главнокомандующего. «Нет той жертвы, — говорится в первой из них, — которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России. Посему я готов отречься от Престола в пользу моего сына с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия, при регентстве брата моего Великого Князя Михаила Александровича»[1].

Но, даже отдав телеграммы Рузскому, Государь еще колеблется, у Него возникают сомнения, и Он требует от Рузского остановить отправление телеграмм и вернуть их Ему. Однако Рузский не отдает телеграммы.

Царь, по-видимому, еще надеется на своих верноподданных, верит, что поддержка придет. Но проходят мучительные часы, а помощь не приходит. Около 10 часов из Петрограда приезжают представители «революционной общественности» — злейший враг Царя масон А.И. Гучков[2] и активный сотрудник масонского Прогрессивного блока лжемонархист В.В. Шульгин. Присутствие последнего среди хора требовавших Его отречения, наверное, окончательно погасило последнюю надежду Царя.

И все же до самого последнего момента заговорщики боялись, что отречение Царя не состоится, что он поднимет армию, объявит бунтовщиков вне закона и военной силой подавит измену. На переговорах с Царем об отречении Гучков внушает Государю мысль, что надежных военных частей нет, что все части, которые подъезжают к Петрограду, революционизируются, и что у Царя нет шансов на иной исход, кроме отречения. Конечно, это была ложь. В резерве Ставки такие части были, некоторые же могли быть переброшены с фронта. Царю как никогда требовалась поддержка военных, но в тот момент рядом с Ним

---

[1] Отречение Николая II... С. 240.

[2] Отправляясь в Ставку, Гучков, по-видимому, рассчитывал получить от Царя не только отречение, но и назначение на пост премьер-министра. В архивах сохранился один из вариантов предполагаемого правительства: «Регент — Михаил Александрович, Верховный Главнокомандующий — Николай Николаевич, премьер-министр — Гучков, министр путей сообщения — Бубликов, иностранных дел — Милюков, торговли и промышленности — Шингарев, морской — Григорович, военный — Поливанов, командующий в Петрограде — генерал-ад. Иванов, нар. просвещения — гр. Игнатьев» (ГАРФ, ф. 97, д. 40, л. 39). Но состоявшийся перед встречей с Царем разговор с Рузским, который находился в прямом контакте с Временным комитетом, по-видимому, заставил его подчиниться масонской дисциплине.

находились не соратники, а изменники. Рузский, который присутствовал при беседе Гучкова и Шульгина с Государем, авторитетно подтвердил ложное утверждение Гучкова, что у Царя не осталось верных частей для подавления мятежа. «Нет такой части, — заявил Царю Рузский, — которая была бы настолько надежна, чтобы я мог послать ее в Петербург»[1]. В дело идет даже прямой шантаж. Представители «общественности» не гарантируют жене и детям Царя безопасность, если он вовремя не отречется. Масон генерал Рузский осмеливается даже кричать на Государя. Впоследствии Николай II рассказывал об этом своей матери: «Я всем готов простить, но я никогда не забуду, что мой генерал Рузский, требуя отречения, возвысил на меня голос и стучал кулаком по столу»[2].

2 марта в 3 часа дня Государь подписывает отречение от Престола в пользу брата, великого князя Михаила Александровича, а вечером записывает в своем дневнике: «Кругом измена, и трусость, и обман». Генерал граф Ф. А. Келлер по получении сведений об обманно-вынужденном отречении Государя отправил ему телеграмму с изъявлением преданности от лица вверенного ему корпуса. Генерал умолял Государя задержать свое отречение. Телеграмма эта злоумышленно не была передана Государю[3].

Внезапное и быстрое отречение Государя от Престола пошатнуло саму идею русской Монархии. Как рассказывает современник, если бы Государь не отрекся, «его, вероятно, убили бы тогда же, и он пал бы жертвою, в сознании геройски выполненного долга. Но престиж Царя в народном сознании остался бы нерушимым. Для огромной части населения России феерически быстрое отречение Царя, с последующим третированием его, как последнего узника, было сокрушительным ударом по самому царизму»[4].

---

[1] Вопросы истории. 1991. № 7—8. С. 210.

[2] Двуглавый Орел. 1929. № 24. С. 1165.

[3] Владимирский вестник. № 47, май 1955; 3-й конный корпус генерала Келлера еще значительное время после отречения Государя продолжал петь «Боже, Царя храни». Когда командование приказало привести войска к присяге Временному правительству, то граф Келлер отказался и покинул армию. В 1918 году генерал был назначен командующим Северным фронтом, однако проехать туда было невозможно. Во время вынужденной остановки в Киеве граф Келлер был убит по приказу масона С. Петлюры.

[4] Карабчевский Н. Что глаза мои видели. II Революция в России. Берлин, 1921. С. 148—149.

После отречения Государя интриги масонских кругов не прекращаются и даже усиливаются, имея целью уничтожение русской Монархии вообще. Масонское руководство Временного комитета Государственной думы настаивает хотя бы на временном сокрытии Манифеста Царя об отречении и передаче власти великому князю Михаилу Александровичу. Полностью контролируя положение, сделав Государя пленником, изолировав Его от окружения, не позволяя общаться даже с женой и детьми, масонские конспираторы специально тянут время, чтобы вынудить великого князя Михаила Александровича тоже отказаться от власти, намекая на тяжелые последствия для него лично, если он осмелится принять ее. Князь Львов и Родзянко в телеграмме генералу Рузскому настаивают на том, чтобы до их распоряжения Манифест не был опубликован. Предлог такой — мол, воцарение Михаила Александровича подольет масла в огонь и беспорядки будут еще сильнее. На самом деле заговорщики, принадлежащие преимущественно к масонским ложам, выполняли решение масонских конвентов об уничтожении Монархии вообще. Не задумываясь о последствиях, к которым приведет Россию уничтожение Монархии, масонские заговорщики, по сути дела, заставили великого князя Михаила Александровича отречься. Для этого на него было оказано давление практически всем масонским составом Думского комитета и Временного правительства. Слабый духом и неопытный в вопросах большой политики, великий князь поддался нажиму. Черновик акта отречения великого князя Михаила Александровича был составлен секретарем Верховного Совета российских масонов Н.В. Некрасовым, а завершил работу над ним другой высокопоставленный «брат», В.Д. Набоков. Этот документ и был подписан великим князем. Подписанием этого документа завершился период возвышения России и начался процесс ее разрушения.

Часть IV

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

ГЛАВА 30

Последняя встреча с матерью. — Лишение свободы. — Прощание с войсками. — Возвращение в Царское Село. — Отступническое поведение священства. — Отречение великих князей.

С подписанием отречения ставилась точка в трагедии жизни Императора Николая II и начался отсчет времени в трагедии его смерти.

Почему Государь принял это роковое решение? Он, обманутый и преданный своим окружением, принял его в надежде (об этом он позднее рассказывал П. Жильяру), что те, кто пожелал его удаления, окажутся способными привести войну к благополучному окончанию и спасти Россию. Он побоялся того, что его сопротивление послужило бы поводом к гражданской войне в присутствии неприятеля. Он не пожелал, чтобы кровь хотя бы одного русского была пролита за него. Он приносил себя в жертву ради России. Но силы, которые настаивали на уходе Царя, не хотели ни победы, ни спасения России, им нужны были хаос и гибель страны. Поэтому жертва Царя оказалась для России напрасной и, более того, гибельной, ибо само государство стало жертвой измены.

После отречения Николай II возвратился в Ставку. Здесь ждала его мать Мария Федоровна, которая приехала проститься с сыном. В Ставке Государь подготовил приказ и последнее обращение к войскам, призывающие выполнить свой долг перед Отечеством в обороне страны от германских агрессоров. Однако Временное правительство запретило опубликовать эти документы и довести их содержание до воинских частей.

Отрекаясь от Престола, Николай II обратился с посланием к главе Временного правительства масону Г.Е. Львову, вверяя ему свою судьбу и судьбу своей семьи. Без всякой охраны сел он в поезд, покидая Могилев, надеясь на благородство власти[1]. Однако судьба Царской семьи уже была решена на заседании ма-

[1] Соколов Н. Убийство Царской семьи. Берлин, 1925. С. 270.

сонских лож. Тем более что заседания Временного правительства, состоящего только из одних вольных каменщиков, по своей сути были заседаниями одной большой консолидированной масонской ложи[1]. Как впоследствии писал П.Н. Милюков: «Мне абсолютно не сохранила память ничего о том, как и когда состоялось решение вопроса об аресте Царя и Царицы. Я совершенно ничего не помню по этому вопросу. Представляя себе вообще характер событий того времени, мне кажется, что Временное Правительство, по всей вероятности, санкционировало известную меру, предложенную ему Керенским. В то время НЕКОТОРЫЕ заседания Правительства происходили СЕКРЕТНО, и журнала таких заседаний НЕ ВЕЛОСЬ. Вероятно, в такой же форме состоялось и решение самого вопроса»[2].

Арестовать Царскую семью предложил масон А.Ф. Керенский. А согласно сообщению другого его собрата, В.Д. Набокова, окончательно вопрос об аресте Царской семьи был решен в кабинете масона князя Львова. «Управляющий делами Временного Правительства покойный Набоков, — пишет Соколов, — признает в своих воспоминаниях, что актом о лишении свободы Царя «был завязан узел», разрубленный в Екатеринбурге». Характерную подробность передает Набоков: когда он пришел туда, акт не имел еще подписей, но аппарат для его выполнения был уже готов. Это были депутаты Государственной думы масоны Бубликов, Калинин, Грибунин и Вершинин, арестовавшие Царя в Ставке[3].

Арест Царя был произведен с истинно масонским коварством. Убаюкивая Государя «гарантиями безопасности и личной неприкосновенности», Г.Е. Львов посылает в Ставку группу вольных каменщиков для его ареста. Глава Временного правительства направляет генералу Алексееву телеграмму: «Временное Правительство постановило предоставить бывшему Императору беспрепятственный проезд для пребывания в Царском Селе и для дальнейшего следования на Мурманск». Телеграмму читал генерал Лукомский. Он показал: «2 марта была получена от Временного правительства телеграмма на имя Алексеева, в коей сообщалось, что Временным правительством командируются лица для «сопровождения» Государя в Царское. Я утверждаю, что эту телеграмму видел сам. Мне помнится, что она была

---

[1] См. мою книгу «Криминальная история масонства 1731—2004».

[2] Соколов Н. Указ. соч. С. 12.

[3] Там же. С. 270.

от главы Правительства князя Львова, что в телеграмме не только не сообщалось о факте уже состоявшегося распоряжения со стороны Временного Правительства об аресте Государя и Государыни, но не было об этом ни единого слова. Смысл же ее был тот, что лица, командированные Правительством, будут сопровождать Его Величество как главу государства, отказавшегося от власти; что это — проявление внимания к Государю. Мне известно, что прибывшие по поручению Правительства лица сказали об аресте Государя Алексееву только тогда, когда Государь уже находился в поезде, чтобы ехать в Царское. Они передали об этом Алексееву, и тот по их просьбе передал об этом Государю»[1].

Временное правительство сразу же вероломно нарушило свое обещание Государю обеспечить ему свободное проживание за границей. 7 марта масонское Временное правительство принимает решение о лишении свободы всех членов Царской семьи. Для того чтобы как-то обосновать свое вероломное решение, деятели масонства заявили, что Царь в своей переписке с женой якобы использует непонятный шифр. Из Петрограда для ареста Царя приехали специальные комиссары — А.А. Бубликов, В.М. Вершинин, С.Т. Грибунов, И.И. Калинин.

Перед отъездом из Могилева в Петроград Государь пришел проститься со Ставкой. Войдя в зал, он поздоровался с солдатами. «Здравия желаем, Ваше Императорское Величество», — полным, громким и дружным голосом отвечали солдаты. Как вспоминают очевидцы, Государь был одет в серую кубанскую черкеску, с шашкой через плечо. Единственное изменение заключалось в том, что все военные союзнические кресты, учрежденные во время войны, которые он носил постоянно, были сняты. На груди висел один лишь Георгиевский крест, ярко белевший на темном фоне черкески. Левую руку с зажатой в ней папахой он держал на эфесе шашки. Правая была опущена и сильно и заметно дрожала. Лицо было еще более пожелтевшее, посеревшее и обтянутое, и очень нервное. Остановившись, Государь сделал небольшую паузу и затем начал говорить речь. Он говорил громким и ясным голосом, очень отчетливо и образно, однако, сильно волнуясь, делал неправильные паузы между частями предложения. «Сегодня... я вижу вас... в последний раз, — начал Государь, — такова воля Божья и следствие моего решения». Далее он сказал, что отрекся от Престола, видя в этом

---

[1] Соколов Н. Указ. соч. С. 270.

пользу России и надежду победоносно окончить войну. Отрекся в пользу брата великого князя Михаила Александровича, который, однако, также отрекся от Престола. Судьба Родины вверена теперь Временному правительству. Он поблагодарил присутствовавших за верную службу ему и Родине. Государь призвал всех во что бы то ни стало довести до конца борьбу против коварного, жестокого, упорного — и затем следовал целый ряд отлично подобранных эпитетов — врага. Государь кончил. Правая рука Его уже не дрожала, а как-то дергалась.

В зале воцарилась «глубокая, полная, мертвая тишина». Никто не кашлянул и все упорно и точно, не мигая смотрели на Государя. Поклонившись, он начал обход присутствующих. Подавая руку старшим генералам и кланяясь прочим, говорил коекому несколько слов. Напряжение зала, все время сгущавшееся, наконец разрешилось. Сзади Государя кто-то судорожно всхлипнул. Достаточно было этого начала, чтобы всхлипывания, удержать которые присутствующие были, очевидно, уже не в силах, раздались сразу во многих местах. Вместе со всхлипываниями раздались и слова: «Тише, тише, вы волнуете Государя». Однако судорожные перехваченные всхлипывания эти не утихали. Государь оборачивался направо и налево, по направлению звуков, и старался улыбнуться, однако улыбка не выходила, а выходила какая-то гримаса, оскалявшая ему зубы и искажавшая лицо; на глазах у него стояли слезы. Тем не менее он продолжал обход. Подойдя к офицерам своего конвоя, он никому не подал руки. Зато он поздоровался со всеми офицерами Георгиевского батальона, только вернувшимися из экспедиции в Петроград. Судорожные всхлипывания и вскрики продолжались. Офицеры Георгиевского батальона — люди по большей части несколько раз раненные — не выдержали; двое из них упали в обморок. На другом конце зала рухнул кто-то из солдат-конвойцев. Государь, все время озираясь на обе стороны, со слезами на глазах, не выдержал и быстро направился к выходу[1].

8 марта Царский поезд отправился в Петроград, к вагону, где находился арестованный Царь, прицепили вагон с арестантской комиссией Временного правительства, которая буквально изводила Государя своими ограничениями и мелкими придирками. Утром 9 марта, в начале 10-го часа, еще в поезде, Николай II попрощался со своей Свитой. Не успел поезд остановить-

---

[1] Тихменев Н.М. Из воспоминаний о последних днях пребывания Императора Николая II в Ставке. Ницца, 1925.

ся, как Свита выскочила из вагонов. Государь спокойно сошел с поезда. Одет он был в черкеску 6-го Кубанского казачьего батальона, в черной папахе и пурпурном башлыке на плечах. На груди у него был орден св. Георгия. На поясе висел казачий кинжал. В сопровождении князя В.А. Долгорукова Царь сел в автомобиль и под конвоем отправился в Царское Село.

Семья Государя к тому моменту была тоже лишена свободы. Арест ее произвел генерал Л.Г. Корнилов, в то время доверенное лицо масонов Гучкова, Львова и Керенского. Еще год назад заявлявший о своей преданности Царю, этот изменник вломился в Александровский дворец с огромным красным бантом на груди. Грубо, по-хамски, как почувствовавший свою власть холоп, Корнилов объявил об аресте Александры Федоровны и детей Государя. Приказал покинуть дворец всем близким людям и верным слугам Царской семьи[1]. Вместе с Царицей в Александровском дворце остался лишь обер-гофмаршал граф П.К. Бенкендорф.

В тот момент, когда арестованный Царь, покинутый всеми придворными и близкими, кроме князя Долгорукова, подъехал к дворцу, сопровождаемый конвоем, Царица находилась в комнате сына. Услышав весть, Она, по рассказу очевидца, как пятнадцатилетняя девочка, быстро спустилась с лестницы и выбежала к Нему навстречу. «В эту первую минуту радостного свидания, казалось, было позабыто все пережитое и неизвестное будущее, — пишет Вырубова, — но потом, как я впоследствии узнала, когда Их Величества остались одни, Государь, всеми оставленный и со всех сторон окруженный изменой, не мог не дать воли своему горю и своему волнению, как ребенок рыдал перед своей женой».

Как вспоминает Вырубова, когда Царица вернулась, она поняла по Ее бледному лицу и сдержанному выражению все, что Она в эти часы вынесла. Гордо и спокойно Она рассказала подруге обо всем, что было. Анна Александровна была глубоко потрясена рассказом Царицы, так как за все 12 лет ее пребывания при Дворе она только три раза видела слезы на глазах Царя. «Он теперь успокоился, — сказала Царица подруге, — и гуляет в

---

[1] Впоследствии Корнилов любил хвастаться своим низким поступком, неоднократно заявляя: «Я имел счастье арестовать Царскую семью и Царицу-изменницу» (Кириенко И.К. 1613 г. От чести и славы — к подлости и позору февраля 1917 года. Воспоминания. Сан-Пауло, 1963. С. 5).

саду; посмотри в окно!» Как пишет Вырубова: «Я никогда не забуду того, что увидела, когда мы обе, прижавшись друг к другу, в горе и смущении выглянули в окно. Мы были готовы сгореть от стыда за нашу бедную Родину. В саду, около самого дворца, стоял Царь всея Руси и с ним преданный друг его, князь Долгоруков. Их окружало 6 солдат, вернее, 6 вооруженных хулиганов, которые все время толкали Государя то кулаками, то прикладами, как будто бы он был какой-то преступник, прикрикивая: «Туда нельзя ходить, г. полковник, вернитесь, когда вам говорят!» Государь совершенно спокойно на них посмотрел и вернулся во дворец». Уже находясь в кругу близких ему людей, Царь рассказал, как от Него добивались отречения, как друзья и родные, которым Он больше всего доверял, оказались изменниками, соучастниками в низвержении Его с Престола.

Но, пожалуй, больше всего Царя и Его семью угнетало поведение большей части епископов и священников, еще недавно молившихся за Царскую семью, но в трудные для Царя дни оставивших Его. Самое чудовищное состояло в том, что главная опора Царя — Православная Церковь в лице своих иерархов не нашла в себе силы осудить масонских заговорщиков и защитить Царя, как в начале XVII века сделал это патриарх Гермоген, заявивший предателям и отступникам: «Благословляю верных русских людей, подымающихся на защиту Веры, Царя и Отечества, и проклинаю вас, изменники». Митрополиты и епископы из Синода приняли отступническое решение молиться за масонское «благоверное Временное правительство». Митрополиты-чиновники из Синода давали благословение России без Царя и тем самым фактически подтверждали совершенное иудейско-масонскими деятелями и революционерами разрушение Православного Царства. Из множества иерархов только единицы выразили свое несогласие с предательским решением Синода. Так, архиепископ Харьковский и Ахтырский Антоний не побоялся высказать отступникам: «От верности Царю меня может освободить только Его неверность Христу». Синодальные митрополиты покорно проштамповали требование Временного правительства уволить на покой самых верных царских слуг — митрополита Петроградского Питирима и митрополита Московского и Коломенского Макария. В благодарность за угодливое поведение Синода Временное правительство назначило в марте 1917 года новым обер-прокурором Синода видного масо-

на В.Н. Львова. Никогда за всю историю России во главе управления Церковью не стоял враг Христов и масон[1].

Ни в одном из тридцати придворных соборов и храмов, где служило почти полторы сотни священников, дьяконов, псаломщиков, не нашлось ни одного верного, который пришел бы к Царю, чтобы духовным словом облегчить Его участь и разделить с Царем заточение и муки, которые предстояли Царской семье. Большая часть русского священничества нарушила клятву, которую каждый из него давал в начале своего служения:

«Аз, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом и Пресвятым Евангелием в том, что хощу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю, Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови... В заключение сего клятвенного обещания моего целую слова и Крест Спасителя моего. Аминь».

После отречения от престола Государя Николая II и великого князя Михаила Александровича масонское Временное правительство требует такого же отречения и отказа от удельных имений от других возможных наследников российского Престола. Масонские ложи поручили это дело своему брату А.Ф. Керенскому, который стал действовать здесь через другого масона из среды великих князей — Николая Михайловича, члена тайного французского общества «Биксио». В письме к А.Ф. Керенскому от 9 марта 1917 года великий князь Николай Михайлович сообщает о ходе своих переговоров: «За сегодняшний день я получил согласие на отказ от престола и на отдачу удельных земель от великих князей Кирилла Владимировича, Дмитрия Павловича...» Обнародован текст, о котором идет здесь речь. Он гласит: «Относительно прав наших, и в частности и моего, на престолонаследие я, горячо любя родину, всецело присоединяюсь к тем мыслям, которые выражены в акте отказа великого князя Михаила Александровича. Великий князь Кирилл Владимирович».

---

[1] Впоследствии масонский обер-прокурор Синода вступил в Союз воинствующих безбожников и писал атеистические статьи в журнал «Безбожник».

Дата этого документа, содержание которого с достаточной точностью устанавливается путем сопоставления его с известным актом отречения великого князя Михаила Александровича, явствует из приведенного письма великого князя Николая Михайловича: он написан 9 марта 1917 года, ровно через неделю после отречения Императора Николая II и через шесть дней после отречения Михаила Александровича[1].

ГЛАВА 31

Попытка убить Николая II в Царском Селе. — Мандат на цареубийство. — Неудача масона С.Д. Мстиславского. — Замыслы Временного правительства казнить Царя и Царицу.

Первая попытка убийства Царя после отречения предпринимается сразу же после прибытия его в Царское Село, 9 марта. Утром этого же дня в кабинете председателя Петроградского Совета масона Н.С. Чхеидзе собирается «чрезвычайное совещание», на котором под предлогом недопущения выезда Царя за границу принимается фактическое решение об убийстве Государя в соответствии с духом времени и ради «углубления революции». Сохранились воспоминания одного из участников этого совещания и главного действующего лица предполагаемого цареубийства масона С.Д. Мстиславского (Масловского). По его словам, «все созвучно утверждали: Революция должна оградить себя от всякой возможности восстановления монархии; перчатка, брошенная Временным Правительством, решившим этот — существеннейший для судеб Революции — вопрос единолично, за спиной Исполкома, — должна быть поднята... Но как поднять ее? На этом — запинались ораторы. И в скольких речах — и как ярко — чувствовалось, что заседание наше перекрывала еще тяжелая тень «векового трона»: он был пуст — но он еще не был повержен, разбит в щепы...

Слишком долго и слишком путано задерживались ораторы на вопросе о том, в какой мере «лично» опасен бывший монарх — и кто из великих князей может и должен подойти под категорию «угрожающих» будущей Республике... Мерою опасности, естественно, определяется мера пресечения: вот почему столь безудержно страстные в заявлениях своих об опасности монархии члены ИК тускнели, потупляли глаза, когда логичес-

---

[1] АСТМ. Архив Н.Ф. Степанова (Свиткова) (записи).

ким ходом мысль заставляла их говорить о судьбе монарха. Были секунды, когда казалось, что столь страшное для меньшевизма, столь ранящее слух слово «цареубийство» — уже готово спуститься на нас... как огненные языки на головы апостолов... Но оратору перехватывал горло уже поднятый его мыслью звук — и вновь затягивала собрание зыбкая, туманная пелена — полунамеков, полупризнаний, полуклятв... Все облегченно вздохнули поэтому, когда кто-то торопливо внес предложение о прекращении прений: «Время не терпит, пора к делу». Чхеидзе ставит на голосование вопрос: «Допустить ли отъезд царской фамилии? Кто против?» Как одна, поднялись дружным, нервным взметом руки. «Но если так — надо принять меры к тому, чтобы подобные покушения стали раз навсегда невозможны: ведь Временное Правительство может повторить при первом удобном случае попытку. Республика должна быть обеспечена от возвращения Романовых на историческую арену. Стало быть, «опасные» должны быть в руках непосредственно у Петроградского Совета. У нас — не у «временных». Не у «временных»... «Возражений нет? Более точную формулировку? Излишне: она определится событиями». И снова — никаких разногласий.

Переходим к практической части. Президиум осведомляет нас о предварительных мерах, принятых им уже с раннего утра. Весь состав верных Совету офицеров (Союз офицеров-республиканцев) мобилизован. Рабочие боевые дружины в районах поставлены под ружье. Все вокзалы уже заняты ближайшими к ним воинскими частями, под руководством специально командированных Исполкомом эмиссаров. Теперь в связи с состоявшимся решением пленума и «сообразуясь с духом его» (еще раз мрачно блеснул глазами Чхеидзе), остается довершить начатое — в Царском Селе, где находится царская фамилия»[1].

Возглавлять отряд цареубийц, состоявший из группы солдат Семеновского полка и роты пулеметчиков, по предложению масона Н.Д. Соколова[2], секретаря исполкома Петросовета, было поручено масону полковнику С.Д. Мстиславскому. Перед отъездом в Царское Село ему выдали два мандата. Первый из них на его имя гласил: «По получении сего немедленно отправиться

---

[1] Пять дней. Начало и конец февральской революции. Берлин, 1922. Глава 3.

[2] Соколов Н.Д. — присяжный поверенный, соратник А.Ф. Керенского, редактор Приказа № 1, разрушившего Русскую армию. Впоследствии был уличен в сотрудничестве с германской разведкой.

в Царское Село и принять всю гражданскую и военную власть для выполнения возложенного на Вас особо важного поручения». Второй — на имя царскосельских властей: «о подчинении и всемерной помощи мне (Мстиславскому. — *О. П.*) при выполнении порученного мне особо важного государственного акта».

К счастью, отряду цареубийц не удалось выполнить свою миссию. Охрана Царя не позволила совершить его убийство. На требование Мстиславского выдать ему Царя один из офицеров решительно заявил:

«Вы затеяли игру с огнем... Убить Императора в его дворце, поскольку он под нашей охраной, — полк не может допустить. Если комендант города, комендант дворца пропустили вас, это дело их совести <...> ваше поручение... страшно средактировано, страшно, иного слова не подберу: в нем есть мандат на цареубийство». После долгих пререкательств с охраной Царя Мстиславскому разрешили только посмотреть на него, когда Царь проходил мимо. Обозленный таким непониманием «духа времени», масон-цареубийца вместе со своим отрядом вынужден был убраться восвояси, не выполнив возложенного на него поручения по «углублению революции»[1].

Потерпев неудачу убить Царя, масоны предпринимают новую попытку сделать это уже по приговору затеваемого ими суда над Царем и Царицей. Масоны А.Ф. Керенский и Н.К. Муравьев создают Чрезвычайную следственную комиссию, которая начинает подготовку к процессу над Царской четой.

Видный русский адвокат Н.П. Карабчевский, бывший в 1917 году председателем Совета присяжных в Петрограде, рассказывает об одной встрече с Керенским, на которой тот прого-

---

[1] Об этой попытке убийства Царя рассказывает в своих воспоминаниях юрист Н.П. Карабчевский. Вот что он пишет: «...почти на первых порах царского плена разыгрался следующий эпизод. В Царское прибыл из Петрограда спешно по железной дороге небольшой отряд каких-то вооруженных людей, не то солдат, не то добровольцев, предводительствуемых весьма, по-видимому, энергичным «полковником» (Мстиславским (Масловским. — *О. П.*). В их распоряжении были и три пулемета». Мстиславский заявил, что он с «товарищами» уполномочен принять охрану Царя и препроводить его в Петропавловскую крепость. «Более вероятно, — пишет Карабчевский, ссылаясь на беседу с начальником охраны Царя, — что имелось в виду убийство Царя во имя все упорнее выдвигавшегося тогда лозунга «углубления революции» (Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели. II Революция в России. Берлин, 1921. С. 148—149).

ворился о намерениях масонского Временного правительства в отношении судьбы Царя и Царицы.

Керенский предлагает Карабчевскому пост сенатора, и между ними происходит такой диалог:

« — Нет, Александр Федорович, разрешите мне остаться тем, что я есть, адвокатом. Я еще пригожусь в качестве защитника...

— Кому? — с улыбкой спросил Керенский. — Николаю Романову?

— О, его я охотно буду защищать, если вы затеете его судить.

Керенский откинулся на спинку кресла, на секунду призадумался и, проведя указательным пальцем левой руки по шее, сделал им энергичный жест вверх. Я и все поняли, что это намек на повешение.

— Две, три жертвы, пожалуй, необходимы! — сказал Керенский, обводя нас своим не то загадочным, не то подслеповатым взглядом, благодаря тяжело нависшим на глаза верхним векам»[1].

Таково было тайное желание одного из руководителей российского масонства, которое удалось осуществить только большевикам.

ГЛАВА 32

Под арестом в Александровском дворце. — Унижения и издевательства. — Вопрос о переезде в Англию. — Противодействие Временного правительства. — Отказ английских властей.

Жизнь Царской семьи под арестом в Александровском дворце превращается в сплошную вереницу издевательств. Различные придирки и ограничения доходят до абсурда, имея единственную цель — унизить Царскую семью. У Царевича Алексея отнимают игрушки, даже детям запрещают гулять по парку. На глазах у царских детей тюремщики зарезали двух любимых ими ангорских коз. Качели, на которых любили качаться царские дети, тюремщики исписали похабными словами и рисунками.

Находившийся вместе с Царской семьей под арестом в Александровском дворце граф П.К. Бенкендорф впоследствии рассказывал: «Во дворце был введен строгий режим. Наши прогулки по парку были нам разрешены на очень небольшом про-

---

[1] Карабчевский Н.П. Указ. соч. С. 148.

странстве. Особенно тяжело было для заключенных то, что для их прогулок был назначен преимущественно двор, выходящий на улицу, так что все проходившие могли видеть царскую семью из-за решетки забора и ворот. Число любопытствующих было огромно, особенно по воскресеньям и праздникам, когда поезда привозили из Петербурга и окрестностей людей. <...> Царская семья была обречена на выслушивание часами фанатических, полных ненависти замечаний разжигаемого пропагандой плебса. Дома заключенных ожидали другие мучения. Когда великие княжны или Государыня приближались к окнам, стража позволяла себе на их глазах держать себя неприлично, вызывая этим смех своих товарищей»[1].

Масон Керенский, хотя впоследствии и утверждал, что хотел помочь Царской семье, на самом деле сделал все, чтобы отравить ее существование. Прежде всего 11 марта по его личному приказу уничтожают (подвергают сожжению) тело зверски убитого Григория Распутина, самого близкого Царской семье человека. На каком-то этапе он хотел устроить суд и показательную казнь Царя. Но когда следственная комиссия Временного правительства не смогла найти в действиях Царской семьи состава преступления, этот фальшивый и двуличный человек стал придумывать разные пакости, чтобы удовлетворить свое чувство мести. Керенский ввел для Царской семьи тюремный режим. Встречи Царя с женой и детьми были ограничены временем еды. В остальное время их разводили по отдельным помещениям. Встречались супруги только за столом и при условии, что они будут разговаривать только по-русски. Чай они могли пить вместе, но в присутствии офицера. Разлука с супругом глубоко ранила Царицу, она была возмущена. «Надо перенести еще и эту горькую обиду, — говорила Царица, — поступать так с Государем, сделать ему эту гадость, после того что он принес себя в жертву и отрекся, чтобы избежать гражданской войны, — как это низко, как это мелочно!»[2]

Керенский лично приезжает в Александровский дворец, чтобы арестовать самого близкого Царской семье человека — Анну Вырубову, в то время еще не вполне оправившуюся от болезни. Как сообщает в своей книге «Православный Царь-Муче-

---

[1] Клейнмихель М. Из потонувшего мира. Берлин, б. г. С. 202.

[2] Жильяр. П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921. С. 45.

ник» игумен Серафим, Керенский больную торопил, не дал самого короткого времени на сборы. Вырубова просила разрешения проститься с Государыней и детьми. Керенский долго не соглашался, но после слезной просьбы дал разрешение проститься в его присутствии. Когда это известие дошло до Государыни и детей, то они так горько заплакали, как никогда. Они всё переносили, но этот новый удар был для них особенно тяжел. С Государыней случилось дурно, но она, упавшая в обморок, скоро оправилась и встала. При прощании как Государыня, так и верная ее слуга Вырубова горько плакали. Картина этого последнего прощания была потрясающая. Кажется, смягчилось бы железное сердце, но грубое сердце временщика Керенского не смягчилось, но еще более ожесточилось, ибо он не ожидал такой преданности и взаимной любви хозяйки и слуги. При прощании говорили они очень немного на английском языке, прося друг у друга прощения и молитв, затем крепко неоднократно поцеловались, оградили друг друга крестным знамением; Вырубова, рыдая как дитя, пошла, а Государыня осталась на месте со слезами. Они чувствовали, что это их последнее свидание на земле.

Вырубову из дворца вывели под руки, посадили в автомобиль и отвезли в Петропавловскую крепость, назначив самый строгий режим в сыром каземате.

Государь просил оставить Вырубову при них в качестве служанки на правах арестованной, ибо вся семья к ней была привязана, ценя ее преданность, детскую простоту и искреннюю любовь, но просьба была отвергнута. Лишиться такого преданного человека для Царской семьи было большим ударом[1].

Попытки вырвать Царскую семью из рук масонов и революционных бандитов делались уже в первые дни после отречения. Предпринимались они родственником Царя английским королем Георгом. 8 марта английский король направляет Николаю II телеграмму: «События минувшей недели меня глубоко потрясли. Я непрестанно думаю о тебе. Остаюсь навеки твоим верным и преданным другом, каким, ты знаешь, всегда был. Георг»[2]. Телеграмма пришла в Могилев уже после отъезда Государя. Она не была передана ему.

По мере «углубления революции» члены Дома Романовых проявляют все большее беспокойство за судьбу Царя. Именно

---

[1] Серафим, игумен. Православный Царь-Мученик. Пекин, 1920.

[2] Русская летопись. 1925. № 7.

они, и прежде всего великий князь Михаил Александрович, ставят вопрос о выезде Николая II и его семьи из России в Англию. 21 марта они обращаются к английскому послу Бьюкенену с просьбой о помощи. Посол направляет телеграмму в Англию и вскоре получает ответ короля, в нем сообщается, что он «будет очень счастлив принять у себя своего кузена и его семью»[1].

Английское правительство готово принять русского Императора и его семью, но оно желает, чтобы инициатива по выезду Царя в Англию исходила от Временного правительства. Последнее же, открыто не возражая против отъезда Царя, закулисно делает все возможное, чтобы не допустить этого. Тем не менее Временное правительство как будто дает согласие на отъезд Царя, но обставляет его такими проволочками, которые делают невозможным спасение Царской семьи. «22 марта вопрос о разрешении императорской фамилии прибыть в Англию был обсужден в военном кабинете и было решено, что в интересах личной безопасности представляется первою необходимостью, чтобы Царь покинул Россию в возможно кратчайший срок. По соображениям политического свойства, и в особенности необходимости избегнуть риска враждебных интриг в случае пребывания в нейтральных странах, мы пришли к заключению, что лучшее решение было бы, чтобы Государь с Императрицею и семейством прибыл в Англию с условием не покидать ее до окончания войны без согласия великобританского правительства. Согласно этому, военный кабинет уполномочил статс-секретаря по иностранным делам послать телеграмму британскому послу в Петрограде»[2].

23 марта министр иностранных дел Англии Бальфур направляет послу Бьюкенену телеграмму: «Согласно вашему сообщению о желании русского правительства его величество и великобританское правительство с радостью приглашают Государя и Императрицу принять гостеприимство на время войны. Сообщая о сем русскому правительству, вы должны ему ясно дать понять, что на его ответственности лежит озаботиться, чтобы их величества были снабжены достаточными средствами для приличного существования»[3].

Было решено, что Император поедет по железной дороге на

---

[1] Возрождение. 4.4.1932.

[2] Коковцов В.Н. Трагедия Царской семьи. Доклад в Обществе ревнителей памяти императора Николая II // Возрождение. 22.1.1936.

[3] Коковцов В.Н. Указ. соч.

Мурманск, как только позволит здоровье Великих княжон. Временное правительство обещало полную сохранность в пути по России; дальше Императора должен был отвезти британский крейсер; предполагалось через посредство одной из нейтральных стран добиться обещания от Германии, чтобы крейсер не был атакован в пути. 24 марта Бьюкенен сообщает Бальфуру о переговорах с П.Н. Милюковым, министром иностранных дел Временного правительства: «Я вчера передал министру иностранных дел сущность вашего извещения и сегодня сообщил и подробности вашей телеграммы, прося его особенно отметить, что наше приглашение делается исключительно в ответ на указание его правительства. Он особенно озабочен тем, чтобы это обстоятельство не получило огласки, так как левое крыло может восстановить общественное мнение против выезда из России. Хотя он полон надежды, что правительству удастся справиться с оппозицией, оно еще не приняло окончательного решения, тем более что Царь не может воспользоваться им до выздоровления детей. По поводу указания относительно средств мне было сказано, что, по сведениям министерства иностранных дел, Царь имеет достаточные личные средства. Во всяком случае, финансовый вопрос будет улажен на широких основаниях. По вопросу о безопасности его величества нет повода для каких-либо опасений»[1].

После выздоровления царских дочерей Временное правительство придумывает новый повод, чтобы задержать Царя в России, якобы для его обязательного присутствия для разборки его документов. На самом деле, как я уже отмечал выше, Временное правительство планировало устроить суд и казнить Царя. 9 апреля Бьюкенен посылает телеграмму, передавая свой разговор с Керенским, который на его вопрос о положении интересующего вопроса ответил ему, что он на следующий день, то есть 28-го числа, лично отправляется в Царское Село, но, «по его мнению, Царь не в состоянии выехать в Англию в течение ближайшего месяца, пока не будет окончен разбор документов, взятых у Императора», и просит его, посла, не производить какого-либо давления с целью ускорить возможность отъезда. На это посол ответил ему, что не имеет такого намерения, но не может не настаивать на том, чтобы все возможное было сделано для его безопасности. Керенский не разрешил ему при этом, не-

---

[1] Коковцов В.Н. Указ. соч.

смотря на его настойчивую просьбу, переслать Императрице-матери несколько писем от ее сестры, королевы Александры, ссылаясь и тут на опасение недоразумений с крайними элементами[1].

Примерно 9 апреля что-то серьезно изменяется и в самой Англии. Лукавая политика Керенского, скорее всего, находит понимание среди английских масонов, представитель которых английский премьер Ллойд Джордж убеждает короля не давать убежища Царской семье. Некоторые подробности принятия этого решения сообщает дочь посла Бьюкенена в своей книге «Развал империи». 10 апреля ее отец вернулся домой сильно опечаленный. «У меня дурные вести из Англии, — сказал он. — Теперь там отказываются принять Императора. Мне пишут, что там находят предпочтительным отговорить императорскую семью приехать в Англию. Правительство опасается, как бы это не вызвало внутренних волнений. Идут какие-то революционные разговоры в Гайд-Парке, рабочая партия заявляет, что она заставит рабочих бросить работу, если Императору будет разрешен въезд. Мне предписано отменить соглашение с Временным правительством. Они перепуганы, вот в чем дело». В этот день имя Ллойд Джорджа не было названо, но впоследствии отец рассказал мне, что весь план был разрушен, потому что Ллойд Джордж сообщил королю, будто в стране крайне враждебно настроены по отношению к русской императорской семье. Он в то же время убедил короля, будто опасность для императорской семьи крайне преувеличивается и будто британское посольство в Петербурге излишне склонно прислушиваться к болтовне старых придворных»[2].

Какие-то переговоры о выезде Царя в Англию продолжались и после 10 апреля. Но носили они формальный характер. Сменивший на посту министра иностранных дел масона П.Н. Милюкова масон М.И. Терещенко утверждал в 1932 году, что в мае 1917 года он вел переговоры о выезде Государя и его семьи в Англию в полном согласии с Керенским и что они окончились отказом Англии в конце июня или в начале июля[3].

События весны—лета 1917 года показали, что ни Временное правительство России, ни английское правительство не были заинтересованы в спасении Царской семьи. Расходясь во

---

[1] Коковцов В.Н. Указ. соч.

[2] Возрождение. 4.6.1932.

[3] Последние новости. 21.6.1932.

многом, обе стороны были солидарны в своем отношении к Русскому Православному Царству, всеми силами желая его гибели. Решая судьбу русского Царя, они, конечно, не думали его спасать.

ГЛАВА 33

Вместо Крыма Тобольск. — Продолжение мучений Царской семьи. — Теснота. — Холод. — Масонская охрана.

Мучения Царской семьи продолжались. Все, и взрослые, и дети, нуждались в лечении и отдыхе. Детям, недавно перенесшим тяжелую болезнь, требовалось море, плохо себя чувствовали Царь и Царица. Семья обращается к Временному правительству с просьбой перевести их на жительство в Крым, в Ливадию. Керенский обещает сделать это, но в последний момент объявляет им, что их переводят не в Крым, а в сибирский город Тобольск. Вопрос об отправке Царской семьи в Сибирь был окончательно решен на совещаниях четырех министров-масонов: князя Г.Е. Львова, М.И. Терещенко, Н.В. Некрасова и А.Ф. Керенского. Остальные члены Временного правительства, по свидетельству Керенского, не знали «ни о сроке, ни о направлении»[1].

Как пишет в своих воспоминаниях княгиня О. Палей, Керенский сначала убедил Царскую семью в том, что они согласно собственному желанию поедут в Крым. Но он обманул их. «Каково же было изумление царской семьи, когда им посоветовали «взять как можно больше мехов и зимней обуви»! И только в день, назначенный для отъезда, им объявили, что Совет рабочих и солдатских депутатов избрал местом их пребывания город Тобольск в Сибири! Отчаяние семьи было безгранично. Все они обожали Крым и надеялись, что южное солнце и прекрасная природа заставят их если не забыть, то, по крайней мере, легче перенести их мучительные испытания».

Керенский назначил отъезд на час ночи с 31 июля на 1 августа. Царская семья собралась на молебен, который отслужил придворный священник. Напоследок Царь и его близкие поцеловали икону Пресвятой Девы, принесенную из Знаменской

---

[1] Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой (февраль 1917-го — 16 июля 1918). Новосибирск, 1999 (далее — Последние дневники). С. 63.

церкви. Одетые, они ожидали отъезда. Шли часы, а отправка не начиналась. Так продолжалось до шести часов утра, когда их посадили на машину и привезли к платформе. Но на самой платформе поезда не было. Он стоял далеко на путях. Минут десять Царская семья шла до своего вагона, утопая ногами в песке насыпи, спотыкаясь и падая. Особенно тяжело приходилось Царице, у которой было больное сердце. У вагона их ждало еще одно испытание. Как будто нарочно (конечно, нарочно) между ступенькой вагона и землей было большое расстояние. Поэтому Царской семье пришлось карабкаться, чтобы попасть в вагон. И опять тяжелей всего приходилось Царице. «После больших усилий, — пишет О. Палей, — бедная женщина взобралась и, бессильная, всей своей тяжестью упала на площадку вагона...»

В конце июля 1917 года тобольский губернский комиссар Пигнатти, бывший адвокат и хороший знакомый Керенского, получил секретное распоряжение Временного правительства «приготовиться к скорому приезду в Тобольск семьи Романовых». «Сногсшибательная новость» (по словам самого Пигнатти), хотя и сообщалась под строгим секретом, быстро облетела весь город.

Вскоре бывший губернаторский особняк (после Февральской революции получивший название «Дом Свободы»), с огромным садом, занимавшим целый квартал в центре города, стал освобождаться от занимавших его учреждений, а перед уличным фасадом стали строить высокий забор с будкой для часового.

Вот что пишет очевидец: «В один августовский вечер (6 августа. — *О. П.*) весь город с быстротой молнии облетела весть: Царя привезли! У одной из пристаней стоял небольшой однопалубный пароход со спущенными шторами на окнах кают. На пристань и пароход никого не пускали. Началась разгрузка парохода и перевозка разного рода имущества с пристани в губернаторский дом...»[1] (пароход, на котором привезли Царя, назывался «Русь»). А тем временем вокруг дома собралось много народа, толпы «шпалерами» растянулись по обе стороны Туляцкой улицы, на которую выходил фасадом губернаторский дом. Окончили выгрузку вещей, а Царская семья все не выходила, пароход вместе с ними отошел на другой, ненаселенный, берег реки. Оказалось, дом еще не готов к размещению Царской семьи. Тогда губернский комиссар Пигнатти милостиво разре-

---

[1] Фонды Тобольского краеведческого музея (далее — ФТКМ).

шает узникам совершить несколько поездок по реке. Одна из этих поездок была в Абалакский монастырь для поклонения чудотворной иконе. Это было последнее богомолье Царя. Только через неделю Царская семья могла разместиться в предназначенном им помещении.

Вот что пишет об этом сам Царь в своем дневнике за 13 августа: «Осмотрели весь дом снизу до чердаков. Заняли второй этаж, столовая внизу. В 12 час. был отслужен молебен, и священник окропил все комнаты св. водой. Завтракали и обедали с нашими. Пошли осматривать дом, в котором помещается свита. Многие комнаты еще не отделаны и имеют непривлекательный вид. Затем пошли в так называемый садик, скверный огород, осмотрели кухню и караульное помещение. Все имеют старый заброшенный вид. Разложил свои вещи в кабинете и в уборной, которая наполовину моя, наполовину Алексея». Поначалу условия жизни казались сносными. В октябре 1917 года Великая Княжна Татьяна писала из Тобольска: «Дом небольшой, но уютный. Есть балкон, на котором много сидим. Погода тут почти каждый день чудная, очень тепло, но листья сильно падают. На воздухе бываем много. Есть у нас здесь крошечный садик за кухней, с огородом посредине. Обойти все это можно (не преувеличивая) в три минуты. Потом нам огородили часть улицы перед домом, где мы гуляем, т. е. ходим взад и вперед — 120 шагов длины. Улицы все здесь покрыты деревянными досками и во многих местах большие ямы, но ездят все благополучно. Наши окна выходят на улицу, так что единственное развлечение — смотреть на гуляющих. Три раза мы были в церкви — такое было утешение и радость! По субботам и остальные разы у нас была всенощная и обедни. Конечно, и это хорошо, но всетаки не может заменить нам церковь... Время проходит быстро и однообразно. Работаем, читаем, играем на рояле, гуляем, уроки есть».

Постепенно Царская семья убеждается, насколько не приспособлен к нормальной жизни дом, в котором ее разместили: в нем отсутствовала настоящая канализация, а зимой было ужасно холодно, так что приходилось постоянно кутаться, надевая на себя все теплые вещи. В некоторых комнатах невозможно было даже писать без перчаток. Кроме того, дом был рассчитан на размещение 10—15 человек, а в нем жило вместе с Царской семьей свыше сорока (!).

Возле дома, где поселили Царскую семью, постоянно дежурила масса людей. Как вспоминает очевидец тех дней, «люди

часами простаивали или просиживали у городского сквера и домовых палисадников, чтобы дождаться появления на балконе кого-либо из членов Романовской семьи»[1].

Вместе с Царской семьей в ссылку добровольно приехали близкие им люди: графиня Анастасия Гендрикова, князь Василий Долгоруков, граф Илья Татищев, Екатерина Шнейдер, доктора Евгений Боткин и Владимир Деревенко, учителя царских детей — швейцарский подданный Пьер Жильяр и англичанин С. Гиббс. Кроме того, с Царем приехало 40 человек прислуги, которых он содержал за свой счет[2].

С собой в ссылку Царская семья взяла часть своей библиотеки, которая позволяла ей коротать время. Царь выписывал несколько русских газет, а также ряд английских и французских изданий.

Главным утешением семьи были церковные службы, которые устраивались в самом большом зале, где установили особый иконостас. Приходили священник Благовещенской церкви, располагавшейся неподалеку (позднее снесена большевиками) и несколько монашенок из Ивановского монастыря. «В зале собиралась свита, располагаясь по рангам в определенном порядке, сбоку выстраивались служащие, тоже по рангам. Когда бывший Царь с семьей выходил из боковой двери, то и они всегда располагались в одном и том же порядке: справа Николай II, рядом Александра Федоровна, затем Алексей и далее княжны. Все присутствующие встречали их поясным поклоном. Священник и монашенки тоже. Вокруг аналоя зажигались свечи...»[3]

После приезда в Тобольск были возобновлены учебные занятия царских детей. Они продолжались с перерывами почти целый день. Во время перерывов совершались прогулки рядом с домиком и в садике, дети играли, качались на качелях, а Царь нередко занимался, и не без удовольствия, заготовкой дров или уборкой снега. По сути дела, все дрова для кухни Царская семья заготавливала сама. Царица во время прогулок любила посещать птичий двор, где кормила кур и уток.

Все сношения с внешним миром для Царя были запрещены. Впоследствии большевики утверждали, что в контакт с Царем вступил епископ Гермоген, якобы у него были обнаружены письма от матери Государя с мольбой освободить его. Однако

---

[1] ФТКМ.

[2] Жильяр П. Указ. соч.

[3] Панкратов В.С. С Царем в Тобольске. М., 1990. С. 18.

никаких документальных свидетельств этого не сохранилось, да и вряд ли это можно было сделать при строжайшей охране.

Царскую семью охраняло более 330 солдат с 7 офицерами, отобранными из трех гвардейских полков. Многие из них боевые гвардейцы, имевшие Георгиевские кресты[1]. Возглавлял охрану полковник Евгений Степанович Кобылинский, тоже гвардейский офицер, тяжело раненный в войну. Солдаты отряда Кобылинского были достаточно дисциплинированными и выглядели опрятными.

Комиссаром Временного правительства по охране Царя был назначен старый революционер (просидел в Шлиссельбурге 14 лет за убийство, участник боевых отрядов 1905 года), соратник Керенского по масонским ложам Василий Семенович Панкратов. Последний факт, по-видимому, и объясняет назначение Панкратова на этот пост. Кстати говоря, перевозкой Царской семьи от Петрограда до Тобольска руководили тоже масоны, ближайшие соратники Керенского — В.М. Вершинин и П.М. Макаров. Все сношения с внешним миром были запрещены. Переписка осуществлялась через коменданта. Многих близких людей, которые приезжали к Царской семье в Тобольск, не допускали. Тем не менее Царице удалось договориться через одну из своих комнатных девушек передавать письма и посылки на волю, минуя коменданта. Таким образом ей удалось установить переписку со своими ближайшими друзьями, и прежде всего с Анной Вырубовой и Юлией Ден. Именно из этой переписки мы можем узнать, о чем думали Царь и Царица в заточении. Они меньше всего думали о себе и своей личной судьбе, а больше всего — о Родине, о той страшной катастрофе, которая с ней произошла. Великая православная держава рассыпалась на глазах. «Лучшее время для меня ночь, — писал сестре Царь, — когда я могу хоть на время забыться». Царь и Царица считали, что все это Божья кара за убийство святого старца Григория Распутина (они до конца дней своих глубоко почитали его). Царская чета верила в здравый смысл русского народа, надеялась, что скоро Бог смилуется над Россией, наступит отрезвление и тогда все поймут обманный смысл большевистских властителей.

«Многие уже сознаются, — писала Царица, — что все было утопия, химера... Их идеалы рухнули, покрыты грязью и позором, ни одной хорошей вещи не сделали для Родины — свобо-

---

[1] П а н к р а т о в В.С. С Царем в Тобольске. М., 1990. С. 16.

да — разруха — анархия полная, вот до чего дошли, жаль мне даже этих идеалистов (когда они добрые), но поблагодарю Бога, когда у них глаза откроются. Лишь о себе думали, Родину забыли, — все слова и шум. Но проснутся многие, ложь откроется, вся фальшь, а весь народ не испорчен, заблудились, соблазнились».

Царь и Царица могли получить свободу из рук германского императора, но категорически отвергли эту возможность как унизительную, считали Брестский мир предательством национальных интересов России. Они были готовы скорее погибнуть, чем получить свободу такой ценой. Хотя Царская чета знала, что ей не уйти живой из рук своих тюремщиков, где-то в глубине души она надеялась, что в Великой России найдется горстка русских людей и освободит их из рук безбожной власти.

ГЛАВА 34

Попытки освобождения Царской семьи. — Создание тайной монархической организации. — Планы спасения. — Через Финляндию. — По Оби. — Противодействие масонов.

Еще в конце июня 1917 года группа оставшихся верными Государю монархистов сумела найти надежного человека и передать через него Царю коробку папирос со свернутой под табак запиской. Монархисты спрашивали Царя, разрешает ли он начинать дело восстановления Империи, Русского Православного Царства. Если разрешает, пусть благословит дело св. иконою. В ответ была прислана икона св. Николая Чудотворца с инициалами Государя и Государыни. Вопрос о спасении из-под ареста тогда не ставился. Монархистам в то время дано было знать, что Государь на это не пойдет. Вероятнее всего, тогда Царь еще не терял надежды на выезд вместе с семьей в Англию.

Монархисты пытаются создать организацию и провести тайную мобилизацию всех сочувствующих восстановлению Монархии и верных присяге русских людей. Организация строилась на конспиративной системе троек, где каждый член знал только трех человек, а те, в свою очередь, знали только трех членов организации. Вся работа была направлена к тому, чтобы создать мощный аппарат, который может совершить в Петрограде переворот, освободив Государя и восстановив его на пра-

родительском Престоле, а в случае Его отказа возвести на трон Наследника[1].

Организация эта в полном объеме так и не сумела развернуться. Вероятно, сказался неудачный выбор руководителя, которым стал Н.Е. Марков (Марков-Второй), блестящий трибун и публицист, но слабый организатор. Тем не менее удалось создать несколько групп офицеров, сформировать в Москве, Петрограде, Киеве и некоторых других городах ряд слабо связанных друг с другом и мало активных монархических центров. Уже летом 1917 года монархическая организация вынашивает различные, в основном фантастические планы спасения Царской семьи. По одному из планов, предложенному восемнадцатилетним корнетом С. Марковым, Царскую семью предполагалось выкрасть из Александровского дворца вооруженным путем и, переодетыми, скрыть сначала в Финляндии, а потом переправить в Швецию.

С. Марков сумел найти поддержку 12 надежных офицеров и нескольких солдат, готовых по первому зову принять участие в освобождении Царской семьи. Вот как он сам излагал свой план Н.Е. Маркову-Второму:

«В Петрограде создается офицерская группа человек в 30 из людей, готовых в любую минуту пожертвовать своей жизнью ради Их Величеств, и в эту группу можно влить и моих офицеров. Попутно детально выясняется система охраны Царской Семьи. Группа снабжается штатским платьем, совершенно безупречными документами, а семь человек из наиболее способных, кроме того, с соответствующими документами на каждого члена Импер [аторской] Семьи в отдельности. Каждому члену группы, кроме хорошего автоматического ружья, выдаются тринитротолуоловые, т. н. толовые патроны, которые легко спрятать на себе. Таким образом, группа будет иметь при себе 120 фунтов, или три пуда, взрывчатого вещества огромной силы... Заранее, в конспиративной типографии печатаются несколько сотен прокламаций самого крайнего анархического большевистского содержания, содержащих в себе смертный приговор всей Импер [аторской] Семье, подписанный от имени боевой группы анархистов-террористов, и на дворец производится в выбранную ночь налет. Остается выяснить, как наиболее удачно произвести его. Мне кажется, что можно привлечь на свою сторону, в помощь нападающим извне, дворцовую прислугу,

---

[1] Марков С. Покинутая Царская семья. Вена, 1928. С. 161.

которая осталась безусловно верной Их Величествам и которым подлежит предупредить Их Величества в точности о ночи, в которую предполагается Их освободить. Что же касается снятия наружных часовых, то это не представляет особой трудности. Их можно бесшумно снять при помощи сильно бьющих духовых ружей, стреляющих стальными стрелками, которые предварительно нужно смазать каким-либо сильно действующим ядом, убивающим человека на месте. После снятия часовых группа врывается во дворец. Думать о переодевании Их Величеств не приходится, так как Государь в своем гардеробе имеет много штатского платья. Единственное, что Его Величество должен сделать, это сбрить свою бороду, и тогда можно быть уверенным, что Его никто не узнает. Их Величества и Их Высочества немедленно выводятся из дворца, а в зеленой гостиной, под роялью, сваливается все наличное взрывчатое вещество и зажигается трехминутный фитиль. На боковых улицах в различных местах предварительно располагаются несколько автомобилей с верными шоферами.

Я полагаю, что от взрыва рухнет не только первый подъезд дворца... Можно себе представить, какой переполох произведет он в патриархальном Царском Селе, и маловероятно, что при существующем порядке могла бы быть быстро организована погоня за беглецами, тем более что будут найдены разбросанные вокруг дворца прокламации вышеупомянутого мной содержания. Ведь убийство Царской Семьи террористической группой будет звучать весьма правдоподобно, а за это время беглецы будут запрятаны в полной безопасности в различных заранее приготовленных местах. Я не настаиваю на том, чтобы Их Величества были обязательно вывезены в Финляндию, а потом в Швецию, если это будет противно Их желанию. После побега будет легко, но, конечно, не совместно, укрыть Их где-нибудь в глуши северной России, где Их ни одна ищейка не найдет и где Они смогут спокойно выжидать развития событий. Само собой понятно, что это предприятие сопряжено с большим риском, но все же я думаю, что при хорошей подготовке оно может иметь девяносто шансов из ста на успех»[1].

План этот не был осуществлен. Н.Е. Марков отверг его, посчитав фантастическим и рискованным в смысле безопасности Царской семьи. «Этот вопрос, — заявил Н.Е. Марков, — нужно решать иначе». Однако вскоре все варианты освобождения Цар-

---

[1] Марков С. Указ. соч. С. 163—164.

ской семьи из-под ареста в Александровском дворце отпали сами собой, так как Царская семья была переведена в Тобольск.

Осень 1917-го — зима 1918-го были самым благоприятным временем для спасения Царской семьи. Власть большевиков была еще очень слаба. Формально над Царской семьей надзирал комиссар несуществующего Временного правительства Панкратов. Охрана к январю 1918 года расслабилась, жалованье поступало нерегулярно, ухудшилось питание солдат, многие выражали недовольство. В этих условиях небольшой отряд офицеров мог легко, без особого кровопролития освободить Царскую семью и увезти ее в Сибирь навстречу стремительно развивавшемуся Белому движению. Почему это не удалось осуществить? Только сегодня мы можем ответить на этот вопрос определенно, с документами в руках.

Оказывается, организация спасения Царской семьи была под тайным контролем масонских конспираторов, которые делали все возможное, чтобы его предотвратить. Контроль осуществлялся по двум направлениям. Во-первых, путем внедрения в окружение ближайшей подруги Царицы Вырубовой масонского агента И.И. Манухина, известного врача, на квартире которого, кстати, в июле 1917 года скрывался Ленин. Манухин был назначен врачом к Вырубовой, которая в то время сидела в Петропавловской крепости. Манухин своим ласковым обхождением вкрался в доверие к Вырубовой. И когда ее освободили (скорее всего, специально), продолжил отношения с ней (это видно из писем Царицы). А через Вырубову шла большая информация от Царской семьи. Конечно, она говорила Манухину не все, но ему, по-видимому, было ясно, что готовится спасение Царя.

Во-вторых, контроль осуществлялся через масонов К.К. Ярошинского и Б.Н. Соловьева. Ярошинский — крупный банкир, известный Царице своими пожертвованиями на военные госпитали, Соловьев был при нем вроде секретаря, но Царской семье он больше известен как муж дочери Григория Распутина Матрены. В январе 1918 года Соловьев прибыл в Тобольск с крупной суммой денег от Ярошинского и был тайно принят Царицей, вселив в нее надежду, что избавление близко. Посетил Соловьев и епископа Гермогена, с которым обсуждал возможности спасения Царской семьи. Однако, вместо того чтобы сделать реальные шаги к спасению, Соловьев, взяв все в свои руки, запрещает офицерским отрядам предпринимать какие-

либо действия без его ведома. Офицеры послушно ждут, полагая, что так надо для дела.

Первым в сети Соловьева попал офицер Н.Я. Седов, известный Царской семье и направленный к ней для установления связи. Седов не подавал вестей всю зиму, так что его сочли погибшим. Позднее выяснилось, что виновником его пропажи был Соловьев. Он сумел убедить Седова, что дело спасения Царской семьи налажено, что все с согласия Государя подготовлено и что всякое постороннее вмешательство только повредит успеху.

В марте из Москвы в Тобольск прибыл В.Н. Штейн. Он привез Царской семье 250 тыс. руб. от московской монархической организации[1]. Его миссия также стала известна Соловьеву. Под контроль Соловьева попал и еще один офицер, присланный в Тобольск для связи с Царской семьей. Как впоследствии писал член тайной монархической организации: «Выбор людей для связи у нас был ограничен: помимо особых качеств и личной преданности надо было выбирать из числа людей, лично известных и пользующихся доверием царственных узников. Среди лиц, окружающих их, было очень мало тех, кто бывал при Дворе или во Дворце, другие же изменили или отвернулись от царской семьи. В течение зимы подготовлялся план освобождения. Нашелся и верный шкипер дальнего плавания, который брался войти со своей шхуной в начале лета в устье Оби и в условленном месте ожидать прибытия беглецов. Разработан был план прекращения во время бегства телеграфной связи вдоль Оби и морского побережья. Постепенно к местам действия стягивались группы офицеров из Сибири и с Урала. В Петрограде была образована офицерская группа генерала З., которая должна была явиться на месте ядром спасательного отряда. Провокаторская деятельность Соловьева, неудачи в деле налаживания связи, а главное, недостаточность необходимых денежных средств привели к тому, что несколько месяцев были потрачены бесполезно, и к весне 1918 года подготовка операции была далеко не закончена. В это время пришла условная телеграмма из Тобольска о внезапном вывозе Государя, Государыни и одной

---

[1] Часть этих денег, вероятно, дал бывший царский министр земледелия А. Кривошеий. В воспоминаниях А. Столыпина есть эпизод, как в дом его родственника Штейна, собиравшегося в Сибирь, ночью пришел Кривошеий, передал ему деньги со словами: «Бога ради, спасите их!»

из великих княжон и о предстоящем увозе остальных членов семьи.

Пришлось действовать ускоренно. Группа ген. З., составом в восемнадцать человек, была отправлена одиночным порядком по разным маршрутам к Екатеринбургу. Все офицеры выехали с чужими паспортами под вымышленными именами. Но и эти срочные отправки задержались из-за недостатка в деньгах»[1].

Как выяснилось позднее, все эти группы ничего не сумели сделать. Одна из этих групп, в которую входил П.Н. Шабельский-Борк, оказалась в Екатеринбурге через день после убийства Царской семьи[2].

В Екатеринбурге небольшая тайная организация монархистов сложилась в Академии Генерального штаба. Ее возглавлял гвардейский капитан Д.А. Малиновский. Первоначально в организацию входило 5 офицеров, обучавшихся в Академии, а впоследствии число ее членов возросло до 12 человек. Задача, которая была поставлена генералом Шульгиным, — сбор информации и подготовка «увоза» семьи. С кем-то из охраны дома Ипатьева был налажен контакт, информация поступала и переправлялась в Петроград; однако никаких конкретных указаний и денег группа не получала.

Впоследствии Малиновский рассказывал следователю Соколову:

«Что же можно было сделать без денег? Стали мы делать, что могли. Уделяли из своих порций сахар... Кулич испекла моя прислуга из хорошей муки, которую удалось достать... Все эти вещи дошли до назначения... Так ничего и не вышло с нашими планами, за отсутствием денег, и помощь Августейшей семье, кроме посылки кулича и сахара, ни в чем ином не выразилась»[3]. И это рассуждает русский офицер, человек, имевший оружие и умевший с ним обращаться! За два дня до освобождения города белыми Малиновский вместе со своей группой и еще 25 офицерами уходит из города и возвращается, когда он был взят чехами. 38 вооруженных офицеров — достаточная сила, чтобы попытаться освободить Царскую семью, тем более в охране дома Ипатьева был свой человек. Но эта попытка не была сделана. У

---

[1] Петров П.П. Три попытки спасения Царской семьи // Русская жизнь (США). 17.7.1943.

[2] Владимирский вестник (Сан-Пауло, Бразилия). № 15. Сентябрь. 1952.

[3] Гибель Царской семьи. С. 369.

Царской семьи не нашлось достойных их спасителей. Офицеры из группы Малиновского вернулись в город вместе с белочехами и сразу же пошли в дом Ипатьева, где бродили по комнатам и подбирали разные мелкие вещички на сувениры.

Совершенно прав один зарубежный историк, писавший, что «в аналогичной ситуации красные заслали бы агентов для удара изнутри по тюрьме; иначе продумали бы план наступления, предварительно перерезав коммуникации отступления противника на Москву и Пермь; в случае убийства Ленина не бродили бы по месту преступления в поисках памятных о таком событии вещиц. Вышесказанное помогает понять некоторые причины победы красных, а не белых в гражданской войне»[1]. Вожди Белого движения, и Колчак в частности, не ставили своей задачей освобождение Царя и тем самым лишали себя самого главного аргумента в борьбе за Россию. Республиканский, космополитический подход Колчака к судьбе Царя губил не только Государя и его семью, но и обрекал на поражение Белое движение. Жалкий конец адмирала Колчака — яркий пример этому.

ГЛАВА 35

Царская семья переходит под охрану большевиков. — Ухудшение положения. — Предложение заточить Царя в тюрьму. — Новые попытки цареубийства. — Перевод из Тобольска в Екатеринбург.

В феврале 1918 года масон Панкратов заменяется двадцатитрехлетним большевиком Дуцманом из Латвии. В фондах Тобольского музея хранится его автобиография, где он пишет: «Я был назначен от Запсибсовета комиссаром по охране б. Царя и прибыл в Тобольск 26 февраля, а вскоре вслед за мной туда прибыл из Омска отряд красногвардейцев под командой Демьянова»[2]. Вместе с ним начинается большевистская страница тобольского заточения Царской семьи, главным содержанием которой стала подготовка к ее убийству.

Приход большевиков резко изменил всю атмосферу: в разных местах появились неприличные надписи, то тут, то там разносились разухабистые песни, пьяные выкрики. Вокруг дома

---

[1] Хейфец. Цареубийство в 1918. С. 55—56.

[2] ФТКМ.

ходили обвешанные с ног до головы оружием небритые личности бандитского вида, пошли случаи воровства.

Охрана была усилена, а все приближенные и прислуга Царя были переведены на положение арестантов. Один из большевистских вожаков, С.С. Заславский, требует перевести Царскую семью в тюрьму, и только нежелание солдат охраны нести службу в условиях тюрьмы позволяет отклонить это предложение.

Подготовка убийства Царя уральскими боевиками, руководимыми из Москвы, осуществляется в несколько этапов. Ключевую роль в ней играли боевики 1905—1907 годов. Боевики были «вооружены» предписанием Уральского облисполкома: не допустить побега или освобождения Николая II и, если понадобится, — расстрелять его на месте. Это положение легло в основу их дальнейших действий. В связи с этим особо ценно признание председателя Уральского облисполкома А. Белобородова: «...Необходимо остановиться на одном чрезвычайно важном обстоятельстве в линии поведения облсовета. Мы считали, что, пожалуй, нет даже надобности доставлять Николая в Екатеринбург, что, если предоставятся благоприятные условия... он должен быть расстрелян...»[1]

Однако совершить преступление боевикам мешает все та же охрана под командованием полковника Кобылинского, состоящая в основном из георгиевских кавалеров. Несколько раз она останавливает попытку террористов убить Царскую семью. Большевики делают все, чтобы заменить эту охрану на своих людей. Им удается создать в царской охране большевистскую ячейку, представитель которой Лупин едет в Москву и 1 апреля выступает на заседании Президиума ВЦИК. «Слушали: Сообщение об охране бывшего царя... Постановлено: 1) Просить отряд продолжать нести охрану впредь до присылки подкрепления... 2)...В случае возможности немедленно перевести всех арестованных в Москву». Через несколько дней, 6 апреля, Президиум ВЦИК дает указание: «В дополнение к ранее принятому постановлению поручить т. Свердлову снестись по прямому проводу с Екатеринбургом и Омском о назначении подкрепления отряду, охраняющему Николая Романова, и о переводе всех арестованных на Урал...»[2]

---

[1] Цит. по: Хрусталев В. Тайна «миссии» чрезвычайного комиссара Яковлева // Россияне. 1993. № 10—12. Это признание Белобородов сделал в своих воспоминаниях 1923 года.

[2] ГАРФ, ф. 1235, оп. 36, д. 6, л. 6.

Чтобы захватить Царя, уральские большевики проводят тайную операцию, решающую роль в которой играют отряды красногвардейцев из Екатеринбурга и Омска. Во главе операции стоят все те же Ленин и Свердлов. Конечно, большевистские лидеры могут с легкостью отдать открытый приказ об убийстве, но сложившаяся обстановка в стране, мирный договор с Германией делают их очень осторожными. Они ни в коем случае не хотят, чтобы инициатива убийства (которое ими уже было предопределено) связывалась с центральной властью. Поэтому они и устраивают настоящий маскарад с переодеваниями.

В марте Уральский комитет большевиков создает специальную тайную («чрезвычайную») тройку по подготовке и осуществлению перевода Царской семьи из Тобольска. В нее входят заместитель председателя Уралоблсовета Дидковский, комиссар по снабжению Войков и комиссар по юстиции Голощекин, поддерживающий постоянный контакт со Свердловым. Конкретное выполнение операции возлагается на группу чекистов во главе с 24-летним Павлом Хохряковым, бывшим матросом и комиссаром Петроградского ВРК[1].

Хохряков прибывает на Урал по личной рекомендации Свердлова в качестве представителя Военной комиссии ЦК РСДРП (б) во главе отряда военных моряков. В помощь матросу для выполнения операции командируются два бывших уголовника, отличавшихся, как и П.Д. Хохряков, беспредельной жестокостью: А.Д. Авдеев и С.С. Заславский.

Люди Хохрякова тайно проникают в Тобольск и легализуются там по поддельным документам. Сам Хохряков попадает в Тобольск под видом жениха одной тобольчанки Т. Наумовой и как бы становится постоянным жителем города[2].

Путем различных незаконных махинаций, проводимых под руководством лидера местной большевистской фракции Исаака Яковлевича Коганицкого[3], новый местный совет более чем наполовину становится большевистским, а главой исполкома «избирается» новоиспеченный житель Тобольска (жил здесь всего месяц) чекист Хохряков.

---

[1] А в д е е в А.Д. Николай Романов в Тобольске и в Екатеринбурге // Красная Новь. 1928. № 5.

[2] Убийство Царской семьи Романовых. Свердловск, 1991. С. 21.

[3] По другим данным, Коганицкий был лишь активным членом большевистской фракции, а ее возглавляла его жена Г.А. Козлова.

Председателем Совета ставится некто Дислер, председателем Губчека — тобольский переплетчик Коганицкий, начальником Красной гвардии — семинарист Пермитин, председателем Губревтрибунала — недоучившийся гимназист Дегтярев. За всеми манипуляциями в Тобольске зорко наблюдает Москва. Она-то лучше всех знает, для чего все делается.

А тем временем в Екатеринбурге изыскивают способы, как лучше убить Царя. Комиссар здравоохранения Н.А. Сакович, участвовавший в заседаниях Уралсовета, дал показания, что еще в апреле 1918 года «был возбужден вопрос... чтобы устроить при переезде бывшего Царя покушение. Вопрос этот даже баллотировался, было решено перевезти бывшего Царя в Екатеринбург. Помню, случайно узнал, что... центром большевистской власти было ясно сказано, что за целость б. Государя екатеринбургские комиссары отвечают головой».

Став «городским головой», Хохряков переходит к непосредственному исполнению операции — перевозке Царя на Урал, но натыкается на сопротивление отрядов, его охранявших, — как отряда специального назначения полковника Кобылинского, так и отряда, присланного из Омска Запсибсоветом. Расхождения с Запсибсоветом у Хохрякова возникли, по-видимому, на почве борьбы за власть. Дело в том, что Тобольск находился на территории, подвластной Омскому Запсибсовету. Полковник Кобылинский не пускает большевиков к Царю потому, что осведомлен об их намерениях убить его. Как развивались отношения между охраной Царя и большевиками, позволяют судить воспоминания одного из офицеров охраны отряда полковника Кобылинского[1]. Вот что он пишет:

«В марте по Тобольску распространились слухи о прибытии из Тюмени и Омска отрядов Красной гвардии... Прибытие этих отрядов было вызвано слухами о недостаточно бдительном надзоре за бывшим Царем и его семейством не на радость отряда, охранявшего бывшего Царя, которому приписывались контрреволюционные намерения... После шумных разговоров на общих собраниях отряда восторжествовало такое мнение: в дело красноармейцев не вмешиваться, но и не давать вмешиваться им в дело охраны бывшего Царя и его семьи. Даже большевистски настроенные стрелки соглашались с такой постановкой вопроса. Наконец в один из последних дней марта в Тобольск прибы-

---

[1] ФТКМ.

ли из Омска красногвардейцы на 36 подводах, и на двух подводах заметны были 2 пулемета.

...Через несколько дней Демьянов (командир красногвардейцев. — *О. П.*) просил собрать общее собрание... Около 12 часов приехал Демьянов со своим помощником Перминовым, председателем революционного трибунала Дегтяревым и председателем следственной комиссии Мекке...

Демьянов, пресловутый начальник омской Красной гвардии, по происхождению тоболяк, воспитанник здешней духовной семинарии, был призван на военную службу и, как обладающий образовательным цензом, достиг офицерского звания. На войне не был, хотя утверждает в разговоре, что участвовал в боях и имеет боевое отличие. Блондин с элегантно зачесанными назад волосами, наглое выражение глаз, окаймленных большими ресницами, носит папаху по-казацки, на тоненьком ремешке кавказская шашка, богато украшенная серебром, и неизменная принадлежность всех большевиков — револьвер в кобуре, с которым они никогда не расстаются. Видно, что рисуется ролью вершителя судеб Тобольска. В разговоре сплошное хвастовство, только и слышно, как он ликвидировал контрреволюцию то в одном, то в другом городе, с языка его не сходит «расстрел в два счета». Одет славно, представляет самодовольного наглеца, упоенного властью. Подобострастно встречен председателем отряда Матвеевым[1], прапорщиком из солдат, малограмотным человеком, произведенным в чин большевиками за заслуги перед революцией.

Демьянов в сопровождении своих помощников прошел сквозь расступившуюся толпу стрелков к председательскому месту, где он со своими сообщниками и уселся, приняв позу атаманов, какими они изображаются на картинах Репина. Председатель комитета Матвеев, пролепетав бессвязное приветствие красногвардейцам, предложил собранию выслушать Демьянова. Театральным жестом откинув назад голову, Демьянов встал и начал говорить, видна была привычка произносить речи перед толпой».

Демьянов вместе со своей свитой направляется в дом Корнилова, где помещается канцелярия отряда, и требует посмот-

---

[1] Матвеев П.М., прапорщик Сводной роты 2-го полка Отряда особого назначения по охране Царской семьи в Тобольске, оставил воспоминания об этих событиях, которые хранятся в бывшем партийном архиве Екатеринбурга (СПА, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 149, д. 452).

реть Царскую семью, проверяет посты. Но к Царской семье его не допускают. «После осмотра постов Демьянов, — пишет офицер охраны, — нас оставил в покое, занявшись углублением в городе большевистской власти, вербовкой членов компартии, митингами и т.п.

В начале апреля неожиданно для Демьянова прибыл екатеринбургский отряд красногвардейцев численностью 150 человек. Вместе с этим отрядом прибыли главари Совдепа Хохряков и Заславский. Между Демьяновым и Заславским произошли крупные недоразумения, ходили слухи о переговорах по прямому проводу Демьянова с Омском и Заславского с Екатеринбургом. Говорили, что между Омском и Екатеринбургом происходят какие-то трения по вопросу о судьбе семьи бывшего Царя. Даже охрана Царя не знала характера этих переговоров, и о положении дел узнавали из намеков Дуцмана.

9—10-го происходит странная история. Демьянов, явившись в отрядный комитет, потребовал, чтобы его допустили в губернаторский дом. Он утверждал, что заключенным угрожает опасность, чтобы они не подходили к окнам, выходящим на улицу. Он таинственно предупреждает отряд о возможных выступлениях ночью и попытках взорвать губернаторский дом. Хотя он говорил неопределенно, но можно было понять, что он намекает на екатеринбургский отряд с Заславским во главе, настоящим начальником которого был Хохряков. Была объявлена тревога, всем розданы винтовки и патроны, усилены посты и дозоры, приготовлены пулеметы. Одной из отрядных рот было решено на ночь не раздеваться. Но ночь прошла спокойно, и осталось невыясненным, имели ли основание предположения Демьянова или все затеянное им было глупой мистификацией».

Вскоре Демьянов был отозван в Омск, а омский отряд возглавил его помощник Перминов. На своих местах остались Дуцман, латыши и екатеринбургский отряд. Своими прямолинейными действиями Хохряков вызывает острый конфликт. Отряд полковника Кобылинского и отряд омичей объединяются против Хохрякова, и последнему ничего не остается как просить помощи из Москвы.

Такой помощью становится миссия боевика Яковлева, появившегося в Тобольске с мандатом за подписью Ленина и Свердлова. В галерее убийц Царской семьи Константин Алексеевич Яковлев (настоящая фамилия Мячин) занимает особое место. Он готов был лично убить Царя. О нем можно было бы написать не одну книгу — авантюрист и искатель приключений

по призванию, он бурно прожил жизнь, закономерно закончив ее от пули. Я уже рассказывал, какие кровавые «подвиги» он совершал, будучи одним из руководителей уральских бандгрупп боевиков. В 1908 году ездил в Швейцарию на совещания боевиков. В 1909-м, после очередного грабежа, скрывается на Капри (Италия) у Горького. В 1917-м он — один из организаторов Всероссийской Чека, член ее коллегии и даже был избран первым товарищем председателя Чека. В начале 1918-го — один из руководителей акции по разгону Учредительного собрания, а также ответственный (по поручению Ленина) за выключение всей телефонной сети Москвы в день разгрома Учредительного собрания (обо всем этом он сообщает в своих автобиографических записках).

В своих воспоминаниях Яковлев рассказывает, как однажды его вызвал Свердлов и как старому боевику задал шутливый вопрос: «Много, мол, народу перестрелял?» Таковы были у них шутки, и когда они вволю посмеялись, то Свердлов сказал, что хочет, мол, поручить ему задание государственной важности. И, уловив в глазах Яковлева нетерпеливый блеск авантюриста, почувствовав азарт, сказал: «Ты заветы уральских боевиков не забыл еще? Говорить должно не то, что можно, а то, что нужно...»

Свердлов поручает Яковлеву перевезти Царя из Тобольска по маршруту, который будет сообщен дополнительно. «Совет Народных Комиссаров, — заявил Свердлов Яковлеву, — постановил вывезти Романовых из Тобольска пока на Урал... Мандат получишь за подписью председателя Совнаркома т. Ленина и моей, с правами [вплоть] до расстрела, кто не исполнит твоих распоряжений»[1].

«Чтобы окончательно убедиться в правильности понятых мной инструкций, — пишет Яковлев, — я переспросил [Свердлова]: «груз» должен быть доставлен живым (т. е. Яковлев спрашивал, не следует ли Царя убить по дороге. — *О. П.*)? Тов. Свердлов взял мою руку, крепко пожал ее и резко отчеканил: «Живым. Надеюсь, выполнишь инструкции в точности. Все нужные телеграммы отправлены. Действуй конспиративно»[2].

Кроме мандата за подписью Ленина и Свердлова, Яковлев получил от Свердлова письмо для Уральского облисполкома,

---

[1] Яковлев В. Последний рейс Романовых // Урал. 1988. № 7. С. 151.

[2] Убийство Царской семьи Романовых... С. 48—51.

подписанное 9 апреля. «Дорогие товарищи! — писал Свердлов. — Сегодня по прямому проводу предупреждаю Вас о поездке к Вам ходатая т. Яковлева. Мы поручили ему перевезти Николая на Урал. Наше мнение: пока поселите в Екатеринбурге. Решите сами, устроить ли его в тюрьме или же приспособить какой-либо особняк. Без нашего прямого указания из Екатеринбурга никуда не увозите. Задача Яковлева — доставить Николая в Екатеринбург живым и сдать или председателю Белобородову, или Голощекину. Яковлеву даны самые точные подробные инструкции. Все, что необходимо, сделайте. Сговоритесь о деталях с Яковлевым. С товарищеским приветом Я. Свердлов».

Яковлев получает 5 млн. руб. денег в царских ассигнациях (керенки хоть и не были отменены, но принимались населением плохо), специальный поезд и целую свиту в сопровождение, в частности, в качестве секретарей сопровождают два уфимских боевика-террориста: С.Т. Галкин и Д.М. Чудинов (Касьян), он же начальник отряда.

Не успел боевик Яковлев приехать в Тобольск, как один из членов Уральского Совета, С.С. Заславский, прямо с места в карьер заявил ему:

— Ну, товарищ Яковлев, нам надо с этим делом кончать.

— С каким? — спросил Яковлев.

— С Романовыми!

Как пишет Яковлев, он убедился, что «есть отдельные попытки покончить на месте с Николаем II»[1]. Вот как описывает пребывание Яковлева в Тобольске офицер охраны: «Прибывший утром 25 апреля Яковлев прежде всего явился к полковнику Кобылинскому и в очень корректной форме вел с ним переговоры. Вообще Яковлев произвел на всех хорошее впечатление. Прежде всего видно было — это человек образованный, который мог оценить обстановку без большевистского фанатизма.

В тот же день было собрано общее собрание стрелков, на котором Яковлев по большевистской манере расположил к себе стрелков, заявив, что Совнарком об их примерной службе знает, извиняется, что очень долго оставляет отряд без внимания, и сразу же раздал бойцам жалованье, и в довольно большом объеме. Бойцам были уплачены при расформировании единовре-

---

[1] Убийство Царской семьи Романовых... С. 63.

менные пособия. Удовлетворив алчность стрелков, устранил с их стороны всякое противодействие[1].

В первом собрании он ничего не говорил о предполагаемом увозе царской семьи. Но отряд сразу же понял. С Яковлевым прибыли несколько красногвардейцев, сестра милосердия, телеграфист почты и его помощник вроде адъютанта (который охарактеризован автором как глупый человек. — *О. П.*).

Яковлев несколько раз говорил по прямому проводу и каждый раз обставлял это лишней таинственностью. Все телеграфные чиновники удалялись из аппаратной, и там оставался один Яковлев со своим телеграфистом.

Яковлев со своей свитой разместился во 2-м этаже Корниловского дома, где размещались до перевода в губернаторский дом князь Долгоруков, [граф] Татищев, графиня Гендрикова, Шнейдер. Обедали в офицерской столовой. Свита Яковлева вела себя бесцеремонно, чего нельзя сказать про самого Яковлева. Он держал себя в высшей степени корректно и вежливо. Несколько раз заявлял, что он враг насилия (!!! — *О. П.*).

В отряде для команды Яковлева был приготовлен ужин на 47 человек. Однако на следующий день они стали питаться отдельно.

Утром 26 апреля Яковлев явился к полковнику Кобылинскому и заявил ему, что имеет категорический приказ вывезти всю семью Романовых из Тобольска, но куда — определенно не указал, только из некоторых намеков можно было сделать вывод, что имеет приказ вывезти семью в Москву. Видно было, что Яковлев чрезвычайно спешит, он даже не скрывал этого, говоря, что события идут так быстро, что могут наступить обстоятельства, могущие затруднить переезд семьи, и т.д. Осталось невыясненным, опасался ли он препятствия со стороны контрреволюционеров или со стороны правых большевистских элементов вроде упомянутого выше Заславского, которого, между прочим, Яковлев много расспрашивал, его интересовал случай о якобы предполагающемся нападении. Из разговоров Яковлева со своим помощником я слышал, как он бросил фразу: «А это надо доложить в Москву». После завтрака в губернаторский дом

---

[1] По свидетельству отца Алексея Васильева, Яковлев фактически «купил» Царскую семью у людей, которые должны были ее охранять. «У него было много денег, и он раздал их охране». О. Алексей видел приказ, согласно которому «выдавалось, кажется (кроме жалованья), по 1000 рублей солдату и по 3000 — офицеру». (См. протокол допроса Б.Н. Соловьева от 29 декабря 1919 г.)

явился Яковлев в сопровождении полковника Кобылинского, приказал доложить о себе. Они вместе с дежурным офицером поручиком Мелышевым вошли в кабинет бывшего Царя. Яковлев официальным тоном заявил, что по приказанию Совнаркома он должен перевезти его и его семью из Тобольска. Далее Яковлев сказал, что, хотя он и имеет приказание перевезти всю семью, он на свой страх и риск ввиду болезни бывшего Наследника Алексея увезет одного только бывшего Царя. Остальная же семья будет увезена с открытием навигации. Выслушав Яковлева, Николай сказал: «Я не поеду». Яковлев просил его не заставлять применять силу, т. к., по инструкции Совнаркома, он должен во что бы то ни стало вывезти [Царя] из Тобольска. Добавил, что отъезд назначен на 3 часа утра следующего дня, т. е. 27 апреля, и то по новому стилю, и вышел из кабинета вместе с полковником Кобылинским.

В дежурной комнате Яковлев просил полковника Кобылинского вновь подняться в кабинет и уговорить бывшего Царя подчиниться решению Совнаркома. По словам полковника Кобылинского, в кабинете уже находились Императрица Александра Федоровна, князь Долгоруков, Желиховский[1] и другие лица свиты. Бывшая Царица сказала, что они уверены, что Царя вывезут в Москву, чтобы заставить своей подписью закрепить Брестский мир. На это бывший Царь, указывая на свою правую руку, заявил, что он скорее даст отрубить свою руку, чем опозорит себя подписанием предательского мира. Много говорили о том, куда хотят вывезти бывшего Царя, делали предположения, что хотят вывезти в Германию, что будто бы об этом имеется секретная статья в Брестском договоре[2].

Вся семья была крайне недовольна переездом в Германию, предполагали лучше остаться в России, но если говорят переезжать, то лучше в Англию. В конце концов бывший Царь согла-

---

[1] Здесь, по-видимому, у автора записки ошибка. Человека с фамилией Желиховский в окружении Царя не было. Возможно, имеется в виду П. Жильяр (или, как его звала Царская чета, Жилик. — *О. П.*).

[2] На самом деле это был миф, широко распространенный среди монархистов. Им хотелось верить, что император Вильгельм проявит благородство и спасет своих русских родственников. Поэтому многие монархисты были убеждены, что перевод Царской семьи из Тобольска совершится по настоянию германского правительства. В частности, генерал Гурко писал: «Для меня совершенно ясно, что вывоз царской семьи из Тобольска произошел по германской инициативе и ездивший в Тобольск за Государем Яковлев был связан с немцами».

сился не противиться распоряжению Яковлева. Александра Федоровна выразила желание ехать также с мужем. Затем занялись выбором лиц, которые должны были сопровождать царскую чету. Так как Яковлев предупреждал, что большое число свиты и имущества он не может разрешить взять с собой, к отъезду стала готовиться также дочь Царя Мария Николаевна. Остаток дня Яковлев и его ближайшие сотрудники провели в хлопотах по отысканию подвод для перевоза семьи, к этому делу был привлечен местный совдеп. Конный отряд был отправлен вперед».

Перед самым увозом Царя комиссар Яковлев узнает о новой попытке покушения. Вот что он пишет: «У себя дома я застал некоторых товарищей, пришедших сообщить под секретом очень серьезную новость... Один из екатеринбургских отрядов имел совещание и решил так или иначе покончить с Романовыми, и если это не удастся в Тобольске, то намечено осуществить покушение между Тобольском и Тюменью».

Яковлев отправляется к тому же Заславскому и требует объяснений, а тот невольно и в порыве злобы проговаривается о своих намерениях.

« — Дадут ли вам Царя увезти — вот вопрос. А кроме того, если повезут, то дорогой может случиться.

— Товарищ Заславский, вопрос слишком серьезный, говорите яснее.

— Я ничего не знаю. За других не отвечаю. Только скажу определенно: повезете Романова, не садитесь рядом с ним.

— Вы хотите сказать, что и меня могут убить? — Заславский криво улыбнулся. Я вынул документ. — Товарищ Заславский, вам очень полезно прочитать его, и прочесть внимательно.

Заславский неохотно взял мой мандат и прочитал.

— Так вот, ваш отряд будет охранять мой поезд от Тобольска до Иевлева. В тарантасе с Романовым буду находиться самолично. И если найдутся сумасшедшие головы, поступающие наперекор инструкциям Москвы по-своему, они жестоко поплатятся... Начальника отряда пришлите ко мне».

Под угрозой расстрела Яковлев приказал начальнику отряда Бусяцкому[1] беспрекословно повиноваться, но в глубине души не был уверен, что его приказ будет выполнен. Яковлев отправляет своего помощника Гузакова, чтобы он страховал движение

---

[1] В воспоминаниях офицера охраны он назван Гусляцким.

колонны со стороны Тюмени. Как в дальнейшем стало ясно, эта мера оказалась очень полезной.

Царскую семью собирались вывозить на лошадях до Тюмени. Очень торопились, так как ожидалась распутица, которая могла сделать дороги непроходимыми. Заранее на каждом остановочном пункте от Тобольска до Тюмени было оставлено по одному кавалеристу для подготовки троек для пересадки пленников.

Перед отъездом Царя из Тобольска, по крайней мере, часть его охраны была настроена отпустить его с верными людьми, если бы такие нашлись. Это был очень благоприятный момент для бегства. Однако монархическая организация пребывала в беспомощности, занималась разработкой фантастических проектов и «копила силы», когда нужно было решительно действовать. По показаниям Б. Соловьева, отец Алексей Васильев в разговоре с ним сообщил, что в ночь увоза из Тобольска Государя, Государыни и Марии Николаевны к нему приходили солдаты охраны и говорили ему: «Берите». На вопрос Соловьева: «Почему же Вы не взяли?» — отец Алексей ответил, «что он не мог это сделать ввиду отсутствия к тому технических средств: куда везти, как трудно было, будто бы, это сделать»[1].

В момент выезда (который был назначен на час ночи) по всей дороге от дома губернатора до Иртыша были поставлены караулы из местных большевиков.

Как пишет один из подручных Яковлева Брагин, «бойцы не знали цели приезда в Тобольск. (Большевики не особенно доверяли своим соратникам. — *О. П.*) И нельзя им было объявлять, что отряд двинется этой же ночью обратно и повезет с собой Романовых. А всему отряду ехать возможности не было, так как достали лишь девятнадцать троек. Брать же лошадей и тарантасы у городских обывателей весьма рискованно: можно было привлечь к себе внимание контры». Кто-то, следовательно, должен был остаться в Тобольске. Но кто? «Пришлось, — рассказывает Брагин, — прибегнуть к обману. Касьян собрал отряд и сказал товарищам:

— Сегодня ночью со мной на север, в Березов, должны поехать семнадцать бойцов. Желающие, записывайтесь. Но имейте в виду, что там стоят еще холода. Поэтому всем плохо одетым и больным придется остаться в Тобольске. Мы скоро вернемся».

---

[1] См. протокол допроса Б.Н. Соловьева от 29 декабря 1919 г.

Как отмечает Брагин, хитрость удалась. Записались «самые боевые, надежные, крепкие красногвардейцы». К 12 часам ночи отряд был готов к выступлению. Пришел заведующий извозчичьей биржей и доложил, что лошади поданы. Сформировалась колонна из девятнадцати троек, запряженных в добротные тарантасы. Семь троек направляются к дому, где заключена Царская семья. Только сейчас бойцы узнают, что отряд едет не в Березов, а в Тюмень и везет с собой Романовых. Непромедлительно осуществляется загрузка багажа. Остающиеся царские дочери со слезами прощаются с отцом и матерью. Посадка завершается в полвторого ночи.

Тройки выехали на улицу, стали на свои места согласно заранее разработанным номерам: в первой тройке сидели два стрелка; во второй — два пулеметчика с пулеметом «кольт»; в третьей — два стрелка; в четвертой — комиссар Яковлев с Царем; в пятой — два стрелка; в шестой — Царица и Царевна Мария в меховых шубах и пуховых шалях поверх шляпок с плюмажем и вуалью; в девятой — князь Долгоруков и лейб-медик Боткин; в десятой — стрелок и завхоз отряда Фотеев; в одиннадцатой — камердинер и горничная Демидова; в 12-й — граф Татищев с вещами Царской семьи и провизией; в 13, 14 и 15-й — царский багаж; в 16-й — два представителя бывшей охраны Царя; в 17-й — два пулеметчика с пулеметом; в 18-й — два стрелка и в 19-й — командир отряда Касьян с бойцом. Вперед была выслана разведка из пятерых кавалеристов, которым было дано распоряжение по одному остаться в каждом селении и сообщать обо всем тревожном.

Выезд из города прошел благополучно. Правда, сильно всполошились собаки. Ночь — и такая колонна. Подъехали к переезду Иртыша, рядом с впадением реки Тобол. Началась переправа, во время которой жизнь Царской семьи была в опасности. «Лед уже подтаивал, — пишет Брагин, — и дорога по нему была ненадежной». Гололедица мешала спуску к реке. Отпрягли пристяжных и начали по одной переводить их на другой берег по доскам, настланным на лед. Лед тревожно трещал. После пристяжных начали переводить коренников с тарантасами. В первую очередь по этому ненадежному пути перевезли не бойцов, а Царскую семью. Лед трещал. Очень нелегко было подняться и на обледенелый противоположный берег. Яковлев «благоразумно» слез с тройки и наблюдал за переправой, наблюдали и его подручные. Момент этот для Царской семьи был

крайне опасен, если бы лед не выдержал, спасти ее не удалось бы.

Но впереди Царя ждала новая опасность. Ее источником был тот же Заславский со своей бандгруппой. «Не доезжая нескольких станций до Иевлева, — пишет Яковлев, — мы встретили Петра Гузакова. Его тройка была вся в пене, с ним находился какой-то незнакомый мне красноармеец... Он сообщил мне тревожные вести, полученные от перебежчика из отряда Бусяцкого. Нам в пути угрожала большая опасность... Мы с Гузаковым стали обсуждать дальнейший план действий: с момента прибытия в Тюмень мы будем в полной безопасности, подъезд к Екатеринбургу тоже сумеем обезопасить. Самое главное — добраться до Тюмени.

— Обрати внимание на Авдеева, — предупредил Гузаков. — Имей в виду, он играет двойную роль... Ведет какие-то переговоры с друзьями Заславского.

...В Иевлево мы приехали поздно вечером. Гузаков окружил арестованных тройным кольцом. Несколько красноармейцев с ручными гранатами находились начеку. Гузаков, Касьян, Зенцов и я дежурили беспрерывно. Ночь прошла спокойно».

Немного проехали, и тут у командира сломался тарантас, пришлось заехать в ближайшую деревню. Пока решали проблему, несмотря на ночь, собралась вся деревня, прослышав про переезд Царя. Один дряхлый, беззубый старик с длинной седой бородой, рассказывает очевидец, спрашивает командира отряда:

— Ты уж будь добр, паря, скажи, ради Бога, куды это Царя-батюшку везете? В Москву, что ли?

— В Москву, дедушка, в Москву, — ответил командир, чтобы отвязаться от старика.

— Ну и слава те, Господи! Теперяча снова будет порядок в России.

Помазанник Божий опять сядет на трон свой! — так думали простые крестьяне.

На пути отряда его ждали заготовленные заранее свежие тройки. Пересадка заняла не более пяти минут. Одним из пунктов смены лошадей было село Покровское — родина и место, где жил друг Царской семьи Григорий Ефимович Распутин. Командир отряда зорко следил за Царской семьей. А тут он увидел, что Царица пристально смотрит на второй этаж ближайшего дома и что-то показывает руками. Командир отряда тихо зашел за тарантас и увидел, куда она направила свой взгляд. В окне

двухэтажного покрашенного в зеленый цвет дома стояли две женщины: пожилая и молодая, а позади них — молодой человек в студенческой форме. Пожилая дама делала Александре Федоровне какие-то знаки руками и носовым платком. Касьян, уфимский боевик-террорист, вынул из кобуры «маузер» и, направив его на окно, крикнул стоящим у него женщинам и юноше:

— Прочь от окна! А то стрелять буду. — Женщины и студент тотчас скрылись. Так произошло предсказанное Григорием посещение Покровского Царской семьей. А в окне дома были жена, дочь и муж дочери Григория Ефимовича Распутина.

На одной из пересадок Царице и Царевне подали тарантас на очень высоких колесах. Дочь быстро взобралась на него, а Царице было очень трудно: дочь тянула Царицу, а снизу муж пытался ее подсадить.

Двести двадцать верст до Тюмени одолели за двадцать четыре часа фактически без отдыха. В Тюмени Яковлев ведет переговоры со ВЦИКом по телеграфу: «Москва. Председателю Центрального Исполнительного Комитета. Из Тюмени. Маршрут старый или ты его изменил. Сообщи немедленно [в] Тюмень. Еду по старому маршруту. Ответ необходим немедленно. Яковлев»[1]. Ответ из Москвы: «Маршрут старый, сообщи груз везешь или нет. Свердлов»[2]. В воспоминаниях Яковлева эти переговоры представлены так: «На телеграфе я пробыл около 5 часов, пока определенно не сговорился со Свердловым, который дал мне инструкцию немедленно ехать в сторону Омска»[3].

На железнодорожном вокзале Тюмени для Царской семьи и ее конвоя был подготовлен состав из четырех вагонов. Руководство отряда, Царская семья и Царская свита разместились в вагоне первого класса.

В двух средних купе разместили Царскую семью и их сопровождающих. В одном — Царя, Царицу, Царевну и горничную Демидову, в другом — князя Долгорукова и [графа] Татищева, доктора Боткина и старого камердинера Чемодурова. Два боковых купе заняли Яковлев и другие руководители. Двери в купе Царской семьи и свиты были оставлены открытыми. На площадках стояли часовые. В других вагонах были размещены вооруженные до зубов бойцы. Царица, пишет Брагин, всю дорогу

---

[1] ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 1109, л. 54.

[2] Там же.

[3] Яковлев В. Указ. соч. С. 162.

не выходила из купе, а лежала на нижней полке, устремив свой взгляд в одну точку. С посадкой в поезд начинается какая-то странная игра, разработанная, по-видимому, Свердловым. Поезд следует сначала в Екатеринбург, затем в Омск, а потом снова — в Екатеринбург. Тайный маршрут Царского поезда почему-то становится известен уральским большевикам. Проносится слух, что Царь бежал. Объявляется всеобщая тревога. До сих пор в этой истории много неясного, но, скорее всего, в этой суматохе Царя и Царицу собирались просто убить как бы при попытке к бегству или устроить исчезновение, подобное «побегу» Михаила Романова. Какие-то вооруженные люди несколько раз намеревались напасть на поезд. Но что-то им помешало.

Можно только догадываться, что собирался сделать с Царской семьей Свердлов, о чем он не мог сообщить в телеграмме, которую послал Белобородову и Голощекину. В ней говорилось: «Все, что делается Яковлевым, является прямым выполнением данного мной приказа. Сообщу подробности специальным курьером (выделено мною. — *О. П.*). Никаких распоряжений относительно Яковлева не делайте, он действует согласно полученным от меня сегодня в 4 утра указаниям. Ничего абсолютно не предпринимайте без нашего согласия. Яковлеву полное доверие. Еще раз никакого вмешательства. Свердлов». 30 апреля 1918 года Яковлев привозит Царскую семью в Екатеринбург. Но и тут происходит что-то странное. Екатеринбургские большевики собрали на вокзале вооруженный сброд, пьяные лица, истошные матерные крики, вопли: «Задушить их надо! Наконец-то они в наших руках». «Беспорядочные толпы, — пишет Яковлев, — начали надвигаться на состав. Я... для острастки приготовил пулеметы. Сам вокзальный комиссар... издали громко закричал мне:

«Яковлев! Выведи Романова из вагона! Дай я ему в рожу плюну!»

— Приготовить пулеметы!

— Не боимся твоих пулеметов! У нас против тебя пушки приготовлены!

... Действительно, шевелились жерла трехдюймовок».

Назревал бой, который мог окончиться гибелью Царской семьи. Но Яковлеву удалось вывести поезд с вокзала и направить его на станцию Екатеринбург-2 (Шарташ). Здесь и была осуществлена передача Царской четы и дочери в руки екатеринбургских главарей Белобородова, Голощекина и Дидковского. Отсюда их увезли в дом Ипатьева, а близких им людей — Долгорукова и Татищева — отправили в тюрьму.

Остальных членов Царской семьи — Наследника Алексея, Ольгу, Татьяну и Анастасию — поручают перевезти в Екатеринбург уже не Яковлеву, а Хохрякову и Я.М. Родионову. Под именем последнего скрывался Я.М. Свикке[1], «наглый, в высшей степени нахальный человек с язвительной улыбочкой»[2]. Родионов был руководителем всего конвоя. Он закрыл каюту Наследника снаружи, не разрешая ему выходить, а также запретил Великим княжнам запираться в своих каютах изнутри.

Подобно Яковлеву Родионов (Свикке) был номенклатурой Москвы. По его собственным словам, он выполнял роль тайного соглядатая Ленина и Дзержинского; имел собственного шифровальщика Кованова. В своих воспоминаниях «Ясные дали» он рассказывает, что «книжка Лермонтова «Демон» служила между мной и В. И. Лениным для обмена зашифрованными заданиями и соответствующими донесениями Ильичу»[3]. Из двух представителей Москвы, Яковлева и Родионова, в Екатеринбурге остается только последний.

В середине мая 1918 года Яковлев едет в Москву с отчетом, где его за эти заслуги назначают командармом Урало-Оренбургского фронта (без протекции Свердлова и Троцкого получить такой пост было нельзя), а затем командируется в Уфу на формирование 2-й армии. Здесь он переходит на сторону Комитета Учредительного собрания и составляет обращение к солдатам Красной армии: «...еще когда я был на Советской территории, мне, безусловно, хотелось кликнуть клич среди вас, красноармейцы: «Довольно крови, напрасной крови, бессмысленной нам, борьба напрасна, бесполезна». Но что я мог сделать. Ведь стоило заикнуться о том специфическом насаждении социализма посредством искоренения тех несчастных крестьян и рабочих, для которых, собственно, и сулят этот социализм, — как перед вами встали бы тени членов Чрезвычайной Комиссии для отправки в тюрьму, а затем как высшая награда социализма — расстрел...»[4] Несмотря на это обращение, он арестовывается белыми, но чудом спасается от смерти. Бежит в Китай, где, по слухам, выполняет поручение НКВД. По возвращении в Москву в 1928 году арестован. Тут-то и начинается его тяжба с соратниками за лавры в деле убийства Царской семьи. В письме

---

[1] Свидетельство С. Ильичевой. НБГ. 1991. № 1 (октябрь). Изд. НАПФ. Пардаугава (г. Рига).

[2] Соколов Н.А. Указ. соч. С. 112.

[3] Свидетельство С. Ильичевой...

[4] Цит по: Источник. 1994. № 5. С. 70.

«Моим старым товарищам боевикам» Яковлев жалуется на «циническую обстановку», которая создана вокруг его имени некоторыми организаторами убийства Романовых, в частности Авдеевым и Быковым. «Мое неожиданное возвращение, — пишет он, — для этих игравших в моем деле «героев общественного мнения», не в меру расхваставшихся, как спасали они революцию во время перевозки Романовых. Ошеломленные «герои» забегали, заметались... [ведь]... придется расстаться с наградой и доходами и сесть за клевету на скамью подсудимых». А суть дела была в том, что Быков и Авдеев, чтобы поднять себе цену в деле убийства Царя, объявили, что Яковлев пытался его спасти и только их вмешательство помешало ему осуществить намерение. Но наверху, видимо, знали характер игры, которую вели Свердлов и Яковлев, и оставили навет без последствий. Правда, Яковлева все-таки посадили, но уже по другой статье. С 1929 по 1933 год сидит на Соловках и строит Беломорканал. В 1933 году досрочно освобождается со снятием судимости и снова зачисляется в органы НКВД, где занимает руководящие должности по линии тюрем и лагерей. Сначала он становится начальником Осиновской группы 2-го отделения Сиблага ОГПУ, с 1936 года получает назначение в Томск на должность начальника Томского распредпункта НКВД, а затем начальника Анжерской КМР. В 1938 году расстрелян.

Трагическая судьба ожидала и епископа Гермогена. Он был арестован в Тобольске и при отступлении большевиков перевезен в Екатеринбург. В июне 1918 года он в числе других пленников вместе с «Отрядом карательной экспедиции тобольского направления», возглавляемым П.Д. Хохряковым, был отправлен в Тобольск для предания «публичному суду». На пути в Тобольск Хохряков узнал, что город захвачен белыми, и начал лично убивать пленников. В числе первых был епископ Гермоген. Как рассказывали очевидцы, пьяные большевистские бандиты пытали его, а затем живым утопили в реке Туре как раз напротив села Покровского, родины Григория Распутина[1].

А через некоторое время после отхода большевиков из Тобольска бывший комиссар Временного правительства Пигнатти устраивает аукционный торг имущества Царской семьи, которое она не смогла увезти в Екатеринбург[2]. Было это через три дня после убийства Царской семьи большевиками.

---

[1] ТФ ГАТО, ф. 772, оп. 2, д. 5, л. 108.

[2] Там же, л. 59.

Часть V

НОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЦАРЕУБИЙЦ

ГЛАВА 36

Еврейские большевики на Урале. — Бандитский террор. — Грабежи. — Решение убить Царя. — Ленин и Свердлов.

В апреле 1917 года Свердлов приехал в Екатеринбург как представитель ЦК РСДРП и остановился на квартире у Я.Х. Юровского. Как отмечает сам Юровский, с этого момента началась настоящая большевистская работа. Пробыл Свердлов на Урале две недели, но за это время произвел полную перетряску большевистских организаций. Старая гвардия боевиков из подполья выдвигается на самые важные партийные должности. Членами Уральского областного комитета РСДРП избираются Свердлов, Белобородов, Крестинский и Сосновский. Позднее включаются Голощекин и Сыромолотов. На ключевые позиции расставляются Чуцкаев, Ермаков, Быков, Вайнер, Жилинский, Парамонов, Павлов, Юровский, Герцман.

С самого начала большевики формируют вооруженные отряды революционеров, устанавливая им неплохие по тем временам продовольственные пайки. Идет постоянная демонстрация силы. Так, 20 сентября 1917 года большевистская газета «Уральский рабочий» рассказывает о том, как невьянская организация РСДРП произвела смотр своих сил: по главной площади маршевым шагом со знаменами и музыкой шли отряды революционеров. Так устанавливался новый порядок. К концу 1917-го — началу 1918 года на Урале сколачивается мощная организация РСДРП(б) численностью до 35 тыс. человек (в том числе в Екатеринбурге 3 тыс., в Перми 2,4 тыс.), ядром которой стали члены боевых организаций 1905—1907 годов. По силе своего влияния с РСДРП(б) могла соперничать только эсеровская организация, но последняя не имела твердого боевого костяка и не обладала такими запасами оружия, как большевики.

Летом — осенью в Екатеринбурге собираются и другие действующие лица будущей трагедии. В ноябре 1917 года председателем Городской думы становится Пинхус Лазаревич Войков (Вайнер), секретарем — Л.И. Вайнер, городским головой —

С. Е. Чуцкаев. 8 ноября Уральский областной совет рабочих и солдатских депутатов объявляет о захвате власти. Председателем становится Белобородов, его ближайшие соратники — членами совета: Голощекин (комиссар юстиции, позднее военный комиссар), Войков (комиссар продовольствия), Сыромолотов (комиссар финансов). Важную роль при новой власти играли Быков, Жилинский, Юровский[1]. Шаг за шагом большевики берут под контроль все ключевые позиции в городе и области. Оружие разрешается носить только большевикам и их сторонникам. Рабочие многих уральских заводов обкладываются данью в пользу совдепов. Например, в Таватуе в пользу совета отчислялось 2 процента фонда зарплаты рабочих. Они удерживались в кассе завода и передавались казначею совета. Рабочие, которые отказывались платить «дань», шельмовались как контрреволюционеры[2].

Новый этап укрепления власти Уралсовета наступил после разгона Учредительного собрания. Результаты выборов в Учредительное собрание на Урале показали, что большая часть населения проголосовала против большевиков — 61%. Большевиков поддержало 39%[3], эсеров — 40%, кадетов — 9%[4]. По этим результатам было ясно, что большевики не имеют законного права находиться у власти. Однако любые выступления и протесты подавляются с помощью оружия. Начинает активно функционировать Уральская Чека. Ее первым председателем стал старый боевик М.И. Ефремов, позднее — Иван Бобылев, а потом, уже в июле 1918 года, — Федор Лукоянов. Юровский назначается заместителем комиссара юстиции Голощекина, а зачастую выполняет его функции. Арестовываются и расстреливаются активисты и руководители других партий, работники царского государственного аппарата, священники, купцы, предприниматели. Реквизируются оружие, транспортные средства. Под разными предлогами идет конфискация личного имущества, денег, домов состоятельных граждан. Осуществляется «добыча золота

[1] Юровский, например, занимал должность комиссара юстиции Уральской области, с ноября 1918-го — член коллегии Уралчека. В 1917—1918 гг. он был также председателем следственной комиссии Уральской области, членом Военного совета области, заведующим охраной Екатеринбурга.

[2] Уральский рабочий. 1917. 8 сент.

[3] Это больше, чем в среднем по России.

[4] Уральский рабочий. 1917. 11 дек.

и драгоценностей» на нужды революции. Юровский в своих воспоминаниях рассказывает, как шло изъятие золота и драгоценностей в особняках богачей, в ювелирном магазине Берха, в особняке братьев Агафуровых (изъяли до двух пудов золота, массу бриллиантов, жемчуга, серебра). Управляющих банками арестовали и мучили до тех пор, пока они не отдали ключи от хранилищ золота[1]. Шло массовое ограбление церквей. Немало богачей, священников и представителей интеллигенции тогда арестовывались и исчезали бесследно (после прихода белых в Екатеринбурге было обнаружено много массовых захоронений расстрелянных граждан города). Кровь лилась рекой. Старики рассказывали мне, что вокруг города много болот (глубиной до 6 метров) и шахт, и слишком «строптивые» граждане навечно исчезли в них. Например, на болотах делалось так: настилали длинные слеги по болоту, проносили связанную жертву и кидали где глубже. Массовые расстрелы производили на «11-м километре» Московского тракта. Старого боевика П. Ермакова, возглавлявшего военный отряд, нередко направляли на подавление восстаний. Руководителей этих восстаний, как повествует в своих воспоминаниях сам Ермаков, он расстреливал лично[2].

В глазах представителей новой власти человеческая жизнь была обесценена до нуля. Вот хотя бы такой факт, рассказанный Юровским: «В связи с нашим требованием о проведении в жизнь выборности командного состава собралось все бывшее в Екатеринбурге офицерство... больше 2000 человек... я был тогда зам. председателя военного отдела... договорились с Филиппом Голощекиным пойти послушать, что они говорят и думают делать... Побыв полчаса, я вышел, меня тут ожидал Филипп, потолковали мы с ним, что нам делать и что предпринимать. И как будто не то полушутя, не то серьезно Филипп спросил: «А может, вызвать воинскую часть и пулеметы?» Я говорю, что можно, но, потолковав, решили, что этого делать не следует...»[3] С инакомыслящими разделывались так скоро, что «шлепнули» ненароком родственника Ленина — Виктора Александровича Ардашева. Правда, Ардашев как-то публично заявил, что хоть Ленин ему и родственник, но мерзавец он большой и много

---

[1] СПА, ф. 41, оп. 2, д. 28, л. 26—27.

[2] Здесь и далее в воспоминаниях старых большевиков сохранены орфография и стилистика подлинника.

[3] СПА, ф. 41, оп. 2, д. 26, л. 37.

горя принесет России. Ардашева убили «при попытке к бегству».

В июне Троцкий назначает командующим Северо-Урало-Сибирским фронтом Берзина, вверив ему неограниченные полномочия. Берзин делится этими полномочиями с заведующим военной и политической контрразведкой товарищем Музыкантом. Составляются списки контрреволюционеров и агитаторов, куда попадает значительная часть населения Урала, голосовавшая против выбора большевиков в Учредительное собрание, отказавшаяся признавать законность их власти. Приказ № 1 грозит смертной казнью всем представителям этой части населения.

Такова была обстановка на Урале перед убийством Царской семьи. По сравнению с другими частями России позиции большевиков здесь были самыми прочными, сказывалась «квалификация» старых кадров боевиков. Свердлов лично следил за уральскими организациями и находился с ними в постоянном контакте. Его «наместник» Голощекин регулярно курсировал между Екатеринбургом и квартирой Свердлова в Москве. Все передвижки в руководстве уральскими организациями согласовывались со Свердловым. Связь между Екатеринбургом и Москвой осуществлялась ежедневно (по крайней мере через Пермь). Все поручения центральной власти уральскими большевиками исполнялись в точности, поэтому версия о том, что решение об убийстве Царской семьи могло быть принято Уральским Советом самостоятельно, не выдерживает никакой критики.

Вопрос о судьбе Романовых неоднократно поднимался на заседаниях Совнаркома и Президиума ВЦИК. Об этом свидетельствуют данные биохроники жизни Ленина за первую половину 1918 года. Правда, там только констатируется рассмотрение этого вопроса, но мало говорится о его решении. Это и понятно, содержание вопроса было очень деликатное. Ведь речь шла о последних представителях законной власти в России. Пока жила Царская семья, руководители большевиков чувствовали себя узурпаторами. Они-то были реалистами и понимали, что власть захвачена военной силой и их пребывание у руля великой страны совсем не отражает мнения народа. Это показали итоги выборов в Учредительное собрание.

Идея Царя, Царской власти еще была жива тогда у большей части крестьянства, и не только его. Да и вопрос принятия Царской власти великим князем Михаилом Александровичем Ро-

мановым был совсем не закрыт. Ибо после отречения Николая II за себя и за своего сына власть переходила к великому князю Михаилу. Он тоже отрекся от власти, но с одной существенной оговоркой, что оставляет окончательное решение вопроса на усмотрение Учредительного собрания. А раз Учредительное собрание вопреки закону было распущено большевиками, то, значит, великий князь Михаил Александрович при поддержке патриотических сил мог поставить вопрос о возвращении власти.

Как известно, Временное правительство, а потом большевики готовили суд над Николаем II и его окружением. У большевиков обвинителем должен был выступить Лев Троцкий. Как рассказывал биограф Троцкого И. Дейчер, этот палач русского народа замышлял организовать «грандиозный суд-спектакль», по примеру суда над английским королем Карлом I и французским — Людовиком XVI. На этом судебном спектакле Троцкий хотел выступить «генеральным прокурором», покрасоваться перед публикой, демонстрируя ораторское искусство и неотразимость «революционных аргументов».

Но, разобравшись в материале, большевики поняли, что настоящий гласный суд над Николаем II не принесет им политического капитала, а, напротив, подорвет их позиции. «Компромат» на царский режим, который собирала комиссия Временного правительства (он был в 20-е годы опубликован), показал слабость власти, борьбу амбиций и интересов в окружении Царя, но никак не позволял расценивать его как преступника.

Настоящие преступники, захватившие власть в России, судорожно вынашивают планы физического устранения представителей законной власти. Каждый день жизни Царя и его семьи служил узурпаторам одновременно и укором, и угрозой их существованию.

В докладе Свердлова ВЦИК, сделанном 9 мая 1918 года, этот еврейский большевик признается: «...Должен вам сказать, что вопрос о положении б. Царя ставился у нас в Президиуме ВЦИК еще в ноябре и в начале декабря 1917 года и с тех пор поднимался неоднократно...», и далее: «Президиум ВЦИК решил перевести б. Царя Николая в более надежный пункт. Таким пунктом был избран центр Урала — г. Екатеринбург»[1].

29 января 1918 года Совнарком рассматривал вопрос «О передаче Николая Романова в Петроград для предания его суду».

---

[1] Свердлов Я.М. Избранные произведения в 3 томах. М., 1963. Т. 1. С. 195—197.

20 февраля Совнарком постановляет: «Поручить Комиссариату Юстиции и двум представителям Крестьянского съезда подготовить следственный материал по делу Николая Романова. Вопрос о переводе Николая Романова отложить до пересмотра этого вопроса в Совете Народных Комиссаров. Место суда не предуказывать пока». На заседании присутствовали Ленин, Свердлов, Крыленко, Карелин, Сталин и др.[1].

С февраля 1918 года членов Царской фамилии начинают переводить на Урал под контроль Уралсовета. В феврале великого князя Михаила Александровича конвоируют в Пермь, в конце апреля в Екатеринбург из Тобольска также перевозят Николая II, его жену и детей, в мае в Алапаевск под охраной привозят великую княгиню Елизавету Федоровну (старшую сестру Императрицы), великого князя Сергея Михайловича, князей Иоанна, Константина и Игоря Константиновичей и князя Владимира Павловича Палея. Вместе с ними в заключение едут их домочадцы. После «своза» всей Царской фамилии на Урал верховный режиссер трагедии Свердлов дал сигнал к первому акту. Следуя политической логике большевиков, им стало убийство самого законного в то время претендента на власть в стране — великого князя Михаила Александровича. Конкретные исполнители отдельных ролей знали только то, что им положено. Действовало старое правило уральских террористов, которое любил повторять Свердлов: «Говорить должно не то, что можно, а то, что нужно...»[2]

ГЛАВА 37

Убийство великого князя Михаила Александровича. — Бандиты из Чека и советской милиции. — Торжество убийц.

Как отмечал следователь Соколов, за много лет до революции возник план убийства Царя и других членов Царствующего Дома, имеющий цель разрушение идеи Монархии. Убийство всех членов Дома Романовых является осуществлением одного и того же намерения, выразившегося в одном, едином плане, причем самым первым из них по времени погиб великий князь Михаил Александрович.

---

[1] Хрусталев В., главный археограф ГАРФ. Новые документы об убийстве царской семьи // Известия. 14.5.1993.

[2] Урал. 1988. № 7. С. 151.

Перед Октябрьским переворотом губернский город Пермь, куда в феврале 1918 года конвоировали великого князя Михаила Александровича, был самым процветающим городом на реке Каме. В нем насчитывалось 877 торговых предприятий, жило множество купцов и богатых людей. Работали крупные заводы — судостроительный, механический, кожевенный, фосфорный. Существовала развитая транспортная связь по реке и железной дороге, были водопровод и электрическое освещение. В городе выходили свои газеты и журналы, имелось множество ученых, просветительных, религиозных, благотворительных и спортивных обществ, библиотек и театр.

Великого князя Михаила Александровича доставили сюда по железной дороге. Первое, что он мог увидеть в Перми, — это красивое здание железнодорожного вокзала. Отсюда его привезли на Сибирскую улицу, в так называемые Королевские номера (на самом деле их правильное название Королёвские — по фамилии владельца, но за роскошь и удобства к ним пристало название «Королевские»). По рассказам старого швейцара, работавшего здесь в то время, великого князя поселили на втором этаже. В угловой комнате с окнами, выходившими во двор, располагалась спальня, рядом — ванная, напротив — столовая. Всюду были ковры, портьеры, рассказывал старый швейцар, горничные ходили в бархатных платьях, каждый служащий имел по нескольку костюмов, говорили полушепотом. На этажах стояла мертвая тишина. Внутренний дворик утопал в зелени. В глубине его находился гараж, в котором стояла машина Михаила Александровича «Роллс-Ройс», на ней он выезжал через ворота-туннель, украшенные красивой решеткой.

В бывшем Свердловском партархиве сохранились дневники Михаила Александровича за период с 8 мая по 11 июня[1]. Из них явствует, что в Пермь он приехал не один, с ним были его жена графиня Брасова (в дневнике — Наташа), полковник Знамеровский, личный секретарь англичанин Джонсон, камердинер Челышев, повар Митривели. В дневнике рассказывается о встречах с жителями города, о прогулках по набережной, посещениях театра, даются оценки спектаклей. Иногда Михаил Александрович ходил в гости к некоторым жителям (после его гибели все они были расстреляны в Чека). Много места уделено сводкам погоды (когда скучно и не о чем писать, пишут о погоде).

Первые месяцы Михаила Александровича заставляют каж-

---

[1] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 215—225.

дый день ходить отмечаться в милицию, а в мае — в Губчека. В конце мая по неотложным делам в Москву, а затем в Гатчину уезжает жена великого князя[1]. «С отъездом Наташи, — пишет Михаил Александрович, — стало так грустно, так пусто и все как-то кажется по-другому и комнаты стали другими».

7 июня. «В чрезвычайном комитете я слегка сцепился с одним «товарищем», который был очень груб со мной». Последние записи в дневнике говорят о том, что великий князь был очень болен. И наконец, последний день, 11 июня, вторник. «Сегодня боли были послабее и менее продолжительные. Утром читал. Днем я на час прилег. К чаю пришел Знамеровский и мой крестник Нагорский (правовед), он кушал с большим аппетитом, еще бы, после петроградского голода. Потом я писал Наташе в Гатчину. Доктор Шипицын зашел около 8 1/2. Вечером я читал. Погода была временами солнечная, днем шел недолго дождь... Вечером тоже. Около 10 зашел мой крестник, правовед Нагорский, проститься. Он сегодня же уезжает в Петроград». Это были последние слова, минут через двадцать-тридцать в Королевские номера пришли пятеро убийц — В.А. Иванченко, А.В. Марков, Н.В. Жужгов, И.Ф. Колпащиков, Г.И. Мясников.

Проводилась очередная чекистская операция, инсценировался побег великого князя Михаила Александровича. Организаторы убийства — лица, которые по своей должности призваны охранять порядок в городе: Иванченко, комиссар по охране Перми, начальник милиции; П.И. Малков, исполняющий обязанности председателя Губчека, заместитель Маратова-Лукоянова; В.А. Дрокин, начальник Административного управления Пермской городской милиции, помощник начальника г. Перми. И убийцы, и организаторы — все члены горкома РСДРП, члены партии с 1904—1907 годов.

Из воспоминаний старого большевика, члена партии с 1906 года А.В. Маркова:

«...Около 7 часов вечера на двух крытых фаэтонах направились в Пермь. Лошадей поставили во дворе ГубЧК и посвятили в это дело председателя ГубЧК П. Малкова... Здесь окончательно выработали план похищения Михаила Романова. Подготовили мандат о якобы срочном выезде Михаила Романова из Перми... Тов. Дрокину было поручено занять место тов. Иванченко по охране Перми и ждать указания от нас, заняв место у

---

[1] Это, конечно, спасло ей жизнь. В дальнейшем ей удалось бежать за границу.

телефона, что им и было сделано. Тов. Малков остался в ЧК, тов. Мясников ушел пешком к Королевским номерам, а мы четверо: т. Иванченко с т. Жужговым на первой лошади, я (Марков) с Колпащиковым на второй, около 11 часов подъехали к вышеуказанным номерам в закрытых фаэтонах к парадному. Жужгов и Колпащиков отправились в номера, мы же с Иванченко остались на улице в резерве, но сейчас же потребовали подкрепления, так как Михаил Романов отказался следовать, требовал «Малкова»... чтобы его вызвали по телефону. Тогда я, вооруженный наганом и ручной бомбой, коммунистом (так в источнике), вошел в помещение, стража у дверей растерялась, пропустили беспрепятственно, как первых двоих, так и меня. Я занял место в коридоре, не допуская никого к телефону (оборвал провода), вошел в комнату, где жил Романов, он продолжал упорствовать, ссылаясь на болезнь, требовал доктора и Малкова. Тогда я потребовал взять его, в чем он есть. На него накинули что попало и взяли, тогда он поспешно стал собираться, спросил — нужно ли брать с собой какие-либо вещи. С собой вещи брать я отказал, сказал, что ваши вещи возьмут другие. Тогда он просил взять с собой хотя бы его личного секретаря Брайана Джонсона — это ему было предоставлено, так как это было уже раньше согласовано между нами. После чего он наскоро накинул на себя плащ. Жужгов тотчас взял его за шиворот и потребовал, чтобы он выходил на улицу, что он исполнил. Джонсон добровольно вышел из комнаты на улицу, где нас ждали лошади. Михаила Романова посадили на первую лошадь. Жужгов сел за кучера, а Иванченко рядом с Михаилом Романовым. Я посадил с собой Джонсона, а Колпащиков за кучера, и таким образом в закрытых фаэтонах (к тому же моросил дождик) мы тронулись по направлению к Мотовилихе по тракту.

Когда, по расчетам, мы должны быть уже за чертой города, тов. Дрокин звонил официальным тоном в милицию, что в Королевские номера явились неизвестные личности и увезли по неизвестному направлению Михаила Романова, и просит срочно направить по Сибирскому тракту и Казанскому конную милицию. Это же было сообщено и в Губчека. Это же сообщил по телефону заведующий номерами в Губчека и в милицию. Пока все это происходило, мы уже были далеко от з. Мотовилихи.

Сначала похищенные нами вели себя спокойно и, когда приехали в Мотовилиху, стали спрашивать, куда их везут. Мы объяснили, что на поезд, что стоит на разъезде, там в особом вагоне их отправим дальше, причем я, например, заявил, что буду

отвечать только на прямые вопросы, от остальных отказался. Таким образом проехали керосиновый склад (бывший Нобеля), что в 6 км от Мотовилихи. По дороге никто не попадал; отъехавши еще с версту от керосинового склада, — круто повернули по дороге в лес направо. Отъехавши сажен 100—120, Жужгов кричит: «Приехали — вылезай». Я быстро выскочил и потребовал, чтобы и мой седок то же самое сделал. И только он стал выходить из фаэтона — я выстрелил ему в висок, он, качаясь, пал; Колпащиков тоже выстрелил, но у него застрял патрон браунинга. Жужгов в это время проделал то же самое, но только ранил Михаила Романова. Романов с растопыренными руками побежал по направлению ко мне, прося проститься с секретарем. В то время у тов. Жужгова застрял барабан нагана (не повернулся вследствие удлинения пули от первого выстрела, т.к. пули у него были самодельные). Мне пришлось на довольно близком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Мих. Романову, отчего он свалился тотчас же. Жужгов ругается, что его наган дал осечку. Колпащиков тоже ругается, что у него застрял патрон в браунинге, а первая лошадь, на которой ехал Иванченко, испугавшись первых выстрелов, понесла дальше в лес... Иванченко побежал ее догонять, и, когда он вернулся, все было кончено. Начинало светать. Это было 12 июня, но было почему-то очень холодно. Зарыть нам нельзя было, так как светало быстро и недалеко от дороги. Мы только стащили их вместе в сторону от дороги, завалили прутьями и уехали в Мотовилиху... Зарывать ездили в другую ночь тов. Жужгов с одним надежным милиционером, кажется Новоселовым... Когда ехали обратно, то я ехал с тов. Иванченко вместе, разговаривали по этому случаю, были очень хладнокровны...

Кроме самого Мих. Романова и его секретаря, с ними проживали два из его свиты. Одного я видел в форме моряка — пожилой, другого в штатском — тоже немолодой... В дальнейшем я узнал от т. Малкова, что они были тоже расстреляны чекистами. 15.11.24 года А. Марков»[1].

Немного погодя мы увидим, что «заслугу» Маркова в убийстве Михаила Романова серьезно и с доказательствами оспаривает другой участник убийства.

Вместе с этими воспоминаниями, хранящимися в Пермском партийном архиве, имеется справка, написанная председателем Пермской Губчека Малковым, о том, что тов. Марков

---

[1] ППА, ф. 90, оп. 2, д. М-6.

«был негласным сотрудником Пермской Губчека и выполнял отдельные поручения по борьбе с контрреволюцией»[1]. О характере этих поручений свидетельствуют примеры, приводимые Марковым в своих воспоминаниях.

«Вспоминаю несколько фактов, как мы вчетвером: Колпащиков, Зенков и Сицилицын Алек-др и я увезли на маленьком пароходике 12 чел., арестованных бывших полицейских, вверх по Каме и на 2 островах расстреляли их там. Один крестьянин рассказал мне, что за рекой Гайвой в лесу в землянке скрываются белые офицеры, дожидая прихода колчаковцев. Мы с Колпащиковым утром рано пришли туда, сняли их посты, а в землянку я бросил 2 бомбы, и всех находящихся там засыпало землей. Почти перед самым отступлением наших войск мы с Колпащиковым расстреляли быв. нач. з-да Темникова, его сына-офицера (нашли у них пулемет) и еще инженера Иванова (зав. снарядного цеха № 3) как служившего в охранке. Все это мы делали по решению ЧК и мотовилихинского Ревкома»[2].

Марков родился в 1882 году в Мотовилихе, до 20 лет жил с родителями. Окончил железнодорожное техническое училище, работал машинистом. Был призван на военную службу, но в начале Русско-японской войны дезертировал. В 1905 году был боевиком в дружине А.Л. Борчанинова, куда также входил его соратник по «мокрым» делам Иван Зенков. В 1907 году женился на учительнице А.Н. Нечаевой[3], родился ребенок. В этом же году Марков был выслежен сотрудником полиции Бажиным, арестован и посажен в тюрьму. Вернулся он домой в Мотовилиху только в 1917 году. В марте — апреле Марков и его подельщики разыскали бывшего сотрудника полиции Бажина (к тому времени он уже несколько лет был монахом) и убили его. «У нас на заводе и в гражданских учреждениях, — пишет Марков, — везде были расставлены свои люди. Большинство коммунистов и сочувствующих им были вооружены. Для охраны революционного порядка у нас в Мотовилихе создана была милиция из рабочих, куда входили мы, активисты по борьбе с контрреволюцией: тт. Зенков, Сицилицын, Жужгов, Марков, Колпащиков и

---

[1] ППА, ф. 90, оп. 2, д. М-6.

[2] Там же.

[3] Марков познакомился с Нечаевой в 1905 г.(?) в селе Лузине Оханского уезда Пермской губернии, где у боевиков был один из опорных пунктов. Нечаева работала там помощницей учительницы и помогала боевикам.

др.»[1]. В 1918 году Марков — комиссар по национализации имущества буржуазии и управлению культурно-просветительными учреждениями. Идут обыски и грабежи особняков, немало перепадает и нечистому на руку Маркову. В связи с национализацией церковных ценностей, рассказывает Марков, Чека принимает «крутые меры». Расстреливаются архиереи и священники, купцы, предприниматели, просто неугодные граждане, от которых порой добивались фантастических признаний. «Летом 1918 года, — пишет Марков, — мы с Колпащиковым по поручению Губчека ездили в г. Оханск, где объявилась некая раба божья Мария, когда мы ее привезли в Пермь, то потом оказалось, что она черногорская Марица, фаворитка бывшего Царя Николая[2]. Пришлось расстрелять ее»[3].

Звездный час Маркова — встреча с Лениным, во время которой он рассказывает ему об убийстве великого князя Михаила. «Будучи в командировке по работе в Москве в 1918 году, я по делу пришел к товарищу Свердлову Я.М., он меня привел к В.И. Ленину, который спрашивал меня о ликвидации Михаила Романова, я рассказал ему, что сделано было чисто, он сказал: «Ну вот и хорошо, правильно сделали»»[4].

Когда белые взяли Пермь, Марков и его жена с фальшивыми паспортами бежали в Иркутск, а затем во Владивосток. Животный страх возмездия за преступления преследовал его постоянно. Этот страх не покидал его всю жизнь. Передавая директору Пермского партархива Аликиной свои воспоминания в середине 1960-х годов, Марков взял с нее слово никому не рассказывать о них до его смерти, «добавив при этом, что он всегда, всю жизнь опасался расправы со стороны монархистов»[5].

Марков возвращается в Мотовилиху в начале 20-х годов и как герой гражданской войны занимает разные руководящие должности местного масштаба. В начале 30-х он приезжает в Москву, работает домоуправом в Киевском районе и, судя по всему, сексотом в НКВД. В 1950-е в связи с 75-летием награждается орденом Трудового Красного Знамени за революцион-

---

[1] Дело Маркова в фондах Пермского краеведческого музея.

[2] Конечно, на самом деле это была никакая не фаворитка (у последнего русского Царя не было фавориток), а просто преданный идее Царской власти человек.

[3] Дело Маркова в фондах Пермского краеведческого музея.

[4] Там же.

[5] Вечерняя Пермь. 1990. 3 февр.

ные и трудовые «заслуги». Персональный пенсионер союзного значения. Умер в 1965 году, похоронен на Новодевичьем кладбище. Кстати, после убийства секретаря Михаила Александровича Романова Марков взял себе его серебряные часы[1].

А вот лицо другого убийцы — Василия Алексеевича Иванченко. Своего сына, родившегося после совершения убийства, видимо, в память его он назвал Михаилом. В фондах Пермского краеведческого музея я видел фотографию, где снята вся его семья. Иванченко нежно обнимает своего сына. Иванченко появился на свет в 1874 году в семье высланного по суду контрабандиста из города Кишелевки Бессарабской губернии. Закончил три класса школы, работал на Мотовилихинском заводе. С 1902 года становится членом РСДРП, в 1905 году входит в состав революционной бандгруппы. В 1906 году выполняет поручение Свердлова по созданию кружков. Одно время Свердлов жил на квартире у Иванченко. В 1907 году Иванченко вступает в шайку «лесных братьев», где выполняет роль «начальника по оружию» (не исключено, что по поручению Свердлова). За эту деятельность получает пять лет тюрьмы и два года ссылки.

В 1916 году работает в Лысьве, где близко сходится с руководителем будущего Уралсовета Белобородовым. После 1917 года — комиссар по охране порядка Перми, начальник милиции (позднее, в начале 20-х, зампред Пермской Губчека)[2]. После убийства Михаила Романова Иванченко завладел его золотыми часами[3]. Похоронен в Мотовилихе, на горе Вышка, у памятника борцам революции (ум. в 1938). Одна из улиц в Мотовилихе была названа его именем.

Несколько слов о жизни третьего убийцы — Николая Васильевича Жужгова. Родился он в 1877 году в семье мотовилихинского рабочего. После четырех классов училища поступает на Мотовилихинский завод. Сам он пишет, что революционной деятельностью стал заниматься в 1902 году, а в 1905-м принял участие в вооруженном восстании в качестве боевика. Эти сведения оспариваются исследователями[4]. Достоверно известно его пребывание в шайке «лесных братьев». В 1906-м во время пьянки Жужгов затевает со своими «лесными братьями» драку с перестрелкой, в которой были ранены он сам и один из «лесных

---

[1] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 210—214.

[2] ППА, ф. 90, оп. 2, д. И-3.

[3] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 210—214.

[4] Вечерняя Пермь. 1990. 4 апр.

братьев». В больнице во время допроса из чувства мести или из-за страха Жужгов донес на стрелявшего в него, который в результате был схвачен и повешен. Позднее Жужгов сдается в руки полиции и становится осведомителем[1]. На суде выясняется, что в шайке «лесных братьев» Жужгов выполнял роль рэкетира, то есть лично ходил к состоятельным гражданам с письмом от шайки с требованием дать деньги, угрожая физической расправой. Отбыв наказание в Амурской области, Жужгов после Февральской революции возвращается в Мотовилиху героем. Близкая связь с Мясниковым, с которым они «работали» вместе в 1905 году, способствовала его назначению на руководящие должности. «В 1918 году, — пишет он в своей автобиографии, — занял место пом. начальника милиции Мотовилихинского завода, начальником милиции тогда был эсер — доверия ему было мало, и все важные дела поручались мне, как то: аресты провокаторов, контрреволюционеров, эсеров, а также расстрелы. Мною были лично арестованы и расстреляны Михаил Романов, Андроник и много других»[2]. Как мы видим, Жужгов выступает вторым (хотя и не последним) претендентом на «историческую заслугу» собственноручного убийства Михаила Романова. Аресты, обыски, конфискации, расстрелы — вот стихия Жужгова. По мнению некоторых исследователей, Жужговым убиты десятки человек. Жужгов к своей «работе» подходил ответственно и даже изобретательно[3]. Уместно привести его воспоминания, касающиеся убийства Пермского архиепископа Андроника (организаторами которого были Иванченко, Малков и Мясников): «Поехали по Сибирскому тракту за 5 верст, свернули в лес на левую сторону, отъехали сажень сто, остановили лошадей. Я приказал дать Андронику лопату, отвязали ее от пролетки и дали ему в руки. Я приказал ему копать могилу. Андроник выкопал сколько полагается (четвертей 6)... Затем я сказал: «Давай ложись». Могила оказалась коротка, он подрыл в ногах, лег второй раз, еще коротка — еще рыл — могила готова. «Теперь дайте мне помолиться», — я разрешил, он помолился на все стороны минут 10, я ему не мешал. Затем он сказал: «Готов». Я сказал, что расстреливать не буду, а живым закопаю, пока ты не снимешь постановление (о забастовке. — *О. П.*), но он сказал, что это не сделает и не будет того, чтобы я не шел

---

[1] Вечерняя Пермь. 1990. 4 апр.

[2] ГАПО, ф. 404, оп. 1, д. 40, л. 3.

[3] Вечерняя Пермь. 1990. 4 апр.

против большевиков. Затем мы его забросали землей, и я произвел несколько выстрелов»[1].

Жужгов, судя по всему, считался у большевиков специалистом по уничтожению священников. Охотно выезжал в разные командировки для совершения убийств. В списке убитых и замученных церковнослужителей и монашествующих Пермской губернии, опубликованном в № 1 за 1919 год «Пермских епархиальных ведомостей», немало и его жертв. Кроме Андроника, в списке епископ Феофан (викарий Соликамский), после истязания и многократного погружения утопленный в Каме, далее имена 10 протоиереев, 41 священника, 5 диаконов, 4 псаломщиков, 36 монашествующих Белогорского монастыря и Серафимовского скита. Против каждого имени — метод его убийства: «утоплен», «исколот штыками», «избит прикладами», «задушен епитрахилью», «прострелен» и «заморожен», «изрублен саблями», а чаще всего «расстрелян», причем нередко встречается: «сам рыл себе могилу», «утоплен после долгих мучений»[2]. После захвата Перми белыми Жужгов временно лишается работы и возобновляет ее в 1919 году уже с повышением в должности заместителя начальника губернской милиции. Тут он развернулся так ретиво, что даже среди своих готовых на все соратников был подвергнут острой критике «за неисполнение партпоручений, хулиганство», грубое обращение, использование служебного положения (воровал казенное имущество), пьянство. Было решено считать его из партии выбывшим[3]. Но из жизни он не выбыл. В Свердловском партархиве мне попалось в руки уважительное письмо, адресованное ему Истпартом ВКП(б) с просьбой прислать свои воспоминания о расстреле великого князя Михаила Александровича, датированное 1928 годом. В конце 1928 года он даже пытается вступить в члены Общества старых большевиков, но тут-то и выясняется его роль как осведомителя полиции[4]. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Откуда же поступил сигнал убить великого князя Михаила Александровича? Совершенно очевидно, он пришел от Свердлова, через Белобородова на Иванченко и, возможно, Мясникова. И Свердлов, и Белобородов знали этих людей в «боевом» деле и доверяли им. Непосредственным исполнителям Жужго-

---

[1] ГАПО, ф.732, оп.1, д.140.

[2] Крестный путь церкви в России 1917—1987. Посев. 1988.

[3] ГАПО, ф. 10—404, оп. 1, д. 40.

[4] ГАПО, ф. 732, оп.1, д. 140.

ву, Маркову и Колпащикову скорее всего не было известно, откуда пришел сигнал. Все было представлено как инициатива Мясникова (о чем и написал в своих воспоминаниях Марков). Да, собственно, сам Мясников (известный в истории как руководитель «антипартийной рабочей группы») в 20-е годы понял, что был орудием в руках политических честолюбцев, стремящихся удержаться у власти любыми средствами, прежде всего подавляя всякое инакомыслие: «Если я хожу на воле, то потому, что я коммунист 15 лет... и ко всему этому меня знает рабочая масса, а если бы этого не было, а был бы я просто слесарь — коммунист того же завода, то где же бы я был? В Чека или больше того, меня бы «**бежали**», как некогда я «**бежал**» Михаила Романова, как «**бежали**» Люксембург, Либкнехта» (выделено мною. — *О. П.*). Здесь Мясников раскрывает метод. Чека было поручено «убрать» человека, и его убирали под видом «побега». Кстати, пришло время, и Мясникова все-таки убрали: в 20-е годы ему удалось бежать, но после войны его заманили в СССР и расстреляли[1]. За границей Мясников тщательно скрывал свою роль в убийстве великого князя Михаила Александровича. Не упоминает о своей роли в убийстве великого князя и Иванченко. В своих записках и автобиографии он об этом не сообщает ни слова. Как здесь еще раз не вспомнить правило боевиков: «Говорить следует, что нужно, а не то, что можно».

ГЛАВА 38

Дезинформация. — Попытка представить убийство как побег. — Имитация розысков. — Расстрелы невиновных людей.

Совершив убийство великого князя Михаила Александровича, его исполнители начинают заметать следы. Прежде всего фальсифицируется дата преступления. Ведь все говорило о том, что оно совершено в ночь на 12 июня (и последняя запись в дневнике сделана 11 июня, и воспоминания Маркова говорят о том. И письмо милиционера Новоселова — о нем речь впереди). Официальная телеграмма, посланная 13 июня, разносит в несколько адресов большевистского синедриона радостную весть о смерти их врага. К этому сообщению они, видимо, были готовы. Скорее всего, она передавалась на условном языке, и иска-

---

[1] Мясников Г. Философия убийства и почему и как я убил Романова // Сб.: Минувшее. № 18. М.; СПб., 1995.

жение даты преступления носило какой-то определенный смысл. Позднее мы увидим, что и в телеграмме, сообщающей об убийстве Николая II и его семьи, дата была тоже смещена, только не на день вперед, а на день назад[1].

«13 июня 1918 г.

Москва. Совнарком. Чрезком. Петроградская коммуна. Зиновьеву. Копия. Екатеринбург. Облсовдеп. Чрезком. Сегодня ночью неизвестными [в] солдатской форме похищены Михаил Романов и Джонсон. Розыски пока не дали результатов, приняты самые энергичные меры. Пермский округ. Чрезком».

Несмотря на заявления об энергичных мерах, никаких реальных шагов к поиску великого князя Михаила Александровича не предпринималось. И вообще, как отмечали очевидцы, странной была вся обстановка вокруг этого дела. Удивляло, что не было сделано никаких обысков[2]. А это означало, что и в центре, и в Перми прекрасно знали, как реально обстояли дела. Представьте себе, какой шум поднялся бы, если бы великий князь действительно сбежал. Ведь Михаил Александрович был опасен прежде всего для центральной власти, и то, что она не всполошилась, свидетельствовало о том, что ей было прекрасно известно, что ее политический оппонент лежит, «надежно закопанный» в лесу между Мотовилихой и Левшином.

Пермские власти осуществляют целенаправленную операцию по дезинформации населения. В газете «Известия Пермского Окружного исполнительного комитета Совета рабочих и армейских депутатов» от 15 июня 1918 года публикуется сообщение, в котором датой «побега» называется ночь с 12 на 13 июня, а направление, куда убийцы увезли Михаила, намеренно указывается не к Мотовилихе, а к Обвинской. «Похищение Михаила Романова: В ночь с 12 на 13 июня в начале первого часа по новому времени в Королевские номера, где проживал Михаил Романов, явилось трое неизвестных в солдатской форме, вооруженных. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым, и предъявили ему какой-то ордер на арест, который был прочитан только секретарем Романова Джонсоном. После Романову было предложено отправиться с пришедшими. Его и Джонсона силой увели, посадили в закрытый фаэтон и увезли по Торговой улице по направлению к Обвинской. Вызванные по телефону члены Чрезвычайного Комитета прибыли в номера

---

[1] Вопросы истории. 1990. № 9. С. 152.

[2] Там же.

через минуту после похищения. Немедленно было отдано распоряжение о задержании Романова, по всем трактам были разосланы конные отряды милиции, но никаких следов обнаружить не удалось. Обыск в помещениях Романова, Джонсона и двух слуг не дал никаких результатов. О похищении немедленно было сообщено в Совет Народных Комиссаров, в Петроградскую коммуну и в Уральский областной Совет. Производятся энергичные розыски»[1]. И опять, несмотря на заявление об энергичных розысках, на самом деле меры не принимаются. Зато вовсю распространяются разные нелепые слухи. Многие из них формируются большевиками целенаправленно, чтобы легализовать убийство великого князя Михаила Александровича. 18 сентября 1918 года один из организаторов этого убийства, руководитель Чека П. Малков, публикует в «Известиях Пермского уездного Совдепа» откровенную ложь о поимке «Михаила Романова и его секретаря Джонсона». Приводим ее полностью, потому что она прекрасно характеризует стиль работы цареубийц:

«После побега бывшего великого князя Михаила Романова контрразведкой Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии были разосланы агенты по всем направлениям для задержания Михаила Романова. 12 сентября в [10] верстах от Чусовского завода, по [Па]шийскому тракту, одним из посланных агентов было обращено внимание на [двоих] проходящих по направлению к Пашийскому заводу лиц, которые держали себя довольно подозрительно. Один из них, высокого роста, с русой бородой «буланже», особенно обратил на себя внимание. Агент потребовал от этих лиц предъявления документа. Последние показались ему сомнительными, а потому вышеуказанные лица были задержаны и препровождены в Пермскую Губернскую Чрезвычайную Комиссию для выяснения личности. После ряда сбивчивых показаний при допросе, а также ненормальности лица (по наблюдению, лица у них были загримированы) им предложено было назвать свои фамилии и снять свой грим, что они сделать отказались. Оставаясь уверенными, что спрашиваемые нами лица загримированы, мы силой заставили их снять грим. После снятия грима нами были опознаны в них бывший великий князь Михаил Романов и его секретарь Джонсон, каковые тотчас были заключены под сильную охрану. По делу побега ведется в спешном порядке следствие, результаты допроса

---

[1] Вопросы истории. 1990. № 9. С. 149.

будут опубликованы. Председатель Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии П. Малков»[1].

О том, что дезинформация в этой газете согласовывалась с центром, свидетельствует параллельное сообщение РОСТА, переданное 20 сентября 1918 года по прямому проводу в Киев: «Пермь 18 сентября. 12 [...] сентября 10 верстах от Чусовского завода агентом Пермского Губчрезкома задержаны Михаил Романов, его секретарь. Они препровождены в Пермь»[2]. В 20-х числах сентября в Перми было расстреляно несколько человек, принадлежавших к прислуге великого князя и выданных за самого Михаила Александровича и его секретаря. Пермский чекист А.А. Шамарин в своей автобиографии, следуя этой чекистской легенде-дезинформации, пишет: «... в доме б/в Торгового банка, угол Сибирской и Монастырской улиц, по постановлению Пермского Исполнительного Комитета и Губчека, Михаил Романов был расстрелян. Могучие волны реки-матушки Камы навсегда похоронили остатки царского трона России Романовых (в операции участвовали тт. Малкин, Барандохин М., Шамарин А., Воробцев)». Как полагают некоторые исследователи, за великого князя Михаила тогда были выданы камердинер Челышев и шофер Борунов, а может быть, и другие лица[3]. В общем, игра велась по-крупному, согласно зловещему плану, разработанному в центре, а жизни невинных русских людей для игроков не представляли ценности.

ГЛАВА 39

Красный Лог. — Попытки найти место убийства великого князя Михаила Александровича. — Свидетельства старожилов.

В 1989 году я пытался найти место убийства великого князя Михаила Александровича. Моя машина двинулась в сторону Мотовилихи. Ее исторический центр мало изменился с 1918 года, правда, двухэтажные домики сильно обветшали (жить в них сейчас трудно), да и снесена церковь. Завод на своем месте, напротив него бывший полицейский участок. Машина мчится по направлению к селу Левшино. По улице в основном одноэтажные, черные от старости, рубленые деревянные домики. Моя

---

[1] Вопросы истории. 1990. № 9. С. 156.

[2] Там же. С. 158.

[3] Вопросы истории. 1990. № 9. С. 158.

цель — разыскать примерное место, где было совершено убийство. Оказалось, что местным краеведам оно неизвестно. В записке Маркова указаны примерные ориентиры — верста после керосинового склада Нобеля, в лес от дороги направо. Несколько раз моя машина проезжает дорогу между Мотовилихой и Левшином. Рядом с шоссе тянется полотно железной дороги, ближе к Левшину дорога выходит на берег водохранилища, возле берега — десятки лодок. Вдоль всей дороги никакого леса, а только искусственные посадки чахлых тополей. Наконец останавливаюсь в Левшине (позднее я узнал, что это новое Левшино, а старое затоплено в начале 50-х) и начинаю расспрашивать стариков. Старожилов почти что нет, в основном приезжие. И только на Домостроительной улице знакомлюсь с настоящей старожилкой этих мест Анной Васильевной Кочевой (род. 1908). Расспрашиваю, как раньше шла дорога. «Примерно до завода «Кислотный» и даже немного дальше, — отвечает Анна Васильевна, — а потом на том месте, где шоссе проходит, под полотном железнодорожного пути, раньше оно шло ниже. Но место сейчас затоплено в связи со строительством КамГРЭС.

— А где здесь был нефтяной склад Нобеля?

— На том месте, где «Кислотный». А не так далеко от него был Красный Лог. Страшное место. Там всё людей убивали и расстреливали и в революцию, и в 20-е годы. Через это место ездили большими компаниями, по одному боялись. Так и стояли возле лога, поджидая, что кто-то еще поедет.

— А что там было, почему Красный Лог?

— Там речушка текла, а через нее мост был, а бревна в красный цвет были покрашены, так и называли Красный мост, а место вокруг него Красный Лог. Родители мне всегда говорили: «Не ходи туда, там опасно, плохие люди встречаются». В конце 20-х годов там убили моих дядю и тетку. Они с ярмарки возвращались ночью. На них напали, убили, все забрали, а тела сучьями закидали.

— А кто же занимался разбоем? Кого-нибудь поймали?

— Разное говорили. Рассказывали, что мотовилихинские — у них тут рядом покосы были — лихие люди. А место глухое, густой сосняк, только ближе к реке деревья были хилые и место болотистое.

— А насчет убийства великого князя Михаила разговоры среди крестьян были?

— Нет, не упомню. Вот в годы революции у нас тут в Левшине в железнодорожный тупик загнали вагон с царским иму-

ществом, говорили: его из Екатеринбурга пригнали, стоял он некоторое время без охраны. Начали грабить. Потом начальство отогнало его в Пермь».

После рассказа Анны Васильевны стало ясно, почему боевики для убийства великого князя Михаила выбрали именно это место. Скорее всего, у них здесь была «наезженная тропка». Не первого человека привозили убивать. Окрестные крестьяне сюда ходить боялись, особенно ночью. Так что никто не мог помешать.

Возвращаюсь в Мотовилиху. Засекаю расстояние по спидометру машины. От Мотовилихи до «Кислотного» 6—6,5 километра. Здесь, по словам Анны Васильевны, и стоял склад Нобеля, да и сегодня на этом месте — склад нефтепродуктов и бензозаправка. Снова засекаю расстояние, торможу машину через километр с небольшим. В 1918 году здесь был лес, сегодня проходят две дороги: шоссейная (дорога, которая шла в 1918 году, была узкая, конная) и железная на высокой насыпи. Вокруг шоссе растут тополя. Между шоссейной и железной дорогами в отдельных местах посажена картошка. Если расстояние Марковым было указано правильно и Анна Васильевна не ошиблась в расположении склада Нобеля, то место убийства находится ориентировочно под насыпью новой железной дороги. Хотя ручаться за это я бы не стал.

ГЛАВА 40

Находка в свердловском архиве. — Исповедь обиженного убийцы. — Рассказ о дележе вещей убитого великого князя Михаила Александровича.

Об убийстве Михаила Александровича я слышал немало устных, легендарных рассказов. Со слов одного старика, великий князь, запершись в ванной комнате, некоторое время отстреливался через окно, убив нескольких чекистов. Тогда они привезли пулемет и уложили его пулеметными очередями. По другой версии, великого князя Михаила вместе с секретарем схватили и живыми бросили в плавильные печи Мотовилихинского завода. «Нет, — сказали третьи, — их убили в лесу, а тела сожгли на костре. А в печи кинули двух живых царских фрейлин». «Нет, — утверждали четвертые, — фрейлин не сожгли, а расстреляли и похоронили на кладбище, а Михаила Александровича убили в лесу под Левшином». Когда мне уже казалось,

что ничего нового не узнаю, в Свердловском партархиве я столкнулся с потрясающими документами, проливающими свет на эту трагедию.

Привожу их с сохранением орфографии и пунктуации подлинника.

«В Московскую центральную редакцию газеты «Правда» ВКП (б). Прошу поместить на страницах «Правды» под заглавием «Ищу правды».

Я член партии ВКП (б) с 1918 года и участник расстрела великого князя Михаила Романова; в ночь с 11-го по 12 июня 1918 года Михаил Романов, после свержения с престола его брата проживал в г. Перми, бывш. номерах, т. е. королевских номерах. По нелегальному постановлению Мотовилихинской организации ВКП (б), т. е. участниками, Михаил Романов был взят и расстрелян в пределах Мотовилихинского района Уральской области, т. е. участники, которые взяли из королевских номеров М. Романова 1) Иванченко Василий Алексеевич, 2) Марков Андрей Васильевич, 3) Жужгов Николай Васильевич, 4) Колпачников[1] Иван Федорович и доставив его в Мотовилихинский завод, а оттуда Романов был совместно со своим английскоподданным офицером увезен по шоссейной дороге к селу Левшино на расстоянии пять верст, где был расстрелян, в расстреле Романова принимал участие 1-м Жужгов Н.В., и 2-м Я — Новоселов Иосиф Георгиевич, больше участия никто не принимал и труп расстрелянного Романова предали земле. Из участвующих никто не знает за исключением Николая Васильевича Жужгова в каком месте он закопан, это историческая могила хранится в моей памяти и тов. Жужгова. А те упомянутые участники расстрела Романова, Иванченко В.А.: был участником только на золотые часы шестиугольные, за что попал в историю, где имеется в печати о кончине Дома Романовых. Я неоднократно писал в Центральный Истпарт ВКП (б), а также в Уральский Истпарт ВКП (б) кроме того в Пермский и Тобольский Истпарт ВКП (б) о своем историческом подвиге, но мне нет ни откуда никакого ответа.

Таким образом, я все же решил искать правду, пусть будет на страницах нашей газеты «Правды» кто же действительно является прямым участником расстрела Михаила Романова.

---

[1] Правильнее: Колпащиков. — *О. П.*

Если это действительно расстрелял Иванченко В.А. и Марков А.В., Колпачников И.Ф., М. Романова, то пусть они найдут и покажут могилу расстрелянного Михаила Романова и докажут то, что я действительно не принимал участие в расстреле М. Романова, но пусть эти товарищи чужими историческими подвигами не пользуются, а совершают их сами.

Я сын крестьянина, проработал десять лет на ответственных участках, три с половиною года моей работы при особом отделе ВЧК в должности уполномоченного по контрразведке при штабе 3-й армии.

Шесть с половиной лет моей работы на юридическом поприще должности старшего следователя Тюменского Ревтрибунала, а потом в должности народного судьи Дальнего Севера и упол. облсуда по Тобольскому округу.

Я отдал все для советского строительства, но потеряв свое здоровье в настоящее время живу одиннадцатый месяц — совершенно безработным, словом выкинут на произвол судьбы со своим семейством и с потерянным здоровьем...

К сему подписуюсь

Член ВКП (б) Иосиф Георгиевич Новоселов

*3 августа 1928 г. с. Крестье Щадринского района
и округа Уральской области*»[1].

«Правда» и не подумала публиковать это письмо, но зато Истпарт (которому она его переслала) попросил у Новоселова написать воспоминания об этом убийстве. Вот что он сообщил. В день убийства он, Новоселов — тогда мотовилихинский милиционер, — находился на дежурстве. Когда экипажи с жертвами проезжали через Мотовилиху, то Мясников остался, и вместо него на третьем экипаже поехали Новоселов и А.И. Плешков. В первом экипаже везли Романова в сопровождении Жужгова и Иванченко, во втором — Джонсона, сопровождаемого Марковым и Колпащиковым, в третьем — Новоселов и Плешков. Отъехав около пяти верст от Мотовилихи в сторону Левшина, свернули вправо в густой лес сажен на 50. Первый выстрел в великого князя Михаила сделал Жужгов, но только ранил в плечо. «Михаил схватил Жужгова в охапку, и они стали барахтаться. Я же видел драму в темноте пасмурной ночи... неразборчиво... выстрелом в правый висок Михаил Романов был убит

[1] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 208—209.

насмерть». Закопали в 10 часов на следующий день великого князя Михаила вместе с Джонсоном. «Когда мы закопали в землю я на одном из сосновых деревьев над могилой Романова вырезал своим перочинным ножом... четыре буквы... В. К. М. Р., что здесь расстрелян великий князь Михаил Романов.

Эту историческую могилу я в настоящее время ище низабыл[1]».

Не получив ответа, Новоселов пишет новое письмо, на этот раз в Истпарт. Он глубоко возмущен, что ему, настоящему убийце великого князя Михаила, нет никакого почета, а всю «честь» взял на себя тов. Марков.

«Истпарт. Ц. К. В. К. П.(б).

Копии: Уралоблистпарт ВКП (б).

Новоселова Иосифа Георгиевича, проживающего в селе Крестовском Щадринского района и округа Урала.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

...Для меня только в настоящее время раскрылись глаза, в чем тут дело что здесь есть полная несправедливость, как наши члены партии ВКП (б) умеют говорить несправедливость нашему Истпарту ЦК ВКП (б).

Как они указывают, что я лишь только был приглашен на второй день для зарытия расстрелянных глубже. Это совершенно не верно, мне приглашение никто не делал, а я выполнил в силу партийной дисциплины свой долг коммуниста. Да я действительно совместно с тов. Жужговым Н.В. зарыл в землю расстрелянного Михаила Романова и его камердинера и мне хорошо известна эта могила в настоящее время.

Далее я как член партии ВКП (б), то я должен сказать всю истину, если из воспоминаний установлено один из активных участников расстрела Михаила Романова тов. Марков А.В. — это наглая ложь. В то время принимал самое активное участие в расстреле М. Романова тов. Жужгов Н.В. и в настоящее время расстрелянный белыми начальник Мотовилихинской милиции Алексей Иванович Плешков и я Новоселов а не чуть тов. Марков А.А.

Тов. Марков А.В., Иванченко В.А. и Колпачников И. Ф. принимали участие в расстреле камердинера английского подданного офицера а не Михаила Романова.

---

[1] СПА, ф.41, оп. 1, д. 149, л. 203.

Для меня только в настоящее время стал ясен вопрос, что наши тов. участники расстрела М. Романова... (пропуск)... вопрос, что я не имел участие в ночь с 11-го на 12-ое июня 1918 г. в расстреле М. Романова.

Я прошу Истпарт Ц. К. ВКП (б) и Уралоблистпарт ВКП (б) обратить самое серьезное внимание на 3 основных вопроса.

1) Во время совершения расстрела Михаила Романова кто был из участников расстрела Романова — 1-м принимал участие тов. Жужгов Н.В. он первым выстрелом ранил Михаила Романова в правое плечо, а когда не стал работать наган у тов. Жужгова, то в это время кто оказал содействие. Содействие оказал первым упомянутый начальник милиции Плешков А. Ив. и Новоселов. В этом сам тов. Жужгов Н.В. подтвердит.

2) После совершения расстрела Михаила Романова по возвращении управление Мотовилихинской милиции, когда производился раздел вещей расстрелянных между участниками, то 1-му Иванченко В.А. были отданы с расстрелянного Михаила Романова золотые шести угольчатые именные часы червонного золота, с надписью на одной из крышек Михаил Романов, которые в настоящее время у т. Иванченко. Это Вам будет 2-м доказательством. Как эти часы в настоящее время имеют ценность и должны сдаться в исторический музей.

3) С расстрелянного Романова также было снято золотое именное кольцо и пальто и штиблеты — бывшему расстрелянному начмилиции А. Ив. Плешкову. А с расстрелянного камердинера вещи разделены между Марковым и Колпачниковым И.Ф. Вот на этих то основаниях 3-х пунктах я ставлю полное опровержение на основе первых сведений, имеющихся в воспоминаниях и таким образом прошу Истпарт ЦК ВКП (б) который дал бы со своей стороны свое соответствующее распоряжение Уралоблистпарту ВКП (б). Последний сделал бы между нами участниками расстрела М. Романова [очную ставку], ведь нас осталось в живых 4 человека, а все мы проживаем в пределах Уральской области. Тов. Марков А.В. и Иванченко В.А. проживают в г. Перми, где состоят на учете. Тов. Жужгов Н.В. проживает в Невьянском заводе свердловского округа по Тульской ул. № 8.

Только при очной ставке Уралоблистпарт ВКП (б) установит истину. Я пред лицом партии ВКП (б) не только прошу очную ставку, а требую. Я ищу правду и должен найти, пусть те

тов. участники докажут что я действительно принимал участие в расстреле Михаила Романова.

О Вашем решении прошу меня поставить в известность.

К сему Новоселов член ВКП (б).

Село Крестовское Щадринского района и округа Уральской области»[1].

Новоселов рассылает письма и в другие инстанции. Партийные органы не знают, как отделаться от своего соратника, который требует справедливости и возвращения вещей, украденных убийцами у своих жертв. Рассердившись, партийные руководители привычно переписывают историю. Они «отказывают» Новоселову даже в чести «зарытия» трупов, хотя об этом говорится в воспоминаниях Маркова. Нач. милиции эсер Плешков тоже считается недостойным разделить «честь» убийства с большевиками.

«Секретно.
Уралобком ВКП (б) Зав. Истпартом тов. Моисееву.

Истпарт Отдел ОК ВКП (б) в отношении Новоселова сообщает следующее. С большим трудом, наконец, была выявлена роль его в деле убийства Михаила Романова. При похищении Михаила Романова проездом через Мотовилиху был захвачен с лопатой и дежурный в Мотовилихе милиционер Новоселов, который проездил напрасно до места расстрела, так как в тот день Мих. Романова не зарывали, а зарыли на другой день сами участники похищения без участия Новоселова.

Разрешение вопроса об отобрании именных вещей Романова Истпарт Отдел ОК ВКП (б) не может взять на себя, т.к. вещи Мих. Романова находятся, по рассказам, у многих работников, не только участников расстрела, живущих в разных местах СССР.

Зав. Истпартом ОК ВКП (б) Ольховская.
12 дек. 1928»[2].

Летом 1964 года директор Пермского партархива Н. Аликина, будучи в Москве, встречалась с А.В. Марковым. Во время беседы она обратила внимание на его наручные серебряные

---

[1] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 210—214.

[2] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 231.

часы необычайной формы, на ее взгляд очень древние. Они напоминали дольку срезанного круто сваренного яйца. На вопрос, откуда такие часы, Марков ответил ей, что принадлежали личному секретарю Михаила Романова англичанину Брайану Джонсону, и он взял их себе на память, сняв с руки Джонсона после расстрела.

«С тех пор не снимал с руки, — сказал ей Марков и добавил: — Идут хорошо, ни разу не ремонтировал, только отдавал в чистку несколько раз»[1]. Сейчас эти часы, вероятно, перешли наследникам Маркова. Возможно, и у наследников Иванченко сохраняются золотые часы великого князя Михаила Александровича. Его «крестник» Михаил Иванченко (род. 1918—1919), может, еще жив? Интересно знать, не жгут ли эти часы руки наследников?..

Имущество убитого великого князя Михаила Александровича было поделено чекистами между собой, но наиболее ценную его часть они все же направили в Москву. Там вещи великого князя разошлись между вождями еврейских большевиков. Великолепный фарфоровый сервиз, например, был присвоен А.В. Луначарским. В 60-х годах он находился в квартире его вдовы Луначарской-Розенель на Советской площади возле Моссовета[2].

---

[1] Вечерняя Пермь. 1990. 3 фев.

[2] Сообщено мне А.С. Абакумовой, родственница которой работала домработницей у Луначарской.

Часть VI

РИТУАЛЬНОЕ УБИЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

ГЛАВА 41

Екатеринбург. — Выбор места для совершения ритуала. — Дом Ипатьева. — Страдания Царской семьи.

В начале XX века город Екатеринбург, несмотря на свой уездный статус в составе Пермской губернии, принадлежал к лучшим и красивейшим городам Европейской России и по справедливости назывался столицей Урала. Да и населения здесь было раза в два больше, чем в Перми. Располагался он по берегам реки Исеть, в историческом центре — обширное озеро-пруд, а рядом на широких площадях стояли великолепные храмы, ровными проспектами, по-петербургски, шли улицы. В городе были сильно развитая промышленность, обширная сеть предприятий торговли и обслуживания, десятки учебных, культурно-просветительных, благотворительных и религиозных учреждений. В общем, до 1917 года это был богатый и процветающий город, конечно, со своими проблемами, социальными контрастами и противоречиями.

К марту — апрелю 1918 года в столице Урала устанавливается абсолютная диктатура Уралсовета и Чека[1]. Состав руководства Чека на июнь 1918 года: председатель — Ф.Н. Лукоянов, Я.Х. Юровский и В.А. Сахаров, члены коллегии — В.М. Горин, И.И. Радзинский (Родзинский), И. Я. Кайгородов, казначей — Г.П. Никулин, начальник «отряда палачей» — Шитдень, секретарь — М.И. Яворский. Жесточайшим образом подавляется любое противодействие большевикам. Не прекращаются аресты, расстрелы и конфискации. Выпускаются специальные деньги с изображением вооруженных солдата и матроса. На деньгах — факсимильные подписи Белобородова, Сыромолотова.

---

[1] Состав Президиума Уралсовета на середину 1918 года был таков: Голощекин, Сафаров, Войков, Хотимский, Чуцкаев, Краснов, Поляков, Юровский, Сыромолотов, Тунетул, Сакович, Анучин, Уфимцев, Дидковский. Из четырнадцати человек русских было только три-четыре.

Большевики чувствуют себя полными хозяевами. По указанию Ленина и Свердлова уральские большевики готовят убийство Царской семьи. Как писал Белобородов в своих воспоминаниях 1923 года: «В Екатеринбурге тем временем приходилось заботиться о помещении для такого «дорогого» гостя. Очень трудно было найти подходящее здание... Одно время мы даже предполагали поселить Николая в тюрьме. Вместе с т. Голощекиным, кажется, два раза ездили осматривать Екатеринбургскую тюрьму и арестный дом, наметили даже к освобождению один из небольших тюремных корпусов... В конце концов наш выбор остановился на особняке Ипатьева».

В один из апрельских дней инженеру Ипатьеву, владельцу особняка на Вознесенском проспекте, предлагают его освободить, оставив самую необходимую мебель, а прочие вещи перенести в кладовые. Почему цареубийцы избрали для совершения своего ритуального злодеяния дом Ипатьева? Выбор этот был, безусловно, не случаен и определялся необходимыми для ритуала условиями. Кроме удобного расположения и толстых стен, дом имел особую историю, которая, по-видимому, и предопределила выбор.

Дом был построен в 70-х годах XIX века и за все время существования (почти 50 лет) не имел в своих стенах ни одного мертвого тела[1]. Он как будто был специально построен для совершения злодеяния вселенского масштаба. Самое название дома — «Ипатьевский» носило мистическо-символический смысл[2]. Династия Романовых начала свой путь служения России в Ипатьевском монастыре, а заканчивала его лютой ритуальной гибелью в Ипатьевском доме. И наконец, возможно, решающую роль для совершения ритуала сыграл тот факт, что некоторое время в доме, вероятно, находилась иудейская синагога. Как пишет православный исследователь С. Фомин: «Возможно, недоумение наше может разрешить родственница Ипатьева — Попель, а может — жившие в доме перед самым поселением в нем Царской семьи некие родственники инженера из Петрограда или какие-то указания на то, что в доме размещалась не афишируемая его владельцем (и только ли последним)

---

[1] Волков А.А. Около Царской семьи. М., 1993. С. 127.

[2] Название «дом Ипатьева» появилось только с января 1918 года, до этого домом владел купец М. Г. Шаравьев. Будущим исследователям еще предстоит установить все обстоятельства покупки дома Ипатьевым, а также изучить родословную Ипатьева и предыдущих владельцев.

еврейская синагога? Может быть, именно поэтому этот дом так подходил цареубийцам...»[1]

Кто из цареубийц конкретно указал на дом Ипатьева как подходящее место совершения преступления, достоверно неизвестно. Причастность к оформлению документов жилищных комиссаров А.Н. Жилинского и Е. Коковина не дает полного ответа на этот вопрос. Очень вероятно, это решение принял П.Л. Войков. На этот вывод наводят свидетельства двух осведомленных еврейско-масонских публицистов Э. Радзинского и М. Касвинова. Первый (по-видимому, родственник одного из цареубийц И. Радзинского (Родзинского)) пишет: «Один из влиятельнейших членов Совета, Петр Войков... хорошо знал Ипатьева и не раз бывал в этом доме с толстыми стенами...»[2] Второй — М. Касвинов сообщает о встрече П.Л. Войкова с Н.Н. Ипатьевым, во время которой большевистский комиссар настаивает на выезде из дома «в связи с чрезвычайным положением»[3].

В короткий срок дом обносится двойным забором с будками для часовых. Как отмечал Н.А. Соколов, первый забор проходил почти у самых стен дома, закрывая дом с окнами. Второй шел на некотором расстоянии от первого, образуя как бы дворик между заборами. Он совершенно закрывал весь дом вместе с воротами.

Дом охраняли две независимые друг от друга команды — наружная (внешняя) и внутренняя, каждая из них имела своего командира. Наружную охрану возглавлял П.С. Медведев; она жила рядом с домом Ипатьева. Внутренняя охрана размещалась на первом этаже дома Ипатьева. Первоначально в ней служили преимущественно русские. Но в начале июля внутренняя охрана заменяется, основную ее часть начинают составлять латыши и иностранцы. Таким образом, дом Ипатьева превращается в тюрьму и получает название «Дом особого назначения».

Утром 30 апреля 1918 года сюда под строгим конвоем привозят трех человек. В этот же день из Екатеринбурга в Москву уходит телеграмма:

---

[1] Фомин С. Ипатьевский дом // Приложение к «Русскому Вестнику». № 23—24. 2000. С. 4.

[2] Радзинский Э. «Господи... спаси и усмири Россию...» М., 1993. С. 333.

[3] Касвинов М. Двадцать три ступеньки вниз. М., 1978.

«ВЦИК Свердлову пред. Совнаркома Ленину Тридцатого апреля 11 часов я принял от комиссара Яковлева бывшего Царя Романова бывшую Царицу Александру и дочь их Марию точка все они помещены в особняк запятая охраняемый караулом точка Белобородов». От Свердлова по адресу уральских большевиков поступает указание: «Предлагаю содержать Николая самым строгим порядком. Яковлеву поручается перевозка остальных. Предлагаю прислать смету всех расходов, считая караулы. Сообщить подробности условий нового содержания. Председатель ЦИК Свердлов».

Белобородов отвечает: «Секретно. Председателю ВЦИК Свердлову.

Ответ [на] Вашу записку. [Романовы] содержатся [под] строгим арестом, свидания абсолютно посторонним не разрешаются. Челядь и Боткин [на] одном положении [с] арестованными. Князь Василий Долгоруков, епископ Гермоген — нами арестованы; никаких заявлений, жалоб ихних ходатаев не удовлетворяйте... [С] Яковлевым произошли довольно крупные объяснения, в результате расстались холодно. Мы резолюцией [его] реабилитировали [от] обвинений [в] контрреволюционности, признав наличность [их] излишней нервности... Смету пришлем. Белобородов[1]».

23 мая в дом Ипатьева под конвоем привозят еще четверых — мальчика и трех девушек. Царская семья собирается вместе. Отсюда они уже не выйдут. Здесь им предстоит провести пятьдесят три дня в полной изолированности от окружающего мира, в атмосфере грубых издевательств, с чувством безнадежности своего положения.

В особняке Царской семье было выделено четыре комнаты: «спальня угловая, уборная, рядом столовая с окнами в садик и с видом на низменную часть города и, наконец, просторная зала с аркой без дверей». «Разместились, — пишет Николай II в своем дневнике, — следующим образом: Аликс, Мария и я втроем в спальне, уборная общая, в столовой — А. Демидова, в зале — Боткин, Чемодуров и Седнев. Около подъезда комната караульного офицера. Караул помещался в двух комнатах около столовой[2]. Чтобы идти в ванную и W. C., нужно было проходить ми-

[1] Цит. по: Известия. 14.5.1993.

[2] Позднее караул был помещен в подвальном этаже, а эти две комнаты отдали Царской семье.

мо часового у дверей караульного помещения. Вокруг дома построен очень высокий досчатый забор в двух саженях от окон: там стояла цепь часовых, в садике тоже». Окно в столовой было снаружи завешено ковром, а через несколько дней маляр закрасил окна во всех комнатах известью. «Стало похоже, — пишет Николай Александрович, — на туман, который смотрится в окна». В комнатах стало тускло.

Нет, их не морили голодом, питание приносили регулярно из столовой, постели у них тоже имелись. Но режим установили тюремный. Двери в комнаты не закрывались, в любой момент входила охрана. Прогулки во дворе были очень коротки. Охрана постоянно пьянствовала. Когда Царевны шли в уборную, охранники наблюдали за ними, на стенах писали разные нецензурные выражения, забирались на заборы перед царскими окнами и горланили неприличные песни. Запрещалось смотреть в окно. Когда одна из дочерей Царя, забыв об этом, стала выглядывать в окно, сразу раздались выстрелы. Однажды рядом с домом взорвалась граната. Охранники самым беззастенчивым образом воруют вещи у Царской семьи. «В сарае, — пишет Николай II, — где находятся наши сундуки, постоянно открывают ящики и вынимают разные предметы и провизию из Тобольска. И при этом без всякого объяснения причин.

Все это наводит на мысль, что понравившиеся вещи очень легко могут увозиться по домам и, стало быть, пропасть для нас! Омерзительно!» Еще раньше у Царской семьи и у всех бывших с ней отобрали «лишние деньги» якобы для хранения у казначея Областного Совета! Охрана крала у Царской семьи не только имущество и деньги, но и большую часть припасов, приносимых им из женского монастыря.

В мае 1918-го в Сысерти проводился подбор людей для охраны Дома особого назначения. Уже 9 мая их размещают в доме караульной команды напротив дома Ипатьева. До этого дом охранялся только рабочими Злоказовской суконной фабрики. Команду вооружили винтовками, ручными гранатами и четырьмя пулеметами[1]. Пулеметы были установлены: один — на чердаке дома Ипатьева, дуло направлено на Вознесенскую площадь; второй — на колокольне Вознесенской церкви, также дулом на площадь; третий — на верхней террасе дома, дулом к переулку;

---

[1] До прихода в Дом особого назначения Я. Х. Юровского пулеметов было два.

четвертый — на нижнем этаже дома, дулом в сад, где совершались прогулки Царской семьи. Караульные будки были снабжены телефонами[1].

На прогулку выводили в сад два раза: в 10 часов и днем в 4 часа — на полчаса каждый раз. Караульный Стрекотин оставил описание этих прогулок[2]. Редко на прогулку выходили домочадцы Романовых — Боткин, Демидова, Харитонов и Трупп. Редко выходила Царица, да и то ненадолго. Высокая, стройная, всегда серьезная, гордая и молчаливая, она шла, придерживая сбоку свое длинное темное платье.

Император выходил в полковничьей форме с кокардой на фуражке.

Движения его были быстры и порывисты. Царевич носил также военную форму. Его черные глаза были всегда невеселы. Он был болен и не мог ходить. Выносил его на прогулку сам Царь. «[Он]... осторожно поднимал его, прижимая к своей широкой груди, а тот крепко обхватит руками короткую толстую шею отца... Так Царь вынесет его из дома, усадит в специальную коляску, потом катает его по аллеям. Остановится, наберет камешков, сорвет для него цветов или веточек с деревьев — даст ему, а тот как ребенок кидается ими в кусты. В саду для них были гамаки, но ими пользовались только четыре царские дочери. Две из них — блондинки с серыми глазами, среднего роста и очень похожие одна на другую.

Они были всегда вместе, и обе казались всегда веселыми и разговорчивыми. Вторые — обе барышни, не похожи одна на другую. Одна из них — Татьяна, полная, на вид здоровая красивая брюнетка. Вторая, то есть старшая из всех, Ольга, выше среднего роста, худощавая, бледнолицая, на вид — болезненная, она также мало гуляла в саду и ни с одной из своих сестер не общалась, находилась больше около брата».

Дочери очень скучали, говорили, что им в Тобольске было веселее. Пытались даже разговаривать с охраной. «Отгадайте, как зовут эту собачку?» (Они всегда гуляли с собачками.) Но в ответ сталкивались с грубостью и просто хамством.

По праздникам в доме устраивались богослужения. Во время службы Царская семья участвовала в церковном пении. В обычное время княжны пели духовные песнопения, «Херувим-

---

[1] СПА, ф.221, оп. 2, л. 849.

[2] Там же.

скую песнь», а иногда грустную светскую, на мотив песни «Умер бедняга в больнице военной». Уже после убийства в доме Ипатьева была найдена книга, в которую было вложено переписанное рукой Великой княжны Ольги стихотворение С.С. Бехтеева «Молитва»[1].

МОЛИТВА

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней,
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже Правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать,
И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги!
Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, страшный час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы —
Молиться кротко за врагов[2].

Николай Александрович, члены его семьи и домочадцы часто хворали. Почти постоянно болел сын Алексей, проводивший большую часть времени в постели. Чувство безнадежности все сильнее и сильнее охватывает Царскую семью. Каждодневный характер записей в дневнике Николая II прерывается 7 июня. С этой даты записи в дневнике отсутствуют по 2—3 дня, а то и по неделе. 10 июня Николай Александрович записывает: «Внешние отношения... за последние недели... изменились: тюремщики старались не говорить с нами, как будто им не по себе, и чувствуется как бы тревога или опасение чего-то у них! Непонятно!»

---

[1] Это стихотворение автор переслал Царской семье через А.В. Гендрикову в конце 1917 года.

[2] Савченко П. Русская девушка. Джорданвилль, 1986. С. 33—34.

ГЛАВА 42

Подготовка и установление сроков убийства. — Зондаж общественного мнения. — Разработка плана преступления. — Вариант «наганов». — Вариант бомб. — Вариант убийства при попытке к бегству. — Приказ иудейских вождей. — Яков Шифф и Яков Свердлов.

Изощренный в масонских интригах известный еврейский историк Р. Пайпс, весьма осведомленный в заговорщической деятельности мировой закулисы, по-видимому, сам того не желая, раскрывает методы близких ему по духу цареубийц. «Есть довольно веские подтверждения, — пишет он, — что вскоре после начала чешского восстания Ленин поручил ЧК начать подготовку к уничтожению всех Романовых, проживавших в Пермской губернии. В качестве повода для убийства надо было использовать инсценированные побеги. По указанию Ленина ЧК собиралась устроить изощренные провокации... В Перми и Алапаевске замысел удался, в Екатеринбурге он не понадобился».

Пайпс прослеживает последовательность событий и сопоставляет факты. 12 июня убит великий князь Михаил Александрович. Пермские газеты сообщают, что он бежал, а 17 июня это же сообщение появляется в центральных газетах. Через месяц пресс-бюро Совнаркома подтверждает, что Михаил Романов прибыл через Омск в... Лондон. 18 июня Ленин дает интервью газете «Наше слово». В нем он утверждает, что сообщение о побеге Михаила верно, а вот жив или мертв Николай — правительство пока точно не знает. «Для Ленина было крайне нехарактерно, — рассуждает Пайпс, — давать интервью в «Наше слово», либеральную газету, которая, насколько ей позволяли обстоятельства, критически относилась к большевистскому режиму и с которой большевики обычно старались не связываться. Не менее любопытно его поведение об участи царской семьи — ведь правительство легко могло узнать все относящиеся к делу факты. Вплоть до 28 июня пресс-бюро Совнаркома утверждало, что ему ничего не известно о судьбе бывшего государя, хотя признавало, что поддерживает ежедневную связь с Екатеринбургом. Только 28 июня, якобы после получения телеграммы от главнокомандующего Североуральским фронтом Р. И. Берзина, что 21 июня он лично посетил дом Ипатьева и нашел, что все его жильцы живы, советское руководство сдела-

ло сообщение, что Николай и его семья вне опасности... Задержку на неделю этой информации можно объяснить только как попытку намеренно утаить ее... Такое странное поведение правительства делает правдоподобной гипотезу некоторых современников, что слухи распускались Москвой с целью проверить реакцию общественности на убийство бывшего государя. Только в кругах аристократии и монархистов наблюдалась тревога за судьбу царской семьи. Русский же народ в целом, как и интеллигенция, так и массы, не выказал никакого отношения к судьбе бывшего Царя. Возмущение общественности за границей также не наблюдалось. Явный намек в печати, сделанный с целью проверить реакцию на смерть Царя за границей, не вызвал протеста ни в одной западной стране. Похоже, что безразличие к этим слухам внутри страны и за границей решило участь царской семьи»[1].

В начале июля 1918 года комиссар Голощекин уезжает в Москву, где живет на квартире у Свердлова. В эту поездку назначается конкретный срок убийства Царской семьи, ибо уже 4 июля первый комендант дома Ипатьева А.Д. Авдеев под предлогом злоупотреблений смещается и заменяется Янкелем Юровским (его заместителем назначается Никулин)»[2]. Начинается организованная подготовка к убийству. Не доверяя русским, Юровский заменяет значительную часть внутреннего караула на латышей из Отряда особого назначения под командованием

---

[1] Цит. по: Хейфец. Указ. соч. С. 260.

[2] «В первых числах июля в доме Ипатьева, — пишет Н.А. Соколов, — произошли большие перемены. Авдеев, его помощник Мошкин и все рабочие Злоказовской фабрики, жившие в верхнем этаже, были внезапно изгнаны, а Мошкин был даже арестован. Вместо Авдеева комендантом стал известный уже нам Юровский, а его помощником — некто Никулин. Они заняли ту же комнату под цифрой VI, где жил и Авдеев. Но Юровский проводил лишь день в доме Ипатьева. Никулин же жил в нем. Через несколько дней после появления их прибыли еще десять человек, поселившиеся в нижних комнатах под цифрами II, IV и VI. Они и стали нести внутреннюю охрану. Злоказовские же и Сысертские рабочие, жившие в доме Попова, были совершенно устранены от нее и продолжали нести исключительно охрану наружную». 4 июля Белобородов направляет Голощекину следующую телеграмму:«МОСКВА Председателю ЦИК Свердлову для Голощекина. Авдеев сменен его помощник Мошкин арестован вместо Авдеева Юровский внутренний караул весь сменен Заменяется другими — 4558.Белобородов. 4/VII. Телеграмму принял Комиссар подпись (неразборчива)».(Соколов Н.А. Указ. соч. Снимок № 129).

Я.М. Родионова (Свикке)[1]. Последний, если верить его воспоминаниям, был доверенным лицом Ленина и имел с ним связь через специального шифровальщика М.М. Кованова. Очень вероятно, что внедрение в дом Ипатьева Родионова и бойцов его отряда было сделано по указанию Ленина, так как отряд Родионова подчинялся только центру. Из числа русских во внутреннем карауле остались только командир пулеметчиков А.Г. Кабанов, В.Н. Нетребин и еще два-три человека.

Членам караула запрещается разговаривать с узниками под страхом расстрела. Из посторонних лиц дом посещают только Белобородов, Голощекин и Сафаров.

С караулом проводятся специальные занятия, целенаправленно внушается чувство ненависти к Царю. Занятия эти проводил сам Юровский. Охранникам караульной команды внушается мысль: «Почему Царю была дана неограниченная власть? Почему он утопает в роскоши и богатстве? Даже теперь, когда он уже не Царь, у него все равно много богатства. Здесь, во дворе дома, все склады загружены его имуществом (это имущество Юровский специально афиширует, «поджигая» команду). Вы всю жизнь гнули спины, а у вас ничего нет. А сколько людей погибло из-за этого проклятого Царя и в тюрьме, и на каторге?!» Царскую семью необходимо расстрелять, все ее члены совершенно взрослые и сознательные, вместе с коронованным палачом превращали Россию «в тюрьму народов». «Свинья не родит бобра — все они хороши, и ни от кого из них добра не жди. Пусть долг платежом красен будет».

Одним из охранников внутреннего караула Юровским был назначен Нетребин Виктор Никифорович, восемнадцатилетний парень, написавший в середине 20-х годов об этом воспоминания. Примерно за две недели до убийства Царя «я и еще несколько товарищей, — пишет он, — был взят с (военных) занятий тов. Юровским. Вскоре нам было объяснено, что мы взяты для охраны во внутреннем карауле б. Царя и что, возможно, нам придется выполнить казнь б. Царя, и что мы должны держать строго в тайне все могущее совершиться в доме заключения б. Царя»[2].

---

[1] В воспоминаниях бойца этого отряда М.М. Кованова говорилось: «Дисциплина и конспирация в отряде была образцовой. Недаром этому отряду в Свердловске, а затем в Перми пришлось ликвидировать последышей царизма — Романовых» (Ильичева С. Указ. соч.).

[2] СПА, ф. Ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 173.

Внутренний караул состоял из нескольких смен по 5 человек. Та смена, в которой служил Нетребин, включала двух «латышей». Комната Юровского размещалась на одном этаже с узниками, в ней находилось множество бомб. «Получив объяснение от т. Юровского, что нужно подумать о том, как лучше провести казнь, — продолжает Нетребин, — мы стали обсуждать вопрос. Не помню, кто-то из нас предложил следующее. Запереть заключенных в комнату угловую, она была занята ими же, и бросить две бомбы. Так мы и решили. Чтобы решить, кому кидать бомбы, мы бросили жребий. Жребий выпал на двоих — старшему латышу и мне. День, когда придется выполнить казнь, нам был неизвестен, но все же мы чувствовали, что скоро он настанет. Прошло несколько дней... Мы снова обсудили о методе казни и решили его изменить. Мы решили расстрелять из наганов в находящейся внизу комнате»[1].

В ночь перед убийством преступники снова вернулись к варианту с бомбами, обсуждали и другие варианты. «Может быть, когда уснут, забросать комнаты гранатами? Не годится — грохот на весь город. Юровский предложил второй вариант: зарезать всех кинжалами в постелях. Даже распределили, кому кого приканчивать»[2].

Юровский готовился к убийству тщательно. 11 июля он вместе с Ермаковым бродит возле деревни Коптяки, в районе Ганиной Ямы, подыскивая место для тайного захоронения[3]. 15 июля Юровского встречают в этих местах еще один раз. П.Л. Войков подготавливает серную кислоту, керосин, спирт, сукно для заворачивания трупов, привлекается «специалист» по сжиганию, некто чекист Павлушин. На окнах устанавливаются решетки. Еще 4 июля Юровский переписывает все царские драгоценности и оставляет их на столе в опечатанном ящике, предупреждая Царскую семью, что будет приходить и проверять ежедневно.

Оперативные руководители убийства — Н.Г. Толмачев, А.Г. Белобородов, Г.И. Сафаров и Ш.И. Голощекин.

---

[1] СПА, ф. Ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 173.

[2] Из воспоминаний чекиста М.А. Медведева // Совершенно секретно. 1993. № 8.

[3] Кроме Ермакова, руководство операцией по сокрытию трупов было поручено М.А. Медведеву. «... Принимать трупы я поручил Михаилу Медведеву... — сообщал Юровский. — Это он вместе с Ермаковым Петром Захаровичем должен был принять и увезти трупы...» (Стенограмма совещания старых большевиков от 1 февраля 1934 года при Уральском областном Истпарте).

Конечно, работа ведется не одним Юровским. Для подготовки убийства создается специальная комиссия. Об этом пишет в своей автобиографии председатель Уральской Областной Чека Федор Лукоянов[1]. В комиссию входили, кроме Лукоянова, Голощекин, Сафаров, Войков, Сосновский, Белобородов, Быков, возможно, и другие лица. «На предварительном совещании в областном совете, — писал П. Быков, — был намечен порядок расстрела и способ уничтожения трупов»[2].

Участники расследования злодейского убийства Царской семьи генерал М.К. Дитерихс и английский журналист Р. Вильтон в своих книгах свидетельствуют, что за день до совершения преступления «в Екатеринбург из Центральной России прибыл специальный поезд, состоявший из паровоза и одного пассажирского вагона. В нем приехало лицо в черной одежде, похожее на иудейского раввина. Это лицо осмотрело подвал дома», где и было совершено убийство.

Судя по всему, с самого начала разрабатывается несколько вариантов убийства. И убийство как расстрел, и убийство как попытка к бегству. Это мое предположение подтверждается сопоставлением деятельности большевистского правительства и некоторых странных событий, развивающихся в Екатеринбурге. Как справедливо отмечает еврейский историк Хейфец, в тот же день, когда было опубликовано совнаркомовское сообщение о бегстве Михаила, в Екатеринбурге появился некий посланец «монархических кругов» «Сидоров» и добился от советского начальства разрешения передавать в дом Ипатьева свежие молочные продукты из ближнего монастыря. И назавтра после заявления Ленина (18 июня), так-таки и не узнавшего, жив или погиб в эти самые дни Николай II, в дом как раз монахиня принесла бутылку сливок, в пробке которой была спрятана записка на французском языке от мнимого офицера, провоцирующая Царскую семью на побег[3].

21 июня дом Ипатьева посетил командующий Североуральским фронтом Берзин со свитой, а на следующий день пришла группа рабочих и открыла наглухо забитое окно. Еще через два дня пришло письмо от мнимого офицера, в котором настоятельно требовалось, чтобы одно окно открывалось. Таково бы-

---

[1] ППА, ф. 90, оп.1, д. 11—23.

[2] Быков П.М. Последние дни Романовых. Свердловск, 1926 (далее — Быков). С. 114.

[3] Хейфец. Указ. соч. С. 261.

ло, видимо, условие чекистского плана. Инсценировать побег через окно. Отправить семью подальше от города, а там и убить. Возможно, именно для этого сценария предлагался вариант убить Царскую семью, привязать к телам камни и утопить в реке. С 26 на 27 июня Царская семья провела тревожную ночь, бодрствовали одетыми, ожидая своих спасителей. Уже в 60-е годы бывший член Уральской Чека И. Радзинский (в некоторых источниках — Родзинский) сообщил, что Уральской Чека тогда были сфабрикованы четыре письма по-французски с предложением Николаю бежать из заключения за подписью: «Офицер»[1]. Составил эти письма пламенный революционер Пинхус Лазаревич Войков (Вайнер) так искусно, что Царь им даже поверил[2].

По-видимому, прорабатывался вариант «побега». Чекисты хотели спровоцировать Царя на побег, добиться того, чтобы он ответил согласием этому фальшивому «офицеру», а затем организовать спектакль с бегством, во время которого ликвидировать Царскую семью, предъявив всем письменные доказательства заговора Царя. Царь на провокацию не поддался[3]. Преступникам не удалось получить от Царя никакого письменного подтверждения своего согласия на побег, а без этого подтверждения версия побега теряла свой смысл. Цареубийцам нужны были свидетельства заговора. Но, скажем, подложить оружие в комнаты, которые занимала Царская семья, они могли (что и сделали), но нужна была хотя бы одна записка Царя, а ее не было. И поэтому пламенным революционерам оставалось только прямое убийство.

---

[1] Вот фрагмент одного из этих писем: «...Мы, группа офицеров русской армии, которая не потеряла совести, долга перед Царем и Отчеством своим. Мы вас не информируем насчет нас детально по причине, которую вы хорошо понимаете, но ваши друзья Д. и Г., которые уже спасены, нас знают. Час освобождения приближается, и дни узурпаторов сочтены. Во всяком случае армии словаков приближаются все ближе и ближе к Екатеринбургу... Не забывайте, что большевики в последний момент будут готовы на всяческие преступления. Момент настал, нужно действовать. Ждите свистка к 12 ночи — это и будет сигналом. Офицер».

[2] Огонек. 1990. № 2. С. 27.

[3] Надежда на вызволение теплилась у Царской семьи до самых последних дней. 27 июня в царском дневнике запись, что узники провели тревожную ночь и бодрствовали одетыми. «Все это произошло от того, что на днях мы получили два письма, одно за другим, в которых нам сообщали, чтобы мы приготовились быть похищенными какими-то преданными людьми! Но дни проходили, и ничего не случилось, а ожидание и неуверенность были очень мучительны».

16 июля из Москвы через Пермь «была получена телеграмма на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых»[1]. Об этом сообщает в своих воспоминаниях Юровский. Хотя у него и говорится о телеграмме из Перми, но ясно, что пермские органы, подчинявшиеся Уралсовету, не могли ему приказывать, следовательно, приказ шел из Москвы через Пермь. В телеграмме от 16.7.1918 года Екатеринбург через Петроград запрашивал у Москвы подтверждение разрешения на убийство Царской семьи. Телеграмма за подписью Г.Е. Зиновьева гласила: «Москва, Кремль, Свердлову, копия Ленину, из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: сообщите Москву, что условленного с Филипповым суда по военным обстоятельствам не терпит отлагательства, ждать не можем. Если ваше мнение противоположно, сейчас же вне всякой очереди сообщите. Голощекин, Сафаров. Снеситесь по этому поводу сами с Екатеринбургом»[2].

Филиппов, Товарищ Филипп — партийные клички Голощекина. «Суд» — кодовое обозначение намеченного злодейского убийства. Из телеграммы ясно, что оно готовилось с участием Ленина и Свердлова и было одобрено всем большевистским синедрионом. Существует версия, согласно которой Яков Свердлов телеграфно приказал Шае Голощекину убить всю Царскую семью в исполнение приказа, полученного им от американского банкира Я. Шиффа, финансировавшего антирусскую революцию[3]. В 1922 году следователю Н.А. Соколову с помощью специалиста по шифрам удалось прочитать телеграфные сообщения, которыми большевистские вожди обменивались перед убийством Царской семьи[4]. В одном из этих сообщений Свердлов вызывает к аппарату Юровского и сообщает ему, что на его донесение в Америку Шиффу об опасности захвата Царской семьи белогвардейцами или немцами последовал приказ, подписанный Шиффом, о необходимости «ликвидировать всю семью». Приказ этот был передан в Москву через Американ-

---

[1] СПА, ф.221, оп. 2, д. 497, л. 7.

[2] Аргументы и факты. 1990. № 40.

[3] Кто убил Царскую семью // Царский Вестник. 1939. № 672; Григорьев И. Как Ленин, Свердлов, Голощекин и Юровский «спасали» Царскую семью. Б. в. д. С. 7.

[4] Сообщения эти содержались на зашифрованных лентах, которые были в спешке брошены красными, попали в руки Белой армии и по распоряжению Колчака были переданы в распоряжение следователя Соколова.

скую Миссию, находившуюся тогда в Вологде, равно как и через нее же передавались в Америку и донесения Свердлова.

Свердлов подчеркивал в своем разговоре по прямому проводу, что никому другому, кроме него, Свердлова, обо всем этом не известно, и что он в таком же порядке передает приказание «СВЫШЕ» — ему, Юровскому, для исполнения.

Юровский, по-видимому, не решается сразу привести в исполнение этот приказ, но на следующий день он вызывает к аппарату Свердлова и высказывает свое мнение о необходимости убийства лишь ГЛАВЫ СЕМЬИ — последнюю же он предлагал эвакуировать. Свердлов снова категорически подтверждает приказание убить ВСЮ семью, выполнение этого приказа ставит под личную ответственность Юровского. Последний на следующий день выполняет приказ, донеся Свердлову по прямому проводу ОБ УБИЙСТВЕ ВСЕЙ СЕМЬИ[1].

В тот же вечер Янкель Свердлов отправил человека на теле-

---

[1] Подлинных документов, подтверждающих эту версию, не сохранилось. Сведения о контактах Я. Шиффа и Я. Свердлова были лично сообщены Соколовым в октябре 1924 года, т. е. за месяц до внезапной его кончины, его другу, знавшему его еще как гимназиста пензенской гимназии. Этот личный друг Соколова видел и оригинальные ленты, и их расшифрованный текст. Соколов, как можно видеть из его письма своему другу, считал себя «обреченным», а потому он и просил своего друга прибыть к нему во Францию, чтобы передать ему лично факты и документы чрезвычайной важности. Доверять почте этот материал Соколов не решался, так как письма его, по большей части, по назначению не доходили. Кроме того, Соколов просил своего друга ехать с ним в Америку к Форду, куда последний звал его как главного свидетеля по делу возбуждаемого им процесса против банкирского дома «Кун, Лоеб и К°». Процесс этот должен был начаться в феврале 1925 года. Поездка, однако, не состоялась, так как Соколов, которому в то время было 40 с небольшим лет, внезапно умер в ноябре 1924 года. В первое посещение Соколовым Форда тот советовал ему не возвращаться в Европу, говоря, что это возвращение грозит ему опасностью. Соколов не послушал Форда, имевшего, очевидно, основание отговаривать Соколова от поездки в Европу. Как известно, Соколовым были опубликованы материалы об убийстве Царской семьи. Русское и французское издания не вполне идентичны. Полное опубликование следственного материала, в том числе и текста телеграммы, оказалось для Соколова невозможным, так как издательства не соглашались на их опубликование, очевидно, опасаясь неприятностей со стороны Всемирного Еврейского Союза (Царский Вестник. 1939. № 672). В 1996 году, работая в архиве Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, мне удалось установить имена автора статьи в «Царском Вестнике» и друга Соколова. Автор статьи — доктор Константин Николаевич Финс. Статья была написана им со слов однокашника и друга Соколова профессора Белградского университета по кафедре лесоводства А. Шиншина.

граф на Мясницкой улице, вручив ему текст телеграммы с приказом на убийство, и сказал: «Поосторожней отправляй», — это значит, что обратно надо было принести не только копию телеграммы, но и ленту. «Когда телеграфист передал телеграмму (в Екатеринбург. — *О. П.*), — пишет исполнитель этого поручения, — я потребовал от него копию и ленту. Ленту он мне не отдавал. Тогда я вынул револьвер и стал угрожать телеграфисту. Получив от него ленту, я ушел»[1].

Очень вероятно, что приказ об убийстве Царской семьи был продублирован по дополнительному каналу. Когда Я.М. Свердлов прислал в Екатеринбург команду «на уничтожение», то и командир латышей Я.М. Свикке-Родионов получил такой же приказ. Бывший шифровальщик и казначей Михаил Кованов утверждает в своих воспоминаниях:

«Мы получили шифровку»[2].

Вечером руководитель этого преступления Голощекин дает приказ Юровскому убить Царскую семью ночью 17 июля. Юровский к этому уже готов. Назначение дня и часа цареубийства на ночь 17 июля было не случайным, а объяснялось особыми условиями ритуала по убийству Православного Царя, Удерживающего Христианского мира. Зарождение Русского Православного Царства началось трудами Великого князя Андрея Боголюбского, который, по словам архимандрита Константина (Зайцева), «если не по имени, то по существу, по замыслу был первым русским Царем»[3]. 17 июля 1174 года Великий князь Андрей был убит в Боголюбове заговорщиками, важную роль среди которых сыграли два «жидовина» — ключник Анбал и Офрем Моизович (Моисеевич). По летописи, убийство было совершено самым изуверским образом, а тело князя осквернено. Организаторы ритуала иудейских сект, очень тщательно относящиеся к деталям подготовки подобных обрядов, выбрали эту дату, чтобы замкнуть каббалический магический круг — начала и конца Русского Православного Царства[4].

---

[1] Аргументы и факты. 1990. № 40.

[2] Ильичева С. Сенсационный список: Юровский не был главным цареубийцей // НБГ. 1991. № 1 (октябрь). Изд. НАПФ «Пардаугава» (г. Рига).

[3] Константин (Зайцев), архимандрит. Чудо русской истории. Джорданвилль, 1970. С. 298.

[4] См. главу 3 этой книги.

ГЛАВА 43

Совершение кровавого ритуала. — Выбор комнаты. — Жертвы расставлены по определенным местам. — Обычай иудейских сект. — Раввин, внук раввина и хасид. — Заклание Царствующей Династии. — Спор цареубийц.

Для ритуального убийства заранее была выбрана одна из комнат нижнего, подвального этажа. Ее размер составлял 5,3х4,4 метра. В комнате имелось единственное окно с двойными рамами, обращенное в сторону Вознесенского переулка, покрытое снаружи толстой железной решеткой. Из комнаты этой нельзя было убежать, за ней находилась глухая кладовая. Комната была сильно углублена в землю и закрыта снаружи высоким забором. Шум, исходивший из этой комнаты, в значительной степени поглощался землей. Низкий сводчатый потолок, опиравшийся на каменную арку, тусклая электролампочка и полосатые желтые обои завершали состояние обреченности, которое ощущали жертвы, оказавшиеся в ней. Вероятно, такое же состояние испытывали христианские мученики, связанные по рукам и ногам иудейскими сектантами перед обрядом обескровливания тела для получения крови в ритуальных целях.

Для совершения убийства комнату освобождают от мебели. В смежном помещении прячется команда убийц. В нее входят Я.Х. Юровский, П.З. Ермаков, П.С. Медведев, Г.П. Никулин, М.А. Медведев (Кудрин), позднее к ним присоединился А.Г. Кабанов, и несколько (5—7) «латышей», возглавляемых, по-видимому, Родионовым (наст. фамилия Свикке). В числе «латышей», кроме самого Свикке, были пятеро из команды латышей внутреннего караула[1]. Двое из них «отказались стрелять в девицу» и сразу же были заменены другими латышами. Команда собралась не сразу. Ермаков вместе с чекистом М.А. Медведевым, которым поручено спрятать трупы, опаздывают на полтора часа.

Наконец Ермаков приезжает в дом Ипатьева в легковом автомобиле Р.И. Берзина. Вместе с Ермаковым в автомобиле

---

[1] Вот имена всех латышей, состоявших во внутренней охране Ипатьевского дома: Я.М. Цельмс, Я. Каяке, Я.М. Сникер, Я. Индриксон, Н.П. Круминьш, К.Б. Круминьш, Э. Озолиньш, Э.Ф. Сирупс, К. Пратниэк, Э.А. Рубенис (свидетельство С. Ильичевой, встречавшейся с комиссаром Отряда особого назначения, часть которого несла службу внутренней охраны в доме Ипатьева).

находился и Ш.И. Голощекин. Вероятно, раньше их в дом прибывает Белобородов. Чуть позднее к дому подходит управляемый шофером С.И. Люхановым 3,5-тонный грузовик «Фиат», который загоняют во двор и оставляют с работающим двигателем. По замыслу убийц, его шум и хлопки должны заглушить выстрелы и крики. В одной из комнат нижнего этажа затаился и, видимо, начал выполнять определенные ритуальные действия еврей «с черной как смоль бородой»[1], вероятно, раввин.

В ритуальном действе участие принимают три ожесточенных иудея: прибывший тайно раввин, внук раввина Я.Х. Юровский и выученик невельских хасидов Ш.И. Голощекин. Последний как представитель Я.М. Свердлова лично в расстреле не участвовал, но должен был проследить его исполнение. Он был главным ответственным за совершение изуверского обряда перед вождями еврейских большевиков и Я. Шиффом. Не исключено, что во время ритуального убийства Голощекин находился рядом с раввином.

Около двух часов ночи Юровский будит царского врача Боткина (он спал недалеко от двери) и просит его поднять всех остальных. «Ввиду того, что в городе неспокойно, необходимо перевести семью Романовых из верхнего этажа в нижний». Семья одевалась и умывалась около получаса. Затем Юровский свел их по лестнице в подготовленную комнату.

Внук раввина заводит членов Царской Династии Русского Православного Царства через дверь, расположенную в западной части комнаты, и расставляет их в определенном порядке напротив восточной и частично южной стен. На восток обращены алтари христианских церквей. В наступлении на восток с запада идет движение антихриста. По замыслу организаторов кровавого ритуала Русский Царь, Удерживающий Христианского мира, должен пасть, как алтари христианских церквей. На заклание ставится не простой человек, а Помазанник Божий, его супруга,

---

[1] О еврее с черной бородой сообщает участвовавший в следствии Р. Вильтон. По его свидетельству, этот еврей прибыл, по-видимому, из Москвы в сопровождении собственной охраны в обстановке полной секретности (Вильтон Р. Последние дни Романовых. Берлин, 1923. С. 92). «О прибытии некоего высокопоставленного еврея из Москвы свидетельствует найденный следствием в камине Ипатьевского дома незаполненный бланк на идише издававшегося в Москве периодического издания — органа центрального комитета еврейской коммунистической организации. Характерно, что редакция располагалась в здании, находившемся на Варварке, как раз напротив палат Романовых» (Фомин С. Россия перед вторым пришествием. Т. 2. С. 671).

потомство и верные слуги. Умереть должны все, брызгами своей крови оросив друг друга. Юровский заканчивает последние приготовления к ритуалу. В напряженной готовности за стеной застыли раввин и Голощекин. Молча наблюдает за всем Белобородов. В комнате Император Николай Александрович, Императрица Александра Федоровна, их сын, Наследник Престола четырнадцатилетний Царевич Алексей, их дочери: двадцатитрехлетняя Ольга, двадцатиоднолетняя Татьяна, девятнадцатилетняя Мария и семнадцатилетняя Анастасия, личный врач Царской семьи Евгений Сергеевич Боткин, личный повар Харитонов, царский лакей Трупп и комнатная девушка Царицы Анна Демидова. В комнате нет мебели, и Александра Федоровна просит принести стулья. Приносят только два. На один усаживают Государыню, на другой — Царевича Алексея. На некоторое время устанавливается напряженное молчание. По установленному сигналу входят двенадцать человек. Юровский зачитывает смертный приговор. И сразу гремят залпы, начинается бойня. Государь и Государыня пали первыми. Другим предстоит испытать еще страшные муки. «Алексей, три из его сестер, фрейлина и Боткин были еще живы, — пишет Юровский. — Их пришлось пристреливать. Это удивило... [меня]... т.к. целили прямо в сердце. Удивительно было и то, что пули от наганов отскакивали от чего-то рикошетом и как град прыгали по комнате. Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсаж»[1]. (Позднее, когда начался грабеж и убийцы стали раздевать свои жертвы, выяснилось, что на девушках были надеты корсеты с зашитыми в них бриллиантами, о них и рикошетили пули. Царь с Царицей знали, что им отсюда живыми не выйти, но надеялись на спасение своих дочерей, которым передали свои драгоценности.)

Так излагал события сам Янкель Юровский. Но дам слово и другим участникам. Охранник Стрекотин вспоминает, что в ту ночь к нему подошел начальник караула Медведев и подал ему револьвер. «— Для чего он мне? — спросил я Медведева. — Скоро будет расстрел, — сказал он мне и быстро удалился. Вскоре вниз спустился с Медведевым Никулин[2] и еще кто-то, не пом-

---

[1] Здесь и далее записку Юровского я даю по экземпляру, хранящемуся в бывшем Свердловском партархиве. По ряду деталей она отличается от опубликованной ранее.

[2] Стрекотин по ошибке называет Никулина Окуловым (наверно, по ассоциации с акулой). Всюду в тексте я исправил эту ошибку.

ню. Зашли в одну из комнат и вскоре ушли обратно. Но вот вниз спустилась неизвестная для меня группа людей, человек 6—7. Никулин ввел их в эту комнату, в которой он только что был перед этим. Теперь я окончательно убедился, что готовится расстрел. Но я не мог представить — когда, где и кто будет исполнителем. Вверху послышались электрозвонки, потом шорох ходьбы людей (звонками будили Царскую семью), наконец слышу шаги людей, вниз спускалась вся семья Романовых и их приближенные. Тут же идут Юровский, Никулин, Медведев и Ермаков, последнего я знал по дутовскому фронту...

Все арестованные были одеты по обыкновению чисто и нарядно. Царь на руках несет своего сына... Царевна, дочь Анастасия, несет на руках маленькую курносую собачку, экс-императорша под ручку со своей старшей дочерью — Ольгой...

Никулин вскоре вышел обратно, проходя мимо меня, он сказал: для Наследника понадобилось кресло, видимо, умереть он хочет в кресле. Ну что ж, пожалуйста, принесем. Когда арестованные были введены в комнату, в это время группа людей, что раньше вошла в одну из комнат, и направилась к комнате, в которую только что ввели арестованных. Я пошел за ними, оставив свой пост. Они и я остановились в дверях комнаты.

Юровский коротким движением рук показывает арестованным, как и куда нужно становиться, и спокойно, тихим голосом — пожалуйста, вы станьте сюда, а вы вот сюда, вот так в ряд.

Арестованные стояли в два ряда, в первом — вся царская семья, во втором — их лакеи, Наследник сидел на стуле. Правофланговым в первом ряду стоял Царь. В затылок ему стоял один из лакеев. Перед Царем, лицом к лицу, стоял Юровский, держа правую руку в кармане брюк, а в левой держал небольшой листок, потом он читал приговор... Не успел он докончить последние слова, как Царь громко переспросил: «Как, я не понял? Прочитайте еще раз». Юровский читал вторично, при последнем слове он моментально вытащил из кармана револьвер и выстрелил в упор в Царя. Сойкало несколько голосов. Царица и дочь Ольга пытались «осенить себя крестным знаменем» (так в тексте. — *О. П.*), но не успели. Одновременно с выстрелом Юровского раздались выстрелы групп людей, специально призванных для этого, — Царь «не выдержал» единственной пули нагана, с силой упал навзничь. Свалились и остальные десять человек. По лежащим было сделано еще несколько выстрелов. Дым заслонил электрический свет и затруднил дыхание.

Стрельба была прекращена, были раскрыты двери комнаты с тем, чтоб дым разошелся.

Принесли носилки, начали убирать трупы, первым был вынесен труп Царя. Трупы выносили на грузовой автомобиль, находящийся во дворе, когда клали на носилки одну из дочерей, она вскричала и закрыла лицо рукой. Живыми оказались также и другие. Стрелять было уже нельзя, при раскрытых дверях выстрелы могли быть услышаны на улице. По словам товарищей из команды, даже первые выстрелы были слышны на всех внутренних и наружных постах. Ермаков взял у меня винтовку со штыком и доколол всех, кто оказался живым. Когда были вынесены трупы и ушла автомашина, только после этого наша смена была сменена с дежурства»[1].

«Арестованные уже все лежали на полу, истекая кровью, а Наследник все еще сидел на стуле, — дополняет Стрекотин в другом варианте своих воспоминаний. — Он почему-то долго не упадал со стула и оставался еще живым. Впритруть (так в тексте *О. П.*) начали ему стрелять в голову и грудь, наконец и он свалился со стула. С ними вместе была расстреляна и та собачка, которую принесла с собой одна из дочерей... Трупы выносили на грузовой автомобиль, находящийся во дворе. Второй на носилки стали ложить одну из дочерей Царя, но она оказалась живой, закричала и закрыла лицо рукой. Кроме того, живыми оказались еще одна из дочерей и та особа, дама, которая находилась при царской семье. Стрелять в них было уже нельзя, так как двери все внутри здания были раскрыты, тогда тов. Ермаков, видя, что я держу в руках винтовку со штыком, предложил мне доколоть оставшихся в живых. Я отказался, тогда он взял у меня из рук винтовку и начал их докалывать. Это был самый ужасный момент их смерти. Они долго не умирали, кричали, стонали, передергивались. В особенности тяжело умерла та особа — дама. Ермаков ей всю грудь исколол. Удары штыком он делал так сильно, что штык каждый раз глубоко втыкался в пол. Один из расстрелянных мужчин, видимо, стоял до расстрела во втором ряду и около угла комнаты, и когда их стреляли, он упасть не мог, а просто присел в угол и в таком положении остался умершим»[2].

«Последней пала, — пишет в своих записках восемнадцати-

---

[1] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 849, л. 1—18.

[2] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 164.

летний участник убийства Виктор Никифорович Нетребин, — горничная Царицы (Демидова. — *О. П.*), которая защищалась подушечкой, находящейся у ней в руках. Но очень долго были признаки жизни у бывшего Наследника, несмотря на то, что он получил много выстрелов. Младшая дочь б. Царя упала на спину и притаилась убитой. Замеченная тов. Ермаковым, она была убита выстрелом в грудь. Он, встав на обе (ее. — *О. П.*) руки, выстрелил ей в грудь»[1].

Свою версию событий дает П.З. Ермаков. По ней он был главным организатором и исполнителем убийства всех членов Царской семьи и лично сам убил Царя. О подоплеке этой версии мы еще расскажем позднее, а сейчас слово Ермакову. «Когда позвали меня, — пишет он, — то мне сказали: — на твою долю выпало счастье — расстрелять и схоронить так, чтобы никто и никогда их трупы не нашел, под личную ответственность. Сказали, что мы доверяем как старому революционеру. Поручение я принял и сказал, что будет выполнено точно, подготовил место, куда везти и как скрыть, учитывая все обстоятельства важности момента политического. Когда я доложил Белобородову, что могу выполнить, то он сказал: «сделай так, чтобы были все расстреляны, мы это решили». Дальше я в рассуждения не вступал, стал выполнять так, как это нужно было. Получил постановление 16 июля в 8 часов вечера, сам прибыл с двумя товарищами и др. латышом, теперь фамилии не знаю, но который служил у меня в отряде, в отделе карательном. Прибыл в 10 часов ровно в Дом особого назначения, вскоре пришла моя машина малого типа грузовая. В 11 часов было предложено заключенным Романовым и их близким, с ними сидящим, спуститься в нижний этаж. На предложение сойти вниз были вопросы, для чего? Я сказал, что вас повезут в центр, здесь вас держать больше нельзя, угрожает опасность, как наши вещи, спросили, я сказал, ваши вещи мы соберем и выдадим на руки, они согласились, сошли книзу, где для них были поставлены стулья вдоль стены. Хорошо сохранилось у меня в памяти. 1 фланга сел Николай, Алексей, Александра, ст. дочь, Татьяна, далее доктор Боткин сел, потом фрейлина и дальше остальные.

Когда все успокоилось, тогда я вышел, сказал своему шоферу: действуй, он сказал, что надо делать, машина загудела, появились хлопки, все это нужно было для того, чтобы заглушить

---

[1] Там же.

выстрелы, чтобы не было звука слышно на воле, все сидящие чего-то ждали, у всех было напряженное состояние, изредка перекидывались словами, но Александра несколько слов сказала не по-русски, когда все было в порядке, тогда я коменданту Юровскому дал в кабинете постановление областного исполнительного комитета, то он усомнился, почему всех, но я ему сказал, надо всех и разговаривать нам с вами долго нечего, время мало, пора приступить. Я спустился книзу совместно с комендантом, надо сказать, что уже заранее было распределено, кому и как стрелять. Я себе самого взял Николая, Александру, дочь, Алексея потому, что у меня был маузер, им можно верно работать, остальные были наганы. После спуска в нижний этаж мы немного обождали, потом комендант предложил всем встать, все встали, но Алексей сидел на стуле, тогда стал читать приговор-постановление, где говорилось по постановлению Исполнительного комитета расстрелять. Тогда у Николая вырвалась фраза: так нас никуда не повезут? Ждать дальше было нельзя, я дал выстрел в него в упор, он упал сразу, но и остальные также. В то время поднялся между ними плач, один другому бросался на шею, затем дали несколько выстрелов и все упали. Когда я стал осматривать их состояние, которые (так и в подлиннике. — *О. П.*) были еще живы, то я давал новый выстрел в них. Николай умер с одной пули, жене дано две и другим также по несколько пуль...»[1]

К воспоминаниям Ермакова следует относиться с большой осторожностью — психически надломленный, постоянно нетрезвый, Ермаков был склонен к хвастовству и вранью. В своей краткой биографии, написанной им в 1932-м, он описывал свое участие в цареубийстве так, как будто он совершил его единолично и сам же уничтожил трупы. Вот его откровения, хранящиеся в бывшем Свердловском партийном архиве:

«Уральским Исполнительным Комитетом я был назначен начальником охраны дома особого назначения, где содержался бывший Царь Романов и его семья под арестом.

16 июля 1918 года по постановлению Областного Исполнительного Комитета о расстреле бывшего Царя Романова я постановление привел в исполнение, сам Царь, а также и семья была мною расстреляна. И лично мной самим трупы были со-

---

[1] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 774, л. 8—9.

жжены. При захвате белыми Свердловска остатков трупов Царя найти не удалось.

3 августа 1932 года»[1].

Некоторые подробности об убийстве Царской семьи в 1921 году сообщил один из организаторов преступления, П. Быков. Однако в его статье многие сведения намеренно фальсифицируются. Вину за расстрел он пытается переложить на левых эсеров, главным организатором у него представлен Ермаков, и ни слова не говорится об определяющей роли Голощекина и Юровского. Вопрос о расстреле Романовых, пишет Быков, ставился на заседании Совета «еще в конце июня». На немедленном расстреле настаивали больше всех Хотимский, Сакович и другие члены Совета из партии левых эсеров. «Вопрос о расстреле Николая Романова и всех бывших с ним принципиально был разрешен в первых числах июля. Организовать расстрел и назначить день поручено было президиуму Совета. Приговор был приведен в ночь с 16 на 17 июля.

В заседании президиума ВЦИК, состоявшемся 18 июля, председатель Я.М. Свердлов сообщил о расстреле бывшего царя. Президиум ВЦИК, обсудив все обстоятельства, заставившие Уральский Областной Совет принять решение о расстреле Романова, постановление Уралсовета признал правильным. <...>

Организация расстрела и уничтожения трупов расстрелянных поручена была одному надежному революционеру, уже побывавшему в боях на дутовском фронте, рабочему В.-Исетского завода — Петру Захаровичу Ермакову. Самую казнь бывшего царя нужно было обставить такими условиями, при которых было бы невозможно активное выступление приверженцев царского режима. Поэтому избран был такой путь.

Семье Романовых было объявлено, что из верхнего этажа, в комнатах которого они помещались, им необходимо спуститься в нижний. Вся семья Романовых — бывший царь Николай Александрович, жена его Александра Федоровна, сын Алексей, дочери, домашний доктор семьи Боткин, «дядька» наследника и

---

[1] СПА, ф. 41, оп. 2, д. 79; как вспоминал о Ермакове его подельник по преступлению Г.П. Никулин: «И вот этот товарищ Ермаков, о котором я рассказывал, который себя неприлично вел, присваивая себе после главенствующую роль, что это он все совершил единолично, без всякой помощи. И когда ему задавали вопрос: «Ну, как же ты сделал?» — «Ну, просто, говорит, брал, стрелял и все». (РЦХИДНИ, ф. 588, оп. 3с, д. 13, л. 18).

бывшая принцесса-фрейлина, оставшиеся при семье, — около 10 часов вечера сошли вниз. Все были в обычном домашнем платье, т.к. спать всегда ложились позже. Здесь, в одной из комнат полуподвального этажа, им всем предложили стать у стены. Комендант дома, бывший в то же время и уполномоченным Уралсовета, прочитал смертный приговор и добавил, что надежды Романовых на освобождение напрасны — все они должны умереть. Неожиданное известие ошеломило осужденных, и лишь бывший царь успел сказать вопросительно — «так нас никуда не повезут?». Выстрелами из револьверов с осужденными было покончено... При расстреле присутствовало только четыре человека, которые и стреляли в осужденных.

Около часу ночи трупы казненных были отвезены за город в лес, район Верх-Исетского завода и дер. Палкиной, где и были на другой день сожжены. Самый расстрел прошел незаметно, хотя и был произведен почти в центре города. Выстрелы не были слышны благодаря шуму автомобиля, стоявшего под окнами дома во время расстрела. Даже караул по охране дома не знал о расстреле и еще два дня спустя аккуратно выходил в смену на наружных постах»[1].

В начале 90-х опубликованы материалы о существовании еще одного претендента на «честь» убийцы Царя. Всплывает некто Михаил Александрович Медведев (Кудрин), член Уральской коллегии Чека. Ранее это имя нигде не фигурировало. Был известен Павел Спиридонович Медведев, соратник Юровского, начальник караула. О нем упоминает Стрекотин, они оба были земляки, родом из Сысерти. При бегстве красных Медведев попал в плен, был опознан, допрошен следователем Соколовым. Ему он сообщил много подробностей убийства, утаив свое участие в нем (во время убийства его якобы посылали на улицу послушать, не слышно ли выстрелов). При обыске у Медведева были обнаружены вещи Царской семьи. В общем, чтобы спасти свою шкуру, Павел Спиридонович честно «раскололся», заложив всех своих соратников. Умер он в тюремной больнице от тифа в 1919 году. И вот другой Медведев — участник убийства. Есть запись беседы с сыном этого «нового» Медведева.

« — Значит, Царя убил ваш отец?! И вы знали об этом?

— Разумеется, отец рассказывал. И не только отец... у нас часто собирались участники Екатеринбургского дела.

---

[1] Быков П.М. Последние дни последнего Царя // Сб. «Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты». Екатеринбург, 1921. С. 19—26.

— Но ведь была, наверное, какая-то договоренность заранее — кто в кого должен стрелять?

— Разумеется, была. И договоренность была такая: Петр Ермаков, верхисетский комиссар, получил право застрелить Царя, Царицу — Юровский, Никулин должен был стрелять в Алексея, отец — в Марию... Но когда они реально вошли в комнату, отец оказался как раз напротив Царя, Никулин — напротив Алексея, Юровский — напротив Царицы... И когда Юровский закончил, отец выстрелил в Царя и убил его первой пулей. Кстати, свой браунинг он сдал потом в Музей Революции»[1].

Сохранились и воспоминания этого участника убийства, в которых главную роль злодеяния он приписывает себе. «Стремительно входит Юровский и становится рядом со мной. Царь вопросительно смотрит на него. Слышу зычный голос Якова Михайловича:

— Прошу всех встать!

Легко, по-военному встал Николай II; зло сверкнув глазами, нехотя поднялась со стула Александра Федоровна. В комнату вошел и выстроился как раз против нее и дочерей отряд латышей: пять человек в первом ряду, и двое — с винтовками — во втором. Царица перекрестилась. Стало так тихо, что со двора через окно слышно, как тарахтит мотор грузовика. Юровский на полшага выходит вперед и обращается к Царю:

— Николай Александрович! Попытки ваших единомышленников спасти Вас не увенчались успехом! И вот, в тяжелую годину для Советской республики... — Яков Михайлович повышает голос и рукой рубит воздух: — ... на нас возложена миссия покончить с Домом Романовых! — Женские крики: «Боже мой! Ах! Ох!» Николай II быстро бормочет: «Господи, боже мой! Господи, боже мой! Что ж это такое?!»

— А вот что такое! — говорит Юровский, вынимая из кобуры маузер.

— Так нас никуда не повезут? — спрашивает глухим голосом Боткин. Юровский хочет ему что-то ответить, но я уже спускаю курок моего браунинга и всаживаю первую пулю в Царя. Одновременно с моим вторым выстрелом раздается первый залп латышей и моих товарищей справа и слева. Юровский и Ермаков также стреляют в грудь Николая II почти в упор. На моем пятом выстреле Николай II валится снопом на спину.

---

[1] Огонек. 1990. № 2. С. 27.

Женский визг и стоны. Слышно, как лязгают рикошетом пули от каменных столбов, летит известковая пыль. В комнате ничего не видно из-за дыма — стрельба идет уже по еле видным падающим силуэтам в правом углу. Затихли крики, но выстрелы еще грохочут — Ермаков стреляет из третьего нагана. Слышим голос Юровского:

— Стой! Прекратить огонь!

Тишина. Звенит в ушах. Яков Михайлович предлагает мне с Ермаковым, как представителям ЧК в Красной Армии, засвидетельствовать смерть каждого члена царской семьи. Вдруг из правого угла комнаты, где зашевелилась подушка, женский радостный крик:

— Слава Богу! Меня Бог спас!

Шатаясь, подымается уцелевшая горничная — она прикрылась подушками, в пуху которых увязли пули. У латышей уже расстреляны все патроны, тогда двое с винтовками подходят к ней через лежащие тела и штыками прикалывают горничную. От ее предсмертного крика очнулся и часто застонал легко раненный Алексей — он лежит на стуле. К нему подходит Юровский и выпускает три последних пули из своего маузера. Парень затих и медленно сползает на пол к ногам отца. Мы с Ермаковым щупаем пульс у Николая — он весь изрешечен пулями, мертв. Осматриваем остальных и достреливаем из кольта и ермаковского нагана еще живых Татьяну и Анастасию. Теперь все бездыханны. Яков Михайлович поручает мне проследить за переносом трупов и погрузкой в автомобиль. Первого на одеяло укладываем лежащего в луже крови Николая II. Красноармейцы выносят останки Императора во двор. Я иду за ними. В проходной комнате вижу Павла Медведева — он смертельно бледен и его рвет, спрашиваю, не ранен ли он, но Павел молчит и машет рукой.

Около грузовика встречаю Филиппа[1] Голощекина.

— Ты где был? — спрашиваю его.

— Гулял по площади. Слушал выстрелы. Было слышно. — Нагнулся над Царем.

— Конец, говоришь, династии Романовых? Да...

Красноармеец принес на штыке комнатную собачонку Анастасии — когда мы шли мимо двери (на лестницу во второй

---

[1] Вымышленное имя Голощекина, настоящее его имя по метрике — Шая.

этаж), из-за створок раздался протяжный жалобный вой — последний салют Императору Всероссийскому. Труп песика бросили рядом с царским.

— Собакам — собачья смерть! — презрительно сказал Голощекин.

Я попросил Филиппа и шофера постоять у машины, пока будут носить трупы. Кто-то приволок рулон солдатского сукна, одним концом расстелили его на опилки в кузове грузовика — на сукно стали укладывать расстрелянных...»[1]

«Приоритет» М.А. Медведева в убийстве Царя «подтверждается» показаниями пулеметчика Дома особого назначения А.Г. Кабанова[2], писавшего в 1964 году сыну «претендента на честь»: «Тот факт, что от пули Вашего отца умер Царь — это тогда знали все работники уральской Чека».

Кабанов в этом письме вспоминает: «Когда я слез с чердака (на котором находилась пулеметная точка. — *О. П.*), то увидел такую картину: две младшие дочери царя, прижавшиеся к стенке, сидели на корточках и закрывали головы руками, а в их головы в это время двое стреляли. Алексей лежал на полу, в него также стреляли. Фрельна лежала на полу еще живая. Когда я вбежал в помещение казни, я крикнул, чтобы немедленно прекратили стрельбу (было слышно на улице. — *О. П.*), а живых докончили штыками, но к этому времени в живых остались только Алексей и фрельна. Один из товарищей в грудь фрельны стал вонзать штык американской винтовки «Винчестер». Штык вроде кинжала, но тупой, и грудь не пронзал, а фрельна ухватилась обеими руками за штык и стала кричать, но потом ее и трех царских собак добили прикладами ружей»[3].

О своей причастности к убийству Царя в 1960-е годы рассказывал журналистке С. Ильичевой бывший военный комиссар Отряда особого назначения, часть которого несла охранную службу внутренней охраны дома Ипатьева, латыш Я.М. Свикке, известный в 1918 году в Екатеринбурге под фамилией Родионов. В 60-е годы это был известный латышский деятель, профессор Латвийского университета. Многие над ним посмеивались, не принимая всерьез. Он так же, как и Ермаков, утверж-

---

[1] Совершенно секретно. 1993. № 8.

[2] О Кабанове упоминает в своей книге Н.А. Соколов.

[3] Источник. 1994. № 5. С. 72.

дал: «Это я убил Царя!»[1] Как я уже отмечал выше, по словам Свикке, он имел личную связь с Лениным, с которым общался с помощью специального шифровальщика Кованова.

Еще один претендент на «честь» быть убийцей Царя — матрос П.Д. Хохряков. Об этом он сам рассказывал, показывая пистолет «кольт» образца 1911 года, из которого им был якобы убит Император. После смерти Хохрякова, погибшего на фронте, этот револьвер попал к начальнику интернационального отряда в Перми Оржеховскому, который дорожил им как историческим[2].

Итак, пять человек заявляют о своей личной причастности к убийству Царя — Юровский, Ермаков, М. Медведев, Родионов (Свикке) и Хохряков. Кто же из них в самом деле был «физическим» убийцей? Но вот что сразу же бросается в глаза: сведения об убийстве Царя Юровским даются не только в его записке, но и в воспоминаниях охранников караула. Сведения об убийстве Государя Ермаковым, кроме его записок, не подтверждаются никем. Да и сами записки относятся к позднему времени. Об убийстве Царя М. Медведевым известно из его воспоминаний и подтверждается Никулиным и А. Кабановым уже в 60-е годы. Об участии Хохрякова известно только со слов его товарищей.

В начале 30-х годов Юровский выступает с воспоминаниями перед старыми большевиками (сохранилась стенограмма)[3], в зале сидят живые участники событий и люди, знавшие о них из первых рук. Юровский прямо заявляет, что именно он убил Царя. Еще живы Ермаков, Никулин, М. Медведев, Радзинский, Кабанов. Если это неправда, почему они молчат?

А молчат они потому, что еще не настало время переписывать историю. Оно приходит тогда, когда большая часть организаторов екатеринбургского убийства оказывается в числе осужденных за участие в троцкистской оппозиции, за связь с Троцким. Не умри Юровский раньше (тяжелая болезнь спасла его от смерти в лагере), и его бы закопали в одну яму с Голощекиным, Сафаровым, Белобородовым, Сосновским как их старого соратника. Упоминание о нем тянет ниточку к ним. Поэтому о нем следует забыть, что и происходит вплоть до конца 50-х годов,

---

[1] Ильичева С. Указ. соч.

[2] Дитерихс М.К. Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Ч. I. М., 1991 (далее — Дитерихс).

[3] Хранится в бывшем Свердловском партархиве.

когда память о нем реанимируется усердием его детей. Я еще расскажу, как перед самой войной с Ермаковым «будут работать» люди Берии. И версия Ермакова закрепится в его официальных воспоминаниях (в то же время записка Юровского исчезнет из хранилища Музея Революции). Новую трактовку событий поддержат и силы, заинтересованные представить дело так, что убийство русского Царя совершил русский рабочий, а не внук раввина Янкель Юровский.

ГЛАВА 44

Особенности кровавого ритуала. — Против христианских алтарей. — Жертвоприношение иудейских сектантов. — Надписи на южной стене.

Умерщвление Царя, Царицы, Наследника и царских дочерей было совершено ближе к восточной стене. Вся она была забрызгана кровью. Кровавые капли остались и на южной стене.

Кровавый ритуал против христианских алтарей сочетался с обрядом человеческого жертвоприношения иудейских сектантов, ориентировавших свое изуверство на храм Соломона в Иерусалиме. Как верно отмечает православный исследователь С. В. Фомин: «Такая ориентация отнюдь не случайна, если учесть характер цареубийства и состав его исполнителей, руководителей и вдохновителей. Это направление — на Соломонов храм в Иерусалиме — точнее на его остатки — Стену Плача. К несчастью (и прежде всего для них самих!), тогда (почти двадцать веков назад) они не плакали, раскаиваясь в убийстве Того, Чью Кровь в безумии приняли на себя и на детей своих — потомков. Убив в Иерусалиме Царя царей, ныне, в Екатеринбурге, они — закономерно — подняли руку на Его Помазанника — Императора Всероссийского, Его Супругу, Наследника, Детей и верных слуг»[1]. Кровь святых мучеников, окропив взаимно их самих, обагрила стены и пол комнаты, разлилась по коридору, заполнила лужами анфиладу комнат, ведущих к выходу.

Пьяные, мечущиеся убийцы с окровавленными руками и в одежде, запачканной кровью. Руки вытирают прямо об обои. Кто-то, походя, сорвал покрывало с одной из кроватей, вытер окровавленные руки и бросил его. Надо замывать следы. На это дело бросают всех, кроме уехавших хоронить трупы и постовых.

---

[1] Фомин С. Ипатьевский дом. С. 5.

Об этом рассказывает участник событий Филипп Проскуряков. «На другой день, после получки жалованья, — сообщает он следователю, — значит, во вторник 16 июля до 10 часов утра я стоял на посту у будки около Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка. Егор Столов, с которым я вместе жил в одной комнате, стоял тогда в эти же часы на посту в нижних комнатах дома. Кончив дежурство, мы со Столовым пошли попьянствовать на Водочную улицу, к милиционеру 2-й части по имени Адольф, потому что, как мы знали от него самого, у него был денатурат. Напились мы со Столовым денатурату и под вечер пришли домой, так как нам предстояло дежурить с 5 часов. Медведев увидел, что мы пьяны, и посадил нас под арест в баню... Мы там и уснули... Спали мы до 3 часов ночи. В 3 часа ночи к нам пришел Медведев, разбудил нас и сказал нам: «Вставайте, пойдемте». Мы спросили его: куда? Он нам ответил: «Зовут, идите». Я потому говорю, что было это в 3 часа, что у Столова были при себе часы, и он тогда смотрел на них. Было именно 3 часа. Мы встали и пошли за Медведевым. Привел он нас в нижние комнаты дома Ипатьева. Там были все рабочие-охранники, кроме стоявших тогда на постах. В комнатах стоял как бы туман от порохового дыма и пахло порохом. В задней комнате с решеткой в окне, которая рядом с кладовой, в стенах и в полу были удары пуль. Пуль особенно было много в той стене, что напротив входной двери, но были следы пуль и в других стенах. Там, где в стенах и полу были пулевые отверстия, вокруг них была кровь; на стенах она была брызгами и пятнами; на полу — маленькими лужицами. Были капли и лужицы крови во всех других комнатах, через которые нужно было проходить во двор дома Ипатьева, где были следы от пуль. Были такие же следы крови и во дворе к воротам на камнях. Ясное дело, в этой комнате с решеткой незадолго до нашего со Столовым прихода расстреляли много людей. Увидев все это, я стал спрашивать Медведева и Александра Стрекотина, что произошло? Они мне сказали, что только что расстреляли всю царскую семью и всех бывших с нею лиц, кроме мальчика. Медведев приказал нам со Столовым убирать комнаты. Стали мы все мыть полы, чтобы уничтожить следы крови. В одной из комнат было уже штуки 4—5 метел... По приказанию Медведева Кронидов принес из-под сарая со двора опилок. Все мы мыли холодной водой и опилками полы, замывали кровь. Кровь на стенах, где был расстрел, мы смывали мокрыми тряпками. В этой уборке принимали участие все рабочие, кроме постовых. И в той именно комна-

те, где была побита царская семья, уборку производили многие. Помню я, что работали тут человека два «латышей», сам Медведев, отец и сын Смордяковы, Столов. Убирал в этой комнате и я. Но были еще и другие, которых я забыл. Таким же образом, то есть водой, мы смывали кровь во дворе и с камней...»

Всю ночь до утра участники цареубийства замывали кровь Царской семьи. С ужасом и отчаянием они видели, как кровь словно сочилась из стен и полов дома Ипатьева. Только утром они закончили свое дело. Но как выяснилось позднее, во многих местах, особенно под плинтусами и в труднодоступных местах, еще в 1919 году сохранялись пятна запекшейся крови.

После того как рядовые исполнители покинули место совершения ритуала, в комнату вошли другие люди, скорее всего, это были неизвестный мне раввин, внук раввина Я. Х. Юровский и хасид Голощекин. Какие ритуальные танцы они совершили на месте злодеяния, нам неизвестно, но после их ухода на южной, обращенной к храму Соломона, стене комнаты, где погибла Царская семья, остались две надписи, объясняющие значение совершенного здесь ритуала. Сделавшие надписи, вероятнее всего это были раввин и Я. Юровский, ясно понимали роль Царя и Царской власти в России, осознавали последствия своего преступления — крушение тысячелетних духовных структур Русской государственности. Преступники радовались падению исторической России. В одной надписи, сделанной по-немецки, проводилась историческая параллель России и Вавилона, Николая II и вавилонского Царя Валтасара. Валтасар обижал израильского Иегову и его последователей и за это поплатился жизнью. После убийства Валтасара пало и Вавилонское Царство, после убийства Николая II падет Русская Православная Держава. Надпись была по-немецки:

Belsatzar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht.

Это строчки из стихотворения Г. Гейне «Валтасар». По-русски они переводятся так: «В эту самую ночь Валтасар был убит своими слугами (холопами)».

Другая надпись, состоявшая из четырех каббалических знаков, свидетельствовала о ритуальном характере убийства и была своего рода ключом к пониманию всего ритуала, проведенного в доме Ипатьева, но ее значение исследователи поняли не сразу. Первым среди исследователей цареубийства толкование ритуальных надписей дает Р. Вильтон. В 1920 году он выпускает совместно с Тальбергом книгу «Последние дни Романовых» (на

франц. языке[1]), где отмечает следующее: «Еврей» с черной, как смоль, бородой, прибывший, по-видимому, из Москвы с собственной охраной к моменту убийства в обстановке крайней таинственности, — вот вероятный автор надписи, сделанной после убийства и после ухода «латышей», занимавших полуподвальное помещение; последние были на это по своему низкому умственному развитию совершенно неспособны. Во всяком случае, тот, кто сделал эту надпись, хорошо владел пером (или, точнее, карандашом). Он позволил себе каламбур с именем Царя (Belsatzar вместо Belsazer); монарх этот расположением евреев не пользовался, хотя зла пленным евреям не причинял. Понятен намек на Библию. [Император] Николай тоже зла евреям не сделал; их было много среди подданных, но он их не любил: то был в глазах Израиля грех смертный. И ему устроили самую тяжкую смерть — быть убитым своими»[2]. В своей первой книге Вильтон не дает толкования четырех каббалических знаков.

В 1922 году генерал М.К. Дитерихс также обращает внимание прежде всего на надпись на немецком языке. «Валтасар, — пишет Дитерихс, — был в эту ночь убит своими подданными», — говорила надпись, начертанная на стене комнаты расстрела и проливавшая свет на духовное явление происшедшей в

---

[1] На русском языке она вышла в 1923 году.

[2] Вильтон Р. Последние дни Романовых. Берлин, 1923. С. 92; подобное толкование надписи дает современный исследователь Г.Т. Рябов. «Надпись сделана на дурном немецком, — пишет он. — Автор этой надписи то ли не помнил текст Гейне, то ли путался в немецких словах. Он пропустил частицу «aber» (однако же), которая у Гейне стоит после «ward» (был), и вначале написал «selbiger» (теми же), но зачеркнул и поверх зачеркнутого написал верное: «seinen» (своими). Разберемся в переводе. У Гейне сказано (буквально): «Белшацар был, однако же, в ту же ночь своими слугами убит». У анонимного автора надпись в первоначальном варианте выглядела так: «Белшацар был в ту же ночь теми же слугами убит». Эта надпись звучит как констатация содеянного в Ипатьевском доме: убит, и все. Безо всяких «однако же». Рискну предположить, что обыкновенный рабочий, заводской, а ведь именно из таких состояла охрана ДОНа, выразил бы свои эмоции по-другому. И еще: «В стихе немецком, — утверждал Александр Блок, — Гейне — всегда еврей». Поэтому Валтасар назван не в европейской, новейшей традиции, а в ветхозаветной, иудейской: Белшацар. Думаю, что автор надписи на стене придавал написанию этого имени определенное значение. <...> Есть ли достаточные основания для того, чтобы утверждать: Государя убивали в подавляющем большинстве не русские люди? Иностранцы? Я думаю, что есть» (Рябов Г. Как это было. Романовы: сокрытие тел, поиск, последствия. М., 1998. С. 220).

ночь с 16 на 17 июля исторической трагедии. Как смерть Халдейского царя определила собой одну из крупнейших эр истории — переход политического господства в Передней Азии из рук семитов в руки арийцев, так смерть бывшего Российского Царя намечает другую грозную, историческую эру — переход духовного господства в Великой России из области духовных догматов Православной эры в область материализованных догматов социалистической секты»[1].

Зловещий характер надписи на немецком языке отмечает и следователь Н.А. Соколов. «21-я строфа известного произведения немецкого поэта Гейне «Balthasar», — писал он, — отличается от подлинной строфы у Гейне отсутствием очень маленького слова: «aber», т. е. «но все-таки». Когда читаешь это произведение в подлиннике, становится ясным, почему выкинуто это слово. У Гейне 21-я строфа — противоположение предыдущей 20-й строфе. Следующая за ней и связана с предыдущей словом «aber». Здесь надпись выражает самостоятельную мысль. Слово «aber» здесь неуместно. Возможен только один вывод: тот, кто сделал эту надпись, знает произведение Гейне наизусть»[2].

Как и предыдущим исследователям цареубийства, Соколову неясно значение четырех каббалических знаков, начертанных на южной стене[3].

---

[1] Д и т е р и х с М.К. Указ. соч. Ч. I. С. 204—206.

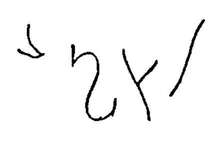
[2] С о к о л о в Н.А. Указ. соч. С. 172.

[3] Впрочем, в брошюре Энеля (Скарятина) (см. след. главу) приводятся сведения, что в приложение к французскому изданию книги Вильтона были помещены напечатанные на машинке страницы, содержащие следующий текст: «Сравнивая изображение каббалической надписи с данными, помещенными на стр. 151-й, приходится заключить, что написание производилось сверху (локоть писавшего был приложен к стене выше места надписи, а кисть руки — ниже точки опоры локтя. — *О. П.*) при упоре локтя писавшего об стену так, что читать надпись надо наоборот. Тогда легко различить на третьем месте греческую ламбду. Два предшествующих начертания являются изображениями той же буквы на древнееврейском и арамейском языках; таким образом, объединяются три языка еврейской истории, языки: религиозный, народный и политический. Но на каббалистическом языке буква Л обозначает «сердце». «Тройное сердце перевернутое» — вот простой смысл надписи. Черта, которой заканчивается надпись, означает «приказание выполнено». Таким образом, мы получаем полное значение этих загадочных знаков:«Здесь глава религии, народа и государства (русского) был убит; приказ выполнен». Однако, вероятно, это приложение сделано не Вильтоном, а каким-то другим, неизвестным мне исследователем. В следующем издании книги Вильтона этот текст отсутствует.

ГЛАВА 45

Каббалическое объяснение ритуала. — Исследование Энеля (Скарятина). — Заговор против человечества. — Магические действа иудеев. — Царь как жертва магических обрядов, проводимых с целью разрушения Русского государства.

Ключом к пониманию событий, происходивших в доме Ипатьева в ночь с 16 на 17 июля, служит надпись из четырех каббалических знаков на южной стене комнаты.



Каббалистическая надпись

Первые варианты расшифровки этих надписей приводятся во втором русском издании книги Вильтона «Последние дни Романовых». После воспроизведения их в первом издании книги Вильтон получил несколько писем от знатоков такого рода письменности. Было установлено, что секретные «коды» некоторых обществ, которые имеют свои главные управления в Германии и в которых участвуют евреи, заключают в себе письмена, подобные екатеринбургской надписи. «Не имеем ли мы, — спрашивал Вильтон, — здесь дело с тайным сношением между соучастниками?»

Одно из писем, полученных Вильтоном, принадлежало Н. Вебстер, автору книги о французской революции, в которой она воскрешает данные того времени, доказывающие, какую деятельную роль играли евреи в подготовке и взрыве революции 1789 года: «Проследив роль немецких иллюминатов во всех революционных движениях прошлого века, я убеждена, что нынешняя большевистская власть получает указания от тайного общества, имеющего свое управление, вероятно, в Германии... Весьма примечательно, что из 4-х воспроизведенных Вами знаков три похожи на знаки, которыми пользовались иллюминаты и которые напечатаны графом Ле Кутле да Кантеле (Le Coutleux de Canteleu) в его книге «Les Sectes et les Societes secretes» (1863 г.)».

Дальнейшие расследования, отмечал Вильтон, дали более положительные результаты. Три знака, употребляемые еврейскими тайными обществами в Германии, оказываются взятыми из староеврейского, самаритянского и греческого алфавитов и обозначают «сердце» или в переносном смысле «главу» — духовную (еврейский знак), народную (самаритянский) и политическую, или государственную (греческий). Этим точно обозначается такое лицо, как Русский Царь. Снимок стены с надписью показывает цифры на подоконнике, написанные «такими же

чернилами и такими же толстыми линиями» лицом, стоящим у стены. По-видимому, в таком же положении сделана надпись на стене, следовательно, нужно читать сбоку. Тогда ясно отмечается греческая ламбда. Вероятно, точное значение и надписи, и таинственных цифр на подоконнике станет со временем известно, но из сказанного достаточно ясно, что надписи сделаны с преднамеренной целью и сделаны лицом, близко знакомым с каббалистикой, и также — судя по почерку — лицом, обладающим сильным, даже жестоким характером[1].

Такое прочтение каббалических знаков не удовлетворило видного русского ученого Михаила Владимировича Скарятина, полковника Кавалергардского полка, 20 лет прожившего в Египте. Знаток древних восточных языков, он значительную часть своей жизни посвятил расшифровке папирусов, чье содержание имело отношение к магии. При этом Скарятин до конца жизни оставался православным, глубоко верующим человеком, был старостой русской церкви в Каире, директором Русского отдела Министерства внутренних дел Египта. Изучив знаки, воспроизведенные Вильтоном в его книге, Скарятин провел специальное исследование, которое было им опубликовано в брошюре «Жертва» под псевдонимом Энель[2].

Скарятин отмечает, что надпись была сделана перевернутой, сверху вниз. Писавший упирался локтем о стену, кисть его руки находилась ниже опоры локтя. Писать так было, конечно, неудобно, однако делалось это не ради удобства, а с определенной ритуальной целью. Скарятин считает, что надпись имеет важный мистический характер: «...она бросает луч света на темные деяния некой силы, направленной против всего человечества, некоего плана, в котором убийство Царя является лишь эпизодом».

В своем исследовании Скарятин подробно рассматривает значение каждой буквы, составляющей надпись, раскрывает магические ритуалы иудеев. Исследование имело уникальный характер, поэтому наиболее важные его части я привожу в этой главе. Логика исследования и выводы, сделанные русским ученым, не требуют особых комментариев.

---

[1] Вильтон Р. Указ. соч. С. 122—123.

[2] Сведения об авторе брошюры «Жертва» Скарятине разысканы мною в архиве Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, в Фонде Н.Ф. Степанова (Свиткова).

«Расставим буквы в их правильном расположении и приступим к их чтению справа налево.

Первая буква > — скорописное начертание ל «ламед» древнееврейского языка (так назыв. арамейская азбука). Это двенадцатая буква алфавита, коей числовое значение 30, коей каббалистическое основание 3 (то есть 3+0=3)[1].

Вторая буква ϟ — та же буква «ламед» в самаритянской транскрипции.

Третья буква λ — греческая ламбда, соответствующая древнееврейскому «ламед»[2].

В собственном смысле ל означает — «разогнутая рука». Это понятно из формы рисунка, который не что иное, как сокращение древнего египетского иероглифа «Lusain», изображающего человека, разгибающего свой бицепс, как бы для удара. Отсюда проистекает символический смысл ל — мщение, и, наконец, как развитие этого же символа — насильственная смерть[3].

Изучая скрытый смысл корня לל (двойной «ламед»), сохранившегося в арабском языке, мы узнаем, что он обозначает «отчаяние четвертованного человека».

Третий ל усиливает эту мысль, подчеркивая безысходность положения.

Божественное имя, соответствующее ל, является именем, состоящим из 3 букв י ד ש (Шадай)[4], эмблема которого △ и который управляет сферой Сатурна (♄). Число Сатурна также 3.

Весь этот материал нам дает еще очень мало, т.к. надпись продолжает оставаться нерасшифрованной. Единственное заключение, которое мы имели бы право сделать, это то, что мы находимся на том месте, где насильственная смерть послужила мщением. Но мы уже знаем, что каббалисты изощряются в различных способах криптографии, как то: перемещение букв, со-

---

[1] Способ обращения с буквами и числами Каббалы познается из специальных трудов: Kircher. Oedipus Aegyptianus; Lurin. La Science Cabalistique; Dee. Monal Hierogliphica; H. Khunsrath. Amphithéвtre de l'eternelle sapience; Franck. La Cabale и других.

[2] F. d'Olivet. La langue hebraique restituee. T. I. Ch. 1.

[3] Papus. La Cabale; P. Piobb. Formulare de haute magie.

[4] То есть всемогущий. (*Прим. перев.*)

единение фразы в одном слове, избирая для этого изображения основной корень каждого слова, и т.д.

Вот несколько примеров, заимствованных у Молитора[1].

Пример I. — Давид в своем завещании сыну своему Соломону восклицает: «Он злословил меня тяжким злословием»[2] («Нимрецет», или, сокращая гласные, как это часто практиковалось в древнееврейском языке, мы получаем слова: «нмрцт»), т. е. — «он меня назвал»:

Ноеф — прелюбодей,

Мохаби — моавитянин (т.к. Давид был сын Руфи), Рецеах — убийца, Цорер — ужасный (страшный), Тохева — гнусный.

Пример II. — Первое слово книги Бытия: «Берешит», т. е. «в начале», означает: «Бере» — «он создал», или «он сказал», и «шит» — шесть. Таким образом Моисей определяет совокупность шести основных стихий, действовавших в течение шести дней мистического сотворения мира.

Эти два примера суть образцы синтетической криптографии; последующий — пример перестановки букв.

Пример III. — Бог в книге Исход говорит: «Пошлю пред тобою Ангела» (Малеахи)[3]. Изменяя порядок букв, мы находим имя ангела, предназначенного для защиты еврейского народа, — «Михаела».

Пример IV. — Каждая древнееврейская буква имеет свое цифровое значение; при этом, по каббалистике, буквы и цифры могут быть взаимно замещаемы. Кроме того, применяется сложение цифр, рассматривая слово как сумму цифр, ему соответствующих. Так, слово מ ד צ — Адам равнозначаще цифрам 40, 4,1. Сложение нам дает 40+4+1=45. Но для более свободного обращения с цифрами их приводят к их начальному основанию, т. е. к числу, меньшему десяти. Таким образом, складывая цифры, составляющие 45, получаем 4+5=9. Число, определяющее слово Адам, — 9. Но число 9 означает в то же время оконча-

---

[1] Molitor. Philosophie de la Tradition. Оставляя эти примеры на ответственности их автора, мы не можем не указать, что лишь последний пример заслуживает внимания. I — нам проверить не удалось; II — натяжка, т.к. слова «Бере» и «Шит» нам неизвестны, тогда как «Бе» и «Решит» означают «в» и «начало». Малоценность III примера легко оценит сам читающий. (*Прим. перев.*)

[2] 3-я кн. Царств. Гл. 2. Ст. 8. (*Прим. перев.*)

[3] Исход. Гл. 33. Ст. 2. На древнееврейском языке слово «Малеахи» означает посланник Господа, т. е. Ангел. (*Прим. перев.*)

ние эволюции созидающего принципа, т.к. раз эволюция закончена, то основной принцип возвращается к единице (единству): 10=1+0=1; 1+0+0=1 и т.д.; по этой причине число 9 является символом превосходства человечества, завершением создания Творца[1].

Талмуд определяет такие применения иероглифики «благоуханием мудрости».

Возвратимся к интересующей нас надписи. Здесь скрытый символ еще более глубокий, т.к. буква ל изображена три раза на трех различных наречиях. Оставляя пока объяснение выбора наречия, попробуем расшифровать каббалистическое значение трижды повторенного «ламед». Для этого необходимо исследовать понятие о человеке, согласно Каббале[2].

Человеческая душа, поучает нас Каббала, состоит из трех частей: высшая часть «Нешама» (ум), средняя часть «Руах» (душа) и низшая часть «Нефеш» (подсознание)[3], предназначенная управлять нашим материальным телом. «Нешама» — божественный принцип; «Руах» — действенность этого принципа, т.е. жизнь; «Нефеш» служит проводником для этого действия.

Древние следующим образом размещали части души в человеческом теле: «Нешама» — в мозгу, «Руах» — в сердце и «Нефеш» — в печени. Сердце, говорит Каббала, — царь тела, т.к. оно заключает принцип жизни «Руах». Тело перестает жить, когда Руах его покидает. Каббала также говорит: сердце заключается в слове царь ך ל מ (Мелех).

Сердце является центральным по отношению к мозгу и печени, и начертание слова «царь» содержит в себе полный символ человеческого естества: мозг ח מ[4] обозначен первой буквой этого слова מ — мем), которая также является первой буквой слова «царь» — «Мелех»; печень ד ב כ[5] дает последнюю букву этого слова כ — каф, которая в конце слова изменяется в начертание ך и произносится как «х» для окончания слова «Мелех», и, наконец, сердце ב ל[6] в царственном определении, т.к.

---

[1] La revue «Lotus». T. II. № 12. P. 327 et 328.

[2] La Conference de M. Leipingen a la Societe Psychologique de Munich du 3 mars 1887.

[3] Вернее, Нешама — духовное проявление (дух) души, Руах — сам дух и Нефеш — душа. *Прим. перев.*

[4] Мозг — мор; печень — кавед; сердце — лев. (*Прим. перев.*)

[5] Christian P. Histoire de la Magie. II. P. 123.

[6] Там же.

л а м е д, которая его обозначает, расположена между «мем» и «каф» ך ל מ.

Все это дает нам право заключить, что каббалистическая л а м е д служит символом двух определений: царь и сердце. Если мы добавим эти данные к результатам нашего первого исследования буквы л а м е д, мы расшифровываем: «Насильственная смерть сердцу царя». Но ввиду того, что, по понятиям Каббалы, с разрушением «царя тела» весь организм погибает, то и со смертью царя — сердца государства — все государство оказывается приговоренным к разрушению.

Мы имеем прекрасное средство проверить наши выводы, оставляя в стороне теоретическую часть Каббалы и обращаясь к ее практической части. Стоит только изучить XII аркан, соответствующий древнееврейской ламед и lusain египетских магов (жрецов). Этот аркан, помещенный впереди текста, изображает человека, подвешенного за одну ногу к перекладине, поддерживаемой по концам двумя деревьями, каждое с шестью отрезанными ветками. Руки его связаны за его спиной и расположены так, что они являются основанием треугольника, вершину коего, обращенную книзу, составляет голова повешенного.

Этот аркан является знаком насильственной смерти, как наказания за преступление. Но в оккультном значении он служит символом жертвы[1].

С этими элементами мы приходим к следующей формуле: «Здесь царь поражен в сердце за свое преступление», или, в более оккультном значении: «Здесь царь (сердце государства) принесен в жертву для разрушения Государства». Наклонная линия, которой заканчивается надпись, служит, согласно магии[2], указанием господства принципа активного над пассивным элементом, или, в отношении к данному случаю, указывает, что лицо, писавшее загадочную надпись, действовало не по собственному почину, но как слепое орудие другой воли.

Лицо, сделавшее надпись, было, несомненно, посвящено в тайны каббалистики, изложенные в Каббале и в Талмуде. Этот человек выполнил ритуальный акт черной магии, согласно высшему повелению, и был вынужден закрепить свой акт каббалистической формулой в исполнительном начертании. Если

---

[1] Christian P. Histoire de la Magie. II. P. 123.

[2] Piobb P. Formulaire de haute Magie. — Elements des figures symboliques.

вспомнить все процессы ритуальных преступлений, которые были раскрыты в различные времена, то замечается, что эти преступления всегда отмечались мистическими надписями или на теле жертвы, или на месте преступления[1,2].

Мы далеки от огульного обвинения всего еврейского народа. Но мы утверждаем на научных основаниях, что существует тайная организация, причастная к посвященным евреям и обладающая оккультной силой, раскрытой в источниках древнееврейской науки. Эта организация преследует исключительно материальные цели: разрушение всемирно установленного порядка и порабощение всего озверевшего человечества.

Факт, что надпись была перевернутой, был не случайным, но он с неоспоримостью указывает, что преступление было выполнено по приказу этого сообщества черной магии, которое всегда пользуется этим способом писания наоборот, или таким, чтение которого следует производить при помощи зеркала.

Нам остается объяснить для полноты картины причину выбора 3 языков — древнееврейского (арамейского), самаритянского и греческого для начертания буквы Л. Надо отдать себе отчет о точке зрения еврейского ученого. По его убеждению, священные книги Библии не могут быть переведены без искажения ни на один чужой язык и ни один перевод не может соответствовать оригиналу. Оригинальными рассматриваются следующие труды:

1. Текст, написанный пророком Ездрой на арамейском языке после возвращения из Вавилонского плена. Этот текст был передан Ездре пророком Даниилом, главным халдейцем (т. е. мудрецом) при дворе царя Вавилонского.

2. Самаритянский текст, также полученный в Вавилоне самаритянами, т. е. десятью отколовшимися коленами. Этот текст написан буквами, приближающимися к древнему алфавиту, предшествовавшему учению и реформам Ездры, который принял арамейский алфавит.

3. Текст греческий, известный под названием текста семидесяти толковников. Этот текст был написан по просьбе Птоломея Лагос [а] для Александрийской библиотеки пятью мудреца-

---

[1] Ouranus. Le meurtre de Justchinsky et la Cabale.

[2] Лицо, участвовавшее в следствии по делу Ющинского, нам сообщило, что на стене пещеры, где нашли труп, была надпись из каких-то непонятных знаков. (*Прим. перев.*)

ми[1]. Перевод был потом одобрен советом 70-ти из Иерусалима, который и объявил его правильным[2].

Последующие переводы греческого текста, как, например, латинская «Вульгата», не признаются евреями. Таким образом, с еврейской точки зрения всего три языка достойны быть выразителями божественного откровения. Объявив свою мысль на этих трех языках, еврей исполняет обряд объявить эту мысль всему миру, им признаваемому.

Как совокупность нашего исследования мы приходим к заключению:

1. Убийство Царя было выполнено.

2. Оно было выполнено слугами темных сил с целью разрушения существующего порядка, людьми, прибегающими к сверхъестественным магическим силам, происходящим от доисторической науки.

Полное раскрытие тайного значения надписи выражается так: «Здесь, по приказу тайных сил, Царь был принесен в жертву для разрушения Государства. О сем извещаются все народы»[3].

ГЛАВА 46

Версии об отрезанной Царской голове. — Показания Ермакова. — «Свидетельство» С. Труфанова. — Опись Музея В.И. Ленина.

По некоторым сведениям, совершившие ритуальное убийство Царской семьи преступники вытащили тела жертв на двор и сфотографировали их для предоставления заказчикам ритуа-

[1] Число переводчиков — 5 — подтверждается Талмудом.

[2] F. d'Olivet. La lanque h. r.

[3] Энель. Жертва. Б. м., 1925. С. 13—19; еврейские и масонские историки не признают ритуального характера надписи из четырех знаков на южной стене. Они пытаются объяснить ее «пробой пера» человека, затем использовавшего подоконник для каких-либо расчетов. Их главный аргумент, что надпись появилась после 14 августа, т. е. даты осмотра комнаты следователем Сергеевым (в его протоколе осмотра надписи нет, ее впервые обнаружил Соколов). Аргумент этот очень неубедителен. Сергеев, как стало ясно позже, пропустил очень много важных деталей, найденных позднее Соколовым. Он мог не увидеть или не придать значения знакам на южной стене. Более того, известно, что комната эта после начала следствия была закрыта и опечатана. Мысль о том, что кто-то мог в нее войти и заниматься расчетами на подоконнике, выглядит нелепой.

ла. «...Из неофициальных источников известно, что в архивах КГБ хранилась кинохроника 1918 года, запечатлевшая наружный и внутренний вид дома инженера Ипатьева, фотография одиннадцати трупов во дворе дома Ипатьева...»[1] Если такой фотоматериал действительно и существовал, то он был выполнен самим Юровским, профессиональным фотографом.

Существуют сведения еще одной жуткой подробности ритуального цареубийства. Иудейским вождям, которые организовали его, было мало одного факта его совершения. Ожесточенное иудейство, кипевшее в их крови, требовало материальных доказательств злодеяния. Некоторые исследователи убеждены, что вожди еврейских большевиков настаивали на предоставлении им в качестве доказательства изуверского ритуала отрубленной головы Царя.

В зарубежной печати в 20—30-е годы опубликовано несколько статей, в которых приводятся свидетельства очевидцев, видевших в Кремле заспиртованную голову Николая II. К сожалению, очевидцы, о которых говорится в этих статьях, не называются, что сильно обесценивает эти материалы. По имеющимся у меня данным, полученным в архиве Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (Фонд Н.Ф. Степанова (Свиткова), главным свидетелем по этому вопросу в 20-е годы выступал Сергей Труфанов (бывший монах Илиодор), «прославившийся» травлей старца Г.Е. Распутина, отречением от Православия и службой в Чека. Труфанов действительно некоторое время работал в Московской Чека и теоретически мог видеть там многое. Однако его склонность к авантюрам и фальсификациям[2] не позволяет считать его надежным свидетелем.

Большего внимания заслуживает сообщение журналиста А.П. Мурзина, в котором он рассказывает о своей встрече с П. Ермаковым в 1952 году. На этой встрече Ермаков поведал начинающему журналисту свою версию убийства Царя и сообщил, что Голощекин приказал ему сжечь дотла три тела: Нико-

---

[1] См.: Ганноверише Анцайгер. 2.12.1928. № 288; Двуглавый Орел. 1928. № 24. Кроме того, исследователи называют еще сборник статей, посвященных памяти Николая II, выпущенный в Париже (?) в 1930-м, а также публикацию в румынской газете «Наша речь» за 1934-й. Последние две публикации мне увидеть не удалось, поэтому воздержусь оценивать их.

[2] Ему, например, принадлежит клеветническая книга против старца Г.Е. Распутина «Святой черт».

лая II, Наследника Алексея и Анастасии. Но при этом головы их в огонь не бросать. Зубной техник Голощекин лично «объяснил», что зубы не горят, поэтому головы будут уничтожены в серной кислоте. И три головы «куда-то забрал» П.Л. Войков[1].

В 1990 году исследователь В. Родиков в одной из своих публикаций сообщает об описи Музея В.И. Ленина, в которой упоминается заспиртованная голова Царя. Об этом же рассказывается в феврале 1996 года по одной из программ НТВ.

Следственной комиссии белых удалось установить, что 19 июля 1918 года Шая Голощекин выехал в Москву в отдельном вагон-салоне. С ним было три «тяжелых не по объему ящика». Для прислуги вагона было удивительно видеть эти грубо сколоченные из досок ящики, перевязанные веревкой. Любопытным из числа своего окружения Голощекин говорил, что везет в этих ящиках образцы артиллерийских снарядов для Путиловского завода. В Москве Голощекин отправился вместе с ящиками в Кремль на квартиру к Свердлову. Что было в этих ящиках? По одной версии, в таком виде перевозились золото и драгоценности Царской семьи. Однако существует и другая версия. В конце июля 1918 года эта версия обсуждалась среди мелких служащих Совнаркома: Шая Голощекин привез в спирту головы бывшего Царя и членов его семьи. Один шутник из Совнаркома якобы говорил: «Ну теперь, во всяком случае, жизнь обеспечена, поедем в Америку и будем демонстрировать в кинематографах головы Романовых...»

Версия о Царской голове требует дальнейшей научной проработки, многое неясно и недостоверно. Хотя следует отметить, что она вполне вписывается в мироощущение цареубийц и очень вероятно, что через определенное время будут получены более достоверные сведения, подтверждающие и эту часть кровавого ритуала. Многое может открыть строгая научная экспертиза предполагаемых царских останков.

По версии о Царской голове, еврейские вожди, получив ее и удостоверившись в подлинности, в присутствии свидетелей сожгли ее в пылающей печи. Ниже приводится публикация об этом в газете «Ганноверише Анцайгер» (7.12.1928; источником этой версии является С. Труфанов):

«Известие об убийстве царской семьи было получено в Берлине 18 июля. Никто в Берлине этому слуху не верил. 19 июля

---

[1] Мурзин А.О чем рассказал перед смертью цареубийца Петр Ермаков // Комсомольская правда. 25.11.1997.

московская радиостанция перехватила радиограмму из Берлина в Вену, в одну из самых влиятельных венских газет, в которой сообщалось следующее:

«Царь со своей семьей увезен со своими приверженцами в надежное место». Эта радиограмма до такой степени обеспокоила большевиков, что Троцкий потребовал от Белобородова более подробных сведений и вещественных доказательств смерти государя. Телеграмма гласила следующее: «Желаю иметь точные сведения о том, что понес ли тиран России заслуженную кару». В ответ на эту телеграмму был получен 26 июля запечатанный кожаный чемодан, в котором находилась голова государя. Более серьезных вещественных доказательств прислать было невозможно. 27 июля по приказу Ленина были собраны верхи большевистской диктатуры, которым была показана «посылка» из Екатеринбурга. На этом собрании было установлено, что в кожаном чемодане в стеклянном сосуде находится голова императора Николая II, о чем был составлен протокол за подписью всех присутствующих большевиков: Ленина, Троцкого, Зиновьева, Калинина, Петерса и Бухарина.

На этом собрании Каменевым был поднят вопрос о том, что делать с головой убитого императора. Большинство присутствующих было того мнения, что нужно уничтожить эту голову, только Зиновьев и Бухарин предложили сохранить ее в спирте и оставить в музее в назидание будущим поколениям. Это предложение было отвергнуто, и решено голову государя уничтожить, дабы — по выражению Петерса — нежелательные элементы не поклонялись ей как святыне и не вносили в простые умы смуты. Исполнение этого решения было поручено Троцкому.

В ночь на 28 июля, то есть спустя 10 дней после убийства царской семьи, должна была быть сожжена голова государя. О том, как происходило сожжение головы, я передаю со слов очевидца: «К назначенному времени я был у ворот Кремля. Начальник караула пожелал узнать, куда я хочу идти. Я ему показываю документы и письмо к коменданту Кремля. Документы его не удовлетворяют, и он отправляет меня в сопровождении красноармейца в комендатуру. Мимо меня проезжает в автомобиле Петерс, рядом с ним сидят женщины. В комендатуре я предъявил вновь свои бумаги. Звонят Троцкому по телефону, и он ничего по сему поводу не знает. Звонят Бонч-Бруевичу, и только через полчаса я получаю разрешение идти дальше. Комендант меня сопровождает, и от него я узнаю, что сожжение головы государя будет происходить в одном из флигелей, в ко-

тором была когда-то кухня. Проходим мимо Архангельского собора и старого монастырского здания; у входа стоит часовой, который вытягивается при виде коменданта. Еще несколько шагов, и мы подходим к маленькому флигелю, перед которым стоят несколько человек, тихо между собой разговаривающих и курящих папиросы. Покрапывает дождик, за Москвой-рекой виден пожар, мимо нас несется кремлевская пожарная команда, церковные колокола бьют в набат. Крыленко шепчет:

«Тени старой России оплакивают своего бывшего властелина». Раздается гром, молния, и я вижу, как один из присутствующих крестится. Крыленко восклицает: «Черт возьми, едва я не сделался виновником этого несчастия». Комендант открывает входную дверь флигеля, и мы попадаем в маленькое помещение, слабо освещенное лампой. Теперь я имел возможность ближе рассмотреть остальных присутствующих — их было 20. Между ними Эйдук, Смирнов, Бухарин, Радек с сестрой и несколько других. Немного погодя появляется Петерс с Балабановой, за ним следуют Коллонтай, Лацис, Дзержинский и Каменев. В маленьком помещении стало до того душно, что нечем стало дышать. Все очень нервны и возбуждены, только Коллонтай (впоследствии посол Советов в Осло и Мексике) кажется более сдержанной, подходит ближе к горящей печке и чистит свое платье. Последним появляется Троцкий. При его появлении на стол ставят 4-угольный чемодан. Троцкий здоровается с присутствующими, испытующе смотрит на них и, переговорив с Дзержинским и Бухариным, приказывает открыть чемодан. Он сразу же настолько быстро окружается любопытными, что я остаюсь сзади, не могу рассмотреть, что там происходит. С одной из женщин делается дурно, и она отходит от стола. Троцкий смеется: «Женские нервы». Крыленко ему поддакивает. Дзержинский в комически-элегантной форме старается помочь Коллонтай, усаживает ее на скамью у стены. Теперь я имею возможность рассмотреть содержимое чемодана. В нем оказался толстый стеклянный сосуд с красноватой жидкостью, в жидкости — голова императора Николая II. Мое волнение до такой степени велико, что я с трудом могу узнать знакомые черты. Но сомнений быть не может — перед нами лежит голова последнего русского царя — доказательство страшного злодеяния, совершенного 10 дней тому назад у подножия Уральского хребта. Этот ужас испытывают и все остальные. Слышатся замечания. Бухарин и Лацис удивляются тому, что царь так рано поседел, и действительно, волосы на голове и бороде белы. Возможно, что

это — последствия последних трагических минут перед мученической кончиной, жертвой которой он пал вместе со своей супругой и своими возлюбленными детьми. Возможно, что это — последствия войны, революции и долгого заточения. Троцкий требует от присутствующих расписаться в том, что они были свидетелями виденного. Таким образом составляется второй протокол. Коллонтай исчезла, но ее место заняло еще несколько любопытных. Среди них узнаю Крестинского, Полякова и нескольких матросов. По подписании протокола все еще раз осматривают стеклянный сосуд, и видно по их лицам, что им не по себе. Бухарин, желая рассеять это тягостное настроение, пытается произнести несколько слов, освещая этот вопрос с революционной точки зрения, но быстро обрывается и замолкает. Даже хладнокровный Лацис нервно пощипывает свою белобрысую бороду и смотрит косым взглядом на стол. Троцкий приказывает поднести сосуд к пылающей печи. Все склоняют головы, невольно расступаясь, но это только на одно мгновение: настоящие коммунисты не могут показывать свои внутренние переживания».

ГЛАВА 47

Убийцы заметают следы. — Коптяки. — Царские Ямы.

Совершив кровавый ритуал, убийцы по заранее разработанному плану грузят тела мучеников в машину и вывозят их из города. В 1918 году место, куда убийцы везли тела расстрелянных, представляло страшную глухомань. От переезда железнодорожной линии по густому, сильно заросшему лесу шла узкая конная дорога. На расстоянии 3 верст от переезда дорога раздваивалась на две ветки возле урочища Четырех Братьев. Название это оно получило от когда-то росших здесь из одного корня четырех могучих сосен.

В 1918 году от этих сосен оставалось только два развалившихся пня. Как раз за этими пнями главная ветка дороги шла к северу, проходя ряд луговин, носящих общее название Большой Покос, именно она вела на Коптяки.

Другая ветка дороги от урочища Четырех Братьев шла к югу через заболоченные места и использовалась преимущественно зимой. Местное название ее было «дорога на плотинку», так как на высоте Большого Покоса пересекала на плотинке очень топкое болото. Гать по этой плотинке уже в то время была совер-

шенно развалившаяся и непроезжая, а проходимая только зимой, когда болото замерзало.

Верстах в двух севернее Большого Покоса и плотинки обе ветки соединялись и, таким образом, ограничивали обширный район, который в 1918 году носил название Ганина Яма. Общая его протяженность составляла приблизительно 5 верст. Примерно в середине этого района, недалеко от главной ветки и в полутора верстах от урочища Четырех Братьев, имелся маленький прудик, собственно и называвшийся Ганиной Ямой.

От этого прудика к Четырем Братьям тянулись старые заброшенные рудничные разработки, представлявшие собой сеть завалившихся шахт, шурфов, обвалившихся больших и малых котлованов. Следователь Соколов, обследовавший это место со своими многочисленными помощниками, нашел здесь более 30 шахт, большое количество шурфов и котлованов. Обследование затруднялось тем, что это место сильно заросло травой, кустарником и деревьями.

...Моя машина еле едет по сырому захламленному лесу, в 2 километрах от деревни Коптяки. Недавно прошли дожди, лесная дорога, и так разбитая тракторами и тяжелыми машинами, превратилась в непроходимое болото. Даже мой вездеход «УАЗ» на двух ведущих мостах с пониженной передачей не справляется с ней. Часто приходится объезжать стороной, по разбитым отвороткам, цепляясь за деревья и кусты. Преобладают два вида деревьев — береза и сосна, причем березы больше. Мы ищем место, куда привезли для захоронения тела. Долго блуждаем. Обращаемся к старожилам. И наконец нас привозят на это место, которое у старожилов сейчас называется Царской Ямой (или Царскими Ямами). От основной лесной дороги, если двигаться в сторону Коптяков, влево ведет незаметная отворотка, которая спускается как бы в лог. От основной дороги метров 150—200. Отворотка упирается в небольшую поляну размером примерно 80 на 50 метров. По краям — березы и сосны. В левом углу, среди кустов, — шахта в виде двух смежных колодцев. Шахта давно уже осыпалась, только крепежные деревянные конструкции, довольно хорошо сохранившиеся, точно указывают ее месторасположение.

Сюда утром 17 июля привезли трупы Царской семьи. «Удаление трупов и перевозка, — пишет Юровский, — лежала на обязанности т. Ермакова... Около трех часов выехали на место, которое должен был приготовить Ермаков за Верхне-Исетским заводом. Сначала предполагалось везти на автомобиле, а после

известного места — на лошадях (т.к. автомобиль дальше проехать не мог, выбранным местом была брошенная шахта). Проехав Верхне-Исетский завод в верстах 5, наткнулись на целый табор — человек 25 верховых, в пролетках и т.д. Это были рабочие (члены Совета, исполкома и т.д.), которых приготовил Ермаков. Первое, что они закричали: «Что ж вы нам их неживыми привезли?!» Они думали, казнь Романовых будет поручена им. Начали перегружать трупы на пролетки, тогда как нужны были телеги. Это было очень неудобно. Сейчас же начали очищать карманы — пришлось и тут пригрозить расстрелом и поставить часовых. Тут и обнаружилось, что на Татьяне, Ольге, Анастасии были надеты какие-то особые корсеты. Решено было раздеть трупы догола, но не здесь, где намеченная для этого шахта. Светало. Комендант (так называет себя Юровский. — *О. П.*) послал верховых разыскивать место, но никто ничего не нашел. Выяснилось, что вообще ничего приготовлено не было: не было лопат и т.д. Так как машина застряла между двух деревьев, то ее бросили и двинулись поездом на пролетках, закрыв трупы сукном. Отвезли от Екатеринбурга на одиннадцать с половиной верст[1] и остановились в полутора верстах от деревни Коптяки. Это было в 6—7 утра; в лесу отыскали заброшенную старательскую шахту (добывали когда-то золото) глубиной три с половиною аршина. В шахте было на аршин воды. Комендант распорядился раздеть трупы и разложить костер, чтоб все сжечь. Кругом были расставлены верховые, чтоб отгонять всех проезжающих. Когда стали раздевать одну из девиц, увидели корсет, местами разорванный пулями, — в отверстии видны были бриллианты. У публики явно разгорелись глаза. Комендант решил сейчас же распустить всю артель, оставив на охране нескольких человек, часовых и 5 человек команды. Остальные разъехались. Команда приступила к раздеванию и сжиганию. На... (Царице)... оказался целый жемчужный пояс, сделанный из нескольких ожерелий, зашитых в полотно... Сложив все ценное в сумки, остальное найденное на трупах сожгли, а сами трупы опустили в шахту. При этом кое-что из ценных вещей (чья-то брошь, вставная челюсть Боткина) было обронено, а при попытке завалить шахту при помощи ручных гранат, очевидно, трупы были повреждены и от них оторваны некоторые части... Но Романовых не предполагалось оставлять здесь — шахта заранее была

---

[1] В варианте записки Юровского, хранящейся в ГАРФе (опубликована в «Огоньке». 1989. № 21), указано шестнадцать с половиной верст.

предназначена стать лишь временным местом их погребения. Кончив операцию и оставив охрану, комендант часов в 10—11 утра (17 уже июля) поехал с докладом в Уралисполком, где нашел Сафарова и Белобородова»[1].

Итак, на поляне горит большой костер, пламенные революционеры раздевают догола тела женщин, копаются в их белье, кидая все ненужное в огонь. Я думаю, слукавил Юровский, заявив, что это место было выбрано как временное. Он его сам нашел вместе с Ермаковым (есть показания свидетелей). Скорее всего, от этого места пришлось отказаться, потому что оно стало известно слишком многим. Если место временное, зачем пытались засыпать шахту ручными гранатами? После доклада Сафарову и Белобородову они, видимо, получили нагоняй за недобросовестное выполнение задания. А почему так получилось? Потому что большая часть подручных, не исключая Ермакова, были сильно пьяны, да к тому же увлеклись мародерством. Зря ли Войков выписал в аптеке большое количество спирта? Лопаты забыли, место, куда должны ехать, потеряли (а ведь заранее готовили), прямо на глазах Юровского стали воровать.

О том, что преступники были сильно пьяны, говорит также и множество пулевых промахов на месте убийства. Преступники убивали своих жертв «впритруть», на близком расстоянии, но не могли попасть. Большая часть пулевых следов в комнате была от пуль, не проходивших через тело.

А почему опоздал Ермаков, ведь из-за него все «дело» было отложено на полтора часа? Да потому, что гулял со своей бандой и, судя по всему, пообещал ей привезти Царскую семью для расправы живой. Иначе почему эти люди начали возмущенно кричать: «Что ж вы нам их неживыми привезли?!» Некоторые старики, с которыми мне приходилось беседовать в Свердловске, рассказывали, что в первые годы революции ходили слухи об убийстве Царской семьи пьяными до скотского состояния бандитами. Но слухи эти пресекались как белогвардейская клевета.

О месте захоронения Царской семьи оставили воспоминания несколько свидетелей, которые считали, что оно произошло именно в Ганиной Яме. Прежде всего это один из большевистских руководителей, П. Быков. «После расстрела, — пишет он, — трупы были перенесены в одеялах во двор дома и уложены в грузовой автомобиль. По заранее намеченному пути

---

[1] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 497, л. 7—13.

автомобиль выехал из города через пригородное селение, Верх-Исетский завод, на дорогу, ведущую в деревню Коптяки. На половине этой дороги, верстах в 8-ми от города, находится урочище «Четыре Брата», получившее название от росших здесь раньше четырех больших сосен. Влево от дороги, в этом же районе, находятся старые заброшенные шахты, служившие когда-то для выработки железной руды. Район этот носит название «Ганиной ямы», по имени небольшого прудка, находящегося в центре выработки. Сюда по лесной дорожке, свернув с Коптяковской дороги, были привезены тела Романовых. Временно их сложили в один из шурфов, а на следующий день было приступлено к их уничтожению.

На телах Александры и дочерей обнаружили много драгоценностей — золота и бриллиантов, зашитых в одежде, главным образом в лифы дочерей Романовых, бриллианты — в пуговицах платья и т.д. Вся одежда была тщательно просмотрена, и все ценные вещи собраны.

18 июля днем с «похоронами» было закончено, и настолько основательно, что впоследствии белые, в течение двух лет производя раскопки в этом районе, не могли найти могилы Романовых. <...>

Останки трупов после сожжения были увезены от шахт на значительное расстояние и зарыты в болоте, в районе, где добровольцы и следователи раскопок не производили. Там трупы и сгнили благополучно...»[1]

То же пишет Стрекотин: «...трупы были сожжены в Ямах около деревни Коптяки»[2]. Аналогичную версию приводит в своей официозной книге «Двадцать три ступени вниз» Касвинов (1978).

Целую «повесть» о первом захоронении оставил Ермаков. «Около часу ночи, — пишет он, — автомобиль с трупами направился через В.-Исетск по направлению дороги Коптяки, где мною было выбрано место для зарытия трупов, но я заранее учел момент, что зарывать не следует, ибо я не один, а со мной есть еще товарищи. Я вообще мало мог кому доверить это дело и тем паче, что я отвечал за все, что я заранее решил их сжечь,

---

[1] Быков. С. 106—126. В книге Быкова дается расплывчатая фотография с изображением неровного места с подписью: «Болото, вблизи деревни Коптяки, в котором были зарыты останки трупов б. царской семьи».

[2] СПА, ф. 331, оп. 2, д. 849, л. 18.

для этого приготовил серную кислоту и керосин, все было устроено, но не давая никому намека сразу, то я сказал, мы их спустим в шахту... Я велел всех раздеть, чтобы одежду сжечь, и так было сделано, когда стали снимать с них платье, то у самой и дочерей были найдены медальоны, в которые вставлена голова Распутина, дальше под платьем на теле были особо приспособленные лифики двойные, подложена внутри материала вата и где были уложены драгоценные камни и простежено. Это было у самой и четырех дочерей. Все это было передано члену Уралсовета Юровскому. Что там было, я вообще не поинтересовался на месте, ибо было некогда, одежду тут же сжег, а трупы отнесли около 50 метров и спустили в шахту, она была неглубокая, около 6 сажен (больше 12 метров. — *О. П.*), ибо все эти шахты я хорошо знаю для того, чтобы можно было вытащить для дальнейшей операции с ними, все это я проделал, чтобы скрыть следы от своих лишних присутствующих товарищей.

Когда все это было закончено, то уже был полный рассвет, около 4 часов утра. Это место находилось совсем в стороне от дороги около 3 верст. Когда все уезжали, то я остался в лесу, об этом никто не знал. С 17 на 18 июля я снова прибыл в лес, привез веревку, меня спустили в шахту, я стал каждого по отдельности привязывать, по двое ребята вытаскивали. Когда все вытащили, тогда я велел класть на двуколку, отвезли от шахты в сторону, разложили на три группы дрова, облили керосином, а самих серной кислотой, трупы горели до пепла, и пепел был зарыт. Все это происходило в 12 часов ночи с 17 на 18 июля 1918 года. После всего 18-го я доложил»[1]. Как относиться к этой части воспоминаний Ермакова: как к пьяному бреду или как к кем-то специально придуманной легенде с целью замести настоящие следы? Ведь говорить следует то, что нужно, а не то, что можно?

После отступления красных 25 июля 1918 года по делу об убийстве Царской семьи проводится расследование. Уже 27 июля к следователям является поручик Шереметьевский и докладывает, что 17 июля в районе Коптяков наблюдалась подозрительная активность большевиков. Лес был оцеплен, раздавались взрывы ручных гранат. След сразу же привел к Ганиной Яме. Еще хорошо сохранялись следы двух кострищ: одно — у шахты, другое — на лесной дороге, под березой. В пепелище были найдены корсетные планшетки, множество пуговиц и крючков, военная пряжка детского размера, обгоревший изум-

---

[1] СПА, ф. 331, оп. 2, д. 849, л. 9—12.

рудный крест и бриллиант. Кроме того, в кустах и траве нашли и другие мелкие вещи, принадлежавшие Царской семье. Откачали воду из шахты. Подняли землю со дна, просеяли ее и промыли. Обнаружили отрезанный палец, жемчужную серьгу, застежку для галстука и вставную челюсть доктора Боткина. Кроме того, около шахты были обнаружены порванные страницы анатомического трактата на немецком языке и немецкая газета. Тщательно были обследованы все окрестности, но ни тел, ни их останков обнаружено не было. Следователь Соколов, проведший огромную работу по розыску жертв убийства, приходит к выводу, что они были уничтожены до пепла при помощи огня, 400 галлонов керосина и 400 фунтов серной кислоты. Предварительно тела были расчленены, а головы, по данным М.К. Дитерихса, отрезаны и увезены в Москву.

«Мы вашего Николку и всех там пожгли», — заявляли крестьянам пьяные красноармейцы из отряда Ермакова, когда отступали на Тагил. Аналогичную версию высказал захваченный белыми большевик А. Валек. Сведения о полном уничтожении Царской семьи путем сжигания наиболее распространены и среди старожилов деревни Коптяки и прилегающих к ней населенных пунктов.

Прежде чем этот же вывод сделал Соколов, он подробно обследовал Ганину Яму и ее окрестности. Все следы вели к шахте № 7. Чем ближе к ней, тем больше находок различных предметов и кусочков вещей, принадлежавших Царской семье. Возле шахты сохранились остатки большого кострища с непрогорелыми дровами крупного диаметра (бревнами). Большая часть его была разбросана по окрестности. Уже при приближении красных летом 1919 года Соколову удалось обследовать шахту, которая состояла из малого и большого колодцев. М.К. Дитерихс дает полный перечень предметов, найденных при обследовании шахты. Прежде всего малый колодец. При выборке засыпки, оказавшейся в малом колодце шахты, на глубине трех вершков от поверхности лежал труп маленькой собачки, принадлежавшей Великой княжне Анастасии Николаевне. Затем вся засыпка из малого колодца была осмотрена и промыта на решетах, причем в ней оказались следующие предметы:

1. 12 кусков какого-то беловатого вещества, смешанного с глиной. Вещество издает сильный запах сала и легко крошится в руках. По внешнему виду очень похоже, что это растопленное со сжигавшихся тел сало, смешавшееся с глиной из-под костра.

2. 5 кусочков расплавленного свинца, вылившегося под действием огня из пулевых оболочек.

3. Серебряный, вызолоченный значок Уланского Государыни Императрицы полка, с датой 1803 17/V 1903, поднесенный Царице полком в день столетнего юбилея полка. Государыня носила этот значок на шейной цепочке.

4. Серебряная рамочка от маленького шейного образка одной из Великих княжон и кусочки цинковой пластинки со следами краски, являющиеся остатками от самой иконки.

5. Осколок жемчужины прекрасного качества.

6. Кусочек какого-то золотого украшения, отрубленный рубящим оружием.

7. Топазовая бусина от ожерелья Великих княжон.

8. Пистон от корсета, английская кнопка, два медных винтика от дорогой обуви, три тонких гвоздика от обуви, пять кусочков белого тонкого стеклышка от медальона, хорошая английская булавка. Все эти предметы подвергались действию огня.

9. Пять кусочков синей материи, цвета и свойства материи дорожных костюмов Великих княжон.

Один кусочек черной материи с белыми полосками, характера материи от пальто доктора Боткина.

Два куска черной материи, один — светло-желтой и один — белой с розовыми полосками. Все куски материи также носили следы горения.

10. Кусочек хорошей кожи от обуви со следами ожога.

11. Осколок ручной гранаты.

12. 7 обуглившихся кусков дерева, из коих три представляют собой большие головешки, позволяющие заключить, что огонь на костре разводился большой.

Таким же порядком был исследован ил, взятый со дна большого колодца шахты, где в августе 1918 года офицерами был найден отрезанный палец, по-видимому женский, и вставная челюсть доктора Боткина. Летом 1919-го при промывке ила найдено еще:

1. Девять обгорелых кусочков такой же синей материи, какая была найдена в засыпке малого колодца.

2. Два осколка стекла от пузырька нюхательных солей; три — зеленых, от флакона Императрицы, и четыре белых осколка стекла — или от рамочки, или от медальона.

3. Три осколка ручной гранаты.

4. 20 кусков углей различной величины. Все перечисленные предметы попали в шахту № 7 при разброске убийцами кострища, бывшего на глиняной площадке. Это подтверждалось как свойством грунта, из которого состояла засыпка малого колод-

ца шахты, так и следами глины, сохранившейся на большинстве предметов; экспертиза установила полную их тождественность с грунтом глиняной площадки. Кроме того, характер, свойства и качества предметов, найденных в шахте, вполне соответствовали предметам, найденным при детальном исследовании поверхности земли в районе старой березы, шахты № 7 и глиняной площадки.

Это последнее было произведено с большой осторожностью и детальностью. Работали ножами, была пересмотрена почва всей площади на глубину притоптанности верхнего ее слоя. Затем были сняты верхние слои земли из-под кострищ и с глиняной площадки и просеяны через решета, и, наконец, как эта просеянная земля, так и земля, снятая вокруг шахты № 7, промывалась на системе решет. Первые работы были выполнены полностью; промывка же к 10 июля, дню перерыва работ, закончена не была; успели промыть землю из-под кострищ и примерно четверть земли с глиняной площадки.

В результате произведенного исследования были найдены следующие предметы:

А. В земле из-под кострищ у старой березы:

1. Свинец, выплавившийся из пулевых оболочек.

2. Женские: простая пряжка от подвязок, 3 простые кнопки и 1 петля.

3. Мужские: большая пуговица, большие крючок и петля, по-видимому, от пальто, 2 пуговицы фирмы Лидваля от брюк и 1 большая кнопка.

4. Кусочки материи разного цвета и сорта, сильно прогоревшие.

5. Этикетка с надписью: «Хим. Лаб. Стела».

Б. В земле из-под костра у шахты № 7, с глиняной площадки и в слое, окружавшем шахту № 7:

1. 30 обгорелых осколков от крупных костей. Некоторые куски имеют совершенно ясные следы отделения их рубящим оружием. Другие образовались под действием горения в огне.

2. 18 кусочков свинца, вытекшего из пулевых оболочек.

3. Одна пустая обожженная никелевая оболочка от пули нагана.

4. Две пули нагана, сильно деформированные в головных концах, как бывает при ударе пули о кость.

5. Три частицы золотых шейных цепочек от образков.

6. Обгорелые металлические кусочки пластинок от маленьких шейных образков.

7. 13 совершенно обуглившихся кусков какого-то вещества, сильно рассыпающегося при малейшем нажиме.

8. Осколок рубина «кабошона», наиболее вероятно, от того кольца, которое было подарено Императором Государыне, когда ей было еще 15 лет, и которое она всю жизнь носила на шейной цепочке с образками.

9. Два осколка сапфира «кабошона», тоже, вероятно, от кольца Императора, подаренного ему Государыней в 1891 году и с которым покойный Император никогда не расставался.

10. 13 целых жемчужин и 4 осколка жемчуга очень хорошего качества. По свидетельству лиц, близко стоявших к Царской семье, лучшие жемчуга были зашиты в Тобольске в мешочек, который надела себе на шею Великая княжна Ольга Николаевна.

11. 17 топазовых бус и 2 осколка от таких же бусин. Топазовые ожерелья имели все Великие княжны.

12. Два бриллианта очень хорошей воды, видимо от какого-то украшения.

13. Рубин граненый, прямоугольной формы, высокого качества.

14. Осколок от крупного темного аметиста.

15. 14 осколков от изумрудных камней разной величины и хорошего достоинства.

16. Шесть золотых и платиновых кусочков, отрубленных от украшений. В одном платиновом кусочке сохранился бриллиант хорошей воды.

17. Обрывок золотой цепочки от браслета Императрицы.

18. Золотая оправа от пенсне доктора Боткина.

19. Маленький флакончик с нюхательной солью, принадлежавший Императору или Великой княжне Ольге Николаевне.

20. Пять кусочков обгорелой лиловой материи, подобной той, из которой было платье Императрицы.

21. Три кусочка обгорелой синей материи от дорожных костюмов Великих княжон.

22. Три куска солдатского сукна от шинели. По качеству сукно похоже на то, из которого была сделана шинель Наследника, которую ему шил портной Порденштрем. Куски сильно разлезаются, как бы разъеденные кислотой.

23. 8 разных пуговиц хорошего качества; 4 металлические петельки от одежды, из коих три — женские, очень хорошего качества. Все предметы обгорелые.

24. Лента черного бархата, скорее всего от шляпы. Шнурок, сплетенный Государыней из ниток ириса. Несколько кусочков

разной материи, цвет и качество коей почти невозможно определить, так как часть их сильно обгорела, а другая пропитана глиной.

25. 6 металлических корсетных костей, угольник от корсетной планшетки, части металла с обгоревших или обожженных кислотой корсетных планшеток и 14 корсетных пистонов.

26. Железная лента, вкладываемая в тулью военных фуражек хорошей работы. Другая такая лента была найдена еще в августе. Такие ленты были в фуражках Императора и Наследника.

27. 13 остатков обгорелой обуви. В некоторых сохранились винтики и гвоздики, по качеству и характеру которых эксперты заключают, что обувь была лучшего качества.

28. 57 осколков разных стекол: от портретной рамочки Императора, от медальонов или образков, от пенсне доктора Боткина, от разных маленьких пузырьков и флакончиков. На одном из осколков зеленого стекла сохранилось оттиснутое по-французски слово «придворный».

29. 6 осколков и кусков от разных частей ручной гранаты. Использованная гильза от револьвера кольта, такая же от браунинга и такая же от нагана.

30. Куски разорванной на части, писанной карандашом записки. По соединении кусков оказалось, что записка представляла собой телеграмму военного комиссара Анучина комиссару Мрачковскому о спешной высылке в Екатеринбург Костромского пехотного полка.

Изучив все материалы, найденные следствием в районе Ганиной Ямы, следователь Соколов приходит к выводу, что все тела злодейски умерщвленных членов Царской семьи и их слуг были сожжены дотла с помощью соляной кислоты и бензина, а останки несгоревших костей разбросаны по окрестным болотам. К такому же выводу пришли генерал Дитерихс и Вильтон.

...В Коптяковском лесу я и мои спутники провели много времени, даже ночевали в нем, прямо в машине. Он таит в себе множество чащоб, ям и шахт. При желании в нем можно спрятать что угодно. Лес живет своей жизнью. Бродят грибники. Пастухи пасут стада коров на лесных опушках. Кстати, долгое время пасли скот и на этой поляне, а сама яма использовалась для водопоя скота вплоть до начала 50-х годов, когда вода из ямы ушла. Сейчас большая часть поляны завалена свежесрубленными сосновыми деревьями. Встретившийся нам грибник из местных сказал, что сосны готовят для постройки церкви в память об этой трагедии. На самом деле оказалось не так, а гораздо прозаичнее. Мы уже готовились ко сну, когда по лесной

дороге в сторону Царских Ям проследовал тяжелый грузовик и остановился прямо на поляне. Подошел туда и я. Двое крепких мужиков начали загружать сосновые стволы. Первая мысль была: воруют. Разговорились, и они объяснили, что этот лес срублен ими в порядке самозаготовки. Платят лесничеству по 12 рублей за куб, сами срубают, сами вывозят для строительства бани. Спрашиваю: «А знаете, что это за место?» Отвечают: «Знаем, Царские Ямы, здесь Царя сожгли».

ГЛАВА 48

Тайное захоронение. — Версия Юровского. — Свидетельства Ермакова. — Показания Сухорукова и Радзинского. — Поиски Царской могилы.

Однажды сразу же после убийства Царской семьи Войкова спросили:

«Почему так усиленно скрываются подробности смерти Николая II?» На что он ответил: «Мир об этом никогда не узнает». Да, организаторы убийства сделали все, чтобы замести следы ритуального злодеяния. По свидетельству очевидцев, вечером 18 июля 1918 года через железнодорожный переезд в Коптяки проехал автомобиль с 6 солдатами и одним штатским — «жид с черной, как смола, бородкой». Солдаты сопровождения на расспросы сказали, что они — московские (данные М. Дитерихса и Р. Вильтона).

Еврей, вероятно, тот самый раввин, который участвовал в совершении ритуальных обрядов при убийстве Царской семьи в доме Ипатьева, — приехал в лес, по-видимому, чтобы завершить свое каббалическое действо уже над телами мучеников. Свидетельница по делу об убийстве Царской семьи впоследствии показала, что видела въезжавший в лес легковой автомобиль, в «котором сидели 6—7 человек. Кажется, все они были в солдатской форме, молодые, за исключением одного, походившего на еврея, с черной как смоль бородой...». Поздно ночью, когда автомобиль поехал обратно, в нем «человека с черной бородой уже не было»[1].

---

[1] Протокол допроса Е.Т. Лобановой // Кн. «Гибель царской семьи...» С. 33 — 34; некоторые свидетели полагают, что еврей с черной бородой в машине был сам Юровский. Но, во-первых, Юровский приехал в лес задолго до вечера, а во-вторых, Юровский носил солдатскую гимнастерку, а еврей в автомобиле был в штатском.

Слухов о том, как была захоронена Царская семья, в Екатеринбурге 18-го ходило много: «Сначала похоронили за Екатеринбургом 2-м, а потом перевезли к станции Богдановичи». «Сначала вырыли одну яму, фальшивую, для отвода глаз, а рядом вырыли уже настоящую, в которой и похоронили, залив всех цементом». «Сначала побросали всех в одну яму, а затем развезли по разным местам». «Сначала побросали всех в шахту, а потом вынули и потопили в болотах». «Тела Царя и его семьи вывезли на лодках на середину озера и затопили в мешках, наполненных камнями»...

А как же было на самом деле? Днем 17 июля Юровский советуется с членами Уралсовета и Чека. Предгорисполкома Чуцкаев предлагает ему похоронить трупы в глубоких шахтах, заполненных водой, на 9-й версте по Московскому тракту. Юровский отправляется к этим шахтам, чтобы убедиться лично. Шахты ему понравились. И он решает везти тела сюда, чтобы, привязав к ним камни, утопить. Шахты охраняются сторожами. Но для Юровского это не помеха. «Надо вызвать автомобиль с чекистами, — размышляет он, — пусть они арестуют сторожей». На случай, если не удастся план с шахтами, Юровский предлагает похоронить трупы в «глинистых ямах, наполненных водой, предварительно обезобразив трупы до неузнаваемости серной кислотой».

Ночью с 17-го на 18-е команда по уничтожению трупов возвращается в Коптяковский лес. Весь район оцепляется войсками. Всех, кто вторгнется в район оцепления, приказано расстреливать на месте. Глубокая ночь сменяется рассветом, убийцы теряют терпение. Выдвигается предложение никуда не везти, а закопать прямо здесь, возле шахты. Начали рыть яму, да тут к Ермакову подошел знакомый крестьянин и увидел яму. Ермаков его от злости чуть не расстрелял. «Пришлось, — вспоминает Юровский, — бросить дело... [и] везти трупы на глубокие шахты... Смогли отправиться в путь только в 9 вечера, пересекли линию ж. д. в полуверсте, перегрузили трупы на грузовик. Ехали с трудом, вымащивая опасные места шпалами, и все-таки застревали несколько раз. Около четырех с половиной утра 19-го машина застряла окончательно. Оставалось, не доезжая шахт, хоронить или жечь... Хотели сжечь Алексея и Александру Федоровну, но по ошибке вместо последней с Алексеем сожгли фрейлину. Потом похоронили тут же под костром останки и снова разложили костер, что совершенно закрыло следы копания. Тем временем вырыли братскую могилу для остальных.

Часам к семи утра яма аршина два с половиной глубины и три с половиной в квадрате была готова. Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой, как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения (яма была неглубока). Забросав землей и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали — следов ямы и здесь не осталось. Секрет был сохранен вполне — этого места погребения белые не нашли»[1].

Таким образом, рождается первая версия тайного захоронения Царя — в болотистой дороге под мостками. В записке Юровского указано даже точное место этого захоронения.

Несколько иную версию захоронения Царя дает П. Ермаков в своей беседе с журналистом А. Мурзиным. По его версии, у Царя, Наследника Алексея и Анастасии сначала отрубили головы, тела были сожжены, а несгоревшие остатки костей брошены в болото, или стлань. Ермаков рассказывает, что Голощекин приказал в первую очередь сжечь три тела: Николая, Алексея и Анастасии. Перед сожжением он велел отрубить им головы и передать их П. Войкову. Ермакову Мурзин задает вопрос: «...сколько нужно дров, чтобы сжечь хотя бы один труп? Ведь известно, что близ шахты № 7 не было никаких следов их заготовки или подвозки». Рассказ Ермакова был обескураживающе прост: «Белые следователи не догадались, что Коптяки на то и Коптяки, что там занимались углежжением. На древесном угле мы жгли. Поливали бензином и жгли...»

Не потому ли никто не заметил в те дни ни большого огня, ни дыма над лесом?

Ермаков говорил, что в лес ездили «как на работу». И утверждал: «главные» тела он «сожег» еще в ночь на 18 июля. И уехал с командой домой отсыпаться. А поздним вечером того же дня они вернулись к шахте. И немало удивились, увидев: команда Голощекина и Юровского заканчивает погрузку каких-то «недогоревших» тел в повозки.

Было темно. Ермаков не мог нам уверенно сказать, насколько тела были изрублены или обожжены. К тому же Голощекин устроил Ермакову дикую сцену за якобы «самоуправство», за то, что «не тех пожег», — разнос был явно рассчитан на публику. Голощекин заявил, что они решили поменять место захоронения: про него уже «знает весь город». После чего они с

---

[1] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 497, л. 12—13.

Юровским уехали, сказав: едем тела дожигать или топить. И приказали Ермакову все следы у шахты «сокрыть», а остатки костей утопить в болоте.

Обозленные ермаковцы ничего особо «сокрывать» не стали. Сгребли какие-то кости, сложили в пустой кувшин из-под серной кислоты, на носилках отнесли его куда-то на «гать» или «стлань». И бросили в болотный зыбун. Ермаков говорил нам, что кувшин «был мал», поэтому все оставшиеся в костре кости они раскидали и побросали в шахту. А потом засыпали костер и уехали домой»[1].

Участник цареубийства латыш Родионов (Свикке) в своем рассказе о захоронении Царской семьи близок к версии Ермакова. «Мы, — рассказывал Родионов С. Ильичевой, — привезли трупы к яме и побросали их туда. Наутро на рудник приехал председатель Уральского облсовета Александр Георгиевич Белобородов с товарищами и ахнул: тела лежат голые на виду. Вот тогда люди из моего отряда и рабочие Ермакова разожгли два костра, взяли бензин, кислоту и все сожгли, кидали даже трупы собак. Там все перемешалось...»[2]

Свидетельства Ермакова и Родионова противоречат версии Юровского. Однако в пользу последнего говорят показания других участников захоронения. Вот, например, показания чекиста Григория Ивановича Сухорукова. «18 или 19 июля, — пишет он, — из (чекистского) отряда нас выбирают человек 12 и говорят: товарищи, вам вверяется тайна государственной важности, с этой тайной вы должны умереть, горе будет тому, кто не оправдает доверия. Мы говорим... готовы на все. Тогда пред-сед. Урал. обл. Чека, если не путаю, Лукиянов[3] Федор говорит: сегодня мы должны ехать хоронить семью Николая Романова. Она расстреляна... Ночью же выехали в сторону В.-Исетского завода. Ехали на экипажах. Точно не помню, сколько нас было человек, но многих помню. 1. Юровский, комиссар города. 2. Наш комиссар Павлушин, из Чека Горин [и] Радзинский, потом, не знаю фамилии, мадьяр в сером костюме, впоследствии он его сжег серной кислотой. Ермаков. Из красноармейцев — Тягунов Федор, мой земляк, убитый на Деникинском фронте. Лысьвенские рабочие: Боженов Алекс., Поспелов Никол. Влад., его брат Иван (они, кажется, сейчас в Перми). Самойлов Ни-

---

[1] М у р з и н А. Указ. соч.

[2] И л ь и ч е в а С. Указ. соч.

[3] Правильно: Лукоянов. — *О. П.*

кол. (в Москве учится на красного професс.). Веселков Михаил (работает в Свердловском ГПУ). Эстонец Кют впоследствии был в моей команде пул. взв. и попал в плен Колчаку с пулем. заставой. Кильзин тоже эстонец, тоже был в моей команде ком. пул. отд., убит под Новопаинском Оханск. уезд. Пономарев Дм., лысьвенский рабочий, Гурьев, тоже оба попали в плен. Верхне-Туринские рабочие: Петров, Рябков Алекс., брат Рябковой, работающей в данное время, кажется, в ОБЛ РКИ (по мужу у нее, вероятно, фамилия другая). Яша, фамилию забыл, Рябкова его знает, и я.

Приехали утром к шахтам, где были трупы, около шахты пепел... [от] костра, братва начала рыться, догадавшись, что здесь сжигали царскую одежду; кое-кому попало изрядно, например, Поспелов нашел 2 крупных бриллианта, оправленные платиной, Сунегин нашел бриллиантовое кольцо и т.д.

Время шло, работа ударная, нужно было приступить к извлечению трупов, кругом расставили конных и пеших патрулей и приступили к работе, первым спустился в шахту с веревкой в руке Сунегин Вл. И начал извлекать сначала дрова, цельными плахами, потом работа показалась нудной и длинной, решили взяться прямо за трупы... На подмогу Сунегину спустился я, и первая попавшаяся нога оказалась Николая последнего, который и благополучно был извлечен на свет Божий, а за ним и все остальные. Для точности можно отметить, что все были голыми за исключением Наследника, который был в одной матроске нательной, но без штанов. По извлечении трупы сложили недалеко от шахты и закрыли палатками, приступили к обсуждению, куда девать? Сначала решили вырыть яму прямо на дороге, закопать и сильно заездить, но грунт оказался каменистым, и эту работу бросили, решили дождаться автомобилей и с соответствующим грузом потом отвезти в В.-Исетский пруд.

Вечером пришли грузовые автомобили, трупы были уже погружены на повозки, и мы с повозок их снова перегрузили на автомобили и поехали. Недалеко была мочажина, настланная шпалами в виде моста, и здесь-то задний грузовик, почти проехавши, застрял, все наши усилия ни к чему не привели, и решили шпалы снять, выкопать яму, сложить трупы, залить серной кислотой, закопать и снова наложить шпалы. Так было и сделано. Для того, что если бы белые даже нашли эти трупы и не догадались по количеству, что это царская семья, мы решили штуки две сжечь на костре, что мы и сделали, на наш жертвенник первым попал Наследник и вторым младшая дочь Анастасия, после того как трупы были сожжены, мы разбросали кос-

тер, на середине вырыли яму, все оставшееся недогоревшее сгребали туда и на том же месте снова развели огонь и тем закончили работу. Приехали в Екатеринбург на вторые сутки усталые и злые; ночью того же дня выехал старшим конвоя для сопровождения в Пермскую Чека дочь короля сербского Елену, жену одного из великих князей, с ней сербская миссия, полковник Медичи, его холуй, и человек 20 свердловских буржуев. Всю эту честную компанию я доставил благополучно»[1].

В 60-х годах о своем участии в сокрытии тел Царской семьи рассказал чекист И. Радзинский (Родзинский?). По его словам, когда команда по уничтожению трупов прибыла на место и извлекла трупы из колодца, то оказалось, что холодная подземная вода смыла кровь. Перед нами, говорил Радзинский, лежали готовые «чудотворные мощи». «Очевидно, состав воды и температура были таковы, что трупы могли бы сохраниться в этой шахте долгое время. Решили искать другое место. Это было уже 18 июля. Поехали искать более отдаленные и глубокие шахты, но по дороге грузовик застрял в топкой трясине. Тогда решили захоронить Царскую семью прямо в этом топком месте на Коптяковской дороге. Вырыли в торфе большие ямы и перед захоронением все трупы облили серной кислотой, чтобы их невозможно было узнать. Часть трупов, облив керосином, сожгли. Эта операция продолжалась до 19 июля. Затем все останки семьи сложили в яму, присыпали землей и заложили старыми шпалами. Несколько раз проехали, следов ямы не осталось...»[2]

В другом месте своих «мемуаров» Радзинский особо говорит о сожжении тел: «Вот, помню, Николай сожжен был, был этот самый Боткин, я сейчас не могу вам точно сказать, вот уж память. Сколько мы сожгли, то ли четырех, то ли пять, то ли шесть человек сожгли. Кого, это уже точно я не помню. Вот Николая точно помню, Боткина и, по-моему, Алексея. Ну, вообще должен вам сказать, человечина, ой, когда горит, запахи вообще страшные. Боткин жирный был. Поливали и жгли керосином, там что-то еще такое сильно действующее, дерево тут подкладывали. Ну долго возились с этим делом. Я даже, вот, пока горели, съездил, доложился, в город съездил, и потом уже приехал. Уже ночью было, приехал на легковой машине, которая принадлежала Берзину. Вот так, собственно, захоронили»[3].

---

[1] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 180—184.

[2] Труд. 16.07.1993.

[3] Цит. по: Алексеев В.В. Гибель Царской семьи: мифы и реальность. Екатеринбург, 1993. С.137.

Итак, и Юровский, и Сухоруков говорят о том, что тела членов Царской семьи не были уничтожены у Ганиной Ямы, а увезены и захоронены в другом месте, причем прямо на проезжей дороге. Кстати говоря, косвенно версию о захоронении тел на проезжей дороге подтверждает поэт Маяковский, побывавший на месте захоронения тел с председателем Свердловского исполкома Парамоновым, знавшим о нем из первых источников. В стихотворении Маяковского «Император» есть такие строчки (они не вошли в напечатанный текст, а сохранились в записной книжке):

«У корня, **под кедром, дорога** (выделено мною. — *О. П.*).

А в ней — Император зарыт».

Где же это место? Мне было важно проследить всю траекторию пути убийц, мечущихся, чтобы замести следы. Еду в Коптяки и другие окрестные селения, беседую со стариками, чтобы точно представить себе расположение дорог в то время, записать все, что сохранилось в памяти старожилов об этих событиях. Но в памяти сохранилось не так много. «Долгое время, вплоть до пятидесятых годов, — рассказывают старики, — у нас об этом не принято было говорить. Своего рода заклятие не говорить на эту тему». «Откуда оно пошло? Да запугали нас крепко, — признается еще не старый мужчина пенсионного возраста. — У нас такой случай был. Подросток из нашей деревни Коптяки под утро пошел разыскивать корову и столкнулся в лесу с вооруженными людьми, которые прогнали его прочь. Тогда он забрался на верхушку высокой сосны и невольно стал свидетелем странных событий у Ганиных Ям. Правда, разглядел он мало, был туман. Громко матерились вооруженные люди. Горели большие костры. Вернувшись, он рассказал об этом в деревне. После прихода белых его вызывали на допрос. А с возвращением красных к ним как-то приехал чекист, отозвал его в укромное место, помахал маузером перед его носом и сказал примерно так: «Если ты, сволочь, скажешь еще кому слово об этом, не пожалеем». Чекисты ходили и к некоторым другим жителям деревни, рассказывавшим об этих событиях, и предупреждали «не болтать лишнего». Одного мужика вызывали в Чека и долго держали. В общем, в деревне старались на эту тему помалкивать. И даже детям не рассказывали. Ведь они могли по молодости разболтать и попасть в беду. Правда, дорогу, по которой везли Царя из Екатеринбурга, называли Царской, да и

Ганины Ямы были «переименованы» в Царские. Говорить на эту тему стали после смерти вождя, да и то всякие выдумки»[1].

«А был ли слух, что Царя похоронили в другом месте, а не в Ганиных Ямах?»

«Что-то было, всякое говорили, мол, у Царских Ям только шубы да платья зарыты, а тела их в болотах спрятаны».

«Да нет, — вступает в разговор Тамара Казимировна Семенченко, — Царь был у Гати расстрелян и потоплен в болоте. Дядя Миша Криворотов, когда мы ходили со взрослыми на покос возле поселка Гать (раньше там болото было, а через него шла гать, выложенная шпалами), все пугал нас костями Царя и Царицы. Все говорил, я знаю, где Царь зарыт. Даже показывал колодец, из которого он пил воду, когда его везли на расстрел».

Еду к поселку Гать. Вот это поле, бывшее болото, через него была гать, стлань. В войну здесь находился танкодром. По этому болоту по настланным шпалам (отсюда и стлань) испытывали танки.

«Я сейчас вам покажу могилу, где похоронены Царь и его семья. Там сейчас есть надгробие, — говорит нам грибник, приехавший из Свердловска. — Вот Царский лес, а рядом с железной дорогой рощица, а в ней бетонная пирамидка без указания, кто здесь лежит». Еду, смотрю — действительно чья-то заброшенная безымянная могила, каких много на Руси. Кто поставил бетонную пирамидку — полная тайна, кто под ней лежит, никто не знает, кого бы ни спрашивал. Только некоторые считают, что именно здесь покоится Царская семья.

В общем, после всех поисков и расспросов пока никакой ясности нет. Необходимы точные описания, как проходила дорога в 1918 году. Обращаюсь к работам Соколова и Дитерихса. Итак, от Ипатьевского дома дорога на Коптяки шла по Вознесенскому проспекту, поворачивала направо по Главной улице города и возле ипподрома выходила к Верхне-Исетскому заводу. Пройдя завод, дорога пересекала Казанский и Пермский железнодорожные пути и шла по густому смешанному лесу, тянувшемуся вплоть до Коптяков не менее 12 верст. Примерно в 3 верстах от Пермской железнодорожной линии дорога пересекала еще и разъезд № 120, горнозаводскую железнодорожную линию. Но до этого примерно на середине расстояния она раздваивалась и подходила к горнозаводской линии двумя ветками:

---

[1] Пудваль А. Поиск. Свердловск, 1974. С. 53.

северной — к переезду у будки № 184, севернее разъезда № 120, и южной — к переезду у будки № 185, южнее этого разъезда.

Кстати говоря, на северной ветке (об этом пишет Дитерихс), не доходя шагов 150 до железнодорожной линии, есть топкое болотистое место; здесь рано утром 19 июля возвращавшийся из Коптяковского леса к городу в сопровождении конных ермаковских головорезов и 4—5 коробков (телег) грузовой автомобиль застрял в трясине, люди с автомобиля и ермаковские подручные ходили к будке № 184, взяли из сложенного у будки штабеля шпалы и сложили на трясине помост, по которому и прошел грузовик. «Этот помост, — указывал Дитерихс, — оставался на месте еще в мае — июне 1919 года» (судя по описаниям, это место больше всего соответствует воспоминаниям Сухорукова).

Южная ветка Коптяковской дороги, перейдя через переезд у будки № 185, поворачивала вдоль полотна железной дороги и у будки № 184 соединялась с северной веткой. Собственно, здесь и начинался Коптяковский лес.

Итак, если информация Юровского и Сухорукова достоверна, то выезжать из Коптяковского леса преступники могли только здесь. Надо искать старожилов. Опрашиваю многих, никто не помнит или живут здесь недавно. В поселке Шувакиш знакомлюсь с толковым, основательным человеком, старожилом этих мест, который соглашается показать, как шли дороги в то время, — его отец был здесь лесником. К нему я выехал по лесной дороге от Царских Ям. Возле Шувакиша дорога прерывается строительной площадкой какого-то предприятия, и здесь ее уже не найдешь. Меня интересует, как и где в 1918 году можно было пересечь железную дорогу в направлении к Московскому тракту, куда чекисты хотели увезти свои жертвы. Таких мест, по мнению старожила Ивана Афанасьевича, два. Дорога была накатанная, хорошая, но конная. На лошадях по ней возили древесный уголь из Коптяков в Верхне-Исетский завод. Один переезд был метров на 50 правее нынешнего, а другой на 100—150 метров левее. Но главная дорога, по его мнению, шла левее.

Рассматриваю место правого переезда. Влево от него проходит старая заброшенная дорога, ведущая в лес (ее пересекает полотно недавно построенной железной дороги), правее идет асфальт недавно построенного шоссе. («Но в 1918 году здесь были лес и болота, а дороги не было», — утверждает Иван Афа-

насьевич.) Значит, если они пересекали здесь, то могли ехать только по ныне заброшенной дороге.

Выхожу к месту левого переезда. Здесь еще после войны стояла сторожка путевого обходчика. Пересекаю рельсы, на том месте, где был переезд, отчетливо видно продолжение грунтовой дороги. Где они могли застрять? Не так далеко от дороги есть низкое место, оно называется Поросенков лог, проезд через него был устлан шпалами. Место было очень глухое. В году 30-м путевого обходчика вместе с женой убили неизвестные, а в будке поселили военных. Если команда Юровского и застряла, то в Поросенкове логе, не так далеко от места возникшего в 80-х годах кладбища. Таково мнение Ивана Афанасьевича. Я с ним соглашаюсь, хотя не вполне уверен. Позднее мне все-таки удается установить, что место предполагаемого захоронения Царя заасфальтировано. Асфальт прошел по дороге, которая идет от нынешнего переезда...

ГЛАВА 49

Могилы Царственных мучеников. — Версия Юровского. — Специальная операция Чека. — Версия Ермакова.

Сегодня с достаточной степенью достоверности можно говорить только о двух предполагаемых местах тайного захоронения Царя — «на дороге под мосточками» (версия Юровского) и в «болоте или стлани» (версия Ермакова). Каждая из этих версий оспаривается достаточным числом исследователей и окутана туманом дезинформации.

История версии Юровского основана на указании места захоронения в его записке. Опираясь на координаты этой записки, в 1945—1946, 1979 и 1991 годах были произведены тайные раскопки. В 1945—1946 годах они производились по указанию Берии и возглавлялись Б.З. Кобуловым. Сведения о результатах этих раскопок до сих пор не рассекречены.

Раскопки в 1979 году производили Г. Рябов и А. Авдонин. Первый из них одно время был референтом министра внутренних дел Н.А. Щелокова. Познакомившись с сыном Я.Х. Юровского, Рябов получил возможность прочитать его записку и выписал из нее координаты предполагаемого захоронения. После продолжительных раскопок Рябову и Авдонину удалось обнаружить множество костей и черепов, три из которых они увезли в

Москву на экспертизу, а затем вернулись и снова закопали на том же месте.

Раскопки 1991 года производились уже официально, предполагаемые останки Царской семьи были изъяты из ямы и перенесены в особое хранилище. Впоследствии после проведения «экспертизы» найденные кости были признаны официальными останками Царской семьи и захоронены в Петропавловском соборе Петербурга. (Об этом позднее.)

Версия Юровского подкрепляется показаниями некоторых других участников захоронения, и в частности Г.И. Сухорукова и И. Радзинского (Родзинского?). Однако при ее изучении возникает ряд серьезных вопросов.

Во-первых, подвергается сомнению достоверность самого главного основания версии Юровского, его записки с указанием адреса захоронения. Как утверждает историк Ю. А. Буранов, записка Юровского не является подлинными воспоминаниями, а составлена советским историком М.Н. Покровским[1]. Последний либо сделал эту записку со слов Юровского, либо даже сам сочинил ее. Рукой Покровского на записке Юровского приписаны координаты места захоронения[2]. Конечно, все это резко обесценивает значение записки Юровского как исторического источника, но если Покровский добросовестно записал рассказ Юровского, то и эта запись приобретает силу документа.

Если даже предположить, что записка Юровского составлена точно с его слов, то все равно при ее прочтении возникает ряд вопросов о достоверности изложенных в ней фактов.

Историк С.А. Беляев привел анализ последовательности и содержания действий, участие отдельных лиц в них по записке Юровского и следственным материалам Соколова. В записке Юровского он обнаружил множество несоответствий.

Ниже излагаются основные несоответствия, обнаруженные Беляевым, ставящим под вопрос достоверность записки Юровского: Юровский пишет, что сразу после расстрела и погрузки тел в машину он поехал к Ганиной Яме. Из следствия Соколова явствует, что на этой машине он не поехал, а еще некоторое время после ее отбытия находился в доме и позднее отправился к себе в контору. В районе Ганиной Ямы он появился только в конце дня 17 июля. Этот факт говорит о том, что Юровский не мог быть участником и очевидцем всех событий и соответствен-

---

[1] Литературная газета. № 3. 22.1.1997.

[2] Свидетельство директора ГАРФа С.В. Мироненко // Русская мысль. № 4169. 10—16. 4.1997.

но действий тех людей, которые находились в районе Ганиной Ямы и совершали свои злодеяния в те жуткие предрассветные утренние часы в течение дня 17 июля. Тем самым теряет всякую достоверность описание всего дня 17 июля в его записке.

По свидетельству Юровского и Радзинского следует, что они описывают сокрытие тел в яме под шпалами на дороге в ночь с 18 на 19 июля 1918 года как очевидцы. В то же время прямое свидетельство документов следствия Соколова показывает, что Радзинский и Голощекин в это время находились в других местах, а свидетельство генерала М.К. Дитерихса о составе пассажиров грузовика и анализ документов говорят, что и Юровского там не могло быть. Из этого следует, что нет никаких оснований верить тому, что, по их словам, происходило в ту ночь на дороге на месте будущего мостика примерно в 200 метрах от переезда № 184.

Серьезные несоответствия Беляев отмечает в вопросе сокрытия (сожжения) тел на дороге: А. 18 июля. Восход солнца в 5 часов 10 минут. Заход солнца в 22 часа 3 минуты. 19 июля. Восход солнца в 5 часов 10 минут. Заход солнца в 22 часа 1 минуту. Б. На переезде № 184, находящемся на расстоянии примерно 200 метров от мостика из шпал, причем в прямой видимости, в ночь с 18 на 19 июля находилось примерно 20 человек, в том числе дачники на трех подводах, крестьяне и сторож переезда со своей семьей. По утверждению Юровского, машина застряла в половине пятого утра, то есть уже совсем в светлое время, и, по его же утверждению, здесь сожгли два трупа и кости похоронили в отдельной яме.

Для сжигания одного трупа в незамкнутом пространстве необходимо 20—50 часов, да и то при условии непрерывного интенсивного горения с применением горючих веществ (бензина, керосина), в то время как, по данным следственных материалов Соколова, в 5—6 часов утра этот грузовик был уже в Екатеринбурге.

Юровский пишет, что он испугался хоронить тела в лесу, оцепленном двумя кольцами охраны (охраняемая территория имела форму, приближающуюся к форме круга; внешнее кольцо красноармейцев охраняло территорию диаметром 6 километров, внутреннее — диаметром 3 километра); здесь же, судя по тексту его записки, на виду примерно у двадцати человек на открытом со всех сторон месте жгли без всякого опасения.

По вычислениям М.К. Дитерихса и Н.А. Соколова, одиннадцать тел должны были бы занять объем не менее 1 кубической сажени. Раскопки, проведенные в 1991 году, показали, что,

так как материком в этом месте является скала, здесь, во-первых, должен был бы образоваться целый курган и, как бы его ни скрывали шпалами, он был бы виден; во-вторых, на поверхности земли обязательно были бы видны следы земляных работ. Таковых никто не видел. Естественно, возникают сомнения, а была ли могила[1].

Историки Беляев и Буранов, журналист Мурзин и целый ряд других авторитетных исследователей цареубийства полагают, что версия Юровского о захоронении на «дороге под мосточками» является намеренной дезинформацией чекистов. Найденные останки были помещены в захоронение значительно позднее. Беляев, например, полагает, что «теоретически допустимо положение этих останков в данное место в любое время между июлем 1918 и июлем 1919»[2]. Очень вероятно, что для этой операции чекисты провели специальную операцию по уничтожению группы людей для помещения их в придуманное ими захоронение.

Журналист Мурзин приводит услышанный им рассказ Ермакова о том, как была создана версия Юровского. Вот что он рассказал (пересказ Мурзина):

«В 1919 году «на плечах» Красной армии в Екатеринбург вернулся Юровский — уже главой облЧК. Естественно, к нему тут же пристали с расспросами о захоронении царских останков. Ходили упорные слухи, что какие-то тела Юровский с Голощекиным укрыли близ деревни Палкино. Юровский на удивление охотно согласился показать «самым надежным товарищам» место «царской могилы». И ближе к осени привез товарищей к некоему мостику на болотце: «Вот здесь они и лежат, под этими шпалами». В тот день Ермаков впервые услышал, как на ходу рождалась еще более лживая и нелепая, чем сказка с шахтой, версия про «вынужденные» похороны целой груды тел в яме, образовавшейся из-за буксовки грузовика. После чего над ямой, утверждал Юровский, был построен для маскировки мост из шпал.

От этой басни Ермаков едва не расхохотался. Мостик на этом месте был знаком ему с детства — шаткий, полуразрушенный. Теперь на его месте лежали ровно уложенные шпалы, во-

---

[1] Особое мнение С.А. Беляева, члена Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи // Правда о Екатеринбургской трагедии. М., 1998. С. 181—182.

[2] Правда о Екатеринбургской трагедии... С. 36.

круг — свежие следы земляных работ. И он «по глупости» громко усомнился: «Я же в ту ночь следом за вами ехал и никого из вас тут не видел». Юровский глянул на него с сочувствием: «Ты у нас главный, вот дай я тебя на этом историческом месте и сфотографирую». И сфотографировал[1]. И весь «узкий круг» товарищей тоже. На том и уговорились: хранить это место в тайне. И Ермаков хранил долгие годы, решив: значит, так надо.

А в 1945 году его вызвали в Москву. Был принят в аппарате «самого товарища Берии». Дотошно выспрашивали его обо всем, связанном с казнью Царя. Почти год велось новое следствие. И под мостиком раскопали «могилу», в которой наткнулись на какие-то кости. Ермаков, узнав об этом, был немало удивлен. Однако убеждения своего не изменил, твердо сказав нам мартовским днем 1952 года: захоронение в этом месте Юровский производил в 1919-м...

Прощаясь, Ермаков пообещал — «вот как только подсохнет» — показать и эту «могилу», и место «на гати», где он утопил кувшин с останками, как он считал, Царя, Цесаревича и Анастасии. Но вскоре наш собеседник слег в больницу и умер»[2].

Существует и еще одна версия, близкая версии Юровского, о том, как цареубийцы проводили акцию дезинформации: «Чтобы основательно замести следы, чекисты в ту трагическую ночь расстреляли две одинаковые по численности семьи, после чего Юровский повез к Ганиной Яме тела Романовых, а чекист Ваганов на другой машине — семью промышленников, фамилия которой пока неизвестна»[3].

Почти все отвергающие версию Юровского склоняются к версии Ермакова. Последняя во многом подтверждается свидетельством П. Быкова, который писал, что «останки трупов после сожжения были увезены от шахт на значительное расстояние и зарыты в болоте. Из книги Быкова следует, что тела сначала были сожжены у Ганиной Ямы, как утверждает Ермаков, а не поддавшиеся огню кости увезены и сброшены в болото в двух местах в районе Верхне-Исетского завода и деревни Палкино. Однако тот же Ермаков сообщает, что он и его команда сожгли не все тела, а только «главные». Ермаков также сообщает Мурзину важную деталь, что тел было не одиннадцать, а тринадцать, «потому что на другой день привезли еще тела двух

---

[1] Эта фотография впервые была опубликована в газете «Известия» (19.11.1994).

[2] Правда о Екатеринбургской трагедии... С. 54—55.

[3] Куранты. № 84.

«австрийцев» (или мадьяр) — тех самых, что отказались участвовать в расстреле Царской семьи»[1].

Близко к версии Ермакова подошли следователь Н.А. Соколов и первые исследователи цареубийства генерал М.К. Дитерихс и Р. Вильтон. Однако они считали, что тела всех мучеников были сожжены полностью до пепла. У Соколова не было сомнений, что местом захоронения Царской семьи стали ближайшие окрестности шахты в урочище Четырех Братьев возле Ганиной Ямы. Вот его главные выводы: «Ранним утром 17 июля, под покровом ночной тьмы, грузовой автомобиль привез их трупы на рудник в урочище Четырех Братьев.

На глиняной площадке у открытой шахты трупы обнажили. Одежду грубо снимали, срывая и разрезывая ножами. Некоторые из пуговиц при этом разрушались, крючки и петли вытягивались.

Скрытые драгоценности, конечно, были обнаружены. Некоторые из них, падая на площадку, среди множества других, оставались незамеченными и втаптывались в верхние слои площадки.

Главная цель была уничтожить трупы. Для этого, прежде всего, нужно было разделить трупы на части, разрезать их. Это делалось на площадке.

Удары острорежущих орудий, разрезая трупы, разрезали и некоторые из драгоценностей, втоптанные в землю.

Экспертиза установила, что некоторые из драгоценностей разрушены сильными ударами каких-то твердых предметов: не острорежущих орудий. Это те именно, которые были зашиты в лифчиках Княжон и разрушены в самый момент убийства пулями на их телах.

Части трупов сжигались в кострах при помощи бензина и уничтожались серной кислотой. Оставшиеся в телах пули падали в костры; свинец вытапливался, растекался по земле и, охлаждаясь затем, принимал форму застывших капель; пустая оболочка пули оставалась.

Сжигаемые на простой земле трупы выделяли сало. Стекая, оно просалило почву.

Разорванные и разрезанные куски одежды сжигались в тех же кострах. В некоторых были крючки, петли и пуговицы. Они сохранились в обожженном виде. Некоторые крючки и петли, обгорев, остались неразъединенными, нерасстегнутыми.

Заметив некоторые оставшиеся предметы, преступники по-

---

[1] Правда о Екатеринбургской трагедии... С. 53.

бросали их в шахту, побив в ней предварительно лед, и засыпали их землей.

Здесь та же самая картина, что и в Ипатьевском доме: скрыть от мира совершенное зло»[1].

Соколову не удалось довести до конца свое расследование, но он сделал очень многое, выше сил обычного человека. В частности, он собрал все останки обожженных и разрубленных костей, которые он считал принадлежавшими Царственным мученикам, и сложил их в сафьяновый синий сундучок, ранее принадлежавший Александре Федоровне[2].

Сопоставляя версии Юровского и Ермакова, можно найти в них не только противоречия, но и много общего. Следует учитывать, что свидетельства обоих цареубийц написаны с одинаковых психологических позиций. И тот, и другой борются за свой приоритет в этом преступлении. Каждому хочется доказать, что его роль в злодейской пьесе «убить и похоронить» Царя была главной. Я уже приводил документы, как оба цареубийцы пытаются присвоить себе «право первого выстрела» по Царю. Подобная психология проявлялась ими и в вопросе захоронения. Каждый излагает события тех дней так, чтобы представить именно себя главным действующим лицом трагедии. В записке Юровского главное действующее лицо — он, в рассказе Ермакова — конечно, сам Ермаков.

Однако в еврейско-большевистской верхушке Екатеринбурга место Ермакова было неизмеримо ниже места Юровского. Последний был заместителем руководителя всей Чека, а Ермаков — командиром одного из отрядов Чека. Поэтому приказывать мог только Юровский, в свою очередь получивший распоряжения Голощекина.

Если суммировать детали свидетельств Юровского и Ермакова, которые не исключают друг друга, и сопоставить их с другими документальными фактами, можно сделать следующие предположения.

1. Первоначальное сжигание некоторых тел проводилось возле Ганиной Ямы в ночь на 18 июля. Часть тел были расчленены, у некоторых отрублены головы (вероятно, Николая II, Наследника Алексея (?) и дочери Анастасии).

2. Поздним вечером 18 июля Голощекин и Юровский забрали оставшиеся тела и попытались увезти и спрятать их подаль-

---

[1] С о к о л о в Н.А. Указ. соч. С. 212.

[2] Подробнее о расследовании Соколова я расскажу в следующих главах.

ше, однако по дороге машина застряла. Тела были сброшены с машины, прямо на дороге под мостками выкопана неглубокая яма, ставшая могилой некоторых мучеников. Двое из оставшихся (Наследник Алексей и Демидова, по Юровскому; Наследник Алексей и Анастасия, по Сухорукову (см. выше) были сожжены на костре.

3. Останки тел, которые цареубийцы сожгли, первоначально были разбросаны по болотам.

Однако и в этой версии немало противоречий. Не исключено, что оставшиеся тела Царственных мучеников преступники похоронили не под мостками на дороге, а в другом месте, которое нам еще неизвестно. А под мостками были зарыты трупы людей, не имеющих никакого отношения к Царской семье.

У цареубийц было достаточно оснований для создания ложного захоронения Царской семьи. Ложное захоронение, если оно и было организовано чекистами, возникло гораздо позднее ритуального злодеяния с целью сокрытия зверского надругательства над телами невинных жертв. Ленин (Бланк), Свердлов, Троцкий и другие вожди еврейских большевиков явно не исключали такого варианта, что по требованию влиятельных родственников Царской семьи в Англии и Германии придется выдать останки жертв для достойного захоронения в этих странах. Очень вероятно, что для таких целей могло возникнуть комбинированное захоронение, в котором могли быть останки тел как Романовых, так и других людей — главное, чтобы число их примерно равнялось числу убитых членов Царской семьи. Однако, возможно, большевики думали о зарубежных родственниках Николая II, его жены и детей гораздо лучше, чем они были на самом деле. Никаких попыток в этом направлении родственники не предприняли.

Тайна Царской могилы будет открыта еще нескоро. Подтвердить или опровергнуть ту или иную версию может только добросовестная научная экспертиза и комплексное расследование всех обстоятельств дела.

ГЛАВА 50

Обман и дезинформация об убийстве Царской семьи. — Еврейский большевизм как религия лжи.

Сразу же после убийства его исполнители направили Свердлову телеграмму с отчетом о совершенном злодеянии: «Москва Секретарю Совнаркома Горбунову. Обратной проверкой. Пере-

дайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь что и главу оффициально семья погибнет при эвакуации Белобородов» (сохранена орфография подлинника).

Зная все о совершенном преступлении, иудейские вожди делают все возможное, чтобы замести следы, и главным средством для этого становится прямой обман и дезинформация. Преступный режим еврейских большевиков засекречивает все детали этого злодеяния. Кампанию дезинформации возглавляют лично Ленин и Свердлов, подтверждающие известную истину, что большевизм — религия лжи.

Ленин и Свердлов начинают организованную ложь с обмана своих же соратников по Совету Народных Комиссаров. Еще вчера они согласовывали убийство, а сегодня делают вид, что первый раз слышат о нем. Их соратник по борьбе Н.А. Милютин передает этот спектакль: «На заседании Совета Народных Комиссаров 18 июля Свердлов обычным ровным голосом сообщил, что в Екатеринбурге, по постановлению Областного Совета, расстреляли Николая. Николай хотел бежать. Чехословаки наступали. Президиум ВЦИК постановил одобрить. Молчание всех»[1]. И сразу перешли к обсуждению другого вопроса, как будто эта весть не имела для них никакого значения. Тот факт, что никто из народных комиссаров не задал ни одного вопроса, уже свидетельствовал о том, что все, кто знал эту тайну, молчали, а те, кто не знал, боялись спросить об этом публично.

Телеграмма, переданная от имени Уралсовета, готовилась с целью спасти верхушку большевиков от справедливого возмездия в случае сильного резонанса этого преступления. Даже фальсификация даты убийства (с 17-го на 16-е), по-видимому, имела определенный смысл. Итак, Ленин и Свердлов как будто первый раз слышат, читают телеграмму из Екатеринбурга: «Председателю Совнаркома тов. Ленину, председателю ВЦИК тов. Свердлову.

Из Екатеринбурга, у аппарата президиум обл. Совета рабоче-крестьянского правительства.

Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбургу и раскрытия Чека большого белогвардейского заговора имевшего целью похищение бывшего Царя и его семьи точка документы в наших руках точка постановлению президиума областного совета в ночь на 16 июля расстрелян Николай Романов точка семья его эвакуирована в надежное место. По этому поводу нами выпус-

---

[1] Быков. С. 117.

кается следующее извещение ввиду приближения контрреволюционных банд красной столице Урала и возможности того запятая что коронованный палач избежит народного суда скобки раскрыт заговор белогвардейцев пытавшихся похитить его самого и его семью и найдены компрометирующие документы будут опубликованы скобки президиум областного совета выполняя волю революции постановил расстрелять бывшего Царя Николая Романова запятая виновного в бесчисленных кровавых насилиях против русского народа в ночь на 16 июля 1918 года приговор этот приведен исполнение семья Романова содержащаяся вместе с ним под стражей интересах охраны общественной безопасности эвакуирована из города Екатеринбурга точка Президиум облсовета точка просим ваших санкций редакции данного документа документы заговора высылаются срочно курьером Совнаркому и ЦИК извещение ожидаем у аппарата просим ответ экстренно ждем у аппарата...»

Имелся и еще один вариант этого документа. Он был выставлен на продажу на аукционе «Сотби» 5 апреля 1990 года. Текст его был несколько иным, выдавал замысел организаторов ритуального злодейства: «Ввиду приближения контрреволюционных банд к Красной столице Урала — Екатеринбургу и ввиду возможности того, что коронованному палачу удастся избежать народного Суда (раскрыт заговор белогвардейцев с целью похищения бывшего царя и его семьи), Президиум Ур. Обл. Сов. Раб., Кр. и Кр. арм. Депутатов Урала, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова, виновного в бесчисленных кровавых насилиях над русским народом. В ночь с 16 на 17 июля приговор этот приведен в исполнение. Семья Романовых, содержавшаяся вместе с ним под стражей, эвакуирована из города Екатеринбурга в интересах общественного спокойствия. Президиум областного совета Раб. Кр. и Красной арм. Депутатов Урала».

Данный документ имел важную особенность: в числах 16 и 17 палачи проставили только единицы. 6 и 7 вписаны позже, другими чернилами. Это означает, что в Уралсовете знали только одно — расстрел будет во второй декаде июля. Но точную дату знала только Москва, которая и продиктовала обе последние цифры!

Подтверждает это и так называемая Записка Юровского. В ней сказано: «16 июля была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержавшая приказ об истреблении Романо-

вых». Ясно, что именно по получении этой телеграммы и возникли цифры 6 и 7[1].

Документы о большом белогвардейском заговоре, которые упоминаются в телеграмме, и есть уже известные нам фальшивки Войкова. Именно их большевики в случае чего готовы предъявить сомневающимся из своего лагеря, а если понадобится, и всему миру. Но дальше события развиваются очень круто, и в таких фальшивках необходимость отпадает. Наступает время, когда большевикам ничего не надо доказывать, достаточно просто декларировать свою правоту.

А тогда на всякий случай на основании только телеграммы, без изучения каких-либо документов и создания комиссии по изучению обстоятельств дела об убийстве бывшего главы государства, Президиум ВЦИК одобряет это преступление:

«Протокол № 1 выписка из заседания ВЦИКа от 18.07.1918.

Слушали: сообщение о расстреле Николая Романова (телеграмма из Екатеринбурга).

Постановили: По обсуждении принимается следующая резолюция. ВЦИК в лице президиума (сюда входили 10 человек, в том числе Я.М. Свердлов, В.А. Аванесов, Ф.А. Розинь (Азис), П.Г. Смидович, Л.С. Сосновский, И.А. Теодорович, А.П. Розенгольц. — *О. П.*) признает решение облсовета правильным. Поручить т. т. Свердлову, Сосновскому, Аванесову составить соответствующее извещение для печати. Опубликовать об имеющихся во ВЦИК документах (дневник, письма). Поручить т. Свердлову составить особую комиссию для разбора».

В газете «Уральский рабочий» во вторник, 23 июля 1918 года, в статье Г. Сафарова «Казнь Николая Кровавого» повторяется та же версия убийства, обильно разбавляемая большевистской демагогией о царстве справедливости, свободы и правосудия.

Официальное сообщение разносит на весь мир ложь о том, что расстрелян только «Николай Романов, а семья эвакуирована в надежное место». Более того, большевики продолжают вести официальные переговоры об отъезде семьи казненного Николая II за границу.

Эта же версия распространялась и в самом Екатеринбурге. Для симуляции увоза Царской семьи 20 июля из Екатеринбурга в Пермь в отдельном вагоне с особыми мерами охраны и специально афишируемой секретностью были вывезены Шнейдер,

---

[1] Родина. 1990. № 7. С. 34.

Гендрикова, камер-лакей Волков и некоторые другие приближенные Царской семьи. Они были расстреляны в лесу возле Перми (Волкову, к счастью, удалось бежать)[1]. В 20-х числах июля Голощекин в поезде на Петроград вел разговор о Царской семье. И явно с намерением, чтобы его «подслушали», произнес такую фразу: «Теперь дело с Царицей улажено». В том смысле, что она жива и находится в надежном месте.

В самом Екатеринбурге первое сообщение о «казни» Царя делается 21 июля в городском театре во время «митинга по текущему моменту». Выступают Голощекин, Сафаров, Толмачев, А.А. Кузьмин. При извещении о «казни» Царя в театре раздаются крики ужаса и некоторые выбегают вон. Кстати говоря, дом Ипатьева охраняется, как будто там кто-то находится, вплоть до 21 июля.

Первоначально большевики планировали представить убийство Царской семьи как гибель во время эвакуации. Это следовало из телеграммы, отправленной из Екатеринбурга 17 июля около 9 часов вечера, найденной и расшифрованной следователем Н.А. Соколовым (недавно она была выставлена на аукционе «Сотби»): «Москва. Секретарю Совнаркома Горбунову обратной проверкой. Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации»[2]. Но, по-видимому, у них что-то сорвалось, и версия о гибели Царской семьи во время эвакуации не была использована.

В организованном порядке фальшивка распространяется за границей. Сосновский, Войков и им подобные подготавливают целый пакет дезинформации о судьбе Царской семьи.

В газете «Нью-Йорк таймс» появляется статья некоего К. Аккермана, который со слов якобы спасшегося слуги Николая II рассказывает о последних днях Царя. За день до казни Царя, пишет Аккерман, над городом летало множество аэропланов и кидали бомбы. 15 июля Николая II пригласили на за-

---

[1] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 269. Впрочем, по своим секретным каналам большевики говорили открыто. Князь А. Щербатов (Нью-Йорк) в Смоленском архиве Чека (во время войны вывезенном на Запад) обнаружил секретный бюллетень «Новости Чека», в котором была опубликована телеграмма от 21 июля 1918 года под грифом «совершенно секретно», адресованная зав. оперативной частью Смоленской Губчека т. Рубинштейну:«Николай Романов и семья расстреляны в Екатеринбурге по приказу ЦИКа». Телеграмма была подписана Ф. Дзержинским (Наш современник. 1992. № 9. С. 192).

[2] Соколов Н.А. Указ. соч. С. 248—249.

седание Уралсовета, где вынесли ему смертный приговор и дали три часа на прощание с семьей.

Дальше хочется процитировать целый отрывок из этой статьи: «Николай Александрович не возвращался долго, почти два с половиной часа. А когда вернулся, был очень бледен, подбородок его нервно дрожал.

— Дай мне, старина, воды, — сказал он мне. Я принес, и он залпом выпил большой стакан.

— Что случилось? — спросил я.

— Они мне объявили, что через три часа я буду расстрелян, — ответил мне Царь.

Вскоре после возвращения Николая II с заседания к нему пришла Александра Федоровна с Цесаревичем, оба плакали, Царица упала в обморок, и был призван доктор. Когда она оправилась, она упала на колени перед солдатами и молила о пощаде. Но солдаты ответили, что это не в их власти».

Дальше Аккерман пишет, что, попрощавшись с близкими, Царь сказал: «Теперь я в вашем распоряжении...» Царя взяли и увели, никому не известно куда, и только ночью он был расстрелян двадцатью красноармейцами».

На следующий день пришел председатель Уралсовета и сказал:

«Граждане Александра Федоровна и Алексей Романов, вы будете увезены отсюда, вам разрешается взять самое необходимое не свыше 30—40 фунтов»[1]. Судя по некоторым подробностям жизни Царской семьи в последние дни, письмо было составлено теми, кто участвовал в убийстве, вероятно Пинхусом Войковым. Чуть позже подобная ложь была помещена в «Нью-Йорк Трибюн» за подписью Г. Бернштейна, где он, ссылаясь якобы на судью Сергеева (он первым вел расследование этого убийства), заявил, что погиб только Царь, а семья осталась жива[2]. Эта версия еще долго поддерживалась в западной печати.

Вот образец большевистской дезинформации, которая распространялась среди дипломатов. «По сведениям Посланника, — пишет чиновник, вхожий в датское посольство, — уже после расстрела Государя Наследник умер от какой-то болезни. Императрица с дочерьми переведена из Екатеринбурга на Николаевский завод. Государь был расстрелян ночью, при этом,

---

[1] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 261—264.

[2] Пагануцци П. Правда об убийстве царской семьи. Джорданвилль, 1981 (далее — Пагануцци). С. 86.

когда его уводили, не было известно, куда и зачем его ведут; поэтому не было момента прощания»[1].

Уже после злодейского убийства еврейские большевики цинично торгуются с немцами, предлагая им обменять якобы живых членов Царской семьи на коммунистических деятелей Германии. В июле немецкому представителю, барону Ритцлеру, было официально сообщено, что Александра Федоровна с дочерьми была перевезена в Пермь и что «немецким принцессам» ничто не угрожает[2]. Ритцлер сначала беседовал по этому поводу с Радеком, который ответил, что Великим княжнам-немкам можно будет разрешить уехать, если германское правительство так заинтересовано их судьбой. 23 июля Ритцлер сделал формальные шаги в пользу Царицы и княжон немецкой крови, настаивая на впечатлении, которое произвело убийство Царя в общественном мнении. «Чичерин выслушал мои представления молча», — телеграфировал Ритцлер в Берлин.

С начала августа, сперва с Чичериным, потом с Радеком, вел переговоры в Москве о судьбе Царской семьи немецкий консул Гаушильд. Речь шла в основном об условиях освобождения Александры Федоровны и ее дочерей: за разрешение им выезда в Германию советские власти запрашивали у немцев различные «компенсации»[3]. В течение нескольких месяцев большевики Радек и Карахан морочили голову немецкому посольству в Москве, «торгуя тенями» Царевича Алексея и великого князя Михаила Александровича с целью смягчить немецкие требования.

В сентябре 1918 года в Берлине А. Иоффе вел переговоры об обмене Царицы на Карла Либкнехта. А месяцем раньше Г. Чичерин и К. Радек вели речь об освобождении членов Семьи в обмен на передачу им Лео Тышки (Иогихеса), третьего после К. Либкнехта и Р. Люксембург руководителя еврейских большевиков в Германии[4].

Одной из специальных операций организованной лжи, проведенной еврейскими большевиками, стал процесс против левых эсеров, на которых большевики собирались переложить вину за цареубийство, если бы их режим пал.

---

[1] Нева. 1990. № 12. С. 199.

[2] Мельгунов С. Судьба Императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки. Париж, 1951. С. 408.

[3] Гибель Царской семьи... С. 125.

[4] Хейфец. Указ. соч. С. 125.

17 сентября в Перми начался суд над 28 левыми эсерами, обвиняемыми в убийстве Николая II, его жены и детей, а также прочих обитателей дома Ипатьева. Среди обвиняемых было три члена Екатеринбургского совета: Грузинов, Малютин и Яхонтов. Яхонтов показал, что он организовал убийство Царской семьи, чтобы нанести вред большевикам. Когда из-за слухов о приближении к городу чехословаков в Екатеринбургском совете началась паника, Яхонтову удалось подчинить своей воле Исполнительный комитет. Он тогда дал приказание убить Царскую семью, и все были расстреляны. Яхонтов, его коллеги из Совета, а также две женщины — левые эсерки М. Апраксина и Е. Миронова — были приговорены к смертной казни. Приговор был сразу же приведен в исполнение[1].

С лета 1918-го и вплоть до начала 20-х годов большевики продолжают намеренно распространять самую беззастенчивую ложь о судьбе Царской семьи. 22 сентября в «Известиях» было опубликовано сообщение: тело Николая II было найдено в лесу и выкопано в присутствии белых властей и духовенства. Затем состоялось торжественное отпевание в Екатеринбургском кафедральном соборе. Тело Царя предполагается вывезти в Омск и похоронить его там в особой гробнице.

По-видимому, первым из иностранных журналистов, который опубликовал известие об убийстве всей Царской семьи, был американский еврей Исаак Дон Левин. В 1919 году он был в Москве и собирал материалы об убийстве Царской семьи. Среди полученных им сведений были данные, переданные ему старым сотрудником Ленина, проф. Михаилом Покровским, который тогда заведовал Центральным Архивом. В результате своих розысков и используя материалы, полученные от Покровского, Исаак Дон Левин тогда же отправил телеграмму, которая была напечатана в чикагской газете «Дейли Ньюс» от 5 ноября 1919 года: «Николая Романова, бывшего царя, его жены, четырех дочерей и их единственного сына Алексея, без всякой тени сомнения, нет в живых. Все они были казнены ночью 17 июля 1918 года, и их тела были сожжены». В 1923 году тот же Исаак Дон Левин сопровождал группу американских сенаторов, воз-

---

[1] Гибель Царской семьи... С. 18; справедливости ради следует отметить, что эсеры тоже были причастны к этому злодеянию. Так, например, в уничтожении тел членов Царской семьи принимал участие левый эсер, чекист В.М. Горин, а в убийстве великого князя Михаила Александровича — эсер А.И. Плешков.

главляемую сенатором Вильямом Кингом. Они посетили тогда и Екатеринбург, где имели случай лично осмотреть дом Ипатьева[1].

Большевики же признали факт убийства всей Царской семьи только в 1921 году. Это было сделано в статье П.М. Быкова «Последние дни последнего Царя» в сборнике «Рабочая революция на Урале»[2]. Однако многие детали злодейского убийства в этой статье были фальсифицированы. В частности, вопреки фактам, в статье не были названы еврейские имена организаторов и исполнителей убийства. «Организация расстрела и уничтожения трупов расстрелянных, — говорилось в статье, — поручена была одному надежному революционеру, уже побывавшему в боях на дутовском фронте, рабочему В. Исетского завода — Петру Захаровичу Ермакову». Фальсификация фактов, связанных с убийством Царской семьи, продолжалась вплоть до крушения партии большевиков.

ГЛАВА 51

Ограбление. — Цареубийцы делят Царское имущество. — Доля еврейских вождей.

Сразу же после убийства Царской семьи (тела еще лежали теплые) начался грабеж. Ермаков вытащил из одежды Царя золотой портсигар и положил в свой карман. «При выносе трупов, — отмечает Стрекотин, — некоторые из наших товарищей по команде стали снимать находящиеся при трупах разные вещи, как то: часы, кольца, браслеты, портсигары и другие вещи... Юровский... предложил нам добровольно сдать... вещи. Кто сдал полностью, кто часть, а кто и совсем ничего не отдал»[3]. То же самое пишет Юровский: «Тут начались кражи: пришлось поставить трех надежных товарищей для охраны...»[4]

Из воспоминаний М.А. Медведева (Кудрина): «Замечаю, что в комнате, во время укладки, красноармейцы снимают с трупов кольца, брошки и прячут их в карманы. После того, как

---

[1] Русское слово. 14.8.1976.

[2] Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. Екатеринбург, 1921. С. 19—26.

[3] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 164.

[4] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 497, л. 9.

все уложены в кузов, советую Юровскому обыскать носильщиков.

— Сделаем проще, — говорит он и приказывает всем подняться на второй этаж к комендантской комнате. Выстраивает красноармейцев и говорит: «Предлагаю выложить на стол из карманов все драгоценности, снятые с Романовых. На размышление — полминуты. Затем обыщу каждого; у кого найду — расстрел на месте! Мародерства я не допущу». Поняли все.

— Да мы просто так — взяли на память о событии, — смущенно шумят красноармейцы. — Чтобы не пропало.

На столе в минуту вырастает горка вещей: бриллиантовые брошки, жемчужные ожерелья, обручальные кольца, алмазные булавки, золотые карманные часы Николая II и доктора Боткина и другие предметы»[1].

С рассветом команда начала рыться в вещах убитых. Кто-то глумился, зачитывая фразы из царского дневника, кто-то копался в женском белье, давая похабные комментарии, кто-то со смехом демонстрировал интимные принадлежности жертв. Дан приказ искать ценности. «Один из товарищей, — пишет В.Н. Нетребин, — просматривая нательное белье, предназначавшееся для стирки и принадлежащее бывшим княжнам, со смехом тряс таковое. В белье он нашел пояс из черного бархата. Этот пояс был обшит пуговицами, тоже из черного бархата, но имеющий в середине что-то твердое, наподобие дерева. Пояс очень похожий на кучерский. «Что это, Николай в кучера готовился, что ли, ребята», — сказал товарищ, нашедший пояс, и решил его подвергнуть той же участи, что и иконы. (Иконы они свалили в одну кучу со всяким хламом, предварительно разбив об пол. — *О. П.*) «Кидай вон на Николу Святителя», — предложил кто-то из ребят, указывая на вблизи валявшуюся икону Николая Святителя, большого размера. «Пусть, мол, он подпоясывается», — продолжал смеяться тот же товарищ. Пояс полетел. Через некоторое время товарищ, кинувший пояс, снова поднял его и разорвал на одной из пуговиц бархат. Вместо мнимого дерева оттуда блестел бриллиант. Мы все стояли как вкопанные, пораженные неожиданным раскрытием этих дьявольских хитростей»[2].

Перетряхивая все вещи в доме, охрана обнаружила много золота и драгоценностей. Долго рылись в десятках сундуков

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 588, оп. 3с, д. 12, л. 52, 53.

[2] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 178.

Царской семьи, стоявших в кладовой. «У каждого члена семьи была отдельная связка ключей и свой порядковый номер на таковых. Полный таз подходящей величины был наложен ключами. В сундуках мы не встретили ценностей. Тут была «всячина», начиная с многочисленных портретов Распутина и кончая полным сундуком разных... (интимных принадлежностей)»[1].

После такого погрома и перетряски вещей «комната была сплошь покрыта солидным слоем, самый большой процент которого составляли иконы, флаконы, пустые и заполненные многочисленными сортами духов и одеколона, карточками и портретами...»[2] Из имущества Царской семьи команде были выделены различные вещи, папиросы, сигареты и другое[3].

Но самое главное, что они украли сами. Это не поддавалось учету. Начальник караула Медведев, из сысертских рабочих, присвоил, видимо, больше всех, но обнаружить удалось только небольшую часть — деньги, серебряные кольца, разные ценные безделушки. Его «боец» Летемин, тоже сысертец, украл около ста вещей, дневник Царевича Алексея и его собаку Джоя[4].

Все столы в комнате Юровского были завалены грудами золотых и серебряных вещей. Постоянно в этой комнате вертелся Медведев. Юровский и Медведев подавали пример во всем. На встрече со старыми большевиками в 1934 году Юровский рассказывал, как после убийства Царской семьи они, чтобы развлечься, надевали военные мундиры Царя и весело маршировали. «Свой» мундир Юровский отдал сторожу. Много вещей и одежды было роздано родственникам подручных убийц, что было обнаружено следственной комиссией Соколова. По данным, полученным следователем Соколовым, председатель Уралсовета Белобородов тоже получил свою долю. Участвовал он и в дележе вещей убитых близких придворных Императора — генералов И.Л. Татищева и князя В.А. Долгорукова, фрейлин А.В. Гендриковой и Е.А. Шнейдер, хранившихся в помещении Волжско-Камского банка.

Шая Голощекин по дороге в Москву раздавал вещи, принадлежавшие Царской семье. Так, некоей Голубевой, служившей казначейшей при исполкоме, Голощекин подарил пуховую подушку Царицы и женские ботинки на пуговицах, очень хоро-

---

[1] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 178.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Соколов Н.А. Указ. соч. С. 161, 275.

шей мягкой кожи. Член Уралсовета Дидковский подарил своей любовнице сапожки, принадлежавшие одной из великих княжон. Один из руководителей Уралчека, Валентин Аркадьевич Сахаров, получил золотое кольцо с бирюзой, снятое с руки Великой княжны Анастасии Николаевны.

Приятель Белобородова, один из комиссаров революционного батальона в Екатеринбурге, Сорин, завладел множеством вещей Царской семьи, и в том числе тремя хрустальными бокалами «баккара» с вензелями и короной Великой княжны Татьяны Николаевны, дорогим дамским пальто с горностаевым воротником, ножами, вилками и ложками с гербами[1].

После ухода большевиков в Ипатьевском доме не осталось ничего ценного, ни одной вещи из белья, платьев, обуви и верхней одежды. В Москву увезли, кроме золота и бриллиантов, три вагона вещей Царской семьи. Эти вещи распределялись между работниками и членами семей большевистского аппарата. Бухарин в одном из недавно опубликованных писем замечает, что жены народных комиссаров жаждали владеть бриллиантами и драгоценностями, принадлежавшими Царской семье.

Полное ограбление Царской семьи было задумано высшим эшелоном власти еще за несколько дней до убийства. 13 июля 1918 года Совет Народных Комиссаров принимает декрет «О национализации имущества низложенного российского Императора и членов бывшего императорского дома». Этот декрет, опубликованный уже после убийства Царской семьи (19 июля), гласил:

«1. Всякое имущество, принадлежащее низложенному революцией российскому Императору Николаю Александровичу Романову, бывшим Императрицам Александре и Марии Федоровнам Романовым и всем членам бывшего российского императорского дома, в чем бы оно ни заключалось и где бы оно ни находилось, не исключая и вкладов в кредитных учреждениях, как в России, так и за границей, объявляется достоянием Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

2. Под членами бывшего российского императорского дома подразумеваются все лица, внесенные в родовую книгу бывшего российского императорского дома: бывший Наследник Цесаревич, бывшие великие князья, великие княгини и великие

---

[1] Приазовский край. 5.10.1919; в 1919 году Сорин переехал в Киев, где возглавил Киевскую Чека. Там он подарил часть этих вещей своему соплеменнику, тоже чекисту, Кричевскому.

княжны и бывшие князья, княгини и княжны императорской крови.

3. Все лица и учреждения, знающие о месте нахождения имущества, указанного в статье 1-й настоящего декрета, обязаны в двухнедельный срок со дня опубликования настоящего декрета представить соответственные сведения в Народный Комиссариат по Внутренним Делам. За умышленное несообщение указанных в настоящей статье сведений виновные подлежат ответственности, как за присвоение государственного достояния.

4. Уполномоченные Российской Социалистической Федеративной Советской Республики за границей обязаны немедленно по опубликовании настоящего декрета приложить все старания к получению сведений о месте нахождения имуществ лиц, указанных в 1-й статье декрета. Находящиеся за границей российские граждане обязаны предоставить известные им сведения о местонахождении уполномоченным Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

5. Указанные в статье 1-й имущества, находящиеся в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, кроме денежных ценностей, поступают в ведение Народного Комиссариата по Внутренним Делам. Денежные ценности сдаются в доход казны — в Казначейства или в учреждения Народного Банка; находящиеся же за пределами Республики, в том числе и в заграничных банках, поступают в ведение соответствующих уполномоченных Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров Влад. Бонч-Бруевич.

13 июля 1918 г.»[1]

Сам факт принятия этого декрета 13 июля, опубликования 19 июля лишний раз свидетельствует о том, как тщательно готовились к убийству большевистские руководители. Пройдет еще немного времени, и жены руководителей большевистского режима и советских послов будут щеголять украденными драгоценностями Царской семьи. Кстати, еще сам убийца Юровский, став одним из руководителей Гохрана, будет крайне удивлен исчезновением неизвестно куда значительной части царских драгоценностей (о чем у него завяжется достопамятная переписка с Лениным).

Значительная часть царских драгоценностей, по-видимому,

---

[1] Известия ВЦИК. 19 июля 1918.

была присвоена самим Я.М. Свердловым. После его смерти, наступившей в 1919 году, сейф, находившийся в его кабинете, вскрыть тогда не удалось из-за отсутствия ключей. В конце концов к этому «несгораемому шкафу» потеряли всякий интерес и отправили на инвентарный склад коменданта Московского Кремля, где он простоял до июля 1935 года. 26 июля сейф все же вскрыли и, в соответствии с установленным порядком, составили акт о его содержании. В нем обнаружились: золотые монеты царской чеканки на сумму 108 525 руб. (в ценах 1935 года), 705 золотых изделий с драгоценными камнями, 7 чистых бланков паспортов и столько же заполненных на имена родственников Свердлова, а также княгини Барятинской и других не менее знатных персон[1].

Со второй половины 1918 года императорские драгоценности на многие десятилетия становятся объектом торговли и спекуляций. По постановлению Ленина царские ценности, оставшиеся после расхищения их большевистскими вождями, вошли в государственный фонд ценностей «для внешней торговли». В 1926 году Наркомфин издал в Москве каталог на английском языке «Russias's Treasure of Diamonds and Precious Stones» («Сокровища России из бриллиантов и драгоценных камней»). Коллекция Романовых была подготовлена к продаже самым тщательным образом в соответствии с международными стандартами антикварной торговли. Полный каталог был снабжен 232 иллюстрациями, подробными описаниями каждого изделия, историческими справками. К его составлению были привлечены лучшие специалисты того времени — работник Эрмитажа С. Тройницкий, знаток камня профессор А. Ферсман, ювелир К. Фаберже и др. Они не знали, что описываемые ими реликвии после выхода каталога из печати вывезут на продажу за границу. В 1927 году «Наследие Романовых — собственность Советских республик» (как сформулировано в каталоге 1926 года) пошло с молотка на торгах «Кристи».

С тех пор коллекции бриллиантов и других ценностей из собрания русских Царей появляются то на одном, то на другом аукционе. Последний известный мне случай такой продажи произошел в 1998 году в Нью-Йорке. Американская компания «Ля Вьей Рюси», специализирующаяся на торговле произведениями искусства из России, стала обладательницей уникальных исторических драгоценностей второй половины XVIII века. До 1917 года они принадлежали Императорскому Дому Романовых

---

[1] Красиков С. Возле вождей. М., 1997. С. 397.

(эксперты считают, что украшения из бриллиантов были выполнены по заказу Екатерины II) и были выставлены в Нью-Йорке на торги аукционным домом «Сотби». Их предварительная оценка составила 100—150 тыс. долл. Покупателю они достались за 211,5 тыс. долл.[1].

Вошедший в дом 25 июля 1918 года представитель Белой армии увидел невероятный хаос. Во всех комнатах были разбросаны по полу, на столах, диванах, за шкафами и ящиками различные цельные, помятые, разломанные и скомканные вещи и вещицы, принадлежавшие Царской семье. Больше всего их было в комнате, первой слева от вестибюля, где размещался Юровский. Валялись порванные, смятые и обгорелые записки, обрывки писем, фотографий, картинок, разбросаны книжки, молитвословы, Евангелия; были кинуты на пол иконы, образки, крестики, четки, обрывки цепочек и ленточек, на которых они подвешивались, а икона Федоровской Божией Матери, с которой Царица никогда, ни при каких обстоятельствах путешествия не расставалась, была брошена в помойку во дворе, со срезанным с нее очень ценным венчиком из крупных бриллиантов.

Брошенными валялись пузырьки и флакончики со святой водой и миром, вывезенные, как значилось по надписям на них, еще из Ливадии, Царского Села и костромских монастырей; всюду раскиданы изломанные шкатулки, узорные коробки, рабочие ящики для рукоделий, дорожные сумки, саквояжи, сундучки, чемоданы, корзины и ящики и вокруг них вывороченные оттуда вещи, предметы домашнего обихода и туалета. Как выразился профессиональный юрист, увидевший эту картину, «здесь произошло убийство и ограбление».

ГЛАВА 52

Ритуальное надругательство над иконами. — Осквернение царских святынь. — Святотатство.

Совершив ритуальное убийство Православного Русского Царя, преступники и святотатцы надругались над святыми иконами, принадлежавшими Царской семье. Святые образа бросали на пол, разбивали о стену, плевали на них, топтали ногами, а некоторые были кинуты в помойную яму или сожжены в печи.

---

[1] Известия. 23.4.1998.

Ритуальному надругательству прежде всего подверглись главные святыни Царской семьи, с которыми они не расставались никогда, — Федоровская икона Божией Матери и Богородничная икона «Достойно есть» со словами Св. Писания о Богопомазанничестве: «Дух Божий помаза тя...» В мусоре дома Попова, где размещались рядовые цареубийцы, была найдена деревянная, овальной формы икона Ангела Хранителя. Лицевая ее сторона имела трещину, видимо, от удара по иконе. На оборотной стороне черным карандашом рукой Царицы было написано:

«Христос Воскресе 25 марта 1912 Ливадия»[1].

В помойной яме при доме Ипатьева нашли икону Св. Серафима Саровского (в металлической рамке), икону Св. Симеона Верхотурского на эмали, флакон со св. водой с изображением св. Симеона Верхотурского, небольшой пузырек со св. водой, с надписью на нем: «Вера твоя спасет тебя. Свято-Троиц. Сергиев. Лавры»[2].

После убийства Царской семьи во время погрома и ограбления многие святыни Царской семьи, и прежде всего иконы, были сожжены в печах. Но даже после этого надругательства на полу в комнатах дома Ипатьева, кроме перечисленных, было найдено 55 поруганных икон[3]:

Образ Спаса Нерукотворного, большого размера, с коричневой каймой; на оборотной стороне — изображение креста и надпись:

«Спаси и сохрани 25 мая 1913 г. от А. В. Москва».

Образ Спаса Нерукотворного, большого размера, со светло-коричневой каймой; на обороте надпись: «Ц. С. Анастасия 1914 г. 5 июня».

Образ Спаса Нерукотворного, среднего размера, с коричневой каймой; на обороте изображение карандашом креста и надпись: «Спаси и сохрани от А», а также и указана дата «1913».

Образ Спаса Нерукотворного, среднего размера, с серой каймой. Образ Спаса Нерукотворного, малого размера, в коричневой деревянной рамке с черно-золотистым багетом.

Образ Спаса Нерукотворного, малого размера; на оборотной стороне надпись по-английски, в которой, однако, пред-

---

[1] С о к о л о в Н.А. Указ. соч. С. 276.

[2] Там же.

[3] Там же. С.178—180.

ставилось возможным разобрать лишь несколько слов, не передающих всего смысла, и дата:

«10 мая 1909 года».

Образ Спаса Нерукотворного, малого размера, в металлической рамочке; на оборотной стороне выгравировано: «Страдающий плотью перестает грешить. Как умножаются в нас страдания, умножается Христом и утешение наше для спасения, которое совершается перенесением страданий».

Икона Спасителя, малого размера, тисненая и раскрашенная на жестяной пластинке, набитой на дерево; на обороте следы надписи: «Этот образ принадлежал нашей двоюродной сестре, когда она умерла...»

Образ Божией Матери Почаевской, большой, чеканенный на гипсе, в красках; обратная сторона обита синим бархатом.

Образ Божией Матери, большого размера, на дереве, старинного письма черной краской на красном фоне.

Образ Божией Матери Тобольской, большого размера, с синей каймой вокруг иконы; на оборотной стороне — изображение креста и надпись Государыни Императрицы: «Спаси и Сохрани. Елка 1917 г. Тобольск Аликс».

Икона Божией Матери Тобольской, малого размера, чеканенная на гипсе, в красках.

Образ Пресвятой Богородицы Абалаксия, среднего размера, чеканен на гипсе, в красках; на оборотной стороне — изображение креста и рукою Государыни сделана надпись: «Дорогой Татьяне благословение на 12 января 1918 г. Тобольск Папа и Мама».

Образ Божией Матери Всех Скорбящих Радость, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на оборотной стороне — изображение креста и рукою Государыни сделана надпись: «Т. Н. 27 февраля 1913 г. Ц. С. от Мамы».

Образ Божией Матери Коломенской, большого размера, на дереве. Образ Знамение Пресвятой Богородицы, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте надпись: «От Ани 1916 г. Т. Н.»

Образ Знамение Пресвятой Богородицы, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте рукою Государыни написано: «Дорогой нашей Ольге благословение Папа и Мама. Спала 3 ноября 1912 г.».

Образ Пресвятой Богородицы Абалаксия, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте — изображение креста,

рукою Государыни сделана надпись: «Т. Спаси и Сохрани. Мама. Елка 1917 г. Тобольск».

Такой же образ; на обороте — изображение креста, и рукою Государыни написано: «А. Спаси и Сохрани. Мама. Елка 1917 г. Тобольск».

Образ Пресвятой Богородицы Скоропослушницы, малого размера, писан на дереве; на обороте — надпись: «От Ани 9 сентября 1915 г. Н.».

Образ Пресвятой Богородицы Скоропослушницы, малого размера, писан на дереве.

Образ Пресвятой Богородицы Скоропослушницы, на полотне, в красках.

Образ Божией Матери Утоли Моя Печали, на гипсе, в красках; на обороте — изображение креста и надпись: «А. Ф. Окт. 1908 г.».

Образ Божией Матери Владимирской, на дереве. На обороте написано: «Тобольск (Святая Икона) сент. 3-го 1917. От Настеньки».

Образ Божией Матери Благодатное Небо, малого размера, чеканен на гипсе, в красках. На обороте написано: «От Ани 1916 г.».

Образ Божией Матери Умягчение Злых Сердец, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте внизу надпись: «От сестры милосердия О. Шевчук».

Образ Святого Николая Чудотворца, среднего размера, на гипсе, в красках; на обороте отпечатан штемпель: «Благословение Русского Свято-Андреевского Скита, что на Святой Афонской Горе».

Образ Святого Николая Чудотворца, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте — карандашом обозначены две буквы «А. В.» и штемпель: «Сия икона освящена на Мощах Святого Праведного Симеона Верхотурского Чудотворца 12 июня 1914 г.».

Образ Святого Николая Чудотворца, малого размера, в серебряной, позолоченной ризе.

Образ Святого Серафима Саровского, малого размера, писан на дереве.

Образ Святого Серафима Саровского, малого размера, в металлической рамке, под стеклом.

Образ Святого Георгия Победоносца, старинного письма и отделки, в металлической рамке, яйцеобразной формы, подвешенной на цепочке; на обороте рукою Государыни написано: «Х. В. Мария от Папы и Мамы 1913 г.».

Образ Святого Симеона Верхотурского, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте рукою Государыни написано: «Дорогой Татьяне от Ани 1916 г.».

Образ Святого Симеона Верхотурского, малого размера, в металлической рамочке.

Образ Святых Мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, малого размера, писан на дереве.

Такой же образ, с колечком на задней стенке.

Такой же образ; на обороте карандашом сделано изображение креста и надпись: «А. Тобольск».

Такой же образ; на обороте рукою Великой княжны Татьяны Николаевны сделана надпись: «Тобольск 1917 г. 22 декабря Т. Н.».

Такой же образ; на обороте написано: «Дек. 1917 г. Тобольск. Празднов. 14 апреля».

Образ Святой Мученицы Параскевы Пятницы, малого размера, писан на дереве; на обороте надпись: «От старицы Марии Михайловны. Новгород, 11 декабря 1916».

Образ Святого Сергия Радонежского, среднего размера, писан на дереве.

Образ Святых Косьмы и Дамиана, малого размера, на жести, в красках, набит на дерево; на обороте надпись: «22 мая 1916 г.».

Образ Святого Пророка Илии, малого размера, писан на металле, в красках; на обороте надпись: «22 Т. 22 мая 1914 г.».

Образ Святого Иоанна Тобольского, малого размера, чеканен на гипсе, в красках; на обороте надпись: «В благословение от Святителя Иоанна Митрополита Тобольского и Сибирского» и штемпель об освящении иконы 23 апреля 1918 года.

Такой же образ; на обороте — такая же надпись и штемпель об освящении иконы 5 мая 1918 года.

Такой же образ; на обороте — такой же штемпель и надпись рукою Великой княжны Татьяны Николаевны: «Т. Н. Тобольск», перед надписью — изображение креста.

Образ Святого Иоанна Тобольского, меньшего размера; на обороте — надпись: «Тобольск 11 августа 1917 года от Настеньки».

Такой же образ; на обороте — надпись: «Тобольск 11 августа 1917 г.».

Образ Святого Иоанна Тобольского, еще меньшего размера.

Образ Святого Иоанна Тобольского, большого размера, чеканен на гипсе.

Образ Спасителя, писан на дереве; на обороте чернилами

черного цвета написано: «Здесь получили утешение и благословение от Григория и Анны». Все слова в этой надписи, кроме слова «Григорий», писаны одной рукой. Видимо, все эти слова писаны рукой Анны Александровны Вырубовой, кроме слова «Григорий», принадлежавшего, видимо, Распутину.

Образ Благовещения Пресвятой Богородицы, писан на дереве; на обороте — надпись, сделанная черными чернилами, следующего содержания, с сохранением орфографии: «бох радует, нутешает каксее извечает событье дает взнак цвет». Ниже этой надписи пометка, сделанная другой рукой: «Дек. 1910 г.» Видимо, надпись принадлежит Распутину. На образе — изображение Девы Марии, Архангела с ветвью в руках и Духа Святого в виде голубя.

Образ Святого Иоанна Воина, писан на дереве; на обороте — надпись черными чернилами, принадлежащая также, видимо, Распутину: «Бог-нас на то и благословил этот угодник помощник наслучей».

Образ Божией Матери Достойно Есть, писан на дереве; на обороте — надпись черными чернилами, сделанная, видимо, Распутиным: «благословенье отдостойны именинице Татьяне набольшую любовь христианстве вдухе анеформе».

Образ Казанской Божией Матери, в металлической оправе.

Образ Ченстоховской Божией Матери, в черной раме, со стеклом, заключенным в металлическую оправу.

ГЛАВА 53

Галерея цареубийц. — Иудейские корни организаторов. — Уголовный интернационал. — От Ленина до Федьки Каторжного. — Иностранные наемники.

Хотя Юровский соединял в себе ненависть к России с призванием палача, он был только первым (но далеко не самым главным) в галерее убийц Царской семьи. А она в 1918 году потянулась от Екатеринбурга до Москвы.

Янкель Хаимович Юровский, сорок лет, мещанин г. Каинска Томской губернии. Отец его Хаим был уголовником, сосланным за кражу в Сибирь, дед — раввином. Свое образование Юровский получил при местной синагоге в еврейской школе «Талматейро», закончив только первое отделение — два класса. В юности искал богатства и, по словам брата Лейбы, был богат. По характеру вкрадчивый, жестокий человек. По сведениям Де-

партамента полиции, в 1898 году Юровский совершил убийство в Томске и отбывал за него наказание. Как сообщает Юровский в своей биографии при вступлении во Всероссийское общество старых большевиков, убийство это он совершил нечаянно. Однако, узнав характер и последующие «подвиги» Юровского, в этом можно только усомниться. По-видимому, именно в тюрьме Юровский впервые знакомится с большевиками, а выйдя из нее, начинает посещать революционные кружки. Его квартира становится явкой для боевиков, в ней нередко останавливается и сам Я.М. Свердлов. Юровский распространяет подрывную литературу, изготовляет фальшивые документы для боевиков и, вполне вероятно, уже тогда участвует в их бандитских операциях. После разгрома восстания бежал в Берлин и там, изменив вере отцов, перешел в лютеранство, вероятно из-за каких-то выгод. Родственники его не любили. Родной брат Лейба говорил: «Он любит угнетать людей», а жена Лейбы — Эле Лея, добавляла: «Яков — деспот и эксплуататор». Историк Мельгунов характеризует его «самым отпетым преступником», а Сидней Гиббс — «хладнокровным палачом»[1].

В 1912 году Юровский открывает собственную фотографию в Екатеринбурге. Делает фотоснимки многих богатых жителей города, представителей администрации, духовенства. Позднее эти фотографии, как и адреса клиентов, становятся основой картотеки Чека. По ней чекисты совершают свои налеты на квартиры граждан города. Свердлов доверяет Юровскому, останавливается у него на квартире. Листаю личное дело Юровского в Свердловском партархиве[2]. После убийства Царя Юровский назначается заведующим Московской районной Чека и членом коллегии МЧК, а с 1919 года работает председателем Екатеринбургской губернской Чека, знаменуя свое назначение десятками новых расстрелов. Ленин считает Юровского «надежнейшим коммунистом»[3]. В Екатеринбурге ему с семьей выделяется особняк[4] (сейчас Музей комсомола) в трехстах метрах от Ипатьевского дома. С ним живут жена Мария Яковлевна (Маня Янкелевна), руководитель партийной организации города, и дочь Ре-

---

[1] С о к о л о в Н.А. Указ соч.

[2] СПА, ф 221, оп 2. д 497.

[3] Л е н и н В. И. ПСС. 4-е изд. Т. 52. Письмо № 377.

[4] Правда, жил в этом особняке Юровский недолго. Вскоре он переезжает в выделенную для него квартиру, в помещение бывшего Екатеринбургского окружного суда, названного Первым Домом Союзов.

бекка (Римма), руководитель комсомольской организации, прославившаяся акциями по разрушению православных храмов, ее именем позднее назовут улицу. В начале 20-х годов партия направляет Юровского на работу в Гохран, где он стал организатором распродажи за границу сокровищ Царской короны на аукционах Амстердама и Антверпена. В 1923 году он был руководителем позорной акции перевоза русской короны, державы и скипетра в японское представительство в Читу для продажи их в Америку или Европу через Маньчжурию. Совершенно случайно тайная сделка получила огласку. В результате чего советское правительство спешно вернуло русские сокровища в Москву и показало их на выставке в Колонном зале, а Юровский был уволен[1]. В дальнейшем партия направляет его на разные не очень высокие, но хлебные посты в Москве: Резинотрест (нач. отдела), завод «Красный богатырь» (зам. директора), секретарь партячейки Русаковского трамвайного парка и, наконец, директор Политехнического музея (это с образованием в два класса школы!)[2]. В 1938 году умирает от прободной язвы желудка.

Голощекин Шая (Исай) Исаакович, сорокадвухлетний мещанин из Невеля Витебской губернии, ученик хасидской школы, закончил зубоврачебную школу, никогда не работал, в партии с 1903 года, личный друг Свердлова, шесть лет провел в ссылке. Историк революционного движения В. Бурцев, знавший Голощекина лично, характеризовал его так: «Палач, жестокий, с некоторыми чертами дегенерации»[3]. С 1918 года — секретарь ЦК партии (т. е. первое партийное лицо) по Уралу и Сибири. Многие годы — член коллегии ЧК — ГПУ, член ЦК партии. С 1924 года Голощекин работает 1-м секретарем Компартии Казахстана. Приехав в Казахстан, он провозгласил там «гражданскую войну» и «маленький Октябрь», в результате чего люди умирали целыми семьями, «а трупы штабелями складывали и снегом до весны присыпали, потому как не было у людей сил долбить мерзлую землю».

«Степняки называли его: Ку Жак. В переводе это: Голые Щеки. Голое рыло...»[4]

С 1933 года Голые Щеки — главный арбитр СНК СССР,

---

[1] Наше наследие. 1991. № 2. С. 40—41; № 3. С. 47.

[2] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 497.

[3] Пагануцци. С. 62.

[4] Михайлов В. Хроника Великого Джута. Алма-Ата, 1990.

«творит большевистскую справедливость» во всесоюзном масштабе до тех пор, пока не убит без суда во дворе Орловской тюрьмы 11 сентября 1941 года[1].

Войков (Вайнер) Пинхус Лазаревич, тридцати лет, мещанин города Керчи[2], член партии с 1903 года, участник боевой организации, в 1907 году бежал из России, учился в Женевском университете, по профессии химик, впервые применил свои знания при уничтожении трупов. В 1917 году прибывает в Россию вместе с Лениным в «пломбированном вагоне», в июле 1918 года — комиссар продовольствия Уралсовета. При подготовке цареубийства отвечал за «хозяйственные вопросы». После убийства снял с одного тела перстень с большим рубином и носил его, похваляясь. Убит в 1927 году в Варшаве.

Другой пассажир «пломбированного вагона», Георгий Иванович Сафаров, наряду с Голощекиным был партийным куратором этого убийства. Последние две недели только им разрешалось посещать этот дом. Двадцатисемилетний Сафаров (Вольдин) был близок Троцкому и во многом подражал ему. Поддержка Троцкого позволила ему стать одним из руководителей Коминтерна и позднее — вожаком советского комсомола. Но, как член «объединенной троцкистской оппозиции», в 1927 году был смещен со всех постов, прошел череду тюрем и лагерей и уничтожен в 1942 году[3].

Его друг и соратник по екатеринбургскому злодеянию Лев Семенович Сосновский, тридцатидвухлетний партийный публицист, сторонник Троцкого, прославился сборниками своих статей, проникнутых ненавистью к России, глумлением над русской историей (например, книга «Рассея»). В 1927 году разделил путь Сафарова (хотя и называл его мелким жуликом). В 1937 году уничтожен[4].

Белобородов Александр Григорьевич[5], двадцати семи лет, образование начальное, в 1905—1907 годах мальчик на посылках у боевиков и «лесных братьев». В 1908 году арестован и судим за помощь боевикам. После разгона Учредительного со-

---

[1] Вопросы истории. 1990. № 9. С. 81.

[2] Отец Войкова был фельдшером на Надеждинском заводе, где начинал свою карьеру боевика Белобородов.

[3] Минувшее // Исторический альманах. № 7. Париж, 1989.

[4] Там же. С. 285.

[5] Существует версия, что настоящая фамилия Белобородова Вайсброт. Однако разыскания в архивах ее не подтверждают. Белобородов — обыкновенный деклассированный элемент с уголовным прошлым.

брания становится председателем Уралсовета. Пойман за руку на краже крупной суммы денег. Однако дело оставлено без последствия и он даже сохраняет свой пост[1]. Позднее становится членом ЦК партии. Вместе с Троцким организует трудовые армии. С 1923 года — народный комиссар НКВД, активно строит «новый правопорядок». В 1927 году вместе с коллегами по Екатеринбургу Сафаровым и Сосновским как троцкист лишается всех постов. В 1938 году уничтожен соратниками по духу.

Весьма характерно, что, когда организаторы убийства Царской семьи в звериной борьбе за власть сами попали в созданный ими зловещий механизм убийств и насилия, как подло и низко они себя вели. Сафаровы, сосновские, зиновьевы, белобородовы, голощекины, как и их соратники бухарины, каменевы, розенгольцы и прочие представители ленинской гвардии, залившие Россию морем крови, охотно давали показания, чтобы спасти свою жизнь, соглашались подписать любую нелепость, любой вздор, лишь бы только выжить.

Партийный куратор убийства Царской семьи Сафаров, чтобы спасти себя, заложил всех, кого ему подсказали заложить, и причастных, и непричастных. Он сообщил суду, далее цитирую, «многочисленные факты о подпольной контрреволюционной деятельности «московского центра» (сфабрикованная чекистами подпольная организация. — *О. П.*) и, в частности, Зиновьева...». Он же подтвердил «многочисленные попытки «московского центра» якобы организовать в разное время контрреволюционный блок с различными антисоветскими группами в целях развернутой борьбы против Советской власти».

Хотя бы один из них показал стойкость, хотя бы один покончил жизнь самоубийством. Всеми ими владело господствующее чувство выжить любой ценой. Тот же Сафаров пишет под диктовку, например, такие слова: «Все наши мысли и идеи сводились к идеологическому оформлению буржуазно-реставраторской реакции против социализма... Политически антипартийное подполье слило в одну сплошную реакционную массу все контрреволюционные, антипартийные группировки. Мы стали конденсаторами контрреволюционной злобы и ненависти остатков эксплуататорских классов...»[2] Как эта демагогическая

---

[1] Пагануцци. С. 61—62.

[2] Обвинительные материалы по делу подпольной контрреволюционной группы зиновьевцев. М., 1935. С. 35, 42.

фразеология похожа на ту, которую он использовал в своей статье «Николай Кровавый» в июле 1918 года.

Теперь о Федоре Федоровиче Сыромолотове. Этот боевик и руководитель боевой организации был одной из ключевых фигур, которые вершили темные дела в Екатеринбурге в 1918 году. Родился он в 1877 году. Отец сильно пил. Сыромолотову с детства пришлось заниматься мелкой торговлей, непродолжительное время работал рабочим, а затем на среднетехнических должностях (закончил горное училище). Близкий соратник Свердлова, в 1905—1907 годах — начальник сводной боевой дружины, куда входили большевики, эсеры и анархисты. Активно участвует в грабежах и убийствах. Часто живет на нелегальном положении, прерываемом кратковременными отсидками. Постоянно связан со Свердловым. В 1910 году подготавливает его бегство из тюрьмы. В 1912 году живет с женой Х.А. Троцкой в Екатеринбурге. Однако вскоре ее, как еврейку, выселяют вместе с ребенком по месту жительства родителей в Петербург. Сыромолотов едет вслед за ней. В 1917 году Сыромолотов возвращается в Екатеринбург, где становится одним из главных партийных боссов Урала, а позднее, уже в 1918 году, — комиссаром финансов. В советское время занимал крупные хозяйственные посты.

Наконец, самый молодой организатор убийства — Федор Николаевич Лукоянов, двадцатичетырехлетний председатель Уралчека, из семьи чиновников, с юридическим образованием, любивший выступать в печати под именем Маратов. Фигура очень любопытная. С фотографии 1917 года (из фондов Пермского музея) на нас глядит совсем мальчишечка с круглыми щечками, а через два года — почти не похожее лицо с жесткими чертами. В 1917 году Лукоянов — редактор газеты «Пролетарское знамя», а в 1918-м, как он сам пишет в автобиографии, «создал на Урале ряд чрезвычайных комиссий и работал... сначала председателем Пермской Губчека (до июля 1918 года, а затем председателем Уральской Областной Чека (Екатеринбург)). Был членом комиссии, судившей и руководившей расстрелом семьи Романовых»[1]. Какие же подвиги мог совершить Лукоянов, если в среде таких матерых пермских головорезов, как Иванченко, Жужгов, Марков, Колпащиков, Малков и Дрокин (о которых я уже рассказывал), он сумел стать главарем?! В бюллетене № 1 Пермского Окружного Чрезвычайного комите-

---

[1] ППА, ф. 90, оп. 2, д. Л—23.

та, который он возглавлял (а бюллетень выпускала его жена К.А. Будрина), говорилось: «Пермский Окружной Чрезвычайный комитет предупреждает всех, кто будет вести агитацию против советской власти и распространять ложные нелепые слухи, что они будут преследоваться Чрезвычайным комитетом путем самых суровых мер и, в случае поимки на месте преступления, будут беспощадно расстреливаться»[1]. В 20-е годы Лукоянов занимает множество разных постов по линии печати, подобно Юровскому постоянно перекидывается с одного места на другое. Одно время является председателем газетного объединения и Комитета по делам печати, служит в Наркомторге личным консультантом А. Микояна. Сын своего времени, по зову сердца пишет доносы на своих партийных товарищей, о чем особо указывает в автобиографии: «...Имел ряд конфликтов с Бухариным и его ставленниками Цыпиным и Лямом. Подал 2 заявления на Бухарина в ЦК ВКП (б) и ЦК Союза работников печати и на ставленников его в райком ВКП (б)... Вредительское руководство «Известий» в лице Таля отказалось использовать меня на производстве...»[2] По приходе в Отдел печати ЦК Мехлиса Лукоянов становится редактором журнала «Мукомолье». Умер в Москве в 1947 году.

В галерее убийц Царской семьи видное место занимают члены оперативного руководства акцией Сергей Егорович Чуцкаев — соратник Свердлова, увезенный в ГУЛАГ с поста председателя Комитета по устройству трудящихся евреев; Борис Владимирович Дидковский — соратник Войкова, вместе учились в Женеве, уничтожен единомышленниками; Михаил Иванович Ефремов — старый боевик, один из первых руководителей Уралчека; Павел Михайлович Быков — «летописец» злодеяния, председатель Екатеринбургской Чека; Михаил Аронович Герцман — хранитель оружия боевой дружины в 1905-м, один из партбоссов Екатеринбурга, уничтожен соратниками.

Теперь непосредственные исполнители. Самой зловещей, конечно, после Юровского, фигурой здесь является тридцатичетырехлетний Петр Захарович Ермаков, своего рода прототип Федьки Каторжного из «Бесов» Достоевского. Уже когда смотришь его фотографию в детском возрасте, возникает мысль о волчонке, готовом укусить руки родителей, стоящих вокруг своего «меньшенького». Второе фото — он в темной косоворот-

---

[1] ГАПО, ф. Р301, оп. 1, д.11, л. 84.

[2] Там же.

ке, наглухо застегнутой, лежит на траве, длинные волосы, как у Махно, взгляд дикий, неприятный. Честная рабочая жизнь на Верхне-Исетском заводе, где трудился его отец, пришлась Ермакову не по нраву. Он начал прогуливать, пьянствовать, воровать. Сколотил шайку из себе подобных личностей и стал добывать деньги разбоем, отличаясь крайней жестокостью. В 1905 году он прибивается к большевикам, которые в своей работе делали ставку на уголовников и люмпенов с жестокими, садистскими наклонностями. Привлекать к большевистской партии, писал Ленин, «мы должны всех без исключения: и кустарей, и пауперов, и нищих, и прислугу, и босяков, и проституток»[1]. Ермаков с самого начала стал верным ленинцем. Его первым наставником была известная большевичка К.Т. Новгородцева, любовница, а позднее жена Я.М. Свердлова. Как отмечает генерал М.К. Дитерихс, деятельность Ермакова проявляется «сообразно своей совершенно испорченной натуре — выходит на большие дороги и начинает грабить, резать, душить, с хладнокровием и зверством... не останавливаясь ни перед чем»[2]. В 23 года (в 1907 году) у него три пистолета, он уже убил, по крайней мере, одного человека, сотрудника полиции Ерина — отрезал ему голову. Его арестовывают по подозрению в убийстве, но вину берет на себя другой боевик, которого по суду осуждают к виселице. А Ермаков снова на свободе, участвует в нападениях на транспорт с деньгами, занимается рэкетом. Всюду за ним тянется кровавый след. В 1910 году его ссылают в Вельск. В 1917 году он сколачивает банду для изъятия земель и имущества крупных землевладельцев, совершает первые безнаказанные расстрелы «контры». Ермакова с его отрядом направляют на подавление крестьянских восстаний — и снова расстрелы, руководителей народных восстаний он убивает лично, о чем хвастается в воспоминаниях. В июне 1918 года он, например, подавляет восстание на Верхне-Исетском и Невьянском заводах. «Были пойманы главари Аранс и учитель Пелеков и ряд главарей. Последние мной были уничтожены»[3]. К моменту убийства Царской семьи руки Ермакова были обагрены кровью десятков жертв. Неудивительно, что именно ему поручили убийство Царской семьи и уничтожение тел.

На фотографии 1918 года у Ермакова бравый вид: гимнас-

---

[1] Ленин В. И. ПСС. 4-е изд. Т. 9. С. 214—215.

[2] Дитерихс М.К. Указ. соч. Ч. 1. М., 1991. С. 287.

[3] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 774, л. 12.

терка с ремнями, галифе, офицерские сапоги, на боку «маузер». Снимок сделан в солидной фотографии, на фоне декорации экзотических растений и камней. Взгляд дикий, бандитский, по-прежнему вызывающий. Волосы покороче, чем в юности, но и сейчас издалека можно принять за Махно. В 20-е Ермаков служит милицейским начальником в разных городах, а с 1927 года становится одним из руководителей мест заключения в Уральской области — закономерная карьера легендарного боевика-террориста. Рассказывают, что в начале 30-х он лично казнил наиболее важных лиц, приговоренных к расстрелу. Тогда было арестовано более двух тысяч руководителей области, из них примерно треть расстреляна.

В 1933 году с Ермаковым встретился американский журналист Ричард Халибуртон. Как ему удалось получить разрешение встретиться с убийцей, до сих пор остается загадкой. Ермаков рассказал журналисту некоторые подробности злодеяния, в котором он участвовал. В частности, он подтвердил, что решение о расстреле всей Семьи было принято в Москве и что вся Семья была действительно расстреляна, а трупы сожжены, как это и раскрыл в своем следствии Н.А. Соколов.

В 20—30-е годы Ермаков охотно встречается с коллективами трудящихся, рассказывает о подробностях расстрела Царской семьи и о своей особенной роли в нем. Все, кто знал его, отмечают за ним страсть к алкоголю. Выпив, он становился особенно болтлив и хвастлив. Как рассказывал мне екатеринбургский старожил А.И. Антропов, лично встречавшийся с Ермаковым, тот говорил: «Я лично расстрелял Царя, Царицу и Наследника и впервые на Урале устроил крематорий». Говоря о крематории, он имел в виду сжигание тел представителей Царской семьи. На фотографии конца 30-х годов мы видим типичного чекиста-начальника тех лет, располневшего, в гимнастерке с ремнем, в сапогах, из гимнастерки торчит приличное брюшко. Вид самоуверенный, как и в юности, неприятный, отталкивающий[1].

Был он, если судить по его воспоминаниям, очень тщеславный, падкий на славу и похвалу. Любил, чтобы его отличали и награждали. Но вот что меня удивило: за такие «большие заслуги» он не был награжден орденами и медалями. Я просмотрел его личное дело — правительственных наград у него нет. Вот только в воспоминаниях Ермаков пишет, что в 1930 году рабо-

[1] Фонды СПА.

чие Верхне-Исетского завода, профбюро и партбюро милиции преподнесли ему как стойкому ленинцу «браунинг», а в 1931-м присвоили звание почетного ударника и выдали грамоту за выполнение пятилетки в три года[1].

К концу 30-х годов распоряжением свыше ему запретили выступать с рассказами о своих «подвигах». Родственники вспоминают, что перед самой войной в дверь к Ермакову постучались люди Берии, взяли его под руки, посадили на самолет, привезли в столицу, разместили в гостинице «Москва». Не разрешали выходить, и три дня он писал воспоминания о расстреле Царской семьи. Вернулся из Москвы радостным, так как не чаял остаться живым. Нравы своих соратников знал. Но язык с тех пор прикусил. Хотя, по свидетельству очевидцев, во время войны, бывало, выступал с рассказами в некоторых военных частях[2]. Умер Ермаков в 1952 году, его именем названа улица Свердловска.

Ермаков имел большой отряд, состоявший преимущественно из деклассированных, уголовных элементов. Ближайшими сподвижниками Ермакова были: беглый кронштадтский матрос Степан Ваганов, Александр Болотов, Василий Леватных, Александр Костоусов[3], Алексей Грудин, Александр Рыбников.

Ваганова впоследствии растерзали родственники и близкие тех людей, которых он зверски убивал и грабил. Такая же участь, конечно, ждала и главаря банды Ермакова, но он вовремя исчез.

Зашел я в дом старых большевиков на улице 8 Марта, где с 30-х годов жил этот пламенный революционер. Когда-то здесь было спецраспределение и спецобслуживание. Но всему приходит конец. Дом, построенный в стиле конструктивизма, сильно обветшал, требует ремонта. В квартире Ермакова живут другие люди, его не знают. Не помнят Ермакова и в квартирах рядом. С час хожу по двору, расспрашиваю стариков. Нет, никто не помнит...

О Григории Петровиче Никулине — подручном Юровского — узнать удалось мало. Известно, что посылала его Чека на

---

[1] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 774, л. 1—12.

[2] В 1941 году в Свердловск приезжала жена пламенного революционера Свердлова Новгородцева и встречалась с Ермаковым. На фотографии этого времени изображены два старых большевика после вечера воспоминаний своих «исторических заслуг» (СПА, ф. 221, оп. 3, д. 445).

[3] Настоящее имя А.Е. Мокеев.

задание в качестве осведомителя в Академию Генерального Штаба, которая в 1918 году находилась в эвакуации в Екатеринбурге. Никулин исправно сообщал в Чека обо всех делах. Добросовестно участвовал в расстрелах[1]. Этим, видимо, и заслужил благоволение Юровского. Сильно «подружились» они; умирая, Юровский сделал его своим доверенным лицом[2]. В Свердловском партийном архиве я видел фотографию — оба с женами на берегу моря, на курорте. В 20-е годы Никулин работал начальником Московского уголовного розыска, а позднее — в коммунальном хозяйстве столицы. После войны избирался депутатом местного Совета. В 60-е годы записал на магнитофонную пленку воспоминания. Умер в 1965 году как почтенный человек.

Активными организаторами и участниками цареубийства были чекисты В.А. Сахаров, В.М. Горин, И.И. Радзинский, Павлушин (Полушин?), начальник милиции Екатеринбурга Алексей Николаевич Петров. О последнем родственники говорили, что он рассказывал о своем участии в убийстве Царской семьи. Со слов родственников, «жестокий был. В Вятке попов в проруби топил ночью». В архивном деле — фотография «коллектива» екатеринбургской милиции того времени. Подвыпившие, с бандитско-дегенеративным выражением лиц милиционеры наслаждаются своей властью над городом. Один из них вытащил пистолет и наставляет его на фотографа. Рядом с самим начальником Петровым — женщина в роскошной шубе с чужого плеча (может быть, даже получила ее при дележе царского имущества). Петров состоял в ВКП(б) с 1905 по 1924 год. Выбыл по собственному желанию[3].

Особо следует рассказать о латышах и их командире Я.М. Свикке, носившем в 1918 году фамилию Родионов[4]. До сих пор о нем было известно очень мало. Работа на ответственных постах в НКВД сделала его осторожным. Его революционная карьера началась в 1904-м. Пять арестов, эмиграция, учеба в Москве. В послужном списке 1917—1918 годов — должность ко-

---

[1] Никулин даже имел кличку «Пулеметчик» за участие в массовых расстрелах.

[2] Р е з н и к Я. Чекист. Свердловск, 1972.

[3] ППА, ф. 90, оп. 2, д. Л-2.

[4] Фамилия Родионов была присвоена Свикке по рекомендации ВЧК перед перевозкой в Екатеринбург царских детей. Эту фамилию Свикке носил весь свой екатеринбургский период.

миссара рижской народной милиции. В 1918—1919 годах — военный комиссар дивизии, член высшей военной инспекции полевого штаба 3-й армии Уральского военного округа, резидент управления ВЧК республики, военный комиссар штаба Реввоенсовета и, наконец, командир Отряда особого назначения, перевозившего в Екатеринбург из Тобольска царских детей, а с 4 июля фактически возглавлял внутреннюю охрану дома Ипатьева. В годы Второй мировой войны — сотрудник Особого отдела НКВД СССР. С 1945 по 1954 год — главный редактор Госиздата, затем профессор Латвийского университета.

В архиве Свикке журналистка С. Ильичева нашла свидетельство Цельмса (Целмса), написанное в 1938 году: «Я.М. Свикке был членом Высшей военной инспекции и военным комиссаром отряда особого назначения. Часть этого отряда несла охранную службу внутренней охраны в доме, где содержался Николай Романов со своей семьей. В июле 1918 года при наступлении чехословаков и белогвардейцев эта часть отряда, руководимая Свикке, выполнила боевое задание по ликвидации (расстрелу) Николая Романова, его семьи и свиты. После отступления из Екатеринбурга Свикке командовал особым отрядом и выполнил ряд боевых заданий». После Екатеринбурга чекист Свикке организовал через своих агентов освобождение Федора Раскольникова, заместителя командующего Балтфлотом, из английского плена[1].

Пламенный революционер, участвовавший, по его словам, не только в убийстве Царской семьи, но и в сожжении их тел, на закате своей жизни начал писать мемуары «Ясные дали великого пути», в которых уделил царской теме три страницы. «Я раскрыл три заговора», — писал он в своих воспоминаниях. Как представитель центра, он каждый шаг согласовывал с Москвой через своего шифровальщика Кованова, получая оттуда соответствующие инструкции непосредственно от Ленина[2].

---

[1] Ильичева С. Указ. соч.

[2] Свикке упоминает также, что консультировался с Лениным по каждому случаю, касающемуся содержания и охраны Царской семьи. «Стоит ли разрешать монахиням екатеринбургского женского монастыря, — спрашивал Свикке-Родионов у Ленина, — носить в дом Ипатьева обеды?» Ленин разрешил, но велел проверять приношения и пустую тару. Стали проверять, обнаружили однажды в буханке хлеба подробный план освобождения пленников. А за подкладкой сумочки, которую монахиня выносила обратно, оказался подробный план помещений дома Ипатьева.

В своих воспоминаниях Свикке приводит список бойцов-латышей его Отряда особого назначения, участвовавших во внутренней охране дома Ипатьева:

Цельмс Ян Мартынович — командир отряда внутренней охраны.

Каяке Янис — взводный.

Сникер Ян Мартынович.

Индриксон Янис.

Круминьш Николай Петрович.

Круминьш Карл Бертович.

Озолиньш Эдуард — заместитель Цельмса.

Сирупс Эдуард Францевич.

Цинит Петр Петрович — секретарь комиссара Свикке.

Пратниэк Карл.

Кованов Михаил Михайлович — шифровальщик и казначей.

Рубенис Эдвин Альфредович.

Семеро из этих латышей стали убийцами Царской семьи. Двое из них нашли в себе мужество отказаться участвовать в преступлении и на следующий день были расстреляны.

Мемуары, написанные Свикке, изобилуют многими неточностями и ошибками, прежде всего из-за желания преувеличить свою роль, представить себя самым главным цареубийцей. Подобно Ермакову, Свикке чувствовал себя обиженным советской властью, которая не сумела оценить его великих подвигов. Тем не менее в его мемуарах приводятся детали, которые невозможно придумать и которые легко проверяются по другим источникам. Рассказы Свикке позволяют закрыть белые страницы, повествующие об участии в цареубийстве латышских бойцов.

Однако по-прежнему в галерее цареубийц белые пятна присутствуют при исследовании участия в преступлении иностранных наемников. Единственный источник, опубликованный по этой теме, вызывает глубокие сомнения. Я имею в виду статью бывшего австрийского военнопленного большевика Ивана Леопольдовича Мейера, выдававшего себя за участника многих событий в Екатеринбурге в 1918 году[1]. Наряду с бесспорными фактами в статье приводятся явно выдуманные сведения. Определенный интерес заслуживает приводимый им список ино-

---

[1] Перевод этой статьи был сделан графом П.А. Коновницыным и издан в 1956 году отдельной брошюрой журналом «Согласие» в Лос-Анджелесе (США).

странных наемников, часть из которых, вероятно, участвовали в убийстве Царской семьи. На самом деле это были австро-венгерские военнопленные, записавшиеся в Международную бригаду 1-го Камышевского стрелкового полка. Солдат этой бригады часто использовали для выполнения особых заданий Чека для расправ с мирным населением. За это они получали повышенный паек.

В список иностранных наемных убийц, опубликованный Мейером, входят семь человек: Андреас Вергази, Ласло Горват, Виктор Гринфельд, Имре Надь, Эмил Фекете, Анзелм Фишер, Изидор Эдельштейн. Только одного из них — А. Вергази можно документально считать участником убийства. Кто еще из этого списка мог участвовать в убийстве, неизвестно[1]. Не исключено, что большая часть имен, приведенных в этом списке, вымышлены.

Иностранные наемники старательно отрабатывают свой паек. А после убийства первыми принимаются грабить трупы. В чекистских делах 1918 года немало документов, посвященных военнопленным, протоколы допросов, доносы. Военнопленные стараются вырваться на родину, а большевики им всячески препятствуют. Боятся пропустить их как через Сибирь, так и через Центральную Россию, вдруг они выступят на стороне белых. Среди военнопленных немало доносчиков, которые за плату регулярно сообщают в Чека о том, что думают и делают их товарищи по плену. Особенно усердствует некто Иоганн Тийк. По его доносу Чека арестовывает некоторых военнопленных[2].

Кроме основных участников убийства, существовало еще несколько десятков подручных из караульной команды, возглавляемой Павлом Спиридоновичем Медведевым[3]. Вот фамилии некоторых из них:

Стрекотин Андрей Андреевич
Летемин Михаил Иванович
Попов Николай Иванович
Талапов Иван Семенович

---

[1] Большой вопрос о дальнейшей судьбе этих иностранных наемных убийц. Куда они делись, почему никто из них не оставил воспоминаний? Не исключено, что их товарищи-чекисты тогда сами устранили, по крайней мере, пятерых. В окрестностях Ганиной Ямы были обнаружены трупы пяти мужчин в форме австро-венгерской армии.

[2] ГАПО, ф. Р301, оп. 1, д. 11, л. 50—59.

[3] СПА. ф. 221, д. 849, л.18.

Старков Иван Андреевич
Зайцев
Чуркин Алексей Иванович
Садчиков Николай Степанович
Добрынин Константин Степанович
Орлов Александр
Проскуряков Филипп
Подкорытов Николай
Черепанов
Старков Андрей Семенович (инвалид)
Сабуров Александр Федорович
Турыгин Семен Михайлович
Сафронов Вениамин Яковлевич
Котегов Иван Павлович
Емельянов Федор
Стрекотин Александр Андреевич
Якимов Анатолий
Нетребин Виктор Никифорович
Клещев Иван Николаевич.

Расскажем немного о последнем. Иван Николаевич Клещев учился плохо, был исключен из училища, с детства воровал, перед Февральской революцией ушел из дома под предлогом поиска работы, жил среди босяков, приворовывал. В конце 1917 года он уже числился в красногвардейцах по «отобранию и реквизиции имущества» у частных владельцев. В феврале 1918 года со своими товарищами ночью ворвался в дом к бывшему хозяину фабрики и, размахивая револьвером, потребовал денег и имущества. С апреля 1918 года Клещев служил охранником Дома особого назначения, приезжая на побывку домой, привозил разные ценные мелкие вещи, украденные у Царской семьи. Напившись, ходил по фабрике и бахвалился среди рабочих, что женится на одной из дочерей Николая II и что если она не пойдет за него добровольно, то он силою возьмет ее. После убийства Царской семьи Клещев служил в охране интендантских складов, украл сукно и при попытке его продать попался. Его судили и послали на 6 месяцев на принудработы[1].

Большая часть охранников были выходцы из города Сысерти. Я долго задавал себе вопрос: почему именно из Сысерти

---

[1] Дитерихс. С. 401—403.

вышло столько подручных для этого зверского убийства? Какое-то значение, наверное, имел тот факт, что будущая жена Свердлова Новгородцева работала учительницей в народном училище. Она имела здесь учеников, которые потом были на партийной и государственной работе (правда, многие из них плохо кончили: Л.А. Гребнев выбросился в 1936 году из окна 4-го этажа, а А.И. Старков в этом же году был заключен в лагерь). По некоторым данным, бывал здесь и сам Я. Свердлов, его боевикам в Сысерти делали оболочки для бомб[1]. В ноябре 1917 года отряд из сысертцев, не желавших работать, участвовал в подавлении крестьянского восстания в с. Багаряк, сопровождавшемся массовыми убийствами и грабежами. Добровольные каратели привезли из этого похода немало сельхозпродуктов, украденных у убитых крестьян.

Я был в этом городе, бродил по нему, разговаривал с жителями, работал в фондах музея. Интересовался историей. Рабочие до 1917 года жили здесь зажиточно, лучше, чем сейчас. Зарабатывали хорошо, имели справные хозяйства. Каждый двор — все равно что крепость. Высокие ворота, открываешь — замкнутое пространство, двор, замощенный большими гранитными плитами. Все в одном дворе — и дом, и клад, и погреб, и баня, и конюшня, и хлев. Задняя калитка ведет на огород. В общем, мой дом — моя крепость. В Центральной России такого не было. Задаю вопрос: почему все-таки сысертцы были в подручных у царских убийц? Мнутся старики, молчат. Некоторым вопрос не по душе, отвечать не хотят, некоторым, вижу, совестно. «Деньги у нас здесь здорово рабочие любили, да и в церковь редко ходили». Когда революция началась, управляющего заводом Макроносова в Екатеринбург увезли и там расстреляли. «А главное даже не в этом, — сказал мне один старичок, — я так понимаю, что их кровью повязали. Я-то запомнил то время, когда добровольцев скликали казнить Царя, всякие блага обещали, 400 рублей в месяц, паек хороший. Но вначале никто не шел. И тогда партейные другой разговор повели. Вспомнили нашим мужикам из отряда, особенно кто поактивнее был, как они ходили крестьян подавлять, которые были с советской властью не согласны, много человек поубивали. Вот, говорили

---

[1] Данные краеведческого музея в Сысерти.

они, если вернется старая власть, придется и нам, и вам — всем отвечать за эти дела, спросят, кто убивал?»

Кровью повязали — не здесь ли ответ на многие вопросы! И чтобы понять трагедию Царской семьи, надо еще раз перечитать «Бесов» Достоевского. Горстка нигилистов, без корней и без морали, сеет смуту в глухом провинциальном городе России. Верховенские и Шигалевы (Свердловы и Голощекины) с помощью деклассированных, уголовных элементов типа Федьки Каторжного (П. Ермакова или А. Маркова) создают систему террора и насилия. Придуманная Шигалевым новая система организации мира и есть практика большевизма. Политическим «новаторством» большевизма (отличием его от других политических движений) было смелое вовлечение в сферу политики деклассированных и бандитских элементов, активное использование уголовных и аморальных методов борьбы. Кровью Шатова нигилисты хотели скрепить круговой порукой кучку своих сообщников. А ведь и скрепили ряды своих боевиков еще в 1905—1907 годах, и кровью убитых повязали, попробуй выйти из организации, ведь ты тоже участвовал в убийствах! Убив Царя и Царскую семью, большевики теперь уже намертво скрепили кровью свою организацию.

Отражая мнение верхушки большевиков, Лев Троцкий писал в своем «Дневнике»: «...казнь царской семьи была нужна не просто для того, чтобы напугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что впереди полная победа или полная гибель»[1].

Решение об убийстве Царской семьи было принято наверху, и Троцкий откровенно признается в этом. «Белая печать, — пишет он, — когда-то очень горячо дебатировала вопрос, по чьему решению была предана казни царская семья... Постановление вынесено было в Москве. В один из коротких наездов в Москву я мимоходом заметил в Политбюро, что, ввиду плохого положения на Урале, следовало бы ускорить процесс Царя. Я предлагал открытый судебный процесс. Ленин откликнулся в том смысле, что это было бы очень хорошо, если б было осуществимо. Но... времени может не хватить. Прений никаких не вышло. Ленин в тот период был настроен довольно сумрачно, не очень верил тому, что удастся построить армию... Следую-

---

[1] Родина. 1989. № 5. С. 89.

щий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

«Да, а где Царь?» — «Конечно, — ответил он, — расстрелян». — «А семья где?» — «И семья с ним». — «Все?» — спросил я, по-видимому, с оттенком удивления. «Все! — ответил Свердлов. — А что?» Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил. «А кто решал?» — спросил я. «Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам их живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях». Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. По существу, решение было не только целесообразно, но и необходимо. Суровость расправы показала всем, что мы будем вести борьбу беспощадно, не останавливаясь ни перед чем...»[1] Решающая роль Ленина в убийстве Царской семьи подтверждается и В. Молотовым. По его мнению, это настолько ясно, что иначе и быть не может. «Не будьте наивным... — говорил он Ф. Чуеву, — без Ленина никто на себя не взял бы такое решение»[2].

Говорят, что убийц всегда тянет на место преступления, особенно перед собственной смертью. Наверно, это правда. В апреле 1922 года Ленин рвется в Екатеринбург, точнее, в местечко Шарташ, в 4 км от Екатеринбурга, «местность, которую ему расхвалили уральские товарищи (большое озеро, сосновый лес)... Уральские товарищи, — пишет М.И. Ульянова, — наспех приводили в порядок домик, где должен был поселиться Владимир Ильич, а мы начали готовиться к отъезду»[3]. Однако резкое ухудшение здоровья, а затем и смерть не позволили сбыться желанию иудейского вождя.

ГЛАВА 54

Узники Напольной школы. — Алапаевское злодейство. — Убийство священномученицы Елизаветы и великих князей. — Расправа в Петропавловской крепости.

Передо мной лежит большой лист пожелтевшей бумаги — постановление о переводе великих князей в г. Алапаевск. «...Нам объявлено, и мы, нижеподписавшиеся, обязуемся быть

---

[1] Московские новости. 1990. 22 июля.

[2] Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 185.

[3] Известия ЦК КПСС. № 2. 1991. С. 134.

готовыми к 9 1/2 часа утра для отправки на вокзал в сопровождении члена Уральской областной чрезвычайной комиссии 19 мая 1918 года»[1]. И подписи (крупные, аккуратные):

«Елизавета Федоровна, настоятельница Марфо-Мариинской обители милосердия Князь Иоанн Константинович Княгиня Елена Петровна Князь Константин Константинович Князь Игорь Константинович Князь Владимир Палей Сергей Михайлович Романов».

Всем подписавшимся (кроме Елены Петровны) предстоит крестный путь и мученическая смерть в шахте под Алапаевском. Единственная «вина» этих людей состояла в том, что они принадлежали к Фамилии Романовых. Никто из них не принимал участия в управлении страной.

Елизавета Федоровна — родная сестра Царицы, жена великого князя Сергея Александровича. После убийства ее мужа боевиком-террористом Каляевым приняла монашеский постриг, стала настоятельницей Марфо-Мариинской обители милосердия, одним из духовных руководителей движения благотворительности в России. Добрые дела настоятельницы обители стали известны не только в стране, но далеко за ее пределами. Ей предлагали уехать из России, но она отказалась, чтобы продолжать свое святое дело.

Князья Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи были сыновьями великого князя Константина Константиновича, известного русского поэта, писавшего под псевдонимом К. Р., дружившего с Достоевским, Чайковским, Фетом, Гончаровым и многими другими выдающимися деятелями русской культуры.

Восемнадцатилетний князь Владимир Павлович Палей, поэт, был сыном великого князя Павла Александровича от морганатического брака.

Великий князь Сергей Михайлович ничем особенно не знаменит, известен своими либеральными взглядами.

...Сегодня Алапаевск — город удивительно запущенный (впрочем, как и многие уральские города). Пыльные, даже грязные улицы, обветшавшие дома, изуродованный почерневший Алексеевский собор в центре города (70 лет советской власти здесь была пекарня). В магазинах шаром покати. Самое крупное предприятие в городе — станкозавод — славно тем, что в конце

---

[1] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149, л. 30.

80-х годов XX века продавало свои новые станки в Японию на металлолом. А ведь в начале века это был город с перспективами. Алапаевское железо с клеймом «Старый сибирский соболь» имело мировую славу. Считалось, что оно могло стоять на крыше более 100 лет, не ржавея. За свои изделия алапаевский завод неоднократно получал награды на всероссийских и всемирных выставках. В 1912 году Алапаевск был соединен железной дорогой с Нижним Тагилом и Екатеринбургом[1].

В 1905 году в Алапаевске создается совет, председателем которого становится Ефим Соловьев. Осенью этого же года сюда приезжает Свердлов для налаживания боевой организации. Свердлов и Соловьев создают боевую дружину, куда, кроме Соловьева, входят Г.Д. Бессонов, Д.Н. Ладейщиков, И.Г. Глухих, С.А. Павлов и др. Алапаевцы были хорошо вооружены, делали бомбы и были готовы выполнить любое задание партии. Летом 1906 года Свердлов снова прибывает в Алапаевск и проводит ряд встреч с боевиками. Побывал Свердлов и на Верхне-Синячихинском заводе рядом с Алапаевском. Здесь была тоже создана тайная боевая организация, возглавляемая В.Д. Перовским.

В Алапаевске, как в Екатеринбурге и Перми, боевики 1905—1907 годов становятся костяком партийной организации. К моменту прибытия в Алапаевск великих князей в городе устанавливается диктатура Чека. Из Екатеринбурга постоянно поступает оружие: винтовки и револьверы, только на Верхне-Синячихинский завод поступило 250 винтовок.

На фотографии, сделанной в мае 1918 года, позируют все комиссары. Посредине начальственно развалился Г.П. Абрамов (из боевиков, но не местных), в фуражке и френче, с бородкой под Дзержинского. Подкручивает усы Ефим Соловьев, зам. Абрамова, комиссар юстиции; рядом его соратник по лихим делам И.Г. Глухих, комиссар по конфискации имущества буржуев; Н.П. Говырин, небольшого роста, в шляпе, похожий на ковбоя, в скором времени займет кресло председателя Чека; С.А. Павлов, военный комиссар; А.А. Смольников, комиссар по промышленности; Останин, комиссар по коммунальному хозяйству; Перминов, секретарь исполкома[2].

Соловьев, Говырин, Глухих, да и не только они, ходят по городу с оружием, наводят революционный порядок. По ночам

---

[1] Экспозиция Алапаевского краеведческого музея.

[2] Фонды Алапаевского краеведческого музея.

арестовывают людей. Соловьев лично застрелил местного священника — отца Удинцева[1]. Однажды Соловьев и Глухих, рассказывает их соратник П. Ветлугин, зашли в местный клуб «в разгар бальных танцев сынков алапаевских кулаков, торговцев, зажиточных мещан». Посмотрев на танцующих барских бездельников, Ефим Андреевич изрек: «Всех разгоню к чертовой матери».

Идет беззастенчивый грабеж имущества зажиточных жителей города. Расхищенное распределяется между партийными активистами и членами их семей.

В Алапаевске великих князей разместили в недавно построенном здании Напольной школы, названной так потому, что она располагалась на окраине города возле поля. Здание небольшое, одноэтажное, с широкими окнами.

Вхожу через главный ход — широкий коридор, а по левую сторону классы. В 1918 году в угловую комнату-класс поместили Елизавету Федоровну с монахиней Варварой, рядом — Сергея Михайловича с Ф. Ремезом. В остальных комнатах-классах поселили еще по двое узников. Школа была обнесена высоким деревянным забором. Узники входили со двора. За князьями наблюдали одетые в штатское сотрудники Чека. Первое время князьям разрешалось посещать церковь, магазины, базар и даже гулять по полю. Однако это было недолго. В июне режим был резко ужесточен, превратившись в тюремный. Предоставим слово пламенному революционеру П. Ветлугину, оставившему записки под названием «Алапаевская партийная организация КПСС в борьбе за построение социализма и коммунизма»[2]. «Все время, — пишет он, — Великие Князья занимались антисоветской деятельностью. Прикидывались очень набожными. Выпросили у Алапаевского исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов построить часовню во дворе школы[3]. В часовне князья по утрам и вечерам «молились».

Громко распевали псалмы и молитвы. Делалось это для того, чтобы привлечь симпатии верующих. И действительно, местная буржуазия, кулачество ближайших деревень и алапаев-

---

[1] П а г а н у ц ц и. С. 142.

[2] Фонды Алапаевского краеведческого музея (альбом Ветлугина).

[3] Скорее всего, Ветлугин путает. Часовня, наверное, находилась при школе с самого начала, еще до приезда великих князей. Так говорят и старики.

ские мещане наблюдали, как «усердно молятся» князья, выражали им свое сочувствие. По городу пошли слухи о «мучениках» за веру православную, попавших в руки «безбожников большевиков».

«Насколько гуманным и даже предупредительным было отношение алапаевской советской власти к Романовым, — продолжает старый большевик Ветлугин, — видно и по такому факту. По их просьбе князьям отпустили инструменты и достали семян различных цветов. Романовы сделали клумбы, посадили цветы. Но и цветоводство было организовано князьями для замаскированной антисоветской агитации. Глядя сквозь щели в забор школы, как князья орудуют лопатами и лейками, антисоветские элементы умилялись! Говорили: «Вот князья царского рода, а какие простые». «За что их только мучают изверги-большевики». Всем этим агитационным «религиозным» и «цветоводческим» спектаклям пришел конец. Алапаевскую Чека возглавил активный член партии с 1905 года Николай Павлович Говырин. Дело пошло активнее»[1].

Примерно 20 июня охрана великих князей заменяется. Караул теперь несет вооруженный отряд алапаевского союза молодежи, возглавляемый А. Серебряковым. Устанавливается новый порядок. Князьям запрещается ходить не только по городу, но и по двору. Прогулки во дворе разрешаются только поодиночке и не более 2 часов в день. После 10 часов все должны быть в своих комнатах. Узнав о новых порядках, великий князь Сергей Михайлович в разговоре с начальником караула Федотовым возмущенно протестует: «Вы вводите тюремные, издевательские порядки». Он пишет жалобу в Екатеринбург и, в частности, заявляет: «Не зная за собой никакой вины, ходатайствуем о снятии с нас тюремного режима. За себя и за моих родственников, находящихся в Алапаевске, Сергей Михайлович Романов».

В тот же день Ефим Соловьев запрашивает Екатеринбург: «Военная. Екатеринбург. Област. Совет. Считать ли прислугу Романовых арестованными давать ли выезд основание 4227 Алапаевский Совдеп Отправитель Е. Соловьев».

Ответ Белобородова гласил: «Алапаевск Совдеп. Прислугу ваше усмотрение выезд никому без разрешения Москву Дзержинского Петроград Урицкого Екатеринбург Обласовета точка Объявите Сергею Романову что заключение является предупре-

---

[1] Фонды Алапаевского краеведческого музея (альбом Ветлугина).

дительной мерой против побега ввиду исчезновения Михаила Перми Белобородов».

Так, по «нотам», цинично разыгрывается очередной акт уральской трагедии. У великих князей отбирают вещи, деньги, одежду и обувь, оставляют самую малость, питание резко ухудшается.

Состояние, которое испытывали заключенные в Напольной школе, лучше всего выражают стихи одного из узников, князя Владимира Палея, написанные им еще в Вятке:

Немая ночь жутка.
Мгновения ползут.
Не спится узнику... Душа полна страданья;
Далеких, милых, прожитых минут
Нахлынули в нее воспоминанья...
Все время за окном проходит часовой,
Не просто человек, другого стерегущий,
Нет, — кровный враг, латыш угрюмый и тупой,
Холодной злобой к узнику дышущий...
За что? За что? Мысль рвется из души.
Вся эта пытка нравственных страданий.
Тяжелых ежечасных ожиданий
Убийств, грозящих каждый миг в тиши,
Мысль узника в мольбе уносит высоко...
То, что гнетет кругом, так мрачно и так низко...
Родные близкие так жутко далеко,
А недруги так жутко близко[1].

Из-за недостатка питания князья вынуждены обращаться к окрестным крестьянам, которым время от времени разрешают приносить продукты — яйца, овощи, хлеб.

...Я сижу на лавочке возле старенького рубленого дома вместе с Марией Артемовной Чехомовой (род. 1908), крестьянкой тех мест. Ее дом находится в 100 метрах от Напольной школы, здесь прошла вся ее жизнь. В том 1918 году родители неоднократно посылали ее отнести великим князьям что-нибудь покушать.

— Бывало, мама соберет в корзиночку яичек, картошечки, шанечек напечет, накроет сверху чистой тряпочкой и посылает меня. Ты, говорит, по дороге им еще цветочков ноготочков нарви.

— А часто к ним пускали?

---

[1] Пагануцци. С. 136.

— Нет, не всегда, но если пускали, то часов в одиннадцать утра. Принесешь, а охранники у ворот не пускают, спрашивают: «К кому ты?» — «Вот, матушкам покушать принесла». — «Ну ладно, иди!» Матушка выйдет на крыльцо, возьмет корзиночку, а у самой слезы текут, отвернется, смахнет слезу: «Спасибо, девочка милая, спасибо!» Когда последний раз я была у них, матушка вышла, взяла корзинку, подожди, говорит. Через несколько минут вернулась, возвращает корзинку (она так всегда делала), а в ней что-то лежит. «Нам немного жить осталось, поминайте нас», — говорит матушка. А у самой слезы из глаз. Прибежала я домой с корзинкой. Достали из нее сверточек, который матушка положила, а там отрез на платье, розовая ткань. Хоть и небогато мы жили, а мама говорит: «Отнеси обратно». Прибегаю, а калитка уже закрыта, не пускают.

Ночью стрельба, взрывы, крики «Имай, имай!». Люди на конях гоняют. Я проснулась, вижу родители к окну приникли и смотрят...»

За окном проходил последний акт злодейского спектакля. С одной стороны, несколько беззащитных людей, с другой — десятки вооруженных до зубов головорезов. Акция была спланирована заранее. Для ее исполнения прибыл зампред Уралсовета Сафаров. По данным, сообщенным мне директором Верхне-Синячихинского музея С.Г. Кайдаловым, который ссылался на рассказы старого чекиста В.Д. Гурьева, оперативное руководство осуществлялось председателем Алапаевской Чека Говыриным, комиссаром юстиции Соловьевым, председателем Алапаевского совдепа Абрамовым, секретарем исполкома Перминовым. От Верхней Синячихи в акции участвовали партийный вождь Вячеслав Дмитриевич Перовский, а также Николай Степанович Плишкин и Иван Емельянович Черепанов. Предположительно именно они подсказали место для убийства.

Кто совершал убийство? Участвовал весь большевистский актив Алапаевска. Как рассказывают старики, все участники убийства спрятались потом от белых на Боровском болоте и в Кукайском ельнике. Бандитствовали семейными кланами Г.П. и И.П. Абрамовы, Н.П. и В.П. Говырины, А.А. и И.А. Серебряковы, И.С. и П. Старцевы, Г., М.Н. и И. Кабаковы, М.Ф. и П.Ф. Останины... В этих же лесах и болотах прятались Соловьев, Глухих и другие комиссары[1].

---

[1] Фонды Алапаевского краеведческого музея.

В полдень 17 июля чекисты отбирают у великих князей последние вещи и ценности и велят им подготовиться к переезду в Верхне-Синячихинский завод. Когда стемнело, к Напольной школе подъехали 10—11 телег. На них рассадили узников. Ехали тихо. По дороге встретили нескольких крестьян, которые потом дали свидетельские показания. Поздно ночью подвезли к месту убийства. Оно расположено недалеко от пересечения трех дорог — на Алапаевск, Верхнюю Синячиху и Нижнюю Синячиху. Шахта, которую выбрали убийцы, находится в 70—80 метрах от дороги на Нижнюю Синячиху и примерно в 120 метрах от дороги на Алапаевск. В 1918 году дорогу от шахты отделяла большая поляна, покрытая редкой порослью мелких кустарников, правее шахты тянулись пашни, огороженные жердями.

Шахта представляла собой колодец глубиной около 20 метров. Стенки колодца, сложенные из толстых деревянных плах, тогда были еще крепки. Внутри колодца по средней линии в вертикальном направлении были устроены узкие мостки (палаты), соединяющиеся между собой лесенками[1].

У перекрестка уже стояли вооруженные люди, ближайшие окрестности были оцеплены. Великих князей подвезли к шахте. Ссадив с телег, их стали жестоко избивать (позднее это установила медицинская экспертиза). По рассказам того же чекиста, В.Д. Гурьева, переданным мне С.Г. Кайдаловым, через шахту была перекинута доска-бревно. Убийцы выбрали для своих жертв особенно мучительный вид смерти. Великим князьям связали руки, завязали глаза и заставили идти по этой доске и прыгать вниз в глубокий 20-метровый колодец. При этом великий князь Сергей Михайлович оказал сопротивление. Он схватил за полу пиджака верхнесинячихинского большевика Плишкина и чуть-чуть не увлек его за собой, оборвав полу его пиджака. Князя убили выстрелом в голову.

Скинув великих князей в шахту, пламенные революционеры забрасывают ее ручными гранатами, а затем заваливают бревнами и разным хламом[2].

В своих воспоминаниях «Алапаевская парторганизация в

---

[1] СПА, ф. 41, оп. 1, д. 149.

[2] Предания об обстоятельствах этого злодеяния известны многим старожилам Нижней и Верхней Синячих.

период построения социализма и коммунизма» большевик П. Ветлугин писал:

«Уральский обком партии и областной совет депутатов трудящихся, посылая группу князей, были уверены, что алапаевская парторганизация и жители города не дадут этому черному воронью разлететься по заграницам... Алапаевцы с честью оправдали оказанное доверие»[1].

На улицах Алапаевска соратники убийц разыгрывают фарс с увозом. У Напольной школы инсценируется «бой с белогвардейцами». По тревоге поднимаются красногвардейские отряды, их стрелковые цепи с оружием наперевес движутся в сторону Напольной школы. Позднее красноармеец Л.И. Насонов рассказал: «Часу в третьем ночи на 18 июля у нас в казарме подняли тревогу: наступают белогвардейцы. Мы наскоро собрались, оделись, вооружились. Нас повели к Напольной школе и близ нее рассыпали нас цепью. В цепи мы пролежали с полчаса, а затем мы подошли к самой школе. Никакого врага мы не видели... Комиссар Смольников стоял на крыльце школы, матерился и говорил нам: «Товарищи, теперь попадет нам от Уральского областного Совета за то, что князьям удалось бежать: их белогвардейцы увезли на аэроплане...»[2] Возле школы был найден труп человека с крестьянскими натруженными руками. Красные заявили, что это и есть один из банды белогвардейцев. Во время следствия выяснилось, что, по сценарию убийц великих князей, этот человек заранее готовился убийцами на заклание. Чекисты заранее арестовали его на Салдинском заводе и держали в тюрьме до дня инсценировки «увоза» князей, пристрелив во время «боя» в качестве доказательства истинности нападения.

Рано утром 18 июля Алапаевск, Екатеринбург и Москва продолжают свою игру. Открытым текстом Алапаевск шлет в Екатеринбург телеграмму следующего содержания (Екатеринбург делает вид, что ничего не знает): «Военная. Екатеринбург. Уралуправление. 18 июля утром два часа банда неизвестных вооруженных людей напала на Напольную школу где помещались великие князья. Во время перестрелки один бандит убит и видимо есть раненые. Князьям с прислугой удалось бежать в неиз-

---

[1] Фонды Алапаевского краеведческого музея (альбом Ветлугина).

[2] Пагануцци. С. 138.

вестном направлении. Когда прибыл отряд красноармейцев бандиты бежали по направлению к лесу задержать не удалось розыски продолжаются Алапаевский исполком Абрамов Перминов Останин». По получении этой телеграммы в тот же день вечером Екатеринбург телеграфирует в Москву (Москва делает вид, что ничего не знает): «Соборная Москва два адреса Совнаркома Председателю ЦИК Свердлову Петроград два адреса Зиновьеву Урицкому

Алапаевский исполком сообщил нападение утром восемнадцатого неизвестной банды помещение где содержались под стражей бывшие великие князья Несмотря сопротивление стражи князья были похищены точка Есть жертвы обеих сторон поиски ведутся точка 4853 Предоблсовета Белобородов».

В то время, когда идет эта фальшивая переписка, великие князья еще живы и будут жить несколько дней (это позднее установит медицинское вскрытие). Шахта находится не так далеко от дороги, и проезжающие крестьяне порой слышат голоса, стоны, иногда раздается пение псалмов, молитвы. Верхнесинячихинские старики рассказывают, что к шахте некоторое время никого не подпускали. На следующий день пламенные революционеры делают попытки добить свои жертвы — второй раз убивают их! Вниз кидают крупные камни, бревна. Но шахта уже сильно завалена, и у них ничего не выходит. Снизу по-прежнему несутся молитвы и пение псалмов. Великая княгиня Елизавета Федоровна, несмотря на тяжелые ранения, имела силу воли побороть свою боль и перевязала голову князя Иоанна Константиновича своим носовым платком.

На третий день председатель Чека Говырин берет у местного врача Арангузеева большой кусок серы, революционеры зажигают его и бросают на дно шахты, а верх шахты забрасывают досками и бревнами, засыпают землей, то есть третий раз убивают свои жертвы.

Следственной комиссии Белой армии, занявшей Алапаевск 28 сентября, сразу же удалось обнаружить шахту, а в ней тела мучеников, находившихся на разной глубине. Первым 8 октября 1918 года подняли тело Ф. Ремеза; 9 октября — тела монахини Варвары и князя Палея; 10 сентября — тела князей Константина и Игоря Константиновичей и Сергея Михайловича; 11 октября — тела великой княгини Елизаветы Федоровны и князя Иоанна Константиновича. В карманах убитых были их документы. На груди великой княгини Елизаветы Федоровны висе-

ла икона Спасителя, подаренная ей Николаем Александровичем перед отречением от Престола[1]. Хотя с момента убийства прошло почти три месяца, тела почти не подверглись разложению.

Их положили в гробы и сначала поставили возле Напольной школы[2]. А затем от школы привезли к Алексеевскому собору, где после торжественного отпевания похоронили в склепе собора.

Некоторые убийцы великих князей были пойманы — Абрамов, Соловьев, Старцев. При допросе, желая спасти свою шкуру, они рассказали очень много, что называется, заложили своих соратников, особенно усердствовал Соловьев (потом он утверждал, что его пытали). В спешке отступления белые забыли о Соловьеве, и он остался жив. В 20-е годы продолжал свою деятельность по линии «революционной юстиции», но в 30-е годы числится уже как зав. мастерскими тагильского племсовхоза. В 1937 году арестован соратниками по духу, дальнейшая судьба неизвестна[3]. В 50—60-е годы именем Соловьева назвали одну из улиц в Алапаевске. Имя еще одного преступника, Перминова, носит другая улица Алапаевска. Перминов погиб в 1919 году, и, видимо, чтобы подчеркнуть его особую роль в этом убийстве, улицу рядом с Напольной школой назвали его именем. Площадь рядом с Напольной школой вплоть до конца 80-х годов именуется площадью Народной мести.

Сегодня старая дорога из Алапаевска заброшена. Мы ехали к шахте по новому асфальтированному шоссе. Свернули налево к Верхней Синячихе. И вот мы уже у места. Редкий лес — сосны и березы. Помните, в Коптяковском лесу было больше берез, чем сосен, здесь — наоборот. Много лесных цветов, краснеет крупная земляника. От шоссе к шахте ведет натоптанная тропинка. Шахта давно осыпалась. Яма стала пологой. Можно спуститься вниз, метра на четыре, а дальше все засыпано землей. Кое-где виднеются остатки деревянных конструкций...

Последним актом спланированного в большевистском центре сценария убийства членов Царской Фамилии стал рас-

---

[1] П а г а н у ц ц и. С. 140.

[2] Сообщение М.А. Чехомовой.

[3] Кроме Соловьева, соратниками по духу во второй половине 30-х были уничтожены и некоторые другие участники убийства, в частности А.А. Смольников и Г.В. Глухих.

стрел в Петропавловской крепости в Петрограде великих князей Николая Михайловича, Павла Александровича, Дмитрия Константиновича и Георгия Михайловича. Они были расстреляны как «заложники» за убийство в Германии немецких коммунистов К. Либкнехта и Р. Гольдман-Люксембург. Конечно, это был только формальный повод. Пламенные революционеры спешили закончить затянувшийся «спектакль». 27 января 1919 года великих князей вывели во двор и убили.

Часть VII

УБИЙСТВО ПАМЯТИ

ГЛАВА 55

Продолжение цареубийства. — Отношение к Царю белых вождей. — Незаинтересованность в расследовании. — Первые следователи: еврей Наметкин и социалист Сергеев.

17 июля 1918 года русский народ перешагнул мистическую черту, за которой у него уже не оставалось надежды на ближайшее спасение. Пока у России был законный Царь, существовала и надежда на возрождение. С гибелью Царя кончилась Великая Россия. Началась эпоха чуждых и враждебных русскому народу политических лицедеев, приготавливающих страну к пришествию антихриста.

Незадолго до убийства Царя на Соборе Русской Православной Церкви в 1918 году были сказаны слова, которые определили для русских людей содержание всего XX столетия: «Мы свергли Царя и подчинились евреям!.. Русский народ ныне стал игралищем еврейско-масонских организаций, за которыми виден уже антихрист в виде интернационального царя, что, играя фальшивою свободою, кует еврейско-масонское рабство»[1].

Совершив свое ритуальное преступление, цареубийцы — еврейские большевики и их иудейско-масонские союзники делают все возможное, чтобы изгладить из сознания народа память о Православном Царе. Низкие преступники, воры и убийцы, захватившие власть в стране, обрушивают на Царственных мучеников горы лжи и клеветы, предъявляя им самые немыслимые обвинения, которые могли родиться только в их растленных головах. Большевистская пропаганда породила целую армию наемных писак, изощрявшихся в фантастических выдумках и наветах по адресу убитых Царя и его семьи. Не отставали от них и масонские публицисты, заполнившие книжный рынок желтой литературой о Царе, Царице, Распутине и даже царских детях. Пожалуй, не было такого преступления или порока, ко-

---

[1] Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. М., 1918. Кн. V. Вып. 1. С. 43.

торых эти духовные цареубийцы не приписывали бы Царственным мученикам. Конечно, духовные и физические цареубийцы всегда были врагами России. С них спрос особый, но великий грех был и у русского народа, многие представители которого читали эту клеветническую литературу и верили ей, таким образом становясь на одну доску с врагами России.

Желябовский дух ненависти к Царю и исторической России пронизал значительную часть русского народа, сделав его молчаливым соучастником цареубийц. Желябовским духом цареубийства были проникнуты не только еврейские большевики и масоны, но и вожди белых армий. Если большевики погубили Царя физически, злодейски лишив его жизни, то белые генералы пытались убить саму память о Царе, как Православном возглавителе русского народа. «Желябовы, — писал протоиерей В. Востоков, — знают, что после смерти Царя жив царелюбивый дух в народе, боятся его: вот-вот он воспламенится в живую стихийную силу и сметет своих поработителей, как зловонную пыль, а потому-то они и после убийства Царской Семьи упорно продолжают желябовщину: силятся убить самую мысль о Царе в сознании народа и, увы, домогаются этого идейного цареубийства чрез глупых и бессовестных русских же людей»[1].

Белые генералы и их масонское окружение[2] сделали немало, чтобы вытравить дух Православной Монархии из сознания русского воинства, боровшегося с большевиками, и тем самым обрекли Белое движение на поражение. В белых армиях монархические взгляды осуждались вождями, провозгласившими себя республиканцами, а послушные архиереи не благословляли свя-

---

[1] Востоков В., протоиерей. Когда желябовы смеются — Россия плачет. Белград, 1926. С. 8—9.

[2] Правительство Колчака возглавлял (а позднее был просто министром) масон П. Вологодский, министром финансов был масон П.А. Бурышкин. Северо-Западное правительство генерала Юденича составляли в большинстве своем масоны во главе с «братом» С.Г. Лианозовым. Министром торговли в правительстве Юденича был видный масонский конспиратор и аферист М. Маргулиес. Министром в этом правительстве был масон Е.И. Кедрин. Под полным контролем масонских конспираторов находилось и правительство Деникина, ибо значительную роль в нем играли такие крупные масоны, как Н.И. Астров, М.М. Федоров, М.В. Бернацкий, Н.В. Чайковский, В.Ф. Зеелер. Правительство Врангеля составляли такой близкий масонам политик, как А.В. Кривошеин, а также старые масоны П.Б. Струве, Н.С. Таганцев, М.В. Бернацкий (состоявший прежде в правительстве Деникина) и М.М. Винавер (подробнее см. мою книгу «Криминальная история масонства». М., 2005).

щенников молиться за Царя. Генерал Деникин в разговоре с друзьями откровенничал: «Вы думаете, что я иду на Москву восстановить трон Романовых? — Никогда!» Подобные взгляды разделяли Колчак и Врангель. Последний даже официально запретил монархическую пропаганду в войсках.

Как справедливо писал священник Востоков: «Вожди (Белого движения. — *О. П.*) постыдились заветов Св. Руси, а Господь их самих постыдился! Много пролито крови, положено трудов, совершено подвигов в Белом движении, и все-таки оно погибло! Не пренебрегай историческими основами народной жизни! Не пресмыкайся пред революцией!»

Космополитическая идеология большинства белых вождей наложила свой отпечаток на ход первого этапа расследования цареубийства. Назначенные Временным областным правительством Урала следователи, сначала еврей А. Наметкин, а затем социалист И.А. Сергеев, подошли к делу достаточно формально. И тот и другой были республиканцами по убеждениям и поэтому не могли осознать огромного значения порученного им расследования. При обследовании места преступления они по небрежности, а возможно намеренно (Наметкин), пропустили целый ряд важных деталей и улик, и в первую очередь каббалическую надпись в комнате убийства. Первый следователь, Наметкин, совершенно сознательно тормозил дело, так что местным офицерам, заинтересованным в расследовании, приходилось его заставлять. Так, 30 июля они силой вытащили его из постели и заставили обследовать шахту у деревни Коптяки. Но уже на следующий раз Наметкин отказался ехать в Коптяки, чтобы продолжить расследование. Им самостоятельно занялись несколько офицеров-добровольцев. Вплоть до середины августа Наметкин затягивал расследование. Им был неспешно осмотрен только 1-й этаж дома Ипатьева.

14 августа Наметкин был заменен другим следователем — И.А. Сергеевым. Последний взялся за дело более «добросовестно, но без чрезмерного рвения». Почти за полгода он мало что сделал, и прежде всего не обследовал шахту, возле которой по-прежнему работали офицеры-добровольцы. Тем не менее Сергееву удалось допросить ряд важных свидетелей, в том числе охранника дома М.И. Летемина и рабочего П.В. Кухтенкова, подслушавшего разговор еврейских комиссаров об убийстве Царской семьи. Кроме того, ему удалось получить показания одного из цареубийц, начальника наружной охраны П.С. Мед-

ведева. На основании всего этого в начале 1919 года Сергеев делает следующие выводы: «...надлежит признать:

1) что по собранным следствием данным событие преступления представляется доказанным,

2) что б. Император Николай II, б. Императрица Александра Федоровна, Наследник Цесаревич, в. княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны убиты одновременно, в одном помещении, многократными выстрелами из револьверов,

3) что тогда же и при тех же обстоятельствах убиты состоявший при Царской семье лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин, комнатная служанка Анна Демидова и слуги Харитонов и Трупп,

4) что убийство задумано заранее и выполнено по выработанному плану, что сопровождалось оно такими действиями, которые носили характер жестокости и особенных мучений для жертв преступления, причем убийцы завладели имуществом убитых».

ГЛАВА 56

Расследование Н.А. Соколова. — Следственное дело и вещественные доказательства. — Кража части следственных материалов, собранных Соколовым. — Царские останки в руках масонов. — Тайная коллегия хранителей. — Исчезновение реликвий.

Настоящее расследование ритуального убийства Царской семьи начинается только с приходом следователя Н.А. Соколова, который заменил Сергеева 24 февраля 1919 года, получив широкие права для проведения расследования. Соколов внимательно изучил материалы, собранные его предшественниками, и нашел их не вполне удовлетворительными. Ограничив время сна и отдыха до минимума, Соколов допрашивает свидетелей, производит дополнительный осмотр дома Ипатьева. В комнате ритуального убийства он находит надписи (в том числе каббалическую), следы крови и пуль, не отмеченные Сергеевым. В мае — июне Соколов пешком прошел и внимательно исследовал путь, по которому везли тела Царской семьи, подробно изучил район Ганиной Ямы и прилегающую к ней местность. Для прочесывания и охраны местности генерал Дитерихс выделил свыше тысячи солдат, с помощью которых было найдено много частей одежды, украшений, а главное, разрубленных и подверг-

нутых воздействию кислоты костей и салоподобного вещества, вероятно, элементов жира, выделившегося из тел при их сожжении.

Соколов продолжал свою работу вплоть до 10 июля и, не закончив ее, был вынужден уйти вместе с отступающей Белой армией. Впервые основные результаты своего следствия Соколов изложил в 1919 году в докладе вдовствующей Императрице Марии Федоровне (см. Доклад судебного следователя по особо важным делам Н.А. Соколова...). Он с большой степенью точности описал организацию убийства, его руководителей и участников, способы уничтожения тел. Соколов писал, что «следственная власть не питает никаких сомнений и совершенно убеждена в том, что трупы Августейших Особ и всех остальных, погибших вместе с ними, около одной из шахт сначала расчленили на части, а затем сжигали на кострах при помощи бензина (к шахте было доставлено 30 ведер бензина и 11 пудов серной кислоты. — *О. П.*). Трудно поддававшиеся действию огня части разрушались при помощи серной кислоты».

Соколов не успел произвести экспертизу найденных им обгорелых и изрубленных костей, а также салоподобного вещества. Он хотел это сделать позднее, понимая, что от этой экспертизы многое зависит. Все собранные Соколовым материалы и вещественные доказательства были упакованы в 50 ящиков (100x75x75 см) и отправлены поездом во Владивосток. Однако по дороге неизвестные личности подкупили охрану и украли 21 ящик с этими бесценными материалами. Но на этом злоключения с вещественными доказательствами не закончились. Оставшиеся 29 ящиков были погружены на британский крейсер «Кент». По прибытии в Англию ящики были переданы великой княгине Ксении Александровне, бывшей замужем за масоном и убийцей Г.Е. Распутина Феликсом Юсуповым. Когда ящики открыли, то оказалось, что большая часть их содержимого была подменена разным хламом. Неизвестно, было ли их содержимое подменено еще на корабле или это сделал кто-то из окружения Юсупова. К счастью, сафьяновый синий сундучок с предполагаемыми останками тел членов Царской семьи, а также три экземпляра следственного дела переправлялись отдельно.

В январе — феврале 1920 года Соколов вместе со всеми экземплярами следственного дела и сундучком с останками Царской семьи приехал в Харбин, где встретился с генералом Дитерихсом, Вильтоном и П. Жильяром. Материалы дела и рели-

квии спрятали в вагоне Вильтона, а потом по очереди Вильтон и Соколов день и ночь сторожили их.

В марте положение в Харбине ухудшилось, принимается решение об отправке всех материалов и сундучка в Европу.

Первый экземпляр следственного дела через генерала Жанена передавался родственникам Царя. Второй — увезен с собою Соколовым. Со второго экземпляра была также снята копия для генерала Дитерихса. Третий — взят Р. Вильтоном в Лондон.

Дитерихс намеревался отослать первый экземпляр дела и вещественные доказательства великому князю Николаю Николаевичу. Перевозку собирались осуществить через английские дипломатические каналы. «Спросили разрешения английского правительства. Между тем революционное настроение в Харбине подымалось, а ответа не было. Консул Англии в Харбине — еврей, по слухам женатый на родственнице Троцкого, — относился враждебно к пересылке следственного дела и вещественных доказательств.

17 марта Жанен узнал, что из Англии последовал отрицательный ответ. Жанен пишет, что он был счастлив показать, насколько остались верными французы в несчастье: он заявил, что готов взять на себя перевозку дела и приложений. Просил только, чтобы Дитерихс ему выдал письмо, удостоверяющее, что посылка «будет принята». Кроме того, Жанен поставил условие, чтобы ему дали на память монету в 50 коп., принадлежавшую одному из убитых в Екатеринбурге.

20 марта Дитерихс с Жильяром и одним офицером прибыли к Жанену с тремя тяжелыми чемоданами. 21 марта Дитерихс доставил Жанену сундучок, до того времени хранившийся в банке и заключавший в себе частицы тел, а также предметы, имевшие для следствия большое значение. Вместе с тем он передал письмо, предназначенное вел. кн. Николаю Николаевичу, а также опись предметов, заключавшихся в сундучке и чемодане, — всего 311 номеров.

Между прочим, Жанен в примечании указывает, что в числе вещественных доказательств, собранных на том месте в Екатеринбурге, где сжигались тела, не оказалось зубов, так как головы были отделены от туловищ и увезены неизвестно куда человеком по фамилии Апфельбаум, в ящиках, наполненных опилками.

При провозе «посылки» через Пекин Бонне поставил печать посольства на чемоданах, и в Шанхае Жанен объявил об их со-

держимом с просьбой осведомить великого князя во Франции для принятия «посылки» в Марселе.

Во время перехода на «Арман Бедик» начальство парохода обеспечило хранение чемоданов. В Марселе, к изумлению, ничего не было сделано для принятия с должными знаками внимания столь чрезвычайной посылки. Явился офицер от марсельской комендатуры и указал Жанену, что посылка должна быть передана «в дело» Министерства иностранных дел, которое передаст посылку по назначению. Но это Жанену показалось противоречащим полученному им поручению[1].

Одно время чемоданы хранились у него на вилле под Греноблем, где жила его семья. Затем Жанен, по-видимому, согласно договоренности с Дитерихсом, решил передать дело великому князю Николаю Николаевичу, но последний не только отказался от следственных материалов, но даже не пожелал принять Жанена и Соколова. В этом, безусловно, проявилась связь великого князя Николая Николаевича с масонскими ложами. Великий князь заявил, что он «является частным лицом, а таковое не может быть хранителем вещественных доказательств Екатеринбургского злодеяния и Останков Царской Семьи».

Называя себя частным лицом, великий князь Николай Николаевич отнюдь не отрекался от своих великокняжеских прав и несколько позже, в обход Основных Законов, объявил себя претендентом на Российский Престол, «вождем царского корня», как представил его эмиграции П.Б. Струве, масон и марксист, бывший друг Ленина[2]. В трагические часы, предшествовавшие отречению Государя от Престола, великий князь Николай Николаевич вел себя недостойно — по инициативе генерала Алексеева присоединился к представлению главнокомандующих фронтами с требованием отречения Государя, причем достойно внимания, что свою телеграмму он подписал «коленопреклоненно». За свое содействие революции великий князь получил благодарность от революционного Временного правительства, назначен Верховным Главнокомандующим, и только последовавшее «углубление революции» и вмешательство Петроградского Совдепа не позволили ему вступить в должность.

---

[1] Возрождение (Париж). 28.12.1933.

[2] Былов Н. О судьбе священных останков Царственных мучеников // Владимирский вестник. № 80. 1959. Сентябрь. С. 22.

Николай Николаевич фактически передал следственное дело и предполагаемые Царские останки в руки масонов. Через состоявшего при нем масона барона Стааля великий князь распорядился передать все масону М.Н. Гирсу, бывшему послу Временного правительства в Риме, во время эмиграции избранному председателем Совещания русских послов за границей[1].

Пока Жанен хранил чемоданы у себя. Он их отвез в другое свое имение в долине Драка, около Мане. Только 16 октября генерал Жанен встретился с Димитриевым. Димитриев передал Жанену письмо Гирса. В письме Гирс уполномочивал Димитриева быть его представителем. Кроме того, было передано письмо великого князя, который просил Жанена «лично передать М. Гирсу документы, а равно все то, что было ему доверено ген. Дитерихсом по делу об екатеринбургском следствии». Относительно передачи был составлен в трех экземплярах протокол, после чего генерал Жанен считал, что его миссия окончена.

По поручению Гирса следственное дело и сундучок с реликвиями забирал все тот же Димитриев, который позднее сообщал: «Насколько я помню, первое время они хранились в имении Гирса под гор. Драгиньян (деп. Вар), в часовне, и незадолго до своей смерти он передал их для хранения графу В.Н. Коковцову, который положил их в сейф Русского для Внешней Торговли Банка... Перед своей смертью граф Коковцов передал все последнему оставшемуся российскому послу В.А. Маклакову. Где хранил сданные ему вещи В.А. Маклаков, я не знаю...»

Сообщалось, что Гирс в 1921 году якобы поручил хранение

---

[1] Такой поступок великого князя вызвал возмущение в монархических кругах. Как отмечал Н. Былов: «Николай Николаевич как член Дома Романовых должен был бы прежде всего предоставить родственникам Царской Семьи право распоряжаться Останками. Великих Князей проживало тогда в эмиграции много, но никакого совещания их по этому поводу созвано не было. Кроме того, в Дании проживала Вдовствующая Государыня Мария Федоровна, мать Государя Мученика. Казалось бы, что самой естественной хранительницей Останков сына и внуков должна была быть она. Если бы Останки были перевезены в Данию, то там в королевской резиденции они несомненно сохранились бы и по сей день. Несомненно были бы преданы земле. Но ни один из этих естественных вариантов не удостаивается В. К. Николая Николаевича, и он делает хранителем Останков посла Временного Правительства. И с этого момента начинается печальная, загадочная, позорная в своей загадочности и недомыслии история Останков, которая, в конце концов, привела к тому, что Останки исчезли без малейшей надежды быть когда-либо найденными». (Владимирский вестник. № 80. 1959. Сентябрь. С. 23.)

ящиков особой тайной коллегии, заверив, что члены этой коллегии не унесут секрета в могилу. Установлена преемственность. Живые заменяют мертвых. Последний известный хранитель святынь масон Маклаков категорически отказался сообщить местонахождение следственного дела и предполагаемых Царских останков и отказался назвать имена членов коллегии хранителей. Маклаков опроверг сообщение о том, что хранит Царские останки в «грязном подвале между вином и углем».

Первоначальный состав тайной коллегии неизвестен, вероятно, в начале 20-х годов он состоял только из масонов. Как они распорядились предполагаемыми останками Царской семьи, тоже неизвестно. Можно предположить, зная их обряды и обычаи, что они использовали останки в ритуальных целях. Во всяком случае, после передачи предполагаемых Царских останков в руки масонов местонахождение их теряется. В 1943 году тайная коллегия хранителей состояла из В.А. Маклакова, К.К. Миллера, А.А. Гулевича и В.В. Свечина[1]. Два первых совершенно точно состояли в масонских ложах, членство двух последних в рядах вольных каменщиков не установлено (хотя и возможно).

Присвоив в своих, возможно ритуальных, целях Царские останки, масоны отказываются передать их родственникам Николая II. В связи с этим в 1924 году великий князь Кирилл Владимирович обращается с воззванием: «Русские Люди! В ноябре 1923 года Я обратился письменно к бывшему послу Вр. Правительства М.Н. Гирсу с тем, чтобы он сообщил Мне, где хранятся вещественные доказательства по делу об убийстве Государя Императора и Его Семьи, на что Я получил короткий уклончивый ответ, что предметы эти хранятся в надежном месте и под его, Гирса, ответственностью. Но за последнее время и Я и все русские люди за границей узнали из сообщения генерала Жанена, бывшего представителя Франции при адмирале Колчаке, что, кроме означенных вещественных доказательств, он вывез и найденные в кострищах Священные Останки убиенных в Екатеринбурге Царственных Мучеников. Останки эти, как заявил ген. Жанен, он, по распоряжению Е. И. В. Великого Князя Николая Николаевича, передал вышеозначенному г-ну Гирсу, а потому Я через уполномоченное Мною лицо ныне обратился вновь к М.Н. Гирсу, дабы выяснить, действительно ли хранятся с вещественными доказательствами также Останки Государя Императора и Его Семьи и, в случае утвердительном, Я поручил

---

[1] Былов Н. Указ. соч. С. 26.

высказать Гирсу Мое желание, чтобы Останки эти были помещены в достойном хранилище и под действительной ответственностью. М.Н. Гирс, не отрицая факта, что им приняты на хранение Останки, принадлежащие Государю Императору и Царской Семье, все же уклонился от прямых ответов на предъявленные от Моего Имени вопросы.

Исчерпав, таким образом, имеющиеся у Меня возможности обеспечить надежное хранение Священных для всего Русского Народа Останков, Я обращаюсь к Русским Людям и заявляю им из глубины возмущенного сердца, что Останки, столь для нас священные, принадлежат всему Русскому Народу и не могут быть присвоены и скрыты частными лицами, под каким бы ни было предлогом. Кирилл»[1].

В обращении Кирилла Владимировича есть упоминание об «уполномоченном лице», которое вело разговор с Гирсом. Гирс, придя в ярость от попыток Кирилла Владимирович пролить свет на это дело, бросил его уполномоченному фразу: «Откуда я знаю, что там в этих ящиках — собачьи кости или царские?..»

Другой великий князь, Андрей Владимирович, провел свое расследование судьбы предполагаемых Царских останков и составил специальный документ, который был опубликован только частично[2] и не давал ответа, где же хранятся предполагаемые Царские останки.

---

[1] АСТМ. Фонд Н.Ф. Степанова (Свиткова).

[2] Как сообщает Н. Былов, генерал Позднышев делает краткий пересказ документа и цитирует отдельные 2—3 фразы. Самое существенное, что выплывает из него, это последний состав тайной коллегии, которая была учреждена в 1921 году Гирсом. Остается неизвестным, как понимал все дело великий князь Андрей Владимирович. Генерал Позднышев цитирует фразы великого князя, из которых как будто вытекает, что он организацию хранения одобрил — «с этой стороны принятые меры были правильны». Но сама фраза говорит о том, что была и другая сторона, которую великий князь никак правильной не посчитал. Генерал Позднышев, давая разъяснения всего этого дела, ставит вопрос, что, быть может, ящики были вскрыты и из них выделено то, что составляет Священные Останки, «не были ли они переданы для хранения в другое, более соответствующее место». Эти оптимистические предположения почтенного генерала, по-моему, гораздо логичнее развить не в оптимистическом направлении, а в весьма пессимистическом. Очень возможно, что ящики, пробывшие 23 года в руках у утайщиков, были вскрыты и Останки выделены. Но вот что при этом Они были «помещены в более соответствующее место», как надеется ген. Позднышев, это сомнительно. Учитывая злую волю утайщиков, гораздо правильнее предположить, что их попросту уничтожили». (Былов Н. Указ. соч. С. 26.)

Все дальнейшие попытки выяснить судьбу предполагаемых Царских останков были также безуспешны. После Второй мировой войны масон В.А. Маклаков заявил, что они были изъяты немцами 8 февраля 1943 года из парижского банка, в который он их положил на хранение. Заявлению этого масона нельзя верить, тем более что он даже не сообщил, из какого банка они были изъяты. Скорее всего, прав Н. Былов — останки были просто уничтожены масонами.

ГЛАВА 57

Продолжение расследования убийства Царской семьи. — Новые важные данные об организаторах убийства. — Смерть Н.А. Соколова. — Попытки масонов наложить руки на имущество убитого Царя. — Крушение мифа о баснословном богатстве Николая II за рубежом.

Н.А. Соколов не доверял Гирсу и пытался препятствовать передаче следственных материалов в руки этого известного масонского конспиратора. Чтобы продолжить следствие, он сохранил у себя часть подлинного дела. В письме от 22 апреля 1922 года Соколов сообщает: «Мне не оставалось ничего больше делать, как попытаться изъять то, что можно было, дабы изъятое — идеальный дубликат подлинника, мог бы заменить подлинное дело. Всего достичь было нельзя. Была усвоена точка зрения, что Следователь — это техник, т. е. лицо, равносильное чернорабочему.

Много скандалил с Гирсом. Кое-как удалось достигнуть прикосновенности к делу. Изъял все главные документы, на коих основан самый подлинник»[1].

Соколов продолжил дело об убийстве Царской семьи по собственному почину, по зову совести православного русского человека. Никто его почти не поддерживал, радостное исключение составлял князь Н. Орлов. Сильно нуждаясь, отказывая себе в самом необходимом, Соколов продолжил розыск и допросы свидетелей. В апреле 1922 года к семи первоначальным томам его комплекта следственного дела добавилось столько же новых томов.

Враждебные расследованию силы пытаются воспрепятство-

---

[1] Цит. по: Гибель Царской семьи. С. 16.

вать его делу. Левая печать травит Соколова. Не понимают его даже оставшиеся в живых члены Дома Романовых, отказываясь выполнить свой долг перед Россией и дать показания по делу. В 1921 году комната в Берлине, где жил Соколов, подверглась ограблению, часть собранных им документов пропала. Не останавливая интенсивную следственную работу, Соколов систематизирует собранные материалы и подготавливает книгу об убийстве Царской семьи[1].

Соколов собрал много новых данных об организаторах и исполнителях убийства. В частности, работая в США, ему удалось установить, что приказ об убийстве Царской семьи исходил от Я. Шиффа. Ленин, Свердлов и другие еврейские большевики, конечно, были заинтересованы в этом убийстве, но ритуальный характер расправе придал приказ одного из ведущих иудейских вождей, Я. Шиффа. По некоторым сведениям, Соколов собирался выступить с разоблачением роли иудейских вождей в подготовке и организации этого преступления[2].

Однако Соколову не удалось завершить свое расследование. За несколько месяцев до суда, на котором он собирался выступить со своими разоблачениями, 23 ноября 1924 года его нашли мертвым в саду дома французского города Сальбри (департамент Луар-э-Шэр), где он тогда жил. Внезапная смерть сорокадвухлетнего, полного энергии мужчины вызвала разные толки среди эмиграции. Соколова похоронили на местном кладбище, где и поныне стоит над его могилой крест с надписью:

«Правда Твоя — Правда вовеки».

Незавершенная книга Соколова вышла в 1925 году в Берлине на средства князя Орлова.

Цареубийцы даже после гибели Императора не переставали тревожить его покой. В конце 20-х годов во Франции и некоторых других европейских странах разворачивается клеветническая кампания о «заграничных имуществах Николая II». Иници-

---

[1] Его соратники по Екатеринбургскому расследованию генерал Дитерихс и Р. Вильтон не собирались дожидаться конца расследования. Вильтон в 1920 году совместно с Тальбергом, опираясь на вывезенные им экземпляры следственного дела, выпустил книгу «Последние дни Романовых», где говорил о ритуальном характере убийства. Генерал Дитерихс использовал копию следственного дела Соколова для создания книги «Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале» (Владивосток, 1922), где также отмечал ритуальный характер убийства.

[2] АСТМ. Фонд Н.Ф. Степанова (Свиткова).

аторами этой кампании были масонские ложи. В свое время организации российских масонов Совету послов, возглавляемому М.Н. Гирсом, удалось захватить в свои руки денежные средства, переведенные Царским правительством за границу. На этот раз они решили произвести расследование, чтобы выявить «царские капиталы» и предъявить на них свои требования. Соучастники цареубийства хотели получить «свою долю» в имуществе умученных ими жертв.

26 февраля 1930 года в Париже проходило заседание крупнейших российских масонов, на котором присутствовали М.Н. Гирс, граф В.Н. Коковцов, М.В. Бернацкий, Л.Ф. Давыдов, князь С.В. Гагарин, барон Б.Э. Нольде. Все участники масонского совещания до 1917 года и в период Временного правительства были причастны к высшим государственным финансам. После многочасового совещания надежды масонов рухнули. Выяснилось, что Николай II не владел ни деньгами, ни имуществом за рубежом, за исключением небольших сумм, которые имели на счетах его дочери.

Хотя масоны проводили свое совещание негласно, известие о том, что масоны хотят наложить руки на мифические зарубежные имущества Государя, просочилось в печать и вызвало возмущение монархической части эмиграции. Тогда от имени участников масонского совещания выступил Гирс и заявил, что оно проходило исключительно в интересах «чести и достоинства покойного государя».

Монархистам удалось достать протоколы совещания и опубликовать извлечения из них. Ниже даются отдельные выдержки из этой публикации, помещенной в русской эмигрантской газете в Китае[1]:

«Граф В.Н. Коковцов вынужден был признать, что за все время его управления министерством финансов (1904—1913) он не располагает какими-либо сведениями об операциях по переводу денег или процентных бумаг Царя и его семьи за границу. Равным образом и в бытность его товарищем министра финансов (1896—1902) при министре финансов Витте. <...>

В 1905 некоторая часть денежных средств Николая II была отправлена в Берлин без его согласия, а затем возвращена в Россию. В Берлине остались небольшие капиталы, принадлежавшие дочерям Царя. <...>

---

[1] ГУН Бао. 4.05.1930.

Графу Коковцову пришлось иметь беседу с одним лицом, близким к дому «Мендельсон и К°», и из его осторожных реплик он вынес впечатление, что после 1918 года оставались на хранении в банкирском доме небольшие остатки, в виде германских процентных бумаг, которые были во время войны изъяты по распоряжению германского правительства на хранение в одно из государственных учреждений и там, после денежного кризиса, сопровождавшего инфляцию, конвертированы по тому курсу, который был установлен для ликвидации всех прежних долгов.

М.В. Бернацкий сказал, что прямых показаний по вопросу о «находящихся за границей суммах императорского семейства» он дать не может.

Л.Ф. Давыдов, со своей стороны, в качестве директора кредитной канцелярии, подтвердил сделанные графом В.Н. Коковцовым выводы. Князь С.В. Гагарин от своего имени и от имени не имевшего возможности прибыть в заседание графа М.Е. Нирода высказал, что во время бывших в России в 1905—1906 гг. беспорядков, по распоряжению министра императорского двора, были переведены за границу принадлежащие детям Государя суммы. Средства эти образовались путем накопления отпускавшихся, согласно основным законам, ассигнований на содержание детей царствующего императора. Деньги эти были помещены на хранение в банкирский дом Мендельсона в Берлине. Были ли они перевезены обратно в Россию — им неизвестно. Относительно нахождения у Императора Николая II где-либо за границей каких-либо принадлежащих ему капиталов у князя Гагарина и графа Нирода сведений не имеется. Что же касается главного управления уделов, то в заведовании сего управления никаких принадлежащих Государю сумм не находилось.

Барон Б.Э. Нольде сообщил, что в первые месяцы существования Временного правительства он в качестве юриста был привлечен к работе совещания для определения юридического положения имуществ императорского дома. В этом совещании, в котором приняли участие представители всех учреждений министерства императорского дома, было оглашено, что Государь и его семья никаких имуществ за границей не имели, кроме небольших капиталов дочерей Государя в банке Мендельсона в Берлине. Зная законодательство военного времени, барон Б.Э. Нольде не сомневался, что суммы эти были секвестрованы

и затем, не востребованные, подверглись, вероятно, всем последствиям инфляции и превратились в ничто.

М.Н. Гирс, сводя воедино сообщенные данные, высказал, что, «таким образом, можно считать, что никаких сколько-нибудь значительных имуществ за границей у Государя и его семьи не было и что, по всей вероятности, то немногое, что лежало на счетах его дочерей в Германии, подверглось последствиям инфляции и практически более не существует».

Таким образом, сами того не желая, участники масонского совещания развеяли миф о баснословных богатствах Николая II за границей.

ГЛАВА 58

Сведение масонских счетов с останками убитых великих князей. — Российский посланник запрещает захоронение Царственных мучеников в Пекине. — Крестный ход на загородное кладбище Духовной Миссии.

Еврейские большевики и масонские конспираторы не переставали преследовать членов Царской Фамилии даже после их смерти. В этом смысле очень показательна судьба останков великих князей, убитых в Алапаевске.

При отступлении белых останки великих князей, похороненных в склепе Алексеевского собора в Алапаевске, во избежание осквернения их еврейскими большевиками были вывезены в Китай. Но с появлением их на границе этой страны в дело вмешался крупный масон, российский посланник в Пекине князь Н.А. Кудашев. Этот вольный каменщик сделал все, чтобы не допустить захоронение Царственных мучеников в Харбине, городе, где в то время значительную часть населения составляли русские эмигранты. Кудашев убедил местные власти запретить ввоз останков великих князей в черту города.

Игумен Серафим, сопровождавший останки великих князей, принял решение перевезти их в Пекин. 8 апреля 1919 года митрополит Пекинский Иннокентий получает телеграмму от архиепископа Мефодия из Харбина: «В субботу вечером из Харбина выезжаем для временного погребения в Миссии тел восьми замученных Великих Князей; сопровождает игумен Серафим. Благоволите распорядиться встретить на вокзале и разрешить погребение в Миссии».

Телеграмма эта была тотчас же сообщена посланнику Куда-

шеву. Посланник высказался против перевоза останков в Пекин и отдал распоряжение задержать вагон с ними в Мукдене.

Игумен Серафим отказался подчиниться распоряжению масона и 13 апреля сообщил с пути, что направляется из Мукдена в Пекин. Митрополит Иннокентий снова обратился в посольство, но получил оттуда категорический отказ принять какое-либо участие во встрече и устройстве останков Царственных мучеников. Митрополиту ничего другого не оставалось, как уведомить коменданта Пекинской крепости об ожидаемом прибытии гробов с телами великих князей и погребении их в склепе, находящемся в центре расположения Миссии. Но на следующий день комендант крепости по телефону сообщил ему, что Российское посольство не только против встречи, но даже против того, чтобы останки великих князей были внесены в столицу.

Пришлось подчиниться странному противодействию посольства и устроить погребение на кладбище Миссии в 2 верстах от г. Пекина. 16 апреля, в Пасхальную пятницу, в 2 часа утра, вагон с гробами прибыл на главный вокзал г. Пекина, а в 8 часов был передан на площадку у Аньдинмыньских ворот. Здесь прибытия вагона с останками великих князей ждал крестный ход из Духовной Миссии во главе с митрополитом Иннокентием. По распоряжению масона Кудашева никто из представителей Российского посольства на встречу не явился. Бросалось в глаза также отсутствие русских людей. Даже некоторые духовные лица, проживавшие в стенах Миссии, запуганные Кудашевым, пытались уклониться от встречи. Зато много было китайцев. День выдался тихий и солнечный. Медленно подошел поезд к площадке и остановился. Как впоследствии вспоминал митрополит Иннокентий: «Мы вошли в вагон и были поражены: вагон с останками царственных мучеников оказался простым товарным вагоном, грязным, неубранным, даже внутри. Гробы были простые, деревянные и грязные. Не видно было никакого проявления уважения к останкам мучеников, в вагоне не было ни аналоя, ни иконы. Все это производило удручающее впечатление. Всем стало стыдно за тех, кто допустил такую небрежность. Удрученные всем виденным, мы постарались поскорее вынести гробы из вагона и в сопровождении крестного хода перенесли их в церковь преп. Серафима Саровского на миссийском кладбище. Но когда гробы с останками царственных мучеников были внесены в церковь и когда раздалось пение тропаря «Да воскреснет Бог», настроение наше резко изменилось и на душе стало радостно. Верилось, что Господь не допустит окон-

чательной гибели России, и Россия вновь восстанет в прежних величии и мощи, славя Воскресшего из мертвых»[1].

Преследование мертвых Романовых Кудашев продолжал и после их захоронения на кладбище Духовной Миссии. Все время он не переставал плести интриги, распуская нелепые слухи, и категорически отказался помочь средствами на поддержание в порядке склепа, в котором покоились останки мучеников.

Однако справедливости ради отмечу, недостойно вели себя не только масон Кудашев и подчиненные ему служащие, но и немалая часть русских людей, не принадлежавших к масонству, но проникшихся его духом. Достаточно сказать, что от родственников Царственных мучеников за все 20-е годы не поступило никаких взносов на поддержание гробов в порядке и не было даже просьб о совершении поминальных молений. Как вспоминал митрополит Иннокентий: «Из русских же людей никто не посетил места упокоения царственных мучеников и не вспомнил о них. Только однажды Шандунская группа войск прислала депутацию, которая возложила от имени группы на гробы мучеников серебряный венок и устроила торжественное поминальное богослужение. Такое внимание тронуло искренно русских людей. Но это было только однажды. С тех пор о царственных мучениках никто не вспоминал»[2].

В 1920-м по настоянию английской родственницы великой княгини Елизаветы Федоровны ее гроб вместе с гробом инокини Варвары перевезли в Иерусалим, где похоронили в усыпальнице русского монастыря Марии Магдалены в Гефсиманском саду.

ГЛАВА 59

Распространение слухов о спасении Царственных мучеников. — Дезинформация большевиков и масонов. — «Перелет» Николая II на самолете в Тибет. — Десятки других ложных версий.

«Вопрос о жизни и смерти Дома Романовых, — писал следователь Соколов в начале 1920-х годов, — был решен задолго до смерти тех, кто погиб на территории России. Эта работа не прекращена и ныне, изменив приемы своей деятельности. Лица, ею руководящие, стараются всякими способами внести разло-

---

[1] Царский вестник. № 128. 25.1.1933.

[2] Там же.

жение в ряды русских людей, продолжающих интересоваться политическими вопросами, и, в частности, посеять рознь и устранить активность действий Августейших Особ»[1]. Самым главным приемом в этой деятельности является распространение версии о спасении членов Царской семьи.

Распуская ложные слухи о спасении Царской семьи, цареубийцы тем самым как бы снимали с себя часть вины за чудовищное преступление, совершенное ими. Комиссар Временного правительства по охране Царской семьи в Тобольске масон В.С. Панкратов сообщал о якобы широко распространенном слухе, что Николай II сбежал от Александры Федоровны к другой женщине[2]. Даже в 1922 году один из вождей еврейских большевиков, Г. Чичерин, на Генуэзской конференции заявлял, что дочери Николая II живут в США[3].

По данным историка В.В. Алексеева, в 20-е годы только на Урале и в Сибири заявляли о себе как о спасшихся членах Царской семьи 18 самозванцев[4]. Некоторые из них, возможно, были специально инспирированы чекистами.

Начиная с лета 1918 года ложь о спасении Царской семьи проникает во все слои общества, дезориентируя русских людей, в чем-то даже примиряя их с преступным режимом еврейских большевиков. Вероятно, чаще всего встречались следующие ложные версии спасения Царской семьи:

— Николай расстрелян, а семья вывезена в Германию. Версия возникла на основе переговоров российского и германского правительств об обмене Царской семьи, имевших место до 15 сентября 1918 года, то есть уже после расстрела Царской семьи;

— Николай расстрелян, а Царская семья вывезена большевиками в Пермь (вариант — Верхотурье);

---

[1] Еще в первой половине 20-х годов многие члены Дома Романовых не верили в гибель Государя и его семьи. Считалось, что он спрятан большевиками в одном из монастырей, а его брат Михаил находится в Шанхае (ОА, ф. 772, оп. 1, д. 96, л. 1). В 1924-м мать Николая II Императрица Мария Федоровна писала великому князю Николаю Николаевичу: «...до сих пор нет точных известий о судьбе моих возлюбленных сыновей и внука». (Мельгунов С. Судьба императора Николая II после отречения. Париж, 1951. С. 412.)

[2] Панкратов В. С. С Царем в Тобольске. М., 1990. С. 26.

[3] Тайна Царских останков. Материалы научной конференции «Последние страницы истории царской семьи: итоги изучения Екатеринбургской трагедии». Екатеринбург, 1994. С. 14.

[4] Правда о Екатеринбургской трагедии. С. 43.

— Николай и прислуга расстреляны, а члены семьи после инсценирования убийства в доме Ипатьева вывезены к Ганиной Яме, где их одежда и вещи были сожжены, здесь они переоделись и благополучно скрылись;

— вместо Николая расстрелян некий граф, пожертвовавший собой, а Царь скрылся;

— в доме Ипатьева расстреляна семья, по возрастным и половым признакам схожая с Царской, а Романовы скрылись, и т.д.[1].

В следственном деле об убийстве Царской семьи имеются несколько протоколов, из которых следует, что якобы Царица Александра Федоровна и ее дочери не погибли в доме Ипатьева, а были вывезены живыми в Пермь и затем отправлены в сторону Глазова. С женщинами очень плохо обращались, и одна из них, по-видимому, Анастасия, пыталась бежать, была поймана и избита. Проводивший дознание по этой версии А.Ф. Кирста (сначала начальник уголовного розыска, а затем сотрудник контрразведки) допросил доктора Уткина, который рассказал, что был вызван чекистами для оказания медицинской помощи молодой женщине, назвавшей себя «дочерью Государя Анастасией». Близкие к этим показаниям удалось получить еще от нескольких «свидетелей». Одна из этих «свидетелей», Н.В. Мутных, показала, что сама видела Государыню и четырех ее дочерей. «Были они в ужасном состоянии, но я их хорошо узнала»[2]. Некоторые «свидетели» даже утверждали, что после побоев Анастасия умерла в тюрьме.

Версии о спасении соответствуют также показаниям сотрудничавшей с большевиками (а значит, и с чекистами) официантки советской столовой Е. Томиловой, которая приносила обед в дом Ипатьева. 4 ноября 1918 года она показала: «Я хорошо помню и категорично это утверждаю, что в тот день, когда большевики на митинге объявили о расстреле бывшего государя, я носила в тот день обед для царской семьи и лично видела в столовой Государя и всю его семью... Спустя один день после объявления в газете о расстреле бывшего государя мне выдали обед для царской семьи только на девять человек, и я опять унесла в Ипатьевский дом, но бывшего Государя, доктора и третьего мужчину я не видела, а видела лишь дочерей Государя... 23 июля в советской столовой уже не было поваров, и обед для

---

[1] Авдонин А. Тайна старой Коптяковской дороги. Об истории поисков останков императорской семьи // Источник. 1994. № 5. С. 67.

[2] Гибель Царской семьи. С. 179.

царской семьи я не носила... я решила сходить за посудой... во всех комнатах было пусто и никого из царской семьи уже не было видно»[1].

Есть еще показания сестры одного из организаторов цареубийства, Ф. Лукоянова. В. Лукоянова, арестованная белыми, призналась на допросе, что якобы брат сообщил ей секретную информацию о том, что убит только Николай II, а его семья вывезена в Пермь.

Безусловно, что все эти сведения о спасении Царицы и ее дочерей, скорее всего, являлись результатом специальной операции, проводимой Чека для дезинформации населения. Подобные операции, как я уже рассказывал ранее, проводились чекистами в случае убийства великого князя Михаила Александровича в Перми и великих князей в Алапаевске. Чека был разыгран спектакль, в котором роль Анастасии, вероятно, исполнила одна из сотрудниц этого учреждения. Во всяком случае, вся эта версия зацикливалась на нескольких эпизодах и не имела продолжения во времени, как это было бы, если бы Царице и дочерям удалось действительно спастись.

Тем не менее водяные круги вокруг этой операции дали толчок к образованию множества версий о спасении Царской семьи и породили множество самозванцев и «спасшихся царских дочерей».

П. Жильяр рассказывает, что еще в Омске ему был показан мальчик, выдававший себя за Царевича Алексея. Однако позднее мальчик сознался в самозванстве[2].

Распространяется множество ложных слухов о заточении Царя в одном из монастырей под Сухуми или о плавании его по Белому морю на крейсере, который никогда не пристает к берегу.

Одним из первых создателей ложных слухов о спасении Царской семьи был масон Б.Н. Соловьев, в свое время сыгравший предательскую роль в судьбе Царственных мучеников. Соловьев распространял слух, что «Государь спасся, перелетев на самолете в Тибет, к Далай-Ламе»[3].

---

[1] ГАРФ, ф. 130, оп. 23, д. 51, л. 18—19.

[2] Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921. С. 279.

[3] Вильтон Р. Указ. соч. С. 121. В Германии, где Соловьев некоторое время жил, он сотрудничал с полицией как осведомитель, вместе с тем подозревался в сотрудничестве с большевистскими спецслужбами. По данным Соколова, Соловьев в Германии жил на средства Симановича и Рубинштейна (Гибель Царской семьи. С. 571).

Возможно, на этом слухе основывается версия о спасении Николая II, якобы нашедшего убежище в горах Алтая. Об этом мне рассказывали мои читатели из Барнаула.

В 20-х годах во многих местах России ходят слухи о «спасенных царских детях». В Барнауле, Челябинске, Свердловске (Екатеринбурге) появляются «чудом оставшийся жив» «Наследник русского Престола Царевич Алексей (на самом деле сын бедного крестьянина А.И. Шитов) и великие княжны Мария Николаевна и Анастасия Николаевна». Вокруг них тайно возникает кружок почитателей Царской власти, доверившихся самозванцам, некоторые распространяют даже антибольшевистские листовки. За это «преступление» чекисты арестовали 42 человека. Восемь из них (включая самого А.И. Шитова и женщину, выдававшую себя за Великую княжну Марию Николаевну) были расстреляны, остальные получили значительные сроки заключения (8 человек — на 10 лет) и ссылки[1].

ГЛАВА 60[2]

Ложь о спасении Царской семьи в эмиграции. — Оповещения Бехтеева. — Разоблачение аферистов.

В начале 1929 года жертвою самозванцев становится известный поэт-монархист Сергей Бехтеев. Самозабвенно обожавший Царя, поэт был готов поверить любым известиям о спасении Царской семьи. В 1928 году в его окружении появляется некая Варвара Вишневская (она же Оболенская, Катуар, Баулина, Капнист, Андрушкевич, Николаева), вероятно, сотрудничавшая с НКВД[3]. Эта женщина ранее совершала многочисленные мошенничества и кражи. Не зная ничего о похождениях авантюристки, Бехтеев влюбился в нее и на веру принял ее сообщение о спасении Царской семьи. Авантюристка привлекает к делу каких-то людей, которые с целью наживы начинают выдавать себя за чудом спасшихся секретаря великого князя Михаи-

---

[1] Источник. 1995. № 6. С. 41—49.

[2] Глава написана на основании тематических материалов, хранящихся в АСТМ, фонд Н.Ф. Степанова (Свиткова), а также расследования А.Н. Крупенского, опубликованного в журнале «Двуглавый Орел». № 30 и 33 за 1929 год.

[3] Поговаривали, что авантюристка даже стала гражданской женой Бехтеева.

ла Александровича Джонсона и фрейлину Царицы А.В. Гендрикову. Штаб-квартирой самозванцев становится г. Новый Футог (Сербия). Каким образом Вишневской удалось убедить Бехтеева в «подлинности» самозванцев, до сих пор остается загадкой.

Вскоре после встречи с самозванцами Бехтеев выпустил оповещение, в котором заявил, что Государь Император жив и готов вернуться на Престол, если народ покается и позовет своего Царя. Вот некоторые выдержки из оповещения Бехтеева:

«Днем 15 февраля 1929 года, предварительно списавшись со мной, меня посетил в селении (Королевство С. Х. С.), хорошо мне известный еще по России Н.Н. Джонсон, состоявший личным секретарем Е. И. В. Великого Князя Михаила Александровича в момент загадочного исчезновения Его Высочества, увезенного вместе с Н.Н. Джонсоном и позднее якобы убитых и сожженных в доменной печи возле города Перми.

Беседуя со мной, Джонсон сообщил мне, что Его Величество Император Николай Александрович, Ее Величество Государыня Императрица Александра Федоровна, Их Августейшие Дочери Великие Княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны, а равно и Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Александрович, за исключением Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, скончавшегося от воспаления почек 17 февраля 1922 года, находятся в добром здравии после своего чудесного спасения, воспоследовавшего после благословения Патриарха Тихона, приславшего Их Величествам копию Чудотворной Иконы Державной Божией Матери.

Мой продолжительный разговор с Джонсоном, которого в течение стольких лет все считали погибшим вместе с Е. И. В. Великим Князем Михаилом Александровичем, наполнил мою душу неописуемым восторгом, ибо я воочию убедился в том, что моя заветная мечта наконец осуществилась и мой Пресветлый Царь и Его Великодержавная Семья живы, как равно и Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Александрович, что я сим клятвенно и удостоверяю.

По понятным для всех причинам я не расспрашивал Джонсона, где находятся в настоящее время Их Величества, дабы случайно не проговориться и не повредить Им.

Свой разговор со мной Джонсон закончил словами: «Да, Государь Император жив, и теперь от нас всех зависит, чтобы Он вернулся к Престолу Своему, ибо Его Величество, уступив мольбам лучших сынов нашего Отечества и получив благосло-

вение Святейшего Патриарха Тихона, согласился покинуть Свое заключение, удалясь с Августейшей Семьей и возлюбленным Братом в отшельническое уединение, все в течение долгих лет проводит время в молитвах, трудах и неустанных заботах о благе и спасении горячо Им любимой Родины. Его Величество не раз высказывал Свой взгляд, что вне России — нет России и не может быть Русского Царя, так как Русский Царь не может быть эмигрантом и возглавлять какую-либо партию или политическую организацию, ибо это значило бы бороться за власть. Царская власть дается Богом, и силой, как равно и партийной работой, добываема быть не может, потому Государь Император с Августейшей Семьей и Великим Князем Михаилом Александровичем, твердо уповая на то, что недолго будет длиться попущение Божие над горячо любимым русским народом, решил уйти от мира в отшельническое уединение и пребудет в нем, неустанно молясь и заботясь о благе и спасении народа Своего до той поры, когда Волею Божиею не очнется русский народ и не вернется к Богу, сбросив с себя иго слуг дьявола — своих угнетателей — большевиков. И если тогда прозревший русский народ позовет к себе Своего Царя, то Русский Царь, подобно евангельскому Отцу, забыв все перенесенные Им оскорбления и муки, с широко распростертыми объятиями пойдет навстречу к Своему горячо любимому, заблудшемуся, но вновь вернувшемуся на правый путь детищу — народу и отдаст всего Себя на служение ему для его блага...»[1]

В оповещении Бехтеева была помещена фотография Джонсона, на которой он был снят еще до революции. Бехтеев утверждал, что во время двукратных отлучек из Югославии он лично встречался с великим князем Михаилом Александровичем и Великой княжной Татьяной Николаевной, которая также удостоила Бехтеева своим личным посещением в Новом Футоге. Он беседовал с ними и получил от них все необходимые инструкции. Бехтеев сообщал, что в самом непродолжительном времени (т. е. к концу октября) Государь Император Николай Александрович открыто появится и что к этому времени принятые им меры будут осуществлены и советская власть будет свергнута.

После длительного расследования русским монархистам удалось установить имена и других лиц, вместе с Вишневской

---

[1] АСТМ. Фонд Н.Ф. Степанова (Свиткова).

обманывавших их. Ими были Георгий Поляков и генерал Комиссаров. Последний в свое время издал в США клеветническую книгу о Царской семье.

Поляков два или три месяца жил на Афоне, а затем был выселен оттуда греческими властями. Перебравшись в Париж, Поляков утверждал, что встречался на Афоне с Государем Николаем II и имел с ним длительные беседы.

Известному русскому монархисту А.Н. Крупенскому удалось установить, что «на Афоне проживает монах Константин, имеющий некоторое сходство с Императором Николаем Александровичем и в силу этого принимаемый несколькими простоватыми и мистическими монахами за спасенного Государя. Происхождение этого монаха и его жизненная история нам известны; к тому же сам он и не думает выдавать себя за Государя».

Аферисты строили большие планы по одурачиванию монархического движения. Предполагалось, например, создание отрядов «государевых опричников», которым сулили первенствующую роль в «восстановленной России».

Однако аферистам удалось обмануть немногих. Уже первого августа 1929 года Русское объединение верноподданных в Новом Саде дает полное опровержение оповещению Бехтеева. Со специальным письмом в «Двуглавый Орел» обращается брат якобы спасшейся графини А.В. Гендриковой граф П.В. Гендриков. «В связи со вторым оповещением[1] г. Бехтеева, — писал он, — сообщаю Вам краткое сведение о судьбе моей покойной сестры, графини А.В. Гендриковой. Сестра моя была окончательно разлучена с Царской Семьей по приезде ее из Тобольска в Екатеринбург вместе с Наследником и Великими Княжнами. Из Екатеринбурга вместе с гофлектриссой Е.А. Шнейдер и камердинером Государя Волковым она была привезена в Пермскую тюрьму, где помещалась в одной камере с Княгиней Еленой Петровной.

В начале сентября 1918 г. она вместе с Е.А. Шнейдер и Волковым была увезена из тюрьмы и была убита на пермском шоссе, так же, как и Е.А. Шнейдер. Волкову удалось бежать изпод расстрела, и он затем дал подробное показание по этому делу следователю Соколову. Показание это я лично читал. Тела

---

[1] Именно во втором оповещении помещались сведения о беседе Бехтеева якобы с А.В. Гендриковой.

моей сестры и Е.А. Шнейдер, брошенные у шоссе, были найдены весной 1919 г. Так как тела всю зиму пролежали на морозе, под снегом, они почти не разложились и были опознаны. Тела графини Гендриковой и Е.А. Шнейдер были похоронены в Перми. Последние сведения мне сообщил г. Вильтон (ныне покойный), корреспондент газеты «Times», с которым я был близко знаком и который лично присутствовал на похоронах моей сестры в Перми. У г. Вильтона на руках вообще был очень большой материал, т.к. он был командирован своей газетой в Сибирь для выяснения судьбы Царской семьи.

Из вышеизложенного совершенно ясно, что сведения г. Бехтеева о каких-то неоднократных свиданиях с моей покойной сестрой в феврале 1929 г. являются либо плодом больного воображения, либо гнусной ложью.

Ко всему этому добавлю, что и я, и мой брат, живущий в настоящее время в Париже, настолько были близки с нашей сестрой, что, конечно, какая бы ни была конспирация, она, так или иначе, дала бы о себе знать нам, если бы она была действительно у г. Бехтеева в Сербии.

Прошу принять уверение в искреннем уважении и преданности.

Гр. П. Гендриков»[1].

Боясь разоблачения, аферисты сообщают всем, что вскоре после свидания с Бехтеевым Джонсон был отравлен в Венгрии в доме графа Андраши и похоронен в Афоне в присутствии великого князя Михаила Александровича и своей супруги, урожденной графини Гендриковой. Последняя же уехала после похорон в Сиам, где и скончалась от горя, оставив после себя трехлетнего сына, конечно, Алексея.

Монархисты довольно быстро разоблачили эту аферу, установив, что следы организаторов ее ведут в лагерь цареубийц. А.Н. Крупенский, проведший собственное расследование, сделал вывод, что «налицо новая крупная провокация, вроде пресловутого «Треста», со стороны большевиков, ставивших себе целью завлечь под предлогом посещения спасенного Государя в СССР или в свои заграничные подвалы честных, но чрезмерно наивных монархистов. Обстоятельства, однако, сложились неблагоприятно для большевиков: В. Вишневская, перекрасив

---

[1] Двуглавый Орел. № 30.18 июля. 1929. С. 1430—1431.

свои волосы и похитив паспорт знакомой, бежала из Югославии в Берлин под именем Николаевой. Там она была арестована полицией за проживание по фальшивому паспорту. В то же время многие горячие сторонники Бехтеева образумились, так как убедились в подложности различных предъявленных им документов и в явно провокационной деятельности В. Вишневской и, вероятно, и самого Бехтеева».

ГЛАВА 61

Лже-Анастасии. — Анна Андерсон. — А.С. Карпенко. — Н.В. Иванова-Васильева. — Диагноз — шизофрения.

Большинство самозванок, объявлявших себя Царскими дочерьми, присваивали имя Анастасия. Известное мне число лже-Анастасий достигает двух десятков человек. На самом же деле количество самозванок с этим именем, по-видимому, гораздо больше. Самая обаятельная и непосредственная среди Царских дочерей, Анастасия больше всех имела шансов на людские симпатии.

История самой известной самозванки, выдававшей себя за Анастасию, начинается в 1920 году в Берлине. Полиция задерживает неизвестную девушку, пытавшуюся покончить жизнь самоубийством, и помещает ее в психиатрическую клинику. Там среди многочисленных Наполеонов, Александров Македонских и Клеопатр девушка объявляет себя спасшейся русской Царевной Анастасией.

Самозванка была действительно похожа на настоящую Анастасию, но она совершенно не говорила по-русски. Ее сторонники объясняли это результатом шока, полученного ею во время расстрела. В обычной жизни лже-Анастасия первое время именовала себя госпожой Чайковской. Немецкая полиция провела расследование и установила, что «именующая себя Чайковской и претендующая быть спасенной великой княжной Анастасией Николаевной, в действительности является работницей Францишкой Шанцковской из местечка Боровилаша (в Германии)»[1]. В Германии лже-Анастасии грозило предание суду за присвоение чужого имени. Однако какие-то заинтересованные лица решаются переправить ее в США.

---

[1] Двуглавый Орел. № 27. 1929. С. 1288.

Как сообщал изучивший этот вопрос А.Н. Крупенский, «из Соединенных Штатов был вызван Глеб Боткин, сын лейб-медика, последовавшего в Екатеринбург за Царской семьей и убитого там за свою верность. Глеб Боткин, видевший Великую Княжну Анастасию Николаевну в детстве всего два раза, прибыл в Зеон — поместье герцога Г.Н. Лейхтенбергского, около Мюнхена, где проживала самозванка. Не колеблясь, признал он в ней Великую Княжну и после двухдневного пребывания вместе с герцогом Г.Н. Лейхтенбергским и самозванкой в Париже был уполномочен состоять неотлучным спутником и опекуном самозванки на время ее дальнейшего путешествия и пребывания в Соединенных Штатах. Первое время по прибытии в Нью-Йорк самозванка пользовалась гостеприимством г-жи Лидс (Княжны Татьяны Георгиевны, дочери Великого Князя Георгия Михайловича), вначале поверившей в тождество Чайковской с Великой Княжной. Через некоторое, однако, время самозванке было предложено покинуть дворец г-жи Лидс и искать приюта в ином месте»[1].

Американские газеты и иллюстрированные журналы запестрели статьями о чудесно спасенной Великой княжне, беседами с ее «другом детства» Глебом Боткиным и изображениями самозванки, для которых пользовались ретушированными фотографиями настоящей Великой княжны Анастасии (факт этот был официально установлен научной экспертизой). В этом отношении было сделано решительно все, чтобы взволновать общественное мнение и возбудить подозрение, что члены Российской Императорской Фамилии умышленно отказываются признать спасенную Великую княжну, дабы самим воспользоваться громадным якобы наследством, оставшимся после убийства Государя в разных европейских и американских банках. Особенно отличался в этом отношении сам Глеб Боткин, позволивший себе написать невероятно наглое и дерзкое письмо Великой княгине Ксении Александровне, в котором он заявлял, что непризнание ее высочеством в Чайковской своей племянницы является фактом более преступным, нежели убийство Государя чекистами. Возмутительность этого письма усугубляется еще тем, что оно было написано немедленно после кончины Государыни Императрицы Марии Федоровны[2].

Несмотря на то что по неясным причинам самозванку при-

---

[1] Двуглавый Орел. № 27. 1929. С. 1285.

[2] Двуглавый Орел. № 27. 1929. С. 1286.

знали Великий князь Андрей Владимирович и родственники Романовых герцоги Лейхтенбергские, подавляющее большинство членов Императорского Дома выступили с категорическим протестом.

В журнале «Двуглавый Орел» публикуется заявление членов Императорского Дома[1]: «Газеты сообщали, что некая женщина, именующая себя госпожой Чайковской, утверждает, будто она Великая Княжна Анастасия Николаевна, чудесно спасенная от смерти; газеты добавляют, что авторитетные лица признали в ней Великую Княжну Анастасию Николаевну.

К нам часто обращаются с вопросами, насколько это утверждение верно, и наше молчание истолковывают как допущение этой возможности.

Ввиду этого, для предупреждения ложных толков и предположений, мы считаем своим долгом сделать следующее заявление.

Великая Княгиня Ольга Александровна, близко знавшая детей Государя, виделась и говорила с женщиной, которая именует себя госпожой Чайковской и в которой некоторые лица узнают Великую Княжну Анастасию Николаевну. Великая Княгиня Ольга Александровна категорически заявляет, что эта женщина не имеет ничего общего с личностью Великой Княжны.

Фрейлина Их Величеств Баронесса Буксгевден, бывший воспитатель Наследника Цесаревича и преподаватель французского языка Августейших Дочерей Государя г-н Жильяр и г-жа Жильяр, бывшая при них няней, остававшиеся при Царской семье вплоть до момента ее заточения в Екатеринбурге в мае 1918 года, также виделись и говорили с этой женщиной и точно так же самым определенным образом заявили, что они не узнали в ней Великой Княжны Анастасии Николаевны.

С.С. Кострицкий, зубной врач Их Императорских Величеств, лечивший зубы всех детей Государя и видевший их в последний раз в Тобольске в 1918 году, имел в руках гипсовые слепки верхней и нижней челюсти г-жи Чайковской и удостоверил, что эти слепки по расположению зубов и форме челюстей совершенно не походят на зубы, их расположение и строение челюстей Великой Княжны Анастасии Николаевны.

Профессор Бишоф (Директор Института научной полиции Лозаннского Университета) после тщательной экспертизы и

---

[1] Там же. № 22.1929. С. 1071—1073.

сличения фотографий категорически заявил: «Невозможно допустить сходства между личностями г-жи Чайковской и Великой Княжны Анастасии Николаевны».

На основании этих свидетельств мы заявляем свое твердое убеждение, что женщина, именующая себя г-жой Чайковской и находящаяся в настоящее время в С. Ш. Северной Америки, не есть Великая Княжна Анастасия Николаевна.

Настоящее заявление одобрено Ее Императорским Величеством Государыней Императрицей Марией Феодоровной».

Подлинник подписан: Великой княгиней Ольгой Александровной, Великой княгиней Ксенией Александровной, Великим князем Александром Михайловичем, князем Андреем Александровичем, князем Феодором Александровичем, князем Никитой Александровичем, князем Дмитрием Александровичем, князем Ростиславом Александровичем, князем Василием Александровичем, княжной Ириной Александровной, великим князем Дмитрием Павловичем, Великой княгиней Марией Павловной; братом и сестрами Государыни Императрицы Александры Феодоровны: великим герцогом Эрни Гессенским, принцессой Викторией Мильфорд Хавен, принцессой Иреной Прусской.

СВИДЕТЕЛЬСТВО
Великой княгини Ольги Александровны, написанное в Копенгагене 28 февраля 1927 года, на английском языке

«В последних числах октября 1925 года я посетила г-жу Чайковскую в санатории Момсена в Берлине; ни в лице, ни в голосе, ни в личности ее я не нашла сходства с моей племянницей Анастасией.

Она всеми способами пыталась убедить меня в том, что она действительно Анастасия. Она знает о семейной жизни (Государевой Семьи) и вообще о всем, что ее касается, не больше того, что было опубликовано или общеизвестно.

На все мои вопросы, которые касались прежних дней, друзей или интимной стороны жизни, она ровно ничего не могла ответить.

Она произвела на меня впечатление искренно верящей в то, что она действительно Анастасия.

Она была подготовлена к моему посещению и сама мне

передала, что ее предупредили: «во вторник вы будете иметь большую радость» и что «кто-то приедет из Дании».

Конечно, из этого она сообразила, в чем дело, и ожидала меня.

ОЛЬГА».

ЗАЯВЛЕНИЕ
Великого князя Александра Михайловича

«Женщина, именующая себя г-жой Чайковской, не имеет ничего общего с личностью Великой Княжны Анастасии Николаевны, погибшей в Екатеринбурге в 1918 году.

Нам, близким родственникам Царской Семьи, и всем чтившим и любившим ее, трудно и больно примириться с мыслью, что нет более в живых на земле никого из тех, кто в тиши счастливой семейной жизни несли величайший подвиг служения своей Родине и своему народу.

Хотелось бы верить, что кто-нибудь из них избег мученической смерти, хотелось бы на оставшегося в живых сосредоточить нашу любовь, которая уже 10 лет не имеет возможности и цели своего выражения; хотелось бы в эту любовь вложить все накопившееся в наших душах искреннее раскаяние в том, что не сумели мы сберечь от врагов и охранить от гнусной клеветы тех, души которых были чисты, и не было в них ничего, кроме добра и любви ко всем.

Вот почему легенда о том, что есть женщина, в которой некоторые узнали Великую Княжну Анастасию Николаевну, мила нашему сердцу, но долг повелевает нам громко сказать, что, к сожалению, в данном случае мы имеем дело с ошибкой или недоразумением: нельзя оскорблять чистой памяти ушедших, оставляя легенде жить и распространяться.

Великий Князь АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ».

Несмотря на столь твердую отповедь притязаниям самозванки, ее попытки официально утвердиться под именем Анастасии Романовой не прекращаются. Приняв после замужества фамилию Андерсон (а позднее Мэнэхэн), лже-Анастасия с маниакальным упорством добивается признания статуса царской дочери. С 1938 по 1977 год она ведет судебную тяжбу, однако ничего не добивается. К концу 70-х годов она окончательно те-

ряет рассудок и в 1984 году умирает в психиатрической клинике, и с непонятной поспешностью (через несколько часов после смерти) ее кремируют. Урна с ее прахом была захоронена в фамильном склепе герцогов Лейхтенбергских в Германии. Но даже после смерти самозванки заинтересованные лица пытаются продолжать отстаивать ее притязания.

Только в 1994 году генетический анализ частиц кожи самозванки поставил в этом деле точку, показав, что она не имеет ничего общего с родом Романовых.

История другой лже-Анастасии развивалась в Приморье. В обычной жизни ее знали как Анастасию Спиридоновну Карпенко[1]. Перед смертью она якобы рассказала своему сыну, что она «дочка Николая II». «Меня одели в одежду служанки, — рассказывала она, — и увезли». За ними была погоня. Прятались около озера. Сопровождал ее «дядя Филипп». Он скрывался первоначально в монастыре недалеко от села Борисовки. Там ее фиктивно удочерил некто Спиридон. Примерно в 1920 году ее привезли в село Ново-Никольское в семью Мирошниченковых и выдали замуж за Федора Васильевича Карпенко.

Анастасия уверяла, что неграмотная, но дети часто видели ее с книгой в руках. «Она всегда кутала лицо в платок, — рассказывали дети, — и рот прикрывала рукой».

Исследователь этой лже-Анастасии В. Кашиц рассказывает несколько случаев из жизни этой, по-видимому, психически больной женщины, научившейся скрывать свой недуг от мужа и детей.

«Как-то соседка дома рядом пригласила к себе маленькую Шуру (Александру Федоровну, дочь Анастасии. — *О. П.*), достала из сундука шкатулку расписную с изображением Царя и Царицы и сказала: «Вот твой дед и бабка». А когда Шура рассказала об этом матери, то Анастасия, не отрицая, лишь спросила: «Правда? И они красивые? Понравились?..»

Был и такой случай. К Анастасии приехала сестра из города, и они пошли в огород. И вдруг из соседнего дома по ним, женщинам, прогремело несколько выстрелов. Стрелял какой-то приезжий. Это очень встревожило Анастасию, и она скомандовала мужу, чтобы он тут же увез сестру на станцию, а семья переселилась жить в дом на окраине.

---

[1] Сведения о А.С. Карпенко излагаются по публикации В. Кашица в «Литературной газете» (31.7.1991).

У Анастасии, отрицавшей в разговорах свое родство с Мирошниченковыми, было немало на стороне родни «городской, из бывших господ»: сестры, то ли двоюродные, то ли даже родные; был и памятный для всех детей загадочный высокий «старик» в темных очках, походивший на Анастасию. «Такой же лоб высокий и поворачивал голову, как мама».

Муж Анастасии, вернувшись в конце сороковых из заключения, где погибли двое его братьев, рассказывал за столом в присутствии детей, что, когда он был арестован, следователь не раз спрашивал: «А знаешь ли ты, что женат на царевне?» Он пожимал плечами, тупо отвечал: «Не-е. Моя с Борисовки». И, смеясь, добавил: «Обманула нас бабка-то. Хорошо, что Сталина нет и я реабилитирован, а то бы снова сидеть». Анастасия молчала, слушала его и улыбалась.

Александра Федоровна пишет мне: «В Омске вызывали в КГБ, после войны уже, что-то проверяли, я не знаю, помню, спросили: «А кто такой Василий за границей, дядька твой богатый, ты бы хотела туда?» Говорю:

«Не знаю никого». Расписалась, отпустили и больше не вызывали никогда. Значит, там знают про нас»[1].

Так постепенно складывалась новая легенда. Даже после смерти А.С. Карпенко в 1976 году в Омске, в Приморье и Омской области осталось немало людей, которые до сих пор верят, что Царевна Анастасия жила среди них.

Еще одна лже-Анастасия под именем Надежды Владимировны Ивановой-Васильевой умерла в 1971 году в Свияжской психиатрической больнице. Эта самозванка провела всю свою жизнь в тюрьмах и психиатрических больницах и в односторонней переписке с НКВД.

В архивах НКВД сохранились документы, в которых она сама рассказывала о себе. «Когда же мы находились в Екатеринбурге, в Ипатьевском купеческом доме, то мы были приговорены к смертной казни. Я была ранена в обе руки и в голову. Тут же я потеряла сознание, только помню последние слова своего брата Алексея Николаевича: «Хорошо, вы расстреливаете моего отца, он виновен вы находите, но в чем ведь я виноват?» О дальнейшем ничего не помню ввиду потери мною сознания. Когда я пришла в сознание, то оказалась у командира Николая Владимировича Владимирова на квартире в Екатеринбурге. Было у

---

[1] Литературная газета. 31.7.1991.

меня платье облито известью. Я спросила: «Скажите, где же остальные?» Он мне ответил, что все расстреляны. Я опять потеряла сознание»[1].

В 1920 году Н.В. Иванова-Васильева пыталась бежать за границу, но в Иркутске была арестована и приговорена к расстрелу, который был заменен тюремным заключением. В 1929 году ее выпустили и она переехала в Ялту. «Через некоторое время, — указывала Анастасия, — я была вызвана в Ялтинское ГПУ, и было мне предъявлено обвинение в том, что я являюсь дочерью Николая II, но я от этого отказалась и была освобождена. Через полгода, в ночь 6 ноября 1930 г., я была вновь взята с квартиры в Москве, Москворецкая улица, дом 13/2, и отправлена в концлагерь Вишерский. В Вишерском концлагере я встретила из нашего дворца Казакова, княжну Гагарину Александру Николаевну и княжну Урусову Лидию Яковлевну». После Вишеры еще несколько лагерей и затем короткий миг свободы.

«Я узнала, что Анна Вырубова, наша бывшая фрейлина, проживает в Финляндии, в Гельсингфорсе, — описывала Анастасия дальнейшие события, — я была очень обрадована и сейчас же ей написала о себе. Когда же она получила от меня письмо, то долгое время не могла понять, как я могла остаться живой из-под расстрела. Она затребовала мои фотографические карточки. Я же ей отправила и ждала визы для выезда».

Вместо «визы» ее направили на обследование. Врачи установили, что Иванова-Васильева страдает шизофренией, «она целиком наполнена бредовыми мыслями о своем происхождении из семьи Романовых. Бред этот никакой коррекции не поддается».

Вероятно, так же надо было в свое время обследовать Анну Андерсон и А.С. Карпенко. Скорее всего, именно психическое заболевание превратило их в лже-Анастасий. Но главное, конечно, не в них, а в тех, кто, преследуя определенные цели, стал доказывать их подлинность.

Во время моих поездок по Уралу и Сибири мне не раз приходилось слышать о спасавшихся где-то в глухих лесных сторожках или скитах Царских дочерях, их детях и внуках. В деревне Кошухи Верхне-Тавдинского района Екатеринбургской

---

[1] Здесь и далее архивные материалы о Н.В. Ивановой-Васильевой приводятся по публикации Р. Валитова и Е. Светловой в газете «Совершенно секретно». 1994. № 1.

области на сельском кладбище я видел могилу еще одной «царевны Анастасии». По местным преданиям, она умерла от простуды на пароходе по дороге из Тобольска в Тюмень. На каменном надгробии сохранились слова: «Здесь покоится девица Анастасия Романова, 1898—1918». Сколько еще таких могил может быть на Руси?

ГЛАВА 62

Череда самозванцев. — Голеневский. — «Царскую семью уберег Юровский». — Спасение в Сухуми. — Еврейский миф о Николае II.

В 1960-е годы в недрах американских спецслужб рождается еще один самозванец, выдававший себя за Царевича Алексея. Им был кадровый американский шпион Михаил Голеневский, в течение многих лет служивший в американской резидентуре в Польше, а в начале 60-х годов вернувшийся в США.

Новым заданием шпиону стало проведение специальной операции по реабилитации евреев в деле злодейского убийства Царской семьи.

Как якобы сын русского Царя Голеневский начал «свидетельствовать», что евреи не только не принимали никакого участия в этом самом страшном преступлении XX века, а наоборот, что непосредственный руководитель убийства Юровский спас и тайно вывез за границу всю Царскую семью.

Об этой цели самозванца свидетельствовали его «признания», опубликованные в нью-йоркской газете «Лонг-Айленд пресс»[1]. Приписав спасение Царской семьи из Ипатьевского дома Юровскому и напомнив, что Юровский был евреем, самозванец утверждал, что Юровский и его семья скрылись из Екатеринбурга через два дня после якобы совершившегося цареубийства. «Я узнал, — заявил лжецаревич, — что сын человека, который командовал стражей, получивший приказ о расстреле Царской Семьи, живет теперь в Нью-Йорке. Он должен знать правду. Я думаю, что это рассеет значительную часть того недоброжелательства, которое русские испытывают по отношению к евреям вследствие приписываемого им участия в убийст-

[1] Long Iland Press, 11 January 1965.

ве Царской Семьи. Это изменит положение евреев, особенно в России»[1].

Опираясь на специалистов американских спецслужб, лже-Алексей Голеневский разработал новую версию событий, совершившихся в Екатеринбурге. По этой версии, «убийства царской семьи не существовало». Сведения о нем сфабрикованы советским правительством. «На самом деле, — утверждал Голеневский, — вместо Царя был убит какой-то офицер»[2].

С помощью Юровского вся Царская семья бежала в Польшу, где долгое время скрывалась в еврейских семьях. В Польше Царь сформировал «Имперское Антибольшевистское подпольное движение».

Лже-Алексей Голеневский утверждал, что мать Императора Мария Федоровна «знала, что вся Семья жива», и даже привлек на свою сторону в качестве свидетелей некоторых продажных монархистов. Более того, он нашел поддержку у некоторых иерархов Русской Зарубежной Церкви, зависимых от американских спецслужб.

30 сентября 1964 года протопресвитер Русской Зарубежной Церкви Георгий Граббе на частной квартире, без предварительного оглашения, повенчал жившего в Нью-Йорке М. Голеневского, назвав его в свидетельстве о бракосочетании Алексеем Николаевичем Романовым, кощунственно указав в документе дату и место рождения настоящего Царевича Алексея. Этим актом Зарубежная Церковь признала самозванца[3]. На бракосочетании самозванца присутствовали «спасшиеся великие княжны Татьяна и Ольга».

С помощью специалистов ЦРУ фабрикуется ряд фотографий с изображениями «спасшейся Царской семьи». На одной из фотографий, снятой якобы в мае 1942 года, были представлены «великая княжна Мария Николаевна, Ее отец Царь Николай II и царевич Алексей Николаевич». Во многих американских газетах и журналах публикуется фотография с подписью: «Русская Императорская фамилия: царевна и царевич Алексей Николаевич, великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна». Американские режиссеры сняли «сенсационный»

---

[1] Цит. по: Г р и г о р ь е в И. Как Ленин, Свердлов, Голощекин и Юровский «спасали» Царскую семью. Б. м., б. г. С. 1.

[2] П о п о в А. Уши самозванца // Владимирский вестник. № 108. 1966. Август.

[3] Наша Страна (Буэнос-Айрес). 7.8.1973.

фильм «Спасение Царской семьи» со вставками бесед со «спасшимся наследником Царевичем Алексеем» (Голеневским).

В интервью газете «Русская жизнь» от 24 августа 1966 года самозванец сообщал о якобы «крупном капитале, вложенном в различных банках за границей Императором Николаем II, всего 400 миллионов, который Романов-Голеневский считает своим, по наследству, как Цесаревич Алексей; он знает, в каких банках лежат деньги и акции — в Англии, Германии, в Париже и в США. Он намерен эти деньги, выросшие в настоящее время в миллиарды долларов, употребить на борьбу с коммунизмом во всем мире, желая освободить мир от небывалого в истории людей гнета».

В течение не менее четверти века Голеневский при поддержке американских властей продолжал свой кощунственный спектакль, выпуская периодический информационный бюллетень, а в 1984 году издал так называемую Белую книгу, в которой якобы документально обосновывал факт спасения Царской семьи Юровским[1].

Впрочем, Голеневский не был единственным самозванцем зарубежья, выдававшим себя за спасшегося Царевича Алексея. Лже-Алексеем объявляли себя В.В. Щетинин из Багдада, гражданин Испании А. Бримейер, гражданин Бразилии А. Романов, гражданин Канады А. Романов (ум. 1977).

Внуком спасшейся дочери Николая II Великой Княжны Марии объявил себя испанский принц Алексис Д'Анжу де Бурбон-Конде, более того, он даже заявил о своих правах на Российский Престол[2]. Этот самозванец утверждал, что его бабушка, дочь Николая II Мария, спаслась и всю жизнь прожила в Мадриде. Самозванец написал книгу, в которой сообщал, что Царица Александра Федоровна и четыре ее дочери остались живы согласно особому секретному пункту Брестского договора. Самозванец также утверждал якобы со слов Александры Федоровны, что Царевич Алексей не был убит, а умер от болезни[3].

В России за Царевича выдавал себя некто Ф.Г. Семенов, который, подобно лже-Анастасии Ивановой-Васильевой, проводил свою жизнь то в психиатрической больнице, то в лагере. В январе 1949 года Семенов был помещен в психиатрическую

---

[1] Romanoff A. White book. Vol. I. Intelopers Durevs publishing corporation, 1984.

[2] Известия. 2.2.1995.

[3] ОРТ, информационная программа. 31.10.1993.

больницу № 1 Карельской АССР. Лагерный врач, направивший его в больницу, описывает острое психопатическое состояние больного, указывает, что Семенов все время «ругал какого-то Белобородова». «В психиатрическую больницу, — пишет врач, — [Семенов] поступил в ослабленном физическом состоянии, но без острых признаков психоза... За время лечения окреп физически. С момента поступления был вежлив, общителен, держался с достоинством и скромно, аккуратен». Врачом в истории болезни отмечено, что он в беседе не скрывал своего происхождения. «Манеры, тон, убеждение говорят за то, что ему знакома была жизнь высшего света до 1917 года». Ф.Г. Семенов рассказывал, что он получил домашнее воспитание, что он сын бывшего Царя, был спасен в период гибели семьи, доставлен в Ленинград, где жил какой-то период времени, служил в Красной Армии кавалеристом, учился в экономическом институте (по-видимому, в городе Баку), после окончания работал экономистом в Средней Азии, был женат, имя жены Ася, затем говорил, что Белобородов знал его тайну, занимался вымогательством. В феврале 1949 года был осмотрен врачом-психиатром из Ленинграда Генделевичем, которому Семенов заявил, что «у него нет никакой корысти присваивать чужое имя, что он не ждет никаких привилегий, так как понимает, что вокруг его имени могут собраться различные антисоветские элементы, и, чтобы не принести зла, он всегда готов уйти из жизни». В апреле 1949 года Семенову была проведена судебно-психиатрическая экспертиза, был признан душевнобольным, подлежащим помещению в психиатрическую больницу МВД[1].

В 1993 году А. Гряник выдвигает версию о том, что Царь Николай II не был убит, а спасся вместе с семьей и с 1920 года проживал в Грузии, в Сухуми, под фамилией Березкин, где и умер в 1957 году. Супруга и дочери Царя жили под другими фамилиями. На пресс-конференции в 1993-м Гряник заявил, что одна из дочерей Царя, Татьяна Николаевна, до сих пор живет в Сухуми.

По версии Гряника, в доме Ипатьева были убиты двойники членов Царской семьи. В основе версии Гряника две экспертизы внешнего сличения лиц фотографий членов Царской семьи и фотографий Березкина и других «сухумцев», которых Гряник считает членами Царской семьи.

Поток самозванцев, в большинстве своем психически не-

---

[1] Огонек. 1990. № 38. С. 31.

нормальных людей, не прекращается до сих пор, не прекратится и в будущем. Всегда, когда появляются новые самозванцы, вокруг них возникают некие личности, готовые использовать их в своих антирусских или корыстных целях.

Характерный пример — история бывшего завхоза Гнесинского училища Н.А. Романова-Дальского, объявившего себя внуком Цесаревича Алексея и претендующего на Русский Престол. В другое время известность о его претензиях на Престол не пошла бы дальше круга его знакомых или архивов психиатрических больниц. Но в середине 90-х годов самозванец встречался с некими Киприаном и Адрианом, выдававшими себя за православных священнослужителей, на самом деле принадлежавшими к секте «Украинская Православная Церковь Киевского патриархата». Секта эта была сформирована иудеями и масонами для проведения раскольнической работы в Русской Православной Церкви. В состав секты вошли убежденные враги России. На некоторое время сектантам удалось захватить Богоявленский собор в Ногинске (Богородск) и сделать его центром антиправославной и антирусской деятельности. В 1996 году сектанты устроили в соборе (незадолго до их выдворения) антирусский шабаш «коронации» всероссийского императора Николая III.

Самозванец Николай III поведал свою историю спасения Царевича Алексея в 1918 году. Помог ему спастись, оказывается, сам Юровский, подменивший его племянником царского повара. Мальчик был воспитан в семье евреев Объектовых. Его болезнь оказалась не опасной, он выздоровел, стал кандидатом сельскохозяйственных наук. Перед своей смертью в 1965 году он открыл сыну тайну своего происхождения, завещав открыться миру в 50 лет. Как и в случае с Голеневским, русский народ должен благодарить за спасение Царевича Янкеля Юровского и еврейскую семью, вырастившую Наследника. Подоплека создания мифа о Николае III совершенно очевидна.

ГЛАВА 63

Гордость цареубийц. — Музей на площади Народной мести. — Желание отметить юбилей. — Снос дома Ипатьева. — Поругание святыни.

Всю жизнь цареубийц переполняет гордость за содеянное. Они пишут воспоминания, спорят между собой, у кого больше заслуг в этом злодеянии. К десятилетию убийства готовятся

юбилейные торжества. В 1926 году выходит книга П.М. Быкова «Последние дни Романовых», дававшая официальную трактовку событий. Художнику заказывают огромную парадную картину о передаче Романовых в руки Уралсовета[1]. На ней в жалком виде представляют Царскую чету и победоносными героями членов Уралсовета. Площадь перед домом, где было совершено злодеяние, получает новое название: площадь Народной мести. Однако юбилей отменяется свыше, а «героям» велят держать язык за зубами. Распоряжение исходило от самого Сталина. Почему? Да потому, что, как я уже говорил, многие организаторы и исполнители убийства были сторонниками Троцкого. Сафаров, Сосновский, Белобородов, Дидков, да и сам Голощекин пользовались симпатией Льва Давидовича. Именно в 1927 году, когда готовится юбилей, почти все поименованные лица снимаются со своих постов, некоторые даже исключаются из партии. На документах и в воспоминаниях, посвященных судьбе Царской семьи, устанавливается гриф «секретно». Можно, конечно, говорить о казни Романовых, но без злодейских подробностей и не упоминая организаторов. В Ипатьевском доме размещают Музей Революции, одна комната (та самая, подвальная) в нем посвящена «казни» Царской семьи, даже выставлены некоторые вещи. Над лестницей, ведущей в подвальную комнату, вешают юбилейную картину. Старики рассказывают, что в 20—30-е годы их водили сюда, «как в зверинец». Посещение места убийства входило в программу воспитания подрастающего поколения, а почетными воспитателями были старые большевики, подобные Юровскому и Ермакову. На пионерских сборах после песни «Взвейтесь кострами...» выходил полупьяный Ермаков и с геройским видом рассказывал о своих «подвигах». Юровский на встречах со старыми большевиками раскрывал секреты чекистского мастерства. «Романтика» бандитских убийств, восхваление «товарища маузера» пронизывают рассказы большевистских палачей.

Осенью 1932 года в Ипатьевском доме побывал французский журналист Пьер Фредерикс. «Ипатьевский особняк, — писал он, — превращенный теперь в музей, размещается как раз напротив красноармейского клуба. Белый дом, под окнами которого растут ивы. В угловой комнате помещался арестованный

---

[1] Весьма знаменательно, что сейчас эта картина находится в фондах бывшего Музея Свердлова в Екатеринбурге.

Царь и Александра Федоровна. Великие княжны и доктор занимали соседние комнаты.

На том месте, где стояла кровать Николая II, теперь торчит большая статуя Ленина, протягивающего к посетителям руки... Комнаты не содержат ничего интересного. Мебель исчезла. Стены покрыты большевистскими фотографиями. Но подвал, в котором происходило убиение царской семьи, оставлен в том же самом виде, какой он имел в 1918 году.

Стены хранят еще следы пуль.

Когда я выходил из подвала, директор «музея» привел туда полдюжины школьников. И я слышал, как спокойным голосом он объяснял им:

— Царь послал на смерть множество людей. И советская власть покарала его...»[1]

Злодейские «идеалы» палачей проходят через всю жизнь участников убийства Царской семьи, многие из которых, как мы уже видели, становятся руководителями разных карательных органов и ГУЛАГа, используя весь накопленный опыт. Вполне закономерным стало использование шахт как мест массовых расстрелов и захоронения людей. А для уничтожения следов этих захоронений шахты засыпают шлаком, заливают кислотой. Таким местом стала, например, шахта в районе Золотой (Лысой) горы на Южном Урале. Здесь в 30-е годы были умерщвлены многие тысячи человек. Предметы, найденные археологами, наталкивают на мысль, что жертвы не знали, что их ждет смерть. Позднее, чтобы скрыть место убийств, сюда завозили шлак, известь, сливали отработанную кислоту и щелочь[2]. Во время расстрелов шахта оцеплялась войсками НКВД. П.З. Ермаков, бывший в 20-е — первую половину 30-х годов заместителем начальника ГУЛАГа Уральской области, мог быть доволен — его опыт массового убийства использовался на сто процентов.

---

[1] Последние новости (Париж). 28.12.1932.

[2] Использование большевистских методов уничтожения трупов с помощью кислоты и щелочи в дальнейшем распространилось и на самих «соратников Ленина» во время их кровавых разборок. Таким образом, например, было уничтожено тело еврейского большевика Л.П. Берии. Как рассказывал один из участников ликвидации трупа Берии, «кто-то предложил растворить труп в щелочи. Подходящая ванна была там же, в убежище (где был расстрелян Берия. — *О. П.*). Щелочь принесли. Вот так трупа Берии и не стало». (Власть. № 22. 2000. С. 47.)

В конце 50-х — в 60-е годы по мере возрождения национального сознания все чаще поднимается вопрос о судьбе Царской семьи. Злодейство начинает осознаваться во всей его наготе и чудовищности. К местам убийства членов Царской семьи идет настоящее паломничество. Протаптываются тропинки туда, куда они, кажется, давно заросли. Люди идут не только к Ипатьевскому дому, но и к шахтам в Коптяковском лесу и в окрестностях Алапаевска.

В день убийства люди приносят сюда цветы, читают молитвы, склоняют головы в осознании трагедии поруганного Отечества, разрушенной Православной Державы.

Но наследники Свердлова, Голощекина и Юровского не собираются сдавать своих позиций. Ими задумывается еще одно убийство Царской семьи. На этот раз убийство памяти. Новому убийству предшествуют «письма трудящихся» в ЦК КПСС с просьбой прекратить монархические демонстрации возле Ипатьевского дома. Дети Юровского тоже пишут письма в высшие инстанции, требуя пресечь «подлую клевету» на светлую память их отца. Их возмущает распространение слухов, что их отец был репрессирован как троцкист. Эти письма сохранились в архиве. Я листаю их. Сын Юровского Александр, контр-адмирал, напирает на особые заслуги отца, подчеркивает, что он лично расстрелял Царя[1]. Что же это такое, следует из письма, отец совершил геройский подвиг, а никак не увековечен? Чтобы восполнить этот пробел, друг Юровских Яков Резник пишет одну из самых фальшивых книг своей эпохи — повесть «Чекист». В ней палач, убийца и садист представлен в образе идейного, порядочного человека. Исторические события в повести сознательно фальсифицируются. Более тонкой, но не менее лживой фальсификацией событий стала книга М.К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз». Она была написана по указанию сверху и при поддержке КГБ. Цель книги — дать выгодную для наследников Свердлова, Голощекина и Юровского интерпретацию событий. Интерпретацию, более подходящую к новым историческим условиям. Книга Быкова для этого уже не годилась.

Современной интерпретацией большевистского отношения к памяти Государя стала созданная в жанре бульварного романа книга Э. Радзинского «Господи, спаси и усмири Россию». Сначала удивляет, как в наше время широкой доступности информации может появиться такая информационно бедная, лишен-

---

[1] СПА, ф. 221, оп. 2, д. 497, л. 14—19.

ная новизны, хотя и толстая книга. И только потом понимаешь, что в этой бедности была своя заданность, намеренная усеченность сведений. В искаженном виде представляется образ Государя и Государыни. Даже само название книги, в котором присутствует слово «усмири», т. е. приведи к повиновению (на самом деле подлинное слово Государя — «умири», то есть дай мира), является намеренной фальсификацией духовной личности Царя и продолжает большевистскую традицию «Николая Кровавого». Мусолятся старые, давно опровергнутые слухи о любовных связях Царя и его окружения. Как и в 20-е годы, безосновательно утверждается, что Царица находилась в сношении с врагом, переводя через Рубинштейна деньги своим немецким родственникам. Снова на полном серьезе вытаскиваются фальшивое завещание Распутина и весь антураж бульварной либерально-большевистской «распутиниады» и заклинаний со словами «Святой черт».

Изверги-убийцы типа Юровского и Голощекина показаны с определенной симпатией как борцы за идею, а Керенский (готовивший убийство Царя) и тюремщик Царя Панкратов (отсидевший 14 лет за убийство) представлены просто добряками, в «возвышенных душах» которых Государь просто «не разобрался». В общем, совершенно очевидно, что симпатии Радзинского явно на стороне извергов, и поневоле задаешься вопросом: а не был ли чекист Радзинский, участвовавший в уничтожении тел Царской семьи в 1918 году, родственником автору этой книги, убивающему настоящую память о Государе?

В 70-е годы в ЦК поднимается вопрос о судьбе Ипатьевского дома. Занимается им сам Суслов. В Свердловск командируется министр внутренних дел Щелоков, он осматривает дом, поднимает материалы об убийстве, хранящиеся в областном архиве. Вожак уральских большевиков Б.Н. Ельцин вместе с Щелоковым проводит закрытое бюро обкома, на котором принимается как бы инициатива снизу — решение о сносе дома Ипатьева[1]. И именно на основе этого решения Политбюро издает секретное постановление о сносе. Подчеркивается, что к 60-летию убийства около дома могут быть демонстрации.

Иную интерпретацию событий дает непосредственный руководитель акции первый секретарь обкома Б.Н. Ельцин: «...по каким-то каналам информация о большом количестве палом-

---

[1] Информация получена от бывших работников Свердловского обкома партии.

ников к дому Ипатьевых пошла в Москву. Не знаю, какие механизмы заработали, чего наши идеологи испугались, какие совещания и заседания проводились, тем не менее скоро получаю секретный пакет из Москвы. Читаю и глазам своим не верю: закрытое постановление Политбюро о сносе дома Ипатьевых в Свердловске. А поскольку постановление секретное, значит, обком партии должен на себя брать всю ответственность за это бессмысленное решение.

Уже на первом же бюро я столкнулся с резкой реакцией на команду из Москвы. Не подчиниться секретному постановлению Политбюро было невозможно. И через несколько дней ночью к дому Ипатьевых подъехала техника, к утру от здания ничего не осталось. Затем это место заасфальтировали».

Все в этом пассаже руководителя уральских большевиков 1977 года дышит политическим лукавством: нет упоминаний о приезде Щелокова, о решении бюро обкома, предшествующем решению Политбюро, события представляются так, как будто это произошло внезапно, в несколько дней, а ведь на самом деле этот вопрос прорабатывался много месяцев. (В Свердловском краеведческом музее нам рассказывали, что о сносе дома заговорили загодя, предложили, в частности, забрать из него некоторые предметы.)

И впрочем, главное даже не в этом политическом лукавстве, а в духе большевизма, который сквозит во фразе Ельцина: «Не подчиниться секретному постановлению Политбюро было невозможно». А ведь то же самое имели в виду в 1918 году Белобородов и Голощекин. Без всякой натяжки можем сказать, что в 1977 году Ельцин сыграл ту же роль, какую в 1918 году сыграли Белобородов и Голощекин, — все они стали безмолвными исполнителями преступного приказания, отданного богоборческой антирусской властью. Представьте себе тогда, что бы сделал Ельцин, если бы жил в 1918 году, получив приказ об убийстве Царской семьи, и что бы сделал Голощекин, если бы был первым секретарем обкома в 1977 году. «Время такое было», «так надо было тогда» — единственный аргумент подобных людей, исповедующих антирусский дух большевизма, какую бы тогу они на себя ни надевали. А суть его, повторяю еще раз, — использование в политической практике недопустимых, преступных, уголовных методов борьбы; присвоение себе права преступать любые человеческие законы ради достижения своих целей. И неправда, что иначе в то время было нельзя жить. Многие

жили иначе, молча не принимая «правил игры» большевизма, часто с угрозой для жизни и благополучия противостоя его преступной и уголовной практике. Но это уже вопрос морального выбора — каждый и в 1918, и в 1977 годах делал свой выбор.

Снос дома Ипатьева осуществляется за несколько дней, в сентябре 1977 года (сообщение краеведа И.П. Бизина). Место сноса заваливается камнями и щебенкой (а не асфальтируется, как утверждает Ельцин). По мнению старожилов, это делается для того, чтобы постепенно засыпать место убийства, до неузнаваемости изменив само окружающее пространство.

Закономерное «совпадение». Но в конце 70-х — начале 80-х годов принимается решение о «реконструкции» здания бывших «Королевских номеров» в Перми, где последнее время находилась театральная гостиница. В результате этой «реконструкции» остаются только стены здания. При «реконструкции» выяснилось, что все перекрытия, балки, несущие конструкции были в отличном состоянии и не существовало необходимости их уничтожать. Выломав внутренности здания, «реконструкторы» успокоились. Длительный срок здание стояло без крыши. Кирпичная кладка впитывала влагу и разрушалась.

И еще одно «совпадение»: примерно в то же время под Алапаевском в пятидесяти метрах от шахты, где были убиты великие князья, роется огромная траншея для закладывания силоса. Землю из траншеи бульдозер сдвигает прямо к шахте, частично засыпав ее и воздвигнув рядом настоящую гору.

В здании бывшей Напольной школы в 80-е годы организовали развлекательный центр. В комнате, где была заключена великая княгиня Елизавета Федоровна, устроен видеосалон, там, где находились князья, — дискотека (для этого из двух комнат сделали одну, разобрав стену), еще в одной комнате оборудуется бар.

Почти одновременно с уничтожением памяти о Царской семье антирусские силы так же старательно искореняют память о ее друге — Григории Ефимовиче Распутине. В конце 70-х годов, вслед за разрушением Ипатьевского дома, за одну ночь по бревнышку разбирается изба Распутина, а ее место застраивается одноэтажным зданием барачного типа.

Но как бы ни стремились враги русского народа уничтожить память о Царской семье, им никогда это не удастся. Образ Царя навсегда останется в русском народном сознании символом Родины и Государства. Злодейское цареубийство рассматривается

русскими как удар в сердце Святой Руси, сознательное уничтожение тех начал, которые были и будут всегда святы, хранятся в родовом сознании и психологии народа. Пока существует хоть один настоящий русский человек, суд и казнь над убийцами Царской семьи продолжаются.

ГЛАВА 64

Новые поиски Царского захоронения. — Раскопки в Поросенковом логу. — Находка девяти скелетов. — Создание Государственной Комиссии. — Ее необъективный и антирусский характер. — Русская Церковь и православная общественность не поддерживают решение комиссии. — Захоронение «екатеринбургских останков».

Поиск захоронения Царских останков продолжился в послевоенные годы. В 1945—1946 годах по указанию замминистра МГБ Б. Кобулова раскрывается предполагаемое захоронение Царя в Поросенковом логу. Протоколы этого расследования не были опубликованы.

В конце 70-х — начале 80-х годов поиском захоронения занималась группа добровольцев, возглавляемая А. Авдониным и Г. Рябовым. В 1979 году они вскрыли предполагаемое захоронение в Поросенковом логу «на дороге под шпалами». Как впоследствии писал Авдонин: «Деревянный настил находился на глубине порядка 30—40 см от поверхности земли. Сразу же под настилом оказались человеческие останки. Из раскопа было изъято 3 черепа. Они были обследованы и через некоторое время возвращены обратно в землю. Экспертизу черепов выполнить не удалось, но после появления записки Юровского (ее добыл Г.Т. Рябов) мы не сомневались, что это были останки Романовых[1]». После раскопок добровольцев захоронение было разрушено почти полностью. «Что оттуда было изъято и что возвращено назад, остается неясным»[2].

Следующее вскрытие предполагаемого захоронения Царских останков было произведено полуофициально в 1991 году. На этот раз на нем присутствовали специалисты-археологи, судебно-медицинские эксперты и криминалисты. Были вырыты

---

[1] Правда о Екатеринбургской трагедии. С. 39.

[2] Правда о Екатеринбургской трагедии. С. 39.

девять человеческих скелетов, более десяти пуль, остатки веревок и обломки керамических сосудов с остатками кислоты.

Эксперты сделали вывод, что скелет № 1 согласуется с Демидовой Анной Степановной; № 2 — с врачом Боткиным Евгением Сергеевичем; № 3 — с Великой княжной Ольгой (по возрасту); № 4 — с Царем Николаем II; № 5 — с Великой княжной Марией (по возрасту и росту); № 6 — с Великой княжной Татьяной; № 7 — с Царицей Александрой Федоровной; № 8 — с Харитоновым Иваном Михайловичем; № 9 — с Труппом Алозием Егоровичем.

Правительством РФ была создана официальная Государственная Комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Императора Николая II и членов его семьи. В Комиссию, решавшую судьбу предполагаемых останков Императора, были введены три иудея[1] и два масона[2] из группы подневольных правительственных чиновников. Возглавил Комиссию иудей Б.Е. Немцов, состоящий в целом ряде масонских организаций[3]. Он, его соплеменники и соратники придали работе Государственной Комиссии целенаправленный антирусский характер. Совершенно сознательно они отвергли изучение религиозных, духовно-нравственных и исторических аспектов цареубийства. Не захотели они и рассмотреть правовые вопросы ответственности цареубийц за их преступление, тем более что некоторые их родственники до сих пор считают их злодейство как исторический подвиг и продолжают владеть имуществом, украденным у Царской семьи. В общем, деятельность Государственной Комиссии свелась к скорейшему закрытию этого дела. В спешке был допущен целый ряд юридических ошибок и нелепостей.

В январе 1998 года Государственная Комиссия вынесла ранее заготовленное решение, что представленные в захоронении скелеты принадлежат членам Царской семьи и сопровождавшим их лицам. Государственная Комиссия «большинством голосов» пришла к выводу, что «в результате проведенных работ по идентификации останков с применением доступных совре-

---

[1] Немцов Б.Е., Музыкантский А.И., Радзинский Э.С. (вероятно, родственник чекиста И. Радзинского, участвовавшего в цареубийстве).

[2] Красавченко С.Н. (советник президента РФ), Себенцов А.Е. (заместитель руководителя аппарата правительства РФ).

[3] До Немцова Комиссию возглавляли Ю.Ф. Яров, В.Г. Кинилев, В.Н. Игнатенко.

менной науке методов исследований получен исчерпывающий научный материал (включая фиксацию анатомического строения и повреждений черепов путем компьютерной томографии), и в связи с этим нет необходимости в дальнейшем сохранении останков царской семьи и лиц из их окружения в качестве объектов исследования, что позволяет провести их захоронение в Императорской Усыпальнице Санкт-Петербурга».

Однако трое членов Комиссии — митрополит Ювеналий (представлявший Русскую Церковь), В.В. Алексеев (директор Института истории и археологии Уральского отделения РАН) и С.А. Беляев (старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН) не согласились с решением Комиссии и высказали особое мнение о том, что материалы, представленные Комиссии, не позволяют сделать точный вывод о принадлежности останков девяти человек бывшему Российскому Императору Николаю II и членам его семьи и их верным слугам.

Серьезные сомнения в правильности принятого Государственной Комиссией решения высказала Русская Православная Церковь. В заявлении митрополита Ювеналия было отмечено, что заключение Генеральной прокуратуры и республиканского центра судебно-медицинской экспертизы «нельзя принять с абсолютной достоверностью». На заседании Священного Синода 26 февраля 1998 года было высказано, что сомнение относительно «екатеринбургских останков дает основание для смущения и противостояния в обществе». Вместе с тем Синод отмечал, что затянувшаяся процедура криминалистической экспертизы привела к тому, что останки остаются без христианского погребения. В связи с этим Синод высказался в пользу безотлагательного погребения этих останков в символической могиле-памятнике. Окончательное решение о месте захоронения останков может быть принято после того, когда снимутся все сомнения.

К такому же мнению пришли русские ученые и православная общественность. На специальных слушаниях в мае 1998 года в Государственной думе группа русских ученых приняла заключение, выводы которого полностью расходились с выводами официальной Государственной Комиссии:

«1. Работа следствия и Государственной Комиссии имела крайне тенденциозный и необъективный характер и была однозначно ориентирована на утверждение безусловной принадлежности останков Царской Семье.

2. Были полностью проигнорированы результаты судебного расследования убийства Императорской Семьи, произведенного в 1918—1924 гг.

3. Грубейшие нарушения процессуальных норм, допущенные следственной комиссией в 1991—1998 гг., вызывают серьезные сомнения в подлинности останков, найденных под Екатеринбургом.

4. Документом, на котором основана версия обнаружения в Коптяковском могильнике останков, является так называемая «записка Юровского», автором которой являлся профессор М.Н. Покровский. В ней приведены явно ложные сведения, что дает основания считать «записку» дезинформирующим документом.

5. Результаты исследования останков методами компьютерного фотосовмещения и скульптурной идентификации не могут считаться доказательными аргументами их идентификации, так как эти методы имеют крайне низкий процент точности, еще более сниженный из-за значительной разрушенности лицевой части черепов.

6. Доказательная ценность проведенных генетических исследований по идентификации «екатеринбургских останков» недопустимо мала.

7. Челюстно-лицевая и антропологическая экспертизы, проведенные группой ученых Санкт-Петербурга и Екатеринбурга, не позволяют считать, что найденные останки принадлежат Императору Николаю II и членам его Семьи.

8. Существуют серьезные основания считать, что захоронение под Коптяковской дорогой возникло в 1919 году после ухода Белой Армии и уничтожения трупов Царской Семьи.

9. Приведенные выводы не позволяют признать, что найденные под Екатеринбургом останки принадлежат Императорской Семье. Поэтому погребение неопознанных останков в Императорской усыпальнице приведет к созданию лжемощей. Это может вызвать в Церковной и общественной среде раскол и противостояние.

10. Чтобы избежать этой беды, необходимо отменить погребение останков в Петропавловской крепости 17 июля 1998 года. Поддержать позицию Священного Синода от 26 февраля 1998 г. по их захоронению во временной могиле-памятнике как жертв богоборческой власти.

11. Признать решение Правительства РФ об идентификации «екатеринбургских останков» с членами семьи последнего

Российского Императора Николая Романова, принятое на основе мнения нескольких назначенных чиновников и следователя, противоречащим основам правового государства и общемировой практике: подобное решение является прерогативой судебной власти.

12. Предложить Генеральной прокуратуре продолжить расследование обстоятельств гибели Царской Семьи, начатое в 1918—1924 гг., с привлечением независимого прокурора и крупнейших ученых-экспертов России и Зарубежья.

13. Для контроля за деятельностью ведения этого расследования и в помощь ему необходимо создать Международный координационный научный Совет с включением в него видных российских и зарубежных ученых, общественных деятелей и представителей духовенства».

Вопреки вескому мнению Русской Церкви, православной общественности и русских ученых, правительство РФ приняло решение о захоронении «екатеринбургских останков» в Императорской усыпальнице в Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге 17 июля 1998 года, тем самым еще раз показав свою чуждость и враждебность русскому народу. Захоронение было осуществлено как политическое мероприятие и вызвало серьезное противостояние в обществе. Русская Церковь в лице ее высшей иерархии отказалась участвовать в нем. Служба в соборе совершалась рядовыми клириками.

С захоронением «екатеринбургских останков» вопрос об их принадлежности не только не был снят, но приобрел еще большую остроту.

Часть VIII

СМЕРТЬЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ

ГЛАВА 65

Явление иконы Божией Матери. — Самодержавие не покинуло Россию. — Сохранение Удерживающего.

Жизнь православного христианина не заканчивается физической смертью на земле, а является прелюдией будущей жизни. Тем более это касается Божиего Помазанника — русского Царя, выполнявшего в начале XX века мистическую функцию Удерживающего всего Православного Мира. С самого начала крестного пути Царя, закончившегося его ритуальным убийством, высшие силы взяли под свое покровительство Россию, дали русскому народу шанс искупить свою вину перед Богом. Подобно Христу, Царь Николай II своей мученической кончиной попрал смерть и зло, которые принесли на Русскую землю сыны дьявола — талмудические иудеи.

В день отречения от Престола Царя Николая II произошло событие, которое наполнило надеждой сердца православных людей. Именно 2 марта в селе Коломенском под Москвой произошло явление иконы Божией Матери, названной «Державная», так как Царица Небесная была изображена на этой иконе как Царица земная.

Условия, при которых явилась святая икона, были следующие. Одной женщине, крестьянке Бронницкого уезда Жирошкинской волости деревни Починок, Евдокии Андриановой, проживавшей в слободе Перерве, были сновидения: первое 13 февраля и второе 26 февраля.

13 февраля Андрианова слышала таинственный голос: «Есть в селе Коломенском большая черная икона. Ее нужно взять, сделать красной и пусть молятся». Сильное впечатление произвело на Андрианову это таинственное сообщение и как женщину религиозную побудило ее к усиленной молитве о получении более ясных указаний Воли Божией.

Как бы в ответ на усердную молитву, 26 февраля Андриановой снится белая церковь, и в ней величественно восседает

Женщина, в Которой своим сердцем Андрианова признает и чувствует Царицу Небесную, хотя и не видит Ее святого лика.

Не имея возможности забыть и отрешиться от своих сновидений, Андрианова решается идти в село Коломенское, чтобы успокоить себя. 2 марта, перед исполнением христианского долга исповеди и св. причащения, она отправилась из Перервы к настоятелю Вознесенской церкви в село Коломенское.

При виде дивной Вознесенской церкви Евдокия Андрианова сразу же узнала в ней ту самую церковь, которую она видела во сне. Настоятелем церкви Вознесения был священник о. Николай Лихачев. Придя к нему в дом, Андрианова сообщила ему о своих сновидениях и просила совета, как поступить. О. Николай собирался служить вечерню и пригласил Андрианову вместе с собой в церковь, где показал ей все старинные иконы Богоматери, находящиеся в храме и на иконостасе, но Андрианова ни в одной из них не нашла какого-либо сходства со своим сновидением. Тогда по совету сторожа церкви и еще одного прихожанина, случайно зашедшего в церковь, о. Николай стал усердно искать икону повсюду: на колокольне, на лестнице, в чуланах и, наконец, в церковном подвале. И вот именно в подвале, среди старых досок, разных тряпок и рухляди, в пыли, была найдена большая узкая старая черная икона. Когда ее промыли от многолетней пыли, то всем присутствующим в храме представилось изображение Божией Матери как Царицы Небесной, величественно восседающей на царском троне в красной царской порфире на зеленой подкладке, с короной на голове и скипетром и державой в руках. На коленях находился благословляющий Богомладенец. Необычайно для лика Богоматери был строг, суров и властен взгляд Ее скорбных очей, наполненных слезами. Андрианова с великой радостью и слезами повергласъ ниц пред Пречистым Образом Богоматери, прося о. Николая отслужить молебен, так как в этом образе она увидела полное исполнение своих сновидений. Весть о явлении новой иконы в день отречения Государя от Престола 2 марта 1917 года быстро пронеслась по окрестностям, проникла в Москву и стала распространяться по всей России. Большое количество богомольцев стало стекаться в село Коломенское, и перед иконой были явлены чудеса исцеления телесных и душевных недугов, как об этом свидетельствовали получившие помощь. Икону стали возить по окрестным храмам, фабрикам и заводам, оставляя ее в

Вознесенской церкви только на воскресные и праздничные дни.

Зная исключительную силу веры и молитвы Царя-Мученика Николая II и его особенное благоговейное почитание Божией Матери (вспомним собор Феодоровской иконы Божией Матери в Царском Селе), русские люди не сомневались в том, что это он умолил Царицу Небесную взять на Себя Верховную царскую власть над народом, отвергшим своего Царя-Помазанника. И Владычица пришла в уготованный Ей всей русской историей «Дом Богородицы» в самый тяжкий момент жизни богоизбранного народа, в момент его величайшего падения, и приняла на Себя преемство власти державы Российской, когда сама идея Православно-Самодержавной народной власти была попрана во имя самовластия сатаны. Потому и строг, и суров, и скорбен взгляд Ее дивных очей, наполненных слезами гнева Божественной и Материнской любви, потому и пропитана мученической русской кровью Ее царская порфира и алмазные слезы русских истинных мучеников украшают Ее корону.

Символ этой иконы ясен для духовных очей: через неисчислимые страдания, кровь и слезы, после покаяния русский народ будет прощен, и Царская власть, сохраненная Самой Царицей Небесной, будет России несомненно возвращена. Иначе зачем же Пресвятой Богородице сохранять эту власть?

С радостным страхом и покаянным трепетом начал народ русский молиться перед Державной иконой Божией Матери по всей России, а сама икона в бесчисленных копиях стала украшать все русские храмы[1].

Таким образом, явление Державной иконы Божией Матери в день отречения Государя свидетельствовало о том, что в духовном смысле Самодержавие не покинуло Россию. Изображение Божией Матери, увенчанной царским венцом, облаченной в царскую порфиру, держащей в руках скипетр и державу, означало новый этап в развитии Русской цивилизации и Святой Руси, этап страшных нечеловеческих испытаний. Однако в силу чудесного явления этап этот не был концом Великой России, а, напротив, стал путем исцеления и возрождения. Как писал перед большевистским переворотом С.Н. Булгаков: «Россия спа-

---

[1] Акафист Пресвятой Богородице явление... чудотворные Ея иконы Державныя в селе Коломенском, близ града Москвы 2 марта 1917. Джорданвилль, 1984. С. 37—40.

сена, раздалось в моем сердце... как откровение Богоматери (во Владычной ее иконе), и я верен и верю этому завету... Россия... спасается через гибель и смерть, воскресая...»[1]

ГЛАВА 66

Народная вера в возвращение Монархии. — Почитание Царя. — Чудеса Царственных мучеников.

Даже в первые годы революционной смуты, после убийства Царской семьи значительная часть русских людей верила в возвращение Монархии. Многие крестьяне, горожане, солдаты и матросы, оглушенные и уставшие от дикого произвола власти еврейских большевиков, желали возвращения Царя.

В дневнике масонки З. Гиппиус сохранилась следующая запись:

«1917, ноября 18. Сегодня в [Петропавловской] крепости [И.И.] Манухин [деятель Красного Креста] при комиссаре-большевике Подвойском разговаривал с матросами и солдатами. Матрос прямо заявил:

— А мы уж Царя хотим.

— Матрос! — воскликнул бедный Ив. Ив. — Да вы за какой список голосовали?

— За четвертый (большевистский).

— Так как же?..

— А так. Надоело уже все это...

Солдат невинно подтвердил:

— Конечно, мы Царя хотим...

И когда начальствующий большевик крупно стал ругаться, солдат вдруг удивился с прежней невинностью:

— А я думал, вы это одобрите»[2].

Почитание Царя Николая II как святого мученика началось сразу после Его ритуального убийства. Отношение Русской Церкви к совершенному злодеянию высказал Святейший патриарх Тихон через три дня после Екатеринбургского убийства в заупокойной молитве и слове на панихиде об убиенном Императоре.

Убив Царскую семью, большевистские вожди не смогли убить память о ней в широких массах русского народа, и осо-

---

[1] Вестник РХД. 1979. № 129. С. 238—239.

[2] Гиппиус З.Н. Петербургские дневники 1914—1919. М., 1991. С. 216.

бенно среди крестьян. Известны факты почитания убиенной Царской семьи как Царственных мучеников. В 1919 году в Нижнеломовском уезде Пензенской губернии появились странники, распространявшие брошюры «О великом новопреставленном мученике Николае...»[1].

Уже в гражданскую войну православные русские воины обращаются к Царю Николаю II за помощью как к святому мученику. Сохранились сведения о дерзновенном молитвенном призывании Царской семьи, когда сотня казаков, потеряв связь с обозом и войском, оказалась в окружении большевистских отрядов. Священник о. Илия призвал всех к молитве, говоря: «Сегодня день памяти нашего Царя-Мученика. Сын его — отрок Алексий-Царевич был войск казачьих Атаманом почетным. Попросим их, чтобы ходатайствовали они перед Господом о спасении христолюбивого воинства казачьего». И о. Илия отслужил молебен «мученику Николаю, Государю Российскому». А припев на молебне был:

«Святые мученики Дома Царского, молите Бога о нас». Пели вся сотня и обоз. В конце молебна о. Илия прочитал отпуст: «Молитвами святого Царя-Мученика Николая Государя Российского, Наследника его отрока Алексия-Царевича, христолюбивых войск казачьих Атамана, Благоверныя Царицы Александры и чад Ея Царевен-мучениц помилует и спасет нас, яко благ и человеколюбец...» На возражения, что эти святые мученики еще не прославлены и чудеса от них не явлены, о. Илия возразил: «А вот молитвами их и выйдем... А вот и прославлены они... Сами слыхали, как народ прославил их. Божий народ... А вот и покажет нам путь святой отрок Алексий-Царевич... А вот не видите вы чуда гнева Божия на Россию за неповинную кровь их... А вот явления узрите спасением чтущих святую память их... А вот указания вам в житиях святых чтите, когда на телесах святых мучеников, без всякого прославления, христиане храмы строили, лампады возжигали и молились таковым, яко представителям и ходатаям...»

Сотня и обоз из окружения вышли чудесным открытием о. Илии. Шли по колено и по пояс, проваливались по шею... Лошади вязли, вскакивали, опять шли... Сколько шли и устали ли, не помнят. Никто ничего не говорил. Лошади не ржали... И вышли... 43 женщины, 14 детей, 7 раненых, 11 стариков и инва-

---

[1] Революция и церковь. 1919. № 1.

лидов, 1 священник, 22 казака — всего 98 человек и 31 конь. Вышли прямо на ту сторону болота, угол которого занимали казаки, сдерживавшие обходное движение красных, прямо в середину своих. Из окрестных жителей никто не хотел верить, что прошли они этим путем. И шума перехода не слыхал неприятель. И следа, куда ушли казаки, не могли утром установить красные партизаны. Были люди — и нет их[1].

Уже в первые годы революции Русская Церковь призывает русский народ к покаянию за трагический соблазн, который посеяли в нем духи не от Бога. Главным актом покаяния народа русского стал Приамурский Земский Собор, проходивший во Владивостоке с 23 июля по 10 августа 1922 года, почетным председателем которого был избран Святейший патриарх Тихон. Его участники признали, что «Верховная Всероссийская власть принадлежит Царскому Дому Романовых и должна осуществляться в порядке законного престолонаследия». Собор постановил «просить Царский Дом соблаговолить возглавить Приамурский Край и русское национальное движение Верховным Правителем из Членов Царского Дома по его усмотрению и воле».

В указе № 1 правителя Приамурского Земского Края генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса от 8 августа 1922 года говорилось: «Тысячу лет росла, ширилась и крепла Великая Русь, осуществляя смысл государственного единения в святом символе религиозно-нравственной идеологии народа: в Вере, Государе и Земле. И всегда, когда этот величественный завет нашей истории, освященный Христовой верой, твердо, верно и сознательно исповедовался всем народом земли Русской, Русь была могучей, сильной и единой в служении своему историческому, мировому предназначению быть Россией Христа.

Но были в нашем бытии годы и великих соблазнов и искушений сойти с истинных национальных путей, отказавшись от того или другого из заветов исторического символа. Народ впадал в грех против Богом данной ему идеологии, и тогда постигали землю Русскую великие смуты, разорения, моры и глады с пленением различными иноверцами и иноплеменниками. И только с искренним покаянием в отступничестве, с горячим порывом массы к возвращению снова на путь исторических, святых начал своего единения в дружном, тесном, беззаветном и самоотверженном служении своей Родине, и только ей, народ

---

[1] Польских М. (сост.). Новые мученики российские. Джорданвилль, 1949. Т. 1. С. 263—264.

обретал прощение греха и возвращал Святую Русь к прежнему величию и славе. А вместе с возрождением земли возрождались и благоденствие, и мир самого народа под скипетром его наследственно-преемственного Державного Вождя-Помазанника, в значении коего для русской монархической идеологии тесно объединяются Верховная Власть от Бога с Богохранимым народом всея земли.

По грехам нашим против Помазанника Божия, мученически убиенного советской властью Императора Николая II со своей Семьей, ужасная смута постигла народ Русский, и Святая Русь подверглась величайшему разорению, расхищению, истязанию и рабству безбожных русских и иноплеменных воров и грабителей, руководимых изуверами из еврейского племени, отрекшихся и от своей иудейской веры.

Пять лет народ земли, разметанной гневом Божиим, несет наказание за свой грех, несет тяжелый, но заслуженный крест за безумное попрание святого исторического завета, за уклонение в своем символе от исповедания чистоты веры Православной и от святыни Единой Державной власти от Бога. Но милостив Творец своей Святой Руси и молитвы кающегося народа «всея земли» услышаны и приняты Им. Близится час прощения и освобождения. Мы уже «у дверей».

Здесь, на краю земли Русской, в Приамурье, вложил Господь в сердца и мысль всех людей, собравшихся на Земский Собор, едину мысль и едину веру: России Великой не быть без Государя, не быть без преемственного Помазанника Божия. И перед собравшимися здесь, в маленьком телом, но сильном верой и национальным духом Приамурском объединении, последними людьми земли Русской стоят задача, долг и благой крест направить все служение свое к уготованию пути Ему — нашему будущему Боговидцу. Скрепим, соединим в одну силу оставшиеся нам от исторического символа святые заветы — Веру и Землю, отдадим им беззаветно свою жизнь и достояние: в горячей молитве очищенных от земных слабостей сердцах вымолим Всемогущего Творца, освободим святую нашу Родину от хищных интернациональных лап зверя и уготовим поле будущему собору «всея земли». Он завершит наше служение Родине, и Господь, простив своему народу, увенчает родную землю своим избранником — Державным Помазанником»[1].

В глубине простого русского люда сохранялось почитание Царя. Из уст в уста в народе передавались легенды о чудесном

---

[1] Россия перед вторым пришествием. С. 268—269.

спасении Царя и его семьи. Народ хотел верить в избавление Царя. В Центральной России, на Севере, Урале и в Сибири старики еще в 80-е годы вспоминали рассказы своих отцов о Николае II, скрывавшемся в лесах и монастырях, странствовавшем по Руси, переходившем от деревни к деревне, ночевавшем в простых избах, отдающем свой последний золотой нуждающейся семье. По его следу идут чекисты, но он таинственным образом исчезает. Подобные рассказы бытовали и о спасшемся Царевиче, и о царских дочерях.

Уже в 20—30-е годы для некоторых православных людей Царь стал почитаемым святомучеником, ему молятся, с него пишутся иконы. Один из очевидцев свидетельствует: «В 1932 году я был в Святогорском монастыре (на р. Донце), в 18 верстах от г. Изюма Харьковской губ. Здесь культработник показывал пещеры и потом подъем на высокую гору. На одной из площадок, где посетители могли передохнуть, вдруг взорам бросилась икона Царской Семьи. Размер приблизительно в два квадратных фута или несколько больше. Государь изображен в коронационной порфире — мантии, в окружении всего своего Семейства. Над головами всех нимбы святых. В смысле художественном — исключительно прекрасная работа, безукоризненно исполненная хорошим художником. Всякий увидевший эту икону не мог бы воспринять ее как кощунство. Культработник начал пояснения: «Вот царь, обычный человек и грешник, но его еще при жизни считали божеством и при старом режиме этой иконе поклонялись». Услышавший это сказал ему: «Я был здесь в 1917 г., и этой иконы здесь не было». <...> Надо полагать, что икона эта, столь прекрасной работы, была создана почитателем Царской Семьи и служила определенно не тем целям, которых добивалась советская пропаганда. Почитание Царственных Мучеников в советской России есть и хранится»[1].

ГЛАВА 67

Почитание Царственных мучеников за рубежом. — «Дом Романовых царствует». — Осознание греха. — Канонизация Царской семьи Русской Зарубежной Церковью.

В ноябре — декабре 1921 года Всезарубежный Собор Православной Церкви, состоявшийся в Сремских Карловцах, выступил с обращением о восстановлении в России Династии Рома-

[1] Новые мученики российские. Т. 2. С. 316.

новых. Главный докладчик по этому вопросу Н.Е. Марков предложил заявить от имени всего русского народа, что Дом Романовых продолжает царствовать. «Если мы здесь не вся Церковь, то мы часть ее, которая может сказать то, чего сказать не может оставшаяся в России Церковь. Монархическое движение в России растет. Это подтверждается теми многочисленными письмами, которые приходят из России... Письма эти — голая правда, и скоро заплачет тот, кто им не поверит. Народ русский ждет Царя и ждет указания этого Царя от Церковного собрания... Мысль обращения: Дом Романовых царствует, и мы должны его отстаивать...»

Русские монархисты за границей чтили память Царя Николая II. В 1923 году возник Союз верных памяти Императора Николая II. С 1931 года действовало Общество памяти Императора Николая II. В его руководящий орган входили: князья С. Долгоруков и Никита Романов, графы А. Шувалов и Н. Шереметев[1].

В 1938 году по почину и трудами Союза Ревнителей памяти Императора Николая II в Александро-Невском храме Парижа воздвигается Крест-Памятник «Императору Великому Мученику, Его Царственной семье, Его верным слугам, с Ним мученический венец принявшим, и всем Россиянам, богоборческой властью умученным и убиенным». Крест-Памятник покойному Государю был окружен в русском Париже ореолом горестного и любовного почитания: символ распятой, но втайне ждущей воскресения Родины. Как справедливо отмечалось в эмигрантской печати, Крест-Памятник должен быть символом великодержавной Родины. «За время своего царственного служения Государь наш облекался и в походную форму солдата, и в величие блистательной Империи, и в сияние мученического венца. Найдем ли мы в изгнании лучший символ — России, дома, жертвы, преображения. И впредь — пусть каждое русское национальное дело, каждое наше изгнанническое торжество, все военные и культурные праздники сопровождаются очищающим душу паломничеством — к этому кресту без могилы»[2].

Русские люди за рубежом осознали огромную тяжесть греха, лежащего на русском народе за то, что он не сумел спасти и сохранить своего Царя, позволив умучить Его еврейским большевикам. Осознание вины и греха за попущенное цареубийство

---

[1] ОА, ф. 1, оп. 27, д. 12497, л. 201—222.

[2] Дань Светлой Памяти Императора Великого мученика. Париж, 1939. С. 11.

становится неотъемлемой частью коренной русской идеологии, которую в то время наиболее последовательно выражала Русская Зарубежная Церковь.

В обращении святого архиепископа Иоанна (Максимовича) на II Всезарубежном Архиерейском Соборе в Югославии в 1938 году (отражавшем позиции всей Зарубежной Церкви) справедливо заявлялось:

«Русский народ весь в целом совершил великие грехи, явившиеся причиной настоящих бедствий, а именно: клятвопреступление и цареубийство. Общественные и военные вожди отказали в послушании и верности Царю еще до Его отречения, вынудив последнее от Царя, не желавшего внутреннего кровопролития, а народ явно и шумно приветствовал совершившееся, нигде громко не выразив своего несогласия с ним. Между тем здесь совершилось нарушение присяги, принесенной Государю и Его законным наследникам, а кроме того, на главу совершивших это преступление пали клятвы предков — Земского Собора 1613 года, который постановления свои запечатлел проклятием нарушающих их.

В грехе цареубийства повинны не одни лишь физические исполнители, а весь народ, ликовавший по случаю свержения Царя и допустивший Его унижение, арест и ссылку, оставив беззащитным в руках преступников, что уже само собою предопределяло конец.

Таким образом, нашедшее на Россию бедствие является прямым последствием тяжелых грехов, и возрождение ее возможно лишь после очищения от них. Однако до сих пор нет настоящего покаяния, явно не осуждены содеянные преступления, а многие активные участники революции продолжают и теперь утверждать, что тогда нельзя было поступить иначе.

Не высказывая прямого осуждения Февральской революции, восстания против Помазанника, русские люди продолжают участвовать в грехе, особенно когда отстаивают плоды революции».

Осознав свою вину, часть русских людей за рубежом начинают движение покаяния за совершенный всем народом грех «попущения цареубийства». Движение за покаяние, естественно, вырастает в движение за прославление Царственных мучеников.

В 1981 году Русская Зарубежная Церковь прославила Царскую семью как святых мучеников. Канонизация Царственных Мучеников стала огромным событием не только для русских

людей за рубежом, но и прежде всего для истинно православных людей в самой России, среди которых почитание Царской семьи никогда не прекращалось. Событие это стало началом нового духовного этапа в жизни страны, первой ступенью к покаянию русского народа за то, что он попустил еврейским большевикам «умучить своего Царя».

Как сказал по поводу этого события святитель Иоанн (Максимович):

«Царь-Мученик Николай II со своим многострадальным Семейством входит ныне в лик страстотерпцев. Величайшее преступление, совершенное в отношении него, должно быть заглажено горячим почитанием его и прославлением его подвига. Пред униженным, оклеветанным и умученным должна склониться Русь, как некогда склонились киевляне перед умученным ими преподобным Игорем, как владимирцы и суздальцы — перед убитым великим князем Андреем Боголюбским!

Тогда Царь-Страстотерпец возымеет дерзновение к Богу, и молитва его спасет Русскую землю от переносимых ею бедствий.

Тогда Царь-Мученик и его сострадальцы станут новыми небесными защитниками Святой Руси.

Невинно пролитая кровь возродит Россию и осенит ее новой славой! <...>

Чем сильнее будут наши молитвы о Царственных Мучениках, чем больше будем их чтить, тем скорее сделает Господь ходатаями за Землю Русскую тех, кого удостоил уже Небесной Славы».

ГЛАВА 68

Движение за прославление Царственных мучеников в России. — Деятельность православной общественности. — Сбор подписей. — Синодальная комиссия по канонизации. — Святотатственная кампания противников прославления Царской семьи. — Компромисс с противниками прославления. — Канонизация Царственных мучеников на Архиерейском Соборе 2000 года. — Грех попустительства в цареубийстве до конца не искуплен.

Почитание Царственных мучеников в самой России, начавшееся с молитвы Святейшего патриарха Тихона, сразу же после цареубийства не прекращалось весь советский период. Православные люди, священники и миряне, под страхом репрессий и даже смерти возносили к Богу молитвы об упокоении невинно

убиенных страстотерпцев, членах Царской семьи. Спрятанные в укромных местах изображения и фотографии Царя и Царской семьи становились иконами. Переписывались и передавались из рук в руки молитвы Царю-Мученику Николаю. В 30—40-е годы в России среди православных людей ходят тетрадочки с переписанным в них от руки Акафистом святому Великомученику Благоверному Царю Николаю. По молитвам, обращенным к Царственным мученикам, совершаются чудеса и исцеления[1].

Во второй половине 80-х годов среди православных людей складываются организации, ставившие своей главной целью добиться прославления Царственных мучеников. Первой такой организацией становится Христианско-патриотический союз, возглавляемый В.Н. Осиповым. Члены этой организации начинают сбор подписей за канонизацию «умученной от жидов» Царской семьи.

С возникновением Союза Православных Братств [председатель игумен Кирилл (Сахаров)] массовый характер приобретает сбор исповеднических подписей под обращением к патриарху о канонизации Царственных мучеников. С 1991 года сбор подписей под исповедническим воззванием охватил многие области России. В Москве, С.-Петербурге, Сергиевом Посаде, Екатеринбурге, Царицыне, Ялте, Архангельске, Пскове и других городах России православными братствами и инициативными группами были организованы заставы по сбору подписей за канонизацию Царской семьи. Были собраны тысячи подписей. Многие православные на коленях, со слезами на глазах, молились перед иконами Царственных мучеников о заступничестве их перед Богом. В Дивееве, на торжествах по случаю возвращения святых мощей преподобного Серафима Саровского, большинство паломников поставили свои подписи под воззванием о канонизации. Особенно дружно подписывали казаки из всех русских земель.

Увеличивалось число храмов, в которых поклонялись иконам Царственных мучеников. Было получено благословение Святейшего патриарха Алексия II митрополиту Сурожскому Антонию на освящение храма во имя Св. Царя-Мученика Николая и Его Августейшей Семьи в Англии, а также архиепископу Екатеринбургскому и Курганскому Мелхиседеку на построй-

---

[1] Подробнее об этом см.: Алферьев Е.Е. (сост.). Письма Царской Семьи из заточения. Джорданвилль, 1974. С. 491—499; Шергунов Л., протоиерей (сост.). Чудеса царственных мучеников. Сборник 1—3. М., 1995—1997.

ку часовни, а в дальнейшем — на возведение храма во имя Царственных Страстотерпцев. Для организации этого богоугодного дела был создан фонд строительства храма-памятника, председателем которого стал владыка Мелхиседек.

В 1991 году, на 2-м съезде Союза Православных Братств, было принято решение: «...Учитывая всевозрастающее почитание Свв. Царственных Мучеников, просить церковное священноначалие осуществить канонизацию в ближайшее время. До этого православные братства, приходы и отдельные лица обращались с той же просьбой к Патриарху». На Архиерейском Соборе 31 марта — 4 апреля 1992 года было вынесено определение: «...Поручить Синодальной комиссии по канонизации святых... начать исследование материалов, связанных с мученической кончиной Царской семьи»[1].

3-й съезд Союза Православных Братств, состоявшийся 17—19 июня 1992 года в г. С.-Петербурге, в Александро-Невской лавре, снова обратился к патриарху, прося его «святых молитв, участия и помощи Богоугодному Святому делу — скорейшему проведению канонизации Русской Православной Церковью Царя-Мученика Николая Александровича и Его Августейшей Семьи — Страстотерпцев Российских, Царственных Мучеников».

В 1993 году в специальном послании к 75-летию убиения Императора Николая II и его семьи патриарх дал оценку совершенного цареубийства: «Грех цареубийства, происшедшего при равнодушии граждан России, народом нашим не раскаян. Будучи преступлением и Божеского, и человеческого закона, этот грех лежит тяжелейшим грузом на душе народа, на его нравственном самосознании»[2]. Синодальная Комиссия Русской Православной Церкви по канонизации святых по распоряжению патриарха вплотную занялась вопросами канонизации Царской семьи.

Решение патриарха, поддержанное лучшими сынами Русской Православной Церкви — священством и мирянами, вызвало злобную реакцию противников канонизации Царской семьи. В России и за рубежом и даже в самой Комиссии по канонизации начинается враждебная работа по дискредитации Царственных мучеников. Связанные с иудейско-масонской

---

[1] Материалы, связанные с вопросом о канонизации Царской семьи. М., 1996. С. 3.

[2] Послание Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви к 75-летию убиения Императора Николая II и Его семьи. 1993.

идеологией общественные деятели, публицисты и даже некоторые богословы начинают вовсю распространять нелепые, давно отвергнутые серьезными историками утверждения, что Николай II сознательно губил Россию, имел любовниц, курил, пил, расстреливал народ, довел Россию до катастрофы и даже был масоном. Еврейская и масонская печать от «Известий» и «Независимой газеты» до желтых бульварных листков предоставляют этим клеветникам возможность лгать и святотатствовать.

Сторонники иудейско-масонской идеологии проявились даже в Комиссии по канонизации святых. В середине 90-х годов они пытаются утверждать, что цареубийство в Екатеринбурге не носило ритуального характера, и договариваются до полного отрицания ритуальных убийств у иудеев.

Русская Православная Церковь почитает святыми христиан, умученных иудеями в ритуальных целях (например, св. Евстратий, св. Гавриил Белостокский), тем самым признает существование ритуальных убийств, совершаемых иудеями по религиозным мотивам. Поэтому отрицание этих очевидных фактов некоторыми членами Комиссии по канонизации ставит их вне православного вероучения.

Духовная брань православных людей с противниками канонизации Царственных мучеников развернулась на заседании Священного Синода 10 октября 1996 года. В докладе Комиссии по канонизации противники прославления Царской семьи сумели провести формулировки, умаляющие великое духовное значение Царя в борьбе с силами зла, противопоставляющие его государственную и личную жизнь, отделяющие его от Государства и Русского народа. В докладе не было отмечено самое главное — вселенская роль Царя Николая II как последнего Удерживающего всего Христианского мира, с момента цареубийства вошедшего в эпоху апостасии.

Формулировки, прозвучавшие в докладе председателя Комиссии по канонизации, являющиеся по своей сути компромиссом с противниками прославления Царственных мучеников, вызвали справедливое возмущение большей части православного народа. Наиболее последовательно оно было выражено в «Обращении» епископа Владивостокского и Приморского Вениамина[1]. Формулируя собственный вывод, владыка Вениа-

---

[1] Обращение епископа Владивостокского и Приморского Вениамина к Архиерейскому Собору 1997 от имени чад церковных, монашествующих и духовенства Приморского края // Русский Вестник. 1996. № 49—51.

мин писал: «Подводя итог изучения государственной и церковной деятельности последнего Российского Императора, Комиссия не нашла в ней достаточных оснований для его канонизации», члены Комиссии при этом опирались на личные мнения как раз церковных, политических, государственных, нравственных противников Государя Императора Николая II, касалось ли это пресловутого «синодального периода» в истории Русской Церкви, или взаимоотношений с Г.Е. Распутиным, или каких-то конкретных исторических событий. При том оставались в стороне выводы государственной Чрезвычайной Комиссии Временного правительства, засвидетельствовавшей невинность Царской семьи в многочисленных обвинениях, выдвинутых накануне Февральского клятвопреступного бунта так называемым общественным мнением, формировавшимся тайными и явными врагами Трона и России; а также материалы официального правительственного расследования убийства членов Дома Романовых на Урале.

Такой избирательный подход к общеизвестным фактам, писал епископ Вениамин, позволил Комиссии по канонизации игнорировать Послание патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви к 75-летию убиения Императора Николая II и Его семьи, в котором шла речь о необходимости государственного расследования так называемого Царского Дела и прямо говорилось, что «по приказу властей были лишены жизни люди, вся вина которых состояла в том, что они принадлежали к царствовавшей династии».

В Послании патриарха и Св. Синода было положение, не учтенное в материалах Комиссии, а именно: свой скорбный путь к Екатеринбургской Голгофе, к венцам страстотерпцев Государь и Государыня начали с момента возложения на себя венцов царских. Нельзя разделять два периода в Их жизни — до отречения и после, ибо одно вытекает из другого: Помазанник Божий принес себя в искупительную жертву за грехи народа.

Однако жизнь Того, Кто в течение более двадцати лет нес тяжелый крест царского служения по охране Церкви и Народа; Того, о Ком вся Русская Православная Церковь молилась как о «Благочестивейшем Государе Императоре», в докладе Комиссии «находит определенное сходство» с жизнями блудницы и пьяницы, правда, впоследствии раскаявшихся в грехах и чрез свое страстотерпчество удостоившихся святости. Мало того, что такое уподобление выглядит кощунственно по отношению к Помазаннику Божиему, получающему особый священный дар в

таинстве миропомазания на Царство, так еще просто не соответствует историческим фактам, если, конечно, не черпать их из зарубежного и отечественного злонамеренного мифа о Царской семье.

Стараясь обойти все острые вопросы, связанные с цареубийством, особенно роль Государя как Удерживающего и вытекающий из этой роли ритуальный характер злодеяния, синодальная комиссия приняла компромиссное решение: предложила канонизировать Царскую семью в чине святых страстотерпцев за Их страдания, перенесенные в тобольском и екатеринбургском заточениях, и за мученическую кончину.

В стороне осталось признание духовного подвига Царя за сохранение Православной Державы, а также искупительная жертва Царя за грехи народа. Конечно, для Бога, у Которого Царственные Страстотерпцы давно прославлены, для небесной Торжествующей Церкви не важна формулировка канонизации Государя Императора Николая II Александровича и Его Августейшей Семьи, предложенная синодальной комиссией. Она важна для нас — православного народа и земной воинствующей Церкви, поскольку определяет наше упование, ожидание того, в каком чине призываем мы Царя-Великомученика на помощь страждущей России.

Епископ Вениамин и многие другие православные люди обращались к Архиерейскому Собору с просьбой внимательно изучить предложенную синодальной комиссией формулировку канонизации Царской семьи и устранить неоправданное противопоставление двух периодов жизни Августейших Страстотерпцев, восстановив как земное единство Русского Царя со Своим народом, так и небесное ликование у Престола Божия Царственных мучеников во главе сонма Новомучеников и Исповедников Российских.

Великое событие прославления Царственных мучеников совершилось в августе 2000 года, на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви. Была принята компромиссная формулировка канонизации Царской семьи в чине святых страстотерпцев и тем самым сделан первый шаг на пути искупления греха русского народа за попустительство в цареубийстве 1918 года.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

I. ПОПЫТКИ СПАСЕНИЯ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

ДОКЛАД
Крымского Конного Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка корнета Маркова[1].

В начале 1918 года я, офицер Крымского Конного Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка, близкий вообще к Царскому Дому благодаря своим родственным связям, получил предложение от А.А. Вырубовой отправиться в Сибирь с письмами для передачи Императорской Семье, что вообще соответствовало моему давнишнему желанию проехать в Тобольск и принять участие в предполагаемом освобождении Высочайших Узников.

Выполняя это поручение, 2 марта старого стиля 1918 года я выехал в Сибирь, 9-го приехал в Тюмень и 10-го в Тобольск, где в то время находился в заключении Государь Император и Его Семья.

11-го я вошел в связь с отцом Алексеем Васильевым (духовник Их Величества) и получил через него от Государыни Императрицы подарки для передачи Анне Александровне Вырубовой: открытку собственной Ее Величества работы: ангелок, исполненный акварелью, с надписью: «Господи, пошли благодать Твою в помощь мне, да прославлено Имя Твое святое».

Для передачи Юлии Александровне Ден: маленький мундштук мамонтовой кости.

Обе вещи переданы мною по назначению впоследствии.

Тогда же от Ее Величества я лично получил большой мундштук мамонтовой кости, иконку Св. Иоанна Тобольского и молитвенник с собственноручной надписью Ее Величества: «Маленькому М. благословение от Ш.» («маленькому Маркову благословение от Шефа»).

---

[1] Печатается по тексту редкой книги: П.А. Авалов, князь. В борьбе с большевизмом. Б. г.

Я в свою очередь передал через отца Алексея целый ряд различных предметов: подарки Вырубовой и от меня.

Вскоре после этого, через священника Васильева, я получил приказание Ее Величества Государыни Императрицы отправиться в село Покровское, где находился зять Г.Е. Распутина Соловьев, и установить там с ним связь.

До настоящего времени я не имел возможности выяснить — действительно ли это приказание исходило от Императрицы.

Согласно этому приказанию я 13 марта поехал в село Покровское, отыскал там дом Распутина, познакомился с его женою, младшею дочерью и сыном, но Соловьева не застал, так как он несколько часов перед моим приездом был арестован проезжавшими мимо красноармейцами и отправлен ими в неизвестном направлении.

Из слов родственников Распутина выяснилось, что для меня небезопасно оставаться в Покровском, и потому я возвратился обратно в Тюмень.

Дабы иметь возможность, не возбуждая подозрений, остаться вблизи Царской Семьи, я поступил в Тюмени в формировавшийся там красный эскадрон. Я должен был при этом подтвердить, что я это делаю по собственной инициативе.

Я сделал это потому, что Тюмень имела хорошее железнодорожное сообщение с Тобольском, а я отлично помнил, что Марков 2-й неоднократно указывал в Петербурге на то, что в Тобольск для спасения Царской Семьи будет послано большое количество офицеров. В то время я верил, что Марков 2-й действительно располагал значительной организацией, которая скоро приступит к работе.

Я незамедлительно известил Маркова 2-го письмом, направленным по условленному адресу в Петербург, о моем пребывании в Тюмени и сообщил мой адрес. Что произошло с посланными мною письмом и телеграммой, я не знаю. Ввиду того, что я, до поступления своего в Красную Армию, Соловьева не встретил и мне было нечего делать, я занялся сбором сведений о нем.

Я встретил Соловьева совершенно случайно у парикмахера в Тюмени, после того, как он, дав подписку о невыезде из Тюмени, был выпущен из-под ареста.

При этом свидании я передал ему поручение отца Алексея. Приказ Императрицы его сильно удивил, в особенности относительно моего отъезда из Тобольска.

Мое поступление в Красную Армию он одобрил, так как

думал, что я в таком случае легко устрою в свой эскадрон всех офицеров, которые по поручению Маркова 2-го должны прибыть из Петербурга в Тюмень.

Только позднее я узнал, что Соловьев с отцом Алексеем был в натянутых отношениях. Он обвинял священника в том, что последний недобросовестным образом старался убедить Императрицу, что он единственный, который может быть полезным Высочайшим Узникам, и на основании этого отстранял всех других лиц, которые также трудились над освобождением Царской Семьи.

Моя деятельность в Красной Армии заключалась лишь в том, что я информировал Соловьева о всем, что происходило среди Красной Армии. До моего ареста я не получал ни от г-жи Вырубовой, ни от Маркова 2-го никаких указаний.

Связь с Петербургом не была восстановлена — мое письмо к Маркову 2-му осталось без ответа.

Так прошло до 5 апреля ст. ст., когда я по доносу французского инженера Бруара был арестован. Последний жил долгое время в России и имел торговые дела с Соловьевым. По прибытии в Тюмень он рассорился с Соловьевым и выдал большевикам одно из адресованных ему Соловьевым письмо, в котором упоминалось и мое имя.

Благодаря случайности на 17-й день после моего ареста мне удалось освободиться. Во время моего ареста по какому-то текущему делу посетил тюрьму председатель Совнархоза Карамашев. Я убедил Карамашева, что я только за три дня до моего ареста познакомился с Соловьевым. Это удалось мне только на основании того, что одна дама, которая ничего не знала о моем знакомстве с Соловьевым, за три дня до моего ареста представила нас друг другу во время антракта в Городском театре, что совершенно случайно видели члены Тюменского Совдепа. Также и сам Карамашев, находившийся в этот момент в ресторане при театре, заметил это представление.

Мои доказательства были признаны правильными, и меня освободили.

После моего выхода из тюрьмы, по настоянию Тюменского Военного Комиссара товарища Пермякова, считавшего меня безусловно невиновным, я возвратился обратно в мой эскадрон, получив там командную должность, и был назначен членом Штаба Красной Армии в Тюмени. Я ждал все время с лихорадочным нетерпением известий и инструкций от тех лиц, которые послали меня в Сибирь, как члена обширной организации.

Однако я не получил ни до ни после никаких известий: ни Марков 2-й, ни Вырубова не написали мне абсолютно ничего и одновременно из Петербурга никто не приехал в Сибирь.

После того как мы втроем: Соловьев, я и еще некий Н. (офицер моего полка) обсудили создавшуюся обстановку, мы решили действовать самостоятельно.

Н. поехал в Петербург, Соловьев оставался в Тюмени до начала антибольшевистского движения в Сибири и до того момента, когда его дело должно было поступить на разбор в Тюменский Военный Трибунал. После этого он скрылся в начале июня в направлении на Тобольск, в сторону от места заключения Царской Семьи, в село Покровское.

Ввиду того, что я видел полную мою бесполезность пребывания в Тюмени, где я каждый момент мог быть уличенным, а также еще вследствие того, что из-за занятия чехословаками и казаками района Тобольск—Покровское, моя связь с Соловьевым была прервана, я сдал 30 июня нового стиля свой эскадрон и поехал в Екатеринбург. Когда я там 1 июля н. ст. посетил снаружи Ипатьевский дом, то я пришел к убеждению, что положение Царской Семьи должно быть трагическое и требует немедленной помощи. Подобное впечатление получалось от усиленного внешнего караула, двойной изгороди и отталкивающего вида караула, который больше был похож на разбойников, чем на солдат.

На этот раз, несмотря на все попытки, мне не удалось войти в связь с кем-нибудь из окружавших Царскую Семью.

Ввиду того, что я не хотел дольше терять времени, а также потому, что я не был в состоянии найти следы той организации, к которой должен был присоединиться, я незамедлительно отправился в Петербург, куда и прибыл 8 июля н. ст.

В Петербурге я к своему большому удивлению не нашел ни Маркова 2-го, ни его помощника Соколова, который носит теперь фамилию Баранского.

Оба названных господина уехали в Финляндию и, что замечательно, не оставили своих заместителей. Я обратился к члену Марковской организации, офицеру гвардейского экипажа, но и тот мне не мог дать никаких указаний. Тогда, ввиду отсутствия Маркова 2-го, я обратился к другим лицам, но, увидев, что их совершенно не интересует вопрос освобождения Царской Семьи, а я один, в данном случае, ничего сделать не могу, я решил на собственный риск подыскать для этого иной путь.

Мое дальнейшее пребывание казалось мне, с одной стороны, рискованным, а с другой — совершенно бесполезным.

Поняв вполне ясно, что все сообщенное Марковым 2-м об организации, которая будто бы должна была спасти Августейших Узников из рук красных, было не чем иным, как сплошным вздором, и одновременно сознавая, что положение Царской Семьи с каждым днем все ухудшается, я, не задумываясь, предпринял новые шаги.

На основании вышеизложенного я обратился в Генеральное Германское Консульство в Петербурге и послал оттуда, при содействии служивших там германцев, два письма (22 июля и 8 августа н. ст.) Августейшему Брату Императрицы, Великому Герцогу Эрнст-Людвигу Гессенскому.

В этих письмах я описал, как вернувшийся только что из Сибири офицер полка, Шефом которого была Императрица, тяжелое положение Царской Семьи, умоляя о помощи, и непременно о немедленной помощи. (Эти письма находятся в архиве Его Королевского Высочества.) Этим же объясняются мои сношения с Германским Штабом. 15 августа н. ст. я поехал в Киев, куда и прибыл в конце месяца. Там я получил через Германское Военное Командование две телеграммы от Его Королевского Высочества следующего содержания:

Большевистская Революция в России

1) Замок Вольфсгартен 25. 8.18.

По №..... корнету Маркову отель «Прага» Киев.

Г-н I. войдет с Вами в связь из Москвы.

Эрнст-Людвиг В.Г. Гессенский

2) Дипломатическому Представительству. Москва 5. 9.18.

По №.... г. г..... Г-н I. надеется через неделю быть в Киеве.

После получения этой телеграммы я работал все время для освобождения Царской Семьи и вошел в связь в Киеве с германскими подданными г. г. I. Мои переговоры с этими господами не считаю еще своевременным предавать гласности, хотя, по моему мнению, они очень интересны с чисто исторической точки зрения.

Во время моего пребывания в Киеве я был личным адъютантом генерала от кавалерии графа Келлера. Оттуда, преследуемый Петлюровскими бандами, бежал в Германию, где и находился до 1920 года.

В Советской России я был только один раз с февраля по август 1918 г.

В Германии я имел честь лично докладывать о моем путе-

шествии в Сибирь, как Августейшему Брату Покойной Императрицы, Великому Герцогу Эрнст-Людвигу Гессенскому, так и сестре Ее Принцессе Ирине Прусской и Ее Супругу, Брату Императора Вильгельма II, Принцу Генриху Прусскому.

Кроме того, я познакомился в апреле 1921 года с гвардии капитаном Б., который мне рассказал, что он, по приказанию Государыни Императрицы Марии Феодоровны, ездил в Екатеринбург, куда, однако, прибыл лишь после убийства Царской Семьи и работал там как помощник Судебного Следователя Соколова.

По его настойчивой просьбе я согласился дать ему некоторые сведения о моей поездке в Сибирь.

Если я теперь, суммируя все вышеизложенное, даже и те события, которые имели всего лишь второстепенное значение, освещу их лишь с исторической точки зрения, то я буду вынужден указать следующее, касающееся меня лично.

1. Я действительно ездил в Сибирь по поручению г-жи Вырубовой, чтобы там принять участие в предполагаемом освобождении Царской Семьи. Я поехал не как глава организации, а лишь как простой член ее, и я был готов для этой цели пожертвовать собою.

2. Мои отношения к Германскому Штабу вполне объясняются моей деятельностью, которая подтверждается документами (телеграммами).

3. Мое вступление в Красную Армию объясняется, как видно из указанного выше, желанием обеспечить мое положение на месте, и оно было одобрено лицом, к которому я должен был обращаться.

4. Эскадрон не мог быть под моей командой, так как я в это время сидел арестованным в Тюменской тюрьме (выписка из тюрьмы может быть представлена, естественно, только тогда к моим объяснениям, когда Россия будет освобождена от большевиков). Однако позднее, после моего освобождения из тюрьмы, я узнал, что действительно 16 человек моего эскадрона конвоировали Царскую Семью от последнего этапа перед Тюменью.

5. В Советскую Россию я второй раз не возвращался, что видно из моей деятельности и моих отношений с германцами сперва в Германском Консульстве в Петербурге, а затем с германскими властями в Киеве.

Этими пятью пунктами, по моему мнению, я вполне исчерпывающе объяснил свое участие в деле освобождения Царской

семьи. Я не могу не указать на характеристику, данную мне Марковым 2-м: он распространяется обо мне, как о болтуне и жадном до денег человеке.

Предоставляя каждому право судить о своей работе по собственному усмотрению, я должен заметить, что участие в деле освобождения Царской Семьи в то время, когда об этом ведутся переговоры и ищутся средства и пути осуществления этого дела, может принести выгоду и прибыль только большевистскому агенту, который имел намерение продать организацию. Для человека же, который в 1924 году переносил все неприятности эмигрантского скитания, но оставался все же верным своим убеждениям, такого рода оценка его участия в деле, единственным наказанием за которое является смертная казнь, мне кажется слишком поверхностной, необдуманной и неуместной.

Самым больным местом в нашем святом монархическом деле является то обстоятельство, что мы, простые исполнители, в необходимый момент всегда оставались без вождя.

Фактически же дело обстояло так: я, Сергей Марков, ищу в Петербурге следы организации и не нахожу их, в то время когда Марков 2-й находится в Финляндии, где большевистское правительство ни достать, ни преследовать его уже не могло.

Гибель Государя Императора и Его Семьи лежит тяжелым камнем на сердце у всех нас, называющих себя Его верными подданными, но в роковой час оставивших Его в руках озверевших каторжных преступников. Особенно виноватыми должны себя чувствовать руководившие старшие; в их безвольи и иногда изменчивости лежит начало многих бедствий, которые сейчас переживаются нашей Родиной. Если бы это было не так, то, по моему мнению, вообще и всех печальных событий не произошло бы, но если бы роковая случайность, несмотря на энергию руководивших, все-таки оказалась бы победительницей, то теперь около них остались бы дисциплинированные молодые работники, которые с верою следовали бы за своими вождями.

Увы, вожди с большими претензиями обыкновенно являлись тогда, когда дело начиналось молодыми, и своим вмешательством часто губили, а не помогали ему. Они требовали повиновения и уважения к себе, но забывали, что таковые приобретаются не вывеской и рекламой, а действительными, сознательными действиями, ведущими к достижению определенно поставленной цели <...>.

ПРОТОКОЛ
допроса свидетеля[1]

1918 года, ноября 22/9 дня, в г. Екатеринбурге, в камере своей, член Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., и он показал:

Я, Николай Яковлевич Седов, 22 лет, штаб-ротмистр Крымского конного полка, временно проживаю в городе Екатеринбурге по Госпитальной улице в доме № 6.

Узнав о том, что Вы производите следствие по делу об убийстве б. Императора Николая Александровича и членов его семьи, я явился к Вам, чтобы сообщить следующие факты.

Как офицер полка, шефом коего была б. Императрица Александра Федоровна, я, по соглашению с некоторыми другими офицерами, преданными Царской семье, задались целью оказывать заключенному Императору возможную помощь. Почти всю минувшую зиму я прожил в городе Тюмени, где познакомился с Борисом Николаевичем Соловьевым, женатым на дочери известного Григория Распутина.

Соловьев, узнавши как-то о моем появлении в Тюмени, сообщил мне, что он стоит во главе организации, поставившей целью своей деятельности охранение интересов заключенной в Тобольске Царской семьи путем наблюдения за условиями жизни Государя, Государыни, Наследника и великих княжон, снабжения их различными необходимыми для улучшения стола и домашней обстановки продуктами и вещами и, наконец, принятия мер к устранению вредных для Царской семьи людей. По словам Соловьева, все сочувствующие задачам и целям указанной организации должны были явиться к нему, прежде чем приступить к оказанию в той или иной форме помощи Царской семье. В противном случае, говорил мне Соловьев, я налагаю «veto» на распоряжения и деятельность лиц, работающих без моего ведома. Налагая «veto», Соловьев, в то же время, предавал ослушников советским властям. Так, им были преданы большевикам два офицера гвардейской кавалерии и одна дама. Имен и

[1] Здесь и далее в разделе «Попытки спасения Царской семьи» протоколы допроса публикуются по материалам следственного дела Н.А. Соколова, хранящимся в Архиве Свято-Троицкого монастыря (Джорданвилль, США).

фамилий их я не знаю, а сообщаю Вам об этом факте со слов Соловьева.

Осведомившись о том, что я намерен отправиться в Тобольск, Соловьев объяснил мне, что в Тобольске принимает деятельное участие в заботах о Царской семье местный священник о. Алексей Васильев, которому пересылались для этой цели крупные денежные суммы. В апреле сего года, на шестой неделе Великого поста, я отправился в Тобольск. На пути, в дер. Дубровно (верстах в 50—60 от Тобольска) я встретил «поезд» с Государем, Государыней и в. к. Марией Николаевной. Поезд состоял из трех троек с пулеметами и пулеметчиками, на следующей тройке ехал Государь с комиссаром Яковлевым, за ними следовала тройка с Государыней и великой княжной Марией Николаевной, далее — тройка с Боткиным и князем Долгоруким. В конце поезда были тройки со служителями и затем — с красноармейцами. Поезд я видел в самой деревне и имел возможность близко увидеть Государыню и Государя. Государыня узнала меня и осенила меня крестом.

По прибытии в Тобольск я пошел к о. Алексею Васильеву и здесь имел разговор с его старшим сыном (кажется, зовут его Дмитрием) по поводу данного мне Б.Н. Соловьевым поручения выдать мне для передачи Соловьеву 10 000 рублей из той суммы денег, которую Васильев должен был привезти из Петрограда. Денег я никаких не получил, так как Васильев ответил, что никаких денег он сам не получал. Узнав от меня, что я не принадлежу к соловьевской организации, мой собеседник отнесся ко мне с большим доверием и стал рисовать мне личность Соловьева и его деятельность в самых мрачных красках, утверждая, что Соловьев преследует только своекорыстные цели и никакой реальной помощи Царской семье не оказывает.

На следующий день я уехал в Тюмень и, по прибытии туда, передал Соловьеву результаты моих переговоров с Дмитрием Алексеевичем Васильевым. Соловьев, в свою очередь, также стал дурно отзываться как об о. Алексее Васильеве, так и об его сыновьях, называя их «спекулянтами» и утверждая, что у него имеются доказательства их дурных поступков. Каких-либо определенных фактов Соловьев мне не сообщил. Второй раз я прибыл в Тобольск в конце сентября и остановился на квартире у детей профессора Боткина. В этот приезд я прожил в Тобольске около одного месяца и из достоверных источников получил сведения о том, что о. Алексей Васильев в обществе своих знакомых хвастался, что у него имеются на хранении письма и до-

кументы, относящиеся к Государю и имеющие важное значение. Были у него, по его словам, и собственноручные письма Государя, переданные ему для отсылки по принадлежности. Передавали мне также, что в числе документов у о. Алексея Васильева находится и акт об отречении Государя от престола. Из вещей, принадлежащих Царской семье, у о. Василия (так в источнике, правильно: Алексея. — *О. П.*) были три браунинга, из коих один с вензелем Государя. С этим браунингом, по словам о. Алексея, уехал в уезд его сын Александр. Маленький браунинг мне показывал сам о. Алексей. Он же сам говорил мне, что у него есть винтовка Государя.

О. Алексей Васильев служит настоятелем Благовещенской церкви. В левом приделе этой церкви о. Алексей где-то хранил палаш Наследника Цесаревича. Палаш этот о. Алексей мне показывал и вынес мне его именно из левого придела церкви. Документы, по имеющимся у меня сведениям, хранятся частью в стене его дома (в переборках, разделяющих внутренние помещения), частью — где-либо на чердаке дома и в одном из церковных алтарей. Внутренние переборки дома представляют из себя полые дощатые перегородки, свободное пространство между перегородками наполнено мусором. Сам о. Алексей был со мной настолько откровенен, что рассказал мне, как он устроил потайное помещение: вырезал часть переборки, выбрал мусор, положил в образовавшуюся пустоту документы и снова заделал отверстие и заклеил обоями. В каком именно месте устроен тайник — о. Алексей мне не указывал.

По словам о. Алексея, часть вещей хранится у бывшего царского служителя Кирпичникова и у начальника охраны Царской семьи полковника Кобылинского. Должен сообщить, что о. Алексей Васильев находится в явно враждебных отношениях с полковником Кобылинским. О полковнике Кобылинском мне известно, что он распродавал из дворца некоторые царские вещи после отъезда Царской семьи из Тобольска и одновременно у него появились большие деньги.

Прочитано. Добавляю, что из разговора с о. Васильевым я вынес впечатление, что хранимые им документы он намерен использовать в личных целях.

Штаб-ротмистр Седов.
Член Екатеринбургского окружного суда И. Сергеев.
Товарищ прокурора Н. Остроумов.

ПРОТОКОЛ

1919 года, июня 17 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов на разъезде № 120, в порядке 443 ст. уст. уг. суд., допрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, и они показали:

<...>

Дмитрий Аполлонович Малиновский, 26 лет, капитан гвардии, помощник начальника Екатеринбургской учебной инструкторской школы, православный, не судился.

В составе лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады я участвовал в Европейской войне, находясь преимущественно на Юго-Западном фронте. Два раза я был ранен. Ввиду развала армии после установления большевистского режима я ушел на Дон. В Новочеркасске я встретил генерал-адъютанта Н. И. Иванова, с которым я был лично знаком. Он посоветовал мне как петроградцу ехать в Петроград и заняться вербовкой офицеров для отправки их на Дон. Пробыв на Дону дней 10, я уехал в Петроград с письмом от Иванова к некоторым его знакомым и с письмом из штаба Добровольческой армии к полковнику Хомутову, находившемуся в Петрограде и связанному с Добровольческой армией. Доставить, однако, письма полковнику Хомутову я не мог, так как он в это время был арестован. Помотавшись несколько дней без дела, я через некоторых своих знакомых вошел в организацию генерала Шульгина. Эта организация, состоявшая из офицерских элементов, имела в виду свержение власти большевиков, установление военной диктатуры и созыв Земского собора для установления образа правления в единой, великой России. Я бы сказал, что это была чисто русская организация, ориентировавшаяся на свои силы: русские. Средства она получала от местных финансовых кругов, хотя, как мне кажется, была в этом отношении связана и с посольствами: шведским и английским.

Этой организацией я был отправлен в первых числах мая месяца в г. Екатеринбург для выяснения условий, в которых находится здесь Августейшая семья, ознакомления по этому вопросу нашей организации и принятия мер к облегчению участи Августейшей семьи, вплоть до увоза ее отсюда.

Здесь я поступил на старший курс Академии Генерального штаба, находившейся тогда в Екатеринбурге. Разобравшись несколько в окружающих меня людях, я сошелся ближе со следующими офицерами, бывшими в Академии: капитаном Ярцо-

вым, капитаном Ахвердовым, капитаном Дилингсгаузеном и капитаном Гершелманом. Я поделился с ними своей задачей. Мы решили узнать как следует те условия, в которых содержалась здесь в Ипатьевском доме Августейшая семья, а в дальнейшем действовать так, как позволят нам обстоятельства. Получали мы сведения эти, как могли. Мать капитана Ахвердова, Мария Дмитриевна, познакомилась поближе с доктором Деревеньько (ошибка в источнике, правильно: Деревенко. — *О. П.*) и узнавала от него, что было можно.

Деревенько, допускавшийся время от времени к Августейшей семье, дал ей план квартиры верхнего этажа дома Ипатьева. Я не знаю, собственно, кто его начертил. Может быть, чертил его Деревенько. Может быть, сама Ахвердова со слов Деревенько. Может быть, и Дилингсгаузен. Я же его получил от последнего. Там значилось, что Государь с Государыней жили в угловой комнате, два окна которой выходят на Вознесенский проспект, а два — на Вознесенский переулок. Рядом с этой комнатой была комната княжон, отделявшаяся от комнаты Государя и Государыни только портьерой. Алексей Николаевич жил вместе с отцом и матерью. Демидова жила в угловой комнате по Вознесенскому переулку. Чемодуров, Боткин, повар и лакей, все помещались в комнате с аркой. Больше этого, то есть кроме вот плана квартиры и размещения в ней Августейшей семьи, мы ничего от Деревенько не имели.

Нас интересовало, конечно, в каком душевном состоянии находится Августейшая семья. Но сведения эти были бедны. Я не знаю, почему это так выходило: Ахвердова ли не могла получить более выпуклых сведений об этом от Деревенько или же Деревенько не мог сообщить ничего ценного в этом отношении, и если не мог, то не отдаю себе отчета и теперь, почему это было так: потому ли, что Деревенько не хотел этого делать, или же потому, что не мог дать никаких ценных сведений, так как за ним за самим следили и при его беседах с лицами Августейшей семьи всегда присутствовали комиссары. Повторяю, сведения эти были какие-то бледные. Знали мы от него, вернее от Ахвердовой через него, что Августейшая семья жива.

Припоминаю, между прочим, вот что. Я помню, по сведениям Деревенько выходило, что у княжон были в комнате четыре кровати, между тем, когда я потом попал в дом Ипатьева, я не видел там, в этой комнате, никаких кроватей, не только в комнате княжон, но и в комнате Государя и Государыни. А попал я туда один из первых. Может быть, впрочем, кровати увез-

ли большевики? Ахвердова же, получавшая сведения от Деревенько, относилась сама к нему с доверием.

Кем-то из нашей пятерки были получены еще следующие сведения о жизни Августейшей семьи. Какой-то гимназист снял однажды своим фотографическим аппаратом дом Ипатьева. Его большевики сейчас же «захлопали» и посадили в одну из комнат нижнего этажа дома Ипатьева, где жили, вероятно, красноармейцы. Сидя там, этот гимназист наблюдал такие картины. В одной из комнат нижнего этажа стояло пианино. Он был свидетелем, как красноармейцы ботали по клавишам и орали безобразные песни. Пришел сюда какой-то из начальствующих лиц. Спустя некоторое время к нему явился кто-то из охранников и с таким пренебрежением сказал, прибегая к помощи жеста, по адресу Августейшей семьи: «Просятся гулять». Таким же тоном это «начальствующее лицо» ответило ему: «Пусти на полчаса». Об этом этот гимназист (я совершенно не могу его назвать и указать, где он живет) рассказал или своим родителям, или тем лицам из старших, у которых он жил. Сведения эти дошли каким-то образом до нашей пятерки (но кто мне их передавал, я не помню).

Был случай разрыва гранаты где-то около дома Ипатьева. Деревенько передавал Ахвердовой, что это дурно отразилось на душевном состоянии Наследника.

Проходя мимо дома Ипатьева, я лично всегда получал тяжелые переживания: как тюрьма древнего характера: скверный частокол с неровными концами. Трудно было предполагать, что им хорошо живется.

Источником, через который получались нами сведения, был еще денщик Ахвердова, имени и фамилии его не знаю; впрочем, кажется, по фамилии — Котов. Он нашел знакомство с каким-то охранником и узнавал от него кое-что.

Я осведомлял нашу организацию в Петрограде посылкой телеграмм на имя капитана Фехнера (офицер моей бригады) и есаула Сводного казачьего полка Рябова. Но мне ответа ни разу прислано не было, и не было выслано ни единой копейки денег. Но что же можно было сделать без денег?

Стали мы делать что могли. Уделяли от своих порций сахар, и я передавал его Ахвердовой. Кулич испекла моя прислуга из хорошей муки, которую мне удалось достать. Я его также передал Ахвердовой. Та должна была передать эти вещи Деревенько для доставления их Августейшей семье. Она говорила мне, что все эти вещи дошли до назначения.

Это, конечно, так сказать, мелочи. Главное же, на что рассчитывала наша пятерка, — это был предполагаемый нами увоз Августейшей семьи. Я бы сказал, что у нас было два плана, две цели. Мы должны были иметь группу таких людей, которые бы во всякую минуту на случай изгнания большевиков могли бы занять дом Ипатьева и охранять благополучие семьи. Другой план был дерзкого нападения на дом Ипатьева и увоз семьи. Обсуждая эти планы, пятерка посвятила в него семь еще человек офицеров нашей же Академии. Это были: капитан Дурасов, капитан Семчевский, капитан Мягков, капитан Баумгартен, капитан Дубинин, ротмистр Бартенев, седьмого я забыл. Этот план держался нами в полном секрете, и я думаю, что большевикам он никоим образом известен не мог быть. Например, мадам Ахвердова об этом совершенно не знала. Однако, что бы мы ни предполагали сделать для спасения жизни Августейшей семьи, требовались деньги. Их у нас не было. На помощь местных людей нельзя было рассчитывать совершенно: все было подавлено большевистским террором. Так с этим у нас ничего и не вышло, с нашими планами, за отсутствием денег, и помощь Августейшей семье, кроме посылки кулича и сахара, ни в чем ином не выразилась.

За два дня до взятия Екатеринбурга чехами я, в числе 37 офицеров, ушел к чехам, и на другой день, после взятия города чехами, утром я пришел в город <...>.

Гвардии капитан Малиновский.
Судебный следователь Н. Соколов.

ПРОТОКОЛ

1919 года, августа 30 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Омске, в порядке 443 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Кирилл Леонидович Соболев, 30 лет, подполковник, начальник штаба 8-й Камской Верховного Правителя адмирала Колчака стрелковой дивизии, православный, в деле чужой, не судился.

В момент революции я был начальником штаба 102-й пехотной дивизии. В сентябре месяце 1917 года я ушел из армии и уехал в Киев. В декабре месяце я уехал в Петроград и поступил там на частную службу.

В мае месяце я выбыл в Екатеринбург. Был я послан в Ека-

теринбург от монархической организации, имевшей целью спасение жизни Августейшей семьи. Был я туда послан полковником Пантелеевым и полковником Хомутовым, входившими в эту организацию. Организация эта родилась в офицерской среде 1-й гвардейской кавалерийской дивизии и носила название «Союз тяжелой кавалерии». Так как к этому времени я уже прослушал курс первый Академии Генерального штаба, то, по прибытии в Екатеринбург, я состоял слушателем 2-го курса Академии.

Имея в виду осуществление цели, о которой я говорил выше, я сошелся с некоторыми офицерами, бывшими в Академии: Малиновским, Ярцевым, Сотниковым, Пацковским, Семчевским. Однако сделать что-либо реального нам не пришлось, так как события совершались весьма неожиданно и быстро. Я помню, что по городу были расклеены объявления о «расстреле» Государя. Объявления эти были печатные, т. е. были напечатаны типографским шрифтом. Они были расклеены или 17 или 18 июля. В них, как мне помнится, не было ни слова сказано о семье Государя. За несколько дней до взятия Екатеринбурга чехами я ушел к ним в составе офицерской роты полковника Рымши и участвовал во взятии Екатеринбурга. После этого в офицерской среде возникла мысль сделать все возможное для установления истины: действительно ли убит Государь Император?

Были произведены в то время работы в районе рудника около деревни Коптяков для отыскания трупов Августейшей семьи. На этих работах был капитан Соболев, ему принадлежало главное наблюдение за этой частью дела. В этой работе принимали участие еще Малиновский и Ярцев. Эта сторона дела мне лично неизвестна. Я слышал, что там, в районе рудника, были обнаружены некоторые вещи Августейшей семьи: бриллиант, икона и какие-то другие вещи. Сам я лично этих вещей не видел и ничего Вам про них рассказать не могу. Между прочим, мне помнится, говорили тогда, что там был найден клок человеческих волос. Где находятся эти волосы, я не знаю. Сам я их не видел, и кто мне об этом говорил, — не помню.

Мое дело, главным образом, заключалось в том, что я наблюдал за ходом следствия по этому делу, которое тогда велось членом суда Сергеевым, не пользовавшимся доверием в офицерской среде. На такое наблюдение я имел официальное разрешение от начальника гарнизона Голицына. В этой роли я лично допрашивал судебного следователя Томашевского, служившего у большевиков. Кроме того, я допрашивал жен крас-

ноармейцев с Сысертского завода, которые несли охрану Царской семьи. Показание Томашевского, записанное мною лично с его слов, Вам представляю. Жены же красноармейцев мне никаких объяснений не дали, ссылаясь на полное незнание ими обстоятельств дела. Давала показание только жена Медведева, но ее допрашивал Сергеев.

Имел к нам отношение в Екатеринбурге конвоец принц Риза Кули Мирза. Он пользовался в моих глазах доверием, как лицо, бывшее в составе конвоя Ее Величества. О существовании Союза тяжелой кавалерии Мирза не знал, но догадываться о существовании в Екатеринбурге офицерской группы, имевшей в виду спасение Августейшей семьи, он мог. Затем, кроме него, имели к нам отношение заводовладелец Борис Леонидович Бекетов, товарищ прокурора Белозерский, управляющий Волжско-Камским банком Владимир Петрович Аничков. А затем имел еще к нам отношение некто Маус. С ним я познакомился у Бекетова. Кто этот Маус, я совершенно не знаю. Доверял я ему потому, что доверял Бекетову.

Маусу я давал поручения иногда. Например, он представил мне показания очевидцев казни великих князей в Алапаевске Кондратьевых. Его сведения по этому поводу Вам представлены.

Я должен отметить, что Мирза уверял нас, что Государь Император ни в коем случае не был расстрелян в случае взятия Екатеринбурга чехами.

После же расстрела Государя в городе ходили слухи, что большевиками была раскрыта какая-то монархическая организация. Правда ли было это, я не знаю, но из наших никто не пострадал.

Больше показать я ничего не могу. Показание мое мне прочитано.

Соболев.
Судебный следователь Н. Соколов.

ПРОТОКОЛ

1919 года, декабря 29 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Чите, в порядке 722 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Борис Николаевич Соловьев, 26 лет, дворянин, православный, не судился.

22 сентября я женился на Марии (так в источнике, правильно: Матрене. — *О. П.*) Григорьевне Распутиной, дочери Григория Ефимовича Распутина. После свадьбы мы отправились в свадебное путешествие, были в Покровском, в Симбирске и возвратились в Петроград уже после большевистского переворота.

Не желая служить у большевиков, я указанного назначения не принял. Явился я в то время к генералу Маниковскому. Он как-то незадолго до этого был посажен большевиками под стражу, но затем освобожден и назначен военным министром. Я пытался выяснить у него положение, что делать дальше. Маниковский мне ответил: «Я хочу у вас спросить, что делать. Вам, может быть, известно, что я только вчера из Петропавловки выпущен. Возможно, что и опять ее не миную. Оставьте пока все. Сейчас мы все разбиты. Время покажет, что надо делать». Я пошел домой, снял с себя военную форму, спрятал ее в сундук и стал ждать. Это был конец моей военной карьеры.

После большевистского переворота я решил заняться своими личными делами, так как в это время я был уже не один, был женат. Работая в лиге, я в то же время много уделял внимания организации дела по изготовлению на одном из заводов некоего Кушелева авто- и турбонасосов. В это дело вошли тогда Кушелев Владимир Лукич, Алексей Алексеевич Куропаткин, я и петроградский техник Василий Андреевич или Андрей Васильевич Попов. Ему принадлежало изобретение в этом деле, которое мы хотели эксплуатировать. Этой работой я тогда и занимался, проживая до января месяца 1918 года в Петрограде.

К этому времени семья Государя Императора содержалась в Тобольске. Большевистские события сильно затронули всех нас: буржуазию, интеллигенцию. Мы опасались, что семья Государя, может быть, нуждается, что ей, быть может, живется хуже нас. Изредка приходили письма. Жена Воейкова (я не знаком с ней) получала письма, кажется, от Государыни (об этом знает моя жена Мария Григорьевна). Письма, очевидно, проходили через цензуру и были общего характера: конкретных указаний на что-либо в них не было, а можно было лишь догадываться, что Августейшей семье живется плохо, что они терпят нужду. Анна Александровна Танеева получала с оказией письма (не знаю, через кого). Письма к ней были от Государыни и великих княжон. Характер их был общий: повествования о Тобольске, о природе его, о времяпрепровождении. Судьбой их интересовались мы все и хотели помочь, но беда была в том, что

деньги были на текущих счетах, а получить их было трудно. Все разговоры на эту тему до января месяца так и оставались разговорами.

Я лично стал испытывать к этому времени затруднения в материальном отношении, и, чтобы их поправить, я поступил на службу к банкиру, некоему Ярошинскому Карлу Иосифовичу. В свое время он был владельцем почти пяти банков: Сибирского, Русско-Торгово-Промышленного, Петроградского Международного (не знаю всех банков). У него 60% акций было сосредоточено в руках. Ярошинский Августейшую семью знал лично: он содержал на свои средства лазареты в Царском. С ним начались переговоры. В этом принимали участие: Анна Александровна Танеева, член Государственной думы Лошкарев и я. Не знаю, чем объяснить факт, что Ярошинский пошел на это с большой неохотой. Тем не менее 25 000 рублей он дал, чтобы они, в случае надобности, пошли Августейшей семье. Деньги эти он дал Анне Александровне Танеевой, а она мне. Ехать в Тобольск решился я.

7 января (по старому стилю) я выехал из Петрограда. Ехал я туда по маршруту: Петроград — Званка — Вятка — Пермь — Екатеринбург — Тюмень. Я вез с собой деньги и чемодан с вещами для них: шоколад, духи, белье, вообще подарки от всех наших, знавших Августейшую семью. Кроме того, у меня было три пакета с письмами, полученные мною от Танеевой. Письма были от разных лиц: от Танеевой, от Воейковой. Одно письмо было от Танеевой на имя Анны Павловны Романовой. В Тюмени я сошел с поезда и дальше поехал лошадьми. В Покровском я переночевал ночь и на следующий день отправился в Тобольск. Там я остановился на постоялом дворе у ямщиков, которые меня и везли.

Пошел я на поиски Романовой. Нашел ее, сказал, кто я такой, передал ей письмо от Танеевой и объяснил цель своего приезда. Это было вечером. На следующий день утром Романова деньги и вещи передала постепенно Волкову, а он доставил их Августейшей семье. В этот же день Государыня прислала через Волкова записку Романовой, в которой Ее Величество сообщала, что деньги и часть вещей, которые к тому времени удалось доставить Романовой и Волкову, они получили, что вся семья хотела бы меня видеть и что Государыня просит меня зайти к священнику Васильеву и познакомиться с ним, потому что, как Ее Величество писала, это человек свой и многое может рассказать.

В этот же вечер я был у Васильева. О. Алексей Васильев принял меня хорошо, любезно, но с большой осторожностью. Затем, узнав, что меня к нему направила Императрица, и осведомившись о цели моего пребывания, он, в свою очередь, информировал меня о положении Августейшей семьи в Тобольске. Я его спросил, как живется Августейшей семье, как относится к ней население, не терпит ли она недостатков в чем, надежна ли охрана. О. Алексей ответил мне, что население относится к Августейшей семье весьма благожелательно, что большинство охраны — люди если и не преданные, то, во всяком случае, надежные, что в материальном отношении Их Величества терпят крайний недостаток, и дело будто бы дошло до того, что город ссудил Государю Императору 17 000 рублей.

Расспрашивал я его, оказывается ли помощь Государю со стороны. О. Алексей ответил, что за все время приезжали два офицера, по фамилии оба, кажется, Раевские, но они вели себя вызывающе: кутили, швыряли деньгами и были, в конце концов, высланы. Кроме них, приезжал еще какой-то вице-губернатор. Фамилии его о. Алексей не называл, но говорил, что он приезжал из Москвы. Вообще же он мне сказал, что больше никто не приезжал, и категорически мне заявил, что никто, минуя его, не мог бы попасть к Августейшей семье, что он об этом обязательно бы знал. В дальнейшем разговоре он рассказал мне, что у него налаживается, в составе охраны и вне ее, организация для охраны неприкосновенности Августейшей семьи и, в крайнем случае, увоза ее, что остановка у него исключительно за средствами. Место увоза мне не указывалось, как я понял, оно было еще в проекте. Получив эти сведения, я от о. Алексея ушел и больше с ним не виделся. Ему я обещал стараться снабдить его средствами.

На другой день, в 12 часов дня, я видел Августейшую семью. Так как я до этого времени не представлялся ей, то я прошел мимо окон дома с Романовой. В окнах дома стояли все Августейшие особы. В крайнем окне был Государь Император. Я обменялся с ними знаками приветствия.

В тот же день я получил через Романову письма от Августейшей семьи, кроме Государя Императора (он, кажется, сам никому не писал из Тобольска), к Воейковым и Танеевым. Государыня прислала мне иконку с собственноручной надписью: «Да благословит Вас Господь за добро — благодарные» и дата. Затем мне Романова передала маленький образок Божией Матери для Танеевой без надписи и связанные Государыней чулки

для меня, сколотые французской булавкой, с маленьким образом Иоанна Митрополита. Получил я вещи часа в три дня, отслужил молебен у святого Иоанна и отправился обратно. Около суток я пробыл в Покровском. 7 февраля я вернулся в Петроград.

Все наши близкие были рады, что я привез письма от них. Я рассказал, в каком положении находятся Их Величества. Все это, конечно, всех тронуло. Строились предположения и планы, как им помочь, как увезти оттуда, но для всего этого нужны были деньги и деньги, и большие, а денег не было. Тогда Танеева вновь обратилась к Ярошинскому. Он неохотно обещал и стал тянуть: нынче да завтра и, наконец, заявил, что у него денег в настоящее время нет. В серьезной помощи он, во всяком случае, отказал. Денег найти мы не могли. Танеевы, видимо, не богатые люди. Мои средства все были затрачены в предприятия, которые тогда доходов, конечно, не давали. В конце концов, дал Ярошинский 10 000 рублей. В тех письмах, которые я привез из Тобольска, указывалось, в чем нуждается Августейшая семья: белье, всевозможные мелочи. На деньги Ярошинского (я хорошо не помню, какую именно сумму он дал) и были куплены эти вещи. Кроме того, Танеевы затратили на покупку этих вещей своих, кажется, 4—5 тысяч. Я получил жалованье от Ярошинского 3000 за месяц и аванс в 5000 рублей. Всего у меня было своих денег тысяч 10—12. С этими деньгами и с вещами в чемодане я и выехал из Петрограда. Был у меня еще один пакет с письмами, полученный мною от Танеевой, но от кого именно были письма, я не знаю. Письма предназначались для Августейшей семьи.

Надо Вам сказать, что, уезжая из Тобольска, я получил от о. Васильева письмо к его сыну Георгию. Георгий — студент Духовной академии в Петрограде, служил в то же время в Министерстве путей сообщения. Про письмо, данное мне, я забыл. О. Васильев, между тем, писал сыну по почте и известил, вероятно, его о письме, которое он дал мне. Георгий и пришел ко мне. Поговорив с ним, мы решили ехать в Тобольск с ним вместе. Он достал для себя документы от комиссара путей сообщения Невского. Добыл он и для меня удостоверение, в коем я значился Станиславом Владиславовичем Корженевским. Благодаря этим документам, мы благополучно добрались до Тюмени. В Покровском мы пробыли сутки и поехали в Тобольск. Там я остановился у о. Васильева. Вещи же и деньги в сумме 10 тыс.

рублей (мои собственные деньги) я передал тем же порядком, как и в первый раз.

О. Алексей принял меня радушно. Он мне сказал, что у него почти все приготовлено, что у него везде свои люди: в охране среди солдат, и на телеграфе, и в наружной милиции, и среди сыскной полиции, что дело, чтобы увезти Августейшую семью, останавливается только за деньгами. Так как он сказал мне, что он тратит свои деньги, я дал ему, сколько мог: тысячу рублей.

На другой день я имел свидание с владыкой Гермогеном. Мы виделись с ним у него в митрополичьем доме. Владыка меня хорошо принял.

Посидели мы с ним, поплакали вместе, причем старик противился увозу, находя это неосторожным. Причин согласиться с ним было много: и денег не было, и доводы его были убедительны. Скверно подействует увоз Царя за границу: Царь бросил свой народ. Гермоген собирался в то время организовать братство увечных воинов, вернувшихся с фронта, чтобы в нужный момент воспользоваться ими, т. е. в интересах благополучия Августейшей семьи. Я ему обещал материальную поддержку в этом деле.

Я хотел уезжать опять в Петроград, чтобы так или иначе достать деньги. Но о. Васильев стал уговаривать меня не ездить, а послать в Петроград за деньгами его сына Георгия. Я поддался его уговорам, так как был утомлен от этих дальних и неудобных по тому времени разъездов.

Проживал я у о. Васильева без прописки. Однажды пришел в мою комнату о. Алексей и сказал мне, что какой-то товарищ прокурора сейчас предупредил его, что большевики хотят меня арестовать и что они знают, кто в действительности я, т. е. что я Соловьев, а не Корженевский. Я хотел дать свой паспорт для прописки, но паспорта моего, бывшего в моем бумажнике, не оказалось. Оставалось одно — садиться и ехать, что мы и сделали вместе с Георгием. Приехали мы в Покровское, где я остался, а Георгий поехал дальше. В Покровском я написал для Георгия доверительное письмо к Танеевой и передал ему письма от Августейшей семьи для доставления их Танеевой. В силу переговоров с о. Алексеем я писал Танеевой, что если не удастся достать денег в Петрограде, то надо стараться добыть их в Москве у митрополита Макария, Патриарха Тихона. Указывал я также Восторгова.

Прожил я с неделю в Покровском, как вдруг приезжает из Тюмени банда красноармейцев, окружает наш дом, производит

у нас обыск и арестовывает меня. Это было 26—27 марта. Повезли меня в Тюмень, кратко там допросили и сразу не посадили, а оставили под надзором. Я поселился в доме Елизаветы Егоровны Стряпчевой. В штабе красной гвардии, куда меня сначала привезли, у меня отобрали 2000 рублей денег, выдав в том расписку. До 4 апреля я был полусвободным гражданином. В этот промежуток времени я встретил в Тюмени корнета Крымского Ее Величества полка Маркова, а через некоторое время штабротмистра того же полка Седова. Марков был участником организации Маркова-Второго, пасынок Думбадзе. Он был прислан из Юго-Западного края в Петроград для связи с нашей организацией, но своей фамилией он там всех напугал, и его сочли нужным сплавить ко мне в Тюмень.

Встретились мы здесь в одной парикмахерской, перемигнулись и вышли: сначала я, потом он. Он следил за мной и нашел таким образом мою квартиру. Он мне сказал, что он разыскивает меня, приехал в Покровское после моего ареста и поехал за мной в Тюмень. Надо было легализироваться. Он решил поступить в красную гвардию и предложил свои услуги формировать эскадрон драгун, предполагая набрать в [него] нужных людей, тем более что организация Маркова-Второго и связанная с ней обещали прислать людей.

С Седовым меня познакомил Марков. Кажется, они оба пришли ко мне. Седов приехал по делам тоже какой-то организации, но какой именно, мне так и не удалось его выспросить. Денег у него было 3—4 тысячи. Он просил меня указать ему способ видеть Августейшую семью. После моего ареста там была, конечно, большая паника, не откроется ли все. Беспокоясь, как бы новая неудача не испортила вконец дела, я упрашивал Седова отложить поездку в Тобольск, указывая, что нужную помощь он может оказать и здесь. Он меня послушался и задержался на некоторое время в Тюмени, поступив дворником к домовладельцу Кац [у].

Уезжая из Тобольска, я оставил о. Алексею, кроме указанных денег, еще тысячи три — на организацию дела спасения Августейшей семьи. В Покровском и в Тюмени я воспользовался еще деньгами Дмитрия Распутина. После смерти Григория Ефимовича в тюменском отделении Государственного банка оказались деньги, положенные покойным на имя Дмитрия. Они были в билетах займа. Билеты были проданы, и деньги были положены на текущий счет Дмитрия. Он эти деньги перевел на мое имя. Их всего было, по продаже билетов, на сумму 39 600

рублей. Эти деньги он ссудил мне в долг. Из этих денег я чеком перевел епископу Гермогену 11 000 рублей, из коих одна тысяча предназначалась для организации Гермогена, а 10 000 для Их Величеств. (Впоследствии, после свержения большевиков, я наводил справки и узнал, что эти деньги были получены и переданы по принадлежности.) Я испытывал в это время нужду: около меня были Марков, Седов, нужно было платить Стряпчевой. Занял я 2000 у Седова.

В первых числах апреля вдруг я был посажен в тюрьму, где и отсидел 17 суток. Еще когда я только был арестован в Покровском, я дал об этом телеграмму Марии Григорьевне. Когда она там заявила об этом — эффект был поразительный. Ей посоветовали ехать. Она приехала ко мне за день до моего отправления в тюрьму.

Как-то в это время был арестован владыка Гермоген. Был он арестован евреями и латышами. Ему вменялась в вину контрреволюционность его поведения, что усматривалось из его проповедей. Увезли его в Екатеринбург. Туда отправилась депутация из двоих лиц: одного священника и какого-то присяжного поверенного. Арестовали и депутацию. Перед падением Омска их троих привезли в Тюмень и таскали со штабом красной армии по Туре.

Седов поехал в Тобольск. Дорогой он встретил Государя, Государыню и Марию Николаевну. Как он потом мне рассказывал, он их встретил, не доезжая Покровского. В Тобольске он был у о. Васильева, видел их высочества и возвратился в Тюмень, предполагая ехать в Екатеринбург, как и Марков.

Марии Григорьевне удалось дать взятку какому-то секретарю у большевиков в 2000 рублей, и меня освободили. Тут я узнал, что Георгий Васильев проехал в Тобольск, не заехав ко мне. Узнал я об этом тогда таким образом. К Стряпчевым забежала двоюродная сестра жены Нюра Распутина, возвращавшаяся с Васильевым одновременно из Петрограда, и сказала о проезде через Ялуторовск Васильева. При этом она говорила, что, наверно, Васильев везет деньги, но не в мое распоряжение, так как я арестован, что имеются деньги и для моего освобождения. Я был крайне удивлен поведением Васильева и объяснил его тогда боязнью ареста.

9 мая мне удалось добыть пропуск для выезда из Тюмени. Пропуск тогда был нужен, так как пал Омск и образовался фронт. У большевиков был крайний переполох, отправлялись пополнения к Омску. Я пришел в штаб, сам написал себе про-

пуск, какой-то товарищ его подмахнул, приложив печать. Когда мы с женой садились на пароход, к пристани подошел какой-то большой пароход, на котором, однако, публики не было. Тут же был подан поезд. Жена пошла брать билеты и, находясь у кассы, видела их высочества. Наследник был сильно изнурен, как она говорила: у него перед этим было воспаление легких. Я предположил, что их везут в Екатеринбург, что и случилось. Поехали мы в Покровское. Было тревожно. Приходилось скрываться и ночевать то в поле, то в разных избушках. 12 июня ночью меня разбудили: 18 пароходов с красными подошли к Покровскому. Я надел армяк и укрылся у крестьянина Василия Куропаткина. Просидел я у него 17 суток. Надоело сидеть. Запрягли лошадь, сели на воз и поехали. Отъехали верст 18, встретили войска Сибирского правительства. Я присоединился к ним. В числе 16 человек повели мы наступление на Покровское. Оно было уже оставлено красными, и мы беспрепятственно его заняли. Приехала из д. Космакова жена.

Доехали мы до д. Бачилина, где был штаб отряда Казагранди. Он нас с миром отпустил в Омск. Остановились мы в Тобольске. В эту остановку я повидался с о. Васильевым. Остановился я в квартире ямщиков. Георгий Васильев сообщил мне, что был он в Петрограде, всех обворожил и сам всеми обворожен, был в Москве, виделся со «святыми отцами», ругали они меня. К Тихону его не допустили, денег почти не достал, а какие достал, то они все переданы Их Величествам. Для меня же денег не прислали. Все это, им мне любезно переданное, заставило меня подозрительно отнестись к Васильевым. Вижу — и в материальном отношении у них наступило значительное улучшение: появились корова, рояль, электрическое освещение, хорошая арматура.

В разговоре со мной о. Алексей сообщил мне, что в ночь увоза из Тобольска Государя, Государыни и Марии Николаевны к нему приходили солдаты охраны и говорили ему: «Берите». Я спросил его: «Почему же Вы не взяли?» Он ответил мне на это, что он не мог этого сделать ввиду отсутствия к тому технических средств: куда везти, как. Трудно было, будто бы, это сделать. Со слов Васильева выходило так, что Яковлев фактически «купил» Августейших особ. У него было много денег, и он раздал их охране. О. Алексей показывал мне «приказ» по отряду, где на приход была записана крупная денежная сумма, снесенная в расход «за ревностную службу». Выдавалось, кажется (кроме жалованья), по 1000 рублей солдату и по 3000 офицеру.

Между прочим, Васильев и Романова говорили, что перед отъездом из Тобольска Государь и Государыня передали в Ивановский монастырь 50 000 рублей и полковнику Кобылинскому такую же сумму, оставляя эти деньги, видимо, для себя. Говорила еще Романова про какие-то вещи, оставленные будто бы о. Васильеву Боткиным.

На мои расспросы, при каких обстоятельствах увезли из Тобольска Наследника и великих княжон, он ответил, что их отъезд можно было бы на некоторое время задержать, и он обращался по этому вопросу с телеграфным запросом к о. Восторгову, но получил от него приблизительно такой ответ: «Можете отпустить. Все сделано». Расспрашивая Васильевых, что же именно было сделано в Москве, я попросил представить мне отчет. Получил я ответ, что отчетами они мне не обязаны, что у меня вообще друзей нет: отвернулись от меня. Впоследствии Варя рассказывала, что Георгий Васильев старался много «наболтать» про меня в Петрограде и в Москве, имел, видимо, успех, перебирая грехи наших дедов и отцов. Он говорил, что он был в Москве у Макария и Восторгова, что получил деньги, не называя, кажется, суммы, и предположительно высказывал, что эти лица сами или через других по поводу увоза Августейшей семьи, в целях ее спасения, имели сношения с Совнаркомом.

Заинтригованный объяснениями Васильевых, и в частности относительно денежной стороны дела, я решился все это проверить и пошел к начальнику сыскной полиции Ионе Андреевичу Петухину. Я поблагодарил, прежде всего, Петухина за хорошее его отношение к Августейшей семье: смотрел сквозь пальцы на многое, имея возможность по своему служебному положению мало ли к чему придраться, и упомянул ему о получении им от меня через о. Васильева 2000 рублей. Эти деньги, как я помню, я передал о. Васильеву, когда он указывал мне, что у Петухина по случаю родин-крестин, вообще чего-то семейного, была нужда. Петухин мне ответил, что нужда была, что денег он у Васильева просил, но их не получил. Когда же я сказал ему, что о. Васильев утверждает обратное, он разозлился и рассказал мне про о. Васильева следующее.

О. Васильев давно служит в Тобольске. Лет, приблизительно, 18 тому назад он убил псаломщика своей церкви, но, благодаря своим связям, отделался пустяками: покаянием, кажется. В 1905 году он был с.-р. и был один из передовых батюшек. Когда же движение было подавлено, он перекрасился. Личную аттестацию Петухин ему дал таковую: пьяница, каторжник, раз-

вратник. Твердое убеждение Петухина было то, что Васильев получал крупные суммы от разных организаций на дело спасения и увоза Августейшей семьи и клал себе их в карман. По словам Петухина, о. Алексей в пьяном виде говорил ему, как близкому человеку (они кумовья), что, вот-де, скоро большевиков не будет, будет опять царь и тогда он получит место духовника царя, а его сын Георгий будет к царю самый близкий человек. Говорил, что страшно мешал ему я и вообще все, кто приезжал, но он сумел с нами устроиться: Раевские, благодаря ему, были высланы, а меня он просто обманул: украл у меня паспорт и солгал, что меня хотят арестовать. Предположительно Петухин говорил мне, что у о. Васильева должны храниться большие ценности. Он также говорил мне, что после моего отъезда он был у Гермогена (о. Васильев) и настроил его против меня. Впоследствии, по словам Петухина, о. Васильев сыграл косвенно нехорошую роль и в отношении Гермогена. Он первое время скрывался у о. Васильева, когда его стали искать большевики, но (о. Васильев) выпустил его впоследствии, и он был арестован. Вообще же Петухин говорил мне, что все, сказанное им мне про о. Васильева, есть только часть того богатого материала, который им собран в отношении его уголовного характера.

Я понял после разговора с Петухиным, что о. Васильев был несомненно причиной и моего ареста.

Дальнейший допрос был отложен до утра 30 декабря.

Б. Соловьев.
Судебный следователь Н. Соколов.

ПРОТОКОЛ

1919 года, декабря 31 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Чите, в порядке 722 ст. уст. угол. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Борис Николаевич Соловьев

<...>

Сережу Маркова я впервые узнал в Петрограде. Ему лет 19, высокий, блондин, довольно широкий, скорее полный, растительности никакой не имел, особых примет — также. Познакомился я с ним между первой и второй поездками в Тобольск у Анны Александровны Танеевой. Он мне тогда же сказал, что он прислан от организации Маркова-Второго, очень сильной

людьми и средствами, а находится эта организация где-то в одной из юго-западных губерний. Танеева боялась иметь с ним общение, так как она сама только что освободилась от преследований. Поэтому она и сплавила его из Петрограда вслед за мной. За что, собственно, его арестовали, я не могу сказать. Он формировал в Тюмени эскадрон, как я уже говорил. Между тем в тюменском исполкоме обвиняли военный комиссариат, то есть офицерскую, конечно, среду в контрреволюционности. Вот на этой почве и произошел его арест. Поводом же для этого было то, что Маркова видели вместе со мной, а я был под надзором. Арестовали нас в один и тот же день, а выпустили его позднее меня. Суда же нам никакого не было: все ждали тогда большевики какую-то комиссию из Омска.

Я знаю, что Марков после его освобождения хотел ехать вслед за Августейшей семьей в Екатеринбург. Им руководило чувство любви к Августейшей семье, как и мною. Он хотел как-либо иметь общение с нею. Удалось это сделать ему или нет — я не знаю.

С Седовым я познакомился в Тюмени после моего освобождения из тюрьмы. Где и при каких обстоятельствах я познакомился с ним, я хорошо не помню. Кажется, его привел ко мне на квартиру Стряпчевой Марков. Я вовсе не запрещал Седову ездить в Тобольск. Как же я мог это сделать? Угроз ему я никаких не делал. Не требовал я, чтобы он слушался меня, угрожая ему чем-либо. Просто я не доверял ему, как «мальчишке», и опасался, что после моего ареста он может попасться, а это может повлечь за собой неприятные последствия для Августейшей семьи. Нуждаясь крайне в деньгах, я взял у него 2000 рублей. Впоследствии, когда я ему стал их отдавать, он не брал. В общем, у него, вероятно, явилось чувство обиды ко мне за все, о чем я Вам сейчас сказал. Кроме того, он какой-то странный. Временами мне казалось, что в нем проглядывает что-то ненормальное. Никаких двоих офицеров и дамы, которые бы были кем-либо выданы в Тюмени большевикам, я не знал и ничего об этом не слышал. Поэтому я и не мог ничего подобного говорить Седову. В Тобольске он жил у Мельника, женившегося на дочери лейб-медика Боткина Татьяне и проживавшего в Тобольске. Романова мне говорила, что вряд ли брак Мельника основывается на чувстве любви его к Татьяне Боткиной. По ее словам, Мельником руководило чувство расчета. Зная, что Государь любил Боткина, я, конечно, в силу этого питал добрые чувства к семье Боткина и, не зная о сути отношений Седова к Мельнику

(они, оказывается, в хороших отношениях), сказал о том, что я слышал от Романовой про Мельника, Седову. Тот несомненно передал мои слова ему. В результате — вражда их обоих ко мне.

Ярошинского я лично не знал раньше. Я только слышал о нем. Он русский подданный, типичный поляк, очень богатый человек, владелец крупных сахарных заводов в юго-западном крае, полученных им по наследству от отца. Он был известен Августейшей семье, так как он содержал на свои средства лазареты в Царском. Я с ним познакомился только в 1917 году, как я уже Вам и объяснял. Его довольно безразличное отношение к Августейшей семье я объясняю моментом времени: тогда ведь было время «самоопределения». Поступил я к нему в секретари из чисто личных побуждений. Не находя возможным служить при большевиках, я решил заниматься чисто личными делами. Я и думал тогда поближе познакомиться с банковскими кругами для будущего. Должен я был получать у него 3000 рублей в месяц. Моя первая поездка в Тобольск и была первым поручением, которое было возложено на меня Ярошинским. Никакой, таким образом, организации у нас не было. Была просто группа лиц, в которую входили: я, Танеева и Лошкарев.

В первую поездку у нас не было никаких определенных целей в отношении Августейшей семьи. Просто мы хотели помочь ей чем-либо. По возвращении из Тобольска мы думали уже: нельзя ли ее увезти, чтобы спасти ее, так как положение ее было плохое. Она страшно нуждалась.

<...>

Б. Соловьев.
Судебный следователь Н. Соколов.

II. ОСНОВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА Н.А. СОКОЛОВА[1]

ПРОТОКОЛ

1919 года, апреля 15—25 дня судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Екатеринбурге в порядке 315—324 ст. ст. уст. угол. суд. производил дополнительный осмотр дома Ипатьева.

По осмотру найдено следующее.

[1] Архив Свято-Троицкого монастыря (Джорданвилль, США).

Дом Николая Николаевича Ипатьева, где держались большевиками в заключении Государь Император Николай Александрович и другие лица Августейшей семьи, находится в г. Екатеринбурге на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка.

Дом имеет два жилых этажа: верхний и нижний, полуподвальный. Парадный ход в верхний этаж — с Вознесенского проспекта, парадный ход в нижний этаж — с Вознесенского переулка.

Дом каменный, отштукатуренный, покрыт белой известковой краской. Крыша железная, зеленая. В каменной ограде со стороны Вознесенского проспекта находятся створочные ворота, окрашенные в коричневую краску. Вблизи их, со стороны того же проспекта, — калитка, окрашенная так же, как и ворота. В калитке выпилено маленькое окошечко, обращенное во двор.

На самом углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка около стены дома — деревянная, уже старая будка, окрашенная такой же краской, как и ворота с калиткой.

Во дворе дома находятся каменные и деревянные службы с различными сараями для нужд хозяйства, погреб, баня и деревянные сараи-навесы.

При доме имеется небольшой садик, идущий вдоль Вознесенского переулка. Форма его почти квадратная; в длину он имеет 56 аршин, в ширину — 47. В садике растут простые тополя, несколько берез, несколько лип, одна ель, кусты акации и сирени.

Дом своим внешним видом и хозяйственными службами оставляет довольно благоприятное впечатление в сравнении с другими зданиями. Садик же мал и однообразен.

Часть Вознесенского проспекта, на который обращен своим лицевым фасадом дом, переходит как раз против дома Ипатьева в площадь. На этой площади против дома Ипатьева находится церковь Вознесения. Почва земли от этой площади круто понижается к самому дому и имеет довольно значительно выраженный уклон чрез всю усадьбу Ипатьева.

При обследовании наружных стен дома и его служб усмотрена на стене дома, обращенной к Вознесенскому проспекту, надпись, вырезанная каким-то острым предметом, расположенная в нескольких строках, следующего содержания:

«царь Николай сидел на троне из народа пил он кровь торговал он водкой пивом был ленивый на все руки был готов».

Характера почерка эта надпись не передает.

На штукатурке ограды у ворот и калитки имеются надписи, вырезанные каким-то острым предметом:

«Царя русского Николу за хуй сдернули с престолу», «Григорий Суейтин», повторяющаяся два раза; надпись, в которой удается прочесть только слово «Садчиков».

Характера почерков и эти надписи не выражают.

При обследовании будки внутри ее на стене усмотрен рисунок, сделанный по бумаге, наклеенной на стене будки. Рисунок изображает кровать и фигуры лежащих на ней в циничных позах мужчины и женщины. На другой внутренней стенке той же будки черным карандашом сделаны надписи «Гр. Лесников», «Старков Иван на хую у теб...». Дальнейшего текста разобрать не представилось возможным.

Вследствие невозможности снять рисунок и эти надписи в помещении будки при помощи фотографического аппарата, части досок с изображением и надписями были выпилены для приобщения к делу.

<...>

Рядом с комнатой великих княжон находится комната, обозначенная на чертеже цифрой III. <...> В этой комнате — 4 окна, причем два обращены на Вознесенский проспект, а два — на Вознесенский переулок. Все окна имеют двойные рамы. Окно, обращенное на Вознесенский проспект и ближайшее к гостиной, имеет снаружи частую железную решетку, покрывающую все окно. Окно, обращенное на Вознесенский переулок и ближайшее к комнате великих княжон, имеет фортки, такие же, как и описанные раньше.

На левом косяке окна, обращенного на Вознесенский проспект и не имеющего решетки (на левом косяке — если смотреть из окна на Вознесенский проспект), имеется знак и надпись, сделанные черным карандашом, принадлежащие, как свидетельствует Жильяр, Государыне Императрице. Знак и надпись имеют следующий вид:

17/30-го Апр: 1918 г.

В комнате, обозначенной на чертеже цифрой VI, два окна, с двойными рамами, обращенные в сад. В этой комнате Сергеевым были найдены надписи «Толстобровъ» и т.д. и циничные изображения. Надписи и изображения целы. Надпись, являющаяся одной надписью, сделана черным карандашом на стене, противоположной окнам: «Толстобров Петр. А. Стрежнев.

3/VI/18. А. Стрежнев». Она расположена в виде нескольких строк и принадлежит, безусловно, одному лицу.

Циничное изображение находится на стене, отделяющей эту комнату от комнаты, обозначенной на чертеже цифрой VIII. Оно изображает половые органы мужчины и женщины в их соединении. Против этого изображения имеется сделанная черным карандашом надпись, как пояснение самого изображения: «Александра и Распутин».

<...>

Опечатанная комната, обозначенная на чертеже цифрой II, и есть та, где произошло убийство Государя Императора Николая Александровича и его семьи. Ее внешний вид соответствует описанию ее в акте Сергеева (л. д. 39 об. и след., том 1-й).

При настоящем осмотре отмечаются следующие обстоятельства: а. В единственном окне этой комнаты, выходящем на Вознесенский переулок, две рамы. Наружная рама заперта на шпингалеты. Снаружи окно покрыто железной решеткой. Ширина подоконника от внутреннего его края до внутренней рамы в окне — 85 сантиметров, между рамами — около 10 сантиметров, от наружной рамы до решетки — 21 сантиметр, от решетки до края наружной стены дома — 17 1/2 сантиметров. Таким образом, ширина всего подоконника — 1 метр 33 сантиметра. б. На лицевой стороне арки, ближайшей к правому косяку двери, ведущей из этой комнаты в кладовую, обозначенную на чертеже цифрой III (к правому косяку, если обернуться лицом к кладовой), снята часть деревянной обшивки, покрывающей арку, вместе с обоями. Над этой выемкой имеется сделанная черным карандашом надпись: «Рисовал А.А. ...», подпись фамилии неразборчива. в. Под этой выемкой в штукатурке арки имеется в толщу штукатурки углубление конусообразной формы, несомненно пулевого характера. Его глубина 2 1/2 сантиметра, диаметр с краев — 1 сантиметр. От пола оно находится в расстоянии 1 метра 6 сантиметров. Этот пулевой отпечаток не отмечен в акте Сергеева. г. На стене, обращенной к Вознесенскому переулку, имеются три надписи, сделанные черным карандашом, не отмеченные Сергеевым: «Прашу не курить», «Борзна», «Кародонов». д. На самом краю подоконника чернилами черного цвета, весьма толстыми линиями сделаны одна под другой три надписи: «24678 ру. года», «1918 года», «148467878 р», а вблизи их написано такими же чернилами и тем же почерком: «87888». е. В расстоянии полувершка от этих надписей на обоях стены такими же чернилами и такими же черными линиями написаны

какие-то знаки, имеющие следующий вид: <...> ж. В стене, отделяющей комнату убийства от кладовой, произведены выемки штукатурки с обоями и дерева, как о том значится в акте Сергеева от 20 августа 1918 года (л. д. 55, том 1-й). Некоторые пулевые удары в этой стене Сергеевым были приняты, видимо, сначала за штыковые удары, так как против номеров, указанных цифрами 1 — 6 исключительно, имеются карандашные отметки: «шт.». На обоях этой стены в непосредственной близости с выемками по направлению к косяку двери, ведущей в кладовую, замечается множество кровяных брызг, почерневших уже от времени, но некоторые из них сохранили еще характерный для крови окрас: красновато-желтый. Все они идут по направлению от места выемок, т. е. снизу от пола вверх и слева вправо от выемок. Характерна сама форма брызг: совершенно явственно видно, что некоторые из брызг дали характерную для кровяной брызги при полете ее «ковычку». Самая высокая от пола брызга отстоит от него на 1 метр 80 сантиметров, самая ближайшая к полу отстоит от пола на 73 сантиметра. Эти брызги не отмечаются в актах Сергеева. з. В стене, обращенной к Вознесенскому переулку, имеются три вырезки дерева с обоями. Две из этих вырезок вполне соответствуют кускам дерева, описанным в протоколе осмотра их от 17—18 февраля 1919 года (пункты 20—21, л. д. 55—55 об., том 3-й), где было попадание пуль. В непосредственной близости с выемкой куска дерева, описанного в пункте 20-м упомянутого протокола, т. е. того именно, в котором и засела пуля, наблюдается также множество таких же кровяных брызг. Они идут в непосредственной близости от самых краев выемки, так что одну из брызг покрывает карандашная линия, которой Сергеев, видимо, обозначал площадь для выемки дерева с пулей. Некоторые из брызг имеют такую же характерную для кровяных брызг «ковычку». Направление от выемки вверх и направо, вниз и налево. Эти кровяные брызги также не отмечаются в актах Сергеева. и. В этой же стене имеются две вырезки кусков дерева и обоев, описанные в пункте 22-м протокола 17—18 февраля 1919 года (л. д. 55 об., том 2—1) и в пункте 2-м протокола 24 февраля 1919 года (л. д. 82 об., том 2-й). к. В полу комнаты имеются выемки дерева в соответствии с актом Сергеева от 18 августа 1918 года (л. д. 42, том 2-й). л. Ясно видимых штыковых ударов нигде в комнате убийства не усматривается, но обращает (внимание) в этом отношении на себя арка, о которой упоминается в сем протоколе выше, в пункте «б». На расстоянии 1—1 1/2 аршина от пола как раз на той высоте, где

вырезана обшивка, на той стороне арки, которая ближе всего к правому косяку двери из комнаты убийства в кладовую (если смотреть на эту дверь из комнаты убийства), усматриваются продолговатые в 1—2 миллиметра разрывы обоев. Получается впечатление, что по этой стороне арки как будто бы скользило острие штыка. м. В комнате убийства имеются принадлежности для освещения ее электричеством.

<...>

В комнате, обозначенной на чертеже цифрой IV, имеется два окна, с двойными рамами, обращенные в сад, из коих одно окно также находится под террасой. Из надписей, усмотренных в этой комнате Сергеевым, уцелели: сделанная черным карандашом в несколько строк надпись: «повсей подеревне погасли огни гриша ссашурою спать полегли», сделанная также черным карандашом, но весьма слабым оттиском, возможно, и каким-либо острым предметом, надпись «Карташов Иван», не передающая почерка писавшего.

Остальные надписи уничтожены, причем на стене имеются и следы их стирания.

<...>

Из столовой верхнего этажа имеется выход на террасу, каковая, видимо, не осматривалась и не описывалась в актах ни Наметкиным, ни Сергеевым.

Терраса идет вдоль стены дома, обращенной в сад, и оканчивается, с одной стороны, между дверью из столовой на террасу и окном из столовой в сад, с другой стороны — на уровне стены дома, выходящей к Вознесенскому проспекту. Терраса на деревянных столбах, обнесена перилами и верхними столбами, доходящими до крыши, покрывающей террасу — стойками. Ее длина 7 сажен, ширина — 5 аршин. Вниз с террасы идет лестница в сад.

Верхние столбы — стойки — покрыты надписями. Ими же покрыта и вся стена дома, обращенная на террасу. Все эти надписи полны цинизма. Удается читать следующие:

1. У самого начала лестницы с террасы в сад на одной из стоек сделана черным карандашом надпись:

«Прошу // Ехал из // ярмарки // хуй ли // говорить // заехал в // деревню дай ка // по // покурить».

Ниже и сбоку этой надписи подпись, сделанная таким же карандашом и таким же почерком, напоминающая слова: «И. Шамарский», но точный ее смысл разобрать не удалось.

2. На стене террасы имеется вырезанная каким-то острым предметом большими буквами надпись:

«Саря рускаго николу за хуй сдернули спристолу».

3. Ниже этой надписи имеется сделанная черным карандашом надпись: «руской царь у нас был никола

Его за хуй стащили спрестола он всей... был... чего...» Остальных слов разобрать не представилось возможным, так как некоторые слова выскоблены.

4. Далее к Вознесенскому переулку на стене террасы имеется сделанная черным карандашом надпись, напоминающая почерк надписи, только что описанной, и надписи, сохранившейся в комнате нижнего этажа, обозначенной цифрой IV на чертеже дома:

«Ехал с Тобольску // Гришка купец заехал // Он в царский дворец // повсем хоромам // погасли огни Сашка // и Гришка спать // по легли приходит // Николашка и // видит безна полна // давай паскареи // бутылку вина».

5. Далее, ближе к тому же переулку, имеется надпись, сделанная таким же карандашом и таким же почерком, как и описанная:

«Повсей // подеревне // погасли // огни // Сашка // с Гришкой // спать // полегли».

6. Далее, ближе к тому же переулку, имеется надпись, сделанная черным карандашом:

«Русый локон // длинный локон // очи ясныя порой // я встречаю вас // у окон с восхищеною // душой о когдаб не рок // противныя твоих // пристрастных // глаз очи ясны локон длинный // незабуду вечно // вас».

7. По тексту этой надписи, только что приведенной, черным карандашом написано:

«в 12 часов дня // писал писака, а разберет // собака».

8. Далее, ближе к Вознесенскому переулку, черным карандашом сделана надпись: «Помнишь // милая весною // в ароматный // Майский день // обрывала ты со мною расетхвшую // сирень».

9. Далее, ближе к Вознесенскому переулку, написано черным карандашом печатными буквами: «Спешите», а ниже этого слова, от руки: «прочесть».

10. Под текстом этой надписи имеется надпись, сделанная черным карандашом и сильно вытертая или выскобленная. Удается прочесть:

«Хвала тебе... Садчиков и честь

У меня для тебя... есть

И если знать его хотишь, то заглавий...»

Весь смысл, очевидно, заключается в желании автора, чтобы читались заглавные буквы начальных строк этого «стихотворения».

11. Далее, ближе к Вознесенскому переулку, имеется сделанная черным карандашом надпись:

«Сашка и Гришка // Сидят за столом // Сам Николашка // пошол за вином».

12. Далее, ближе к Вознесенскому переулку, имеется сделанная черным карандашом надпись:

«Да здравствует сосыалистическая красная армия и флот а Николай романов...» Следующие слова уничтожены.

13. Под этой надписью, тем же почерком и таким же карандашом, написано:

«Да Здравствует федеративная республика Советов».

14. Далее, ближе к Вознесенскому переулку, написано черным карандашом:

«Романов // Николай».

15. В росчерке буквы «Р» в слове «Романов» написано черным карандашом:

«Иди // ебет // ногами // топат».

16. Далее, ближе к Вознесенскому переулку имеется надпись, сделанная черным карандашом. По краям этой надписи имеются карандашные обводные линии, придающие надписи вид письма: как будто бы к государю кто-то обращался с подобным письмом. Ниже текста надписи, составляющей текст этого письма, написано большими буквами: «Гришка Распутин».

Вся эта надпись, вместе с подписью Распутина, имеет следующий вид:

«Его величества
Николай
всекакията
Александрович
Каменданты
Кудаты
дикамисары
скрылся утнас
етиих вжопу
Навеки нам болше
мать такую
вас невидать

сволочь бох
Мы погибнем
послал
безвас ився
дакамедантов
Россия погибнет
дакамиссаров
безвас
еттих вжопу
секретарь Маилов
мать такую
Абусилов комисар
сволочь черти
послали нарот
мучит
Николай
Александрович
уничтошь
Камендантов
дакамисаров
всю эту сволочь
Гришка Распутин».

17. Далее, ближе к Вознесенскому переулку, имеется надпись, сделанная черным карандашом, имеющая следующий вид:

«№ 6 Верхаш 1918 ...11/15 / Карау...»

Буквы в этой надписи все сопровождаются росчерками, к начертанию коих склонен, видимо, автор во время писания. Надпись производит впечатление, что ее сделал человек, видимо не умеющий вполне свободно писать по-русски: буква В в слове «Верхаш» напоминает в то же время и букву П. Он, видимо, затруднился написать окончание слова «Карау» и после буквы «у» написал что-то вроде буквы «ий».

18. Ниже этой только что приведенной надписи имеется надпись, сделанная, видимо, на мадьярском языке, таким же черным карандашом и тем же почерком, как и только что описанная, имеющая следующий вид:

«Verhбs Andrбs 1918 VII/15e
цrsegen».

19. Ниже текста этих надписей вытерты тексты каких-то надписей, сделанных черным карандашом. Однако по вытертому тексту представляется возможным разобрать:

«охранял Николашку и... Сашку // 3/VI // А...».

Не представляется возможным разобрать следующих слов, но характер росчерков в этих уничтоженных буквах, сохранившийся, а в особенности характер написанного ниже слова «Екатеринбург», также снабженного росчерками, напоминает сильно почерк того лица, которым сделана на арке, описанной в сем протоколе в п. «б», надпись: «Рисовал А. А. ...».

20. Рядом с этой вытертой надписью написано, видимо, одним почерком черным карандашом:

«Котегов Иван Павл. // Русаков Николай».

21. Ниже текста этой надписи черным карандашом крупными буквами написано:

«20-го Мая // Заменен другим // караулом из // особокараульной конвойной // команды Караульный // Начальник // гражданин Закис».

22. Ниже этой надписи имеется сделанная черным карандашом надпись следующего содержания:

«У Гриши Распутина // хуй 8 вершков он // как на ето хуй посадит // Шуру она засмиется».

23. Между строк этой надписи имеется надпись, сделанная черным карандашом:

«шура дура шура блять // гришке на хуй сять».

24. Ближе к Вознесенскому переулку имеется сделанная черным карандашом надпись:

«4-го мая был караул особой караульной команды охранял николашку и его сашку».

25. Ниже этой надписи имеется вытертая надпись, сделанная черным карандашом, в которой читается: «Даздравствует».

26. Ниже этой надписи имеется надпись, сделанная черным карандашом:

«Даздравствует // власть // совета».

27. На обоих столбах террасы (верхних) к Вознесенскому переулку имеются надписи, сделанные черным карандашом. Только на одном из столбов удается прочесть слова:

«Черт намазал сибе нос....

28. На стене дома под террасой карандашом написано:

«пролетарии всех стран // соединяйтесь».

29. Вблизи с этой надписью вырезана на стене надпись:

«Да здравствует всемирная революция

Долой Международный Империализм и капитал и к черту всю монархию».

При осмотре стены дома, выходящей в сад, усматриваются

многочисленные кровяные капли и брызги. Эти капли занимают по стене пространство до 4 аршин. Они расположены под окном, выходящим в сад из столовой, и имеют направление вниз от этого окна и справа налево, если смотреть из этого окна в сад. Некоторые брызги, сохраняя такое же направление, т. е. вниз от окна и справа налево, расположены под террасой. Две больших капли находятся у самого края второго от Вознесенского переулка окна нижнего этажа дома, между этим окном и первым окном этого же этажа к Вознесенскому переулку. Капли эти сохраняют такую же форму, т. е. сверху вниз и справа налево, если смотреть из верхнего этажа столовой из окна. Между вторым и третьим окнами нижнего этажа и между третьим и четвертым окнами того же этажа, считая от Вознесенского переулка, находятся круглой формы кровяные пятна, в диаметре 2 сантиметра, напоминая как бы хватание окровавленными пальцами стены дома. Все эти кровяные пятна, брызги и пятна весьма бледного цвета, как будто бы кровь была разбавлена водой, попадая в этих местах на стену. Начинаются капли и брызги под окном из столовой в сад в расстоянии от подоконника этого окна в 1/2 аршина и идут ниже. Пятна же расположены между самыми окнами, находящимися почти на уровне почвы.

Начат был осмотр дома в период таяния снега, когда еще снег покрывал землю в саду. После освобождения земли от снега, при осмотре сада, под кустом сирени, под слоем прошлогодних листьев, было найдено написанное чернилами черного цвета на части листа белой писчей бумаги, сильно измятом, письмо, видимо, на мадьярском языке. Под этим же кустом сирени, и под такими же листьями, найден клок бумаги, написанный карандашом. Этот клочок является частью той самой рукописи о «новой школе», клочки которой были найдены Сергеевым в печи комнаты нижнего этажа, обозначенной на чертеже цифрой V.

<...>

Для присутствования при осмотре был приглашен служащий дома Ипатьева Василий Терентьевич Тюляев. Он дал следующие при осмотре объяснения. а) Раньше весь верх дома занимал сам владелец Ипатьев. Он же занимал и комнаты, обозначенные на чертеже нижнего этажа дома цифрами VII, IX, X, XIV, в каковых помещалась кухня и прислуга, а все остальные комнаты нижнего этажа занимала контора Ипатьева. б) Сообщение верхнего этажа с нижним производилось или по лестни-

це, которая идет сверху вниз из комнаты, обозначенной на чертеже верхнего этажа цифрой VI, и выходит вниз в коридорчик между комнатами нижнего этажа, обозначенными на чертеже нижнего этажа цифрами VI и VII, или же по лестнице, которая идет сверху вниз от уборной из проходной комнаты, обозначенной на чертеже цифрой XIII, и выходит в сени, обозначенные на чертеже нижнего этажа цифрой XIV. Лестница же, которая из этих сеней ведет наверх в вестибюль и которая была найдена в момент осмотра забитой и заклеенной, всегда была в таком виде.

После оставления дома большевиками, по объяснению Тюляева, двери в коридорчик как из комнаты, обозначенной на чертеже нижнего этажа цифрой VII, и самая лестница в этом коридорчике были найдены забитыми. Таким образом, сообщение верхнего этажа с нижним, если не принимать во внимание сообщения через парадное крыльцо и двор, при большевиках могло производиться только через лестницу, ведущую вниз от уборной и выходящую в сени, обозначенные цифрой XIV. в) Весь дом при большевиках был обнесен двумя заборами. Первый забор начинался в Вознесенском переулке от границы, образованной стеною дома и забором сада, и загибаясь здесь под прямым углом к стене дома или забору сада, шел по Вознесенскому переулку и далее по Вознесенскому проспекту вблизи стен дома и оканчивался у парадного крыльца в верхний этаж дома со стороны Вознесенского проспекта, оставляя это крыльцо свободным.

На самом углу Вознесенского переулка и Вознесенского проспекта к этому забору был пристроен другой забор, который шел вдоль Вознесенского проспекта, оставляя свободной часовню, находящуюся перед домом со стороны Вознесенского проспекта. В этом наружном заборе было двое ворот: одни были обращены к Вознесенскому переулку, а другие находились в стене прямо противоположной, против них, недалеко от ворот самого дома. Таким образом, благодаря первому забору, из парадного хода нижнего этажа нельзя было выйти на улицу: забор этот оканчивался перед парадным крыльцом в верхний этаж и замыкал путь следования.

Таким образом, путь следования Августейшей семьи в ночь на 17 июля 1918 года в комнату, обозначенную на чертеже нижнего этажа дома, где она подвергалась злодеянию, цифрой II, был таков.

Из проходной комнаты верхнего этажа, обозначенной на

чертеже цифрой XIII, она проследовала по лестнице, идущей из этой комнаты от уборной, в сени нижнего этажа, обозначенные на чертеже нижнего этажа цифрой XIV. Из них она проследовала через дверь во двор и отсюда в дверь, ведущую со двора в сени, обозначенные на чертеже цифрой XIII. Представляется мало вероятного, чтобы Августейшая семья из сеней, обозначенных цифрой XIV, следовала в сени, обозначенные цифрой XIII, чрез маленькую дверь, соединяющую эти сени: слишком высок порог этой двери от пола этих последних. Из сих сеней она следовала к комнате, обозначенной цифрой II, чрез комнаты, обозначенные цифрами VIII, VI, IV и I. После свершения над ней злодеяния в комнате, обозначенной цифрой II, трупы ее, видимо, выносились убийцами таким же путем, т. е. через комнаты, обозначенные цифрами I, IV, VI и VIII, в сени, обозначенные цифрой XIII, и отсюда во двор к автомобилю.

Дом Попова, где находилась команда красноармейцев-охранников, находится против дома Ипатьева по Вознесенскому переулку.

В момент осмотра дома Ипатьева весь его верх был занимаем Управлением начальника инженеров армии. Была занята и комната, где имел пребывание Государь Император с Государыней и сыном. Во время посещений дома судебным следователем он заставал в доме много праздных людей, осматривавших дом, трогавших руками надпись и знак Государыни на косяке их комнаты. Надпись эта постепенно стиралась и становилась все менее заметной. В целях ее сохранения она была покрыта стеклом, вделанным в особую рамку, и опечатана печатью судебного следователя.

По требованию судебного следователя, обращенному к Начальнику штаба Командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Гайды генерал-лейтенанту Богословскому, согласно распоряжению последнего, эта комната была освобождена Управлением начальника инженеров армии, заперта на ключ, оставленный у себя судебным следователем, и опечатана его сургучной печатью.

Комната, где произошло убийство Августейшей семьи, была также опечатана той же печатью.

<...>

Судебный следователь Н. Соколов.
Понятые.

ПРОТОКОЛ
допроса свидетеля

1918 года, августа 15—16 дня (2—3), член Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеев в камере своей в городе Екатеринбурге допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., причем показал:

Я, Терентий Иванович Чемадуров (правильно: Чемодуров. — О. П.), 69 лет, православный, грамотный, под судом не был, по происхождению крестьянин Курской губ., Путивльского у., Крупецкой в., села Крупца, в 1913-м пожалован званием почетного потомственного гражданина, временно проживаю в гор. Екатеринбурге по Фетисовой улице в доме № 15.

1 декабря 1908 года я поступил на службу в дворцовое ведомство, по гофмаршальской части, в качестве камердинера при особе бывшего Государя Императора Николая Александровича и состоял в этой должности до последнего времени. Ранее я служил в течение 19 лет камердинером у великого князя Алексея Александровича и находился при нем до дня его смерти. Камердинеров при б. Государе было трое: я, Петр Федорович Котов и Никита Кузьмич Тетеревятников; каждый из нас дежурил при б. Государе понедельно. В круг обязанностей дежурного камердинера, кроме обычных, входили: исполнение всех личных приказаний Государя и доклад о всех особах, имевших к нему личный доступ; без доклада камердинера никто, кроме супруги Государя и его детей, не имел права входить в кабинет Государя. За время моей почти 10-летней службы при Государе я хорошо изучил его привычки и наклонности в домашнем обиходе и по совести могу сказать, что б. Царь был прекрасным семьянином. Обычный порядок дня был таков: в 8 час. утра Государь вставал и быстро совершал свой утренний туалет; в 8 1/2 пил у себя чай, а от 8 1/2 до 11 час. занимался делами: прочитывал представленные доклады и собственноручно налагал на них резолюции; работал Государь один, и ни секретарей, ни докладчиков у него не было; от 11 до 1 часу, а иногда и долее, Государь выходил на прием, а после часу завтракал в кругу своей семьи; если прием представлявшихся Государю лиц занимал более положенного времени, то семья ожидала Государя и завтракать без него не садились. После завтрака Государь работал и гулял в парке, причем непременно занимался каким-либо физическим трудом, работая лопатой, пилой или топором; после работы и прогулки

в парке — полуденный чай, от 6 до 8 вечера государь снова занимался у себя в кабинете делами, в 8 час. вечера Государь обедал, затем опять садился за работу до вечернего чая (в 11 час. вечера). Если доклады были обширны и многочисленны — Государь работал далеко за полночь и уходил в спальню только по окончании своей работы. Бумаги наиболее важные Государь сам лично вкладывал в конверты и заделывал; для отсылки бумаг по принадлежности Государь приглашал дежурного камердинера. Перед отходом ко сну Государь принимал ванну. Кроме того, Государь аккуратно вел дневник и писал иногда до глубокой ночи. Тетради дневников тщательно сохранялись, и таких тетрадей накопилось очень много. В семейном быту Государь не допускал никакой роскоши, и в столе, одежде и домашнем обиходе Государь и его семья придерживались скромных и простых привычек.

Отличительной чертой всей Царской семьи была глубокая религиозность: никто из членов семьи не садился за стол без молитвы, посещение церкви было для них не только христианским долгом, но и радостью. Отношения между членами семьи были самые сердечные и простые, как между Государыней и Государем, так и между детьми и родителями. После Февральской революции, когда отрекшийся от престола Государь был доставлен в Царское Село, домашняя жизнь Царской семьи протекала в общем так же, как и до переворота: никаких стеснений и ограничений в привычной обстановке сделано не было; отношение офицеров охраны было вполне корректное; не было каких-либо грубых выходок и со стороны солдат, несших охранную службу при дворце.

Во второй половине июля минувшего года Государю было объявлено распоряжение правительства о том, что ему с семьей предстоит выезд из Царского Села. Распоряжение это было объявлено дней за 10 до отъезда, так что дворцовые служащие имели возможность упаковать и уложить необходимые для Царской семьи и сопровождающих ее придворных и служителей вещи. Сначала предполагалось, что Государя с семьей отправят на юг, но перед самым отъездом, 1 августа м. г., выяснилось, что местом жительства назначен будет один из северных городов. На вокзале Царскую семью встретил председатель Совета министров А.Ф. Керенский; отношение Керенского к Государю и его семье было вполне благожелательное и корректное. Для проезда по железной дороге были предоставлены вагоны международного общества — просторные и удобные, так что путешествие

было совершено с полным комфортом; отряд военной охраны помещался в особых вагонах. В пути стало известно, что Государь с семьей будет проживать в Тобольске. По прибытии поезда в Тюмень к пристани был подан пароход, на котором и был совершен дальнейший переезд до Тобольска. К нашему приезду в Тобольск приспособление предназначенного для жительства Царской семьи Губернаторского дома закончено не было; по этой причине Государь с семьей и сопровождавшими его придворными и служащими в течение 6 дней пребывал на пароходе. Иногда, по желанию Государя, на этом пароходе совершались по реке небольшие прогулки. По окончании в Губернаторском доме работ все поселившиеся в нем члены государевой семьи разместились достаточно удобно; доставленная из Царского Села обстановка дала возможность устроить некоторый комфорт, и жизнь Царской семьи протекала в Тобольске почти в таких же условиях, как и в Царском Селе. Начальник военной охраны, Кобылинский, держал себе вполне корректно и никаких не оправдываемых необходимостью стеснений не делал.

Из придворных особ с Государем проживали здесь: князь В.А. Долгоруков, генерал И. Л. Татищев, графиня Гендрикова, кроме того, тут же находились: лейб-медик профессор Евгений Сергеевич Боткин, учителя иностранных языков — англичанин мистер Гиббс и швейцарец м-сье Жильяр, служителей разных наименований было человек 25; штат служителей был сокращен после октябрьского переворота, когда большевики захватили власть в свои руки. На содержание государевой семьи и всех находившихся при семье лиц стали отпускать лишь по 600 руб. в месяц на каждого члена семьи, т. е. 4200 руб.; генерал Татищев по распоряжению Государя уволил 12 человек служителей, выдав им необходимые на проезд суммы. Жалованье оставшимся служащим было уменьшено; я лично отказался получить и те 150 руб., которые были мне назначены, вместо получаемых ранее 400 руб.; генерал Татищев доложил о моем отказе Государю, и мне было разрешено воздержаться от получения жалованья, причем Государь высказал надежду вознаградить меня, если обстоятельства изменятся к лучшему.

Хотя режим, установленный для заключенных в Губернаторском доме особ, и сделался несколько более строгим, тем не менее условия жизни становились довольно сносными как в смысле обращения со стороны начальствующих лиц военной охраны, так и в отношении стола, занятий и прогулок в пределах огороженного близ дома пространства. В 6 часов вечера

12/25 апреля совершенно неожиданно объявлено было категорическое распоряжение Центр. Исп. К-та С. К. и Р. Д. о немедленном переселении в гор. Екатеринбург. От комитета прибыл уполномоченный, именовавшийся Яковлевым (был слух, что это Троцкий); протесты Государя и Государыни, указывавших на болезнь сына, оставлены были без внимания. На сборы дано было всего несколько часов. Решено было оставить больного наследника Алексея Николаевича на попечение сестер и придворных особ, а в Екатеринбург поехали Государь с Государыней и вел. княжна Мария Николаевна; с ними поехали: кн. Долгоруков, проф. Боткин и служители — я, затем Седнев Иван Дмитриевич (детский лакей) и комнатная женщина Анна Степановна Демидова. До Тюмени переезд был совершен на лошадях, а от Тюмени по железной дороге. Поездка была совершена благополучно и без особых лишений и неудобств. Ввиду того, что мы выехали из Тобольска часа в 3 ночи на 13/26 апреля, я успел уложить и взять с собой лишь самый необходимый багаж. Из вещей Государя я уложил и привез следующие: белья 1 дюжину денных рубах, 1 1/2 дюжины ночных, 1 1/2 дюжины тельных шелковых рубах, 3 дюжины носков, штук 150—200 носовых платков, 1 дюжина простынь, 2 дюжины наволок, 3 мохнатых простыни, 12 полотенец личных и 12 полотенец ярославского холста; из одежды: 4 рубахи защитного цвета, 3 кителя, 1 пальто офицерского сукна, 1 пальто простого солдатского сукна, 1 короткую шубку из романовских овчин, пять шаровар, 1 серую накидку, 6 фуражек, 1 шапку; из обуви: 7 пар сапог шевровых и хромовых.

Багаж был уложен в четырех небольших чемоданах. На форменной одежде Государя погоны были сняты мною по приказанию самого Государя. Столового белья с собою мы не взяли; не взяли также ни столового, ни чайного сервиза. Какие вещи были взяты для Государыни и вел. княжны Марии Николаевны, — я сказать не могу, так как этим я не заведовал. В Екатеринбург мы прибыли 16/29 апреля, где и поместились в приспособленном для государевой семьи доме Ипатьева. Как только Государь, Государыня и Мария Николаевна прибыли в дом, их тотчас же подвергли тщательному и грубому обыску; обыск производили некий Б. В. Дидковский и Авдеев — комендант дома, послужившего местом заключения. Один из производивших обыск выхватил ридикюль из рук Государыни и вызвал этим замечание Государя: «До сих пор я имел дело с честными и порядочными людьми». На это замечание Дидковский резко отве-

тил: «Прошу не забывать, что Вы находитесь под следствием и арестом».

В Ипатьевском доме режим был установлен крайне тяжелый и отношение охраны прямо возмутительное, но Государь, Государыня и вел. княжна Мария Николаевна относились ко всему происходившему по наружности спокойно и как бы не замечали окружающих лиц и их поступков. День проходил обычно так: утром вся семья пила чай; к чаю подавался черный хлеб, оставшийся от вчерашнего дня; часа в 2 обед, который присылали уже готовым из местного Совета Р. Д.; обед состоял из мясного супа и жаркого; на второе чаще всего подавались котлеты. Так как ни столового белья, ни столового сервиза с собой мы не взяли, а здесь нам ничего не выдали, то обедали на не покрытом скатертью столе; тарелки и вообще сервировка стола была крайне бедная; за стол садились все вместе, согласно приказанию Государя; случалось, что на семь человек обедающих подавалось только пять ложек. К ужину подавались те же блюда, что и к обеду. Прогулка по саду разрешалась только 1 раз в день в течение 15—20 минут; во время прогулки весь сад оцеплялся караулом; иногда я обращался к кому-либо из конвойных с малозначащим вопросом, не имеющим отношения к порядкам, но или не получал никакого ответа, или получал в ответ грубое замечание. Ни Государь, ни кто-либо из членов его семьи лично никаких разговоров с комендантом дома или иными «начальствующими» лицами из представителей советской власти не вели, а всякие обращения и заявления делались через меня или через проф. Боткина.

Государь помещался в верхнем этаже дома, и в распоряжение всех нас были предоставлены 6 комнат и еще одна комната, служившая гардеробной, и кухня. День и ночь в верхнем этаже стоял караул из трех красноармейцев: один стоял у наружной входной двери, другой в вестибюле и третий близ уборной. Поведение и вид караульных были совершенно непристойные: грубые, распоясанные, с папиросами в зубах, с наглыми ухватками и манерами, они возбуждали ужас и отвращение. В комнате направо от входа в переднюю помещался комендант — Александр Дмитриевич Авдеев, человек лет 35—40, блондин с маленькими усами и бритой бородой; одет был в рубаху защитного цвета, шаровары, высокие сапоги и носил при себе казацкую шашку; почти постоянно он был пьян и навеселе; не могу сказать, чтобы он лично чем-либо оскорблял или стеснял Государя и членов его семьи, но в то же время и не шел навстречу, в

смысле удовлетворения тех или иных нужд домашнего обихода. Авдеев, по-видимому, из простых рабочих. Седнев Ив. Дм. мне говорил, со слов самого Авдеева, что тот четыре раза сидел в Крестах (в Петроградской тюрьме), и хвастался, что он ни перед чем не останавливался и всех убирал с своего пути. В полном подчинении Авдеева была вся караульная команда во главе с начальником караула; начальники караула менялись еженедельно; всех караульных было до 30 человек; помещались дежурные караульные в нижнем этаже дома. Все сношения с внешним миром и все распоряжения хозяйственные производились через коменданта: закупка провизии или нужных в хозяйстве вещей, отправка белья в чистку и т.п.

Упомянутый в моем показании Дидковский не менее четырех раз в неделю производил контроль, обходя все комнаты, занятые государевой семьей; проходил он всегда в обществе одного-двух штатских лиц (каждый раз все новых) и как был, в шапке и калошах, входил в комнаты, не спрашивая разрешения. При этих посещениях Государь, Государыня и вел. княжна Мария Николаевна занимались своими делами, не отрывая головы от книги или работы, как бы не замечая вовсе появления посторонних лиц.

Еще в Тобольске я начал прихварывать, а в Екатеринбурге мне стало еще хуже; видя мое недомогание, Государь просил проф. Боткина осмотреть меня и затем приказал мне уехать в отпуск к жене моей, оставшейся в Тобольске, впредь до того, как мои силы восстановятся. В конце апреля (по старому стилю) о желании Государя отпустить меня было сообщено коменданту Авдееву; должен сказать, что на мое место предположено было выписать камердинера из Царского Села, но Авдеев передал ответ, что камердинер будет назначен из тех, которые приедут из Тобольска вместе с остальными членами государевой семьи. Числа 6—7 мая (по старому стилю) прибывший в дом Дидковский предложил всем заключенным в доме объявить, у кого и сколько имеется при себе денег; у Государя и Государыни денег не оказалось, у вел. княжны Марии Николаевны оказалось денег 16 руб. 33 коп., у проф. Боткина — 280 руб., у Седнева — 600 руб., у Демидовой — 1800—1900 руб., у меня — 6050 руб.; бывшие у вел. княжны и у проф. Боткина оставлены были в их распоряжении, а у остальных, т. е. у меня, Седнева и Демидовой, были отобраны, причем Демидовой было оставлено рублей 200—300. В том, что у меня были отобраны деньги, Дидковский выдал мне расписку.

9/22 мая прибыли в Екатеринбург и остальные члены государевой семьи: Алексей Николаевич, Ольга, Анастасия и Татьяна Николаевны; при мне из числа служителей, вместе с царскими детьми, прибыли в дом старший повар Иван Михайлович Харитонов и помощник повара, мальчик Леонид Ив. Седнев, племянник И. Д. Седнева. Остальных прибывших с семьей лиц я не видел, но знаю, что одновременно с царскими детьми прибыли: генерал И. Л. Татищев, учителя Гиббс и Жильяр, официант Журовский, лакей Тюрин, писец Кирпичников, второй повар Кокичев, кухонные служители Терехов и Франц (фамилии не помню), няня Теглева, Эрсберг — девушка вел. княжон и девушка Государыни — Тутельберг, Алексей Егорович Трупп — лакей Государыни и Клементий Григорьевич Нагорнов и А. Андр. Волков — камердинер Государыни. Какова судьба всех этих лиц, я не знаю, так как, повторяю, в дом Ипатьева они при мне не прибывали. Слышал я, что из них Нагорнов расстрелян. Князь В.А. Долгоруков, прибывший в Екатеринбург вместе с Государем, в дом Ипатьева доставлен не был, а, как мне стало потом известно, прямо с вокзала был отправлен в тюрьму.

11/24 мая из дома Ипатьева меня доставили не на вокзал, а в тюрьму, где я пробыл в заключении до 25 июля, когда чехословацкие и сибирские войска заняли Екатеринбург и красноармейцы, а равно и все большевистские комиссары и советы, бежали. По освобождении из тюрьмы я остался совершенно одиноким; ничего не знаю о судьбе, постигшей моего Государя и его семейство; не знаю также и о судьбе оставшихся при Государе лиц. К тому времени, когда я покинул Ипатьевский дом, в нем находились: Государь с Государыней, Наследник Алексей Николаевич и вел. княжны Мария, Ольга, Анастасия и Татьяна Николаевны; из придворных — один только проф. Боткин, человек лет 58, из служителей — Седнев И. Д., 32 лет, родом из города Углича, служил ранее мастером на Штандарте, Харитонов И. С. (правильно: И. М. — *О. П.*), лет 45, коренной придворный повар, мальчик Леонид Седнев и А.С. Демидова — девушка лет 40, из мещанок г. Череповца, окончившая курс Петроградского Демидовского Училища.

Как я уже показал Вам, Государь и Государыня отличались особенной набожностью; каждому из детей Государыня дарила образки, с которыми дети не расставались. У Государыни, между прочим, была особо почитаемая ею икона Федоровской Божьей Матери, та самая, которая мне была предъявлена при осмотре дома Ипатьева, с иконой этой Государыня никогда не

расставалась и всегда ее имела у своего изголовья; куда бы Государыня ни отлучалась, хотя бы на короткое время, всегда брала эту икону с собой, и я не допускаю мысли, чтобы Государыня могла куда-нибудь отбыть, добровольно оставив эту икону. На иконе этой был золотой венец, украшенный бриллиантовой короной; бриллианты были дорогие, каждое зерно более одного карата. Государь носил на безымянном пальце правой руки золотое обручальное кольцо, поддерживаемое другим колечком, украшенным сапфиром. Упомянутые в моем показании тетради государевых дневников в Тобольске были сложены в сундучок и отправлены с багажом, но где этот сундучок — не знаю; в Ипатьевском доме Государь также вел дневник. Государыня и Великие княжны также имели и вели свои дневники. Все имущество государевой семьи, находившееся в Тобольском доме, было доставлено во двор Ипатьевского дома, куда девалось все это имущество, я не знаю. Более пока показать ничего не имею.

Показание мне прочитано. Записано верно.

Чемадуров.
Член Екатеринбургского окружного суда Ив. Сергеев.
Товарищ прокурора Н. Остроумов.

ПРОТОКОЛ
допроса свидетеля

1918 года, октября 8—10 дня, в г. Екатеринбурге, член Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 и 712 ст. уст. уг. суда, и он показал:

Я — протоиерей Иоанн Владимирович Сторожев, 40 лет, нахожусь на службе в действующей армии в должности благочинного 7-й Уральской дивизии горных стрелков.

По священству показываю:

Я дважды совершал богослужения в доме Ипатьева, в г. Екатеринбурге, когда там находилась под стражей большевистской власти семья бывшего Царя Николая Александровича Романова. Кроме меня, там же совершал богослужения священник Екатерининского собора Анатолий Григорьевич Меледин. Как о. Меледину, так и мне сослужил каждый раз диакон названного собора Василий Афанасьевич Буймиров. Чередовались наши службы так: первое богослужение — светлую Заутреню — совершил вечером 21 апреля старого стиля о. Меледин. Второй раз —

20 мая старого стиля, когда прибыла из Тобольска вся семья Романовых, служил я обедницу. Третью службу (обедницу) совершил о. Меледин, но которого числа и месяца, не помню, кажется, это был день рождения одного из членов семьи Романовых. Четвертую службу (литургию) совершил в Троицын день о. Меледин и, наконец, пятое богослужение (обедницу) 1/14 июля совершил я. Почему именно на нас, священнослужителей Екатерининского собора (в то время я был настоятелем сего собора), возложена была обязанность совершать богослужения в доме Ипатьева, я не знаю. Обстоятельства, при которых был вызван и совершал службу я, представляются в следующем виде.

В воскресенье 20 мая (2 июня) 1918 г. я совершал очередную службу — раннюю литургию — в Екатерининском соборе и только что, вернувшись домой около 10 часов утра, расположился пить чай, как в парадную дверь моей квартиры постучали. Я сам открыл дверь и увидел перед собой какого-то солдата, невзрачной наружности, с рябоватым лицом и маленькими бегающими глазами. Одет он был в ветхую телогрейку защитного цвета, на голове — затасканная солдатская фуражка. Ни погон, ни кокарды, конечно, не было. Не видно было на нем и никакого вооружения. На мой вопрос, что ему надо, солдат ответил: «Вас требуют служить к Романову». Не поняв, про кого речь, я спросил: «К какому Романову?» — «Ну, к бывшему Царю», — пояснил пришедший. Из последующих переговоров выяснилось, что Николай Александрович Романов просит совершить последование обедницы. «Он там написал, чтобы сослужили какую-то обедницу», — заявил мне пришедший. Чинопоследование обедницы обычно служится в войсках, когда по той или иной причине нельзя совершить литургию. По своему составу богослужение это сходно с последованием литургии, но значительно короче его, так как за обедницей не совершается таинства Евхаристии. Выразив готовность совершить просимое богослужение, я заметил, что мне необходимо взять с собой диакона. Солдат долго и настойчиво возражал против приглашения о. диакона, заявляя, что «комендант» приказал позвать одного священника, но я настоял, и мы вместе с этим солдатом поехали в собор, где я, захватив все потребное для богослужения, пригласил о. диакона Буймирова, с которым, в сопровождении того же солдата, поехал в дом Ипатьева.

С тех пор как здесь помещена была семья Романовых, дом

этот обнесли двойным дощатым забором. Около первого верхнего деревянного забора извочик остановился. Впереди прошел сопровождавший нас солдат, а за ним мы с о. диаконом. Наружный караул нас пропустил. Задержавшись на короткий срок около запертой изнутри калитки, выходящей в сторону дома, принадлежащего ранее Соломирскому, мы вошли внутрь второго забора, к самым воротам дома Ипатьева. Здесь было много вооруженных ружьями молодых людей, одетых в общегражданское платье, на поясах у них висели ручные бомбы. Эти вооруженные несли, видимо, караул. Провели нас через ворота во двор и отсюда через боковую дверь внутрь нижнего этажа дома Ипатьева. Поднявшись по лестнице, мы вошли наверх к внутренней парадной двери, а затем через прихожую — в кабинет (налево), где помещался «комендант». Везде, как на лестницах, так и на площадках, а равно и в передней, были часовые — такие же вооруженные ружьями и ручными бомбами молодые люди в гражданском платье. В самом помещении коменданта мы нашли каких-то двоих людей средних лет, помнится, одетых в гимнастерки. Один из них лежал на постели и, видимо, спал, другой молча курил папиросы. Посреди комнаты стоял стол, на нем самовар, хлеб, масло. На стоявшем в комнате этой рояле лежали ружья, ручные бомбы и еще что-то. Было грязно, неряшливо, беспорядочно. В момент нашего прибытия коменданта в этой комнате не было.

Вскоре явился какой-то молодой человек, одетый в гимнастерку, брюки защитного цвета, подпоясанный широким кожаным поясом, на котором в кобуре висел большого размера револьвер. Вид этот человек имел среднего «сознательного рабочего». Ничего яркого, ничего выдающегося, вызывающего или резкого ни в наружности этого человека, ни в последующем его поведении я не заметил. Я скорее догадался, чем понял, что этот господин и есть «комендант Дома особого назначения», как именовался у большевиков дом Ипатьева за время содержания в нем семьи Романовых. Комендант, не здороваясь и ничего не говоря, рассматривал меня (я его видел впервые и даже фамилии его не знал, а теперь запамятовал). На мой вопрос, какую службу мы должны совершить, комендант ответил: «Они просят обедницу». Никаких разговоров ни я, ни диакон с комендантом не вели, я лишь спросил, можно ли после богослужения передать Романовым просфору, которую я показал ему. Комендант осмотрел бегло просфору и после короткого разду-

мья возвратил ее диакону, сказав: «Передать можете, но только я должен вас предупредить, чтобы никаких лишних разговоров не было». Я не удержался и ответил, что я вообще разговоров вести не предполагаю. Ответ мой, видимо, несколько задел коменданта, и он довольно резко сказал: «Да, никаких, кроме богослужебных рамок». Мы облачились с о. диаконом в комендантской, причем кадило с горящими углями в комендантскую принес один из слуг Романовых (не Чемодуров — его я ни разу не видал в доме Ипатьева, а познакомился с ним позднее, после оставления Екатеринбурга большевиками). Слуга этот высокого роста, помнится, в сером, с металлическими пуговицами, костюме.

Пользуюсь моментом, чтобы сделать общее замечание по поводу моих показаний. Исключительные условия, при которых мне приходилось воспринимать всё в эти посещения дома Ипатьева, а с другой стороны, совершенно исключительные внутренние переживания за время нахождения там — естественно препятствовали мне быть только спокойным наблюдателем, со всею правильностью оценивающим и точно запоминающим все наблюдаемые явления и лица. Тем не менее я употребляю все усилия к тому, чтобы показание мое было точно и оценка наблюдаемого объективна.

Итак, облаченные в священные ризы, взяв с собой все потребное для богослужения, мы вышли из комендантской в прихожую. Комендант сам открыл дверь, ведущую в зал, пропуская меня вперед, со мной шел отец диакон, а последним вошел комендант. Зал, в который мы вошли через арку, соединялся с меньшим по размерам помещением — гостиной, где ближе к переднему углу я заметил приготовленный для богослужения стол. Но от наблюдения обстановки залы и гостиной я был отвлечен, т. к., едва переступил порог в зал, как заметил, что от окон отошли трое: это были Николай Александрович, Татьяна Николаевна и другая старшая дочь, но которая именно, я не успел узнать. В следующей комнате, отделенной от залы, как я уже объяснил, аркой, находилась Александра Федоровна, две младшие дочери и Алексей Николаевич. Последний лежал в походной (складной) постели и поразил меня своим видом: он был бледен до такой степени, что казался прозрачным, худ и удивил меня своим большим ростом. В общем, вид он имел до крайности болезненный и только глаза у него были живые и ясные, с заметным интересом смотревшие на меня, — нового человека.

Одет он был в белую (нижнюю) рубашку и покрыт до пояса одеялом. Кровать его стояла у правой от входа стены, тотчас за аркой. Около кровати стояло кресло, в котором сидела Александра Федоровна, одетая в свободное платье, помнится, темно-сиреневого цвета. Никаких драгоценных украшений на Александре Федоровне, а равно и дочерях, я не заметил.

Обращал внимание высокий рост Александры Федоровны, манера держаться, манера, которую нельзя иначе назвать, как «величественной». Она сидела в кресле, но вставала (бодро и твердо) каждый раз, когда мы входили, уходили, а равно и когда по ходу богослужения я преподавал «Мир всем», читал Евангелие или мы пели наиболее важные молитвословия. Рядом с креслом Александры Федоровны, дальше по правой стене, стали обе их младшие дочери, а затем сам Николай Александрович. Старшие дочери стояли в арке, а отступая от них, уже за аркою, в зале стояли: высокий пожилой господин и какая-то дама (мне потом объяснили, что это были доктор Боткин и состоящая при Александре Федоровне девушка). Еще позади стояли двое служителей: тот, который принес нам кадило, и другой, внешнего вида которого я не рассмотрел и не запомнил. Комендант стоял все время в углу залы около крайнего дальнего окна на весьма, таким образом, порядочном расстоянии от молящихся. Более решительно никого ни в зале, ни в комнате за аркой не было.

Николай Александрович был одет в гимнастерке защитного цвета, таких же брюках, при высоких сапогах. На груди был у него офицерский Георгиевский крест. Погон не было. Все четыре дочери были, помнится, в темных юбках и простеньких беленьких кофточках. Волосы у всех у них были острижены сзади довольно коротко. Вид они имели бодрый, я бы даже сказал, почти веселый.

Николай Александрович произвел на меня впечатление своей твердой походкой, своим спокойствием и особенно своей манерой пристально и твердо смотреть в глаза. Никакой утомленности или следов душевного угнетения в нем я не приметил. Показалось мне, что у него в бороде едва заметны седые волосы. Борода, когда я был первый раз, была длиннее и шире, чем первого (четырнадцатого) июля: тогда мне показалось, что Николай Александрович подстриг кругом бороду. Что касается Александры Федоровны, то у нее — из всех — вид был какой-то утомленный, скорее даже болезненный.

Я забыл отметить то, что всегда особенно останавливало мое внимание, это та исключительная — я прямо скажу — почтительность к носимому мною священному сану, с которой отдавали каждый раз поклон все члены семьи Романовых в ответ на мое молчаливое им приветствие при входе в зал и затем по окончании богослужения.

Богослужение — обедницу — мы совершали перед поставленным среди комнаты за аркой столом. Стол этот был покрыт шелковой скатертью с разводами в древнерусском стиле. На этом столе в стройном порядке и обычной для церкви симметрии стояло множество икон. Тут были небольшого, среднего и совсем малого размера складни, иконки в ризах — все это редкой красоты по своему выдержанному древнему стилю. И по своей выделке. Были простые без риз иконы, из них я заметил икону «Знамения Пресвятой Богородицы» (Новгородской), икону «Достойно есть». Других не помню. Заметил я еще икону Богоматери, которая при служении 20 мая занимала центральное место. Икона эта, видимо, очень древняя. Боюсь утверждать, но мне думается, что изображение это то, которое именуется «Феодоровской». Икона была в золотой ризе, без камней. Ни этой иконы, ни складней, ни иконы «Знамения», ни иконы «Достойно есть» я среди Вами мне предъявляемых не вижу — их здесь нет. Та икона, которую Вы мне показываете, без ризы, с одной металлической каймой, с оторванным, видимо, венчиком — именуется не «Феодоровской», а «Казанской»: это я утверждаю категорически. Иконы этой ни при первом, ни при втором богослужении ни на столе, ни на стене не было.

Став на свое место перед столом с иконами, мы начали богослужение, причем диакон говорил прошения ектений, а я пел. Мне подпевали два женских голоса (думается, Татьяна Николаевна и еще кто-то из них), порой подпевал низким басом и Николай Александрович (так он пел, например, «Отче Наш» и др.). Богослужение прошло бодро и хорошо. Молились они очень усердно. По окончании богослужения я сделал обычный «отпуст» со святым крестом и на минуту остановился в недоумении; подходить ли мне с крестом к молившимся, чтобы они приложились, или этого не полагается и тогда бы своим неверным шагом я, может быть, создал в дальнейшем затруднения в разрешении семье Романовых удовлетворять богослужением свои духовные нужды. Я покосился на коменданта, что он делает и как относится к моему намерению подойти с крестом. По-

казалось мне, что и Николай Александрович бросил быстрый взгляд в сторону коменданта. Последний стоял на своем месте, в дальнем углу, и спокойно смотрел на нас. Тогда я сделал шаг вперед и одновременно твердыми и прямыми шагами, не спуская с меня пристального взгляда, первым подошел к кресту и поцеловал его Николай Александрович, за ним подошла Александра Федоровна и все четыре дочери, а к Алексею Николаевичу, лежавшему в кровати, я подошел сам. Он на меня смотрел такими живыми глазами, что я подумал: «Сейчас он непременно что-нибудь да скажет», но Алексей Николаевич молча поцеловал крест. Ему и Александре Федоровне о. диакон дал по просфоре. Затем подошли ко кресту доктор Боткин и названные служащие — девушка и двое слуг.

В комендантской мы разоблачились, сложили свои вещи и пошли домой, причем до калитки в заборе нас мимо постовых провожал какой-то солдат.

Следующие два раза, как я уже сказал в начале моего показания, в доме Ипатьева служил о. Меледин.

30 июня (13 июля) я узнал, что на другой день, 1 (14) июля, в воскресенье, о. Меледин имеет служить в доме Ипатьева литургию, что о сем он уже предупрежден от коменданта, а комендантом в то время состоял известный своей жестокостью некий Юровский — бывший военный фельдшер. Я предполагал заменить о. Меледина по собору и отслужить за него литургию 1/14 июля.

Часов в 8 утра 1/14 июля кто-то постучал в дверь моей квартиры, я только что встал и пошел отворить. Оказалось, явился опять тот же солдат, который и первый раз приезжал звать меня служить в доме Ипатьева. На мой вопрос: «Что угодно?» солдат ответил, что комендант меня «требует» в дом Ипатьева, чтобы служить обедницу. Я заметил, что ведь приглашен о. Меледин, на что явившийся солдат сказал: «Меледин отменен, за Вами прислано». Я не стал расспрашивать и сказал, что возьму с собой о. диакона Буймирова (солдат не возражал) и явлюсь к десяти часам. Солдат распростился и ушел, я же, одевшись, направился в собор, захватил здесь все потребное для богослужения и, в сопровождении о. диакона Буймирова, в 10 час. утра был уже около дома Ипатьева. Наружный часовой, видимо, был предупрежден, так как при нашем приближении сказал через окошко внутрь ограды: «Священник пришел». Я обратил внимание на совершенно необычное для уст красных наименова-

ние «священник» и, всмотревшись в говорившего, заметил, что как он, так и вообще постовые на этот раз как-то выглядят интеллигентнее того состава, который я видел 20 мая. Мне даже показалось, что среди них были ученики Горного училища, но кто именно — не знаю. По-прежнему внутри за забором, на площадках лестницы и в доме было много вооруженных молодых людей, несших караул.

Едва мы переступили через калитку, как я заметил, что из окна комендантской на нас выглянул Юровский. (Юровского я не знал, видел его лишь как-то раньше ораторствовавшим на площади.) Я успел заметить две особенности, которых не было 20 мая — это: 1) очень много проволочных проводов, идущих через окно комендантской комнаты в дом Ипатьева, и 2) автомобиль — легковой — стоящий наготове у самого подъезда дома Ипатьева. Шофера на автомобиле не было. На этот раз нас провели в дом прямо через парадную дверь, а не через двор.

Когда мы вышли в комендантскую комнату, то нашли здесь такой же беспорядок, пыль и запустение, как и раньше. Юровский сидел за столом, пил чай и ел хлеб с маслом. Какой-то другой человек спал, одетый, на кровати. Войдя в комнату, я сказал Юровскому: «Сюда приглашали Духовенство, мы явились. Что мы должны делать?» Юровский, не здороваясь и в упор рассматривая меня, сказал: «Обождите здесь, а потом будете служить обедницу». Я переспросил: «Обедню или обедницу?» — «Он написал: обедницу», — сказал Юровский.

Мы с о. диаконом стали готовить книги, ризы и проч., а Юровский, распивая чай, молча рассматривал нас и наконец спросил: «Ведь Ваша фамилия С-с-с» и протянул начальную букву моей фамилии. Тогда я сказал: «Моя фамилия: Сторожев». — «Ну да, — подхватил Юровский, — ведь Вы уже служили здесь». «Да, — отвечаю, — раз служил». — «Ну, так вот и еще раз послужите».

В это время диакон, обращаясь ко мне, начал почему-то настаивать, что надо служить обедню, а не обедницу. Я заметил, что Юровского это раздражает, и он начинает «метать» на диакона свои взоры. Я поспешил прекратить это, сказав диакону, что и везде надо исполнять ту требу, о которой просят, а здесь, в этом доме, надо делать то, о чем говорят. Юровский, видимо, удовлетворился. Заметив, что я зябко потираю руки (я пришел без верхней рясы, а день был холодный), Юровский спросил с оттенком насмешки, что такое со мной. Я ответил, что недавно

болел плевритом и боюсь, как бы не возобновилась болезнь. Юровский начал высказывать свои соображения по поводу лечения плеврита и сообщил, что у него самого был процесс в легком. Обменялись мы и еще какими-то фразами, причем Юровский держал себя безо всякого вызова и вообще был корректен с нами. Одет он был в темной рубахе и пиджаке. Оружия на нем я не заметил. Когда мы облачились и было принесено кадило с горящими углями (принес какой-то солдат), Юровский пригласил нас в зал для служения. Вперед в зал прошел я, затем диакон и Юровский. Одновременно из двери, ведущей во внутренние комнаты, вышел Николай Александрович с двумя дочерьми, но которыми именно, я не успел рассмотреть. Мне показалось, что Юровский спросил Николая Александровича: «Что, у вас все собрались?» (поручиться, что именно так он выразился — я не могу). Николай Александрович ответил твердо:

«Да — все».

Впереди, за аркой, уже находилась Александра Федоровна с двумя дочерьми и Алексеем Николаевичем, который сидел в кресле-каталке, одетый в куртку, как мне показалось, с матросским воротником. Он был бледен, но уже не так, как при первом моем служении, вообще выглядел бодрее. Более бодрый вид имела и Александра Федоровна, одетая в то же платье, как и 20 мая ст. ст. Что касается Николая Александровича, то на нем был такой же костюм, что и в первый раз. Только я не могу ясно себе представить, был ли на этот раз на груди его Георгиевский крест. Татьяна Николаевна, Ольга Николаевна, Анастасия Николаевна и Мария Николаевна были одеты в черные юбки и белые кофточки. Волосы у них на голове (помнится, у всех одинаково) подросли и теперь доходили сзади до уровня плеч.

Мне показалось, что как Николай Александрович, так и все его дочери на этот раз были — я не скажу, в угнетении духа, — но все же производили впечатление как бы утомленных. Члены семьи Романовых и на этот раз разместились во время богослужения так же, как и 20 мая ст. ст. Только теперь кресло Александры Федоровны стояло рядом с креслом Алексея Николаевича — дальше от арки, несколько позади него. Позади Алексея Николаевича стали Татьяна Николаевна (она потом подкатила его кресло, когда после службы они прикладывались ко кресту), Ольга Николаевна и, кажется (я не запомнил, которая именно), Мария Николаевна. Анастасия Николаевна стояла около Нико-

лая Александровича, занявшего обычное место у правой от арки стены.

За аркой, в зале, стояли доктор Боткин, девушка и трое слуг: (один) высокого роста, другой низенький полный (мне показалось, что он крестился, складывая руки, как принято в католической церкви), и третий, молодой мальчик. В зале, у того же дальнего угольного окна, стоял Юровский. Больше за богослужением в этих комнатах никого не было.

Стол с иконами, обычно расположенными, стоял на своем месте: в комнате за аркой. Впереди стола, ближе к переднему углу, поставлен был большой цветок, и мне казалось, что среди ветвей его помещена икона, именуемая «Нерукотворный Спас», обычного письма, без ризы. Я не могу утверждать, но я почти убежден, что это была одна из тех двух одинакового размера икон «Нерукотворного Спаса», которые Вы мне предъявляете.

По-прежнему на столе находились те же образки-складни, иконы «Знамения Пресвятой Богородицы», «Достойно есть» и справа, больших в сравнении с другими размеров, писанная масляными красками, без ризы, икона святителя Иоанна Тобольского. Вы мне показываете две такие иконы святителя Иоанна, причем на одной я вижу небольшую выемку, в виде углубления. Я должен пояснить, что такие выемки обычно делают в иконах для помещения в них металлического (золотого или серебряного) ковчежца с какой-либо святыней (частицей святых мощей или одежды святого), сверху этот ковчежец обычно защищен стеклом, вставленным в узенький металлический ободок, который и выступает над уровнем самой иконы. Иногда вокруг этого ковчежца делается сияние в виде звезды или расходящихся лучей. Сияние это устрояется из драгоценного металла, иногда осыпанного камнями. Я подробно осмотрел предъявленную Вами мне икону святителя Иоанна, на коей имеется описанная выемка, и полагаю, что выемка эта сделана именно для вложения ковчежца со святыней, каковая, очевидно, и была здесь. Не усматривая никаких следов в виде нажимов, царапин или углублений от шипов и гвоздиков на иконе вокруг этой выемки, я полагаю, что сияния около ковчежца (если таковой был в иконе) не было, и, следовательно, ковчежец имел снаружи обычную узенькую металлическую каемочку и в смысле денежной стоимости едва ли мог представляться ценным. Мне трудно определить, которая из двух предъявляемых мне икон св. Иоанна Тобольского находилась на столе во время богослужения

1/14 июля, но та икона, которая была там, имела такой же вид и размер, как и эти, предъявляемые. Тогда (1/14 июля) я не заметил в иконе ковчежца со святыней, но это могло произойти и потому, что ковчежец был заслонен впереди стоящими иконами.

Став на свое место, мы с диаконом начали последование обедницы. По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитвословие «Со святыми упокой». Почему-то на этот раз диакон, вместо прочтения, запел эту молитву, стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава. Но, едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади нас члены семьи Романовых опустились на колени, и здесь вдруг ясно ощутил я то высокое духовное утешение, которое дает разделенная молитва.

Еще в большей степени дано было пережить это, когда в конце богослужения я прочел молитву к Богоматери, где в высокопоэтических, трогательных словах выражается мольба страждущего человека поддержать его среди скорбей, дать ему силы достойно нести ниспосланный от Бога крест.

После богослужения все приложились к св. Кресту, причем Николаю Александровичу и Александре Федоровне о. диакон вручил по просфоре. (Согласие Юровского было заблаговременно дано.) Когда я выходил и шел очень близко от бывших великих княжон, мне послышались едва уловимые слова: «Благодарю». Не думаю, чтобы это мне только показалось.

Войдя в комендантскую, я, незаметно для себя, глубоко вздохнул. И вдруг слышу насмешливый вопрос: «Чего это Вы так тяжко вздыхаете?» — говорил Юровский. Я не мог и не хотел открывать ему мною переживаемого и спокойно ответил: «Досадую, так мало послужил, а весь взмок от слабости, выйду теперь и опять простужусь». Внимательно посмотрев на меня, Юровский сказал: «Тогда надо окно закрыть, чтобы не продуло». Я поблагодарил, сказав, что все равно сейчас пойду на улицу. «Можете переждать», — заметил Юровский и затем, совершенно другим тоном, промолвил: «Ну вот, помолились и от сердца отлегло» (или «на сердце легче стало» — точно не упомню). Сказаны были эти слова с такой, мне показалось, серьезностью, что я как-то растерялся от неожиданности и ответил: «Знаете, кто верит в Бога, тот действительно получает в молитве укрепление сил». Юровский, продолжая быть серьезным, сказал мне: «Я никогда не отрицал влияния религии и говорю это

совершенно откровенно». Тогда и я, поддавшись той искренности, которая послышалась мне в его словах, сказал: «Я вам тоже откровенно отвечу — я очень рад, что вы здесь разрешаете молиться». Юровский на это довольно резко спросил: «А где же мы это запрещаем?» — «Совершенно верно, — уклонился я от дальнейшей откровенности, — вы не запрещаете молиться, но ведь здесь, в Доме особого назначения, могут быть и особые требования». — «Нет, почему же...» — «Ну вот, это-то я и приветствую», — закончил я. На прощание Юровский подал мне руку, и мы расстались.

Молча дошли мы с о. диаконом до здания Художественной школы, и здесь вдруг о. диакон сказал мне: «Знаете, о. протоиерей, — у них там чего-то случилось». Так как в этих словах о. диакона было некоторое подтверждение вынесенного и мною впечатления, то я даже остановился и спросил, почему он так думает. «Да так. Они все какие-то другие точно. Да и не поет никто». А надо сказать, что действительно за богослужением 1/14 июля впервые (о. диакон присутствовал при всех пяти служениях, совершенных в доме Ипатьева) никто из семьи Романовых не пел вместе с нами.

Через два дня, 4/17 июля, екатеринобуржцам было объявлено о том, что бывший Государь Император Николай Александрович расстрелян.

5/18 июля я видел Юровского разъезжавшим на автомобиле по городу Екатеринбургу. Подъезжал он к зданию Первой женской гимназии, сидел в автомобиле, дожидаясь кого-то около Уральского училища, и затем с неизвестным мне господином проехал к Верхне-Исетскому заводу. Более я его не встречал и сам лично ничего более по настоящему делу не могу показать.

Протоиерей Иоанн Сторожев.
Член Окружного суда Ив. Сергеев.

При допросе присутствовал
товарищ прокурора Н. Остроумов.

ПРОТОКОЛ

1918 года, сентября 12—14 дня, в камере своей, в городе Екатеринбурге, член Екатеринбургского окружного суда Иван Александрович Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд., и он показал:

Я, Петр Андреевич Жильяр (Pierre Gilliard), 39 лет, кальвинист, швейцарский гражданин, уроженец коммуны Ивердон, кантона Во (Commune d'Iverdon, Canton de Vaud), временно живу в гор. Тюмени, по Тобольской улице, д. № 4, а в Екатеринбурге остановился в д. № 10 по Солдатской улице. Высшее образование получил в Лозаннском университете, по отделению классической словесности.

В 1904 году я приехал в Россию, по приглашению герцога Георгия Максимильяновича Лейхтенбергского, в качестве преподавателя французского языка сыну его Сергею Георгиевичу. Приглашение я получил через ректора Лозаннского университета и по его рекомендации.

В 1905 году осенью, через личного секретаря б. Императрицы Александры Федоровны — графа Ростовцева, я получил приглашение на должность преподавателя французского языка при «Большом дворе». Приглашение это я принял. Вначале я преподавал французский язык б. Великим княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне. Затем, по мере достижения учебного возраста — Марии Николаевне и Анастасии Николаевне и, наконец, б. Наследнику Цесаревичу Алексею Николаевичу. До 1913 года я был приходящим преподавателем, а в этом году поселился в Царскосельском дворце в качестве помощника воспитателя б. Цесаревича, хотя воспитателя до самого последнего времени при нем не было.

После Февральской революции 1917 года, когда Государь за себя и Наследника отрекся от престола и был доставлен из ставки в Царское Село, Царская семья, равно как и все другие обитатели дворца, была подвергнута режиму, установленному Временным правительством. Во дворце была назначена военная охрана под начальством особого коменданта, и сношения с внешним миром могли производиться только через коменданта. Во время прогулок по парку также присутствовали солдаты и офицеры военной охраны. Помимо ограничения свободы, в остальном жизнь Царской семьи протекала в обстановке и условиях, близких к тем, какие были и прежде.

Дворец несколько раз посещал б. Председатель Совета министров А. Ф. Керенский. На первых порах его отношение к Государю и Государыне было резким и суровым. Впоследствии, ознакомившись с содержанием отобранных во дворце бумаг и документов, Керенский изменил свое отношение к б. Царю и его супруге и стал очень любезен и внимателен.

Солдаты и офицеры, несшие охранную службу, в общем вели себя сдержанно и прилично, хотя и бывали иногда случаи проявления враждебного настроения. Один из таких случаев произвел особенно тягостное впечатление. У Алексея Николаевича была любимая игрушка — ружье уменьшенного образца. В первых числах июня м. г., когда б. Наследник гулял в парке, офицер караула заявил мне, что ружье у Алексея Николаевича следует отобрать. Я заметил на это, что ружье у Наследника собственно говоря не ружье, а игрушка, и что нехорошо лишать мальчика той радости, которую ему доставляет обладание этой игрушкой. Офицер настаивал на своем мнении. Находившийся при этом разговоре Алексей Николаевич бросил ружье и, горько рыдая, побежал к отцу и матери. Офицер, отобравший у Наследника ружье, просил меня передать Алексею Николаевичу, что вынужден был так поступить, чтобы избежать насилия, так как солдаты настойчиво требовали отобрания ружья, и настроение их по этому поводу было возбужденное и враждебное.

Во второй половине июля месяца м. г. во дворце стало известно, что Врем. правительством принято решение отправить б. Государя и его семью на жительство на юг России, но точных сведений по этому вопросу сообщено не было. Стали готовиться к дороге и занялись укладкой и упаковкой багажа. Отъезд был назначен в час ночи на 1 августа. К этому времени вся Царская семья и придворные, уезжавшие вместе с семьей, собрались в Полуциркульном зале. Сюда же был принесен и багаж. Отъезд, однако, почему-то замедлился и состоялся только около пяти часов утра. Все страшно утомились долгим ожиданием. Перед отъездом Государю было разрешено свидание с б. великим князем Михаилом Александровичем. Свидание продолжалось около получаса и происходило в присутствии А.Ф. Керенского, который во время беседы Государя с братом отошел в сторону и занялся разглядыванием альбомов.

В 5 часов утра выехали на ст. «Александровка» на четырех моторах. На первом: А.Ф. Керенский с В.К. Лебедевым, на втором: б. Государь, Государыня, Алексей Николаевич и Ольга Николаевна, на третьем: Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны, графиня Гендрикова и mlle Шнейдер, на четвертом: кн. В.А. Долгоруков, профессор Боткин и я. Часа за три до отъезда на вокзал прибыл генерал Татищев, приглашенный заменить графа Бенкендорфа, сославшегося на болезнь своей жены. Выяснилось, что поедем мы не на юг, а на север.

В Тобольск мы прибыли 6 августа 1917 года. Переезд был совершен благополучно и с достаточными удобствами. До 13 августа прожили на пароходе, пока не была закончена переделка губернаторского дома, предназначенного для жительства Царской семьи. Комендантом дома был полковник Евгений Степанович Кобылинский. Офицеры и солдаты военной охраны были из Царскосельских стрелковых полков. Разместились довольно удобно и хорошо, и жизнь потекла здесь довольно ровно и спокойно. Придворный этикет был упрощен, и отношения членов Царской семьи, придворных и даже ближних служителей были простые и дружеские. Все требования хозяйственного характера и сношения с внешним миром здесь, как и в Царском Селе, проходили через коменданта.

Стеснений и недостатка почти не испытывали, так как, в большинстве случаев, полковник Кобылинский выполнял требования без отказа. Как-то в разговоре со мной полк. Кобылинский сообщил, что Керенский при прощании сказал ему: «Не забудьте, что это бывший Царь и что он и его семья ни в чем не должны нуждаться». Ежемесячный расход на содержание Царской семьи, придворных и служителей выражался в сумме 25—30 тысяч рублей. Книги были привезены из Царского Села в достаточном количестве. Получались газеты и журналы. Дни проходили в чтении, занятиях, прогулках в пределах ограды и беседах. Отношение офицеров и солдат военной охраны в общем было корректное, иногда даже сердечное. Был, однако, небольшой процент и таких, которые держались холодно, сурово и недоброжелательно.

Октябрьский переворот дошел до Тобольска не скоро. Только в марте месяце большевики стали вводить здесь свои порядки и назначать своих комиссаров. Средства, отпускаемые на содержание Тобольского дома, были урезаны: на каждого члена семьи было назначено по 600 руб. в месяц, т. е. всего 4200 рублей. Вследствие этого пришлось значительно сократить штат прислуги и многих из служителей уволить.

Кажется, числа 8—9 апреля в Тобольск прибыл уполномоченный московского Центрального исполнительного комитета Яковлев. Явившись к Государю 10 апреля, Яковлев обошел весь дом и вместе с ним посетил больного Алексея Николаевича. Побыв у его постели, Яковлев долго смотрел на больного и, ничего не сказав, ушел. В тот же день Яковлев пришел еще раз и, с

разрешения Государя, еще раз посетил со своим помощником (мне неизвестным) Алексея Николаевича.

12 апреля, часа в 2—3 дня, Яковлев объявил б. Государю, что получил от Ц. И. К. приказание взять Государя с собой. Государь выразил протест, указывая, что не может покинуть больного сына, но Яковлев твердо заявил, что приказание должно быть исполнено, и, в случае нужды, он даже прибегнет к насилию. Яковлев, хотя и проявлял непреклонную решимость, в обращении был вежлив и произвел на б. Государя хорошее впечатление. На расспросы Яковлев объяснил, что берет с собою только одного Государя из-за болезни Алексея Николаевича и что вскоре вернется за всеми остальными членами Царской семьи. К этому Яковлев добавил, что возьмет и сейчас с собою тех, кто пожелает ехать с Государем. Куда именно предполагалось увезти Государя, — никто не знал. Яковлев говорил, что он сам не знает места назначения и что лишь в дороге получит указания, куда ехать. Ввиду таких объяснений, на семейном совете было решено, что с Государем поедут Государыня и в [еликая] кн [яжна] Мария Николаевна.

Отъезд был назначен на утро 13 апреля и состоялся в назначенное время. Из придворных особ с Государем поехали гофмаршал В.А. Долгоруков и лейб-медик проф. Боткин. Из служителей поехали камердинер Т.И. Чемодуров, лакей И.Л. (правильно: И.Д. — *О. П.*) Седнев и комнатная девушка А.С. Демидова. Багаж был взят только самый необходимый. Князь Долгоруков взял с собой 80 тысяч руб. денег, принадлежавших Царской семье.

Только на восьмой день мы узнали, что Государя увезли в Екатеринбург, откуда было получено несколько писем от Государыни. В письмах сообщалось, что заключенные в Ипатьевском доме были подвергнуты суровому режиму. При входе в дом у всех приезжих были осмотрены вещи и багаж. Осмотрены были даже помещения с лекарствами.

В конце апреля в Тобольском доме появился комиссар Хохряков, приступивший к замене отряда, охранявшего дом, другим отрядом, прибывшим в Тобольск одновременно с названным комиссаром. После удовлетворения солдат и офицеров прежнего отряда жалованьем, в охрану вступил новый отряд под командой вновь назначенного коменданта Родионова. Полковник Кобылинский был смещен. Хохряков первое время относился очень недоверчиво к факту болезни Алексея Николаевича и неоднократно совершенно внезапно врывался в его ком-

нату с целью проверить, не является ли болезнь мальчика выдумкой или притворством. Убедившись наконец, что мальчик действительно болен, Хохряков сделался очень внимательным по отношению к больному и нередко, сидя у постели Алексея Николаевича, занимал его разговором. Алексей Николаевич также выражал чувства симпатии и относился к Хохрякову детски просто и доверчиво.

Отъезд в Екатеринбург был назначен на 7/20 мая. Будучи извещены об этом заблаговременно, обитатели Тобольского дома имели возможность уложить и приготовить в дорогу почти все находившееся в доме имущество. Хохряков сказал, чтобы укладывали и везли с собой все имущество, так как он имеет право на провоз до 3000 пудов багажа. Уложена была также мебель, принадлежавшая Губернаторскому дому.

Фамильные драгоценности, как то: ожерелья, цепи, броши, серьги, браслеты и т.п., привезенные из Царского Села в Тобольск, было решено взять с собой, так как из содержания некоторых писем Государыни можно было сделать заключение, что она этого желает. В то же время, опасаясь, как бы драгоценности не попали в руки большевиков, мы на семейном совещании решили провезти драгоценности скрыто и с этой целью, при помощи преданных служительниц — А. А. Теглевой, М. Г. Тутельберг и Е. Н. Эрсберг — зашили все драгоценности в одежде и шляпах б. в. княжон. Наиболее крупные бриллианты (5—6 камней) были зашиты в пуговицах темно-синих суконных костюмов Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны, а может быть, и Анастасии Николаевны. Разные мелкие вещи и жемчуг были зашиты в подбитых ватой «ache-corset»-ах в. княжон. Подробно и точно указать, где именно и какие драгоценности были зашиты, я не могу. Лучше всего Вам об этом могут показать А. А. Теглева (Тюмень, Тобольская ул., № 4) и М. Г. Тутельберг (Камышлов). У Государыни были дорогие жемчужные ожерелья, бриллиантовая цепь и масса мелких вещей. У каждой княжны также много было всяких драгоценных вещей. Думаю, что стоимость всех драгоценностей превышала один миллион рублей, даже в довоенное время.

Из предъявленных Вами ранее и сегодня драгоценных вещей (предъявлены вещи, описанные в протоколах от 2—8 августа), крупный бриллиант я положительно признаю за принадлежащий Государыне. Камень этот, насколько я помню, был зашит в пуговице темно-синего костюма б. в. княжны Ольги

Николаевны. Оговариваюсь, что в этом последнем пункте не вполне уверен: может быть, бриллиант был зашит в пуговице костюма Татьяны Николаевны. Если не ошибаюсь, этот бриллиант служил подвеском к другому камню шестиугольной формы. Наиболее точные сведения по этому вопросу может дать М. Г. Тутельберг. С уверенностью могу сказать, что бриллиант я признаю за один из тех, которые были спрятаны в костюмах б. в. княжон.

Предъявленную Вами серьгу с крупной жемчужиной я признаю за вещь, принадлежащую б. Императрице Александре Федоровне. Эти серьги были любимым украшением Государыни, точно так же и длинные жемчужные цепи.

Возвращаясь к моменту отъезда великих княжон и б. Наследника из Тобольска, должен сказать, что с ними поехали все оставшиеся по отъезде Государя и Государыни лица: генерал И.Л. Татищев, графиня Гендрикова, баронесса Буксгевден, Е. Шнейдер, мистер Гиббс и я. Служители: Кокичев, Журовский, Кирпичников (ныне живут в Тобольске), Сергей Иванов (Тюмень, Водопроводная, д. Гусева), А.Н. Дмитриев и Тютин (Тобольск), Терехов (Томск), Смирнов (Тюмень, Водопроводная, д. Гусева), Пюрковский (Томск), А.А. Теглева и Елиз. Ник. Эрсберг (Тюмень, Тобольская, д. № 4), М.Г. Тутельберг (Камышлов). Кроме этих служителей были: Нагорнов, Волков, Трупп и мальчик Седнев (судьба коих мне достоверно неизвестна) и личная прислуга: гр. Гендриковой — П.Г. Межева, mlle Шнейдер — горничные Катя и Маша, по фамилии мне неизвестные. С нами же поехал и доктор В.Н. Деревенко, приехавший в Тобольск, приблизительно, в начале сентября 1917 года.

Когда на пароходе мы приехали в Тюмень, то в поданном для нас составе поезда оказались только вагоны IV класса и один багажный. Комиссар Хохряков, в заботах о больном Алексее Николаевиче, долго хлопотал, волновался и бранился, пока не удалось получить один классный вагон. В этом вагоне поместились б. в. княжны, Алексей Николаевич с доктором Деревенко и служителем К.Г. Нагорновым, генерал Татищев, графиня Гендрикова, баронесса Буксгевден, Е.А. Шнейдер и Е.Н. Эрсберг. Все остальные, в том числе и я, и мистер Гиббс, поместились в общем вагоне IV класса. Комендант Родионов и в пути, так же как и в Тобольске, был без надобности груб и придирчив.

В Екатеринбург наш поезд прибыл часа в 2 ночи на 10/23 мая. Часов в 8 утра были поданы извозчики, на которых увезли

великих княжон, Алексея Николаевича с Нагорновым и доктором Деревенко. Для принятия прибывших с поездом на вокзал приехал председатель Екатеринбургского областного совета Белобородов. Должен отметить характерную подробность, не предвещавшую для большевистских пленников ничего хорошего: когда княжны вышли из вагона с багажом в руках, лакей Нагорнов хотел помочь им перенести багаж до извозчика, но его остановили и грубо оттолкнули.

Часа через 2—3 увезли Татищева, Гендрикову и Шнейдер.

Отъезд детей б. Царя был обставлен так, что никто из нас не имел возможности с ними проститься. Из служительского персонала увезли Волкова, Харитонова, Нагорнова, Труппа и мальчика Седнева. С этого момента никаких сведений, кроме тревожных и неопределенных слухов, ни о ком из перечисленных лиц я не имею.

Все бывшие в вагоне IV класса (за исключением увезенных) снабжены были приказом местного совета о выезде из пределов Пермской губернии. Бумага была написана общая для всех: «Слугам бывшего Царя в числе 18 человек». С нами же была оставлена и баронесса Буксгевден. Только дней через 10 отправили нас в Тюмень, предоставив свободу дальнейшего передвижения.

Чем был обусловлен перевод б. Государя и его семьи из Тобольска в Екатеринбург, какая участь постигла их здесь — я знаю только по слухам и газетным известиям.

Как гувернер б. Наследника Алексея Николаевича, искренне привязанный к нему, я считаю необходимым удостоверить, что это мальчик с очень хорошими задатками, простой, добрый, доверчивый, живой и шаловливый (когда здоров). Алексей Николаевич — общий любимец всей семьи. Его воспитание и образование шло в соответствии с его возрастом и здоровьем. Способности у него хорошие — но замечалась склонность к лени.

Вообще в домашнем быту Государева семья производила отличное впечатление: все были искренне связаны чувствами простой, бесхитростной любви друг к другу. Как отношения родителей и детей между собою, так и отношения родителей к детям были самые сердечные, полные взаимной любви и уважения. Могу также отметить, что в семье наблюдалась неподдельная религиозность, с оттенком мистицизма в б. Государыне. Ни в Алексее Николаевиче, ни в в. княжнах не было никакого

стремления к почестям, внешнему блеску и могуществу. Вкусы их были простые, отношения к окружающим также отличались простотой и сердечностью. После революции Государь взял на себя преподавание Алексею Николаевичу уроков истории и географии, а Государыня взяла на себя преподавание Закона Божия.

Из жизни в Тобольске я припоминаю случай, когда Государь был очень взволнован и огорчен, прочитав в газетах о Брест-Литовском договоре. С этого момента Государь, видимо, еще больше страдал за Россию. Предательство немцев и большевиков возмущало Государя до глубины души. Вообще, по поводу распространенного в России мнения, что под крышей царского дворца свила себе гнездо германофильская партия, должен по совести засвидетельствовать, что за время своего продолжительного пребывания во дворце я ни разу не слышал и не замечал признаков какого бы то ни было влияния немецкого родства Государыни. Правда, в Царском Селе, по условиям своего положения, я не мог вступать в беседы по этому поводу ни с Государем, ни с Государыней, но все же какое-либо определенное настроение не могло бы ускользнуть от моего внимания. Немецкая речь и немецкий язык совсем не были приняты в Царской семье. Алексей Николаевич совсем не знает немецкого языка, в. княжны говорили по-немецки очень плохо и не любили его. Дети между собою всегда говорили по-русски. С Государем также говорили только по-русски, а с Государыней — по-русски и по-английски.

В Тобольске, когда Царская семья вела образ жизни поневоле уединенный и замкнутый, обитатели дома быстро сближались и вели непринужденные разговоры на темы, выходящие из рамок будничного обихода. По поводу немецких интриг и побед в связи с Брестским договором Государыня однажды выразила сожаление, что даже отречение Государя от престола не принесло никакой пользы для России. По поводу газетных заметок о том, что одним из секретных пунктов Брестского договора было предусмотрено перемещение Царской семьи в одну из нейтральных стран, Государыня воскликнула: «Je préfére mourir en Russie que d'être sauvée par les Allemands» (я предпочту умереть в РОССИИ, чем быть спасенной немцами). Такое отношение к германцам, по моему глубокому убеждению, не было рисовкой или притворством, так как было слишком искренним и проявлялось в тесном семейном кругу, когда не было смысла и цели быть неискренним. Не раз также Государыня негодовала

на германцев, следя по газетам за тем, как немцы кусок за куском отрывали от России. Приведенную мною фразу Государыни по поводу отречения Государя от престола я, может быть, по несовершенному знанию русского языка передал не вполне точно. Смысл фразы тот, что оказалась бесполезной жертва, которую принес Государь, чтобы избежать внутренней, междоусобной войны во время войны против немцев. Вообще говоря, из всех разговоров и поступков Государыни за время пребывания в Тобольске я вынес впечатление, что она любит Россию, как свою вторую родину.

Никаких решительно догадок по поводу того, могли ли вмешаться в положение Царской семьи представители нейтральных или союзных держав, я не имею основания делать. Мне как-то в январе месяце этого года кн. В.А. Долгоруков сообщил, что его beau-pere, обер-гофмаршал Бенкендорф, намерен был ходатайствовать через нейтральные государства о разрешении б. Государю и его семье выезда из пределов России в Японию. Были ли сделаны в этом направлении какие-либо шаги, — мне неизвестно. Вследствие этого я не могу высказать определенного суждения по вопросу о том, в какой мере основательны слухи, дошедшие и до меня, о том, будто некоторые члены б. Царской семьи увезены из Екатеринбурга большевиками, после того как они покинули город перед занятием его чехословаками, казачьими и Народной армии войсками.

Из предъявленных Вами вещей (предъявлены вещи, описанные в протоколе <...>) я признаю голубой с кистями кушак за принадлежащий Алексею Николаевичу. Металлическую пряжку от пояса в точности признать не могу, но утверждаю, что совершенно с такой же пряжкой пояс у б. Наследника был.

Относительно икон я показать ничего не могу, так как, по своим религиозным взглядам, я не понимаю иконопочитания и потому этим вопросом никогда не интересовался и не обращал внимания, у кого из членов Царской семьи и какие именно имеются иконы. Могу лишь удостоверить, что в комнатах, занимаемых в. княжнами и б. Наследником, было много икон.

По поводу предъявленного мне отрубленного пальца я затрудняюсь высказаться даже предположительно, так как в настоящем виде палец утратил какие-либо отличительные особенности. Пальцы на руке Государя были довольно плоские, с грубой кожей, у основания покрыты волосами. Не помню хорошенько вид и форму пальцев д-ра Боткина.

Знаю, что у д-ра Боткина были вставные зубы. Предъявлен-

ные Вами две пластинки вставных зубов похожи на те, какие имел Боткин. Пластинки были изготовлены ялтинским зубным врачом Кастрицким.

По поводу предъявленной Вами серьги с жемчужиной, признанной мною за принадлежащую б. Императрице, я представляю Вам, г. следователь, фотографическую карточку, снятую мною с Государыни в 1913 году в Ливадии. На этой карточке, как это ясно видно, в ушах Государыни вдеты серьги, из которых каждая состоит из одной крупной жемчужины в золотой оправе. Я полагаю, что предъявленная мне серьга тождественна с изображенными на карточке.

Относительно драгоценностей прошу внести следующую поправку: я ошибся, сказав, что все драгоценности были зашиты в шляпах и костюмах б. в. княжон. Таким способом были спрятаны наиболее ценные вещи, часть же вещей была уложена в чемодан. Укладывала вещи М. Г. Тутельберг. Какие именно вещи были уложены в чемодан, каков внешний вид чемодана и какие другие вещи были сложены в том чемодане — не знаю, так как укладка производилась не на моих глазах. При решении вопроса о драгоценностях в. княжны обратились за советом к генералу Татищеву, м-ру Гиббсу и ко мне, и княжны последовали нашим указаниям.

Забыл Вам сказать, что генерал Татищев при выезде из Тобольска в Екатеринбург имел при себе около 30 000 рублей денег (точную цифру теперь не помню).

Относительно предъявленного Вами мальтийского креста я не могу сообщить никаких сведений, так как подобного креста мне видеть не приходилось.

Более по делу показать ничего не имею. Протокол прочитан.

Петр Андреевич Жильяр.
Член Екатеринбургского окружного суда
Ив. Сергеев.

ПРОТОКОЛ
допроса свидетельницы

1918 года, ноября 9—10 дня, в гор. Екатеринбурге, в камере своей член Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеев, допрашивав. нижепоименованную в качестве свидетельницы, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., и она показала:

Я, Мария Даниловна Медведева, 26 лет, жительница Сысертского завода, Екатеринбургского у., православная, не судилась, в настоящее время содержусь при 3-й части милиции города Екатеринбурга.

Уже около 10 лет я состою в супружестве с жителем нашего завода Павлом Спиридоновичем Медведевым и имею от него троих детей. Муж мой — человек грамотный, непьющий и не буян, так что жили мы с ним очень дружно и хорошо. Меня и детей он очень любил и заботился о нас. Осенью 1914 года Павел был призван на службу в ополчение, но через два месяца был от службы освобожден, как горнозаводской рабочий. Живя дома, муж работал на заводе в сварочном цехе, а в свободное время занимался сапожным ремеслом. После революции, до масленицы нынешнего года, муж продолжал работать на заводе, а незадолго перед масленой записался в красную гвардию и уехал на службу в город Троицк. Сколько получал Павел за свою службу, не знаю, а я на себя и детей получала ежемесячно 175 руб.: деньги я получала от сысертского Совета раб. кр. и солд. депутатов. На Страстной неделе, за четыре дня до Пасхи, муж вернулся домой и прожил дома около трех недель. В Троицке муж ходил на войну с каким-то Дутовым. По словам мужа, на Дутовском фронте он участвовал в боях. Кто это такой Дутов, с которым воевали красноармейцы — не знаю. Не знаю также, почему был отпущен Павел домой. Из разговоров мужа я знаю, что начальником красногвардейцев на Дутовском фронте был комиссар Мрачковский.

В начале мая (считая по ст. стилю) муж записался в команду, набранную для охраны того дома, в котором была помещена Царская семья. Для найма охранников в наш завод приезжал комиссар Мрачковский. Записались из нашего завода 30 человек рабочих, и все уехали в Екатеринбург. Жалованья было положено по 400 руб. при готовой квартире и столе. Недели через две после отъезда муж мой снова приехал в Сысертский завод с поручением набрать среди рабочих еще 20 человек для пополнения команды. Поручение было дано моему мужу комиссаром Голощекиным. Набор производился по записи, а записываться приходили в помещение местного Совета Р. К. и С. Д. Муж мой жил в той же казарме, в которой помещались и другие охранники, но у него была отдельная маленькая комнатка, так как он был разводящим. В городе я навещала мужа четыре раза: останавливалась и жила я в отведенной мужу комнате. Из наших

сысертских рабочих, служивших в команде, я могу назвать следующих: два брата Стрекотины (старший — Андрей и младший — Алексей), отец и сын Старковы (Иван Петрович и Иван Иванович), Николай Садчиков, Котов (имени его не знаю), Егор Столов, Константин Степанович Добрынин, Николай Зайцев, Сафонов «Файка» (а настоящее имя его не знаю), Иван Таланов, Котегов Иван, Турыгин Семен, Русаков (имени не знаю). Других не припомню. Вы спрашиваете меня про Михаила Летемина — и я вспомнила, что он тоже служил в команде по охране Царской семьи. Про службу с мужем я разговаривала мало, больше толковали о своих домашних делах, и потому я ничего не могу Вам сказать о том, как жила Царская семья в Ипатьевском доме.

Последний раз я приехала к мужу в город в первых числах июля с. г. (считая по старому стилю). Время я высчитываю вот как: 22 июля я бываю именинницей, после моих именин, на четвертый день, меня арестовали и увезли в город, т. е. это произошло 26 июля, а до дня ареста со дня возвращения моего домой из Екатеринбурга я прожила дома три недели. Пошла я пешком вместе с женой Егора Столова — Марией Тимофеевной Столовой. От Сысерти до Екатеринбурга 45 верст. Вышли мы из дому в 2 часа ночи и пришли в город к 1 часу дня. Придя в казарму, я мужа здесь не застала: он ходил куда-то к начальству. Дожидаясь мужа, я обратила внимание на то, что дом, в котором содержался Царь с семьей, оставлен почти без охраны: всего только на двух постах были дежурные, остальные же посты были свободны. Заинтересовавшись этим, я спросила: «Почему постов-то мало занято, где Государь у вас?» На это один из служащих в команде (Иван Ив. Старков) отвечал: «Увезли». Кто и куда увез, я не спросила. Служившие в команде говорили тогда, что их теперь будут отправлять на фронт. Вскоре пришел муж и объяснил, что команду велено отправить не на фронт, а на вокзал ст. Екатеринбург I, где и будут жить до сдачи города. Оставшись наедине со мной, муж объяснил мне, что несколько дней тому назад Царь, Царица, Наследник, все княжны и слуги Царской семьи, всего 12 человек, убиты. Подробности убийства в этот раз муж мой не передавал. Вечером муж отправил команду на вокзал, а на другой день мы с ним уехали домой, так как начальство уволило его в отпуск на два дня, для раздачи денег семьям красногвардейцев.

Уже дома Павел Медведев рассказал мне несколько подробнее о том, как было совершено убийство Царя и его семьи. По словам Павла, ночью часа в 2 ему велено было разбудить Государя, Государыню, всех царских детей, приближенных и слуг. Павел послал для этого Константина Степановича Добрынина. Все разбуженные встали, умылись, оделись и были сведены в нижний этаж, где их поместили в одну комнату. Здесь вычитали им бумагу, в которой было сказано: «Революция погибает, должны погибнуть и Вы». После этого в них начали стрелять и всех до одного убили. Стрелял и мой муж. Он говорил, что из сысертских принимал участие в расстреле только один он, остальные же были не «наши», т. е. не нашего завода, а русские или не русские — этого мне объяснено не было. Стрелявших было тоже 12 человек. Стреляли не из ружей, а из револьверов: так, по крайней мере, объяснял мне муж. Убитых увезли далеко в лес и бросили в ямы какие-то, но в какой местности, ничего этого муж мне не объяснил, а я не спросила.

Рассказывал мне муж все это совершенно спокойно. За последнее время он стал непослушный, никого не признавал и как будто свою семью перестал жалеть. Прожив дома два дня, муж уехал в город, и с тех пор я никаких сведений о нем не имела и не имею. Говорят, что он находился вместе с комиссаром Мрачковским. Из вещей, отобранных у меня, саквояж привез с собой мой муж, сказав, что эту вещь ему дал комендант. В саквояже были какие-то вещицы. Два серебряных кольца с какими-то надписями муж прислал мне из города с Елизаветой Зайцевой, женой Николая Зайцева. После занятия города Екатеринбурга чехами и казаками большинство рабочих Сысертского завода ушло с красной армией. Из рабочих, бывших в охране дома Ипатьева, большинство ушло с остальными красноармейцами, некоторые разбежались, и я не знаю, остался ли дома хоть один. До убийства Государя я от мужа не слыхала никаких намеков на то, как поступят с Царем и его семьей в случае приближения чехов к Екатеринбургу. Повторяю, что при свиданиях с мужем я не расспрашивала его о его служебных делах, да это и дело не моего ума. Припоминаю, что последний раз я пришла к мужу в пятницу, а уехали мы с ним домой в субботу. Дома муж пробыл до понедельника, а в понедельник утром уехал в город. Впоследствии от Елизаветы Зайцевой я слышала, что муж приехал в город в «веселом виде».

Более по делу показать ничего не имею. Протокол мне прочитан. Мария Медведева, неграмотная, а за нее, по ее доверию и просьбе, расписался

Игорь Владимирович Богословский.
Член Екатеринбургского окружного суда
Ив. Сергеев.

При допросе присутствовал товарищ прокурора
Н. Остроумов.

ПРОТОКОЛ

1918 года, ноября 13 дня, в Верх-Исетском арестном доме член Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., и он показал:

Я, Прокопий Владимирович Кухтенков, 51 года, кр. Александровской волости и завода, Соликамского уезда, православный, грамотный, не судился.

Уже более 10 лет я живу в Верх-Исетском заводе. Служил я десятником каменных работ. После Октябрьского переворота, в ноябре 1917 года, когда были смещены многие из состава высшей заводской администрации, управляющим заводом был назначен б. помощник управляющего инженер Дунаев, а для контроля его действий по управлению заводами фабрично-заводской комитет назначил особого комиссара. Выбор почему-то пал на меня, хотя я и указывал на свое недостаточное знакомство с конторской и технической стороной заводского дела. В должности комиссара я пробыл месяца полтора, а затем был освобожден от этого звания и стал работать каменщиком в прокатном цехе. В партию большевиков формально я вступил в январе 1918 года, но членский взнос уплатил всего лишь за один месяц. После заключения Брестского договора, признанного большинством сознательных рабочих вредным и позорным, я записался в красную армию, чтобы воевать против немцев. Очень короткое время нас, записавшихся в красную армию, обучали военному строю, а затем отправили на фронт, но не на борьбу с немцами, а на борьбу с контрреволюционером Дутовым, в г. Троицк. Командовали этим фронтом комиссары Малышев и Мрачковский. На фронте я пробыл дней 20 и затем был эвакуирован по болезни. Борьба наша с Дутовым была

трудная: при отступлении приходилось делать переходы верст по 70, и в самой тяжелой обстановке, так что в Троицк меня привезли без памяти. В Верх-Исетск я возвратился перед Пасхой и некоторое время находился в больнице на излечении. Выписавшись из больницы, я был освидетельствован и освобожден от службы в красной армии.

В мае месяце я был выбран на должность заведывающего хозяйственной частью рабочего клуба и оставался в этой должности до отхода красной армии из Екатеринбурга. Клуб был учрежден партией большевиков (коммунистов), но его посещали и не состоявшие членами партии. Квартиру я имел при клубе. Делами клуба управлял президиум в составе семи членов. Из состава президиума я могу назвать: председателя Ивана Парамоновича (или Парменовича — не помню хорошенько) Сибрина и членов Ивана Федоровича Фролова и Александра Егоровича Костоусова, имен и фамилий остальных не знаю. Члены клуба имели право посещать его и в течение всей ночи: ввиду этого было установлено ночное дежурство членов президиума. Числа 18—19 июля н. ст., часа в четыре утра, в клуб пришли: председатель Верх-Исетского Исполнительного комитета Совета Р. К. и Красноарм. Деп. Сергей Павлович Малышкин, военный комиссар Петр Ермаков и видные члены партии Александр Егорович Костоусов, Василий Иванович Леватных, Николай Сергеевич Партин и Александр Иванович Кривцов. Все они прошли в так называемую партийную комнату. Когда я зашел было к ним в комнату, чтобы погасить электрические лампочки, кто-то из собравшейся компании сказал мне: «Товарищ Кухтенков, уходи: у нас деловой разговор», и я вышел из комнаты, а затем вскоре уехал на рынок за покупками. Вернувшись с рынка, я уже никого из них в клубе не застал.

На следующую ночь, также часа в четыре, те же самые лица, за исключением Малышкина, пришли в клуб. Вид у них, как и в прошлый раз, был «воинственный». Любопытство мое было сильно затронуто, и я решил, насколько возможно, узнать, о чем они совещаются. Было уже светло, и я подошел к партийной комнате, чтобы погасить электричество. Дверь в комнату была не притворена, и, подходя, я услышал сказанную кем-то отрывочную фразу: «... всех их было тринадцать человек, тринадцатый — доктор». Сказал это не то Партин, не то Леватных. Увидев меня, они сказали: «Уходи», а потом один из них (кто именно, не помню) сказал: «Ну, ладно, старик, прибирайся, мы

в сад пойдем». Я сделал вид, что занимаюсь уборкой помещения, и унес в ванную комнату драпировки, а затем, вслед за ними, потихоньку пробрался в курятник. Из курятника я вышел к огороду и через огородную дверь — в огород, смежный с клубным садом. В огороде я подполз к земляничной грядке и стал подслушивать разговор упомянутых в моем показании лиц. Они сидели на скамейке, в расстоянии нескольких сажен от меня. Прежде всего я услышал следующую, сказанную Александром Костоусовым, фразу: «Второй день приходится возиться, вчера хоронили, а сегодня перехоранивали», при этом Костоусов «заматюгался» и утерся платком. Восстановить полностью и в связной форме весь происходивший в саду разговор я не могу, так как до меня доходили только отдельные фразы. Из всего мною слышанного я понял, что Леватных, Партин и Костоусов принимали участие в погребении тел убитого Государя и членов его семьи и своими впечатлениями делились с Александром Кривцовым и комиссаром Ермаковым. Вопросы больше предлагал Кривцов, а объяснения давали и хвастались своими поступками Леватных и Партин. Так, Василий Леватных, между прочим, сказал: «Когда мы пришли, то они еще были теплые, я сам щупал царицу — и она была теплая». Тот же Леватных, похваляясь, сказал: «Теперь и умереть не грешно, щупал у царицы...» Далее следовали вопросы, как были одеты убитые, красивы ли они, сколько их. Про одежду убитых, кажется, Партин сказал, что они все были в штанах. Далее кто-то говорил, что в одежде были зашиты драгоценные камни, пояс подобрал — глядеть не на что, а в нем тоже камни были зашиты. На вопрос: «Красивы ли были?», последовал ответ: «Красивых не было», а другой кто-то добавил: «У мертвых красоту не узнаешь». Про Царя говорили, что пальтишко у него было «некорыстное», и сам он оброс бородой. Про Наследника также был разговор, кто-то из собеседников сказал: «Про Наследника говорили, что он умер в Тобольске, ан и он тут». О месте погребения убитых было сказано, что сначала их похоронили в двух местах за вторым Екатеринбургом, а затем увезли дальше и похоронили в разных местах. Где именно — этого сказано не было; я, по крайней мере, не слышал. Кто-то из собеседников начал перечислять убитых, до моего слуха дошли следующие имена: «Никола, Сашка, Татьяна, Наследник, Вырубова». Называли еще другие имена, но я их не слышал. Тогда же еще было сказано: «Тринадцатый — доктор». На вопрос: «Да знаешь ли ты всех-то и которая из них

она?», Леватных ответил: «Как не знать, когда я сам щупал?» Этот ответ был покрыт смехом. Дальше подслушивать я опасался, боясь быть замеченным, и ушел из огорода. Приник я к гряде с земляникой с той целью, чтобы объяснить свое присутствие в огороде, если бы меня заметили, тем, что я вышел полоть гряду.

Все названные мною лица выбыли из города перед занятием его чехословаками и казачьими войсками. Я также уехал с красной армией, но близ дер. Палкиной, когда я вышел в деревню за молоком, поезд, в котором я ехал, поспешно ушел, ввиду наступления чехов, и я оставлен был на произвол судьбы. Добравшись до Верх-Исетска, я здесь был через некоторое время опознан, и меня хотели убить, а потом побили и арестовали. По делу я показал Вам чистую правду.

Показание мне прочитано. Записано верно.

Прокопий Владимирович Кухтенков.
Член Екатеринбургского окружного суда Ив. Сергеев.
Товарищ прокурора Н. Остроумов.

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 12 дня, в городе Перми, в губернской тюрьме. Чиновник Екатеринбургского уголовного розыска Алексеев, производя расследование по делу об убийстве бывшего Императора Николая II и его семьи, расспрашивал в порядке производства дознания, в присутствии и под наблюдением прокурора Пермского окружного суда, гражданина Екатеринбургского уезда, Сысертской волости и завода, Павла Спиридонова Медведева, задержанного мною в городе Перми, который показал, что он имеет 31 год от роду, принадлежит к числу постоянных жителей Сысертского завода, где и родился. В месте приписки у него осталась жена Мария Даниловна и трое детей, а именно: дочь Зоя — 7 лет, сыновья Андрей — 6 лет и Иван — 1 года. В Сысертском заводе у него свой дом и небольшое хозяйство по Сомовой улице, № 36. По ремеслу он заводской рабочий — работал подмастерьем прокатного цеха на мелкосортной машине и, кроме того, знает отчасти сапожное ремесло.

Во время русско-германской войны был мобилизован как ратник ополчения I разряда, но был от военной службы освобожден, как работающий в заводе. При большевистском пере-

вороте в числе других рабочих вступил в партию большевиков и вносил в эту партию установленный членский взнос до 1% с рубля, но платил взнос лишь в течение трех месяцев, а затем прекратил, не желая состоять в партии большевиков. Человек он малограмотный, учился всего два года в сельской школе и курса не окончил. За уголовные преступления не судился.

В мае месяце минувшего 1918 года в Сысертский завод прибыл комиссар Мрачковский Сергей Витальев, родом из Уфалейского завода — зять диакона Сысертского завода Кузовникова, командир Уфалейского фронта. Он начал приглашать рабочих Сысертского завода, состоящих в партии большевиков, на охрану дома в г. Екатеринбурге, где помещался бывший Император Николай II с семьею. До этого времени охрана этого дома состояла из других лиц, которые советской власти показались ненадежны, и поэтому Мрачковский прибыл нанимать людей для этой охраны в Сысертский завод, где организация партии большевиков считалась лучшей. Наем этой охраны состоялся 19 мая н. ст., в нее записалось 30 человек, желающих вступить, и в числе их записался он, Медведев.

Запись лиц, желающих вступить в охрану, делал гражданин Сысертского завода Николай Иванов Чуркин, который состоял помощником военного комиссара Сысертского завода. Жалованье вступившим в охрану было назначено 400 рублей в месяц при готовом продовольствии и обмундировании.

По прибытии в г. Екатеринбург они до 24 мая в охрану не вступали и жили в особом помещении с красноармейцами, а 24 числа мая приняли охрану означенного дома. Дом этот назывался при охране «Домом особого назначения», находится он в г. Екатеринбурге по Вознесенскому проспекту, принадлежит какому-то Ипатьеву.

Когда они вступили на охрану дома, то комендантом этого дома был Александр Авдеев, рабочий Злоказовского завода, а помощником Мошкин — тоже рабочий названного завода. Ранее дом охранялся какими-то красноармейцами — местными жителями, но никого из них по имени и фамилии он не знает. Первоначально на охрану дома вступили только лишь 30 человек нанятых рабочих Сысертского завода, а потом прибавили к ним еще 15 человек рабочих Злоказовской фабрики близ г. Екатеринбурга и вскоре еще прибавили латышей-коммунистов 10 человек, из партии коммунистов, находившихся в г. Екатерин-

бурге. Фамилии и имена этих латышей, а также и место приписки их он не знает.

Из своей среды охранниками избирались разводящие. Первыми разводящими были избраны он, Медведев, и Алексей Никитин Никифоров — рабочий Сысертского завода, а потом был избран третий — Константин Степанов Добрынин — гражданин Сысертского завода, и затем избрали еще Ивана Андреева Старкова — тоже Сысертского завода. Старкова избрали вместо вышеупомянутого Никифорова, который заболел и уволился домой, так что последнее время на охране этого дома не состоял. Из среды злоказовских рабочих был тоже избран свой разводящий по имени Леонид, фамилию его не знает. Всего разводящих было 4 человека. Исполняли они обязанность на две смены, поочередно днем и ночью наблюдая за исправностью караула и сменой постов. Внутри самого дома караул несли латыши, а остальные лица занимали караул в разных местах в ограде дома, в саду и на чердаке дома, где стоял пулемет. Всего было при доме 4 пулемета.

В охрану означенного дома поступили и состояли в этой охране вместе с ним, Медведевым, следующие лица — граждане Сысертского завода: 1) вышеупомянутый Алексей Никифоров — бывший разводящий, 2) Константин Степанов Добрынин — разводящий, 3) Иван Андреев Старков — разводящий, 4) Андрей Андреев Стрекотин, 5) Александр Андреев Стрекотин, 6) Михаил Павлов Котов, 7) Филипп Полиевктов Проскуряков, 8) Егор Алексеев Столов, 9) Александр Григорьев Орлов, 10) Роман Теткин — из Попарной улицы, 11) Николай Иванов Подкорытов, 12) Семен Михайлов Турыгин, 13) Виктор Луговой — из-за реки, 14) Василий Егоров Семенов, 15) Николай Иванов Попов, 16) Иван Семенов Талапов, 17) Николай Степанов Садчиков, 18) Григорий Александров Кесарев, 19) Николай Степанов Зайцев, 20) Андрей Алексеев Старков, 21) Семен Николаев Беломонин, 22) Михаил Иванов Летемин, 23) Вениамин Яковлев Сафонов (Файка), 24) Семен Степанов Шевелев; 25) Алексей Иванов Чуркин, 26) Александр Кронидов Алексеев, 27) Степан Вяткин из Поварной улицы и 28) Иван Павлов Котегов. Кто еще был 29-й — не может припомнить. До конца охраны дома не остались Иван Котегов, Виктор Луговой, Андрей Старков, Григорий Кесарев и Василий Семенов, которые уволились по болезни. Из числа злоказовских рабочих он ни одного по имени и фамилии не знает, были они из разных мест.

Вышеупомянутый Авдеев был комендантом дома при нем только первое время, также и его помощник Мошкин, а затем был уволен от обязанности за пьянство и кражу каких-то царских вещей. С ними были уволены еще каких-то четыре лица. Люди эти жили вместе с Авдеевым и Мошкиным в самом доме, где помещалась канцелярия.

После Авдеева вступил комендантом дома Юровский, лично которого он до той поры не знал. Помощником его вступил какой-то молодой высокий мужчина, на вид лет 30—32, темно-русый, бороды не имеет, усы маленькие, лицо чистое, говорит «буторовато», на вид русский. Однажды он видел, как человек этот гулял с барышней, пришедшей к тыну, окружавшему дом. Барышня была роста среднего, темно-русая, полная. Юровский и его помощник жили все время в доме, причем занимали канцелярию, помещавшуюся в верхнем этаже дома.

Караул при доме первое время также находился в самом доме внизу, а потом был переведен рядом с этим домом в дом Попова и помещался в верхнем этаже. В самом «Доме особого назначения» помещались тогда только одни латыши. Из посторонних лиц, не состоящих в охране, никого при доме не было.

В «Доме особого назначения» были помещены следующие лица из Царской семьи: сам бывший Император Николай II, супруга его Александра Федоровна, сын Алексей, дочери: Татьяна, Анастасия, Ольга и Ксения (ошибка в источнике, правильно: Мария. — *О. П.*). Вместе с ними находился доктор Боткин и прислуга их: повар, официант, горничная и еще трое мужчин. Последние трое мужчин прибыли в дом уже при них, кажется, из Тобольска, с царским имуществом, привезенным на лошадях на 20-ти, и пробыли в этом доме по нескольку дней. Из них одного потом отправили в тюрьму и двух в подтюремок (арестный дом), за солдатскими казармами. За исключением этих трех последних лиц, в «Доме особого назначения» оставалось под этой охраной всего 11 лиц, которых и перечислил. Кроме них, был еще мальчик, племянник официанта, как его звать — не знает.

Царь по внешнему виду все время был спокоен, ежедневно с детьми выходил гулять в сад. Сын Алексей ходить не мог, у него болела нога, и его выносили в сад на руках. Выносил его на руках всегда сам Царь, который вообще всегда сам ходил за ним. Супруга Царя в сад не выходила никогда, а выходила лишь на парадное крыльцо к тыну, окружавшему дом, и иногда сиде-

ла возле сына, который обычно сидел в коляске. Царь по виду был здоров и не старел, седых волос у него не было. А супруга Царя начинала седеть и была худощава. Дети вели себя «обыкновенно» и улыбались при встрече с караульными. Разговаривать с ними запрещалось.

Доводилось ему, Медведеву, разговаривать с Царем при встрече в саду. Однажды он спросил его: «Как дела, как война, куда ведут войско?» На это он ему ответил, что «война идет между собою, русские с русскими дерутся между собою». Также однажды Царь увидал, что он, Медведев, рвет лопушки в саду, и спросил его, на что это он рвет. Он сказал ему: «Для табаку». Вообще много говорить не приходилось, так как все время следил за ними комендант Юровский и помощник его.

Пищу для Царской семьи первое время носили из советской столовой, находившейся на Главном проспекте. Носили эту пищу из столовой женщины и девушки, от коих принимал караул у парадного крыльца. В дом они не входили и затем носили молоко из монастыря. На пищу приносили суп, котлеты, белый хлеб и молоко. После разрешено было варить пищу в доме повару их, который и приготовлял пищу.

Неоднократно приглашался в дом священник для богослужения.

За все время охраны дома при нем, Медведеве, никакого издевательства над Царем и его семейством не делалось и никаких оскорблений и дерзостей не допускалось.

Спала Царская семья в двух комнатах, где устроены были у них кровати, в третьей комнате спал доктор и в четвертой прислуга. Царь и его семья, а также прислуга, занимали верхний этаж дома, состоящий из семи комнат, считая в том числе коридор и канцелярию коменданта.

16 июля 1918 года по новому стилю, под вечер, часов в 7, комендант Юровский приказал ему, Медведеву, собрать у всех караульных, стоящих на постах при охране дома, револьверы. Револьверов у охраны дома было всего 12 штук, все они были системы Нагана. Собрав револьверы, он доставил их коменданту Юровскому в канцелярию при доме и положил на стол. Еще утром в этот день Юровский распорядился увезти мальчика, племянника официанта, из дома и поместить в караульном помещении при соседнем доме Попова. Для чего все это делалось, Юровский ему не говорил, но вскоре после того, как он доставил Юровскому револьверы, последний ему сказал: «Сегодня,

Медведев, мы будем расстреливать семейство все» и велел предупредить команду караула о том, что если команда услышит выстрелы, то не тревожилась бы. Предупредить об этом команду он предложил часов в 10 вечера. В указанное время он, Медведев, команду предупредил об этом, а затем снова находился при доме.

Часов в 12 ночи комендант Юровский начал будить Царскую семью. Сам Николай II и все семейство его, а также доктор и прислуга встали, оделись, умылись и приблизительно через час времени все 11 человек вышли из своих комнат. Все они на вид были спокойные и как будто никакой опасности не ожидали. Из верхнего этажа дома они спустились вниз по лестнице, ведущей из ограды дома. Сам Николай II на руках вынес сына Алексея. Спустившись вниз, они вошли в комнату, находящуюся в конце корпуса дома. Некоторые имели с собой по подушке, а горничная несла две подушки. Затем комендант Юровский приказал принести стулья. Принесли 3 стула.

К этому времени в «Дом особого назначения» уже прибыли два члена Чрезвычайной следственной комиссии, один из них, как он узнал впоследствии, был Ермаков, как звать его, не знает, родом из Верх-Исетского завода, и другой, ему совсем неизвестный. Первый из них, Ермаков, невысокого роста, черноватый, на вид лет 30, бороду бреет, усы черные, говорит — «приярыкивает», второй — роста высокого, белокурый, на вид 25—26 лет.

Комендант Юровский, его помощник и эти два лица спустились в нижний этаж, где уже находилась Царская семья. Из числа охраны находились внизу в той комнате, где была Царская семья, 7 латышей, а остальные три латыша были тоже внизу, но в особой комнате. Револьверы были розданы Юровским уже по рукам и находились у 7 латышей, бывших в комнате, двух членов следственной комиссии, самого Юровского и его помощника; всего было роздано по рукам 11 револьверов, а один револьвер Юровский разрешил взять обратно ему, Медведеву. Кроме того, у Юровского был при себе револьвер Маузер. Таким образом в комнате внизу собралось всего 22 человека: 11 подлежащих расстрелу и 11 человек с оружием, которых он всех и назвал.

На стульях в комнате сели супруга Николая II, сам Нико-

лай II, сын его Алексей, остальные стояли на ногах около стенки, причем все время были спокойны.

Юровский, спустя несколько минут, вышел к нему, Медведеву, в соседнюю комнату и сказал ему: «Сходи, Медведев, посмотри на улице, нет ли посторонних людей, и послушай выстрелы, слышно будет или нет». Он, Медведев, вышел за ограду и тотчас по выходе услыхал выстрелы из огнестрельного оружия и пошел обратно в дом сказать Юровскому, что выстрелы слышно.

Когда вошел в комнату, где находилась Царская семья, то они все уже были расстреляны и лежали на полу в разных положениях. Около них была масса крови. Причем кровь была густая — «печенками». Все, за исключением сына Царя Алексея, были, по-видимому, уже мертвы. Алексей еще стонал. Юровский еще раза два или три при нем, Медведеве, выстрелил в Алексея из нагана, и тогда он стонать перестал. Вид убитых настолько повлиял на него, Медведева, что его начало тошнить, и он вышел из комнаты.

Затем Юровский тогда же приказал ему бежать в команду и сказать, чтобы команда не волновалась, если слышала выстрелы. Когда он пошел в команду, то еще в доме последовало два выстрела, а навстречу ему попали бегущие из команды разводящие Иван Старков и Константин Добрынин. Последние, встретясь с ним еще на улице у дома, спросили его: «Что лично ли застрелили Николая II? Вместо его чтоб другого не застрелили, то тебе отвечать приведется, ты принимал его». На это он им ответил, что хорошо лично видел, что они застрелены, т. е. Николай II и его семья, и предложил им идти в команду и успокоить, чтобы не волновалась охрана.

Видел он, Медведев, что таким образом расстреляны были: бывший Император Николай II, супруга его Александра Федоровна, сын Алексей, дочери Татьяна, Анастасия, Ольга, Ксения (ошибка в источнике, правильно: Мария. — *О. П.*), доктор Боткин и прислуга: повар, официант, горничная. У каждого было по нескольку огнестрельных ран в разных местах тела, лица у всех были залиты кровью, одежда у всех также была в крови.

Покойные, видимо, ничего до самого момента расстрела о грозящей им опасности не знали. Сам он, Медведев, участия в расстреле не принимал.

Когда он, Медведев, вернулся к Юровскому в комнату, то Юровский приказал ему привести несколько человек из охраны

и перенести тела убитых на автомобиль. Он созвал больше 10 человек из караульных, а кого именно, теперь не упомнит. Сделали носилки из двух оглобель саней, стоявших во дворе под сараем, к ним привязали веревкою простыню и таким образом перенесли все трупы на автомобиль.

Со всех членов Царской семьи, у кого были на руках, сняли, когда еще они были в комнате, кольца, браслеты и двое золо [тых] час [ов]. Вещи эти тут же передали коменданту Юровскому. Сколько было снято с умерших колец и браслет [ов], он не знает.

Все 11 трупов тогда же увезли со двора на автомобиле. Автомобиль с трупами был особый грузовик, который был доставлен во двор под вечер. На автомобиле этом с трупами уехали два члена следственной комиссии, один из коих был Ермаков, а другой, вышеописанных примет, ему неизвестный. Шофер на этом автомобиле был, кажется, Люханов по фамилии. Человек он среднего роста, коренастый, на вид более 30 лет, лицо бугревастое (угреватое). Трупы убитых были положены на автомобиль на серое солдатское сукно и сверху прикрыты тем же сукном. Сукно было взято в том же помещении дома, где оно хранилось куском.

Куда были увезены трупы, он, Медведев, достоверно не знает и никого об этом тогда не расспрашивал. Лишь позднее в городе Алапаевске он встретился с членом Чрезвычайной следственной комиссии, названным выше Ермаковым, и спрашивал его, куда девали трупы. Ермаков говорил, что он отвез их в шахту за Верх-Исетским заводом, там свалили все трупы в шахту, и затем будто бы взорвали эту шахту, бросая туда бомбы, чтобы она засыпалась землею. Так ли было на самом деле, он, Медведев, не знает.

После увоза трупов из дома комендант Юровский приказал позвать команду и вымыть пол в комнате, где был произведен расстрел, а также замыть кровь в ограде, на парадном крыльце двора и где стоял автомобиль, что и было исполнено тогда людьми, состоящими на охране. Когда все это было сделано, Юровский ушел из двора в канцелярию при доме, а он, Медведев, удалился в дом Попова, где было помещение для караульных, и до утра из помещения не выходил.

Караулы же при доме оставались на своих местах и не снимались до 20 июля, несмотря на то, что в доме уже никого не

было. Это делалось для того, чтобы не вызвать волнение в народе и показать вид, что Царская семья жива.

Утром на следующий день, 17 июля, он, Медведев, вошел в дом и, придя в верхний этаж, нашел в доме большой беспорядок. Вещи царские были все перерыты и разбросаны в разных местах, а разные золотые и серебряные вещи — кольца, браслеты и друг. лежали в канцелярии на столах. Вещей золотых и серебряных было очень много, завалены все столы. В канцелярии в то время был помощник коменданта и латыши: рассматривали вещи. Самого коменданта Юровского где-то не было.

Обходя по комнатам дома, он, Медведев, подошел к одному столу, где лежала книжка «Закон Божий», взял эту книжку в руки и увидал под ней деньги: 60 рублей, десятирублевыми кредитными билетами. Деньги эти он взял себе, не объяснив никому. Тогда же он взял валявшиеся на полу три серебряные кольца, на коих написаны какие-то молитвы, несколько носовых платков и, кроме того, ему дал бывший помощник коменданта Мошкин носки мужские (одну пару) и одну женскую рубашку. Больше никаких вещей он не брал. На другой же день к нему, Медведеву, приехала его жена Мария Даниловна, и он передал ей упомянутые вещи и сам уехал вместе с нею домой. Комендант Юровский дал ему тогда 8000 рублей для раздачи семьям лиц, бывших в охране.

Вернулся в г. Екатеринбург 21 июля. Охрана при доме тогда уже была снята. До 24 июля пробыл в г. Екатеринбурге, причем уходил ночевать к своей сватье Марии Прокопьевой, урожденной Гуськовой, фамилию по муж (у) не знает, живущей по Колобовской улице, № дома не знает.

24 июля отправился на вокзал ст. Екатеринбург II, где разыскал Мрачковского и с ним уехал на поезде до Нижнего Тагила. Затем комиссар Сысертского завода Алексей Яковлев Сафонов взял его к себе помощником по выпечке хлеба для армии, и он пробыл при нем до октября месяца. После этого его послали в числе других на «формировку» в г. Пермь, где он, Медведев, увидал областного комиссара Голощекина, который знал его лично ранее по городу Екатеринбургу, когда он состоял разводящим по охране «Дома особого назначения». Попросил Голощекина дать ему какую-нибудь службу, и Голощекин послал его с запиской своей в «отдел формирования». Из этого отдела с той же запиской, написав что-то на ней, комиссар Гольдберг послал его к вагону за известным номером на ст. Пермь II.

Вагон он нашел, и в нем он застал трех неизвестных ему людей, которые спросили его, специалист ли он к этому делу, причем показали ему аппарат «ометр» (омметр). Он ответил им, что в первый раз в жизни видит такой аппарат и не знает, для чего он идет. Затем они повели его на Камский мост через реку Каму, близ города Перми. Придя к мосту, они спустились с ним на 3-й бык и показали сооружения, устроенные для взрыва моста. К стенкам этого быка были привязаны мины, и от них шли провода на правый берег реки. Показали ему способы соединения с «ометром» и, передав ему «ометр», велели находиться в помещении, устроенном на правом берегу Камы, и хранить «ометр», наблюдая за целостью проводов и в случае замеченной порчи исправлять их.

При мосте был особый комендант Колегов, и охраняли его мадьяры. Комендант и охрана помещались на левом берегу. Приняв таким образом на себя охрану сооружения для взрыва Камского моста, он жил некоторое время один в помещении на правом берегу Камы. Затем выхлопотал себе помощника, и ему назначили в помощь гражданина Сысертского завода Петра Васильева Алексеева, с которым он жил в этом помещении до занятия г. Перми правительственными войсками, т. е. до 24 декабря н. с.

Накануне этого дня вечером ему пришло письменное приказание взорвать мост. Присланы были ему 4 капсюля и подрывная машинка. Адресовано все это было не на его имя, а какому-то Бобылеву. Комендант Колегов объяснял, что они всегда так делают для «секретности». Капсюли и машинка доставлены были вечером 24 декабря. По соглашению с комендантом решили отложить взрыв моста до утра, а затем вновь отложили до вечера. Но часа в 4 дня пришел комиссар путей 5-го участка Яковлев и приказал ему взорвать мост, объявив это приказание под расписку. Сам он, Яковлев, и комендант Колегов тотчас бегом побежали от него к разъезду железной дороги. Товарищ его, Алексеев, убежал еще раньше, а в это время к мосту со стороны правого берега подошли уже правительственные войска и уже начали стрелять из винтовок с моста в убегавших Яковлева и Колегова.

Он, Медведев, в это время сидел в своей избушке с аппаратом и ничего не предпринимал, решив не взрывать мост и перейти на сторону правительственных войск. Пробыв в избушке минут 20 времени, он вышел из избы, взяв с собой аппараты

для взрыва и имевшийся при нем револьвер Нагана. В это время было уже темно. Когда он отошел [на] значительное расстояние от моста, направляясь к Балашевскому заводу на правом берегу реки, откуда хотел на другой день прийти в г. Пермь и явиться к властям, его увидали с моста часовые правительственных войск и окликали его, спросив: «Кто идет?» Он ответил, что красноармеец. Они приказали ему идти к ним.

Он вернулся и пошел к ним на оклик, и они его около самого моста задержали. Обыскав его, они отобрали у него деньги 415 рублей, оставшиеся от жалованья, и отправили на левый берег. Затем привели на ст. Пермь II, где у него аппараты для взрыва и наган взяли, а также сняли сапоги и, в числе других добровольно сдавшихся красноармейцев, отправили его в красные казармы близ г. Перми. В этих казармах он пробыл с неделю времени, и его, в числе других, откомандировали в 139-й эвакуационный пункт в санитарную команду, где он и находился до сего времени.

По поводу расстрела бывшего Императора Николая II и его семьи он рассказал на эвакуационном пункте одной сестре милосердия в перевязочном отделении, как ее звать и фамилию не знает — рыженькая она, одна находится в том отделении. Более никому относительно расстрела Царской семьи не говорил.

Из числа его однообщественников, бывших на охране дома, где жила Царская семья, как ему известно по слухам, убиты на фронте Андрей Стрекотин, Николай Попов и Иван Старков. Остальные лица остались от него в следующих местах: Никифоров заведует хозяйственной частью в отряде Жебенева, во время расстрела он на охране не был. Добрынин был сначала в строю, затем ранен в ногу, вылечился и поступил в Левшино на пароход. Котегов в строю в отряде Жебенева. Стрекотин Александр — не знает где, кажется, тоже в Левшино на пароходе. Котов — не знает где. Проскуряков находится в строю. Столов — в Левшино. Вяткин и Орлов — в Левшино. Теткин — не знает где. Подкорытов, Турыгин, Талапов, Сафонов, Шевелев и Чуркин — в Левшино на пароходах. Какие обязанности исполняли они на пароходах, он не знает. Алексеев состоял в Перми вестовым при воинской части в гимназии на углу Сибирской и Петропавловской улиц. Луговой — неизвестно ему где. Семенов и Кесарев — в строю красной армии. Сысертские рабочие вошли преимущественно в I крестьянский полк, сформированный в Режевском заводе. В том же полку состоят Котегов, Семенов, Стрекотин и другие.

Припоминает и последнего — 30-го — бывшего на охране «Дома особого назначения». Это был гражданин Сысертского завода Александр Котегов из Задней улицы. Во время расстрела он был на охране. Где Котегов сейчас находится — не знает.

Более ничего по делу не знает.

Чиновник Уголовного розыска С. Алексеев.

При допросе присутствовал и. д. прокурора суда П. Шамарин.

ПРОТОКОЛ
допроса обвиняемого

1919 года, февраля 21—22, в городе Екатеринбурге, в камере своей, член Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеев допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого, с соблюдением 403—405 ст.: уст. уг. суд., предъявив ему обвинение в преступлении, предусм. 13 и 1453 ст. ул. о нак., формулированное в постановлении моем от сего февраля, причем допрашиваемый показал:

Я, Павел Спиридонович Медведев, 31, православный, грамотный, не судился, происхожу из кр. Сысертского завода, Сысертской волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губ., женат, имеют жену Марью Даниловну и дочь Зою — 8 лет, сына Андрея — 6 лет и сына Ивана — 1-го года, в Сысерти имею свой дом и хозяйство: занимался работой в сварочном цехе Сысертского завода, а в свободное время прирабатывал сапожным мастерством.

В народной школе я проучился только два года и вышел из школы, не окончив курса. В сентябре 1914 года я был мобилизован в качестве ратника ополчения 1-го разряда и был зачислен в ополченскую дружину № 2, расположенную в гор. Верхотурье. В дружине я пробыл всего два месяца и затем от военной службы был освобожден, как рабочий завода, работавшего на оборону.

После февральской революции, кажется, в апреле 1917 года, я, как и большинство рабочих завода, записался в партию большевиков и в течение трех месяцев вносил в кассу партии денежное отчисление в размере одного процента от заработка, а затем уплату денег прекратил, так как в партийной работе участия принимать не пожелал.

После октябрьского переворота, в январе 1918 года, меня

записали в красную армию, а в феврале я уже был отправлен на Дутовский фронт. Начальником отряда, в котором я был назначен, состоял комиссар Сергей Витальевич Мрачковский. Воевали мы за городом Троицком, но война была для нас неудачной, и мы больше «плутали» по степи, чем сражались. В апреле месяце я с фронта вернулся домой и отдыхал здесь недели три.

Во второй половине мая месяца в наш завод прибыл названный мною комиссар Мрачковский и стал набирать из среды рабочих команду для охраны дома, в котором содержался б. Император Николай II со своей семьей. Условия службы мне показались подходящими, и я записался в эту команду. Всего набрано было 30 человек: 1) Алексей Никитич Никифоров, 2) Константин Степанович Добрынин, 3) Иван Андреевич Старков, 4) Андрей Андреевич Стрекотин, 5) Александр Андреевич Стрекотин, 6) Михаил Павлович Котов, 7) Филипп Поливектович Проскуряков, 8) Егор Алексеевич Столов, 9) Александр Григорьевич Орлов, 10) Роман Теткин, 11) Николай Иванович Подкорытов, 12) Семен Михайлович Турыгин, 13) Виктор (отчества не помню) Луговой, 14) Василий Егорович Семенов, 15) Николай Иванович Попов, 16) Иван Семенович Талапов, 17) Николай Степанович Садчиков, 18) Григорий Александрович Кесарев, 19) Николай Степанович Зайцев, 20) Андрей Алексеевич Старков, 21) Семен Николаевич Беломонин, 22) Михаил Иванович Летемин, 23) Вениамин Яковлевич Сафонов (по прозвищу «Файка»), 24) Семен Степанович Шевелев, 25) Алексей Иванович Чуркин, 26) Александр Кронидович Алексеев, 27) Степан Вяткин (отчества его не помню), 28) Иван Павлович Котегов, 29) Александр Котегов и 30) я — Павел Медведев.

Вы спрашиваете меня, не было ли еще в составе команды Егора Дроздова, Федора Емельянова, Николая Русакова и Петра Ладейщикова, и я теперь припоминаю, что Егор Дроздов и Федор Емельянов состояли в команде, а о Русакове и Ладейщикове я что-то утвердительно сказать не могу: то ли были, то ли нет. Дело в том, что состав команды отчасти изменялся. Так, за уходом (по болезни) Никифорова, Лугового, Кесарева и Семенова, были разновременно приняты Добрынин, Андрей Старков и Николай Зайцев. Сформированная Мрачковским команда прибыла в Екатеринбург 19 мая (н. ст.).

Сначала нас поселили в здании нового Гостиного двора, где мы прожили до 24 мая. За это время, по распоряжению предсе-

дателя Областного совета Белобородова, мы выбрали из своей среды двоих «старших». Избранными оказались я и Алексей Никифоров. 24 мая команда была переведена в новое помещение — в нижний этаж дома Ипатьева. Как раз в этот день, насколько помню, прибыла вся семья б. Императора. Император с семьей помещался в верхнем этаже дома. В их распоряжении был весь верх, за исключением одной комнаты (налево от входа), отведенной для коменданта и его помощника. Комендантом дома был тогда рабочий Злоказовской фабрики Александр Авдеев, а помощником его — Мошкин (имени и отчества не знаю). Находились в комендантской еще два-три человека, но я их имен и фамилий не знаю, а известно мне, что это были также злоказовские рабочие. Вы спрашиваете, не знал ли я братьев Василия, Ивана и Владимира Логиновых, и я припоминаю, что в числе находившихся при коменданте лиц были братья Логиновы, но по именам я их не знаю.

По вселении нас в дом Ипатьева комендант Авдеев повел меня, как старшего, принимать заключенных. Я с Авдеевым и Мошкиным прошел в угловую комнату (царская спальня), где находились следующие лица:

Государь, его жена, сын, четыре дочери, доктор Боткин, повар, лакей и мальчик (имен и фамилий их не знаю). Пересчитав всего 12 человек, мы ушли. Ни в какие разговоры ни с кем не вступали. В соседней с царской спальней комнате помещались царские дочери. Первые два-три дня кроватей в этой комнате не было, а потом были поставлены кровати. Внутренним распорядком дома заведовал комендант, а служащие охранной команды только несли караульную службу. Сначала караул дежурил на три смены, а потом — на четыре.

В доме Ипатьева мы прожили 2—3 недели, а затем нам отвели помещение в расположенном насупротив доме Попова. Через несколько дней после этого состав команды был дополнен рабочими Екатеринбургской фабрики Злоказовых в числе 15 человек. Имен и фамилий рабочих я не помню. Злоказовские рабочие из своей среды также избрали «старшего» (разводящего) по фамилии Якимов, а по имени, кажется, Леонид, по крайней мере его звали Ленькой. Караульных постов было всего 11, из них два внутренних, два пулеметных и четыре наружных.

Царская семья выходила ежедневно на прогулку в сад. Наследник был все время болен, и его выносил на руках Государь в кресло-коляску. Обед для семьи сначала приносили из совет-

ской столовой, а затем разрешено было готовить обед в устроенной в верхнем этаже кухне.

Обязанности разводящих заключались в заведовании хозяйством и вооружении команды, назначении дежурных на посты и в наблюдении за дежурными. Во время своего дежурства разводящий должен был находиться при канцелярии коменданта. Разводящие дежурили сначала по 12 часов, а затем был выбран третий разводящий — Константин Добрынин, и мы стали дежурить по восьми часов.

В конце июня или начале июля, хорошенько не помню, комендант Авдеев и его помощник Мошкин были смещены (они, кажется, попались в краже царских вещей) и был назначен новый комендант по фамилии Юровский, тот самый, который изображен на предъявленной Вами фотографической карточке (предъявлена фотографическая карточка Юровского). С ним же прибыл новый помощник коменданта, имени и фамилии которого положительно не могу припомнить. Приметы его следующие: лет 30—32, плотный, выше среднего роста, темно-русый, с небольшими усиками, бороду бреет, говорит как-то в нос (гнусавит).

Вечером 16 июля я вступил в дежурство, и комендант Юровский часу в 8-м того же вечера приказал мне отобрать в команде и принести ему все револьверы системы Наган. У стоявших на постах и у некоторых других я отобрал револьверы, всего 12 штук, и принес в канцелярию коменданта. Тогда Юровский объявил мне: «Сегодня придется всех расстрелять. Предупреди команду, чтобы не тревожились, если услышат выстрелы». Я догадался, что Юровский говорит о расстреле всей Царской семьи и живших при ней доктора и слуг, но не спросил, когда и кем было постановлено решение о расстреле. Должен Вам сказать, что находившийся в доме мальчик-поваренок с утра, по распоряжению Юровского, был переведен в помещение караульной команды (дом Попова). В нижнем этаже дома Ипатьева находились латыши из «латышской коммуны», поселившиеся тут после вступления Юровского в должность коменданта. Было их человек 10. Никого из них я по именам и фамилиям не знаю. Часов в 10 вечера я предупредил команду, согласно распоряжению Юровского, чтобы они не беспокоились, если услышат выстрелы. О том, что предстоит расстрел Царской семьи, я сказал Ивану Старкову. Кто именно из состава команды находился

тогда на постах — я положительно не помню и назвать не могу. Не могу также припомнить, у кого я отобрал револьверы.

Часов в 12 ночи Юровский разбудил Царскую семью. Объявил ли он им, для чего он их беспокоит и куда они должны пойти — не знаю. Утверждаю, что в комнаты, где находилась Царская семья, заходил именно Юровский. Ни мне, ни Константину Добрынину поручения разбудить спавших Юровский не давал. Приблизительно через час вся Царская семья, доктор, служанка и двое слуг встали, умылись и оделись. Еще прежде чем Юровский пошел будить Царскую семью, в дом Ипатьева приехали из Чрезвычайной комиссии два члена: один, как оказалось впоследствии, — Петр Ермаков, а другой — неизвестный мне по имени и фамилии, высокого роста, белокурый, с маленькими усиками, лет 25—26. Валентина Сахарова я знаю, но это был не он, а кто-то другой. Часу во втором ночи вышли из своих комнат Царь, Царица, четыре царских дочери, служанка, доктор, повар и лакей. Наследника Царь нес на руках. Государь и Наследник были одеты в гимнастерки, на головах фуражки. Государыня и дочери были в платьях, без верхней одежды, с непокрытыми головами. Впереди шел Государь с Наследником, за ними — Царица, дочери и остальные. Сопровождали их Юровский, его помощник и указанные мною два члена Чрезвычайной комиссии. Я также находился тут.

При мне никто из членов Царской семьи никаких вопросов никому не предлагал. Не было также ни слез, ни рыданий. Спустившись по лестнице, ведущей из второй прихожей в нижний этаж, вышли во двор, а оттуда, через вторую дверь (считая от ворот) во внутренние помещения нижнего этажа. Дорогу указывал Юровский. Привели (их) в угловую комнату нижнего этажа, смежную с опечатанной кладовой. Юровский велел подать стулья: его помощник принес три стула. Один стул был дан Государыне, другой — Государю, третий — Наследнику. Государыня села у той стены, где окно, ближе к заднему столбу арки. За ней встали три дочери (я их всех очень хорошо знаю в лицо, так (как) каждый почти день видел их на прогулке, но не знаю хорошенько, как звали каждую из них). Наследник и Государь сели рядом, почти посреди комнаты. За стулом Наследника встал доктор Боткин. Служанка (как ее зовут — не знаю, высокого роста женщина) встала у левого косяка двери, ведущей в опечатанную кладовую. С ней встала одна из царских дочерей

(четвертая). Двое слуг встали в левом (от входа) углу, у стены, смежной с кладовой.

У служанки была с собой в руках подушка. Маленькие подушечки были принесены с собой и царскими дочерьми. Одну из подушечек положили на сиденье стула Государыни, другую — на сиденье стула Наследника. Видимо, все догадывались о предстоящей им участи, но никто не издал ни одного звука. Одновременно в ту же комнату вошли 11 человек: Юровский, его помощник, два члена Чрезвычайной комиссии и семь человек латышей. Юровский выслал меня, сказав: «Сходи на улицу, нет ли там кого и не будут ли слышны выстрелы?» Я вышел в огороженный большим забором двор и, не выходя на улицу, услышал звуки выстрелов. Тотчас же вернулся в дом (прошло всего 2—3 минуты времени) и, зайдя в ту комнату, где был произведен расстрел, увидел, что все члены Царской семьи: Царь, Царица, четыре дочери и Наследник уже лежат на полу с многочисленными ранами на телах. Кровь текла потоками. Были также убиты доктор, служанка и двое слуг. При моем появлении Наследник еще был жив — стонал. К нему подошел Юровский и два или три раза выстрелил в него в упор. Наследник затих. Картина убийств, запах и вид крови вызвали во мне тошноту. Перед убийством Юровский роздал всем наганы, дал револьвер и мне, но, я повторяю, в расстреле не участвовал. У Юровского, кроме нагана, был маузер.

По окончании убийства Юровский послал меня в команду за людьми, чтобы смыть кровь в комнате. По дороге в дом Попова мне попали навстречу бегущие из команды разводящие Иван Старков и Константин Добрынин. Последний из них спросил меня: «Застрелили ли Николая II? Смотри, чтобы вместо него кого другого не застрелили: тебе отвечать придется». Я ответил, что Николай II и вся его семья убиты. Из команды я привел человек 12—15, но кого именно — совершенно не помню, и ни одного имени назвать Вам не могу. Приведенные мною люди сначала занялись переноской трупов убитых на поданный к парадному подъезду грузовой автомобиль. Трупы выносили на носилках, сделанных из простынь, натянутых на оглобли, взятые от стоящих во дворе саней. Сложенные в автомобиль трупы завернули в кусок солдатского сукна, взятый из маленькой кладовой, находящейся в сенях нижнего этажа. Шофером автомобиля был злоказовский рабочий Люханов. На грузовик сели Петр Ермаков и другой член Чрезвычайной комис-

сии и увезли трупы. В каком направлении они поехали и куда дели трупы, не знаю. Кровь в комнате и на дворе замыли и все привели в порядок. В три часа ночи все было окончено, и Юровский ушел в свою канцелярию, а я — к себе в команду.

Проснулся я часу в 9-м утра и пришел в комендантскую комнату. Здесь уже были председатель Областного совета Белобородов, комиссар Голощекин и Иван Андреевич Старков, вступивший на дежурство разводящим (он был выбран на эту должность недели за три до того). Во всех комнатах был полный беспорядок: все вещи разбросаны, чемоданы и сундуки вскрыты. На всех бывших в комендантской комнате столах были разложены груды золотых и серебряных вещей. Тут же лежали и драгоценности, отобранные у Царской семьи перед расстрелом, и бывшие на них золотые вещи: браслеты, кольца, часы. Драгоценности были уложены в два сундука, принесенных из каретника. Помощник коменданта находился тут же.

Вы спросили меня, не знакома ли мне фамилия «Никулин», и я теперь припомнил, что такова именно фамилия того помощника. На предъявленной мне Вами фотографической группе я хорошо признаю вот этого человека за помощника коменданта Никулина (обвиняемый на предъявленной ему фотографической группе, присланной из Уголовного розыска, указал на одно лицо, отметив его карандашом). Со слов Никулина я знаю, что он ранее находился также в Чрезвычайной следственной комиссии. Вы говорите, что, по имеющимся у Вас сведениям, на пулеметном посту в большой комнате нижнего этажа находился Александр Стрекотин, и я теперь припомнил, что, действительно, А. Стрекотин стоял тогда у пулемета. Дверь из комнаты, где стоял пулемет на окне, в парадную переднюю была открыта, открыта была и дверь в ту комнату, где производился расстрел. Разводящего Якимова при самом расстреле не было. Фамилия «Стрежнев» мне совершенно незнакома. Бажев <...> состоял в команде из злоказовских рабочих. Фамилия «Курочкин» мне незнакома.

Обходя комнаты, я в одной из них под книжкой «Закон Божий» нашел шесть 10-рублевых кредитных билетов и деньги эти присвоил себе. Взял я также несколько серебряных колец и еще кое-какие безделушки.

Утром 18-го ко мне приехала жена, и я с ней уехал в Сысертский завод, получив поручение раздать деньги семьям слу-

жащих в команде. Вернулся я в Екатеринбург 21 июля. Все вещи царские из дома уже были увезены и караул был снят.

24 июля я уехал из Екатеринбурга с комиссаром Мрачковским. В Перми комиссар Голощекин назначил меня в охрану приспособлений для взрыва Камского моста, в случае появления «белогвардейцев». Подорвать мост согласно полученному приказанию я не успел, да и не хотел, решив добровольно сдаться. Приказание о взрыве моста пришло мне тогда, когда уже Сибирские войска стали обстреливать мост, и я пошел и сдался добровольно. Вскоре я поступил санитаром в эвакуационный пункт № 139, в г. Перми, где и находился до момента задержания. Здесь как-то я разговорился с одной из сестер милосердия и по поводу замечания ее, что в газетах пишут о дурном обращении с Царской семьей, сказал ей, что это все неправда. При этом я ей, так же подробно, как и Вам, рассказал, что я ранее служил в команде по охране дома Ипатьева, рассказал, как там жила Царская семья и как был произведен расстрел. Объяснил я ей все про Юровского, его помощника, двух членов Чрезвычайной комиссии и латышей, говорил, кто расстреливал, как замывали кровь и выносили на автомобиль трупы. Разговор этот происходил вскоре после поступления моего в пункт. Сестру эту потом издали мне предъявлял посланный Вами чиновник.

О том, куда скрыты трупы убитых, я знаю только вот что: по выезде из Екатеринбурга я встретил на ст. Алапаевск Петра Ермакова и спросил его, куда они увезли трупы. Ермаков объяснил мне, что трупы сбросили в шахту за В.-Исетским заводом и шахту ту взорвали бомбами, чтобы она засыпалась. О сожженных близ шахты кострах я ничего не знаю и не слышал. Более никаких сведений о месте нахождения трупов я не имею. Вопросом о том, кто распоряжался судьбой Царской семьи и имел ли на то право, я не интересовался, а исполнял лишь приказания тех, кому служил. Из советского начальства в доме часто бывали Белобородов и Голощекин. Я не видел и не слышал, чтобы перед расстрелом Юровский вычитывал Царю какую-нибудь бумагу или говорил что-либо по поводу предстоящей казни. Из числа названных мною служащих сысертской команды в день расстрела в команде отсутствовали: Иван Котов, Виктор Луговой, Андрей Старков, Григорий Кесарев и Василий Семенов. Алексей Никифоров уволился по болезни еще недели за три до этого. Где теперь находятся все упомянутые в моем показании лица — точно не знаю. Некоторые из команды находи-

лись до взятия Перми на пристани Левшинской, некоторые служат в красной армии.

Вот все, что я могу Вам объяснить по поводу предъявленного мне обвинения. Повторяю, что непосредственного участия в расстреле я не принимал. Предъявленный Вами Филипп Проскуряков до самого последнего времени находился в команде, но принимал ли он участие в уборке комнаты и переноске трупов — не помню.

Припоминаю, что перед отъездом моим в Сысерть Юровский разрешил мне взять принадлежавший Боткину чемоданчик. Более объяснить ничего не имею.

Прочитано. Записано верно.

Медведев.
Член Екатеринб. Окружного суда Ив. Сергеев.

ПРОТОКОЛ

1919 года, февраля 26 дня, г. Екатеринбург. Агент Екатеринбургского уголовного розыска Алексеев составил настоящий протокол в следующем.

Производя дознание по делу об убийстве бывшего Императора Николая II и его семьи, я, агент Уголовного розыска Алексеев, агентурным путем узнал, что в г. Екатеринбурге скрывается красноармеец — гражданин Сысертской вол. и завода Филипп Полуевктов Проскуряков, который, по имеющимся у меня сведениям, был в числе других лиц на охране дома Ипатьева в г. Екатеринбурге, где помещался Император Николай II с семьей. По сведениям, Проскуряков скрывается в г. Екатеринбурге при содействии своего родного брата — бывшего старшего милиционера 4-й части г. Екатеринбурга Александра Полуевктова Проскурякова, с которым выбывал на днях в г. Пермь, а затем снова возвратился в г. Екатеринбург.

По наведенным мною справкам в Екатеринбургском адресном столе брат Проскурякова — Александр Проскуряков оказался прописанным на жительство по Арсеньевскому проспекту дом № 20 и выбывшим 3 февраля неизвестно куда, самого же Филиппа Проскурякова в прописке совсем не оказалось. Принимая меры к розыску Проскурякова, я, Алексеев, прибыл в квартиру брата его Александра Проскурякова, где и дознал, что Александр Проскуряков находится в г. Екатеринбурге, а также и

брат его Филипп, причем Александр снова занимает эту квартиру, но последние двое суток дома не ночевал и находится неизвестно где, а местопребывание его брата Филиппа совсем неизвестно.

Вследствие этого мною, агентом Уголовного розыска Алексеевым, учреждено было чрез чинов милиции 4-й части г. Екатеринбурга негласное наблюдение за квартирой Александра Проскурякова с предложением задержать его по явке в квартиру, известив меня о задержании, и 21 сего февраля вечером Александр Проскуряков задержан чинами милиции 4-й части гор. Екатеринбурга по явке в квартиру, а вскоре задержан пришедший к брату и Филипп Проскуряков, о чем я и был тогда же извещен. Явившись в 4-ю часть милиции г. Екатеринбурга, я, агент Уголовного розыска Алексеев, расспрашивал задержанного Филиппа Проскурякова по обстоятельствам дела, причем он, Проскуряков, отзываясь полным незнанием чего-либо по данному делу, объяснил, что он на охране Ипатьевского дома, где помещался Царь с семьей, совсем не был и ничего по этому делу не знает. Был он мобилизован в числе других на охрану Ипатьевского дома, но дорогой сбежал и потому на охране не был.

При дальнейшем же расспросе его в следующий день 22 февраля, с предъявлением Павлу Спиридонову Медведеву, который уличил его, что он дал несправедливое показание о том, что он не был на охране Ипатьевского дома и что он, Филипп Проскуряков, был до конца пребывания Царя с семьею на охране этого дома, он, Проскуряков, изменил свое первоначальное показание и объяснил, что он действительно был на охране Ипатьевского дома, где находился Царь с семьею, но ничего по делу не знает, и где находится Царь и его семья, ему неизвестно. Живы они или нет — не знает.

При расспросе далее обо всех подробностях пребывания его на охране в доме Ипатьева он, Проскуряков, еще уклонялся от дачи каких-либо существенных сведений по делу и наконец подтвердил лишь то обстоятельство, что Павел Медведев вечером (какого числа — не упомнит), незадолго до оставления большевиками гор. Екатеринбурга, приходил в караульное помещение, где находилась охрана дома, и в числе охранников был он, Проскуряков, и предупредил охрану, что в эту ночь будут выстрелы, чтобы они не тревожились и были в то же время наготове на всякий случай, причем сказал, что в эту ночь

будет расстрел семьи. Что происходило в эту ночь в доме, он, Проскуряков, не знает, так как после прихода Медведева лег спать на печь. Утром слышал от красноармейца Андрея Старкова, что семью увезли из дома.

При последующем расспросе Проскуряков еще изменил свое показание в последней части и объяснил, что слышал от красноармейцев, бывших на охране дома, что Царя Николая II и его семью расстреляли и увезли куда-то на автомобиле. При этом Проскуряков объяснил, что сам он Николая II и его семью тогда не видал, действительно ли они расстреляны и вывезены — не знает, трупов он их не выносил и кровь замывать в комнате расстрела в числе других лиц не ходил. Наряжал ли Медведев охрану выносить трупы и замывать кровь в комнате расстрела — не слыхал.

Наконец на спрос мой, агента Уголовного розыска, 28 февраля Проскуряков, подтверждая свои прежние показания в отношении того, что он ничего по данному делу не знает и что были ли расстреляны в ночь на 17 июля нов. стиля Царь Николай II и его семья — ему неизвестно, добавил, что в то время, когда было это происшествие, он, Проскуряков, вместе с красноармейцем Егором Столовым, бывшим также в охране Ипатьевского дома, были посажены разводящим Павлом Медведевым в баню, при караульном помещении, где сидели два дня под арестом за то, что напились пьяны, а потому он, Проскуряков, и не знает, что происходило в эту ночь в доме Ипатьева, где находился Царь и его семья.

После освобождения его вместе с Столовым из-под ареста в бане его, Проскурякова, отправили вместе с другими красноармейцами в числе 15 человек в г. Пермь, где он и находился все время до освобождения города от большевиков правительственными войсками, причем исполнял караул по охране эшелонов красноармейцев на станциях г. Перми. Когда большевики начали уходить из Перми, он, Проскуряков, по совету своего дяди Матвея Иванова Проскурякова, остался у них в г. Перми и после ухода их ушел в г. Екатеринбург, а затем домой — в Сысертский завод. Когда он прибыл в Сысертский завод, то мать его Евдокия Степанова известила об этом по телефону его брата Александра Полуевктова Проскурякова, служившего старшим милиционером 4-й части г. Екатеринбурга. Последний, прибыв в Сысертский завод, тогда же доставил его, Проскурякова, в г. Екатеринбург к коменданту. Комендант препроводил его к

коменданту этапа в г. Екатеринбурге, который и выдал ему удостоверение в том, что он освобожден из-под ареста, как насильно мобилизованный красноармеец, и что он обязан явиться в своем месте жительства в следственную комиссию. Получив это удостоверение, он остался с ним в г. Екатеринбурге для приискания себе какой-либо службы и проживал с ним в этом городе с месяц времени или более. Жил он все это время у своей сестры, Клавдии Полуевктовой Проскуряковой, на Макаровской мукомольной мельнице в г. Екатеринбурге, где сестра его сожительствует с чехом, а также живет с чехом и другая его сестра.

Поступил он на охрану дома, где находился Царь с семьей, по своему желанию и насильно мобилизован для этой обязанности не был. Наймовать людей на охрану дома приезжал в Сысертский завод комиссар Мрачковский. Жалованье поступившим в охрану было назначено 400 руб. в месяц. Он изъявил желание поступить в эту охрану за неимением работы в то время. До этого времени он проживал в г. Екатеринбурге, служил монтером по электричеству в гостинице Пале-Рояль, а затем, когда электрическая машина из этого дома была убрана, то занимался работой по проведению электричества в частных домах и прибыл домой в Сысертский завод недели за 2 до поступления в охрану дома. На охрану дома он поступил в мае месяце.

Из сысертских рабочих на охрану этого дома поступили всего 30 человек. Из них он помнит следующих лиц: 1. Семена Турыгина, 2. Александра Кронидова Алексеева, 3. Александра Орлова, 4. Степана Вяткина, 5. Вениамина (Файку) Сафонова, 6. Александра Турыгина, 7. Ивана Талапова, 8. Александра Стрекотина, 9. Андрея Стрекотина, 10. Ивана Старкова, 11. Андрея Старкова, 12. Николая Садчикова, 13. Егора Столова, 14. Константина Добрынина, 15. Михаила Летемина, 16. Михаила Котова, 17. Ивана Котегова, 18. Романа Теткина, 19. Николая Подкорытова, 20. Кесарева, 21. Александра Котегова, 22. Виктора Лугового, 23. Николая Попова, 24. Семена Шевелева, 25. Семена Беломонина, 26. Чуркина, 27. Николая Зайцева, 28. Александра (правильно: Алексея. — *О. П.*) Чуркина и еще одного не припомнит. Все эти лица вместе с ним, Проскуряковым, были до последнего времени на охране дома, где находилась Царская семья и сам Царь.

В следующий день после расстрела Царя и его семьи Проскурякова, вместе с другими красноармейцами в числе 15 человек, отправили в г. Пермь, а остальные еще остались при доме.

При отправке их в Пермь красноармеец Иван Старков сказал ему и Егору Столову, что Медведев сказывал ему, что Царя и семью его расстреляли. Затем слышал он, Проскуряков, в Перми от Ивана Талапова, что расстреляли Царя и семью и увезли куда-то на автомобиле-грузовике. Расстреляли и увезли латыши, а они, Талапов и другие, играли в это время в карты.

Кроме их, на охране дома были еще рабочие Злоказовской фабрики. Рабочих этих было всего 15 человек. Из них он знает Андрея Корзухина из села Уктуса, Клещева, Алексея Сидорова, Авдеева Александра. Рабочие эти, за исключением Авдеева, были до последнего времени на охране. Авдеев состоял комендантом дома первое время. Помощником его был рабочий Злоказовской фабрики Мошкин. Затем Авдеев и Мошкин были уволены за какую-то кражу вещей в доме, и тогда поступил комендантом дома Юровский, и его помощник был Никулин, шофер по ремеслу, как он слышал от него самого, и эти лица были до последнего времени на своих обязанностях при доме. Никулин был среднего роста, на вид лет 25, светло-русый, имел небольшие усы, телосложения крепкого. У него была знакомая какая-то барышня или дама на вид лет 19, блондинка, невысокого роста, довольно полная, которая приходила к нему неоднократно в Ипатьевский дом, вызывала его звонком на улицу, и он вводил ее в дом. Юровский и Никулин находились все время внутри дома в комнате верхнего этажа, где помещался Царь и его семья. Медведев находился также большею частью с ними наверху дома.

Команда караульных первое время помещалась внизу дома, а затем ее перевели в соседний дом, где она находилась во время происшествия. В доме оставались из охраны лишь латыши, коих было человек 15. Ни одного из них по имени и фамилии он не знает. Латыши несли посты по охране внутри дома, а рабочие Сысертского завода и Злоказовской фабрики несли наружные посты по охране.

Ему известно, что в доме находились сам Царь Николай II, супруга его, сын Алексей и четыре дочери, какой-то седоватый мужчина, повар, слуга и горничная. Всех их он видал в доме до последнего времени, т. е. до оставления ими караула при этом доме и отправки в г. Пермь. Царя, сына его Алексея и дочерей он видал неоднократно гуляющими в саду. Государыню видал редко, так как она не выходила из дома. Никаких насилий над Царем и его семьей, когда они жили в доме Ипатьева, никем не

учинялось. Пищу им приносили из советской столовой. Разогревал пищу повар их. Более ничего по делу не знает.

Агент Екатеринбургского уголовного розыска
С. Алексеев.

ПРОТОКОЛ

1919 года, апреля 1—3 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Екатеринбурге допрашивал, в порядке 403—409 ст. ст. уст. угол. суд., нижепоименованного в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по содержанию постановления своего от 31 марта сего года, и он объяснил:

Имя, отчество, фамилия: Филипп Полиевктов Проскуряков.

Возраст во время совершения преступления: 17 лет.

Сословие: крестьянин.

Место рождения: Сысертский завод, Сысертской волости, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии.

Место жительства: Сысертский завод.

Место приписки: Сысертский завод.

Рождение: брачное.

Народность: русский.

Религия: православный.

Образование: учился 3 года в Сысертской пятиклассной школе.

Семейное положение: холост.

Родители: Полиевкт Михайлович и Евдокия Степановна.

Занятие во время совершения преступления: электромонтер по профессии. Имущественное положение: не имею. Особых примет не имею. Привычному пьянству не подвержен. Отношение к потерпевшим: чужой. Прежняя судимость: не судился.

Виновным себя в предъявленном мне Вами, г. судебный следователь, обвинении я не признаю. Могу, на Ваши вопросы, рассказать следующее.

Отец мой — Полиевкт Михайлович Проскуряков, житель Сысертского завода. Мать мою зовут Евдокия Степановна. Кроме них, в семье у нас еще вот кто: старший брат Александр, 31 года, брат Андрей, 28 лет, брат Степан, 27 лет, сестра Пелагея, 25 лет, сестра Таисия, 21 года, сестра Клавдия, 19 лет, я и брат Василий, 13 лет.

Старший брат Александр служит сейчас старшим милиционером в 3-й части г. Екатеринбурга, Андрей — в красной армии и находится, вероятно, где-нибудь на фронте, Степан — в германском плену, Пелагея — замужем за Петром Зотовым Коряковым и живет в Сысерти, Таисия и Клавдия находятся в услужении в Екатеринбурге (у кого именно — не знаю), Василий — дома при родителях.

Отец многие годы состоял мастером по железоделательной работе, все время проживал в Сысертском заводе. Там я и родился. 3 года я учился в Сысертской школе, но курса не окончил. Грамота мне плохо давалась, и отец тут как раз заболел. Он меня и взял из школы. Отдал он меня сначала там же на заводе в кузницу к Василию Афанасьевичу Белоносову в ученье. Проработал я у него с год и ушел: очень тяжелая работа. Старший брат устроил меня в художественный театр в «Пале-Рояль». Там я стал учиться «электрическому делу» — на моторе работать. Владел этим театром Владимир Михайлович Имшенецкий. Машинистом был некто Альман. А помощником у него был Михаил Иванов Цепенников. Здесь я прослужил с год, выучился электрическому делу и стал работать самостоятельно: проводить электричество по городу. Материалы я брал у монтера Ивана Андреева Старкова, с которым я тогда и познакомился. Потом я поступил на службу в Центральную электрическую станцию в Екатеринбурге, проработал здесь приблизительно с месяц и перед Пасхой 1918 года уехал домой.

Хорошо помню — 9 мая на базаре я встретил своего товарища Ивана Семенова Талапова. Он мне сказал, что к нам на завод приехал какой-то комиссар Мрачковский и производит набор среди наших заводских рабочих для охраны Царя. Мрачковского я сам лично не знал. Слыхал только я, что он командовал на Дутовском фронте и вернулся оттуда. О словах Талапова я передал своему отцу. И отец и мать не советовали мне идти в охрану. Отец говорил мне: «Не ходи, Филипп. Одумайся». Но мне охота была посмотреть Царя. Я не послушался их совета и на другой же день отправился записываться в охрану. Запись происходила в доме Василия Еркова на Церковной улице, где помещался совдеп. Ее принимал наш сысертский рабочий Павел Спиридонов Медведев. Я хорошо помню, что именно он принимал запись. В то время, когда я пришел записываться, там же был и помощник военного комиссара Николай Иванов Чуркин. Медведев сказал мне, что жалованья охране будут платить

400 рублей в месяц, что надо будет стоять на посту и не спать. Вот только эти условия он мне и сказал. Я тут же и записался. На собрании, которое устраивал по поводу набора рабочих в охрану Мрачковский, я сам не был и не могу Вам рассказать, что именно говорил там Мрачковский.

Было принято в охрану, как тогда говорили, ровно тридцать человек наших сысертских рабочих. Потом некоторые из них уволились. Таких было очень немного, и вместо них нанимали других из наших же рабочих. Я точно, определенно не могу сказать, кто именно был принят с самого первого раза, кто именно заболел и кто именно был принят впоследствии в охрану, взамен заболевших. Но я хорошо помню, что в охране состояли следующие лица: 1) Талапов Иван Семенов, 2) Летемин Михаил Иванов, 3) Луговой Виктор Константинов, 4) Сафонов Вениамин Яковлев, 5) Никифоров Алексей Никитин, 6) Столов Егор Алексеев, 7) Котегов Иван Павлов, 8) Дроздов Егор Алексеев, 9) Емельянов Федор Васильев, 10) Вяткин Степан Григорьев, 11) Беломоин Семен Николаев, 12) Котегов Александр Алексеев, 13) Алексеев Александр Кронидов, 14) Подкорытов Николай Иванов, 15) Шевелев Семен Степанов, 16) Садчиков Николай Степанов, 17) Турыгин Семен Михайлов, 18) Семенов Василий Егоров, 19) Стрекотин Александр Андреев, 20) Стрекотин Андрей Андреев, 21) Котов Михаил Павлов, 22) Русаков Николай Михайлов, 23) Медведев Павел Спиридонов, 24) Теткин Роман Иванов, 25) Старков Иван Андреев, 26) Старков Андрей Алексеев, 27) Орлов Александр Григорьев, 28) Чуркин Алексей Иванов, 29) Попов Николай Иванов, 30) Кесарев Григорий Александров, 31) Добрынин Константин Степанов, 32) Зайцев Николай Степанов и я. Из числа этих названных мною лиц уволились впоследствии Кесарев и Семенов. Кто именно был нанят вместо них, я не могу припомнить.

Из числа названных мною людей Сафонов, Вяткин, Стрекотин Андрей, Старков Иван, Добрынин, Летемин, Котов, Котегов Иван, Шевелев, Беломоин, Медведев состояли в партии большевиков-коммунистов у нас на заводе, как они мне сами говорили.

Все вместе мы и прибыли в город Екатеринбург во второй половине мая месяца. Поселились мы сначала в Новом Гостином Дворе, где находились красноармейцы. Прожили здесь мы несколько дней без дела, а в конце мая нас переселили в дом

Ипатьева, где находилась Царская семья. Поселили нас всех в нижних комнатах этого дома.

Главным начальником над домом и над нашим караулом был рабочий со Злоказовской фабрики Александр Мошкин. В нашей же команде был главным начальником Медведев. Он именно был начальником. Никто его на это не выбирал, а так, просто, с самого начала он принимал охрану. Он нам раздавал жалованье, он ставил на посты и вообще был у нас, как начальник. Мы все получали 400 рублей жалованья, а Медведев получал 600 рублей. Авдеев был весь день в доме, помещаясь в комендантской комнате. Он приходил с утра часов в 9 и уходил домой часов в 9 вечера. Мошкин все время находился в комендантской комнате, жил там. Медведев при них также находился все время в этой же комнате и ночевал даже там.

Караульные посты были следующие: 1) пост наружный у будки около ворот, 2) пост наружный у будки вблизи часовенки, 3) между заборами у окон дома, 4) в переднем дворе у дверей в дом, 5) в заднем дворе, 6) в саду; внутри дома было два поста: 7) у парадной двери в верхнем этаже около комендантской комнаты, 8) около уборной, где находится клозет и ванная комната; кроме того, было еще три пулеметных поста: 9) на чердаке дома у окна, 10) на террасе, выходившей в сад и 11) в нижнем этаже дома в средней комнате.

Приблизительно с неделю пронесли мы охрану, и Авдеев привел еще 15 человек, приблизительно, рабочих со Злоказовской фабрики. Вышло это, надо думать, потому, что нам было тяжело: приходилось дежурить по 4 часа, пошли дожди, а мы — народ непривычный. Из рабочих Злоказовской фабрики я помню вот кого: отца и сына Смордяковых, имени отца я не знаю, а сына звали, кажется, Александр; Путилова, кажется, Николая; Пермякова, кажется, Ивана; Люханова, кажется, Сергея; братьев Логиновых; Сидорова Алексея, Варакушева Александра, Корзухина Андрея; Клещева, имени не знаю; Хохрякова, имени также не знаю; Прохорова, имени также не знаю; Якимова, имени не знаю; Дерябина, Лабышова, Фомина; Дмитриева Семена, кажется, по имени; Скороходова, Пелегова; Бруслянина, по кличке — Мудозвонов; Осокина, кажется, Александра; Романова, имени не знаю. Фамилий Соловьева, Гоншкевича, Шулина, Петровых, Корякина, Тимофеева, Крашенинникова, Украинцева, Комендантова, Мишкевичей, Зотова и Устинова не помню. Может быть, они и были, но я не могу припомнить их в

числе злоказовских рабочих. «Лесникова» или «Мостикова» не было среди охранников. Был «Мясников», но это не фамилия, а кличка Алексея Чуркина.

Злоказовские рабочие стали жить вместе с нами же внизу дома Ипатьева. Женщин никаких у нас в охране не было. У нас были свои повара, которые и готовили на всех. Сначала был поваром Иван Котегов, а потом Андрей Старков.

Приблизительно в самых последних числах июня или в первых числах июля месяца Авдеев арестовал Мошкина за то, что он украл что-то из царских вещей, кажется, какой-то золотой крестик. Но тут же был уволен и сам Авдеев. Вместо него заступил в начальники Юровский, этот самый, которого Вы мне сейчас показываете на карточках (предъявлены имеющиеся в распоряжении судебного следователя фотографические карточки Якова Михайлова Юровского). Раньше Юровского я не знал и никогда его не видел. Помощником его был Никулин. Я вижу предъявленную мне Вами фотографическую группу (была предъявлена фотографическая группа разных лиц — деятелей советской власти) и положительно удостоверяю, что на этой группе, в числе других, изображен именно Никулин. Я прекрасно знаю его наружность и положительно удостоверяю, что это и есть именно он.

Кто именно такие были Юровский с Никулиным, я положительно не знаю. Появились они в доме одновременно. Находились они все в той комендантской комнате. Юровский приходил с утра, часов в 8—9 и уходил вечером в 5—6. Никулин же жил в комендантской, ночевал тут. Медведев также продолжал ночевать в этой комнате. Спустя, приблизительно, с неделю после назначения Юровского и Никулина, нас, рабочих Сысертского завода и Злоказовской фабрики, перевели в дом Попова или Обухова против дома Ипатьева, а вместо нас внизу дома Ипатьева поселились латыши. Их было, приблизительно, человек 10.

До появления латышей охрану в доме несли мы, рабочие Сысертского завода. После появления латышей охрану в верхнем этаже дома, где жила Царская семья, стали нести исключительно латыши. Нас, русских рабочих, туда уже не впускали. Таково было приказание Юровского.

Пулеметчиками, которые стояли исключительно у пулеметов, были из наших сысертских рабочих следующие лица: Талапов, Александр Стрекотин, Семен Турыгин, Сафонов, Николай

Садчиков, Добрынин, Летемин, Иван Котегов и Шевелев. Из злоказовских рабочих я могу назвать только одного Андрея Корзухина. Эти рабочие всегда стояли только у пулеметов. На остальных постах стояли при Авдееве все остальные рабочие. При Юровском же, со времени появления латышей, мы, рабочие, стали нести охрану исключительно наружную. Внутри дома находились исключительно латыши.

До появления их мне приходилось, как и другим, несколько раз стоять на постах внутри дома и у комендантской, и у уборной, так всего, примерно, раз шесть на обоих постах. Стоял я на этих постах и утром, и днем, и вечером, и ночью. Я видел за это время всю Царскую семью: самого Государя, Государыню, Наследника и дочерей: Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию. Мне приходилось хорошо их видеть, когда они шли на прогулку, в уборную или проходили из одной комнаты в другую. Гуляли они все, кроме Государыни. Я никогда не видел, чтобы она ходила гулять в сад. Наследника я, правда, видел только один раз, когда его несла на руках на прогулку старшая дочь Государя Ольга. Наследник все время был болен.

Жизнь свою они проводили так. Рассказываю я об этом со слов Медведева, который видел их, конечно, больше меня. Вставали они утром часов в 8—9. У них была общая молитва. Они все собирались в одну комнату и пели там молитвы. Обед у них был в 3 часа дня. Все они обедали вместе в одной комнате, т. е. я хочу сказать, что вместе с ними обедала и вся прислуга, которая была при них. В 9 часов вечера у них был ужин, чай, а потом они ложились спать. Время дня они проводили, по словам Медведева, так: Государь читал, Государыня также читала или вместе с дочерьми вышивала что-нибудь или вязала. Наследник, если мог, делал из проволоки цепочки для своих игрушек-корабликов. Гуляли они в день час-полтора. Никаким физическим трудом им не позволялось заниматься. Помню, Пашка Медведев сказывал, что Царь Николай Александрович просил раз позволения у Юровского чистить сад. Юровский ему этого не позволил.

Их пение я сам не один раз слышал. Пели они исключительно одни духовные песни. По воскресеньям у них служил священник с дьяконом, кажется, из Верхне-Вознесенской церкви. Пищу им сначала приносили из советской столовой. Носили ее какие-то две женщины. Повар их ее разогревал. Но потом им позволили готовить у себя дома.

Кроме Царской семьи, в доме, в верхнем этаже, с ними жили еще следующие лица, которых я сам лично видел. Был доктор, из себя полный, седой, лет так, примерно, 55. Он носил черный пиджак, крахмальное белье, галстук, брюки и ботинки. Я хорошо помню, что он носил пенсне, как мне помнится, в золотой оправе (оба стеклышка были в оправе). Затем был лакей, лет 35, высокий, худощавый, смугловатый, волосы у него на голове были русые. Собственно голова у него была лысая, и волосы на голове были только по бокам. Бороду он брил, а усы он подстригал на английский фасон. Носил он черную тужурку-френч, брюки и ботинки. Был при них повар. Ему было лет 40, он был низенький, худощавый, несколько плешивый. Волосы на голове были черного цвета, усы маленькие черные, бороду брил. Носил он черный пиджак и брюки, заправленные в сапоги. Еще была при них горничная, лет 40, высокая, худая, смуглая. Цвета волос я не видел, потому что голову она повязывала платком. Еще был при них мальчик. Мальчику было лет 15. Волосы у него были черные, носил он их косым рядом. Нос у него был длинный, глаза черные. Ходил он в черной однобортной тужурке, брюках и ботинках, хотя носил и сапоги.

Были еще при Царской семье каких-то два человека, как мне объяснял Медведев, тоже слуги. Один из них был высокого роста, худощавый, лет 35, светло-русый, коротко стриженный, бороду брил, усы постригал. Нос средней величины, прямой. Остальных примет не помню, но лицо у него было чистое, как у женщины. Другой также высокого роста, лет 30, волосы на голове были черные, косым рядом, усы и борода бритые. Первый носил черную тужурку, брюки и ботинки. Второй ходил в пиджаке, в крахмальном белье с галстуком, брюках и ботинках. Я еще видел, как первый выносил резиновую подушку с мочой наследника. Этих двоих людей я видел только один раз, когда в первые же дни стоял на посту внутри дома. Больше их я не видел. Медведев сказывал мне, что обоих их отвезли в тюрьму № 2, но за что, собственно, их отвезли в тюрьму, он мне не сказал, а я не интересовался.

Только один человек с воли допускался к Царской семье. Кто такой был этот человек, я не знаю. Из себя он был роста высокого, полный, лет около 50, с рыжеватой бородой, подстриженной клинышком, небольшими темно-рыжеватыми усами, в пенсне. Приходил он несколько раз.

Несколько раз я видел большевика Белобородова, который

приходил в дом, должно быть, для проверки, как живет Царская семья. Мне по крайней мере Медведев сказывал, что для этого приходил он в дом. Белобородова этого я хорошо разглядел. Ему было на вид лет 25, из себя он был роста среднего, худощавый, лицо бледное, нос прямой, тонкий, усы и борода бритые. Больше никаких примет его указать не могу. Голоса его я не слыхал. Этот Белобородов ходил в дом и при Авдееве и при Юровском.

Вместе с Белобородовым приходил в дом еще какой-то человек. Ему было лет 35, роста он был невысокого, среднего, коренастый, плотный, волосы на голове черные косым рядом, усы маленькие, черные к верху, бороду брил, щеки после бритья всегда отливали синей чернотой, нос длинный, тонкий, глаза черные. Отличался этот человек большим брюхом. Фамилии его я не знаю. Медведев мне его фамилии не называл. Но оба они (и Белобородов, и этот мне неизвестный) жили в Американской гостинице. Об этом мне сказывал Медведев. Еще я забыл сказать, что неизвестный волосы имел на голове курчавые. Всегда я видел их обоих приходящими вместе. И ходили, как я уже говорил, оба они в дом всегда вместе. Должно быть, они были оба «главные» какие-нибудь.

Про порядки в доме и про отношение к Государю и к его семейству со стороны начальства и охраны я могу по сущей совести объяснить следующее. Авдеев был простой рабочий, мало развитой. Бывал он и пьяненький иногда. Но ни он сам, ни охранники при нем ничем как есть Царской семьи не обижали и не утесняли. Юровский с Никулиным держали себя самих совсем по-другому. При них Царской семье было хуже. Оба они выпивали у себя в комендантской, и Юровский и Никулин. Бывало, напьются в комендантской, и начнется у них пение. Никулин мог на пианино играть — в комендантской оно стояло. Вот, бывало, Никулин играет, а Юровский свои «шары» (глаза) нальет и начнут оба орать: «Отречемся от старого мира, отрясем его прах с наших ног. Нам не нужно златого кумира, ненавистен нам царский чертог» и т.д. Или, бывало, все поют: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Мошкин тоже позволял себе иногда петь эти песни, но всегда в отсутствие Авдеева, и Авдеев этого не знал. А эти не стеснялись. При Авдееве никогда женщины не ходили к нам в дом. А Никулин имел, должно быть, любовницу, и она постоянно к нему шаталась, оставаясь у него после ухода Юровского. Она была лет 20, низенькая, полная, блондинка,

глаза карие, нос маленький, прямой. Фамилии ее не знаю. Откуда она приходила и где жила, не знаю. Про нее Медведев ничего не сказывал. Также и богослужения при Юровском стали совершаться реже.

Ну, и охранники при Юровском стали себя вести много хуже. Файка Сафонов сильно стал безобразничать. Уборная в доме была одна, куда ходила вся Царская семья. Вот около этой уборной Файка стал писать разные нехорошие слова. Писал он, например, «хуй» и разные другие слова, совсем неподходящие. Как он писал эти слова на стенах около уборной, видел Алексеев, стоявший тогда вверху дома вместе с Файкой (Файка стоял около уборной, а Алексеев около комендантской), и, вернувшись с охраны, он рассказывал нам всем об этом. Залез раз Файка на забор перед самыми окнами царских комнат и давай разные нехорошие песни играть.

Андрей Стрекотин в нижних комнатах начал разные безобразные изображения рисовать. В этом принимал участие и Беломоин: смеялся и учил Стрекотина, как лучше надо нарисовать. Это я сам видел, как Стрекотин эти вещи рисовал.

А раз я иду по улице мимо дома и вижу, в окно выглянула младшая дочь Государя Анастасия, а Подкорытов, стоявший тогда на карауле, как увидал это, и выстрелил в нее из винтовки. Только пуля в нее не попала, а угодила повыше в косяк.

О разных этих безобразиях Юровскому было известно. О поступке Подкорытова ему, я знаю, докладывал Медведев, но Юровский сказал:

«Пусть не выглядывают».

Как я уже говорил, с того времени как в охрану поступили латыши, они стали жить внизу Ипатьевского дома, а мы, рабочие, все были переведены напротив (в) дом Попова или Обухова. Там наверху мы занимали все комнаты, а внизу жили какие-то квартиранты. Со мной вместе в одной комнате помещался Столов, Медведев жил вместе с Александром Стрекотиным, Семеном Турыгиным и Иваном Котеговым. Все остальные размещались где придется. В этих же комнатах жили и злоказовские рабочие.

В последний раз я видел всю Царскую семью, кроме Государыни, за несколько дней до их убийства. Они тогда все выходили гулять в сад и гуляли как есть все, кроме Государыни. Значит, тут были сам Государь, сын, дочери Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Тут же был доктор, лакей, повар, горничная и

мальчик. Я хорошо тогда разглядел, что Наследник был одет в рубаху и был подпоясан кожаным черным поясом с металлической небольшой пряжкой, на которой был изображен герб. Это я хорошо тогда разглядел, потому что Ольга Николаевна пронесла его близко от меня. Пряжка эта очень похожа на ту, карточку которой Вы мне сейчас показываете (предъявлен фотографический снимок с пряжки, описанной в пункте 4-м протокола 15—16 февраля сего года). Наследник и тогда был болен, и его катал в колясочке живший при них мальчик. Теперь я вижу и самое пряжку (предъявлена пряжка, описанная в пункте 4-м протокола 15—16 февраля) и удостоверяю, что она очень похожа на ту, которая была на Наследнике. Доктор был в пенсне. Пенсне очень похоже на это стеклышко по величине и по форме, которые Вы мне сейчас показываете (предъявлены части пенсне, описанные в пункте 13 протокола 15—16 февраля сего года). В какой именно это было день, когда я видел их гуляющими в саду, я не могу припомнить, но было это незадолго до их смерти.

Убийство их произошло в ночь со вторника на среду. Числа я не помню. Я помню, что в понедельник мы получили жалованье. Значит, это было 15 числа в июле месяце, считая по новому стилю. (Нам жалованье платили два раза в месяц — 1-го числа и 15-го числа каждого месяца.)

На другой день после получки жалованья, значит, во вторник 16 июля, до 10 часов утра я стоял на посту у будки около Вознесенского проспекта и Вознесенского проулка. Егор Столов, с которым я вместе жил в одной комнате, стоял тогда, в эти же часы, на посту в нижних комнатах дома. Кончив дежурство, мы со Столовым пошли попьянствовать на Водочную улицу в дом № 85. В доме № 85 жил милиционер 2-й части по имени Адольф. Он был ранен в войне с Германией, и левая рука у него была сухая поэтому. Жил он с женой и матерью. Как их звать — не знаю. Какой он национальности, не знаю, но он русский подданный и участвовал, как я уже сказал Вам, в войне с Германией. С Адольфом я познакомился через старшего брата милиционера Александра. К этому Адольфу мы со Столовым и пошли, потому что, как мы это знали от него самого, у него был денатурат. Напились мы со Столовым денатурату и под вечер пришли домой, так как нам предстояло дежурить от 5 часов. Медведев увидел, что мы пьяны, и посадил нас под арест в баню, находившуюся при дворе дома Попова. Мы там и уснули.

Спали мы до 3 часов ночи. В 3 часа ночи к нам пришел Медведев, разбудил нас и сказал нам: «Вставайте, пойдемте». Мы спросили его: «Куда?» Он нам ответил: «Зовут, идите». Я потому Вам говорю, что это было в 3 часа, что у Столова были при себе часы, и он тогда смотрел на них. Было именно 3 часа.

Мы встали и пошли за Медведевым. Привел он нас в нижние комнаты дома Ипатьева. Там были все рабочие-охранники, кроме стоявших тогда на постах. В комнатах стоял как бы туман от порохового дыма и пахло порохом. В задней комнате с решеткой в окне, которая рядом с кладовой, в стенах и в полу были удары пуль. Пуль особенно было много (не самих пуль, а отверстий от них) в одной стене, той самой, которая изображена на предъявленной мне Вами фотографической карточке (предъявлена фотографическая карточка, имеющаяся при деле, полученная при фотографировании дома, видимо, членом суда Сергеевым), но были следы от пуль и в других стенах. Штыковых ударов нигде в стенах комнаты не было. Там, где в стенах и в полу были пулевые отверстия, вокруг них была кровь. На стенах она была брызгами и пятнами. На полу — маленькими лужицами. Были капли и лужицы крови и во всех других комнатах, через которые нужно было проходить во двор дома Ипатьева из этой комнаты, где были следы от пуль. Были такие же следы крови и во дворе к воротам на камнях. Ясное дело, в этой именно комнате с решеткой, незадолго до нашего со Столовым прихода, расстреляли много людей. Увидев все это, я стал спрашивать Медведева и Александра Стрекотина — что произошло? Они мне сказали, что только что расстреляли всю Царскую семью и всех бывших с нею лиц, кроме мальчика.

Медведев приказал нам со Столовым убирать комнаты. Стали мы все мыть полы, чтобы уничтожить следы крови. В одной из комнат было уже штуки 4—5 метел. Кто именно их принес, я не знаю. Думаю, принесли их со двора, где я их раньше видел. По приказанию Медведева, Кронидов принес из-под сарая со двора опилок. Все мы мыли холодной водой и опилками полы, замывали кровь. Кровь на стенах, где был расстрел, мы смывали мокрыми тряпками. В этой уборке принимали участие все рабочие, кроме постовых. И в той именно комнате, где была побита Царская семья, уборку производили многие. Помню я, что работали тут человека два латыша, сам Медведев, отец и сын Смордяковы, Столов. Убирал в этой комнате и я. Но были еще и другие, которых я забыл. Таким же образом, т. е. во-

дой, мы смывали кровь во дворе и с камней. Пуль при уборке я лично никаких не находил. Находили ли другие, я не знаю.

Когда мы со Столовым пришли в нижние комнаты, тут никого, кроме нескольких латышей, Медведева и наших и злоказовских рабочих, больше не было. Юровского при этом не было. Никулин же, как говорил тогда Медведев, был в верхних комнатах, куда дверь из нижних комнат была заперта со стороны верхних комнат. Золотых вещей или каких-либо драгоценностей, снятых с убитых, в нижних комнатах я нигде не видел.

В то время, когда происходило убийство Царской семьи, на постах, как мне помнится, были следующие лица: Александр Стрекотин стоял тогда у пулемета в нижних комнатах, Садчиков — у пулемета на террасе, Шевелев — у пулемета на вышке, Кронидов — на улице у будки, Орлов — в переднем дворе, Андрей Стрекотин — на заднем дворе, Сафонов — у окон между заборами, Добрынин — в саду. Я хорошо помню, что именно Андрей Стрекотин стоял у пулемета в нижних комнатах. Это я очень хорошо помню. Он все обязательно видел. Относительно других могу кое-кого и спутать, особенно не ручаюсь. Стрекотин на самом деле все и видел. Когда я ходил за водой, я останавливался около него и расспрашивал, как же это их побили? Спрашивал я и Столов также и Медведева. Оба они со Стрекотиным говорили согласно и рассказывали следующее.

Во вторник утром, когда я стоял на посту, я сам видел, что Юровский пришел в дом часов в 8 утра. После него, спустя несколько времени, в дом прибыли Белобородов с пузатым. Это я сам видел. Как я уже говорил, я тогда ушел с поста в 10 часов утра. Медведев же сказывал мне, что они втроем, т. е. Юровский, Белобородов и этот пузатый, спустя несколько времени поехали кататься на автомобиле. Дома в это время оставался Никулин. Перед вечером они втроем вернулись. Значит, вернулись Юровский, Белобородов и этот пузатый. Вечером Юровский сказал Медведеву, что Царская семья ночью будет расстреляна, и приказал ему предупредить об этом рабочих и отобрать у постовых револьверы. Вот этого я толком понять не могу. Правда это была или нет, я этого доподлинно не знаю, потому что никого из рабочих об этом я спросить не догадался, отбирал ли на самом деле у них Медведев револьверы. Для чего это нужно было, я сам не понимаю: по словам Медведева, расстреливали Царскую семью латыши, а они все имели наганы. Я тогда еще не знал, что Юровский еврей. Может быть, он, руководитель

этого дела, и латышей для этого нагнал, не надеясь на нас, на русских? Может быть, он для этого и захотел постовых русских рабочих обезоружить? Пашка Медведев приказание Юровского в точности исполнил: револьверы отобрал, передал их Юровскому, а команду предупредил о расстреле Царской семьи часов в 11 вечера.

В 12 часов ночи Юровский стал будить Царскую семью, потребовав, чтобы они все оделись и сошли в нижние комнаты. По словам Медведева, Юровский будто бы такие объяснения привел Царской семье: ночь будет «опасная», т. е., как я понимаю, он им сказал, в верхнем этаже будет находиться опасно на случай, может быть, стрельбы на улицах, и поэтому потребовал, чтобы они все сошли вниз. Они требование Медведева исполнили и сошли в нижние комнаты в сопровождении Юровского, Никулина, Белобородова и этого курчавого, пузатого. Здесь были сам Государь, Государыня, Наследник, все четыре дочери, доктор, лакей, горничная и повар. Мальчика же Юровский суток, кажется, за полтора приказал увести в помещение нашей команды, где я его видел до убийства сам. Всех их привели в ту самую комнату, где в стенах и в полу было много следов пуль. Встали они все в два ряда и немного углом вдоль не одной, а двух стен. Ни про какие стулья при этом Пашка мне не сказывал. Сам Юровский стал читать им какую-то бумагу. Государь не дослышал и спросил Юровского: «Что?» А он, по словам Пашки, поднял руку с револьвером и ответил Государю, показывая ему револьвер: «Вот что». И будто бы при этом добавил: «Ваши родственники не велят Вам больше жить». Что означали эти слова, я не понимаю. Хотя я не понимаю этих слов, но я не просил у Медведева никаких объяснений этим непонятным словам. Я не могу также точно удостоверить, что именно так мне передавал слова Юровского Пашка. Может быть, Юровский и по-другому сказал Государю: «Ваш род не должен больше жить». Пожалуй, что так оно и будет. Пожалуй, что вот так он и сказал.

Хорошо я еще помню, что, передавая мне про бумагу, которую Юровский вычитывал Государю, он называл ее, эту бумагу, «протоколом». Именно так ее называл Пашка. Это я хорошо помню. Как только это Юровский сказал, он, Белобородов, пузатый, Никулин, Медведев и все латыши (их было, по словам Пашки, 10, а не 11 человек) выстрелили все сначала в Государя, а потом тут же стали стрелять во всех остальных. Все они пали

мертвыми на пол. Пашка сам мне рассказывал, что он выпустил пули две-три в Государя и в других лиц, кого они расстреливали. Показываю сущую правду. Ничего вовсе он мне не говорил, что он будто бы сам не стрелял, а выходил слушать выстрелы наружу: это он врет. Ничего он мне также не говорил ни про подушки, ни про то, что семья Царская сидела на стульях, когда ее расстреливали.

Когда их всех расстреляли, Александр Стрекотин, как он мне сам это говорил, снял с них все драгоценности. Их тут же отобрал Юровский и унес наверх. После этого их всех навалили на грузовой автомобиль, кажется, один, и куда-то увезли. Шофером был на этом автомобиле рабочий Злоказовской фабрики Люханов. Об этом я Вам передаю со слов Медведева. Люханова я сам хорошо знал. Он никогда караульной службы не нес, потом что он был шофер и целый день находился, если не ездил на автомобиле, в комендантской комнате. Ночью он уходил на свою квартиру (не знаю, где он жил). Ездил он всегда с нашими комендантами, т. е. с Авдеевым и Юровским. Из себя он такой: лет ему не больше 40, роста среднего, среднего телосложения, лицо худощавое и несколько нечистое: или от угрей, или от оспы. Усы небольшие, черненькие, бороду брил и немного оставлял спереди под нижней губой, нос тонкий, прямой. Волос на голове не помню, глаз также и других примет указать не могу. Носил он, кажется, френч, сапоги, а на голове кепку, кажется, суконную. По словам Медведева, на этом грузовом автомобиле с трупами убитых уехали: Юровский, Белобородов, пузатый и несколько человек латышей. Из наших же рабочих-охранников не попал ни один.

Я ни от кого не слыхал, чтобы у кого-нибудь из убитых был бы обрублен палец. Об этом мне никто не говорил. Сам я трупов убитых не видел. По какому направлению они уехали, не знаю. Этого тогда не знал, должно быть, и сам Медведев, потому что обставил это дело Юровский тайной.

После уборки комнат мы со Столовым пошли, было, в наше помещение в дом Попова, но нас Медведев посадил опять в баню досиживать арест. Пошли мы в баню и проспали там часов до 10 утра. Это, значит, было уже в среду. В 12 часов я стал на пост снаружи у будки на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского проулка. Простоял я два часа. Тут мы со Столовым пошли в город и прошатались до вечера. Знакомых мы никого

не видели и никому про убийство не говорили. Вечером мы пришли в казарму, поели и спали.

В четверг 18 июля с 6 часов утра меня Медведев поставил на пост внутри дома у комендантской. До этого времени ни один рабочий, как только появились латыши, в доме не ставился, когда была жива Царская семья, а тут, как их убили, опять поставили нас. Около уборной никого не было. А меня, помню, сменил тогда Александр Котегов. Когда я в этот день 18 июля вступил на пост, в доме были уже Юровский, Никулин, Медведев и латыши. Из наших рабочих и из злоказовских не было никого. Я хорошо помню, что Юровский, когда я пришел становиться на пост, был уже в доме. Должно быть, он и ночевал тогда тут. У них шла уборка царских вещей, и они все очень торопились. Укладывали вещи все положительно, какие только можно было уложить. Но доподлинно сказать, какие именно вещи укладывались, я не могу, потому что сходить с поста я не мог. Видел я издали, что укладывались в чемоданы сапоги, вообще обувь и платье. О чем разговаривали в это время между собой Юровский, Никулин и Медведев, я не слышал. Были они все спокойные и, как мне тогда казалось, Никулин и Юровский были несколько пьяные.

В этот день вещи еще никуда не вывозились, а только укладывались. Сойдя с поста, я пошел в караульное помещение, поспал, поел и пошел со Столовым к брату Александру во 2-ю часть милиции. Брату я ничего про убийство не рассказывал. До вечера мы со Столовым проболтались по городу и к вечеру пришли в караульное помещение. Тут нам Медведев объявил, что мы все должны уезжать из Екатеринбурга.

19 июля утром нас отправили на станцию Екатеринбург I. Но нас не всех враз отправили на станцию. Которые из наших и остались. Я помню, что в нашей партии были тогда со мной вот кто: Столов, Теткин, оба Турыгина, Талапов, Вяткин, Котов Михаил и из злоказовских Андрей Корзухин. Несколько суток мы терлись на станции без всякого дела. Нашу партию прикомандировали для охраны штаба 3-й красной армии. Штаб тогда был уже в вагонах. Около штаба мы и находились. В это время я видел, что на вокзал в автомобилях привозили царские вещи, которые раньше укладывались в чемоданы и в сундуки. Их привозили и складывали в несколько вагонов. Вагонов было, приблизительно, три. Они были американские: большие, окрашенные в темно-коричневую краску. Я не совсем точно Вам сказал:

вагоны я видел, но я не видел, как привозили вещи и как их складывали в вагоны. Об этом мне передавал Талапов. Он же говорил мне, что шофером был на том автомобиле, на котором вещи возились, Люханов, а таскали вещи в вагон латыши. Как уезжал Юровский, я видел сам. Он уехал, как мне кажется, в ночь на 21 июля по направлению к Перми. С ним уехала его семья и Никулин. Я это сам видел. С Юровским же уехали и все латыши, которые жили в Ипатьевском доме внизу и убивали семью Государя и его самого. Это я также сам видел. Мы все, которых я Вам указал, уехали из Екатеринбурга со штабом 3-й армии в то время, когда, как говорили, город уже занимался. Уехали мы в Пермь.

Когда я еще находился в Екатеринбурге, я слышал от Медведева, что Юровский должен уехать в Москву. В Перми я Юровского ни разу не видел. Не видел там я также и Никулина, Авдеева и Мошкина, а также и не видел других рабочих-охранников, которые остались тогда в Екатеринбурге.

Кроме названных рабочих, с нами же уехал и Александр Стрекотин. Мы все в Перми несли охрану штаба 3-й армии. Про убийство Царской семьи мы со Стрекотиным разговаривали и в Перми. Нового он мне ничего не говорил. В частности, я, например, его спрашивал, куда же увезли трупы убитых, но Стрекотин этого не знал. Это должен бы знать, по-моему, Люханов, но я его не видал ни разу, как уехал из Екатеринбурга. Люханов же уехал из Екатеринбурга вместе с Юровским. Это я хорошо помню. Я его видел тогда, когда он садился в вагон. Я не видел его семьи, чтобы она уезжала с ним. Он, равно как, один уезжал, без семьи. С Юровским же уехала и его семья. Любовницы Никулина я тогда не видел в поезде, и уехала она или же нет, не знаю. Вся наша партия в Перми сначала жила в вагонах, а потом нас перевели в какую-то, кажется, гимназию на углу, кажется, Екатерининской и какой-то другой улицы. Все вместе мы нашей партией жили в одной комнате. Про убийство Царской семьи мы вели со Стрекотиным разговоры в вагонах, когда ехали в Пермь. Потом мы уже больше с ним об этом деле не говорили.

Когда войска генерала Пепеляева стали брать Пермь, штаб 3-й армии и все рабочие нашей партии уехали из Перми куда-то по направлению к Вятке. Я же один отстал от них. Около Перми есть Новая Деревня (с полверсты от Перми), там живет мой двоюродный брат Матвей Иванович Проскуряков. Я у него

бывал и с ним стал советоваться, как мне быть, уходить с красными или остаться в Перми? Он мне советовал остаться. Я и не поехал, а вернулся в Екатеринбург, когда Пермь была взята. Матвею Ивановичу я тоже ничего не говорил про убийство Царской семьи.

Приехав в Екатеринбург, я поселился у брата Александра. Он меня повел к этапному коменданту штабс-капитану Ваулину. Так как брат меня взял на поруки, то Ваулин меня под стражу, как красноармейца, не взял. Я стал находиться у брата и искать себе здесь в городе должности, но про меня узнали в уголовном розыске, и, когда мы с братом были в отсутствии, за нами приходили из розыска. Тогда мы с братом сами пошли в 4-ю часть, куда нам велено было прийти. Там меня забрал седенький чиновник (Алексеев) и стал допрашивать. Я напугался и стал ему врать, что я на охране вовсе не был. Потом я сознался, что был на охране, но стал говорить, что ничего не знаю. Но потом я сказал, что ничего не знаю потому, что был в бане, куда был заперт Медведевым. Теперь Вам я рассказал все, что знал про это дело.

Я вполне сам сознаю, что напрасно я не послушался отца и матери и пошел в охрану. Я сам теперь сознаю, что нехорошее это дело сделано, что побили Царскую семью, и я понимаю, что и я нехорошо поступил, что кровь убитых уничтожал. Я совсем не большевик и никогда им не был. Сделал я это по глупости и по молодости. Если бы я теперь мог чем помочь, чтобы всех тех, кто убивал, переловить, я бы все для этого сделал.

Куда выкидывались опилки, пропитавшиеся кровью, и тряпки, я не знаю. Выкидывал ли кто и какие именно вещи в помойную яму во дворе дома Ипатьева, я тоже не знаю. Также я не видел, кто и какие именно вещи убитых сожигал в печах.

Когда я видел Государыню проходящей в уборную, я не замечал, были ли на ней серьги.

Я вижу предъявленный мне Вами снимок фотографический с надписи, сделанной на обоях, и самый кусок обоев с этой надписью (предъявлены фотографический снимок и самый кусок обоев с надписью, описанный в пункте 1-м протокола 24 февраля сего года, л. д. 82, том 2-й) и положительно удостоверяю, что эта надпись означает слово «Кронидов», т. е. расписался на обоях рабочий охранник Кронидов.

Я вижу кусок дерева с обоями и надписью на них «Стрежнев». Кто написал это слово, не знаю. Никакого Стрежнева я не

знал и не знаю. (Обвиняемому был предъявлен кусок дерева с обоями с надписью на них, описанный в пункте 22-м протокола 17—18 февраля сего года, л. д. 55 об., том 2-й).

Я вижу предъявленный мне Вами снимок с кольцом и частями гранаты (предъявлены части гранаты с кольцом, описанные в пункте 12-м протокола 12 февраля сего года, л. д. 12 об., том 2-й) и показываю: гранаты с такими кольцами были в доме Ипатьева и находились в особом ящике на террасе и на вышке при пулеметах. Брали ли их, когда совершалось убийство, я не знаю. Таких гранат, снимок с частей которой Вы мне показываете сейчас (предъявлен снимок частей гранаты, описанный в пункте 14-м протокола 10 февраля сего года, л. д. 13, том 2-й), в доме Ипатьева не было.

Человек, фотографические карточки которого вы мне сейчас показываете (предъявлены фотографические карточки Петра Захарова Ермакова, представленные при дознании агентом Алексеевым, л. д. 11 об., т. 3-й), сильно похож на того самого, которого я называл пузатым и курчавым и который приходил во вторник с Белобородовым в дом Ипатьева. Действительно ли у него такое брюхо, как мне казалось, я не могу сказать. Может быть, он так одет был, что брюхо у него казалось мне большим, а на карточке этого как будто бы незаметно. Я припоминаю, что и Медведев, кажется, также называл его по фамилии «Ермаков» и говорил про него, что это комиссар, но какой именно комиссар и откуда именно, он не сказывал.

У всех рабочих, которые стояли на посту, револьверы были [системы] Нагана. Раньше постовые имели только одни винтовки, а за несколько дней до убийства откуда-то появились у нас револьверы Нагана. Кто и откуда их принес, я не знаю. Раздавал их тогда по рукам Медведев. Было их всего 7 штук. У латышей же все время были наганы. У самого Юровского был револьвер среднего размера, системы Браунинга или Маузера, без барабана, черного цвета. У Никулина был большой револьвер, кажется, на 25 патронов, с барабаном. У Медведева был револьвер Нагана.

Куда девался мальчик, который прислуживал Царской семье и которого до убийства перевели в нашу казарму, я не знаю. Я видел его после убийства. Он спал на моей койке, и я с ним разговаривал. Знал ли он про убийство Царской семьи, не знаю. Он не плакал, и ничего про это мы с ним не говорили. Он мне сказал, что комендант хочет его отправить домой, и называл

какую-то губернию, но я забыл название ее. При этом он мне жаловался, что Юровский отобрал у него одежду. Одет он в то время был в черную со стоячим глухим воротничком тужурку из сукна, черные суконные брюки и сапожки. На нем сверху было одето старенькое черное пальто, с петличкой сзади, фасона гимназического. Какая у него была фуражка или шляпа, я не помню.

Я хорошо помню Виктора Лугового. Он нашего Сысертского завода. Из себя он такой высокий, худой. Я прекрасно помню, что он до самого убийства был в охране. Я очень хорошо помню, что он был в числе других рабочих, убиравших комнаты после убийства, когда мы пришли туда со Столовым. Я очень хорошо помню, что он, например, заметал метелкой опилки в комнате, где произошло самое убийство.

В нижних комнатах жил пленный мадьяр по имени, кажется, Рудольф, а не Адольф. Он был невысокого роста, коренастый, лет 26, волосы на голове черные, длинные, усы светлорусые, бороду брил, нос прямой небольшой. Рудольф прислуживал и Авдееву с Мошкиным, и Юровскому. Он, очевидно, был в доме, когда шло убийство Царской семьи, потому что я видел его потом в поезде уезжавшим вместе с Юровским.

Из баб к нам в казарму приходили жены к Медведеву, Вяткину, Андрею Стрекотину, Андрею Старкову. Но в день убийства никого из баб у нас не было в казарме. Только вскоре после убийства к Медведеву приезжала его жена.

Остался ли кто из рабочих нашего завода или злоказовских здесь и кто ушел за большевиками, я не могу сказать.

Ни одного из латышей я назвать не могу. Все они говорили по-русски очень плохо и говорили между собой не по-русски. А один был, который с Юровским говорил не по-русски, но и не так, как говорили между собой латыши, а как-то по-другому, как будто бы «по-жидовски», но точно этого сказать не могу. Утверждаю лишь, что один такой латыш был, который говорил именно с Юровским не так, как говорили между собой латыши. Из себя этот «латыш» был лет 30, низенький, плотный, нос имел длинный, волосы, глаза и брови черные, уши большие, бороду брил, усы черные, средней величины, лицом смуглый. Похож он был на еврея. Его не было в комнатах в то время, когда мы пришли туда со Столовым и когда убирали мы, рабочие, комнаты. Очевидно, он в числе других отвозил трупы убитых.

Когда я стоял на посту внутри дома, я ни одного раза не видел, чтобы Государыня входила в комендантскую комнату. Думаю я, что этого и быть никак не могло, потому что Юровский нехорошо обходился с ними. Если туда в комендантскую комнату попали четки Государыни, то, может быть, их там забыли, когда укладывали вещи в чемоданы после убийства.

Я вижу две предъявленные мне Вами фотографические группы (предъявлены две фотографические группы, имеющиеся при деле, с изображением советских деятелей). На одной из них я узнаю двоих рабочих со Злоказовской фабрики. Один из них, кажется, был помощником шофера Люханова, и фамилия ему, кажется, Лабышов, хотя точно сказать этого не могу. Но он сильно похож на него. Уехал ли он в Пермь или же нет, сказать не могу. Другой же, по фамилии мне неизвестный (забыл ему фамилию), мне очень хорошо известен. Он до конца был в охране. Замывал также кровь и вместе с нами уехал в Пермь.

На другой карточке я узнаю Юровского, Никулина, как уже я Вам говорил раньше.

Дочери Государя ходили в высоких полусапожках и в туфлях. Были ли на туфлях пряжки, какие Вы мне сейчас показываете (предъявлены две пряжки, описанные в пункте 2-м протокола 15—16 февраля 1919 года, л. д. 45, том 2-й), я не замечал: может быть, были, может быть, нет. Государя я видел, когда он проходил в уборную или когда выходил в сад. Я помню, что мне приходилось его видеть в тужурках серого и черного цвета со стоячим воротничком. Хорошо помню, что пуговицы на этих тужурках были желтые, медные, с гербами, как те, которые Вы мне сейчас показываете (предъявлены пуговицы, описанные в пункте 14-м протокола 15—16 февраля сего года, л. д. 48, том 2-й). Носил он сапоги. В его бороде были заметны седеющие волосы.

Княжны выходили в сад в летних туфлях, кофточках и юбках, разных цветов. Кофточек с красными нитками (пункт 2-й протокола 17—18 февраля сего года, л. д. 51, том 2-й) я на них не замечал. Пояса на них я видел: пояса были цветные с пряжками, похожими на такие, какие Вы мне сейчас показываете (предъявлены две пряжки из трех, описанных в пункте 21-м протокола 15—16 февраля сего года, л. д. 48 об., том 2-й; пункт 2-й протокола 20 февраля сего года, л. д. 61, том 2-й; пункт 13-й протокола 20 февраля сего года, л. д. 63 об., том 2-й).

Больших пуговиц на костюмах княжон я никогда не видел. В верхних платьях я их также не видел.

Такой пряжки, какую Вы мне сейчас показываете (предъявлена пряжка, описанная в пункте 16-м протокола 15—16 февраля сего года, л. д. 48, том 2-й), я ни у кого из лиц Царской семьи и бывших с ней не видел.

Таких бус, какие Вы мне сейчас показываете (предъявлены бусы, описанные в пункте 1-м протокола 15—16 февраля сего года, л. д. 45, том 2-й), я не видел никогда на княжнах, Государыне и горничной.

Государыни в очках я никогда не видал.

Таких образов, креста, бриллианта и лопаты, какие изображения этих предметов я сейчас вижу на предъявленных мне Вами фотографических карточках (предъявлены фотографические снимки образов, описанных в пункте 4—6 протокола 10 февраля сего года, л. д. 11 об. — 12, том 2-й; железной лопаты, описанной в пункте «б» того же протокола, л. д. 13 об., том 2-й; бриллианта и креста, описанных в пункте «в», «г» того же протокола, л. д. 13 об., том 2-й), я не видел ни у кого в доме, где жила Царская семья.

Выбрасывал ли, какие именно вещи и кто именно в помойную яму при доме Ипатьева, я не видел и ничего про это не слышал.

Я вижу предъявленную мне Вами расписку Медведева на 10 800 рублей (предъявлена расписка, описанная в пункте 1 «а» протокола 13 марта 1919 года, л. д. 125, том 2-й). Расписка эта писана его рукой и им подписана, а слов, написанных на ней синим карандашом, я понять не могу, и лиц, фамилии которых были бы похожи на эти слова, я не знаю.

Кто заведовал хозяйством Царской семьи, я не знаю. Никакого Михаила Чащина (л. д. 29 об., том 3-й) я совершенно не знаю.

Кем писан черновик телеграммы о казни Государя, который Вы мне сейчас показываете (предъявлен документ, описанный в пункте 1-м протокола 25 марта сего года, л. д. 41, том 3-й), я не знаю.

<...>

При мне, когда я находился в охране, электрической сигнализации не проводилось.

<...>

Когда я, после убийства Царской семьи, стоял на посту в верхнем этаже дома, я не видел там никаких повреждений. Я не

видел, например, сорванных с петель дверей, каких-либо взломов, следов штыковых ударов на дверях и стенах. Ящик в двери для корреспонденции был на месте.

<...>

Про пузатого я хорошо помню: Медведев сказывал, что он именно комиссар и живет именно в Американской гостинице.

Стульев, поврежденных пулями и находившихся в нижних комнатах дома Ипатьева, я после убийства не видел.

Нас, рабочих, никуда из Екатеринбурга после убийства охранять в лесу какую-нибудь местность не посылали.

Время своего поступления в охрану я считаю по старому стилю.

Рабочий Александр Кронидович Алексеев имел кличку: «Кронидов», по которой чаще его и называли, чем по фамилии.

Больше объяснить я ничего не могу. Объяснение мое, мне прочитанное, записано с моих слов правильно.

Филипп Полиевктович Проскуряков.
Судебный следователь Н. Соколов.

При допросе присутствовал
Прокурор Екатер. окр. суда В. Иорданский.

ПРОТОКОЛ

1919 года, апреля 2 дня, г. Пермь. Агент Екатеринбургского уголовного розыска Алексеев расспрашивал, в присутствии прокурора Пермского окружного суда Шамарина, в его камере, доставленного с фронта солдата 1-го Пермского пехотного стрелкового полка, 1-й роты, 3-го взвода, Анатолия Александровича Якимова, происходящего из граждан Юровской волости и завода Пермского уезда, который объяснил, что он имеет от роду 31 год. По ремеслу токарь.

До 1916 года работал при Мотовилихинском пушечном заводе, а затем поступил добровольцем и был на румынском фронте. В 1917 году, будучи рядовым, был эвакуирован с фронта по болезни и прибыл 28 октября в Мотовилихинский завод, затем уехал в Екатеринбург и поступил токарем на Злоказовский металлический завод близ города Екатеринбурга. Женат на Марии Николаевой, урожденной Босых. Детей не имеет. С женой совместно не живет, так как жена его сожительствует с Николаем Егоровым Лоскутовым. В настоящее время она находит-

ся в Мотовилихинском заводе, «на Висиме», подробный адрес ее не знает. Мобилизован он в настоящее время в армию, как имеющий призывной по мобилизации возраст. Последнее время перед мобилизацией проживал в Мотовилихинском заводе, в доме своего дяди по отцу — Павла Данилова Шаньжина, живущего по Инженерной улице, дом № 94. Ничем это время не занимался.

Проживая на Злоказовской металлической фабрике близ города Екатеринбурга и состоя токарем, он, по добровольному желанию, «нанялся», в числе других рабочих названной фабрики, на охрану бывшего Императора Николая II и его семьи, помещавшихся в городе Екатеринбурге, по Вознесенскому проспекту, в доме Ипатьева, каковой дом при советской власти назывался «Домом особого назначения». Наем рабочих на охрану означенного дома производил Александр Дмитриев Авдеев, бывший рабочий на той же Злоказовской фабрике, который состоял тогда комендантом этого дома. Помощником его был Александр Мошкин, тоже бывший рабочий этой фабрики. Нанялся он, Якимов, на охрану дома вместе с другими рабочими в мае месяце прошлого года и поступил на охрану 30 мая нового стиля. Товарищи его по охране — рабочие Злоказовской фабрики — избрали его из своей среды разводящим. На обязанности его лежало разводить караульных по постам и выходить на звонок — докладывать коменданту о приходящих лицах. Жалованье он получал одинаковое с другими караульными: по 400 рублей в месяц, за вычетом провизионных.

На охрану дома из рабочих Злоказовской фабрики было нанято всего 16 человек, а именно: 1) сам он — Якимов, 2) Никита Дерябин, отчество его и место приписки не знает, 3) Григорий Тихонов Лесников из Куштинского завода, Соликамского уезда, 4) Михаил Смородяков, отчество и место приписки не знает, 5) Николай Путилов из Ижевского завода, Сарапульского уезда, 6) Леонид Иванов Брусьянин, место приписки не знает, мать живет фельдшерицей в Дедюхине, 7) Александр Иванов Устинов из Пожевского завода, Соликамского уезда, 8) Александр Прохоров, отчество не знает, родом из Уфимской губернии, Катав-Ивановского завода, 9) Степан (или Павел) Вяткин из села Уктуса, Екатеринбургского уезда, 10) Александр Корзухин из села Уктуса, Екатеринбургского уезда, 11) Пелегов Василий, отчество не знает, откуда происходит, не знает, 12) Иван Николаев Клещев из Екатеринбургского уезда, родители его живут на

суконной фабрике Ушкова за Екатеринбургом, 13) Александр Осокин, отчество и место приписки хорошо не знает, известно ему, что он Казанской губернии, жил до этого в Екатеринбурге, 14) Иван Иванов Романов из города Ярославля, 15) Семен Дмитриев, отчество не знает, из Петрограда и 16) Александр Варакушев из города Тулы. Кроме их, на охране дома было еще 28 человек рабочих Сысертского завода.

Рабочие Злоказовской фабрики и Сысертского завода состояли на наружной охране дома. Была еще внутренняя охрана, в которой состояли пять латышей и пять русских. Из латышей одного звали «Лякс», а остальных по имени и фамилии не знает. Из русских знает только одного Кабанова, имя и отчество его не знает, а остальных совсем не знает по имени, отчеству и фамилии. Откуда происходит Кабанов и остальные русские — тоже не знает. Кабанов будто бы из Омска. Рабочие Злоказовской фабрики и Сысертского завода, состоявшие на охране, проживали в доме Попова против дома Ипатьева, а латыши и русские, состоявшие на внутренней охране, помещались в том же доме Ипатьева, внизу.

Последнее время комендантом этого дома был еврей Юровский, имя и отчество не знает, часовых дел мастер и фотограф. Помощником его состоял Никулин, имя и отчество, а также происхождение его и место приписки не знает, слышал, что он происходит из Омска. Авдеев и Мошкин, бывшие ранее, первый — комендантом дома, а второй — его помощником, были уволены за кражу царских вещей и при доме этом не жили. За кражу царских вещей были уволены, вместе с Авдеевым и Мошкиным, еще другие рабочие Злоказовской фабрики, а именно: Иван, Василий и Владимир Логиновы, Николай и Станислав Мишкевичи, Соловьев Александр Федоров, Гоншкевич Василий Григорьев, Корякин Николай, Крашенинников Иван, Сидоров Алексей, Украинцев Константин Иванов, Комендантов Николай, Лабушев Леонид Васильев и Валентин Сергеев Люханов. Были ли эти лица при доме Ипатьева тоже на охране, или какую другую несли обязанность, он не знает, но ему известно, что находились они при этом доме только день или только ночь, а в остальное время находились при заводе Злоказова. Последнее время, когда был комендантом дома Юровский, их уже не было.

Помощник коменданта Никулин был знаком или состоял в любовной связи с Евдокией Максимовой Бахаревой, урожден-

ной Сивилевой, которая ему, Якимову, ранее была известна по Мотовилихинскому заводу, где она вышла замуж за Бахарева (парикмахера) и где живут ее родители по Инженерной улице, дом № 3, вверху. Где она находится в настоящее время, неизвестно. Бахарева служила в Чрезвычайной комиссии в Екатеринбурге, в которой состоял и Никулин до обязанности коменданта Ипатьевского дома. Познакомились они с Никулиным будто бы в городе Екатеринбурге.

Разводящих всего было трое, а именно: он — Якимов, Семенов, Константин Добрынин и временно заступал место Семенова — Иван Старков. Последние трое принадлежат к числу рабочих Сысертского завода. Дежурили они понедельно. Павел Спиридонов Медведев был начальником всей охраны Ипатьевского дома и проживал вместе с ними при доме Попова в отдельной комнате. На неделе 15—16 июля нового стиля очередь исполнения обязанности разводящего была у него, Якимова, с 2 часов дня до 10 часов вечера, а с 10 часов вечера до 6 часов утра исполнял эту обязанность Константин Добрынин.

Утром 16 или 17 июля нового стиля, хорошо число не помнит, ему и другим рабочим сообщил один из состоящих в охране из числа рабочих Злоказовской фабрики вышеупомянутый Иван Клещев, что в эту ночь Царь Николай Романов и вся его семья: Царица, Наследник и четыре дочери расстреляны. Вместе с ними расстреляны, как говорил Клещев, доктор Боткин, фрейлина Демидова, повар и лакей, всего — 11 человек. Клещев говорил, что видел в окно, стоя на посту в саду в эту ночь, как расстреливались все лица, и что это также видел бывший на посту с другой стороны дома, тоже в окно, Никита Дерябин, который и подтвердил ему, Якимову, рассказ Клещева. Клещев и Дерябин говорили, что около 2 часов ночи комендант дома Юровский вошел в комнаты верхнего этажа дома, где помещался Царь с семьей, и предложил им сойти вниз дома, говоря, что дом будут обстреливать. Царь с семьей и живущие с ними лица, доктор Боткин и прислуга, оделись и начали спускаться книзу. Спустившись в нижний этаж дома, вошли в комнату: комната эта глухая, как будто углубленная в землю, с одним окном, которое обращено на улицу.

По приходе в комнату Юровский сказал: «Николай Александрович. Вас родственники хотели спасти, но этого им не пришлось, и мы должны Вас сами расстрелять». После этого начали расстреливать всех лиц, вошедших в комнату. Сначала за-

стрелили Царя, и он упал, а затем залпом начали расстреливать и остальных лиц. Стреляли несколько раз, расстреливаемые падали поочередно. Дочь Царя Анастасия Николаевна после выстрела упала, а когда начали всех расстрелянных осматривать, то она оказалась жива, и ее прикололи штыком. Фрейлина Демидова защищалась при расстреле подушкой и пулями не могли ее умертвить, а закололи штыками. Расстрел производили из револьвера. Револьверы были, как известно ему, Якимову, только у внутренней охраны, у наружной охраны револьверов не было. У внутренней охраны, кроме того, были и винтовки. Сколько было револьверов у внутренней охраны, он не знает, об этом известно было начальнику охраны Медведеву.

Расстрел производили, по словам Клещева и Дерябина, латыши — 5 человек, состоявшие на внутренней охране при доме, и пять человек русских, состоявших также в числе внутренней охраны при доме, в том числе был и помощник коменданта Никулин. При всем этом распоряжался комендант дома Юровский и тут же находился начальник охраны Павел Спиридонов Медведев. Медведев, по словам Клещева и Дерябина, стоял сзади стрелявших. Юровский, по их словам, стоял за дверьми в углу, остальные лица, производившие расстрел, стояли в дверях и за дверьми в коридоре.

Царь стоял на середине комнаты, против дверей, рядом с Царем стоял доктор Боткин, а с Боткиным сидел Наследник Алексей. Влево от дверей у стены стояли официант и повар, а в глубине комнаты у стены стояли Государыня и великие княжны.

Подробности расстрела и расположение лиц при расстреле рассказывал Дерябин, который стоял у окна, обращенного из той комнаты на улицу, и все происходившее в доме видел. Относительно того, как комендант Юровский сказал Царю пред расстрелом: «Николай Александрович, Вас родственники хотели спасти, но не придется, Вы должны быть расстреляны», — слышал Клещев через окно на улице, стоя на посту у этого дома.

Царскую семью затем «ощупывали» после расстрела и в поясах, видимо, находили зашитые ценности. После всего этого трупы убитых те же лица, которые производили расстрел, стали выносить из дома на грузовой автомобиль. Леонид Брусьянин, стоявший в это время на посту в ограде, увидев выносимые из дома трупы, испугался и убежал в дальнюю ограду. Об этом

Брусьянин также рассказывал в караульном помещении в доме Попова ему, Якимову, и другим товарищам по охране. Рассказывал об этом также стоявший на посту в ограде дома у подъезда Григорий Лесников. Видел Лесников только, как укладывали расстрелянных на автомобиль.

Трупы всех одиннадцати убитых на автомобиле увез шофер Сергей Иванов Люханов, родственник бывшего коменданта дома Авдеева. Люханов все время находился в качестве шофера при автомобиле при «Доме особого назначения». Автомобиль был у него легковой — желтой окраски. Грузового автомобиля до этого времени при доме не было. У Люханова был ранее помощник Леонид Лабушев, происходящий откуда-то из Малороссии, который последнее время уже не служил при этом доме, и Люханов ездил на автомобиле один. На автомобиле ездил более комендант Авдеев, а бывший после Авдеева комендант Юровский чаще ходил пешком и ездил на лошади. Сам он, Якимов, автомобиль-грузовик не видел, а слышал об этом автомобиле от стоявших на посту Клещева и других.

Когда увезли трупы из дома, то русские, бывшие на охране внутри дома и производившие расстрел Царя с семьею, замывали, по словам Клещева, кровь в той комнате, в которой производился расстрел, «сгруживали», по словам Клещева, в одну кучу метлой и «сваливали» в подполье, а потом замывали остатки водой.

Сам он, Якимов, в расстреле участия никакого не принимал и очевидцем этого расстрела и увоза не был. Все это он передает со слов вышеупомянутых бывших на охране лиц Клещева, Дерябина, Брусьянина и Лесникова, которые передавали ему об этом утром на следующий день.

Трупы умерших, как он, Якимов, позднее слышал, свезли на автомобиле куда-то в болото за Верх-Исетский завод и схоронили в яму. Дорога к тому месту была настолько плохая, что автомобиль застрял в грязи. Кто ему, Якимову, об этом говорил, он не припомнит, но кажется, это говорил Павел Медведев.

В доме, где Царь помещался с прислугой, жил еще мальчик, как его звали, не знает. Мальчик этот с вечера оказался в помещении для караула, находившемся рядом с домом Ипатьева, в комнате у Медведева. Мальчика этого отправили, по словам Медведева, в Петроград, перед тем как им нужно было уезжать из Екатеринбурга.

Из числа лиц, бывших при внутренней охране, принимав-

ших участие в расстреле, был один по фамилии, как он припоминает, Ермаков. Слыхал он также между этими лицами фамилию одного — Костоусов. Фамилий Леватных, Малышкина и Партина не помнит. Костоусова он видал, помнит, что ходил он в простых белых очках. Костоусов, по словам Клещева, замывал пол в комнате расстрела.

После расстрела Царя и его семьи они прожили в доме до 19 июля, и в ночь на 20 июля их отправили на вокзал Екатеринбурга, где они пробыли в вагонах до 25 июля, и потом их отправили в Пермь. В Перми его, Якимова, и других 7 человек назначили к комиссару снабжения Горбунову для охраны его. Затем его, Якимова, и других 6 человек назначали в интенданство вахтерными на ст. Левшино горнозаводской линии жел. дороги. Со станции Левшино он, Якимов, перешел в Мотовилиху и поступил в биржу труда в качестве писца-регистратора, где и служил до освобождения Перми и Мотовилихинского завода от советской власти. При освобождении Перми отстал от большевиков, не желая больше следовать за ними и состоять в их партии, и проживал у своего дяди Павла Шаньжина, где и застала его мобилизация, и он вступил в ряды правительственной армии, причем находился, во время задержания его по данному делу, на фронте по Глазовскому направлению, в 80 верстах от г. Глазова. Где в настоящее время находятся его товарищи по охране, не знает.

Один из них, Иван Клещев, был арестован большевиками во время нахождения в Левшино за кражу сукна и приговорен к общественным работам на 6 месяцев. Сидел он некоторое время в арестном доме в г. Перми и затем был отправлен большевиками куда-то на работу за ст. Левшино, по реке Чусовой. Арестован он был в сентябре или октябре месяце, срок отбытия работ ему должен был окончиться в феврале месяце. Где Клещев находится в настоящее время, ему неизвестно. Не остался ли кто-нибудь в этих краях из лиц, бывших на охране дома от большевиков по освобождении занятой ими местности, ему также неизвестно. Коменданта дома Юровского он встречал в Перми при большевиках на Монастырской улице шедшим по дороге. Было это в сентябре или августе, в последних числах августа, а более не видал.

Никулина тоже встречал на улице города Перми. Никулин говорил, что служил в отделе районного укрепления при штабе 3-й армии, и указал, что отдел помещается на сенном рынке

в 3-м доме от угла Кунгурской улицы. Встречал Никулина тоже в августе или сентябре.

Где находятся в настоящее время Юровский и Никулин, ему неизвестно. Более ничего по делу объяснить не может.

Агент Екатеринбургского уголовного розыска
С. Алексеев.

При опросе присутствовал прокурор
Пермского окружного суда Н. Шамарин.

ПРОТОКОЛ

1919 года, апреля 6—10 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Екатеринбурге, в порядке 443 ст. уст. уг. суд., допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, и он показал:

Евгений Степанович Кобылинский, 40 лет, полковник, штаб-офицер для поручений при главном начальнике Тюменского военного округа, живу в г. Екатеринбурге, 2-я Болотная, дом № 34, православный, не судился.

Я командовал ротой лейб-гвардии Петроградского полка, когда началась Великая европейская война. 8 ноября 1914 года в боях под Лодзью я был ранен пулей в ногу. Ранение осложнилось: был задет нерв, и я до марта 1915 года был неработоспособен. В это время, т. е. в марте 1915 года, я явился в батальон и попросился снова на фронт. На фронте я принял командование батальоном. В июле 1915 года, участвуя в боях с Австрией, я под Гутой-Старой был сильно контужен бризантным снарядом. Пролежав с неделю в околотке, я отправился на фронт. Опять пришлось участвовать во многих боях, но контузия дала себя знать. Она вызвала у меня нефрит в очень тяжелой форме, и я в сентябре месяце 1915 года был отправлен в лазарет в Царское Село. Отсюда я был отправлен в Ялту и, по возвращении в Царское и освидетельствовании меня в 1916 году, был признан для строя негодным. После этого я состоял в запасном батальоне названного мною полка. Здесь меня и застала революция.

5 марта поздно вечером мне позвонили по телефону и передали приказание явиться в штаб Петроградского военного округа. В 11 часов я был в штабе и узнал здесь, что вызван по приказанию генерала Корнилова (знаменитого Корнилова, командовавшего тогда Военным округом), к которому и должен явиться.

Когда я был принят Корниловым, он сказал мне: «Я вас назначил на ответственную должность». Я спросил Корнилова: «На какую?» Генерал мне ответил: «Завтра сообщу». Я пытался узнать от Корнилова, почему именно я назначен генералом на ответственную должность, но получил ответ: «Это вас не касается. Будьте готовы». Попрощался и ушел. На следующий день, 6 марта, я не получил никаких приказаний. Так же прошел весь день 7 марта. Я стал уже думать, что назначение мое не состоялось, как в 2 часа ночи мне позвонили на квартиру и передали приказ Корнилова — быть 8 марта в 8 часов утра на Царскосельском вокзале. Я прибыл на вокзал и увидел там генерала Корнилова со своим адъютантом прапорщиком Долинским. Корнилов мне сказал: «Когда мы сядем с вами в купе, я вам скажу о вашем назначении». Сели мы в купе. Корнилов мне объявил: «Сейчас мы едем в Царское Село. Я еду объявить Государыне, что она арестована. Вы назначены начальником Царскосельского гарнизона. <...>»

(Опущены страницы, на которых Кобылинский описывает пребывание Царской семьи в заключении в Царском Селе.)

31 июля весь день прошел у меня в беготне, приготовлениях к отъезду. Память мне не сохранила ничего выдающегося за этот день, да ничего особого, кажется, и не случилось в этот день. В 12 часов ночи приехал Керенский. Отряд был готов. Поехали мы с ним в 1-й батальон. Керенский держал к солдатам такую речь: «Вы несли охрану Царской семьи здесь. Вы же должны нести охрану и в Тобольске, куда переводится Царская семья по постановлению Совета министров. Помните: лежачего не бьют. Держите себя вежливо, а не по-хамски. Довольствие будет выдаваться по Петроградскому округу. Табачное и мыльное довольствие — натурой. Будете получать суточные деньги». То же самое Керенский говорил и в 4-м батальоне. Когда же нужно было ехать во 2-й батальон и я сказал об этом Керенскому, он ответил мне: «Ну их к черту». Так во второй батальон он и не поехал. Считаю нужным теперь же отметить, что условия, в которые были поставлены солдаты 1-го и 4-го полков, были иные, чем условия, поставленные для солдат 2-го полка. Первые были одеты с иголочки и обмундирование у них было в большом количестве. Солдаты 2-го полка, вообще-то худшие по своим моральным свойствам <...>, были в грязной одежде, и обмундирования у них было меньше. Эта разница, как я скажу потом, имела впоследствии большое значение.

<...>

Выехала Семья, приблизительно, часов в 5 утра на вокзал и села в поезд. Поездов было два. В первом следовала Семья, свита, часть прислуги и рота 1-го полка. Во втором поезде — остальная прислуга и остальные роты. Багаж был распределен в обоих поездах. В первом же поезде ехали член Государственной думы Вершинин, инженер Макаров и председатель военной секции прапорщик Ефимов, отправленный в поездку по желанию Керенского для того, чтобы он, по возвращении из Тобольска, мог бы доложить совдепу о перевозе Царской семьи. Размещение в поезде происходило так: в первом вагоне международного общества, очень удобном, ехали Государь в отдельном купе, Государыня в отдельном купе, княжны в отдельном купе, Алексей Николаевич с Нагорным в купе, Демидова, Теглева и Эрсберг в купе, Чемодуров и Волков в купе. Во втором вагоне ехали: Татищев и Долгорукий в одном купе, Боткин один в маленьком купе, Шнейдер со своей прислугой Катей и Машей в одном купе, Жильяр в отдельном купе, Гендрикова со своей прислугой Межанц. В третьем вагоне ехали: Вершинин, Макаров, я, мой адъютант подпоручик Николай Александрович Мундель, командир роты 1-го полка прапорщик Иван Трофимович Зима, прапорщик Владимир Александрович (точно не уверен, так ли его зовут) Меснянкин и в отдельном маленьком купе помещался прапорщик Ефимов, с которым никто не изъявлял желания ехать вместе. В четвертом вагоне помещалась столовая, где обедала Царская семья, кроме Государыни и Алексея Николаевича, обедавших вместе в купе Государыни. В трех, кажется, вагонах 3-го класса ехали солдаты. Кроме того, были еще багажные вагоны.

Ехали благополучно до Перми. (Забыл сказать, что следовали мы под японским флагом.) Перед самой станцией в Перми наш поезд остановился. В вагон, в котором находился я, вошел какой-то человек, видимо, из каких-нибудь маленьких железнодорожных служащих, с большой седой бородой, и, назвавшись председателем железнодорожных рабочих, заявил, что «товарищи» рабочие-железнодорожные желают знать, что это за поезд следует, и, пока не узнают, они не могут пропустить его дальше. Вершинин с Макаровым показали ему бумагу за подписью Керенского. Поезд пошел дальше. В Тюмень мы приехали, кажется, 4—5 августа (по старому стилю). Приехали мы в Тюмень вечером и тут же разместились на два парохода. Царская семья, свита, все другие лица и рота 1-го полка ехали на пароходе «Русь», часть прислуги и рота 2-го и 4-го полка — на парохо-

де «Кормилец». Пароходы были хорошие, удобные, конечно, «Кормилец» был хуже. Приехали мы в Тобольск, кажется, 6 августа под вечер, так часов в 5—6. Дом, где должна была жить Царская семья, был не готов, и мы несколько дней провели на пароходах.

Когда мы ехали в поезде, поезд не останавливался на больших станциях, а на промежуточных. Здесь Государь и желающие часто выходили и следовали пешком, гуляя, а поезда медленно двигались за ними. Когда мы жили на пароходе, ездили верст за 10 от города, где Семья также выходила на берег.

В это время, когда Семья еще жила на пароходе, инженер Макаров приводил в порядок дом. Там же находились Татищев, Гендрикова, Шнейдер, Тутельберг, Эрсберг, Теглева, Демидова, устраивавшие обстановку в доме.

Когда дом был готов, Семья перешла в него. Для Государыни был подан приличный экипаж на резиновом ходу. Она переехала в дом с Татьяной Николаевной. Все остальные лица перешли пешком. Для жизни Царской семьи, лиц свиты и прислуги было отведено два дома: дом, в котором жил губернатор, и дом Корнилова, находящийся вблизи губернаторского. Из обстановки из Царского не было взято ничего. Дом обслуживался губернаторской обстановкой, но часть разных вещей пришлось приобрести и заказывать уже в Тобольске. Взяты были из Царского для Царской семьи лишь их походные кровати. Что именно из вещей было взято Царской семьей из Царского, я хорошо не знаю. Это знают лучше меня другие лица, как Теглева и другие. Впоследствии многие вещи были дополнительно присланы из Царского, когда недостаток был выяснен в вещах при Макарове.

Размещение в Губернаторском доме произошло таким образом. Когда входишь в нижний этаж дома, попадаешь в переднюю, из которой идет через весь этаж коридор, делящий его на две половины. При входе в переднюю первая комната, угловая, на правой стороне, занималась дежурным офицером. Рядом с ней была комната, где жила Демидова и обедали с ней Теглева, Тутельберг, Эрсберг. Рядом с этой комнатой — комната, где жил и давал уроки Алексею Николаевичу, Марии Николаевне и Анастасии Николаевне Жильяр. Рядом с этой комнатой помещалась царская столовая. На левой стороне против дежурной угловой комнаты была комната Чемодурова, рядом с ней — буфетная, рядом с буфетной — комната Теглевой и Эрсберг, рядом с этой — комната Тутельберг. Над комнатой Чемодурова

шла лестница в верхний этаж. Она прямо приводила в угловую комнату, где был кабинет Государя. Рядом с его кабинетом был зал, в зал также можно было попасть и из передней, куда вела парадная лестница (в зал можно было попасть и из кабинета, соединявшегося с залом дверью). Из зала дверь также выходила в коридор, деливший дом на две половины. Первая комната направо по этому коридору была гостиная, рядом с ней — спальня Государя и Государыни. Рядом с их спальней — комната княжон. На противоположной стороне, рядом с передней, шкафная комната. Рядом с ней, против гостиной и спальни Государя и Государыни — комната Алексея Николаевича, рядом с ней — уборная, а рядом с уборной — ванная.

Все остальные лица свиты помещались в Корниловском доме.

Из Царского прибыли с Семьей следующие лица:

1) генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев, 2) гофмаршал князь Василий Александрович Долгорукий, 3) доктор медицины Евгений Сергеевич Боткин, 4) личная фрейлина графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, 5) личная фрейлина баронесса София Карловна Буксгевден (перечеркнуто), 6) гоф-лектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер, 7) Петр Андреевич Жильяр, 8) няня Александра Александровна Теглева, 9) комнатная девушка у княжон Елизавета Николаевна Эрсберг, 10) комнатная девушка при Государыне Мария Густавовна Тутельберг, 11) другая комнатная девушка при государыне Анна Степановна Демидова, 12) у Гендриковой воспитательница Викторина Владимировна Николаева (перечеркнуто), 13) прислуга при Гендриковой Паулина Межанц (перечеркнуто), 14) при Шнейдер горничные Катя и Маша (фамилий их я не знаю) (перечеркнут весь пункт 14), 15) камердинер Государя Терентий Иванович Чемодуров, 16) помощник Чемодурова Степан Макаров, 17) камердинер Государыни Алексей Андреевич Волков, 18) лакей при княжнах Иван Дмитриевич Седнев, 19) человек при них же Михаил Карпов, 20) человек при Наследнике Клементий Григорьевич Нагорный, 21) лакей Жильяра Сергей Иванов (слово «Жильяра» перечеркнуто и надписано «Насл. Цес.»), 22) лакей при Татищеве и Долгоруком Тютин (перечеркнуто), 23) официант Франц Журавский, 24) лакей Алексей Трупп, 25) лакей Григорий Солодухин, 26) лакей Дормидонтов, 27) лакей Киселев, 28) лакей Ермолай Гусев, 29) повар Иван Михайлович Харитонов, 30) повар Кокичев, 31) повар Иван, кажется, Верещагин, 32) поварский ученик Леонид Седнев, 33)

кухонный служитель Сергей Михайлов, 34) кухонный служитель Франц Пюрковский, 35) кухонный служитель Терехов, 36) писец, исполнявший в Тобольске обязанности дворника, Александр Кирпичников, 37) парикмахер Алексей Николаевич Дмитриев, 38) заведующий погребом Рожков. После нашего приезда в Тобольск прибыли: 39) доктор Владимир Николаевич Деревенько (правильно: Деревенко. — *О. П.*), 40) мистер Сидней Иванович Гиббс. (Баронесса Буксгевден также прибыла впоследствии.)

Служителя с фамилией «Смирнов» (л. д. 14, том 1-й) я что-то не помню.

Тихо и мирно потекла жизнь в Тобольске. Режим был такой же, как и [в] Царском, пожалуй, даже свободнее.

В дежурной комнате находился дежурный офицер. Никто не вмешивался во внутреннюю жизнь Семьи. Ни один солдат не смел входить в покои. Вставали все в семье рано, кроме Государыни <...>. После утреннего чая Государь обыкновенно гулял, занимаясь всегда физическим трудом. Гуляли и дети. Занимался каждый, кто чем хотел. После прогулки утром Государь читал, писал свой дневник. Дети занимались уроками. Государыня читала или вышивала, рисовала что-нибудь. В час был завтрак. После завтрака опять обыкновенно Семья выходила на прогулку. Государь часто пилил дрова с Долгоруким, Татищевым, Жильяром. В этом принимали участие и княжны. В 4 часа был чай. В это время часто занимались чем-либо в стенах дома, например, фотографией, или просто сидели у окон дома, наблюдая внешнюю жизнь города. В 6 часов был обед. После обеда приходили Татищев, Долгорукий, Боткин, Деревенько (правильно: Деревенко. — *О. П.*). Иногда бывала игра в карты, причем из Семьи играли Государь и Ольга Николаевна. Иногда по вечерам Государь читал что-нибудь вслух, все слушали. Иногда ставились домашние спектакли: французские и английские пьесы. В 8 часов был чай. За чаем велась домашняя беседа. Так засиживались часов до 11, не позднее 12, и расходились спать. Алексей Николаевич ложился спать в 9 часов или около этого времени. Государыня всегда обедала наверху. С ней иногда обедал Алексей Николаевич. Вся остальная семья обедала внизу в столовой.

Все лица свиты и вся прислуга свободно выходили из дома, когда и куда хотели. Никакого стеснения никому в этом отношении не было. Августейшая семья, конечно, в этом праве передвижения была, как и в Царском, ограничена. Она выходи-

ла лишь в церковь. Богослужения отправлялись так. Всенощная всегда служилась на дому, причем причт был от Благовещенской церкви. Служил священник о. Васильев. К обедне Семья ходила только к ранней. Для того, чтобы пройти в церковь, нужно было пройти садом и через улицу. Вдоль пути следования всегда ставился караул. Караул был и около самой церкви, причем в церковь посторонние не допускались.

Как Вы, г. судебный следователь, и сами можете видеть, хотя бы из одного перечня прислуги, бывшей при Августейшей семье, правительство старалось обставить жизнь ее так, как это приличествовало ее положению. Когда мы уезжали из Царского, Керенский сказал мне: «Не забывайте, что это бывший Император. Ни он, ни семья ни в чем не должны испытывать лишений». Власть над охраной и домом была в моих руках. Ко времени переезда нашего в Тобольск я думаю, что Семья привыкла ко мне и, как мне кажется, не могла иметь против меня какого-либо неудовольствия. Сужу об этом по тому, что перед нашим отъездом из Царского Государыня пригласила меня к себе и благословила меня иконой.

Но тихая, мирная жизнь продолжалась недолго. Я усматриваю некоторое сходство в начальном периоде царскосельского заключения и тобольского. Сравнительно сносные условия жизни в Царском ухудшались постепенно. Верховная власть того времени постепенно теряла почву под ногами. Вместе с тем общее разложение захватывало и солдат: они разлагались все больше и больше. В конце концов, чувствуя, что за власть приходится уже бороться, правительство Керенского, желая блага Семье, и решило перевести ее из этого очага политической борьбы в тихое, спокойное место, где ей будет лучше. Расчет был правильный. Отношение коренного населения города к Августейшей семье было хорошее. Когда мы подъезжали к Тобольску, народ высыпал к пароходам, стоял и глядел на них. Когда Семья следовала на жительство в Губернаторский дом, чувствовалось, что население хорошо относится к ней. Оно, видимо, боялось открыто тогда проявлять свои симпатии и делало это тайно. Много приносилось разных приношений для Августейшей семьи, преимущественно из съестного — сладкого, хотя должен сказать, что по назначению мало доходило: поедалось по пути прислугой. (Я потом постараюсь вспомнить, от кого именно поступали приношения.) Но общая разруха скоро захватила и Тобольск, на который стали больше обращать внима-

ние разные политические деятели уже потому только, что здесь жила Царская семья.

В моих руках власть была только до сентября месяца. В сентябре месяце к нам прибыл комиссар правительства Василий Семенович Панкратов. Он привез с собой бумагу, за подписью Керенского, в коей говорилось, что я поступаю в полное подчинение Панкратова и должен исполнять то, что он мне будет приказывать. Этот Панкратов, как он сам рассказывал, будучи 18 лет, убил в Киеве, защищая какую-то женщину, какого-то жандарма. Был за это судим и заключен в Шлиссельбургскую крепость, где в одиночном заключении пробыл 15 лет. После этого он был сослан в Якутскую область, где пробыл 27 лет. Его помощником был прапорщик Александр Владимирович Никольский, родом или из Самары, или Саратова, или Оренбурга — откуда-то отсюда. За принадлежность к партии с.-р. он был сослан также в Якутскую область, где и сошелся с Панкратовым. Когда Панкратов был назначен комиссаром к нам, он потребовал в помощники к себе Никольского.

Панкратов был человек умный, развитой, замечательно мягкий. Никольский — грубый, бывший семинарист, лишенный воспитания человек, упрямый, как бык. Направь его по одному направлению, он и будет ломить, невзирая ни на что. Когда они приехали и ознакомились с нашими порядками, Никольский сразу же заявил мне о своем удивлении по поводу их: «Как это у вас так свободно уходят, приходят (свита или прислуга)? Так нельзя. Так могут и чужого человека впустить. Надо их всех снять». Я стал его отговаривать от этого, так как часовые и без того прекрасно всех знают. Никольский ответил мне: «А нас, бывало, заставляли сниматься и в профиль и в лицо! Так надо же и их снять!» Он побежал к фотографу Усаковскому, и были сняты со многих фотографические карточки, на которых были сделаны соответствующие надписи. К характеристике этого человека расскажу еще такой факт. Шаловливый, очень резвый мальчик Алексей Николаевич выглянул раз, как ребенок, через забор. Увидев это или узнав об этом, Никольский сейчас же прибежал на место и поднял целую историю: разнес солдата и в резкой форме сделал замечание Алексею Николаевичу. Мальчик обиделся на это и жаловался мне, что Никольский «кричит» на него. Я тогда же потребовал от Панкратова, чтобы он унял усердие не по разуму Никольского.

Хотя, как я уже Вам сказал, Панкратов сам лично не был

способен совершенно причинить сознательно зло кому-либо из Царской семьи, но тем не менее выходило, что эти люди его ей причиняли. Это они делали как партийные люди. Совершенно не зная жизни, они, самые подлинные эсеры, хотели, чтобы все были эсерами, и начали приводить в свою веру солдат. Они завели школу, где учили солдат грамоте, преподавая им разные хорошие предметы, но после каждого урока понемногу они освещали солдатам политические вопросы. Это была проповедь эсеровской программы. Солдаты слушали и переваривали посвоему. Эта проповедь эсеровской программы делала солдат, благодаря их темноте, большевиками. Хотели они издать эсеровскую газету, конечно, «Земля и Воля».

В г. Тобольске в то время жил какой-то ссыльный, Писаревский, фанатик партийный, эсдек, непримиримый враг эсеров. Вот этот Писаревский всеми правдами и неправдами и повел на солдатах борьбу с Панкратовым и Никольским. Писаревский издавал газету, большевистского направления, «Рабочую газету». Видя, что Панкратов пользуется у солдат некоторым влиянием, он стал приглашать их к себе на чашку чая и стал развращать их. В конце концов, очень скоро после прибытия к нам Панкратова с Никольским весь отряд разбился на две партии: Панкратовская партия и партия Писаревского, или, другими словами, партия большевиков. В нее и пошли солдаты 2-го полка, наиболее бедные и наиболее развращенные. Лишь небольшую часть составляла третья группа, я бы сказал, нейтральная, состоявшая преимущественно из солдат призывов 1906—1907 годов.

Когда солдаты под влиянием этой партийной борьбы вожаков стали разлагаться, они стали хулиганничать. Цель у них была иногда вовсе не причинить неприятность Августейшей семье. Они, не зная уж, чего бы им потребовать для самих себя, преследовали свои личные интересы, но страдала-то от этого именно Семья или кто-либо из приближенных. Прежде всего, под влиянием этой партийной борьбы вожаков, разлагаясь все более и более, они как-то пришли ко мне и стали мне говорить, приблизительно, в таких выражениях: «Мы вот на нарах спим. У нас довольствие плохое, а «Николашка» (подлинные слова их) хоть и арестован, а у него мясо в помойку кидают». Жизнь в то время в Тобольске была не дорога. Хотя мы и получали не по петроградским окладам, как обещал Керенский (это так и осталось обещанием его), а по омским, но эти оклады были вполне

достаточны, так что питание солдат было хорошее. Чтобы избежать дальнейших каких-либо выпадов солдат по этому же поводу, чтобы предупредить возможную неприятность на этой почве для Семьи, пришлось, переговорив с губернским комиссаром Пигнатти, увеличить суточное довольствие на 1000 рублей и заменить хорошее питание солдат излишне роскошным.

Как я уже говорил, Керенский обещал солдатам перед отъездом суточные деньги. Это обещание тоже осталось только обещанием. Прошел ноябрь месяц, а никаких суточных нам не присылали. Пришли ко мне опять солдаты и стали говорить: «Вот обещают все только, а ничего не дают. Мы сами себе достанем суточные. Пойдем и разгромим магазины, вот и будут у нас суточные». Пришлось мне пойти к Пигнатти и занять у него, как комиссары, 15 000 рублей. Раздал солдатам по 50 копеек суточных, замазал рты. Солдаты тогда же решили послать в Москву или Петроград делегатов по этому поводу и выбрали солдат Матвеева и Лупина. Приехали они (Матвеев тогда вернулся уже офицером) и сказали, что деньги обещали прислать. Снова мне пришлось идти к Пигнатти и «просить» у него 15 000 рублей, так как «обещаниям» солдаты уже не верили и, распустившись до последней возможности, могли натворить много дурного.

Прочитали они как-то в газетах о роспуске солдат призывов 1906—1907 годов и потребовали увольнения. Кое-как, опираясь на личные интересы солдат более поздних сроков, которым тогда было бы тяжелее, удалось отговорить их от этого требования.

Произошел большевистский переворот. Стихийное движение, захватившее всю Россию, стало еще больнее бить и нас. Произошел следующий факт. О. Васильев, совершавший богослужения, был не на высоте призвания. Он был бестактный человек и своими выходками оказывал медвежьи услуги Августейшей семье. Первая его выходка имела место 21 октября (еще до большевистского переворота). В этот день (день восшествия на престол государя Императора) вся Семья приобщалась у обедни (накануне, во время всенощной, бывшей на дому, Семья исповедовалась). Никто положительно не обратил внимания на богослужение именно в этот день. Но о. Васильев позволил себе устроить такую вещь: когда Семья вышла из церкви, раздался звон и продолжался до самого входа ее в дом. Подошло Рождество. 25 декабря вся Августейшая семья была у ранней обедни.

После обедни начался молебен. Обыкновенно бывало так. Чтобы не держать солдат на холоде, я отпускал их с постов до окончания богослужения, оставляя лишь небольшую часть около самой церкви. Так было и на этот раз. Иногда кто-нибудь из оставшихся около церкви солдат заходил в церковь, но, как я замечал, делали это только более старые, большинство же заходило просто для того, чтобы отогреться. Вообще же в церкви солдат всегда бывало мало. В этот же день, придя в церковь, я обратил внимание, что солдат было больше, чем всегда. Чем это объяснить, я не знаю. Может быть, это потому произошло, что все-таки был большой праздник. Когда молебен стал подходить к концу, я вышел из церкви, чтобы приказать солдату созвать караул. Больше я в церковь сам не входил и конца молебна не слышал. Когда молебен кончился и Семья вышла из храма, бывший там Панкратов сказал мне: «Вы знаете, что сделал священник? Ведь диакон отхватил многолетие Государю, Государыне и вообще всем, именуя их так. Солдаты, как услышали это, подняли ропот». Вот из-за этого пустячного, но совершенно никому не нужного поступка о. Васильева и поднялась целая история. Солдаты стали бунтовать и вынесли решение: убить священника или, по крайней мере, арестовать его. Кое-как, с превеликим трудом, удалось уговорить их самим не предпринимать никаких репрессивных мер, а подождать решения этого дела в Следственной комиссии. Епископ Гермоген тогда же услал о. Васильева в Абалакский монастырь, пока не пройдет острота вопроса. Я поехал к нему и попросил дать другого священника. Был назначен соборный священник о. Хлынов.

Этот случай, во-первых, совершенно разладил мои отношения с солдатами: они перестали доверять мне и, как им ни доказывал обратное, они стояли на своем: «А! Значит, когда на дому служба бывает, всегда их поминают». И постановили: в церковь совсем Семью не пускать. Пусть молятся дома, но каждый раз за богослужением должен присутствовать солдат. Едва мне удалось вырвать решение, чтобы Семья посещала церковь хотя бы в двунадесятые праздники. С решением же их, чтобы за домашними богослужениями присутствовал солдат, я бороться был бессилен. Таким образом бестактность о. Васильева привела к тому, что солдаты все-таки пробрались в дом, с чем до того времени мне удавалось благополучно бороться. После этого произошел следующий случай. Присутствовал как-то на богослужении солдат Рыбаков. Священник, кончая богослужение и поми-

ная всех святых, помянул и «царицу Александру» (святую). Целую бурю поднял Рыбаков из-за этого. Пришлось мне вести его к себе, находить календарь и доказывать ему, что поминалась не Александра Федоровна, а святая царица Александра.

Пошла демобилизация армии. Стали увольняться солдаты. Стали уходить и мои стрелки. Вместо уезжавших, солдат более старых годов, стали мне присылать из Царского пополнения, солдат более молодых и более развращенных там в самом котле политической борьбы. Партия Писаревского стала расти все больше. Все больше и больше стало прибывать к нам большевиков. В конце концов Панкратов был объявлен под влиянием, конечно, агитации Писаревского «контрреволюционером» и изгнан солдатами. Он уехал. Уехал и Никольский. Солдаты же отправили в центр телеграмму, прося прислать к ним уже «большевистского» комиссара. Пока комиссар не ехал.

Не знали, к чему придраться. Решили: запретить свите гулять, пусть сидят все и не гуляют. Стал я доказывать всю нелепость этого. Тогда решили: пусть гуляют, но чтобы провожал солдат. Надоело им это и постановили: каждый может гулять в неделю два раза, не более двух часов, без солдат.

Как-то однажды, желая проводить уезжающих старых, хороших солдат, Государь и Государыня поднялись на ледяную гору, устроенную для детей. Руководствуясь, конечно, одним чувством бессильной злобы, солдаты тотчас же срыли эту гору, мотивируя, однако, свой поступок тем, что кто-нибудь из посторонних может подстрелить их, а они будут отвечать.

Как-то однажды Государь надел черкеску, на которой у него был кинжал. Увидели это солдаты и подняли целую историю: их надо обыскать, у них есть оружие. Кое-как удалось уговорить эту потерявшую всякий стыд ватагу, что не надо производить обыска. Пошел я сам и просил Государя отдать мне кинжал, объяснив ему о происшедшем. Государь передал кинжал (его потом увез Родионов), Долгорукий и Жильяр передали мне свои шашки. Повесили мы их у меня в канцелярии на видном месте.

Я привел Вам слова Керенского, когда мы уезжали из Царского. Семья действительно ни в чем не нуждалась в Тобольске. Но деньги уходили, а пополнений мы не получали. Пришлось жить в кредит. Я писал по этому поводу генерал-лейтенанту Аничкову, заведовавшему хозяйством гофмаршальской части, но результатов никаких не было. Наконец повар Харитонов

стал мне говорить, что больше «не верят», что скоро и отпускать в кредит не будут. Пришлось мне обратиться к управляющему Тобольским отделением Государственного банка Черняховскому. Он посоветовал мне обратиться к купцу Янушкевичу, монархисту, имевшему в банке свободные деньги. Под вексель, за моей, Татищева и Долгорукого подписями, Янушкевич дал мне 20 000 рублей. Я просил, конечно, Татищева и Долгорукого молчать об этом займе и не говорить об этом ни Государю, ни кому-либо другим из Августейшей семьи. Но все эти истории были мне тяжелы. Это была не жизнь, а сущий ад. Нервы были натянуты до последней крайности. Тяжело ведь было искать и «выпрашивать» деньги для содержания Августейшей семьи. И вот, когда солдаты вынесли постановление о снятии нами, офицерами, погон, я не выдержал. Я понял, что больше нет у меня власти, и почувствовал полное свое бессилие. Пошел я в дом и попросил Теглеву доложить Государю, что мне нужно его видеть. Государь принял меня в ее комнате. Я сказал ему: «Ваше величество, власть выскальзывает из моих рук. С нас сняли погоны. Я не могу больше Вам быть полезным. Если Вы мне разрешите, я хочу уйти. Нервы у меня совершенно растрепались. Я больше не могу». Государь обнял меня за спину одной рукой. На глазах у него навернулись слезы. Он сказал мне: «Евгений Степанович, от себя, от жены и от детей я Вас очень прошу остаться. Вы видите, что мы все терпим. Надо и Вам потерпеть». Потом он обнял меня, и мы поцеловались. Я остался и решил терпеть.

Пришел как-то ко мне солдат 4-го полка Дорофеев (к этому времени физиономия отряда уже совершенно изменилась) и сказал мне, что у них было собрание отрядного комитета, и решили они комитетом, чтобы и Государь снял погоны, что для этого его и послали, чтобы вместе со мной пойти и снять их с Государя. Я стал отговаривать Дорофеева от этого. Вел он себя в высшей степени вызывающе, по-хулигански грубо, называя Государя «Николашкой». Я говорил ему, что нехорошо выйдет, если Государь не подчинится их решению. Дорофеев ответил мне: «Не подчинится — тогда я сам с него сорву их». — «А если он тебе по физиономии за это даст?» — «Тогда и я ему дам». Что было делать? Стал я говорить ему, что все это не так просто, что Государь наш — двоюродный брат английскому королю, что из-за этого могут выйти большие недоразумения, и посоветовал им, солдатам, запросить по этому поводу Москву. На этом я До-

рофеева кое-как поймал, и с этим он от меня ушел. Телеграмму они дали. Я же отправился к Татищеву и через него просил Государя не показываться солдатам в погонах. Тогда Государь стал сверху надевать романовский черный полушубок, на котором у него не было погон.

Для детей были устроены качели, которыми пользовались, конечно, главным образом княжны. Во время караула 2-го полка, когда караульным был унтер-офицер большевик Шикунов, солдаты вырезали штыками на качелях совершенно непозволительную похабщину. Государь видел это, и ее убрали.

Не помню, какого числа получил я телеграмму от комиссара над бывшим Министерством двора Карелина. В телеграмме говорилось, что у народа нет средств содержать Царскую семью. Пусть она содержится на свои средства. Советская власть дает солдатский паек, квартиру, отопление и помещение. Это было, конечно, едва ли не самым главным ухудшением положения Семьи при большевиках. В телеграмме еще говорилось, что Семья не может тратить больше 600 рублей в месяц на человека. Распоряжение это ухудшило, конечно, стол Семьи. Оно отразилось и на положении лиц свиты. На свои средства Августейшая семья содержать ее уже не могла. А если у кого-либо из нее не было личных средств, то эти лица должны были уходить. Уволено тогда было несколько человек:

1) лакей Солодухин Григорий Иванов, 2) лакей Гусев Ермолай, 3) лакей Дормидонтов, 4) лакей Киселев, 5) повар Верещагин, 6) кухонный человек Семен (Сергей? — *О. П.*) Михайлов, 7) кухонный человек Франц Пюрковский, 8) помощник Чемодурова Степан Макаров, 9) гардеробщик Ступель (я забыл его указать в числе прислуги) и кто-то еще, но не могу припомнить.

По поводу суточных денег солдаты еще раз послали в Москву солдата Лунина, большевика. Вернувшись оттуда, он, конечно, в соответствующих красках рисовал положение в Москве и привез радостное известие для солдат: суточными будут удовлетворять не по 50 копеек, как было при Временном правительстве, а по 3 рубля. Ну, тут уже все солдаты стали большевиками: вот что значит комиссары! Временное правительство по 50 копеек обещало, да и то едва получили, а комиссары по 3 рубля дают. Этот же Лупин привез бумагу, в которой говорилось, что Татищев, Долгорукий, Гендрикова и Шнейдер должны считаться арестованными. Он же привез известие, что скоро нас всех сменят, т. е. весь состав охраны: приедет новый комис-

сар и привезет с собой новый отряд. В солдатах, как я думаю, говорило тогда чувство страха перед этим будущим новым комиссаром, и они постановили: всех лиц свиты перевести в Губернаторский дом и считать всех арестованными, в том числе и прислугу. Тогда и были все переселены, кроме Гиббса (англичанин не любил ни с кем жить и поселился один в отдельном особом помещении), в Губернаторский дом.

Пришлось сделать кое-какие перегородки в доме. Рядом с комнатой Чемодурова, за счет передней, устроили комнату для Демидовой, Теглевой и Эрсберг. Комнату Демидовой перегородили холщовой перегородкой, и здесь поселились Татищев и Долгорукий. В комнате Эрсберг и Теглевой поселилась Шнейдер с двумя своими горничными. В комнате Тутельберг — Гендрикова со своей воспитательницей Николаевой. Тутельберг поселилась под парадной лестницей за перегородкой. Вот путем такого уплотнения удалось нам не нарушить покоя Августейшей семьи. Гиббс поселился во флигеле, но рядом с кухней. Таким образом, арестовали положительно всех, даже и прислугу. Только некоторым из прислуги разрешалось ходить в город, в случаях неотложной надобности.

Как я уже говорил, Лупин привез известие о предстоящем приезде к нам особого комиссара. Комиссар нам был прислан, но не тот, о котором говорил Лупин. К нам, именно к охране Семьи, был прислан из Омска комиссар еврей Дуцман. Он поселился у нас в Корниловском доме, но положительно ничем себя не проявлял. Никогда он в дом не приходил. Его скоро выбрали секретарем губернского совдепа, где он все время и находился. В составе совдепа тогда заправилами были: Дуцман, еврей Пейсель, латыш или еврей Дислер. Кроме того, в заседаниях совдепа, очевидно, принимал участие еврей Заславский. Он был, как я понимаю, представителем Екатеринбурга или, вернее, Уральского областного совета. Цель его прибытия в Тобольск для меня самого не ясна. Должен сказать, что в то время большевики омские вели борьбу с большевиками екатеринбургскими. Первые, т. е. омские, хотели считать Тобольск в своей сфере — Западной Сибири, а большевики екатеринбургские — в своей Уральской. Так вот, Дуцман был представителем омских большевиков, а Заславский — екатеринбургских. Меня берет подозрение, не из-за нас ли тогда приехал Заславский в Тобольск, т. е. не было ли уже тогда у екатеринбургских большевиков мысли взять нас из Тобольска и перевести в Екатеринбург?

В совдеп часто шатался уже упоминавшийся не один раз мною большевик Матвеев. Как-то он сказал мне, что совдеп просит прислать к нему по два человека выборных от каждой роты солдат. Выбрали 6 человек. Пошел с ними я сам и застал в совдепе всех только что названных мною лиц. Мне было объявлено, что совет решил перевести всю Царскую семью «на гору», т. е. в тюрьму (в Тобольске тюрьма помещалась на горе, и ее часто так называют: «на горе»). Я заявил этим господам, что охрана Царской семьи подчиняется не местному совету, а центру. Это не помогло. Пришлось мне встать на другую почву и говорить, что этого никак нельзя выполнить, так как придется тогда переводить в тюрьму и всех солдат нашей охраны, чего нельзя сделать. Без солдат же нашей охраны никак нельзя обойтись, потому что, если будет какое-либо нападение, нас некому будет защищать. Солдаты наши загалдели, и совет принужден был отступить, заявив мне, что, собственно говоря, решение по этому вопросу он еще не вынес, а только принципиально высказывается.

После приезда Лупина все мы ожидали приезда нового комиссара. Разнесся слух, что едет сам Троцкий. Приехал комиссар Яковлев. Он прибыл в Тобольск 9 апреля вечером и остановился в Корниловском доме. Вместе с ним прибыл какой-то Авдеев (его помощник, как я его считал), телеграфист, через которого Яковлев сносился по телеграфу с Москвой и Екатеринбургом, и какой-то молоденький мальчишка.

Наружность Яковлева такова. Ему на вид лет 32—33, жгучий брюнет, волосы на голове большие, косым рядом, причем он имеет привычку встряхивать головой и рукой поправлять волосы спереди назад. Усы черные, подстриженные по-английски, борода бритая, глаза черные, нос прямой, тонкий, лицо белое, но со смугловатым оттенком, длинное, чистое. Лоб прямой, средний, подбородок острый, уши средние, не торчащие, глаза черные, жгучие, южного типа. Роста выше среднего, худой, но мускулистый и сильный. Хорошо сложен, лицо довольно красивое. Видимо, русский, производит впечатление энергичного мужчины. Одет он был в матроску, а под ней вязаную фуфайку, черные суконные брюки и высокие сапоги. Речь у него отрывистая, но без каких-либо дефектов. Руки его чистые и пальцы тонкие. Он производил впечатление интеллигентного человека и, во всяком случае, если и не вполне интеллигентного, то «бывалого» и долго жившего где-либо за границей. Выходя от Жи-

льяра, он простился с ним: «Bonjour». Это тонкость. Так говорят только люди, умеющие хорошо говорить по-французски. В ноябре месяце прошлого года в Тобольске меня допрашивали какой-то судейский из Тобольска и какой-то товарищ прокурора из Ялуторовска. Этот товарищ прокурора мне и говорил, когда я ему рассказал, что Яковлев говорит по-французски: «Яковлев, он не только по-французски говорит, и по-немецки и по-английски». Допрашивали они меня по делу убийства Царской семьи. Когда я по этому поводу имел разговор с Пигнатти, он мне сказал, что допрашивали меня по приказанию из Омска. А судейский этот был в Тобольске председателем следственной комиссии. Впоследствии, по приезде, Яковлев рассказывал мне, что он жил в Финляндии и там за что-то был приговорен к смертной казни через повешение, но ему удалось бежать, и он жил в Швейцарии, Германии. Звали его, кажется, Василий Васильевич. (Товарищ прокурора был, кажется, из Ишима, но хорошо не помню.)

Авдееву на вид 26—27, небольшого роста, скорее худой, светлый шатен. Длины волос на голове и прически не помню. Усы небольшие, бороду брил. Нос небольшой, тупой. Он имел вид грязный, неинтеллигентный. Одет был в солдатскую одежду. Лицо у него скорее круглое и не полное, но и не испитое. Остальных примет его не помню.

Юноша был лет 16, высокого роста, худой, напоминал юношу-ученика какого-либо учебного заведения. Светлый шатен, волосы носил пробором, ни усов, ни бороды, конечно, не имел. Нос прямой, длинный. Одет он был во все защитное: гимнастерку, штаны и сапоги и солдатскую шинель.

Телеграфист имел лет 36—37, высокого роста, худощавый, жилистый, темный шатен, волосы на голове длинные, на пробор, бороду брил, усы с рыжеватым оттенком, лезли в рот. Одет он был в тужурку телеграфиста.

Откуда родом все эти лица, я не скажу. Сам же Яковлев говорил про себя, что он из Уфы или из Уфимской губернии. С ним прибыл отряд красноармейцев, очень молодых, конных и пеших. Про отряд Яковлев говорил, что его он набрал тоже в Уфе или Уфимской губернии. Вообще идея была та, что его, Яковлева, в Уфе знают, и он сам там людей знает, почему он и привез набранный там отряд. Отряд его разместился частью в Корниловском доме, частью в помещениях, в которых жили мои солдаты.

10-го утром Яковлев пришел ко мне вместе с Матвеевым и отрекомендовался мне «чрезвычайным комиссаром». У него на руках было три документа. Все эти документы имели бланк «Российская Федеративная Советская Республика». Документы имели подпись Свердлова и Ованесова (или Аванесова). Первый документ был на мое имя. В нем мне предписывалось исполнять беспрекословно все требования чрезвычайного комиссара товарища Яковлева, на которого возложено поручение особой важности. Неисполнение мною его требований влекло за собой расстрел на месте. Второй документ был на имя нашего отряда. Он аналогичен по содержанию с первым. Санкция была в нем такова: суд революционного трибунала и также расстрел. Третий документ был удостоверение в том, что предъявитель удостоверения есть такой-то, на которого возложено поручение особой важности. О сущности же поручения в документах не говорилось.

Не говоря мне ничего о цели своего приезда, Яковлев заявил, что он желает говорить с отрядом. К 12 часам я собрал отряд. Яковлев, с первых же слов, заявил солдатам, что вот-де их представитель товарищ Лупин был в Москве и хлопотал о суточных деньгах, что деньги он привез, причем каждому будет выдано по 3 рубля суточных. Затем он предъявил свое удостоверение, содержание которого было оглашено Матвеевым. Солдаты стали осматривать удостоверение, стали особо подробно рассматривать печать на нем, видимо, питая некоторое сомнение к личности Яковлева. Он это сразу же понял и снова начал говорить солдатам о суточных, о том, что вот-де теперь они все отпускаются, и т.д.

Видно было, что он прекрасно умеет говорить с толпой, умеет играть на ее слабых струнах, и говорил он хорошо, красно. В конце он сказал, что вот-де между отрядом и местным советом произошли недоразумения из-за вопроса о перевозе Царской семьи в тюрьму, что он эти недоразумения выяснит. Тут он отправился со мной смотреть дом. Обошел он снаружи дом, зашел в нижний этаж, поднимался наверх. Как мне помнится, он Государя и княжон видел издали: они были во дворе. Государыни, кажется, он в этот день не видел. А к Алексею Николаевичу они ходили, как мне кажется, с Авдеевым. Было тогда такое впечатление, что Яковлев как бы хочет Авдеева убедить в том, что Алексей Николаевич болен. Помню, дежурным офицером тогда был прапорщик Семенов. Авдеев хотел тогда же нахо-

диться в дежурной комнате, но, помню, Семенов протестовал против этого и отбился от него. Больше ничего в этот день не произошло.

11 апреля Яковлев опять потребовал собрать отряд. На собрание от совета явились: Заславский и студент Дегтярев, бывший тобольский комиссар юстиции. Имя его Николай. Он был из Омска и, следовательно, являлся представителем в Тобольском совете, так сказать, сибирских интересов, а не уральских, как Заславский. Студент стал держать к солдатам речь, все содержание которой сводилось к обвинениям Заславского в том, что он искусственно нервировал отряд, создавая ложные слухи о том, что Семье угрожает опасность, что под дом ведутся подкопы (слухи такие действительно были, и одна ночь была тревожная; пошли они от совета же, и я лично узнал об этом от него же, когда был там по поводу перевода Семьи в тюрьму; этим тогда совет и мотивировал свое решение перевести Семью «на гору») и т.п. Идея речи заключалась именно в этом. Заславский защищался, но бесполезно. Его ошикали, и он удалился. Он приехал в Тобольск за неделю, приблизительно, до прибытия Яковлева и уехал из Тобольска часов за 6, приблизительно, до отъезда Яковлева. Яковлев во время этого, так сказать, судбища над Заславским принял сторону Дегтярева. Что означало это собрание отряда, для чего все это проделывал Яковлев, я скажу потом.

В этот день часов в 11 вечера ко мне пришел капитан Аксюта и сказал мне, что Яковлев собирал отрядный комитет и заявил комитету, что он увозит Царскую семью. Об этом Аксюта мне передавал со слов члена этого комитета солдата Киреева. Именно так и было, как я говорю: Яковлев заявил об увозе не одного только Государя, а всей Августейшей семьи.

12 апреля утром Яковлев пришел ко мне. Он сказал мне, что по постановлению «Центрального Исполнительного Комитета» он должен увезти всю Семью. Я спросил его: «Как же? А Алексей Николаевич? Ведь он не может ехать. Ведь он болен». Яковлев мне ответил: «Вот в том-то и дело. Я говорил по прямому проводу с Циком. Приказано всю семью оставить, а Государя (он называл Государя обыкновенно «бывший Государь») перевезти. Когда мы с вами пойдем к ним? Я думаю ехать завтра». Я предложил ему пойти после завтрака часа в 2. Тут он ушел от меня. Я отправился в дом и, кажется, через Татищева просил

Государя ответить, когда он может принять меня с Яковлевым. Государь назначил после завтрака в 2 часа.

В 2 часа мы вошли с Яковлевым в зал. Посредине зала рядом стояли Государь и Государыня. Остановившись на некотором отдалении и поклонившись им, Яковлев сказал: «Я должен сказать Вам (он говорил, собственно, по адресу одного Государя), что я чрезвычайный уполномоченный из Москвы от Центрального исполнительного комитета, и мои полномочия заключаются в том, что я должен увезти отсюда всю семью, но так как Алексей Николаевич болен, то я получил вторичный приказ выехать с одним Вами». Государь ответил Яковлеву: «Я не поеду». Тогда Яковлев продолжал: «Прошу этого не делать. Я должен исполнить приказание. Если Вы отказываетесь ехать, я должен или воспользоваться силой, или отказаться от возложенного на меня поручения. Тогда могут прислать вместо меня другого, менее гуманного человека. Вы можете быть спокойны. За Вашу жизнь я отвечаю своей головой. Если Вы не хотите ехать один, можете ехать с кем хотите. Будьте готовы. Завтра в 4 часа мы выезжаем».

Яковлев при этом снова поклонился Государю и Государыне и вышел. Одновременно и Государь, ничего не сказав Яковлеву на его последние слова, круто повернулся, и они оба с Государыней пошли из зала. Яковлев направлялся вниз. Я шел за ним. Но Государь, когда мы выходили с Яковлевым, сделал мне жест остаться. Я спустился с Яковлевым вниз и, когда он ушел, поднялся наверх. Я вошел в зал, где были Государь, Государыня, Татищев и Долгорукий. Они стояли около круглого стола в углу зала. Государь спросил меня, куда его хотят везти. Я доложил Государю, что это мне самому неизвестно, но из некоторых намеков Яковлева можно понять, что Государя хотят увезти в Москву. Так я думал тогда вот почему. Когда Яковлев пришел ко мне 12 апреля утром и впервые сказал мне, что он увезет Государя, он при этом говорил, что он вернется вторично за Семьей. Я его спросил: «Когда же вы думаете вернуться?» На это Яковлев сказал: «Ну что же? Дней в 4—5 доеду, ну там несколько дней и назад. Через 1 1/2—2 недели вернусь». Вот почему я и доложил тогда Государю, что Яковлев, видимо, хочет увезти его в Москву. Тогда Государь сказал: «Ну, это они хотят, чтобы я подписался под Брестским договором. Но я лучше дам отсечь себе руку, чем сделаю это». Сильно волнуясь, Государыня сказала: «Я тоже еду. Без меня опять его заставят что-нибудь сде-

лать, как раз уже заставили», и что-то при этом упомянула про Родзянко. Безусловно, Государыня намекала на акт отречения Государя от престола.

На этом разговор кончился, и я пошел в Корниловский дом к Яковлеву. Яковлев спросил меня: «Кто же едет?» И еще раз повторил, что с Государем может ехать кто хочет, лишь бы не много брали вещей. Я снова пошел в дом и просил Татищева узнать, кто именно едет, обещав зайти через час. Когда я пришел, Татищев сказал мне, что едут Государь, Государыня, Мария Николаевна, Боткин, Долгорукий, Чемодуров, лакей Седнев, девушка Демидова. Яковлев снова сказал: «Мне это все равно». У Яковлева, я уверен в этом, была в то время мысль: как можно скорее уехать, как можно скорее увезти. Встретившись с противодействием Государя ехать одному, Яковлев думал: «Все равно, пусть берут кого хотят; только бы уехать, только бы скорей». Вот почему он так часто и повторял тогда слова: «Мне все равно, пусть едет еще кто хочет», не выражая на словах второй части своей мысли: «Только бы поскорей». Об этом он не говорил, но все его действия обнаруживали это желание, — он страшно торопился. Поэтому он и обусловил: не много вещей, чтобы не задержать время отъезда.

В этот день я в дом больше не входил. Там было не до меня, и я не решался идти к ним. В доме в это время шли сборы, и Государыня, как мне говорил Жильяр, страшно убивалась. Очень выдержанная женщина, она плакала, мучаясь между принятым решением быть около Государя и необходимостью оставить самого любимого в семье — сына. Я обращаю Ваше внимание хотя бы вот на это обстоятельство. Почему Государыня так убивалась? Если бы тогда она знала, что ее везут в Екатеринбург, чего бы убиваться? Екатеринбург не так далеко от Тобольска. Безусловно, она, как и все в доме, чувствовала из всех действий, всех поступков Яковлева догадывалась, что вовсе не в Екатеринбург их везут, а далеко, в Москву; что цель их увоза туда не их личное благополучие, а что-то необходимое, что-то связанное с государственными интересами; что там в Москве Государю и ей придется на что-то решиться, что-то серьезное, ответственное предпринять. Так текли и мысли Государя. Он их и высказал в словах о Брестском договоре.

Всю эту ночь я не спал. Вечером, по требованию Яковлева, я снова собрал отряд. Яковлев объявил отряду, что он увозит Государя, не указывая, куда именно, и просил отряд держать

это в секрете. Вот опять я обращаю Ваше внимание на это обстоятельство. Почему Яковлев просил отряд держать увоз Государя в секрете? От кого он это скрывал? Я объясняю его мысль таким образом. Я уже говорил Вам, что в местном совдепе (еще раз укажу его заправил: Дуцман, Пейсель, Дислер, Каганицкий, Писаревский, его супруга, Хохряков) вообще было два течения: сибирское, считавшее Тобольск в сфере своих западносибирских интересов, и уральское, считавшее Тобольск своим. Представителем последнего течения был Заславский. Что именно его привело в Екатеринбург, я не могу сказать, многое в этом отношении мне самому неизвестно. Из-за нас ли специально он приехал в Тобольск, или нет, не знаю. Из всех же речей Яковлева можно было совершенно ясно понять, что он, Яковлев, считал себя и в действительности был представителем третьей силы: центральной, московской. Прибыв сюда в Тобольск, он, видимо, боялся противодействия увозу тобольского совдепа. Но с тобольским совдепом он уладился. Противился, видимо, Заславский. Вот для чего и было, по моему мнению, устроено это подобие судбища и над Заславским, когда он свел его перед солдатами с Дегтяревым. Этим самым он устранял здесь, в Тобольске, последнюю возможность противодействия увозу Государя из Тобольска. Однако, как я скажу потом, в своих расчетах он, Яковлев, ошибся. Цель же его просьбы к солдатам держать все в секрете объясняется именно боязнью его, что не дадут увезти, не дадут местные силы. Отсюда вывод только один: являясь сам представителем третьей силы — центральной, московской, он работал на нее, на Москву, куда именно он и хотел для чего-то увезти Государя.

Солдаты были все-таки несколько смущены заявлением Яковлева и еще просьбой держать все в секрете. Заметно было, что они потрушивали за себя: как бы чего потом не было. Они стали говорить Яковлеву, что необходимо, чтобы и они сопровождали Государя. Яковлев отклонил это, ссылаясь на то, что его отряд надежный, но пошел на компромисс. Был выбран маленький отряд из нашей охраны. В него вошли: Матвеев, Карсавин, Шикунов, Лупин, Лебедев, Набоков (Лебедев и Набоков родом с Украины, Шикунов — тверской, все остальные — из центральных губерний; Набоков уехал после, кажется, в Томск, к какому-то своему родственнику).

В 4 часа утра были поданы сибирские «кошевы» — плетеные тележки на длинных дрожинах, одна была с верхом. Сиденье

было без (из?) соломы, которая держалась при помощи веревок, прикрепленных к бокам кузова тележки. Вышел Государь, Государыня и все остальные. Государь меня обнял, поцеловал, Государыня дала мне руку. Яковлев сел с Государем. Он хотел и требовал, чтобы с Государыней сел Матвеев. Но она это категорически отклонила и села с Марией Николаевной. Яковлев уступил. Долгорукий сел с Боткиным, Чемодуров — с Седневым, Демидова — с Матвеевым. Впереди и сзади было несколько подвод с солдатами нашими и пешими из яковлевского отряда, причем на этих подводах было два пулемета и конная охрана из отряда Яковлева. Еще несколько подвод было с вещами. Какие вещи были взяты в это время из Тобольска, я не знаю. Отъезд состоялся часа в 4 с чем-нибудь.

Уехали, и создалось чувство какой-то тоски, уныния, грусти. Это чувство замечалось и у солдат. Они сразу стали много сердечнее относиться к детям. Помню, тогда же удалось добиться поставить в зале походную церковь.

И дорогой Яковлев страшно торопился. Гнали вовсю (об этом мне самому потом говорили ямщики на станциях, когда я уезжал в Тюмень). Когда приезжали на станцию, сейчас же перепрягали лошадей и мчались дальше. Перепрягали лошадей в с. Покровском на станции, как раз против дома Распутина. Мне передавали, что у его дома стояла жена, у окна сидела дочь. Обе они крестили уезжавших. Я просил Лебедева и Набокова (порядочные люди) телеграфировать мне с дороги, как будут ехать. От Лебедева я получил телеграмму из с. Ивлева, от Набокова — из с. Покровского. Они кратко телеграфировали: «Едем благополучно». С одной из железнодорожных станций была получена телеграмма: «Едем благополучно. Христос с Вами. Как здоровье маленького? Яковлев». Это, очевидно, телеграмма Государя или Государыни, поданная с разрешения Яковлева и им подписанная.

20 апреля отрядным комитетом была получена от Матвеева телеграмма, извещавшая о приезде в Екатеринбург. Точных выражений телеграммы я не помню. Нас же всех эта телеграмма огорошила: что такое случилось, почему в Екатеринбург? Все были этим поражены, так как все были уверены, что Государя с Государыней повезли в Москву. Стали ждать возвращения солдат нашего отряда. Когда они вернулись, Лупин сделал доклад нашему отряду, ругательски ругая екатеринбургских большевиков. Мне же Лебедев и Набоков рассказали следующее.

Когда прибыли в Тюмень, Государя, Государыню и других поместили в классный вагон (больше ничего о вагоне, об удобствах не могу сказать). Вагон этот охранялся нашими шестью солдатами. Из Тюмени поехали на Екатеринбург, на какой-то станции узнали, что чрез Екатеринбург не проедут, что там их задержат (вот тут-то Яковлев и ошибся: Заславский раньше его на несколько часов выехал из Тобольска и, как я думаю, предупредил о предстоящем отъезде из Тобольска). Узнав об этом, Яковлев кинулся на Омск, чтобы оттуда держать путь: Челябинск — Уфа и т.д. Как я понял тогда Набокова, они были под самым Омском, как их поезд задержали. Яковлев вышел узнать, в чем дело. Оказалось следующее: Екатеринбург известил Омск, что Яковлев объявляется вне закона, что он везет Семью в Японию. Тогда Яковлев отправился в Омск и говорил по прямому проводу с Москвой. Возвратившись назад, он сказал: «Я получил приказание ехать в Екатеринбург». Поехали в Екатеринбург. Здесь Государя, Государыню, Марию Николаевну, Боткина, Чемодурова, Седнева, Демидову отправили в дом Ипатьева, а Долгорукого — прямо в тюрьму. Всех наших солдат сначала задержали в вагоне. Затем их всех вывели поодиночке, обезоружили и куда-то посадили. Продержали их в заключении несколько дней и выпустили. Можно было понять, что отношение к ним, нашим арестованным солдатам, было различное: к Лебедеву, Набокову относились хуже, к другим лучше, особенно к Матвееву, и освобождение их состоялось в разное время. Матвеев ходил зачем-то к Голощекину и Белобородову. Когда всех их освободили и они были уже в вагоне, чтобы возвращаться в Тобольск, к ним приходил Яковлев и говорил, что он сложил с себя полномочия, что он едет в Москву и что солдаты должны с ним ехать, чтобы там, в Москве, доложить о случившемся. Ясно было, что для Яковлева, как говорили наши солдаты, остановка в Екатеринбурге была фактом проявления неповиновения екатеринбургских большевиков приказанию центра.

В чем же дело? Почему, в самом деле, Яковлев не мог доехать до Москвы (солдаты говорили, что он «бросил» их, в конце концов, и один укатил в Москву)? Я объясняю себе это таким образом. В Екатеринбурге был свой центр большевизма. Здесь была своя столица всего «Урала» — «красный Екатеринбург». Я слышал от кого-то, что Москва упрекала екатеринбургских большевиков в том, что они «много тратят денег», и грози-

ла им не давать больше денег. Вот, преследуя свои, местные, уральские (конечно, в конце концов, «личные») интересы, большевики екатеринбургские и задержали Августейших особ в Екатеринбурге, как «заложников», чтобы разговаривать с Москвой им было свободнее, чтобы Москва была более податлива на их требования. Не знаю, может быть, и ошибаюсь, но я мыслю так. Затем оставшийся после Яковлева телеграфист получил от него телеграмму приблизительно следующего содержания: «Собирайте отряд, уезжайте. Полномочия я сдал. За последствия не отвечаю». Часть отряда Яковлева оставалась в Тобольске. Поэтому он так и писал. Телеграфист, молодой юноша, и отряд уехали. Куда уехали — не знаю. Авдеев же уехал раньше Яковлева в Тюмень, куда его послал Яковлев приготовить поезд для дальнейшего следования.

Потом в отрядный комитет из Москвы пришла телеграмма (не знаю, от кого именно), в которой говорилось, что комиссаром вместо Яковлева назначается Хохряков. Про появление этого Хохрякова в Тобольске я могу сказать следующее. Настоящих большевиков в тобольском совдепе не было довольно долго. Там руководили преимущественно эсеры. Даже тогда это было, когда уже почти везде советы были из коммунистов. Одно время даже наш Никольский был председателем совдепа. Потом прибыл в Тобольск из Омска «чрезвычайный» комиссар Дементьев. Он приезжал налаживать организацию именно большевистской власти. С ним прибыл из Омска особый отряд. Еще в то время Екатеринбург проявлял свои права на Тобольск, и туда прибыл какой-то отряд из Тюмени. Но Дементьев, как представитель сибирского течения, осилил, и тюменский отряд уехал. Наладив «власть», Дементьев уехал в Омск. (Он родом из Тобольска: выгнанный семинарист.) Вот в это-то время организации советской «власти» в Тобольске первым большевистским председателем совдепа и был Хохряков.

В это время в Тобольск сходились с разных сторон разные большевистские отряды. Образовался там и отряд латышей. Они задолго до отъезда всех остальных членов Семьи из Тобольска были уже там и чинили свои безобразия, например, производили обыск у Буксгевден. Кто был их командиром тогда, я не знаю. Но этот их командир не понравился Хохрякову, и Хохряков выписал из Екатеринбурга какого-то Родионова. Родионов и стал у латышей начальником отряда. Спустя некоторое время после назначения Хохрякова нашим комиссаром

вместо Яковлева он получил от кого-то из Москвы телеграмму, в которой говорилось, что ему поручается перевезти всю остальную семью в Екатеринбург. Я должен сказать, что Родионова Хохряков вытащил из Екатеринбурга уже после того, как он был назначен к нам комиссаром. Таким образом, выписывая именно Родионова, Хохряков имел в виду уже именно нас, а не вообще Тобольск. Он уже распоряжался не как председатель совдепа, а как чрезвычайный комиссар по охране Семьи. Некоторое время после назначения его комиссаром, но еще до замены нашего отряда латышами, когда караул несли еще наши солдаты, я однажды хотел пройти в дом. Солдаты меня не пропустили, сославшись на приказ Хохрякова. Я обратился к Хохрякову. Он мне сказал: «Они меня не поняли». Я продолжал после этого в течение нескольких дней ходить в дом. Но скоро прибыл Родионов, и состоялась замена нашего караула латышским отрядом. Латыши как-то сразу заняли все посты и не пропустили меня в дом. Это было за несколько дней до отъезда Семьи. О том, что там происходило после этого, передаю со слов других лиц, оставшихся в Тобольске, — Николаевой и Михаила Карпова.

Припоминаю еще вот что. Родионов еще при мне, как только появился у нас, пришел в дом и устроил всем форменную перекличку. Это поразило меня и всех других. Хам, грубый зверь, сразу же показал себя. После этого как-то сразу латыши заняли посты неожиданно для меня, и я уже не мог попасть в дом. Николаева же и Карпов говорили мне, что латыши держали себя таким образом. Была в доме в это время одна, всего-навсего, кажется, служба. Латыши обыскали священника, обыскали, грубо «ощупывая», монашенок, перерыли все на престоле. Во время самого богослужения Родионов поставил латыша около престола следить за священником. Это так всех угнетало, на всех так подействовало, что Ольга Николаевна плакала и говорила, что если бы она знала, что так будет, то она и не стала бы просить о богослужении. Когда меня не впустили больше в дом, я и сам не выдержал и заболел: слег в постель.

Семья уехала 7 мая. Я не мог встать с постели и не мог проститься с ними. Уехали, следовательно, с Семьей следующие лица: 1) Татищев, 2) Деревенько (правильно: Деревенко. — *О. П.*), 3) Гендрикова, 4) Буксгевден, 5) Шнейдер, 6) Жильяр, 7) Гиббс, 8) Теглева, 9) Эрсберг, 10) Тутельберг, 11) Межанц, 12) Катя, 13) Маша, 14) Волков, 15) Нагорный, 16) Иванов,

17) Тютин, 18) Журавский, 19) Трупп, 20) Харитонов, 21) Кокичев, 22) Леонид Седнев, 23) Пюрковский, 24) Терехов, 25) Кирпичников, 26) Дмитриев. Я ошибочно показал уволенным Франца Пюрковского. Он не был уволен. Остались тогда в Тобольске, кроме уволенных, Николаева и Карпов, причем Николаева должна была выехать в Екатеринбург потом. После нашего переезда в Тобольск из Царского в Тобольск еще прибыли комнатные девушки Анна Уткина и Анна Павловна Романова. Их солдаты не пустили тогда в дом. Они остались жить в Тобольске и в Екатеринбург не ездили.

Откуда взялся в Тобольске Хохряков, я не знаю. Наружность его такова. Ему лет 30, роста ниже среднего, крепкий, коренастый, широкий темный шатен, волосы на голове зачесывал, кажется, назад, бороду брил, усы небольшие. Глаза, кажется, сероватые, близорукий. Нос прямой, широкий, уши — не торчащие, лоб небольшой. Человек он неинтеллигентный, неразвитой, но сам себя он считал, конечно, человеком все понимающим. Он был кочегаром на броненосце [«] Император Александр II [»]. Носил он черную кожаную куртку, защитные штаны, гетры и ботинки, на голове — фуражка защитного цвета.

Также не знаю, откуда был Родионов. Ему было лет 28—30, роста ниже среднего, светлый шатен, не представляю хорошо его прически. Усы подстригал, бороду брил. Глаза, кажется, голубые. Носа, рта, лба не представляю. Человек он неинтеллигентный и производил отталкивающее впечатление. Морда у него какая-то «бабская», с ехидной улыбочкой. В нем чувствовался жестокий зверь, но зверь хитрый. Буксгевден уверяла, что во время одной своей заграничной поездки она видела его на одной из пограничных станций в форме русского жандарма. Я бы сказал, что в нем действительно чувствовался «жандарм», но не хороший, дисциплинированный солдат-жандарм, а кровожадный, жестокий человек с некоторыми приемами и манерами жандармского сыщика.

Когда этот Родионов появился у нас, он производил обыск у Нагорного, когда тот пришел из города. Он нашел у него письмо от сына доктора Деревенько (правильно: Деревенко. — *О. П.*) к Алексею Николаевичу и сказал об этом Хохрякову: «Вот тип! Говорит, что у него ничего нет, а у самого письмо!» И, обращаясь ко мне, добавил: «А при Вас, наверно, и не то еще приносили». Хохряков обрадовался: «А! Давно я точу зуб на эту сволочь! Осрамил нас!» Это говорил матрос Хохряков про мат-

роса Нагорного. Иначе, конечно, и быть не могло: один — «краса и гордость русской революции», другой — преданный Семье человек, глубоко любивший Алексея Николаевича и им любимый. За это он и погиб: осрамил красу и гордость русской революции. За этот же «срам», конечно, погиб и Седнев, также матрос и также преданный Семье человек.

После отъезда Семьи я был долгое время отрезан от всякого источника сношений с какими-либо людьми, которые бы могли сообщить что-либо. В июне пал Омск. Омские большевики бежали на пароходах и прибыли в Тобольск. Наши тобольские бежали с ними. Власть у нас взяли офицеры. Тюмень продолжала оставаться в руках большевиков. Получился фронт. Вот в это время я услышал о Хохрякове. Он «командовал» (как же? — ведь матрос-кочегар) где-то около с. Покровского по реке. Говорили, что командовал чем-то и Матвеев. (Хохрякова, как мне потом говорила Теглева, не пустили в дом Ипатьева, хотя он и был уверен, что он там будет комиссаром.) Потом пала Тюмень, и из Тюмени прибыли все уехавшие с Семьей лица, кроме следующих: 1) Долгорукого, 2) Татищева, 3) Деревенько (правильно: Деревенко. — *О. П.*), 4) Гендриковой, 5) Боткина, 6) Шнейдер, 7) Теглевой, 8) Эрсберг, 9) Тутельберг, 10) Волкова, 11) Нагорного, 12) Чемодурова, 13) Седнева, 14) Труппа, 15) Харитонова, 16) Леонида Седнева, 17) Иванова.

Приехавшие рассказывали следующее. Обращение с Семьей, когда она еще ехала, было возмутительное. Родионов запрещал запирать изнутри каюты на пароходе, а Алексея Николаевича и Нагорного запер снаружи. Нагорный не утерпел и сильно с ним поругался из-за того, что он запер больного ребенка. (Еще здесь, в Тобольске, он усвоил эту манеру и не позволил Ольге Николаевне не только запирать на ночь дверь их спальни, но и затворять ее.) Когда поезд прибыл в Екатеринбург, в дом были отвезены Алексей Николаевич, Ольга Николаевна, Мария Николаевна, Татьяна Николаевна и Анастасия Николаевна. С Государем и Государыней в дом были пропущены все, уехавшие с ними, кроме Долгорукого. Он был отправлен в тюрьму, о чем я впервые только от приехавших и узнал. Когда приехали в Екатеринбург дети, тотчас же были арестованы следующие лица: Татищев, Гендрикова, Шнейдер, Волков. Но потом, как мне говорил Жильяр, Седнева и Нагорного увезли из дома. Эту картину увоза их они видели вместе с Гиббсом. Из остальных, не возвратившихся в Тобольск, в Екатеринбурге остался Деревенько (правильно: Деревенко. — *О. П.*). Теглева, Эрсберг и

Иванов остались в Тюмени, Тутельберг — в Камышлове. Следовательно, в доме Ипатьева оставались следующие лица при Царской семье: Чемодуров, Седнев (мальчик), Трупп, Харитонов, Демидова и Боткин.

Спустя некоторое время после освобождения Екатеринбурга в Тобольск прибыл Чемодуров. Я видел его и говорил с ним. Должен прежде всего Вам сказать, что Чемодуров вернулся в Тобольск совершенно разбитый и совсем душой больной старик. Недавно он и умер. Его рассказы были бессвязны. Он мог только отвечать на вопросы, причем ответы его часто бывали противоречивы. Передаю то главное из его рассказов, что сохранила память.

Когда Государь с Государыней и Марией Николаевной прибыли в дом Ипатьева, их обыскали. Обыскивали хамски, грубо. Государь вышел из себя и сделал замечание. На это ему было в грубой форме указано, что он арестованный. Как главного начальника Чемодуров называл Авдеева. Про Дидковского он ничего не говорил. Спросить его об этом я не мог, так как я не знал же обстоятельств дела. Обед был плохой. С ним запаздывали: приносили его готовым из какой-то столовой вместо часа в 3—4. Обед был общий с прислугой. Ставилась на стол миска, ложек, ножей, вилок не хватало. Участвовали в обеде и красноармейцы. Придет какой-нибудь и лезет в миску: «Не, с вас довольно. Я себе возьму». Княжны спали на полу, так как кроватей у них не было. Устраивалась перекличка. Когда княжны шли в уборную, красноармейцы, якобы для караула, шли за ними в уборную. Вообще, даже со слов Чемодурова, неспособного дать ясную картину, благодаря своему угнетенному состоянию, можно было понять, что Августейшая семья подвергалась невыносимым моральным мукам. В убийство Августейшей семьи Чемодуров не верил. Он говорил следующее. Убили Боткина, Харитонова, Демидову, Труппа, а Августейшую семью вывезли, причем убийством названных лиц симулировали убийство Семьи. Для этого, как можно было понять Чемодурова, симулировали и разгром дома: сожжение вещей и бросание их в помойку. Я помню, что он мне говорил о найденных где-то остатках икон, ордене Владимира, с которым не расставался Боткин.

Спустя некоторое время прибыл в Тобольск Волков. Он рассказывал, что вместе с Гендриковой и Шнейдер он из вагона был отправлен в Екатеринбургскую тюрьму, откуда их перевели в Пермскую. Из Пермской тюрьмы их троих вместе с какими-то

еще лицами повели на расстрел. Но дорогой он бежал, а всех остальных расстреляли. Про разговоры с камердинером Михаила Александровича, сидевшим в тюрьме вместе с ним, Волков ничего не говорил и не рассказывал о том, что с ним сидел такой человек.

Про убийство Государя я впервые прочитал в Тобольске, или в омской газете «Заря», или в тобольской газете «Народное слово». Там приводилось большевистское сообщение о «казни» Императора Николая «Кровавого». Было это еще тогда, когда в Екатеринбурге были большевики. Сообщение произвело на меня впечатление какой-то недоговоренности и малой достоверности. Я в это не поверил. Вот все, что я мог Вам рассказать по делу.

На Ваш вопрос, что представляли собой лица Августейшей семьи в частной, общечеловеческой жизни, могу сказать следующее.

Государь был человек умный, образованный, весьма интересный собеседник, с громадной памятью, особенно на имена. Хорошо он знал историю. Он любил физический труд и жить без этого не мог: он так был воспитан. В своих потребностях он был очень скромен. Вытертые штаны, износившиеся сапоги на нем я видел еще в Царском. Вина он почти не пил. За обедом ему подавался портвейн или мадера, и он выпивал за обедом не больше рюмки. Он любил простые русские блюда: борщ, щи, каша. Припоминаю, между прочим, такой случай. Он зашел однажды в погреб с вином и, увидев коньяк, сказал Рожкову, чтобы он отдал его мне: «Ты знаешь, я его не пью». Это мне именно так и передавал Рожков. И я сам никогда не видел, чтобы он пил что-либо, кроме портвейна или мадеры.

Был он весьма религиозен. Не любил он евреев и называл их «жидами». Не любил он, не переваривал немцев. Отличительной чертой в его натуре, наиболее его характеризовавшей, это было свойство доброты, душевной мягкости. Это был человек замечательно добрый. Если бы это зависело лично от него, как человека, он бы не способен был совершенно никому причинить какого-либо страдания. Вот это его свойство и производило сильное впечатление на окружающих. Добрый он был и весьма простой человек, прямой и бесхитростный. Держал он себя очень просто. С солдатами в Тобольске он играл в шашки. Кто именно играл с ним из солдат в шашки, я не могу припомнить. Но я помню, что он любил прапорщика Тура и фельдфебеля Грищенко. Многие ведь и солдаты, я уверен, в душе питали к

Семье хорошие чувства. Например, когда солдаты (хорошие, настоящие солдаты) уходили из Тобольска, они тихонько ходили к нему наверх и прощались, целовались с ним. У него у самого в душе сидело: русский человек — это мягкий, хороший, душевный человек; он многого не понимает, но на него можно воздействовать добром. Так это и было у него. Иногда из-за этого мне было тяжело. Солдатишки, наиболее развращенные, позволяли себе хулиганские выходки, конечно, больше всего за глаза Августейшей семьи: трусили все-таки. В глазах же держались более или менее прилично. Это и вело к тому, что Августейшая семья не понимала своей опасности.

Россию он любил, и не один раз мне приходилось слышать выражение боязни быть увезенным куда-нибудь за границу. Искусств Государь не знал. Но он любил сильно природу и охоту. Без этого он томился и по охоте скучал. Его слабость заключалась в его бесхарактерности. Он не имел твердого характера и подчинялся супруге. Это я наблюдал даже в мелочах. Всегда, когда, бывало, обращаешься к нему по какому-либо вопросу, обыкновенно получаешь ответ: «Как жена, я ее спрошу».

Государыня — умная, с большим характером, весьма выдержанная женщина. Отличительной чертой ее натуры была властность. Она была величественна. Когда, бывало, беседуешь с Государем, не видишь Царя. Когда находишься перед ней, всегда, бывало, чувствуешь Царицу. Благодаря своему характеру, она властвовала в семье и покоряла Государя. Конечно, она сильней и страдала. У всех на глазах она сильно старела. Она хорошо, правильно говорила и писала по-русски. Россию она, безусловно, любила. Так же, как и Государь, она боялась увоза за границу. Она хорошо вышивала и рисовала. В ней не только не была видна немка, но можно было подумать, что она родилась в какой-то другой стране, враждебной Германии. Это объяснялось ее воспитанием. Рано, маленькой девочкой лишившись матери, она все время воспитывалась в Англии у бабушки, королевы Виктории. Никогда я не слыхал от нее немецкого слова. Она говорила по-русски, английски, французски.

Была она, безусловно, больная. Мне Боткин говорил, в чем было у них дело. Дочь Гессенского, она унаследовала их болезнь: хрупкость кровеносных сосудов. Это влекло за собой параличи при ушибах, чем и страдал Алексей Николаевич. Эта болезнь в мужском поколении до полового созревания, и затем болезненные явления исчезают. У женщин же, страдающих ею, не наблюдается никаких болезненных явлений до климактери-

ческого периода. С этого времени у них начинает развиваться истерия. Она и страдала истерией. Это было совершенно ясно. На этой почве, как мне говорил и Боткин, у нее и развился религиозный экстаз. Это была уже ее сущность. Все ее рукоделия, вообще занятия, имели именно такой характер. Она вышивала, вообще что-либо работала только из одной области: духовной. Если она что-либо дарила и писала, обязательно что-нибудь духовное: «Спаси и сохрани» или что-нибудь другое, но в том же духе. Мужа она, безусловно, любила, но не любовью молодой женщины, а как отца своих детей: женщины в ней не чувствовалось. Как женщина она уже не существовала. И в этом отношении Государь сохранился куда больше ее. Любила она всех детей, но больше всего Алексея Николаевича.

Ольга Николаевна — недурная блондинка, кажется, 23 лет. Барышня — в русском духе. Она любила читать. Была способная, развитая девушка. Хорошо говорила по-французски, по-английски и плохо по-немецки. Она имела способности к искусствам: играла на рояле, пела и в Петрограде училась пению (у нее было сопрано), хорошо рисовала. Была она очень скромная и не любила роскоши. Одевалась она очень скромно и вечно одергивала в этом отношении других сестер. Сущность ее натуры, я бы сказал, вот в чем: это русская, хорошая девушка, с большой душой. Она производила впечатление девушки, как будто испытавшей какое-то горе. Такой на ней лежал отпечаток. Мне казалось, что она больше любила отца, чем мать, а затем она больше всего любила Алексея Николаевича и звала его «маленький», «беби».

Татьяна Николаевна, кажется, 20 лет. Она была совсем другая. В ней чувствовалась мать. Та же натура, тот же характер. В ней именно чувствовалось, что она дочь Императора. К искусствам она склонности не питала. Ей, может быть, лучше бы было родиться мужчиной, и, как мне кажется, будь иная судьба, она стала бы «Царевной Софьей». Это чувствовалось всеми. Когда Государь с Государыней уехали из Тобольска, никто както не замечал старшинства Ольги Николаевны. Что нужно, всегда шли к Татьяне: «Как Татьяна Николаевна». Она была ближе всех дочерей с матерью и, видимо, любила ее больше отца.

Мария Николаевна — 18 лет, высокая, сильная, самая красивая из всех. Она хорошо рисовала. Из всех сестер это была самая простая и самая приветливая. Вечно она, бывало, разговаривает с солдатами, расспрашивает их и прекрасно знает, у

кого как звать жену, сколько ребятишек, сколько земли и т.п. Вся подноготная вот подобных явлений ей всегда была известна. Она, как и Ольга Николаевна, больше любила отца. За ее свойство простоты, приветливости она и получила название в семье «Машки». Так звали сестры и Алексей Николаевич.

Анастасия Николаевна имела, кажется, 17 лет. Физически она была развитее своего возраста. Она была низенькая, очень полная — «кубышка». Такой вид имела потому, что ее очень маленький рост не соответствовал ее полноте. Ее отличительной чертой была способность подмечать слабые стороны людей и передразнивать их. Это был природный комик.

Вечно, бывало, она всех смешит. Она также больше любила отца и больше других сестер Марию Николаевну. Звалась она сестрами и братом почему-то «швибз».

Все они были милые, симпатичные, простые в общем, даже и Татьяна Николаевна, девушки — чистые, невинные. Куда они были чище в своих помыслах очень многих их современных девиц-гимназисток, даже младших классов.

Кумиром всей семьи был Алексей Николаевич. Он был еще ребенок. Характерные отличия в нем еще не выработались. Он был умный, способный мальчик, весьма шаловливый и живой. Он говорил по-русски, английски и французски. По-немецки не знал ни слова.

Про всю Августейшую семью в целом я могу сказать, что все они очень любили друг друга, а жизнь в своей семье всех их духовно так удовлетворяла, что они иного общения не требовали и не искали. Такой удивительно дружной, любящей семьи я никогда в жизни не встречал и думаю, в своей жизни уже больше никогда не увижу.

Вот теперь я могу сказать, что настанет время, когда русское общество узнает, каким невероятным мукам подвергалась эта семья, когда разные газетные писаки с первых и до последних дней революции наделяли их интимную жизнь разными своими измышлениями. Возьмите хоть всю эту грязь с Распутиным. Мне много приходилось беседовать по этому вопросу (не о Распутине, а о Государыне) с Боткиным. Государыня болела истерией, болезнь привела ее к религиозному экстазу. Кроме того, так долго жданный и единственный сын болен и нет сил помочь ему. Ее муки, как матери, на почве этого религиозного экстаза и создали Распутина. Распутин был для нее — святой. Властвуя над мужем, она и его увлекла на этот путь. Вот, когда живешь и имеешь постоянное общение с этой семьей, тогда, бывало, по-

нимаешь, как пошло и подло обливали эту семью грязью. Поняли бы хоть одно то, что Александра Федоровна, как женщина, не существовала несомненно уже давно. Можно себе представить, что они все переживали и чувствовали, когда читали в Царском все милые русские газеты.

Их обвиняли чуть ли не в измене в пользу Германии. Я уже говорил в этом отношении про Государя. Он не любил две нации: евреев и немцев. Государыня терпеть не могла Вильгельма. Она говорила: «Меня обвиняют, что я люблю немцев. Никто не знает, как я ненавижу этого Вильгельма за все то зло, какое он причинил моей Родине». Под родиной она разумела при этом не Россию, а свою родину. Со слов Жильяра и Татищева могу также сказать (как образец ее дальновидности), что однажды, разговаривая с ним о развале России, она говорила, что то же самое будет и в Германии. Такое же отношение к Императору Вильгельму было и у княжон. Вам расскажут, вероятно, Теглева и другие, что княжны роздали прислуге однажды подарки, полученные им от Вильгельма при свидании его с Августейшей семьей на яхте. Больше я ничего вспомнить не могу.

Боткину было лет 50, высокого роста, полный. На голове уже была небольшая лысина и «зализы» с краев, волосы на голове седые, борода седая, усы также, причем они спускались вниз, губы толстые. Он носил очки в золотой оправе и пенсне с оправой только на переносице. Носил орден Владимира 3-й степени, с которым не расставался. Поехал он в серой тройке и рыжих ботинках. У него верхняя челюсть, кажется, была искусственная. Он был доктор Государыни и был очень предан Семье. Даже Керенскому однажды за глаза он не называл иначе Государя и Государыню, как «Их Величествами».

Татищев был лет 60, высокий, худощавый, но выглядел моложе все же своих лет. Волосы на голове седые, кажется, с пробором, усы и бороды седые, подстриженные. Нос прямой, уши небольшие, лоб прямой, невысокий. Уехал он или в синей, или в серой тройке.

Долгорукий имел 40—42 года. Высокий, средней полноты, шатен, на голове носил пробор, бороду брил, усы у него были небольшие. У него была на голове небольшая лысина. Глаза серые, нос небольшой, прямой. Носил он военную форму.

Гендрикова имела лет 30, среднего роста и телосложения. Лицо красивое, маленький нос, рот и ровные зубы, брюнетка.

Шнейдер имела лет 60, среднего роста, худая. Нос очень ма-

ленький, «пуговкой», красноватый, рот небольшой, шатенка, седины было очень мало.

Демидова была лет 42, высокая, полная, блондинка, лицо красноватое, нос прямой и небольшой, глаза голубые.

Харитонову было лет 45, невысокого роста, худощавый, брюнет или темный шатен, кажется, носил бобрик, но на голове были большие «зализы», брил усы и бороду; приблизительно на грани щеки и скулы, кажется, правой, у него была небольшая бородавка, из которой торчало несколько длинных волос. Нос у него был острый, глаза серые. Носил он черные штаны навыпуск и черную тужурку со стоячим воротником.

Труппу было лет 60, высокий, среднего телосложения. Волос на голове у него почти не было, усы и бороду брил. Цвет лица у него был розовый, нос прямой, глаза, кажется, серые. Носил он серые брюки и серую тужурку, прежнюю форму, только без прежних пуговиц, черное пальто и черную фуражку.

Седневу было лет 28, высокий, среднего телосложения, брюнет, на голове волосы на пробор, усы и бороду брил. Нос прямой, лоб средней величины, прямой. Носил высокие сапоги, черные штаны, защитную рубаху и подпоясывался поясом-шнуром с кистями.

Нагорному было лет 28—30, высокий, сутуловатый, широкий, не худой, темный шатен. Волосы на голове носил, кажется, на пробор, бороду брил, усы подстригал по-английски, нос прямой, глаза, кажется, голубые. Носил он черные штаны навыпуск и защитного цвета китель на крючках.

Таких рамок, как та, фотографический снимок которого Вы мне сейчас показываете (предъявлен фотографический снимок с рамки, описанной в п. 1 «а» протокола 10 февраля сего года, л. д. 10, том 2-й), у Семьи было очень много.

Такие серьги, как серьга, изображение которой я сейчас вижу (предъявлено фотографическое изображение серьги, описанной в том же пункте того же протокола, л. д. 10 об., том 2-й), я видел на Государыне. Она их носила.

Про образа, фотографические изображения которых я вижу (предъявлены фотографические изображения образов, описанных в пунктах 4 — 6 того же протокола), я Вам ничего сказать не могу. Были ли у них такие, не знаю.

Изображение пальца, которое я вижу (предъявлен снимок пальца, описанного в пункте 7-м того же протокола, л. д. 12, том 2-й), мне напоминает палец Государыни. У нее пальцы были длинные, тонкие. Он похож на ее пальцы в верхней его

части. Конец же его на фотографии, видимо, изменился: сморщился. Ногти у нее были длиннее конца пальцев и были полукруглыми. За ногтями она ухаживала. Ни Государь, ни Боткин, ни Демидова маникюром не занимались.

Были ли у Государя или у кого-либо еще подковы на сапогах, я не знаю.

На предъявленном мне Вами портрете Государыня снята с Алексеем Николаевичем и Апраксиным (предъявлен портрет, описанный в пункте «з» того же протокола, л. д. 14, том 2-й).

Я вижу предъявленные мне Вами бусы и пряжки туфель (предъявлены бусы и пряжки от туфель, описанные в пунктах 1 и 2 протокола 15—16 февраля сего года, л. д. 45, том 2-й). Такие бусы были в ожерельях княжон. На туфлях я иногда видел у них такие же пряжки с блестящими камнями. Княжны и Государыня носили дома туфли, на воздухе они иногда бывали в сапогах. При этом должен сказать, что нога Государыни была очень большая: длинная, но тонкая, так что ботинок с ее ноги вполне соответствует 9-му номеру мужских калош (см. л. д. 100, том 3-й).

Предъявленная мне Вами пряжка (предъявлена пряжка, описанная в пункте 4-м того же протокола, л. д. 45 об., том 2-й), безусловно, от пояса Алексея Николаевича. Совершенно такая же была и на его поясе, который он носил.

Предъявленные мне Вами стекла от пенсне весьма напоминают своей формой стекла от пенсне Боткина (предъявлены стекла, описанные в пункте 12-м того же протокола, л. д. 47 об., том 2-й). Боткин при чтении всегда снимал очки и пенсне. Он, очевидно, был дальнозоркий.

Государыня в Тобольске при работе носила большие очки в роговой, кажется, оправе. Стекла ее очков были весьма похожи на те стекла, которые я сейчас вижу (предъявлены стекла, описанные в пункте 13-м того же протокола, л. д. 47 об., том 2-й). Величина ее стекол была такая же. Может быть, ее стекла и казались меньше, но ведь эти стекла без оправы, а ее стекла были в оправе. Эти очки ей прописал доктор в Тобольске — Григоржевский.

Пуговицы, которые Вы мне сейчас показываете (предъявлены пуговицы, описанные в пунктах 14—15 того же протокола), по моему мнению, от кителя Государя и от верхних костюмов княжон. Последние были обтянуты у них материей.

Княжны имели пояса с обыкновенными женскими пряжками, похожими на те, которые я сейчас вижу (предъявлены

пряжки, описанные в пункте 21-м того же протокола, л. д. 48 об., том 2-й).

Относительно корсетов я могу сказать, что Демидова носила корсет. Ее корсет должен был быть с более длинными передними планшетками, чем корсет Государыни.

Однажды мне приходилось кому-то из семьи передавать корсет. Я помню, что он был белый, шелковый.

Государь вел дневник. Вела ли Государыня, не знаю. Дети все вели дневники. Но перед отъездом из Тобольска Мария и Анастасия Николаевны свои дневники уничтожили.

У Боткина была небольшая овальной формы щеточка, которой он расчесывал волосы на голове, усах и бороде. Он ее носил в кармане одежды.

Княжны были обриты, после кори, в Царском. Волосы у них отросли. Но потом их еще обрили, и при отъезде из Тобольска волосы у них не достигали плеч.

У Государя не было при себе ни револьвера, ни шашки. У него был кинжал, который и увез Родионов. Никакого палаша у Алексея Николаевича также не было. Из Царского должен был ехать в Тобольск боцман Деревенько, но он проворовался и был уволен. Между тем сундук с его вещами пришел в Тобольск. Когда солдаты хотели производить обыск в Семье, мы с Жильяром, принимая меры предосторожности, вскрыли сундук Деревенько (собственно, его вскрыл Нагорный), и там оказался морской палаш. Этот палаш был передан Кирпичникову, а он, вероятно, отдал его священнику Васильеву, у которого он жил.

Чемодуров ничего мне не говорил про волосы в доме Ипатьева.

Я от кого-то слышал, что к Семье ходил доктор Деревенько (правильно: Деревенко. — *О. П.*), когда она содержалась в Екатеринбурге.

Я читал в какой-то газете, не помню, какой именно, кажется, в «Заре», что к Государю, когда он содержался в Екатеринбурге, приезжало какое-то лицо, предлагавшее спасение ему на известных условиях. Там писалось, что, узнав, что посланный был от Императора Вильгельма, Государь его не принял.

Чемодуров говорил, что он видел убитых Седнева и Нагорного. Трупы их уже разложились, и он узнал их по фигурам и платью.

Парфена Алексеева Домнина в числе прислуги Августейшей семьи не только в Тобольске и в Царском не было, но, как я уверен, и вообще-то никогда не было (л. д. 56, том 3-й).

Офицерский состав в Тобольске был такой: 1) капитан Федор Алексеевич Аксюта, родом из Ставрополя Кавказского, где у него живет теща и дочь, 2) подпоручик Николай Александрович Мундель, статский советник, служил в Петрограде начальником отделения в Министерстве финансов, 3) прапорщик Иван Трофимович Зима, учитель, родом с Украины, кажется, из Проскурова, 4) прапорщик Александр Владимирович Меснянкин, студент Петроградского университета, родом, кажется, тоже из Ставрополя Кавказского, 5) подпоручик Александр или Николай Флегонтович Каршин, родом из Иркутска, студент Петроградского университета, 6) прапорщик Семенов, родом, кажется, из Самары, из фельдфебелей, имеет 4 Георгия, 7) прапорщик Пыжов, откуда родом, не знаю, портной, выслужился в эту войну.

Такого бриллианта и креста, изображения которых Вы мне сейчас показываете (предъявлены изображения креста и бриллианта, описанных в пунктах «в» и «г» протокола 10 февраля сего года, л. д. 13 об., том 2-й), я никогда не видел ни у кого из лиц Августейшей семьи.

Я не знаю, была ли у Боткина такая застежка для галстука, какая изображена на предъявленном мне Вами снимке (предъявлен снимок застежки, описанной в пункте 13-м протокола 10 февраля сего года, л. д. 12 об., том 2-й). Но галстуки он носил длинные, а не бантиками.

Предъявленный мне Вами дневник (предъявлен дневник, описанный в протоколе 27 февраля сего года, л. д. 91, том 2-й) принадлежит, безусловно, графине Гендриковой. В нем упоминаются имена: Иза — это баронесса Буксгевден, Трина — это Шнейдер, Бурыхин (а не Бурняим, как поняли Вы запись в дневнике) — солдат отряда нашего, Кс. Мих. Битнер — это Клавдия Михайловна Битнер.

Бурыхин — богатый коммерсант, женатый на московской купчихе. Имя его Иван Иванович. Он живет, кажется, в Новочеркасске. Он никогда не заменял Меснянкина. Это Гендрикова ошибается в своих записях. Он вполне интеллигентный человек и человек порядочный. Если он и был членом Царскосельского совдепа, то ведь он попал туда в первое время революции, да еще в солдатской шинели.

Битнер преподавала в Тобольске детям русский язык, историю, географию, арифметику.

<...>

В Тобольск приезжала и Хитрово. Это молоденькая девуш-

ка, проникнутая чисто «институтским» обожанием к Ольге Николаевне. Из-за ее приезда была целая история, раздутая тогда газетами. Ее обыскивали и ничего не нашли.

Обстановка, заказанная мною в Тобольске (очень простая), была мною продана, и деньги внесены в Тобольское казначейство. Между прочим, рояль, купленный мною для Семьи (покупал Макаров у бывшего вице-губернатора Гаврилова), я продал купцу Еремееву.

<...>

Показание мое, мне прочитанное, записано с моих слов правильно, и я готов подтвердить его на суде под присягой.

Полковник Евгений Степанович Кобылинский.
Судебный следователь Н. Соколов.

ПРОТОКОЛ

1919 года, мая 7—11 дня, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов в г. Екатеринбурге допрашивал, в порядке 403—409 ст. ст. уст. угол. суд., нижепоименованного в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по содержанию постановления своего от < > сего мая, и он объяснил:

Имя, отчество и фамилия: Анатолий Александрович Якимов. Возраст во время совершения преступления: 31 год.

Сословие: крестьянин.

Место рождения: Мотовилихинский завод, той же волости, Пермского уезда.

Прибыл в Екатеринбург я в первых числах ноября месяца 1917 года. Тогда же я и поступил на Злоказовскую фабрику. Фабрикой в это время еще владели пока хозяева Злоказовы, но уже существовал фабричный комитет из рабочих. Был и комиссар фабрики. Этим комиссаром был Александр Дмитриевич Авдеев. Откуда он родом, я не знаю. Полагаю я, что он по ремеслу слесарь. Говорили про него, что он был где-то машинистом на каком-то заводе при локомобиле. <...>

В декабре месяце Авдеев отвез хозяина фабрики Николая Федоровича Злоказова в острог. Вместо хозяев образовался деловой совет. Этот совет и стал править фабрикой. Главой на заводе и стал Авдеев. Около него самыми приближенными к нему лицами были рабочие: братья Иван, Василий и Владимир Логиновы, Василий Григорьев Гоншкевич, Николай и Станислав

Мишкевичи, Александр Федоров Соловьев, Николай Корякин, Иван Крашенинников, Алексей Сидоров, Константин Иванов Украинцев, Алексей Комендантов, Леонид Васильев Лабушев, Сергей Иванов Люханов и его сын Валентин. <...>

В апреле месяце стало известно в городе, что к нам в Екатеринбург привезли Царя. Объясняли об этом среди нас, рабочих, так, что Царя-де хотели выкрасть из Тобольска, поэтому его и перевезли в надежное место: в Екатеринбург. Такие разговоры тогда в нашей среде ходили.

В первых числах мая месяца, в скором времени после перевезения к нам Царя, стало известно, что наш Авдеев назначен главным начальником над домом, где содержался Царь. Дом этот почему-то все называли «Дом особого назначения», а про Авдеева говорили, что он над этим домом «комендантом» назначен. Действительно, скоро сам Авдеев об этом нам объяснил на митинге.

Как произошло его назначение, я хорошо Вам объяснить не берусь. Авдеев был большевик самый настоящий. Он считал, что настоящую хорошую жизнь дали они, большевики. Он много раз открыто говорил, что большевики уничтожили богачей-буржуев, отняли власть у Николая «кровавого» и т.п. Постоянно он терся в городе со здешними заправилами из Областного совета. Я думаю, что таким образом он, как ярый большевик, и был назначен Областным советом комендантом Дома особого назначения. На митинге же, который он тогда собирал, он нам рассказывал, что вместе с Яковлевым он ездил за Царем в Тобольск.

Что это был за Яковлев, я сам не знаю. Авдеев же рассказывал нам на митинге, что Яковлев — рабочий из г. Златоуста. Авдеев его поносил и говорил нам, что Яковлев Царя хотел увезти из России и повез его для этого в Омск. Но они, т. е. екатеринбургские большевики, все это узнали и не допустили увоза Царя, сообщив о намерении Яковлева в Омск.

Смысл его речи был именно тот, что Яковлев держал руку Царя, а он, Авдеев, вместе с большевиками охраняет «революцию» от Царя.

Про Царя он тогда говорил со злобой. Он ругал его, как только мог, и называл не иначе, как «кровавый», «кровопийца». Главное, за что он ругал Царя, была ссылка на войну: что Царь захотел этой войны и три года проливал кровь «рабочих», что рабочих массами в эту войну расстреливали за забастовки. Вообще он говорил то, что везде говорили большевики. Из его

слов можно было понять, что за эту его заслугу перед «революцией», т. е. за то, что он не допустил Яковлева увезти Царя, его и назначили комендантом Дома особого назначения. И, как видать было, этим самым назначением Авдеев был очень доволен. Он был такой радостный, когда говорил на митинге, и обещал рабочим: «Я вас всех свожу в дом и покажу вам Царя».

<...>

Как я сужу по словам Авдеева, в то время, когда он поступил комендантом Дома особого назначения, охрана этого дома состояла из мадьяров. Авдеев тогда определенно говорил об этом и собирался мадьярскую охрану заменить русской. Он именно говорил про мадьярскую охрану, а не про какую-либо другую. Свое слово «показать» рабочим Царя Авдеев сдержал. Постоянно туда ходили с нашей фабрики рабочие, но только не все, а те, которых выбирал Авдеев. А выбирал он уже указанных мною своих приближенных. Это были братья Логиновы, Мишкевичи, Соловьев, Гоншкевич, Корякин, Крашенинников, Сидоров, Украинцев, Комендантов, Лабушев и Валентин Люханов. Что же касается самого Сергея Люханова, то он постоянно находился при электрической станции на фабрике. Без него там не могли обойтись. Но в то же время он был и шофер и часто отлучался к Авдееву, должно быть, как шофер, развозя его на автомобилях.

Все эти рабочие, как они говорили, охраны в Доме особого назначения не несли, а «помогали» Авдееву, были его помощниками. Ходили они не все вместе, а по одному. И находились они в Доме особого назначения не подолгу, а так, день-два. Главная цель у них, как я думаю, была в деньгах. За пребывание в Доме особого назначения они получали особое содержание из расчета 400 рублей в месяц, за вычетом карманных. Кроме того, они и на фабрике получали жалованье, как состоявшие в фабричном комитете или деловом совете. Одним словом, эти рабочие пользовались своим особым положением при Авдееве и извлекали из него выгоду. Охраны они в доме не несли, как можно было понять из их разговоров, а «помогали Авдееву», были его помощниками. <...>

Мадьярской охраны, когда мы пришли в дом Ипатьева, уже не было. Охрана состояла из рабочих Сысертского завода и рабочих с разных еще других фабрик и заводов: Макаровской фабрики, завода Ятиса, с Монетного двора. Сысертские рабочие остались, когда пришли мы. Все же остальные рабочие тут же

ушли. Вместе с сысертскими рабочими мы все расположились в нижних комнатах дома Ипатьева. <...>

В момент нашего прибытия в дом Ипатьева не было ни среди нас, злоказовских рабочих, ни среди сысертских никакого особого начальника. Были лишь разводящие. В первую неделю у нас, злоказовских рабочих, был разводящим я. У сысертских был разводящим Медведев и еще кто-то другой. Медведев, пожалуй, был главным среди сысертских рабочих лицом, так сказать вообще распоряжался среди них. К нему обращались с разными вопросами, но особой власти он никакой не имел. Раньше его на таком же положении был Никифоров, он скоро заболел и ушел, его тогда и заменил Медведев. Это так было, однако, в первое время после нашего прихода в дом Ипатьева.

Спустя же приблизительно с неделю такой порядок изменился. Прежде всего нас всех, охранников, перевели в дом Попова. Медведев сделался уже начальником над нами всеми, то есть и злоказовскими и сысертскими. Было выбрано трое разводящих, которые были обязаны ставить на посты всех охранников. Такими разводящими были я, Вениамин Сафонов и Константин Добрынин. Когда же, незадолго до убийства, Сафонов заболел, его заменил Иван Старков. Значит, до самого убийства Царской семьи руководящими были: я, Иван Старков и Константин Добрынин. <...>

Наше переселение в дом Попова произошло по нашему требованию. В особенности на этом настаивали сысертские рабочие. К ним, как к дальним от города, приезжали жены. А между тем в доме Ипатьева они останавливаться не могли, так как туда никого не пускали. Вот поэтому нас всех и перевели в дом Попова. В нижних же комнатах дома Ипатьева, после нашего оттуда ухода, никого не осталось, кроме Рудольфа. <...>

Авдеев был пьяница. Он любил пьянство и пил всегда, когда можно было. Пил он дрожжевую гущу, которую доставал на Злоказовском заводе. Пил он и здесь, в доме Ипатьева. С ним пили и эти его приближенные. Когда последние переселились в дом Ипатьева, они стали воровать царские вещи. Часто стали ходить в кладовую и выносить оттуда какие-то вещи в мешках. Мешки они вывозили и в автомобиле, и на лошадях. Возили они вещи к себе домой по квартирам. Пошли об этом разговоры. Говорили по поводу этого воровства и наши охранники, в особенности Павел Медведев. Говорили об этом и на фабрике Злоказовых, указывая определенно как на воров на Авдеева и Люханова. Это, конечно, так и было. Авдеев со своей компа-

нией намозолили еще на фабрике глаза рабочим. Все они пристроились так к легкой работе в комитете, да в деловом совете, получали деньги и пили гущу. Когда они переселились в дом Ипатьева, стали они так же вести себя и здесь: гущу пили и царские вещи воровали.

Кто об том вынес наружу и довел до сведения, надо думать, Областного совета, — не знаю. Знаю я только, что Павел Медведев сколько раз собирался на Авдеева донести. Может быть, он и донес.

Приблизительно числа 3—4 июля, как раз в мое дежурство, Авдеев куда-то ушел из дома. Я думаю, что его тогда вызвали в Областной совет по телефону. Спустя немного времени ушел и Мошкин. Он, я знаю, ушел тогда по вызову по телефону в Областной совет. Остался за Авдеева Василий Логинов. Спустя некоторое время после ухода Авдеева и Мошкина пришли в дом Ипатьева Белобородов, Сафаров, Юровский, Никулин и еще каких-то два человека. Один из этих двоих был лет 45, высокий, упитанный, лицо круглое, широкое, красноватое; волосы на голове черного цвета, прически не помню; усы черные, большие, густые, с легкой проседью; борода большая, окладистая, черная, с легкой проседью; нос небольшой, толстый, широкий; глаз не помню. Из одежды помню на нем только белую майку-гимнастерку. Другого наружности я не могу описать. Помню только, что он был молодой: лет 20 с чем-нибудь.

Белобородов спросил нас, бывших в доме, кто у нас остался за Авдеева. Василий Логинов сказал ему, что за Авдеева остался он. Тогда Белобородов объяснил нам, что Авдеев больше не комендант, что он с Мошкиным арестован. За что именно они были арестованы, Белобородов нам не объяснил. Об этом, помню я, тогда Белобородов сказал Медведеву, который тоже приходил из дома Попова. Тут же Белобородов нам и объяснил, что Юровский — новый комендант, а Никулин — его помощник. С того же момента Юровский стал распоряжаться в доме, как уже комендант. Он тут же приказал Логинову и другим из авдеевской компании (я не могу припомнить, кто именно из них в тот момент находился в доме) «улетучиться» из дома.

Помню я, что все указанные мною лица: Белобородов, Сафаров, Никулин, Юровский и еще двое мне неизвестных были во всех комнатах дома; были они и в тех комнатах, где проживало семейство Николая Александровича. Но я с ними туда не ходил. Были они там недолго. Надо думать, Белобородов осведомлял их о назначении Юровского и Никулина.

Юровский тогда же спрашивал Медведева, кто несет охрану внутри дома, то есть на постах № 1 и 2. Узнав, что внутреннюю охрану несут эти самые «привилегированные» из партии Авдеева, Юровский сказал: «Пока несите охрану на этих постах вы, а потом я потребую себе людей на эти посты из Чрезвычайной комиссии». Я категорически утверждаю подлинность этих слов Юровского о людях из «Чрезвычайной комиссии».

Действительно, через несколько дней люди из Чрезвычайной следственной комиссии прибыли в дом Ипатьева. Их было 10 человек. Их имущество привозилось на лошади. Чья была эта лошадь, кто был кучером — не знаю. Но только всем тогда было известно, что прибыли все эти люди из чрезвычайки из Американской гостиницы. Из числа прибывших пятеро были не русских, а пятеро русских. Я категорически утверждаю, что пятеро из них были именно русских людей: они, эти пятеро, все были самые русские люди, говорили по-русски. Остальные же пятеро по виду были не русские. По-русски хотя говорили, но плохо. <...>

Хорошо я знаю, что (одному из русских) фамилия была Кабанов. Это я весьма хорошо помню и положительно это удостоверяю. Что касается остальных четырех из русских, то я не могу указать, которому из них какая принадлежит фамилия. Но только я помню, положительно удостоверяю, что эти русские, кроме Кабанова, носили фамилии Ермакова, Партина и Костоусова. Указать же, который из описанных мною русских носил фамилию Ермакова, Партина и Костоусова, я не могу, но только, повторяю, они носили эти фамилии. Пятому же фамилию я забыл и не могу сказать, был ли среди них человек с фамилией Леватных. Одного же из описанных мною людей, фамилия которому Кабанов, я запомнил именно по наружности. Эти же фамилии я потому запомнил, что меня, как разводящего, иногда посылали или Юровский, или Никулин за кем-нибудь из них: «Позови Ермакова, позови Партина, позови Костоусова».

Всех этих прибывших из Американской гостиницы людей мы безразлично называли почему-то «латышами». Нерусских мы называли потому «латышами», что они были не русские. Но действительно ли они были латыши, никто из нас этого не знал. Вполне возможно, что они были и не латыши, а, например, мадьяры. Среди нас же все эти десять человек, в том числе и пятеро русских, просто назывались «латышами». Они поселились в нижнем этаже дома, в комнатах, обозначенных на чертеже цифрами II, IV и V. Обедали же они и пили чай в комендантской

комнате. Они все были на особом положении, сравнительно с нами. Пожалуй, неверно не будет, если сказать, что были у нас три партии: вот эти самые «латыши», злоказовские рабочие и сысертские. К «латышам» Юровский относился как к равным себе, лучше относился к сысертским и хуже к нам. Различное отношение его к нам и к сысертским объяснялось тем, что нас он причислял к тем же рабочим со Злоказовской фабрики, которые были изгнаны вместе с Авдеевым. Кроме того, некоторую роль играл в этом и Медведев. Он лебезил перед Юровским и Никулиным, угодничал перед ними. Поэтому они и относились лучше, с большим расположением, к сысертским.

<...>

Вы спрашиваете меня, почему я пошел караулить Царя. Я не видел тогда в этом ничего худого. Как я уже говорил, я все-таки читал разные книги. Читал я книги партийные и разбирался в партиях. Я, например, знаю разницу между взглядами социалистов-революционеров и большевиков. Те считают крестьян трудовым элементом, а эти — буржуазным, признавая пролетариатом только одних рабочих. Я был по убеждениям более близок большевикам, но и я не верил в то, что большевикам удастся установить настоящую, правильную жизнь их путями, т. е. насилием. Мне думалось и сейчас думается, что «хорошая», «справедливая» жизнь, когда не будет таких богатых и таких бедных, как сейчас, наступит только тогда, когда весь народ путем просвещения поймет, что теперешняя жизнь не настоящая. Царя я считал первым капиталистом, который всегда будет держать руку капиталистов, а не рабочих. Поэтому я не хотел Царя и думал, что его надо держать под стражей, вообще в заключении, для охраны революции, но до тех пор, пока народ его не рассудит и не поступит с ним по его делам: был он плох и виноват перед Родиной, или нет. И если бы я знал, что его убьют так, как его убили, я бы ни за что не пошел его охранять. Его, по моему мнению, могла судить только вся Россия, потому что он был Царь всей России. А такое дело, какое случилось, я считаю делом нехорошим, несправедливым и жестоким. Убийство же всех остальных из его семьи еще и того хуже. За что же убиты были его дети? А так, я еще должен сказать, что пошел я на охрану из-за заработка. Я тогда был нездоров и больше поэтому пошел: дело нетрудное.

<...>

Только одно я сам наблюдал в жизни Царской семьи: они иногда пели. Мне приходилось слышать духовные песнопения.

Пели они Херувимскую песнь. Но пели они и какую-то светскую песню. Слов ее я не разбирал, а мотив ее был грустный. Это был мотив песни: «Умер бедняга в больнице военной». Слышались мне одни женские голоса, мужских ни разу не слыхал.

Богослужения совершались в доме, но за все время, пока я находился в доме, богослужения совершались три раза. Два раза служил священник Сторожев и один раз священник Меледин. Но служили и до нас. Как я знаю? Потому это я знаю, потому именно, что я как раз и ходил за священником, когда совершалось богослужение.

Первый раз послал меня Авдеев за священником и указал мне церковь, из которой требовался священник. Фамилии священника он мне не указал. Я в церкви уже знал, что служил Меледин. Я хотел его звать, но он в это время служил обедню. Тогда я позвал Сторожева. За ним ходил я же и второй раз. Я же потом ходил и за Млединым. Отыскивая священников, я обращался к церковному старосте, который стоял за свечным ящиком. Кто он такой — не знаю. Но он однажды мне просил, нельзя ли ему служить вместо дьякона: «Мне больно хочется посмотреть Царя».

Богослужений при Авдееве было за мое нахождение в доме два. При Юровском — одно. Сам я ни разу не присутствовал при богослужениях: нас в комнаты не допускали. На богослужениях присутствовали Авдеев, Юровский. Издали я слышал во время богослужения мужские и женские голоса: должно быть, они и пели сами.

<...>

Непосредственно наблюдать, как Авдеев относился к Царю и его семье, мне не приходилось. Но я наблюдал самого Авдеева, имевшего с ними общение. Авдеев был пьяница, грубый и неразвитой. Душа у него была недобрая. Если, бывало, в отсутствие Авдеева кто-нибудь из Царской семьи обращался с какой-либо просьбой к Мошкину, тот всегда говорил, что надо подождать возвращения Авдеева. Когда же Авдеев приходил и Мошкин передавал ему просьбу, у Авдеева был ответ: «Ну их к черту!» Возвращаясь из комнат, где жила Царская семья, Авдеев, бывало, говорил, что его просили о чем-либо, и он отказал. Это отказывание ему доставляло видимое удовольствие. Он об этом радостно говорил. Например, я помню, его просили разрешить открывать окна, и он, рассказывая об этом, говорил, что он отказал в этой просьбе.

Как он называл Царя в глаза, не знаю. В комендантской он называл всех «они». Царя он называл Николашкой.

Я уже говорил, что он, как только попал в дом Ипатьева, так начал таскать туда своих приближенных рабочих. А потом они вовсе перекочевали в дом, когда их поперли из комитета и совета. Все эти люди бражничали в доме Ипатьева, пьянствовали и воровали царские вещи. Раз Авдеев напился до того пьяный, что свалился в одной из нижних комнат дома. Как раз в это время пришел Белобородов и спросил его. Кто-то соврал из приближенных Авдеева и сказал Белобородову, что Авдеев вышел из дома. А в нижний этаж он попал тогда после посещения в таком пьяном виде Царской семьи, он в таком виде ходил к ней. Пьяные, они шумели в комендантской комнате, орали, спали вповалку, кто где хотел, и разводили грязь. Пели они песни, которые, конечно, не могли быть приятны для Царя. Пели они все «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Отречемся от старого мира», «Дружно, товарищи, в ногу».

Вот, зная Авдеева, как большевика, как человека грубого, душой недоброго, я думаю, что он обращался с Царской семьей плохо: не мог он обращаться с ней хорошо по его натуре, по его поведению. Как я сам его наблюдал в комендантской, думаю, что его обращение с Царской семьей было для нее оскорбительным. Припоминаю еще, что вел Авдеев со своими товарищами разговоры и про Распутина. Говорил он то, что многие говорили, о чем и в газетах писали много раз, что Государыня жила будто бы с Распутиным.

<...>

При Юровском мы были все отшиты от дома. В комендантской уже не приходилось задерживаться, как это бывало при Авдееве. Придешь, бывало, по звонку (в дом Попова из комендантской звонок был проведен), прикажет что-нибудь и уходи. Собственно, нам, разводящим, не приходилось по звонку ходить. По звонку вызывался Медведев, а через него уже нас звали.

Около Юровского был Никулин, Медведев тоже «примазывался» к нему, близки были все эти «латыши» из чрезвычайки. Поэтому я не могу Вам описать, как Юровский в душе относился к Царю. Авдеев все-таки был для нас ближе, потому что он был свой брат рабочий и был у нас на виду, а Юровский держал себя как начальник и нас отстранял от дома.

А вот что могу только отметить. Он, как дом принял, сейчас же пулеметный пост на чердаке поставил, как я уже говорил.

Новый пост он на заднем дворе поставил. Пьяные безобразия он прекратил. Никогда я его пьяного или выпившего не видел.

К Никулину ходила из чрезвычайки Сивелева, но она не допускалась в комендантскую.

Однако ж он, Юровский, что-то однажды изменил или вовсе отменил относительно монашеских приношений: к ухудшению положения Царской семьи; но что именно он изменил или отменил, я не помню. Что-то такое непонятное для меня вышло и со священником. Богослужение, как я помню, при Юровском один было раз. Это было в субботу 13 июля, позвал меня к себе Юровский и велел мне позвать «которого-нибудь священника». Он меня сначала спросил, какие священники служат. Я ему назвал о. Меледина и о. Сторожева. Тогда он мне велел позвать которого-нибудь. Тогда он, Меледин, жил поближе (Водочная, 168), то я тогда же в субботу вечером его и позвал. Вечером же я и сказал Юровскому, что Меледина я позвал, назвав его по фамилии. Утром меня Юровский позвал и спросил снова: какого священника я позвал? Я сказал ему, что позвал о. Меледина. Тогда Юровский меня спросил: «Это который живет на Водочной, где доктор Чернавин проживает?» Я сказал, что именно так. Тогда Юровский меня послал к Меледину сказать ему, чтобы он не приходил: «Пойди и скажи Меледину, что обедницы не будет: отменена. А спросит, кто отменил, так скажи, что они сами отменили, а не я. Вместо Меледина позови Сторожева». Но я что же, пошел к Меледину и говорю: «Так и так, обедницы не будет». Он меня спросил:

«Почему?» Я сказал, как велел Юровский, что они сами отменили. Тут же я пошел к Сторожеву и позвал его. Что это означало, что не захотел Юровский Меледина, а пожелал Сторожева, не знаю.

И со мной тоже Юровский поступил против желания команды и по своему желанию. 12 июля команда выбрала вместо Медведева меня в начальники. В воскресенье 14 июля я отлучался из дома дольше позволенного мне времени. Тогда Юровский меня отменил, а вместо меня назначил Медведева. Так он до конца и был.

Последний раз я видел Царя и дочерей 16 июля. Они гуляли в саду часа в четыре дня. Видел ли я в этот раз Наследника, не помню. Царицы я не видел. Она тогда не гуляла.

15 июля в понедельник у нас в нашей казарме в доме Попова появился мальчик, который жил при Царской семье и катал в коляске Наследника. Я тогда же обратил на это внимание. Ве-

роятно, и другие охранники также на это обратили внимание. Однако никто не знал, что это означает, почему к нам перевели мальчика. Сделано же это было, безусловно, по приказанию Юровского.

16 июля я был дежурным разводящим. Я дежурил тогда с 2 часов ночи до 10 часов вечера. В 10 часов вечера я поставил постовых на все 8 постов. Посты за № 1, 2,11 и 12 окарауливались не нами; хотя пост № 11 и окарауливался иногда нами, но чаще мы туда никого не ставили, так как там и без того жили «латыши». Но я помню только 4 поста, кого именно я поставил из своих, остальных же 4 постов, на которые тогда попали сысертские, я не помню. Пост № 3 (во дворе дома у калитки) занял Брусьянин, пост № 4 (у калитки в заборе вблизи парадного крыльца, ведущего в верхний этаж) занял Лесников, пост № 7 (в старой будке между стенами дома и внутренним забором) занял Дерябин, пост № 8 (в саду) занял Клещев. Постовые, которых я поставил в 10 часов вечера, должны были сменяться в 2 часа ночи уже новым разводящим, которому я сдал дежурство, — Константином Добрыниным.

Сдав дежурство, я ушел в свою казарму. Помню, что я пил чай, а потом лег спать. Лег я, должно быть, часов в 11. В одной комнате со мной помещались Клещев, Романов и Осокин. В соседней с нами — Дерябин, Лесников, Брусьянин, Смородяков, а далее, также в одной комнате, Прохоров, Устинов, Корзухин, Пелегов.

Когда я ложился спать, Романова и Осокина не было в комнате; они, вероятно, куда-нибудь уходили и вернулись домой позднее, когда я уже спал.

Часа, должно быть, в 4 утра, когда уже было светло, я проснулся от слов Клещева. Проснулись и спавшие со мной Романов и Осокин. Он говорил взволнованно: «Ребята, вставайте! Новость скажу. Идите в ту комнату!» Мы встали и пошли в соседнюю комнату, где было больше народа, почему нас и звал туда Клещев. Я помню, что все указанные мною лица были тогда в этих трех комнатах, кроме Корзухина и Пелегова. Были ли они в это время дома, не помню. Помню, был еще Путилов.

Когда мы собрались все, Клещев сказал: «Сегодня расстреляли Царя». Все мы стали спрашивать, как же это произошло, и Клещев, Дерябин, Лесников и Брусьянин рассказали нам следующее. Главным образом рассказывали Клещев с Дерябиным, взаимно пополняя слова друг друга. Говорили и Лесников с

Брусьяниным, что видели сами. Рассказ сводился к следующему.

В 2 часа ночи к ним на посты приходили Медведев с Добрыниным и предупреждали их, что им в эту ночь придется стоять дольше 2 часов ночи, потому что в эту ночь будут расстреливать Царя. Получив такое предупреждение, Клещев и Дерябин подошли к окнам: Клещев к окну прихожей нижнего этажа, которая изображена на чертеже у Вас цифрой I, а окно в ней, обращенное в сад, как раз находится против двери из прихожей в комнату, где произошло убийство, т. е. в комнату, обозначенную на чертеже цифрой II; Дерябин же — к окну, которое имеется в этой комнате и выходит на Вознесенский переулок.

В скором времени — это было все, по их словам, в первом часу ночи, считая по старому времени, или в третьем часу по новому времени, которое большевики перевели тогда на два часа вперед — в нижние комнаты вошли люди и шли в комнату, обозначенную на чертеже нижнего этажа цифрой I. Это шествие наблюдал именно Клещев, так как ему из сада через окно это было видно. Шли они все, безусловно, со двора через дверь сеней, обозначенных на чертеже цифрой XII, а далее через комнаты, обозначенные цифрами VII, VI, IV, I, в комнату, обозначенную цифрой II.

Впереди шли Юровский и Никулин. За ними шли Государь, Государыня и дочери: Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, а также Боткин, Демидова, Трупп и повар Харитонов. Наследника нес на руках сам Государь. Сзади за ними шли Медведев и «латыши», т. е. те десять человек, которые жили в нижних комнатах и которые были выписаны Юровским из чрезвычайки. Из них двое русских были с винтовками.

Когда они все были введены в комнату, обозначенную цифрой II, они разместились так: посредине комнаты стоял Царь, рядом с ним на стуле сидел Наследник по правую руку от Царя, а справа от Наследника стоял доктор Боткин. Все трое, т. е. Царь, Наследник и Боткин, были лицом к двери из этой комнаты, обозначенной цифрой II, в комнату, обозначенную цифрой I.

Сзади них, у стены, которая отделяет комнату, обозначенную цифрой II, от комнаты, обозначенной цифрой III (в этой комнате, обозначенной цифрой III, дверь была опечатана и заперта; там хранились какие-то вещи), стали Царица с дочерьми. Я вижу предъявленный Вами фотографический снимок этой комнаты, где произошло убийство их. (Предъявлен фотографи-

ческий снимок описанной [комнаты] в п. 8 протокола 15 апреля 1919 года, л. д. 185, том 3-й.) Царица с дочерьми и стояла между аркой и дверью в опечатанную комнату, как раз вот тут, где, как видно на снимке, стена исковырена. В одну сторону от Царицы с дочерьми встали в углу повар с лакеем, а в другую сторону от них, также в углу, встала Демидова. А в какую именно сторону, в правую или в левую, встали повар с лакеем, и какую встала Демидова, не знаю.

В комнате, вправо от входа от нее, находился Юровский. Слева от него, как раз против двери из этой комнаты, где произошло убийство, в прихожую, обозначенную цифрой I, стоял Никулин. Рядом с ним в комнате же стояла часть «латышей». «Латыши» находились и в самой двери. Сзади них стоял Медведев.

Такое расположение названных лиц я описываю со слов Клещева и Дерябина. Они пополняли друг друга. Клещеву не видно было Юровского. Дерябин видел через окно, что Юровский что-то говорил, маша рукой. Он видел, вероятно, часть его фигуры, а главным образом руку Юровского. Что именно говорил Юровский, Дерябин не мог передать. Он говорил, что ему не слышно было его слов. Клещев же положительно утверждал, что слова Юровского он слышал. Он говорил — я это хорошо помню, — что Юровский так сказал Царю: «Николай Александрович, Ваши родственники старались Вас спасти, но этого им не пришлось. И мы принуждены Вас сами расстрелять».

Тут же, в ту же минуту за словами Юровского, раздалось несколько выстрелов. Стреляли исключительно из револьверов. Ни Клещев, ни Дерябин, как я помню, не говорили, чтобы стрелял Юровский, т. е. они про него не говорили совсем, стрелял он или же нет. Им, как мне думается, этого не видно было, судя по положению Юровского в комнате. Никулин же им хорошо был виден. Они оба говорили, что он стрелял. Кроме Никулина, стреляли некоторые из «латышей». Стрельба, как я уже сказал, происходила исключительно из револьверов. Из винтовок никто не стрелял.

Вслед за первыми же выстрелами раздался, как они говорили, женский «визг», крик нескольких женских голосов. Расстреливаемые стали падать один за другим. Первым пал, как они говорили, Царь, за ним Наследник. Демидова же, вероятно, металась. Она, как они оба говорили, закрывалась подушкой. Была ли она ранена или нет пулями, но только, по их словам, была

она приколота штыками одним или двумя русскими из чрезвычайки.

Когда все они лежали, их стали осматривать и некоторых из них достреливали и докалывали. Но из лиц Царской семьи, я помню, они называли только одну Анастасию, как приколотую штыками.

Подушек Клещев с Дерябиным насчитали две. Одна была у Демидовой в руках. У кого была другая, они не говорили. Когда все они были убиты и лежали еще в этой комнате, они стали осматривать: расстегивать одежду и искать, должно быть, вещи. Я помню, упоминали Клещев с Дерябиным про пояса, которые тогда отстегивались у женщин. Говорили они, что в обеих или в одной подушке была найдена или были найдены шкатулочка или же несколько шкатулочек. Все найденные вещи у покойных Юровский взял себе и отнес, как они говорили, наверх.

Кто-то принес, надо думать, из верхних комнат несколько простынь. Убитых стали завертывать в эти простыни и выносить во двор через те же комнаты, через которые их вели и на казнь. Со двора их выносили в автомобиль, стоявший за воротами дома в пространстве между фасадом дома, где парадное крыльцо в верхний этаж, и наружным забором: здесь обычно и стояли автомобили.

Это уже видели Лесников с Брусьяниным. Как их выносили со двора, то есть через ворота или через калитку, не было разговора. Всех их перенесли в грузовой автомобиль и сложили всех в один.

Из кладовой было взято сукно. Его разложили в автомобиль, на него положили трупы и сверху их закрыли этим же сукном. Кто ходил за сукном в кладовую, не было разговора. Ведь не было же у нас «допроса», как сейчас. Кабы я знал раньше, мог бы спросить.

Шофером на этом автомобиле был Сергей Люханов. Именно его называли и Брусьянин, и Лесников. Автомобиль с трупами Люханов повел в ворота, которые выходили на Вознесенский переулок, и далее вниз по Вознесенскому переулку мимо дома Попова. Вместе с трупами уехал сам Юровский и человека три «латышей», но русских «латышей» или же не русских — не знаю: не допытывались мы.

Когда трупы были уже унесены из дома, тогда двое из «латышей» — молодой в очках и другой молодой, лет 22, блондин — стали метелками заметать кровь и смывать ее водой при помощи опилок. Говорили Клещев с Дерябиным, что кровь с

опилками куда-то выкидывалась. В какое-то, как я понял, подполье в самом доме, но хорошо я этого не помню. Еще кто принимал участие в уборке крови, я положительно не знаю. Из рассказов их выходило так, что постовых для этого дела не трогали. Все они продолжали стоять на своих постах, пока их не сменили.

Рассказы Клещева, Дерябина, Брусьянина и Лесникова были столь похожи на правду, и сами они были так всем виденным ими поражены и потрясены, что и тени сомнения ни у кого не было, кто их слушал, что они говорят правду. Особенно был расстроен этим Дерябин, а также и Брусьянин. Дерябин прямо ругался за такое дело и называл убийц «мясниками». Он говорил про них с отвращением, Брусьянин не мог вынести этой картины, когда покойников стали вытаскивать в белых простынях и класть в автомобиль: он убежал со своего поста на задний двор.

В один из последующих дней или же сам Медведев, или же кто-либо с его слов, говорил мне, что увез Люханов трупы за Верх-Исетский завод. Автомобиль шел лесистой местностью. Почва пошла, по мере дальнейшего следования автомобиля, мягкая, болотистая, и автомобиль стал останавливаться: колеса его тонули. С трудом, но все-таки автомобиль дошел до места, где оказалась заранее вырытая яма. В нее положили, в одну, все трупы и зарыли. Я прекрасно помню, Лесников говорил, что лопаты брались тогда Юровским с собой из дома Ипатьева, когда он поехал с трупами.

Я Вам говорю сущую правду. Ничего ни я, ни другие наши злоказовские рабочие, которые слушали рассказ Клещева, Дерябина, Брусьянина и Лесникова, с вечера не знали о предстоящем убийстве. К нам в казарму Медведев с вечера не приходил и ничего про это нам не объяснял. И никто из нас не ходил убирать комнаты после убийства. Я допускаю, что сысертские могли об этом знать через Медведева заранее, а в особенности Добрынин, Иван Старков и Андрей Стрекотин: они были весьма близки к Медведеву. Меня же Медведев не любил, как и Юровский.

В доме Попова комнаты, в которых мы проживали, были хотя и не отделены (по всему дому можно было сообщаться через комнаты), но сысертские держались отдельно от нас и мы от них. У нас было и свое отдельное крыльцо, а у сысертских — свое. Среди сысертских гораздо было более большевиков, чем среди наших рабочих. Допускаю я вполне, что Медведев мог

звать своих из казармы убирать комнаты. Также можно допустить, что Стрекотин в ночь убийства стоял на посту у пулемета в нижней комнате, где мимо него носились трупы. Юровский мог приказать Медведеву поставить сюда надежного человека из пулеметчиков, каковым и был Стрекотин (у пулеметов вообще ставились из солдат, умевших обращаться с пулеметами).

Относительно оружия я могу сказать следующее. У Юровского было два револьвера. Один у него был большой маузер, другой — наган. У Никулина был такой же наган. Кроме того, я видел в комендантской комнате большой револьвер, похожий по устройству на браунинг, но не браунинг, гораздо большего калибра револьвер. Я не знаю, как он назывался; возможно, что и был кольт. У всех «латышей» были револьверы. Этих револьверов я не видел, но, судя по кобурам, думаю, что у них были наганы. У Медведева, когда я только еще поступил в охрану, был наган. Кроме того, был один наган у Сафонова и Добрынина, как разводящих. При Юровском откуда-то было доставлено несколько наганов. Один был дан мне, как разводящему, два — двум дневальным из сысертской команды (дневальные дежурили по 12 часов в казарме на половине сысертских у звонка, проведенного из комендантской, и постоянно менялись: дежурили все сысертские по очереди). Три револьвера были даны на посты за № 5, 6 и 9. Все они были наганы. Револьверы на постах так и оставались в будках и на террасе.

О том, чтобы Медведев перед убийством брал у кого-либо револьверы, я ни от кого не слышал.

Рассказ об убийстве Царя и его семьи на меня подействовал сильно. Я сидел и трясся. Спать уже не ложился, а часов в 8 утра отправился к сестре Капитолине. У меня были хорошие отношения с ней. Я пошел к ней, чтобы поделиться с ней мыслями. Мне на душе было страшно тяжело. Потому к ней и пошел я, чтобы поговорить с близким человеком. Сестру я застал одну. Муж ее был на службе в комиссариате юстиции. Я как пришел, сел на кухне. Сестра, увидев, должно быть, мое расстроенное лицо, спросила: «Ты что это?» Я сказал ей: «Царя расстреляли». Первый же вопрос сестры был: «Неужели и ты там был?» Она меня хотела, очевидно, спросить, неужели и я принимал сам участие в убийстве Царя. Я рассказал сестре то же самое, что рассказал и Вам, но только не так подробно. Возможно, что я говорил ей, что Царская семья расстреляна «по постановлению Областного совета», я так думал и так сейчас думаю. Ведь, вероятно, Юровский не сам же это устроил. А как вся власть тогда была в руках Областного совета, то я и думаю, что убийст-

во Царской семьи произошло по приказанию из Областного совета.

На Ваш вопрос, был ли у меня разговор с зятем Агафоновым приблизительно за неделю до расстрела Царской семьи по поводу того, что ей грозит смерть ввиду приближения «врага», то есть чехословаков, припоминаю, что действительно разговор у меня об этом был. Среди красноармейцев ходили тогда разговоры: что будет, если подойдут чехи, как поступят с Царской семьей? Высказывались предположения, что их могут расстрелять. Эти предположения я мог высказать зятю. Я не говорил сестре, что я сам видел расстрел Царской семьи. Все я рассказывал ей с чужих слов. Вероятно, она, ввиду моего расстроенного вида, подумала, что картину убийства я сам видел своими глазами. Я не называл ей число полученных Демидовой штыковых ран: 32. Это не так. Дерябин говорил, что ее ударили штыком раз 30. Так и я ей говорил.

Я был у сестры часа два, и приблизительно в 10 часов утра я пришел опять в дом Попова. Не помню, как у меня протекло время до 2 часов дня, когда я опять встал на дежурство. (С 10 часов вечера 16 июля, как я уже говорил Вам, встал на дежурство вместо меня Добрынин, дежуривший до 6 часов утра 17 июля, с 6 же часов утра 17 июля стал Иван Старков.) Я сменил тогда Ивана Старкова. Я расставил тогда охрану на все посты, кроме поста № 7. Старков мне сказал, что на этот пост уже теперь не надо ставить караула (под окнами дома). Караульный, очевидно, после ухода с этого поста Дерябина и не ставился туда. Я так тогда понял Старкова. Оба мы понимали, почему уже не надо было ставить туда постового, и ничего больше про это не говорили.

Расставив посты, я вошел в комендантскую. Там я застал Никулина и двоих из «латышей» не русских. Там же был и Медведев. Все они были невеселые, озабоченные, подавленные. Никто из них не произносил ни одного слова. На столе комендантской лежало много разных драгоценностей. Были тут и камни, и серьги, и булавки с камнями, и бусы. Много было украшений. Частью они лежали в шкатулочках. Шкатулочки были все открыты.

Дверь из прихожей в комнаты, где жила Царская семья, попрежнему была закрыта, но в комнатах никого не было. Это было ясно: оттуда не раздавалось ни одного звука. Раньше, когда там жила Царская семья, всегда слышалась в их комнатах жизнь: голоса, шаги. В это же время там никакой жизни не было. Стояла только в прихожей у самой двери в комнаты, где

жила Царская семья, их собачка и ждала, когда ее впустят в эти комнаты. Хорошо помню, я еще подумал тогда: «Напрасно ты ждешь».

Вот еще что я тогда заметил. До убийства в комендантской стояли кровать и диван. В этот же день, т. е. в 2 часа дня 17 июля, когда я пришел в комендантскую, там еще стояло две кровати. На одной из них лежал «латыш». Потом Медведев както сказал нам, что «латыши» больше не идут жить в комнату, где произошло убийство, в которой раньше они жили. Очевидно, тогда две кровати и были перенесены в комендантскую. Виноват, насколько могу припомнить, Медведев говорил, что «латыши» (все 10 человек) совсем не идут больше жить вниз дома, и, как я тогда понял его, они тогда уже ушли опять в чрезвычайку, кроме тех двоих, которые, вероятно, остались еще в комендантской. Но видел и этих в доме я только один раз: в этот именно день — 17 июля. Больше же ни этих двоих, ни всех остальных я не видел ни одного раза.

С 2 часов дня 17 июля я дежурил до 10 часов вечера. Юровского я не видел в этот день в доме вовсе. Я не думаю, чтобы он мог быть в доме, и я бы его не видел. Я думаю, что его совсем не было в этот день в доме, по крайней мере, с 2 часов дня до 10 часов вечера его там не было. Вывоза вещей из дома 17 июля также не было. Не знаю, шла ли разборка и укладка вещей в этот день.

17 июля Медведев сказал нам, что нас всех охранников отправят на фронт. Поэтому 18 июля я с утра отправился на Злоказовскую фабрику получить там некоторые денежные суммы, причитавшиеся нам за прежнее время, и вещи. К 2 часам дня я был опять в команде и в 2 часа встал на дежурство. В этот день, 18 июля, вывозились вещи из Ипатьевского дома. Я один раз сам видел, как в легковой автомобиль выносились какие-то сундуки, ящики. Автомобиль с этими вещами и ушел куда-то. Шофером на нем был Люханов, а в автомобиле вывозил вещи сам Белобородов. Кроме того, вывозились вещи также на двух лошадях. Какие были люди при этих лошадях — не знаю. Помню, я и сам тогда видел в прихожей какой-то или сундук или ящик, также предназначенный к вывозу. Помню, что кого-то звали из наших его нести, выносить вещи. Кого звали — не могу припомнить. Но помню, что Лесников, ходивший выносить вещи, говорил, что из зала он нес какой-то маленький и ужасно тяжелый сундук. Ценности же, бывшие в комендантской, в этот день, 18 июля, так и лежали там же и в таком же виде. Юровско-

го в этот день, 18 июля, я не видел в доме. Это я хорошо помню. Кажется, я видел его часов в 6 вечера. <...>

19 июля Юровский, приблизительно с утра, был в доме Ипатьева. В этот день также вывозились вещи из дома, но память мне решительно ничего об этом не сохранила. <...>

Еще я из жизни Царя припомнил следующий случай. Однажды пришел я в комендантскую комнату и застал там Никулина и Кабанова. Никулин при мне спросил Кабанова, о чем он разговаривал в саду на прогулке с Царем. Кабанов ответил, что Царь спрашивал его, не служил ли он ранее в кирасирском каком-то полку. Кабанов, по его словам, ответил утвердительно и говорил, что, действительно, он в этом полку служил и однажды был на смотру этого полка, который тогда производился Царем. И Никулин, и Кабанов удивились еще тогда памяти Царя.

Куда девался мальчик из нашей команды, я не знаю. По этому поводу я могу рассказать следующее. Я видел мальчика этого издали в один из последующих дней после убийства. Он сидел в той комнате, где обедали сысертские рабочие, и горько плакал, так что его рыдания были слышны мне издали. Я сам к нему не подходил и ни о чем с ним не разговаривал. Мне, не помню кто именно, рассказывали, что мальчик узнал про убийство Царской семьи и всех других, бывших с ней, и стал плакать. <...>

Еще я могу рассказать про такой случай. Я запомнил фамилии двух московских рабочих из охраны Стогова. Одного фамилия была — Бушуев, а другому — Мясников. Когда мы сели к ним в вагон и они узнали от нас, что мы из охраны Царя, Мясников стал говорить, что Царь за несколько дней до этого уехал. Он говорил, что сам видел, как он садился в вагон. Тогда мы все стали ему говорить, что Царь расстрелян. Он больше не стал ничего говорить и согласился с нами, что, вероятно, он ошибся и кого-нибудь другого принял за Царя.

Находясь в Перми, я ни от кого не слышал, чтобы была увезена Царская семья. Конечно, я бы этому и не поверил, так как не сомневался в правдивости того, что я слышал от Дерябина, Клещева и Медведева. Время я везде в своем показании указываю по новому стилю. Больше объяснить я ничего не могу. Объяснение мое мне прочитано, записано с моих слов правильно.

Анатолий Александров Якимов.
Судебный следователь Н. Соколов.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Авдеев А.Д. Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге. (Из воспоминаний коменданта.) // Красная новь. 1928. № 5.

Авдеев А.Д. С секретным поручением в Тобольск // Пролетарская революция. 1930. № 9.

Авдонин Александр. Тайна старой Коптяковской дороги. Об истории поисков останков императорской семьи // Источник. 1994. № 5. С. 60—76.

Александр Михайлович, Великий Князь. Книга воспоминаний. Париж, 1933; М., 1991.

Александровский дворец. Царское Село, 2000.

Алексеев В.В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. (Новые документы о трагедии на Урале.) Екатеринбург, 1993.

Алферьев Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991.

Анастасий, архиеп. Светлой памяти Великой Княгини Елизаветы Феодоровны. Иерусалим, 1925.

Балязин В. Романовы. Семейная хроника... М., 1998.

Белякова З. Романовы. Как это было. СПб., 1998.

Бергхольцас И. Тайна зверских преступлений на Урале. Рига, 1993.

Берне Б. Алексей. Последний царевич. «Звезда», 1993.

Беседовский Г.З. На путях к термидору. Т. 1, 2. Париж, 1930—1931.

Благодатный дар Государя. Икона Царя-Мученика: от мироточения до схождения благодатного огня. М., 2000.

Блок А. (сост.). Последние императорские власти. Минск, 1991.

Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990.

«Богом Прославленный Царь». Чудеса Царственных мучеников. 3-й сб. / Сост. А.И. Шаргунов. М., 1997.

Боханов А. Император Николай II. М., 1998.

Боханов А.Н. Николай II // ЖЗЛ. М., 1997.

Бразоль Б.Л. Царствование императора Николая II. 1894 — 1917 в цифрах и фактах. М., 1990.

Бубликов А.А. Русская революция. Нью-Йорк, 1918.

Буранов Ю.А., Хрусталев В.М. Гибель императорского дома. М., 1992.

Буранов Ю.А., Хрусталев В.М. Убийцы царя. Уничтожение династии. // Тайна истории в романах, повестях и документах. М., 1997

Быков П.М. Последние дни Романовых. Свердловск, 1926.

Быков П.М. Последние дни Романовых. М., 1991.

Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1924.

Бьюкенен М. Крушение Великой Империи. Пер. с англ. Париж, б. г.

Бэттс Ричард (Фома), Марченко Вячеслав. Духовник царской семьи Святитель Феофан Полтавский, Новый Затворник (1873—1940). Изд. 2-е, испр. и дополн. М., 1996.

Вильтон Р. Последние дни Романовых. Пер. с англ. Берлин, 1923.

Винберг Ф. Крестный путь. Ч. 1-я. Корни зла. Мюнхен, 1922.

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924. Т. 5, 6. М., 1975.

Водовозов В.В. Граф С.Ю. Витте и Император Николай II. Изд-во «Мысль», Петербург, 1922. Репринтное воспроизведение, 1992.

Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. Гельсингфорс, 1936; М., 1994.

Возрождение. Литературно-политические тетради. Тетрадь 79-я. Июль 1958 года.

Во имя России. Нью-Йорк, 1965.

Волков А.А. Около царской семьи. Париж, 1928; М., 1993.

Воробьев В. Конец Романовых. Из воспоминаний // Прожектор. 1928. № 9 (47).

Высочайший Манифест о милостях... СПб., 1904.

Гереш Э. Александра. Трагедия жизни и смерти последней русской царицы. Ростов-на-Дону, 1998.

Гессен А.Ф. Беседа с А.Н. Хвостовым в феврале 1916 г. // Архив русской революции. Т. XII. Берлин, 1923.

Гибель царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве

царской семьи (август 1918 — февраль 1920) / Сост. Н. Г. Росс. Посев, 1987.

Гирс А.Ф. На службе Императорской России. (Воспоминания). Джорданвилль, 1958.

Государственная легитимность. Вып. 1-й. Сборник материалов, посвященный дорасследованию убийства Царской семьи. СПб.; М., 1994.

Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Дивный свет. Дневниковые записи, переписка, жизнеописание / Сост. монахиня Нектария (Мак Лиз). М., 1999.

Государь Император Николай II Александрович. Нью-Йорк, 1968.

Грянник А.Н. Завещание Николая II. Ч. 1-я, 2-я. МФ «Кондус», 1993.

Гурко В.И. Царь и Царица. «Возрождение», 1927.

Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930.

Двуглавый Орел. Вестник Высшего Монархического Совета. 1928. № 16, 23.

Ден Ю. Подлинная царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны. СПб., 1999.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1922.

Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Ч. 1, 2. Владивосток, 1922; Ч. I, II. М., 1991.

Дневник императора Николая II. Берлин, 1923.

Дневник Николая II // Воспоминания, записки очевидца, дневники, письма. М., 1990.

Дом Романовых 1613—1913. Последние дни последнего царя (уничтожение династии Романовых) / Авторы-составители Тарас и Зинаида Степанчуки. М., 1991.

Жевахов Н.Д., князь. Воспоминания товарища Обер-Прокурора Св. Синода. Т. 1. Мюнхен, 1923.

Жильяр П. Император Николай II и его семья. Петергоф, сентябрь 1915 — Екатеринбург, май 1918 г. Вена, 1921.

Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921. Репринт. М., 1991.

Жильяр П. Трагическая судьба русской императорской фамилии. Ревель, 1921.

Зызыкин М. Царская власть и закон о престолонаследии в России. София, 1924.

Из дневника обер-гофмейстерины княгини Е.А. Нарышкиной // Последние новости. Париж, 1936. 10 мая. № 5527.

Из записных книжек императрицы Александры Федоровны. Выписки из святых отцов. М., 1999.

Императорский Всероссийский Престол. Наследование Престола по Основным Государственным Законам. Париж, 1922.

Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М., 1999.

Как погибла Царская семья. Показания члена Уральского Областного Исполнительного Комитета бывшего австрийского военнопленного И.Л. Мейера. Пер. с нем. Изд. 2-е. «Согласие», 1977.

Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1978.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. Пер. с англ. М., 1993.

Кинг Г. Александра Федоровна. Биография. М., 2000.

Киселев Александр, протоирей. Память их... Изд-во «Советская Россия», 1990.

Клейнмихель М. Из потонувшего мира. Берлин, б. г.

Кобылин В. Император Николай II и Генерал-адъютант М.В. Алексеев. Нью-Йорк, 1970.

Кобылин Виктор. Анатомия измены. Император Николай II и Генерал-адъютант М.В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора. СПб., 1998 // Царский путь.

Коганицкий И. 1917—1918 гг. в Тобольске. Николай Романов. Гермогеновщина // Пролетарская революция. 1922. № 4.

Козлов Николай. Последний царь. Б. места, 1994.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Кн.1. М.,1992.

Кокошкин Мих. (сост.) Крестовый поход. Шанхай, 1930. К прославлению Царя-Мученика в России // Чудеса Царственных мучеников. Вып. 4. М., 1999.

Крыжановский С.Е. Воспоминания. Петрополис, б. г.

Крылов А. Последний лейб-медик. М., 1998.

Куликовская-Романова О.Н. Неравный поединок. М., 1995.

Курлов П.Г. Гибель императорской России. Берлин, 1923.

Лемке Мих. 250 дней в царской Ставке. Петербург, 1920. Луч света. Литературно-политическое издание. Кн. IV. Мюнхен, 1922.

Марков С.В. Покинутая царская семья (Царское Село — Тобольск — Екатеринбург). Вена, 1928.

Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы Федоровны. М., 1995.

Международный Год памяти Государя Императора Николая II. М., 1993.

Мельгунов С. Судьба императора Николая II после отречения. Париж, б. г.

Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 г. Париж, 1956.

Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931.

Мельгунов С.П. Последний самодержец. М., 1917; М., 1990.

Мельник (Боткина) Т.Е. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921; М., 1993.

Миллер Л. Царская семья — жертва темной силы. Мельбурн, 1998.

Миллер Л.П. Святая мученица Российская Великая княгиня Елизавета Феодоровна. М.,1994.

Монархия перед крушением 1914—1917. Из бумаг Николая II. Статьи В.П. Семенникова. М.; Л., 1927.

Милюков П.Н. Воспоминания (1859—1917). Т. 1—2. М., 1990.

Мордвинов А.А. Из воспоминаний. Париж, 1925.

Мосолов А.А. При дворе последнего Российского императора. М., 1993.

Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин, 1922.

Немцов Н.М. Последний переезд полковника Романова // Красная нива. 1928. № 27.

Непеин И. Цесаревич Алексей и его письма // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1992.

Николай II: Венец земной и небесный... М., 1997.

Николай II. Воспоминания. Дневники // Государственные деятели России глазами современников. СПб., 1994.

Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). М.; Л., 1925.

Новые чудеса Царственных мучеников / Собрал и составил протоиерей. Александр Шаргунов. М., 1996.

Оболенский А.В., кн. Мои воспоминания и размышления. Стокгольм, 1961.

Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991; М., 1992.

Освящение Русского Православного Храма в Брюсселе в память царя-мученика императора Николая II. Брюссель, 1950.

Отречение Николая II: воспоминания очевидцев и документы. Л., 1927; М., 1990.

Отъезд Царской семьи из Царского Села. Воспоминания графа Бенкендорфа // Сегодня. Рига, 1928. 18 февраля. № 47.

Пагануцци П. Правда об убийстве Царской семьи. Джорданвилль, 1981.

Пагануцци П. Правда об убийстве Царской семьи. М., 1992.

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. I—VII. М.; Л., 1924—1927.

Палей В., кн. Поэзия, проза, дневники. М., 1996.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991.

Паломничество Царя-Мученика Благочестивейшего Государя Императора Николая Александровича. Нью-Йорк, 1986.

Панкратов В.С. С царем в Тобольске. Из воспоминаний. Л., 1925; М., 1990 (репринтное издание).

Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1917 гг. Т. III—V. М.; Пг. — Л., 1923—1927.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполкома и Бюро ЦК. М.; Л., 1925.

Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. I—II. Берлин, 1922.

Письма Святых Царственных Мучеников из заточения / Под ред. Н. Н. Шумских. Изд. 2-е, доп. СПб., 1996.

Письма Царской семьи из заточения / Сост. Е.Е. Алферьев. Джорданвилль, 1974.

Платонов О.А. Убийство Царской семьи. М., 1991.

Платонов О.А. Заговор цареубийц. М., 1996.

Платонов О.А. Николай II. Жизнь и царствование. М., 1999.

Платонов О.А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1995.

Платонов О.А. История цареубийства. М., 2001.

Позднышев С. Немеркнущий Свет. Б. в. д.

Позднышев С. Распни Его. Париж, 1952.

Покаяние. Материалы правительственной Комиссии по изучению

вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи / Сост. В. Аксючиц. М., 1998.

Покровский Н.В. Чин священного коронования государей в его истории и современном состоянии. СПб., 1896.

Попов В.Л. Где Вы, Ваше Величество?.. СПб., 1996.

Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. — 16 июля 1918 г. / Под ред. В.А. Козлова и В.М. Хрусталева. Пер. с англ. Новосибирск, 1999.

Последние дни Романовых / Сост. М.П. Никулин, К.К. Белокуров. Свердловск, 1991.

Последние дни Романовых / Сост. В.П. Семьянинов. М., 1991.

Последний дом последнего императора России. Личные вещи семьи Николая II. Открытки. ГМЗ. «Царское Село», 2000.

Правда о Екатеринбургской трагедии. Сб. статей под ред. Ю.А. Буранова. М., 1998.

Происхождение закона о престолонаследии в России. Подольск, 1994.

Пушкарева И.М. Февральская революция 1917 г. в России. М., 1982.

Пушкарский Н. Всероссийский император Николай II. Саратов, 1995.

Расследование цареубийства. Секретные документы / Сост. В.И. Прищеп и А.Н. Александров. М., 1993.

Родзянко М.В. Воспоминания. Прага, 1922.

Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990.

Российский архив. Вып. VIII. Н.А. Соколов. Предварительное следствие. 1919—1922 гг. М., 1998.

Руднев В. Правда о Царской семье и «темных силах». Двуглавый Орел, 1920.

Русская летопись. Кн. 1. Париж, 1921; кн. 4. Париж, 1922.

Русский Царь с Царицей на поклонении московским святыням. М., 2000.

Рябов Г. Как это было. Романовы: сокрытие тел, поиск, последствия. М.,1998.

Рябов Г. «Принуждены вас расстрелять...» // Родина. 1989. № 4, 5.

Савченко П. Государыня Императрица Александра Феодоровна. Джорданвилль, 1983.

С а в ч е н к о П. Русская девушка. Джорданвилль, 1986. Священной Памяти Царственных Мучеников. Сб. Издание В.М.С., б. г.

Семейная переписка Романовых // Красный архив, 1923. № 4.

С е м е н н и к о в В.П. Политика Романовых накануне революции (от Антанты — к Германии) по новым документам. М.; Л., 1926.

Семья Романовых в марте — июле 1917 года. Дневник протоирея А.И. Беляева // Исторический архив. 1993. № 1. С. 20—44.

Серафим (Кузнецов), игумен. Православный Царь-Мученик / Сост. С. Фомин. Паломник, 1997.

С е р г е е в с к и й Б.Н. Отречение 1917. Нью-Йорк, 1969.

Скорбная памятка. Нью-Йорк, 1928.

Скорбный путь Михаила Романова: от Престола до Голгофы / Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. Пермь, 1996.

С о к о л о в Н.А. Убийство Царской семьи. Берлин, 1925; М., 1990.

С о к о л о в Н. Убийство Царской семьи // Российский летописец. М., 1990.

Союз Ревнителей Памяти Императора Николая II. Отчет за 1937 год. Париж, 1938, брошюра.

С п и р и д о в и ч А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914—1917 гг. Кн. I—III. Нью-Йорк, 1960.

Стенограмма допросов следователем Е.С. Кобылинского в качестве свидетеля, П. Медведева, Ф. Проскурякова и А. Акимова в качестве обвиняемых по делу об убийстве императора Николая II // Историк и современник. Берлин, 1924. № 5.

С у р г у ч е в И л ь я. Детство императора Николая II. Париж, 1953.

С у х о м л и н о в В.А. Воспоминания. Берлин, 1924.

Тайна Царских останков. Материалы научной конференции «Последняя страница истории Царской семьи: итоги изучения Екатеринбургской трагедии». Екатеринбург, 1994.

Тайны коптяковской дороги. Информационно-аналитический сборник № 2. М., 1998.

Т а л ь б е р г Н.Д. Отечественная быль. Юбилейный сборник. Джорданвилль, 1960.

Т а н е е в а (Вырубова) А.А. Страницы из моей жизни. Берлин, 1923.

Т и х м е н е в Н.М. Из воспоминаний о последних днях пребывания Императора Николая II в Ставке. М., 1990.

Т и х о м и р о в Л.А. Апология Веры и Монархии. М., 1999.

Т и х о м и р о в Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992.

Т р о ц к и й Л.Д. Дневники и письма. М., 1994.

Убийство Царской семьи Романовых. Сб. документов, статей и воспоминаний участников давней трагедии в Екатеринбурге / Сост. Г.В. Соболева. Свердловск, 1991.

Фрейлина ее величества Анна Вырубова. М., 1993.

Хейфец Михаил. Цареубийство в 1918 году. Изд-во «Фестиваль», б. м., 1992.

Хереш Э. Николай II. Ростов-на-Дону, 1998.

Хереш Э. Цесаревич Алексей. Ростов-на-Дону, 1998.

Хомяков Д.А. Православие, самодержавие и народность. 1-е изд. за границей. Изд. Братства преп. Иова Почаевского в Монреале. Монреаль, 1982.

Хрусталев В.М. Тайна «миссии» чрезвычайного комиссара Яковлева // Россияне. 1993. № 10—12.

Хрусталев В.М. Тайное убийство великих князей в Алапаевске // Россияне. 1993. № 10—12.

Цареубийства: Гибель земных богов / Сост. Н.В. Попов. М., 1998.

Царский Сборник. Службы. Акафисты. Месяцеслов. Помянник. Молитвы за Царя. Коронация / Сост. С. и Т. Фомины. Паломникъ, 2000.

Царское дело. Материалы к расследованию убийства Царской семьи. М., 1996.

Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999.

Царствование и мученическая кончина Императора Николая II. Париж, 1993.

Чудеса царственных мучеников / Сост. А. Шаргунов. М., 1995.

Шавельский Георгий, протопресвитер. Воспоминания... М., 1996.

Шаргунов А. Новые мученики российские и чистота православия. М.,1999.

Шаргунов А. О значении канонизации царственных мучеников. М., 1999.

Шаргунов А. Православная монархия и новый мировой порядок. М., 2000.

Шеманский А., Гейченко С. Последние Романовы в Петергофе. Путеводитель по Нижней Даче и вагонам. Изд. 4-е. М.; Л., 1932.

Щеголев П.Е. Последний рейс Николая II. М.; Л., 1928.

Энель. Жертва. Пер. с франц. Новый Сад (Югославия), 1925.

Юровский Я.М. Слишком все было ясно для народа. Исповедь палача // Источник. 1993.

Яковлев В. (Мячин К.). Последний рейс Романовых // Урал. 1988. № 8.

Cibbes Ch. S. The House of Special Purpose. New York, 1975.

Kurth P. Anastasia... USA, 1986.

Lieven D. Nicholas II. Twilight of the Empire. New York, 1993.

Summers A., Mangold T. The File on the Tsar. New York, Hagerstown,
San Francisco, London, 1976.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть V
НОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЦАРЕУБИЙЦ

Часть VI
РИТУАЛЬНОЕ УБИЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Олег
ПЛАТОНОВ

ТАЙНОЕ МИРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Олег
ПЛАТОНОВ

РУССКАЯ ПРАВДА

РУССКАЯ ПРАВДА

Серия книг Олега Платонова о судьбах русского народа и его войне с силами мирового зла, русофобии и расизма.

Русский путь
Душа России
Русский порядок
Покушение на русское царство
Революция против России
Разрушение русского царства
Под властью зверя
Эпоха Сталина
Будем жить при коммунизме
Государственная измена
Мастера государственной измены
Масоны в русской истории XX века
Большие деньги делают историю
Еврейский вопрос в русском государстве
Еврейский вопрос в СССР
Правда и мифы о погромах
Николай II: жизнь и царствование
Николай II в секретной переписке
История цареубийства
Жизнь Григория Распутина
История сионских протоколов
Триумф сионских мудрецов
Тайное мировое правительство
Почему погибнет Америка
Тайна беззакония
Россия и мировое зло
Война с внутренним врагом
Битва за Россию
Масонство и революция
Масонство и сионизм
Конец эпохи
Русское сопротивление
Холодная война против России
История русофобии
Русский труд
1000 лет русского предпринимательства
Русская экономика без Талмуда
Уроки русской экономической мысли

Олег
ПЛАТОНОВ

Тайное мировое правительство

Война против России

«Родная страна»
МОСКВА
2014

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
П 37

Платонов О. А.

П 37 Тайное мировое правительство. Война против России. – М.: «Родная страна», 2014. – 352 с.

ISBN 978-5-903942-22-0

Тайное мировое правительство - строго законспирированное преступное сообщество международных, преимущественно еврейских, политиков, действующих на основе расистских законов Талмуда. Главной целью его является переход всей власти над человечеством в руки «избранного народа». В планы мирового тайного правительства входит полный контроль над мировыми финансами, организация террористических актов, революций и войн, создание марионеточных режимов, манипуляция средствами массовой информации, разрушение веры и нравственности.

Книга снабжена уникальным словарем мировой закулисы.

Часть I

ИМПЕРИЯ МИРОВОЙ ЗАКУЛИСЫ

ГЛАВА 1

Тайная иудейская власть. — Ее антихристианский характер. — От ордена иллюминатов до «Общества круглого стола». — Ротшильды — основоположники мирового еврейского правительства. — Иудейские капиталы — основа мировой закулисы.

В первой части этой книги я рассматриваю деятельность и состав членов организаций мировой закулисы, созданных иудейскими вождями западной, иудейско-масонской цивилизации для утверждения своего господства над человечеством. По своему характеру и масштабу преступных посягательств против народов мира эти организации сродни структурам фашистской Германии, ибо ставят перед собой те же цели и задачи, которые выдвигал перед своими соратниками Гитлер. Под лозунгами нового мирового порядка организации мировой закулисы создают (а частично уже создали) для человечества систему тотального господства и контроля. На глазах широкой публики западного мира лицедействуют марионеточные конгрессы и парламенты, «свободные» средства массовой информации и другие «демократические» институты. Но настоящая политика делается за их спиной. Они только, как послушные актеры, озвучивают ее.

Чтобы понять суть и значение организаций мировой закулисы, мне понадобилось много лет работать с документами и материалами, неоднократно встречаться с людьми, которые так или иначе были знакомы с деятельностью этих организаций. Большой материал по этому вопросу мне удалось собрать во время командировок в Швейцарию (1990) и США (1995—1997).

Мое первое знакомство с человеком, который имел отношение к мировой закулисе, произошло в Швейцарии. Это был наш соотечественник (назову его Н.), покинувший родину в 1945 году. Н. был в числе технических организаторов од-

ного из совещаний Бильдербергского клуба. Уже пенсионер, он без особого смущения рассказал о том, с какой секретностью в одной из альпийских гостиниц собрались известнейшие мировые деятели и в течение двух дней за закрытыми дверями (не допускался даже технический персонал) обсуждали какие-то проблемы. Самого Н. больше всего поразил тот факт, что об этом совещании не сообщила ни одна газета или телекомпания. Тогда из уст Н. я впервые услышал слова «мировое правительство».

Логическое развитие западной антихристианской, иудейско-масонской цивилизации привело к созданию структур власти, богоборческая сущность которой и открытое отрицание заветов Христа перечеркнули многие итоги двух тысячелетий христианской культуры. На смену богоданным монархиям и самодержавным царствам, основанным на мировоззрении Нового Завета, пришла власть воистину сатанинская, на скрижалях которой декларировались поклонение золотому тельцу и наживе, разврат и содомитство, культ насилия и вседозволенность богатства.

Как справедливо отмечал еще в 1909 году известный английский комментатор Библии Ч. И. Скоуфилд, «современная мировая система, основанная на принципах силы, алчности, эгоизма, амбиции и стремлении к греховным удовольствиям, — это работа сатаны, и такой-то мир предлагал он Христу как взятку (см: Мф., 4, 1—9). Сатана — князь нынешней мировой системы»[1].

Под видом так называемой демократии, выдаваемой на Западе за венец государственного устройства, скрывается власть сатаны, ставящая своей главной целью развращение людей, потакание их порокам, превращение их в рабов животных страстей.

Утверждение этой власти означает узаконение, превращение в норму всех пороков, которые категорически осуждены в Библии:

— поклонение золотому тельцу, деньгам, материальному успеху (это основа нынешней западной цивилизации);

— разврат и прелюбодеяние (многократное сожительство со многими «партнерами по полу» стали обычной нормой);

---

[1] Библия (Синодальное издание с комментариями Ч. И. Скоуфилда). М., 1989. С. 1495.

— содомитство (гомосексуализм — смертный грех, осужденный Библией, — законодательно разрешен во всех западных странах);

— восхищение силой, насилием, допустимость убийства в сознании западного человека, любование сценами насилия и убийства (на этом стоит весь западный кинематограф).

Таковы главные итоги утверждения западной, иудейско-масонской цивилизации.

Духовный прогресс и нравственное развитие, которые дало человечеству христианство, в современном антихристианском западном мире сменились всеобщим духовным падением, моральной деградацией западного человека, замкнутого на своих эгоистичных, примитивных удовольствиях.

Иудейско-масонская цивилизация, перевалившая в этом веке границы западных стран и шагнувшая в Азию, Южную Америку, Африку, создала новый тип упрощенного человека, потерявшего всю богатую культурную иерархию духовных ценностей и избравшего взамен этого ориентацию на погоню за материальными благами и комфортом; как в первобытную эпоху, жизнь упростилась до чисто биологических ориентиров. Лишенный искреннего христианского чувства и духовного выбора, человек получил взамен право выбирать среди множества товаров, бóльшая часть которых вредна и излишня нормальной человеческой природе.

Для управления таким упрощенным типом человека и создается структура тайной закулисной власти, получившей название мирового правительства. Сатанинская по своей природе, эта власть развивается исходя из приоритетов иудейско-масонской цивилизации, стремящейся уничтожить в современном человеке отстатки христианского сознания.

Еще в середине прошлого века известный еврейский политик Б. Дизраэли бросил фразу, ставшую крылатой: «Миром управляют не те, кто играет на сцене, а те, кто находится за кулисой». Этот высокопоставленный вольный каменщик знал, о чем говорил, так как в течение многих лет находился в центре всех мировых иудейско-масонских интриг.

«Евреи, — писал видный исследователь иудейско-масонской конспирации Копен-Альбанселли, — восемнадцать веков находятся под властью своего религиозного национального чувства, коему они обязаны сохранением как народ, и это чувство тем сильнее развивалось, чем больше оно было унижаемо и попираемо торжеством христианского начала».

«Еврейскому племени предстояло мстить христианским племенам за неизгладимое пятно предательства Иуды. По своему положению оно являлось вечным заговорщиком против христианских племен и поэтому должно было посеять среди них орудие вечных заговоров... Та тайная сила, которая замыслила, подготовила, породила масонство, которая распространила его по всему христианскому миру... властвует ныне над христианским миром и ведет его к погибели, начав со стран католических, это — тайное правительство еврейской нации»[1].

Различные комбинации мирового правительства, которые иудейские лидеры вынашивали в течение веков в Египте, Вавилоне, Константинополе, Испании, Польше, Франции и которые до времени воплощались в управлении жизнью только евреев, с конца XVIII века начинают распространяться и на жизнь христианских народов. Конечно, вначале это влияние было не очень стабильно, а являлось типичной заговорщической деятельностью, планы которой вынашивались на тайных совещаниях масонских лож.

Первая попытка организованно влиять на жизнь христианских народов осуществляется секретным масонским орденом иллюминатов, который был создан в 1776 году в Баварии немецким евреем А. Вейсгауптом. За короткий период этот конспиратор создал организацию, объединившую в своих рядах несколько тысяч человек. На тайных совещаниях ордена был разработан план захвата власти в Баварии с последующим распространением влияния иллюминатов на весь мир. Однако замыслы заговорщиков стали известны баварскому правительству. Вейсгаупта уволили с государственной службы, и он скрылся в Швейцарии, где продолжил свою подрывную работу против мира. Орден иллюминатов участвовал в тайной подготовке французской революции. Через членов ордена Вейсгаупт провел кампанию по дискредитации французской королевской семьи. Через одного из членов ордена, авантюриста, выступавшего под именем графа Калиостро, была организована фальшивая история с драгоценностями, которая сильно уронила престиж королевской четы в глазах французского народа. Иллюминаты стали одними из главных организаторов разрушения французской монархии, и это сильно повлияло на дальнейшие мировые события, значительно укрепив позиции иудейско-масонского влияния.

---

[1] Цит. по: *Селянинов А.* Евреи... С. 58.

Параллельные попытки создания тайного мирового правительства предпринимаются и в Англии, в среде высокопоставленных руководителей британских масонских лож. Здесь создаются элитные масонские клубы, которые берут на себя ответственность вырабатывать самые главные государственные решения и влиять на судьбы целых народов.

В 1764 году Джешуа Рейнольд образует так называемый «Клаб», в который в разное время входили Самуэль Джонсон, Эдмун Берк, Оливер Голдсмит, Эдуард Гиббон, Чарльз Фокс, Адам Смит, Джордж Канинг, лорд Брогэм, Т. Макалей, лорд Джон Рассел, лорд Келвин, Гладстон, Хью Сесил, лорд Салисбери, Редьярд Киплинг, Бальфур, лорд Розбери, Галифакс, Остин Чемберлен.

В 1812 году возникает еще один клуб правящей элиты — «Грилльон». Он состоял из тех же членов, что и «Клаб», имел те же условия членства, но только собирался в другое время. Его наиболее известными членами были Гладстон, Салисбери, Бальфур, лорд Брюс, Хью Сесил, Роберт Сесил и др.[1].

В 1877 году Сесил Родс ставит вопрос о распространении британского владычества на весь мир, включая Соединенные Штаты Америки. Возникает тайное «Общество круглого стола», преследующее эту цель. В него входили, кроме С. Родса, множество видных деятелей Британской империи, в том числе известный еврейский политик, один из руководителей мирового масонства, представитель семейства Ротшильдов лорд Альфред Мильнер[2].

В марте 1891 года, после смерти Родса, это общество переходит под руководство лорда Мильнера, который управляет им исходя из интересов Ротшильдов.

Лорд Мильнер образует группу единомышленников, ставшую важнейшим инструментом закулисного политического управления миром. «Группа Мильнера» включала в себя таких влиятельных политиков, как лорд Джонстон, Артур Бальфур, Лионел Куртис, Леопольд Эмери, Вальдольф Астор. В эту группу входили не только англичане, но и представители США, Канады, Южной Африки, Австралии, Новой Зеландии, Германии[3]. Значительная часть этих деятелей, как и сам Мильнер, были еврейского происхождения.

---

[1] *Quigley C.* The Anglo-American establishment. From Rhodes to Cliveden. N. Y., 1981. P. 30—32.

[2] *Quigley C.* Op. cit. P. 33.

[3] Там же. P. 311—315.

Лорд Мильнер еще более усиливает мондиалистский характер «Общества круглого стола». Ведется пропаганда необходимости единого мирового государства и создания мирового правительства. Общество оказывало сильнейшее влияние на политику правительств Англии и стран Антанты во время Первой мировой войны.

Уже на этом этапе тайные иудейские и масонские организации начинают строительство системы всеобщего контроля над основными сферами деятельности общества. Они стремятся подменить духовные ценности христианства иудейско-масонскими представлениями о «радости жизни». Вначале печать, литература и искусство, а позднее и основные политические институты общества подпадают под влияние подрывных сатанинских сил мирового масонства. Однако вплоть до начала XX века многие планы масонских заговорщиков рушились в результате существования великих монархий — Российской, Германской и Австро-Венгерской. Вплоть до 1914 года эти монархии служили залогом христианского развития и стабильности Европы и всего мира. Спровоцировав войну между ними, иудейско-масонские конспираторы ввергли человечество в мировую бойню, которая стала началом конца христианской цивилизации в Европе, сохранившись к настоящему времени отдельными островками только в России.

После Первой мировой войны центр тайной иудейско-масонской власти переходит в США. Уже к концу 20-х годов в этой стране было больше масонов, чем во всем остальном мире. Еврейские организации этой страны были могущественны и располагали огромными финансовыми средствами.

Инфраструктура тайной власти мировой закулисы рождается в семейных кланах международных иудейских банкиров, охватывающих своим влиянием множество государств и фактически содержащих за свой счет (кредиты, льготы, дотации и прямой подкуп) значительную часть правящих государственных элит Запада. «Что может быть более убедительной иллюстрацией фантастической концепции всемирного еврейского правительства, чем семья Ротшильдов, объединяющая в своем составе граждан пяти различных государств... тесно сотрудничающих по крайней мере с тремя правительствами, частые конфликты которых не поколебали интересов их государственных банков! Никакая пропаганда не способна создать символ более убедительный для политической цели, чем сама жизнь»[1].

---

[1] Sa*cher H. M.* The Course of modern jewish history. N. Y., 1963. P. 129.

Ротшильды, Шифф, Варбурги, Куны, Лоебы и еще два десятка международных иудейских банкиров уже в начале XX века образовали незримое сообщество, своими щупальцами окутавшее государственные механизмы ведущих стран мира.

В 20-х годах известный еврейский банкир П. Варбург (родственник Я. Шиффа) и ряд других подобных деятелей призывают к созданию Соединенных Штатов Европы, а в 30-х годах поддерживают план объединения под одним правительством около 15 стран на обеих сторонах Атлантического океана. Впоследствии, уже в 1950 году, П. Варбург признавался на слушаниях сенатской комиссии по иностранным делам: «Последние пятнадцать лет моей жизни были посвящены почти исключительно изучению проблемы мира. Эти исследования привели меня к заключению, что главным вопросом нашего времени является вопрос не о том, может или не может осуществиться «Единый Мир», а лишь о том, может ли он осуществиться мирным путем. Мы будем иметь Мировое правительство — нравится нам это или нет! Вопрос лишь в том, будет ли такое правительство установлено согласием или благодаря завоеванию»[1].

Именно по инициативе этих организаций в структуре тайной иудейско-масонской власти происходят глубокие изменения. Наряду с традиционными масонскими ложами возникают многочисленные закрытые клубы и организации типа «Ротари» или «Лайонс», которые берут на себя секретное управление различными сторонами деятельности общества. В большинстве американских штатов и городов любые мероприятия в политической, социальной и культурной жизни, будь то выборы в губернаторы или мэры, проведение забастовки или крупной выставки художников, обсуждаются и прорабатываются в соответствующих закрытых организациях и клубах, а затем уже подаются как выражение общественного мнения. Такая закулисная власть во многих случаях становится более сильной и эффективной, чем действующая открыто.

Тайная иудейско-масонская власть интернационализируется и приобретает транснациональный характер. Из кучки заговорщиков иудейско-масонская власть превращается во всеобъемлющую властную структуру, тайную мировую элиту, взявшую под свой контроль не только государства западного мира, но и значительную часть остального человечества.

---

[1] Цит. по: *Кей Л.* Мировой заговор. Нью-Йорк, 1957. С. 67.

К началу 70-х годов в составе мировой закулисы сложились три основные мондиалистские организации: Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб и Трехсторонняя комиссия.

Все эти организации, как и породившие их иудейские общества и масонские ложи, имели тайный, преступный, подрывной характер. Их члены подбирались из высокопоставленных деятелей тех же иудейских и масонских организаций. Около 60% из них были евреями.

Власть мировой закулисы создана деньгами международных иудейских банкиров. Только в США в конце 80-х годов совокупный иудейский капитал превышал стоимость валового национального продукта страны и достигал 1 трлн. дол. По данным органа мировой закулисы «Уолл-стрит джорнэл», пять крупнейших инвестиционно-банковских объединений США, принадлежащих Лемэнам, Кунам, Лоебам, Гольдманам и Саксам, владели 23% акций крупных компаний Соединенных Штатов.

Иудейские организации и отдельные лица, принадлежащие к верхушке мировой закулисы, платят большие деньги политикам и государственным чиновникам, превращая их в послушное орудие своей воли. Делается это не только в виде прямых взяток, но и в других формах: взносы на избирательные кампании, несоразмерные гонорары за речи, выступления и книги, бесплатные поездки в разные страны мира. В США иудейские организации обеспечивают около 60% предвыборных фондов Демократической партии и около 40% Республиканской.

Преступный, подрывной характер деятельности членов организаций мировой закулисы состоит в том, что, никем не избранные, никем не уполномоченные, они пытаются решать судьбы всего человечества, рассматривают богатства нашей планеты как собственное достояние. На общепринятом юридическом языке деятельность членов этих организаций следует рассматривать как преступный сговор против человечества. Создавая тайные, незаконные органы управления, мировая закулиса и ее иудейские вожди противопоставляют себя народам и государствам, подменяя национальную власть транснациональным иудейско-масонским заговором. Новый мировой порядок, который пытается навязать человечеству тайная иудейско-масонская власть, мало чем отличается от планов мирового господства Гитлера.

Существует глубочайшее заблуждение, что мировая закулиса является неким монолитным образованием, управляемым из одного центра. На самом деле она состоит из ряда группировок, соперничающих между собой в борьбе за власть над человечеством. Даже среди собственно масонских организаций идет непрекращающаяся конфронтация между различными орденами и ритуалами. А что говорить об организациях, выражающих интересы конкурирующих между собой банковских и финансовых групп, транснациональных корпораций, телевизионных компаний! Весь этот запутанный клубок закулисных организаций объединяют ненависть к христианской цивилизации (и прежде всего православию) и общая страсть к обогащению и наживе.

ГЛАВА 2

Идеология мировой закулисы. — Управление евреев. — К Соединенным Штатам Мира. — Мировой порядок денег. — Ликвидация семьи. — Воспитание людей-кочевников. — Всеобщий компьютерный контроль. — Биометрические карты

Идеология мировой закулисы вынашивалась на совещаниях тайных иудейских организаций и масонских лож. Именно здесь вырабатывались первые проекты мирового правительства, Лиги Наций и Соединенных Штатов Европы. «Не является ли естественным и необходимым, — писал в иудейском сборнике «Архив Израелитс» Леви Бинг, — создать верховный трибунал, разбирающий общественные дела, жалобы одной нации на другую, выносящий окончательные приговоры, слово которого было бы законом? Это слово есть слово Бога, произнесенное Его старшими сыновьями, евреями, и перед этим словом почтительно склоняются все младшие, то есть все народы[1].

В 1867 году иудейские и масонские организации создают «Постоянную международную лигу мира». Ее секретарь масон-иудей Пасен разрабатывает проект формирования международного трибунала, который будет выносить окончательные приговоры во всех конфликтах между отдельными народами.

---

[1] Archives Israelites, 1864.

Организация эта долгое время безмолвно существовала в тиши масонских лож. В связи с событиями Первой мировой войны ее идеи реанимируются стараниями председателя совета ордена «Великий Восток Франции» Карно, который в 1917 году обратился к своим братьям с призывом: «Подготовить Соединенные Штаты Европы, создать сверхнациональную власть, задачей которой будет урегулирование конфликтов между нациями. Масонство будет агентом пропаганды понимания мира и всеобщего благополучия, которые несет Лига Наций»[1]. И наконец, в 1927 году на заседании конвента «Смешанного масонства» было заявлено, что «необходимо всюду и при всяком удобном случае, речами и делом внушать дух мира, благоприятный для создания Соединенных Штатов Европы, этого первого шага к Соединенным Штатам Мира»[2].

Все проекты создания Соединенных Штатов Европы подразумевают определяющую роль в них иудейских и масонских организаций. Светлые идеи Нового Завета подменяются расистской человеконенавистнической идеологией Талмуда и Сионских протоколов. Изменяется сама структура мировой и национальной политики. Главным ее руководителем становится тайная закулисная власть, основывающаяся на ритуалах и традициях иудаизма и деньгах международных еврейских банкиров. Центр тяжести принятия важнейших политических решений переходит от национальных правительств в руки иудейских вождей и финансистов. Национальные правительства теряют власть, становясь ее вторым эшелоном. Ничего не подозревающие народы склоняют головы перед результатами чуждой им политики. Под лозунгами демократии и либерализма создается невиданное прежде рабство, самая жестокая политическая диктатура, которую уже сейчас можно увидеть в «конструкции единой Европы» 1990-х годов.

Идеология современного мондиализма продолжает логику и образный стиль расистской доктрины Сионских протоколов — установление мирового господства представите-

---

[1] Comte rendu du Cogres des mason allies et neutres. Paris, 1917. P. 8. Сама идея Соединенных Штатов Европы продвигалась масонами еще с середины XIX века. В 1884 году в «Альманахе франкмасонов» говорилось о том счастливом времени, «когда республика будет провозглашена по всей Европе под названием Соединенных Штатов Европы» (La Fran-Masonnerie demasqule. 1884, № 3. P. 91).

[2] Cahiers de L'Ordre. 1927, № 8. P. 595.

лей «избранного народа» и порабощение остального человечества.

В конце XX века мондиалисты оперировали «магическим числом» 2000 года, когда, по их мнению, на всей планете установится новый мировой космополитический порядок. К этому времени, считали они, мировое правительство будет не только контролировать, но и руководить всеми сферами жизнедеятельности общества, включая и религиозную.

Один из видных деятелей мировой закулисы, член Бильдербергского клуба, глава Европейского банка реконструкции и развития французский еврей Жак Аттали написал, по сути дела, программную для мондиализма книгу «Линии горизонта». В ней он утверждал необходимость создания «планетарной политической власти». Новый мировой порядок, или, как его называл Аттали, торговый порядок, станет универсальным к 2000 году. С началом XXI века «магическое» число 2000 заменят на 2010.

Аттали раскрывает три уровня попыток мировой закулисы господствовать над человечеством, говорит о трех типах порядка, «о трех способах организации насилия»: «о мировом порядке сакрального, о мировом порядке силы, о мировом порядке денег».

Сегодняшний этап развития мондиализма он называет торговым порядком. При этом порядке все продается и покупается, а главной, универсальной ценностью, в том числе и в духовной сфере, являются деньги.

Новый торгово-денежный мировой порядок «постоянно стремится к организации единой универсальной формы мирового маштаба». При этом порядке власть измеряется «количеством контролируемых денег, вначале посредством силы, потом посредством закона».

Космополитизация человечества — одна из главных целей мировой закулисы. Как пишет тот же Аттали, «кочевничество будет высшей формой нового общества... определит образ жизни, культурный стиль и форму потребления к 2010 году. Каждый будет носить с собой свою собственную идентичность».

Под кочевничеством Аттали понимает общество людей, лишенных чувства родины, почвы, веры предков и живущих только интересами потребления и зрелищ, которые им несет теле- и видеоэкран. «Кочевники» будут регулироваться через компьютерные сети в глобальном масштабе. Каждый кочевник будет иметь специальную магнитную карточку со всеми данными о нем, и прежде всего о наличии у него денег. И горе

тому, кто «оказывается лишенным денег и кто угрожает мировому порядку, оспаривая его способ распределения!».

«Человек (кочевник), как и предмет, — пишет Аттали, — будет находиться в постоянном передвижении, без адреса или стабильной семьи. Он будет нести на себе, в самом себе то, в чем найдет воплощение его социальная ценность», т. е. что вложат в него его планетарные «воспитатели» и куда сочтут необходимым направить его.

По мнению Аттали, давление на человека будет таковым, что у него останется только один выбор: «либо конформироваться с обществом кочевников, либо быть из него исключенным».

«Ритмом закона, — откровенничает Аттали, — будет эфемерность (создание иллюзорного мира с помощью телевидения и видео. — *О. П.*), высшим истоком желания будет нарциссизм (самоудовлетворение, самонаслаждение. — *О. П.*). Стремление быть нормальным (типовым, как все. — *О. П.*) станет двигателем социальной адаптации».

Уже сейчас деятели мировой закулисы создают механизмы глобального контроля над человечеством. Высшие научно-технические достижения в руках иудейских вождей превращаются в средства установления самого жестокого в мировой истории рабства и угнетения. Авангардом этой «работы» являются США. В этой стране каждый житель со дня своего рождения становится номером в компьютерной сети. Все данные о нем вводятся в систему компьютерного учета. Его номер присутствует на всех документах, справках и банковских счетах.

На первом этапе предполагается все население США, а затем и других стран сделать принудительными владельцами пластиковых карточек с постоянным номером, закодированным под именем владельца-кредитора. Имя владельца становится достоянием компьютерной сети, и, до тех пор пока владелец пользуется данным ему пластиковым кредитом, компьютеры будут вести постоянный учет его покупательной и кредитной статистики. Кроме финансово-кредитных операций, компьютеры собирают и систематизируют информацию социального, профессионального, духовного, этнического, религиозного, политического, правового, морального и образовательного характера на каждого родившегося и живущего на Земле человека.

Президент Б. Клинтон, выступая по национальному телевидению США, демонстрировал такую карточку телезрите-

лям, рекламируя ее «необыкновенные достоинства», ничего не говоря о том, что она станет средством контроля за человеком и электронным досье на него.

На следующем этапе предполагается вживлять в руку каждого человека специальный электронный «чип» (биокарту), на котором будет записана та же информация, что и на пластиковой карточке. Если последнюю можно выкинуть или потерять, то вживленную биокарту выкинуть уже невозможно. Месторасположение человека можно найти в любой момент. Каждый житель Земли попадет под неусыпный и всеобъемлющий контроль. Биокарты будут считываться сканерами, установленными на специальных спутниках Земли, постоянно просматривающих весь земной шар и могущих контролировать любого носителя вживленного «чипса». Такому же глобальному контролю будут подвергаться телефонные линии и другие каналы связи.

По мере распространения вживленных биокарт они станут единственным средством расчета. Наличные деньги будут фактически отменены. И все покупки и продажи, получение зарплаты и доходов, расчеты станут осуществляться безналичным путем при помощи биокарты. Человек, избежавший вживления биокарты, не сможет ничего ни купить, ни продать. Ему суждено умереть с голоду, если он не подчинится диктату хозяев жизни.

Сбывается то, что было предсказано еще в Апокалипсисе. Иоанн Богослов рассказывает, что с наступлением власти антихриста все люди будут клеймены его печатью. «И он сделал то, что всем — малым и великим, богатым и бедным, свободным и рабам — положено будет начертание на правую руку их или на чело их. И что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число его 666» (Откр., 13, 16—18).

В 1997 году правительство США сообщило о своем намерении вложить 500 млн. дол. в программу создания всеобщей компьютерной сети. Предполагается, что каждый дом в стране будет иметь компьютер-телевизор, подключенный к сети Интернет. Этот компьютер будет контролировать весь дом, и через него будет производиться оплата всех услуг и плата налогов. Около 40 крупнейших компаний мира (преимущественно американские) работают над проектом биометрической карты, без которой «дом-компьютер» не сможет функ-

ционировать, так как он будет контролироваться центральным компьютером по сети Интернет[1].

В качестве эксперимента госдепартамент, ЦРУ и Национальное агентство безопасности США предоставили каждому гражданину Мексики биометрическую пластиковую карту для регистрации при голосовании. Впоследствии карта этого типа будет, по-видимому, использована и для учета граждан США.

Интернет, как полезная информационная сеть, превращается в орудие полного контроля над личностью. Внедрение биометрических карт со всеми показаниями человеческого организма — болезнями, слабостями, пристрастиями — сделает возможным превратить человека в орудие политических и социальных манипуляций. Опытные специалисты, владея данными биометрических карт, найдут способ воздействия на биологические параметры человека. Таким образом, человек становится обитателем иллюзорного мира информатики, где реальные факты вытесняются фантастическими представлениями и вымыслами. Исследования показывают, что пристрастие к Интернету и виртуальной реальности является способом ухода от насущных жизненных вопросов, трудностей и скорбей, что, в свою очередь, приводит к психическим отклонениям. Заболевшие люди обычно испытывают симптомы абстиненции наркоманов, если лишаются своего увлечения хотя бы на несколько дней[2].

ГЛАВА 3

Совет по международным отношениям. — От Варбургов до Рокфеллеров. — Учение Аллена Даллеса. — Центр всемирной русофобии. — Универсальный принцип масонства

Совет по международным отношениям (СМО) — крупнейшая организация мировой закулисы, объединяющая самых влиятельных людей США и западного мира: бывших и действующих президентов, министров, послов, высокопоставленных чиновников, ведущих банкиров и финансистов, президентов и председателей правлений транснациональных корпораций и фирм, руководителей университетов (включая

[1] Flashpoint. 1997. February.

[2] Компьютеры, 15.7.1996.

ведущих профессоров), средств массовой информации (включая основных журналистов и телеобозревателей), конгрессменов, судей Верховного суда, командующих вооруженными силами в Америке и Европе, натовских генералов, функционеров ЦРУ и других спецслужб, деятелей ООН и главных международных организаций.

СМО был основан в 1921 году руководителями еврейских организаций и масонских лож США, участвовавших в Парижской мирной конференции. Эти масонские конспираторы искали новые формы воздействия на народы мира и усиления влияния США на мировую политику.

У истоков СМО стоят иудейские деятели «Общества круглого стола», преобразованного в мае 1919 года в Париже в Институт международных отношений с отделениями во Франции, Англии и США. Последнее и стало организационной основой Совета по международным отношениям.

Создание Совета по международным отношениям как теневой, закулисной политической организации осуществлялось параллельно со строительством структур открытой международной организации — Лиги Наций.

Однако вплоть до завершения Второй мировой войны роль СМО была сравнительно ограниченной, чувствовалась определенная разобщенность и несостыкованность в деятельности еврейских организаций и масонских лож. Тайные организации раздирала серьезная борьба за власть и раздел влияния. Кроме того, европейских политиков беспокоили гегемонистские притязания США. Ситуация изменилась в 1947 году с усилением «холодной войны» Запада против России. В этой войне США заняли положение лидера. В новых условиях Совет по международным отношениям постепенно превратился в главный стратегический центр по ведению «холодной войны» Запада против России. Именно в этот период в члены Совета вошли многие из генералов Пентагона и НАТО, деятелей ЦРУ и других спецслужб. Инициатива нанесения ядерного удара по России вырабатывалась в стенах СМО, а в его рядах числились все самые главные руководители и идеологи подрывной деятельности против нашей страны: от А. Даллеса (президент СМО, 1946—1950, и ранее, 1933—1944, секретарь СМО), Баруха, Моргентау до Г. Киссинджера (директор СМО, 1977—1981), З. Бжезинского (директор СМО, 1972—1977) и Р. Пайпса. В «холодной войне» против России деятели Совета по международным отношениям фактически отождествили национальные интересы США с государствен-

ными интересами Западной Еропы, привязав внешнюю политику последней к гегемонистским устремлениям Соединенных Штатов.

Система управления этой мондиалистской организации строится по принципу корпорации — с одной стороны, председатель и вице-председатель, с другой — президент и несколько вице-президентов. Текущую работу выполняют исполнительный директор и секретарь с широкими полномочиями. Кроме исполнительного директора, существует целый ряд просто директоров, ответственных за определенное направление работ (их больше 30 — соответственно и директоров). В отдельные структуры выделены казначей и директор по научным исследованиям.

Первым президентом Совета стал масон самой высокой степени — Д. Дэвис, а в числе первых директоров выделялись такие видные еврейские политики, как П. Варбург, О. Кан, И. Бауман, В. Шепардсон, Э. Гей (одновременно секретарь), П. Крават. С 1933 года этого последнего на посту секретаря сменил будущий основатель и директор ЦРУ Аллен Даллес, занимавший уже с 1927 года должность одного из директоров СМО.

Последующее развитие Совета по международным отношениям проходит под знаком звезды Аллена Даллеса, который становится его ключевой фигурой в организации работ и методов деятельности. Объединяя посты секретаря и одного из директоров, А. Даллес с 1944 года вице-президент, а с 1946 по 1950 год президент СМО. Даже перейдя на пост директора ЦРУ, Даллес не оставляет своего директорского места в Совете вплоть до своей смерти. Будучи вице-президентом Совета, А. Даллес тайно от СССР ведет переговоры о сепаратном мире с представителями фашистской Германии, рассчитывая договориться с ними о совместной борьбе против русского народа. Сразу же после войны, являясь уже президентом, Даллес на одном из заседаний Совета провозглашает новую доктрину подрывной деятельности против России:

«Окончится война, кое-как все утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную помощь или ресурсы на оболванивание и одурачивание людей.

Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим им ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы, например, постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием, что ли, тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театр, кино — все будут изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху...

Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство, наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов — все это мы будем насаждать ловко и незаметно...

Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением... Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них шпионов, космополитов. Вот так мы это и сделаем»[1].

С 50-х годов новой ключевой фигурой СМО постепенно становится Давид Рокфеллер. Директор СМО с 1949 года, вице-президент с 1950-го, председатель с 1970-го, Д. Рокфеллер вырастает в главную координирующую фигуру всей мировой закулисы, обладая властью, которая, по сути дела, и не снилась даже американским президентам. Власть и влияние Рокфеллера усиливались по мере расширения деятельности мировой закулисы за счет создания новых мондиалистских организаций — Бильдербергского клуба и Трехсторонней комиссии.

В 1962 году Рокфеллер выступил в Гарвардском университете с программной публичной лекцией «Федерализм и свободный мировой порядок», в которой ратовал за создание общемирового государства, руководимого единым федеральным правительством. В своих построениях он опирался на идеи американских «отцов-основателей», которые выдви-

---

[1] Цит. по: Правда, 11.3.1994.

нули «универсальный принцип», способный соединить в одно целое весь мир.

В середине 80-х годов Д. Рокфеллер как председатель и лорд Винстон как президент СМО замещаются новыми фигурами. Председателем СМО становится видный еврейский промышленник и общественный деятель П. Петерсон, а президентом — известный масон Дж. Свинг (с 1993 года это место занял обозреватель «Нью-Йорк таймс» еврей Л. Гельб). Сам Рокфеллер по-прежнему остается незримым владыкой всех мондиалистских структур, координируя и направляя их деятельность.

Около 60% всех членов и до 80% руководителей Совета по международным отношениям составляют лица еврейской национальности. Практически все члены СМО принадлежат к масонским ложам или клубам типа «Ротари».

В Совете отсутствуют христианские священники, зато обильно представлены раввины, например Герцберг (синагога Эммануэль), Л. Левивельд, А. Шнейер (почетный председатель Всемирного еврейского конгресса), а также председатель Сионского дома для пенсионеров Л. Сулливан. Одно из выдающихся мест в Совете занимает глава всемирной еврейской масонской ложи «Бнай-Брит» Г. Киссинджер. Решения в поддержку Израиля и еврейских организаций автоматически и вне очереди штампуются руководством СМО. Как отмечают свидетели, совещания Совета по международным отношениям по характеру участников напоминают съезды Всемирного еврейского конгресса.

В Совет по международным отношениям сегодня входит вся политическая, экономическая и культурная элита США. Представлены все крупнейшие и транснациональные корпорации западного мира: «Дженерал моторс», «Боинг», «Дженерал электрик», «Крайслер», «Ксерокс», «Кока-Кола», «Джонсон энд Джонсон», «Доу кэмикал», «Шелл», «ИБМ», «Локхид», «Шеврон», «Проктер энд Гэмбл», «ИТТ», «АТТ», «Тексако», «Дюпон», «Эксон», «Макдонел Дуглас», «Кодак», «Леви Страус», «Мобил ойл», а также практически все крупнейшие банки и финансовые группы.

Под абсолютным контролем СМО находится главный регулятор финансов западного мира — Федеральная резервная система и Нью-Йоркская фондовая биржа. Все руководители ФРС состоят в Совете по международным отношениям и регулярно отчитываются перед верхушкой Совета. Федеральный резервный банк Нью-Йорка, собственно Федеральная резервная система и составляющие ее главные части — Бос-

тонская, Атлантская и Кливлендская, возглавляются крупнейшими функционерами СМО.

Университеты и научные учреждения представлены в Совете своими руководителями и ведущими профессорами. Особенно большую роль в работе Совета играют такие университеты, как Колумбийский, Гарвардский, Йельский, Станфордский, Калифорнийский, а также Массачусетский технологический институт.

Совет по международным отношениям полностью контролирует все ведущие средства массовой информации, и прежде всего телевидение. В членах Совета состоят руководители Си-эн-эн, Эн-би-си, Си-би-эс, «Свободная Европа», ЮСИА, «Нью-Йорк таймс», «Ньюсуик», «Вашингтон пост», «Ю. С. ньюс энд Уолд рипорт», «Крисчен сайенс монитор», «Ридерс дайджест», «Тайм», «Уолл-стрит джорнел», «Форин афферс», «Ассошиэйтед пресс», а также крупнейших издательств и Ассоциации американских издателей.

Штаб-квартира Совета по международным отношениям располагается в Нью-Йорке, на углу 58-й и 68-й улиц, в здании, получившем имя известного масонского деятеля Гарольда Пратта. Прямо напротив штаба мировой закулисы находится российское (бывшее советское) консульство.

ГЛАВА 4

Бильдербергский клуб. — Детище американских спецслужб. — Средство управления правящими элитами Запада

Возникновение Бильдербергского клуба прежде всего связано с попыткой иудейско-масонских элит Европы какимто образом сдержать притязания США на руководство всей мировой политикой, которое взял на себя состоящий преимущественно из американцев Совет по международным отношениям. С другой стороны, американские политики с охотой пошли на участие в Бильдербергском клубе, так как рассчитывали более активно и непосредственно влиять на «властей предержащих» Европы. Реальными создателями Бильдербергского клуба стали американские спецслужбы. В 1948 году по их инициативе возник Американский комитет Объединенной Европы, председателем которого был У. Донован (бывший руководитель Управления стратегических служб), вице-

председателем — А. Даллес (директор ЦРУ). В одной упряжке с ними работал другой кадровый американский разведчик — Д. Ретингер, которого в дипломатических кругах называли «серым кардиналом». Он был генеральным секретарем Европейского движения, через него ЦРУ переводило деньги на подрывную деятельность в Европе[1].

Пользуясь каналами и большими финансовыми средствами ЦРУ, Ретингер сумел заручиться поддержкой многих влиятельных деятелей Европы вроде принца Нидерландского Бернгарда, не гнушавшихся сотрудничать с ЦРУ. Фактически первое совещание Бильдербергского клуба было проведено стараниями Ретингера, который играл большую роль в этой организации вплоть до своей смерти в 1960 году.

Но, конечно, настоящими хозяевами Ретингера были присутствовавшие на заседании Д. Рокфеллер, Дин Раск, глава Фонда Рокфеллера Г. Гейнц, президент Фонда Карнеги Д. Джонсон, председатель Корпорации Баруха Д. Колеман. Всего на этом заседании присутствовало 80 человек. В первых документах Бильдербергского клуба говорилось о создании нового международного порядка и об осуществлении долгосрочного планирования внешнеполитической деятельности Запада в отношении СССР и стран «третьего мира».

Членства как такового в Бильдербергском клубе не существует. Каждое совещание проходит при значительно обновленном составе. Тем не менее сложился костяк, актив этого клуба, который объединяет 383 человека, из них 128, или одна треть, — американцы, а остальные — европейцы. Хотя последним и дали возможность участвовать в подготовке важных политических решений, самый большой выигрыш от создания Бильдербергского клуба получили иудейско-масонские элиты США. Они обладают в этом клубе политически самой зрелой организацией: 42 представителя аппарата президента, министерства обороны, госдепартамента и других органов власти США, 25 представителей крупнейших корпораций, банков и деловых кругов, 54 представителя американских университетов, средств массовой информации и общественных организаций масонского типа («финк тэнкс»). Фактически руководителем Бильдербергского клуба, как и Совета по международным отношениям, является Д. Рокфеллер, формальным председателем — американец П. Каррингтон.

---

[1] *Eringer R.* The Global manipulators... Pentacl Books, 1980. P. 19—20.

Кроме того, клуб имеет двух «достопочтенных генеральных секретарей»: одного — по Европе и Канаде, другого — по США.

Штаб-квартира Бильдербергского клуба находится в Нью- Йорке, в помещении Фонда Карнеги.

Заседания клуба проходят в полной секретности, по особым приглашениям, даты их созыва в печати не оглашаются. Организацию совещаний и безопасность участников обеспечивает та страна, на территории которой собираются бильдербергеры — так их стали именовать по названию гостиницы «Бильдерберг» в голландском городе Остербеке, где в мае 1954 года состоялось первое заседание клуба.

Любая встреча бильдербергеров, несмотря на полную секретность, вызывает большой интерес мировой общественности. Невозможно скрыть приезд в одно место большого количества известных людей, среди которых — президенты, короли, принцы, канцлеры, премьер-министры, послы, банкиры, руководители крупнейших корпораций. Тем более что каждый из них приезжает с целой свитой секретарей, поваров, официантов, телефонистов и телохранителей.

На встрече Бильдербергского клуба в июне 1997 года, проходившей на курорте Ренесанс-Пайн возле города Атланты (США), обсуждался вопрос о создании трех административных центров мирового правительства: европейского, американского и тихоокеанского. Каждый раз, несмотря на столь значительное событие, «свободные и демократические» телевидение и печать Запада не дают о нем никакой информации, что наглядно свидетельствует о том, кто оплачивает эту «свободу».

ГЛАВА 5

Трехсторонняя комиссия. — Новый экономический мировой порядок З. Бжезинского. — Подчинение мирового хозяйства иудейским банкирам. — «Новейшая международная кабала»

Создание в 1973 году Трехсторонней комиссии связано с усилением соперничества среди правящих элит Запада и растущим экономическим могуществом Японии. В 60-х годах приглашаемые на отдельные заседания Совета по международным отношениям японские политики и банкиры ставят вопрос о представительстве своих интересов в мировой закулисе.

С учетом этих новых факторов после обсуждения на Совете по международным отношениям мировая закулиса выносит решение о создании организации, которая бы сбалансировала интересы разных групп влияния иудейско-масонских элит мира. В связи с этим решением Д. Рокфеллер поручил польскому еврею З. Бжезинскому сформировать структуру новой организации, которая бы объединила высших политических и деловых лидеров Запада.

Продолжая линию таких человеконенавистников и русофобов, как П. Варбург, А. Даллес, Д. Рокфеллер, Г. Киссинджер, З. Бжезинский стал очередным идеологом «нового мирового порядка».

3 марта 1975 года Бжезинский выступил с программной статьей в журнале «Нью-Йорк мэгэзин», где изложил свой план установления нового мирового порядка. «Мы должны признать, — заявил этот высокопоставленный лидер иудейско-масонской цивилизации, — что мир сегодня стремится к единству, которого мы так долго желали... Новый мир приобретет форму глобальной общности... Вначале особенно это коснется экономического мирового порядка». Масонский конспиратор обосновывал необходимость лидерства мировой закулисы, которая через Международный валютный фонд и Всемирный банк будет воздействовать на экономику планеты. «Мы должны создать механизм глобального планирования и долгосрочного перераспределения ресурсов (в пользу западного мира. — *О. П.*)». Именно это направление и стало главным в деятельности Трехсторонней комиссии.

Трехсторонняя комиссия была создана в составе трех частей — Западноевропейская, Североамериканская (США и Канада) и Японская. По числу членов самой крупной была Североамериканская, составившая 117 человек (без Канады), из них 32 человека представляли американского президента, госдепартамент, министерство обороны и конгресс США. Особенно обильно были представлены (47 человек) американские корпорации и банки.

От Японии в Трехсторонней комиссии участвовали 84 человека, преимущественно руководители ведущих японских корпораций («Мицубиси», «Тойота», «Тошиба», «Сони» и др.) и банков.

Крупнейшими европейскими делегациями Трехсторонней комиссии были итальянская (26 человек), французская (22 человека), германская (21 человек), английская (19 человек). Несоразмерно своей величине была представлена Бель-

гия — 26 человек; не менее 30% членов Трехсторонней комиссии составляли евреи.

Закулисные решения, принимаемые членами Трехсторонней комиссии, стали своего рода законами для политиков всех западных стран. Как писал американский сенатор Б. Голдуотер, Трехсторонняя комиссия Давида Рокфеллера является «новейшей международной кабалой», механизмом подчинения политики США интересам международных банкиров.

Уже с первых лет существования комиссия показала свое политическое могущество, выдвинув на одном из своих заседаний кандидатом в президенты США Д. Картера. Вместе с Советом по международным отношениям комиссия мобилизовала финансы самых крупных банков, нажала кнопки влияния подвластных ей средств массовой информации и таким образом добилась избрания Картера.

Штаб-квартира Трехсторонней комиссии находится в том же здании, где и штаб-квартира Бильдербергского клуба, — в помещении Фонда Карнеги.

В 1996 году я побывал возле зданий, где находятся штаб-квартиры Совета по международным отношениям, Бильдербергского клуба и Трехсторонней комиссии. Поразила меня возле них какая-то леденящая атмосфера, железный, нечеловеческий порядок, вышколенная многочисленная охрана, пресекающая любые попытки войти в «святая святых» мировой закулисы. Мои просьбы дать какие-то разъяснения о деятельности этих организаций натолкнулись на невразумительные, затверженные ответы коротко подстриженных молодцов, напомнивших мне боевиков фашистского рейха.

ГЛАВА 6

Мировой Форум. — Призыв Горбачева к глобализации управления человечеством. — Легализация идей единого мирового государства и мирового правительства. — «Совет мудрецов»

Более успешным в этом смысле оказалось мое личное знакомство с другой закулисной организацией — Мировым Форумом (Фонд Горбачева). Штаб-квартира этой организации находится на Западном побережье США, в Сан-Франциско. Продолжая свои изыскания в области географии организаций мировой закулисы, я проехал по улице с характерным

названием Масонская (Masonic street), которая привела меня на берег Тихого океана, где среди тенистых пальм на территории бывшей военной базы США Президио с 1992 года ведет подрывную работу против народов мира Фонд Горбачева, получивший в 1995 году новое название — Мировой Форум.

Создание и дальнейшее развитие этой организации непосредственно связаны с деятельностью как крупнейшей мондиалистской структуры — Совета по международным отношениям, так и государственных учреждений и спецслужб США.

Решение о создании Фонда Горбачева было принято на Совете по международным отношениям. Причем появлению этого фонда предшествовала сложная процедура. В самом конце 1991 года два члена Совета по международным отношениям Д. Гаррисон и А. Воссбринк получили задание сформировать специальную организацию, служащую прикрытием подрывной политики США на территории бывших республик СССР. Организация эта получает название Международной ассоциации иностранной политики и регистрируется Агентством США по международному развитию как частное добровольческое учреждение, «способствующее переходу к демократии и рынку бывших советских республик». Деятельность «ассоциации» сводилась к организации транспортов гуманитарных грузов в Россию и Грузию. Через эту «ассоциацию» Министерство обороны США направляло в Россию на своих военных самолетах залежавшиеся на складах Пентагона продовольствие, медикаменты и списанные за ненадобностью одежду и обмундирование. Под прикрытием этих акций, пользуясь тем, что содержимое самолетов не досматривалось, а прибывшие на них люди пропускались без виз и учета, ЦРУ и военная разведка США переправили в нашу страну большое количество новых агентов и специальной техники.

Через три-четыре месяца после создания ассоциации те же Д. Гаррисон и А. Воссбринк получили разрешение бывшего президента СССР Горбачева создать фонд его имени. Новая организация возникла на базе персонала той же Международной ассоциации иностранной политики.

В течение двух лет обе организации — и ассоциация и фонд — существуют как сиамские близнецы в двух лицах, но под одним руководством.

После создания фонда Горбачев совершил поездку по США, где выступил перед многочисленными аудиториями, заявляя, что с падением СССР мир вступил на качественно новую ступень развития. Разрушение российской цивилиза-

ции ознаменовало победу новой глобальной цивилизации. Происходит замена старой парадигмы исторического развития на новую[1].

Горбачев встретился с президентами США Д. Бушем, Р. Рейганом, Д. Картером, Р. Никсоном, бывшим госсекретарем США Д. Шульцем. На встрече с президентом Рейганом Горбачев заверил его, что сделает все для достижения «новой интегрированной глобальной цивилизации», управляемой из одного центра. По-видимому, именно на этих встречах были в основном определены задачи и этапы создания единого мирового правительства и полного подчинения человечества руководителям иудейско-масонской цивилизации.

Осенью 1993 года Фонд Горбачева, как российский, так и американский, совместно с Фондом Раджива Ганди провел серию международных совещаний, где обсуждались шаги, которые необходимо предпринять в течение «исторического переходного периода» от цивилизации старого типа к интегрированной глобальной цивилизации. Именно Фонд Горбачева (США) в том же 1993 году поставил вопрос о необходимости создания международной организации, которая возьмет под свой контроль все религии мира, — так называемой Организации Объединенных Религий.

План установления глобального контроля над человечеством осуществлялся под прикрытием выдвинутого Фондом Горбачева «Проекта глобальной безопасности». Этот проект, декларируя бесспорные истины построения мира без войн и конфликтов, предусматривал резкое усиление власти наднациональных международных организаций, и прежде всего НАТО. Фактически в слегка закамуфлированном виде полный контроль над человечеством по проекту Фонда Горбачева передавался в руки США и их союзников по Североатлантическому блоку.

Неудивительно, что «Проект глобальной безопасности» был одобрен Советом по международным отношениям 19 октября 1994 года. Тогда же СМО принимает решение о преобразовании Фонда Горбачева (США) и Международной ассоциации иностранной политики, возглавляемых Д. Гаррисоном, в одну новую мондиалистскую структуру — Мировой Форум (МФ). Формируя эту новую структуру, мировая закулиса как

[1] Речь эту Горбачев произнес в Фултоне, в том самом Вестминстерском колледже, в котором в 1946 году Черчилль объявил крестовый поход против России. В самом факте такого заявления именно в этом месте было что-то ритуальное (рабочие документы Мирового Форума).

бы легализует идею единого мирового государства и мирового правительства. Перед МФ ставится задача поэтапного движения к созданию «глобального государства» и «интегрированного глобального управления», а также подготовка мирового общественного мнения к мысли о «прогрессивности» и «необходимости» этих шагов.

На первой конференции МФ, состоявшейся в сентябре 1995 года в Сан-Франциско (США), участвовали многие представители Совета по международным отношениям, Бильдербергского клуба, Трехсторонней комиссии, а также многих масонских лож. Символично, что заседания МФ проходили в большом конференц-зале главного масонского темпла Калифорнии. Билет на право участвовать в конференции (пять дней) стоил 5 тыс. дол. (включая питание и гостиницу). В речах таких видных деятелей мировой закулисы, как Д. Буш, Д. Бейкер, З. Бжезинский, М. Горбачев, М. Тэтчер, Т. Тернер, К. Саган, Д. Денвер, и многих других постоянно звучали слова «новый мировой порядок», «мировое правительство», «глобальное управление». Так, например, один из главных теоретиков мировой закулисы З. Бжезинский заявил, что «глобализация мирового управления не акт доброго желания или доброй воли, но неизбежный процесс», который необходимо контролировать. Для контроля над этим процессом и создается МФ. Сам Горбачев на этой конференции провозгласил эру новой цивилизации. В своей книге «В поисках нового начала: развитие новой цивилизации», выпущенной к открытию конференции, он заявил, что «пришло время развивать интегрированную глобальную политику»[1].

Горбачев выдвигает идею «консенсуса» между будущим мировым правительством и национальными государствами, предлагая последним отказаться от своего суверенитета в пользу международных законов, которые будут диктовать всем жителям Земли «общие верования, ценности, стандарты, образ жизни», сформулированные группой мировых лидеров. Горбачев предлагает отобрать 100 человек «новаторов-мыслителей», называемых им «Глобальный мозговой трест» или «Совет мудрецов», поручив им ежегодно собираться в Президио для управления глобальными процессами человечества. Бывший генсек ЦК КПСС предлагает создать Хартию Земли — Билль о правах планеты, по которому обязаны будут жить люди всей Земли.

[1] Интернет (Media Bypass. 1—800—4—BYPASS).

Многие заседания конференции носили строго закрытый характер. Представители печати и обычные посетители на них не допускались. В особо секретной обстановке проходили встречи по таким вопросам, как отказ от либерального подхода в отношении регулирования численности населения Земли и сокращения природных ресурсов, упрощения образа жизни, а также перераспределения всемирных богатств. За закрытыми дверями представители иудейско-масонской цивилизации решали, каким образом им сократить население Земли, чтобы его «излишняя» численность не мешала процветанию населения западных стран. Обсуждая вопрос о перераспределении богатств, лидеры мировой закулисы не были озабочены проблемами слаборазвитых государств и не стремились поделиться с ними богатствами, полученными Западом в результате эксплуатации «третьего мира», а изыскивали новые пути и источники неправедного стяжания, прежде всего имея в виду ресурсы бывших советских республик.

В последний день конференции между присутствовавшими на съезде крупнейшими деятелями мировой закулисы — Бушем, Тэтчер и Горбачевым — развернулась дискуссия о роли ООН в будущем «глобальном управлении человечеством». Из этой дискуссии явствовало, что мировую закулису не устраивает нынешнее состояние и организация ООН, ибо состав ее делегаций формируется по национальному признаку и государства-участники направляют своих делегатов по собственному усмотрению. Значительная часть представителей государств — членов ООН не подвластна диктату мировой закулисы и склонна принимать самостоятельные решения, соответствующие их национальным интересам. Мировое правительство, выражающее позицию только стран иудейско-масонской цивилизации, стремится ограничить возможности ООН, превращая ее в технический аппарат претворения в жизнь решений, вынесенных закулисными владыками мира. Так, М. Тэтчер откровенно заявляла на конференции 1995 года, что самые важные мировые проблемы не следует оставлять на усмотрение ООН — их будет решать новая, более подходящая для этого организация[1]. Поднимая вопрос о мировом правительстве, деятели мировой закулисы не собираются положить в его основу принцип ООН о справедливом представительстве национальных сил всех стран. Они стремятся к созданию наднационального органа, обладающего

[1] Интернет (Media Bypass. 1—800—4—BYPASS).

правом попирать государственные суверенитеты любой страны, использовать военную силу против неподчинившихся. Согласно планам членов МФ, персональный состав мирового правительства будет определяться не народами нашей планеты, а на секретных заседаниях таких мондиалистских структур, как Бильдербергский клуб, Совет по международным отношениям и Трехсторонняя комиссия.

Мировая закулиса использует ООН как технический инструмент оказания влияния на свободные народы мира. На конференции Мирового Форума была одобрена программа регулирования численности населения мира, проводимая Всемирным банком ООН совместно с правительством США. Главная цель программы — обеспечить резкое снижение рождаемости в странах, не относящихся к иудейско-масонской цивилизации. Программа эта охватывает около 100 стран мира, предусматривая самые различные меры, вплоть до принудительной стерилизации мужчин и женщин. Одним из главных ответственных за проведение этой антигуманной программы является директор Всемирного банка Д. Вольфензон, влиятельное лицо мировой закулисы, директор финансов комитета Фонда Рокфеллера, один из руководителей Бильдербергского клуба и член Совета по международным отношениям[1].

Следующая конференция МФ прошла также без особой огласки в начале октября 1996 года там же, в Сан-Франциско. Открыл ее член Совета по международным отношениям, один из руководителей международной еврейской масонской ложи «Бнай-Брит», президент корпорации Карнеги Давид Гамбург.

Вопрос о создании мирового правительства и глобальном управлении всесторонне рассматривался в рамках так называемой стратегической инициативы МФ. В докладах раввина А. Герцберга, сенатора из США А. Крэнстона, бывшего главнокомандующего войсками стратегического назначения США Л. Батлера поднимались вопросы о необходимости конструирования «новой архитектуры Глобальной Безопасности», которая понималась ими как обеспечение условий паразитического существования иудейско-масонской цивилизации за счет природных ресурсов всего человечества и подавления сопротивления стран «третьего мира», несогласных принимать такой мировой порядок. Высказывая благие пожелания о разоружении, деятели Мирового Форума имели в виду одностороннее разоружение армий тех правительств, которые не согласны подчиняться диктату США и других западных стран.

---

[1] The ASAP report. 1995. September. P. 1—4.

Выносится предложение провести через ООН международный закон о запрещении продажи оружия и стратегических компонентов тем странам, в которых «нарушаются права человека» или у власти находятся «диктаторские режимы». Раввин Герцберг, бывший вице-председатель Всемирного еврейского конгресса, выступил с инициативой «Хартии человеческих обязанностей», которая, по сути дела, сводится к поклонению космополитическим ценностям западного мира, отрицанию христианских основ и патриотизма.

Всеобщий духовный кризис человечества рассматривался на МФ 1996 года не как разрушение христианской цивилизации иудейско-масонским миром, а как сопротивление значительной части человечества попыткам навязать ей космополитические ценности и чуждый образ жизни. В докладах религиозных философов С. Кина, М. Палмера, уже упомянутого мной деятеля мировой закулисы Д. Гамбурга западная система ценностей, основанная преимущественно на иудейской культуре, рассматривалась как точка отсчета для всего человечества, а всякое противостояние ей — как устаревший, реакционный взгляд на жизнь.

С. Кин, например, предложил МФ такое решение экологической проблемы Земли: «Если мы урежем население земного шара на 90%, то не останется людей для того, чтобы наносить экологический ущерб». Предложение это было встречено бурными аплодисментами присутствовавших.

Самой важной отличительной особенностью всех конференций, собиравшихся МФ, была их антихристианская направленность. Деятели мировой закулисы как бы демонстрировали свое отрицательное отношение к Заветам Иисуса Христа. Позиция христианства не была отражена ни в одном из докладов. Во многих выступлениях доминировали взгляды представителей религии «Нового века» (Нью эйдж), являющейся, по сути дела, сатанинско-пантеистическим учением, близким к атеизму[1]. Большинство докладчиков выражали сатанинский комплекс «строителей вавилонской башни», декларируя «истины» религии будущего, в которых не будет места Заповедям Спасителя, а только удобные представления о Боге космополита-бизнесмена, охваченного страстью стяжания богатства ценой страданий и даже смерти большей части человечества.

---

[1] На Форуме 1995 года присутствовал епископ-социалист Д. Туту (Южная Африка). Однако он никак не протестовал против идеологии религии «Нового века», которая задавала тон на конференции.

Элита последователей религии «Нового века», к которой принадлежит сам президент МФ Д. Гаррисон, была на конференции этой мондиалистской организации представлена такими громкими в западном мире именами, как музыкант «Нового века» Д. Денвер, актеры Ш. Маклейн и Д. Вивер, писатель (в основном сатанинско-мистические книжки о переселении душ) Д. Чорпа, основатель Института Эсалем М. Мерфи, футуролог Д. Нейсбитт, директор Института мира Р. Мюллер, глава секты дианетики Б. Хаббард.

Представитель религии «Нового века» Д. Денвер фактически открыл первую конференцию, исполнив вместе с детским хором ритуальную песню в духе «Нового века». Во всех главных вопросах «нововековцы» задавали тон: о проблемах регулирования населения Земли говорил гуру-философ С. Кин, ведущими докладчиками на конференции были В. Гарман (президент Института духовных наук, гуру психоделической наркомании 60-х годов), Д. Шигэн, М. Мерфи.

К началу 1997 года вполне сложилась структура органов управления МФ. Общее руководство осуществлялось президентом Д. Гаррисоном и председателем правления М. Горбачевым, при котором состояли 17 сопредседателей и совет из 10 человек. При этих руководящих органах состояли Международный координационный совет из 44 человек и Сан-Францисский координационный совет из 16 человек. Оперативное управление организацией осуществлял директорат из 14 человек. Общее число состоявших в руководстве МФ составляло 100 человек, по-видимому мистическая для М. Горбачева цифра, так как еще на первой конференции этой организации он говорил о необходимости создания Всемирного мозгового треста или «Совета мудрецов» из 100 человек.

Итак, кто же вошел в сформированный мировой закулисой и М. Горбачевым «Совет мудрецов»?

Сопредседателями М. Горбачева, в частности, были члены Совета по международным отношениям бывший госсекретарь США Д. Бейкер и М. Эдельман, член Бильдербергского клуба бывший премьер-министр Нидерландов Р. Лубберс, член Трехсторонней комиссии бывший премьер-министр Японии Я. Накасоне, вдова премьер-министра Израиля Л. Рабин, вдова предателя арабского народа А. Садата Д. Садат, один из мировых столпов космополитической информационной системы, член всех возможных структур мировой закулисы Т. Тернер.

В состав директората, кроме уже упомянутых членов Совета по международным отношениям Д. Гаррисона и А. Вос-

сбринка, вошли С. Донован (президент Института Эсалема, «Новый век»), Д. О'Нейл (президент Центра обновления руководства), Т. Рабин (президент информационной корпорации «Фокус медиа»), Б. Сэдлих (президент корпорации «Рейчем»).

В Совет при председателях МФ вошли такие известные деятели мировой закулисы, как члены Совета по международным отношениям: бывший руководитель большинства в сенате США (1988—1994) Д. Митчелл и бывший сенатор (1969—1993) А. Крэнстон, президент Американской академии наук Б. Альбертс, футуролог и писатель Д. Нейсбитт.

В Международном координационном совете выделялись члены Совета по международным отношениям: Л. Браун (президент «Уолд Уотч Инститьют»), Ф. Мастер (председатель Фонда Горбачева в Нидерландах), С. Райнсмит (президент фирмы «Райнсмит энд ассошиэйтс»), А. Виллар (директор журнала «Лэтин Американ бизнес рипортс»), В. Велч (главный редактор журнала «Уорлд таймс»).

Таким образом, «мудрецами» «Совета мудрецов» МФ Горбачева были преимущественно представители мировой закулисы, и прежде всего Совета по международным отношениям, что не оставляло сомнений в вопросе о мондиалистском характере и задачах этой организации. Это подтверждается также и составом спонсоров МФ, в их числе — такие глобальные масонские структуры, как Фонд Рокфеллера, Фонд Карнеги, Фонд глобального общества, Фонд Натана Каммингса, телекомпания Си-эн-эн, а также корпорации, руководители которых входят в состав мировой закулисы: «Шеврон», «Джонсон энд Джонсон», «Паккард», «Продиги», «Оксидентал петролеум», «Бритиш эйрвейс» и др.

ГЛАВА 7

Номенклатура мировой закулисы. — Ее численность и состав. — Инфраструктура тайной власти. — Российские комиссары нового мирового порядка

Общая численность деятелей четырех главных организаций мировой закулисы составляет, по моим расчетам, не менее 6 тыс. человек. Это члены Совета по международным отношениям, Трехсторонней комиссии, Бильдербергского клуба и МФ.

Однако было бы неверным всех этих людей относить к мировому правительству. Наше исследование показывает, что таких людей среди 6 тыс. насчитывается не более 500 человек. Это люди, составляющие верхушку всех перечисленных выше организаций, обладающие огромной властью принимать глобальные решения по вопросам международной политики, экономики и культуры.

Остальные 5500 выполняют две важнейшие функции: во-первых, являются своего рода советом при мировом правительстве; во-вторых, инфраструктурой тайной власти и влияния закулисного мирового правительства во всех сферах жизни человечества (схема 1).

Схема 1.

Сферы влияния тайного мирового правительства

Мировое правительство
(не более 500 человек, принимающих решение

Агенты влияния мирового правительства
(не менее 5500)

Правительственные органы
Парламенты
Армия и полиция
Разведслужбы и контрразведка

Банки
Финансово-кредитные учреждения
Страховые учреждения

Международные организации
ООН, ЮНЕСКО, МОТ
Всемирный банк
Международный валютный фонд
Европейское сообщество
Международный банк реконструкции и развития

Крупнейшие национальные и транснациональные корпорации

Система образования и науки

Средства массовой информации:
телевидение и радио газеты и журналы
книжные издательства

Политические партии
Профсоюзы, общественные организации, фонды

Религиозные организации

Конечно, круг агентов влияния мировой закулисы гораздо шире. Он охватывает не только собственно членов главных мондиалистских организаций, но и множество других структур (я уже не говорю о тайных еврейских организациях вроде «Бнай- Брит» и масонских ложах), созданных или контролируемых деятелями мировой закулисы. Таких агентов влияния в мире — десятки тысяч. Только в США близких мировой закулисе организаций насчитываются многие десятки. Среди них особого упоминания заслуживают Фонд Карнеги, Фонд Рокфеллера, Брукингский институт, Ассоциация Киссинджера, Фонд Азии, Аспен-институт, Центр международной политики, Центр национальной политики, Центр международного политического развития, Ассоциация иностранной политики, Хадсоновский институт, Американский национальный институт, Американский институт предпринимательства, Совет международного развития.

Мировая закулиса создала своего рода властную номенклатуру, более эффективную и гибкую, чем та, которую изобрели еврейские большевики в СССР. Человек, попавший в состав одной из организаций мировой закулисы, обеспечивает себе высокую политическую или деловую карьеру на всю жизнь. В зависимости от условий он пересаживается из кресла директора банка в кресло президента корпорации или специального фонда. Его поддерживают на выборах в парламент. Он становится руководителем профсоюза либо шефом журнала или телекомпании. Например, член СМО Л. Брэнскомб, директор Гарвардского университета, оказывается затем в кресле директора корпорации «Мобил ойл», а со временем занимает высокий правительственный пост. Д. Киркленд с поста директора СМО пересаживается в кресло президента профсоюзного объединения АФТ—КПП. Впрочем, во многих случаях руководители организаций мировой закулисы совмещают свои посты с высокими должностями в политике или бизнесе. Так, Д. Бурк — директор Совета по международным отношениям и директор корпорации ИБМ.

Наиболее влиятельными деятелями мировой закулисы являются те, что состоят одновременно в трех основных ее организациях — СМО, БК и ТК. Таких всего 23 человека, среди них — Д. Рокфеллер, Г. Киссинджер, З. Бжезинский, Б. Клинтон, Д. Корриган, лорд Винстон, Р. Макнамара (схема 2).

Около 150 членов мировой закулисы состоят одновременно в двух организациях. Среди них, например, небезызвестный Д. Сорос (член БК и СМО), а также президент знаменитой на Западе телекомпании Си-эн-эн В. Джонсон (член СМО и ТК).

Члены организаций мировой закулисы являются главным номенклатурным резервом на подбор руководящего состава международных организаций. Все высокопоставленные представители США и западных стран в ООН относятся к мировой закулисе. Своего рода комиссаром мировой закулисы при Генеральном секретаре ООН числится в ранге его заместителя хотя бы один член Совета по международным отношениям (в середине 90-х им был Д. Торнбург).

Схема 2.

Современная организационная структура мировой закулисы — тайного мирового правительства

Члены одновременно всех трех главных организаций мировой закулисы:

Рокфеллер Д.	Скоукрофт Б.	Фридман С.
Киссинджер Г.	Эллар П.	Грэхэм К.
Бжезинский З.	Аллисон Г.	Гринберг М.
Клинтон Б.	Андреас Д.	Джордан В.
Корриган Д.	Бергстен С.	Мондейл В.
лорд Винстон	Брадемас Д.	Най Д.
Макнамара Р.	Купер Р.	Риджвей Р.
	Робинсон Ч.	Зоеллик Р.

150 членов мировой закулисы, состоящих одновременно в двух главных организациях

Руководители мировой закулисы

Совет по международным отношениям:	*Бильдербергский клуб:*	*Трехсторонняя комиссия*
Председатель — П. Петерсон Вице-председатель — Г. Браун Президент — П. Тарнов Вице-президенты — Д. Свинг, А. Фрай, Д. Миллингтон, М. Озмер, Н. Ризополос Казначей — Д. Вудридж Секретарь — Ю. Густафсон	Председатель — П. Каррингтон Генеральный секретарь по Европе и Канаде — В. Хальберштадт Генеральный секретарь по США — К. Йост Казначей — К. Оорт	Руководители от Северной Америки: П. Волкер (председатель) А. Готлиб (зам. председателя) Ч. Хек (директор) Руководители от Японии: А. Морита (председатель) Я. Окавара (зам. председателя) Т. Ямомото (директор) Руководители от Европы: О. Ламбсдорф (председатель) Г. Фитцжеральд (зам. председателя) П. Ревей (директор)

Состав мировой закулисы

	Всего	Совет по международным отношениям	Бильдербергский клуб	Трехсторонняя комиссия
А. По странам	**3909**	**3162**	—	—
США	3405	3160	128	117
Австрия	9	—	6	3
Бельгия	21	—	13	8
Канада	39	2	18	19
Финляндия	16	—	15	1
Франция	51	—	29	22
Германия	47	—	26	21
Великобритания	47	—	28	19
Греция	6	—	6	—
Ирландия	11	—	2	9
Исландия	3	—	3	—
Италия	53	—	27	26
Япония	84	—	—	84
Люксембург	3	—	2	1
Польша	1	—	1	—
Португалия	11	—	5	6
Испания	19	—	5	14
Швеция	14	—	10	4
Швейцария	13	—	13	—
Турция	20	—	20	—
Дания	12	—	10	2
Нидерланды	24	—	16	8
Б. По организациям				
Аппарат президента США	71	57	7	7
Министерство обороны США	68	61	6	1
Государственный департамент США	176	145	18	13
ЦРУ	3	3+)	—	—
Конгресс США	17	—	7	10
Верховный суд и другие федеральные суды США	17	17	—	—
Органы власти штатов и городов США	17	12	3	2
Профсоюзы США	9	6	2	3
Университеты США	257	236	14	7
Банки и финансово-кредитные учреждения США	199	168	13	18
Американские и транснациональные корпорации	182	145	10	27
Фонды и благотворительные организации	86	83	1	2
Юридические и консультативные фирмы	159	155	2	2
Общественные организации масонского типа ("финк тэнкс")	359	312	28	19
Телевидение, радио, печать, книжные издательства	194	179	12	3

+) *Среди них, кроме директора, генеральный юрисконсульт ЦРУ Риндскопф.*

Высокопоставленные члены мировой закулисы возглавляют Международную организацию по торговле и тарифам (ГАТТ) (П. Сутерленд, член БК и ТК), Всемирный банк (Д. Вольфензон, член БК и СМО), Международный валютный фонд, Европейский банк реконструкции и развития. Под их контролем — Международный суд в Гааге, Нобелевский коми-

тет. Разрушением славянского государства Югославии под видом миротворческой деятельности занимался Т. Столтенберг, руководитель комиссии ООН, член Бильдербергского клуба и Трехсторонней комиссии.

Антиславянская, антирусская, антиправославная направленность мировой закулисы, четко обозначившаяся с самого начала деятельности их организаций, создала целую «школу» закулисных политиков-русофобов. Все без исключения послы США в нашей стране были сторонниками «холодной войны» против России и выступали за расчленение СССР. Все они, начиная с идеолога «холодной войны» Д. Кеннана и А. Гарримана, состояли в Совете по международным отношениям. Активными деятелями тайной подрывной войны против нашей страны в годы «перестройки» были американские послы Д. Мэтлок (член БК и ТК), Т. Пиккеринг (член БК и СМО), Р. Штраус (член СМО), С. Талботт (директор СМО, член ТК). Я уже не говорю о таких общеизвестных архитекторах подрывной деятельности против России, как З. Бжезинский, Д. Сорос, Р. Пайпс, Д. Саймс.

Из бывших социалистических стран членами главных организаций мировой закулисы являлись польский министр иностранных дел А. Олеховский (Бильдербергский клуб) и бывший президент СССР М. Горбачев (Трехсторонняя комиссия). Однако членство последнего в этой организации продолжалось сравнительно недолго. Мировая закулиса, подвигнув его на измену родине, тем не менее не очень доверяла предателю. Нынешнее участие Горбачева в мондиалистских структурах (кроме Мирового Форума, в котором ему принадлежит ключевая роль) сводится к функциям консультанта (осведомителя). Такую же роль выполняли и соратники Горбачева по разрушению СССР Э. Шеварднадзе, А. Яковлев, Г. Попов, А. Собчак, Г. Бурбулис и тому подобные деятели. Однако время их ушло.

В конце 1990-х — начале 2000-х особую роль в деятельности мондиалистских организаций играла новая когорта агентов влияния Запада и изменников родины. В их числе были прежде всего люди с двойным российско-израильским гражданством. До недавнего времени таким статусом обладали все ключевые фигуры криминально-космополитического правительства Ельцина — бывший премьер-министр С. Кириенко, заместители премьера Чубайс, Немцов, Уринсон; министры Ясин, Лившиц, Березовский, а также многие другие высокопо-

ставленные чиновники российского Белого дома[1]. Эти люди, одержимые патологической ненавистью к России и беспредельной страстью к наживе, чувствуют себя в нашей стране миссионерами «избранного» народа и поэтому ведут себя подобно израильским захватчикам в Палестине. Характер их миссии известен из Сионских протоколов и не требует особого объяснения.

[1] Израильская газета «Вести» отмечает, что отделение Министерства внутренних дел Израиля в городе Холон (пригород Тель-Авива) подтвердило, что соответствующее удостоверение в свое время выдавалось здесь С. Кириенко как еврею в бытность его банкиром. Однако после отказа Бориса Березовского от израильского гражданства, указывает газета «Вести», его примеру последовал С. Кириенко, равно как и многие другие видные российские бизнесмены и высокопоставленные политические деятели. Среди таких наиболее известных «отказников» газета выделяет Чубайса, Немцова, Уринсона, Ясина, Лившица. Впрочем, подчеркивают «Вести», процедура получения евреями израильского гражданства, равно как и отказа от него, весьма проста. Для этого в посольстве или консульстве Израиля достаточно заполнить стандартный бланк с указанием причины отказа. По израильскому законодательству оно может быть так же легко восстановлено. На заседании правления еврейского агентства «Сохнут», в частности, обсуждалась возможность повторного предоставления израильского гражданства бывшим политикам России в случае необходимости (Правда Москвы, 1998, № 98; Русский Вестник, 1998, № 14—15).

Часть II

ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ

ГЛАВА 8

Холодная война Запада против России. — Планы атомной бомбардировки и расчленения СССР. — Преступная стратегия США как наследника гитлеровской Германии. — Сталин в борьбе за мир. — Готовность России к отпору агрессору. — В страхе ответного удара Запад отказывается от нападения на СССР. — Новая программа тайной борьбы против России

Холодная война Запада против России, начало которой прослеживается с эпохи Петра I, не прекращалась никогда, а только видоизменялась в своих формах, от тайных до вполне открытых, перемежаясь безуспешными попытками разгромить Россию на поле боя, организуя против нее многоплеменные нашествия.

«Живя в дореволюционной России, никто из нас не учитывал, до какой степени организованное общественное мнение Запада настроено против России и против Православной Церкви, — писал Иван Ильин, раньше и яснее других понявший причины патологической ненависти Запада к России. — Западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи (пока она, действительно, вырастает), нашего душевно-духовного уклада, нашей веры и Церкви, наших намерений, нашего хозяйства и нашей армии. Они боятся нас: и для самоуспокоения внушают себе..., что Русский народ есть народ варварский, тупой, ничтожный, привыкший к рабству и деспотизму, к бесправию и жестокости; что религиозность его состоит из суеверия и пустых обрядов...

Европейцам нужна *дурная* Россия, *варварская*, чтобы «цивилизовать» ее по-своему; *угрожающая своими размерами*, чтобы ее можно было расчленить; *завоевательная*, чтобы ор-

ганизовать коалицию против нее; *реакционная, религиозно-разлагающая,* чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; *хозяйствеенно несостоятельная,* чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные договоры и концессии».

После великой победы Русского народа над самым ярким выразителем Запада, гитлеровской Германией, Россия обрела невиданные прежде мощь и влияние во всем мире. Она сумела доказать, что сила государства не сводится только к показателям развития экономики (по ним она еще заметно отставала от США), а определяется духом ее народа, его способностью жертвенно выполнять государственные задачи, отождествляя их с собственными, личными интересами. В минувшей войне западные страны проявили свою неспособность противостоять наглой агрессии Гитлера, который с необычайной легкостью разгромил Францию, Бельгию, Голландию, почти полностью парализовал Великобританию, по-настоящему запугал США (столько лет не решавшиеся вступить с ним в открытую борьбу). Только Россия, принявшая на себя непомерную тяжесть войны, жертвенно и решительно определила ее исход. Час торжества России был, вместе с тем, временем позора и посрамления западного мира.

Однако все эти годы правители западных стран, рассчитывая на ослабление России в результате войны, готовились к реваншу. Еще не окончились военные действия, а Черчилль был готов объединиться с германской армией, чтобы бороться против СССР[1]. День великой победы России над Германией стал днем начала тайной, а затем и открытой холодной войны Запада против России.

9 мая 1945 года, когда миллионы москвичей ликовали по поводу победы, американский журналист Р. Паркер, прорвавшийся сквозь толпы москвичей в посольство США, внезапно столкнулся с главным советником посольства масоном Дж. Кеннаном. «Он стоял у закрытого окна так, чтобы его не было видно, чуть отодвинув длинную портьеру. Он молча наблюдал за толпой ликующих людей, по праву гордившихся своей страной, армией и их вождем — генералиссимусом. Я заметил на лице Кеннана странно-раздраженное выражение. Бросив последний взгляд на людей, он, отойдя от окна, злобно

[1] *Боффа Д.* История Советского Союза. М., 1994. Т. 2. С. 230.

сказал: «Ликуют. Они думают, что война кончилась. А она еще только начинается!»[1]

Подготовка к холодной войне правительствами США и Англии началась еще в период создания атомной бомбы. Из разведывательных источников Сталин еще в 1943—1944 годах достоверно знал, что за спиной России западные правительства вынашивают планы владения ими атомным сверхоружием, которое даст им возможность повысить свой статус в мире и с позиции силы добиваться уступок у других стран и прежде всего СССР. Несмотря на декларативные утверждения Рузвельта и Черчилля о их желании послевоенного мирного сотрудничества, советское руководство располагало данными, что союзники предпринимают все возможное для монопольного владения атомным оружием, стараясь не допустить к нему СССР. Причем, острие этого оружия направлялось скорее против СССР, чем против еще не побежденной Германии. Руководитель Манхэттенского атомного проекта генерал Гровс признавался: «У меня не было никаких сомнений, что Россия наш враг, и Манхэттенский проект осуществляется на этой основе»[2]. Летом 1943 года втайне от СССР на Квебекской конференции Рузвельт и Черчилль подписывают секретное соглашение, в котором говорилось, что атомная бомба явится «решающим фактором в послевоенном мире и даст абсолютный контроль тем, кто обладает ее секретом». Два высокопоставленных масонских конспиратора обязались не передавать третьей стороне никакой информации об этом страшном оружии, несмотря на то, что между СССР и Англией существовало соглашение об обмене военной и технической информацией. Через год оба эти же деятеля подписали Декларацию об опеке, где указывалось, что США и Великобритания будут сотрудничать в целях установления контроля над имеющимися запасами урана и других расщепляющихся материалов.

Всю работу по созданию атомного оружия американцы и англичане проводили в тайне, не поставив в известность СССР хотя бы в общей форме. «Рузвельт, — говорил Сталин, — почему-то не счел возможным поставить нас в известность ранее. Ну хотя бы во время Ялтинской встречи... Ведь он мог просто мне сказать, что ядерное оружие проходит стадию изготовления. Мы же союзники».

---

[1] *Паркер Р.* Заговор против мира. М., 1949.

[2] *Бережков В.* Какя стал переводчиком Сталина. С. 283.

И как бы делая вывод, заключил:

— ... Вашингтон и Лондон надеются, что мы не скоро сможем смастерить атомную бомбу. А они тем временем будут, пользуясь монополией США, а фактически Англии и США, навязывать нам свои планы как в вопросах оружия, так и вопросах положения в Европе и в мире в целом. Нет, такого не будет!»[1]

Нежелание англо-американских союзников поделиться секретом атомной бомбы совершенно справедливо рассматривалось Сталиным как угроза национальной безопасности СССР. Более того, Сталин еще задолго до окончания войны понял, что США и Англия готовятся после войны не к мирному сотрудничеству, а к атомному диктату в отношении СССР. Гонка вооружения между союзниками в войне против Германии была развязана США и Англией еще до ее завершения.

С самого начала американская сторона рассматривала атомное оружие как инструмент политического давления на СССР. Впервые это проявилось перед Потсдамской конференцией. Так как намеченные сроки создания бомбы не выдерживались, президент Трумэн, очень рассчитывавший на этот «аргумент» в переговорах, всячески оттягивал проведение встречи в верхах в Потсдаме. По его предложению встречу перенесли с июня на июль[2].

Атомная бомбардировка Японии являлась первой большой операцией в «холодной войне» против России. Как позднее признавался госсекретарь США Д. Бирнс, применение Соединенными Штатами атомных бомб против Японии было необходимо для того, чтобы «сделать Россию более сговорчивой в Европе», или, по выражению Г. Трумэна, «найти управу на этих русских». Американская администрация хорошо знала, что необходимости в атомной бомбардировке не было. В секретном докладе американских специалистов с полной уверенностью отмечалось, что Япония капитулировала бы определенно до 31 декабря 1945 года, а, по всей вероятности, — до 1 ноября 1945 года, даже если бы атомные бомбы не были сброшены[3].

Испытывая головокружение от успеха после взрыва атомной бомбы, американское правительство приняло реше-

---

[1] *Громыко А.А.* Памятное. Т. 1. С. 277.

[2] Там же. С. 271.

[3] *Корниенко Г.М.* Холодная война... М., 1994. С. 13.

ние встать на путь силовой политики в международных делах и прежде всего в отношении СССР. Чувствуя себя монополистами в обладании атомным оружием, Г. Трумэн и его единомышленники из масонских лож сочинили так называемый «план Баруха» (1946), призванный навечно закрепить эту монополию за Соединенными Штатами. По «плану Баруха» право собственности на атомные предприятия во всем мире, а также монопольное право на изыскания и разработку атомного сырья переходили специальному органу, находившемуся под полным контролем США. Причем, в течение неопределенного периода предприятия, связанные с атомным оружием, должны были бы находиться на территории США[1]. Советскому Союзу предлагалось отказаться от своего суверенного права производить это оружие. Естественно, советское правительство отвергло «план Баруха».

Американский масон Б. Барух, от имени которого был предложен этот план, отражал интересы мировой закулисы, предполагавшей сконцентрировать в своих руках власть над человечеством, которую давало монопольное владение атомным оружием. Хотя сам Барух не употреблял выражение «мировое правительство», логика его действий подразумевала, что речь идет именно о нем. «Международная власть, — заявлял Барух, — другими словами международный орган, должна обеспечить полный контроль над промышленностью всех государств мира, занимающихся производством расщепляющихся материалов». Причем, контролерами, по предложению Баруха, должны быть только представители США как «компетентные и авторитетные эксперты»[2].

После войны западный мир признал в США своего лидера. «Центром власти, — считал Черчилль, — является Вашингтон». Как справедливо отмечалось, «в США господствовало всеобщее убеждение в превосходстве своей страны над всеми другими. Все были согласны не только с амбициозной целью руководить миром, но даже со стремлением, выраженным в еще более сильной формулировке — «перестроить мир по образу и подобию Соединенных Штатов»[3].

В марте 1946 года в американском городе Фултоне в присутствии президента США Трумэна У. Черчилль излагает

---

[1] *Корниенко Г. М.* Указ. соч. С. 30.

[2] *Громыко А. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 351.

[3] *Боффа Д.* Указ. соч. С. 260.

идеологическую программу холодной войны против России. Утверждая, что США находятся на «вершине мирового могущества», Черчилль предлагает американскому правительству роль планетарного жандарма, вооруженного атомной бомбой. Черчилль призвал создать «братскую ассоциацию народов, говорящих на английском языке», точнее — военный блок в противовес России. Английский премьер подстрекает применить силу против СССР, и притом немедленно, пока Советский Союз еще не создал атомное оружие. В Фултоне прозвучало выражение «железный занавес», которое впервые употребил Геббельс в своей статье в феврале 1945 года: «Железный занавес» против коммунизма». Только теперь «железный занавес» против России устанавливался наследниками Гитлера в США и Англии. Хорошо, заявлял Черчилль, что только Америка обладает атомным оружием, а пока его не создала Россия, необходимо объединение политических и военных усилий США и Англии для совместной борьбы «за великие принципы англоязычного мира». Агрессивная, но примитивная по своему содержанию речь Черчилля стала как бы декларацией о конце союзнических отношений с Россией и объявлением ей холодной войны.

Враждебной антирусской речи У. Черчилля предшествовала телеграмма американского поверенного в делах в Москве Дж. Кеннана, лживо утверждавшего, что советские руководители считают третью мировую войну неизбежной. В качестве доказательства Кеннан передавал своему правительству намеренно искаженную цитату из речи Сталина, в которой глава государства призывал русский народ к бдительности перед лицом атомного шантажа Запада.

Масон Дж. Кеннан становится одним из главных идеологов холодной войны, изложив в своей статье «Источники советского поведения» (1947) основы «политики сдерживания», а точнее, удушения СССР. Прикрываясь словами о борьбе с коммунизмом, этот радикальный русофоб предлагает американскому правительству осуществлять против СССР постоянное агрессивное давление с тем, чтобы вызвать «крах» или «ослабление» Русского государства.

Позднее этот масон на праздновании своего 90-летия в 1994 году в благодарственной речи признался, что инициаторами холодной войны были США, выступавшие принципиально против каких-либо переговоров с Россией. «Через три года после этого (создания основ «политики сдерживания». —

О.П.), — писал Дж. Кеннан, — случилось одно из величайших разочарований в моей жизни — я выяснил, что ни наше правительство, ни наши западноевропейские союзники совершенно не заинтересованы в ведении каких-либо переговоров с Советским Союзом. Те и другие хотели от Москвы, применительно к будущему Европы, только одного, в сущности безоговорочной капитуляции. Они были готовы ждать ее. Это и было начало сороколетней холодной войны»[1].

С 1946—1947 годов западный мир начинает следовать доктрине «сдерживания» и «отбрасывания» коммунизма (т. е. России).

Согласно этой доктрине западные державы, прежде всего США и Англия, договариваются вести политику в отношении СССР только с позиции силы, жестко рекомендуя функционерам своих стран ограничить или совсем прекратить экономические и культурные отношения с Советским Союзом. Категорически запрещались предоставление Советскому Союзу кредитов и ввоз в СССР современных технологий. По планам, разработанным на основе этой доктрины, Советскому Союзу, только что пережившему страшную войну, навязывалась безумная и неограниченная гонка атомного и обычных вооружений, вынуждающая его расходовать большие средства на оборону вместо того, чтобы использовать их на восстановление народного хозяйства. Все это делалось с одной целью — поставить Россию на колени.

В рамках доктрины «сдерживания» и «отбрасывания» коммунизма был разработан также и так называемый «план Маршалла», одним из создателей которого стал уже известный нам русофоб Дж. Кеннан. Главной целью этого плана было развалить Россию и поставить ее под контроль США экономическими методами. Правительство США предлагает выделение значительных кредитов России и странам Восточной Европы при условии, если они откажутся от самостоятельной экономической политики и будут исполнять все указания американского правительства. Как позднее признавался Г. Трумэн, «Маршалл своей концепцией выдвигал цель — освободить Европу от угрозы порабощения, которое готовит для нее русский коммунизм». «План Маршалла» потерпел полный крах. Как Россия, так и восточноевропейские страны отвергли и это притязание Америки на мировое господство.

---

[1] New York Times, 14.3.1994.

Приоритет СССР после окончания войны состоял в обеспечении безопасности своих границ и развитии внутренних ресурсов страны. Измученной войной державе требовался мир для восстановления экономики. Поэтому агрессивный вызов со строны Запада нарушал мирные планы России, втягивая ее в гонку вооружения с США.

На эту наглую и подстрекающую к войне речь Черчилля Сталин ответил резкой отповедью в газете «Правда»: «По сути дела, г. Черчилль стоит на позициях поджигателей войны. И г-н Черчилль здесь не одинок — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки». В интервью было отмечено, что своим выступлением в Фултоне Черчилль поразительно напоминает Гитлера: «Гитлер начал дело развязывания войны с того, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира... По сути дела, г-н Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война... Несомненно, что установка г-на Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР».

Сталин правильно понял, что со стороны Запада России предъявлен ультиматум — признайте наше превосходство и руководство, и тогда все пойдет хорошо, в противном случае война неизбежна. Упадочный, морально деградированный мир, живущий перевернутыми, извращенными ценностями и бесстыдной эксплуатацией других народов, пытался объявить свое превосходство над великой русской цивилизацией. «Нации, — заявил Сталин, — проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство гитлеров господством черчиллей».

Сталин не поддался на угрозы Запада, выбрал путь противоборства возмутительному диктату зарвавшейся масонской клики. Он не мог пойти по пути, по которому уже пошли страны Западной Европы, признавшие руководящую роль Америки и ставшие, по сути дела, ее сателлитами. Ответ Сталина прозвучал звонкой пощечиной всему западному миру.

Враждебность против России со стороны США и Англии становилась все более открытой.

Еще до речи Черчилля в Фултоне при создании ООН и США, и Англия пытались навязать СССР такой порядок принятия решений в Совете Безопасности, который превращал бы его в инструмент навязывания воли западных государств всем другим странам и прежде всего СССР. Англо-американская сторона предлагала, что, когда один из членов Совета Безопасности сам замешан в споре, его голос не должен учитываться при вынесении Советом соответствующего решения. Такой порядок давал бы западным странам право принимать решения о применении санкций, в том числе военных, исходя только из своих интересов. Страны, которые располагали бы большинством в Совете Безопасности, получали возможность вместо поиска мирных решений обращаться к военной силе[1].

Представители СССР сумели отвести предложение западных стран, противопоставив ему справедливый принцип единогласия пяти держав — постоянных членов Совета Безопасности (СССР, США, Англии, Франции и Китая).

Империалистический характер политики Запада проявился во время обсуждения вопросов об освобождении колониальных владений. Англия (открыто) и США (в завуалированной форме) выступали за сохранение колоний и эксплуатации их Западом. СССР стоял на твердой позиции предоставления свободы и национальной независимости колониальным странам. Как отмечалось советскими дипломатами, во время переговоров по этому вопросу американцы явно стремились из нового положения с бывшими колониями извлечь выгоды прежде всего для себя. Ими вынашивались планы завладеть некоторыми подопечными территориями, в первую очередь островами Микронезии в Тихом океане — Марианскими, Каролинскими и Маршалловыми, то есть теми, которые США впоследствии на самом деле захватили в свои руки в нарушение Устава ООН и соответствующего решения Совета Безопасности[2].

Западный мир всячески препятствовал выплате Германией репараций, причитающихся СССР согласно решениям Ялтинской и Потсдамской конференций. Руководители западных стран заявляли, что Германия должна сначала восстановить свою промышленность, рассчитаться за предоставленные ей США и Англией кредиты, а уж затем думать о выплате репараций Советскому Союзу. Таким же образом западные

[1] *Громыко А.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 293.

[2] Там же. С. 307.

деятели противодействовали попыткам советского руководства в создании общегерманского правительства и заключения с ним мирного договора.

В 1949 году США и их сателлиты создают официальные структуры холодной войны против России. Ими становятся НАТО и сепаратно организованное германское государство.

НАТО (Североатлантический союз) создается как военно-политическое объединение западных стран под руководством США. Острие его деятельности направляется против России. В документах НАТО она рассматривалась как враг номер 1.

В мае 1949 года Германия была расчленена. Вопреки решению Потсдамской конференции США, Великобритания и Франция на основе своих оккупационных зон создают сепаратное германское государство — ФРГ, ориентированное на противостояние России. Как справедливо отмечал министр иностранных дел СССР Громыко, «Германия расчленена не с востока, а с запада». При поддержке ведущих западных стран, под наблюдением которых осуществлялась разработка Конституции ФРГ, в нее включили статью 116, гласившую, что «немцем является каждый, кто имеет немецкое подданство, а также беженец, равно как и изгнанный немецкого присхождения... нашедший приют на территории германского рейха по состоянию на 31 декабря 1937 года». В Комментариях Бундестага (1950) к этой статье Конституции в отношении принадлежавших СССР Калининградской области и Клайпеды указано: «Жители всех районов Восточной Пруссии, включая Мемель (Клайпеду), считаются немецкими гражданами». Причем в тех же самых Комментариях ничего не говорилось о немецкой принадлежности ряда территорий Франции, Бельгии и Дании, насильственно присоединенных к Германии в 1940 году и находившихся в ее составе до 1945 года. Это означало, что Запад подталкивал ФРГ к реваншу в строго определенном направлении СССР и соседних с ним славянских стран. Делалось это вопреки решениям Ялтинской и Потсдамской конференций и, по сути дела, являлось пересмотром итогов Второй мировой войны.

В марте 1952 года по поручению Сталина советское правительство выступило с проектом основ мирного договора с Германией, в котором предлагалось восстановить ее как единое суверенное государство и обеспечить ему равноправное положение среди прочих стран Европы. Согласно этому проекту Германия получала право иметь свои национальные вооруженные силы для обороны страны, а также производить для них военные материалы и технику. Однако она должна была отказаться от участия в военных коалициях и союзах,

направленных против любой страны, воевавшей с фашистской Германией. Предлагалось вести дело к скорейшему образованию общегерманского правительства, а также провести свободные выборы по всей Германии[1]. Однако Запад уклонился от рассмотрения этого проекта.

Вскоре после речи Черчилля в Фултоне по указанию Трумэна подготавливается секретный доклад «Американская политика в отношении Советского Союза», где излагались основные принципы и методы готовившейся войны. В частности, в докладе отмечалось: «Адепты силы понимают только язык силы. Соединенные Штаты и должны говорить таким языком... Надо указать советскому правительству, что мы располагаем достаточной мощью не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР в войне... США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну. Нужна высокомеханизированная армия, перебрасываемая морем или по воздуху, способная захватывать и удерживать ключевые стратегические районы, которую должны поддержать мощные морские и воздушные силы. Война против СССР будет «тотальной» в куда более страшном смысле, чем любая прошедшая война».

В секретной директиве Совета национальной безопасности США, утвержденной американским правительством 18 августа 1948 года, формулируются цели и задачи тайной антирусской политики, тональность которых была созвучна разработкам гитлеровского восточного министерства под руководством А. Розенберга. Приведу ряд выдержек из этого документа:

«Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум:

а) свести до минимума мощь и влияние Москвы;

б) провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России».

«Наши усилия, чтобы Москва приняла наши концепции, равносильны заявлению: наша цель — свержение Советской власти. Отправляясь от этой точки зрения, можно сказать, что эти цели недостижимы без войны, и, следовательно, мы тем самым признаем: наша конечная цель в отношении Советского Союза — война и свержение силой Советской власти.

Было бы ошибочно придерживаться такой линии рассуждений.

---

[1] *Громыко А.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 59.

Во-первых, мы не связаны определенным сроком для достижения наших целей в мирное время. У нас нет строгого чередования периодов войны и мира, что побуждало бы нас заявить: мы должны достичь наших целей в мирное время к такой-то дате или «прибегнем к другим средствам...»

Во-вторых, мы обоснованно не должны испытывать решительно никакого чувства вины, добиваясь уничтожения концепций, несовместимых с международным миром и стабильностью, и замены их концепциями терпимости и международного сотрудничества. Не наше дело раздумывать над внутренними последствиями, к каким может привести принятие такого рода концепций в другой стране, равным образом мы не должны думать, что несем хоть какую-нибудь ответственность за эти события... Если советские лидеры сочтут, что растущее значение более просвещенных концепций международных отношений несовместимо с сохранением их власти в России, то это их, а не наше дело. Наше дело работать и добиться того, чтобы там свершились внутренние события... Как правительство мы не несем ответственности за внутренние условия в России...»

«Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля».

«Мы должны прежде всего исходить из того, что для нас не будет выгодным или практически осуществимым полностью оккупировать всю территорию Советского Союза, установив на ней нашу военную администрацию. Это невозможно как ввиду обширности территории, так и численности населения... Иными словами, не следует надеяться достичь полного осуществления нашей воли на русской территории, как мы пытались сделать это в Германии и Японии. Мы должны понять, что конечное урегулирование должно быть политическим».

«Если взять худший случай, то есть сохранение Советской власти над всей или почти всей нынешней советской территорией, то мы должны потребовать:

а) выполнение чисто военных условий (сдача вооружения, эвакуация ключевых районов и т. д.), с тем чтобы надолго обеспечить военную беспомощность;

б) выполнение условий с целью обеспечить значительную экономическую зависимость от внешнего мира».

«Все условия должны быть жесткими и явно унизительными для этого коммунистического режима. Они могут при-

мерно напоминать Брест-Литовский мир 1918 г., который заслуживает самого внимательного изучения в этой связи».

«Мы должны принять в качестве безусловной предпосылки, что не заключим мирного договора и не возобновим обычных дипломатических отношений с любым режимом в России, в котором будет доминировать кто-нибудь из нынешних советских лидеров или лица, разделяющие их образ мышления. Мы слишком натерпелись в минувшие пятнадцать лет, действуя так, как будто нормальные отношения с таким режимом были возможны».

«Так какие цели мы должны искать в отношении любой некоммунистической власти, которая может возникнуть на части или всей русской территории в результате событий войны? Следует со всей силой подчеркнуть, что независимо от идеологической основы любого такого некоммунистического режима и независимо от того, в какой мере он будет готов на словах воздавать хвалу демократии и либерализму, мы должны добиться осуществления наших целей, вытекающих из уже упомянутых требований...»

«В случае, если такой режим будет выражать враждебность к коммунистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унизительным образом. Но мы обязаны не мытьем, так катаньем навязать их для защиты наших интересов».

«В настоящее время есть ряд интересных и сильных эмигрантских группировок... любая из них... подходит, с нашей точки зрения, в качестве правителей России».

«Мы должны ожидать, что различные группы предпримут энергичные усилия, с тем, чтобы побудить нас пойти на такие меры во внутренних делах России, которые свяжут нас и явятся поводом для политических групп в России продолжать выпрашивать нашу помощь. Следовательно, нам нужно принять решительные меры, дабы избежать ответственности за решение, кто именно будет править Россией после распада советского режима. Наилучший выход для нас — разрешить всем эмигрантским элементам вернуться в Россию максимально быстро и позаботиться о том, в какой мере это зависит от нас, чтобы они получили примерно равные возможности в заявках на власть... Вероятно, между различными группами вспыхнет вооруженная борьба. Даже в этом случае мы не должны вмешиваться, если только эта борьба не затронет наши военные интересы».

«На любой территории, освобожденной от правления Советов, перед нами встанет проблема человеческих остатков

советского аппарата власти. В случае упорядоченного отхода советских войск с нынешней советской территории, местный аппарат Коммунистической партии, вероятно, уйдет в подполье, как случилось в областях, занятых немцами в недавнюю войну. Затем он вновь заявит о себе в форме партизанских банд.

В этом отношении проблема, как справиться с ним, относительно проста: нам окажется достаточным раздать оружие и оказать военную поддержку любой некоммунистической власти, контролирующей данный район, и разрешить расправиться с коммунистическими бандами до конца традиционными методами русской гражданской войны. Куда более трудную проблему создадут рядовые члены Коммунистической партии или работники (советского аппарата), которых обнаружат или арестуют, или которые отдадутся на милость наших войск или любой русской власти. И в этом случае мы не должны брать на себя ответственность за расправу с этими людьми или отдавать прямые приказы местным властям, как поступить с ними. Это дело любой русской власти, которая придет на смену коммунистическому режиму. Мы можем быть уверены, что такая власть сможет много лучше судить об опасности бывших коммунистов для безопасности нового режима и расправиться с ними так, чтобы они в будущем не наносили вреда... Мы должны неизменно помнить: репрессии руками иностранцев неизбежно создают местных мучеников... Итак, мы не должны ставить своей целью проведение нашими войсками на территории, освобожденной от коммунизма, широкой программы декоммунизации и в целом должны оставить это на долю любых местных властей, которые придут на смену Советской власти».

Соединенные Штаты активно готовились к войне против России. В 1945—1948 годах, когда наша страна еще не обладала атомным оружием, в США создаются десятки военных баз, на которых разместились тяжелые бомбардировщики Б-52, оснащенные атомными бомбами и способные достигать территории СССР. В те же годы по соглашению с британским правительством в Англии размещаются 90 средних бомбардировщиков Б-29, часть из которых тоже несли атомные бомбы, предназначенные для бомбардировки СССР. К 1952 году обладателем атомного оружия стала и сама Англия, также направившая его против нашей страны[1].

[1] *Корниенко Г. М.* Указ. соч. С. 236.

В 1945—1950 годах американское правительство под руководством масона Г. Трумэна разрабатывает ряд глобальных планов атомной бомбардировки, вооруженного вторжения и военной оккупации России. Все эти планы по тайным каналам советской разведки становятся известными советскому руководству.

Первый план атомного нападения на Россию был подготовлен еще в ноябре 1945 года под кодовым названием «Тоталити», еще два — «Чариотир» и «Флитвуд», — составленные в 1948 году, и один — самый чудовищный план, «Дропшот», — в 1949 году.

Согласно этим планам предполагалось нанесение атомного удара по главным административным, промышленным и стратегическим центрам СССР. Причем, как и Гитлер, американское руководство делало главную ставку на внезапное, молниеносное нападение, к которому, по их мнению, Советский Союз не был готов.

План «Тоталити» (т. е. глобальной войны против России) предполагал разрушение 20 самых важных советских городов атомными и обычными бомбами, сброшенными с самолетов, которые вылетят с баз, находящихся в Англии и других западноевропейских странах.

Согласно плану наследников Гитлера в первые дни должны были быть разрушены такие города, как Москва, Ленинград, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль. Минск и Киев сюда не включались, по-видимому, из-за того, что были и без того сильно тогда разрушены.

Предполагалось также, что в результате этой бомбардировки будет убито и ранено не менее 10 млн. человек.

Однако следующие планы были еще более чудовищны. Планы «Чариотир» и «Флитвуд» исходили из того, что в первые 30 дней войны будут сброшены 133 атомных заряда уже на 70 пунктов. Из них 8 — на Москву и 7 — на Ленинград. Войну намечалось начать 1 апреля 1949 года. По плану «Дропшот» наносился еще более мощный бомбовый удар. Начало военных действий назначалось на 1 января 1950 года. В течение трех месяцев планировалось сбросить 300 атомных бомб и 20 тыс. т обычных бомб на объекты в 100 городах.

После атомной бомбардировки предполагалась оккупация СССР американскими войсками. По уже цитированной мною секретной директиве Совета национальной безопасно-

сти США 1948 года, в России должен быть установлен новый режим, который:

а) не располагал бы большой военной мощью;

б) в экономическом отношении сильно зависел бы от США и западного мира;

в) не имел бы большой власти над главными национальными меньшинствами СССР (фактически предполагалось расчленение России);

г) не создавал бы «железный занавес» или нечто похожее на него на своих границах[1].

В 1949 году советские разведчики сумели добыть совершенно секретные планы англо-американского штабного комитета, в которых говорилось, что наилучшее время для начала войны против СССР — 1952—1953 годы[2].

На рубеже 50-х годов западный мир готов был из состояния холодной войны против СССР перейти в горячую. В 1950 году вдова президента США Ф.Д. Рузвельта посещает СССР, а затем на сессии ООН доводит до мнения мировой общественности, что в Советском Союзе содержатся 20 млн. заключенных (что в 7—8 раз превышало реальную цифру). Со стороны США это был пропагандистский трюк, направленный на то, чтобы в случае перерастания «холодной войны» в «горячую», т. е. в случае начала третьей мировой войны, боевые действия США и других западных стран против СССР, могущие повлечь за собой его разгром, в представлении мирового общественного мнения выглядели бы как «освободительная миссия».

В секретной директиве Совета национальной безопасности США, утвержденной президентом Трумэном в 1950 году, тайная война против России приобретала еще более широкие масштабы. Стремясь к мировому господству, американское масонское правительство пыталось безосновательно приписать эти стремления СССР. В высокопарных рассуждениях этого документа о необходимости «фундаментальных изменений природы советской системы» совершенно отчетливо просматривались главные цели его авторов — уничтожение и расчленение России. С этим секретным документом советское руководство познакомилось сразу же после его выхода, что не увеличило его симпатий к американскому правительству. Более того, директива отвергала возможность переговоров с СССР об ослаблении напряженности и давала только

---

[1] *Феклисов А. С.* За океаном и на острове. Записки разведчика. М., 1994. С. 117—118.

[2] Там же. С. 182.

одно направление разрешения противоречий с нашей страной — развязывание войны против нее.

Война в Корее, спровоцированная американским правительством, резко ухудшила обстановку в мире. Позиция Сталина в этом конфликте была достаточно определенной — он опасался последствий этой войны и пытался убедить Ким Ир Сена не отвечать на эту американскую провокацию. Только после того, как корейского лидера поддержал Мао Цзэдун, Сталин был вынужден поддержать своих союзников.

Американское правительство готовится применить в Корее атомное оружие. В декабре 1950 года Трумэн в ответ на вопрос о возможности использования в корейском конфликте атомной бомбы заявил: «Само по себе наличие оружия уже заставляет задуматься о его применении». Однако страх ответного удара со стороны СССР вынудил американского агрессора отказаться от этого плана. Тем не менее американское правительство не оставляет надежду запугать русский народ. В октябре 1951 года близкий к вашингтонским кругам американский журнал «Колиерс» посвятил целый номер будущей американской оккупации СССР. На обложке был изображен американский солдат со штыком в руках на фоне карты Советского Союза с надписью «Разгром и оккупация России в 1952—1960»... «Советское правительство должно изменить свои взгляды и свою политику... А если советские политики откажутся от перемен, то они должны понимать, что свободный мир будет бороться с ними. Будет бороться и победит». На следующей странице — красочная картина взрыва атомной бомбы в центре Москвы. Показаны разрушенный Кремль, руины храма Василия Блаженного, стертый с лица земли исторический центр русской столицы. С подробностями показаны высадка американского десанта, захват и массовые убийства плененных русских людей, освобождение уголовников и снабжение их оружием. Конечно, выпуск такого журнала был санкционирован американским правительством с тем, чтобы запугать советское руководство и заставить его пойти на уступки[1].

После таких наглых демонстраций американского правительства против России холодная война еще более усиливается. С 1952 года американскими спецслужбами создается радиостанция «Освобождение» (позднее получившая название «Свобода»). Работали на ней преимущественно отъявленные русофобы, изменники Родины: власовцы, оуновцы и по-

---

[1] Collier's. 27.10.1951.

добные им отщепенцы[1]. Работа радиостанции, по словам американского сенатора В. Фулбрайта, являлась неотъемлемой частью системы лжи и заговоров, построенной на дезориентации и обмане как американского народа, так и всех тех, кто слушал эту радиостанцию. Простым американцам навязывалось враждебное отношение к России, ненависть к русскому народу как «империалисту и тюремщику других народов». Аморальные личности, вещавшие на СССР, почище еврейских большевиков очерняли русскую историю, подстрекали к разрушению русской государственности.

Американское правительство втягивало в холодную войну против России не только страны—членов НАТО, но и нейтральные государства. 13 июня 1952 года шведский самолет-шпион ДС-3 был сбит советским истребителем в небе над Прибалтикой. События, связанные с этим самолетом, позволили установить тайное сотрудничество нейтральной Швеции с НАТО, а сбитый самолет выполнял задание американского правительства. Позднее также было установлено, что такое же сотрудничество с НАТО осуществляли и другие скандинавские страны и прежде всего Финляндия, ставшая одной из главных баз переброски американских шпионов на территорию России.

Взрыв первой советской атомной бомбы в августе 1949 года многое переменил в мировой политике, укрепив международную позицию СССР.

Такой же характер имели победа китайской революции и провозглашение 1 октября 1949 года Китайской Народной Республики. Мировая геополитическая обстановка изменилась в пользу СССР.

Создание советской атомной бомбы потрясло американскую администрацию, рассчитывавшую, что превосходство США в этом виде вооружений продлится еще долго. Волна полицейских репрессий охватила многих, причастных к американскому атомному проекту. Был арестован ряд добровольных идейных помощников советской разведки, которые передавали технические сведения о конструкции атомной бомбы. Мно-

---

[1] Все сотрудники радио «Свобода» являлись фактически сотрудниками ЦРУ и при поступлении на службу давали следующую расписку: «Нижеподписавшийся поставлен в известность о том, что радиостанция «Свобода» создана ЦРУ и функционирует на его средства. За разглашение этих данных виновные будут подвергаться штрафу до 10 000 долларов и тюремному заключению сроком до 10 лет». (Цит. по: *Широнин В.* Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. М., 1996. С. 98.)

гие получили длительные тюремные сроки, а двое — супруги Розенберги — казнены на электрическом стуле в присутствии сорока репортеров. «Мы первые жертвы американского фашизма», — написала в последнем письме Э. Розенберг.

В тяжелых условиях антирусской кампании, которая проводилась западными странами, советское правительство занимало достаточно выдержанную, миротворческую позицию. В 1951 году Сталин выступил с инициативой строить отношения СССР с Западом на основе принципа мирного сосуществования государств с разным социальным строем. В рамках этого предложения в 1952 году в Москве созывается Международное экономическое совещание.

Тем не менее, зная тайные планы США и Англии о подготовке к нападению на СССР и атомной бомбардировке советских городов, Сталин, по-видимому, не сомневался в грядущей третьей мировой войне, в которой он видел особый, чуть ли не мистический смысл. Как рассказывал Молотов, Сталин рассуждал так: «Первая мировая война вырвала одну страну из капиталистического рабства. Вторая мировая война создала социалистическую систему, а третья навсегда покончит с империализмом»[1]. Вместе с тем, Сталин всеми силами стремился оттянуть начало войны, которую западный мир навязывал России.

По инициативе Сталина советские общественные деятели принимают участие в сборе подписей под Стокгольмским воззванием мира. На Всемирном Конгрессе сторонников мира в составе советской делегации, в частности, присутствовали А.А. Фадеев, А.Е. Корнейчук, В.П. Волгин, П.Н. Федосеев, Л.Т. Космодемьянская, А.П. Маресьев. На этом Конгрессе многие зарубежные делегаты признавали СССР ведущей миротворческой силой планеты. Американский певец Поль Робсон, заканчивая свое выступление, с трибуны Конгресса запел на русском языке арию из оперы И.И. Дзержинского «Тихий Дон» — «От края до края...»[2]

Выдающийся английский драматург Б. Шоу передал советскому правительству 20 тыс. фунтов стерлингов. «Пусть мой гонорар, — сказал он, — пойдет на благо советского народа. Своим геройством в борьбе против врага человечества — гитлеровской Германии — советские люди заслужили величайшее уважение всех честных мужчин и женщин на земле и мое тоже. Мы все обязаны Советскому Союзу, что сейчас мир»[3].

---

[1] Беседы с Молотовым. С. 90.

[2] Правда. 21.4.1949.

[3] *Феклисов А. С.* Указ. соч. С. 133.

Стремление России к миру ярко выражалось в таком факте, что, имея в начале 50-х годов огромное военное преимущество над США, Россия, несмотря на непрекращающуюся враждебность Запада, не попыталась наказать его, хотя и имела для этого все возможности. Как отмечал академик П.Л. Капица, после успешного осуществления термоядерного взрыва в СССР каждая советская атомная бомба с помощью специальной технологии использования легкого изотопа лития превращалась в термоядерную. Взрывная сила запасов атомных бомб в СССР практически сразу увеличивалась в 1000 раз, в то время, как в США она оставалась на том же уровне. «Если даже допустить, — писал П.Л. Капица, — что американские запасы активного продукта для бомб в то время были в несколько раз больше, чем в СССР, то все же несомненно, что при помножении на 1000 «атомная мощь» СССР в сотни раз превосходила «атомную мощь» США. Можно с уверенностью сказать, что такого решающего военного преимущества по своему масштабу одной стороны над другой не знала история (конечно, не считая колониальных войн). Это положение длилось 7 месяцев»[1]. И за все это время советское руководство ни разу не попыталось использовать свое преимущество.

Тем не менее страна готовилась к третьей мировой войне. На Чукотке, например, была дислоцирована 14-я десантная армия под командованием генерала Олешева. Армия имела стратегическую задачу, поставленную Сталиным: если американцы совершают на СССР атомное нападение, то она высаживается на Аляску, идет по побережью и развивает наступление на США. Однако впоследствии из-за высокой стоимости от этого плана отказались[2]. Для нанесения ответного удара американскому агрессору на территории ГДР было создано мощное бронетанковое соединение, насчитывавшее несколько десятков тысяч танков и других военных машин[3].

Агрессивная кампания Запада против СССР заставила советское руководство воссоздать некоторые организационные структуры бывшего Коминтерна, но уже под другой вывеской. В сентябре 1947 года в городе Шклярска Поремба в Польше было собрано совещание представителей девяти коммунистических партий Европы, на котором было создано Инфор-

---

[1] Исторический архив, 1994. № 6. С. 120.

[2] Беседы с Молотовым. С. 100.

[3] *Леонов Н. С.* Лихолетье. М., 1995. С. 56.

мационное бюро коммунистических и рабочих партий (Информбюро), ставшее международным орудием проведения советской внешней политики.

Готовность России к немедленному возмездию агрессору заметно охлаждала пыл американского правительства. К моменту смерти Сталина оно уже не решается продолжать провокационную политику на разжигание третьей мировой войны.

В секретных разработках вашингтонских аналитиков приводятся разные доводы, почему США не сумеют победить СССР. Чаще всего в числе прочих аргументов назывались:

1) прирожденные мужество, терпение, стойкость и патриотизм подавляющей части населения Советского Союза;

2) отлаженный и четкий механизм, с помощью которого Кремль централизованно управляет СССР и всем социалистическим блоком;

3) идейная привлекательность теоретического коммунизма с его установками на построение справедливого общества;

4) способность советского правительства мобилизовывать население в поддержку военных усилий, что было доказано в войне против Германии;

5) удивительное упорство Советской Армии вести боевые действия в труднейших условиях, как это показали первые два года Великой Отечественной войны.

По оценкам некоторых здравомыслящих американских аналитиков, война против СССР закончится неизбежным крахом западной системы. По их прогнозам, несмотря на большие потери от атомных бомбардировок в первые дни, СССР сможет в течение 20 суток занять Западную Европу, а через 60 с помощью интенсивных бомбардировок вывести из стороя главного американского союзника — Англию с ее базами, имеющими первостепенное значение для американской бомбардировочной авиации. К исходу 6 месяцев боевых действий СССР может захватить северное побережье Средиземного моря от Пиренеев до Сирии, станет контролировать Гибралтарский пролив и захватит нефтяные районы на Ближнем Востоке[1]. Русские атомные бомбардировщики и партизанская война в США значительно подорвут способность и волю Америки к продолжению войны; Америка не сможет защитить свои собственные города[2].

---

[1] *Феклисов А. С.* Указ. соч. С. 119.

[2] *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть. С. 34.

После того, как американское правительство поняло, что США не удастся победить Россию в атомной войне, разрабатывается новый, долгосрочный план разрушения Русского государства. Состоял он из двух основных разделов:

Первый. Вести массированную, широкомасштабную холодную войну, направленную на подрыв строя, с целью его развала мирным путем. Этот раздел разрабатывали ранее существовавшие и вновь созданные научные центры.

Особо были выделены три направления:

1. Компрометация компартии как руководящего органа страны с целью полного ее развала и ликвидации.
2. Разжигание национальной вражды.
3. Использование авторитета Церкви.

Второй. Максимально наращивать новейшие виды вооружений, чтобы втянуть Советский Союз в непосильную гонку вооружения и истощить экономически.

Был разработан так называемый «проект демократии», он предусматривал широкомасштабную помощь тем кругам в СССР и в странах Восточной Европы, которые находились в оппозиции к правящему режиму, — в виде предоставления денежных средств, вооружения, типографского оборудования, налаживания среди населения подрывной деятельности в этих странах и осуществления тайных операций, вплоть до физического устранения неугодных лиц.

Таким образом, планировались не просто акции пропагандистского характера — идеологическая диверсия (или, по западной терминологии, психологическая война) имела две совершенно определенные позиции.

Первая — это гласные формы: радиопропаганда, печать, телевидение, которое ловко и умело использовали просчеты и ошибки лидеров партии и государства, сопровождая свои комментарии потоками лжи и клеветы и призывая людей к открытой борьбе с существующим режимом.

Вторая — закрытая деятельность: поиск сообщников, объединение их в группы, оказание им материальной помощи, с тем чтобы они создавали внутри страны так называемые очаги сопротивления, которые способны были бы в нужный момент выступить, поддержать тех, кто возьмет на себя смелость начать открытую борьбу против существующего строя.

«Психологическая война, — отмечалось в директиве США СНБ 20/I, — чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа; она подорвет его мораль, будет сеять смятение и создавать дезорганизацию в стране.

Широкая психологическая война — одна из важнейших задач Соединенных Штатов. Основная ее цель — уничтожение поддержки народами СССР и его сателлитов установившейся в этих странах системы правления и внедрение среди них сознания того, что свержение Политбюро — в пределах реальности»[1].

ГЛАВА 9

Усиление холодной войны Запада против России. — «Железный занавес» НАТО вокруг СССР — Агрессивная политика США — Американское ядерное преимущество. — Разрушение единого антизападного лагеря. — Слабость внешней политики СССР. — Берлинская стена. — Карибский кризис. — Американский шпионаж и провокации против СССР. — Аантирусское восстание в Венгрии

После смерти Сталина холодная война Запада против России приобрела еще более широкий и изощренный характер. Успеху многих ее операций способствовали серьезные внешнеполитические ошибки советского руководства, ориентировавшего свои усилия на установление отношений с США и западными странами и противостояние некоторым потенциальным союзникам (прежде всего в лице Китая и Албании).

Если внешняя политика СССР в послесталинский период была чередой постепенных уступок Западу и ослаблением своих международных позиций, то политика США и западных стран носила более цельный, последовательный характер без каких-либо серьезных компромиссов с Россией по принципиальным вопросам. После войны США сумели объединить вокруг себя большой блок стран, противостоящих России, и шаг за шагом завоевывали себе все новых союзников, тогда как СССР в результате недальновидной внешней политики послесталинского руководства терял своих союзников. Вместо наращивания реальной силы и объединения своих союзников в один кулак советское руководство выпустило инициативу из своих рук, выбрав путь бесконечных переговоров, действенность которых была очень мала.

Агрессивный антирусский блок НАТО, ставивший своей главной стратегической целью завоевание и расчленение

---

[1] *Бобков Ф.Д.* Указ. соч.. С. 35—36.

СССР, был основным международным инструментом Запада в «диалоге» с Россией. Рассуждения о сдерживании коммунизма в своей основе имели явно антирусский характер. Политическая подготовка солдат в армиях НАТО базировалась на отождествлении коммунистов и русских.

Одним из главных идеологов холодной войны против СССР стал брат директора ЦРУ государственный секретарь США с 1953 года Д. Ф. Даллес. Именно ему принадлежала формула: «Балансирование на грани войны»[1]. Такой же законченный русофоб, как и его брат, Д. Ф. Даллес руководил внешнеполитической деятельностью США на крайних антирусских нотах, стремился объединить вокруг США все враждебные России силы, добиться размещения на территории стран, граничащих с СССР, американских атомных баз.

С целью задушить Россию Запад образует вокруг нее «железный занавес», наступательным форпостом которого становится опасное кольцо из сотен военных баз, в большинстве своем предназначенных для ядерной бомбардировки нашей страны. В течение 1954—1958 годов в Англии, Италии, ФРГ, Турции размещаются американские ядерные ракеты «Матадор», «Топ», «Юпитер», самолеты-снаряды «Мейс». В 1961 году атомное оружие появляется на территории Франции[2]. НАТО втягивает в свою орбиту ряд государств, возглавляемых диктаторскими проамериканскими режимами, — Японию, Тайвань, Южную Корею, Южный Вьетнам, Пакистан, Иран, Турцию и др. Опираясь на эти режимы, НАТО сколотил вокруг СССР кордоны недоброжелательства и русофобии, воплощенные в Багдадский пакт (СЕНТО), Манильский договор (СЕАТО) и многочисленные военные базы в Индийском, Атлантическом и Тихом океанах. Основателями и долгое время руководителями этой политики были ярые русофобы-масоны Д. Ф. Даллес и Д. Ачесон. Огромное количество американского ядерного оружия тайно размещается в Южной Корее сравнительно недалеко от границ СССР. По словам А. А. Громыко, она была просто «нашпигована ядерным оружием»[3].

К концу 50-х годов стратегический баланс ядерных сил складывался явно не в нашу пользу. Требовалось незамедлительно принимать ответные меры, чтобы нейтрализовать ядерную угрозу со стороны США и их союзников по НАТО. Для этого в 1959 году в Европейской части СССР устанавли-

---

[1] *Громыко А. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 471.

[2] *Корниенко Г. М.* Указ. соч. С. 235.

[3] *Громыко А. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 491.

ваются ракеты средней дальности, которые, хотя и улучшили наше положение, но не могли устранить стратегическое ядерное превосходство Запада.

Ядерные арсеналы СССР и США в 1962 году[1]

	СССР	США
Межконтинентальных баллистических ракет	50	300
Баллистических ракет на подводных лодках	около 5	более 100
Тяжелых бомбардировщиков с ядерным оружием	190	600

Кроме того, США имели в Западной Европе и другие ядерные средства передового базирования. Если ко всему этому добавить ядерное оружие Англии и Франции, то перевес становился еще более подавляющим. Всего в начале 60-х годов США обладали 5 тысячами единиц ядерного оружия, обеспеченного средствами доставки, тогда как у СССР этот арсенал составлял только 300 единиц[2].

В середине 50-х годов США разрабатывают шестнадцатый (!) план атомной бомбардировки России «Дропшот». Согласно этому плану Америка собиралась совершить нападение на СССР 1 января 1957 года. Для уничтожения России предполагалось сбросить 300 атомных бомб на 100 советских городов. Однако успехи русских ученых и инженеров, создавших мощное оружие возмездия, охладили пыл американских агрессоров. По данным американских экспертов, число прорвавшихся с целью возмездия на территорию США русских атомных бомбардировщиков может быть таким, что после их ударов 8,5 млн. американцев погибнет и около 8 млн. будет ранено, «пострадает основа американского образа жизни — собственность», «погибнет демократия». Замышлявшие агрессию американские правители не без основания боялись развала НАТО, — европейские члены его настойчиво требовали отказа от планов ядерной бомбардировки СССР, так как понимали, что первый удар возмездия придется именно по ним.

В начале 60-х годов министр обороны США Р. Макнамара с горечью признал, что в случае ядерной войны общие поте-

---

[1] *Корниенко Г. М.* Указ. соч. С. 236.

[2] Там же. Указ. соч. С. 80.

ри будут до 100 млн. человек. Ядерное превосходство США над СССР не гарантировало избежать громадных жертв и потерь американской стороне.

В 1955 году в Женеве проходило совещание глав правительств СССР, США, Англии и Франции, на котором советская сторона была представлена делегацией в составе Н. С. Хрущева, Н. А. Булганина, В. М. Молотова, Г. К. Жукова и А. А. Громыко. На этом совещании делегация СССР объявила странам Запада о своей готовности вступить в Северо-Атлантический союз — «если блок НАТО поставлен на службу делу мира, то он не может не согласиться с включением в него Советского Союза». Заявление на этот счет было оглашено председателем Совета Министров СССР Булганиным. Представители Запада были ошеломлены. «В течение нескольких минут, — пишет А. А. Громыко, — ни одна из западных делегаций не произнесла ни слова в ответ на поставленный вопрос»[1]. Опомнившись, западные делегации отказались это предложение даже обсуждать. Более того, в средствах массовой информации это предложение старательно замалчивалось.

Советское предложение о вступлении СССР в НАТО было первым предвозвестником горбачевских реформ по сдаче российских внешнеполитических позиций Западу. Не случайно, что в этом же году СССР без всяких условий выводит свои войска из Австрии, наряду с войсками трех других оккупационных держав. Однако последние установили там угодный им режим, а Россия уходила оттуда, даже не получив сполна выплаты по репарациям.

Перед выводом западных оккупационных войск ЦРУ устроило на территории Австрии специальные тайники, в которых спрятало винтовки, пистолеты, взрывчатку, канистры со слезоточивым газом, предназначенные для раздачи «бойцам сопротивления» против вероятного нападения Русской армии. Подобные склады были устроены и в других европейских странах[2].

Еще более грубый дипломатический просчет хрущевский режим допустил во время переговоров с Японией в 1955 году. В это время при тайной поддержке США Япония поднимает вопрос о возвращении якобы принадлежавших ей трех островов Южных Курил. Собственно инициативной стороной здесь были Соединенные Штаты, рассчитывавшие в случае

---

[1] *Громыко А. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 442.

[2] *Михеев В.* Американцы зарыли оружие в нейтральной Австрии. Известия. 21.1.1996.

передачи этих островов Японии разместить на них еще несколько своих ядерных баз, предназначенных для войны с СССР, которую они хотели развязать в 1957 году.

Ни исторически, ни юридически Япония не имела на эти острова никаких прав. Тем более, что принадлежность этих территорий России была определена Капрским и Ялтинским соглашением 1945 года и подтверждена Сан-Францисским совещанием 1951 года.

В ответ на предожение Японии обсудить вопрос об островах Москва предлагает передать его в Международный Суд. Токио отвергает эту инициативу и просит обсудить это на двухсторонних переговорах. Хрущев почему-то соглашается на это, чем совершает грубую дипломатическую ошибку.

В ноябре 1955 года Хрущев и Булганин на переговорах в Москве с японской правительственной делегацией заявили, что СССР готов рассмотреть вопрос о передаче Японии островов Шикотан, Хабомаи и Кунашир «в обмен» на отказ Токио от военного сотрудничества с США и на подписание мирного договора с СССР. Министр иностранных дел В.М. Молотов, еще до приезда японской делегации выступавший против «предложения» Хрущева и Булганина, был исключен из состава советской делегации, проводившей переговоры.

В 1956 году «инициатива» Хрущева и Булганина была оформлена в текст советско-японской декларации о восстановлении дипломатических отношений между двумя странами. Непродуманные действия Хрущева создают для Русского государства опасный прецедент, ибо советско-японская декларация 1956 года стала основой для территориальных притязаний Японии к России.

Тем не менее было бы неверно рассматривать внешнюю политику СССР в те годы как сплошную ошибку. На Ближнем Востоке советское правительство добилось значительных успехов, сделав своими союзниками президента Египта А. Насера. В 1955 году оно провело с ним секретные переговоры о продаже Египту советского оружия. В результате подписания договора влияние США на эту страну резко упало, был положен конец западной монополии торговли оружием.

Летом 1956 года А. Насер национализировал Суэцкий канал, который незаконно эксплуатировали западные страны. В ноябре этого же года Англия, Франция и Израиль военными средствами попытались вновь захватить Суэцкий канал. Однако энергичные действия арабского руководства не позволили осуществиться преступным планам Израиля и запад-

ных держав. СССР и большая часть арабского мира чествовали А. Насера как героя. В 1958 году он совершил трехнедельную поездку по СССР, был почетным гостем на трибуне Мавзолея. Проведенные во время визита переговоры закрепили дружеские отношения СССР с арабским миром, противостоявшим западному империализму и сионизму. Таким образом, в тот период попытка Запада полностью господствовать на Ближнем Востоке провалилась. Однако это не означало, что Запад отступился от своих намерений.

В 1957 году США начинают новый этап в холодной войне против России. Провозглашается так называемая «доктрина Эйзенхауэра — Даллеса». Согласно ей Соединенные Штаты присваивали себе право применения военной силы для навязывания своего господства на Ближнем и Среднем Востоке под предлогом борьбы против коммунистической угрозы, а на самом деле для военного противостояния СССР. В рамках этой доктрины были осуществлены политические интриги против Сирии и агрессивные военные операции против Ливана[1].

Одним из главных внешнеполитических преступлений режима Хрущева стало разрушение единого политического пространства от Албании и ГДР до Китая и Кореи. Спровоцированный недалекой политикой послесталинского руководства разрыв между СССР и Китаем сильно подорвал устойчивость международных позиций нашей страны, подтолкнув ее к проведению невыгодной для России западноцентристской политики. Сознательно вступив в конфронтацию с Китаем, Хрущев дал начало расколу международного антизападного лагеря. Испортив отношения с Китаем, он был вынужден отойти от принципиальной позиции в отношении США и других западных стран. Движение в сторону Запада стало реакцией на спровоцированную им конфронтацию с Китаем. От такой политики выигрывал только Запад, который всячески старался усилить противоречия между великими антизападными державами, предлагая каждой стороне свою поддержку против другой стороны[2].

---

[1] *Громыко А.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 462.

[2] В 1959 году американское руководство через своего министра обороны Н. Макэлроя предлагает правительству СССР «объединиться против Китая». В разговоре с А. А. Громыко на борту самолета, где в то же время летел и государственный секретарь США, Макэлрой заявил, что «желтая опасность» (то есть Китай) сейчас настолько велика, что от нее отмахиваться просто так нельзя. Более того, ее не только надо учитывать, но с нею надо бороться» (*Громыко А.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 473).

Конечно, не следует упрощать и позицию Китая. По мере укрепления режима личной власти Мао Цзэдуна усиливались и его гегемонистские устремления. Безусловно они носили естественный характер, объясняясь растущим потенциалом громадной азиатской державы. Также естественно, что у СССР великодержавные тенденции Китая вызывали такую же тревогу за стабильность своих южных границ. После смерти Сталина Мао стал претендовать на роль руководителя социалистического мира или хотя бы всей Азии. В этих условиях вполне разумно было бы принять предложение Мао о разграничении сфер влияния между Китаем и СССР, что позволило бы сохранить единое антизападное пространство. Однако Хрущев отверг это предложение. На переговоры в Пекин, где первый секретарь ЦК КПСС отказался от геополитического союза с Китаем, он прибыл после встречи на высшем уровне в Кэмп-Дэвиде (США), которая, возможно, и предопределила его выбор. Тогда Мао сказал ему: «Берите на себя Европу, Азию оставьте нам». Хрущев ответил: «Нам никто не поручал смотреть за Европой. Кто поручил Вам смотреть за Азией?»[1]

Разногласия между СССР и Китаем резко обострились, когда «советские друзья» отказались передать китайским «образец» атомной бомбы, вынудив Китай создавать ее самому. Постепенно отношения между двумя великими антизападными державами ухудшаются. В 1960 году СССР отзывает большую часть своих специалистов из этой страны, а также сворачивает военную и экономическую помощь.

В 1963 году по инициативе СССР, горячо поддержанной США, был подписан договор о запрещении ядерных испытаний, который в значительной степени был направлен против Китая, тогда не имевшего ядерного оружия. Мао Цзэдун совершенно справедливо оценил этот договор как недружественный акт со стороны СССР.

Со времен Хрущева в аппарате ЦК формируется целый клан закулисных политиков, заинтересованных в продолжении этой конфронтации и ориентирующихся на Запад. Трудно сказать, что больше определяло здесь их мотивы — боязнь ответственности за участие в первоначальном ошибочном решении на конфронтацию с Китаем или просто тщательно скрываемая ненависть к Русскому государству, стремление нанести ему ущерб любой ценой. Скорее всего присутствовали оба мотива. К числу подобных политиков следует отнести

---

[1] *Кауль Т. Н.* Указ. соч. С. 174.

таких еврейских большевиков, как Бурлацкий, Арбатов, Иноземцев, Бовин. Именно этими деятелями, впоследствии выявленными как агенты влияния США, по поручению Хрущева было составлено печально известное «Открытое письмо ЦК КПСС» китайскому руководству, в котором, по сути дела, Китаю объявлялась холодная война[1].

Разрыв с Китаем, а впоследствии и Албанией резко ухудшил международное геополитическое положение СССР. Морские и воздушные коммуникации Китая и Албании имели большое стратегическое значение для развития обороны нашей страны. Кроме того, единое союзническое пространство обеспечивало эффективный общий фронт, противостоящий западному экспансионизму и агрессии. В результате СССР не только ослабил свои мировые позиции, но и получил по всей советско-китайской границе постоянный очаг напряженности. Все это отвлекало силы СССР и позволило США начать осенью 1954 года агрессию против Вьетнама и не особенно стесняться в провокационных действиях против Кубы, Северной Кореи, ГДР, а также государств Ближнего Востока.

В ноябре 1958 года СССР выступил с инициативой заключения странами-победительницами мирного договора с двумя германскими государствами — ГДР и ФРГ — и придания статуса «вольного города» Западному Берлину. Однако США всяческим образом препятствовали этой инициативе. На встрече Хрущева и Кеннеди в Вене летом 1961 года советская сторона заявила, что в случае отказа США и других западных стран подписать мирный договор СССР в одностороннем порядке подпишет договор с ГДР и преградит им доступ в Западный Берлин. В ответ на мирное предложение СССР президент Кеннеди раздраженно заявил, что он не остановится перед войной, чтобы «защитить» Западный Берлин. По его приказу усиленно проводятся военные приготовления, призываются на службу 250 тыс. резервистов, военный бюджет увеличивается на 6 млрд. долларов. Американские войска и техника в огромных масштабах направляются в ФРГ. Оккупация Западного Берлина американскими войсками ставит мир перед угрозой новой войны. «Мы, — сказал Хрущев, — войны не хотим, но если вы ее навяжете, то она будет»[2]. Агрессивный тон, принятый американской стороной, вынудил СССР и его союзников пойти на решительные шаги. Чтобы избежать военного

---

[1] *Арбатов Г. А.* Затянувшееся выздоровление (1953—1985). Свидетельство современника. М., 1991. С. 93—100.

[2] *Корниенко Г. М.* Указ. соч. С. 64.

конфликта, в ночь с 12 на 13 августа 1961 года были закрыты границы между Восточным и Западным Берлином. Первоначальные проволочные заграждения устанавливаются по всему периметру границ (позднее они были заменены бетонными). Так в результате агрессивной политики США возникла Берлинская стена.

1 сентября 1961 года СССР после трехлетнего моратория взорвал на полигоне на Новой Земле водородную бомбу мощностью более пятидесяти мегатонн, что послужило отрезвляющим душем для американской стороны и заставило ее задуматься над возможными последствиями агрессивной политики.

Слабость советского руководства, возглавляемого Н. С. Хрущевым, особенно явно проявилась во время так называемого Карибского кризиса в октябре 1962 года, в основе которого, конечно, лежала агрессивная политика Соединенных Штатов, предполагавшая двойной стандарт в отношениях с другими странами. Суть этого кризиса заключалась в том, что СССР на основании дружественного договора с Кубой и для ее защиты от нападения США[1] начал там установку 42 ракет с ядерными боеголовками, способными нанести сокрушительные удары возмездия по городам американского агрессора в радиусе 3000 км, а на Восточном побережье США поразить основные объекты в течение нескольких минут. Шаг этот соответствовал нормам международного права и был адекватен мероприятиям американской стороны, разместившей в Турции на границе с СССР военные базы с ракетами «Юпитер», направленными на советские города. Руководство США в ультимативной форме потребовало от СССР вывезти ракеты с Кубы, что, по сути дела, было грубым вмешательством в суверенные права СССР и Кубы. С точки зрения международного права ничто не противоречило заключению договора на их установку между СССР и Кубой. США сами создали прецедент, разместив свои ракеты в Англии, Италии, ФРГ и Турции (рядом с советской границей). Таким образом, претензии США в своей основе были безосновательны. Помощник президента Кеннеди Т. Соренсен позднее признавался, что сам Кеннеди был озабочен, что в мире скажут: «А какая разница между советскими ракетами на расстоянии 90 миль от Флориды и американскими ракетами в Турции, прямо у порога Советского Союза?»[2]

---

[1] Незадолго до этого Соединенные Штаты провели против Кубы масштабную военную операцию, которая с позором провалилась.

[2] Цит. по: *Корниенко Г. М.* Указ. соч. С. 80.

Многие понимали правомерность предпринятых СССР действий. Как справедливо отмечалось американскими исследователями: «Советское решение разместить на Кубе баллистические ракеты средней и промежуточной дальности, похоже, явилось ответом на три главные озабоченности: 1) ощущавшуюся необходимость удержать США от вторжения на Кубу...; 2) ощущавшуюся необходимость подправить существовавший в пользу США огромный дисбаланс по числу обеспеченных средствами доставки ядерных вооружений; 3) желание, порожденное соображениями национальной гордости и престижа, осуществить в противовес развертыванию Соединенными Штатами ядерного оружия по периметру Советского Союза «равное право» Советского Союза развернуть свои собственные ракеты на территории, примыкающей к Соединенным Штатам»[1]. Требовать от СССР вывода своих ракет из страны, куда они были введены с согласия дружественного правительства, американские власти не имели права. Советскому правительству следовало бы проводить твердую линию на обуздание зарвавшегося агрессора. Однако авантюрист от политики Хрущев с самого начала проявил слабость и колебания, которые по разведывательным каналам ЦРУ стали известны американскому руководству.

По команде Белого дома американские средства массовой информации начали оголтелую кампанию против СССР, лживо обвиняя его в проведении «агрессивной политики». Приказом президента США вводится военная блокада Кубы, все суда, направляющиеся в кубинские порты, подвергаются незаконному осмотру. Приводятся в состояние боевой готовности вооруженные силы. На Кубу готовится армия вторжения — 250 тыс. военнослужащих сухопутных войск, 90 тыс. морских пехотинцев и десантников, авиационную группировку, способную произвести две тысячи самолето-вылетов в один день для удара по различным объектам острова. Из числа американских марионеток формируется новое правительство Кубы. Американское правительство намечает и ядерную бомбардировку. На юго-востоке США в воздухе круглосуточно дежурили стратегические бомардировщики «Б-52» с ядерным оружием на борту. Как только один из них приземлялся для заправки, другой немедленно поднимался в воздух. Когда советские торговые суда подошли к границе блокады, одни из них получили приказ остановиться, другие — возвращаться в СССР.

[1] International Security, 1989/1990 Vol. 14. № 3. P. 138.

Ошибка советского руководства состояла в том, что размещение советских ракет на Кубе осуществлялось тайно, хотя в этом не было необходимости. Комплекс неполноценности, который все время владел Хрущевым, не позволил ему сделать это открыто, как США в Турции. Американская администрация сразу же увидела здесь слабость позиции советского руководства. Более того, измена офицера советской военной разведки Пеньковского, передавшего в США сведения о реальном ядерном потенциале СССР (оказавшемся значительно меньшим, чем в США) вызвала в американских верхах нездоровое эйфорическое состояние, соблазн немедленно показать свое ядерное превосходство.

В общем реакция США была неадекватной угрозе их национальной безопасности и объяснялась стремлением следовать путем силовой политики. Под угрозой войны администрация Кеннеди потребовала от советского руководства вывезти ракеты с Кубы. С 16 по 28 октября 1962 года США держали мир на грани ядерной катастрофы, американские вооруженные силы впервые за всю послевоенную историю были приведены в наивысшую степень боевой готовности.

В этой ситуации советское руководство растерялось и вновь показало слабость, проявившуюся в непоследовательных и поспешных действиях. Только на 13-й день была заключена взаимная договоренность, что СССР выводит ракеты с Кубы, за что США дает обязательство не нападать на Кубу, а через несколько месяцев демонтировать свои ракеты в Турции.

Соединенные Штаты не прекращали активный шпионаж и провокационные действия против СССР. Со второй половины 50-х годов по распоряжению президента Эйзенхауэра американские самолеты У-2 осуществляют постоянные облеты и фотографирование советской территории. В 1960 году один из самолетов-шпионов был сбит, а над летчиком (фактически над правительством США) устроен показательный процесс. Однако этот процесс не остановил американского шпионажа, через несколько месяцев после него американцы запустили спутник-шпион.

Американское правительство постоянно давало задания своим спецслужбам по организации провокаций и восстаний против России.

Еще летом 1953 года американские агенты в Восточном Берлине организовали «стихийные беспорядки», имевшие антирусский характер. Беспорядки были подавлены советскими войсками, хотя не обошлось без жертв.

Еще более серьезной провокацией против России стало инициированное американскими и западногерманскими агентами антирусское восстание в Венгрии.

Не последнюю роль в этом антирусском восстании сыграл Имре Надь, в свое время предложенный на роль премьер-министра Венгрии Берией. С 30-х годов этот антирусски настроенный венгерский большевик, по некоторым данным, участвовавший в убийстве русского Царя Николая II и его семьи, был штатным агентом НКВД (под кличкой «Володя»)[1] и, по-видимому, одновременно агентом американской разведки.

Восставшие убивали русских солдат и офицеров. Делалось это преимущественно из-за угла, в спину, самым зверским образом. Зарубежные радиостанции подстрекали венгров убивать русских как оккупантов и насильников. Из-за границы поступали оружие и деньги. Только решительными действиями советского командования антирусский мятеж был подавлен. У мятежников было отобрано и изъято 182 тыс. единиц стрелкового оружия, 3178 пулеметов, 40 орудий и минометов, 64 тыс. штук гранат и снарядов[2].

Во время событий в Венгрии в 1956 году в Москве произошли студенческие митинги. Студенты призывали выступить в поддержку венгров и протестовать против действий советского правительства. На этих митингах выдвигались антисоветские (а фактически антирусские) лозунги. Хотя очевидно, что к этим беспорядкам приложили руку западные спецслужбы (программа Даллеса была в действии), чиновники из КГБ подошли к этому делу формально и расценили эти беспорядки как недовольство Хрущевым[3].

ГЛАВА 10

Психологическая война против России. — Программы морального разложения и подготовки агентов влияния. — Ставка на потомков еврейских большевиков. — Антирусский закон о «порабощенных нациях». — Американский комитет по борьбе с Русским народом

После того как американская администрация осознала невозможность уничтожить Россию обычными военными

[1] *Судоплатов П.* Указ. соч. С. 419.

[2] *Берия С.* Указ. соч. С. 374.

[3] *Бобков Ф.Д.* Указ. соч. С. 144.

методами, в недрах государственного аппарата США вырабатываются планы всеобщей психологической и пропагандистской войны против СССР, на которую выделяются многие миллиарды долларов.

Определяя характер этой войны, военно-теоретический журнал НАТО «Дженерал милитари ревью» откровенно писал: «Единственный способ выиграть третью мировую войну это взорвать Советский Союз изнутри с помощью подрывных средств и разложения»[1]. Главный метод войны — противопоставление России всем остальным странам, русского народа — всему остальному миру, а внутри страны — стравливание одних групп населения с другими.

Документы западных разведслужб формулируют методику борьбы против Русского народа:

«В политическом плане мы стремимся лишить русских того сотрудничества, какое готовы были бы осуществить миллионы людей, к которым мы обращаемся. В военном плане мы хотим, чтобы этот район оставался для русских ненадежной зоной коммуникаций»[2].

«Используйте прием натравливания... одной группы населения на другую, если возможно большинства против меньшинства. Это очень важно. Всегда стойте на стороне тех... кого вы можете лучше всего использовать для осуществления вашей цели. Если вам некого поддерживать, создавайте таких сами»[3].

Цели и задачи психологической войны против России определялись западными стратегами в двух основных направлениях. Во-первых, по подготовке «единомышленников, союзников и помощников в России», т. е. агентов влияния. Во-вторых, по моральному разложению Русского народа, разрушению его духовных ценностей и навязыванию чуждых установок в жизни.

Жизненное кредо агентов влияния, работавших по планам ЦРУ над развалом нашей Родины, выразил еще в последние месяцы второй мировой войны высокопоставленный масон и будущий директор ЦРУ А. Даллес:

По инициативе А.Даллеса формируется так называемая «Лига Борьбы за Народную Свободу» (1949). Ее руководство было почти полностью масонским (реанимированный Ке-

---

[1] Секреты секретных служб США. М., 1973. С. 293.

[2] Там же. С. 290.

[3] Там же. С. 296—297.

ренский, Зензинов, Р. Абрамович и тому подобные деятели) и антипатриотическим. Однако успеха эта «Лига» не имела. В 1951 году с помощью того же Керенского и на деньги ЦРУ активизируется (созданное еще в 1948 году) «Российское народное движение», а ему в «помощь» — «Комитет друзей русского народа», состоявший почти сплошь из евреев во главе с Исааком Дон Левиным, русофобом, кадровым агентом американских спецслужб.

По примеру гитлеровского режима американцы не жалеют денег на создание организации, которая бы объединила все эмигрантские силы в борьбе против СССР. На конференции в Штутгарте в августе 1951 года создается «Совет освобождения народов России», вскоре вступивший в постыдный альянс с откровенно антирусскими организа-циями, ратовавшими за расчленение России. А в 1952 году на базе этого объединения (исключая НТС и белорусских националистов) опять же на американские деньги формируется «Координационный Центр Антибольшевистской борьбы», возглавляемый Мельгуновым, с радиостанцией «Освобождение» (позднее переименованной в «Свободу»). Используя все возможные средства, и прежде всего радиостанцию, этот «Центр», опираясь на кадровых идеологических работников американской разведки, стал рупором западного образа жизни, орудием очернения и фальсификации России, клеветы на ее народ.

С 1953 по 1962 год масон А. Даллес в качестве директора ЦРУ разрабатывает ряд секретных программ и директив, которые принимаются Советом национальной безопасности США. В них закладываются высказанные им мысли и идеи. Несмотря на всю чудовищность и цинизм этих разработок, они являются прямым продолжением идей разрушения СССР, выдвинутых в годы войны начальником УСС Донованом, предложившим способствовать Гитлеру в завоевании СССР.

Одним из главных пунктов этих программ была подготовка агентов влияния в России.

По-видимому, одним из первых подобных опытов подготовки агентов влияния стала попытка американских спецслужб завербовать некоторых лиц из группы советских стажеров, находившихся в конце 50-х — начале 60-х годов в Колумбийском университете, среди которых были, в частности, будущие «прорабы перестройки» А. Яковлев и О. Калугин. Как отмечал бывший председатель КГБ СССР В. Крючков, «Яковлев отлично понимал, что находится под пристальным наблюдением американцев, чувствовал, к чему клонят его новые аме-

рикanские друзья, но правильных выводов для себя почему-то не сделал. Он пошел на несанкционированный контакт с американцами, а когда нам стало об этом известно, изобразил дело таким образом, будто сделал это в стремлении получить нужные для советской стороны материалы из закрытой библиотеки...»[1] Другой его соратник по стажировке, О. Калугин (будущий генерал КГБ), чтобы уйти от ответственности, донес на своего товарища, у которого после этого были крупные неприятности. От тех времен сохранилась фотография еще 50-х годов, опубликованная в эмигрантской газете «Русский голос», на которой запечатлены А. Н. Яковлев и О.Калугин в компании кадровых сотрудников ЦРУ[2].

Уже в 60-е годы США и западные спецслужбы создают себе единомышленников в лице так называемых диссидентов, значительная часть которых являлись генетическими наследниками палачей Русского народа, еврейских большевиков и масонов, — Литвинова, Красина, Антонова-Овсеенко и др. Именно на осколки кланов еврейских большевиков ЦРУ возлагает особые надежды в эмиграции. Антирусская радиостанция «Свобода» и т.п. формируют свои кадры преимущественно из евреев, обозленных потомков пламенных революционеров.

Потомки еврейских большевиков становятся главными исполнителями программ «психологической войны» против России. Участником разработки одной из таких программ был председатель Центрального объединения послевоенных эмигрантов (ЦОПЭ) писатель Г. П. Климов. Объединение это работало рука об руку с ЦРУ и на его деньги. В частности, был подготовлен так называемый «Гарвардский проект» «спасения страны от большевиков руками троцкистов и меньшевиков», как шутили в ЦРУ[3]. В 60-е годы главные органы психологической войны против СССР были забиты потомками советских и досоветских революционных деятелей, в основном еврейских большевиков.

Из своих мытарств на чужбине Г. Климов вынес, что «война сейчас идет совершенно не там и «линия фронта» проходит не по расстановке сил в, как всегда, лживой прессе; что «пятая колонна» всех стран и народов — это подлинный интернационал определенного психического и генетическо-

[1] Цит. по: Советская Россия. 13.2.1993.

[2] Молодая гвардия, 1992. № 10. С. 84.

[3] Молодая гвардия, 1991. № 10. С. 154.

го склада. Именно они, эти люди, сея ненависть и разрушение, пытаются столкнуть здоровых и не подозревающих лбами. И понял я, что Запад хорошо это знает и в отсутствие «железного занавеса» вся зараза, которую они так усердно вскармливали, поплыла к ним...»

«Работая на кадрах, — говорил Климов, — я всегда удивлялся политике КГБ в отношении политических придурков. Не государственная безопасность, а санаторий! Вместо того чтобы изолировать всевозможных извращенцев — ведь они тоже пополняют штат перманетных революционеров, — им дают все больше и больше прав: Горбачев действует в том же духе. Или этот Сахаров. Политический дебил. Это же ставленник Берии в атомном шпионаже! Думает, в Союзе не было более талантливых ученых, чем этот Сахаров? Берия и от службы в армии его освободил как дебила... Ворон к ворону летит»[1].

Среди методов ЦРУ в психологической войне против СССР особое место в то время занимали попытки склонить граждан России к невозвращению на Родину во время пребывания за границей. Со стороны западных спецслужб велась настоящая охота за советскими людьми, выезжавшими за границу. «Был даже специальный план ЦРУ, где давались рекомендации, как склонять наших граждан остаться за рубежом».

ЦРУ использовало все возможное для поддержки на территории России антирусских подпольных организаций и бандформирований. На его деньги в СССР переправлялись оружие, литература, а также шпионское снаряжение, ибо практически все члены антирусского подполья выполняли разведывательные и подрывные задачи западных спецслужб.

За счет ЦРУ антирусское подполье в СССР держалось довольно-таки долго. Последний схрон оуновцев в Западной Украине был ликвидирован в 1962 году, а националистические движения в Латвии, Литве и Эстонии продолжали действовать нелегально и в 60-е годы[2].

Для идеологического обоснования «справедливости» этой войны Конгресс США единогласно принимает так называемый «Закон о порабощенных нациях». Являясь ярчайшим примером воинствующей русофобии, «закон» этот предписывал отмечать третью неделю июля как неделю порабощенных наций. Заявлялось, что эти нации порабощены русским народом, который по этому «закону» отождествлялся с ком-

[1] Молодая гвардия, 1991. № 10. С. 154—155.

[2] Источник, 1993. № 4. С. 88.

мунизмом и коммунистами. «Закон» был разработан рядом антирусских деятелей преимущественно еврейского происхождения по инициативе некоего Добрянского, сенаторов Дугласа и Джейвица, конгрессменов Фейгана и Бентла. Как образец классической русофобии Запада я процитирию этот «закон» почти полностью:

«... империалистическая и агрессивная политика русского коммунизма привела к созданию обширной империи, которая представляет собой зловещую угрозу безопасности Соединенных Штатов и всех свободных народов мира, и

Так как империалистическая политика коммунистической России привела, путем прямой и косвенной агрессии, к порабощению и лишению национальной независимости Польши, Венгрии, Литвы, Украины, Чехословакии, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Румынии, Восточной Германии, Болгарии, континентального Китая, Армении, Азербайджана, Грузии, Северной Кореи, Албании, Идель-Урала, Тибета, Казахии, Туркестана, Северного Вьетнама и других, и

Так как эти порабощенные нации, видя в Соединенных Штатах цитадель человеческой свободы, ищут их водительства в деле своего освобождения и обретения независимости и в деле восстановления религиозных свобод христианского, иудейского, мусульманского, буддийского и других вероисповеданий, а также личных свобод, и

Так как стремление к свободе и независимости подавляющего большинства народов этих порабощенных наций являет собою сильнейшую преграду войне и одну из лучших надежд на осуществление справедливого и прочного мира, и

Так как именно нам следует надлежащим официальным образом ясно показать народам тот исторический факт, что народ Соединенных Штатов разделяет их чаяния вновь обрести свободу и независимость, То отныне да будет:

Постановлено Сенатом и Палатой представителей Соединенных Штатов Америки, собранных в Конгрессе, Что: Президент Соединенных Штатов уполномачивается и его просят обнародовать прокламацию, объявляющую третью неделю июля 1959 года «Неделей Порабощенных Наций» и призывающую народ Соединенных Штатов отметить эту неделю церемониями и выступлениями. Президента далее уполномачивают и просят обнародовать подобную же прокламацию ежегодно, пока не будет достигнута свобода и независимость для всех порабощенных наций мира».

Патриотическая часть русской эмиграции выступила резко против антирусского закона, принятого Конгрессом США. Так, в письме к правящим американским кругам двух выдающихся русских людей в США А. Толстой и И. Сикорского отмечалось:

Печально, что резолюция пренебрегла включением в список Русского народа как жертвы коммунизма.

Более того, включение в этот список некоторых неотъемлемых частей России, названных «порабощенными нациями», дает Хрущеву в руки мощное пропагандистское оружие, выставляя его защитником русского единства... Мы знаем, что политика Соединенных Штатов не пытается предрешить пределов и политического строя территорий, входящих в состав Советского Союза, но Русский народ не знает этого, и для него резолюция Конгресса может означать опасное намерение расчленить его родину. Такое мнение Русского народа может оказаться причиной серьезного ослабления позиции свободного мира в борьбе с коммунизмом.

Мы знаем, что Русский народ был одной из первых жертв коммунистического заговора, в котором — чего нельзя отрицать — участвовали и русские ренегаты, но который, по существу, был заговором интернациональным. Мы твердо надеемся, что недоразумение, порожденное резолюцией Конгресса, будет в будущем исправлено...»

На средства правительства США создается Американский Комитет Освобождения Народов России, который было бы правильнее назвать Комитетом по борьбе с Русским народом. Его председатель адмирал А. Г. Кэрк однозначно определил цели этого комитета как борьбу с Русским народом, справедливо (со своей, масонской точки зрения) поставивший в один ряд всех врагов коренного Русского государства — «от жаждавших свободы декабристов 1825 года до приветствуемых нами сегодня беглецов из Советского Союза».

Этот антирусский комитет, по оценке немецкого историка Х.Е. Фолькмана, «однозначно склонялся к тому, чтобы поощрять, прежде всего финансово, процесс отделения «российских» национальностей. Эта позиция не в последнюю очередь преследовала цель — вместе с разгромом большевистского господства произвести также расчленение России и тем самым исключить ее как политического и экономического противника Америки»[1].

---

[1] Цит. по: Русский Вестник, 1994. № 18/20.

Поэтому (а не «по недомыслию», как казалось некоторым эмигрантам) американцы поддерживали сепаратистские политические организации (например, Антибольшевистский Блок Народов), для которых «борьба с большевиками означала одновременно борьбу с русскими».

В 50—60-е годы подавляющая часть русских эмигрантских организаций, за исключением некоторых монархических, находилась под полным контролем ЦРУ и других западных спецслужб и в большой степени финансировалась из их бюджетов.

Время от времени по инициативе спецслужб устраивались различные совещания либеральных и социал-демократических эмигрантских организаций. Совещания эти носили пропагандистский характер и, как правило, не имели никаких серьезных последствий для нашей страны. Так, в 1957 году в Гааге по инициативе НТС и на деньги ЦРУ проводится Конгресс за права и свободу в России. На нем была выработана новая тактика «частичных требований», более подходящая к условиям «хрущевской оттепели», поставившая своей окончательной целью порабощение России в интересах Запада.

Осознавая огромные масштабы тайной войны Запада против России, русский эмигрант, публицист Е. Арцюк, выступавший под именем А. Уайт, писал в 1955 году в статье «Русская политика самосохранения», что Запад активно готовится к захвату России. Многое, по его мнению, зависит от успеха антикоммунистической акции, которую целеустремленно ведут западные спецслужбы, чтобы «расшатать партию, а с ней армию и аппарат и произвести в России те сдвиги, которые бы позволили нынешним интернациональным демократам Запада... наложить руку на финансы, экономику и все природные ресурсы нашей страны...»

«Чем кончится эта борьба? — спрашивает А. Уайт — Отвоюют ли они себе прежнее влияние или нет, и много ли выиграет Россия, заменив сегодняшний советский режим новым социал-демократическим режимом? Правда, он несет с собою «Свободу и Демократию» взамен нынешней «Диктатуры и Тоталитаризма», что нам повторяют каждый день, и все это верно, но не следовало бы нам, русским, полюбопытствовать, пока не поздно, как дорого обойдутся все несомые ими блага российской нации и государству?

Какие именно сдвиги происходят сейчас в партии, мало кто знает. Кто из советских вождей клонит к сговору с бывшими демократическими собратьями Запада, а кто в сторону самостоятельного Евро-Азиатского Блока, — тоже сказать

трудно. Нельзя даже поручиться, что кто-то из них не пошел уже тайно на частичный сговор с Мировой Демократией (имеется в виду мировое масонство. — *О. П.*), орудующей на Западе, и не продаст в один прекрасный день (после дворцового переворота) Россию со всеми ее ресурсами...»[1]

ГЛАВА 11

Новые формы холодной войны против России. — Разжигание антирусских настроений в Восточной Европе. — Заговор космополитических сил и западных спецслужб в Чехословакии. — США разыгрывают «китайскую карту». — «Агрессивная война идей». — «Разрядка» (задушить врага в объятиях). — Эскалация холодной войны при Рейгане. — Новые программы подрывных действий. — Америанские генералы готовят нападение на СССР. — Западная провокация с южнокорейским самолетом. — Усиление шпионажа и диверсионной работы против России. — Подготовка агентов влияния

Разжигание антирусских настроений среди населения Восточной Европы (прежде всего в славянских странах) было одним из главных средств борьбы Запада в холодной войне против России. Особые подразделения западных спецслужб по специальным методикам из года в год распространяли антирусскую литературу, распускали по разным каналам (через радиостанции или через своих агентов) клеветнические слухи. Русский народ, оказывавший в ущерб себе странам Восточной Европы огромную материальную помощь, объявлялся клеветниками чуть ли не колонизатором и угнетателем. О русских солдатах и офицерах распускались слухи как о грабителях, насильниках и т. п.

К середине 60-х годов в ряде восточноевропейских стран создается организованное антирусское подполье, управляемое и финансируемое западными спецслужбами (прежде всего ЦРУ и западногерманской разведкой), агентурой католической церкви и масонских лож. Наиболее мощное подполье возникло в Чехословакии, где оно активно инициировалось, кроме перечисленных выше сил, Центром чехословацкой эмиграции в Париже (члены которого в большинстве своем принадлежали к масонским ложам) и международной сиони-

[1] *Уайт А.* Русская политика самосохранения. «Свободное слово Руси», 1992.

стской организацией «Джойнт». Подполье объединяло в себе большое количество космополитически настроенных деятелей культуры (вроде масона Гавела) и даже крупных коммунистических функционеров[1].

В 1968 году, опираясь на это подполье, ЦРУ проводит активную операцию по созданию в Чехословакии вооруженной оппозиции, прихода к власти прозападных космополитических сил и отрыву этой славянской страны от союза с Россией. Проводя эту операцию, ЦРУ особенно не рассчитывало на успех. Главной целью ее, по-видимому, было отвлечь внимание мировой общественности от войны во Вьетнаме, в которой США терпели позорное поражение.

В короткий срок в Чехословакии сколачивается целый ряд подрывных антирусских организаций (типа «Клуба-23», «Клуба беспартийных активистов» и др.), руководителями которых были члены масонских лож и сионистских организаций. С помощью западных спецслужб организуются десятки радиостанций и подпольных типографий, печатавших антирусские листовки клеветнического содержания. По тайным каналам западногерманской разведки в страну ввозится большое количество оружия и взрывчатых веществ. Под лозунгом «демократизации» начались вооруженные провокации, взрывы, распространение лживой и клеветнической информации. Провокаторы стремились поссорить чехословацкий народ с русским, разрушить славянское единство. В качестве советников от правительства США в Чехословакии прибыли кадровые сотрудники ЦРУ и Госдепа, в том числе известный антирусский «специалист» З. Бжезинский, который еще в 1965 году предлагал Чехословакию в качестве первого объекта «западной либерализации».

Действия советского правительства опрокинули все надежды на успех западных конспираторов. В течение суток войска пяти стран Варшавского Договора организованно вошли в Чехословакию, заняли все стратегические пункты, полностью блокировали рубежи в направлении Западной Германии, которая была избрана плацдармом западной агрессии. Части чехословацкой армии не оказывали никакого сопротивления, руководители мятежа были изолированы, беспорядки быстро прекращены.

В ответ на ввод советских войск западные спецслужбы организуют и вооружают из местного населения группы тер-

---

[1] См. напр.: Источник, 1993. № 5/6. С. 96—117; К событиям в Чехословакии. М., 1968. С. 97—147.

рористов, которые нападали на русских солдат, убивая их из-за угла в спину, устраивая взрывы автомобилей и казарм. Деятельность бандитов хорошо оплачивалась из различных «демократических фондов», возглавляемых американскими «специалистами» типа З. Бжезинского. Подпольное радио обращалось к девушкам и молодым женщинам с призывом к компрометации русских военнослужащих «как насильников». В некоторых местах к солдатам, находившимся в одиночных нарядах, подъезжали автомашины, из которых выходили обнаженные женщины и обнимали их, а прятавшиеся рядом зарубежные корреспонденты фотографировали «акт насилия»[1].

В одном из населенных пунктов русский солдат спас упавшую с моста в реку пятилетнюю чешскую девочку. Около полусотни жителей, в том числе и родители девочки, видели все это, восхищались поступком солдата и сердечно благодарили его. Однако подготовленные западными спецслужбами провокаторы превратили этот благородный поступок русского воина в «убийство». Они выпустили фотолистовку с изображением поселковой улицы и огромного венка цветов на булыжнике мостовой и надписью: «Здесь от руки советского солдата-оккупанта погибла пятилетняя девочка. Проклятье! Месть!»[2]

Запад, потерпевший в Чехословакии сокрушительное поражение, обрушился на Россию с лживыми обвинениями в нарушении демократии и суверенитета. Западные средства массовой информации стали распространять сочиненные специалистами из ЦРУ сведения о так называемой «доктрине Брежнева», якобы разработанной советским руководством в отношении восточноевропейских стран, предполагающей «ограничение их суверенитета». Распространение этих лживых измышлений преследовало цель посеять вражду и недоверие между Россией и восточноевропейскими странами.

Спровоцированное американским руководством ухудшение отношений России с Китаем стало одной из главных страниц холодной войны. Искусно используя противоречия, возникающие между СССР и Китаем, ЦРУ и американская закулисная дипломатия сумели столкнуть и развести в разные стороны потенциальных стратегических союзников, получив в результате важные политические преимущества для США. Никсон и Киссинджер целенаправленно углубляли советско-китайские разногласия, «размахивая перед Китаем приман-

[1] Источник, 1993. № 5/6. С. 116.

[2] Там же. С. 112.

кой экономического, технического и даже военного сотрудничества и одновременно отказывая в сотрудничестве Советскому Союзу»[1].

В 60—70-е годы ЦРУ проводит тайную операцию, чтобы запугать Китай угрозой ядерного удара со стороны СССР. В средствах массовой информации Запада публикуются сфабрикованные американскими спецслужбами сведения о готовности СССР нанести упреждающий ядерный удар по Китаю. Конечно, главной задачей ЦРУ было стремление подтолкнуть Китай на сотрудничество с США, что и было в дальнейшем достигнуто путем тайных переговоров.

В свою очередь, США запугивали советское руководство угрозой нападения Китая, предлагая Брежневу объединиться для совместного противостояния «китайской угрозе».

Во время войны во Вьетнаме представители США вели неофициальный зондаж настроений советского руководства, пытаясь выяснить, как бы оно отнеслось к удару американской стретегической авиации по китайским объектам, связанным с производством ядерного оружия. Позднее Киссинджер писал в своих воспоминаниях, что Брежнев во время встречи с Никсоном в 1974 году якобы предлагал ему совместные действия против Китая.

Киссинджер любил вспоминать, как удачно он в то время разыграл «китайскую карту» — проводя вероломную политику, — предлагая СССР помощь США против Китая и то же самое Китаю против СССР. Самое главное, что это понимали и советские руководители. Один из советников, ответственных за провальную политику советского руководства в отношении с Китаем Г. Арбатов писал, что США стремились «использовать остроту советско-китайских отношений, чтобы, нормализуя отношения с КНР, ослабить советские позиции для «торга» (т. е. для переговоров), прежде чем начинать с нами серьезный диалог»[2].

Летом 1971 года Киссинджер провел переговоры в Пекине и достиг соглашения о проведении китайско-американской встречи в верхах в 1972 году. Это соглашение показало, что советская внешняя политика в отношении Китая потерпела крах. У советского руководства это вызвало чувство шока. Требовалось немедленно убрать с политической арены деятелей, которые завели внешнюю политику страны в тупик. Но

---

[1] *Кауль Т. Н.* Указ. соч. С. 82.

[2] *Арбатов Г.* Указ. соч. С. 201.

вместо этого политическое руководство продолжало ту же опасную для национальных интересов России политику. Уже упомянутый мной Арбатов написал статью в «Правду», где пытался убедить общественность, что «ничего трагического не произошло», что «нет оснований опасаться угрозы антисоветского союза»[1], хотя именно это и произошло. Политическое руководство страны, консультируемое подобными «советниками», походило на страуса, скрывавшего свою голову в песке.

Тайное сотрудничество Пекина и Вашингтона в 70—80-е годы активизировало холодную войну против России. Китай помогал США отслеживать запуски советских баллистических ракет. Разведки этих стран взаимодействовали в ходе тайных американских операций в Афганистане[2]. При поддержке США Китай усилил свои территориальные требования к СССР, заявляя, что претендует на 3 млн. кв. км Русской земли[3].

Американское руководство негласно поддерживало территориальные претензии и со стороны других стран, и прежде всего Японии и ФРГ.

Под протекторатом США находилась и реваншистская политика Западной Германии, продолжавшей оспаривать сложившиеся границы в Центральной и Восточной Европе, и прежде всего линию Одер—Нейсе и существование Калининградской области. «Общий министерский вестник» ФРГ[4] подтверждает, что Силезия, Поморье и Восточная Пруссия находятся в данный момент под польским и советским управлением, но по-прежнему являются составной частью Германии. Официальные власти и американские спецслужбы негласно поддерживают и финансируют оголтелую антирусскую и антиславянскую пропаганду различных «союзов», «землячеств», «ассоциации изгнанных с Востока».

Западные спецслужбы и средства массовой информации вели постоянную пропаганду по дискредитации России, вокруг имени и образа которой формировалось неблагоприятное общественное мнение. Делалось все, чтобы ошельмовать Русский народ и его историю, представить нашу жизнь как сплошное черное пятно преступлений и ошибок. На деньги ЦРУ выходит множество антирусских книг, лишенных какого-либо объективного подхода и ставивших только одну

---

[1] *Арбатов Г.* Указ. соч. С. 264.

[2] Известия. 12.11.94.

[3] *Леонов Н. С.* Указ. соч. С. 147.

[4] 1965. № 24. С. 227.

цель — очернить Россию. В оплачиваемых ЦРУ «трудах» Пайпса, Х. Смита, Кайзера и подобных им официальных американских русофобов Русский народ представлен пьяным, бессмысленным рабом, управляемым глупыми и жестокими правителями. Как заявлял президент США масон Р. Никсон, гораздо выгоднее вложить доллар в пропаганду, чем 10 дол. в создание новых видов вооружения[1].

В документах ЦРУ отмечалось: «Нужна более агрессивная война идей, которая могла бы широко поставить антисоветскую пропаганду. Решающим фактором в нашем наступлении является усиленный поиск союзников в лагере социализма, «сил разложения», способных вызвать серьезные осложнения в политической и экономической жизни СССР»[2].

Под предлогом борьбы с коммунизмом Запад вел борьбу с Россией и Русским народом. В 1968 году в рамках Конгресса Соединенных Штатов вырабатывается документ, определяющий задачи идеологической борьбы против России, определяя ее формы и методы, ставшие руководством к действию в ближайшие десятилетия. В документе, в частности, говорилось, что для эффективного отражения коммунистического вызова одних только военных усилий недостаточно. Запад должен разработать такие мероприятия, размах и воздействие которых позволили бы благополучно вести борьбу против огромного «вражеского» аппарата. В этих целях предлагалось создать:

1. Институт по борьбе с коммунистической пропагандой в рамках НАТО. Перед этим институтом ставились задачи:

а) собирать и исследовать все факты, связанные с открытой или замаскированной советской пропагандой, направленной против Запада, а также анализировать ее методы, воздействие и механизм;

б) информировать об объеме коммунистической активности правительства стран — участниц НАТО;

в) при помощи сообщений и лекций просвещать общественность;

г) разрабатывать темы и методы для действенной контрпропаганды и контрпроникновения, распространения их среди правительств;

д) проводить семинары для руководящих государственных и политических деятелей, а также журналистов о методах коммунистической пропаганды;

---

[1] *Леонов Н. С.* Указ. соч. С. 252.

[2] *Бобков Ф.Д.* Указ. соч. С. 42.

е) вести подготовительную работу с целью включения дополнительного положения в конституции стран-участниц НАТО об ограничении коммунистического проникновения и пропагандистской деятельности;

ж) на специальных курсах знакомить журналистов, учителей, врачей, инженеров стран Азии и Африки с основами «демократического правления» и коммунистической тактикой политической борьбы.

2. Всемирную федерацию свободы, которая должна работать не в рамках правительства, а как якобы независимая частная корпорация, непосредственно воздействующая на общественное мнение. Основной задачей всемирной федерации свободы должна быть активная контрпропаганда. Опираясь на современные средства массовой информации — печать, радио, телевидение, издательства, — всемирная федерация могла бы взять на себя следующие задачи уже существующих организаций с их согласия и при сотрудничестве:

а) убедительно опровергать неправильные выводы, оправдывающие внешнюю политику Кремля;

б) демаскировать в глазах свободного мира все хитрости, маневры и тактику заговоров Москвы;

в) распространять среди общественности материалы о действительной сущности господства коммунистической системы;

г) организовывать митинги и демонстрации с целью мобилизации общественного мнения против открытых или замаскированных действий Москвы;

д) поддерживать создание «святого союза» всех «свободных» наций и всех «свободно» выбираемых политических партий, несмотря на их национальность и мировоззрение, с целью всеобщей борьбы против коммунистической угрозы.

Институт по борьбе с коммунистической пропагандой и всемирная федерация свободы должны были открыть во всех странах сеть школ различных направлений, в которых «мужчинам и женщинам всех национальностей разъяснялись бы методы политической войны» СССР и способы защиты «свободы».

Одновременно с этим предлагалось в широких размерах организовать моральную и финансовую помощь открытому или замаскированному сопротивлению «тотальному коммунизму» со стороны «порабощенных наций».

Эти подрывные центры должны были соблюдать необходимую конспирацию, использовать все новейшие технические средства, чтобы доставлять сообщения и информацию

за «железный занавес» (переправлять при помощи баллонов и парашютов брошюры, миниатюрные радиопередатчики и радиоприемники со свободным от помех приемом для прослушивания зарубежных радиопередач, миниатюрные грампластинки и магнитофонные ленты и т. д.). Кроме того, эти учреждения должны были готовить материалы для советских граждан, выезжающих за границу, а также формировать «бригады для проведения собеседований» с этими гражданами.

Принималось решение о создании института миссионеров-распространителей «демократических» идей «свободного мира», которые были бы ознакомлены с самыми необходимыми сведениями о современных достижениях в различных областях, с местными языками и диалектами, а также с методами и тактикой политической борьбы. Каждая «миссия» идеологической диверсии обеспечивалась мастерской, радиоаппаратурой, патефоном, любительским киноаппаратом и миниатюрной типографией[1].

Советская система контрпропаганды была слаба и малоэффективна. Серьезная политическая работа подменялась «радиоглушилкой» и забивкой «вражеских голосов». Как справедливо отмечал генерал КГБ Н. С. Леонов: »... в последние годы наша партия идеологической борьбой всерьез не занималась, хотя разговоров об этом велось много, даже слишком много. Мы занимались лишь мелким декларативным обличением врага, вместо того чтобы противопоставить ему свои успехи и достижения — а они у нас, несомненно, были»[2].

Отсутствие настоящей контрпропагандистской работы объяснялось в значительной степени тем, что в руководстве ее стояли люди, по сути дела, враждебные России, далекие от ее интересов, двуличные, космополитически и прозападно настроенные и даже связанные с западными спецслужбами, вроде зам. зав. отделом пропаганды ЦК А. Н. Яковлева, начальника политуправления Советской Армии Волкогонова или зав. отделом журнала «Коммунист» Е. Т. Гайдара.

Подобные руководители намеренно подрывали эффективность советской системы контрпропаганды. Вот пример: американская пропаганда разворачивает кампанию по поводу нарушений прав человека в СССР. И словно по команде наши средства массовой информации начинают на все лады твердить, что права человека нарушаются не в Советском

---

[1] Источник, 1993. № 3. С. 81—82.

[2] *Леонов Н. С.* Указ. соч. С. 38.

Союзе, а в США, при этом приводимые западными средствами информации факты нарушения у нас прав человека никак не опровергаются и попросту замалчиваются[1].

Конечно, такой ответ был неубедителен и только вызывал недоверие населения к официальной советской пропаганде. И тем самым усиливал позиции Запада в холодной войне против России.

В холодной войне против России Запад пытается использовать все возможные методы. В частности, США пытаются превратить международные организации, и прежде всего ООН, в орудие осуществления своих антирусских планов. Аппарат ООН был переполнен сотрудниками ЦРУ, которые стремились придать ему антирусское направление. Как признавался Генеральный секретарь ООН У Тан: «В Секретариате ООН работает армия граждан США, многие из которых сотрудники спецслужб. Они постоянно заявляют, что я к США несправедлив... Они хотят добиться, чтобы я вел себя необъективно в отношении СССР...»[2]

В декабре 1974 года американский конгресс принимает так называемую «поправку Джексона — Вэника», фактически запретившую нормальную торговлю между Россией и США. В результате уже в первый год товарооборот СССР и США сократился почти в два раза[3].

Гонка вооружений, которую Запад навязал России, сильно измотала нашу страну, но не подорвала ее военно-экономической мощи. Надежды мировой закулисы достичь решающего военного превосходства над СССР провалились. Более того, к середине 70-х годов СССР добился паритета с НАТО по ядерному оружию и даже некоторого превосходства в обычных видах вооружения. Однако соотношение по ядерным боезарядам на стратегических носителях составляло 3:1 в пользу США[4]. Тем не менее ядерного оружия, которым располагал СССР, было достаточно, чтобы полностью уничтожить США и страны Западной Европы.

В этих условиях Западу не оставалось ничего другого, как искать других путей противоборства с Россией. Поддержанная Западом политика так называемой «разрядки» изначально планировалась им с позиций теории конвергенции, которая

---

[1] Т *Леонов Н. С.* Указ. соч. С. 38.

[2] *Громыко А. А.* Указ. соч. Т. 1. С. 334.

[3] Правда. 27.6.1989.

[4] *Корниенко Г. М.* Указ. соч. С. 237.

среди американских советологов объяснялась как возможность «задушить противника в объятиях».

«Разрядка» не только не умерила холодную войну Запада против России, но стала ее новым, еще более жестким этапом. Под видом улучшения отношений между Западом и Востоком мировая закулиса усилила свою тайную работу против СССР, ярким примером чего стала ее политика стравливания России и Китая.

При президенте Картере США грубо нарушают элементарные международные нормы, объявив множество отдаленных от Америки регионов мира, в том числе примыкающие к России, «сферой жизненных интересов США». Картер проводит оголтелую политику вмешательства в дела независимых государств. Для обеспечения «жизненных интересов Америки» создаются жандармские «силы быстрого развертывания», имевшие целью военное давление на народы Азии, Африки и Латинской Америки[1]. По инициативе Картера ЦРУ развязывает шумную антирусскую кампанию в защиту «прав человека» в СССР, используя при этом личность диссидента Сахарова. Сам президент принимает в Белом доме еврейского диссидента, состоявшего на службе ЦРУ, В. Буковского.

Американский конгресс отказывается ратифицировать подписанный в июне 1979 года Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2). 12 декабря 1979 года Совет НАТО принимает решение о размещении в Европе американских ракет средней дальности, нацеленных на СССР. Осенью 1979 года корабли США входят в Персидский залив, подготавливаясь к вторжению в Иран, а возможно, и в Афганистан.

Приход к власти очередного масона Р. Рейгана поднял со дна американского общества самые агрессивные антирусские силы, пытавшиеся перевести «холодную» войну в «горячую». Хитрый и жестокий демагог Р. Рейган присвоил себе непозволительную для государственного деятеля такого ранга терминологию по отношению к России — которую он назвал «империей зла», а ее руководство — «средоточием зла в современном мире», утверждая, что «Советский Союз использовал разрядку только в своих целях». Отвергнув «разрядку», новый президент США заявил, что не продолжит переговоров по сокращению вооружений, пока еще больше не укрепит ядерные силы США. При Рейгане оборонный бюджет Америки вырос на десять процентов и вдвое превысил цифры, приводи-

[1] *Громыко А. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 323.

мые Рейганом в своей предвыборной кампании. Ускоряется разработка новых видов вооружений. Миллиарды долларов выделяются на проведение антирусской кампании, поддержку подрывных элементов и агентов влияния внутри России.

Соединенные Штаты, внешняя политика которых традиционно строилась на началах авантюризма, насилия и государственного терроризма, в лице своего госдепартамента пытаются давать «уроки хорошего тона» СССР. Первый госсекретарь Рейгана, тоже масон, А. Хейг заявлял: «Наш сигнал Советам заключается в простом предупреждении, что время их необузданного авантюризма в «третьем мире» закончилось, что терпение Америки смотреть на козни ставленников Москвы на Кубе и в Ливии иссякло». Подобные наглые заявления, естественно, не могли способствовать нормальному развитию советско-американских отношений. По сути дела, американская администрация провоцировала конфликт, который мог приобрести и военные формы.

Советское правительство расценивало новую американскую внешнюю политику как подготовку к войне. На закрытом совещании работников советских спецслужб в мае 1981 года Ю. Андропов сообщил, что американская администрация активно готовится к ядерной войне, создается возможность нанесения Соединенными Штатами первого ракетно-ядерного удара по СССР. Советская разведка ориентируется на сбор военно-стратегических сведений о ядерной угрозе, исходящей от США и НАТО,которые явно наращивали концентрацию вооружения в Западной Европе, прежде всего путем размещения здесь крылатых ракет и «Першингов».

Ядерная угроза, исходившая от США, приобрела особое значение с принятием правительством Рейгана программы стратегической оборонной инициативы (СОИ). Программа эта, основанная на высоких (прежде всего лазерных) технологиях, была направлена на уничтожение оборонительного комплекса СССР, в результате чего США могли осуществить агрессию, не опасаясь ядерного возмездия со стороны Советского Союза.

В начале 80-х годов бывший начальник штабов США масон М. Тайлор, выступая вместе с рядом высокопоставленных отставных американских военных за нанесение по Советскому Союзу столь сильного первого удара, чтобы парализовать работу его государственного аппарата, экономику и способность вести длительную войну, заявил: «Я считаю, что наши вооруженные силы могут нанести такой удар в настоящее время и они должны сохранить такую способность в будущем».

«Стратегические силы, обладающие единственной способностью причинения массового разрушения, должны иметь единственную задачу предотвращения Советского Союза от применения его вооруженных сил в любой форме... Они должны быть способны спастись от массивного первого удара и быть в состоянии уничтожить достаточно целей врага, чтобы уничтожить Советский Союз, его правительство, общество и экономику...» Генерал Тайлор, ставя перед американскими вооруженными силами задачу уничтожения Советского Союза, предписывал: «По возможности эти цели должны находиться в областях, населенных преимущественно русскими по происхождению людьми, чтобы не причинить вреда нерусским республикам». Генерал считал, что задачу окончательного уничтожения остатков Русского народа, переживших американский ядерный удар, охотно возьмут на себя соседи России и нерусская часть населения СССР. Он пишет: «То, что останется (от Русского народа. — *О. П.*), достанется на расправу враждебным соседям, мстительным сателлитам и нерусским элементам населения страны. На наличие такого этнического фактора обратил мое внимание профессор Л. Гуртнер своей статьей «Стратегическая уязвимость многонационального государства: устрашение Советского Союза» в журнале «Political Science Quartery»[1].

В начале 1982 года Рейган вместе со своими советниками разрабатывает стратегию, основанную на атаке на главные самые слабые места политической и экономической системы России. «Для этих целей, — вспоминал президентский советник К. Уайнбергер, — была принята широкая стратегия, включающая также и экономическую войну. Эта была супертайная операция, проводимая в содействии с союзниками, а также с использованием других средств»[2].

Руководителем подрывных операций против России назначается директор ЦРУ У. Кейси, получивший в этой области широчайшие полномочия. Вокруг него сколачивается команда профессиональных русофобов, среди которых особенно колоритную роль играли два польских еврея — Р. Пайпс и З. Бжезинский, непременные участники всех подрывных антирусских акций.

С помощью этих специалистов подготавливаются несколько совершенно секретных директив, ориентирующих

---

[1] Washington Post. 14.1.1982; Вече, 1982. № 4.

[2] *Швейцер П.* Победа. Минск, 1995. С. 13.

всю государственную машину США на тайную подрывную деятельность против России.

Директива «NSDD-32», подписанная Рейганом в марте 1982 года, рекомендовала «нейтрализацию» советского влияния в Восточной Европе и применение тайных мер и прочих методов поддержки антисоветских организаций в этом регионе. Документ фактически отменял ялтинские соглашения.

Директива «NSDD-66», подписанная в ноябре 1982 г., устанавливала цель политики США — подрыв советской экономики методом атаки на ее «стратегическую триаду», т. е. на базовые средства, считавшиеся основой народного хозяйства России.

Директива «NSDD-75», январь 1983-го, ориентировала США не столько на сосуществование с советской системой, сколько на ее фундаментальные изменения[1].

Разработанная по указанию Рейгана в 1982—1983 годах стратегия холодной войны против России, включала следующие основные направления:

— тайную финансовую, разведывательную и политическую помощь движению «Солидарность» в Польше, что гарантировало сохранение оппозиции в странах Варшавского Договора;

— значительную военную и финансовую помощь движению сопротивления в Афганистане, а также поставки для моджахедов, дающие им возможность распространения войны на территорию Советского Союза;

— кампании по резкому уменьшению поступления твердой валюты в Советский Союз в результате снижения цен на нефть в сотрудничестве с Саудовской Аравией, а также ограничение экспорта советского газа на Запад;

— всестороннюю и детально разработанную психологическую войну, направленную на то, чтобы посеять страх и неуверенность среди советского руководства;

— комплексные акции мирового масштаба с применением тайной дипломатии, с целью максимального ограничения доступа Советского Союза к западным технологиям;

— широко организованную техническую дезинформацию с целью разрушения советской экономики;

— рост вооружений и поддержание их на высоком техническом уровне, что должно было подорвать советскую экономику и обострить кризис ресурсов.

---

[1] *Швейцер П.* Указ. соч. С. 13—14.

К осуществлению программы холодной войны против России привлекаются все влиятельные силы мировой закулисы, масонских лож, западных разведок и католической церкви.

Руководитель программы Кейси лично встретился с начальником израильской разведки «Моссад» и договорился о совместной деятельности против России. «Моссад» создала активную шпионскую сеть в Центральной Европе. Опираясь на эмигрантов из Польши, России и Венгрии, «Моссад» организовала каналы, ведущие от Албании к Польше, и дальше, в глубь СССР. Эту сеть составляли преимущественно еврейские диссиденты, католические священники и раввины[1].

В Ватикане состоялись аналогичные переговоры Кейси с представителями папы римского, подкрепленные впоследствии личной встречей Рейгана с Иоанном Павлом II. В результате между ЦРУ и верхушкой католической церкви произошел тайный сговор и значительная часть католических священников стала секретной агентурой американской разведки, поставляя ей информацию из Польши и СССР. Осуществлялось это явочным порядком без подписания каких-либо письменных договоров[2]. Через организации католической церкви ЦРУ стало поставлять в Польшу множительную и другую технику для подрывной антирусской работы, деньги на содержание функционеров «Солидарности», многие из которых одновременно были агентами ЦРУ.

С помощью различных манипуляций Рейгану удалось оказать давление на Саудовскую Аравию, чтобы убедить ее снизить цены на нефть, тем самым сократив валютные поступления России. Разменной монетой в переговорах с Эр-Риядом стали льготные поставки в Саудовскую Аравию американского оружия. «Мы стремились к понижению цен на нефть, — признавался военный министр США Уайнбергер, — по этой причине мы продавали им оружие»[3]. В результате этой тайной операции Рейгана Россия потеряла десятки миллиардов долларов прибыли от экспорта нефти.

По инициативе Рейгана осуществляются бесплатные поставки оружия моджахедам Афганистана, а также подготовка их формирований на территории Пакистана. Для борьбы против России «мы должны пустить им (русским. — *О.П.*)

---

[1] *Швейцер П.* Указ. соч. С. 75.

[2] Там же. С. 78—83.

[3] Там же. С. 71.

кровь», заявлял директор ЦРУ Кейси на одном из заседаний[1]. Поставки шли из Египта через Пакистан с помощью Саудовской Аравии. Часть оружия доставлялась из Китая.

И наконец, Рейган и другие официальные американские русофобы разрабатывают план финансирования и поддержки антикоммунистических (а фактически антирусских) восстаний во всем мире. «Советы вторгаются к нашим союзникам везде, — заявлял У. Кейси. — Почти на каждом континенте они создали основы своей власти. У нас есть возможность положить этому конец. В странах «третьего мира» такая разруха, как при антиколониальном движении 50—60-х годов, а потом при коммунистических режимах 60—70-х. Только сейчас там начались антикоммунистические восстания. Мы должны поддержать эти движения финансово и политически. Если нам удастся заставить Советы вкладывать все больше средств для сохранения своего влияния, то это в конце концов развалит их систему. Нам нужно еще несколько Афганистанов»[2].

Весной и летом 1983 года усиливаются провокационные акции военных и разведывательных служб США против России. Особенная активность проявляется в районе Дальнего Востока, где специальным решением президента Рейгана американским военным кораблям разрешается плавать и проводить учения вблизи границ России. В район Камчатки и Курильских островов направляются три авианосных соединения ВМС США — 40 боевых кораблей с приданными им бомбардировщиками Б-52, разведывательно-командным самолетом типа «Авакс», истребителями Ф-5. В районе обычного патрулирования советских подводных лодок появились американские подводные лодки и самолеты противолодочной авиации. Осуществляется целый ряд и других явно провокационных нарушений границы. Так, в апреле 1983 года боевые самолеты с американских авианосцев «Мидуэй» и «Энтерпрайз» 6 раз нарушали советскую границу на Южных Курилах, демонстративно пролетая над военными объектами. Американские самолеты-шпионы РС-135, оснащенные специальной аппаратурой, постоянно как бы случайно зависали над нашими военными объектами[3].

В конце августа — сентябре 1983 года западные спецслужбы осуществили против СССР тщательно подготовленную

[1] *Швейцер П.* Указ. соч.. С. 38.

[2] Там же. С. 57—58.

[3] *Корниенко Г. М.* Указ. соч. С. 215.

провокацию, заказчиком которой, по всей видимости, стал сам президент Рейган. Эта провокация проводилась в связи с намечавшимся на конец 1983 года размещением американских ракет средней дальности в Европе. Американской администрации и ее натовским союзникам требовался отвлекающий маневр для осуществления своей агрессивной акции в Европе.

В данном случае американские спецслужбы пошли на самую чудовищную провокацию, приведшую к гибели сотен ни в чем не повинных людей. Суть ее состояла в том, что гражданский пассажирский самолет южнокорейской авиакомпании использовался американскими разведывательными службами в качестве специальной мишени для выявления параметров системы ПВО на Дальнем Востоке, чтобы определить ее характеристики с помощью других разведывательных средств, включая спутники. Для этого вылет южнокорейского самолета был специально задержан и осуществлен так, чтобы синхронизировать его полет с витками американского спутника-шпиона «Феррет-Д», снабженного специальной аппаратурой слежения за системами ПВО. Специальное расследование позднее установило, что южнокорейский самолет далеко отклонился от международной трассы и вошел в воздушное пространство СССР не по ошибке, а повинуясь сознательным действиям его экипажа. Находясь на территории СССР несколько часов и не отвечая на радиозапросы (хотя, как показали черные ящики, пилоты знали, где они находились), он в конце концов был сбит как военный самолет-разведчик. Международные эксперты признали действия советских военных властей правильными. Настоящими виновниками гибели самолета стали не советские ракеты, а те, кто намеренно поставил его под удар, т. е. американские спецслужбы (даже еще в 1993 году отказывавшиеся предоставить пленки радиоперехватов того дня).

Американская администрация самым бессовестным образом представила эту трагедию как «намеренное злодейство Кремля» и раздула из нее клеветническую кампанию против России. Недобросовестный характер этой кампании подтверждался тем, что в Москве было достоверно известно о наличии у американского правительства доказательств обратного[1].

Пропагандистская шумиха, затеянная западными спецслужбами и средствами массовой информации по поводу ко-

[1] *Корниенко Г. М.* Указ. соч. С. 222—229.

рейского самолета, позволила Рейгану получить ряд политических преимуществ: во-первых, при утверждении конгрессом новой военной программы США, представлявшей собой высшее выражение мирового милитаризма; во-вторых, дало западным правительствам повод заморозить переговоры о сокращении ядерного вооружения в Европе; в-третьих, развернуть беспрецедентную антирусскую кампанию, в том числе отказ от многих товаров из России. На деньги американского правительства «патриоты» США под камерами десятков тележурналистов выбрасывали в море ящик с русской водкой.

Один из самых подлых и вероломных президентов в истории США, Рейган окружил Россию сетью шпионажа и подпольных диверсионных организаций. Только на технический шпионаж против СССР американское правительство выделяло ежегодно около 20 млрд. дол. Над территорией России было запущено около 40 спутников-шпионов, 6 из которых предназначались для перехвата с радиорелейных линий связи СССР. Вдоль границ нашей страны расположилось около 2000 американских постов слежения, 150 разведывательных самолето-вылетов совершалось ежемесячно вдоль западных границ СССР и 70 восточных технических разведок США производилось в глубине территории СССР[1].

Советские спецслужбы неоднократно арестовывали иностранных агентов, прошедших обучение в спеццентрах морских разведывательно-диверсионных формирований, осуществлявших подрывную деятельность против СССР. Разоблаченные агенты показывали, что в сопредельных с Советским Союзом странах (прежде всего в ФРГ) создавались законспирированные базы (опорные пункты) для заброски в СССР диверсантов, отрабатывались маршруты движения сверхмалых подводных лодок с этих баз к советскому побережью. В Русской Прибалтике, например, основными объектами разведки являлись Клайпеда, Лиепая, Вентспилс, Рижский залив и некоторые острова Балтийского моря[2].

Особым направлением подрывной деятельности против России американских спецслужб стала подготовка «внутренних профессиональных врагов» нашей Родины — так называемых агентов влияния. В терминах разведывательных служб «агент влияния» — гражданин одного государства, который действует в интересах другого государства, используя для этого

[1] Аргументы и факты, 1989. № 32. С. 7.

[2] *Широнин В.* Под колпаком контрразведки. М., 1996. С. 393.

свое высокое служебное положение в верхних эшелонах власти — руководстве страны, политической партии, парламенте, средствах массовой информации, а также науке, искусстве и культуре. В моей книге я коснусь только той части этих лиц, которые работали в пользу США и были подготовлены ЦРУ.

Специалисты, занимавшиеся этой проблемой, отмечают ряд характерных признаков, присущих агентам влияния, работавшим в пользу США[1].

Это, во-первых, способность влиять на общественное сознание, на все общество в целом или отдельные официальные и региональные группы (что, собственно, присуще всем агентам влияния).

Во-вторых, непременное включение в определенную сеть. Агент влияния — всегда только винтик в сложнейшей машине «делания политики», которая управляется по программам, созданным ЦРУ еще в 60—70-е годы.

В-третьих, объективное способствование достижению целей, поставленных «хозяином», в данном случае ЦРУ как органом мировой закулисы. На определенном этапе эти цели даже могут выдаваться за соответствующие интересы нашей страны, но они на самом деле являются только промежуточным пунктом на пути к достижению целей «хозяина».

В-четвертых, обязательное обучение, которое ведется групповым или индивидуальным методами. Формы обучения многогранны и многообразны: от обыкновенных лекций до интимных бесед в непринужденной обстановке. На этот счет существуют специальные инструкции.

В-пятых, принадлежность к числу функционеров «заднего плана». Чем сильнее агент, тем глубже он запрятан. Это «теневики» от политики, «серые кардиналы». Они не правят, а направляют, подсказывают нужное для «хозяина» и вредное для страны решение того или иного вопроса.

В-шестых, приверженность, чаще всего шкурная, некоторым «общечеловеческим ценностям» и достижениям мировой цивилизации, за которой, как правило, скрывается в лучшем случае отсутствие русского национального сознания (национальное невежество), а в худшем — обыкновенная русофобия и ненависть к историческим ценностям России.

Первые пять характеристик могут быть у агентов влияния самыми разнообразными, но последняя удивительно одинакова как для агентов влияния, воспитанных ЦРУ в 60-х годах, так и для прорабов перестройки 80-х годов.

---

[1] Советская Россия. 21.11.1992.

Характерным примером агента влияния служит личность А. Н. Яковлева. Его поведение после вербовки в конце 50-х годов по многим признакам соответствовало требованиям, которые предъявлял агентам влияния А. Даллес. Это, в частности, проявилось в статье Яковлева в «Литературной газете», где он резко высказывался против еще робких ростков русского национального возрождения, допуская грубые антирусские выпады. По сути дела, Яковлев призывал к административной расправе с его носителями, и она незамедлительно наступила.

В начале 70-х годов Яковлев получает назначение послом в Канаду, где активно поддерживает связи с широким кругом лиц, среди которых особо доверительные отношения сложились у него с премьер-министром, видным масоном П. Трюдо. По-видимому, именно в тот период происходит «братание» этого деятеля с мировой масонской закулисой.

В 60—70-е годы в окружении высших руководителей ЦК КПСС возникает группа агентов влияния, в которую, в частности, входили Ф. М. Бурлацкий (до 1964), Г. Х. Шахназаров, Г. И. Герасимов, Г. А. Арбатов, А. Е. Бовин. Маскируя свою антигосударственную деятельность привычной марксистской фразеологией, эти партийные советники постепенно подталкивали политическое руководство страны к принятию решений, ставших первыми шагами на пути к разрушению СССР.

С конца 60-х годов важным элементом агентуры влияния США стали А. Д. Сахаров и Е. Г. Боннэр. Их безудержное восхваление западной политической системы и тенденциозная критика советского режима с помощью пропаганды, финансируемой ЦРУ, сыграли большую роль в холодной войне Запада против России. Бывший ученый-физик, порвавший с наукой, и его жена, дочь оголтелых еврейских коммунистов, заняли ведущее место среди других еврейско-советских общественных деятелей и диссидентов антирусского толка, став своего рода символом противостояния историческим ценностям России, знаменем борьбы за ее расчленение и унижение.

Обострение активности «агентов влияния» в нашей стране связано с проектами мировой закулисы, проводимыми в рамках масонских координирующих центров — Бильдербергского клуба и Трехсторонней комиссии. Еще в конце 50-х — 60-х годах в секретных материалах этих центров высказываются опасения по характеру процессов, протекающих в СССР. Подчеркивалась опасность возрождения России на национально-патриотических началах, еще большего усиления влияния нашей страны в мировом сообществе, резко возрос-

шего в результате Второй мировой войны. Чувство страха у мировой закулисы вызывала даже теоретическая возможность консолидации России, возрождающейся на национальных началах, со странами «третьего мира», ибо только такая консолидация могла остановить хищническое использование Западом природных ресурсов, принадлежащих всему человечеству.

Масонская футурологическая организация Римский клуб разрабатывает доклад «Пределы роста» (1972), получивший широкую известность во всем мире. Данные этого доклада показывали, что с катастрофической быстротой происходит сокращение ресурсов и что западные страны стоят перед угрозой сокращения уровня своего потребления.

На секретных совещаниях руководителями мировой закулисы вновь реанимируется старый масонский тезис об установлении нового мирового порядка, при котором вся мировая власть будет сконцентрирована в их руках, а использование ресурсов контролироваться специальными программами в интересах узкой кучки западных стран. Препятствием на пути установления такого паразитического порядка стал СССР, к тому же обладавший значительной частью мировых ресурсов.

В 70—80-е годы американская программа подготовки агентов влияния в СССР приобретает законченный и целеустремленный характер. Нельзя сказать, что эта программа не была известна советскому руководству. Факты говорят, что была. Но на нее намеренно закрывали глаза те люди, которых мы сегодня с полной ответственностью можем назвать агентами влияния, часть из них, по-видимому, входила в ближайшее окружение главы КГБ Ю. В. Андропова.

ГЛАВА 12

Усиление подрывной работы Запада против России. — Объединение антирусских сил. — Американское правительство, Ватикан и масонство. — Экономическая война. — Стремление к «децентрализации СССР». — Группы глубокого прикрытия. — Агенты влияния

Анализируя главные причины, сделавшие возможным разрушение СССР по планам, выработанным мировой закулисой, прежде всего следует отметить печальную реальность — ядро советского общества Русский народ потерял многие

свои качества, которые позволяли ему в течение столетий духовно и державно господствовать в государстве.

В результате исторических катаклизмов XX века погибли самые лучшие и самые активные представители Русского народа. Оставшаяся более слабая его часть уже не выдерживала гигантского напряжения духовного и державного служения, у многих ощущалась усталость и апатия.

После гибели Сталина Русский народ не имел вождей, способных повести его к национальному возрождению, а те, кто стояли у власти, были далеки от выражения интересов строительства Русского государства.

Остановив проводимую Сталиным национальную русскую реформу советского общества, коммунистические правители обрекали его на медленное умирание. Происшедшее вследствие этого торможение в развитии главной творческой и связующей силы СССР — Русского народа, привело к его ослаблению, а значит, и дестабилизации политического и экономического положения в стране. Кроме того, если Сталин пытался превратить партию в инструмент русской национальной политики, то его недостойные наследники снова, как в правление еврейских большевиков, сделали из нее чужеродный России космополитический механизм, не способный дать творческого импульса развитию общества. Потеряв способность к развитию, партия и советский аппарат стали разлагаться, постепенно преобразуясь во враждебное России космополитическое стадо безнравственных людей, тесно связанное с интеллигенцией малого народа и живущее потребительскими интересами Запада. Многие из этого стада еще задолго до так называемой перестройки были готовы покинуть страну и послужить ее врагам.

Внутреннее разложение значительной части правящего слоя СССР по времени совпало с усилением агрессивной антирусской политики американской администрации. Как позднее признавался известный американский политолог—русофоб Р. Пайпс, в начале 80-х годов «администрация Рейгана сформулировала и осуществила систематическую стратегию подрыва Советского Союза, и именно эта стратегия привела к распаду СССР».

В директиве НСДД-75, подписанной президентом Рейганом в 1983 году, формулировались основы политики США по отношению к СССР: »... США обладают необходимой мощью для разрушения СССР... Следовательно, США должны приложить все силы в стремлении развалить СССР, что привело бы не только к силовому переделу мира, но и к глобализации

американской сферы влияния и установлению американского мирового господства. Основной постулат директивы — отрицание принципа мирного совместного сосуществования с Советским Союзом, являющегося фундаментом и основным принципом существующего международного права. Основная политическая цель — дестабилизация и, в конечном счете, разрушение СССР при помощи массированных подрывных операций и огромных денежных субсидий пятой колонне».

Первой вехой на пути к разрушению СССР стало объединение в начале 80-х годов главных антирусских сил в один ударный кулак «крестового похода против России»[1]. Под патронатом американского президента Рейгана и с благословления папы римского против нашей страны создается преступный тайный союз американского государства (прежде всего ЦРУ) и сионистских организаций с католической церковью и мировой сетью масонских лож. В 1983 году римский папа отменяет более чем двухвековой запрет на вхождение католиков в масонские ложи и негласно разрешает католическим организациям и священникам сотрудничать как с ЦРУ[2], так и с масонскими ложами[3]. Подпольные структуры значительной части организации «вольных каменщиков» целенаправленно ориентируются на войну против России. Многие стратегические вопросы тайной войны решаются на уровне самых влиятельных масонских организаций, таких, как Бильдербергский клуб, Трехсторонняя комиссия, Совет по международным отношениям, Международный валютный фонд и Всемирный банк.

На оперативном уровне в борьбе против России объединились спецслужбы и агентурная сеть США, Израиля и сионистских организаций, Ватикана и западноевропейских стран.

---

[1] Лозунг президента Р. Рейгана.

[2] Как впоследствии признавался высокопоставленный сотрудник ЦРУ: «Мы в действительности не подписывали никаких договоров о сотрудничестве относительно разведывательной деятельности и ознакомления с ними друг друга, но Ватикан и так очень помог» (Швейцер П. Победа. Минск, 1995. С. 83).

[3] Почти одновременно Ватикан и Израиль начали тайные переговоры, в результате которых через десять лет было заключено секретное политическое соглашение, предусматривающее порядок нормализации двусторонних отношений, признание друг друга и установление дипломатических связей. Завершение противостояния католической церкви и иудаизма в момент резкого ослабления России свидетельствовало о том, что в мире стало еще больше места тайне беззакония, а от католицизма как христианской религии осталась одна внешняя оболочка.

Для деятельности в СССР еврейская разведка «Моссад» в обмен на финансовую помощь предоставила ЦРУ свою разветвленную агентурную сеть[1], существовавшую под видом различных культурных и религиозных организаций.

Тайная антирусская коалиция разрабатывает общую программу подрывных операций в самых уязвимых местах политической и экономической системы СССР. Цели и средства этих операций были обозначены в серии секретных деректив по национальной безопасности, подписанных президентом Рейганом в 1982 и 1983 годах (см. главу 52).

Были определены три главных направления тайной войны против России:

— экономическое — по подрыву финансово-хозяйственной мощи СССР;

— национально-религиозное — по «децентрализации (т. е. расчленению. — *О.П.*) СССР», стравливанию народов нашей страны и провоцированию антирусских настроений среди других народов; по подрыву Православия, всегда являвшегося объединительным духовным центром Русского народа; поддержке ЦРУ католиков и сектантов;

— психологическое — по подрыву морального духа Русского и других народов СССР, дискредитации власти, истории, идеологии и традиционных духовно-нравственных ценностей России;

— международное — по подрыву положения стран—союзников СССР, а также «финансированию и поддержке антикоммунистических (правильнее, антирусских. — *О. П.)* восстаний во всем мире» (доктрина Рейгана).

Главными координаторами и оперативными руководителями тайных операций против СССР в первые годы осуществления программы стали личные друзья Р. Рейгана — директор ЦРУ У. Кейси, министр обороны США К. Уайбергер, вице-президент Д. Буш и госсекретарь А. Хейг. Им были даны практически неограниченные полномочия. Чтобы сохранить полную секретность, решения по исполнению программы тайной войны против России принимались только членами этой группы, без участия персонала. О проводимых операциях не знали даже многие высокопоставленные чиновники, занимавшиеся вопросами СССР. Директор по делам Советского Союза и восточноевропейских стран Д. Ленчовски вспоминал: «Мы мало знали о тайных операциях. Кейси вел эти дела сам, и мы их ред-

[1] *Швейцер П.* Победа. Минск, 1995. С. 77.

ко обсуждали. Боялись утечки информации»[1]. Для обеспечения секретности Русский отдел был выведен из общего здания ЦРУ и размещен в особом помещении. Как отмечалось впоследствии во влиятельной американской газете «Вашингтон пост»: «ЦРУ разрешили действовать без ограничений законов и здравого смысла. ЦРУ проводило эксперименты на людях, стремилось убирать иностранных лидеров, лгало, обманывало, воровало. То было любимым правительственным ведомством Джорджа Буша. Для него ЦРУ было сбывшейся мечтой — субсидируемое из федеральной казны общество «Череп и кости» (масонская ложа, членом которой состоял Д. Буш. — *О. П.*)»[2].

Проанализировав экономическое и политическое положение СССР, У. Кейси делает доклад президенту Рейгану. «Ситуация хуже, чем мы себе представляли, — заявил Кейси. — Я хочу, чтобы вы сами увидели, насколько больна их экономика и насколько легкой мишенью они могут являться. Они обречены. В экономике полный хаос. В Польше восстание. Они застряли в Афганистане, Кубе, Анголе и во Вьетнаме; для них самих империя стала грузом. Господин президент, у нас есть исторический шанс — мы можем нанести им серьезный ущерб»[3]. Констатируя слабость советской экономики, Кейси вместе с тем считал, что относительной мощи США недостаточно. Нужно иметь в виду силу и состояние здоровья советской системы — наращивание мощи Америки не воспрепятствует угрозе, а может лишь только приостановить ее. Целью Соединенных Штатов, утверждал Кейси, не должно быть просто увеличение американской мощи, а сокращение советской мощи в абсолютном смысле. Для достижения этого директор ЦРУ предлагает план тайной экономической войны против СССР, главными элементами которой стали:

— тайные операции правительства США с целью снижения цен на нефть, что вело к резкому уменьшению поступления твердой валюты в СССР;

— нажим на западноевропейские страны с целью ограничения экспорта советского природного газа;

— применение тайной дипломатии с целью максимального ограничения доступа СССР к современным технологиям;

— подстегивание гонки вооружения на высоком техническом уровне, чтобы «вымотать силы» советской экономики.

---

[1] *Швейцер П.* Указ. соч. С. 52.

[2] Washington Post. 28.10.1993.

[3] *Швейцер П.* Указ. соч. С. 29.

Американской администрации в обмен на поставки современного оружия удалось убедить руководство Саудовской Аравии снизить цены на нефть[1], что сразу сильно ударило по СССР (вместе с тем улучшило экономическое положение США). В ноябре 1985 года цена нефти-сырца составляла 30 дол. за баррель, а через пять месяцев — лишь 12 дол. В результате Россия только в середине 80-х годов потеряла несколько десятков миллиардов долларов валютных средств. Чтобы поддержать поступление твердой валюты на прежнем уровне, СССР пришлось удвоить продажу золота. Баланс советской торговли с Западом был нарушен. Если в 1984 году сальдо от торговли с Западом было положительным, то в 1985 стало отрицательным.

Другим серьезным ударом по экономике СССР стало введение по инициативе Рейгана эмбарго, запрещающего американским предпринимателям участвовать в строительстве газопровода из России в Западную Европу. Кроме того, путем закулисных переговоров с западными банкирами, воздействуя через Международный валютный фонд и Всемирный банк, американская администрация подрывает доверие к платежеспособности СССР, затрудняя, а в некоторых случаях даже лишая его возможности получения кредитов на Западе.

В целом расчет организаторов тайной экономической войны против России оказался точен. Как я уже отмечал, за счет валютных поступлений обеспечивались закупки оборудования и потребительских товаров, за счет которых в какой-то степени компенсировалось малоэффективное функционирование советской экономики. Сокращение валютных поступлений останавливал поток товаров с Запада, создав серьезные хозяйственные трудности для нашей страны.

В начале 80-х годов масон З. Бжезинский подготовил для Госдепартамента США специальную разработку о методах борьбы с Россией и Русским народом, которую он озаглавил: «План игры. Геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР». Создатель разработки не ограничивался констатацией слабых мест СССР, но предлагал свой план как руководство к действию в холодной войне против России. В основу предложений легло изучение опыта русской истории, и в том числе опыта российских масонов, не сумевших, по мнению

[1] Как впоследствии отмечал бывший министр обороны США Уайнбергер: «Мы стремились к понижению цен на нефть. По этой причине мы продавали им оружие» (*Швейцер П.* Указ. соч. С. 71).

Бжезинского, привести в действие некую программу, направленную на расчленение России.

Опираясь на данные о сокращении доли русских в общей численности населения СССР, Бжезинский отмечал ослабление положения русских среди других народов и поэтому рекомендовал сделать ставку на организованное разжигание розни к русским среди других народов СССР. Бжезинский предлагал резко увеличить финансирование руководимого ЦРУ националистического подполья в союзных республиках СССР и как результат этого спровоцировать процессы децентрализации СССР, отпадения от него национальных областей, активизации антирусских движений, расчленения великой страны. «Децентрализовать империю, — писал этот еврейский исследователь и масон, — значит вызвать ее распад... любая значительная децентрализация — даже исключительно в экономической сфере — усилит потенциальные сепаратистские настроения среди граждан Советского Союза нерусской национальности. Экономическая децентрализация будет неизбежно означать политическую децентрализацию»[1].

Предлагая американскому правительству тайно регулировать процесс децентрализации СССР, Бжезинский указывал на те регионы нашей страны, в которых можно провести «разграничительную линию» (т. е. спровоцировать рознь. — *О. П.*) между великороссами и другими нациями». «Реальные конфликты, — планировал Бжезинский, — прежде всего могут разразиться (при поддержке ЦРУ. — *О. П.*) в прибалтийских республиках, густо заселенных непрошеными великороссами, в близких России в культурном отношении Белоруссии и на Украине, и особенно на Кавказе и в среднеазиатских республиках»[2]. В общем главная стратегическая задача американского правительства в отношении СССР состояла в том, чтобы вовлечь его в изматывающие региональные конфликты.

К началу 80-х годов вопросами борьбы с Россией и Русским народом под ширмой «борьбы против коммунизма» на Западе занимались свыше 400 крупных центров. Кроме того, в большинстве западных университетов существовало множество кафедр славистики и русской истории, значительная часть которых состояла из сионистски и русофобски настроенных евреев. Только в США изучением России—СССР зани-

---

[1] Цит. по: *Широнин В.* Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. М., 1996. С. 87.

[2] Там же. С. 88.

мались 170 университетов и исследовательских центров. Свыше 50 университетов и 20 «русских» центров делали это на постоянной основе.

Особое внимание антирусский союз Вашингтона, Ватикана и масонства уделяет подготовке кадровых специалистов по борьбе с Россией, а также агентов влияния.

По данным, приводимым русским контрразведчиком генерал-майором КГБ В. Шинониным, в 80-е годы ЦРУ осуществляло в жизнь программу так называемых глубоких прикрытий. Для этого было сформировано кадровое ядро разведчиков, работавших под коммерческим прикрытием в СССР и восточноевропейских странах. Группами по 4—5 человек эти специалисты не поддерживали контактов с резидентурой посольства США, а замыкались на своего руководителя, отвечавшего за деятельность нескольких групп.

По данным, которые удалось добыть КГБ, общая численность сотрудников ЦРУ, находившихся под «глубоким прикрытием», в середине 80-х годов составляла около трех тысяч человек. Примерно 99% из них использовали неофициальные прикрытия, т. е. работали под видом служащих различных коммерческих и промышленных фирм, предпринимателей, сотрудников благотворительных обществ, международных и религиозных организаций, студентов и т. д.[1]

На внедренные в СССР группы глубокого прикрытия американское правительство возлагало следующие задачи:

— во-первых, собирать широкомасштабную разведывательную упреждающую, или, как ее еще называли, «индикаторную» информацию о России;

— во-вторых, оценивать и прогнозировать вероятное развитие обстановки и вырабатывать предложения по информированию политики воздействия (влияния) в стратегических интересах США на предстоящие внутриполитические события в стране пребывания;

— в-третьих, обеспечивать агентурное проникновение в ведущие государственные учреждения, в окружение политических руководителей, в законодательные и общественные организации путем «выращивания и продвижения во властные структуры своих агентов влияния»[2].

---

[1] *Широнин В.* Указ. соч. С. 60.

[2] В 1991 году генерал КГБ О. Д. Калугин в интервью газете «Нью-Йорк дейли ньюс» сообщил, что знал, что ЦРУ «внедрилось в советский истеблишмент» (Советская Россия. 29.1.1992).

Секретная подрывная директива президента США № 75 предусматривала финансирование подготовки агентов влияния США во многих странах мира, но прежде всего в СССР. В 1983—1984 годах предусматривалось выделение 85 млн. дол. для подготовки будущих руководящих кадров и создания прозападных политических партий и профсоюзов в соцстранах, а также странах «третьего мира», придерживающихся социалистической ориентации. На создание национального и интернационального рабочего движений ассигновывалось 17,8 млн. дол.[1]. Однако это была только небольшая часть финансированных программ по подготовке изменников Родины — основные средства финансирования проходили по специальным целевым каналам. Как отмечал русский контрразведчик, генерал КГБ В. Широнин: «Подготовка кадров» неизбежно включала в себя денежные дотации, бесплатные зарубежные поездки, снабжение дорогостоящей техникой компьтерного типа и т. п. Короче говоря, это была самая настоящая вербовка агентуры, для вида прикрытая обучением ведению партийных и профсоюзных дел. Далеко не всегда речь при этом шла о подготовке шпионов, перед которыми ставится задача добывать разведданные. Нет, для западных спецслужб порой было важнее создать сеть своих агентов влияния, которые проводили бы нужную для США политику»[2].

КГБ СССР по этому поводу был подготовлен специальный документ, который назывался «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан».

«По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, в последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогнозов своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза. ЦРУ разработало программу индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающую приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработ-

---

[1] *Широнин В.* Указ. соч. С. 104.

[2] *Широнин В.* Указ. соч. С. 105.

ку. Кроме того, одним из важнейших аспектов подготовки такой агентуры является преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства. Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа в народном хозяйстве и искривление руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки. По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, направит научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях. По заявлениям американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества. И прежде всего в экономике. И приведет в конечном счете к принятию Советским Союзом многих западных идеалов. КГБ учитывает полученную информацию для организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки»[1].

После 1985 года финансирование этих программ усиливается. По данным, сообщенным министром иностранных дел Латвии, с 1985 по 1992 год Запад (прежде всего США) инвестировал «в процесс демократизации СССР» (т. е. разрушение России) 90 млрд. дол.[2]. На эти деньги покупались услуги нужных людей, подготавливались и оплачивались агенты влияния, направлялись специальная техника, инструкторы, литература и т. п.

---

[1] Цит. по: Советская Россия. 3.3.1993.

[2] Диена. Рига. 30.7.1992.

Какими сребрениками и в каком размере расплачивались с агентами влияния хозяева мировой закулисы, мы не знаем[1], но известно, что именно с середины 80-х годов эти агенты резко активизируются.

Не меньшее внимание ЦРУ уделяло обработке, а иногда прямому подкупу советских граждан, находившихся на работе в зарубежных (прежде всего западных) странах. Служащих посольств, внешнеторговых организаций, корреспондентов советских газет и телевидения ставили под особую опеку специально подготовленных работников ЦРУ, которые искали у своих подопечных слабые места. Одним за высокий гонорар могли предложить опубликовать статью или книгу, другим тоже за хорошее вознаграждение выступить в университете или по телевидению, третьим — помочь в выгодной покупке. А так как контингент советских служащих за рубежом состоял в основном из «деток» государственных и партийных чиновников, воспитанных в духе космополитизма, потребительства и преклонения перед Западом, ЦРУ удавалось достигать здесь больших успехов.

ГЛАВА 13

Эскалация холодной войны против Русского народа. — США как всемирный агрессор. — Антирусская подрывная работа ЦРУ. — Западная программа борьбы с Россией.— Американская доктрина нового сдерживания

Разрушение СССР не остановило холодную войну Запада против России. Более того, после отпадения бывших союзных республик западное наступление на Россию усилилось и приобрело открыто агрессивный и экономическо-грабительский характер. Западный мир торжествовал и уже не скрывал, что десятилетия вел тайную подрывную работу против России. «...Мы, — заявлял госсекретарь США Г. Бейкер, — истратили триллионы долларов за сорок лет, чтобы оформить победу в «холодной войне» против СССР...»

---

[1] Впрочем, хорошо известны формы, в которых производилась эта оплата — прежде всего оплата поездок за рубеж с выплатой огромных суточных, большие гонорары за книги, статьи, выступления, лекции, предоставление разных «грантов» и т. п.

Один из руководителей мировой закулисы и глава еврейской масонской ложи «Бнай Брит» Г. Киссинджер со знанием дела отмечал, что «...распад Советского Союза — это, безусловно, важнейшее событие современности, и администрация Буша проявила в своем подходе к этой проблеме поразительное искусство...».

«Победа США в холодной войне, — писал директор Центра политики и безопасности Ф. Гафней, — была результатом целенаправленной, планомерной и многосторонней стратегии США, направленной на сокрушение Советского Союза. Ход исторических событий был предопределен стратегическими директивами Рейгана. В конечном счете скрытая война против СССР и создала условия для победы над Советским Союзом».

«Россия — побежденная держава, — заявил секретарь Трехсторонней комиссии, польский еврей З. Бжезинский. — Она проиграла титаническую борьбу. И говорить «это была не Россия, а Советский Союз» — значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США. Она была побеждена. Сейчас не надо подпитывать иллюзии о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей»[1].

В другом своем высказывании секретарь Трехсторонней комиссии был еще более откровенен: «...Холодная война окончилась победой одной стороны и поражением другой. Эту реальность нельзя отрицать, несмотря на то, что такой вывод, понятно, затронет чувства мягкосердечных лиц на Западе и некоторых бывших руководителей побежденной стороны. Важнее всего то, что сам Советский Союз развалился и Центральная Европа сейчас представляет собой геополитический вакуум. Бывшая Советская Армия демобилизуется и уже деморализована. Балтийские государства свободны. Украина укрепляет свою независимую государственность, так же как и среднеазиатские республики. Единство собственно России может скоро тоже оказаться под вопросом, и у дальневосточных провинций, вероятно, в недалеком будущем появится искушение создать свою собственную сепаратную сибирско-дальневосточную республику. И действительно, экономическая и даже политическая судьба того, что не так давно было грозной сверхдержавой, сейчас все более переходит под фактическую западную опеку. Вместо когда-то пре-

[1] Сегодня. 19.8.1994

возносимой теории «конвергенции» двух конкурирующих систем, реальность обернулась односторонней конверсией. Такой исход в историческом плане является не менее решающим и не менее односторонним, чем поражение наполеоновской Франции в 1815 году или императорской Германии в 1918 году, или нацистской Германии и императорской Японии в 1945 году. Как и при окончании предыдущих войн, имеет место явно различимый момент капитуляции, за которым последуют послевоенные политические волнения в проигравшем государстве. Этот момент, вероятнее всего, настал в Париже 19 ноября 1990 года. На совещании, которое было отмечено внешними проявлениями дружбы, предназначенными для маскировки действительной реальности, бывший советский лидер Михаил Горбачев, который руководил Советским Союзом на финальных этапах «холодной войны», принял условия победителей, охарактеризовав в завуалированных и элегантных выражениях объединение Германии, осуществленное полностью на западных условиях, как «важное событие». Через год советский руководитель, который согласился с едва замаскированным поражением Советского Союза, был свергнут сам. Более того, прошлое было официально осуждено, красный флаг был официально спущен, отныне будут официально имитироваться идеология и характерные черты победившей стороны. Холодная война была действительно закончена».

Для усиления влияния США на развитие Российской Федерации в нужном для Запада направлении создается целый ряд секретных структур, сформированных в своей основе из кадровых разведчиков ЦРУ. После разрушения СССР наряду с функционировавшими раньше американской разведывательной резидентурой, группами глубокого прикрытия и агентурой влияния создается штаб «Модернизации». Его задачей было обеспечение совместных координированных действий всех антирусских сил как внутри России, так и за ее пределами в целях нейтрализации, дискредитации или даже уничтожения национально-патриотического сопротивления, препятствующего деятельности поставленного Западом космополитического режима. Согласно секретным установкам штаба «Модернизации» любой поворот в России, осуществленный без одобрения мировой закулисы и согласования с ее руководителями, рассматривается как антизападный и должен быть остановлен всеми имеющимися средствами. Перед западными разведками ставится задача постоянно отслеживать события, происходящие в республиках бывшего СССР, и

прежде всего России, с тем чтобы в случае необходимости вмешаться в них.

В политической записке американской резидентуры, составленной после августа 1991 года, давалась следующая оценка положения:

«— ... властные позиции в стране принадлежат демократии (т. е. космополитическим, антирусским силам. — *О. П.*) только в отдельных ее центрах, и даже эти позиции еще далеки от необходимой прочности;

— не произошло сознательного и окончательного разворота масс в сторону демократии, о чем свидетельствует пассивность большинства населения в дни августовских событий;

— основная часть государственного аппарата, несмотря на его департизацию, остается на прежних идеологических позициях, и им до сих пор нет альтернативы;

— в кругах интеллигенции преобладает отрицательное отношение к частному предпринимательству, так как оно отталкивает от себя своим бескультурьем и откровенным рвачеством, что, как известно, является характерной чертой любого начального периода становления капиталистических рыночных отношений;

— рыночная реформа ведет к мощной безработице;

— сокращение центральных государственных структур бывшего Союза, массовое сокращение армии и конверсии военного производства даст дополнительные огромные массы безработных и социально ущемленных людей, которые могут постепенно сформировать огромную армию контрреформы;

— существуют еще недостаточно организованные, но многочисленные группы людей, которые по своим убеждениям готовы при определенных условиях пойти на создание идеологического центра контрреформы. Создание идеологического центра при наличии огромной контрреформистской массы в случае их слияния обречет реформу на неминуемый провал. Механизм же возможной маргинальной оппозиции еще только начал складываться»[1].

---

[1] Цит. по: *Широнин В.* Указ. соч. С. 157; этот же автор приводит копию отчета одного из американских резидентов под крышей дипломата, работавшего в одной из бывших советских республик. В отчете говорилось, что ЦРУ в СССР не до конца удалось осуществить вариант по типу «Восточная Европа», как это произошло в ГДР и других странах Восточной Европы. Из анализа разведчика следовало, что, в отличие от ГДР, в СССР не выполнено задание по нейтрализации республиканских партийных органов. «Выстояли» (так в переводе с английского) областные и

Особое место в подрывной работе американских спецслужб уделялось русскому патриотическому движению. По имеющимся у меня данным, в ЦРУ создано специальное подразделение для борьбы с ним. ЦРУ проводит операции по внедрению в патриотическое движение своих агентов. Судя по событиям, используются два основных варианта. Во-первых, — прямое внедрение своих агентов в разные патриотические

районные звенья КПСС. Не ясно, какую позицию займет армия. Она еще недостаточно деморализована, говорилось в документе, как это могло вытекать из прежних разведывательных оценок. Что касается КГБ, то «инициировать» (так в переводе) его разгром, захват зданий и архивов вообще не удалось. В заключение американский резидент делал вывод о том, что переход России к политической модернизации по «восточноевропейскому варианту» может оказаться невозможным всего из-за крайне сильных антизападных традиций в стране. Он категорически заключал, что имеющиеся в ней слабые либерально-западнические силы будут не в состоянии справиться с ними без массированной помощи извне. Резидент предлагал срочно задействовать «объединенные усилия спецслужб партнеров» для достижения поставленных целей на перечисленных главных объектах и направлениях от складывающихся международных и, в частности, американо-российских отношений, Россия сохраняет потенциальную возможность начать ядерную войну против Запада, нанести упреждающие или ответные удары своими ядерными силами. В связи с этим главной задачей на предстоящие годы, по их заключению, является лишение России этой возможности. По мнению американской разведки, распад стратегических ядерных сил бывшего СССР должен был происходить под неусыпным контролем Запада. Под такой контроль должна быть поставлена и «эмиграция» в страны «третьего мира» квалифицированных российских специалистов-ядерщиков. Предотвращение нелегальной доставки, а также производства в этих странах средств массового поражения считается весьма важной задачей. Поэтому США уделяют большое внимание созданию и финансированию нового центра по нераспространению ядерного оружия, который отслеживал бы вероятную возможность его обладания такими странами, как Северная Корея и Иран.

Вторая группа тактических задач была ориентирована на дезинтеграцию бывшей Советской Армии, снижение боеготовности Вооруженных Сил России и каждой из стран СНГ. Развал Советской Армии, согласно стратегии США, не менее важен, чем лишение СССР и его правопреемницы России стратегических ядерных сил. Поэтому на этом направлении подрывной работы также были сконцентрированы мощные коалиционные силы, созданные на основе спеслужб.

Третья группа первоочередных тактических задач была связана непосредственно с нейтрализацией органов государственной безопасности, как наиболее организованной силы, способной оказать самостоятельное сопротивление иностранным и отечественным «реформаторам», поставившим своей целью политическую «модернизацию» России (Широнин В. Указ. соч. С. 156).

организации, а также вербовка некоторых «патриотов»[1]. Во-вторых, подготовка лиц, которые были бы способны возглавить и увести в сторону от реальных национальных проблем хотя бы часть русского патриотического движения. К такой функции, по-видимому, готовили С. Станкевича, Руцкого, Хасбулатова и др.

В начале 1992 года американские газеты опубликовали подробные выдержки из секретной директивы Пентагона на 1994—1999 годы. В ней отмечалось, что в ближайшем будущем Соединенные Штаты станут непререкаемым лидером в мире, единственной сверхдержавой, у которой не должно быть соперников. В случае необходимости США откажутся от коллективных действий в рамках ООН и будут совершать односторонние военные акции, а также наносить превентивные удары прежде всего по странам, имеющим оружие массового уничтожения. Президент Клинтон при вступлении в должность 20 января 1993 года заявил о готовности американской администрации продолжать политику обеспечения американских интересов во всем мире, сохранения для страны роли лидера и, когда нужно, использовать силу...[2]

После разрушения СССР американская государственная стратегия приобрела вызывающе агрессивный и экспансионистский характер, допуская преступное вмешательство во внутренние дела любой страны мира.

Американская политика установления нового мирового порядка стала носить откровенно тоталитарный характер, сравнимый, пожалуй, только с периодом господства Гитлера и фашистского режима. Однако в 90-х годах, как и в 1941 году, главным препятствием для всемирного агрессора является Россия, «единственная страна на земном шаре, способная до сих пор уничтожить США» (Р. Никсон).

В связи с этим, по словам того же Никсона, «Россия остается для США на верхней строчке ее внешнеполитических приоритетов»[3]. Главная цель США — лишить Россию ее ядерной мощи. Для этого политически допускается нанесение

---

[1] Например, в 1992 году пыталось завербовать русского предпринимателя-патриота. Но он, естественно, выгнал вербовщиков и сообщил об этом случае в печати.

[2] *Феклисов А. С.* Указ. соч. С. 274.

[3] Известия. 31.3.1994.

России превентивного ядерного удара. На основании этих предпосылок строилась стратегия национальной безопасности США в отношении России.

В 1994 году специалисты Государственной Думы России проанализировали доклад президента Клинтона Конгрессу «Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки» и пришли к следующим основным выводам:

Соединенные Штаты Америки в одностороннем порядке объявляют себя безоговорочным лидером в мировом сообществе;

в основу стратегии безопасности США положена концепция глобализма и идея стирания грани между внутренней и внешней политикой Соединенных Штатов;

одним из основных элементов стратегии безопасности США является милитаризация экономики в целях поддержания высокого уровня боеготовности вооруженных сил страны;

к числу важнейших элементов стратегии США относится присутствие их многочисленных вооруженных сил на заморских территориях, и прежде всего в Западной Европе, на Ближнем Востоке, в Восточной Азии и на Тихом океане;

стратегия безопасности США носит наступательный, агрессивный характер, поскольку она предусматривает способность наносить в одностороннем порядке удары по объектам других стран, с одной стороны, а с другой — всемерно укреплять свои ядерные силы при одновременном их сокращении Россией;

стратегия безопасности США предусматривает всемерное усиление разведывательной деятельности, направленной на отслеживание политических, экономических, социальных и военных аспектов в тех регионах и странах мира, где серьезно затрагиваются интересы Соединенных Штатов;

американская стратегия безопасности закрепляет за Соединенными Штатами право вмешиваться во внутренние дела других стран, предусматривая использование на их территории своих местных «естественных союзников», каковыми являются профсоюзы, правозащитные организации, защитники окружающей среды, торговые палаты, наблюдатели за ходом выборов и тому подобное.

В Директиве № 13 (подписанной в феврале 1992 года) давалась установка на «...распространение «доктрины Монро» на территорию бывшего СССР». «Цель НАТО, — утверждалось в этом документе, — в будущем ввести миротворческие силы в

регионы этнических конфликтов и пограничных разногласий от Атлантического океана до Уральских гор». Под предлогом миротворческой миссии НАТО готовились планы захвата значительных территорий России американскими войсками. На первых этапах главным потенциальным объектом агрессии является Сибирь.

На закрытых заседаниях комитетов американского Конгресса прорабатываются различные варианты и «силовой» и «добровольной» передачи Сибири под юрисдикцию США. В частности рассматриваются варианты «покупки» этой российской территории для устройства там еще семи американских штатов. Один акр сибирской земли, наполненной неисчислимыми природными богатствами, оценивается американскими «специалистами» по смехотворной цене — в 1000 дол. Вся Сибирь должна обойтись Америке в 3 трлн. дол. с рассрочкой на 20 лет.

Территорию России американское руководство рассматривает как потенциальный театр военных действий и осуществляет практическую подготовку к ним. Как, в частности, установила российская военная разведка, российско-американские командно-штабные учения «Миротворец-94» на Тоцком полигоне в Поволжье рассматривались американской стороной как повод для осуществления шпионских акций против России. Выяснилось, что в составе «миротворцев» 3-й пехотной дивизии армии США находятся «зеленые береты» из диверсионно-разведывательных подразделений сил специальных операций, региональная ориентация которых предусматривает ведение операций в глубине российской территории в угрожающий и военный периоды. Под прикрытием принадлежности к 3-й пехотной дивизии офицеры американского спецназа планировали провести рекогносцировку на театре военных действий в зоне своей оперативной ответственности, отработать методы ведения радиоразведки для вскрытия полевых узлов связи российских войск, а также на практике уточнить концептуальные положения боевого применения американских сил специальных операций на территории России[1].

Изучением территории России с точки зрения будущего театра военных действий в 90-х годах занимаются многие тысячи агентов ЦРУ под разными прикрытиями, в том числе и под традиционной «крышей» многих американских шпионов

---

[1] Независимая газета. 7.9.1994.

как Корпус мира (действует в нашей стране с 1992 года), различных «демократических», «природоохранных» и «правозащитных» организаций. В Самаре, например, волонтеры американского Корпуса мира, не сделав ничего полезного, были высланы по подозрению в шпионаже (в частности, за нездоровый интерес к местному режимному заводу)[1].

Антирусский характер подпольной деятельности американской администрации на территории бывшего СССР подтверждается также тем фактом, что печально известный антирусский «Закон о порабощенных нациях» не был отменен даже после событий августа 1991 года. Не имея уже юридических оснований обвинять Россию в угнетении бывших союзных республик, американские дипломаты и агенты спецслужб продолжают кулуарно клеветнически утверждать, что русские продолжают «порабощать» народы, проживающие на территории Российской Федерации (татар, башкир, калмыков, тувинцев и др.). Среди народов Российской Федерации работают множество агентов ЦРУ, преследовавших цель вызвать ненависть к русским. Из тайных фондов американского правительства финансируются практически все националистические движения Татарстана, Башкирии, Республики Коми, Тувы, Якутии и др.

Бывшие республики СССР объявляются США сферой их национальных интересов, допуская любые формы вмешательства, в том числе и военные. Вместе с тем американская официальная политика требует невмешательства России в дела «марионеточных» государств, возникших на ее границах, подрывающих основы национальной безопасности нашей страны, попирающих элементарные права русских.

В феврале 1992 года в американской газете «Вашингтон пост» был опубликован секретный документ Пентагона, содержащий план основных оборонных мероприятий. Согласно американским планам Русская Прибалтика была включена в «сферу жизненных интересов США». В случае вступления русских войск на территорию прибалтийских «республик» для защиты прав русского населения, США и НАТО намерены развернуть агрессивные военные действия против России.

По данным одного из иностранных источников российских спецслужб, «США... уделяют особое внимание усилению влияния на правительственные круги Грузии и Армении. С

---

[1] Комсомольская правда. 8.10.1996; волонтеры Корпуса мира «свозили в Америку для обучения бизнесу 30 тольяттинских бизнесменов и чиновников (если можно чему-то научиться за две недели)» (там же).

этой целью в регион направляются разного рода советники, как правило, располагающие здесь родственными связями. Некоторые из них проходят предварительную подготовку на законспирированных «точках» ЦРУ. Деятельность таких лиц ориентирована прежде всего на дестабилизацию обстановки в Грузии и Армении, инспирирование конфликтов на их границах с тем, чтобы под видом «голубых касок» ввести в регион американские войска, а затем разместить здесь тактическое ядерное оружие. Что касается России, то США стремятся поставить под свой контроль вопросы сокращения и уничтожения ее стретегических ядерных сил, чтобы в последующем диктовать свои условия, располагая тактическим потенциалом на Кавказе»[1].

Президенты и высшие руководители практически всех бывших республик СССР — прибалтийских, закавказских, среднеазиатских — имеют советников из ЦРУ. В прибалтийских республиках и Грузии специалисты из ЦРУ составляют кадровый костяк местных спецслужб и военных ведомств.

Специального советника кадрового офицера ЦРУ Ф. Вудраффа имел руководитель марионеточного проамериканского режима Грузии, сам недавний сотрудник ЦРУ Шеварднадзе. По сообщению канадской печати, в начале 1993 года президент США Клинтон секретным распоряжением поручил ЦРУ и специальным вооруженным силам — коммандос — выполнять специальную программу, подразумевающую намерение удержать Эдуарда Шеварнадзе у власти в этой бывшей советской республике, терзаемой ныне гражданской войной[2]. По мнению русского контрразведчика генерала КГБ Широнина, «невозможно избавиться от впечатления, что кровавые события в Тбилиси (закончившиеся таинственной гибелью З. Гамсахурдия. — *О. П.*) расчищали путь к тому, чтобы единовластным правителем Грузии стал Э. Шеварднадзе»[3]. В 1994 году Шеварднадзе побывал в США, где подписал соглашение об открытии военных представительств двух стран и осуществлении «программы военного сотрудничества», включающей в себя американскую помощь и финансовое содействие перестройке вооруженных сил Грузии[4].

---

[1] *Широнин В.* Указ. соч. С. 171.

[2] Toronto Star. 16.8.1993.

[3] *Широнин В.* Указ. соч. С. 172.

[4] Там же.

Участие американского правительства и ЦРУ ощущается во всех горячих точках бывшего Советского Сюза. Из средств американских налогоплательщиков финансируются многочисленные террористические акции против русских в Чечне, Таджикистане, Молдавии, деятельность бандформирований таких националистических организаций, как «украинская» УНА—УНСО и белорусского «народного фронта» З. Поздняка.

Американская дипломатия и тайная работа спецслужб осуществляют особое противодействие любым попыткам Русского народа снова объединиться в общем государстве. Недовольство большей части населения «Украины» разрывом с Россией, активное сближение с ней Белоруссии беспокоят американское правительство и расцениваются им как опасность для своей гегемонистской политики. В качестве противовеса российскому «неоимпериализму» американское руководство пытается создать марионеточную «Украину», полностью управляемую из Вашингтона и жестко противостоящую Российской Федерации. Сотни агентов ЦРУ и миллионы долларов были брошены на свержение белорусского президента Лукашенко, поставившего вопрос об объединении Белоруссии с Россией.

С ведома американского правительства и руководства НАТО Турция вынашивает идею создания конфедерации Средней Азии под своим протекторатом. Даже выпущена географическая карта, в которой среднеазиатские республики, Крым и Татарстан даны тем же цветом что и Турция. В 1991—1993 годах идет закулисная борьба турецких властей за их выход на прямую границу с Азербайджаном, которую сейчас отделяют армянские территории. При поддержке Запада предлагается «поменять» эту территорию на кусок Азербайджана. Опираясь на поддержку НАТО, Турция намерена воспрепятствовать транспортировке нефти российскими танкерами через проливы Босфор и Дарданеллы[1].

Все эти враждебные для нашей страны акты находят объяснение в американской доктрине «нового сдерживания» России, которая, по сути дела, негласно легла во внешнеполитическую программу правительства США. »... Наша главная цель, — утверждалось в одном из внешнеполитических документов американской администрации, — предотвратить восстановление нового конкурента где бы ни было, на территории бывшего Советского Союза или в другом регионе, кото-

[1] Труд. 8.5.1996.

рый представлял бы угрозу для США того уровня, который представлял Советский Союз».

Утверждая громогласно о своей победе в холодной войне, Запад наедине с собой не вполне верит в нее. В конце марта 1992 года бывший президент США, радикальный русофоб Р. Никсон предостерегал американское руководство в отношении России и призывал его не ослаблять внимания к российским делам, находить новые формы тайной поддержки космополитического режима в Москве. «Запад, — заявлял Никсон, — должен сделать все возможное... иначе США и Запад рискуют выпустить из рук победу в холодной войне, которая обернется в результате поражением...

Россия — ключ к успеху. Именно там будет выиграна или проиграна последняя битва холодной войны. Не может быть более высоких ставок» .

Часть III

СЛОВАРЬ МИРОВОЙ ЗАКУЛИСЫ

Словарь мировой закулисы составлен мной по многим разным источникам, среди которых особо следует выделить публикации американской газеты «Спотлайт» (1992—1997), исследование Р. Росса «Кто есть кто среди элиты» (1995), закрытые годовые отчеты Совета по международным отношениям и Мирового Форума и другие крайне ценные материалы, любезно предоставленные мне помощниками из США и некоторых других стран. Не называя по понятным причинам имен, я хочу от всей души поблагодарить моих помощников за поддержку и содействие, без которых эта работа не смогла бы увидеть свет.

В предлагаемом словаре возможны неточности в переводе имен, которые могут не соответствовать принятой транскрипции. Далеко не всегда я располагал точными данными о времени, в течение которого деятель мировой закулисы занимал тот или иной пост. Здесь мне приходилось ограничиваться только данными о его должности, а перечисление этих должностей не всегда означает, что их он занимал в одно и то же время. Мировая закулиса обладает большим аппаратом советников и консультантов. Естественно, имена этих тысяч и тысяч людей в словаре привести невозможно, исключение делается для консультантов из России, которые, по сути дела, являются агентами мировой закулисы. Их личная ответственность перед Россией за предательство ее национальных интересов соответствует их высоким должностям, которые они занимают или занимали в правительстве нашей страны. К сожалению, этот список, предоставленный мне помощниками из США, далеко не полон.

Аббеглен Джеймс, США, член Совета по международным отношениям (1994).

Абдель-Меджид Терек, США, член Совета по международным отношениям (1994).

Абель Элай, США, профессор Станфордского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Абрам Морис, посол США в европейском отделении ООН, член Совета по международным отношениям (1994).

Абрамович Мортон, США, президент издательского комитета Карнеги, посол США в Турции, член Совета по международным отношениям (1994).

Абрамс Герберт, профессор Центра международной безопасности и контроля над вооружениями при Станфордском университете, член Мирового Форума (1996).

Абрамс Элиот, секретарь госдепартамента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Абурден Оде Феликс, США, управляющий «Кэпитал Траст», член Совета по международным отношениям (1994).

Абцуг Белла, член конгресса США (1970—1976), член Мирового Форума (1996).

Аведон Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Авен Петр, министр РФ, консультант Трехсторонней комиссии (1994).

Агню Гарольд, профессор Калифорнийского университета (США, Калифорния, Сан-Диего), член Совета по международным отношениям (1994).

Агронский Мартин, США, член Совета по международным отношениям (1994).

Агуир Горацио, США, член Совета по международным отношениям (1994).

Адамс Гордон, США, член Совета Центра международной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Адамс Роберт, США, профессор Университета Джона Гопкинса, член Совета по международным отношениям (1994).

Адамс Руфь Зальцман, директор «Д. и К. Макартур Фаундейшн» (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Адельман Кеннет, помощник министра обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Аджами Ф., США, член Совета по международным отношениям (1994).

Айерс Гарри, член правления Южного центра международных исследований (Атланта, США), член Совета по международным отношениям (1994).

Айленд Роберт, основной владелец фирмы «Браун бразерс Гарриман», член Совета по международным отношениям (1994).

Айриш Леон, совладелец фирмы «Джонс, Дей, Ривис энд Пог» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Акаев Аскар, президент Киргизстана, сопредседатель Мирового Форума (1997), консультант Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Акбил Семил, руководитель департамента информации Министерства иностранных дел Турции, член Бильдербергского клуба (1994).

Акерс Джон, директор корпорации «Пепсико» (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Акинс Джеймс, США, член Совета по международным отношениям (1994).

Аккерман Дениз, руководитель епископальной школы, член Мирового Форума (1996).

Аккерман Питер, США, член Совета по международным отношениям (1994).

Алдерсон Гейл, директор «Седар Смоук Скул» (1997), член Мирового Форума (1995).

Александер Роберт, профессор Ритгерского университета (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Александер Сара, США, член Совета по международным отношениям (1994).

Али Азиз Сирдар, председатель «Дашвуд Груп» (1995), член Мирового Форума (1995).

Али Хан Зульфакар, маршал военно-воздушных сил Пакистана (1972—1974), член Мирового Форума (1996).

Алиреза Хишан, директор «Ксенел индастриз», член Мирового Форума (1996).

Аллан Алей, США, член Совета по международным отношениям (1994).

Аллен Дейл, директор «Швази вайа индастриз», член Мирового Форума (1996).

Аллен Лью, США, член Совета по международным отношениям (1994).

Аллен Роберт, директор корпорации «Пепсико» (США), член Совета по международным отношениям (1994) [в этой же организации состоит и еще один директор «Пепсико» (см. Акерс Д.)].

Аллисон Грэхэм, член Совета Центра национальной политики (США), член Бильдербергского клуба (1994), Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994), бывший директор Совета по международным отношениям.

Аллисон Зо, руководитель «Келлер компани» (1997), член Мирового Форума (1995).

Аллисон Ричард, судья Гаагского трибунала по взаимным требованиям Иран — США, член Совета по международным отношениям (1994).

Алони Шуламит, министр связи, науки и искусства Израиля (1996), член Мирового Форума (1996).

Алперт Мартин, председатель правления «Клик технолоджис» (1995), член Мирового Форума (1995).

Альберт Майкл, член Совета по денежной политике Банка Франции, член Трехсторонней комиссии (1994).

Альбертс Брюс, президент Американской академии наук, член Совета при председателях Мирового Форума (1997).

Альварадо Донна, член Совета по международным отношениям (1994).

Альман Сидни, профессор Йельского университета (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Альп Али Хикмет, посол Турции при международных организациях, член Бильдербергского клуба (1994).

Альперн Алан, США, член Совета по международным отношениям (1994).

Альстром Кришер, президент корпорации «Альстром груп» (Финляндия), член Бильдербергского клуба (1994).

Альтман Роджер, заместитель министра финансов США, председатель правления корпорации «Блэкстоун», член Совета по международным отношениям (1994).

Альтман Эмиль, США, член Совета по международным отношениям (1994).

Альфонд Герв, генеральный секретарь Министерства иностранных дел Франции, член Бильдербергского клуба (1994).

Альфорд Вилльям, профессор Университета Западного Онтарио (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Амая Наохиро, исполнительный директор Депцу-института гуманитарных исследований (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Амбросетти Альфредо, председатель правления корпорации «Амбросетти груп» (Италия), член Бильдербергского клуба (1994).

Амос Дебора, член Совета по международным отношениям (1994).

Амс Оукс, председатель Комиссии имени Родса по отбору стипендиатов (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Ангермейер Карол, руководитель «Гросс Калчурэл Джонис» (1997), член Сан-Францисского комитета Мирового Форума (1997).

Ангуло Мануель, совладелец фирмы «Куртис, Маллет-Превост, Колт энд Мосл» (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Андельман Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Андерсен К. В., министр иностранных дел Дании, член Бильдербергского клуба (1994).

Андерсон Вернон, председатель исполкома «Аксель Джонсон», член Мирового Форума (1996).

Андерсон Гарольд, член Совета по международным отношениям (1994).

Андерсон Давид, посол США в Югославии, директор Аспен-института (Берлин), член Совета по международным отношениям (1994).

Андерсон Джон, конгрессмен от штата Иллинойс, кандидат в президенты США в 1980 г., член Совета по международным отношениям (1994).

Андерсон Лиза, член Совета по международным отношениям (1994).

Андерсон Маркуз, член Совета по международным отношениям (1994).

Андерсон Поль, член Совета по международным отношениям (1994).

Андерсон Рей, руководитель «Интерфейс ресерч», член Мирового Форума (1996).

Андерсон Роберт Орвилль, председатель правления корпорации «Атлантик Ричфилд» (США), член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Андерсон Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Андерсон Чарльз, член Совета по международным отношениям (1994).

Андреа Чарльз, член Совета по международным отношениям (1994).

Андреас Дуайн Орвилль, председатель правления корпорации «Арчер Даниель Мидланд» (США), член Бильдербергского клуба (1994), Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Андрош Ганс, министр финансов Австрии, член Бильдербергского клуба (1994).

Андрюс Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Анзор Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Анреополос Андреас, президент информационной корпорации «Стратегические мультимедиа» (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума (1997).

Антони Джон Дьюк, член Совета по международным отношениям (1994).

Антуан Роберт, старший советник фирмы «Уинтроп, Стимсон, Путнам энд Робертс» (Лондон), член Совета по международным отношениям (1994).

Аньелли Джованни, председатель правления концерна «Фиат» (Италия), член Бильдербергского клуба (1994).

Аньелли Умберто, вице-председатель и управляющий директор корпорации ИФИ (Италия), член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Аподака Джерри, член Совета по международным отношениям (1994).

Аптер Давид, профессор Йельского университета (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Араског Рэнд, президент корпорации ИТТ (США), член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Арванитис Агни, президент Международной организации биополитики, член Мирового Форума (1995).

Ариас Оскар, президент Коста-Рики (1986—1990), сопредседатель Мирового Форума (1997).

Аристид Джин-Бертран, президент Гаити (1991—1996), сопредседатель Мирового Форума (1997).

Аркос Кресенцио, посол США в Гондурасе, член Совета по международным отношениям (1994).

Арледж Рун, президент «Эй-би-си Спорт» (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Армакост Майкл, посол США в Японии (1989—1993), руководитель «Эйша Фаундейшн», член Совета по международным отношениям (1994).

Армгард Беатрис Вильгельмина, королева Нидерландов, член Бильдербергского клуба (1997).

Армгард Иоган, принц Нидерландский, член Бильдербергского клуба (1994).

Арменизе Джованни, председатель правления Национального сельскохозяйственного банка (Италия), член Трехсторонней комиссии (1994).

Армстронг А., посол США в Англии, председатель Научно-исследовательского фонда (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Армстронг Вилли, член Совета по международным отношениям (1994).

Армстронг Девитт, член Совета по международным отношениям (1994).

Армстронг Джон, профессор Висконсинского университета, вице-президент корпорации «ИБМ», член Совета по международным отношениям (1994).

Армстронг Майкл, президент корпорации «ИБМ», член Совета по международным отношениям (1994).

Армстронг Роланд, вице-президент корпорации «Хаумет» (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Армстронг, лорд, директор корпорации «Р. Т. З.» (Лондон), член Трехсторонней комиссии (1994).

Арндт Фредерик, президент фирмы «Арндт энд ассошиэйтс», член Мирового Форума (1996).

Арнольд Генри, председатель правления «Арнольд энд Блейхродер», член Совета по международным отношениям (1994).

Арнольд Миллард, член Фонда Карнеги, член Совета по международным отношениям (1994).

Арнольд Черч, президент «Кэпитал мишн компани», член Мирового Форума (1996).

Арон Адам, член Совета по международным отношениям (1994).

Арон Давид, США, член Совета по международным отношениям (1994).

Аронсон Джонатан, член Совета по международным отношениям (1994).

Арриа Диего, дипломат, член Совета по международным отношениям, член Мирового Форума (1995—1996).

Арсенис Герасимос, министр иностранных дел Греции, член Бильдербергского клуба (1994).

Арсинега Томас, президент Калифорнийского государственного университета (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Арт Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Артурс Альберта, директор Фонда Рокфеллера, член Совета по международным отношениям (1994).

Арц Эдвин, председатель правления корпорации «Проктер энд Гэмбл», член Совета по международным отношениям (1994).

Асенсио Диего, исполнительный директор Флоридской международной комиссии (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Асмус Рональд, член Совета по международным отношениям (1994).

Аспин Лес, сенатор конгресса США, министр обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Ассеверо Викки-Энн, член Совета международного развития (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Ассуоса Джордж, член Совета по международным отношениям (1994).

Асума Сейдзи, президент «Асахи Кемикэл Интернэшнл», член Мирового Форума (1995).

Аттали Жак, профессор Политехнического института (Франция), член Бильдербергского клуба (1994).

Аусибель Джесс, член Совета по международным отношениям (1994).

Ауэрбах Филип, президент организации «Ауэрбах интернэшнл» (1995—1997), член Сан-Францисского комитета Мирового Форума (1995—1996).

Афертон Альфред, член управляющего органа «Фонда Харири», член Совета по международным отношениям (1994).

Ахтисаари Марти, президент Финляндии, член Бильдербергского клуба (1994).

Ашфорд Николас, профессор технологии и политики Массачусетского политехнического института, член Мирового Форума (1996).

Баеза Марио, совладелец фирмы «Дебевуа энд Плимптон» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям.

Базек Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Базора Адриан, посол США в Чехии, член Совета по международным отношениям (1994).

Байрнес Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Бакли Вилльям, главный редактор «Нейшнл ревью», член Бильдерберского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Баларан Пол, член Совета по международным отношениям (1994).

Балземао Франциско, премьер-министр Португалии, профессор университета в Лиссабоне, член Бильдербергского клуба (1994).

Балик Кеннет, член Совета по международным отношениям (1994).

Балилс Джеральд, член конгресса США от Вирджинии, член Совета по международным отношениям (1994).

Бальбах Джон, вице-президент Фонда Горбачева (США, 1995), член Мирового Форума (1995).

Банди Вилльям, издатель журнала Совета по международным отношениям «Форин афферс мэгэзин», член Совета по международным отношениям (1994).

Банди Мак-Джордж, председатель Комитета по сокращению угрозы ядерной войны (Карнеги-университет), член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Банн Джордж, руководитель Центра международной безопасности и контроля над вооружениями при Стэнфордском университете, член Мирового Форума (1996).

Барбер Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Барберс Чарльз, директор корпорации «Соломон бразерс», член Совета по международным отношениям (1994).

Баргер Тереза, член Совета по международным отношениям (1994).

Баркер Ричард, председатель правления трастовой компании «Кэпитал Гардиан» (1995), член Мирового Форума (1995).

Баркер Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Барлетт Иосиф, совладелец фирмы «Мейер, Браун энд Платт» (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Барлетт Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Барлетт Томас, один из руководителей системы государственного высшего образования в штате Орегон (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Барлоу Вилльям, владелец издательской фирмы «МИН» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Барлоу Джон, руководитель фонда «Электроник фронтир», член Мирового Форума (1996).

Барневик Перси, президент корпорации «Эй-би-би» (Швеция), член Бильдербергского клуба (1994).

Барнес Гарри, посол США в Индии, Чили, член Совета по международным отношениям (1994).

Барнес Майкл, член руководства Центра национальной политики (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Барнетт Артур, профессор Университета Джона Гопкинса, член Совета по международным отношениям (1994).

Барнетт Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Барнетт Ричард, попечитель Института политических исследований (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Барнетт Роберт, экономический советник госдепартамента США, представитель США в Гааге, член Совета по международным отношениям (1994).

Барнус Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Барр Раймон, премьер-министр Франции, член Национального собрания Франции, член Трехсторонней комиссии (1994).

Барр Томас, совладелец фирмы «Краваф, Свейн энд Мур» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Барретт Барбара, юрист из Аризоны (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Барретт Джон, совладелец фирмы «Фулбрайт энд Яворский» (Хьюстон, США), член Совета по международным отношениям (1994).

Баррет Нэнси, вице-президент Западномичиганского университета (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Барри Лиза, член Совета по международным отношениям (1994).

Барри Томас, президент корпорации «Рокфеллер энд К°», член Совета по международным отношениям (1994).

Барроззо Хосе, министр иностранных дел Португалии, член Бильдербергского клуба (1994).

Барроус Ричард, председатель правления компании «Айриш Дистиллерс» (Дублин, Ирландия), член Трехсторонней комиссии (1994).

Барт Ричард, коммерсант, член Фонда Карнеги, член Совета по международным отношениям (1994).

Бартельде Ганс, директор корпорации «Амев» (Утрехт), член Трехсторонней комиссии (1994).

Бартлетт Ричард, вице-президент корпорации «Мэри Кей Холдинг», член Мирового Форума (1996).

Бартли Роберт, вице-президент правления журнала «Уолл-стрит джорнел», член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Бартоломью Реджинальд, заместитель госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994).

Бартон Даниель, член Совета по международным отношениям (1994).

Бартон Кристофер, член руководства Корпуса мира США в Коста-Рике, Гондурасе и Парагвае, член Совета по международным отношениям (1994).

Баруди Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Басс Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Басс Петер, член Совета по международным отношениям (1994).

Бассетти Пьер, председатель Палаты торговли и промышленности (Милан, Италия), член Трехсторонней комиссии (1994).

Бассоу Витман, член Совета по международным отношениям (1994).

Баткин Алан, член Совета по международным отношениям (1994).

Батлер Ли, командующий стратегической группой войск и военно-воздушными силами США, член Мирового Форума (1996).

Батлер Ричард, представитель Австралии в ООН, член Мирового Форума (1996).

Батлер Самуэль, совладелец фирмы «Креваф, Свейн энд Мур» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Батор Френсис, член Совета Центра международной политики (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Баттл Лукас, председатель Генеральной конференции ЮНЕСКО, член Совета по международным отношениям (1994).

Батурин Юрий, секретарь Совета обороны России, консультант Совета по международным отношениям (1994).

Бауер Иосиф, Гарвардский университет, член Совета по международным отношениям (1994).

Бауман Карол, директор Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Бауман Роберт, профессор Алабамского университета (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Бауман Роджер, член Совета по международным отношениям (1994).

Баумгартнер Вилфред, управляющий «Бэнк де Франс» (Франция), член Бильдербергского клуба (1994).

Башевету Альберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Беард Рональд, председатель правления фирмы «Гибсон, Дунн энд Кручер» (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Бегли Луис, совладелец фирмы «Дебевуз энд Плимптон» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Бейер Джон, член Совета международного развития (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Бейкер Говард, руководитель администрации президента Рейгана, сенатор конгресса США, член Совета по международным отношениям (1994).

Бейкер Джеймс, государственный секретарь США, член Совета по международным отношениям, сопредседатель Мирового Форума (1997).

Бейкер Полина, директор Фонда Карнеги, член Аспен-института, член Совета по международным отношениям (1994).

Бейкер Ричард, настоятель Зен-центра «Крестоун Маунтин» (1995), член Мирового Форума (1995).

Бейли Чарльз, попечитель Фонда Карнеги, член Совета по международным отношениям (1994).

Бейлс Картер, член Совета по международным отношениям (1994).

Бейм Давид, профессор Колумбийского университета.

Бейнеке Виллъям, председатель правления «Хадсон Ривер фаундейшн» (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Бейнс Лесли Элизабет, управляющий директор Сити-бэнк (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Бейрд Чарльз, попечитель «Букнелл Юниверсити» (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Бекер Курт, издатель «Штадтанцигер» (Германия), член Бильдербергского клуба (1994).

Беклер Давид, член директората комиссии Карнеги по науке и технике в связи с политикой правительства (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Белл Д. Бойер, член Совета по международным отношениям (1994).

Белл Давид, вице-президент Фонда Форда, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Белл Петер, член фонда «Эдна Макконелл Кларк», член Совета по международным отношениям (1994).

Белл С. Скотт, руководитель информационной системы «Ньюс Анкор», «Ю. эс. эй нетворк апдейтс», член Совета по международным отношениям (1994).

Белл Холлеу, член Совета по международным отношениям (1994).

Беллами Карол, член Совета по международным отношениям (1994).

Белло Юдифь, профессор Джорджтаунского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Белл-Роз Стефания, член Совета по международным отношениям (1994).

Белоус Владимир, член совета Центра стратегических исследований, член Мирового Форума (1996).

Бельфрэгв Эрик, вице-президент «Скандинависка Енскилда Банкен» (Стокгольм), член Трехсторонней комиссии (1994).

Бен-Израель Азиель, принц, член Мирового Форума (1995).

Бенбоут Теренсе, член Совета по международным отношениям (1994).

Бендер Джеральд, член Совета по международным отношениям (1994).

Беннетт Анрю, член Совета по международным отношениям (1994).

Беннетт В. Тапли, директор Ассоциации иностранной политики (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Беннетт Дональд, член Совета по международным отношениям (1994).

Беннетт Дуглас, помощник госсекретаря США, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Беннетт Сюзан, член Совета по международным отношениям (1994).

Беннетт Фредерик, сэр, член Британского парламента, член Бильдербергского клуба (1994).

Беннетт Эдвард, президент «Продиги сервис компани» (1995), член Мирового Форума (1995).

Беннис Уоррен, председатель Института руководства, член Мирового Форума (1996).

Бенсон Люки Петерс, президент компаний «Бенсон энд Ассошиэйтс», «Амхерст энд Вашингтон» (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Бентсен Ллойд, министр финансов США, член Бельдербергского клуба (1994).

Беплат Тристан, член Совета по международным отношениям (1994).

Бергер Мэрилин, член Совета по международным отношениям (1994).

Бергер Самуэль, помощник президента США по национальной безопасности, член Совета по международным отношениям (1994).

Бергер Сюзан, председатель департамента политической науки, член Совета по международным отношениям (1994).

Бергольд Гарри, посол США в Венгрии и Никарагуа, член Совета по международным отношениям (1994).

Бергстен Рэнд, директор Института международной экономики, помощник министра финансов США, член Трехсторонней комиссии (1994).

Бергстен Фред, помощник министра финансов США, директор Института международной экономики, член Бильдербергского клуба (1994), Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Бергстром Ганс, издатель «Дагенс Нигетер» (Швеция), член Бильдербергского клуба (1994).

Бергстром Кирк, президент «Волдлинк» (1995), член Мирового Форума (1995).

Бергуньо Жан, директор Французского электрического управления (Париж), член Трехсторонней комиссии (1994).

Березовский Борис, финансист и предприниматель, консультант Трехсторонней комиссии (1994).

Беркли Альфред (третий), президент «Насдак сток маркет», член Мирового Форума (1996).

Беркович Брюс, член Совета по международным отношениям (1994).

Берман Говард, член конгресса США (от Калифорнии), член Совета по международным отношениям (1994).

Берман Джек, профессор Университета Северной Каролины (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Бернабе Франсо, директор корпорации «ЭНИ» (Италия), член Бильдербергского клуба (1994).

Бернадин Иосиф, архиепископ Чикагский (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Берндт Джон, президент корпорации «АТТ» (международные коммуникационные службы), член Совета по международным отношениям (1994).

Бернс Антони, президент корпорации «Райдер Систем», член Трехсторонней комиссии (1994).

Бернс Виллььям, член Совета по международным отношениям (1994).

Бернс Патрик, член Совета по международным отношениям (1994).

Бернс Хейвуд, президент Национального института, член Совета по международным отношениям (1994).

Бернштейн Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Бернштейн Роберт, руководитель издательства «Джон Вилли энд Санс» (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Берресфорд Сюзан, одна из руководителей Фонда Форда (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Беррис Джэн, член Совета по международным отношениям (1994).

Бертрам Кристофер, дипломатический корреспондент «Цайт» (Германия), член Бильдербергского клуба (1994).

Бертуан Жорж, председатель Европейского движения, почетный председатель от Европы на Трехсторонней комиссии.

Бесси Симон, член Совета по международным отношениям (1994).

Бест Виллььям, член Совета по международным отношениям (1994).

Бестани Роберт, заместитель помощника министра финансов США (по международным финансовым делам), член Совета по международным отношениям (1994).

Беттицца Епцо, корреспондент «Коррьере делла сера» (Италия), член Бильдербергского клуба (1994).

Беттс Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Бечерер Ганс, председатель правления корпорации «Дире энд К°» (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Бешлосс Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Бжезинский Збигнев, советник по национальной безопасности президентов США 1977—1981, один из руководителей Центра стратегических и международных исследований США, член Бильдербергского клуба (1994), Совета по международным отношениям (1994), Трехсторонней комиссии (1994) и Мирового Форума (1995).

Биалкин Кеннет, совладелец фирмы «Скадден, Арпс, Слейт Мигер энд Флом», член Совета по международным отношениям (1994).

Биденкопф Курт, премьер правительства Саксонии (Германия, 1995), министр-президент Саксонии, член Германского бундестага, член Трехсторонней комиссии (1994) и Мирового Форума (1995).

Биель Эрик, член Совета по международным отношениям (1994).

Биеман Бетси, член Совета по международным отношениям (1994).

Биенан Генри, член Совета по международным отношениям (1994).

Биерли Джон, совладелец фирмы «Маркфарлейн Фергюсон» (Тампа), член Совета по международным отношениям (1994).

Бикслер Барбара, член Совета по международным отношениям (1994).

Биллингтон Джеймс, директор Библиотеки конгресса США, член Совета по международным отношениям (1994).

Биман Ричард, вице-президент «Нэшнл Сити Бэнк» (Кливленд, США), член Совета по международным отношениям (1994).

Бин **Афертон**, член Совета по международным отношениям (1994).

Бингер Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Бинде Джером, руководитель подразделений анализа и прогнозов ЮНЕСКО, член Мирового Форума (1996).

Бинкли Николас, председатель правления корпорации «Бэнк Америка» (Сан-Диего, США), член Совета по международным отношениям (1994).

Биннендик Ганс, заместитель директора госдепартамента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Бирги М. Нури, представитель Турции в НАТО, член Бильдербергского клуба (1994).

Биркелюнд Джон, председатель правления фирмы «Диллон, Рид энд К°», член Совета по международным отношениям (1994).

Биркхальтер Холли, член Совета по международным отношениям (1994).

Бирнбаум Эжен, член Совета по международным отношениям (1994).

Биссель Ричард, консультант по бизнесу в Коннектикуте (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Биссель Ричард, член Совета международного развития (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Битти Ричард, член совета директоров Корпорации Карнеги (Нью-Йорк).

Биэлер Северин, профессор Колумбийского университета (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Блейер Эдвард, член Совета по международным отношениям (1994).

Блейк Вогн, член Совета по международным отношениям (1994).

Блейк Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Блейр Салли, член Совета по международным отношениям (1994).

Блендон Роберт, председатель департамента политики и управления в области здравоохранения Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Блинкен Антони, член Совета по международным отношениям (1994).

Блисс Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Блитц Чак, директор Института Тао-тинг (1995), член Мирового Форума (1995).

Блох Джулия, вице-президент «Бэнк Америка», посол США в Непале, член Совета по международным отношениям (1994).

Блум Лоренс, руководитель «Форус инвестмент» (1995), член Мирового Форума (1995).

Блум Эван, член Совета по международным отношениям (1994).

Блумфильд Линкольн, профессор, член Совета по международным отношениям (1994).

Блумфильд Ричард, посол США в Эквадоре и Португалии, член Совета по международным отношениям (1994).

Блэк **Иосиф**, член Совета по международным отношениям (1994).

Блэк Конрад, председатель корпорации «Холлингер» (Торонто, Канада), член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Блэк Скотт, президент «Делфи Менэджмент» (1995), член Мирового Форума (1995).

Блэк Стэнли, профессор Университета Северной Каролины (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Блэк Ширли, бывшая актриса, посол США в Чехословакии, член Совета по международным отношениям (1994).

Блэквелл Джеймс, вице-президент корпорации «Локхид Аэроспейс Системс», член Совета по международным отношениям (1994).

Блэквилл Роберт, член Совета национальной безопасности США, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Блэкер Соит Деннис, член Совета по международным отношениям (1994).

Блэкман Берри, член Совета Центра международной политики и член Совета по международным отношениям (1994).

Блэкмер Дональд, исследователь Западной Европы в Гарвардском университете, член Совета по международным отношениям (1994).

Блэнк Стефен, член Совета по международным отношениям (1994).

Блюм Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Блюменталь Вернер, совладелец фирмы «Лазард Фререс энд К°», бывший директор Совета по международным отношениям (1994).

Блюменталь Сидни, профессор в Университете Майами, член Совета по международным отношениям (1994).

Боада Вилалонда Клаудио, почетный председатель правления Испано-американского банка (Мадрид), член Трехсторонней комиссии (1994).

Боббитт Филип, профессор Техасского университета (Остин), член Совета по международным отношениям (1994).

Бовен Вилльям, президент Фонда Эндрю Меллона, член Совета по международным отношениям (1994).

Бови Роберт, член Совета международного развития, Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Бовин Деннис, вице-председатель «Беар Стернс энд К°», член Совета по международным отношениям (1994).

Боггс Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Боди Вилльям, посол США на Азиатско-Тихоокеанском форуме по вопросам экономической кооперации, член Совета по международным отношениям (1994).

Боито Марсель, председатель правления Французского электрического управления (Париж), член Трехсторонней комиссии (1994).

Бойад Вес, руководитель «Беркли системс» (1995), член Мирового Форума (1995).

Бойд Чарльз, командующий войсками США в Европе, член Совета по международным отношениям (1994).

Бойен Фредерик, член Совета по международным отношениям (1994).

Бойер Эрнест, президент Фонда Карнеги, член Совета по международным отношениям (1994).

Бойяцит Селаттин, директор «Компа» (Турция), член Бильдербергского клуба (1994).

Болдуин Генри, председатель правления корпорации «Меркантайл Бэнкшеес» (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Болдуин Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Болдуин Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Болдуин Роберт Н., член Совета по международным отношениям (1994).

Болдуин Роберт Эдвард, профессор Висконсинского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Болл Давид, президент «АМАКС», член Совета по международным отношениям (1994).

Болл Джордж, представитель США в ООН, заместитель госсекретаря США, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Боллинг Ландрум, член Совета по международным отношениям (1994).

Боллингер Мартин, член Совета по международным отношениям (1994).

Болтен Джошуа, генеральный советник Торгового представительства США, член Совета по международным отношениям (1994).

Бон Михель, генеральный директор Национального агентства по занятости (Париж), член Трехсторонней комиссии (1994).

Бонавита Сэл, президент Фонда Бонавиты (1995), член Мирового Форума (1995).

Бонд Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Бони Хуго, председатель правления банка «Гуейер-целлер Бэнк АГ» (1995), член Мирового Форума (1995).

Бонивер Маргерита, министр туризма Италии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Бонн Джон, президент инвестиционной компании «Муди’с Инвестор Сервис», член Совета по международным отношениям (1994).

Бонней Дж. Деннис, вице-президент корпорации «Шеврон», член Совета по международным отношениям (1994).

Бонсал Дидли, окружной судья США (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Бонсал Филип, член Совета по международным отношениям (1994).

Бонфилд Петер, председатель правления корпорации «ИКЛ» (Лондон), член Трехсторонней комиссии (1994).

Борен Давид, сенатор США (от Оклахомы), член Совета по международным отношениям (1994).

Боркгрейв де, **Эрнод**, главный редактор-издатель «Инсайт мэгэзин энд Вашингтон таймс», член Совета по международным отношениям (1994).

Боскин Майкл, председатель президентского Совета экономических советников, член Бильдербергского клуба (1994).

Босли Джон, спикер палаты общин Канады, член Трехсторонней комиссии (1994).

Боссерт Филип, член Совета по международным отношениям (1994).

Босуорт Стивен, президент Американо-японского фонда, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Боттс Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Боути Джекес, президент корпорации «Алкан Алюминиум» (Монреаль, Канада), член Трехсторонней комиссии (1994).

Боуей Джеральд, управляющий Банком Канады, член Трехсторонней комиссии (1994).

Боулин Майк, президент корпорации «Атлантик Ричфилд», член Совета по международным отношениям (1994).

Боуман Ричард, вице-президент корпорации «РБИ», член Совета по международным отношениям (1994).

Боурасса Роберт, премьер-министр Квебека, член Бильдербергского клуба (1994).

Боурдман Гарри, член Совета по международным отношениям (1994).

Боутон Маршалл, член Совета по международным отношениям (1994).

Бочаров Михаил, заместитель премьера правительства России (1991), консультант Трехсторонней комиссии.

Бош Эймерик Хосе Мария, президент «Левит-Бош» (1995), член Мирового Форума (1995).

Бошвиц Руди, сенатор США (от Миннесоты), член Совета по международным отношениям (1994).

Боэкер Пол, член Совета по международным отношениям (1994).

Брага де Маседо Джордж, министр финансов Португалии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Брадемас Джон, директор корпорации «Тексако», бывший член конгресса США от Индианы, член Бильдербергского клуба (1994), Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Брайан Грейсон, член Совета по международным отношениям (1994).

Брайан Ральф, член Совета по международным отношениям (1994).

Брайт Ли, президент «Технолоджи дистрибьюшн системс» (1995), член Мирового Форума (1995).

Брайт Луейн, владелец «Технолоджи дистрибьюшн системс» (1995), член Мирового Форума (1995).

Браун Вальтер, член Совета по международным отношениям (1994).

Браун Гарольд, министр обороны США, директор корпорации «ИБМ», вице-председатель Совета по международным отношениям, член Трехсторонней комиссии.

Браун Гвендолин, член Совета по международным отношениям (1994).

Браун Гордон, член Британского парламента от лейбористской партии, член Бильдербергского клуба (1994).

Браун Карролл, представитель государственного департамента США на Генеральной Ассамблее ООН, член Совета по международным отношениям (1994).

Браун Лейстер, президент «Уорлдвотч Инститьют» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994) и Международного координационного совета Мирового Форума.

Браун Леон Карл, директор Принстонского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Браун Ноэль, директор программ развития ООН, член Международного координационного совета Мирового Форума.

Браун Ричард, «Морган, Люис энд Бокиус» (Филадельфия, США), член Совета по международным отношениям (1994).

Браун Роберт, один из руководителей подкомитета палаты представителей конгресса США, член Совета по международным отношениям (1994).

Браун Рональд, министр торговли США, член Совета по международным отношениям (1994).

Браун Сейом, профессор Брэндисского университета, член Фонда Карнеги, член Совета по международным отношениям (1994).

Браун Сюзанн, президент фонда «Анжелика», член Мирового Форума (1996).

Браун Фредерик, командующий 4-й армией США, член Совета по международным отношениям (1994).

Браучли Маркуз, член Совета по международным отношениям (1994).

Брезнан Джон, Колумбийский университет, Восточноазиатский институт, член Совета по международным отношениям (1994).

Брейди Джанет, директор «Албемарль Коннекшн» (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Брейер Стивен, главный (верховный) судья Апелляционного суда, член Верховного суда США, член Совета по международным отношениям (1994).

Брейнард Лоренс, член Совета международного развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Брейнард С. Лаель, член Совета по международным отношениям (1994).

Брейндель Эрик, член Совета по международным отношениям (1994).

Брек Генри, член Совета по международным отношениям (1994).

Бремер Л. Пол, директор Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Бреуель Брайт, член правления «Тройханданштальт» (Германия), член Бильдербергского клуба (1994).

Бриммер Эндрю, директор корпорации «Дюпон де Немур», член Совета по международным отношениям (1994).

Бриммер Эстер Диана, специальный политический помощник зам. госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994).

Бринкли Давид, обозреватель Эй-би-си, член Совета по международным отношениям (1994).

Бринкхерст Лорене, министр иностранных дел Нидерландов, член Бильдербергского клуба (1994).

Брисон Джон, председатель правления корпорации «Саузерн Калифорниа Эдисон», директор Совета по международным отношениям.

Бриттенгам Раймонд, вице-председатель Испанского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Бройтигам Ганс-Отто, министр юстиции германской земли Бранденбург, член Бильдербергского клуба (1994).

Брок Виллььям, министр труда США (1985—1987), председатель правления корпорации «Блэкстоун» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Брок Митчелл, совладелец фирмы «Салливан энд Кромвель» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Брокау Томас, обозреватель Эн-би-си, член Совета по международным отношениям (1994).

Брокетт Патрик, президент корпорации «Нэшнл Семикондактор» (международная группа), член Мирового Форума (1995).

Бромели Рэндольф, директор корпорации «Экссон», профессор Массачусетского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Бромли Давид, председатель Совета при президенте США по развитию науки и техники, член Совета по международным отношениям (1994).

Бронфман Джефри, президент фонда «Аврора» (1995), член Мирового Форума (1995).

Бронфман Эдгар, член директората корпорации «Дюпон де Немур», член Совета по международным отношениям (1994).

Броуд Робин, член Совета по международным отношениям (1994).

Броуд Эли, председатель правления «Сан-Америка», член Мирового Форума (1996).

Броуер Чарльз, советник и адвокат Международного суда США в Гааге, член Совета по международным отношениям (1994).

Брук Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Брук Эдвард, сенатор от штата Массачусетс, член Бильдербергского клуба (1994).

Брукинс Карол, член Совета по международным отношениям (1994).

Брукс Харви, член Совета по международным отношениям (1994).

Брундланд Арне Олав, один из руководителей Норвежского института международных дел, член Бильдербергского клуба (1994).

Брутоко Ринальдо, основатель Академии международного бизнеса, член Международного координационного совета Мирового Форума.

Брэди Линда, член Совета по международным отношениям (1994).

Брэди Николас, министр финансов США, директор корпорации «НСР», член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Брэдли Виллььям, член Совета по международным отношениям (1994).

Брэдли Том, мэр Лос-Анжелеса (США), член Совета по международным отношенидям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Брэдли Эдвард, ведущий телекорреспондент Си-би-эс (60 минут), член Совета по международным отношениям (1994).

Брэдфорд Зеб, член Совета по международным отношениям (1994).

Брэкен Пол, член Совета по международным отношениям (1994).

Брэнд Лори, член Совета по международным отношениям (1994).

Брэндсомб Льюис, директор «Мобил ойл корпорейшн», директор Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Брэнсон Вилльям, член Совета Центра международной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Брюммер Мелисса, член Совета по международным отношениям (1994).

Брюммер Рассел, член Совета по международным отношениям (1994).

Брюс Боб, директор-администратор и координатор тем Мирового Форума.

Брюс Юдифь, член Совета международного развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Буа Антонина, член Совета по международным отношениям (1994).

Бузутти Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Букаут Джон, директор корпорации «Шелл петролеум», член Совета по международным отношениям (1994).

Букер Сали, член Совета по международным отношениям (1994).

Буллард Эдвард, член Совета по международным отношениям (1994).

Буллок Мэри, руководительница специальных проектов Национального научного фонда (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Буллок Хью, инвестиционный банкир «Буллок корпорейшн» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Бульярелло Джордж, президент Политехнического университета (Бруклин), член Совета по международным отношениям (1994).

Буне Теодор, член Совета по международным отношениям (1994).

Буран Дебора, член Совета по международным отношениям (1994).

Бурбулис Геннадий, госсекретарь России (1991), консультант Совета по международным отношениям и Трехсторонней комиссии.

Бургесс Джон, адвокат юридической фирмы «Хейл энд дорр» (Бостон, США), член Совета по международным отношениям (1994).

Бурк Джеймс, директор корпорации «ИБМ», директор Совета по международным отношениям.

Бурлингейм Эдвард, владелец издательства «Эдвард Бурлингейм букс», член Совета по международным отношениям (1994).

Бусси Дональд, член Совета по международным отношениям (1994).

Бутлер Вилльям, совладелец фирмы «Батлер, Яблоу энд Геллер» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Бутлер Джордж, главнокомандующий стратегическими силами США, член Совета по международным отношениям (1994).

Буттенгейм Лиза, член Совета по международным отношениям (1994).

Бухгейм Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Бухман Марк, президент Банка Лос-Анджелеса и Либерти Банка (Гонолулу), член Совета по международным отношениям (1994).

Буш Джордж, директор ЦРУ, директор Совета по международным отношениям, президент США, член Совета по международным отношениям (1994) и Мирового Форума (1995).

Бушнер Роланд, член Совета по международным отношениям (1994).

Бхандари Нарпат, президент Фонда Бхандари, член Мирового Форума (1996).

Бьерклюнд Эрик, член Совета по международным отношениям (1994).

Бьернасон Бьорн, член Исландского парламента, член Бильдербергского клуба (1994).

Бьеррегаард Ритт, член Датского парламента, председатель парламентской группы социалистов-демократов, член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Бэббит Брюс, министр внутренних дел США, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Бэер М. Делал, член Совета по международным отношениям (1994).

Бэйдер Вилльям, президент Евроазиатского фонда (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Бэкот Джон, председатель правления «Бэнк оф Нью-Йорк», член Совета по международным отношениям (1994).

Бэнк Майа, член Бильдербергского клуба (1994).

Бэнкс Майкл, президент международной организации «Восток—Запад» (1995), член Международного координационного совета Мирового Форума (1995).

Бюргенталь Томас, профессор Университета Джорджа Вашингтона, член Совета по международным отношениям (1994).

Ваарвик Дагфинн, шеф-издатель «Национен» (Норвегия), член Бильдербергского клуба (1994).

Ваглиано Александер, председатель правления корпорации «Мишлен Файнэншл», член Совета по международным отношениям (1994).

Ваглиано Сара, член Совета по международным отношениям (1994).

Вагнер Готфрид, руководитель организации «Диалог после холокоста», член Мирового Форума (1996).

Вайгель Джордж, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайденбаум Мюррей, председатель отделения экономики Вашингтонского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайкснер Джордж, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайл Фрэнк, президент Фонда Нормана, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайлдер Лоренс, губернатор штата Вирджиния, член Бильдербергского клуба (1994).

Вайлдс Вальтер, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайман Томас, директор корпорации «Дженерал моторс», член Совета по международным отношениям (1994).

Вайн Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайнберг Джон, председатель «Голдман Закс энд К°», директор корпорации «Дюпон», член Совета по международным отношениям (1994).

Вайнберг Серж, председатель правления «Рексель», член Трехсторонней комиссии (1994).

Вайнберг Стивен, профессор Техасского университета (Остин), член Совета по международным отношениям (1994).

Вайнбергер Каспер, министр обороны США, председатель правления журнала «Форбс», член Совета по международным отношениям (1994).

Вайнер Каролин, член правления Центра национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайнер Малкольм, председатель корпорации «Уиллберн», член Брукингского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайнер Мирон, член совета Гарвардского университета и Массачусетского политехнического института, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайнерт Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайнрод Брюс, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайнтрауб Сидни, профессор Техасского университета (Остин), член Совета по международным отношениям (1994).

Вайнштейн Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайсё Эцуе, генеральный секретарь Японской конфедерации профсоюзов, член Мирового Форума (1994).

Вайсман Стивен, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайсс Генрих, председатель правления «СМС» (Дюссельдорф), член Трехсторонней комиссии (1994).

Вайсс Кора, член совета Института политических исследований, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайсс Томас, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайсс Чарльз, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайсс Эдит, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайт Вальтер, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайт Джон, председатель правления «Конкорд Коалишн», член Совета по международным отношениям (1994).

Вайт Джулия, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайт Маурин, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайт Петер Г., глава аппарата премьер-министра Канады, председатель «Унимедиа», член Бильдербергского клуба (1994).

Вайт Петер, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайт Роберт М., директор Администрации США по делам ветеранов, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайт Роберт, обозреватель «Миннеаполис Стар Трибьюн», член Совета по международным отношениям (1994).

Вайтекер Дженифер, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайтекер Марк, директор энергетического отделения Управления безопасности оборонных ядерных объектов, член Совета по международным отношениям (1994).

Вайтекер С., член Совета по международным отношениям (1994).

Вайтхед Джон, председатель правления Брукингского института, председатель правления «АЕА инвесторс», член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Вал Николас, член Совета по международным отношениям (1994).

Вален Ричард, председатель правления корпорации «Вален», член Совета по международным отношениям (1994).

Вален Чарльз, конгрессмен от штата Огайо, член Совета по международным отношениям (1994).

Валента Юрий, член Совета по международным отношениям (1994).

Валенцуела Артуто, помощник госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994).

Валинский Адам, член Совета по международным отношениям (1994).

Валленберг Маркус, председатель правления Скандинавского банка (Стокгольм), член Бильдербергского клуба (1994).

Валленберг Петер, первый вице-председатель правления Скандинавского банка (Стокгольм), член Трехсторонней комиссии (1994).

Валлерштейн Митчел, помощник министра обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Валлин Винстон, президент «Медтроник», член Мирового Форума (1995).

Валлисон Петер, совладелец «Гибсон, Данн энд Крутчер» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Валтерс Барбара, руководитель Эй-би-си, член Совета по международным отношениям (1994).

Валтон Антони, член Совета по международным отношениям (1994).

Вальдец Абелардо, совладелец фирмы «Лаксальт, Вашингтон, Перито энд Дубук», член Совета по международным отношениям (1994).

Вальц Кеннет, профессор политических наук Калифорнийского университета (Беркли), член Совета по международным отношениям (1994).

Вальц Сюзан, председатель исполкома «Эмнисти интернэшнл», член Мирового Форума (1996).

Ван Влиерден Констан, член Совета международного развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Ван Воорст Брюс, ведущий корреспондент журнала «Тайм», член Совета по международным отношениям (1994).

Ван Дайк Тед, президент Ассоциации Ван Дайк, член Совета по международным отношениям (1994).

Ван Дайк, председатель «Стратеджик Нетворк», член Мирового Форума (1996).

Ван ден Гааг Эрнст, член Совета по международным отношениям (1994).

Ван дер Бюгель Эрнст, профессор Лейденского университета, почетный генеральный секретарь Бильдербергского клуба.

Ван дер Винк Грегори, член Совета по международным отношениям (1994).

Ван Дузен Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Ван Леде Сис, президент Федерации нидерландской промышленности, член совета «Акцо», член Трехсторонней комиссии (1994).

Ван Леннер Дж., генеральный секретарь Организации экономического сотрудничества и развития, член Бильдербергского клуба (1994).

Ван Траа Мартен, член Датского парламента, член Трехсторонней комиссии (1994).

Ван Флит Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Ван Чен Дорис, председатель организации «Глобальный альянс» (1995), президент «Мегатрендс Эйша груп» (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума (1995).

Ван Эвера Стефен, член Совета по международным отношениям (1994).

Ванблен Том, директор фирмы по консультированию предпринимателей (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Ванден Хеувель Виллльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Ванден Хеувель Катрина, попечитель Института нации и Института политических исследований, член Совета по международным отношениям (1994).

Вандервельде Иоганн, президент «Виза Юроп», член Мирового Форума (1995).

Вандервельде М., член Мирового Форума (1995).

Варбург Зигмунд, председатель правления «Варбург энд К°», совладелец фирмы «Кун, Леб энд К°», член Бильдербергского клуба (1994).

Варе Карл, член Совета по международным отношениям (1994).

Варнке Пол, попечитель Центра международной политики, член совета Брукингского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Варринг Нилс, председатель правления корпорации «В. Вильгельмсен А/С» (Норвегия), член Бильдербергского клуба (1994).

Вартер Карлос, президент Всемирного фонда здравоохранения за развитие и мир, член Мирового Форума (1995).

Вартон Клифтон, заместитель госсекретаря США, директор Совета по международным отношениям, член Трехсторонней комиссии (1994).

Васбурн Аббот, член Совета по международным отношениям (1994).

Васбурн Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Васко де Мело Антонио, крупный предприниматель, член Трехсторонней комиссии (1994).

Вассерштейн Брюс, президент корпорации «Вассерштейн, Перелла энд К°» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Ватанабе Такеси, председатель Страхового института Японии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Ватанабе Фумио, руководитель страховой компании «Йокио энд файр иншуренс» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Ватсон Александр, помощник госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994).

Ватсон Томас, посол США в СССР, председатель Центра международного политического развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Ваттенберг Бен, член совета Американского института предпринимательства, член Совета по международным отношениям (1994).

Ваттс Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Ваттс Глен, президент «Коммьюникейшн Воркерс оф Америка», директор Совета по международным отношениям, член Трехсторонней комиссии (1994).

Ваттс Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Вафне С., директор Московского института социально-политических исследований, член Мирового Форума (1995).

Вебер Мариан, руководитель «Артс энд Хилинг Нетворк», член Мирового Форума (1996).

Вебер Стивен, член Совета по международным отношениям (1994).

Вебстер Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Вегенер Геннинг, помощник генерального секретаря НАТО, член Бильдербергского клуба (1994).

Веджвуд Руфь, член Совета по международным отношениям (1994).

Вей Алва, член Совета по международным отношениям (1994).

Вей Фон Фун, директор «Трасформа груп» (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Вейга Мигуэль, португальский адвокат, член Бильдербергского клуба (1994).

Вейки Вирон, профессор дипломатии Университета Джорджа Вашингтона, член Совета по международным отношениям (1994).

Вейкман Фредерик, профессор Калифорнийского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Вейль Симона, министр здравоохранения, социальных и городских проблем Франции, член Трехсторонней комиссии (1994).

Веймауф Лэлли, член Совета по международным отношениям (1994).

Вейнер Эжен, руководитель Фонда Абрама (1995), член Мирового Форума (1995).

Вейншток Ричард, директор международных операций корпорации «Макдоннел Дуглас», член Мирового Форума (1995).

Вейследер Саул, член парламента Коста-Рики, член Мирового Форума (1995).

Вейт Карол, член Совета по международным отношениям (1994).

Вейт Лоренс, член Совета по международным отношениям (1994).

Векслер Анна, председатель «Векслер, Рейнольдс энд Шюле», член Совета по международным отношениям (1994).

Векслер Конрад, председатель правления «Холлингер» (Торонто), член Трехсторонней комиссии (1994).

Велиотс Николас, президент Ассоциации американских издателей, член Совета по международным отношениям (1994).

Велч Вилфорд, издатель «Уорлд Таймс» (1997), член Совета по международным отношениям (1994), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Велч Джон, председатель правления «Дженерал электрик», член Совета по международным отношениям (1994).

Велч Ларри, член Совета по международным отношениям (1994).

Велч Яспер, член Совета по международным отношениям (1994).

Вендер Ира, совладелец «Паттерсон, Белкнэп, Вебб энд Тайлер», член Совета по международным отношениям (1994).

Вендт Аллан, посол США в Словении, член Совета по международным отношениям (1994).

Вендт Генри, председатель правления «Смитклайн Бичем», член Трехсторонней комиссии (1994).

Вендт Герхард, президент корпорации «Кон» (Финляндия), член Бильдербергского клуба (1994).

Вервилль Элизабет, помощник госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994).

Верль Лерой, председатель правления «Тай коллар», член Совета по международным отношениям (1994).

Вермилай Петер, член совета «Вэринг Эссет Менеджемент», член Совета по международным отношениям (1994).

Вернер Манфред, генеральный секретарь НАТО, член Бильдербергского клуба (1994).

Вернон Раймонд, профессор Гарвардского университета, советник Всемирного банка, член Бильдербергского клуба (1994), член Совета по международным отношениям (1994).

Вертгайм Митцы, член правления корпорации «ИБМ», член Совета по международным отношениям (1994).

Верцетниш Фридрих, член Австрийского парламента, член Трехсторонней комиссии (1994).

Весли Эдвин, член Совета по международным отношениям (1994).

Вессель Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Весси Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Вест Джордж, представитель США в Европейском экономическом сообществе, член Совета по международным отношениям (1994).

Вест Робинзон, председатель правления «Гэз Венчурес Эдвайзерс», член Совета по международным отношениям (1994).

Вестон Бернс, член Совета по международным отношениям (1994).

Ветерстоун Деннис, председатель правления корпорации «Дж. П. Морган», директор корпорации «Дженерал моторс», член Совета по международным отношениям (1994).

Вечио Марк, член Совета по международным отношениям (1994).

Виарда Говард, член Совета по международным отношениям (1994).

Вивер Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Вивер Джордж, член Совета по международным отношениям (1994).

Видерман Стефен, член Совета по международным отношениям (1994).

Видмер Зигмунд, мэр Цюриха, член Швейцарского парламента, член Бильдербергского клуба (1994).

Виднер Дженифер, член Совета по международным отношениям (1994).

Визе Гуилермо, президент Банка Визе, член Мирового Форума (1995).

Визель Торстен, президент Рокфеллеровского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Визель Эли, сопредседатель Мирового Форума.

Визельтер Леон, издатель журнала «Нью Рипаблик», член Совета по международным отношениям (1994).

Визнер Жером, профессор Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Визнер Фрэнк, посол США в Египте, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Викгэм Джон, командующий армейскими частями вооруженных сил США, член Совета по международным отношениям (1994).

Викер Томас, обозреватель «Нью-Йорк таймс», член Бильдербергского клуба (1994).

Викман Кристер, управляющий Банком Швеции, член Бильдербергского клуба (1994).

Виктор Алис, руководитель Финансовой службы Рокфеллера, член Бильдербергского клуба (1994).

Вила Марсанс Хосе, председатель правления химической корпорации «Рон-Пуленк Фибрас» (Барселона), член Трехсторонней комиссии (1994).

Вилбер Джей, директор подразделения «Дженерал моторс», член Мирового Форума (1996).

Вилбур Брейтон, президент «Вилбур-Эллис» (Сан-Франциско), член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Вилбур Колбурн, директор Фонда Давида и Люсил Паккарда, член Мирового Форума (1995).

Вилдавский Аарон, член Совета по международным отношениям (1994).

Вилденталь Клауд, президент Юго-Западной медицинской школы, член Совета по международным отношениям (1994).

Вилер Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Вили Брэдфорд, член Совета по международным отношениям (1994).

Вили Ричард, директор «Пауэрс энд Нолл», член Совета по международным отношениям (1994).

Вилкинсон Шарон, член Совета по международным отношениям (1994).

Виллар Артуро, директор журнала «Лэтин Америкэн Бизнес Рипортс» (1997), член Совета по международным отношениям (1994) и Международного координационного совета Мирового Форума.

Вилли Фей, член Совета по международным отношениям (1994).

Виллрич Мейсон, член Совета по международным отношениям (1994).

Вилльямс Авон (третий), член Совета по международным отношениям (1994).

Вилльямс Гайдн, президент Фонда Азии, член Совета по международным отношениям (1994).

Вилльямс Гарольд, президент «Поль Гетти Траст», член Совета по международным отношениям (1994).

Вилльямс Джозеф, председатель правления «Вилльямс компани» (Тилса), член Совета по международным отношениям (1994).

Вилльямс Карен, совладелец «Кромвель энд Моринг» (Вашингтон), член Трехсторонней комиссии (1994).

Вилльямс Картер, директор Фонда Вольфа Трэпа, член Совета по международным отношениям (1994).

Вилльямс Катрин, президент «КРВ Интернэшнл», член Мирового Форума (1995).

Вилльямс Линн, президент профсоюза Объединенных сталелитейных рабочих Америки, член Бильдербергского клуба (1994).

Вилльямс Морис, руководитель делегации США в Объединенной американо-северовьетнамской экономической комиссии, член Совета по международным отношениям (1994).

Вилльямс Эдди Натан, президент Объединенного центра политических и экономических исследований, член Совета по международным отношениям (1994).

Вилльямсон Ирвинг, заместитель генерального консула института торговых представителей США, член Совета по международным отношениям (1994).

Вилльямсон Томас, совладелец «Ковингтон энд Бурлинг» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Вилмерс Роберт, президент банка «Эни Сейвинг» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Вилон Альберт, профессор Массачусетского технологического института, член Совета по международным отношениям (1994).

Вильгельм Гарри, член Совета по международным отношениям (1994).

Вильгельм Нилс, президент Фонда промышленной ипотеки (Дания), член Бильдербергского клуба (1994).

Вильгельм Роберт, вице-президент корпорации «Экссон», директор Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Вильсон Джон, вице-президент банка «Чейз Манхэттен», член Совета по международным отношениям (1994).

Вильсон Дональд, издатель «Бизнес фор сентрал» (Нью-Джерси, Принстон), член Совета по международным отношениям (1994).

Вильсон Майкл, министр промышленности Канады, член Бильдербергского клуба (1994).

Вильсон Роберт, вице-президент «Джонсон и Джонсон», член Трехсторонней комиссии (1994).

Вильсон Хивер, член Совета по международным отношениям (1994).

Вильсон Эрнст, директор Совета международного развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Вимпфгеймер Жак, член Совета по международным отношениям (1994).

Винг Адриен, член Совета по международным отношениям (1994).

Винокур Герберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Винслоу Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Винстон Майкл, президент Фонда А. Харкорта, член Совета по международным отношениям (1994).

Винтерер Филип, совладелец «Дебевуа энд Плимптон» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Винтерс Роберт, председатель правления «Прудентал Иншуренс» (США), член Трехсторонней комиссии (1994).

Винтерс Фрэнсис, член Совета по международным отношениям (1994).

Винтроп Грант, совладелец «Милбэнк, Вильсон, Винтроп», член Бильдербергского клуба (1994).

Виншип Томас, член Совета по международным отношениям (1994).

Виорст Милтон, писатель, автор журнала «Нью-йоркер», член Совета по международным отношениям (1994).

Вирт Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Вирт Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Вирт Тимоти, советник государственного департамента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Вискуси Энцо, член Совета по международным отношениям (1994).

Вит Фрэнсис, вице-председатель Помона-колледж (Калифорния), член Совета по международным отношениям (1994).

Витале Альберто, президент издательства «Рэндом Хаус» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Витни Крейг, член Совета по международным отношениям (1994).

Витс Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Виттемор Фредерик, член Совета по международным отношениям (1994).

Виттков Раймонд, президент корпорации «Трансербэн», член Мирового Форума (1996).

Витторелли Паоло, председатель Института оборонных исследований (Рим), член Трехсторонней комиссии (1994).

Витунский Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Вичорек Норберт, член германского бундестага, член Трехсторонней комиссии (1994).

Вишневский Ганс-Юрген, член германского бундестага, член Бильдербергского клуба (1994).

Воелль Аллен, президент «Мобил корпорейшн», член Совета Брукингского института, член Трехсторонней комиссии (1994).

Воелль Ричард, президент «Рокфеллеровской группы» (служба недвижимости), член Совета по международным отношениям (1994).

Воернер Фред, член Совета по международным отношениям (1994).

Война Джордж, вице-председатель «Банкерс Траст» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Воландер Селесте, член Совета по международным отношениям (1994).

Волин Нил, сотрудник аппарата президента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Волк Стефен, совладелец фирмы «Шерман энд Стерлинг» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Волкер Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Волкер Дж. Р., член Совета по международным отношениям (1994).

Волкер Джон, совладелец «Симпсон, Тэчер энд Бартлетт» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Волкер Жеронн, помощник президента США по европейским делам, член Совета по международным отношениям (1994).

Волкер Кевин, член руководства Фонда Чарльза Стюарта Мотта, член Мирового Форума (1996).

Волкер Мэри, совладелец «Люс, Форвард, Гамильтон энд Скриппс» (Сан-Диего), член Совета по международным отношениям (1994).

Волкер Пол, председатель Федеральной резервной системы, член совета Брукингского института, директор «Конкорд коал», директор Совета по международным отношениям, член Трехсторонней комиссии (1994).

Волкер Чарльз, член Совета по международным отношениям (1994).

Воль Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Вольпе Говард, член Совета по международным отношениям (1994).

Вольф Милтон, посол США в Австрии, член Совета по международным отношениям (1994).

Вольф Чарльз, член совета Станфордского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Вольфензон Джеймс, директор Всемирного банка, член совета Брукингского института, президент корпорации «Джеймс Вольфензон», член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Вольфович Пол, декан Университета Джона Гопкинса, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Вольфорт Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Вольфф Алан, член совета Центра международной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Вольштетер Альберт, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Вольштетер Роберта, член Совета по международным отношениям (1994).

Воорхеу Иорис, директор Нидерландского института международных отношений, член Трехсторонней комиссии (1994).

Ворд Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Ворд Катерин, член Совета по международным отношениям (1994).

Ворд Патрик, член Совета по международным отношениям (1994).

Воссбринк Ами, директор Международной ассоциации иностранной политики (1991), директор Фонда Горбачева (1992, США), директор Мирового Форума (1997), член Совета по международным отношениям (1994).

Вотау Кармен, член Совета по международным отношениям (1994).

Вотербури Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Воттерс Черри, директор Фонда африканского развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Воффорд Гаррис, сенатор от штата Пенсильвания, член Совета по международным отношениям (1994).

Вочнер Линда, член Совета по международным отношениям (1994).

Вош Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Вошинваток Ингрид, директор Фонда четырех направлений, член Мирового Форума (1995).

Враницкий Франц, федеральный канцлер Австрии, член Бильдербергского клуба (1994).

Вриггинс Говард, член Совета по международным отношениям (1994).

Врис де, **Риммер**, вице-президент «Морган Гаранти Траст» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Вристон Уолтер, председатель правления «Ситикорп», директор Совета по международным отношениям, член Бильдербергского клуба (1994).

Вуд Бриан, руководитель Международного исполнительного комитета «Эмнисти интернэшнл», член Мирового Форума (1996).

Вуд Джозеф, член Совета по международным отношениям (1994).

Вудард Юдифь, директор фирмы «Беар Стерн», член Мирового Форума (1996).

Вудбридж Давид, казначей Совета по международным отношениям.

Вулси Джеймс, директор ЦРУ, член Совета национальной безопасности США, член Совета по международным отношениям (1994).

Вульф Гарри, директор Института передовых исследований Принстонского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Вуоно Карл, генерал армии США, член Совета по международным отношениям (1994).

Вэдделл Рик, член Совета по международным отношениям (1994).

Вэнс Сайрус, госсекретарь США при Картере и Клинтоне, член совета Центра международного политического развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Габриель Чарльз, главнокомандующий военно-воздушными силами США, член Совета по международным отношениям (1994).

Гаддис Джон, профессор Огайского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Гайдар Егор, и. о. премьер-министра России, консультант Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Гайлс Фрэнк, заместитель главного редактора «Санди таймс», член Бильдербергского клуба (1994).

Галахер Денис, помощник юридического советника госдепартамента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Галлуччи Роберт, помощник госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994).

Гальвин Джон, крупный чиновник госдепартамента США, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Гальперин Мортон, член Совета Центра международной политики.

Гальпин Тимоти, член Совета по международным отношениям (1994).

Гамбург Давид, президент корпорации Карнеги (Нью-Йорк), член Совета национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994) и Мирового Форума (1995).

Гамбург Маргарет, член Совета по международным отношениям (1994).

Гамбург Эрик, вице-президент «Бизнес эфферс», член Мирового Форума (1996).

Гамильтон Анна, член Совета по международным отношениям (1994).

Гамильтон Даниель, член Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Гамильтон Доу, член Совета по международным отношениям (1994).

Гамильтон Ли, конгрессмен от штата Индиана, член трехсторонней комиссии (1994).

Гамильтон Мишель, член Совета по международным отношениям (1994).

Гамильтон Руфь, член Совета по международным отношениям (1994).

Гамильтон Чарльз, член Совета по международным отношениям (1994).

Гамильтон Эдвард, директор Совета международного развития, бывший директор Совета по международным отношениям, почетный член этого совета.

Ган Карл, член правления корпорации «Фольксваген» (Германия), член Трехсторонней комиссии (1994).

Ганн Памела, член Совета по международным отношениям (1994).

Ганц Гизель, член Совета по международным отношениям (1994).

Гарбер Лэрри, член Совета по международным отношениям (1994).

Гарвин Ричард, консультант Научной лаборатории Лос-Аламоса, член Совета по международным отношениям (1994).

Гард Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Гардариан Кэти, президент «Квэлис Интернэшнл» (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Гардельс Натан, член Совета по международным отношениям (1994).

Гардинг Вилльям, директор Ллойд Банка (Лондон), британский посол, член Трехсторонней комиссии (1994).

Гардинг Гарри, член Брукингского института, попечитель Фонда Азии, член Совета по международным отношениям (1994).

Гарднер Джеймс, президент фирмы «Левис энд Кларк» (Портленд), член Совета по международным отношениям (1994).

Гарднер Нина, член Совета по международным отношениям (1994).

Гарднер Ричард, посол США в Италии, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Гарел-Джонс Тристан, член Британского парламента, член Трехсторонней комиссии (1994).

Гарман Виллис, президент Института духовных наук (1995), член Мирового Форума (1995).

Гарман Сидни, член Совета Центра Национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Гармент Леонард, член Совета по международным отношениям (1994).

Гармент Сюзанн, писательница, представительница Американского института предпринимательства, член Совета по международным отношениям (1994).

Гармон Мартин, председатель «Вестерн Кеа Констракшн» (1995), член Мирового Форума (1995).

Гарри Моника, президент «Эм-Эйч интертейтмент», член Мирового Форума (1996).

Гарригес Уолкер Антонио, совладелец фирмы «Гарригес», член Трехсторонней комиссии (1994).

Гарриман Памела, посол США во Франции, почетный член Брукингского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Гаррис Джозеф, член Совета по международным отношениям (1994).

Гаррис Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Гаррис Ирвинг, член Совета по международным отношениям (1994).

Гаррис Марта, помощник заместителя госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994).

Гаррис Фред, сенатор от Оклахомы, член Бильдербергского клуба (1994).

Гаррис Элиза, директор отдела Совета национальной безопасности США, член Совета по международным отношениям (1994).

Гаррисон Джим, президент Международной ассоциации иностранной политики (1991), президент Фонда Горбачева (1992, США), президент Мирового Форума (1997), член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Гаррисон Зелиг, член Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Гаррисон Марк, член Совета Центра иностранной политики Броуновского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Гарроубэй, граф, президент Частного банка (Лондон), член Трехсторонней комиссии (1994).

Гарсиа-Пассалакья Джуан, член Совета Центра международной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Гарт Августа, вице-председатель «Квакер Оутс», член Совета по международным отношениям (1994).

Гарт Билл, член Совета по международным отношениям (1994).

Гарт Мюррей, советник корпорации «Тайм», член Совета по международным отношениям (1994).

Гарт Паркер, член Совета по международным отношениям (1994).

Гартен Джеффри, заместитель министра торговли США, член Совета по международным отношениям (1994).

Гартман Артур, бывший посол США в СССР, член Совета Центра международного развития, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Гартман Лиз, член Совета по международным отношениям (1994).

Гартофф Реймонд, член Совета по международным отношениям (1994).

Гарфорд Джон, вице-председатель правления «БЕА Ассошиэйтс» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Гарш Джозеф, комментатор Эй-би-си Ньюс, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Гаршбергер Эдвард, директор отделения Министерства обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Гастейгер Курт, профессор Института международных исследований, член Бильдербергского клуба (1994).

Гатфильд Роберт, председатель правления корпорации «Нэшнл Экзекьютив Сервисес» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Гауг Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Гаудиани Клер, президент Коннектикутского колледжа, член Совета по международным отношениям (1994).

Гаудсвард Иоган, вице-председатель корпорации «Юнилевер» (Нидерланды), член Бильдербергского клуба (1994).

Гаус Грегори (третий), член Совета по международным отношениям (1994).

Гацциони Фраскара Джузеппе, председатель правления фирмы «Гацциони», член Трехсторонней комиссии (1994).

Гвертцман Бернард, член Совета по международным отношениям (1994).

Гвилльям Гэри, предприниматель, член Сан-Францисского комитета Мирового Форума.

Гвин Катерин, член Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Гевитт Вилльям, посол США на Ямайке, член Бильдербергского клуба (1994), член Совета по международным отношениям (1994).

Гей Катерин, член Совета по международным отношениям (1994).

Гейгер Теодор, член Совета по международным отношениям (1994).

Гейденсон Сэм, конгрессмен от штата Коннектикут, член Совета по международным отношениям (1994).

Гейдж Джон, директор департамента науки корпорации «Сан Микросистемс» (1995), член Мирового Форума (1995).

Гейдж Майкс, президент корпорации «Калстарт», член Мирового Форума (1996).

Гейелин Генри, член Совета по международным отношениям (1994).

Гейелин Филип, директор Совета по международным отношениям (1977—1987), почетный член этой организации.

Гейер Джордж, один из руководителей газеты «Лос-Анджелес таймс», член Совета по международным отношениям (1994).

Гейно Чарльз, вице-президент корпорации «ФМС Груп», член Совета по международным отношениям (1994).

Гейтс Генри, профессор Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Гейтс Джеффри, президент «Гейтс груп», член Мирового Форума (1996).

Гейтс Роберт, директор ЦРУ США, член Совета по международным отношениям (1994).

Гейтс Филомен, член Совета по международным отношениям (1994).

Гейцер Гуннар, директор Фонда развития женщин ООН, член Мирового Форума (1996).

Геландер Роберт, совладелец фирмы «Джонс, Дей, Ривис энд Рог» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Геллер Ричард, управляющий совладелец фирмы «Крамер, Левин, Нессен, Мамин энд Френкель», член Совета по международным отношениям (1994).

Гельб Лесли, президент Совета по международным отношениям, руководитель газеты «Нью-Йорк таймс», член Трехсторонней комиссии (1994).

Гельб Ричард, президент фирмы «Бристоль-Мейерс Сквибб», член Совета по международным отношениям (1994).

Гельдринк Фредерик, директор Совета международного развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Гельман Мюррей, профессор Массачусетского технологического института, член Совета по международным отношениям (1994).

Гельман Фредерик, член Совета Брукингского института, совладелец «Матрикс Партнерс», член Совета по международным отношениям (1994).

Гельманн Дональд, попечитель Американского института предпринимательства, член Совета по международным отношениям (1994).

Гельмбольдт Найлс, член Совета международного развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Гендерсон Николас, посол Великобритании в Польше, член Бильдербергского клуба (1994).

Гендерсон Хатцель, экономист-футуролог, член Международного координационного совета Мирового Форума.

Гендриксон Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Генкин Алис, член Совета по международным отношениям (1994).

Генкин Луи, профессор Колумбийского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Геннесси Джон, президент «Ферст Бостон инк.», член Совета по международным отношениям (1994).

Геннигар Давид, председатель правления «Кроункс» (Нова Скотиа, Канада), член Трехсторонней комиссии (1994).

Геннингер Даниель, заместитель главного редактора «Уолл-стрит джорнал», член Совета по международным отношениям (1994).

Гентжес Гарриет, член Совета международного развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Гербер Луис, совладелец фирмы «Артер энд Хадден» (Колумбус), член Совета по международным отношениям (1994).

Гербер Фриц, председатель правления корпорации «Ф. Хоффман-Ла Роше АГ» (Швейцария), член Бильдербергского клуба (1994).

Гербергер Рой, член Совета по международным отношениям (1994).

Герген Давид, специальный помощник президента США Клинтона, один из руководителей журнала «Ю. С. Ньюс энд Уолд рипорт», член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Герлинг Джон, издатель «Лейбор Леттер», член Совета по международным отношениям (1994).

Германн Чарльз, член Совета по международным отношениям (1994).

Гермэн Адриен, член Совета по международным отношениям (1994).

Гернандец Антония, член Совета по международным отношениям (1994).

Гернандец-Колон Рафаэль, губернатор Пуэрто-Рико, член Совета по международным отношениям (1994).

Герра-Мондрагон Габриель, член Совета по международным отношениям (1994).

Герреро де Миньон Мигуэль, член Испанского парламента, член Трехсторонней комиссии (1994).

Герсон Ральф, вице-президент корпорации «Гардиан Индустри», член Совета по международным отношениям (1994).

Герсон Эмелио, вице-президент корпорации «Экссон», директор корпорации «Грейс Геотермал», член Бильдербергского клуба (1994).

Герстнер Луис, председатель правления корпорации «ИБМ», член Совета по международным отношениям (1994).

Гертер Кристиан, госсекретарь США, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Гертер Фредерик, член Совета по международным отношениям (1994).

Гертстротер Кор, председатель правления «Ройал Датч Шелл» (Нидерланды), член Бильдербергского клуба (1994).

Герхардт Ричард, конгрессмен от штата Миссури, член Совета по международным отношениям (1994).

Герхарт Гейл, член Совета по международным отношениям (1994).

Герц Барбара, член Совета по международным отношениям (1994).

Герц Клиффорд, профессор Принстонского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Герцберг Артур, раввин (синагога Эмануэль), вице-президент Всемирного еврейского конгресса, член Совета по международным отношениям (1994) и Мирового Форума (1996).

Герцберг Хендрик, издатель журнала «Нью-Йоркер мэгэзин», член Совета по международным отношениям (1994).

Герцог Маурис, член Национального собрания Франции, член Бильдербергского клуба (1994).

Герцфелд Чарльз, член Хадсонского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Герцштейн Джессика, член Совета по международным отношениям (1994).

Герцштейн Роберт, совладелец фирмы «Шерман энд Стерлинг» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Гершкович Джин, член Совета по международным отношениям (1994).

Гершман Карл, президент Национального фонда за демократию, член Совета по международным отношениям (1994).

Гесс Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Гесс Чарльз, президент «Инферентшел Фокус», член Мирового Форума (1996).

Гессен У., Мюнхен, член Трехсторонней комиссии (1994).

Гесслер Куртис, управляющий «Таймс-Миррор», член Совета по международным отношениям (1994).

Гест Мишель, член Совета по международным отношениям (1994).

Гестер Джеймс, президент Фонда Гарри Гуггенхайма, член Совета по международным отношениям (1994).

Гети Тоби, помощник госсекретаря США по делам разведки, член Совета по международным отношениям (1994).

Гети Чарльз, член Совета по международным отношениям (1994).

Гетлер Мишель, заместитель главного редактора газеты «Вашингтон пост», член Совета по международным отношениям (1994).

Гехир Брайан, член правления Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Гиббонс Джон, директор Управления по научно-технической политике при президенте США, член Совета по международным отношениям (1994).

Гиббс Нэнси, член Совета по международным отношениям (1994).

Гиббс Чарльз, директор комитета по созданию Организации Объединенных Религий, член Мирового Форума (1996).

Гибни Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Гибни Фрэнк, директор Комиссии по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству при госдепартаменте США, член Совета по международным отношениям (1994).

Гилберт Джексон, 2-й председатель Банка Эсперито Санто (Флорида, Майями), член Совета по международным отношениям (1994).

Гилберт Джеробин, член Совета по международным отношениям (1994).

Гилберт Джон, член Британского парламента, министр транспорта Великобритании, член Трехсторонней комиссии (1994).

Гилберт Паркер, член Совета по международным отношениям (1994).

Гиллеспи Мишель, член Совета по международным отношениям (1994).

Гилмор Кеннет, директор журнала «Ридерс дайджест», член Совета по международным отношениям (1994).

Гилмор Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Гилпатрик Розвель, консул фирмы «Краваф, Свэйн энд Мур» (Нью-Йорк), член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Гилпин Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Гиль Андрес, член Совета по международным отношениям (1994).

Гиль Петер, член Совета по международным отношениям (1994).

Гингрич Ньютон, конгрессмен от штата Джорджия, спикер палаты представителей, член Совета по международным отношениям (1994).

Гинзбург Брюс, основатель организации «Три 2000» (1995), член Мирового Форума (1995).

Гинзбург Давид, член Совета Центра международной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Гинзбург Джейн, член Совета по международным отношениям (1994).

Гинзбург Руфь, судья Верховного суда США, член Совета по международным отношениям (1994).

Гирш Герберт, директор Института мирового хозяйства (Германия), член Бильдербергского клуба (1994).

Гиффен Джеймс, член Совета Брукингского института, президент корпорации «Меркатор», член Совета по международным отношениям (1994).

Глейзер Натан, профессор Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Глейштеен Вилльям, бывший вице-президент Совета по международным отношениям, почетный член этой организации.

Глендон Мэри, член Совета по международным отношениям (1994).

Гликман Давид, президент организации «Технология справедливости», член Мирового Форума (1996).

Гликман Джеффри, раввин (синагога Бет Хилел), член Мирового Форума (1996).

Глоберман Норма, член Совета по международным отношениям (1994).

Глойбер Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Глюк Карол, член Совета по международным отношениям (1994).

Говард Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Годвин Ламонд, член Совета по международным отношениям (1994).

Годхау Фрэнк, вице-президент «Колгейт-Пальмолив» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Гоекджиан Самуэль, член Совета по международным отношениям (1994).

Гоизуета Роберто, председатель правления корпораций «Кока-кола», «Истман Кодак», «Форд моторс», член Совета по международным отношениям (1994).

Гоинс Чарлин, член Совета по международным отношениям (1994).

Гокмен Одуз, руководитель экономического департамента Министерства иностранных дел Турции, член Бильдербергского клуба (1994).

Голден Вилльям, член Хадсонского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Голден Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Голдин Харрисон, член Совета по международным отношениям (1994).

Големан Даниель, писатель, член Мирового Форума (1996).

Голлин Джеймс, руководитель фонда «Анжелика», член Мирового Форума (1996).

Гольдберг Эндрю, член Совета по международным отношениям (1994).

Гольдберг Самуэль, директор Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Гольдбергер Марвин, профессор Калифорнийского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Гольдман Андрю, член Совета по международным отношениям (1994).

Гольдман Гвидо, член Совета по международным отношениям (1994).

Гольдман Маршалл, член Совета по международным отношениям (1994).

Гольдман Мерл, член Совета по международным отношениям (1994).

Гольдман Чарльз, вице-президент «ИТТ», член Совета по международным отношениям (1994).

Гольдман Эмили, член Совета по международным отношениям (1994).

Гольдмарк Питер, президент Фонда Рокфеллера, член Совета по международным отношениям (1994).

Гольдринг Натали, член Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Гольдсмит Джек, председатель «Федерейтед Департмент Сторс», член Совета по международным отношениям (1994).

Гольдшмидт Нейл, министр транспорта США, губернатор штата Орегон, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Гольдштейн Джеффри, член Совета по международным отношениям (1994).

Гомес Стефен, руководитель «Альянс вентуре партнерс», член Мирового Форума (1996).

Гомори Ральф, президент Фонда Альфреда Слоуна, член Совета по международным отношениям (1994).

Гомперт Дэвид, член Совета по международным отношениям (1994).

Гопинат Падманабха, помощник генерального директора Международного института исследований по труду Международной организации труда, член Мирового Форума (1996).

Горбачев Михаил, бывший Генеральный секретарь ЦК КПСС, президент СССР (1989—1991), член Трехсторонней комиссии (1989), участник совещаний Совета по международным отношениям, президент Мирового Форума, руководитель Фонда Горбачева в России, США и Нидерландах, консультант Бильдербергского клуба, Совета по международным отношениям и Трехсторонней комиссии.

Горбачева Раиса, член Фонда Горбачева (Россия), член Мирового Форума (1995—1996).

Гордон Альберт, председатель правления фирмы «Киддер, Пибоди энд К°», член Совета по международным отношениям (1994).

Гордон Дункан, совладелец фирмы «Кларксон, Гордон энд К°» (Канада), член Бильдербергского клуба (1994).

Гордон Линкольн, член Брукингского института, член Бильдербергского клуба (1994), член Совета по международным отношениям (1994).

Гордон Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Гордон Филип, член Совета по международным отношениям (1994).

Горелик Арнольд, член Совета по международным отношениям (1994).

Горлик Гэри, совладелец фирмы «О'Мелвени энд Майерс» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Горман Джозеф, председатель правления корпорации «ТРВ», директор корпорации «Проктер энд Гэмбл», член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Горматс Роберт, вице-президент «Гольдман Закс», бывший помощник госсекретаря США, директор Совета по международным отношениям, член Трехсторонней комиссии (1994).

Горн Гарфильд, член Совета по международным отношениям (1994).

Горн Карен, директор Совета по международным отношениям.

Горн Мириам, член Совета по международным отношениям (1994).

Горн Сэлли, директор отделения Министерства обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Горник Алан, член Совета по международным отношениям (1994).

Горнхьюз Карл-Гейнц, член германского бундестага, член Трехсторонней комиссии (1994).

Горовиц Ирвинг, профессор Рутжерского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Гортон Алан, член Совета по международным отношениям (1994).

Гортон Фрэнк, член Совета по международным отношениям (1994).

Гортон Шарон, член Совета по международным отношениям (1994).

Госмер Брэдли, суперинтендант армии США, член Совета по международным отношениям (1994).

Гостон Гермейн, член Совета по международным отношениям (1994).

Готбаум Виктор, член Совета по международным отношениям (1994).

Готлиб Аллен, посол Канады в США, председатель Трехсторонней комиссии (Канада).

Готтемоллер Розе, директор отдела по делам России, Украины и Евразии Совета национальной безопасности США, член Совета по международным отношениям (1994).

Готтлиб Гидон, профессор юридической школы Чикагского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Готтсеген Питер, член Совета по международным отношениям (1994).

Готфрид Курт, руководитель факультета Корнуэльского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Гоулайтли Нейл, член Совета по международным отношениям (1994).

Гоулд Питер, член Совета по международным отношениям (1994).

Гохеен Роберт, посол США в Индии, профессор Принстонского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Граймс Джозеф, член Совета по международным отношениям (1994).

Гранов Джонатан, президент Союза юристов за международную безопасность, член Мирового Форума (1996).

Грант Джеймс, директор Университета Джона Гопкинса, член Совета по международным отношениям (1994).

Грант Стефен, совладелец фирмы «Салливан энд Кромвель» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Грант-Джон Венди, руководитель программ «Ферст нэйшн саммит», член Мирового Форума (1996).

Граубард Стефен, управляющий издательством «Дедалус», член Совета по международным отношениям (1994).

Графф Генри, профессор Колумбийского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Графф Ричард, председатель «Шалоне вайн груп» (1997), член Сан-Францисского комитета Мирового Форума.

Графф Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Грахэм Боб, сенатор от штата Флорида, член Совета по международным отношениям (1994).

Грахэм Вилльям Р., советник президента США, директор управления науки и техники, член Совета по международным отношениям (1994).

Грахэм Вилльям, член палаты общин Канады, член Трехсторонней комиссии (1994).

Грахэм Катарин, председатель правления «Вашингтон пост», член Брукингского института, член Бильдербергского клуба (1994), член Совета по международным отношениям (1994), член Трехсторонней комиссии (1994).

Грахэм Марк, президент «Велл» (1995), член Мирового Форума (1995).

Грахэм Томас, старший советник Фонда Рокфеллера, член Совета по международным отношениям (1994), член Мирового Форума (1996).

Грахэм Томас Уэллис Дж., генеральный консул Агентства США по контролю над вооружениями и разоружением, член Совета по международным отношениям (1994).

Грегориан Нелли, директор «Арк консалтинг ЛЛК», член Мирового Форума (1996).

Грей Нанна, президент Чикагского университета, директор «Атлантик Ричфилд» и «Конкорд Коул», член Совета по международным отношениям (1994).

Грейн Лейстер, президент «Джи-эл-си Инвестмент» (1995), член Мирового Форума (1995).

Грениер Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Григориан Вартан, президент Броуновского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Грин Билл, конгрессмен от штата Нью-Йорк, член Совета по международным отношениям (1994).

Грин Вейд, член Совета по международным отношениям (1994).

Грин Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Грин Джеральд, член Совета по международным отношениям (1994).

Грин Джозеф Натаниель, член Коннектикутского колледжа, член Совета по международным отношениям (1994).

Грин Доу, руководитель «Нью Коммьюникейшн», член Мирового Форума (1996).

Грин Карл, член Совета по международным отношениям (1994).

Грин Маргарет, член Совета по международным отношениям (1994).

Гринафедж Синди, вице-президент «Америкэн Экспресс», член Мирового Форума (1996).

Гринберг Артур, директор Администрации ветеранов США, член Совета по международным отношениям (1994).

Гринберг Маурис, заместитель председателя «Фед» (Нью-Йорк), председатель «Америкэн Интернэйшнл груп», директор Совета по международным отношениям, член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Гринберг Сэнфорд, председатель правления «Реалти Кэпитал», член Совета по международным отношениям (1994).

Гринвальд Джозеф, член Совета по международным отношениям (1994).

Гринвей Урлик, президент религиозной секты «Дхарма Санга Юроп» (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Гринвей Хью, издатель «Бостон Глоуб», член Совета по международным отношениям (1994).

Гринвуд Тед, член Совета по международным отношениям (1994).

Гринспен Мейуффис Ребека, второй вице-президент Коста-Рики (1997), член Совета при председателях Мирового Форума.

Гринспэн Алан, председатель правления Федеральной резервной системы (от правительства США), бывший дирек-

тор Совета по международным отношениям (ныне просто член), член Трехсторонней комиссии (1994).

Гринфильд Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Гринфильд Мэг, ведущий обозреватель журнала «Ньюсуик», член Совета по международным отношениям (1994).

Гринхилл, лорд, банкир из Великобритании, член Бильдербергского клуба (1994).

Грифан Монико, министр по делам окружающей среды немецкой земли Нижняя Саксония, член Мирового Форума (1996).

Гриффит Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Гровс Рей, председатель правления фирмы «Эрнст энд Янг» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Гросс Патрик, вице-председатель фирмы «Америкэн менеджмент системс», член Совета по международным отношениям (1994).

Гроссман Джен, член Совета по международным отношениям (1994).

Гроув Врэндон, посол США в Заире, член Совета по международным отношениям (1994).

Гроуз Питер, член Совета по международным отношениям (1994).

Груфаерт Джекуес, барон, председатель Генерального банка (Брюссель), член Трехсторонней комиссии (1994).

Грэнвилль Маурис, член Совета по международным отношениям (1994).

Грюн Джордж, председатель правления журнала «Ридерс дайджест», член Совета по международным отношениям (1994).

Грюнвальд Генри, главный редактор «Тайм», член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Грюнерт Томас, руководитель Европейского парламента, член Мирового Форума (1996).

Губер Ричард, вице-председатель правления «Континентэл Бэнк» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Губер Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Губерман Бенджамин, член Совета по международным отношениям (1994).

Губерт Агнес, генеральный директор исследовательского департамента Европейской комиссии, член Мирового Форума (1996).

Гудаль Джейн, директор исследовательского центра «Комбс Стим», сопредседатель Мирового Форума.

Гудбай Джеймс, профессор Карнеги Меллон Университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Гудман Герберт, председатель правления «Эплайед Трейдинг Систем» (Хьюстон), член Совета по международным отношениям (1994).

Гудман Джон, директор «Сейдж компани», член Мирового Форума (1996).

Гудман Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Гудман Джордж, писатель, член Совета по международным отношениям (1994).

Гудман Рой, сенатор от штата Нью-Йорк, член Совета по международным отношениям (1994).

Гудман Шерри Вассерман, помощник госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994).

Гудпастер Эндрю, командующий суперинтендант армии США, начальник военной академии США, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Гудселл Джеймс, член правления «Крисчен сайенс монитор», член Совета по международным отношениям (1994).

Гуиди Марчелло, бывший посол Италии, председатель правления «ИСПИ» (Милан), член Трехсторонней комиссии (1994).

Гуидни Дж., президент компании по международному туризму (Франция), член Бильдерберского клуба (1994).

Гуизингер Стивен, член Совета по международным отношениям (1994).

Гуллион Эдмунд, член Совета по международным отношениям (1994).

Гурвич Сол, президент Комиссии по экономическому развитию (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Гуревич Питер, профессор Калифорнийского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Гуревич Яков, консультант Института изучения иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Гусинский Владимир, финансист, консультант Трехсторонней комиссии.

Густафсон Стэн, председатель правления «Аб Астра» (Швеция), член Бильдербергского клуба (1994).

Густафсон Юдифь, секретарь Совета по международным отношениям.

Гутман Хеннинг, член Совета по международным отношениям (1994).

Гутман Эдвин, член Совета по международным отношениям (1994).

Гутфреинд Джон, председатель правления фирмы «Соломон инк.», член Совета Брукингского института, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Гфоеллер Иаким, член Совета по международным отношениям (1994).

Гэер Фелис, член Совета по международным отношениям (1994).

Гэлбрейт Эван, директор корпорации «Морган Стэнли груп», член Совета по международным отношениям (1994).

Гэлвис Карлос, член Совета по международным отношениям (1994).

Гэлвис Серджо, член Совета по международным отношениям (1994).

Дабевус Эли, член Совета по международным отношениям (1994).

Давид Джек, член Совета по международным отношениям (1994).

Давид-Вейль Мишель, совладелец фирмы «Лазард Фререс энд К°» (Париж, Нью-Йорк), член Трехсторонней комиссии (1994).

Давидсон Даниель, член Совета по международным отношениям (1994).

Давидсон Ральф Кирби, директор Фонда Рокфеллера, член Совета по международным отношениям (1994).

Давидсон Ральф Парсонс, председатель правления «Тайм», председатель Центра современного искусства имени Джона Фицджеральда Кеннеди, член Совета по международным отношениям (1994).

Давинон Этьен, виконт, председатель «Сосьете Женераль» (Бельгия), член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Давиша Карен, член Совета по международным отношениям (1994).

Давкинс Петер, член Совета по международным отношениям (1994).

Даган Муки, директор «МОА Израиль», член Мирового Форума (1996).

Даггер Эдвард, президент «УНК Рартнерс», член Мирового Форума (1996).

Дайан М. К., член кнессета Израиля, член Мирового Форума (1996).

Дайк Нэнси, член Совета по международным отношениям (1994).

Даймонд Мэрилин, политический обозреватель «Джексон хоул ньюс», член Мирового Форума (1996).

Даймонд Терри, председатель правления «Талон Эссет Менеджмент», член Мирового Форума (1996).

Даймэли Мервин, конгрессмен (Калифорния), член Совета по международным отношениям (1994).

Дайн Томас, помощник-администратор госдепартамента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Дакин Генри, президент фирмы «Дакин энд К°», член Мирового Форума (1996).

Дали Джордж, совладелец фирмы «Нейл, Дали, Кэрролл, Нилер энд Ассев.», член Совета по международным отношениям (1994).

Дали-Харрис Сэм, директор «Микрокредит саммит», член Мирового Форума (1996).

Даллара Чарльз, помощник госсекретаря США, член Бильдербергского клуба (1994).

Даллин Александер, зампредседателя Станфордского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Далма Алфонс, главный издатель «ОРФ» (австрийское радио и телевидение), член Бильдербергского клуба (1994).

Дальман Михаель, член Совета по международным отношениям (1994).

Даниель Ана, член Совета по международным отношениям (1994).

Даниель Дэвид, член Совета Брукингского института, директор «Маккинси энд К°», член Совета по международным отношениям (1994).

Данлоп Джоан, член Совета международного развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Данн Кемптон, член Совета по международным отношениям (1994).

Данн Люис, член Совета по международным отношениям (1994).

Данфорф Вилльям, канцлер Вашингтонского университета, директор корпорации «Макдоннел Дуглас», член Совета по международным отношениям (1994).

Дарендорф Ральф, директор Лондонской школы экономики и политических наук, член Бильдербергского клуба (1994).

Дарман Ричард, директор Административно-бюджетного управления при президенте США Буше, член Совета по международным отношениям (1994).

Дасилва Руссель, член Совета по международным отношениям (1994).

Дауни Леонард, издатель «Вашингтон пост», член Совета по международным отношениям (1994).

Даусон Гораций, посол США в Ботсване, член Совета по международным отношениям (1994).

Даусон Марион, член Фонда африканского развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Де Круиф Абрам, президент «Униволд организейшн консалт», член Мирового Форума (1996).

Девеччи Роберт, президент Международного спасательного комитета, член Совета по международным отношениям (1994).

Девин Томас, член Совета по международным отношениям (1994).

Девинд Адриан, попечитель Института политических исследований, член Совета по международным отношениям (1994).

Дедрик Фред, член Совета по международным отношениям (1994).

Дезай Мегнад, профессор Лондонской школы экономики, член Мирового Форума (1996).

Дей Антони, специальный корреспондет «Лос-Анджелес таймс», член Совета по международным отношениям (1994).

Дей Артур, член Совета по международным отношениям (1994).

Дейбель Терри, член Совета по международным отношениям (1994).

Дейл Вилльям, замдиректора Международного валютного фонда (Женева), член Совета по международным отношениям (1994).

Деклерк Гвидо, барон, председатель «Федиско, инвество энд Беневент», член Трехсторонней комиссии (1994).

Декрейн Альфред, председатель правления корпорации «Тексако», член Совета по международным отношениям (1994).

Дектер Мидж, Институт религии и общественной жизни, член Совета по международным отношениям (1994).

Делеуран Ааге, главный редактор-издатель «Берлинске тиденде» (Дания), член Бильдербергского клуба (1994).

Делорм Жан-Клод, председатель общественной организации в Квебеке (Канада), член Бильдербергского клуба (1994).

Дель Розарио, председатель правления Азиатского Банка (1995), член Мирового Форума (1995).

Деминг Фредерик, директор «Нэшнл сити банкорп», член Бильдербергского клуба (1994).

Демирель Сулейман, премьер-министр Турции, член Бильдербергского клуба (1994).

Денвер Джон, один из лидеров религиозно-культурного движения «Новый век», член Мирового Форума (1995).

Денисон Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Денни Брюстер, декан Университета Вашингтона (Сиэтл), член Совета по международным отношениям (1994).

Деннис Эверетт, директор Колумбийского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Дентон Е. Хазель, член Совета по международным отношениям (1994).

Денун Давид, профессор Нью-Йоркского университета.

Депальма Самуэль, член Совета по международным отношениям (1994).

Дер Торосианн, председатель правления корпорации «Силикон валли груп», член Мирового Форума (1996).

Дергам Рагида, член Совета по международным отношениям (1994).

Дериан Патриция, член Совета международного развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Деррик Вивиан, президент Африкано-Американского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Десауза Патрик, член Совета по международным отношениям (1994).

Десмарас Паул, председатель правления «Пауэр корпорейшн» (Канада), член Трехсторонней комиссии (1994).

Дестлер И. М., член Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Дефлассиу Джин, председатель «Банк дес Эсчанджес Интернэшнл», член Трехсторонней комиссии (1994).

Деффенбау Ральстон, директор Службы по делам эмигрантов и беженцев, член Совета по международным отношениям (1994).

Деянг Карен, член правления «Вашингтон пост», член Совета по международным отношениям (1994).

Джаанс Пьер, генеральный управляющий Монетарным институтом (Люксембург), член Бильдербергского клуба (1994).

Джакетт Джейн, член Совета международного развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Джаноси, **де, Петер**, член Совета по международным отношениям (1994).

Джаримо-Лехтинен, организатор совещания Бильдербергского клуба в Хельсинки (90-е годы).

Джаффе Ами, член Совета по международным отношениям (1994).

Джебер Поль, член Совета по международным отношениям (1994).

Джегланд Торбьерн, председатель Норвежской рабочей партии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Джек Брайан, директор «Вольф клан», член Мирового Форума (1996).

Джеклин Нэнси, член Совета по международным отношениям (1994).

Джекобс Джон, президент Национальной городской лиги (Нью-Йорк), директор корпорации «Кока-кола», член Совета по международным отношениям (1994).

Джекобс Негама, член Совета по международным отношениям (1994).

Джекобс Норман, член Совета по международным отношениям (1994).

Джекобс Эли, председатель правления корпорации «Меморекс-Телекс», член Совета по международным отношениям (1994).

Джексон Брюс, член Совета по международным отношениям (1994).

Джексон Вилльям, совладелец фирмы «Милбэнк, Твид, Хэдли энд Маклой», член Совета по международным отношениям (1994).

Джексон Джесс Луи, владелец телекомпании Си-эн-эн, член Совета по международным отношениям (1994).

Джексон Джесс, президент винодельческой фирмы «Кендал-Джексон» (1995), член Мирового Форума (1995).

Джексон Джон, профессор Мичиганского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Джексон Луи, член правления корпорации «ИБМ» (по Латинской Америке), член Совета по международным отношениям (1994).

Джексон Сара, скульптор, график (Канада), член Совета по международным отношениям (1994).

Джемисон Джон, директор корпорации «Рейчем», член Совета по международным отношениям (1994).

Дженис Марк, член Совета по международным отношениям (1994).

Дженкинс Мишель, директор корпорации «Клейнворт Венсон» (Лондон).

Дженклоу Мортон, руководитель фирмы «Дженклоу, Ньюборн энд Эшли» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Джервис Роберт, профессор Колумбийского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Джереджиан Эдвард, помощник госсекретаря США, посол США в Сирии, член Совета по международным отношениям (1994).

Джесперсен Карен, министр по социальным вопросам Дании, член Мирового Форума (1996)

Джессуп Алфеус, член Совета по международным отношениям (1994).

Джессуп Филип, секретарь-казначей корпорации «Обор», член Совета по международным отношениям (1994).

Джислинг Эрих, зав. международным отделом швейцарского журнала «Вельтвохе», член Бильдербергского клуба (1994).

Джозеф Гери, посол США в Нидерландах, член Совета по международным отношениям (1994).

Джозеф Джеймс, президент Фонда Камминса, член Совета по международным отношениям (1994).

Джозеф Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Джозефсон Вилльям, совладелец фирмы «Фрайед, Фрэнк, Гаррис, Шривер энд Джекобсон», член Совета по международным отношениям (1994).

Джойс Джон, президент корпорации «Бриклейерс энд Эллайед Крафт», вице-председатель Центра национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Джонс Алан, настоятель епископального собора в Сан-Франциско (1997), член Сан-Францисского комитета Мирового Форума, один из инициаторов создания Организации Объединенных Религий.

Джонс Давид, начальник Объединенных штабов Министерства обороны США, директор корпорации «Дженерал электрик», член Совета по международным отношениям (1994).

Джонс Джеймс, посол США в Мексике, председатель правления Американской фондовой биржи, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Джонс Джерри, президент «Джонс Компани» (1995), член Мирового Форума (1995).

Джонс Лайонел, член Совета по международным отношениям (1994).

Джонс Лаури, президент «Джонс груп» (1995), член Мирового Форума (1995).

Джонс Обри, председатель страховой компании «Корнхилл» (Великобритания), член Бильдербергского клуба (1994).

Джонс Сидни, член «Эйша уотч», член Совета по международным отношениям (1994).

Джонс Томас, член Совета по международным отношениям (1994).

Джонсон Беннетт, сенатор от штата Луизианы, член Бильдербергского клуба (1994).

Джонсон Вайат, президент телекомпании Си-эн-эн, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Джонсон Виллард, профессор политических наук Массачусетского политического института, член Совета по международным отношениям (1994).

Джонсон Говард, председатель правления корпорации «Кенан систем», директор корпорации «Дюпон», член Совета по международным отношениям (1994).

Джонсон Джером, заместитель командующего военно-морскими силами США, член Совета по международным отношениям (1994).

Джонсон Лайонел, член Совета по международным отношениям (1994).

Джонсон Ларри, член Совета по международным отношениям (1994).

Джонсон Нью, руководитель Института обновления ресурсов, член Мирового Форума (1996).

Джонсон Нэнси, член конгресса США от штата Коннектикут, член Совета по международным отношениям (1994).

Джонсон Окли, член Совета по международным отношениям (1994).

Джонсон Роббин, член Совета по международным отношениям (1994).

Джонсон Роберт, член Ассоциации национального планирования (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Джонсон Самуэль, председатель правления корпорации «С. К. Джонсон энд сан», член Трехсторонней комиссии (1994).

Джонсон Сюзанн, член Совета по международным отношениям (1994).

Джонсон Томас, президент корпорации «Мануфекчерерс Гановер», член Совета по международным отношениям (1994).

Джонсон Филип, президент «К. А. Р. Е.», член Совета по международным отношениям (1994).

Джордан Амос, вице-председатель Центра стратегических и международных исследований, член Совета по международным отношениям (1994).

Джордан Вернон, член Совета Брукингского института, директор «Р. Дж. Р. Набиско», член Бильдербергского клуба (1994), Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Джордан Вилльям, председатель Американо-Панамской консультативной комиссии, член Совета по международным отношениям (1994).

Джордж Вилльям, президент корпорации «Медтроник» (1995), член Мирового Форума (1995).

Джордж Джеймс, канадский дипломат, член Международного координационного совета Мирового Форума.

Джорджес Джон, председатель правления корпорации «Интернэшнл Пейпер», член Совета по международным отношениям (1994).

Джорджеску Питер, президент рекламного агенства «Янг энд Рубикам», член Совета по международным отношениям (1994).

Джунц Хелен, специальный торговый представитель США, директор Международного валютного фонда (Женева), член Совета по международным отношениям (1994).

Джустер Кенетт, член Совета по международным отношениям (1994).

Джустман Яков Поль Луи, председатель фирмы «Кон. Нед. Хооговенс энд Стаатфабрикен», член Бильдербергского клуба (1994).

Дзётен Тойо, председатель правления Токийского банка, заместитель министра финансов Японии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Дибольд Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Дибольд Джон, президент корпорации «Дибольд Груп», председатель правления «Грифенхаген-Крегер», член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Дигл Эдвин, директор корпорации «Хьюджес Эеркрафт», член Совета по международным отношениям (1994).

Дике Гюнтер, участник совещания Бильдербергского клуба в 1991 году.

Дикей Кристофер, член Совета по международным отношениям (1994).

Диксон Руссель, член Совета по международным отношениям (1994).

Дил Джексон, член Совета по международным отношениям (1994).

Диленшнейдер Роберт, руководитель корпорации «Диленшнейдер» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Диллон Дуглас, член Брукингского института, вице-президент Совета по международным отношениям (1976—

1978), член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Димартино Рита, член Совета по международным отношениям (1994).

Дин Джонатан, член Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Дин Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Динс Ян, председатель кадрового управления государственной службы Канады, член Трехсторонней комиссии (1994).

Дитер Вернер, председатель правления «Маннесман» (Германия), член Бильдербергского клуба (1994).

Дитлев-Симонсен Пер, директор корпорации «Сверре Дитлев-Симонсен» (Норвегия), член Бильдербергского клуба (1994).

Дитрих Пол, директор Института здравоохранения и развития, член Мирового Форума (1996).

Дифенбах Джон, председатель правления «Дифенбах Элкинс» (1995), член Мирового Форума (1995).

Добелль Петер, директор Парламентского центра по иностранной политике и торговле (Канада), член Трехсторонней комиссии (1994).

Догерти Джим, вице-президент «Лотус Ноутс Нетворк» (1995), член Мирового Форума (1995).

112 Дограмаки Исан, профессор Хакетепского университета (Турция), член Бильдербергского клуба (1994).

Додд Кристофер, сенатор от Коннектикута, член Совета по международным отношениям (1994).

Дойл Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Дойл Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Дойч Джон Марк, помощник госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Дойч Джон, профессор Квебекского университета (Канада), член Бильдербергского клуба (1994).

Дойч Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Домингес Хорхе, руководитель факультета кубинских исследований Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Дональдсон Вилльям, председатель Нью-йоркской фондовой биржи, попечитель Фонда Карнеги, член Совета по международным отношениям (1994).

Дональдсон Роберт Гершель, президент Университета Тулсы, член Совета по международным отношениям (1994).

Донани Клаус, член германского бундестага, член Бильдербергского клуба (1994).

Донахью Томас, секретарь профсоюза АФТ-КПП, директор Совета по международным отношениям.

Доннелл Элсворф, член Совета по международным отношениям (1994).

Доннелли Гарольд, член Совета по международным отношениям (1994).

Доннелли Сэлли, член Совета по международным отношениям (1994).

Доннелли-Мортон Лаура, директор Института индивидуального и международного мира (1995), член Мирового Форума (1995).

Донован Стив, президент Эсалем Института (1985—1993), член директората Мирового Форума.

Донохью Марк, президент телекомпании «Хьюман девелопмент» (1995), член Мирового Форума (1995).

Доран Чарльз, член Совета по международным отношениям (1994).

Доти Паул, член Совета по международным отношениям (1994).

Доуган Диана, член Совета по международным отношениям (1994).

Дохерти Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Драги Марио, генеральный директор Министерства финансов Италии, член Бильдербергского клуба (1994).

Дрейтон Вилльям, председатель «Ашока: иновейторс фор паблик» (1995), член Мирового Форума (1995).

Дрейтон Вилльям, член Совета Комиссии Карнеги и Совета по международным отношениям (1994).

Дрейфус Джоель, член Совета по международным отношениям (1994).

Дрелл Сидни, заместитель директора центра «Станфорд Линеар Аксельратор» (1995), член Мирового Форума (1995).

Дриттель Петер, член Совета по международным отношениям (1994).

Дромер Жан, председатель финансовой компании (Париж), член Трехсторонней комиссии (1994).

Друайян Анна, секретарь Федерации американских ученых (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Друин Мари, директор Хадсонского института (Канада), член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Друмрайт Дж. Р., член Совета по международным отношениям (1994).

Дрэпер Вилльям, руководитель Программы развития ООН, член Совета по международным отношениям (1994).

Дрю Элизабет, комментатор Эн-би-си, директор Совета по международным отношениям.

Дуберштейн Кеннет, член Совета по международным отношениям (1994).

Дубоу Артур, президент «Форф Эстейт», член Совета по международным отношениям (1994).

Дубрул Стефан, член Совета по международным отношениям (1994).

Дуган Майкл, начальник военно-воздушного штаба США, член Совета по международным отношениям (1994).

Дуган Эл, президент «Дуган инвестмент», член Мирового Форума.

Дуглас Паул, член Совета по международным отношениям (1994).

Дуглас Рован, директор организации «Всемирный обмен интеллектуальными ресурсами», член Мирового Форума (1996).

Дугласс Роберт, вице-председатель правления «Чейз Манхэттен бэнк», директор Рокфеллеровского центра, член Совета по международным отношениям (1994).

Дудерштадт Джеймс, председатель Управления Национального научного фонда, член Совета по международным отношениям (1994).

Дуерр Ганс-Питер, директор Института Макса Планка, член Мирового Форума (1995).

Дукакис Майкл, губернатор штата Массачусетс, кандидат в президенты США, член Совета по международным отношениям (1994).

Дулани Пегги, президент Института Синергетики (1995), директор Совета международного развития, член Со-

вета по международным отношениям (1994) и Мирового Форума (1995).

Дун Го-юн, председатель правления «О. Мелвени энд Майерс, глобэл прэктис груп», член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Дуниган Андрю, член Совета по международным отношениям (1994).

Дункан Джон, вице-президент корпорации «Ст. Джо Минералс», член Совета по международным отношениям (1994).

Дункан Ричард, издатель «Тайм», член Совета по международным отношениям (1994).

Дункан Чарльз, директор корпорации «Кока-кола», член Совета Брукингского института и Совета по международным отношениям (1994).

Дункель Артур, генеральный директор ГАТТ (Генеральное соглашение о тарифах и торговле), член Бильдербергского клуба (1994).

Дункерли Крейг, член Совета по международным отношениям (1994).

Дуччи Роберто, генеральный директор департамента политических вопросов Министерства иностранных дел Италии, член Бильдербергского клуба (1994).

Дуэрстен Алтеа, член Совета по международным отношениям (1994).

Дэ Юн Ким, президент Фонда мира Азиатско-Тихоокеанского региона (1997), член Совета при председателях Мирового Форума.

Дэбс Барбара, попечительница Фонда Джеральдин Додже, член Совета по международным отношениям (1994).

Дэбс Ричард, попечитель Фонда Карнеги, председатель правления «Дэбс, Р. А. энд К°», член Совета по международным отношениям (1994).

Дэвизон Даниель, председатель правления фирмы «Кристи, Мэнсон энд Вудс интернэшнл» (аукционеры), член Совета по международным отношениям (1994).

Дэвизон Филлипс, член Совета по международным отношениям (1994).

Дэвис Аллисон, член Совета по международным отношениям (1994).

Дэвис Винсент, директор «Патерсон Скул» дипломатических и международных связей, член Совета по международным отношениям (1994).

Дэвис Гед, руководитель подразделения корпорации «Шелл интернэшнл», член Мирового Форума (1996).

Дэвис Джером, начальник отдела Министерства транспорта США, член Совета по международным отношениям (1994).

Дэвис Жакелин, президент Ассоциации по планированию национальной безопасности, член Совета по международным отношениям (1994).

Дэвис Катрин, президент «Шелби Кулом Дэвис Фаундейшн», член Совета по международным отношениям (1994).

Дэвис Линн, помощник госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994), член Трехсторонней комиссии (1994).

Дэвис Макео, член Совета по международным отношениям (1994).

Дэвис Натаниель, член Совета по международным отношениям (1994).

Дэвис Стивен, член Совета по международным отношениям (1994).

Дэвис Сюзанн, президент «Кэпитал Мишнс компани» (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума (1996).

Дэвис Шелби, совладелец фирмы «Килом Дэвис», член Совета по международным отношениям (1994).

Дэльтон Джеймс, президент корпорации «Логикон РДА», член Совета по международным отношениям (1994).

Дэм Кеннет, зам. госсекретаря США, член Совета Брукингского института, директор Совета по международным отношениям, член Бильдербергского клуба (1994).

Дэмрош Лори Физлер, член Совета по международным отношениям (1994).

Дэннер Марк, член Совета по международным отношениям (1994).

Дюваль Майкл, совладелец «Антем партнерс», член Совета по международным отношениям (1994).

Дюке Андреж, посол США в Сальвадоре, Испании, Дании, член Совета по международным отношениям (1994).

Дюпюи Мишель, помощник государственного секретаря Канады, член Бильдербергского клуба (1994).

Дюттон Фредерик, член Совета по международным отношениям (1994).

Дюффи Глория, помощник министра обороны США (1993—1995), член Совета по международным отношениям (1994) и Мирового Форума (1996).

Дюффи Джеймс, писатель, член Совета по международным отношениям (1994).

Дюффи Иосиф, директор Информационного агентства США, президент Американского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Ейк Стэнли, президент Центра философии и общения, член Мирового Форума (1995).

Ельцин Борис, президент РФ, консультант Совета по международным отношениям и Трехсторонней комиссии, участник совещания Совета по международным отношениям (1990).

Есино Бунроку, председатель Института международных экономических исследований, посол Японии в Германии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Жаффр Филип, председатель правления «Ельф Аквитан» (Франция), член Бильдербергского клуба (1994).

Жиго Паул, ведущий журналист «Уолл-стрит джорнэл», член Совета по международным отношениям (1994).

Жильяр Жак, директор «Нувель обсерватер» (Париж), член Бильдербергского клуба (1994).

Жискар д'Эстен Валери, президент Франции (1974—1981), президент Института Европейского движения, член Бильдербергского клуба (1994).

Жоли Ален, директор фирмы «Эр Ликид» (Париж), член Трехсторонней комиссии (1994).

Завала Мелоди, руководитель Фонда Азии, член Мирового Форума (1996).

Загория Дональд, член Совета по международным отношениям (1994).

Зайденштейн Джордж, член Совета международного развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Закгейм Дов Соломон, руководитель корпорации «Систем плэннинг», член Совета по международным отношениям (1994).

Закхем Джордж, президент «Закхем интернэшнл», член Мирового Форума (1995).

Заннони Паоло, вице-президент «Дефенс энд спейс» (Италия), член Бильдербергского клуба (1994).

Зарб Фрэнк, президент «Смит, Барни, Гаррис, Апгэм энд К°», директор Совета по международным отношениям.

Зартман Виллььям, член Совета по международным отношениям (1994).

Захид Валид, президент фирмы по производству тракторов и тяжелого машиностроения, член Мирового Форума (1995).

Зеликов Филип, член Совета по международным отношениям (1994).

Зелник Карл, военный корреспондент Эй-би-си Ньюс (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Зиглер Томас, владелец фирмы «Диадем Файнэншл сервис», член Мирового Форума (1995).

Зигмунд Пол, профессор политических наук Принстонского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Зилберт Мими, президент Фонда Деланси Стрит, член Мирового Форума (1996).

Зилка Эзра, член совета Брукингского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Зилстра Желле, президент Банка Нидерландов, член Бильдербергского клуба (1994).

Зильберман Лоренс, судья апелляционного окружного суда (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Зогби Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Зоеллик Роберт, президент Федеральной ипотечной ассоциации, заместитель госсекретаря США, директор Совета по международным отношениям, член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Зольберг Аристид, профессор Новой школы социальных исследований (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Зомбанакис Минос, председатель Центра международных исследований и оценок (Греция), член Бильдербергского клуба (1994).

Зоммер Тео, шеф-издатель «Цайт» (Германия), член Бильдербергского клуба (1994).

Зонис Марвин, член Совета по международным отношениям (1994).

Зонненфельдт Гельмут, член Брукингского института, член издательского совета Фонда Карнеги.

Зонненфельдт Жан, генеральный директор Французского электрического управления (Париж), член Трехсторонней комиссии (1994).

Зонненфельдт Ричард, профессор Нью-Йоркского института (Бруклин), член Совета по международным отношениям (1994).

Зорфиан Барри, совладелец «Алкальде, Руссолот энд Фей» (Арлингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Зпорлук Роман, член Совета по международным отношениям (1994).

Зумвальт Элмо, президент «Адмирал Зумвальт энд Консультантс», член Совета по международным отношениям (1994).

Зюсман Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Иглбургер Лоренс, госсекретарь США, директор корпорации «Филипс Петролеум», член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Иглер Ганс, президент Федерации австрийских промышленников, член Бильдербергского клуба (1994).

Игнатиус Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Изенберг Стивен, заместитель издателя «Ньюсдей», член Совета по международным отношениям (1994).

Изик Хасан, член Турецкого парламента и Бильдербергского клуба (1994).

Излар Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Икенберри Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Икле Фред, член Совещательной комиссии по оборонной политике Министерства обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Инан Камурин, член Турецкого сената и Бильдербергского клуба (1994).

Ингерсолл Роберт, председатель фонда «Панасоник», член Совета по международным отношениям и Трехсторонней комиссии (1994).

Инглиш Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Инграци Раз, руководитель Гофман-института (1997), член Сан-Францисского комитета Мирового Форума.

Индервурт Карл, представитель госдепартамента США по специальным вопросам, член Совета по международным отношениям (1994).

Инк Дуайт, президент Института государственного управления (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Инман Бобби, директор корпорации «Ксерокс», вице-председатель Совета по международным отношениям.

Иное Каору, председатель правления японского банка «Дай Ици Каньйо», член Трехсторонней комиссии (1994).

Интрилигатор Мишель, профессор Массачусетского технологического института, член Совета по международным отношениям (1994).

Иониеми Яаако, директор Исследовательского центра по вопросам бизнеса и политики (Финляндия), член Бильдербергского клуба (1994).

Иоффе Джозеф, издатель «Зюддойче Цайтунг» (Мюнхен), член Трехсторонней комиссии (1994).

Иоффе Роберт, член Брукингского института, совладелец фирмы «Криваф, Свейн энд Мур» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Иохимсен Реймут, президент Центрального банка Северной Вестфалии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Ирвин Джон Николь (второй), совладелец фирмы «Паттерсон, Белкнэп, Вебб энд Тайлер», член Совета по международным отношениям (1994).

Ирвин Патриция, помощник заместителя министра обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Исааксон Вальтер, издатель журнала «Тайм», член Совета по международным отношениям (1994).

Иселин Джон, президент Куперовского союза развития науки и искусства, член Совета по международным отношениям (1994).

Исибаси Хироёси, президент «Веверньюс» (Япония), член Мирового Форума (1996).

Исикава Рокуро, председатель правления корпорации «Кадзима» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Исикава Такеру, председатель правления японской страховой фирмы «Мицуи Марин энд Файя иншурэнс», член Трехсторонней комиссии (1994).

Испахани Махнац, член Совета по международным отношениям (1994).

Истель Ивес-Андре, член Совета по международным отношениям (1994).

Исум Дональд, член Совета по международным отношениям (1994).

Итимура Синици, вице-канцлер Института международных отношений Международного университета в Осаке (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Ито Тадаси, председатель правления корпорации «Сумитомо», член Трехсторонней комиссии (1994).

Ито Яоци, президент «Дайджител Гараж», член Мирового Форума (1996).

Ихамуотила Яаако, председатель правления корпорации «Несте» (Финляндия), член Бильдербергского клуба (1994).

Ичман Алис, президент «Сара Лоренс Колледж», член Совета по международным отношениям (1994).

Ишэм Кристофер, член Совета по международным отношениям (1994).

Йенсен Майкл, президент «Йенсен коммьюникейшн», член Мирового Форума (1996).

Йонунг Ларс, профессор Стокгольмской школы экономики, член Бильдербергского клуба (1994).

Йост Казимир, исполнительный директор Фонда Азии, член Совета по международным отношениям (1994).

Йоффе Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Йу Фредерик, член Совета по международным отношениям (1994).

Кабот Луис, президент корпорации «Кабот», председатель Брукингского института, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Кабот Томас, почетный председатель корпорации «Кабот», член Совета по международным отношениям (1994).

Кабрейнс Хосе, окружной судья (Коннектикут, США), член Совета по международным отношениям (1994).

Кавакацу Кендзи, президент банка «Санва», член Трехсторонней комиссии (1994).

Кавассе Фелиция, участница совещания Бильдербергского клуба в 1991 году (Баден-Баден).

Каган Джером, член Совета по международным отношениям (1994).

Кагин Джордж, профессор Лондонского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Каглайангил Ихсан, министр иностранных дел Турции, член Бильдербергского клуба (1994).

Кадзи Мотоо, вице-президент Университета Воздуха, профессор Токийского университета, член Трехсторонней комиссии (1994).

Кадо Жан-Луи, заместитель генерального директора департамента иностранных дел Европейского экономического сообщества (ЕЭС) от Бельгии, член Бильдербергского клуба (1994).

Казанова Жан-Клод, профессор Экономического института политических исследований (Париж), член Трехсторонней комиссии (1994).

Казанова Мирта, член директората организации «Европейские женщины в управлении и развитии» (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Казган Гултен, профессор Стамбульского университета (Турция), член Бильдербергского клуба (1994).

Каземи Фарад, член Фондов Форда и Рокфеллера, член Совета по международным отношениям (1994).

Каиров Рустем, директор Фонда выживания и развития человечества (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Кайзер Карл, директор Немецкого исследовательского института по иностранным вопросам, член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Кайзер Роберт, издатель «Вашингтон пост», член Совета по международным отношениям (1994).

Кайзер Филип, посол США в Венгрии, член Совета Центра национальной политики и Совета по международным отношениям (1994).

Кайл Роберто, специальный помощник президента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Кайсен Карл, профессор политэкономии Массачусетского политехнического института, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Какидзава Кодзи, заместитель министра иностранных дел Японии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Калабиа Даун, член Совета по международным отношениям (1994).

Калдер Кент, член Совета по международным отношениям (1994).

Калдуэлл Дан, член Совета по международным отношениям (1994).

Калдуэлл Филип, директор корпораций «Леман бразерз» и «Дигитал Эквипмент», член Совета по международным отношениям (1994).

Калики Джэн, старший советник Центра иностранного политического развития Броуновского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Калифано Иосиф, министр здравоохранения, образования и социального обеспечения США, директор корпорации «Крайслер», член Совета Центра национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Калкинс Хью, президент Института городского образования, член Совета по международным отношениям (1994).

Калландер Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Каллебо Пьер, председатель «Амилум» (Брюссель), член Совета по международным отношениям (1994).

Каллен Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Каллео Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Калловей Вейн, председатель правления корпорации «Пепсико», член Трехсторонней комиссии (1994).

Калхаун Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Кальб Бернард, ведущий телекомпании Си-эн-эн, член Совета по международным отношениям (1994).

Кальб Марвин, профессор Гарвардского университета, дипломатический корреспондент Си-би-эс и Эн-би-си, член Совета по международным отношениям (1994).

Камарк Андрю, член Совета по международным отношениям (1994).

Каминер Питер, глава Верховного суда штата Нью-Йорк, член Совета по международным отношениям (1994).

Каминский Говард, президент издательства «Вагнер букс», член Совета по международным отношениям (1994).

Камия Кенизи, директор Банка Сакура, член Трехсторонней комиссии (1994).

Камия Фудзи, декан женского университета Тойо-Эйва, профессор университета Кейо, член Трехсторонней комиссии (1994).

Каммингс Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Кампельман Макс, юридический советник фирмы «Фрайед, Фрэнк, Гаррис, Шривер энд Якобсон», член Совета по международным отношениям (1994).

Камски Вирджиния, член Совета по международным отношениям (1994).

Камю Луи, председатель правления Брюссельского банка, член Бильдербергского клуба (1994).

Кан Анна, член Совета Центра международной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Канаван Кристофер, член Совета по международным отношениям (1994).

Канак Дональд, член Совета по международным отношениям (1994).

Канда Татсуйя, руководитель «МОА Израиль», член Мирового Форума (1996).

Канн Гарри, член Совета по международным отношениям (1994).

Канн Питер, председатель фирмы «Доу Джонс энд К°» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Кантер Арнольд, член совета «РЭНД корпорейшн» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Кантер Розабет, профессор Гарвардского университета.

Кантони Джиамперо, председатель Национального трудового банка (Италия), член Бильдербергского клуба (1994).

Кантфилд Франклин, член Совета по международным отношениям (1994).

Капелло Хуан, член Совета по международным отношениям (1994).

Капельман Макс, представитель США по вопросу контроля над вооружениями, член Мирового Форума (1995).

Каплан Гарольд, член Совета по международным отношениям (1994).

Каплан Гилберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Каплан Марк, член правления фирмы «Скадден, Арпс, Слейт Мигхер энд Флом», член Совета по международным отношениям (1994).

Каплан Стивен, член Совета по международным отношениям (1994).

Каплан Хелен, член совета «Карнеги корпорейшн» и Совета «Мобил ойл корпорейшн», директор Совета по международным отношениям.

Капор Митчелл, председатель фонда «Электроник...», член Совета по международным отношениям (1994).

Капп Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Каппуццо Умперто, советник по вопросам обороны Министерства иностранных дел Италии, сенатор, член Трехсторонней комиссии (1994).

Каралекас Анна, издатель «Вашингтон пост мэгэзин», член Совета по международным отношениям (1994).

Караманян Сюзан, член Совета по международным отношениям (1994).

Карбонелл Нестор, член Совета по международным отношениям (1994).

Карваджал Урквуайо, председатель «Иберфоменто», председатель корпорации «Форд» в Испании, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Карей Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Карей Джон, судья округа Вестчестер (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Карей Сара, совладелец фирмы «Стэптоу энд Джонсон».

Карей Хью, губернатор штата Нью-Йорк, вице-президент корпорации «В. Р. Грейс энд К°», член Совета по международным отношениям (1994).

Карис Томас, член Совета по международным отношениям (1994).

Карл Терри, член Совета по международным отношениям (1994).

Карли Гвидо, управляющий Банком Италии, член Бильдербергского клуба (1994).

Карлос Мануэль, член Совета по международным отношениям (1994).

Карлсон Роберт, президент корпорации «Юнайтед Текнолоджиз» (Хартфорд), член Совета по международным отношениям (1994).

Карлсон Стивен, член Совета по международным отношениям (1994).

Карлуччи Фрэнк, министр обороны США, вице-председатель корпорации «Карлайл груп», консультант «Хадсон институт», член Совета по международным отношениям (1994).

Кармайкл Вилльям, исполнительный директор специальных программ по вопросам Советского Союза и Восточной Европы Института международного просвещения, член Совета по международным отношениям (1994).

Кармой Херв, председатель банка «Индустриэль Мобилир Приви», член Трехсторонней комиссии (1994).

Карнесэйл Альберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Карноу Стэнли, диктор телекомпании «РБС», член Совета по международным отношениям (1994).

Карнс Маргарет, член Совета по международным отношениям (1994).

Кароверс Томас, член директората Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Карпендейл Андрю, член Совета по международным отношениям (1994).

Каррас Коста, директор нескольких компаний в Греции, член Бильдербергского клуба (1994).

Каррингтон Питер, лорд, генеральный секретарь НАТО, председатель Бильдербергского клуба.

Каррингтон Уолтер, член Совета международного развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Каррух Реба, член Совета по международным отношениям (1994).

Карсвелл Роберт, председатель Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Карсон К. В., член Совета по международным отношениям (1994).

Карсон Эдвард, председатель правления «Ферст Интерстейт Банкорп.», член Совета по международным отношениям (1994).

Карстен Фритс, директор банка АМРО (Нидерланды), казначей Бильдербергского клуба.

Картер Аштон, помощник министра обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Картер Барри, член Совета Центра международной политики и Совета по международным отношениям (1994).

Картер Вилльям, бывший пресс-секретарь президента США Клинтона, член Совета по международным отношениям (1994).

Картер Джимми, бывший президент США, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Картер Джордж, член Совета по международным отношениям (1994).

Картер Маршалл, вице-президент корпорации «Чейз Манхэттен», член Совета по международным отношениям (1994).

Касдин Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Каспер Герхард, президент Станфордского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Касс Стефен, член Совета по международным отношениям (1994).

Кассов Аллен, член Совета по международным отношениям (1994).

Каструп Дистер, директор Политического департамента Министерства иностранных дел Германии, член Бильдербергского клуба (1994).

Като Коици, секретарь премьер-министра Японии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Катруа Диомед, французский министр, член Бильдербергского клуба (1994).

Каттарулла Элиот, вице-президент корпорации «Экссон», член Совета по международным отношениям (1994).

Катто Генри, посол США в ООН, Женеве, Великобритании, член Совета по международным отношениям (1994).

Кау Чарльз, профессор экономики Висконсинского университета, член Мирового Форума (1995).

Каур Гуриндер, попечитель Фонда Швадбар, член Мирового Форума (1996).

Кауфман Виллььям, член Совета по международным отношениям (1994).

Кауфман Генри, президент «Кауфман энд К°», член Совета по международным отношениям (1994).

Кауфман Даниель, член Совета по международным отношениям (1994).

Кахилл Кевин, член Совета по международным отношениям (1994).

Кахлер Майлс, член Совета по международным отношениям (1994).

Кахус Фрэнк, председатель правления «Мелон бэнк» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Кац Абрам, председатель Совета международного бизнеса, член Совета по международным отношениям (1994).

Кац Мильтон, член Совета Калифорнийского университета, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Кац Рональд, совладелец фирмы «Коудерт бразерс» (Сан-Франциско), член Совета по международным отношениям (1994).

Каценбах Николас, член Совета фирмы «Рикер, Данциг, Шерер, Нил. энд Перр», директор Совета по международным отношениям.

Каценштейн Питер, член Совета по международным отношениям (1994).

Квандт Виллььям, член совета Брукингского института, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Квестер Джордж, профессор политических наук Мэрилендского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Квидли Кевин, член Совета по международным отношениям (1994).

Квикли Леонард, совладелец фирмы «Пол, Вейс, Рифкин, Вартон энд Гарретт», член Совета по международным отношениям (1994).

Кебеде Касса, секретарь по иностранным делам Эфиопии (1988—1991), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Кебровский Артут, член Совета по международным отношениям (1994).

Кеджан Поль, президент Университета национальной обороны Министерства обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Кей Алан, президент «Американс Ток Исьюс», член Мирового Форума (1995).

Кейв Рей, член Совета по международным отношениям (1994).

Кейдель Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Кейс Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Кейтс Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Келесте Ричард, член директората «Карнеги корпорейшн оф Нью-Йорк», член Совета по международным отношениям (1994).

Келлегер Катерин, член Советов Центра международной политики и Центра национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Келлей Пол, командующий Морским корпусом Министерства обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Келлен Стивен, член Совета по международным отношениям (1994).

Келлер Кеннет, бывший вице-президент Совета по международным отношениям, член этой организации (1994).

Келлер Эдмунд, вице-президент Совета по международным отношениям.

Келлерман Барбара, член Совета по международным отношениям (1994).

Келли Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Келли Джон Губерт, посол США в Финляндии, член Совета по международным отношениям (1994).

Келли Джон, помощник госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994).

Кельман Герберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Кембл Евгения, член Совета по международным отношениям (1994).

Кемп Джоффри, директор Фонда Карнеги, член Совета по международным отношениям (1994).

Кемпе Фредерик, издатель «Уолл-стрит джорнэл» (по Европе), член Совета по международным отношениям (1994).

Кемпнер Максимилиан, юридический советник фирмы «Вилл энд Емери Макдермотт» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Кенделл Дональд, член Совета по международным отношениям (1994).

Кенен Питер, профессор экономики и финансов Принстонского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Кенет Роджер, профессор Иллинойсского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Кенистон Кеннет, член Совета по международным отношениям (1994).

Кеннан Джордж, посол США в СССР, профессор Принстонского университета, советник по делам СССР президентов США, член Совета по международным отношениям (1994).

Кеннан Кристофер, член Совета по международным отношениям (1994).

Кеннан Элизабет, президент Холиоке-колледж, член Совета по международным отношениям (1994).

Кеннеди Дональд, попечитель Фонда Карнеги, президент Станфордского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Кеннеди Дэвид, профессор Станфордского университета, член Бильдербергского клуба (1994).

Кеннеу Дональд, член Совета по международным отношениям (1994).

Кеог Дональд, председатель правления корпорации «Эллин энд К°», президент корпорации «Кока-кола», член Совета по международным отношениям (1994).

Кеогейн Наннерл, президент Дюк-университета, директор корпорации «ИБМ», член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Кеогейн Роберт, профессор государствоведения Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Керети Фаусто, председатель правления «Алениа» (Рим), член Трехсторонней комиссии (1994).

Кер'он Айузо Хоссе, министр торговли Испании, председатель корпорации «Асета» (Мадрид), член Трехсторонней комиссии (1994).

Керр Анна, член Совета по международным отношениям (1994).

Керри Джон, сенатор от штата Массачусетс, член Совета по международным отношениям (1994).

Кесслер Марта, член Совета по международным отношениям (1994).

Кесстер Джон, совладелец фирмы «Вилльямс энд Конолли» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Киддер Рушворт, президент Института глобальной этики, член Мирового Форума (1996).

Киддер Элизабет, член совета директоров Института глобальной этики, член Мирового Форума (1996).

Кизнерос Генри, министр городского развития, мэр Сан-Антонио, член Совета Центра национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Кил Альтон, посланник США в НАТО.

Килей Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Киль Фред, директор «КРВ интернэшнл», член Мирового Форума (1996).

Ким Ганья, член Совета по международным отношениям (1994).

Киммитт Роберт, посол США в Германии, член Совета по международным отношениям (1994).

Кин Лонни, член Совета по международным отношениям (1994).

Кин Томас, президент Дрю-университета, член Совета «Карнеги корпорейшн» и Совета по международным отношениям (1994).

Кинг Генри, председатель правления фирмы «Дэвис Полк энд Вардвелл», член Совета по международным отношениям (1994).

Кинг Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Кинни Спуржен, президент Ассоциации по контролю над вооружениями, член Совета по международным отношениям (1994).

Кинси Бернар, сопредседатель «Ребилд Л. А.» (1992—1994), член Мирового Форума (1996).

Кип Уолтер, казначей христианско-демократической партии Германии, член германского парламента, Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Киполлетта Инноцензо, генеральный директор корпорации «Конфиндустрия» (Италия), член Бильдербергского клуба (1994).

Киппер Юдифь, директор Совета международного развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Кир Артур, вице-президент Совета иностранных связей (Чикаго), член Совета по международным отношениям (1994).

Кириенко Сергей, председатель правительства РФ (1998), консультант Трехсторонней комиссии.

Кирк Грейсон, президент Колумбийского университета, вице-председатель и директор Совета по международным отношениям.

Кирклэнд Джозеф, президент профсоюзного объединения АФТ-КПП (1979), директор Совета по международным отношениям (до 1979).

Кирмейер Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Кирнс Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Кирнэн Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Кирпатрик Джин, представитель США в ООН, член Совета Американского института предпринимательства и Совета по международным отношениям (1994).

Кислинг Францес, директор организации «Католики за свободный выбор», член Мирового Форума (1996).

Киссее-Сандоваль Катерин, член Совета по международным отношениям (1994).

Киссинджер Генри, госсекретарь США при президентах Никсоне и Картере, председатель Ассоциации Киссинджера, руководитель всемирной масонской еврейской ложи «Бнай-Брит»,

Китамура Тоси, член Совета корпорации «Хитачи», член Трехсторонней комиссии (1994).

Китинг Джустин, министр промышленности и торговли Ирландии, лидер Ирландской рабочей партии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Китнер Вилльям, директор Американского института мира, член Совета по международным отношениям (1994).

Киттадини Кеси, президент Ассоциации по изучению европейских проблем (Италия), член Бильдербергского клуба (1994).

Китчен Джеффри, член Совета по международным отношениям (1994).

Китчен Хелен, член Совета по международным отношениям (1994).

Клайн Вилльям, член Совета Экспортно-импортного банка США (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Клайн Рей, председатель Совета по глобальной стратегии США, член Совета по международным отношениям (1994).

Кларизио Линда, член Совета по международным отношениям (1994).

Кларк Висли, член Совета по международным отношениям (1994).

Кларк Гленн, президент фонда «Авон Продактс», член Мирового Форума (1996).

Кларк Говард, председатель правления корпорации «Америкэн Экспресс», член Совета по международным отношениям (1994).

Кларк Дж., директор корпорации «Экссон», член Совета по международным отношениям (1994).

Кларк Дик, сенатор, посол по особым поручениям госдепартамента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Кларк Кеннет, профессор Городского колледжа (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Кларк Норин, руководитель факультета Мичиганского университета, директор фонда «Аарон Даймонд», член Совета по международным отношениям (1994).

Кларк Ральф, член Совета по международным отношениям (1994).

Кларк Стивен, член Совета по международным отношениям (1994).

Кларк Сьюзан, член Совета по международным отношениям (1994).

Кларксон Лауренс, вице-президент корпорации «Боинг», член Совета по международным отношениям (1994).

Клас Вилли, министр иностранных дел Бельгии, член Бильдербергского клуба (1994).

Клауд Джейми, директор специального образовательного центра Американского форума глобального образования, член Мирового Форума (1996).

Клауд Стэнли, издатель журнала «Тайм», член Совета по международным отношениям (1994).

Клафлин Дженис, президент «Клафлин энд ассошиэйтс», член Мирового Форума (1996).

Клейман Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Клейн Давид, профессор Калифорнийского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Клейн Джо, обозреватель «Ньюсвик мэгэзин», консультант Си-би-эс Ньюс, член Совета по международным отношениям (1994).

Клейн Эдвард, издатель «Вэнити феар» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Кленденин Джон, директор корпорации «Кока-кола», член Совета по международным отношениям (1994).

Клерк Вилли, член Европарламента, председатель Комиссии по иностранным экономическим связям, член Трехсторонней комиссии (1994).

Кливленд Джеймс, президент Гавайского университета, член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Клинтон Вилльям (Билл), президент США, член Бильдербергского клуба (1994), член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Клисас Николас, член Совета по международным отношениям (1994).

Клифтон Дональд, председатель корпорации «Галлэпа» (1995), член Мирового Форума (1995).

Клиффорд Дональд, член Совета по международным отношениям (1994).

Клоу Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Клохерти Патриция, член Совета по международным отношениям (1994).

Клурмэн Ричард, председатель совета директоров Колумбийского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Клурфельд Джеймс, издатель «Ньюсдей», член Совета по международным отношениям (1994).

Клэп Присцилла, член Совета по международным отношениям (1994).

Кнапен Бен, главный редактор «Мандельсблад» (Нидерланды), член Бильдербергского клуба (1994).

Книсели Роберт, заместитель директора Министерства транспорта США, член Мирового Форума (1995).

Кнопперс Антуан, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Кобаяси Кодзи, председатель корпорации «НЕК» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Кобаяси Сёициро, председатель правления корпорации «Кансай электрик Пауер», член Трехсторонней комиссии (1994).

Кобаяси Яотаро, председатель правления корпорации «Фудзи Ксерокс», член Трехсторонней комиссии (1994).

Кобб Поль, член Совета по международным отношениям (1994).

Кобб Чарльз, посол США в Исландии, член Совета по международным отношениям (1994).

Коваль Салли, посол США в Тринидаде и Тобаго, член Совета по международным отношениям (1994).

Кован Грей, член Совета по международным отношениям (1994).

Когг Кристофер, председатель правления «Кортоидс плк» (Великобритания), член Трехсторонней комиссии (1994).

Коген Бенджамин, совладелец фирмы «Кахилл, Гордон энд Рейндель» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Коген Вилльям, сенатор от штата Мейн, директор Совета по международным отношениям, член Трехсторонней комиссии.

Коген Герман, помощник госсекретаря США по африканским делам, член Совета по международным отношениям (1994).

Коген Джером, член Совета по международным отношениям (1994).

Коген Джоель, попечитель фонда «Руссель Сейдж», член Совета по международным отношениям (1994).

Коген Маршалл, президент корпорации «Молсон» (Торонто), член Трехсторонней комиссии (1994).

Коген Патриция, член Совета по международным отношениям (1994).

Коген Роберта, член Совета по международным отношениям (1994).

Коген Стивен С., директор Совета по иностранным связям, член Совета по международным отношениям (1994).

Коген Стивен Фрэнд, комментатор Си-би-эс Ньюс, член Совета по международным отношениям (1994).

Коген Элиот, член Совета по международным отношениям (1994).

Кодзима Акира, заместитель главного редактора «Нихон Кейдзай Симбун», член Трехсторонней комиссии (1994).

Коен Бен, председатель правления «Бен энд Джерри Хомемейд», член Мирового Форума (1996).

Коен Дан, президент организации «Технология правильного мышления», член Мирового Форума (1996).

Козырев Андрей, министр иностранных дел России (1991—1996), консультант Совета по международным отношениям и Трехсторонней комиссии.

Кокс Роберт, руководитель Манчестерского колледжа Оксфордского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Кокс Эдвард, член Совета по международным отношениям (1994).

Колберт Ричард, владелец «Колберт Телевижн» (1995), член Мирового Форума (1995).

Колберт Эвелин, член Совета по международным отношениям (1994).

Колби Вилльям, директор ЦРУ, член Совета по международным отношениям (1994).

Колби Джонатан, член Совета по международным отношениям (1994).

Колвуд Кевин, член Совета по международным отношениям (1994).

Колер Хорст, президент «Дойче Шпаркассен унд Giroverband» (Бонн, Германия), член Трехсторонней комиссии (1994).

Колер Яарл, президент Финской федерации лесной промышленности, член Бильдербергского клуба (1994).

Колин Маркс, вице-президент организации «Поиск общего основания», член Мирового Форума (1996).

Колладо Роберт, председатель правления корпорации «АТТ», член Трехсторонней комиссии (1994).

Колланан Том, руководитель программ Института Фетцера, член Мирового Форума (1996).

Коллесано Стивен, директор Американской международной группы Корпорации научных исследований и разработок (1995), член Мирового Форума (1995).

Коллиер Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Коллинз Джозеф, председатель «Тайм Варнер Кейбл», член Совета по международным отношениям (1994).

Коллинз Паула, член Совета по международным отношениям (1994).

Колодзей Эдвард, профессор политических наук Иллинойского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Коломб Бертран, председатель «Лафарг Коппес» (Франция), член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Коломбо Умберто, министр высшего образования и науки (Италия), член Трехсторонней комиссии (1994).

Колонна ди Палиано Дон Гвидо, князь, председатель «Ла Ринаскенте», член Бильдербергского клуба (1994).

Колтей Стивен, член Совета по международным отношениям (1994).

Колфилд Матью, директор Морского корпуса США, член Совета по международным отношениям (1994).

Кольт Джордж, член Совета по международным отношениям (1994).

Комбс Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Комптон Джеймс, президент Фонда Комптона (1995), член Мирового Форума (1995).

Комсток Фил, член Совета по международным отношениям (1994).

Конвей Джил, президент «Смит колледж», член Совета по международным отношениям (1994).

Кондон Джозеф, вице-президент корпорации «Комбашн Инженеринг Интернэшнл Сейлс», член Совета по международным отношениям (1994).

Кондрэк Мортон, издатель «Рол Кол», член Совета по международным отношениям (1994).

Коннолли Джеральд, совладелец фирмы «Кварлс энд Брейди», член Совета по международным отношениям (1994).

Коннор Джозеф, совладелец фирмы «Прайс Вотерхаус энд К°», член Совета по международным отношениям (1994).

Коннор Джон, совладелец фирмы «Силлс, Куммис, Радин...», член Совета по международным отношениям (1994).

Конроу Ричард, сенатор Республики Ирландия, председатель правления «АРКОН», член Трехсторонней комиссии (1994).

Консидайн Джилл, член Совета по международным отношениям (1994).

Констебль Памела, член Совета по международным отношениям (1994).

Конштам Макс, президент Европейского универсального института (Флоренция), член Бильдербергского клуба (1994).

Коппер Гилмар, председатель правления Немецкого бундесбанка (Германия), член Бильдербергского клуба (1994).

Корб Лауренс, член Совета по международным отношениям (1994).

Корбонский Анджей, член Совета по международным отношениям (1994).

Корнелиус Вейн, член Совета по международным отношениям (1994).

Корри Эдвард, член Совета по международным отношениям (1994).

Корриган Е. Джеральд, председатель правления корпорации «Голдман Закс», президент Федерального резервного банка (Нью-Йорк), директор Совета по международным отношениям, член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Корриган Кевин, член Совета по международным отношениям (1994).

Кортевег Питер, президент «Робеко груп» (Нидерланды), почетный казначей Бильдербергского клуба.

Кортинес Рамон, руководитель Управления образования города Нью-Йорка, член Бильдербергского клуба (1994).

Кортрайт Давид, директор Четвертого Форума свободы, член Мирового Форума (1995).

Кос Рахми, председатель правления «Кос холдинг» (Турция), член Бильдербергского клуба (1994).

Косай Ютака, президент японского Центра экономических исследований, член Трехсторонней комиссии (1994).

Котари Прадип, директор промышленной корпорации «Котари» (1995), член Мирового Форума (1995).

Котбауер Макс, заместитель председателя правления «Кредитанштальт-Банкверейн» (Австрия), член Бильдербергского клуба (1994).

Котеча Махеш, вице-президент корпорации «Кэпитал Маркет Эншуранс», член Совета по международным отношениям (1994).

Котлер Арнольд, президент Сообщества разумной жизни (1995), член Мирового Форума (1995).

Котт Сюзанн, член Совета по международным отношениям (1994).

Котта Элейн, профессор экономики Парижского университета, член Трехсторонней комиссии (1994).

Коттер Вилльям, президент Колби-колледж, член Совета по международным отношениям (1994).

Котти Флавио, федеральный канцлер Швейцарии, член Бильдербергского клуба (1994).

Коул Джоннетта, президент Спелмэн-колледж, директор корпорации «Кока-кола», член Совета по международным отношениям (1994).

Коулмэн Вилльям, министр транспорта США, член Совета Брукингского института, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Коулмэн Джеймс, попечитель Хадсоновского института, член Трехсторонней комиссии (1994).

Коулс Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Коулс Изабель, член Совета по международным отношениям (1994).

Коун Сидни, совладелец фирмы «Клеарли, Готтлиб, Стин энд Гамильтон», член Совета по международным отношениям (1994).

Коффей Джозеф, профессор Питсбургского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Коффей Шелби, издатель «Лос-Анджелес таймс», член Совета по международным отношениям (1994).

Коханов Рафаэль, президент Фонда «Кволити энд Партисипейшн» (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Кохей Петер, член Совета по международным отношениям (1994).

Коч Венди, член Совета по международным отношениям (1994).

Кочрэн Барбара, член Совета по международным отношениям (1994).

Краар Луи, член Совета по международным отношениям (1994).

Крадок Перси, посол Великобритании в Китае, член Бильдербергского клуба (1994).

Крайл Джордж, член Совета по международным отношениям (1994).

Крамер Джейн, писатель, сотрудник «Нью-Йоркер мэгэзин», член Совета по международным отношениям (1994).

Крамер Лилиан, совладелец фирмы «Симпсон, Тэчер энд Барлетт» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Крамер Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Крамер Марк Натан, сотрудник Административно-бюджетного управления при президенте США, член Совета по международным отношениям (1994).

Крамер Стивен, член Совета по международным отношениям (1994).

Крамер Хелен, член Совета по международным отношениям (1994).

Краненбург Хендрик, член Совета по международным отношениям (1994).

Краснер Стивен, член Совета по международным отношениям (1994).

Красно Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Краус Клиффорд, член Совета по международным отношениям (1994).

Краус Лауренс, член Совета по международным отношениям (1994).

Краутхаммер Чарльз, обозреватель «Вашингтон пост», член Совета по международным отношениям (1994).

Крейсберг Пол, член Фонда Карнеги, директор Совета по международным отношениям.

Крепон Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Крепс Джуанита, министр торговли США, директор Совета по международным отношениям.

Кригер Давид, президент Фонда мира ядерного века, член Мирового Форума (1996).

Кристиансон Жерильд, член Совета по международным отношениям (1994).

Кристман Уолтер, член Совета по международным отношениям (1994).

Кристмэн Даниель, член Совета по международным отношениям (1994).

Кристодолу Эвфимиос, министр экономики Греции, член Бильдербергского клуба (1994).

Кристол Ирвинг, главный редактор «Паблик Интерест мэгэзин», член Совета по международным отношениям (1994).

Кристофер Уоррен, госсекретарь США, председатель «Карнеги корпорейшн оф Нью-Йорк», член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Кристофф Сандро, специальный помощник президента США по Совету национальной безопасности, член Совета по международным отношениям (1994).

Крисэл Лестер, продюсер «Пи-ви-си-ти-ви», член Совета по международным отношениям (1994).

Криттенден Анна, член Совета по международным отношениям (1994).

Кришер Бернард, главный редактор «Джапан Авеню» (Япония), член Совета по международным отношениям (1994).

Кроер Алекс, председатель правления химического концерна «Циба-Гейги» (Швейцария), член Бильдербергского клуба (1994).

Крокер Честер, председатель Института мира США, член Совета по международным отношениям (1994).

Кромвель Аделаида, профессор Бостонского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Кронин Одри Курт, член Совета по международным отношениям (1994).

Кросс Девон, член Совета по международным отношениям (1994).

Кросс Джун Виктория, продюсер «Фронлайн стейшн», член Совета по международным отношениям (1994).

Кросс Сэм, член Совета по международным отношениям (1994).

Кроу Вилльям, председатель объединенных начальников штабов США, посол США в Великобритании, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Кроу Питер, декан Джорджтаунского университета, член Бильдербергского клуба (1994).

Крофорд Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Крузель Джозеф, помощник министра обороны США по делам Европы и НАТО, член Совета по международным отношениям (1994).

Крэвис Генри, совладелец фирмы «Кольберг Крэвис Робертс», член Брукингского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Крэнстон Алан, сенатор США (1969—1993), член Совета по международным отношениям (1994), председатель директората Мирового Форума.

Крэнстон Ким, член Мирового Форума (1995, 1996).

Крэхэн Маргарет, член Совета по международным отношениям (1994).

Крюгер Анна, член Совета по международным отношениям (1994).

Крюдениер Давид, председатель правления «Коулс Медиа», член Совета по международным отношениям (1994).

Ку Шарлотта, член Совета по международным отношениям (1994).

Куба де, Хосе, член Совета по международным отношениям (1994).

Кубарич Роджер, член Совета по международным отношениям (1994).

Кубби Стив, издатель «Альпин Уорлд онлайн», член Мирового Форума (1996).

Кубишь Джек, член Совета по международным отношениям (1994).

Кувалдин Виктор, член Фонда Горбачева (Россия), член Мирового Форума (1996).

Кук Говард, член Совета по международным отношениям (1994).

Кук Гудвин, профессор Сиракузского университета (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Кук Гэри, член Совета по международным отношениям (1994).

Кук Джон, член Совета Центра международной политики и Совета по международным отношениям (1994).

Кук Дональд, дипломатический корреспондент газеты «Лос-Анджелес таймс», член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Кук Франс, посол США в Камеруне, член Совета по международным отношениям (1994).

Кулвер Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Кулидж Николас, член Совета по международным отношениям (1994).

Куллум Ли, член Совета по международным отношениям (1994).

Кумб Джордж, вице-президент «Бэнк оф Америка» (Сан-Франциско), член Совета по международным отношениям (1994).

Кумбс Филип, член Совета по международным отношениям (1994).

Куммиски Фрэнк, член Совета по международным отношениям (1994).

Кун Джейн, член Совета по международным отношениям (1994).

Куни Джон, председатель исполнительного комитета «Чилдренс Ти-Ви», член директората корпораций «Джонсон энд Джонсон» и «Ксерокс», член Совета по международным отношениям (1994).

Кунигольм Брюс, член Совета по международным отношениям (1994).

Кунтштадтер Джеральдин, член Совета по международным отношениям (1994).

Кунц Карол, член Совета по международным отношениям (1994).

Куомо Керри, член Совета по международным отношениям (1994).

Куомо Марио, губернатор Нью-Йорка, член Совета по международным отношениям (1994).

Купер Джон, член Совета Центра международной политики, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Купер Керри, член Совета по международным отношениям (1994).

Купер Ричард, профессор Гарвардского университета, заместитель госсекретаря США, руководитель «Куперфанд», директор Совета по международным отношениям (1994), член Бильдербергского клуба (1994), Трехсторонней комиссии (1994) и Мирового Форума (1996).

Купер Чарльз, член Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Купер Честер, член Совета по международным отношениям (1994).

Купперман Роберт, член Совета Лос-Аламосской лаборатории, член Совета по международным отношениям (1994).

Купчан Чарльз, член Совета национальной безопасности США, член Совета по международным отношениям (1994).

Курран Р. Т., президент Ассоциации международной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Курри Дональд, председатель правления корпорации «Дженерал инструментс» (Чикаго), член Бильдербергского клуба (1994).

Курри Малкольм, председатель правления корпорации «Хьюджес Эркрафт» (производство ракет военного назначения), член Совета по международным отношениям (1994).

Курт Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Куртис Джеральд, профессор Колумбийского университета, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Куртней Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Курцер Даниель, помощник госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994).

Кусукава Тору, председатель правления Института Фудзи Ресерч, член Трехсторонней комиссии (1994).

Кутлер В. Боумэн, заместитель помощника президента США по экономической политике, член Совета по международным отношениям (1994).

Кутлер Ллойд, советник президента Клинтона, член Совета Центра национальной политики и Совета по международным отношениям (1994).

Кутлер Уолтер, посол США в Тунисе и Саудовской Аравии, член Совета по международным отношениям (1994).

Кутчинс Алисон, член Совета по международным отношениям (1994).

Кхури Никола Наджиб, профессор Рокфеллеровского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Кэмпбелл Весли, советник Гуверовского института (Станфорд, США), член Совета по международным отношениям (1994).

Кэмпбелл Дж., директор Совета по международным отношениям.

Кэмпбелл Колин, президент фонда «Рокфеллер бразерз», член Совета по международным отношениям (1994).

Кэмпбелл Кристина, президент «Кристина Кэмпбелл и К°», член Мирового Форума (1996).

Кэмпбелл Курт, консультант Центра международного политического развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Кэмпс Мириам, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Кэнделл Джонатан, член Совета по международным отношениям (1994).

Кэннон Джейм, член Совета по международным отношениям (1994).

Кэнэл Карлос, член Совета по международным отношениям (1994).

Кэрролл Дж. Снид, совладелец фирмы «Клеарли, Готтлиб, Стин энд Гамильтон», член Совета по международным отношениям (1994).

Кюм Яутака, председатель правления корпорации «Ниссан мотор», член Трехсторонней комиссии (1994).

Кюци Таци, председатель «Мицубиси электрик Америка», член Мирового Форума (1996), член Бильдербергского клуба (1994), Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Ла Мальфа Джорджио, профессор Миланского государственного университета, член Бильдербергского клуба (1994).

Лабер Джерри, член Совета по международным отношениям (1994).

Лабрескью Томас, председатель правления «Чейз Манхэттен Бэнк», член правления Брукингского института и Совета по международным отношениям (1994).

Лавджой Томас, председатель «Манхэттен Лайф Иншурэнс» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Лавентоль Давид Абрам, главный редактор «Лос-Анджелес таймс», член Совета по международным отношениям (1994).

Лавлас Джон, председатель «Кэпитал ресерч энд менеджмент», член Совета по международным отношениям (1994).

Ладнер Джойс, вице-президент Центра национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Лазарус Стивен, член Совета по международным отношениям (1994).

Лайел Катерин, президент Висконсинского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Лайнг Мартин, председатель фирмы «Джон Лейнг» (Лондон), член Трехсторонней комиссии (1994).

Лайонс Джеймс, президент издательства «Литлфилд паблиш», член Совета по международным отношениям (1994).

Лайонс Джен, профессор Дартмаутского колледжа, член Совета по международным отношениям (1994).

Лайонс Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Лайт Тимоти, профессор Мичиганского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Лайткотт Джордж, член Совета по международным отношениям (1994).

Лак Эдвард, президент Американской ассоциации ООН, член Совета по международным отношениям (1994).

Ламб Денис, член Совета по международным отношениям (1994).

Ламберт, барон, председатель правления финансово-промышленной компании «Брюссель Ламберт» (Бельгия), член Бильдербергского клуба (1994).

Ламбет Бенджамин, член Совета по международным отношениям (1994).

Ламбсдорф Отто, граф, член германского бундестага, председатель Свободной демократической партии Германии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Ламли Вирджиния, член Совета по международным отношениям (1994).

Ламм Дональд, председатель правления фирмы «В. В. Нортон энд К°», член Совета по международным отношениям (1994).

Ламонт Лансинг, член Совета Американского общества, член Совета по международным отношениям (1994).

Лангдон Джордж, президент Американского музея естественной истории (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Ландау Джордж, посол США в Парагвае, Чили и Венесуэле, член Совета по международным отношениям (1994).

Ландау Кристофер, член Совета по международным отношениям (1994).

Ландерс Джеймс, редактор «Даллас Морнинг Ньюс», член Совета по международным отношениям (1994).

Ланди Джоан, член Совета по международным отношениям (1994).

Ланей Джеймс, президент Университета Эмори, директор корпорации «Кока-кола», член Совета по международным отношениям (1994).

Ланир Сидни, один из руководителей секты дианетики и Фонда эволюции сознания, член Мирового Форума (1995).

Ланкастер Кэрол, заместитель директора госдепартамента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Ланснер Кермит Ирвин, главный редактор журнала «Финансовый мир», член Совета по международным отношениям (1994).

Ланштейн Манфред, член правления корпорации «Бертельсманн АГ», член Трехсторонней комиссии (1994).

Лапаломбара Джозеф, профессор политических наук Йельского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Лапгам Левис, главный редактор «Харперс мэгэзин», член Совета по международным отношениям (1994).

Лапидус Гайл, член Совета по международным отношениям (1994).

Лараби Стефен, член Совета по международным отношениям (1994).

Лари Хэл, член Совета по международным отношениям (1994).

Ларре Рене, директор Банка международных расчетов, член Бильдербергского клуба (1994).

Ларсон Чарльз, президент Исторической ассоциации передовой науки и технологии, член Совета по международным отношениям (1994).

Ларссон Стиг, президент и генеральный директор Шведских железных дорог, член Бильдербергского клуба (1994).

Латиф Ноель, член Совета по международным отношениям (1994).

Лау Глория, вице-президент «Чарльз Шваб энд К°», член Мирового Форума (1996).

Лаудер Леонард, президент «Эсти Лаудер», член Совета по международным отношениям (1994).

Лаудицина Пол, член Совета по международным отношениям (1994).

Лаук Курт, вице-председатель автомобильной корпорации «Ауди» (Германия), член Бильдербергского клуба (1994).

Лафетра Сюзанн, руководительница Фонда Лафетра, член Мирового Форума (1996).

Лебедь Александр, генерал, губернатор Красноярского края (1998), руководитель движения «Третья сила», участник совещания Совета по международным отношениям (1996).

Леветт Майкл, президент Корпуса гражданской демократии (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Леви Арриго, политический обозреватель «Коррьере делла сера» (Рим), член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Леви Вальтер, советник по нефти Университета Джона Гопкинса, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Леви Ланг Андре (второй), председатель правления банка «Парибас», член Бильдербергского клуба (1994).

Леви Ланг Андре, председатель правления финансовой компании «Парибас» (Париж), член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Леви Марион, член Совета по международным отношениям (1994).

Леви Рейнольд, вице-президент корпорации «АТТ» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Левивельд Артур, раввин синагоги «Феермонт Тэмпл» (Кливленд), член Совета по международным отношениям (1994).

Левин Джеральд, председатель правления «Тайм Варнер» (Нью-Йорк), член Трехсторонней комиссии (1994).

Левин Ирвинг Раскин, руководитель экономического отдела Эн-би-си (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Левин Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Левин Мел, член Совета по международным отношениям (1994).

Левин Сюзан, заместитель министра финансов США, член Совета по международным отношениям (1994).

Левинсон Марк, член Совета по международным отношениям (1994).

Левис В. Волкер, президент корпорации «Авон продактс», член Совета по международным отношениям (1994).

Левис Джон Вильсон, профессор политических наук Корнуэльского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Левис Джон, конгрессмен от штата Джорджия, член Совета по международным отношениям (1994).

Левис Клиффорд, член Совета по международным отношениям (1994).

Левис Самуэль, директор управления политического планирования госдепартамента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Левис Стивен, президент Карлетон-колледж, попечитель Фонда Карнеги, член Совета по международным отношениям (1994).

Левис Флора, обозреватель «Нью-Йорк таймс» в Париже, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Левис Элиз, помощник секретаря Совета по иностранным связям, член Совета по международным отношениям (1994).

Левитас Митчел, редактор «Нью-Йорк таймс», член Совета по международным отношениям (1994).

Легвольд Роберт, член Совета Центра международной политики, попечитель Фонда Карнеги, член Совета по международным отношениям (1994).

Легхорм Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Ледди Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Ледерберг Джошуа, вице-председатель Консультативного совета по вопросам техники при президенте США, директор Совета по международным отношениям (с 1989).

Ледерер Иво, член Совета по международным отношениям (1994).

Лейзен Андре, председатель правления «Агфа Геваерт» (Антверпен), председатель правления «Хапаг», член Трехсторонней комиссии (1994).

Лейк Антони, помощник президента США по Совету национальной безопасности, член Совета по международным отношениям (1994).

Лейк Вилльям, финансовый советник мэрии Нью-Йорка, член Совета по международным отношениям (1994).

Лейн Дениз, президент «Американ Транситек», член Мирового Форума (1996).

Лейн Кристофер, член Совета Института Като, член Совета по международным отношениям (1994).

Лейн Чарльз, член Совета по международным отношениям (1994).

Лейпсон Эллен, член Совета по международным отношениям (1994).

Лейстер Клаус, член правления банка «Вестдойче ландесбанк гироценталь» (Германия), член Трехсторонней комиссии (1994).

Лейх Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Леланд Марк, член совета «Гордон П. Гетти Траст» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Лелуш Пьер, член Национального собрания Франции, член Трехсторонней комиссии (1994).

Лемелль Вилберт, президент «Фелпс-Стокс Фанд», попечитель Фонда Карнеги, член Совета по международным отношениям (1994).

Лемелль Тилден, президент Городского университета Нью-Йорка, член Совета по международным отношениям (1994).

Лемперт Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Лензен Луис, член Совета по международным отношениям (1994).

Леогранд Вилльям, директор журнала «Мировая политика», член Совета по международным отношениям (1994).

Леонард Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Леон Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Леонард Джеймс Д., член Совета по международным отношениям (1994).

Лепренс-Ренке Луи, член Французской академии, член Бильдербергского клуба (1994).

Лесказ Ли, редактор иностранного раздела «Уолл-стрит джорнэл», член Совета по международным отношениям (1994).

Лессер Ян, член Совета по международным отношениям (1994).

Лефевер Эрнест, член Совета Центра этической и общественной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Лехман Джон, председатель правления фирмы «Д. Ф. Лехман энд К°» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Лехман Орин, член Совета Центра международной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Лехман Рональд (второй), член Совета по международным отношениям (1994).

Лехрер Джим, главный редактор телекомпании Ри-ви-эс, член Совета по международным отношениям (1994).

Леш Анна, член Совета по международным отношениям (1994).

Ли Виктор, член Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Ли Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Ли Вилльямс Алан, член Британского парламента, директор Британской атлантической комиссии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Ли Джанет, член Совета по международным отношениям (1994).

Ли Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Ли Леман, член Совета по международным отношениям (1994).

Ли Эрнест, член Совета по международным отношениям (1994).

Либби И. Левис, член Совета по международным отношениям (1994).

Либер Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Либерман Генри, член Совета по международным отношениям (1994).

Либерман Джозеф, сенатор от штата Коннектикут, член Совета по международным отношениям (1994).

Либерман Нэнси, член Совета по международным отношениям (1994).

Либерталь Кеннет, член Совета по международным отношениям (1994).

Ливанели Зулфу, драматург, член Международного координационного совета Мирового Форума.

Ливингстон Роберт, член Советов Центров международной политики и национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Лившиц Александр, министр финансов РФ (1996—1997), консультант Трехсторонней комиссии.

Лиддон Марта, руководитель фонда «Семь Источников» (1995), член Мирового Форума (1995).

Лидоу Эрик, председатель правления «Интернэшнл Ректифер», член Мирового Форума (1995).

Лики Ричард, директор Службы животного мира (1990—1994, Кения), член Совета при председателях Мирового Форума.

Лилиенталь Салли, член Совета по международным отношениям (1994).

Лиман Принстон Натан, директор Бюро по делам беженцев госдепартамента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Лиман Ричард, президент Станфордского университета, директор корпорации «ИБМ», член Совета по международным отношениям (1994).

Линд Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Линдквист Уоррен, член Совета по международным отношениям (1994).

Линдкольм Малоу, член Европейского парламента, член Мирового Форума (1996).

Линдсей Джон, юридический советник фирмы «Мадже, Роз, Гутри, Александер энд Фердон», член Совета по международным отношениям (1994).

Линдсей Джордж, юридический советник фирмы «Дебевуа энд Плимптон» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Линдсей Роберт, директор Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Линдсей Франклин, член исполнительного комитета Национального бюро экономических исследований, член

Бильдербергского клуба (1994), член Совета по международным отношениям (1994).

Линк Майлс, член Совета по международным отношениям (1994).

Линк Троланд, член Совета по международным отношениям (1994).

Линкольн Эдвард, член Совета по международным отношениям (1994).

Линн Джеймс, советник «Лазард Фререс», член Совета по международным отношениям (1994).

Линн Лоренс, директор Центра городских ресурсов и политических исследований Чикагского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Линн-Джонс Син, член Совета по международным отношениям (1994).

Линовес Давид, профессор Иллинойского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Линовиц Сол, юридический советник фирмы «Кудерт бразерс», председатель правления «Ксерокс интернэшнл», член Совета по международным отношениям (1994).

Линч Эдвард, казначей «ИТТ Европа» (Брюссель), член Совета по международным отношениям (1994).

Лиотар-Фогт Пьер, председатель правления «Нестле Алиментана» (Швейцария), член Бильдербергского клуба (1994).

Липпер Кеннет, председатель правления «Аналитической службы Липпера», член Совета по международным отношениям (1994).

Липсет Сеймор, член Совета Гуверовского института Станфордского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Липски Сет, член Совета по международным отношениям (1994).

Липскомб Томас, член Совета по международным отношениям (1994).

Липсон Леон, член Совета по международным отношениям (1994).

Лиссакерс Карин, член Совета Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Литл Давид, член Института мира (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Лиу Пегги, президент «Канала А», член Мирового Форума (1996).

Лиф Луи, дипломатический корреспондент «Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт», член Совета по международным отношениям (1994).

Лифферс Вилльям, вице-председатель правления корпорации «Цианамид Интернэшнл», член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Лихтблау Джон, председатель Ассоциации независимых нефтяных исследований, член Совета по международным отношениям (1994).

Лихтенштейн Цинтия, член Совета по международным отношениям (1994).

Лич Джейм, конгрессмен от штата Айова, член Трехсторонней комиссии (1994).

Ллевеллин Брюс, председатель корпорации «Кока-кола Воттлинг» (Филадельфия, США), член Совета по международным отношениям (1994).

Ллойд Анна, директор Комитета 200, член Мирового Форума (1996).

Ллоними Яаакко, посол Финляндии в США, директор Совета экономических организаций (Финляндия), член Бильдербергского клуба (1994).

Ллуна Карлос, директор «Никса Карибиан Холдингс», член Мирового Форума (1995).

Ловдаль Рэндэл, член Совета по международным отношениям (1994).

Ловенталь Абрам, директор Центра международных исследований, член Совета Центра национальной политики и Совета по международным отношениям (1994).

Ловенфельд Андреас, профессор права Нью-Йоркского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Ловенштейн Джеймс, посол США в Люксембурге, член Совета по международным отношениям (1994).

Ловинс Амори, вице-президент Института Рокки Маунтин, член Мирового Форума (1995).

Ловрей Деннис, член Совета по международным отношениям (1994).

Логан Фрэнсис, совладелец фирмы «Милбэнк, Твид, Хедли энд Маклой», член Совета по международным отношениям (1994).

Лодаль Джэн, член издательского совета Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Лодж Джордж, попечитель Фонда Карнеги, профессор Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Лоеб Джон Лангелот, вице-председатель корпорации «Лоеб Партнерс» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Лоеб Маршалл, редактор журнала «Тайм», член Совета по международным отношениям (1994).

Лоеб Франс Леман, член Совета по международным отношениям (1994).

Лозано Игнацио, член Совета по международным отношениям (1994).

Лоингер Филип, член Совета по международным отношениям (1994).

Лой Фрэнк, президент Фонда Маршалла, член Совета национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Локвуд Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Лол Бетти, член Совета по международным отношениям (1994).

Лолор Лиам, член правления «Айриш Дейл» и Трехсторонней комиссии (1994).

Лонг Джеффри, член Совета по международным отношениям (1994).

Лонг Диксон, член Совета по международным отношениям (1994).

Лонгстрет Томас, помощник министра обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Лорд Бетт Бао, член Совета по международным отношениям (1994).

Лорд Винстон, помощник секретаря госдепартамента США, член Бильдербергского клуба (1994), Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Лорена Инмакулада, член Совета по международным отношениям (1994).

Лоренс Ричард, директор Агентства по защите окружающей среды США, член Совета по международным отношениям (1994).

Лорк Карл, директор «Элкем-Спигерверкет» (Норвегия), член Бильдербергского клуба (1994).

Лорэнжер Дональд, член Совета по международным отношениям (1994).

Лосон Юджин, первый вице-президент Экспортно-импортного банка США, член Совета по международным отношениям (1994).

Лоу Стефан, президент Ассоциации дипломатических исследований, член Совета по международным отношениям (1994).

Лубберс Рууд, премьер-министр Нидерландов (1982—1994), член Бильдербергского клуба (1994), сопредседатель Мирового Форума.

Лубин Нэнси, член Совета по международным отношениям (1994).

Лубман Стэнли, совладелец фирмы «Телен, Меррин энд Бриджес», член Совета по международным отношениям (1994).

Луис Виллььям, руководитель факультета Техасского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Лукас Пейн, директор Совета международного развития, член Совета Центра национальной политики и Совета по международным отношениям (1994).

Лукин Владимир, посол России в США (1992), консультант Совета по международным отношениям (1994).

Лумис Генри, попечитель Смитсонианского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Лундваль Бьерн, президент «Телефон А. Б. Л. М. Эриксон» (Швеция), член Бильдербергского клуба (1994).

Лунц Йозеф, генеральный секретарь НАТО, член Бильдербергского клуба (1994).

Лустик Яан, член Совета по международным отношениям (1994).

Луттвак Эдвард, председатель Джорджтаунского университета, Центр стратегических и международных исследований, член Совета по международным отношениям (1994).

Льюис Бернард, профессор Принстонского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Лэмптон Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Лэчэрир де, **Марк**, председатель правления «Фималак», член Бильдербергского клуба (1994).

Люерс Вилльям, президент Метрополитен музея искусств, член Совета по международным отношениям (1994).

Люк Джон, президент корпорации «Веставако», член Совета по международным отношениям (1994).

Люс Чарльз, советник «Метрополитен Лайф Иншурэнс», член Совета по международным отношениям (1994).

Люси Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Ма Кристофер, член Совета по международным отношениям (1994).

Маас Сис, член Совета Международной нидерландской группы (страхование), Амстердам, член Трехсторонней комиссии (1994).

Магован Петер, директор корпорации «Крайслер», член Совета по международным отношениям (1994).

Маджид Хан Анес, директор фонда «Суеда Анеса Есена», член Международного координационного совета Мирового Форума.

Маджуир Джон, председатель Центра социальных изменений, член Совета по международным отношениям (1994).

Мадрид Артуро, член Совета по международным отношениям (1994).

Мадхвани Манубай, председатель «Индеко гГруп», член Мирового Форума (1995).

Маёси Масая, президент Японской федерации экономических организаций, член Трехсторонней комиссии (1994).

Мазар Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Мазин Майкл, совладелец фирмы «О'Мелвени энд Мейерс» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Мазур Джей, президент Международного женского университета, член Совета по международным отношениям (1994), член Трехсторонней комиссии (1994).

Майерсон Тоби, секретарь Японского общества, член Совета по международным отношениям (1994).

Майлс Эдвард, член Совета по международным отношениям (1994).

Макартур Дуглас (второй), член Совета по международным отношениям (1994).

Макафи Гейдж, член Совета по международным отношениям (1994).

Макгенри Дональд, представитель США в ООН, член Совета Фонда Карнеги, директор корпорации «Кока-кола», член Совета по международным отношениям (1994).

Макги Джордж, нефтепромышленник, руководитель корпорации «Макги продакшн», член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Макгилликуда Джон, председатель правления «Кемикл Бэнк Корпорейшн», директор корпорации «Тексако», член Совета по международным отношениям (1994).

Макгиферт Давид, совладелец фирмы «Ковингтон энд Бурлинг» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Макговерн Джордж, сенатор от Южной Дакоты, член Совета по международным отношениям (1994).

Макголдрик Линда, директор «Файнэншл Хелф Ассошиэйтс» (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Макграф Эжен, президент корпорации «Консолидейтед Эдисон» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Макгрегор Яан, член Совета по международным отношениям (1994).

Макгуир Раймонд, член Совета по международным отношениям (1994).

Макдональд Алонсо, председатель «Авенир груп», член Совета по международным отношениям (1994).

Макдональд Билльям, совладелец «Макмилан, Бинч», член Бильдербергского клуба (1994).

Макдональд Гордон, профессор Калифорнийского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Макдональд Майкл, руководитель Фонда Куп, член Мирового Форума (1996).

Макдоноу Билльям, декан Вирджинского университета, член Мирового Форума (1996).

Макдоноу Билльям, президент «Фед» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Макдоугал Гей, член Совета по международным отношениям (1994).

Макдоугал Майрс, член Совета по международным отношениям (1994).

Макихара Минору, президент корпорации «Мицубиси», член Трехсторонней комиссии (1994).

Макканн Эдвард, руководитель инвестиционно-банковского подразделения корпорации «Гамильтон энд Квист» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Маккарди Дейв, член конгресса США от Оклахомы, член Совета по международным отношениям (1994).

Маккарти Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Маккарти Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Макквейд Лоренс, вице-председатель фонда «Пруденталмьютьюел» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Маккей Дон, президент «Инглиш плюс», член Мирового Форума (1996).

Маккена Фрэнк, премьер провинции Нью-Брунсвик (Канада), член Бильдербергского клуба (1994).

Маккини Роберт, председатель «Нью Мексикан», член Совета по международным отношениям (1994).

Макклой Джон, главнокомандующий войсками США в Европе, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Макковен Алан, член Совета по международным отношениям (1994).

Маккол Карл, член Совета по международным отношениям (1994).

Маккол Нью, президент «Нейшнсбэнк корпорейшн», член Трехсторонней комиссии (1994).

Макколоу Петер, директор корпорации «Ксерокс», директор и казначей Совета по международным отношениям.

Маккоу Дональд, член Совета по международным отношениям (1994).

Маккоун Давид, один из руководителей «Бэнк оф Америка», член Мирового Форума (1995—1996).

Маккоун Джордж, предприниматель, член Международного координационного совета Мирового Форума.

Маккоун Карен, основатель «Нового центра обучения» (1997), член Сан-Францисского комитета Мирового Форума.

Маккракен Пол, профессор Мичиганского университета, член Бильдербергского клуба (1994) и член Совета по международным отношениям (1994).

Маклин Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Маклин Шейла, член Совета международного развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Маклоглин Давид, президент Аспен-института (Аспен, Колорадо), член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Маклори Брюс, президент Брукингского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Маклэрен Рой, министр внешней торговли Канады, член Бильдербергского клуба (1994), Трехсторонней комиссии (1994).

Макманус Джесон, издатель «Тайм Варнер», член Совета по международным отношениям (1994).

Макмиллан Витни, председатель «Каргилл», член Трехсторонней комиссии (1994).

Макнамара Роберт, министр обороны США, президент Всемирного банка, член Брукингского института, член Бильдербергского клуба (1994), Трехсторонней комиссии (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Макнейл Джон, советник Министерства обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Макнейл Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Мако Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Макомбер Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Макомбер Джон, президент Экспортно-импортного банка США, директор «Ксерокс», член Совета по международным отношениям (1994).

Макпик Мерилл, главнокомандующий военно-воздушными силами США, член Совета по международным отношениям (1994).

Максвелл Кеннет, член Совета по международным отношениям (1994).

Максудов Летиф, бывший советский посол, член Мирового Форума (1996).

Макфаркухар Родерик, член британского парламента, профессор Гарвардского университета, член Трехсторонней комиссии (1994).

Макфаркухар Эмили, член Совета по международным отношениям (1994).

Макфарлейн Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Макфейт Патриция, директор Центра переговоров по вопросам национальной безопасности, член Совета по международным отношениям (1994).

Макферсон Мелвилл, вице-президент финансовой корпорации «Бэнк Америка» (Сан-Диего), член Совета по международным отношениям (1994).

Макхейл Томас, член Совета по международным отношениям (1994).

Малек Фредерик, председатель «Тейер Кэпитал Партнерс», член Совета по международным отношениям (1994).

Малин Клемент, член Совета по международным отношениям (1994).

Маллери Ричард, член совета директоров «Снелл энд Вилмер» (Финикс, США), член Совета по международным отношениям (1994).

Малмгрен Гарольд, директор «Малмгрен, Голт, Кингстон, лтд» (Лондон), член Совета по международным отношениям (1994).

Малмгрен Карен, член Совета по международным отношениям (1994).

Малруни Брайан, премьер-министр Канады (1984—1993), член Мирового Форума (1995).

Малфатти Франко, министр просвещения Италии, член Бильдербергского клуба (1994).

Мандельбаум Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Манилов Левис, председатель Консультативной комиссии общественной дипломатии Информационного агентства США, член Совета по международным отношениям (1994).

Манка Мария, член Совета по международным отношениям (1994).

Манн Майкл, директор Комиссии Управления международных отношений, член Совета по международным отношениям (1994).

Манн Томас, член Совета Брукингского института и Совета по международным отношениям (1994).

Маннинг Бейлис, президент Совета по международным отношениям (1971—1977), член Совета по международным отношениям (1994).

Маранс Эжен, совладелец фирмы «Клири, Готтлиб, Стин энд Гамильтон», член Совета по международным отношениям (1994).

Марголис Давид Израель, председатель корпорации «Колтек индастрис», член Совета по международным отношениям (1994).

Мардер Мюррей, член Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Марк Ганс, профессор Техасского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Марк Грегори, член Совета по международным отношениям (1994).

Марк Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Марк Дельгадо Карлос, председатель Банка Марк (Мадрид), член Трехсторонней комиссии (1994).

Марковиц Джерри, директор «Монгомери секьюритис», член Мирового Форума (1995).

Маркс Антони, член Совета по международным отношениям (1994).

Маркс Леонард, председатель комиссии Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Маркс Пол, профессор Корнуэльского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Маркс Рассел, директор «Вебб, Джонсон энд Клеммер», член Совета по международным отношениям (1994).

Маркум Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Марлин Алиса, член Совета по международным отношениям (1994).

Мармор Теодор, член Совета по международным отношениям (1994).

Марр Феб, член Совета по международным отношениям (1994).

Маррон Дональд, руководитель «Пейн Веббер», член Совета по международным отношениям (1994).

Мартенс Вилфред, премьер-министр Бельгии, член Бильдербергского клуба (1994).

Мартин Билльям Мак, член совета Брукингского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Мартин Вилльям, вице-президент корпорации «Йеллоу Фрайт Систем», член Совета по международным отношениям (1994).

Мартин Даниель, член Совета по международным отношениям (1994).

Мартин Джозеф, канцлер Калифорнийского университета (Сан-Франциско), член Мирового Форума (1995).

Мартин Линн, министр труда США, член Совета по международным отношениям (1994).

Мартин Малкольм, член Совета по международным отношениям (1994).

Мартин Эдвин, член Совета международного развития, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Мартин-Браун Джоан, член Совета по международным отношениям (1994).

Мартинес Вильма, совладелец фирмы «Мунгер, Толлес энд Олсон», член Совета по международным отношениям (1994).

Мартинет Жиль, посол Франции, президент Ассоциации европейской комиссии по делам культуры (Париж), член Трехсторонней комиссии (1994).

Мартини Эбергард, президент Ассоциации немецких банков, член Трехсторонней комиссии (1994).

Мартинуцци Лео, председатель «Стратеджик дименшнс», член Совета по международным отношениям (1994).

Мартон Кати, член Совета по международным отношениям (1994).

Маршалл Андрю, директор управления Министерства обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Маршалл Антони, член Совета по международным отношениям (1994).

Маршалл Дейл, член Совета по международным отношениям (1994).

Маршалл Катерин, член Совета по международным отношениям (1994).

Маршалл Рей, член Совета Центра международной политики и Совета по международным отношениям (1994).

Маршалл Стивен, продюсер и директор «Канала Зероу», член Мирового Форума (1996).

Маршалл Чарльз, советник по вопросам политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Маски Эдмунд, председатель Центра национальной политики, директор Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Мастандуно Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Мастер Фред, председатель Фонда Горбачева (Нидерланды, 1997), член Совета по международным отношениям (1994), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Матеус Руи, председатель «Эмаудио Интернэшнл» (Лиссабон), член Трехсторонней комиссии (1994).

Матиас Чарльз, директор Совета по международным отношениям (1986—1992), член Совета Центра международного политического развития, Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Матис Бриан, член Совета по международным отношениям (1994).

Маттесон Виллььям, президент фирмы «Дебевуа энд Плимптон» (Париж), член Совета по международным отношениям (1994).

Маттисон Авон, президент организации «Путь к миру», член Мирового Форума (1996).

Маттокс Гейл, руководитель управления госдепартамента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Маттьюс Эжен, член Совета по международным отношениям (1994).

Матушка Ольбрехт, граф, председатель «Матушка груп» (Мюнхен), член Трехсторонней комиссии (1994).

Матью Джессика, обозреватель «Вашингтон», член Совета по международным отношениям (1994) и Мирового Форума (1995).

Матьюс Джессика, помощник госсекретаря США, попечитель Фонда Карнеги, член Совета по международным отношениям (1994).

Матьюс Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Маулль Ханна, директор Германского института иностранных дел (Бонн), член Трехсторонней комиссии (1994).

Махони Маргарет, президент Фонда Содружества, член Совета по международным отношениям (1994).

Махони Томас, член Совета по международным отношениям (1994).

Мацуи Роберт, член конгресса США от Калифорнии, член Совета по международным отношениям (1994).

Мацукава Миция, советник президента корпорации «Никко Секьюритис» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Мацумура Акио, основатель Глобального форума духовных и парламентских лидеров (1995), директор «Глобал Форум» (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума (1995).

Мацуока Сейдзи, председатель правления банка «Ниппон Кредит» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Мацуока Тама, член Совета по международным отношениям (1994).

Маэда Сёносуке, президент корпорации «Торей Индастрис» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Маядзава Кидзи, государственный деятель Японии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Маядзаки Идзаму, председатель Дайвского исследовательского института (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Мбеки Табо, вице-президент ЮАР, сопредседатель Мирового Форума.

Меерс Шарон, член Совета по международным отношениям (1994).

Меза-Лаго Кармело, профессор Питсбургского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Мезельсон Маттью, профессор биологии Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Мей Винсент, президент «АЕА Инвестор», член совета корпорации «Карнеги», член Совета по международным отношениям (1994).

Мей Эрнст, член Совета по международным отношениям (1994).

Мейер Джеральд, член Совета по международным отношениям (1994).

Мейер Джон, профессор экономики Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Мейер Карл, член издательского совета «Нью-Йорк таймс», член Совета по международным отношениям (1994).

Мейер Корд, член Совета по международным отношениям (1994).

Мейер Лоренс, член Совета по международным отношениям (1994).

Мейер Федерико, генеральный директор ЮНЕСКО, сопредседатель Мирового Форума.

Мейер Чарльз, профессор Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Мейер Эдвард, член Совета по международным отношениям (1994).

Мейерман Гарольд, член Совета по международным отношениям (1994).

Мейерсон Мартин, президент Пенсильванского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Мейер-Эверт Ганс, представитель Финансовых институтов европейского развития, член Мирового Форума (1996).

Мейкинс Кристофер, член Совета по международным отношениям (1994).

Мейли Диана, директор по развитию Мирового Форума.

Мейнард Эдвард, руководитель организации «Фор Уорлдс Интернэшнл», член Мирового Форума (1996).

Мейнс Чарльз, издатель журнала Фонда Карнеги «Форин полиси», член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Мейсен Питер, директор «Глобальной энергетической сети», член Мирового Форума (1995).

Мейси Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Мейси Сюзанн, член Совета по международным отношениям (1994).

Мейснер Дорис, комиссионер Министерства юстиции США, член Совета по международным отношениям (1994).

Мейснер Чарльз, помощник министра торговли США, член Совета по международным отношениям (1994).

Мейсон Элвис, член Совета по международным отношениям (1994).

Мейстер Ирен, член Совета по международным отношениям (1994).

Мейхью Алиса, член Совета по международным отношениям (1994).

Мелвилл Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Мелкинг Кристиан, член Совета по международным отношениям (1994).

Мелло Джуди, член Совета по международным отношениям (1994).

Меллоан Джордж, член Совета по международным отношениям (1994).

Мельткальф Джордж, член Совета по международным отношениям (1994).

Мендловитц Саул, профессор по изучению вопросов мира и мирового порядка Рутгеровской юридической школы, член Совета по международным отношениям (1994) и Мирового Форума (1995).

Менил де, **Джордж**, член Совета по международным отношениям (1994).

Менил де, **Луи**, член Совета по международным отношениям (1994).

Менке Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Мерзей Золтан, член Совета по международным отношениям (1994).

Мерлини Цезарь, председатель Института международных отношений (Рим), член Трехсторонней комиссии (1994).

Мерон Теодор, профессор Оксфордского университета (Англия), член Совета по международным отношениям (1994).

Мероу Джон, директор Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Меррилл Филип, издатель «Кэпитал-Газет коммьюникейшн» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Мерритт Джек, начальник объединенных начальников штабов Министерства обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Мерфи Билл, директор «Интернет Маркетинг Хьюлетт Паккард», член Мирового Форума (1996).

Мерфи Джозеф, профессор Городского университета Нью-Йорка, член Совета по международным отношениям (1994).

Мерфи Карил, корреспондент «Вашингтон пост» на Среднем Востоке (Каир), член Совета по международным отношениям (1994).

Мерфи Майкл, председатель Есалем институт, член Мирового Форума (1995).

Мерфи Ричард, советник Совета по международным отношениям, член Совета по международным отношениям (1994).

Мерфи Син Давид, помощник руководителя Бюро военно-политических проблем Министерства обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Мерфи Томас, председатель «Кэп. Ситис Эй-би-си», директор корпораций (попеременно) «ИБМ», «Джонсон и Джонсон», «Тексако», член Совета по международным отношениям (1994).

Месснер Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Меттлер Рубен, директор Совета по международным отношениям (1986—1992), член Совета по международным отношениям (1994).

Мехта Вед Паркаш, профессор Вассаровского колледжа, член Совета по международным отношениям (1994).

Мигхер Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Мид Дана Джордж, руководитель корпорации «Теннеко» (Хьюстон), член Совета по международным отношениям (1994).

Мидгли Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Мидгли Элизабет, член Совета по международным отношениям (1994).

Микелис Джани, министр иностранных дел Италии, член Бильдербергского клуба (1994).

Микелль Гвендолин, член Совета по международным отношениям (1994).

Микельсон Сиг, член совета Гуверовского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Микиевич Эллен, член совета Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Миллер Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Миллер Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Миллер Джозеф, председатель правления корпорации «Камминз инджин», член Совета по международным отношениям (1994).

Миллер Кристофер, член Совета по международным отношениям (1994).

Миллер Линда, профессор Веллеслейского колледжа, член Совета по международным отношениям (1994).

Миллер Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Миллер Марсия, член Совета по международным отношениям (1994).

Миллер Пол, генеральный инспектор Федерального управления по трудовым отношениям, член Совета по международным отношениям (1994).

Миллер Роберт, совладелец фирмы «Джеймс Вольфензон», член Совета по международным отношениям (1994).

Миллер Франклин, советник Министерства обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Миллер Чарльз, председатель правления корпорации «Авери Деннисон», член Совета по международным отношениям (1994).

Миллер Юдифь, член Совета по международным отношениям (1994).

Миллет Алан, член Совета по международным отношениям (1994).

Миллз Брэдфорд, председатель «Оверсис Прайвит Инвесторс», член Совета по международным отношениям (1994).

Миллз Сюзанн, член Совета по международным отношениям (1994).

Миллингтон Джон, вице-президент Совета по международным отношениям.

Милнер Хелен, член Совета по международным отношениям (1994).

Мин Нэнси-Энн, директор Административно-бюджетного управления при президенте США, член Совета по международным отношениям (1994).

Минов Ньютон, председатель корпорации «Карнеги» (Нью-Йорк), директор корпорации «Сара Ли», член Совета по международным отношениям (1994).

Мирволль Ол, член Норвежского парламента, член Бильдербергского клуба (1994).

Мирофуси Минору, президент корпорации «Итоцю» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Мисколл Джеймс, вице-президент «Бэнк оф Америка» (1997), член Сан-Францисского комитета Мирового Форума.

Митчелл Джордж Джон, сенатор США от штата Мэн, член Совета по международным отношениям (1994).

Митчелл Джордж, государственный защитник (Финикс, США), член Совета по международным отношениям (1994).

Митчелл Джордж, лидер большинства в Сенате США (1988—1994), член совета при председателях Мирового Форума.

Митчелл Жакелин, член Совета по международным отношениям (1994).

Михэли Джон, председатель «Михэли интернэшнл» (Канада), член Совета по международным отношениям (1994).

Мо Шервуд, член Совета по международным отношениям (1994).

Моги Ядзабуро, вице-президент корпорации «Киккоман» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Мозес Альфред, совладелец фирмы «Ковингтон энд Бурлинг» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Мойер Джейн, президент компании «Тартан инвестмент», член Мирового Форума (1996).

Мойерс Билл, директор «Паблик Афферс Ти-Ви», директор Совета по международным отношениям.

Мойниган Даниель, сенатор от Нью-Йорка, член Совета по международным отношениям (1994).

Монако Даниель, второй вице-президент Международной ассоциации юристов (1995), член Мирового Форума (1995).

Монбриаль Тьери, директор Французского института международных отношений, член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Мондейл Вальтер, посол США в Японии, член Бильдербергского клуба (1994), Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Монжардино Карлос, президент «Фундакао Ориенте» (Португалия), член Бильдербергского клуба (1994).

Моннир Клод, издатель «Журналь де Женев» (Швейцария), член Бильдербергского клуба (1994).

Монро Гюнтер, член Совета по международным отношениям (1994).

Монро Джордж, председатель правления корпорации «Фелпс додж», член Совета по международным отношениям (1994).

Монсод Солита, профессор экономики Филиппинского университета, член Мирового Форума (1996).

Монтгомери Паркер, член палаты торговых представителей США, член Совета по международным отношениям (1994).

Монтгомери Филип, член Совета по международным отношениям (1994).

Монти Марио, ректор Миланского университета (Боккони), член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Морали Вероника, организатор от Франции совещаний Бильдербергского клуба в 1991—1992 годах.

Моран Теодор, советник госдепартамента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Морган Билл, руководитель «Масс продакшнс», член Мирового Форума (1995).

Морган Вилли, издатель «Экономист ньюспейпер», член Мирового Форума (1995).

Морган Роберт, президент «Совета растущих компаний», член Мирового Форума (1995).

Морган Тед, председатель правления «Интернет груп», член Мирового Форума (1996).

Морган Томас, член Совета по международным отношениям (1994).

Моргентау Лусинда Л. Фрэнкс, член Совета по международным отношениям (1994).

Морей Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Морей Маура, руководитель компании «РВМ Менеджмент», член Мирового Форума (1996).

Морехаус Давид, директор корпорации «Паравью», член Мирового Форума (1995).

Морикава Тосио, президент банка «Сумитомо» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Морито Акио, председатель правления корпорации «Сони» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Морли Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Моррелл Жен, вице-председатель «Петро Юнайтед Терминалс» (Хьюстон, США), член Совета по международным отношениям (1994).

Моррис Бейли, член Совета по международным отношениям (1994).

Моррис Джозеф, президент Канадского рабочего конгресса, член Бильдербергского клуба (1994).

Моррис Макс, член Совета по международным отношениям (1994).

Моррис Милтон, член Совета по международным отношениям (1994).

Моррисетт Ллойд, член Совета по международным отношениям (1994).

Морс Брэдфорд, заместитель секретаря ООН, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Морс Кеннет, председатель «Стандард Реджистер» (Дейтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Морс Эдвард, член Совета по международным отношениям (1994).

Мортон Джон, член совета директоров Института индивидуального и международного мира, член Мирового Форума (1995).

Мосеттиг Майкл, продюсер ПБС ТВ, член Совета по международным отношениям (1994).

Москоу Кеннет, член Совета по международным отношениям (1994).

Мосс Амбер, декан Майамского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Мосс Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Мотамеди Камрон, президент американского издательства «Пало Альто», член Мирового Форума (1995).

Мотамеди Синтия, вице-президент американского издательства «Пало Альто», член Мирового Форума (1995).

Мотли Джоель, член Совета по международным отношениям (1994).

Мотоно Мориуки, член совета корпорации «Номура секьюритис» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Моттахеде Рой, член Совета по международным отношениям (1994).

Мотульский Дан, член Совета по международным отношениям (1994).

Моушли-Вейсс Гарриетт, президент организации «Стратегия века», член Международного координационного совета Мирового Форума.

Моцицуки Кици, член Совета по международным отношениям (1994).

Мошкович Милтон, писатель, член Мирового Форума (1996).

Мроц Джон, президент Института исследований «Восток—Запад», член Совета по международным отношениям (1994).

Мудд Маргарет, член Совета по международным отношениям (1994).

Муди Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Муди Джим, член Совета по международным отношениям (1994).

Мужаль Леон, член Совета по международным отношениям (1994).

Муз Джордж, представитель США в Совете Безопасности ООН, член Совета по международным отношениям (1994).

Муз Ричард, заместитель госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994).

Мук Джойс, член Совета по международным отношениям (1994).

Мукаибо Такаси, председатель Японского атомного форума, президент Токийского университета, член Трехсторонней комиссии (1994).

Мулфорд Давид, вице-председатель «Си-Эс Ферст Бостон», член Совета по международным отношениям (1994).

Мулхолланд Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Мунгер Эдвин, профессор политической географии Калифорнийского технологического института, член Совета по международным отношениям (1994).

Мунди Карл, командующий Морским корпусом США, член Совета по международным отношениям (1994).

Мунте Пребен, профессор Университета Осло (Норвегия), советник Норвежского Нобелевского института, член Трехсторонней комиссии (1994).

Муньян Винтроп, член Совета по международным отношениям (1994).

Мур Джон Нортон, председатель Американского института мира, профессор права Джорджтаунского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Мур Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Мур Джонатан, член группы представителей США в ООН, член Совета Фонда Карнеги за международный мир и Совета по международным отношениям (1994).

Мур Пол, епископ (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Мураз Жиро, совладелец фирмы «Марк энд Мураз», член Трехсторонней комиссии (1994).

Мурманн Клаус, председатель Ассоциации германских рабочих и служащих, член Трехсторонней комиссии (1994).

Мусслевайт Бентон, президент организации «Сейчас мир един», член Мирового Форума (1995).

Мэтлок Джек, посол США в СССР, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Мюз Марта, председатель фонда «Тинкер», член Совета по международным отношениям (1994).

Мюллер Генри, директор журнала «Тайм», член Совета Корпорации Карнеги и Совета по международным отношениям (1994).

Мюллер Роберт, руководитель Института Мира ООН, основатель «мюллеровских школ», член Международного координационного совета Мирового Форума, один из инициаторов создания Организации Объединенных Религий.

Мюллер Стивен, член Совета по международным отношениям (1994).

Мюллер Чарльз, член Бильдербергского клуба (1994).

Мюррей Аллен, председатель корпорации «Мобил ойл», член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Мюррей Дуглас, член Совета международного развития и Совета по международным отношениям (1994).

Мюррей Лори Эспозито, член Совета по международным отношениям (1994).

Наваб Александер, член Совета по международным отношениям (1994).

Нагай Йоносуке, профессор Университета Аояма Гакуин, член Трехсторонней комиссии (1994).

Нагорский Эндрю, член Совета по международным отношениям (1994).

Нагорский Зигмунд, член Совета по международным отношениям (1994).

Надельман Этан, директор «Линдесмит центер», член Мирового Форума (1995).

Надири Исхак, профессор Нью-Йоркского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Нажар Митри, член Совета по международным отношениям (1994).

Най Джозеф, председатель Национального интеллектуального совета, член Совета Центра национальной политики, член Бильдербергского клуба (1994), Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Найт Эндрю, председатель «Ньюс Интернэшнл» (Великобритания), член Бильдербергского клуба (1994).

Найт Джесси, член Совета по международным отношениям (1994).

Найт Роберт, директор Банка национального лидерства, член Совета по международным отношениям (1994).

Накамура Канео, советник Индустриального банка Японии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Накамура Тосио, советник банка «Мицубиси», член Трехсторонней комиссии (1994).

Накасонэ Ясахиро, премьер-министр Японии (1982—1987), член Трехсторонней комиссии, сопредседатель Мирового Форума.

Накасуе Эици, государственный деятель Японии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Накахара Нобуюки, председатель правления корпорации «Тонен» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Наки Мохамед, председатель «Кувейт индастриз», член Мирового Форума (1995).

Намкунг К. А., член Совета по международным отношениям (1994).

Наржес Карл-Гейнц, вице-президент Комиссии Европейского сообщества, член Трехсторонней комиссии (1994).

Нарудзо Морисиге, член палаты советников японского правительства, член Мирового Форума (1996).

Наср Сейед, профессор исламских наук Института Д. Вашингтона, член Мирового Форума (1996).

Натан Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Натт Тед, член Совета по международным отношениям (1994).

Нау Генри, член Совета по международным отношениям (1994).

Нахманов Арнольд, член Совета по международным отношениям (1994).

Нахт Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Нгат Хань Ти, глава вьетнамских буддистов, член Совета при председателях Мирового Форума.

Негропонт Джон, посол США в Мексике, член Совета по международным отношениям (1994).

Неер Клер, руководитель Международного института Эй-си-си, член Мирового Форума (1995).

Ней Эдвард, посол США в Канаде, директор Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Нейер А., адъюнкт-профессор Нью-Йоркского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Нейлор Розамонд, член Совета по международным отношениям (1994).

Нейсбитт Джон, писатель, футуролог, член Совета при председателях Мирового Форума.

Нейссер Генрих, член австрийского парламента, член Трехсторонней комиссии (1994).

Нельсон Даниель, член Совета по международным отношениям (1994).

Нельсон Джек, шеф вашингтонского бюро «Л. А. Таймс», член Совета по международным отношениям (1994).

Нельсон Марк, член Совета по международным отношениям (1994).

Нельсон Марлин, член Совета международного развития и Совета по международным отношениям (1994).

Немцов Борис, вице-премьер правительства РФ (1995—1998), консультант Трехсторонней комиссии.

Неннеман Ричард, шеф-издатель «Крисчен сайенс монитор», член Совета по международным отношениям (1994).

Ниаркос Ставрос, судовладелец, глава «Ниаркос груп» (Греция), член Бильдербергского клуба (1994).

Николас Н. Дж., директор корпорации «Ксерокс», член Совета по международным отношениям (1994).

Николс Родни, член Совета по международным отношениям (1994).

Никольсон Джеми, член Совета по международным отношениям (1994).

Никс Кристал, специальный помощник госсекретаря США по юридическим вопросам, член Совета по международным отношениям (1994).

Никсон Эдвин, заместитель председателя «Нэшнл вестминстер бэнк» (Лондон), член Трехсторонней комиссии (1994).

Нильсен Вальдемар, член Совета по международным отношениям (1994).

Нильссон Кеннет, член Совета по международным отношениям (1994).

Нимец Маттью, совладелец фирмы «Пол, Вейс, Ривкин, Вартон энд Гарретт», член Совета по международным отношениям (1994).

Ниренберг Клаудиа, член Совета по международным отношениям (1994).

Нисихара Масаси, директор Академии национальной обороны Министерства обороны Японии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Нитце Вилльям, президент Альянса сохранения энергии (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Нитце Пол, советник по иностранной политике президентов США Трумэна, Эйзенхауэра, Никсона, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Нихусс Джон, помощник госсекретаря США по международным монетарным вопросам, член Совета по международным отношениям (1994).

Нихусс Розмари, директор Ассоциации иностранной политики, член Ассоциации Киссинджера, член Совета по международным отношениям (1994).

Новак Майкл, обозреватель журнала «Форбс», член Совета по международным отношениям (1994).

Новиски Маргарет, член Совета по международным отношениям (1994).

Ногуци Теруо, председатель правления корпорации «Коа ойл» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Ноир Мишель, мэр г. Лиона (Франция), член Бильдербергского клуба (1994).

Нойхтерлейн Джеффри, член Совета по международным отношениям (1994).

Нойштадт Ричард, профессор Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Нолан Джейн, член Совета по международным отношениям (1994).

Нолан Кимберли, член Совета по международным отношениям (1994).

Нолте Ричард, генеральный партнер фирмы «Вашбург Айлен Рес. Л. П.», член Совета по международным отношениям (1994).

Нолтон Вилльям, представитель американской армии в НАТО, член Совета по международным отношениям (1994).

Нолтон Винтроп, член Совета по международным отношениям (1994).

Норман Вилльям, вице-президент «АМТРАК» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Норрингтон Хэмфри, вице-председатель «Барклейс Бэнк» (Лондон), член Трехсторонней комиссии (1994).

Нортон Аугустус, профессор Бостонского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Нортон Элинор, член конгресса США, член Совета по международным отношениям (1994).

Нортроп Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Нутер Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Ньюбург Андре, генеральный консул Европейского банка реконструкции и развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Ньюель Барбара, попечитель Фонда Карнеги, советник Министерства труда США по Флориде, член Совета по международным отношениям (1994).

Ньюман Прицилла, член Совета по международным отношениям (1994).

Ньюман Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Ньюсом Давид, профессор международных отношений Джорджтаунского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Ньютон Квиг, член Совета по международным отношениям (1994).

Ньюхаус Джон, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Нэш Марк, экономический советник «Фор Дирекшн Интернэшнл», член Мирового Форума (1996).

Нюгент Вальтер, профессор Университета Нотр-Дам, член Совета по международным отношениям (1994).

Обердорфер Дон, автор «Вашингтон пост», член Совета по международным отношениям (1994).

Обермейер Артур, президент телекомпании «Восток—Запад», член Мирового Форума (1995).

Обермейер Юдифь, председатель Американской ассоциации занятых за собственный счет, член Мирового Форума (1996).

О'Бриен Деннис, член Совета по международным отношениям (1994).

Овен Вилльям, заместитель главнокомандующего военно-морскими операциями Министерства обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Овен Генри, член совета Брукингского института, член совета Центра международной политики, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Овен Лорд, сопредседатель Комиссии Европейского экономического сообщества, член Трехсторонней комиссии (1994).

Овен Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Оверхолстер Женева, член Совета по международным отношениям (1994).

Огасавара Тосяки, издатель «Джапан таймс», президент корпорации «Нифко», член Трехсторонней комиссии (1994).

Огата Садако, верховный комиссар ООН по делам беженцев, член Трехсторонней комиссии (1994).

Огата Сидзуро, советник «Ямахи секьюритис» (Токио), член Трехсторонней комиссии (1994).

Огден Альфред, советник «Ребоул, Макмерфи, Нювет, Мейнара энд Кристоф», член Совета по международным отношениям (1994).

Огден Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Оглетри Терри, президент «Энтерджи Интерпрайзес», член Мирового Форума (1995).

Оддссон Давид, мэр Рейкьявика (Исландия), председатель Независимой партии, член Бильдербергского клуба (1994).

Одель Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Один Филип, член Совета по международным отношениям (1994).

Одом Вилльям, президент корпорации «Форд моторс», член Совета по международным отношениям (1994).

О'Доннелл Антони, председатель правления корпорации «Хоум ойл» (Канада), член Бильдербергского клуба (1994).

О'Доннелл Кевин, председатель правления корпорации «СИФКО индустрис», член Совета по международным отношениям (1994).

Озери Тугай, заместитель министра иностранных дел Турции, член Бильдербергского клуба (1994).

Озмер-Макквейд Маргарет, вице-президент Совета по международным отношениям.

Окавара Йосио, советник «Кейданрен», член Трехсторонней комиссии (1994).

Окано Мицуоси, президент банка Сарага, член Трехсторонней комиссии (1994).

О'Клерикан Карол, член Совета по международным отношениям (1994).

О'Коннелл Мери, член Совета по международным отношениям (1994).

О'Коннор Вальтер, член Совета по международным отношениям (1994).

О'Коннор Сандра, член Верховного суда США, член Совета по международным отношениям (1994).

Оксенберг Майкл, президент Центра «Восток—Запад», член Совета Центра национальной политики, Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Оксман Стивен, помощник госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994).

Окснан Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Окумара Ариёси, президент «ИБДВ Эссет менеджмент», член Трехсторонней комиссии (1994).

Окун Герберт, посол США в Югославии, член Совета по международным отношениям (1994).

Олбрайт Алиса Патерсон, США, член Совета по международным отношениям (1994).

Олбрайт Арчи, руководитель корпорации «Экоджен» (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Олбрайт Мадлен, посол США в ООН, президент Центра международной политики, госсекретарь США (1997), член Совета по международным отношениям (1994).

Олбритон Джо, председатель правления «Риггс АП Бэнк» (Лондон), член Совета по международным отношениям (1994).

Олвей Ли, член Совета по международным отношениям (1994).

Олдрич Джордж, США, член Совета по международным отношениям (1994).

Олеховский Анджей, министр иностранных дел Польши, член Бильдербергского клуба (1994).

Олива Лоренс, президент Нью-Йоркского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Оливер Ковей, член Совета по международным отношениям (1994).

Оливер Эприл, член Совета по международным отношениям (1994).

Оливетти Роберто, президент корпорации «Семикондуттори» (Италия), член Бильдербергского клуба (1994).

Оллила Иорма, президент корпорации «Нокиа» (Финляндия), член Бильдербергского клуба (1994).

Олмо Фрэнк, заместитель главного редактора «Лос-Анджелес таймс», член Совета по международным отношениям (1994).

Олсон Виллььям, профессор Американского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Ольдерман Майкл, руководитель факультета медицинского колледжа им. Альберта Эйнштейна (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Ольмстед Майкл, президент «Ю-эс-эй продакшнс», член Мирового Форума (1995).

Ольмстед Сесил, член правления «Етепто энд Джонсон», член Совета по международным отношениям (1994).

Ольсен Лиф, член Совета по международным отношениям (1994).

Ольсен Молли, директор Президентского совета по вопросам поддерживаемого развития, член Мирового Форума (1995).

О'Маллей Кормак, член Совета по международным отношениям (1994).

Омстад Томас, издатель «Форин полиси» Фонда Карнеги, член Совета по международным отношениям (1994).

Ондатджи Элизабет, член Совета по международным отношениям (1994).

О'Нейл Джон, президент Калифорнийской школы профессиональной психологии, член Мирового Форума (1995).

О'Нейл Джон, президент Центра обновления руководства (1997), член директората Мирового Форума.

О'Нейл Майкл, вице-президент «Нью-Йорк дейли ньюс», член Совета по международным отношениям (1994).

Оно Хисако, президент корпорации «Пастел», член Мирового Форума (1996).

Оорт Конрад, нидерландский банкир, почетный казначей Бильдербергского клуба.

Опель Джон, директор корпорации «ИБМ», член Совета по международным отношениям (1994).

Оппенгеймер Майкл, вице-президент «Фьючерс груп», член Совета по международным отношениям (1994).

Оппенгеймер Рид, президент «Олив Бранч», член Мирового Форума (1996).

Оппенгеймер Франц, совладелец фирмы «Форт энд Шлейфер» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Орлинс Стивен, член Совета по международным отношениям (1994).

Орнштейн Норман, член совета Американского института предпринимательства (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Осборн Джордж, член Совета по международным отношениям (1994).

Осборн Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Оснос Петер, вице-президент издательства «Рэндом хаус трейд букс», член Совета по международным отношениям (1994).

Оснос Сюзанн, член Совета по международным отношениям (1994).

Оспиц Джосиа, член Совета по международным отношениям (1994).

Остерандер Тейлор, член Совета по международным отношениям (1994).

Отунбаева Роза, министр иностранных дел Киргизской республики (1997), член Совета при председателях Мирового Форума.

Оукли Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Оукс Джон Дж., член Совета по международным отношениям (1994).

Оукс Джон, издатель «Нью-Йорк таймс», член Совета по международным отношениям (1994).

О'Флахерти Даниель, член Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Оффит Морис, президент «Оффит бэнк», член совета Брукингского института, член Совета по международным отношениям (1994).

О'Хара Джозеф, президент Фордхамского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Охреншаль Роберт, председатель фирмы «Аддисон Дизайн» (1997), член Сан-Францисского комитета Мирового Форума.

О'Шонесси Элиз, член Совета по международным отношениям (1994).

Оэттингер Антони, член совета Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Пай Аугуст, президент Южного методистского университета (Даллас), член Совета по международным отношениям (1994).

Пай Лукиан, профессор политических наук Массачусетского политехнического института, директор Совета по международным отношениям.

Пайк Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Пайл Кассандра, член Совета по международным отношениям (1994).

Пайл Кеннет, профессор Университета Вашингтона (Сиэтл), член Совета по международным отношениям (1994).

Пайпс Даниель, директор Научно-исследовательского института иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Пайпс Ричард, профессор истории Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Пайрес Джон, эксперт Европейского парламента, член Мирового Форума (1996).

Паккард Давид, председатель совета директоров Фонда Давида и Люси Паккардов, член Мирового Форума (1995).

Паккард Джордж, декан Университета Джона Гопкинса, член Совета по международным отношениям (1994).

Пакула Ханна, член Совета по международным отношениям (1994).

Палашенко Павел, член Фонда Горбачева, член Мирового Форума (1996).

Паллизер Майкл, вице-председатель «Самуэль Монтегю», член Трехсторонней комиссии (1994).

Палмер Мартин, директор Международного консультативного учреждения по вопросам религии, образования и культуры, член Международного координационного совета Мирового Форума, член Совета по международным отношениям (1994).

Палоцоло Джил, руководитель организации «Тейлвиндс», член Мирового Форума (1996).

Пальме Олаф, премьер-министр Швеции, член Бильдербергского клуба (1994).

Пальмер Марк, член Совета по международным отношениям (1994).

Пальмер Норман, член издательского совета «Глобал фьючерс дайджест», член Совета по международным отношениям (1994).

Пальмер Рональд, посол США в Малайзии, член Совета по международным отношениям (1994).

Пальмири Виктор, руководитель корпорации «Мьютьюел Лайф Иншурэнс», член Совета по международным отношениям (1994).

Панич Милан, бывший премьер-министр Югославии, председатель правления Фармацевтической корпорации (США), член Мирового Форума (1996).

Пановский Вольфганг, директор Станфордского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Парих Яагдиш, директор фирмы «Ли энд Мучбред», (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Паркер Баррингтон, член Совета по международным отношениям (1994).

Паркер Жесон, член Совета по международным отношениям (1994).

Паркер Мейнард, издатель журнала «Ньюсвик», член Совета по международным отношениям (1994).

Паркинсон Роджер, член Совета по международным отношениям (1994).

Парский Джеральд, председатель правления «Аврора Кэпитал Партнерс», член Совета по международным отношениям (1994).

Парсонс Ричард, председатель правления банка «Дайм Сейвинг Бэнк эв Нью-Йорк», член Совета по международным отношениям (1994).

Партридж Воринг, вице-президент одного из отделений корпорации «АТТ», член Мирового Форума (1996).

Партридж Джулия, вице-президент одного из отделений корпорации «АТТ», член Мирового Форума (1996).

Пассер-Муслин Джульет, член Совета по международным отношениям (1994).

Пассин Герберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Патель Арвинд, председатель правления корпорации «Орикс теknолоджи», член Мирового Форума (1996).

Патрик Хью, член Совета по международным отношениям (1994).

Патрикс Эрнст, советник руководителя Федерально-резервной системы (Федеральный резервный банк Нью-Йорка), член Совета по международным отношениям (1994).

Паттерсон Бернис, председатель «Маккензи Паттерсон» (1997), член Сан-Францисского комитета Мирового Форума (1996).

Паттерсон Гарднер, член Совета по международным отношениям (1994).

Паттерсон Пэт, президент «Маккензи Паттерсон» (1997), член Сан-Францисского комитета Мирового Форума (1996).

Паттерсон Хью, член Совета по международным отношениям (1994).

Паттисон Джеймс, президент «Джим Паттисон Груп» (Канада, Ванкувер), член Трехсторонней комиссии (1994).

Паукер Гай, член Совета по международным отношениям (1994).

Паульсон Тим, директор рекламного отдела по Западному побережью США журнала «Экономист», член Мирового Форума (1995).

Пауэл Колин, председатель объединения начальников штабов США, член Совета по международным отношениям (1994).

Пауэр Филип, член Совета по международным отношениям (1994).

Пауэрс Вилльям, директор по науке корпорации «Форд моторс», член Совета по международным отношениям (1994).

Пауэрс Томас, издатель журнала «Атлантик мэгэзин», член Совета по международным отношениям (1994).

Педерсен Ричард, директор университета «Калифорния Поли Понома», член Совета по международным отношениям (1994).

Педерсон Рена, член Совета по международным отношениям (1994).

Пейн Джордж, (второй), член Совета по международным отношениям (1994).

Пейн Дональд, конгрессмен из Нью-Джерси, член Совета по международным отношениям (1994).

Пейс Абрам, профессор Рокфеллеровского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Пелл Клейборн, сенатор от Род-Айленда, член Совета по международным отношениям (1994).

Пеллетру Роберт, посол США в Египте и Тунисе, член Совета по международным отношениям (1994).

Пена Вера Джейм, директор по общественным и международным связям «Эль Универсал», член Мирового Форума (1996).

Пенфилд Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Пенциас Арно, вице-президент по науке корпорации «АТТ Белл лабороториз», член Мирового Форума (1995).

Перец Антонио, член Совета по международным отношениям (1994).

Перец Дон, член Совета по международным отношениям (1994).

Перкинс Джеймс, директор Совета по международным отношениям, член Совета зарубежного развития, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Перкинс Джордж, президент «Файнэншл Маркетинг систем», член Бильдербергского клуба (1994).

Перкинс Розвел, совладелец фирмы «Дебевуа энд Плимптон», член Совета по международным отношениям (1994).

Перкинс Эдвард, директор по кадрам госдепартамента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Перл Ричард, член совета Американского института предпринимательства, директор международной организации «Инфинит Поссибилитис», член Мирового Форума (1995) и Совета по международным отношениям (1994).

Перлман Жанис, член Совета по международным отношениям (1994).

Пермуттер Амос, член Совета по международным отношениям (1994).

Перри Майкл, председатель правления корпорации «Юнилевер» (Лондон), член Трехсторонней комиссии (1994).

Перси Чарльз, президент Фонда Харири, член Совета по международным отношениям (1994).

Песмацоглу Джон, управляющий Банком Греции, член Бильдербергского клуба (1994).

Петерс Артур, президент «А. К. Петерс», член Совета по международным отношениям (1994).

Петерс Аулана, директор корпорации «Мобил ойл», член Совета по международным отношениям (1994).

Петерсен Говард, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Петерсен Холли, член Совета по международным отношениям (1994).

Петерсен Эрик, член Совета по международным отношениям (1994).

Петерсон Петер, председатель правления «Блэстоун груп», руководитель «Конкорд коул», председатель Совета по международным отношениям.

Петерсон Пол, президент корпорации «Мейер интернейшнл», член Мирового Форума (1995).

Петерсон Рудольф, председатель корпорации «Банкамерика», член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Петри Ричард Дж., член Совета по международным отношениям (1994).

Петри Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Петри Томас, конгрессмен от штата Висконсин, член Совета по международным отношениям (1994).

Петти Джон, председатель «Федерал Нэшнл Пейеблс» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Петтибон Петер, совладелец фирмы «Лорд Дей энд Лорд, Барретт Смит», член Совета по международным отношениям (1994).

Петчек Стефен, член Совета по международным отношениям (1994).

Пецулло Лоренс, специальный представитель госдепартамента США на Гаити, член Совета по международным отношениям (1994).

Пиготт Мацео Натаниель, президент корпорации «Интернэйшнл Ресорсес Эксчейндж», член Трехсторонней комиссии (1994).

Пиготт Чарльз, директор корпораций «Боинг» и «Шеврон», член Совета по международным отношениям (1994).

Пизеник Стив, член Совета по международным отношениям (1994).

Пикер Гарвей, член Совета по международным отношениям (1994).

Пиккеринг Томас, посол США в России (1994), член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Пиллинг Дональд, директор отделения Министерства обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Пиллиод Чарльз, член Совета по международным отношениям (1994).

Пиль Джеральд, председатель «Сайнтифик Америка», член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Пимента Карлос, госсекретарь Португалии, член Европейского парламента, член Совета по международным отношениям (1994).

Пиндер Джин, член Совета по международным отношениям (1994).

Пинкертон Стюарт, член Совета по международным отношениям (1994).

Пинкус Вальтер, национальный репортер «Вашингтон пост».

Пинкус Лайонель, член совета Брукингского института, председатель правления «Варбург, Пинкус энд К°», член Совета по международным отношениям (1994).

Пино Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Пинто Бальземао Франциско, премьер-министр Португалии, председатель правления «СИК», член Трехсторонней комиссии (1994).

Пинхо Лидио, председатель правления «Колеп» (Лиссабон), член Трехсторонней комиссии (1994).

Пиоре Эмануэль, профессор Рокфеллеровского университета, член Бильдербергского клуба (1994).

Пирелли Альберто, совладелец и директор фирмы «Пирелли энд К°» (Милан), член Бильдербергского клуба (1994).

Пирелли Леопольдо, совладелец фирмы «Пирелли энд К°», член Бильдербергского клуба (1994).

Пирлстайн Норман, президент «Фриди холдинг», член Совета по международным отношениям (1994).

Пирс Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Пирс Пончитта, директор Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Пирси Джордж, член Совета по международным отношениям (1994).

Пирсон Джеффри, член Совета по международным отношениям (1994).

Пирсон Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Питс Джо, член Совета по международным отношениям (1994).

Пифер Алан, вице-президент Фонда Карнеги для усовершенствования в обучении, член Совета по международным отношениям (1994).

Пламбридж Робин, председатель правления «Голд Филдс майнинг», член Мирового Форума (1996).

Планк Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Платт Алан, член Совета по международным отношениям (1994).

Платт Александер, член Совета по международным отношениям (1994).

Платт Николас, посол США в Пакистане, член Совета по международным отношениям (1994).

Плимптон Калвин, профессор Штатного университета Нью-Йорка, член Совета по международным отношениям (1994).

Пог Ричард, совладелец фирмы «Джонс, Дей, Ривис энд Пог», член Совета по международным отношениям (1994).

Подгорец Норман, шеф-издатель «Комментэри», член Совета по международным отношениям (1994).

Позвар Весли, попечитель Фонда Карнеги, президент Питсбурского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Позен Варри, член Совета по международным отношениям (1994).

Познер Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Покалико Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Пол Карл, президент Германского бундесбанка, член Бильдербергского клуба (1994).

Пол Рональд, главный юрисконсульт корпорации «Хоумет», член Совета по международным отношениям (1994).

Полани Джон, профессор Торонтского университета (Канада), член Бильдербергского клуба (1994).

Полк Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Поллак Джеральд, профессор финансов Университета Мира (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Полсби Нейлсон, член Советов Центра международной политики и Центра национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Понд Элизабет, член Совета по международным отношениям (1994).

Понеман Дэниель, специальный помощник президента США по контролю над экспортом, член Совета по международным отношениям (1994).

Понто Иорген, председатель правления банка «Дрезднер банк А. Г.», член Бильдербергского клуба (1994).

Попов Гавриил, мэр Москвы (1991), консультант Трехсторонней комиссии и Совета по международным отношениям.

Попов Фрэнк, председатель правления корпорации «Доу Кемикл», член Совета по международным отношениям (1994).

Портес Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Порцесански Артур, член Совета по международным отношениям (1994).

Поттер Вилльям, директор исследовательского центра Монетарного института международных исследований, член Мирового Форума (1996).

Поттер Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Прагер Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Прайдуа Джон, председатель правления банка «Нэшнл Вестминстер Бэнк» (Лондон), член Бильдербергского клуба (1994).

Прайс Даниель, заместитель генерального консула торговых представителей США, член Совета по международным отношениям (1994).

Прайс Джеффри, член Совета по международным отношениям (1994).

Прайс Джон, директор корпорации «Кемикэл Бэнк», член Совета по международным отношениям (1994).

Прайс Дональд, профессор Гарвардского университета, член Бильдербергского клуба (1994).

Прайс Хью, вице-президент Фонда Рокфеллера, член Совета по международным отношениям (1994).

Превитт Кеннет, вице-президент Фонда Рокфеллера, член Совета по международным отношениям (1994).

Пресс Фрэнк, президент Национальной академии наук, член Совета по международным отношениям (1994).

Пресслер Ларри, сенатор от Дакоты, член Совета по международным отношениям (1994).

Престон Левис, президент Международного банка реконструкции и развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Прехт Генри, член Совета по международным отношениям (1994).

Примаков Евгений, руководитель внешней разведки России (1991—1996), министр иностранных дел (1996), председатель правительства РФ (1998), консультант Совета по международным отношениям и Трехсторонней комиссии.

Пуг Ричард, юрисконсульт фирмы «Клеарли, Готтлиб, Стин энд Гамильтон», член Совета по международным отношениям (1994).

Пуджель Джорди, президент «Генералитат де Каталунья» (Испания), член Бильдербергского клуба (1994).

Пуккетт Аллен, член Совета по международным отношениям (1994).

Пул Маргарита, член Совета по международным отношениям (1994).

Пури Давид, председатель «Браун Бовери», сопредседатель Эй-би-би, член Бильдербергского клуба (1994).

Пурсель Сюзан, вице-президент «Американского общества», член Совета по международным отношениям (1994).

Пурсли Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Пуси Натан, член Совета по международным отношениям (1994).

Пустей Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Путнам Роберт, директор Гарвардского университета, председатель корпорации «Леви Страус», член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Пучала Дональд, член Совета по международным отношениям (1994).

Пфальцграф Роберт, президент Института иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Пфейффер Джейн, председатель правления Эн-би-си, член Совета по международным отношениям (1994).

Пфейффер Ральф, член Совета по международным отношениям (1994).

Пфейффер Стивен, руководитель международного департамента «Фулбрайт энд Яворский», член Совета по международным отношениям (1994).

Пьер Андрю, член Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Пьер фон, Генрих, председатель правления корпорации «Сименс», член Трехсторонней комиссии (1994).

Рабин Ли (Шлоссберг), вдова премьер-министра Израиля И. Рабина (1992—1995), сопредседатель Мирового Форума.

Рабин Том, президент информационой корпорации «Фокус Медиа» (1997), член директората Мирового Форума.

Рабинович Александер, член Совета по международным отношениям (1994).

Рабинович Виктор, член Совета по международным отношениям (1994).

Равенал Седерик, президент «Амес Ассошиейтс» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Равенхольт Альберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Равер Дэн, руководитель телекомпании Си-би-эс (Вечерние новости), член Совета по международным отношениям (1994).

Равженс Джордж, профессор политических наук Массачусетского технологического института, член Совета по международным отношениям (1994).

Равич Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Рагон Давид, президент Западного исследовательского университета (Кливленд), член Совета по международным отношениям (1994).

Радемейкер Стивен, член палаты представителей США, член Совета по международным отношениям (1994).

Райкенс Пол, нидерландский банкир, казначей Бильдербергского клуба.

Раймон Жан-Бернар, член Национального собрания Франции, министр иностранных дел Франции, член Бильдербергского клуба (1994).

Райнлэндер Джон, совладелец фирмы «Шоу, Питтман, Поттс энд Троубридж», член Совета по международным отношениям (1994).

Райнсмит Стивен, президент «Райнсмит энд Ассошиейтс» (1997), член Совета по международным отношениям (1994) и Международного координационного совета Мирового Форума.

Райс Джозеф, председатель правления банка «Ирвин бэнк корпорейшн», член Совета по международным отношениям (1994).

Райс Дональд, командующий военной авиацией США, президент корпорации «Темдайн», член Совета по международным отношениям (1994).

Райс Кондолецца, директор корпорации «Шеврон», один из руководителей Станфордского университета, член совета Корпорации Карнеги, член Совета по международным отношениям (1994).

Райс Сюзанн, директор отделения Совета национальной безопасности при президенте США, член Совета по международным отношениям (1994).

Райт Джиллиан, руководитель организации «Глобал Вижн Нетворк», член Мирового Форума (1996).

Райт Патрик, заместитель госсекретаря США, член Бильдербергского клуба (1994).

Райт Робин, корреспондент «Лос-Анджелес таймс», член Совета по международным отношениям (1994).

Райт-Кароцца Паоло, член Совета по международным отношениям (1994).

Райу К. С., директор «Нагаржуна Ферталайзерс энд Кемикл» (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Райян Джон (третий), президент «Майн Сейфти Эпплайенсес», член Совета по международным отношениям (1994).

Райян Джон Джр., член Совета по международным отношениям (1994).

Ракеш Сид, президент корпорации «Метроленд», член Мирового Форума (1996).

Ральф Риган Элизабет, член Совета по международным отношениям (1994).

Рамирес Лилия, член Совета по международным отношениям (1994).

Рамирес Пилар, вице-президент Центра продвижения экономических инициатив, член Мирового Форума (1995).

Рамирес-Окампо Августо, специальный советник генерального директора ЮНЕСКО, член Мирового Форума (1995).

Рамо Симон, консультант по инженерным вопросам, член Совета по международным отношениям (1994).

Рамфорс Бо, директор скандинавского банка «Энсклида» (Стокгольм), член Бильдербергского клуба (1994).

Рангель Чарльз, конгрессмен от штата Нью-Йорк, член Трехсторонней комиссии (1994).

Ранис Густав, профессор международной экономики Йельского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Раск Дин, секретарь госдепартамента США, член Советов Центра международной политики и Центра национальной политики, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Рассель Томас, председатель правления «Америкэн брейк шоу», член Совета по международным отношениям (1994).

Растоу Данкварт, член Совета по международным отношениям (1994).

Ратбун Эмилия, руководитель Фонда глобального сообщества, член Мирового Форума (1995).

Рато-Фигаредо Родриго, один из руководителей испанского парламента, член Бильдербергского клуба (1994).

Ратти Джузеппе, член руководства «Коэ Клирики» (Генуя), член Трехсторонней комиссии (1994).

Раттнер Стив, руководитель комитета «Лазард Фререс» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Раул Алан, руководитель «Беверидж энд Даймонд» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Раух Рудольф Стюарт (третий), издатель «Конститьюшн», член Совета по международным отношениям (1994).

Раш Кеннет, посол США во Франции, член Совета по международным отношениям (1994).

Рашиш Майер, член Совета по международным отношениям (1994).

Ребек Сэнфорд, член Совета по международным отношениям (1994).

Ревей Пол, директор Трехсторонней комиссии.

Ревес Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Резор Стэнли, член руководства «Дебевуа энд Плимптон» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Рей Николас, член Совета по международным отношениям (1994).

Рей Пол, директор «Американ Ливз», член Мирового Форума (1996).

Рей Сесил, совладелец фирмы «Дебевуа энд Плимптон» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Рейд Вайтло, член Совета по международным отношениям (1994).

Рейд Огден, член Совета по международным отношениям (1994).

Рейзиан Джон, член совета Гуверовского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Рейзман В. М., член Совета по международным отношениям (1994).

Рейли Патрик, председатель правления Совета постоянного улучшения, член Мирового Форума (1996).

Реймонд Давид, президент «Эбаско сервисес» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Реймонд Джек, президент «Консалтинг сервисес», член Совета по международным отношениям (1994).

Реймонд Ли, председатель правления корпорации «Экссон», член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Рейнарман Крейг, член совета Калифорнийского университета, член Мирового Форума (1996).

Рейнке Фред, член Совета по международным отношениям (1994).

Рейнольдс Вилльям, председатель «Фед» (Кливленд), президент корпорации «Акрон», член Совета по международным отношениям (1994).

Рейнс Франклин Делано, вице-председатель Национальной ипотечной ассоциации (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Рейнхардт Джон, профессор Вермонтского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Рейс Митчелл, профессор Университета Вашингтона (Сиэтл), член Совета по международным отношениям (1994).

Рейтар Бернадетт, президент «Обжектив», член Мирового Форума (1996).

Рейхерт Дуглас, член Совета по международным отношениям (1994).

Ренфру Чарльз, директор корпорации «Шеврон», член Советов Центра международной политики и Центра национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Ренц Билл, руководитель Фонда Бранде, член Мирового Форума (1996).

Реппи Юдифь, член Совета по международным отношениям (1994).

Рестон Джеймс, сопредседатель «Вайнард газетт», член Бильдербергского клуба (1994).

Ри Джеймс, президент «Бруксайд Кэпитал» (1997), член Сан-Францисского комитета Мирового Форума.

Рибиков Абрам, член руководства «Кей, Шолер, Фирман, Хейс энд Хэнд», член Совета по международным отношениям (1994).

Риверс Ричард, член Советов Центра международной политикии и Центра национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Ривкин Дональд Гершель, член руководства «Шнадер, Гаррисон, Сегал энд Льюис», член Совета по международным отношениям (1994).

Ривлин Алис, директор Административно-бюджетного управления при президенте США, директор Совета по международным отношениям, член Трехсторонней комиссии (1994).

Ривс Джей, член Совета по международным отношениям (1994).

Ригл Дональд, сенатор от штата Мичиган, член Бильдербергского клуба (1994).

Рид Джозеф, руководитель протокольного отделения госдепартамента США, директор Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Рид Джон, председатель правления «Ситикорпорейшн», директор Совета по международным отношениям, член Бильдербергского клуба (1994).

Рид Чарльз, канцлер Университета штата Флорида, член Совета по международным отношениям (1994).

Риджвей Розанн, сопредседатель «Атлантик каунт.», посол США в Германии, директор «Сара Ли», член Бильдербергского клуба (1994), Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Ризель Виктор, член Совета по международным отношениям (1994).

Ризополос Николас, вице-президент по исследовательской работе Совета по международным отношениям.

Рикард Стефан, член Совета по международным отношениям (1994).

Рилли Джон, директор Совета по международным отношениям.

Рингер Майкл, председатель правления издательства «Рингер» (Швейцария), член Бильдербергского клуба (1994).

Риндскопф Элизабет, генеральный юрисконсульт ЦРУ, член Совета по международным отношениям (1994).

Риппон Хексгам Лорд, председатель «Уничем энд Дан энд Брэдстрит» (Лондон), член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Рис Ганс, член Совета по международным отношениям (1994).

Рис Джеральд, директор «Ви-Эйч-Пи Минералс», член Мирового Форума (1995).

Ритч Джон (третий), член Совета по международным отношениям (1994).

Рихтер Антони, член Совета по международным отношениям (1994).

Рицк Нейла, член Совета по международным отношениям (1994).

Рич Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Рич Майкл Давид, вице-президент «Рэнд корпорейшн», член Совета по международным отношениям (1994).

Ричардс Пол, профессор Колумбийского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Ричардсон Вилльям Р., член Совета по международным отношениям (1994).

Ричардсон Вилльям, конгрессмен от штата Нью-Мексико, член Совета по международным отношениям (1994).

Ричардсон Генри (третий), член Совета международного развития и Совета по международным отношениям (1994).

Ричардсон Гордон, управляющий Банком Англии, член Бильдербергского клуба (1994).

Ричардсон Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Ричардсон Джон, председатель Национального фонда за демократию, член Совета по международным отношениям (1994).

Ричардсон Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Ричардсон Фрэнк, президент корпорации «Шелл ойл», член Совета по международным отношениям (1994).

Ричардсон Эллиот, специальный представитель президента США на Филиппинах, директор Совета по международным отношениям.

Ричардсон Яолонда, руководитель специальных программ Корпорации Карнеги (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Ричман Жоан, вице-президент телекомпании Си-би-эс Ньюс, член Совета по международным отношениям (1994).

Робб Чарльз, сенатор от штата Вирджиния, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Роббинс Карла, член Совета по международным отношениям (1994).

Роббинс Тони, председатель «Роббинс ресерч интернэшнл», член Мирового Форума (1995).

Робертс Брэд, член Совета по международным отношениям (1994).

Робертс Вальтер, член руководства Университета Джорджа Вашингтона, член Совета по международным отношениям (1994).

Робертс Джон, председатель Американской международной корпорации писателей, член Совета по международным отношениям (1994).

Робертс Чалмерс, обозреватель «Вашингтон пост», член Совета по международным отношениям (1994).

Робинзон Гарольд, финансист, член Мирового Форума (1996).

Робинзон Давид, советник президента Корпорации Карнеги (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Робинзон Джеймс (третий), член совета Брукингского института, президент корпорации «Робинзон», директор корпорации «Кока-кола», член Совета по международным отношениям (1994).

Робинзон Дэвис, совладелец фирмы «Ле Боеф, Лэм, Лейби энд Макрей» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Робинзон Леонард, президент Фонда африканского развития, руководитель Вашингтонской стратегической консультативной группы, член Совета по международным отношениям (1994).

Робинзон Маршалл, вице-президент Фонда Даниеля Агостино, член Совета по международным отношениям (1994).

Робинзон Олин, член Советов Центра международной политики и Центра национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Робинзон Перл, член совета Университета Тафта, член Совета по международным отношениям (1994).

Робинзон Рэндэлл, член Совета по международным отношениям (1994).

Робинзон Чарльз, член Совета международного развития, член Брукингского института, член Бильдербергского

клуба (1994), Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Робинзон Элизабет, член Совета по международным отношениям (1994).

Ровен Генри, профессор Станфордского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Ровен Хобарт, обозреватель «Вашингтон пост», член Совета по международным отношениям (1994).

Ровин Артур, совладелец фирмы «Бейкер энд Маккензи» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Рогатин Феликс, совладелец фирмы «Лазард Фререс», член Совета по международным отношениям (1994).

Роговин Митчелл, совладелец фирмы «Роговин, Хюдж энд Шиллер» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Роджерс Бернард, командующий войсками США в Европе, член Совета по международным отношениям (1994).

Роджерс Вилльям П., один из руководителей Министерства юстиции США (1958—1961), директор Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Роджерс Вилльям, министр обороны Великобритании, член Бильдербергского клуба (1994).

Роджерс Вилльям, член издательского совета журнала «Форин полиси» (Фонд Карнеги), член Совета по международным отношениям (1994).

Родман Петер, издатель «Нэшнл ревью», член Совета по международным отношениям (1994).

Родригес Винсент, совладелец фирмы «Сулливан энд Кромвель» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Родригес Рита Мария, директор Экспортно-импортного банка США (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Роерс Мартин, генеральный секретарь Института «Зенит», член Мирового Форума (1995).

Роетт Риорда, директор банка «Чейз Нэшнл Бэнк», член Совета по международным отношениям (1994).

Розберг Карл, профессор Калифорнийского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Розекранс Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Розен Артур, член Совета по международным отношениям (1994).

Розен Джейн, член Совета по международным отношениям (1994).

Розенбаум Марта, руководитель Института научного анализа, член Мирового Форума (1995).

Розенберг Тина, член Совета по международным отношениям (1994).

Розенблатт Петер, совладелец фирмы «Геллер, Розенблатт энд Шеман» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Розенблюм Морт, член Совета по международным отношениям (1994).

Розенталь А. М., обозреватель «Нью-Йорк таймс», член Совета по международным отношениям (1994).

Розенталь Джек, заместитель управляющего «Нью-Йорк таймс», член Совета по международным отношениям (1994).

Розенталь Джоель, член Совета по международным отношениям (1994).

Розенталь Дуглас, совладелец «Каудерт бразерс», член Совета по международным отношениям (1994).

Розенфельд Стевен Самуэль, заместитель редактора «Вашингтон пост», член Совета по международным отношениям (1994).

Розенфилд Патриция, председатель по специальным программам «Карнеги корпорейшн», член Совета по международным отношениям (1994).

Розенцвейг Билл, профессор менеджмента Центра изучения предпринимательства, член Мирового Форума (1996).

Розенцвейг Роберт, президент Ассоциации американских университетов, член Совета по международным отношениям (1994).

Розеншток Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Розин Аксель, член Совета по международным отношениям (1994).

Рой Рустум, директор «Интерколледж матириалс лэб, Пенн Стейт Университи» (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Рокка Джианфелис, председатель правления корпорации «Текинт» (Милан), член Трехсторонней комиссии (1994).

Рокке Марк, член Совета по международным отношениям (1994).

Рокке Эрвин, директор штаба европейского командования и разведки Министерства обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Рокуелл Хейс, член Совета по международным отношениям (1994).

Рокфеллер Давид Джр., председатель правления «Рокфеллер Файнэншл сервисес», член совета Брукингского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Рокфеллер Давид, председатель правления банка «Чейз Манхэттен Бэнк», фактический руководитель главных организаций мировой закулисы — Совета по международным отношениям, Трехсторонней комиссии, Бильдербергского клуба.

Рокфеллер Джон, сенатор от Западной Вирджинии, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Рокфеллер Робертс Анна, президент Фонда четырех направлений, член Мирового Форума (1996).

Рокфеллер Родман, член Совета по международным отношениям (1994).

Рол Лоренс, председатель правления корпорации «Экссон» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Ролен Томас, член Совета по международным отношениям (1994).

Ролл Ипсден Лорд, президент «С. Г. Варбург груп» (Лондон), член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Романо Сержио, издатель газеты «Стампа», посол Италии в СССР, член Трехсторонней комиссии (1994).

Ромберг Алан, член Совета по международным отношениям (1994).

Ромеро-Барсело Карлос, конгрессмен от Пуэрто-Рико, член Совета по международным отношениям (1994).

Рони Джон, совладелец фирмы «О'Мелвени энд Майерс Л. А.», член Совета по международным отношениям (1994).

Ронус Роберт, директор «Кэпитал груп», член Мирового Форума (1995).

Рончи Альберто, директор газеты «Стампа» (Италия), член Бильдербергского клуба (1994).

Роньони Вирджиния, министр обороны Италии, член Бильдербергского клуба (1994).

Ропер Джон, директор Института изучения проблем безопасности Западноевропейского союза, член Трехсторонней комиссии (1994).

Роскенс Рональд, президент «Экшн Интернэшнл» (Омаха), член Совета по международным отношениям (1994).

Росовский Генри, профессор Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Росс Артур, директор Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Росс Деннис, член Совета по международным отношениям (1994).

Росс Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Росс Роберт, президент латиноамериканской Корпорации сельскохозяйственного развития, член Мирового Форума (1995).

Росс Роджер, член Совета по международным отношениям (1994).

Росс Томас, вице-президент «Хилл энд Ноултон» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Росси Рейно, директор «Финска Сокер», член Бильдербергского клуба (1994).

Росситер Калеб, директор организации «Демилитаризация за демократию», член Мирового Форума (1996).

Россо Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Россотти Чарльз, президент «Америкэн менеджмент системс» (Арлингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Ростоу Николас, член Совета по международным отношениям (1994).

Ростоу Уолт, профессор политэкономии Техасского университета (Остин), член Совета по международным отношениям (1994).

Ростоу Эжен, профессор Университета национальной обороны, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Ростоу Эльспет, вице-председатель Американского института мира, профессор Техасского университета (Остин), член Совета по международным отношениям (1994).

Рот Вилльям В., сенатор от штата Делавэр, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Рот Вилльям, попечитель Центра международной политики и Центра национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Рот Стэнли, член Совета по международным отношениям (1994).

Ротберг Роберт, президент Лафайетт-колледж (Пенсильвания), член Совета по международным отношениям (1994).

Роткопф Давид, заместитель министра торговли США, член Совета по международным отношениям (1994).

Ротшильд Эдмон Гай, барон, президент «Компани ду Норд» (Париж), член Бильдербергского клуба (1994).

Ротшильд Эдмон, барон, председатель правления Банка Ротшильдов (Париж), член Бильдербергского клуба (1994).

Роудс Вилльям, вице-председатель «Ситикорпорейшн» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Роудс Джон, член руководства «Буз, Аллен энд Гамильтон» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Роудс Томас, член Совета по международным отношениям (1994).

Роудс Фрэнк, президент Корнуэльского университета, директор корпорации «Дженерал электрик», член Совета по международным отношениям (1994).

Роудс Эдвард, член Совета по международным отношениям (1994).

Роуз Даниель, член совета Брукингского института, директор Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Роуз Фредерик, член Совета по международным отношениям (1994).

Роуз Элих, совладелец «Роуз Ассошиэйтс» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Роуни Эдвард, член Совета по международным отношениям (1994).

Рофф Джон, председатель правления «Петро Юнайтед Терминалз» (Хьюстон), член Совета по международным отношениям (1994).

Роше Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Роше Джон, профессор Университета Брэндейс, член Совета по международным отношениям (1994).

Руа Франсуа, постоянный представитель Франции в НАТО, член Трехсторонней комиссии (1994).

Рубин Джеймс, директор офиса представителя США в ООН, член Совета по международным отношениям (1994).

Рубин Нэнси, член Совета по международным отношениям (1994).

Рубин Роберт, министр финансов США, член Бильдербергского клуба (1994).

Рубин Сеймор, профессор Американского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Рубин Труди, член Совета по международным отношениям (1994).

Рутги Джон, директор Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Рутнау Гейнц, председатель правления «Дойче Люфтганза», член Бильдербергского клуба (1994).

Руденштайн Нейл, президент Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Руджиеро Пьер, председатель правления корпорации «Фиат» (Турин), член Бильдербергского клуба (1994).

Руджиеро Ренато, генеральный директор «ГАТТ», вице-президент корпорации «Фиат», министр труда Италии, член Бильдербергского клуба (1994).

Рудинг Онно, вице-председатель «Ситикорпорейшн/Ситибэнк», член Трехсторонней комиссии (1994).

Рудман Уоррен, заместитель председателя «Фед» (Бостон), сенатор от штата Нью-Гемпшир, руководитель «Конкорд Коул», член Совета по международным отношениям (1994).

Рудольф Барбара, член Совета по международным отношениям (1994).

Рудольф Ллойд, профессор политических наук Чикагского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Рудольф Сюзанн, профессор политических и социальных наук Чикагского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Руебхаузен Оскар, член руководства Фонда Гринволла, член Совета по международным отношениям (1994).

Руениц Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Руза Роберт, директор Совета по международным отношениям (1966—1981), член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Руза Руфь, член Совета по международным отношениям (1994).

Рузвельт Теодор (четвертый), директор корпорации «Леман бразерс» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Рукельшаус Вилльям, председатель «Броуинг Феррис», руководитель «ЭПА», член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Рукельшаус Ганс, председатель «Фортис», директор «Амев» (Утрехт), директор Совета по международным отношениям, член Трехсторонней комиссии (1994).

Рунге Карлисл, член Совета по международным отношениям (1994).

Руттан Вернон, профессор Миннесотского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Рэбб Максвелл, посол США в Италии, председатель «Экомарин», член Совета по международным отношениям (1994).

Рэдвей Лоренс, член Советов Центра международной политики и Центра национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Рэтчфорд Томас, член Совета по международным отношениям (1994).

Рюэ Фолькер, министр обороны Германии, член Бильдербергского клуба (1994).

Саба Сёици, советник правления корпорации «Тосиба», член Трехсторонней комиссии (1994).

Саваж Фрэнк, член Совета по международным отношениям (1994).

Савона Паоло, министр промышленности Италии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Саган Карл, писатель, профессор астрономии Корнуэльского университета, член Совета по международным отношениям (1994) и Мирового Форума (1995).

Саган Скотт, член Совета по международным отношениям (1994).

Садат Жехан, вдова президента Египта А. Садата (1970—1981), сопредседатель Мирового Форума.

Саеки Киици, советник Международного института всеобщего мира (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Сайкип Вашингтон, председатель «С. Джи В. груп», член Мирового Форума (1995).

Сайммонс Адель, президент Фонда Д. и К. Макартуров, член Совета по международным отношениям (1994).

Сайммонс Томас, посол США в Польше, член Бильдербергского клуба (1994).

Саймон Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Саймс Димитрий, директор Фонда Карнеги по отделению исследований России, член Совета по международным отношениям (1994).

Сайндинг Стефен, член Совета по международным отношениям (1994).

Сакойян Карл, член Совета по международным отношениям (1994).

Сакс Пол, член Совета международного развития и Совета по международным отношениям (1994).

Салакуз Джесвальд, декан Университета Тафта, член Совета по международным отношениям (1994).

Саломон Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Саломон Ричард, совладелец «Мейер, Браун энд Плэтт» (Чикаго), член Совета по международным отношениям (1994).

Самбар Давид, председатель «Бритиш Американ Пропертис энд Бритиш Американ Кэпител», член Мирового Форума (1995).

Саммерс Гарри, член совета Военно-армейского колледжа США, член Совета по международным отношениям (1994).

Саммерс Лоренс, заместитель министра финансов США, член Совета по международным отношениям (1994).

Самуэльс Барбара, член Совета по международным отношениям (1994).

Самуэльс Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Самуэльс Натаниель, член Совета по международным отношениям (1994).

Самуэльс Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Самуэльсон Пол, профессор экономики Нью-Йоркского университета, член Бильдербергского клуба (1994).

Сандерс Эдвард, член Совета по международным отношениям (1994).

Сантер Жак, премьер-министр Люксембурга, член Бильдербергского клуба (1994).

Санфорд Терри, сенатор от штата Северная Каролина, член Совета по международным отношениям (1994).

Санфорд Чарльз, председатель «Бэнкерс траст» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Санчес Мигуэль, член Совета по международным отношениям (1994).

Санчес Нестор, член Совета по международным отношениям (1994).

Сапиро Мириам, член Совета по международным отношениям (1994).

Сараскета Анкстон, издатель «Эхос» (Мадрид), член Трехсторонней комиссии (1994).

Сато Кими, член Совета по международным отношениям (1994).

Сато Сейдзабуро, профессор Университета Кейто, директор Международного института всеобщего мира (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Саттон Фрэнсис, советник Фонда Рокфеллера, «ЮСЭЙД», Всемирного банка, член Совета по международным отношениям (1994).

Саул Ральф, председатель исполнительного комитета Брукингского института, председатель правления корпорации «Кигна», член Совета по международным отношениям (1994).

Саундерс Гарольд, член Совета по международным отношениям (1994).

Сафран Надав, член Совета по международным отношениям (1994).

Свенгольм Отто, судовладелец из Осло, министр обороны Норвегии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Свенгольм Пол, президент «Карлсберг» (Копенгаген), член Трехсторонней комиссии (1994).

Свенк Эмори, посол США в Камбодже (1970—1973), член Совета по международным отношениям (1994).

Свенсон Давид, президент «Волд Грейн дивижн» («Континентел Грейн»), член Совета по международным отношениям (1994).

Свенсон Эрик, вице-председатель правления «В. В. Нортон», член Совета по международным отношениям (1994).

Свид Стивен, председатель правления «Си-эс-си Коммьюникейшнс» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Свинг Джон, вице-президент Совета по международным отношениям (1993), президент Ассоциации иностранной политики.

Севелл Джон, президент Совета международного развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Северолл Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Северолл Сара, помощник министра обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Сегал Сьюзанн, член Совета по международным отношениям (1994).

Сегал Шелдон, директор фонда «Рокфеллер бразерс», член Совета по международным отношениям (1994).

Сегурадо Хосе, председатель правления «Хасинас» (Мадрид), специальный советник председателя «Банесто», член Трехсторонней комиссии (1994).

Сейб Джеральд, корреспондент по вопросам национальной политики «Уолл-стрит джорнэл», член Совета по международным отношениям (1994).

Сейболд Фредерик, член Совета по международным отношениям (1994).

Сейгенталер Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Сейгль Джон, вице-президент отделения корпорации «Юнайтед Текнолоджис» («Сикорский зекрафт»), член Совета по международным отношениям (1994).

Сейд Эдвард, профессор Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Сейдман Герта Ланде, соучредитель корпорации «Траденет» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Сейлор Линн, член Совета по международным отношениям (1994).

Сейто Яутака, председатель правления корпорации «Ниппон стил», член Трехсторонней комиссии (1994).

Сейц Фредерик, президент Университета Рокфеллера, член Совета по международным отношениям (1994).

Секстон Вилльям, обозреватель «Ньюсдей», член Совета по международным отношениям (1994).

Секулов Эжен, член Совета по международным отношениям (1994).

Селин Иван, председатель Комиссии по ядерному регулированию, член Совета по международным отношениям (1994).

Семлер Арнольд, президент «Ассошиэйтед индастриз», член Мирового Форума (1995).

Семпл Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Серван-Шрайбер Жан-Луи, председатель «Группы экспансии», член Мирового Форума (1995).

Серра Нарцисс, заместитель премьер-министра Испании, член Бильдербергского клуба (1994).

Сиборг Гленн, председатель отделения Калифорнийского университета (Беркли), член Совета по международным отношениям (1994).

Сибусава Масахито, директор «Ист-Вест семинарс» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Сигал Леон, член Совета по международным отношениям (1994).

Сигал Стивен, продюсер, член Мирового Форума (1995).

Сигман Генри, член исполкома Межконфессиональной комиссии по вопросам мира, член Совета по международным отношениям (1994).

Сигрейв Норман, член Совета по международным отношениям (1994).

Сиина Мотоо, член палаты государственных советников Японии, председатель от Японии англо-японской организации «2000 груп», член Трехсторонней комиссии (1994).

Сиина Такео, председатель правления корпорации «ИБМ» в Японии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Сик Гери, член Совета по международным отношениям (1994).

Силаев Иван, премьер-министр России (1991), представитель России в Европейском экономическом сообществе, консультант Трехсторонней комиссии.

Силас Сесил, председатель правления корпорации «Филлипс петролеум», член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Силверс Роберт, соиздатель «Нью-Йорк ревью букс», член Совета по международным отношениям (1994).

Силвестри Ренато, руководитель «Текнител» (Рим), член Трехсторонней комиссии (1994).

Силк Леонард Соломон, член совета Брукингского института и Совета по международным отношениям (1994).

Силкенат Джеймс, совладелец фирмы «Винтроп, Стимсон, Путнам энд Робертс», член Совета по международным отношениям (1994).

Сильенти Серджио, председатель правления Коммерческого банка Италии (Милан), член Трехсторонней комиссии (1994).

Симанс Роберт, преподаватель Массачусетского технологического института, член Совета по международным отношениям (1994).

Симокобе Ацуси, председатель Токийского института морских исследований, член Трехсторонней комиссии (1994).

Симоне Анри, член Бельгийского сената, член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Симс Альберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Сингер Кристин, член Совета по международным отношениям (1994).

Сингх Манжуит, верховный глава сикхского сообщества, член Мирового Форума (1995).

Сингх Раджвант, директор Фонда национального сикхского центра, член Мирового Форума (1995).

Синкин Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Сирс Джер, председатель «Юнион интернэйшнл», член Мирового Форума (1995).

Сиско Джозеф, руководитель «Сиско Ассошиэйтс» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Ситрик Джеймс, председатель правления «Коудерт бразерс», член Совета по международным отношениям (1994).

Сифтон Элизабет, член Совета по международным отношениям (1994).

Скалапиано Роберт, член Совета Центра национальной политики, директор Совета по международным отношениям (1982—1989), член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Скали Джон, корреспондент телекомпании Эй-би-си Ньюс, член Совета по международным отношениям (1994).

Скаржинский Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Сквадрон Говард, совладелец фирмы «Сквадрон, Эленов, Плезент Шейнфельд энд Сорк», член Совета по международным отношениям (1994).

Скиденфаден Тогер, шеф-издатель «Политикен», член Бильдербергского клуба (1994).

Скидмор Томас, член Совета по международным отношениям (1994).

Скиннер Эллиот, член Совета по международным отношениям (1994).

Скиолино Элейн, член Совета по международным отношениям (1994).

Скольников Эжен, профессор политических наук Массачусетского политехнического института, член Совета по международным отношениям (1994).

Скотт Хью, сенатор от Пенсильвании, член Бильдербергского клуба (1994).

Скоукрофт Брент, помощник президента США по национальной безопасности, директор Совета по международным отношениям, член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Скрэнтон Вилльям, представитель США в европейских организациях ООН (Женева).

Славсон Пол, попечитель Фонда Азии, член Совета по международным отношениям (1994).

Слейд Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Слейтер Джозеф, председатель отделения Международного центра Джона Макклоя, член Совета по международным отношениям (1994).

Слифка Алан, председатель Фонда Абрама, член Мирового Форума (1996).

Слоан Анна, член правления фонда «Интер-Америка», член Совета по международным отношениям (1994).

Слокомб Уолкер, руководящий чиновник Министерства обороны США, член совета Центра национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Смайф Мабель, член совета Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Смарт Стивен, директор корпорации «Шеврон», член совета Института мировых ресурсов, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Вейн, крупный правительственный чиновник США, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Вилльям, руководитель подразделения оборонного анализа Министерства обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Винтроп, вице-президент и председатель правления «Меррилл Линч Интернэйшнл», член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Гаддис, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Гаре, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Давид, посол США в Швеции, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Девитт, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Джеффри, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Джон (второй), руководитель Бюро по налогообложению Министерства финансов США, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Джон, совладелец фирмы «Халей, Шенон, Вирчфилд энд Смит», член Мирового Форума (1995).

Смит Джон, член британского парламента от Лейбористской партии, член Бильдербергского клуба (1994).

Смит Жерард, посол по особым поручениям США, руководитель делегации США на переговорах с СССР об ограничении стратегических вооружений, член Трехсторонней комиссии (1994).

Смит Карлтон, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Клинт, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Ларри, советник министра обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Лейтон, заместитель министра обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Малкольм, председатель Мемориального фонда Джона Гуггенхайма, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Маргарет, президент Национальной ассоциации женщин — владельцев предприятий (1997), совладелица юридической конторы «Смит ло оффисес», член Международного координационного совета Мирового Форума (1995).

Смит Ньюстос, профессор по религиоведению Университета Беркли, член Мирового Форума (1995).

Смит Перри, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Петер Беннетт, председатель кредитной комиссии «Морган Гаранти Траст» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Петер Гопкинсон, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Петер, конгрессмен от штата Вермонт, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Р. Джеффри, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Ричард, шеф-издатель журнала «Ньюсуик», член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Стефен, редактор вашингтонских новостей «Найт-Риддер Ньюспейпа», член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Теодор, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Тони, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Хедрик, комментатор телекомпании Ри-би-эс, член Совета по международным отношениям (1994).

Смит Эдвин, член Совета по международным отношениям (1994).

Смол Лоренс, руководитель Федеральной национальной ипотечной ассоциации, член Совета по международным отношениям (1994).

Смоли Патрисиа, член Совета по международным отношениям (1994).

Снайдер Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Снайдер Джек, член Совета по международным отношениям (1994).

Снайдер Крейг, член Совета по международным отношениям (1994).

Снайдер Ричард, председатель «Парамаунт Пабликейшн» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Сной Деопуэрс, барон, министр финансов Бельгии, член Бильдербергского клуба (1994).

Сноу Крокер, главный редактор «Уорлд таймс» (1995), член Мирового Форума (1995).

Сноу Роберт, шеф Бюро Федеральной комиссии по связи, член Совета по международным отношениям (1994).

Сноуе Олимпия, сенатор от штата Мэн, член Совета по международным отношениям (1994).

Соболь Дороти, член Совета по международным отношениям (1994).

Собчак Анатолий, мэр Санкт-Петербурга (1991—1996), консультант Трехсторонней комиссии (1994).

Сове Жанна, министр науки и технологии Канады, член Бильдербергского клуба (1994).

Соверн Майкл, президент Колумбийского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Содерберг Нэнси, политический советник сенатора Эдварда Кеннеди, член Совета по международным отношениям (1994).

Сойер Джон, президент Фонда Анрю Мелона, член Совета по международным отношениям (1994).

Сойер Диана, ведущая телекомпании Эй-би-си, член Совета по международным отношениям (1994).

Соларц Стефен, конгрессмен от штата Нью-Йорк, член Совета по международным отношениям (1994).

Солберт Петер, член Совета по международным отношениям (1994).

Солем Эрик, профессор политических наук Норвежского университета науки и технологии, член Мирового Форума (1996).

Соломон Анна, член Совета по международным отношениям (1994).

Соломон Антони, член Совета по международным отношениям (1994).

Соломон Петер, член Совета по международным отношениям (1994).

Соломон Ричард, посол США на Филиппинах, член Совета по международным отношениям (1994).

Соломон Роберт, член Брукингского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Сомерс Роджер, президент Сан-Францисской школы экономики Генри Джорджа, член Мирового Форума (1996).

Сон Луис, профессор Университета Джорджа Вашингтона, член Совета по международным отношениям (1994).

Соненшайн Маршалл, член Совета по международным отношениям (1994).

Соненшайн Тара, заместитель директора аппарата президента США.

Сонне Кристин, член Совета по международным отношениям (1994).

Сопи Нурдин, генеральный директор Института стратегических и международных исследований, член Международного координационного совета Мирового Форума.

Соренсен Джиллиан, заместитель секретаря ООН по информации и общественной политике, член Совета по международным отношениям (1994).

Соренсен Свенд, директор датского банка «Ден Данске Ландмандсбанк», член Бильдербергского клуба (1994).

Соренсен Теодор, специальный советник президента США (1961—1964), член Совета Центра международной политики, директор Совета по международным отношениям.

Сорос Джордж, президент Фонда Сороса, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Сорос Пол, член Совета по международным отношениям (1994).

Соуферн Масель, почетный председатель Французского электрического управления (Париж), член Трехсторонней комиссии (1994).

Соуферн Рональд, президент корпорации «АТКО» (Калгари), председатель корпорации «Канадиен утилити» (Канада), член Трехсторонней комиссии (1994).

Софаер Абрам, советник госдепартамента США, член Совета по международным отношениям (1994).

София, королева Испании, член Бильдербергского клуба (199).

Сохилл Джон, президент Нью-Йоркского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Спалтер Джонатан, специальный помощник заместителя министра обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Спар Дебра, член Совета по международным отношениям (1994).

Спейдель Кирстен, член Совета по международным отношениям (1994).

Спейер Джерри, член Совета по международным отношениям (1994).

Спейн Джеймс, посол США в Турции, Шри-Ланке и на Мальдивах, член Совета по международным отношениям (1994).

Спектор Леонард, член Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Спенсер Вилльям, директор Центра международного образования, член Совета по международным отношениям (1994).

Спенсер Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Спенсер Сабина, президент фирмы «Сасини», член Мирового Форума (1995).

Спенсер Том, президент «Глоб интернэшнл», член Европейского парламента, член Мирового Форума (1996).

Спенсер Эдсон, попечитель Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Сперо Джоан, заместитель госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Спет Джеймс, заместитель Генерального секретаря ООН, член Совета Центра международной политики и Совета по международным отношениям (1994).

Спиро Герберт, посол США в Камеруне и Экваториальной Гвинее, член Совета по международным отношениям (1994).

Спиро Петер, член Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Спирс Рональд, заместитель госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994).

Спитаельс Ги, бельгийский министр, председатель Социалистической партии Бельгии, член Бильдербергского клуба (1994).

Спур Джеймс, руководитель «Спектрум Эйч-Р системс», член Мирового Форума (1995).

Стайрон Роз, попечитель Института нации (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Сталсон Хелен, член Совета по международным отношениям (1994).

Стамас Стефен, руководитель фирмы «Виндкрест партнерс», директор Совета по международным отношениям.

Старобин Герман, член Совета по международным отношениям (1994).

Старр Гордон, совладелец «Лондон Перрет Роше Груп», член Мирового Форума (1996).

Старр Джеффри, член Совета по международным отношениям (1994).

Старр Стивен, директор фонда «Рокфеллер бразерс», член совета Хадсонского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Стассен Гарольд, член Совета по международным отношениям (1994).

Стахели Дональд, член Совета по международным отношениям (1994).

Стеббинс Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Стегманн Иоган, заместитель директора Фонда Южной Африки, член Мирового Форума (1995).

Стейплс Эжен, член Совета по международным отношениям (1994).

Стенг Анджела, член Совета по международным отношениям (1994).

Степан Альфред, член Совета по международным отношениям (1994).

Стефанополос Джордж, советник президента США Клинтона, член Совета по международным отношениям (1994).

Стивенс Джеймс, вице-президент «Пруденшел иншуранс» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Стивенс Нортон, член правления Межамериканского фонда, член Совета по международным отношениям (1994).

Стивенс Пол, член Совета по международным отношениям (1994).

Стивенс Чарльз, член Совета по международным отношениям (1994).

Стивенсон Джон, судья Международного арбитражного суда в Гааге, член Совета по международным отношениям (1994).

Стивенсон Чарльз, член Совета по международным отношениям (1994).

Стивенсон Эдлай (третий), сенатор от штата Иллинойс, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Стиг Хельга, директор Международного агентства по энергетике, член Бильдербергского клуба (1994).

Стидман Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Стикт Пол, председатель правления табачной компании «Винстон-Салем», член Совета по международным отношениям (1994).

Стил Рональд, член Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Стобаух Роберт, профессор Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Стокс Брюс, экономический корреспондент «Нейшнел джорнэл», член Совета по международным отношениям (1994).

Стокс Дональд, профессор Принстонского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Стокс Луи, конгрессмен от штата Огайо, член Совета по международным отношениям (1994).

Стоктон Пол, член Совета по международным отношениям (1994).

Столеру Лайонел, экономический советник президента Франции, член Бильдербергского клуба (1994).

Столтенберг Торвальд, сопредседатель (от ООН) Комиссии международной конференции по бывшей Югославии, член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Стоун Джереми, президент Федерации американских ученых (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Стоун Диана, президент Международного транспортного центра (1997), член Сан-Францисского комитета Мирового Форума.

Стоун Майкл, руководитель департамента армии Министерства обороны США, член Совета по международным отношениям (1994).

Стоун Патриция, руководитель «Лисенинг Нарт Коммьюникейшн», член Мирового Форума (1996).

Стоун Роджер, член Совета по международным отношениям (1994).

Страттон Джулиус, президент Массачусетского технологического института, член Совета по международным отношениям (1994).

Стремлау Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Стритен Пол, профессор Бостонского университета, член Мирового Форума (1996).

Строк Джеймс, госсекретарь Калифорнии, член Совета по международным отношениям (1994).

Стромсет Джейн, член Совета по международным отношениям (1994).

Строуд Джо, вице-президент «Детройт фри пресс», член Совета по международным отношениям (1994).

Струк Томас, президент корпорации «Альфа девелопмент», член Совета по международным отношениям (1994).

Студеман Вилльям, директор ЦРУ, директор департамента центральной разведки, член Совета по международным отношениям (1994).

Стуки Джон, председатель правления корпорации «Квантум Кемикэл», член Совета по международным отношениям (1994).

Стэк Виктория, президент организации «Международная коммуникативная инициатива», член Мирового Форума (1995).

Стэкс Джон, заместитель издателя журнала «Тайм», член Совета по международным отношениям (1994).

Стэнкард Фрэнсис, член Совета по международным отношениям (1994).

Стэнли Петер, президент Помона-колледж (Калифорния), член Совета по международным отношениям (1994).

Стэнли Тимоти, президент Международного института экономических исследований, член Совета по международным отношениям (1994).

Стэнтон Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Стэнтон Майлс, член Ирландского сената, член Трехсторонней комиссии (1994).

Стэнтон Фрэнк, председатель правления «Рэнд корпорейшн», член Совета по международным отношениям (1994).

Стюарт Гордон, президент Института страховой информации, член Совета по международным отношениям (1994).

Стюарт Дональд, президент Спелман-колледж, директор Центра международной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Стюарт Патриция, вице-президент фонда «Една Макконнелл Кларк», член Совета по международным отношениям (1994).

Стюарт Руфь, член руководства Библиотеки конгресса США, член Совета по международным отношениям (1994).

Сугруе Карен, вице-президент Совета по международным отношениям.

Сударкаса Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Сударкаса Ниара, президент Университета Линкольна (Пенсильвания), член Совета по международным отношениям (1994).

Судзуки Тецуо, президент корпорации «Хойя» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Сулейман Эзра, член Совета по международным отношениям (1994).

Сулливан Вилльям, председатель Американо-Китайского торгового совета, член Совета по международным отношениям (1994).

Сулливен Гордон, командующий армией США по кадрам, член Совета по международным отношениям (1994).

Сулливен Леон, председатель Сионского дома для пенсионеров, член Совета по международным отношениям (1994).

Сулливен Маргарет, член Совета по международным отношениям (1994).

Сулливен Роджер, президент Американо-Китайского совета по бизнесу, член Совета по международным отношениям (1994).

Сульцбергер Сайрус, обозреватель «Нью-Йорк таймс», член Бильдербергского клуба (1994).

Сундерленд Джек, член Совета по международным отношениям (1994).

Суслов Лео, член Совета по международным отношениям (1994).

Сутерленд Петер, генеральный директор «ГАТТ», президент Объединенной ирландской банковской группы (Дублин, Ирландия), член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Сутерлин Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Схейк, **ван Герард**, председатель «Хейнекен брюверис» (Амстердам), член Трехсторонней комиссии (1994).

Схерпенхейзен Ром Виллем, председатель Нидерландской страховой корпорации (Амстердам), член Трехсторонней комиссии (1994).

Сцентон Петер, член Совета по международным отношениям (1994).

Сьютс Кристофер, член Совета по международным отношениям (1994).

Сэдлих Боб, президент корпорации «Рейчем» (1997), член директората Мирового Форума.

Сэдлих Роберт, президент корпорации «Рейчем» (1997), член Сан-Францисского комитета Мирового Форума.

Сэлк Джонус, директор Института биологических исследований, член Совета по международным отношениям (1994).

Сэмпл Стивен, президент Южно-Калифорнийского университета (Лос-Анджелес), член Совета по международным отношениям (1994).

Таварес Карлос, председатель правления банка «Насиональ Ультрамарино» (Лиссабон), член Трехсторонней комиссии (1994).

Тагир-Кхели Ширин, член Совета по международным отношениям (1994).

Тайгензен Дж. В., президент Экспортного кредитного совета Дании, член Бильдербергского клуба (1994).

Тайгензен Нилс, профессор экономики Копенгагенского университета, член Трехсторонней комиссии (1994).

Тайррелл Роберт, шеф-издатель «Американ спектейтор», член Совета по международным отношениям (1994).

Тайсон Лаура, председатель Совета экономических консультантов при президенте США, член Совета по международным отношениям (1994).

Так Эдвард, руководитель «Шерман энд Стерлинг» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Такаги Цуёси, генеральный секретарь Трехсторонней комиссии от Японии.

Такер Нэнси, член Совета по международным отношениям (1994).

Такер Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Такер Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Талботт Строуб, заместитель госсекретаря США, посол США в России, директор Совета по международным отношениям, член Трехсторонней комиссии (1994).

Талботт Филлипс, посол США в Греции, член Совета по международным отношениям (1994).

Тамарон Маркес, директор Института по вопросам международной политики, член Трехсторонней комиссии (1994).

Танака Акихико, профессор Токийского университета, член Трехсторонней комиссии (1994).

Танг Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Танк Галил, председатель Федерации турецких профсоюзов, член Бильдербергского клуба (1994).

Танневальд Теодор, судья Налогового суда США, член Совета по международным отношениям (1994).

Таннер Гарольд, президент корпорации «Таннер» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Тантер Реймонд, член Совета по международным отношениям (1994).

Тарнов Петер, заместитель госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Таско Фрэнк, член Совета по международным отношениям (1994).

Таубман Вилльям, член Международной академии советников, занимается архивами Министерства иностранных дел России, член Совета по международным отношениям (1994).

Таунли Престон, президент «Конференс Боард», член Совета по международным отношениям (1994).

Таунли Умберто, директор корпорации «СТЕТ» (телекоммуникации, Рим), член Трехсторонней комиссии (1994).

Таунсенд Алаир, член Совета по международным отношениям (1994).

Тафт Вилльям, представитель США в НАТО, член Совета по международным отношениям (1994).

Тацуми Сотоо, президент банка «Сумитомо бэнк», член Трехсторонней комиссии (1994).

Твист Линн, директор Фонда стратегического планирования (проекты голода «1997»), член директората Мирового Форума.

Тедстром Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Тейер Артемас, председатель правления банка «Ферст Флорида Бэнкс» (Тампа), член Совета по международным отношениям (1994).

Тейер Лорд, директор корпорации «РТЦ», главный кабинет-секретарь британского премьер-министра, член Трехсторонней комиссии (1994).

Тейлор Артур, президент Мюленберг-колледж (Аллентаун, Пенсильвания), член Совета по международным отношениям (1994).

Тейлор Вилльям, член Центра стратегических и международных исследований, президент Тейлоровской ассоциации, член Совета по международным отношениям (1994).

Тейлор Вильсон, президент корпорации «Кигна», член Трехсторонней комиссии (1994).

Тейлор Джеффри, председатель правления банка «Дейва Юропиен бэнк» (Лондон), член Трехсторонней комиссии (1994).

Тейлор Катрин, член Совета по международным отношениям (1994).

Тейлор Мартин, председатель правления банка «Барклейс Бэнк» (Лондон), член Бильдербергского клуба (1994).

Тейтельбаум Майкл, член Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Тельгами Шибли, член Совета по международным отношениям (1994).

Темпельсман Морис, член Совета Центра национальной политики и Совета по международным отношениям (1994).

Теннисон Леонард, член Совета по международным отношениям (1994).

Тенхем Дродж, вице-президент «Рэнд корпорейшн», член Совета по международным отношениям (1994).

Теобальд Томас, председатель правления корпорации «Континентел бэнк» (Чикаго), директор корпорации «Ксерокс», член Совета по международным отношениям (1994).

Тепиа Рол, член Совета по международным отношениям (1994).

Тепселль Петер, член Британского парламента, член Трехсторонней комиссии (1994).

Тери Джейн, член Совета по международным отношениям (1994).

Теркельсен Теркел, шеф-издатель «Берлинске Тиденде» (Дания), член Бильдербергского клуба (1994).

Тернер Вилльям К., председатель правления корпорации «Арджайл Атлантик» (Финикс), член Совета по международным отношениям (1994).

Тернер Вилльям, председатель правления корпорации «Эксультейт» (Монреаль), член Трехсторонней комиссии (1994).

Тернер Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Тернер Роберт, профессор Виргинского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Тернер Стэнсфилд, главнокомандующий войсками НАТО в Южной Европе, член Совета по международным отношениям (1994).

Тернер Тед, председатель мировой информационной организации «Тернер бродкастинг системс», член Совета по международным отношениям (1994), сопредседатель Мирового Форума.

Тернер Шайна, руководитель «Тернер Де Хони Ассошиэйтс» (1997), член Сан-Францисского комитета Мирового Форума.

Терраньо Родольфо, министр общественных работ Аргентины, член Мирового Форума (1995).

Террассиано Антони, президент «Ферст Фиделити Бэнкорп.» (Нью-Джерси), член Совета по международным отношениям (1994).

Терри Сара, член Совета по международным отношениям (1994).

Тигерт Рики, председатель совета директоров «Ф. Д. И. С.», член Совета по международным отношениям (1994).

Тидбури Антонио, председатель «Репарасио э Монтагем», член Трехсторонней комиссии (1994).

Тидеман Генрих, председатель «Сименс» (Мюнхен), член Трехсторонней комиссии (1994).

Тидеман Отто, норвежский судовладелец, член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Тиерри Жак, председатель правления «Бэнк Брюссель Ламберт», член Трехсторонней комиссии (1994).

Тиллингхаст Давид, совладелец фирмы «Кадбоурн энд Парк» (Нью-Йорк), член Трехсторонней комиссии (1994).

Тилман Сет, член Совета по международным отношениям (1994).

Тимоти-Ланкестер Кристен, член Совета по международным отношениям (1994).

Тимпсон Сара, член Совета международного развития и Совета по международным отношениям (1994).

Типсон Фредерик, член Совета по международным отношениям (1994).

Тирни Пол, председатель «ТВ Холдинг», член Совета по международным отношениям (1994).

Тис Давид, профессор Калифорнийского университета (Беркли), член Совета по международным отношениям (1994).

Титерс Нэнси, директор фонда «Пруденшл мьютьюел» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Тиш Лоренс, президент Си-би-эс, член Совета по международным отношениям (1994).

Тобиас Рэндэлл, директор корпорации «Филлипс петролеум», член Совета по международным отношениям (1994).

Тодд Морис, член Совета по международным отношениям (1994).

Тодеро Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Тодманн Теренс, посол США в разных странах (Испания, Дания, Аргентина), член Совета по международным отношениям (1994).

Тойода Эидзи, почетный председатель правления корпорации «Тойота мотор», член Трехсторонней комиссии (1994).

Тойонага Кейя, директор корпорации «Мацусита Электрик Индастриэл», член Трехсторонней комиссии (1994).

Тойфель Эрвин, премьер-министр германской земли Баден-Вюртенберг, член Бильдербергского клуба (1994).

Толл Мейнард, директор «Ферст Бостон корпорейшн» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Томабеци Тосихиро, директор корпорации «Топпан Мур» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Томан Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Томас Барбара, директор «Ньюс интернэшнл» (Лондон), член Совета по международным отношениям (1994).

Томас Брукс, президент «Баттерфилд Хаус», член Совета по международным отношениям (1994).

Томас Левис, профессор медицины Корнелльской медицинской школы, член Совета по международным отношениям (1994).

Томас Ли, член Совета по международным отношениям (1994).

Томас Фрэнклин, президент Фонда Форда, член Совета по международным отношениям (1994).

Томас Эван (третий), член Совета по международным отношениям (1994).

Томлинсон Александер, президент Венгерско-Американского предпринимательского фонда (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Томпсон Джеральд, председатель правления инвестиционного банка «Клейнворт Бенсон» (Англия), член Бильдербергского клуба (1994).

Томпсон Скотт, директор Американского института мира, член Фонда Карнеги, член Совета по международным отношениям (1994).

Томсон Джеймс К., член Совета по международным отношениям (1994).

Томсон Джеймс, президент «РЭНД» (Санта-Моника), член Совета по международным отношениям (1994).

Топпинг Сеймор, президент «Америкэн Ньюспейпер Эдиторс», член Совета по международным отношениям (1994).

Торн Гастон, президент Международного банка Люксембурга, президент Европейского экономического сообщества, член Трехсторонней комиссии (1994).

Торнбург Дик, заместитель Генерального секретаря ООН, генеральный атторней Министерства юстиции США, член Совета по международным отношениям (1994).

Торнелл Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Торнтон Томас, член Совета по международным отношениям (1994).

Торон Луиза, член Совета по международным отношениям (1994).

Торрес Арт, член Совета по международным отношениям (1994).

Торселль Вилльям, издатель «Глоб энд Мейл» (Канада), член Бильдерберского клуба (1994).

Торуп Катрин, член Совета по международным отношениям (1994).

Тот Роберт, корреспондент «Лос-Анджелес таймс», член Совета по международным отношениям (1994).

Траа Ван Маартен, член Датского парламента, член Трехсторонней комиссии (1994).

Трахтенберг Стефен, президент Университета Джорджа Вашингтона, член Совета по международным отношениям (1994).

Требэт Томас, член Совета по международным отношениям (1994).

Тревертон Грегори, член Совета по международным отношениям (1994).

Тревис Мартин, профессор политических наук Университета штата Нью-Йорк, член Совета по международным отношениям (1994).

Тревитт Генри, член Совета по международным отношениям (1994).

Трезайс Филип, член совета Брукингского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Трейн Гарри, командующий атлантическими вооруженными силами США, член Совета по международным отношениям (1994).

Трейн Джон, писатель, автор мондиалистских журналов «Уолл-стрит джорнэл», «Ворф», «Форбс», член Совета по международным отношениям (1994).

Трейн Рассел, председатель Всемирного фонда животного мира (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Трейнор Бернар, директор Гарвардского университета (руководитель программ национальной безопасности), член Совета по международным отношениям (1994).

Тремблей Жене, директор Центра глобальных исследований корпорации «Веллингтон менеджемент», член Мирового Форума (1995).

Трени Эжен, президент Университета Вирджиния Коммонвелф, член Совета по международным отношениям (1994).

Трит Джон, вице-президент фирмы «Буз, Аллен энд Гамильтон» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Тробов Петер, совладелец фирмы «Ковингтон энд Бурлинг» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Тройян Вера, член Совета по международным отношениям (1994).

Трончетти Провера Марко, заместитель председателя правления корпорации «Пирелли» (Милан), член Трехсторонней комиссии (1994).

Троубридж Александр, директор «НАМ» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Троубридж Луис, председатель правления корпораций «ИБМ» и «Набиско холдинг», член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Труман Эдвин, директор Федеральной резервной системы, член Совета по международным отношениям (1994).

Трюдо Пьер, премьер-министр Канады, член Бильдербергского клуба (1994).

Тсипис Коста, ведущий исследователь Массачусетского технологического института, член Совета по международным отношениям (1994).

Ту Лоренс, член Совета по международным отношениям (1994).

Турк Нэнси, член Совета по международным отношениям (1994).

Туркевич Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Турман Максвелл, командующий войсками США в Панаме (южная группа), член Совета по международным отношениям (1994).

Туроу Лестер, профессор экономики Массачусетского технологического института, член Трехсторонней комиссии (1994).

Турсо Оттовиано, генеральный секретарь Итальянской социалистической партии (Рим), член Трехсторонней комиссии (1994).

Туту Дезмонд, англиканский епископ-социалист, глава Англиканской церкви Юга Африки, президент Всеафриканской конференции церквей (с 1987), сопредседатель Мирового Форума, один из инициаторов Организации Объединенных Религий.

Тутхилл Джон, посол США в Бразилии, представитель США в Европейском экономическом сообществе, член Биль-

дербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Тучер Антон, член Совета по международным отношениям (1994).

Тэксен Иоакин, директор Фонда Ариас, член Мирового Форума (1996).

Тэтчер Маргарет, премьер-министр Великобритании (1979—1990), член Бильдербергского клуба (1994) и Мирового Форума (1995).

Тюк Антони, президент банка «Барклейс Бэнк» (Лондон), член Бильдербергского клуба (1994).

Удович Абрам, член Совета по международным отношениям (1994).

Уекскалл Джекоб, президент фонда «Райт Ливелхуд», член Мирового Форума (1996).

Уилки Эдит, член Совета по международным отношениям (1994).

Уилкинс Роджер, член Совета по международным отношениям (1994).

Уитмен Марина, директор корпорации «Проктер энд Гэмбл», директор Совета по международным отношениям и член Трехсторонней комиссии (1994).

Улиг Марк, член Совета по международным отношениям (1994).

Уль Хак Махбуб, президент Центра человеческого развития (1997), член Совета при председателях Мирового Форума.

Ульман Корнелиус, член Совета по международным отношениям (1994).

Ульман Ричард, член издательского совета Фонда Карнеги, профессор Принстонского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Умбрихт Виктор, директор корпорации «Циба-Гейги» (Швейцария), член Бильдербергского клуба (1994).

Умемура Сёдзи, председатель «Никко секьюритис», член Трехсторонней комиссии (1994).

Унгар Сэнфорд, член Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Унгер Давид, руководитель Лесной службы Министерства сельского хозяйства США, член Совета по международным отношениям (1994).

Унгер Леонард, крупный правительственный чиновник США, член Совета по международным отношениям (1994).

Унгехойер Фредерик, член Совета по международным отношениям (1994).

Уодсуорт Мэри, член Совета по международным отношениям (1994).

Уорнер Эдвард, член Совета по международным отношениям (1994).

Уоррен Джеральд, издатель «Сан-Диего Юнион Трибун», член Совета по международным отношениям (1994).

Ури Пьер, профессор Парижского университета, член Бильдербергского клуба (1994).

Уринсон Яков, министр экономики РФ (1996), консультант Трехсторонней комиссии.

Урфер Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Утгов Виктор, член Совета по международным отношениям (1994).

Утли Гаррик, корреспондент Эй-би-си Ньюс, директор Совета по международным отношениям.

Уттон Альберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Ушер Виллььям, член Совета по международным отношениям (1994).

Уэллер Ральф, председатель правления «Отис элевейтор», член Совета по международным отношениям (1994).

Уэллс Герман, канцлер Индианского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Уэллс Дамон, владелец фирмы «Дамон Уэллс Интерестс» (Хьюстон), член Совета по международным отношениям (1994).

Уэллс Луис, член совета Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Уэллс Самуэль, заместитель директора Международного центра В. Вильсона, член Совета по международным отношениям (1994).

Уэлс Джейн, один из руководителей аппарата президента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Уэтани Хидзамицу, председатель правления «Ямаици Секьюритис» (Токио), член Трехсторонней комиссии (1994).

Фабиан Лэрри, член Фонда Рокфеллера, вице-президент Совета по международным отношениям.

Фабиус Лаурент, член Национального собрания Франции, бывший премьер-министр Франции, член Бильдербергского клуба (1994).

Фавац Лейла, член Совета по международным отношениям (1994).

Фальк Памела, член Совета по международным отношениям (1994).

Фальк Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Фалько Матеа, член Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Фарер Том, профессор Тулейнской юридической школы, член Совета по международным отношениям (1994).

Фармер Томас, директор Совета международного развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Фаррингтон Томас, член Совета по международным отношениям (1994).

Фаскел Данте, конгрессмен от штата Флориды, член Совета по международным отношениям (1994).

Фауп Грэхем, директор по международным делам Института глобальной этики, член Мирового Форума (1996).

Феерштейн Марк, политический советник госдепартамента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Фейнер Ава, член Совета по международным отношениям (1994).

Фейнштейн Диана, сенатор от штата Калифорния, член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Фейссель Густав, член Совета по международным отношениям (1994).

Фейф Дуглас, член Совета по международным отношениям (1994).

Фейциоглу Туран, заместитель премьер-министра Турции, член Бильдербергского клуба (1994).

Фелан Джон, председатель Нью-Йоркской фондовой биржи, член Совета по международным отношениям (1994).

Феллоус Джеймс, вашингтонский издатель журнала «Атлантик Манфли», член Совета по международным отношениям (1994).

Фельдман Марк, президент фирмы «Международные советники», член Совета по международным отношениям (1994).

Фельдштейн Мартин, президент Национального бюро экономических исследований, профессор Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Фельтман Джеффри, член Совета по международным отношениям (1994).

Фенстер Стивен, член Совета по международным отношениям (1994).

Фео Джулио, председатель Административного совета (Мадрид), член Трехсторонней комиссии (1994).

Фербэнкс Дуглас, актер Голливуда, член Совета по международным отношениям (1994).

Фербэнкс Ричард, старший советник Центра стратегических и международных исследований, член Совета по международным отношениям (1994).

Фергюсон Вилльям, председатель корпорации «Нинекс», член Совета по международным отношениям (1994).

Фергюсон Глен, посол США в Кении, президент радиостанции «Свободная Европа», член Совета по международным отношениям (1994).

Фергюсон Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Фергюсон Чарльз, член Совета по международным отношениям (1994).

Феррари Фрэнк, член Совета по международным отношениям (1994).

Ферраро Джеральдин, совладелец фирмы «Кек, Махин, Кейт энд Коефер» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Ферре Антонио, президент «Нуево Диа», член Совета по международным отношениям (1994).

Ферре Маурис, член Советов Центра международной политики и Центра национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Феррер Карлос, председатель правления корпорации «Феррер интернэшнл», председатель правления Банка Европы (Барселона), член Трехсторонней комиссии (1994).

Фессенден Харт, член генерального совета Экспортно-импортного банка США, член Совета по международным отношениям (1994).

Феттер Стив, член Совета Центра международной политики и Совета по международным отношениям (1994).

Фешараки Ферейдин, член Совета по международным отношениям (1994).

Фешбах Мюрри, член Совета по международным отношениям (1994).

Фивер Петер, директор программ оборонной политики Совета национальной безопасности, член Совета по международным отношениям (1994).

Фигуэрэс Анна, помощник казначея Совета по международным отношениям.

Фиерс Милдред, член Совета по международным отношениям (1994).

Филдс Кеннет, президент корпорации «Икс-Имедж» (1995), член Мирового Форума (1995).

Филлипс Кристофер, посол США в Брунее, член Совета по международным отношениям (1994).

Филлипс Рассел, вице-президент Фонда братьев Рокфеллеров, член Совета по международным отношениям (1994).

Филхо Роберто, директор Ипирангской нефтяной компании, член Мирового Форума (1995).

Финберг Барбара, вице-президент «Карнеги корпорейшн оф Нью-Йорк», член Совета по международным отношениям (1994).

Фингер Сеймэр, профессор Городского университета Нью-Йорка, член Совета по международным отношениям (1994).

Финкельштейн Лауренс, член Совета по международным отношениям (1994).

Финлаусон Грант, член Совета по международным отношениям (1994).

Финн Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Финни Паул, член Совета по международным отношениям (1994).

Фирмедж Эдвин, член Совета по международным отношениям (1994).

Фитцгиббонс Гарольд, член Совета по международным отношениям (1994).

Фитцжеральд Гаррет, премьер-министр Ирландии, член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Фитцжеральд Франс, член Совета международного развития, член Фонда Карнеги, член Совета по международным отношениям (1994).

Фитц-Регадо Лаури, помощник министра торговли США, член Совета по международным отношениям (1994).

Фифилд Рассел, один из руководителей «Уолл-стрит джорнел», член Совета по международным отношениям (1994).

Фишер Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Фишер Джордж, председатель правления корпорации «Истмен Кодак», член Трехсторонней комиссии (1994).

Фишер Кэтлин, член Совета по международным отношениям (1994).

Фишер Даниель, член Совета по международным отношениям (1994).

Фишер Ричард Б., председатель правления корпорации «Морган Стэнли груп», член Трехсторонней комиссии (1994).

Фишер Ричард В., член Фонда наследия, член Совета по международным отношениям (1994).

Фишер Роджер, попечитель Хадсонского института, руководитель специальных проектов Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Фишлоу Альберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Фланаган Стефен, член Совета по международным отношениям (1994).

Фланиган Петер, директор фирмы «Диллон, Рид энд К°», член Совета по международным отношениям (1994).

Флетчер Филип, член Совета по международным отношениям (1994).

Флинн Лоренс, руководитель организации «Неограниченное будущее» (Швеция), член Мирового Форума (1995).

Флинн Стефен, член Совета по международным отношениям (1994).

Флорио Джеймс, губернатор Нью-Джерси (США), член Бильдербергского клуба (1994).

Флурнуа Мишель, член Совета по международным отношениям (1994).

Флэхерти Питер, член Совета по международным отношениям (1994).

Фогель Эзра, профессор Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Фогельгезанг Санди, член Совета по международным отношениям (1994).

Фоглеман Рональд, командующий воздушными мобильными силами США, член Совета по международным отношениям (1994).

Фойг Карстен, член германского бундестага, член Трехсторонней комиссии (1994).

Фокс Джозеф, президент корпорации «Чесапик», член Совета по международным отношениям (1994).

Фокс Дональд, совладелец фирмы «Фокс энд Хоран» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Фокс Метью, теолог, писатель, член Мирового Форума (1995).

Фокс Элеонор, профессор права Нью-Йоркского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Фолей С. Р., член Совета по международным отношениям (1994).

Фолей Томас, конгрессмен от штата Вашингтон, спикер палаты представителей, директор Совета по международным отношениям, член Трехсторонней комиссии (1994).

Фон Амеронген Отто, председатель Восточного комитета германской промышленности, член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Фон Клемперер Альфред, член Совета по международным отношениям (1994).

Фон Мерен Роберт, совладелец фирмы «Дебевуа энд Плимптон» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Фонда Джейн, актриса, член Мирового Форума (1995).

Фонтане Андре, главный редактор «Монд» (Франция), член Бильдербергского клуба (1994).

Фор Люси, французская писательница, член Бильдербергского клуба (1994).

Фор Эдгар, президент Национального собрания Франции, член Бильдербергского клуба (1994).

Форд Генри (второй), член Бильдербергского клуба (1994).

Форд Джеральд, президент США, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Форестер Лин, член Совета по международным отношениям (1994).

Форман Шепард, член Совета Центра международной политики и Совета по международным отношениям (1994).

Форрестер Анна, член Совета по международным отношениям (1994).

Форрестол Роберт, президент Федеральной резервной системы, член Совета по международным отношениям (1994).

Форсберг Рэндэлл, директор Института по изучению оборонных проблем и разоружению (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Форстенцер Том, один из руководителей ЮНЕСКО, член Мирового Форума (1995).

Форт Рэндэлл, заместитель госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994).

Форте Франческо, профессор Туринского университета, член Бильдербергского клуба (1994).

Фортье Жув, представитель Канады в ООН, совладелец фирмы «Огилви Рено, Барристер энд Солиситорс», член Трехсторонней комиссии (1994).

Фостер Бренда, член Совета по международным отношениям (1994).

Фоулер Генри, совладелец фирмы «Голдман Закс», директор Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Фрай Альтон, вице-президент Совета по международным отношениям (1994).

Фрай Виллььям, член Совета по международным отношениям (1994).

Фрай Эрл, председатель Бридхэм Янг университета (канадские исследования), член Совета по международным отношениям (1994).

Фрайед Эдвард, член Брукингского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Фрайленгусен Петер, член Совета по международным отношениям (1994).

Франклин Винстон, руководитель Института духовных наук, член Мирового Форума (1996).

Фредерик Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Фредерикс Вэйн, директор Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Фрей Дональд, директор корпорации «Кларк эквипмент», член Совета по международным отношениям (1994).

Фрейдхайм Кирус, вице-президент корпорации «Буз, Аллен энд Гамильтон» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Фрейтаг Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Френкель Эндрю, член Совета по международным отношениям (1994).

Френкель Марвин, совладелец фирмы «Крамер, Левин, Нафталис, Нессен, Камин энд Френкель», член Совета по международным отношениям (1994).

Френкель Франсин, профессор Пенсильванского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Фреско Паоло, вице-председатель правления корпорации «Дженерал электрик», член Трехсторонней комиссии (1994).

Фреунд Джеральд, президент «Прайвиг Фандинг Ассошиэйшнс», член Совета по международным отношениям (1994).

Фрибург Мишель, член Совета по международным отношениям (1994).

Фрибург Поль, член Совета по международным отношениям (1994).

Фридман Бенджамин, руководитель факультета экономики Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Фридман Джордана, директор программ международной безопасности Совета экономических приоритетов, член Мирового Форума (1996).

Фридман Дэвис, член Совета по международным отношениям (1994).

Фридман Лоуренс, руководитель факультета военных исследований Королевского колледжа (Великобритания), член Бильдербергского клуба (1994).

Фридман Стефен, сопредседатель фирмы «Голдман Закс», член Бильдербергского клуба (1994), Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Фридман Томас, ведущий журналист «Нью-Йорк таймс», член Совета по международным отношениям (1994).

Фримонт-Смит Марион, совладелец фирмы «Чоат, Холл энд Стюарт» (Бостон), член Совета по международным отношениям (1994).

Фримэн Беннетт, член Совета по международным отношениям (1994).

Фримэн Гарри, крупный государственный чиновник (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Фримэн Орвилль, министр сельского хозяйства США, член Совета международного развития и Совета по международным отношениям (1994).

Фринд Теодоре, президент фирмы «Эйзенхауэр эксчейндж феллоушип», член Совета по международным отношениям (1994).

Фромкин Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Фромм Жозеф, заместитель главного редактора журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», член Совета по международным отношениям (1994).

Фромуф Питер, специальный помощник госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994).

Фрост Эллен, одна из руководителей Института международной экономики, член Совета Центра национальной политики и Совета по международным отношениям (1994).

Фрут Кеннет, член Совета по международным отношениям (1994).

Фрэнк Исайа, профессор Университета Джона Гопкинса, член Совета по международным отношениям (1994).

Фрэнк Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Фрэнк Томас, профессор права Нью-Йоркского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Фрэнк Чарльз, вице-президент корпорации «Джи-Е Кэпитал», член Совета по международным отношениям (1994).

Фрэнке Альберт, совладелец фирмы «Куртис, Маллет-Превост, Колт энд Мосле» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Фрэнклин Джордж, директор Совета по международным отношениям (1972—1983), почетный член этого совета.

Фуербрингер Отто, член Совета по международным отношениям (1994).

Фукс Мишель, президент Национальной федерации оптовой торговли и экспортных операций (Германия), член Трехсторонней комиссии (1994).

Фукукава Синдзи, вице-президент корпорации «Коб Стил» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Фукуяма Френсис, член Совета по международным отношениям (1994).

Фуллер Виллььям, президент Фонда Азии, член Совета по международным отношениям (1994).

Фуллер Катрин, президент Фонда животного мира (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Фуллертон Виллььям В., член Совета по международным отношениям (1994).

Фулон Марк, член Совета по международным отношениям (1994).

Функабаси Иоци, руководитель вашингтонского бюро японской газеты «Асахи симбун», член Трехсторонней комиссии (1994).

Фурлауд Ричард, директор фирмы «Бристоль-Майерс Сквиб», член Совета по международным отношениям (1994).

Фут Эдвард, президент Университета Майами, член Совета по международным отношениям (1994).

Футтер Эллен, председатель правления «Фед» (Нью-Йорк), президент Бернард-колледж (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Фэм Кин, член Совета по международным отношениям (1994).

Фэнжул Оскар, председатель правления корпорации «Пепсол» (Мадрид), член Трехсторонней комиссии (1994).

Фэннинг Катерин, профессор Бостонского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Фэнтон Джонатан, президент Новой школы социальных исследований (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Фэрр Сюзанн, член совета Гарвардского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Хаависто Рекка, министр иностранных дел Финляндии, член Мирового Форума (1996).

Хаас Питер, директор корпорации «Леви Страус», член Совета по международным отношениям (1994).

Хаас Роберт, председатель правления корпорации «Леви Страус», член совета Брукингского института.

Хаббад Ювонн Юазбек, член Совета по международным отношениям (1994).

Хаббард Барбара Маркс, президент Фонда эволюции сознания, глава секты дианетики, член Мирового Форума

(1995—1996), одна из инициаторов создания Организации Объединенных Религий.

Хавбауер Гэри, Институт международной экономики, член Совета по международным отношениям (1994).

Хаворт Говард, президент «Хаворт груп» (1995), член Мирового Форума (1995—1996).

Хаггард Стефен, член Совета по международным отношениям (1994).

Хадсон Мишель, профессор Джорджтаунского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Хадсон Мэнли, совладелец фирмы «Кмарли, Готтлиб энд Гамильтон», член Совета по международным отношениям (1994).

Хазард Джон, профессор Кембриджского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Хазбендс Джо, директор Комитета по международной безопасности и контролю над вооружениями Американской академии наук, член Мирового Форума (1996).

Хайат Арнольд, руководитель фонда «Страйд Райт», член Мирового Форума (1996).

Хайгхебаерт Джан, председатель правления финансовой группы «Алмани-Кредибэнк» (Великобритания), член Бильдербергского клуба (1994).

Хайд Генри, конгрессмен от штата Иллинойс, член Совета по международным отношениям (1994).

Хайет Кейт, член Совета по международным отношениям (1994).

Хайк Филип, член Совета по международным отношениям (1994).

Хайленд Вилльям, профессор Джоржтаунского университета, бывший издатель журнала Совета по международным отношениям «Форин афферс», член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Хаймс Джеймс, профессор Флоридского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Хайнерфелд Руфь, вице-председатель Ассоциации ООН в США, член Совета по международным отношениям (1994).

Хайннекенс Жэн, председатель правления «Белгиан Боренбонд» (Бельгия), член Трехсторонней комиссии (1994).

Хайнс Джеральд, руководитель фирмы «Индастриал энд Резидентал» (Хьюстон), член Совета по международным отношениям (1994).

Хайт Бойд, совладелец фирмы «О'Мелвени энд Майерс, Л. А.», член Совета по международным отношениям (1994).

Хак Кхадья, вице-президент Центра человеческого развития (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Хаким Питер, член Совета по международным отношениям (1994).

Халаби Наджиб, член совета Брукингского института, директор Совета по международным отношениям (1970—1972).

Халей Джон, заместитель председателя правления «Киссинджер энд ассошиэйтс», член Совета по международным отношениям (1994).

Халефоглу Вахит, министр иностранных дел Турции, член Бильдербергского клуба (1994).

Халилзад Залмей, член Совета по международным отношениям (1994).

Халстед Томас, член Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Хальберштадт Виктор, профессор Лейденского университета (Нидерланды), почетный генеральный секретарь Бильдербергского клуба.

Хальтман Тамела, член Совета по международным отношениям (1994).

Хамалайнен Сиркка, председатель правления Банка Финляндии, член Бильдербергского клуба (1994).

Хаммель Артур, член Совета по международным отношениям (1994).

Хан Рашид, директор «Эль Фейсал Инвест Бэнк», член Мирового Форума (1996).

Ханкок Эллен, вице-президент корпорации «ИБМ», член Совета по международным отношениям (1994).

Ханридер Вольфрам, член Совета по международным отношениям (1994).

Хансбергер Уоррен, член Совета по международным отношениям (1994).

Хансен Кейт, член Совета по международным отношениям (1994).

Хансен Кэрол, член Совета по международным отношениям (1994).

Хансон Фор, председатель правления Совета по национальному здравоохранению, член Совета по международным отношениям (1994).

Хантер Роберт, представитель США в НАТО, член Совета Центра стратегических и международных исследований, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Хантер Ширин, член Совета по международным отношениям (1994).

Хантер-Голт Чэрлейн, директор Совета по международным отношениям (с 1992).

Хантингтон Самуэль, попечитель Американского института предпринимательства, член Совета по международным отношениям (1994).

Хантсман Джон, член Комиссии госдепартамента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Харари Маурис, член Совета по международным отношениям (1994).

Харбор Патриция, директор Центра качественного обучения Института Фетцера, член Мирового Форума (1996).

Харботтл Майкл, бригадный генерал (Великобритания), член Мирового Форума (1996).

Харботтл Эйрвен, директор Центра международного устройства мира (Великобритания), член Мирового Форума (1996).

Харграв Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Хардт Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Харлестон Бернар, президент Городского университета Нью-Йорка, член Совета по международным отношениям (1994).

Харлок Джеймс, совладелец фирмы «Вайт энд Кэйс» (Нью-Йорк).

Харпель Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Харпер Конрад, председатель Апелляционного суда США, член Совета по международным отношениям (1994).

Хасегава Ноцисиге, корпорация «Сумитомо Кемикл» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Хасида Тайцо, «Фудзи Бэнк» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Хаскелл Джон, директор корпорации «Диллон, Рид энд К°», член Совета по международным отношениям (1994).

Хаскинс Карил, почетный попечитель Корпорации Карнеги, попечитель Фонда Азии, член Совета по международным отношениям (1994).

Хата Цутому, министр иностранных дел Японии, бывший премьер-министр и министр финансов, член Трехсторонней комиссии (1994).

Хатфилд Броня, президент Центра исследований духовного развития, член Мирового Форума (1995).

Хатцель Мишель, член Совета по международным отношениям (1994).

Хау Лоуренс, профессор Тайваньского университета, член Мирового Форума (1995).

Хаузер Вилльям, член Совета по международным отношениям (1994).

Хаузер Рита, член Хаузер-фонда, директор Совета по международным отношениям.

Хаус Карен, вице-президент фирмы «Доу Джонс энд К°», директор Совета по международным отношениям.

Хаутейс Джозев, президент «С. С. С.» (Бельгия), вице-президент «С. М. Т.», член Бильдербергского клуба (1994).

Хаутон Амори, конгрессмен от штата Нью-Йорк, член Совета по международным отношениям (1994).

Хаутон Джеймс, председатель правления корпорации «Корнинг», член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Хафнер Джозеф, президент корпорации «Ривиана фудз», член Совета по международным отношениям (1994).

Хаффтингтон Рой, посол США в Австрии, член Совета Брукингского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Хафштедлер Ширли, попечитель Фонда Карнеги, совладелец фирмы «Хафштедлер, Каус энд Этингер», член Совета по международным отношениям (1994).

Хеард Джордж, попечитель Фонда Форда, канцлер Вандербильдтского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Хегинботам Стэнли, член Совета по международным отношениям (1994).

Хедстром Митчелл, попечитель Фонда Форда, вице-президент «Ситибэнк Н. А.», член Совета по международным отношениям (1994).

Хезбург Теодор, президент Университета Нотр-Дам, бывший директор Совета по международным отношениям, член Бильдербергского клуба (1994).

Хейвард Томас, член Совета по международным отношениям (1994).

Хейг Александр, госсекретарь США, президент «Уорлдвайд ассошиэйшн», член Совета по международным отношениям (1994).

Хейманн Джон, председатель «Меррилл Линч...», член Совета Брукингского института и Совета по международным отношениям (1994).

Хеймович Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Хейнеман Бенджамин, вице-президент «Дженерал электрик», член Совета Центра национальной политики и Совета по международным отношениям (1994).

Хейнес Ульрих, декан школы бизнеса Университета Хофстра, член Совета по международным отношениям (1994).

Хейнес Фред, управляющий отделом Министерства торговли США, член Совета по международным отношениям (1994).

Хейнс Роджер, член правления Фонда Джеймса Ирвинга, член Совета по международным отношениям (1994).

Хейнцен Гарри, член Совета по международным отношениям (1994).

Хейс Маргарет, член Совета по международным отношениям (1994).

Хейс Самуэль, почетный директор Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Хейфец Элейн, член Совета по международным отношениям (1994).

Хек Чарльз, директор Трехсторонней комиссии, член Совета по международным отношениям (1994).

Хекшер Август, президент Фонда Вудро Вильсона, член Совета по международным отношениям (1994).

Хелмс Ричард, посол США в Иране, член Совета по международным отношениям (1994).

Хербст Джеффри, член Совета по международным отношениям (1994).

Херл Иоганнес, руководитель «Бейерише Веринсбанк АГ», член Мирового Форума (1996).

Херст Роберт, основной владелец фирмы «Голдман Закс», член Совета по международным отношениям (1994).

Хиггинс Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Хиглионе Лорен, член Совета по международным отношениям (1994).

Хикс Ирвин, посол США на Сейшельских островах, член Совета по международным отношениям (1994).

Хили Гарольд, член Совета по международным отношениям (1994).

Хили Денис, Великобритания, член Бильдербергского клуба (1994).

Хили Кетлин, директор Всемирной академии бизнеса, член Мирового Форума (1996).

Хили Мелисса, член Совета по международным отношениям (1994).

Хилл Джеймс, сопредседатель правления фирмы «Ширсон Леман бразерс», член Совета по международным отношениям (1994).

Хилл Френч, помощник заместителя госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994).

Хиллгрен Сонья, вашингтонский издатель «Фарм джорнэл», член Совета по международным отношениям (1994).

Хилленбранд Мартин, директор Центра политики по торговле между Востоком и Западом, член Совета по международным отношениям (1994).

Хиллс Карла, торговый представитель США при администрации президента Буша, попечитель Городского института, директор Совета по международным отношениям, член Трехсторонней комиссии (1994).

Хиллс Лаура, член руководства Корпорации международного частного развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Хилманн Грация, директор Лиги женщин-избирателей, член Мирового Форума (1996).

Хилсман Роджер, член Совета по международным отношениям (1994).

Хилтон Роберт, вице-директор Управления Объединенных начальников штабов США, член Совета по международным отношениям (1994).

Хинтон Дин, посол США в Заире, член Совета по международным отношениям (1994).

Хинтон Николас, президент «Интернэшнл Кризис груп» (1995), член Мирового Форума (1995).

Хиншау Рэндэлл, профессор Университета Джона Гопкинса, член Совета по международным отношениям (1994).

Хип-Рихтер Барбара, член Совета по международным отношениям (1994).

Хиросе Джен, почетный председатель страховой компании «Ниппон Лайф Иншурэнс», член Трехсторонней комиссии (1994).

Хиршман Альберт, профессор Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Хит Эдмунд, премьер-министр Великобритании, член Бильдербергского клуба (1994).

Хо Бейцун, премьер-министр Тайваня (1990—1993), член Мирового Форума (1995).

Хобер Аморетта, член Совета по международным отношениям (1994).

Ховей Грехэм, член Совета по международным отношениям (1994).

Ховей Джустус, член палаты представителей США, член Совета по международным отношениям (1994).

Ходдаль Одд, вице-президент Норвежских профсоюзов, член Бильдербергского клуба (1994).

Ходж Джеймс, издатель журнала «Форин афферс», бывший директор Совета по международным отношениям (ныне его член).

Ходж Джеффри, совладелец фирмы «Хедрик энд Страгл» (1995), член Мирового Форума (1995).

Ходж Уоррен, заместитель главного редактора «Нью-Йорк таймс», член Совета по международным отношениям (1994).

Ходсон Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Хоег Вести, председатель правления «Лейф Хоег», президент Ассоциации норвежских судовладельцев, член Бильдербергского клуба (1994).

Хоег Лейф, норвежский судовладелец, член Бильдербергского клуба (1994).

Хоен Виилльям, советник сенатора Сэма Нунна, член Совета по международным отношениям (1994).

Хоенлейн Малкольм, член Совета по международным отношениям (1994).

Хоепли Нэнси, главный редактор Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Хойенсгард Нилс, глава секретариата Министерства по социальным вопросам Дании, член Мирового Форума (1996).

Хойнкес Мэри, генеральный консул Агентства США по контролю над вооружениями и разоружением, член Совета по международным отношениям (1994).

Хойт Монт, директор Ассоциации иностранной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Хокинс Эштон, вице-президент «Метрополитэн мьюзеум», член Совета по международным отношениям (1994).

Хокуэт Джордж, член Совета по международным отношениям (1994).

Холбрук Ричард, посол США в Германии, директор фирмы «Леман бразерс», директор Совета по международным отношениям, член Трехсторонней комиссии (1994).

Холком Стазер, член Совета по международным отношениям (1994).

Холл Арнольд, председатель правления корпорации «Хокер Сидели груп», член Бильдербергского клуба (1994).

Холл Джейн, директор отдела по европейским делам аппарата Совета национальной безопасности США, член Совета по международным отношениям (1994).

Холл Тед, директор «Маккинси энд компани» (1995), член Мирового Форума (1995).

Холланд Мэри, директор отделения технологии информационной безопасности госдепартамента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Холлгримсон Гейр, премьер-министр Исландии, член Бильдербергского клуба (1994).

Холлик Анна, директор отделения кадровой экономической политики госдепартамента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Холлингбай Пол, директор фирмы «Беар Стернс», член Совета по международным отношениям (1994).

Холмс Генри, посол США по специальным поручениям, член Совета по международным отношениям (1994).

Холст Иоган, министр обороны Норвегии, член Трехсторонней комиссии (1994).

Холт Рэт, член Совета по международным отношениям (1994).

Хольм Нейлс, председатель правления европейской фирмы «Рэмболл энд Ханнеман», член Трехсторонней комиссии (1994).

Хори Тецуйе, президент Японского банка долгосрочного кредитования, член Трехсторонней комиссии (1994).

Хормель Рэмпа, сопредседатель института «Глобал инвайронмент» (1995), член Мирового Форума (1995).

Хорнер Матина, президент Рэдклифф-колледж, член Совета по международным отношениям (1994).

Хорэм Джон, член Британского парламента, член Бильдербергского клуба (1994).

Хосоми Такаси, председатель правления Исследовательского института (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Хоттелет Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Хоувелл Давид, член Британского парламента, член Трехсторонней комиссии (1994).

Хоувелл Эрнест, попечитель Фонда Азии, вице-президент фирмы «Смит Барни», член Совета по международным отношениям (1994).

Хоугланд Джимми, издатель «Вашингтон пост», член Совета по международным отношениям (1994).

Хоум, лорд, бывший председатель правления Бильдербергского клуба (ныне его член).

Хоуп Юдифь, директор корпорации «ИБМ», член Совета по международным отношениям (1994).

Хоффман Адонис, член Совета по международным отношениям (1994).

Хоффман Мишель, руководитель отдела химии Министерства сельского хозяйства США, член Совета по международным отношениям (1994).

Хоффман Стэнли, директор Совета по международным отношениям (1983—1992), член издательского совета Фонда Карнеги, член Бильдербергского клуба (1994).

Хох Фрэнк, член Совета по международным отношениям (1994).

Хохенберг Джон, профессор Колумбийского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Хуан Руф, руководитель Тайваньской телекомпании, член Мирового Форума (1995).

Худ Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Хуизенга Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Хукс Бенджамин, директор Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Хупс Таунзенд, вице-председатель правления корпорации «Резиль Интернэшнл», член Совета по международным отношениям (1994).

Хуссейн Абид, вице-председатель Фонда Раджива Ганди (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Хуссейн Ноор, королева Иордании, сопредседатель Мирового Форума.

Хьюбнер Ли, член Совета по международным отношениям (1994).

Хьюдж Джеффри, член Совета по международным отношениям (1994).

Хьюджес Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Хьюджес Томас, президент Фонда Карнеги, член Совета по международным отношениям (1994).

Хьюлетт Сильвия, член Совета по международным отношениям (1994).

Хьюм Эллен, обозреватель «Уолл-стрит джорнэл», член Совета по международным отношениям (1994).

Хэдли Стефен, член Совета по международным отношениям (1994).

Хэнсом Патриция, заместитель директора госдепартамента США по контролю за вооружениями, член Совета по международным отношениям (1994).

Цван Ари, председатель «Уорлд софтвер груп» (Гаага), член Трехсторонней комиссии (1994).

Цвик Чарльз, председатель правления банковской корпорации «Сауфист», попечитель Фонда Карнеги, член Совета по международным отношениям (1994).

Цидель Джин, руководитель Фонда Джин Линд Цидель, член Мирового Форума.

Циммерман Виллъям, директор Центра политических исследований, член Совета по международным отношениям (1994).

Циммерман Петер, член Совета по международным отношениям (1994).

Циммерман Уоррен, посол США в Югославии, член Фонда Карнеги, член Совета по международным отношениям (1994).

Циммерман Эдвин, член «Ковингтон энд Бурлинг» (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Цинберг Дороти, ведущий исследователь Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Циндер Нортон, советник по инвестициям, член Совета по международным отношениям (1994).

Цино Иоситоки, председатель правления корпорации «Дайва Секьюрити», член Трехсторонней комиссии (1994).

Цракет Чарльз, попечитель Хадсонского института, попечитель корпорации «МИТРЕ», член Совета по международным отношениям (1994).

Цукерман Гарриет, член совета Колумбийского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Цукерман Мортимер, шеф-издатель журналов «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», «Нью-Йорк дейли ньюс», «Атлантик мансли», член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Цуцуми Сейдзи, председатель правления корпорации «Саизон» (Япония), член Трехсторонней комиссии (1994).

Чавец Линда, член Совета по международным отношениям (1994).

Чамберс Анна, член директората корпорации «Кокс Интерпрайзес», член Совета по международным отношениям (1994).

Чанселлор Джон, комментатор телекомпании «Эн-би-си ньюс», член Совета по международным отношениям (1994).

Чао Элейн, директор «Юнайтед вэй Америка», член Совета по международным отношениям (1994).

Чарльз Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Чарпи Роберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Чейвес Абрам, профессор Гарвардского университета, член Совета Центра национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Чейвес Антониа Хэндлер, член Совета международного развития и Совета по международным отношениям (1994).

Чейлленор Гершель, член Совета международного развития и Совета по международным отношениям (1994).

Чейн Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Чейни Ричард, сенатор, министр обороны США, директор Совета по международным отношениям.

Чейс Джеймс, член Фонда Карнеги за международный мир, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Чейсин Дана, член Совета по международным отношениям (1994).

Чейфи Джон, сенатор, подкомитеты разведки, финансов, малого бизнеса; член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Челендон Альбин, член Национального собрания Франции, член Бильдербергского клуба (1994).

Чен Кимбэл, член Совета по международным отношениям (1994).

Ченаулт Кеннефи, президент корпорации «Америкэн экспресс», член Совета по международным отношениям (1994).

Черн Лео, член Совета по международным отношениям (1994).

Черчилль Бунтзи, член Совета по международным отношениям (1994).

Чивер Даниэль, профессор Бостонского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Чикеринг Лауренс, член Совета по международным отношениям (1994).

Чиллер Тансу, министр иностранных дел Турции, сопредседатель Мирового Форума.

Числер Уолкер, член верховного военного командования США, член Бильдербергского клуба (1994), член Совета по международным отношениям (1994).

Чиу Вилли, президент «ИБМ дайджител лайбрери», член Мирового Форума (1996).

Чодхри Кирен Азиз, член Совета по международным отношениям (1994).

Чолмонделей Паула, член Совета по международным отношениям (1994).

Чонг Антонио, директор Информационной корпорации США по Дальнему Востоку (1995), член Мирового Форума (1995).

Чоу Джек, «Фогерти Интернэйшнл Сентер», член Совета по международным отношениям (1994).

Чубайс Анатолий, первый вице-премьер России (1992—1998), консультант Совета по международным отношениям и Трехсторонней комиссии.

Чубб Хендон, член Совета по международным отношениям (1994).

Чукри Назли, член Совета по международным отношениям (1994).

Чэнис Джонатан, член Совета по международным отношениям (1994).

Чэпмэн Маргарет, член Совета по международным отношениям (1994).

Шаетцель Роберт, член Совета международного развития и Совета по международным отношениям (1994).

Шайнер Жозетт, член Совета по международным отношениям (1994).

Шалала Донна, директор Совета по международным отношениям, член Трехсторонней комиссии (1994).

Шанкер Альберт, президент Американской федерации профсоюза учителей, член Трехсторонней комиссии (1994).

Шапиро Гарольд, президент Принстонского университета, директор «Доу Кемикл», член Совета по международным отношениям (1994).

Шапиро Исаак, совладелец фирмы «Скадден, Эрпс, Слейт Мигер энд Флом», член Совета по международным отношениям (1994).

Шапиро Нат, президент «С. Ф. инвестмент», член Мирового Форума (1995).

Шапиро Рэнди, вице-президент «С. Ф. инвестмент», член Мирового Форума (1995).

Шапиро Эли, председатель правления банка «Федерал хоум лоан бэнк» (Бостон), член Совета по международным отношениям (1994).

Шарп Даниель, советник правления корпорации «Интер Матрикс груп», член Совета по международным отношениям (1994).

Шауфель, член Совета по международным отношениям (1994).

Шафер Майкл, член Совета по международным отношениям (1994).

Шаффер Гейл, госсекретарь штата Нью-Йорк, член Совета по международным отношениям (1994).

Шахназаров Георгий, директор Центра глобальных программ Фонда Горбачева (Россия), член Мирового Форума (1995).

Шахт Генри, председатель «Камминз Инджин», член Совета по международным отношениям (1994).

Шахт Серж, председатель правления Электрической компании, член Трехсторонней комиссии (1994).

Шахтер Оскар, профессор права Колумбийского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Шваб Виллььям, член Совета по международным отношениям (1994).

Шваб Сюзан, помощник министра торговли США, член Совета по международным отношениям (1994).

Швальба-Гот Фрэнк, консультант по вопросам международного развития, член Международного координационного совета Мирового Форума.

Шварц Педро, вице-президент Ассоциации национальных экономических исследований (Мадрид), член Трехсторонней комиссии (1994).

Шварц Роберт, основатель организации «Территаун 100» (1997), член директората Мирового Форума.

Шварц Томас, член Совета по международным отношениям (1994).

Шварц Фредерик, совладелец «Кравав, Свейн энд Мур» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Шварц Эрик, директор Совета национальной безопасности США, член Совета по международным отношениям (1994).

Шварцер Виллььям, окружной судья Калифорнии (Сан-Франциско), член Совета по международным отношениям (1994).

Шварцман Стивен, руководитель Управления государственного финансового контроля Нью-Йорка, член Совета по международным отношениям (1994).

Швебель Стефен, судья Международного суда в Гааге, член Совета по международным отношениям (1994).

Швейцер Брэндон, член Совета по международным отношениям (1994).

Швигерт Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Швирс Петер, член Совета по международным отношениям (1994).

Шеварднадзе Эдуард, президент Грузии, консультант Совета по международным отношениям.

Шеелайн Пол, руководитель корпорации «Интерконтинентал хотелс», член Совета по международным отношениям (1994).

Шеелайн Умберто, вице-председатель правления корпорации «Фиат» (Турин), член Трехсторонней комиссии (1994).

Шейк Кори, член Совета по международным отношениям (1994).

Шейкман Джек, президент Профсоюза работников легкой и текстильной промышленности, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Шейн Герберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Шейнбаум Стэнли, член Совета по международным отношениям (1994).

Шейнман Лоренс, член Совета по международным отношениям (1994).

Шектер Джеррольд, член Совета по международным отношениям (1994).

Шелдон Сейра, президент организации «За деятельность женщин в новом направлении», член Мирового Форума (1995).

Шелдон Элинор, профессор Калифорнийского университета (Санта-Барбара), член Совета по международным отношениям (1994).

Шелл Джонатан, руководитель Гуманитарного института Нью-Йоркского университета, член Мирового Форума (1996).

Шелл Орвилл, член Совета по международным отношениям (1994).

Шелли Салли, член Совета по международным отношениям (1994).

Шелп Рональд, предприниматель, президент фирмы, член Совета по международным отношениям (1994).

Шелтон Джоана, член палаты представителей США, член Совета по международным отношениям (1994).

Шелтон-Колби Салли, член совета Джорджтаунского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Шенк Джордж, совладелец фирмы «Коудерт бразерс» (Сан-Франциско), член Совета по международным отношениям (1994).

Шервуд Бен, член Совета по международным отношениям (1994).

Шервуд Диана, президент организации «Новая международная парадигма», член Мирового Форума (1996).

Шервуд Элизабет, помощник министра обороны США (по вопросам ядерной безопасности), член Совета по международным отношениям (1994).

Шереметев Кира, член Совета по международным отношениям (1994).

Шерри Джордж, профессор Оксидентал-колледж, член Совета по международным отношениям (1994).

Шестак Джером, совладелец фирмы «Вольф, Блок, Шофф энд Солис-Коген» (Филадельфия), член Совета по международным отношениям (1994).

Шеффер Говард, член Совета по международным отношениям (1994).

Шеффер Давид, советник госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994).

Шеффилд Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Шеффилд Джил, член Совета международного развития и Совета по международным отношениям (1994).

Шиган Данни, руководитель Совета Национального объединения иезуитов США, член Мирового Форума (1995).

Шиллинг Варнер, член Совета по международным отношениям (1994).

Шиль Адем, специалист по вопросам карьеры, автор известной книги «Искусство успеха», член Мирового Форума (1995).

Шин Чей Юон-Ша, президент Калифорнийского института межкультурных проблем (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Шинк Маргарет, президент Фонда Шалера Адамса, член Мирового Форума (1995).

Шипли Вальтер, президент корпорации «Кемикэл бэнк» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Шипман Фрэнк, директор издательства «Форум паблишинг хаус», член Мирового Форума (1995).

Ширк Сюзанн, член Совета по международным отношениям (1994).

Ширман Билл, президент Фонда глобального будущего, член Мирового Форума (1996).

Шифтер Ричард, специальный помощник президента США по Совету национальной безопасности, член Совета по международным отношениям (1994).

Шифф Фрэнк, член Совета по международным отношениям (1994).

Шлезингер Артур Мейер, специальный помощник президента США (1961—1964), член совета Центра национальной политики и Совета по международным отношениям (1994).

Шлезингер Джеймс, советник «Леман бразерс», член Совета по международным отношениям (1994).

Шлейман Йорген, обозреватель «Моргенавизен Илланд-Постен» (Дания), член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Шлейп Роберт, директор по академическим делам Европейской ассоциации ролфинга, член Мирового Форума (1995).

Шлосс Леон, член Совета по международным отношениям (1994).

Шлоссер Герберт, президент телекомпании Эн-би-си, член Совета по международным отношениям (1994).

Шлэес Амити, член Совета по международным отношениям (1994).

Шмертц Герберт, президент корпорации «Шмертц», член Совета по международным отношениям (1994).

Шмертц Ричард, член сената Ирландии, председатель правления корпорации «Конрой Петролеум», член Трехсторонней комиссии (1994).

Шмидт Адольф, посол США в Канаде, член Бильдербергского клуба (1994).

Шмидт Бенно, президент «Эдисон Проджект» (Ноксвилль), член Совета по международным отношениям (1994).

Шмидт Гельмут, канцлер Германии, член Бильдербергского клуба (1994).

Шмидт-Чиари Гвидо, председатель правления «Кредитанштальт Банкферейн» (Вена), член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Шмидхейни Стефан, председатель правления корпорации «АНОВА холдингз» (Швейцария), член Бильдербергского клуба (1994).

Шмитц Рональдо, член правления «Дойче Бундесбанк» (Германия), член Трехсторонней комиссии (1994).

Шмок Курт, мэр Балтиморы, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Шмульц Отто, председатель Торговой комиссии «Восток—Запад», председатель фирмы «Вольфф», член Трехсторонней комиссии (1994).

Шмульц Эдвард, вице-президент корпорации «ГТЕ», член Совета по международным отношениям (1994).

Шнейдер Вилльям (второй), корреспондент телекомпании Си-эн-эн, член Американского института предпринимательства, член Совета по международным отношениям (1994).

Шнейдер Вилльям, председатель Агентства США по контролю над вооружениями и разоружением, член Совета по международным отношениям (1994).

Шнейдер Жан, профессор медицинского колледжа Пенсильвании, член Совета по международным отношениям (1994).

Шнейдер Сагата, руководитель журнала «Коннекшн», член Совета по международным отношениям (1994).

Шнейер Артур, раввин, почетный председатель Всемирного еврейского конгресса, член Совета по международным отношениям (1994).

Шоеттл Энид, член Совета по международным отношениям (1994).

Шомейкер Алвин, член Совета по международным отношениям (1994).

Шомейкер Дон, обозреватель «Най-Риддерс ньюспейпер», член Совета по международным отношениям (1994).

Шомейкер Кристофер, член Совета по международным отношениям (1994).

Шор Петер, член британского парламента, член Трехсторонней комиссии (1994).

Шорр Даниель, ведущий аналитик «Нэшнл паблик радио», член Совета по международным отношениям (1994).

Шорт Элейн, руководитель фирмы «Шорт Риалти», член Мирового Форума (1995).

Шпильфогель Карл, директор Азиатского общества, член Совета по международным отношениям (1994).

Шпратт Джон, конгрессмен от Южной Каролины, член Совета по международным отношениям (1994).

Шрейер Виллльям, председатель правления «Мерил Линч», член Совета по международным отношениям (1994).

Шремп Юрген, один из руководителей корпорации «Даймлер-Бенц», член Бильдербергского клуба (1994).

Шрёдер Герхард, член германского бундестага, член Бильдербергского клуба (1994).

Шривер Дональд, профессор христианской профсоюзной теологической семинарии (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Шривер Роберт, посол США, член Советов Центра международной политики и Центра национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Шродер Патриция, член конгресса США от Колорадо, член Совета по международным отношениям (1994).

Штегемейер Ричард, председатель правления корпорации «Иносал», член Совета по международным отношениям (1994).

Штейгер Пол, издатель «Уолл-стрит джорнэл» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Штейн Джонатан, член Совета по международным отношениям (1994).

Штейн Элиот, директор «Коммонвелф Кэпитал Партнерс», член Совета по международным отношениям (1994) и Мирового Форума (1995).

Штейн Эрик, профессор права Мичиганскогно университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Штейнберг Давид, президент Лон-Гайлендского университета (Бруклин), член Совета по международным отношениям (1994).

Штейнберг Джеймс, директор госдепартмента США, член Бильдербергского клуба (1994) и Совета по международным отношениям (1994).

Штейнбренер Джон, член Советов Центра международной политики и Центра национальной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Штейнер Даниель, член Совета по международным отношениям (1994).

Штелтенполь Грег, председатель правления «Одвалла», член Мирового Форума (1995).

Штерн Дебора, руководитель «Рейн Форестер энд Олсон», член Мирового Форума (1996).

Штерн Паула, член Совета Центра международной политики, председатель Федеральной комиссии США по международной торговле, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Штерн Петер, член Совета по международным отношениям (1994).

Штерн Фриц, профессор истории Колумбийского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Штерн Эрнст, руководитель подразделения Массачусетского технологического института, член Совета по международным отношениям (1994).

Штернер Майкл, директор корпорации «ИРК груп», член Совета по международным отношениям (1994).

Штернлайт Давид, член Совета по международным отношениям (1994).

Штим Юдифь, член руководства Флоридского международного университета (Майами), член Совета по международным отношениям (1994).

Штиф Кейт, член Совета по международным отношениям (1994).

Штифель Лауренс, член Совета по международным отношениям (1994).

Штога Аллан, член Совета по международным отношениям (1994).

Штоезингер Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Штокман Давид, генеральный совладелец «Блэкстоун груп», директор Административно-бюджетного управления при президенте США, член Совета по международным отношениям (1994).

Штоффт Вилльям, один из руководителей военного ведомства США, член Совета по международным отношениям (1994).

Штраус Дональд, попечитель Фонда Карнеги за международный мир, член Совета по международным отношениям (1994).

Штраус Оскар, президент фонда «Даниель энд Флоренс Гуггенгейм», член Совета по международным отношениям (1994).

Штраус Петер, председатель правления корпорации «Штраус коммьюникейшн», член Совета по международным отношениям (1994).

Штраус Роберт Шварц, посол США в России, президент фирмы «Акин, Гамс, Штраус, Хойер энд Фельд», член Совета по международным отношениям (1994).

Штраус Симон, советник по вопросам промышленности, член Совета по международным отношениям (1994).

Штраус-Хюпе, посол США в различных государствах (Цейлон, Бельгия, Швеция, Турция), а также в НАТО, член Совета по международным отношениям (1994).

Штруб Юрген, председатель правления корпорации «БАСФ» (Германия), член Бильдербергского клуба (1994).

Шуберт Густав, член совета «Рэнд корпорейшн» (Санта-Моника), член Совета по международным отношениям (1994).

Шуберт Ричард, президент фонда «Направления света», член Совета по международным отношениям (1994).

Шуйлер С. В. Р., член Совета по международным отношениям (1994).

Шулхов Майкл, вице-председатель корпорации «Сони» в США, член Совета по международным отношениям (1994).

Шульгин Александр, писатель, член Мирового Форума (1996).

Шульман Колетт, член Совета по международным отношениям (1994).

Шульман Маршалл, директор Совета по международным отношениям (1972—1977), член Бильдербергского клуба (1994).

Шульский Рена, президент организации «Грин Одит» (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Шульц Джордж, госсекретарь США (1982—1989), член совета Гуверовского института, член Совета по международным отношениям (1994), Трехсторонней комиссии (1994) и Мирового Форума (1995).

Шустер Скотт, директор «Бизнес уик», член Мирового Форума (1996).

Шух Джордж, декан Миннесотского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Шэд Джон, посол США в Нидерландах, директор различных компаний, член Бильдербергского клуба (1994).

Эбан Абба, министр иностранных дел Израиля (1966—1974), член Мирового Форума (1996).

Эббод Альфред, США, председатель «Ферст Сити Бэнк», член Совета по международным отношениям (1994).

Эббод Пабеб, США, член Совета по международным отношениям (1994).

Эберле Виллььям, председатель правления корпорации «Холдер Кэпител», член Совета по международным отношениям (1994).

Эберштадт Мэри, член Совета по международным отношениям (1994).

Эванс Гордон, член Совета по международным отношениям (1994).

Эванс Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Эванс Кэрол, член Совета по международным отношениям (1994).

Эванс Роберт, член совета корпорации «Бритиш гэз», член Бильдербергского клуба (1994).

Эванс Роланд, один из ведущих обозревателей Си-эн-эн, член Совета по международным отношениям (1994).

Эвинг Виллььям, один из руководителей Министерства юстиции США, член Совета по международным отношениям (1994).

Эгох Абдул, председатель правления «Сабах Бэнк Берхад», член Мирового Форума (1996).

Эдвардс Говард, секретарь корпорации «Атлантик Ричфилд», член Совета по международным отношениям (1994).

Эдвардс Роберт, президент Боудоин-колледж, член Совета по международным отношениям (1994).

Эдельман Альберт, член Совета по международным отношениям (1994).

Эдельман Геральд, директор Нейронаучного института, член Совета по международным отношениям (1994).

Эдельман Мариан, президент Фонда защиты детей, член Совета Центра международной политики и Совета по международным отношениям (1994), сопредседатель Мирового Форума.

Эдельштейн Джулиус, член Совета по международным отношениям (1994).

Эджевит Бюлент, член Турецкого парламента, член Бильдербергского клуба (1994).

Эдзири Коициро, председатель правления корпорации «Мицуи энд К°», член Трехсторонней комиссии (1994).

Эдли Кристофер, заместитель директора Административно-бюджетного управления США, член Совета по международным отношениям (1994).

Эйдинов Мертон, член совета Центра международной политики (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Эйзенштадт Стюарт, вице-президент фирмы «Рауэл, Гольштейн, Фрэзер энд Мэрфи», член Совета по международным отношениям (1994).

Эйлтс Герман, посол США в Саудовской Аравии, руководитель факультета Бостонского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Эйнауди Луиджи, советник госдепатамента США, член Совета по международным отношениям (1994).

Эйнауди Марио, член Совета по международным отношениям (1994).

Эйнхорн Джессика, вице-президент Всемирного банка, член Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Эйрд Джон, старший партнер фирмы «Эйрд, Циммерман энд Берилс», член Совета по международным отношениям (1994).

Эйрес Юдифь, руководитель «Энвайнментал груп», член Мирового Форума (1996).

Эйсендраф Чарльз, член Совета по международным отношениям (1994).

Эйтон Джон, президент корпорации «Браскан» (Торонто), член Трехсторонней комиссии (1994).

Эйхо Майкл, США, член Совета по международным отношениям (1994).

Эйхо Эско, премьер-министр Финляндии, член Бильдербергского клуба (1994).

Экстер Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Эктон Донна, президент «Ван Хоутен Н. Америка», член Совета по международным отношениям (1994).

Элгин Дуейн, директор организации «Выбор нашего будущего» (1995), член Мирового Форума (1995).

Эли Джон, член Совета по международным отношениям (1994).

Элиот Теодор, посол США в Афганистане, почетный генеральный секретарь Бильдербергского клуба, член Совета по международным отношениям (1994).

Эли-Рафель Нэнси, заместитель помощника госсекретаря США, член Совета по международным отношениям (1994).

Эллеманн-Йенсен Уффе, член Датского парламента, министр иностранных дел Дании, член Бильдербергского клуба (1994).

Эллиот Осборн, профессор Колумбийского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Эллиотт Байрон, председатель компании «Джон Хэнкок Мьютьюэл Иншурэнс», член Совета по международным отношениям (1994).

Эллиотт Ингер, член Совета по международным отношениям (1994).

Эллис Давид, президент Фонда Бранда (1995), член Мирового Форума (1995).

Эллис Джеймс, попечитель Фонда Генри Джексона, член Совета по международным отношениям (1994).

Эллис Патриция, сопредседатель Фонда Карнеги, член Совета по международным отношениям (1994).

Эллисон Кейт, член Совета по международным отношениям (1994).

Элляр (Аллар) Пол, руководитель корпораций «Ксерокс», «Экссон», «Сара Ли» (США), член Бильдербергского клуба (1994), Совета по международным отношениям (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Эль-Исламбули Хагар, генеральный консул Египта в США (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Эльбург Даниель, член Совета по международным отношениям (1994).

Эльсворф Паоло, вице-президент корпорации «Дженерал электрик», член Трехсторонней комиссии (1994).

Эльсворф Роберт, председатель правления корпорации «Хаумет», член Совета по международным отношениям (1994).

Эмбер Клод, главный редактор «Пуэн» (Париж), член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Эмбри Эйнслай, профессор Дьюк-университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Эмерсон Стивен, член Совета по международным отношениям (1994).

Эмерсон Элис, директор корпорации «Истман кодак», член Фонда Энрю Мелона и Совета по международным отношениям (1994).

Эмрик Джон, руководитель «Норм Томпсон Аутфиттер» (1995), член Мирового Форума (1995).

Энгхольм Бьерн, министр германской земли Шлезвиг-Гольдштейн, член Бильдербергского клуба (1994).

Эндерс Томас, член правления корпорации «Соломон бразерс» и Совета по международным отношениям (1994).

Энфовен Элейн, член Совета по международным отношениям (1994).

Эпгар Давид, старший политический советник Министерства финансов США, управляющий валютными операциями, член Совета по международным отношениям (1994).

Эпштейн Джасон, вице-президент издательства «Рэндом хаус», член Совета по международным отношениям (1994).

Эпштейн Джеффри, президент компании «Вехнер Инвестмент», член Трехсторонней комиссии (1994).

Эпштейн Джошуа, член Совета по международным отношениям (1994).

Эрб Гей, член Совета по международным отношениям (1994).

Эрб Ричард, заместитель директора Международного валютного фонда (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

Эрбсен Клод, вице-президент «Ассошиэйтед пресс», член Совета по международным отношениям (1994).

Эрбуру Роберт, председатель «Таймс Миррор», совета Брукингского института, директор Совета по международным отношениям, член Трехсторонней комиссии (1994).

Эркко Аатос, издатель «Хельсиндип Саномат» (Финляндия), член Бильдербергского клуба (1994).

Эркленц Александр, совладелец фирмы «Браун бразерс Гарриман», член Совета по международным отношениям (1994).

Эрл Ральф, директор организации «Союз юристов за мировую безопасность», член Совета по международным отношениям (1994).

Эрлих Томас, профессор Индианского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Эрнандес Хуан, руководитель школы социальных наук Техасского университета, член Мирового Форума (1996).

Эрнруф Джордж, президент корпорации «Метра» (Финляндия), член Бильдербергского клуба (1994).

Эспай Майкл, министр сельского хозяйства США, член Бильдербергского клуба (1994).

Эстабрук Роберт, издатель «Лакевилль джорнэл» (Коннектикут), член Совета по международным отношениям (1994).

Эсти Даниель, член Совета по международным отношениям (1994).

Эстрада Альфредо, член Совета по международным отношениям (1994).

Этвуд Джон, заместитель госсекретаря США, руководитель правительственного агентства по международному развитию и кооперации, член Совета по международным отношениям (1994).

Эттингер Антони, член совета Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Эшер Роберт, член Совета международного развития (США), член Совета по международным отношениям (1994).

Эшир Давид, посол США в европейских странах, президент научно-исследовательской корпорации, член Совета по международным отношениям (1994).

Юдкин Ричард, член Совета по международным отношениям (1994).

Юнус Мухаммад, директор «Грамен Бэнк» (Бангладеш), сопредседатель Мирового Форума.

Яабарра Эмелио, председатель правления банка «Бильбао-Визкайа» (Мадрид), член Трехсторонней комиссии (1994).

Яалман Нур, член Совета по международным отношениям (1994).

Явлинский Григорий, руководитель фракции «Яблоко» в российском парламенте, консультант Совета по международным отношениям и Трехсторонней комиссии.

Якоби Тамар, руководитель Новой школы социальных исследований (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Якобсон Гарольд, профессор политических наук Мичиганского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Якобсон Джером, директор Совета международного развития, член Совета по международным отношениям (1994).

Якобсон Макс, посол Финляндии в США, член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Яковлев Александр, руководитель правления российского телевидения, консультант Совета по международным отношениям и Трехсторонней комиссии.

Якусидзи Тайдзё, профессор политических наук Университета Кейо, член Трехсторонней комиссии.

Ямамото Тадаси, президент Японского центра международного обмена, член Трехсторонней комиссии (1994).

Ямасита Исаму, председатель Трехсторонней комиссии от Японии.

Янг Алисон, директор отделения Энергетического департамента, член Совета по международным отношениям (1994).

Янг Эндрю, конгрессмен от штата Джорджия, представитель США в ООН, член Совета по международным отношениям (1994).

Янг Джеймс, член Совета по международным отношениям (1994).

Янг Джоан, член Совета по международным отношениям (1994).

Янг Кристин, руководитель программы «Кто есть кто на ТВ», член Мирового Форума (1996).

Янг Крофорд, член Совета по международным отношениям (1994).

Янг Нэнси, совладелец «Ричард энд О'Нейл» (Нью-Йорк), член Совета по международным отношениям (1994).

Янг Петер, член Совета по международным отношениям (1994).

Янг Стефен, член Совета по международным отношениям (1994).

Янг Эдгар, член Совета по международным отношениям (1994).

Янгман Вилльям, председатель «Американ Хоум Эшуренс», член Совета по международным отношениям (1994).

Янкелович Даниель, директор Фонда Ч. Кеттеринг, член Совета по международным отношениям (1994).

Янкович Питер, представитель Австрии в Организации экономического сотрудничества и развития, министр иностранных дел Австрии, член Бильдербергского клуба (1994).

Янов Мерит, член Совета по международным отношениям (1994).

Янсен Майкл, президент «Янсен комьюникейшн» (1997), член Международного координационного совета Мирового Форума.

Янсен Мариус, член Совета по международным отношениям (1994).

Янссен Даниель Е., генеральный директор «У. С. Б.» (Великобритания), член Бильдербергского клуба (1994).

Янссен Даниель, барон, председатель правления фирмы «Солвей энд Ко» (Брюссель), член Бильдербергского клуба (1994) и Трехсторонней комиссии (1994).

Янссен Поль-Эммануэль, барон, председатель правления Генерального банка (Брюссель), член Трехсторонней комиссии (1994).

Ярвис Нэнси, член Совета по международным отношениям (1994).

Яргин Даниель, ведущий исследователь Гарвардского университета, член Совета по международным отношениям (1994).

Ярмолинский Адам, попечитель Центра международной политики, член Совета по международным отношениям (1994).

Яса Мамду, профессор Стамбульского университета, член Бильдербергского клуба (1994).

Ясар Селькук, крупный турецкий предприниматель из Измира, член Бильдербергского клуба (1994).

Ясин Евгений, министр экономики РФ 1994, консультант Трехсторонней комиссии.

Ясиро Масамото, вице-президент «Ситикорпорейшн», член Трехсторонней комиссии (1994).

Ястров Роберт, председатель Вильсоновского института, член Совета по международным отношениям (1994).

Ячельсон Джон, член Европейского института (Вашингтон), член Совета по международным отношениям (1994).

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

ИМПЕРИЯ МИРОВОЙ ЗАКУЛИСЫ

Платонов Олег Анатольевич

ТАЙНОЕ МИРОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
Война против России

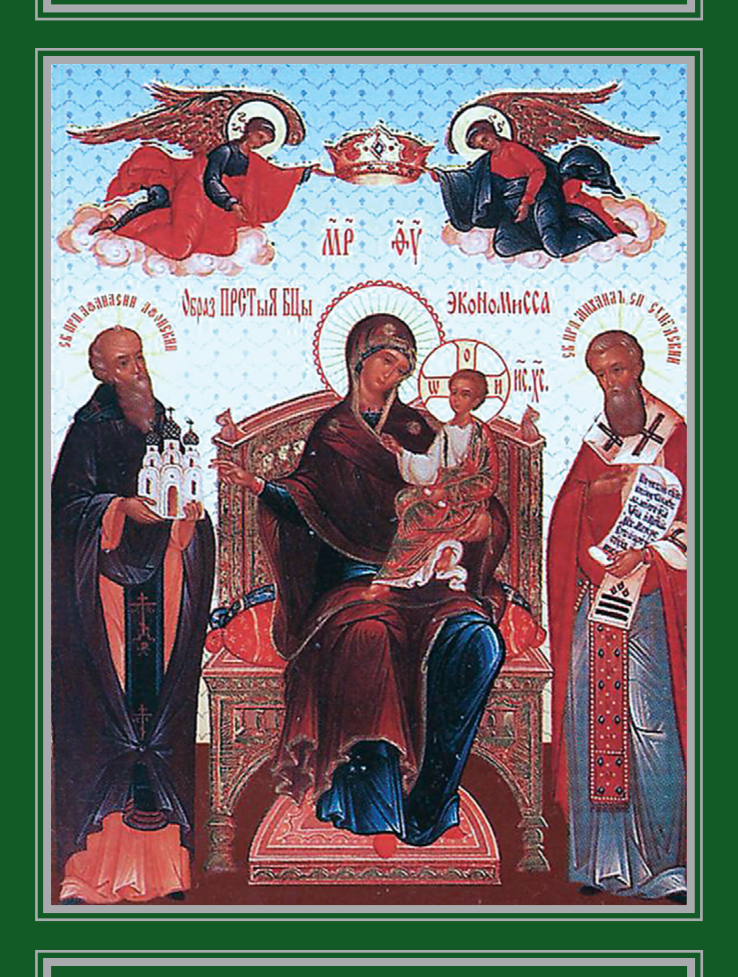
Издательство «Родная страна»

Редактор Д. И. Кузнецов
Корректор Н. С. Иванова
Верстка Д. Е. Поляков

Подписано в печать 26.10.2013.
Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11.
Тираж 2000 экз. Заказ №

ISBN 978-5-903942-22-0

Олег
ПЛАТОНОВ



РУССКАЯ ЭКОНОМИКА БЕЗ ТАЛМУДА

Олег

ПЛАТОНОВ

РУССКАЯ ПРАВДА

РУССКАЯ ПРАВДА

Серия книг Олега Платонова о судьбах русского народа и его войне с силами мирового зла, русофобии и расизма.

Русский путь
Душа России
Русский порядок
Покушение на русское царство
Революция против России
Разрушение русского царства
Под властью зверя
Эпоха Сталина
Будем жить при коммунизме
Государственная измена
Мастера государственной измены
Масоны в русской истории XX века
Большие деньги делают историю
Еврейский вопрос в русском государстве
Еврейский вопрос в СССР
Правда и мифы о погромах
Николай II: жизнь и царствование
Николай II в секретной переписке
История цареубийства
Жизнь Григория Распутина
История сионских протоколов
Триумф сионских мудрецов
Тайное мировое правительство
Почему погибнет Америка
Тайна беззакония
Россия и мировое зло
Война с внутренним врагом
Битва за Россию
Масонство и революция
Масонство и сионизм
Конец эпохи
Русское сопротивление
Холодная война против России
История русофобии
Русский труд
1000 лет русского предпринимательства
Русская экономика без Талмуда
Уроки русской экономической мысли

Олег
ПЛАТОНОВ

Русская экономика без Талмуда

«Родная страна»
МОСКВА
2014

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
П 37

Платонов О. А.
П 37 **Русская экономика без Талмуда.** – М.: «Родная страна», 2014. – 464 с.

ISBN 978-5-903942-15-2

В книге раскрываются ранее неизвестные страницы истории русской экономики, которая в течение многих столетий рассматривалась как умение вести хозяйство для обеспечения достатка и изобилия на духовно-нравственных началах. Хозяйство в русской традиционной жизни – это, прежде всего, духовно-нравственная категория, в рамках которой исключена погоня за прибылью как самоцель, а хозяйственные отношения ориентируются на определенный нравственно-трудовой порядок, порицающий поклонение деньгам и несправедливую эксплуатацию, трудовую демократию в общине и артели, преобладание моральных форм понуждения к труду над материальными.

Опираясь на труды русских экономистов, автор сравнивает два противоположных типа хозяйства – русское и западное, основанное на экономическом учении Талмуда, согласно которому «хорошо и богато» могут жить только «избранные». Главной целью жизни в экономике Талмуда является материальное преуспевание, нажива, стяжание денег и капитала любыми средствами и, прежде всего, за счет обмана и эксплуатации всех «неизбранных». Талмудические принципы «избранных» – «бери от жизни все, не дай себе засохнуть», «все и сразу» формируют эгоистическую идеологию, в которой конечным источником ценностей выступает некая избранная личность, а интересы общества подчинены жесткой конкурентной борьбе множества собственников, в которой лидируют «избранные личности», финансисты-ростовщики. Именно этот паразитический тип экономики с начала 1990-х годов насаждается в России, принося миллионам наших соотечественников разорение и нищету.

В оформлении обложки использованы картины: икона Пресвятой Богородицы «Домостроительница (Экономисса)»; «Строительные работы в монастыре». Форзацев: А. Васнецов. «Новгородский торг»; «Средневековый оркестр» (лицевой летописный свод, XVI век); «Строительство здания» (лицевой летописный свод, XVI век); «Полевые работы монашеской братии» (миниатюра из рукописи 1648 года «Житие Антония Сийского»).

ОБЩИННАЯ МОДЕЛЬ ХОЗЯЙСТВА

Русская цивилизация принадлежит к числу древнейших духовных цивилизаций мира. Ее базовые ценности сложились задолго до принятия христианства, в первом тысячелетии до нашей эры.

Опираясь на ценности своей цивилизации, русский народ сумел создать величайшее в мировой истории государство, объединившее в гармоничной связи многие другие народы, развить великую культуру, искусство, литературу, ставшие духовным богатством всего человечества. Сам факт существования тысячелетнего Российского государства свидетельствует, что его хозяйственная система была высокоэффективной в рамках внутренних потребностей, обеспечив успешное экономическое освоение огромных территорий, строительство тысяч городов, армию и тыл в борьбе с полчищами захватчиков.

Главными чертами русской цивилизации, отличающими ее прежде всего от западной цивилизации, являлись преобладание духовно-нравственных приоритетов жизни над материальными, культ добротолюбия и правдолюбия, нестяжательство, развитие самобытных форм трудового самоуправления, воплотившихся в *общине* и *артели*. К н. XX в. в России сложился уникальный экономический механизм, обес-

печивающий население страны всем необходимым и почти полностью независимый от других стран. Сформировалась система замкнутого самодовлеющего хозяйства, главными чертами которого были самодостаточность и самоудовлетворенность. Хозяйственная деятельность для русских людей была частью богатой духовной жизни.

Для понимания внутренней самодостаточности и уникальности русского хозяйственного механизма следует отказаться от западных стереотипов оценки экономических систем и признать, что наряду с западной моделью развития, ориентированной на учение *Талмуда*, существуют и другие системы экономики, функционирующие по своим внутренним, присущим только им законам. Исследования, проведенные в последние десятилетия в России и за рубежом[1], аргументированно доказывают, что экономический успех любой страны зависит от того, чтобы не было противоречия между национальными традициями страны и ее экономической практикой. Национальные традиции могут либо способствовать экономическому успеху нации, либо, если они не учитываются, вести ее к застою. В первом случае они выступают надежной опорой национальному правительству, предпринимателям и профсоюзам в их мировой конкурентной борьбе. Эффективность национальных традиций как мобилизующей общественной силы носит исторический характер и по-разному проявляется в разные эпохи.

В большинстве западноевропейских стран и в США хозяйственный механизм сформировался на основе экономического учения Талмуда, согласно которому «хорошо и богато» могут жить только «избранные». Главной целью жизни является материальное преуспевание, нажива, стяжание денег и капитала любыми средствами и прежде всего за счет

---

[1] См., напр., Д. ЛОДЖ, Э. ФОГЕЛЬ (ред.). Идеология и конкурентоспособность наций. Лондон, 1985; Макмиллан Ч. Японская промышленная система. М., 1988; ПЛАТОНОВ О. Экономика русской цивилизации. М., 1995.

обмана и эксплуатации всех «неизбранных». Талмудические принципы «избранных» — «бери от жизни все, не дай себе засохнуть», «все и сразу» формируют эгоистическую идеологию индивидуализма и предполагают «атомистическую концепцию общества», в котором конечным источником ценностей и их иерархии выступает некая избранная личность, а интересы любой конкретной общности определяются в эгоистической конкурентной борьбе множества собственников, в которых лидируют «избранные личности», финансисты-ростовщики.

Западную модель экономики можно условно назвать антихристианской индивидуалистической. Своим существованием она опровергала ценности Нового Завета и была основана на жесткой конкуренции, индивидуализме и эгоизме в проявлении жизненных интересов («каждый сам за себя»), отлаженной иерархо-бюрократической организации, необходимой в условиях острой конкурентной борьбы. Эффективный и качественный труд мотивировался в ней преимущественно материальными интересами. Возникла она под влиянием еврейских ростовщиков и предпринимателей в густонаселенных странах в условиях крайнего дефицита экономических ресурсов, но как самобытный тип определилась лишь с эпохи открытия Америки и колониальных захватов, во главе которых стояли преимущественно иудеи. Первоначальное экономическое накопление в рамках этой системы было осуществлено за счет колониального ограбления целых народов, безжалостной работорговли и бесплатного или почти бесплатного использования ресурсов захваченных территорий[1].

На иных началах строились хозяйственные механизмы таких стран, как Япония, Китай, Корея, Тайвань, сохранивших национальные традиции и обычаи многовековой общинной

---

[1] Подробнее об экономическом учении Талмуда и рожденной им западной модели хозяйствования см. раздел «Экономическое учение Талмуда и капитализм».

жизни и рассматривающие общество не как простую сумму отдельных людей, а как нечто большее, как целое, которое имеет особые потребности, выходящие за пределы экономических потребностей отдельных его членов. Согласно такой общинной (коммунитарной) модели экономики полная отдача трудового потенциала каждого отдельного человека зависит от его места в общности, от степени участия в социальном процессе. Если общность — заводская, территориальная или государственная — хорошо «устроена» и соответствует национальным традициям, ее члены будут обладать сильным чувством тождественности с ней и смогут полностью использовать свои человеческие возможности. Если общность «устроена» плохо, народ будет испытывать отчуждение, рухнут его надежды, а экономика окажется в кризисном состоянии. В отличие от экономики западных стран, где господствовал эгоистический индивидуализм, в общинной модели предпочтение отдавалось коллективизму, обеспечению органичной естественности связи и взаимозависимости между работниками, поддержанию духа общности и ответственности перед коллективом.

К общинному типу экономики принадлежала и Россия, имевшая огромное преимущество перед перечисленными выше азиатскими странами. В России община имела христианские основы, придававшие русскому хозяйству духовно-нравственный характер. Христианство уводило от алчности, стяжательства и эгоизма, порождало способность к самоограничению, направленность не на потребительскую экспансию (постоянное наращивание объемов и видов товаров и услуг как самоцель), а на обеспечение хозяйственной самодостаточности. Русский общинный тип экономики развивался на традиционных христианских ценностях сельской общины и артели, коллективизма, взаимопомощи, трудовой демократии, местном самоуправлении. Эффективный труд мотивировался в ней не только материальными, но и в значительной степени моральными стимулами.

Русская модель экономики существовала как определенный национальный стереотип хозяйственного поведения. Это не была жесткая доктрина, а постоянная развивающаяся устойчивая система представлений, опиравшихся на традиционные народные взгляды.

Изучение деятельности русской модели экономики, существовавшей как господствующий тип с X–XII вв. вплоть до н. XVIII в., а в усеченном виде даже до н. XX в., позволяет выявить основополагающие принципы ее функционирования:

1. Хозяйство как преимущественно духовно-нравственная категория. Ориентированность на определенный духовно-нравственный миропорядок.
2. Автаркия — ориентированность хозяйственных единиц и системы в целом на замкнутость, самодостаточность, самоудовлетворенность. Основной поток эффективной хозяйственной деятельности направлен не вовне, а внутрь хозяйственной системы.
3. Способность к самоограничению. Направленность не на потребительскую экспансию (постоянное наращивание объемов и видов товаров и услуг как самоцель), а на обеспечение самодостаточности.
4. Трудовой характер хозяйственной деятельности. Взгляд на труд как на добродетель. Экономический процесс направлен не на максимизацию капитала и прибыли, а на обеспечение трудовой самодостаточности.
5. Собственность — функция *труда*, а не *капитала*. Капиталом является производительная часть собственности, направленная на производство; капитал, отдаваемый в рост, рассматривается как паразитический.
6. Самобытные особенности организации труда и производства — трудовая и производственная демократия.
7. Самобытные особенности трудовой и хозяйственной мотивации — преобладание моральных форм понуждения к труду над материальными.

Экономика «Домостроя»

До XVIII в. в России не существовало понятия «*экономика*». Самобытный хозяйственный строй, господствовавший на Руси, носил название «*домостроительство*». Домостроительство в понимании русского человека — наука вести хозяйство для обеспечения достатка и изобилия на духовно-нравственных началах. Хозяйство в русской науке домостроительства — это, прежде всего, духовно-нравственная категория, в рамках которой исключена погоня за прибылью как самоцель, а хозяйственные отношения ориентируются на определенный нравственно-трудовой порядок, порицающий поклонение деньгам и несправедливую эксплуатацию. Многие основы этой науки выражены в замечательном памятнике экономической мысли и быта русского народа «Домострое».

Главная идея «Домостроя» (XVI в.) — замкнутое саморегулируемое русское хозяйство, ориентированное на разумный достаток и самоограничение (*нестяжательство*), живущее по православным нравственным нормам. Как справедливо отмечалось, духовное начало одухотворяет мир экономики. Экономика «оживает, когда все «благословенно», и благословенная денежка по милости Божией становится символом праведной жизни».

Через всю книгу «Домострой» красной нитью проходит отношение русских людей к труду как добродетели, как к нравственному деянию. Создается настоящий идеал трудовой жизни русского человека — крестьянина, купца, боярина и даже князя (в то время классовое разделение осуществлялось не по признаку культуры, а больше по размеру имущества и числу слуг). Все в доме — и хозяева, и работники — должны трудиться, не покладая рук. Хозяйка, даже если у нее гости, «всегда бы над рукодельем сидела сама».

Хозяин должен всегда заниматься «праведным трудом» (это неоднократно подчеркивается), быть справедливым, бережливым и заботиться о своих домочадцах и работниках. Хозяйка-жена должна быть «добрая, трудолюбивая, и молчаливая». Слуги — хорошие, чтобы «знали ремесло, кто кого достоин и какому ремеслу учен». Родители обязаны учить труду своих детей, «рукоделию — мать дочерей и мастерству — отец сыновей».

Книга проповедует трудолюбие, добросовестность, бережливость, порядок и чистоту в хозяйстве. Очень тактично регулируются трудовые отношения между хозяином и работником.

Труд как добродетель и нравственное деяние: всякое рукоделие или ремесло, по «Домострою», следует исполнять приготовясь, очистясь от всякой скверны и руки вымыв чисто, прежде всего — святым образам поклониться трижды в землю — с тем и начать всякое дело.

В «Домострое» проводится идея практической духовности, неразрывной с экономической стороной жизни, в чем и состоит особенность развития духовности в Древней Руси. Духовность — не рассуждения о душе, а практические дела по претворению в жизнь идеала, имевшего духовно-нравственный характер, и прежде всего идеала праведного труда.

Стремление к автономности, независимости, даже замкнутости хозяйства от внешней среды, стремление обеспечить себя всем необходимым, чтобы не зависеть от других, было характерной чертой большей части хозяйственных единиц России. Именно оно служило импульсом автаркических тенденций русской экономики. Деревня, мир, артель, монастырь стремились все сделать своими руками, создать независимое от внешней среды самостоятельное хозяйство. В этой хозяйственной независимости русский человек чувствовал себя беззаботным, но это была беззаботность трудового человека, привыкшего надеяться только на свои руки. В этом

смысле показательна заонежская сказка о беззаботном монастыре: «Как-то раз Петр I проезжал по местности, как он любитель был ездить смотреть Россию. Пришлось ехать по одному месту, видит надпись: «Беззаботный монастырь». Его заинтересовало, что это такое — «Беззаботный монастырь»? Остановился, зашел, спрашивает игумена:

— Меня заинтересовала ваша надпись, что означает ваш «Беззаботный монастырь»?

Игумен отвечает:

— А кто вы будете?

— Я буду император Петр I.

Но игумен и говорит:

— Я вам разъясню, что такое наш «Беззаботный монастырь». Вот пойдемте, я вам все докажу, из-за чего у нас зовется «Беззаботный монастырь».

В первую очередь провел по полям, по лугам, к скоту; что выращивают — показал — в саду, в огороде.

— Но теперь посмотрим, что у нас по хозяйству есть: кузнецы, золотых дел мастера, богомазы. Вот у нас беззаботный монастырь. Мы никуда не обращаемся, ни к кому ни за чем не обращаемся, все сами делаем, поэтому у нас и надпись такая, ни об чем не заботимся о другом…»

Линия «Домостроя» и «Беззаботного монастыря» проходит через всю русскую экономическую мысль. В книге *А. Т. Болотова* «Деревенское зеркало, или Общенародная книга, сочиненная не только, чтобы ее читать, но чтоб и по ней и исполнять» (1798—99) говорится: «Смолоду приучай (детей) к трудам, чтобы были добрые хлебопашцы, а не лежаки… Крестьянская жизнь потовая: труды-то нас и кормят!», «Трудись до поту — после слюбится», «Ленивый хотя желает, да не получит». Упорный труд по 12 — 14 часов в день. «Работник, — пишет Болотов, — должен летом вставать поутру в 4 часа и идти на работу. В 7 часов надобно завтракать; между 11 и 12 часов обедать, в пятом часу полдничать, а в

вечеру в 8 часов — ужинать. После можно еще что-нибудь поделать до 9 часов, а потом ложиться спать.

Таким образом можно зимой и летом поступать особливо, когда есть работа».

Строжайшая хозяйственная бережливость во всем: «Ешь то, чем можно быть сыту, пей то, чем можно утолить жажду, одевайся так, чтоб не быть нагу. Так твои расходы не будут свыше приходов». Идеальный хозяин экономен во всем и копит деньги на черный день. «Домоводство без денег стоять не может, и для того надобно хозяину деньги в запас копить».

Самообеспечение и самоограничение — важнейший хозяйственный принцип. «Что сам можешь сделать, за то денег не плати», «Не купи чего хочется, покупай, без чего обойтись нельзя». Для Болотова образцом для подражания служит трудолюбивый человек, который «во всю жизнь свою не пролакомился ни гроша, не ел ничего покупного, сам с детьми не носил ни нитки, кроме напряденова и вытканова ево женою и дочерьми». Ничего покупного — девиз самообеспечивающего крестьянского хозяйства.

И совсем неважно, если для этого придется себя ограничить в потреблении, главное — хозяйственная независимость, «беззаботность». Ведь в самом деле «От жареного не сытее наешься, как и щами с кашею», «Тонкое сукно не лучше греет сермяги», «Наработавшись, столько же сладко уснешь на соломе, как на перинах».

Кстати говоря, Болотов и сам так жил. Имея значительный достаток, не роскошествовал, а обеспечивал себе и семье только самое необходимое и разумное.

Весьма характерно, что русский человек не желал жертвовать необходимым, чтобы приобрести излишнее. Весьма характерна русская народная пословица «Лишнее не бери, карман не дери, души не губи» или «Живота (богатства) не копи, а душу не мори».

Человек не должен стремиться ни к богатству, ни к накопительству, человек должен довольствоваться малым. «Лишние деньги — лишние заботы», «Деньги — забота, мешок — тягота», «Без хлеба не жить, да и не от хлеба (не о хлебе, материальном интересе) жить», «Не о хлебе едином жив будешь», «Хлеб за живот — и без денег живет». Действительно, «зачем душу тужить, кому есть чем жить» (есть хлеб), «Без денег проживу, лишь бы хлеб был», «Без денег сон крепче», «Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою», «Напитай, Господи, малым кусом», — молит крестьянин, «Ешь вполсыта, пей вполпьяна, проживешь век дополна».

Отвергая стяжательство и накопительство, осторожно и с достоинством принимая богатство и деньги, трудовой человек выдвигает свой идеал — идеал скромного достатка, при котором и самому можно жить сносно, и помогать своим близким. «Тот и богат, кто нужды не знат», «Богаты не будем, а сыты будем».

С идеалом скромного достатка согласуется бережливость и запасливость. «Бережливость, — говорит русский человек — лучше богатства», «Запасливый лучше богатого», «Береж лучше прибытка», «Береж — половина спасения», «Запас мешка не дерет», «Запас беды не чинит».

«Маленькая добычка, да большой береж — век проживешь», «Копейка к копейке — проживет и семейка», «Домашняя копейка рубль бережет», «Лучше свое поберечь, чем чужое прожить», «Держи обиход по промыслу и добытку», «Не приходом люди богатеют, а расходом», «Кто мотает, в том пути не бывает».

«Не о том, кума, речь, а надо взять и беречь», — поучает рассудительный хозяин. «Собирай по ягодке — наберешь кузовок», «Пушинка к пушинке и выйдет перинка». В общем, «Запас мешку не порча», «Подальше положишь, поближе возьмешь».

Труд как добродетель

Вопреки сложившимся на Западе формально-догматическим трактовкам труда как проклятия Божьего отношение к труду в Древней Руси носило живой, самоутверждающий характер. Христианский индивидуализм с его установкой на личное спасение, широко господствующий в западноевропейских странах, на Руси распространения не получил, что было, по-видимому, связано с характером русского народа, жившего в условиях общины и имевшего иное понимание жизненных ценностей. Спасение на Руси мыслилось через жизнь и покаяние на миру, через соборное соединение усилий и, наконец, через подвижничество, одной из форм которого был упорный труд. С самого начала зарождения Православия труд рассматривается как нравственное деяние, как богоугодное дело, как добродетель, а отнюдь не как проклятие.

В целом, говоря о главном, что составляло сущность русского труда в эпоху его расцвета, следует подчеркнуть, что он никогда не сводился к совокупности действий или навыков, а рассматривался как проявление духовной жизни, причем, трудолюбие было характерным выражением духовности. Труд не противостоял другим элементам духовной культуры, а состоял вместе с ней в неразрывной целостности. Веками были выработаны незыблемый ритм и нормы труда — согласование отдельных этапов трудового процесса, режим дня, соотношение начала и завершения работ. Отношение к труду, отношения в трудовых коллективах регулировались нередко на религиозном уровне. В этих условиях труд был настоящим творческим действом, подчиняющимся незыблемым правилам бытия. Причем человек в этом действе был не винтиком, а полноправным действующим лицом мироздания. Недаром весь трудовой ритм связывался с именами свя-

тых, религиозными праздниками, традициями и обычаями. Именно поэтому труд носил целостный, духовно-нравственный характер.

«Работай — сыт будешь»; «молись — спасешься; терпи — взмилуются». Русский человек знал твердо — источник благополучия и богатства — труд. «Труд — отец богатства, земля — его мать». Собственность для русского человека — это право труда, а не капитала.

Добросовестный труд — нравственная гарантия благополучия человеческой жизни. Отсюда и трудовая система жизненных ценностей, система, в которой труд занимает первое место, а собственность находится на втором плане.

Народное сознание всегда считало, что единственным справедливым источником приобретения имущественных прав может быть только труд. Поэтому земля, которая не является продуктом труда, не должна находиться в индивидуальной собственности, а только во временном пользовании, право на которое может дать только труд. Большинство русских крестьян не знало частной собственности на землю. Отсюда древний трудовой идеал крестьянства, враждебно относившегося к частной собственности на землю. Земля в крестьянских общинах распределяется по тем, кто ее обрабатывает, кто может приложить к ней свою руку. Отсюда и всеобщая вера русского крестьянина в черный передел, когда вся земля будет вновь переделена между теми, кто ее фактически обрабатывает.

Россия была очень богата замлей, лесами и другими природными ресурсами. Еще в XIV–XV вв. стояли огромные массивы незаселенных земель, не освоенных ресурсов. В этих условиях владение ресурсами зависело от возможности человека освоить их своим трудом или трудом своих близких и челяди.

Земля — Божья, считал крестьянин, и принадлежать она должна тому, кто ее обрабатывает. Это основы трудового ми-

ровоззрения крестьянина, вокруг которого формировались все его другие воззрения.

Как отмечал исследователь русской общины *Ф. Щербина*, до к. XVI в. обычай свободной заимки земель был главным господствующим обычаем в экономической жизни и отношениях русского народа. Трудовое право русского человека состояло в том, что он пользовался занятым им пространством по известной формуле: «Куда топор, коса и соха ходили». Затрата труда на место заимки служила в большинстве случаев определяющим фактором владения этой землей.

Еще в XIX в. русский ученый *А. Ефименко* отмечала, что в Западной Европе имущественные отношения строились на завоеваниях, насильственном захвате одной частью общества прав другой. В России же было иначе — для большей части общества имущественные отношения носили трудовой характер. «Земля не продукт труда человека, следовательно, на нее и не может быть того безусловного и естественного права собственности, какое имеет трудящийся на продукт своего труда. Вот то коренное понятие, к которому могут быть сведены воззрения народа на земельную собственность». Аналогичные мысли выказывал кн. *А. Васильчиков.* В России, считал он, «с древних времен очень твердо было понимание в смысле держания, занятия, пользования землей, но выражение «собственность» едва ли существовало: в летописях и грамотах, как и в современном языке крестьянства, не встречаются выражения, соответствующие этому слову». Сложившийся общинный принцип ставится в России выше принципа *частной собственности.*

Таким образом, в нашем крестьянстве сохранялась гораздо в большей степени, чем на Западе, непосредственная связь между трудящимся и продуктом его труда, сохранялись и юридические отношения особого трудового типа. С почти религиозным чувством крестьянин относился к праву собственности на те земельные продукты, которые были резуль-

татом труда человека. Украсть что-либо с поля, будь то хлеб или сено, считалось величайшим грехом и позором. Причем крестьянин четко разделял предметы, являвшиеся результатом человеческого труда, и дары природы. Если кто срубит бортяное дерево (где отдельные лица держали пчел), тот вор, ибо он украл человеческий труд; кто рубит лес, никем не посеянный, тот пользуется даром Божьим, таким же даром, как вода и воздух.

Русская экономическая мысль рассматривает капитал как излишек сверх определенного уровня потребления человека или общества, включающий в себя стоимость неоплаченного труда др. людей. Он может быть достигнут частично в результате труда и бережливости, но все равно его основу составляет неоплаченный труд. Капитал может быть производительным, когда ориентируется на производство, или паразитическим, ростовщическим, когда ориентируется только на увеличение потребления его владельца сверх разумного достатка. Собирание капитала ради нового производства одобряется народной этикой и всячески порицается, когда это собирание осуществляется ради присвоения неоплаченного труда других людей.

Касаясь традиционных факторов производства — труда, земли и капитала, — важно отметить разность позиций русской и западной экономической мысли.

Коренной русский человек рассматривал стоимость того или иного продукта с трудовой точки зрения как количества труда, вложенного в его производство. Капитал допускался как дополнительный, не первостепенный фактор. Земля же для русского человека не была капиталом, а только средством приложения труда.

Традиционная западная экономическая мысль чаще всего смотрит на стоимость продукта через призму капитала и в земле тоже видит форму капитала. Труд же занимает отнюдь не приоритетное место. Преклонение перед капиталом

(стоимость, несущую в себе значительную часть неоплаченного труда) характерно именно для западной агрессивно-потребительской цивилизации.

Отношение к деньгам и богатству

В России сложилось иное, чем на Западе, отношение к деньгам и богатству. Для западного человека свобода олицетворяется в деньгах (в частности, известный афоризм Б. Франклина: «Деньги — чеканенная свобода»), для русского свобода — это независимость от денег. Западный мир чаще всего сводит понятие свободы к степени возможности покупать, стяжать все новые и новые товары и услуги, русский видит в этой «свободе» форму кабалы, опутывающую его душу и обедняющую жизнь.

«Беда деньгу родит» — настойчиво повторяет трудовой русский человек. «Деньги что каменья — тяжело на душу ложатся», «Деньги прах», «Деньгами души не выкупишь» или еще вариант этой пословицы — «Деньги прах, ну их в тартарарах». Отсюда понятно, что дало право *Ф. М. Достоевскому* писать, что русский народ оказался, может быть, единственным великим европейским народом, который устоял перед натиском золотого тельца, властью денежного мешка.

Нет, деньги для трудового человека не являются фетишем: «Лучше дать нежели взять», «Дай Бог подать, не дай Бог просить».

Западная протестантская этика рассматривает *богатство*, каким бы путем оно ни получено, как благословение Бога, а богатых как божьих избранников. Соответственно бедные — это те, кого Бог не любит, не благословляет. Для русских все наоборот. К богатству и богачам, к накопительству русский человек относится недоброжелательно и с

большим подозрением. Трудовой человек понимал, что «От трудов праведных не наживешь палат каменных», «От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь». Хотя было бы неправильным считать, что им руководило чувство зависти. Нет. Просто стяжание богатства выше своей потребности, накопительство всяких благ свыше меры не вписывалось в его шкалу жизненных ценностей. «Не хвались серебром, хвались добром».

Многие в народе считали, что любое богатство связано с грехом (и, конечно, не без основания). «Богатство перед Богом — большой грех», «Богатому черти деньги куют», «Не отвернешь головы клячом (т. е. ограбишь ближнего), не будешь богачом», «Пусти душу в ад — будешь богат», «Грехов много, да и денег вволю», «В аду не быть — богатства не нажить», «Деньги копил, да нелегкого купил», «Копил, копил, да черта купил!».

Отсюда выводы: «Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом», «Неправедная корысть впрок нейдет», «Неправедная нажива — огонь», «Неправедно нажитое боком выпрет, неправильное стяжание — прах», «Не от скудости скупость вышла, от богатства».

Итак, к богачам трудовой человек относится с большим недоверием. «Богатство спеси сродни» — говорит он. «Богатый никого не помнит, только себя помнит», «Мужик богатый гребет деньги лопатой», «У него денег — куры не клюют», «Рак клешнею, а богатый мошною», «Мужик богатый, что бык рогатый», «Богатый совести не купит, а свою погубляет».

Вместе с тем, крестьяне даже чем-то сочувствуют богатому, видя в его положении нравственное неудобство и даже ущербность. «Богатый и не тужит, да скучает», «Богатому не спится, богатый вора боится». А уж для нравственного воспитания ребенка богатство в народном сознании приносит прямой вред. «Богатство родителей — порча детям», «Отец богатый, да сын неудатый».

Порой неприязнь к богачам доходит и до проклятий: «Бога хвалим, Христа величаем, богатого богатину проклинаем!» — гласит одна из народных пословиц.

Трудовая мотивация. Оплата труда

Трудовая мотивация, построенная на принципе преобладания моральных форм понуждения к труду над материальными, была одной из главных основ культуры труда в России. Согласно этому принципу качественный и эффективный труд стимулировался не столько материальным вознаграждением, сколько различными внутренними моральными мотивами, основывающимися на народном представлении о труде как о добродетели, выполнить который плохо или некачественно — грех, строго осуждаемый общественным мнением. В народном сознании выработалась идеология нестяжательства, презрение к погоне за наживой, богатством, что, конечно, не означало склонности российских тружеников работать бесплатно. За хорошо выполненный труд полагалась справедливая награда. При этом считалось само собой разумеющимся, что работа должна быть выполнена хорошо, согласно традиционным нормам, обычаям и вековым привычкам крестьянина.

Надо хорошо работать и не думать о вознаграждении, оно само собой следует тебе за старательный труд. Народное чувство выработало идеал справедливого вознаграждения, отступление от которого — попытка обмануть, надуть работника — осуждалось как нравственное преступление.

Народная сказка о батраке и купце (попе), пытавшемся его обмануть, во всех вариантах кончается торжеством справедливости и посрамлением нечестного нанимателя. Если крестьянин, ремесленник один или с артелью нанимался (подряжался) на работу, с нанимателем заключался договор,

чаще всего устный, но нарушить его было величайшим грехом, ибо «договор дороже денег».

Договору-уговору или иначе ряде придавалось очень большое значение. «Уговор — родной брат всем делам», «Уговорец — кормилец. Ряда — не досада». «Ряда дело хорошее, а устойка (т. е. соблюдение его) того лучше», «Язык на сговоре (т. е. условия заключения)», «Рядись не торопись, — рассудительно говорит работник, — делай не сердись» или «Рядись не оглядись, верши не спеши, делай не греши».

О нечестном нанимателе говорят так: «Он на грош пятаков хочет. С алтыном под полтину подъезжает».

Поймав нанимателя на нечестности, работник не доверяет ему впредь.

Если в уговоре ошибочка выйдет по твоей вине, отвечать будешь только сам. «Рядой не вырядишь, так из платы не вымозжишь». После уговора менять ничего нельзя. «Переговор не уговор. Недоряжено — недоплачено». В следующий раз умнее будешь.

«Что побъем (руками при договоре), то и поживем. Что ударишь, то и уведешь (увезешь с собой)».

И отсюда в конце договора обязательство — «Он в долгу не останется», т.е. заплатит все без остатка, ведь так мы и сегодня говорим.

Справедливое вознаграждение за труд — дело непременное. И вот тут главную роль играют для крестьянина деньги как мера труда. «Без счета и денег нет», «Деньги счет любят, а хлеб меру», «Деньги счетом крепки». Деньги для крестьянина не золотой телец — объект поклонения, а средство счета.

«Счет не обманет», «Счет всю правду скажет», «Доверять-то доверяй, но и проверяй», «Не все с верою — ино с мерою». Впрочем, «Кому как верят, так и мерят».

«Мера — всякому делу вера, счет да мера — безгрешная вера». В расчетах не должно быть исключений. «Счет друж-

бы не портит», «Дружба дружбой, а денежкам счет», «Чаще счет, крепче дружба».

Подчеркивая трудовой характер своего заработка, русский трудовой человек говаривал: «Трудовая денежка до века живет (кормит, служит)», «Трудовая денежка всегда крепка», «Трудовая денежка плотно лежит, незаработанная ребром торчит».

Преобладание моральных форм принуждения к труду над материальными совсем не предполагало уравниловки в распределении, а наоборот, исключало ее. Для крестьянина считалось безнравственным заплатить равную плату и мастеру и простому работнику. Качественный труд должен вознаграждаться значительно выше. «Работнику полтина, мастеру рубль».

Говоря о мотивации к труду, важно отметить довольно высокий уровень оплаты труда русских тружеников по сравнению с их товарищами в западноевропейских странах. Проведенные акад. *С. Струмилиным* исследования свидетельствуют, что традиционно высокий уровень оплаты труда сложился еще в XI–XII вв. И в мирное время вплоть до XIX в. на порядок (порой не в один раз) опережал уровень оплаты западноевропейских работников.

В сер. XIX в. немецкий ученый барон Гаксгаузен, посетивший большое количество предприятий и изучивший системы оплаты труда на них, сделал вывод, что «ни в одной стране заработная плата (фабричных рабочих) не достигает такой высоты, как в России». «Даже денежная заработная плата в России, — писал он, — в общем выше, чем в Германии.

Что же касается до реальной платы, то преимущество русского рабочего перед заграничным в этом отношении еще значительнее». Перед Первой мировой войной уровень оплаты труда в промышленности России был выше уровня Англии, Германии и Франции, составляя примерно 85 % уровня США.

Роль ярмарок

Роль западной биржи в русской экономике вплоть до Петра I играли ярмарки, которых в России к. XIX в. насчитывалось 18,5 тыс. в 7 тыс. населенных пунктах. Каждая ярмарка играла роль экономического регулятора и распределителя местного сельского хозяйства, ремесла и промышленности. Одна ярмарка следовала за другой, перерастала в третью — на Николу, на Спас, на Успение, на Покров, а также в больших селах при монастырях. Зимой — сибирская ярмарка в Ирбите, осенью — Крестовско-Ивановская в Пермской губ., весной — Алексеевская в Вятской, летом — Караванная в Казанской и много, много других.

Однако главной ярмаркой России, своего рода связующим центром русской экономики, являлась Нижегородская ярмарка. Она была основным регулятором экономической жизни, отражая общий тонус хозяйственного развития страны. Именно здесь в большей степени формировался баланс между спросом и предложением, производством и потреблением главных российских продуктов. На ярмарке отдельные части, отрасли, виды деятельности гигантского хозяйственного механизма России связывались в одно целое, координировались, получали общественное признание или недоверие, определялись направления развития по крайней мере на год вперед.

Современники подчеркивают совершенно исключительную роль этой ярмарки, которая по своему значению и размаху сравнивалась только со всемирными выставками, нередко опережая их по масштабу торговых оборотов «своим значением как в торговле, так и вообще в народном хозяйстве, — и не только в русском, но и всемирном хозяйстве. Нижегородская ярмарка, без сомнения, далеко превосходит все ныне существующие во всем свете подобные ярмарочные или вре-

менные торжища. Такова она и в качественном отношении, своей экономической силой в движении народного хозяйства (своим влиянием на развитие разных его отраслей и на все его обороты), а также в количественном отношении, — размерами своих торговых оборотов и ценностью всех здесь покупаемых и продаваемых, сюда привозимых и отсюда развозимых товаров, количеством своих посетителей, и, наконец, величиной своего географического района действия».

Община и артель

Саморазвитие и самоорганизация русской экономики на селе осуществлялись в рамках самоуправления общины, создававшей условия для проявления хозяйственной инициативы и предприимчивости каждого отдельного крестьянина. Община была одновременно и органом сельского самоуправления, и общественной организацией, и объединением производственных единиц.

Хозяйственное самоуправление русских крестьян возникло в процессе освоения огромной территории нашей страны. Множество рек и озер, непроходимые леса и сравнительно малочисленное население, селившееся здесь мелкими деревеньками, между которыми порой пролегали пространства в 100 — 200 верст. Территория с центром в сравнительно большом населенном пункте называлась волостью, а население волости — миром. Волость на своих собраниях — сходах выбирала старост и некоторых др. руководящих лиц, решала вопросы о принятии в общину новых членов и выделении им земель.

Все дани и платежи, разные трудовые повинности налагались княжеской властью на всю волость, а она уж на своих сходах сама решала, как разверстать эти тяготы среди крестьян «по животам и промыслам», «по силе» каждого хозяйс-

тва, а может быть, отбывали те или иные повинности сообща, с круговой порукой всех за каждого, имущего за неимущего, «хозяйственных жильцов-волощан за пустые заброшенные участки».

«Кто за сколько душ тянет, столько землицы берет», — говорили крестьяне. «По тяге и поле», «В восемнадцать лет жениться, чтобы на тягло садиться», «На мир баран прибыл (т. е. налог, тягота)», «Постылое тягло на мир полегло (при раскладке тягла, которое никто на себя не принимает)», «Вали на мир — мир все снесет».

На первых этапах существования волостной общины крестьяне были заинтересованы в привлечении новых членов, — земли много, а чем больше людей, тем податей на одного человека будет меньше. Волость имела свой выборный крестьянский суд, и только важнейшие преступления рассматривались княжеской властью, и то материалы по ним готовились выборными крестьянами волости. Волость обеспечивала удовлетворение духовных потребностей населения: строила церкви, подыскивала для них священника, определяла их содержание, иногда заводила школы для подготовки грамотеев.

По мере роста населения и числа населенных пунктов волость дробилась на отдельные самоуправляемые общины, избиравшие в волостное управление своих выборных и принимавшие активное участие в разработке «волостной политики».

Проходили столетия, но русская деревня продолжала сохранять сложившиеся в глубокой древности традиционные формы общественной жизни. Еще в н. XX в. можно было встретить социальные структуры, существовавшие 500 и более лет назад.

Прежде всего, как и в старину, одна или несколько деревень составляли мир, сельское общество со своим демократическим собранием — сходом — и своим выборным управлением — старостой, десятским, сотским.

«В деревне, — писал Н. П. Павлов-Сильванский в к. XIX в., — действительная власть принадлежит не представителям царской администрации, а волостным и сельским сходам и их уполномоченным старшинам и сельским старостам…»

«Миром всякое дело решишь». На сходах обсуждались дела по общинному владению землей, ее разделу и перераспределению, раскладу податей, приселению новых членов общины, проведению выборов, вопросы пользования лесом, строительства плотин, сдачи в аренду рыболовных угодий и общественных мельниц, согласие на отлучку и удаление из общины, пополнения общественных запасов на случай стихийных бедствий и неурожаев.

На сходах отдельных селений (чаще составлявших только часть общины) регулировались все стороны трудовой жизни села — сроки начала и окончания сельских работ; дела, связанные с лугами («заказы» лугов, выделение вытей, жеребьевки, аукцион); починка дорог, чистка колодцев, строительство изгородей, наем пастухов и сторожей; штрафы за самовольные порубки, неявку на сход, нарушение общинных запретов; семейные разделы и выделы, мелкие преступления; назначение опекунов; конфликты между членами общины и некоторые внутрисемейные конфликты; сборы денег на общие расходы селения.

Неустойчивость и капризность погоды в условиях общины компенсировались разбивкой сельскохозяйственных земель в разных местах. Имея земельные участки то в низинах, то на взгорках, крестьянин обеспечивал себе средний устойчивый урожай, т.к. в засушливый год хороший урожай обеспечивался на низинах, а в дождливый — на обдуваемых взгорках. Община представляла также хорошую возможность для проведения масштабных агрономических мероприятий, которые были не под силу большинству индивидуальных хозяйств. С к. XIX в. община способствовала переходу крестьянских хозяйств от устарелой трехпольной

системы к многопольным севооборотам, а также от вредной «узкополосицы» к «широкой полосе».

Экономический принцип общины, отмечал А. И. Герцен, — полная противоположность знаменитому положению Мальтуса: она предоставляет каждому без исключения место за своим столом. Земля принадлежит общине, а не отдельным ее членам; последние же обладают неотъемлемым правом иметь столько земли, сколько ее имеет каждый другой член той же общины.

Община давала русскому человеку незыблемую гарантию владения землей. Причем, как справедливо отмечал кн. А. Васильчиков, русский мир имел в виду не общее владение и пользование, а, напротив, общее право на надел каждого домохозяина отдельным участком земли, тогда как обработка сообща и деление продуктов, хлеба или сена в натуре при уборке никогда не были в обычае русского крестьянина. Общественные земли, огульные работы, особенно когда они проводились по указанию помещиков или высшего начальства, вызывали у крестьян отвращение и исполнялись только по принуждению.

В отличие от экономистов-западников, видевших в общине выражение отсталости и регресса, коренная русская экономическая мысль рассматривала ее как главное условие существования русского хозяйства и гарант его процветания и стабильности в будущем. «Ближайшим русским идеалом, — писал *Д. И. Менделеев*, — отвечающим наибольшему благосостоянию нашего народа… должно считать общину, согласно — под руководством лучших и образованнейших сочленов — ведущую летом земледельческую работу, а зимой фабрично-заводскую на своей общинной фабрике или на своем общинном руднике».

Сами крестьяне крепко держались за общину и не стремились выйти из нее. Ведь еще по положению 1861 г. они имели право выйти из общины, если согласие давали две трети ее

членов. Вплоть до *Столыпинской реформы* эти случаи были единичны. Но и Столыпинская реформа, хотя и проводилась твердой государственной рукой, не удалась. В центральных русских губерниях вышедших из общины было только 2 — 4%, а в северных русских губерниях выходцев из общины почти не наблюдалось.

Исключительно русской формой хозяйственной самоорганизации и самоуправления была артель.

Русская артель представляла собой добровольное товарищество совершенно равноправных работников, призванное на основе взаимопомощи и взаимовыручки решать практически любые хозяйственные и производственные задачи. Объединение людей в артель не только не ограничивало дух самостоятельности и предприимчивости каждого артельщика, а, напротив, поощряло его. Мало того, артель удивительным образом позволяла сочетать склонность русского человека к самостоятельному и даже обособленному труду с коллективными усилиями. Подчеркивая самостоятельность и равноправие членов артели, старинная пословица гласила: «Артели думой не владати. Сто голов — сто умов».

Началом равноправности артели резко отличались от капиталистических предприятий; попытки эксплуатации одних членов артели другими, как правило, жестко пресекались (в этом плане артель была антикапиталистической организацией). Причем равноправность не нарушалась предоставлением одному из членов распорядительной функции, т.к. каждый из членов мог быть назначен товарищами на ее выполнение. В некоторых артелях распорядительная функция выполнялась поочередно каждым из артельщиков. Равноправие, конечно, не означало уравниловки — распределение дохода осуществлялось по труду.

Чисто русской особенностью этой формы труда было также то, что члены артели связывались круговой порукой, т.е.

каждый из них ручался солидарно за всех остальных, все же вместе за каждого отдельно. Этот признак вытекал из самого понятия об артели, как о самостоятельной общественной единице. Эта ответственность друг за друга есть искони исключительный признак артели, доказательством чего служат дошедшие до нас исторические памятники, договоры с артелями, заканчивающиеся указаниями, что ответственность за ущерб и убытки, нанесенные артелью, должны падать на того, «кто будет в лицах», т.е. на каждого конкретного члена артели. Все это лишний раз подчеркивало общинное происхождение артели, кровное родство с ней. Недаром Герцен считал артели передвижными общинами.

Общинные и артельные формы народной жизни и хозяйствования тесно переплетались между собой. Известны случаи, когда целые общины организовывали артель. В Вологодской и Архангельской губерниях были часты случаи, когда целые деревни — общины образовали артель по обслуживанию почты и перевозов. Такие артели сами распределяли работу между своими членами, устанавливали норму выработки и оплату труда по гонке и перевозу.

Артелью, писал историк Прыжов, называется братство, которое строилось для какого-нибудь общего дела. Русская артель имеет своего рода семейный характер: «Артель — своя семья». Про большую семью говорят: «Экая артель». Товарищеская взаимопомощь и общее согласие — главное в артели: «Артельная кашица гуще живет».

В артели человек должен был проявить свои лучшие способности и не просто приложить труд. Демократический характер артели был не в примитивном равенстве, а в равном праве для всех выразить свои способности вне зависимости от социального положения. В самых типичных артелях Древней Руси могли участвовать все без исключения при одном условии — признания ими артельных основ. В кладочные пиры, в пустынные монастыри, в братства и в вольные

дружины могли входить и «лучшие», и «молодшие» люди, и смерды, и бояре, и духовные лица, и даже князья.

На Руси существовало большое количество различных форм объединений ремесленников, но все они тяготели к общинному самоуправлению, самоорганизации, порой даже обладали судебными правами. Часто ремесленники одной профессии селились рядом друг с другом, образуя, как, напр., в Новгороде, «концы», «улицы», «сотни», «ряды», строили свои патрональные церкви, объединялись вокруг них в «братчины» или «обчины» с правами суда.

Подобные объединения (гильдии, сотни) существовали и у купцов, которые строили свои церкви и имели право суда.

Древними организациями самоуправления городских тружеников были черные сотни и черные слободы, имена которых до сих пор сохранились в названиях улиц. Каждая черная сотня составляла объединения ремесленников или торговцев, управляемых подобно сельскому обществу выборными старостами или сотскими.

Артельные формы организации труда пронизывают русскую промышленность до 2-й пол. XIX в.

Еще в к. XIX в. на многих российских заводах и фабриках были широко распространены артельные формы труда, когда артельщики брали на свой подряд цех или участок производства и отчитывались перед руководством только за количество и качество работы, а все вопросы по выполнению подряда и распределению заработка решали сами внутри артели. Были случаи, когда рабочие артельно брали в свои руки все предприятие.

В России впервые в мире зафиксированы факты рабочего самоуправления на предприятиях. Одно из известных, но не самых древних, свидетельств относится к 1803, когда на Красносельской бумажной фабрике близ Петербурга рабочие заключили с владельцем договор, по которому фабри-

ка в течение долгого срока находилась в управлении самих рабочих. Для руководства работами они выбирали из своей среды мастера, сами определяли продолжительность рабочего дня, порядок работы, распределение заработка.

Русская артель давала образцы высокоэффективной работы. С 1838 по 1917 строительные артели без каких-либо механических средств проложили более 90 тыс. км железных дорог. 8 тыс. чел. построили *Великую Сибирскую магистраль* протяженностью 7, 5 тыс. км всего за 10 лет. В XVIII — н. XIX в. артельные формы труда широко применялись на заводах и фабриках, что стимулировало бурное развитие русской железоделательной промышленности, которая уже с 1730-х обогнала Англию и удерживала первенство весь XVIII век.

Народный путь развития промышленности в трудах национально мыслящих русских экономистов — это путь артелей, где «рабочие трудятся не для возрастания капитала, а для удовлетворения собственных потребностей, где стремлением производства сделается не безграничное его расширение, а сокращение числа работающих». По мнению Д. И. Менделеева, побывавшего в к. XIX в. на уральских металлургических заводах, многие из них могли бы быть переданы артельно-кооперативному хозяйству.

Идеология русского хозяйства

Русские мыслители от Феодосия Печерского до *славянофилов* видели в хозяйственной деятельности и труде одну из главных форм духовной жизни. Позитивистскому и рационалистскому представлению хозяйственной деятельности как суммы трудовых функций, выполняемых ради денег, русские мыслители противопоставляли идею преимущественно духовного характера труда, имеющего значение

универсальной всечеловеческой ценности, эффективность которого зависит от степени неразрывности веры и жизни, целостности соединения личности и окружающего его мира. Наиболее последовательными выразителями экономических идей русской цивилизации были славянофилы. Именно они указали на духовный характер русского хозяйства, показали его коренное отличие от западного. В мире идет борьба между началами трудовыми, производительными, воплощенными в России, и силами Запада, ориентированными на захват и паразитическое существование за счет ресурсов других народов. Славянофилы первые раскрыли механизм экономического ограбления России Западом. Они доказывали, что главные европейские страны заинтересованы в отсталости России, поставляющей им хлеб и сырье. Славянофилы выступали за развитие отечественных *промышленности* и *транспорта*. Настаивали на необходимости предоставить свободу частному капиталу и защитить русскую промышленность от иностранной конкуренции.

Выступая за технический прогресс в промышленности и на транспорте, славянофилы доказывали необходимость сохранения главных устоев русской экономики — общины и артели. Все славянофилы были решительными сторонниками отмены *крепостного права*. Самый известный славянофил *А. С. Хомяков* предлагал самый эффективный проект отмены крепостного права: государство должно выкупить всю землю у помещиков и раздать ее крестьянским общинам, а крестьяне в рассрочку вернут ее стоимость *казне*. Труд свободных крестьян сумеет эффективно реализовываться только на основе традиционных ценностей общины и артели, в условиях которых русские труженики жили с глубокой древности.

Славянофилы выступали против всех форм паразитизма в экономике и прежде всего «жидовства» и ростовщичества. Славянофилы в числе первых отметили эксплуататорский характер еврейских кагалов, посредством хазаки и ме-

ропии занимавшихся ограблением и экономическим обманом христиан.

«Неправое стяжание, — отмечал *И. С. Аксаков,* — вот что вызывает гнев русского народа на евреев, а не племенная и религиозная вражда»[1]. Русский крестьянин в западнорусских землях видит в еврее жестокого эксплуататора. «Шинкарь, корчмарь, арендатор, подрядчик — везде, всюду крестьянин встретит еврея: ни купить, ни продать, ни нанять, ни наняться, ни достать денег, ничего не может сделать без посредства жидов, — жидов, знающих свою власть и силу, поддерживаемых кагалом (ибо все евреи тесно стоят друг за друга и подчиняются между собой строгой дисциплине) и потому дерзких и нахальных»[2].

Наиболее полно и последовательно экономические взгляды славянофилов развиты в учении *С. Ф. Шарапова*, занимавшегося экономикой не только теоретически, но и как серьезный практический хозяин. В своем имении Сосновка (Смоленской губ.) он основал для облегчения труда крестьян мастерскую по изготовлению дешевых плугов. В 1895 с ним заключило соглашение Министерство земледелия: за небольшую субсидию от казны Шарапов взялся за распространение плуга среди крестьян и за организацию кустарного производства дешевых плугов в др. губерниях. С этой целью он совершал поездки по России, во время которых читал лекции и демонстрировал плуги, основал акционерное общество «Пахарь». Шарапов был одним из активных противников финансовой реформы Витте, доказывал неудачность конверсий, основанных на еврейских биржевых теориях.

Шарапов без преувеличения является классиком русской экономической мысли, еще до конца не понятым и не оцененным. Он — автор монографии, в которой концентрируются важнейшие основы русской экономической мысли. Хотя

---

1 Аксаков И. А. Сочинения. М., 1886. Т. 3. с. 781.

2 Там же. с. 738 — 739.

сам автор скромно назвал ее «Бумажный рубль (его теория и практика)», по существу, это обобщающий труд, который правильнее назвать «Экономика в русском самодержавном государстве».

Шарапов постоянно подчеркивает самобытность русской хозяйственной системы, условия которой совершенно противоположны условиям европейской экономики. Наличие общинных и артельных отношений придает русской экономике нравственный характер. Русские крестьяне являются коллективными землевладельцами. Им не грозит полное разорение, ибо земля не может быть отчуждена от них.

Отмечая нравственный характер русской общины, Шарапов связывает с ней развитие возможностей хозяйственного самоуправления, тесной связи между людьми на основе Православия и церковности. Главной единицей духовного и хозяйственного развития России, по мнению Шарапова, должен стать церковный приход, который может быть не только вероисповедной, но и административной, судебной, полицейской, финансовой, учебной и почтовой единицей, обладающей общественным имуществом, своими учреждениями и предприятиями.

Идеалом Шарапова была независимая от западных стран развитая экономика, регулируемая сильной самодержавной властью, имеющей традиционно нравственный характер. Даже покупательная стоимость рубля, по мнению Шарапова, должна оставаться на нравственном начале всенародного доверия к единой, сильной и свободной верховной власти, в руках которой находится управление денежным обращением.

Самодержавное государство должно играть в экономике ту роль, какую на Западе играют крупнейшие банки и биржи. Государство ограничивает возможности хищной, спекулятивной наживы, создает условия, при которых паразитический капитал, стремящийся к мировому господству, уже не сможет существовать.

Вместо шаткой и колеблющейся золотой валюты, связанной со всеми неурядицами мирового рынка, Шарапов предлагает введение абсолютных денег, находящихся в распоряжении центрального государственного учреждения, регулирующего денежное обращение. Введение абсолютных денег ликвидирует господство биржи, спекуляцию, ростовщичество. Шарапов не был противником частного предпринимательства, но считал, что оно должно носить не спекулятивный, а производительный характер, увеличивая народное богатство.

Экономические взгляды славянофилов оплодотворили хозяйственные учения многих русских мыслителей. Именно со славянофилов хозяйство начинает исследоваться в христианских категориях как выражение духовной жизни человека и общества.

Рассмотрение хозяйства как христианского понятия, имеющего духовную основу, нашло свое отражение в работах таких русских мыслителей и экономистов, как *С. Булгаков*, Н. Бердяев, В. Соловьев, П. Флоренский, *Д. Менделеев*. В хозяйстве, вслед за славянофилами повторяли они, выражается целостность бытия человека. Человек — субъект бытия — соединяется с природой, объектом бытия. Целостность этого процесса существует в сознании и имеет первостепенную духовно-нравственную и культурную значимость. Западная цивилизация несет в себе много элементов, разрушающих эту целостность, ведущих к отчуждению труда и разрушению личности человека. Цель органичного хозяйственного процесса — восстановить эту целостность, создать такое качество трудовой жизни, которое отвечает самым высоким требованиям человеческой личности. Русские мыслители отождествляют хозяйство с трудовой деятельностью. Понятие «капитал» как бы устраняется. В этом проявляется народная традиция рассмотрения хозяйства преимущественно с духовно-нравственных и трудовых позиций.

В. Соловьев определяет труд как взаимодействие людей в области материальной, которая, в согласии с нравственными требованиями, должна обеспечивать всем и каждому необходимые средства к достаточному существованию и всестороннему совершенствованию, а в окончательном своем назначении должна преобразовать и одухотворить материальную природу. Т. е. труд понимается им не просто как процесс взаимодействия человека с природой, а как явление, обусловленное определенными нравственными требованиями. Подобный подход к пониманию труда характерен и для других, уже названных нами, ученых. Нравственный взгляд на труд предполагал и особое отношение к вопросам материального стимулирования. Здесь в работах русских ученых преобладало отрицание решающей роли материального стимулирования в побуждении к труду.

«Выставлять своекорыстие или личный интерес как основное побуждение у труду, — писал В. Соловьев, — значит отнимать у самого труда значение всеобщей заповеди, делать его чем-то случайным. Если я тружусь только для благосостояния своего и своих, то раз имею возможность достигнуть этого благосостояния помимо труда, я тем самым теряю единственное (с этой точки зрения) побуждение к труду».

Вся культура человечества есть результат трудовой деятельности и наоборот, труд человека, даже самый честный, несет в себе результаты всей предыдущей деятельности человечества. В этом смысле он содержит в себе весь предыдущий опыт и выражает собой трудовой потенциал, накопленный многими поколениями людей. Накопленное наследие вбирает в себя только те элементы, которые способствовали развитию человека. Многовековой отбор характеристик отсеял все ненужное и лишнее, оставив только те, которые обеспечивали возможность развития. «Человек, как родовое существо, — отмечал С. Булгаков, — несет в себе богатое наследие хозяйственного труда предшествующего человечест-

ва и работает, ощущая на своем труде влияние современного человечества, и если трансцендентальный субъект хозяйства есть все совокупное человечество, то и эмпирический человек знает хозяйство только общественное, какие бы формы оно ни принимало».

Труд — сама жизнь — обязательное условие существования человека, само бытие человека, его реализация. «Труд — субъективно — объективный процесс… явление сознательное, осознанное и сознательно организованное. Неосознанного труда просто не может быть. Подсознание, конечно, участвует в труде, но лишь соседствуя с сознанием, с его помощью, а в чем-то и через него. Участие подсознания не отрицает, а предполагает, не снимает, а подтверждает ведущую роль сознания в человеческом труде. Труд — это сознание, а сознание — труд». А сознание — это сложная гамма мыслей, эмоций и переживаний — от чисто биологических до высших нюансов духовно-нравственных представлений. Чем выше развита личность, чем сложнее и многообразнее ее сознание, тем более значителен ее трудовой потенциал и возможность трудовой реализации. «Человек есть воплощенный дух и одухотворенная плоть, духовно-материальное существо и поэтому в его жизни не может быть проведено точной грани между материальным и духовным…» Эта неразрывная целостность материального и духовного предопределяет всю трудовую деятельность человека, превращая ее в творческий акт.

Трудовая деятельность постоянного моделирования или проектирования действительности, а вместе и объективирования своих идей есть реальный мост из человеческого «я» в «не-я» неодушевленного мира, из субъекта в объект, их живое и непосредственное единство. Отношения между «я» и «не-я» есть отношения двух миров или двух энергий, находящихся в постоянном взаимодействии. Трудовая деятельность является живой связью между субъектом и объектом, мостом, выводящим «я» в мир реальности и нераз-

рывно соединяющим его с этим миром. Благодаря труду не может быть не только субъект, как это понимает субъективный идеализм, не только объект, как это понимает материализм, но есть их живое единство, субъект-объект. Эта полярность бытия, его раздвоение погашается только в Абсолютном — в Боге, которое есть одновременно и субъект, и объект для самого себя.

И в этом выводе мы подходим к самому главному, что определяет сущность труда и является основой понятия качества трудовой жизни. Оно состоит в том, что труд соединяет человека с окружающим миром, создает ему целостность бытия, от степени которой зависит как полноценность существования самого человека, так и возможность реализации его внутреннего — родового и индивидуального — потенциала. Человек — субъект бытия — соединяется с миром, природой — объектом бытия. Экономическая эффективность этого соединения тем выше, чем органичнее целостность процесса.

Традиция русской мысли, выраженная, в частности, в трудах С. Булгакова, рассматривает труд как борьбу человека за жизнь с силами природы в целях защиты и расширения жизни, очеловечивания природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм. В труде выражается стремление человека превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело с его органической целостностью и целесообразностью. Цель труда формируется русскими мыслителями как вселенский процесс превращения всего космического механизма в средство, доступное для возможностей человека, как преодоление необходимости свободой, механизма — организмом, причинности — целесообразностью как очеловечение природы. Жизнь человека — безостановочный хозяйственный процесс, протекающий в трудовой деятельности, эффективность которой зависит от органичной целостности бытия. Главный метафизический вывод этой мысли, что труд в своем прогрессе есть

победа организующих сил жизни над дезорганизующими силами смерти князя тьмы, победа Бога над сатаной.

Органичная целостность бытия понимается как гармоничное соответствие его составляющих, т.е. субъекта и объекта, человека и мира.

Цель трудовой деятельности — в восстановлении единства природы и человека. «Человек, будучи частью природы, до некоторой степени и продуктом, носит в сознании своем образ идеального всеединства, в нем потенциально заложено самосознание всей природы. В этом самосознании в нем непосредственно проявляется мировая душа, идеальный центр мира, и в этом смысле… природа человекообразна. Каждая человеческая личность потенциально носит в себе всю вселенную, будучи причастна natura naturans[1] творящей души природного мира, и natura naturata[2] теперешней природе. Этим принципиально и обосновывается хозяйство как единый процесс, в котором разрешается общая задача и творится общее дело всего человечества». Т. о., формулируется идея универсальности хозяйства и труда.

Русская экономическая мысль всегда отвергала идею примата экономических, материальных отношений над личностью человека. Особенно ярко эту идею выражает В. Соловьев. Формулируя два условия, при которых общественные отношения в области материального труда становятся нравственными, русский мыслитель, по сути дела, формулирует главные принципы концепции качества трудовой жизни (появившейся через 70 лет после его смерти), делая это, пожалуй, только еще глубже. «Первое, общее условие, — пишет он, — состоит в том, чтобы область экономической деятельности не обособлялась и не утверждалась как самостоятельная, себедовлеющая. Второе условие, более специальное, состоит в том, чтобы производство совершалось не за счет

[1] Природа творящая.

[2] Природа сотворенная.

человеческого достоинства производителей, чтобы ни один из них не становился только орудием производства, чтобы каждому были обеспечены материальные средства к достойному существованию и развитию. Первое требование имеет характер религиозный: не ставить Маммона на место Бога, не признавать вещественное богатство самостоятельным благом и окончательной целью человеческой деятельности, хотя бы в сфере хозяйственной; второе есть требование человеколюбия жалеть труждающихся и обремененных и не ценить их ниже бездушных вещей.

К этим двум присоединяется необходимое третье условие, на которое, насколько мне известно, еще никто не обращал серьезного внимания в этом порядке идей. Разумею обязанности человека как хозяйственного деятеля относительно той самой материальной природы, которую он призван в этой сфере обрабатывать. Эта обязанность прямо указана в заповеди труда: возделывать землю. Возделывать землю — не значит злоупотреблять ею, истощать и разрушать ее, а значит, улучшать ее, водить ее в большую силу и полноту бытия. Итак, не только наши ближние, но и материальная природа не должна быть лишь старательным и безразличным орудием экономического производства или эксплуатации. Она не есть сама по себе, или отдельно взятая, цель нашей деятельности, но она входит как особый, самостоятельный член в эту цель. Ее подчиненное положение относительно Божества и человечества не делает ее бесправною: она имеет право на нашу помощь для ее преобразования и возвышения. Вещи не имеют прав, но природа или земля не есть только вещь, она есть овеществленная сущность, которой мы можем, а потому и должны способствовать в ее одухотворении. Цель труда по отношению к материальной природе не есть пользование ею для добывания вещей и денег, а совершенствования ее самой — оживления в ней мертвого, одухотворения вещественного».

Проблема создания духа человечности, духа общности является не отвлеченной теоретической проблемой, а одной из исходных позиций создания высшей производительности труда, ибо последнее есть достижение высшей целостности субъекта и объекта. Дух целостности и человечности является неосязаемым капиталом социальной и экономической системы любого общества. В той непрекращающейся борьбе, которая идет в любой ячейке общества и в сознании каждого отдельного человека, между началам общности и человечности, с одной стороны, и началами разобщенности, конкуренции и индивидуализма с другой, преимущество отнюдь не на стороне последних. Суть в том, что любое живое сознательное существо в конечном счете имеет главный ресурс развития — человечность. Здесь уместно привести глубокую мысль С. Булгакова: «Человечность как потенциал, как глубина возможностей, интенсивная, а не экстенсивная, соединяет людей в неизмеримо большей степени, нежели их разделяет индивидуация. К этому единству или основе, представляющей некоторый универс, приобщается всякий человек, без различия, долго ли он живет, много ли или мало удается испытать ему в его эмпирической жизни, какой уголок мирового калейдоскопа ему приоткроется».

Преимущественное развитие начал человечности и общности вовсе не означает отрицание развития индивидуальности. По мнению уже упомянутого мной С. Булгакова, каждая индивидуальность с тем неповторимым своеобразным «я» или своей особой идеей по-своему преломляет и воспринимает тот же мир и ту же человеческую природу, как свою основу. Она не ограничивается, не восполняется другими индивидуальностями. «В гармонии индивидуальностей, в их свободной любви и деятельном единстве заключается особый источник блаженства для индивидуальности. Утопать в сверхиндивидуальном, находить себя в других индивидуальностях, любить и быть взаимно любимым, отражать себя друг

в друге, превратить индивидуальности в центры любви, а не обособления, видеть во всяком вновь рождающемся человеке возможность новой любви — это значит осуществлять идеал, который предвечно дан человечеству…»

Однако развитие индивидуальности имеет и свою отрицательную сторону в виде центробежных сил индивидуализма и эгоизма, препятствующих достижению целостности жизни и хозяйства, личности и производства. Индивидуализм и эгоизм «набрасывают свой тяжелый флер на всю жизнь, превращая ее в юдоль печали и воздыханий, налагая печать глубокой меланхолии, тоски, неудовлетворенных стремлений», вся совокупность которых создает отчуждение личности от духовной, экономической и социальной жизни, и таким образом происходит отчуждение от труда и хозяйства.

Русской хозяйственной идеологии противостояло экономическое учение Талмуда и рожденный им капитализм.

Экономическое учение Талмуда и капитализм

Капитализм возник как антихристианская идеология, основанная на экономическом учении Талмуда и ставшая, по определению философа А. Ф. Лосева, одной из сторон (наряду с социализмом) развертывания сатанинского духа неприятия христианской цивилизации. Главной целью жизни, согласно идеологии капитализма, является материальное преуспевание, нажива, стяжание денег и капитала любыми возможными средствами, и прежде всего за счет обмана и эксплуатации более слабых народов и членов общества.

С самого начала возникновения капитализма в конце средних веков ядром и главными носителями его идеологии были иудеи-талмудисты, ориентировавшиеся на создание общества, в котором, по учению Талмуда, будет господство-

вать еврейский народ, а все остальные народы мира станут служить ему и положат к его ногам все богатства земли. Богатство — выражение избранничества. Богатый человек благословлен богом, а все, у кого нет денег, должны служить «избранникам».

Разложение западного христианства в конце средних веков стало исходной точкой создания капиталистической идеологии и экономических средств порабощения человечества.

Талмуд учит иудея считать имущество всех неевреев «гефкер», что означает свободную, никому не принадлежащую вещь. «Имущество всех неевреев имеет такое же значение, как если бы оно найдено было в пустыне: оно принадлежит первому, кто захватит его» (Бабабатра. л. 54, с. 2). В Талмуде есть постановление, по которому открытый грабеж и воровство запрещаются, но разрешается приобретать что угодно обманом или хитростью. Имущество неевреев все равно, что пустыня свободная (там же, с. 55). «Если еврей эксплуатирует нееврея, то в некоторых местах запрещается входить в сношения с этим лицом во избежание подрыва первому; но в других местах это запрещение не имеет силы: всякий еврей может давать ему деньги взаймы и обирать его, ибо имущество нееврея «гефкер» (свободное), и кто им раньше овладеет, тому оно и принадлежит (Хошен-га-Мишпат, 56; Бабабатра, гл. 8).

Отсюда следует, что все ресурсы и богатства неевреев должны принадлежать представителям «избранного народа». «По Талмуду, — писал русский историк С. С. Громека, — бог предал все народы в распоряжение иудеев» (Вава-Катта, 38); «весь Израиль — дети царей; оскорбляющие иудеи оскорбляют самого бога» (Сихаб, 67, 1) и «подлежат смертной казни, как за оскорбление величества» (Санхедрин, 58, 2); благочестивые люди других народов, удостоенные участия в царствовании мессии, займут роль рабов у евреев (Санхед-

рин, 91, 21, 1051). С этой точки зрения весьма последовательно и со зверской жестокостью, проведенной в Талмуде, вся собственность в мире принадлежит иудеям, и владеющие ею христиане являются только временными, «незаконными» владельцами, узурпаторами, у которых эта собственность будет конфискована иудеями рано или поздно. Когда иудеи возвысятся над всеми остальными народами, бог отдаст иудеям все народы на окончательное истребление».

Историк иудаизма И. Лютостанский приводит примеры из старинных изданий Талмуда, который учит иудеев, что присваивать имущество гоев угодно богу. В частности, он излагает учение Самуэля о том, что обмануть гоя не грех, и поэтому учитель сам рассказывает, как он однажды в куске железа, которое продавал гой, купил кусок золота и, условившись с гоем дать ему за это мнимое железо 4 зузи (около 60 коп.), дал ему всего 1 зузи; Самуэль признавал совершенно неуместным стесняться перед человеком, который не умеет сосчитать деньги и отличить золото от железа (Баба камма, л. 113, 2). Раввин Каган купил у одного гоя 120 бочек вина вместо 100; третий раввин продал гою пальмовое дерево и дал такое распоряжение своему слуге: «Иди и укради несколько полен, так как гой не знает в точности, сколько полен принадлежит ему» (там же, л. 113, 1).

Раввин Моисей сказал: «Если гой, производя счет, сделает ошибку, то еврей, приметив это, должен говорить, что он об этом ничего не знает». Раввин Бренц говорит: «Если евреи, набегавшись в течение недели в разные места обманывать христиан, то в шабас они вместе сходятся и, хвалясь друг перед другом своими обманами, говорят: «Нужно гоям вынимать сердца из грудей и убивать даже лучших между ними, — конечно, если это удастся достигнуть» (Санхедрин, л. 76, 2). Раввин Моисей учит: «Евреи грешат, когда возвращают потерянные вещи отступникам и язычникам, равно и всем, которые шабаса не почитают» (там же, л. 132, 8). Рав-

вин Раши говорит: «Кто гою возвращает потерянные вещи, тот гоя считает равным еврею» (Санхедрин, гл. 1). Маймонид учит: «Грешит тот, кто возвращает потерянные вещи нееврею, потому что в таком случае он увеличивает силу безбожных». Раввин Черухет прибавляет: «Если гой держит у себя залог еврея, — залог, за который еврей одолжит ему деньги, и гой потеряет этот залог, и еврей его найдет, то еврей не должен возвращать гою найденный залог, потому что обязанность возвратить потерянную вещь прекратилась с того момента, как еврей нашел этот залог. Если нашедший подумал, что надо найденную вещь возвратить гою для славы имени Божия, то ему нужно сказать: «Если хочешь прославлять имя Божие, имей дело с тем, что тебе принадлежит». Талмуд учит, что если евреи и Божественное величие — одно и то же, то само собой разумеется, что евреям принадлежит весь мир. На этом основании Талмуд ясно говорит: «Если вол, принадлежащий еврею, забодает вола, принадлежащего гою, то еврей освобождается от вины или вознаграждения за убыток», потому что Священное Писание говорит: «Явился Господь Бог, и измерил землю, и отдал гоев во власть израильтян. Так как дети Ноя не исполнили 7 заповедей, то Господь Бог отдал все их имущество израильтянам». Детьми Ноя, по учению Талмуда и раввинов, называются все народы мира в противоположность детям Авраама. Раввин Альбо учит совместно с другими раввинами, что Бог дал евреям власть над имуществом и кровью всех народов.

Совет раввинов на основе законов Талмуда дает (точнее, продает) иудеям право меропии и хазаки. Право это, известное по кагальным документам XVIII–XIX вв., вытекало из самых древних воззрений иудаизма, рассматривавшего всех неевреев в качестве объекта экономической эксплуатации евреями.

Меропия, или мааруфия, есть право, в силу которого в эксплуатацию еврею, купившему его, поступает личность

того нееврея, с которым он входит в сношения, сделки и т.п. Этим правом личность данного иноверца делается неотъемлемым, и притом исключительным, достоянием того еврея, который купил меропию на него, и уже ни один еврей в мире не имеет права ни ссужать этого христианина деньгами, ни исполнять его поручения, ни вообще входить с ним в какие-либо сношения.

Хазака есть право, в силу которого в эксплуатацию еврею, купившему его, поступает недвижимое имущество христианина. По этому праву имущество иноверца делается неотъемлемым, и притом исключительным, достоянием того еврея, который купил на него хазаку, и уже ни один еврей в мире не имеет права ни арендовать это имущество, ни давать ссуды под него, ни вообще входить с хозяином его в какие-либо сделки относительно этого имущества. Это право беспрерывного и исключительного воздействия на имущество иноверца кончается для данного еврея или отнятием его за проступки, или истечением срока хазаки. Смерть действительного хозяина имущества не прерывает хазаки.

В Талмуде существует открытое предубеждение к занятию земледелием. «Нет более плохого занятия, — говорится в этой иудейской книге, — как земледелие. Если кто имеет 100 сребреников в торговле, то он может ежедневно есть мясо и пить вино; если же кто употребляет 100 сребреников на земледелие, то он может есть лишь хлеб с солью». Предпочтительнее заниматься торговлей и ростовщичеством.

Чтобы достигнуть конечной цели, поставленной в Талмуде для иудеев, — стать хозяевами имущества гоев, — одним из лучших средств, по мнению раввинов, является ростовщичество. Согласно Талмуду, «Бог приказал давать деньги гоям взаймы, но давать их не иначе, как за проценты; следовательно, вместо оказания этим помощи, мы должны делать им вред, даже если они могут быть нам полезны». Трактат «Баба Меция» настаивает на необходимости давать деньги

в рост и советует иудеям приучать своих детей давать деньги взаймы на проценты, «чтобы они могли с детства вкусить сладость ростовщичества и заблаговременно приучались бы им пользоваться».

Известный еврейский экономист К. Маркс, вышедший из семьи раввинов, прекрасно понимавший религию иудеев, писал: «Деньги — это ревнивый бог Израиля, пред лицом которого не должно быть никакого другого бога. Деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар. Деньги — это всеобщая, установившаяся как нечто самостоятельное, стоимость всех вещей. Они поэтому лишили весь мир — как человеческий мир, так и природу — их собственной стоимости. Деньги — это отчужденная от человека сущность его труда и его бытия, и эта чуждая сущность повелевает человеком, и человек поклоняется ей». В еврейской религии содержится в абстрактном виде презрение к теории, искусству, истории, презрение к человеку как самоцели — это является действительной, сознательной точкой зрения денежного человека, его добродетелью. Даже отношения, связанные с продолжением рода, взаимоотношения мужчины и женщины и т.д. становятся предметом торговли! Женщина здесь — предмет купли-продажи.

«Химерическая национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека».

«Какова мирская основа еврейства? — спрашивал Маркс. — Практическая потребность, своекорыстие.

Каков мирской культ еврея? Торгашество. Кто его мирской бог? Деньги». Суть иудаизма, по Марксу, проявляется в эгоизме еврея, т.е. в человеческой алчности. Противостоя христианству, еврей, естественно, относится к христианскому государству «как к чему-то чуждому, противопоставляя действительной национальности свою химерическую национальность, действительному закону свой иллюзорный закон, считая себя вправе обособляться от человечества, принци-

пиально не принимая никакого участия в историческом движении, уповая на будущее, не имеющее ничего общего с будущим всего человечества, считая себя членом еврейского народа, а еврейский народ — избранным народом». Этот народ смотрит на свою религию как на «хозяйственное дело», поскольку «хозяйственное дело» есть для него религия.

Не связанные моральными ограничениями, не стесняясь обманывать, обсчитывать, обвешивать, использовать самые нечестные приемы и безжалостно эксплуатировать др. людей, иудеи ставили себя в особое экономическое положение в отношении христиан. Для настоящего христианина погоня за наживой, накопительство, ростовщичество, мошенничество и различные виды экономических махинаций противоречили религии. Поэтому при прочих равных условиях христиане проигрывали иудеям в области экономики.

Поэтому уже в средние века евреи, используя предубеждение христиан к наживе, накопительству, ростовщичеству, захватили многие важнейшие позиции в торговле и промышленности Европы. Занимаясь торговлей, ростовщичеством и эксплуатируя простой народ, они накопили огромные богатства, что позволило им стать самым богатым слоем средневекового общества.

Главным предметом торговли еврейских купцов была работорговля. Рабы приобретались гл. обр. в славянских землях, откуда они вывозились в Испанию и страны Востока. На смежных границах германских и славянских земель, в Мейсене, Магдебурге, Праге были образованы еврейские поселения, постоянно занимавшиеся работорговлей. В Испании еврейские купцы организовывали охоту на андалузских девушек, продавая их в рабство в гаремы Востока. Невольничьи рынки в Крыму обслуживались, как правило, евреями. С открытием Америки и проникновением в глубь Африки именно евреи стали поставщиками черных рабов в Новый Свет.

От торговых операций евреи переходили к денежным, ссудо-залоговым и ростовщичеству, а часто совмещали все это. Уже с XV в. образуются крупнейшие еврейские состояния. Насколько велики были их средства, можно судить по тому, что в Испании еврейские купцы содержали почти целую армию наемников, охранявших их сомнительные операции, — 25 тыс. всадников и 20 тыс. пехотинцев.

«Великое всемирное историческое событие, — писал еврейский историк В. Зомбарт, автор книги «Евреи и хозяйственная жизнь», — это изгнание евреев из Испании и Португалии (1492 и 1497). Не дóлжно забывать, что в тот самый день, когда Колумб отплыл из Палоса, чтобы открыть Америку (3 авг. 1492), из Испании выселилось 300 000 евреев в Наварру, Францию, Португалию и на Восток и что в те годы, когда Васко да Гама открывал морской путь в Ост-Индию, евреи были изгнаны также и из других частей Пиренейского полуострова». По подсчетам Зомбарта, уже в XV в. евреи составили 1/3 численности мировой буржуазии и капиталистов. Склонный к ложному пафосу и преувеличению, Зомбарт напыщенно заявлял: «Точно солнце шествует Израиль по Европе: куда он приходит, там пробуждается новая (капиталистическая) жизнь; откуда он уходит, там увядает все, что до тех пор цвело».

В XVI–XVIII вв. центром еврейской экономики становится Амстердам, который евреи сами называли «новым, великим Иерусалимом».

В течение XVI, XVII и большей части XVIII столетия левантинская торговля и торговля с Испанией и Португалией составляли важнейшие отрасли мировой торговли. Евреи почти исключительно владели этими торговыми путями. «Еще во время своего пребывания в Испании они заполучили бóльшую часть левантинской торговли в свои руки; уже тогда они имели во всех левантинских приморских городах свои конторы. Левантинская торговля составляла важней-

шую отрасль французской торговли в XVIII в. Она вся была в руках евреев: покупатели, продавцы, маклеры, агенты, комиссионеры и т.д. — все это евреи».

Стремительными темпами увеличивалось число еврейских купцов и торговцев в главных городах Западной Европы. В Лейпциге, напр., на международных известных пасхальных и осенних ярмарках (в день святого Михаила) число евреев, по подсчетам того же В. Зомбарта, увеличилось с 416 в 1675—1680 до 6444 в 1830—1839.

Общий приговор современников по поводу «успехов» еврейских купцов и торговцев: «Они плуты и мошенники». Зомбарт писал, что «обращаясь снова к непосредственно заинтересованным современникам или людям, близко стоявшим к явлениям повседневной жизни, мы получаем прежде всего опять единодушный ответ: превосходство евреев вытекает из нечистого ведения дел». «Евреи и комиссары имеют один закон и одну вольность, называемые ложью и обманом, если только это им выгодно», — говорит Филандер фон Зиттевальд. Такой же общий и безусловный характер носит суждение, высказанное в забавном «Словаре обманов», составленном «тайным советником и начальником» Георгом П. Генном. Здесь под рубрикой «евреи» значится: «Евреи обманывают как вообще, так и в частности». Один современник рассказывает о евреях Берлина: «Они… живут грабежом и обманом, которые, по их понятиям, не являются преступлением». Цех купцов в Париже сравнивает евреев с осами, проникающими в пчельники лишь для того, чтобы убить пчел, вскрыть им тела и высосать собранный там мед. Французским подтверждением этому может служить суждение Савари: «Евреи пользуются репутацией очень ловких купцов; но их подозревают в том, что они прибегают к не совсем честным и правдивым приемам».

В странах Европы понятие «еврей» стало синонимом слова «мошенник», «ростовщик», «стяжатель», «лихоимец».

Накопленный торговый капитал богатые евреи преобразовывают в финансовый. Этот капитал получил название «паразитического», поскольку наживался не честным, а мошенническим путем. Он-то и стал главной движущей силой Французской революции, о чем поведал ее историк и очевидец английский философ Э. Барк. Отодвинув родовую знать на задворки реальной власти, на авансцену социально-экономической жизни вышли еврейские банкиры, предприниматели, торгаши. Многие из них составили «новую знать» с титулами баронов, графов, виконтов и т.п. С Францией разделили такую же «честь» Бельгия, Голландия, Австрия. В «еврейский клуб» вступила и владычица морей Великобритания.

Судьбу Европы с н. XIX в. стали определять «дома» еврейских ростовщиков, превратившихся в банкиров. Финансовую элиту Европы составили «дома» Ротшильдов. Основатель семейства Меир Ротшильд был придворным банкиром курфюрста Вильгельма I. Когда Вильгельм в 1806 бежал от французов, Ротшильд бросил накопленные курфюрстом денежные средства на расширение финансовых махинаций и спекуляций.

Вскоре Европа получила 5 некоронованных королей. Ими стали братья Ротшильды: Ансельм, Соломон, Натан-Меир, Карл и Джеймс. Ансельм повелевал из Франкфурта-на-Майне, Соломон — из Вены, Натан-Меир — из Лондона, Карл — из Неаполя, Джеймс — из Парижа. Без советов и рекомендаций этого семейства не предпринималась ни одна крупная государственная акция, не формировалось ни одно правительство.

Аккумулируя в своих «домах» огромный капитал, Ротшильды не только создали биржу, но и интернационализировали ее деятельность. Повязанные родовыми и денежными узами, финансовые «дома» подчинили своему контролю множество промышленных предприятий, страховых компаний, железных дорог.

Новым элементом, который внесли в хозяйственную жизнь евреи-талмудисты, было создание механизма контроля экономики со стороны банка, а затем биржи, находившихся в руках еврейских дельцов. Этот процесс В. Зомбарт назвал «обиржвлением» народного хозяйства. Спекулятивным инструментом биржи стали ценные бумаги — векселя, акции, банкноты, облигации, которые служили орудием немыслимых манипуляций со стороны еврейских финансовых спекулянтов. Стоимость реального продукта, созданного тружеником, деформируется и искажается так, чтобы с каждой единицы товара обеспечивалась прибыль банкиру или биржевику, не обязательно еврейскому, но действующему по правилам иудейских хозяйственных законов, сформулированных в Талмуде.

Контролируя потоки денежных средств с помощью банков и биржи, иудейские коммерсанты стали влиятельными посредниками международной торговли, в крупных размерах употребляя способ перевода денег посредством векселя.

«Начало современной биржевой спекуляции, — писал В. Зомбарт, — мы должны искать… в XVII в. в Амстердаме. Спекуляция акциями фондов выросла, как это можно с достаточной ясностью проследить на акциях Ост-Индийской компании… Спекуляция акциями так широко распространилась и так усердно практиковалась, что общественная власть почуяла в ней зло, которое необходимо было устранить законодательным путем… среди прочих участников спекуляции евреи сыграли выдающуюся роль».

Кроме Амстердама, крупнейшие еврейские финансовые спекулянты сосредоточились в Лондоне и во Франкфурте-на-Майне. В последнем, писал тот же Зомбарт, евреи к к. XVII в. захватили занятие маклерством, а затем завоевали профессиональную фондовую торговлю.

Самый известный финансовый аферист к. XVII — н. XVIII вв. был Джон Ло (Леви), сын золотых дел мастера и банкира. Этот финансовый аферист сумел убедить эконо-

мически невежественное правительство Франции начать выпуск необеспеченных бумажных денег. Одновременно Ло учредил огромную «Компанию Миссисипи», за которой были закреплены монопольные права на торговлю с Китаем, Индией, островами Южных морей, Канадой и всеми колониями Франции в Америке. Через европейскую колонию в Париже он обеспечил широкую рекламу. Аферист создал классическую «пирамиду» и «гарантировал» выплату дивидендов под свой проект в размере 120 процентов годовых.

Финансовые махинации Ло разорили миллионы французов, в течение ряда лет финансы страны были безнадежно расстроены. Вместе с тем на этих бедах сколотили огромные состояния многие представители иудейской общины Парижа.

Важным орудием иудейской экономики стали банкноты, выпускаемые еврейскими банками без соответствующего обеспечения золотом или государственными обязательствами. Начиная с XV в. еврейские банкиры сколотили целые состояния на торговле подобными банкнотами. Посредством операций с этими банкнотами разорялись представители дворянских фамилий и национальных элит Европы. В 1421 Сенат Венеции законодательно запретил торговлю подобными банковскими обязательствами. Однако запрет этот длился недолго. Еврейские богачи подкупили власти Венеции, и закон был отменен.

Обогащению еврейских банкиров способствовали спекуляции финансовыми обязательствами христианских государств. Европейские государи нередко обращались к еврейским дельцам за займами, которые возвращали с ростовщическими процентами. Постепенно еврейские банкиры прибирают к своим рукам государственные финансы многих европейских стран.

Евреи из откупщиков налогов, арендаторов предприятий и казенных имений превращаются в государственных банкиров и финансовых советников государств.

В Голландии евреи становятся ключевыми фигурами государственных финансов. Значение еврейского финансового мира в этой стране перешагнуло за ее пределы, т.к. она в течение XVII и XVIII вв. была главным резервуаром, из которого черпали все монархи, нуждавшиеся в деньгах. Как писал Зомбарт, таких людей, как Пинтос, Дельмонтес, Буэно де Месквита, Францисз Мельсина, можно смело рассматривать как руководящих финансовых деятелей Северной Европы того времени.

В течение XVII и XVIII вв. и в области английских финансов заметно господствующее влияние евреев. В Англии денежные нужды «долгого парламента» послужили первым толчком к привлечению туда богатых евреев. Еще задолго до того, как Кромвель санкционировал их допущение, много богатых евреев переселяются в Англию, гл. обр. из Испании и Португалии через Амстердам; в 1643 их приток был особенно силен. Их средоточием явился дом португальского посланника в Лондоне Антонио де Суза, который также был мараном. Среди них особенно выделялся Антонию Фернандо Карваяль, равно известный как кредитор и как поставщик; он был, собственно, главным финансистом Британской империи. Контингент богатых английских евреев увеличивается при младших Стюартах, особенно при Карле II. Как известно, последний женился на Катерине Браганской, а в ее свите был целый ряд еврейских финансовых тузов, в т.ч. братья да Сильва, еврейско-португальские банкиры из Амстердама, которым было поручено заведование и присмотр за приданым Катерины. Из Испании и Португалии в это же время переселяются в Англию Мендесы и да Коста и соединяют свои торговые фирмы в одну общую под названием «Мендес — да Коста». Одновременно с этим началось переселение и немецких евреев, которые по богатству уступали южным, но насчитывали в своей среде и таких крупных капиталистов, как напр., Беньямин Леви.

Начиная с XVII в. банкирами венского Двора были только евреи. Такая же ситуация наблюдалась во многих немецких княжествах.

Во Франции при Людовиках XIV и XV ведущее положение в финансовом мире занимал еврейский банкир Самуил Бернар, о помощи которого Франции современники говорили, что «вся заслуга его состоит в том, что он поддерживает государство, как веревка держит повешенного». Это меткое замечание точно отражало положение дел с еврейской экономикой, которая, как удавка, опутала национальные хозяйства европейских государств, разоряя миллионы людей, плодя безнадежную нищету. Как писал еврейский философ Моисей Гесс, «деньги — это отчужденное богатство человека, добытое им в торгашеской деятельности. Деньги — это количественное выражение стоимости человека, клеймо нашего закабаления, печать позора нашего пресмыкательства. Деньги — это коагулируемая (свертываемая) кровь и пот тех, кто по рыночным ценам торгует неотчуждаемой собственностью, своим богатством, своей жизненной деятельностью ради накопления того, что называется капиталом. И все это напоминает ненасытность каннибала».

«Деньги — это бог нашего времени, а Ротшильд — его пророк!» — вторил Гессу еврейский поэт Генрих Гейне. Все семейство Ротшильдов, спрутом опутавшее долговыми обязательствами властные и производительные структуры Европы, представлялось поэту «подлинными революционерами». А барона М. Ротшильда он именовал «Нероном финансов», вспоминая, как римский Нерон «уничтожал» привилегии патрициев ради создания «новой демократии».

Создавая экономику на антихристианских основах Талмуда, еврейство не только присваивало денежную власть. Через еврейство деньги становились мировой властью, средством контроля над христианскими народами. Авантюристический дух еврейской экономики, перешагнув границы еврейства,

стал разлагать самих христиан. И по меткому выражению К. Маркса, «с помощью денег евреи настолько освободили себя, насколько христиане стали евреями».

Сколотив свои капиталы преступным и неправедным, с точки зрения христианина, путем, еврейские финансисты становятся своего рода монополистами на владение деньгами, собирающими дань с тех, кто ими не владеет, а значит, и «королями биржи», первым из которых в XIX в. был Ротшильд. Как справедливо отмечал Зомбарт, «не только в количественном, но и в качественном отношении современная биржа есть ротшильдовская, т.е. еврейская».

Важно признание Зомбарта и др. еврейских экономистов, что биржа является детищем иудейской экономической мысли и практики не только по национальности ее «короля» в XIX в., а, главное, потому, что она создавалась «всей совокупностью еврейства».

«Расширение фондового рынка от 1800 до 1850-х годов, — писал Зомбарт, — означает распространение фирмы Ротшильда и всего того, что с ней связано. Ибо имя Ротшильда означает больше, чем одна фирма. Оно означает всю совокупность еврейства, поскольку оно влияло на биржи. Только с помощью еврейства Ротшильды могли завоевать себе то могущественное положение, то почти нераздельное господство на фондовой бирже, которым они пользовались в течение полувека.

Едва ли можно считать преувеличением, когда говорили, что министр финансов, почему-либо утративший благосклонное расположение этой мировой фирмы и не желающий входить с ней в соглашение, вынужден прямо закрыть свою канцелярию.

Подобную мысль подтверждает и другой еврейский деятель — А. Вайль: «Существует только одна великая держава в Европе — это Ротшильд; его телохранителями служат десятки других банкирских домов; его солдатами, его ору-

женосцами — все честные купцы и рабочие, а его мечом — спекуляция».

Во 2-й пол. XIX в. Ротшильды стали богатейшими людьми на Земле, личное состояние которых превышало государственный бюджет многих европейских стран.

В 80-х XIX в. Ротшильды захватили примерно половину нефтяной промышленности России. Операция эта была осуществлена следующим образом. В 1886 Альфонс Ротшильд купил за 60 тыс. руб. заложенные у него акции (стоимостью 4 млн. руб.) Каспийско-Черноморского общества, организованного для продажи русского керосина за границу, и предложил преимущественно мелким заводчикам продавать ему в Баку или в Батуме весь изготовляемый керосин с выдачей вперед части цены за него, но под условием долгосрочных контрактов. Многие мелкие заводчики приняли это предложение, соблазнившись получением вперед денег от Ротшильдов, и попали к нему в кабалу. За 10 месяцев 1888 эти заводчики получили от Ротшильда по 127 руб. за вагон керосина в Баку, др. заводчики, сбывавшие свой керосин также за границу, получили за то же время по 233 руб., или комиссионерство Ротшильда обходилось первым в 106 руб. за вагон. За 1889 законтрактированные Ротшильдом заводчики получили в среднем по 5 коп. за пуд меньше заводчиков, которые продавали керосин сами. Весь вывоз керосина на внутренние рынки и за границу в 1889 исчислялся 32 млн. пуд., из которых 17, 1 млн. пудов приходилось уже на долю Ротшильда, т.е. более половины всего изготовляемого керосина.

В 1891 А. Ротшильд участвовал также в попытке экономического давления на Россию путем заключения с русским правительством договора о выпуске трехпроцентного займа. Подписав этот договор, Ротшильд пытался заставить русского царя предоставить евреям в России особые льготы и привилегии. Получив отказ, он начал экономическую войну против России, организовав еврейских банкиров в преступный

синдикат по понижению российских ценных бумаг, вызвав серьезные трудности и разорение русских предпринимателей.

Впрочем, подобные операции экономической войны против России еврейские банкиры предпринимали и раньше. В 1877—1878 дома Ротшильдов по соглашению с Дизраэли сначала скупили, а потом выбросили на рынок в Берлине большое количество русских ценных бумаг, вызвав резкое падение их курса.

Биржевик-банкир был заинтересован в постоянном росте производства и более быстром обороте капитала. С каждой единицы товара он получал свою долю, а точнее, «дань». Банкира мало интересовало, что будет производиться — нужные людям вещи или излишние или даже вредные для них.

Став с помощью биржи королями всей экономики, еврейские финансисты уже во 2-й пол. XIX в. закладывают в экономику механизм расточительного потребительства, поощряя непрерывное обновление продукции, даже когда в этом нет никакого практического смысла. Потребителю, который сравнительно недавно приобрел определенный товар, внушается мысль, что его вещь уже устарела и ее необходимо заменить на новую. Вещь, еще физически пригодная к употреблению, выбрасывалась или отправлялась пылиться на чердак. Так закладывались основы гонки потребления, в которой заинтересован не потребитель, а биржевик-банкир, собирающий дань с единицы каждого товара.

Оплачивая создание нового предприятия или выпуск нового товара, еврейский финансист не интересовался, что это даст людям, какое влияние это окажет на природу и общество. Его волновала только прибыль. Эпоха создания новых предприятий была порождением еврейского капитала. Как признает Зомбарт, «со времен Ротшильдов учредительное дело в течение многих десятилетий оставалось специальностью еврейских дельцов... Достаточно взглянуть на эпо-

ху грюндерства 1871—1873 в Германии, чтобы убедиться, что во всех предприятиях участвовало поразительное число евреев». Огромные капиталы, накопленные евреями, жгли им руки и требовали приложения. Однако участвуя в финансировании вновь создаваемых предприятий, евреи не торопились перейти к производству — напротив, как и прежде, подавляющее число их продолжало заниматься посреднической торговлей, банковскими операциями и биржевыми спекуляциями.

Со 2-й пол. XIX в. Ротшильды в частном порядке начали контролировать цены на золото, а с 1919 придали этому контролю официальный статус. Вплоть до настоящего времени 2 раза в день представители пяти ведущих еврейских компаний по торговле драгоценным металлом собираются в помещении банка Ротшильда в Лондоне, чтобы установить цену на золото. Они рассаживаются по углам комнаты и под председательством представителя торгового дома Ротшильдов определяют среднюю цену между продажной и покупной — т.н. лондонский фикс. На каждом столе стоит миниатюрный британский флажок — «Юнион Джек», и окончательная цена на золото устанавливается только тогда, когда все 5 флажков принимают горизонтальное положение — так участники встречи традиционно выражают свое согласие. Крупнейшие мировые банки и золотодобывающие компании уже много лет используют лондонский фикс в качестве точки отсчета при определении их собственной цены на золото.

Контроль еврейского капитала над мировой финансовой системой, начавшийся с биржи Ротшильда, в н. XX в. был усилен созданием Федеральной резервной системы, позволившей иудейским банкирам наряду с аферами с золотом начать аферу с интернационализацией доллара и искусственным повышением его стоимости. Как известно, первая попытка еврейских банкиров закончилась страшным крахом — мировым Великим кризисом, разорившим миллионы людей и по-

губившим целые отрасли экономики. Промышленное производство в США и др. западных странах сократилось в 2 — 3 раза, обрекая на нищету и голод миллионы людей.

Однако никто из организаторов этой аферы не разорился. Ротшильды, Варбурги, Куны, Лоебы и др. еврейские банкиры только умножили свое состояние и за бесценок приобрели многие обанкротившиеся предприятия. Как признавался один из еврейских банкиров, разорение, горе, нищета — питательная среда для создания еврейских состояний: «Наш золотой телец питается не созданием богатств, даже не их пользованием, но прежде всего их мобилизацией, которая есть душа спекуляции. Чем больше переходят богатства из рук в руки, тем более от них остается у нас. Мы — маклеры, принимающие заказы на все меновые операции или, если хотите, мы — мытари, контролирующие все закоулки земного шара и взимающие пошлину со всякого перемещения анонимного и бродяжничающего капитала, будь то пересылка денег из одной страны в другую или колебание их курса. Спокойному, уныло однообразному напеву процветания мы предпочитаем страстно возбужденные голоса повышения и понижения курсов. Для пробуждения этих голосов ничто не может сравниться с революцией или войной, которая есть та же революция. Революция ослабляет народы и приводит их в состояние меньшей сопротивляемости чуждым им предприятиям».

Последним актом, окончательно закрепостившим международную финансовую систему в руках еврейских банкиров, стало создание ими Международного валютного фонда и Всемирного банка. Еврейские банкиры т.о. обеспечили себя преимуществами главных регуляторов мировых цен, а также стали самыми могущественными ростовщиками («продавцами денег») для целых государств.

Пользуясь этими преимуществами, США и др. западные страны создали специальный инструмент перераспределения

в свою пользу ресурсов др. государств, намеренно значительно занижая цены на сырье и топливо, поступающие из стран «третьего мира».

Под влиянием капиталистической экономики личное достоинство человека превратилось в меновую стоимость, товар. Вместо духовной свободы, дарованной людям Новым Заветом, капитализм нес «бессовестную свободу торговли». Как писал еврейский философ Моисей Гесс, «деньги — это отчужденное богатство человека, добытое им в торгашеской деятельности. Деньги — это количественное выражение стоимости человека, клеймо нашего закабаления, печать позора нашего пресмыкательства. Деньги — это коагулируемая (свертываемая) кровь и пот тех, кто по рыночным ценам торгует своей неотчуждаемой собственностью, своим богатством, своей жизненной деятельностью ради накопления того, что называется капиталом. И все это напоминает ненасытность каннибала».

«Деньги — это бог нашего времени, а Ротшильд — его пророк!» — вторил Гессу еврейский поэт Генрих Гейне. Все семейство Ротшильдов, спрутом опутавшее долговыми обязательствами властные и производительные структуры Европы, представлялось поэту «подлинными революционерами». А барона М. Ротшильда он именовал «Нероном финансов», вспоминая, как римский Нерон «уничтожал» привилегии патрициев ради создания «новой демократии».

Создавая экономику на антихристианских основах Талмуда, капиталисты не только присваивали денежную власть. Через капитализм деньги становились мировой властью, средством контроля над христианскими народами. Авантюристический дух капиталистической экономики, перешагнув границы еврейства, стал разлагать самих христиан. И по меткому выражению К. Маркса, «с помощью денег евреи настолько освободили себя, насколько христиане стали евреями».

В н. XX в. немецкий социолог Макс Вебер пытался объяснить природу капитализма из т.н. протестантской этики. Он утверждал, что капитализм мог возникнуть только на Западе вследствие распространения здесь протестантизма и особенно кальвинизма, «хозяйственная этика которого наиболее соответствует духу капитализма». Сделав такой вывод, Вебер не утруждал себя анализом природы самого протестантизма, который по своей сути является иудаизированной формой западного христианства. По протестантской этике, в полном соответствии с экономическим учением Талмуда богатство является выражением божьего благословения, а бедность — наказанием божьим. Богатство, каким бы путем оно ни было получено, свидетельствует о «божьем избранничестве», а бедняки должны служить «божьим избранникам».

В XIX–XX вв. капитализм стал господствующей идеологией западного мира, практически полностью вытеснив христианское мировоззрение. Погоня за материальным успехом и комфортом, стяжание денег и капитала стало главным жизненным приоритетом западного человека, превратившись в настоящую гонку потребления. Развитие капитализма в рамках западного мира во 2-й пол. XX в. переросло в т.н. глобализацию — установление господства капиталистических ценностей во всем мире.

Автаркия

Экономически Россия была единственной страной в мире, которая приближалась к автаркии, т.е. имела такой хозяйственный уклад, который позволял ей самостоятельно и полнокровно существовать независимо от иностранного ввоза и вывоза. По отношению к внешнему миру Россия была автономна, обеспечивая себя всеми необходимыми товарами, и сама потребляла почти все, что производила. Высокие заградитель-

ные пошлины на многие товары стимулировали внутреннее хозяйство. Зарубежный импорт не играл для страны жизненного значения. Доля России в мировом импорте в н. XX в. составляла немногим более 3%, что для страны с населением, равным десятой части всего человечества, было ничтожной. Для сравнения отметим, что большинство западных стран, обладая незначительной численностью населения, имело долю в мировом импорте во много раз большую, т.е. экономически зависело от импорта.

Именно экономическая автаркия позволила большевикам выдержать блокаду, укрепиться у власти, а затем развернуть свой антирусский социальный эксперимент. Если Россия была экономически независима от всего остального мира, то мир, особенно западные страны, сильно зависели от ее ресурсов. Экономическая блокада России была прервана по инициативе западных стран, и они пошли на поклон к большевикам. Большевизм стал, по сути дела, изощренной формой эксплуатации ресурсов России. В ущерб России он использовал то, что русская хозяйственная система допускала в очень ограниченных масштабах — развитие огромного экспортного потенциала страны. Для большевиков он стал фактором их существования и паразитирования, тогда как традиционная русская экономика не ориентировалась на внешний рынок. В целом историческая Россия вывозила за рубеж не более 6 — 8% производимых товаров. И даже этот незначительный вывоз вызывал беспокойство у русских экономистов. Конечно, протест русских экономистов вызывал не сам факт внешней торговли, а ее неравноправный характер, при котором экспортировали преимущественно сырье по заниженным ценам.

Неравноправный обмен продуктами труда между Россией и Западной Европой после славянофилов отмечали многие русские экономисты. В 1887 предприниматель и экономист *В.А. Кокорев* писал о перекачке ресурсов России на Запад. Созданная и поддерживаемая Западом система цен на сы-

рьевые и топливные ресурсы сильно занижала их реальную стоимость, т.к. не учитывала прибыли от производства конечного продукта. *М.О. Меньшиков* отмечал, что торговля с Европой выгодна для нее и разорительна для России. По его мнению: «Народ наш обеднел до теперешней столь опасной степени не потому, что работает мало, а потому, что работает слишком много и сверх сил, и весь избыток его работы идет в пользу соседей. Энергия народная — вложенная в сырье — как пар из дырявого котла — теряется напрасно, и для собственной работы ее уже не хватает».

Западники утверждали, что экономические отношения с Европой являются главным источником русского богатства. Однако факты говорили совсем о другом. Выгода от этих отношений была в основном односторонней. За 1886 — 1913 гг. из России было вывезено по крайне низким ценам товаров, преимущественно сырья, на 25,3 млрд. рублей, а ввезено по очень высоким ценам товаров, многие из которых могли бы быть произведены в самой России, на 18,7 млрд. руб. В результате страна потеряла не менее 5 — 10 млрд. руб. народного труда. «Сближение с Европой, — несколько преувеличенно отмечал М.О. Меньшиков, — разорило Россию, разучило ее обеспечивать свои нужды, лишило экономической независимости. Правда, полвека назад сахар в деревне ценился чуть ли не на вес серебра, но зато мед был ни по чем. Теперь апельсины почти дешевле яблок, но странно то, что яблоки уже дороже апельсинов. Самые простые, когда-то почти ничего не стоящие продукты деревни — грибы, ягоды, молоко, масло, дичь, раки, орехи — сделались народу едва доступными».

Русская экономическая мысль выдвигает идеи независимости России от превратностей игры западного спекулятивного капитала с его хищническими тенденциями на эксплуатацию других народов. Здесь возражения русских экономистов касались проблем кабальных займов, иностранного капитала и золотой валюты.

В 1887 — 1913 гг. иностранные капиталы в русской промышленности увеличились со 177 до 1960 млн. руб., т.е. более чем в 10 раз. Чистый доход на весь капитал, вложенный иностранцами в экономику России (составлявший 14% всего промышленного капитала), за вычетом промыслового налога составлял в 1913 — 2326,1 млн. руб., превысив сумму прямых иностранных инвестиций за 27 лет на 543,1 млн. руб. Средняя норма прибыли иностранного капитала составляла 13%, что было почти в 3 раза больше нормы прибыли, получаемой отечественным капиталом.

Займы западных государств, конечно, помогали развивать отечественную промышленность, но вместе с тем служили средством ее экономического закабаления. За займы взимались большие проценты и, чтобы заплатить старые долги, приходилось снова влезать в долг. Начиная с 80-х прошлого века, платежи по старым государственным и гарантированным правительством займам стали превышать поступления по новым. По расчетам американского историка П. Грегори, с 1881 по 1913 сумма платежей по займам превысила 5 млрд. руб.

В к. XIX в. большой уступкой Западу было введение золотой валюты. Введена она была за счет карманов русских людей, т.к. на одну треть осуществилась девальвация рубля. Конечно, эта операция позволила уменьшить на треть внутренний государственный долг, но вместе с тем и потребовала новых иностранных займов золотом для поддержания курса рубля. Но главное состояло в другом. В результате введения золотого обращения русская экономика была тесно интегрирована в мировой экономический порядок, политику которого определяли западные страны. Этот мировой порядок подразумевал неравноправный обмен между странами, продающим сырье, и странами, продающими промышленную продукцию. Цены на сырьевые ресурсы искусственно сдерживались, а на промышленную продукцию специально подстегивались. В результате страны — поставщики сырья были

обречены на постоянную выплату своего рода дани. По мере введения золотой валюты цены на сырьевые товары падали. В результате происходил отток отечественных ресурсов за границу и прежде всего «бегство» самого золота, ранее полученного в виде займов, но уже с многократной сторицей. «Россия, — справедливо писал *М.И. Туган-Барановский*, — поплатилась многими сотнями миллионов золотых рублей из золотого запаса, вполне непроизводительно растраченных нашим Министерством финансов при проведении реформы 1897 года». Через год после введения золотой валюты государственный долг России по внешним займам превышал количество золота, находившегося в обращении, а также в активах *Государственного банка* в России и за границей.

Одним из сторонников финансовой независимости России от стран Запада был славянофил *П. Оль.* Он справедливо отмечал, что финансово-экономическая структура связей между Россией и Западной Европой вела к обеспечению последней больших преимуществ в обмене. Введение золотой валюты привело к значительному оттоку золота за границу, ослабив систему денежного обращения в России. «Золотая валюта, — писал в 1899 П. Оль, — была слишком неудачным опытом, который при нежелании его вовремя прекратить грозит на наших глазах закончиться великой экономической катастрофой».

Отрицание самобытных основ русской экономики

Первые случаи отрицания самобытных основ русской экономики относятся к XV–XVI вв. Эпизодически с XV–XVI вв., нарастая в XVII–XVIII вв. и приобретая угрожающий характер в XIX в., рядом с традиционной народной культурой, народными основами жизни и хозяйствования

возникает идущее сверху движение за их отрицание. Сначала незначительная, а затем преобладающая часть высшего правящего слоя и дворянства России начинает предпочитать народным основам жизни заимствованные преимущественно из Западной Европы формы и представления.

Серьезным ударом по русской модели экономики стало закрепление крепостного права. Этот процесс происходил в России сравнительно поздно, когда у крестьян уже сложились черты национального характера, выражаемого прежде всего самостоятельностью и инициативой в рамках традиций и обычаев самоуправляющихся общины и артели. Закрепощение крестьян происходило по мере отказа правящего слоя от традиционных ценностей Древней Руси и принятия им в качестве образца социальных отношений, существовавших в западных государствах. Крепостное право, не свойственный для России институт, пришло к нам с Запада через Польшу, с которой близко соприкасалась правящая верхушка западнорусских земель. Именно по настоянию этого слоя феодалов в к. XVI в. отменяется Юрьев день, а во 2-й пол. XVII в. происходит закабаление около половины ранее свободных русских крестьян.

Правда, крепостное право в России носило относительно более мягкий характер, ибо даже для крепостных крестьян сохранялись общинные отношения. Закабалив крестьян, помещики не осмеливались посягать на общину, стараясь использовать ее как дополнительное средство управления крестьянами, позволяя им собираться на сходки и собирать своих старост.

Отрицание русских форм хозяйствования широко проявилось со 2-й пол. XVII в., но неверно и несправедливо связывается с именем Петра, ибо дело Петра носило народный характер. Однако деяния Петра стали своего рода отправным моментом, с которого интенсифицировались все народные и антинародные процессы русского общества. Изучение пет-

ровских преобразований позволяет понять, что Петр не копировал вслепую зарубежный опыт, а использовал его применительно к российской действительности, опираясь на уже сложившиеся общественные институты, общинное самоуправление и *землепользование* (которые он начал очень умело использовать при сборе *подушной подати*), самоуправление купцов и ремесленников, артельный дух русских тружеников. Но главное, на что делал ставку Петр I, — на использование творческой инициативы и самостоятельности русского хозяина и работника. Петр создал благоприятные условия для реализации его лучших качеств и на этой основе осуществил свою реформу.

Властители после него, может быть, кроме Елизаветы I и Екатерины II, не понимали необходимости развития народных форм хозяйствования. Общинные и артельные формы русского хозяйства, др. его основополагающие принципы в течение почти полутора веков оставались без творческого развития, вне внимания основной части русских ученых. А жизнь требовала приведения их к новым условиям и совершенствованию с учетом современных достижений науки. Забытые и интеллигенцией, и государством, народные формы труда и хозяйствования приобретали архаичный характер и постепенно деградировали, что воспринималось как признак их отмирания и приближения неизбежного конца. Однако требовалось другое — забота со стороны государства и адаптация народных форм труда и хозяйствования к новым условиям. Русская экономическая мысль об этом твердит постоянно. Однако ее голос заглушается сторонниками чужого пути, предлагающими реформы на западный манер.

Весь смысл реформ, проводимых в царствование Александра II, носил западнический характер. Но, конечно, самой большой ошибкой этого царствования был несправедливый порядок освобождения крестьян от крепостной зависимости, в результате которого крестьяне, освобождаясь с наделени-

ем их землею на началах общинного владения, по сути дела, оставались без внимания со стороны государства, попадали в зависимость от своих бывших владельцев.

Совершенно очевидно, что требовались широкая государственная программа помощи крестьянским хозяйствам, развитие и совершенствование национальных форм. Однако этого не делалось. Отсутствовала поддержка государства созданию на базе общины предприятий по обработке сельскохозяйственных продуктов и разных вспомогательных производств. Не было сделано ничего для повышения производительности труда в русле развития и совершенствования национальных форм труда.

Развитие промышленности в пореформенной России также осуществлялось в русле насаждения хозяйственных форм, существовавших на Западе. Русские формы хозяйствования и труда намеренно вытесняются, заменяясь чуждыми для России потогонными индивидуалистическими системами. Если в 1-й пол. XIX в. на средних и мелких предприятиях преобладали артельные формы организации труда, то к концу его удельный вес их значительно снизился.

Многие известные экономисты XIX в. просто игнорировали русскую экономическую мысль. Напр., министры финансов *Е. Ф. Канкрин* и *Н. Х. Бунге*, экономисты В. В. Берви (Флеровский), Н. И. Зибер и др. старательно и в практике, и в науке насаждали западноевропейские экономические представления, фактически не учитывая тысячелетний хозяйственный опыт великой страны, а если и учитывали, то рассматривали его как неотвратимое зло на пути к конечной цели вытеснения с самобытных российских начал хозяйствования, а сами эти начала как изживший себя исторический анахронизм.

В 60 — 80-х XIX в. в русской экономике идет острая борьба отечественных и западных начал хозяйствования. И нельзя сказать, что позиции отечественных начал были безнадежны. На каком-то этапе в 80-х гг. даже наметилась тен-

денция к преобладанию народных форм жизни. Именно это дало основание экономисту В. П. Воронцову сделать вывод об упадке капитализма в России. Данные его основывались на анализе статистики развития мелкой и средней преимущественно кустарной народной промышленности, работавшей на отечественных хозяйственных принципах, и крупной промышленности, развившейся по западноевропейскому образцу. По приводимым Воронцовым данным, мелкая и средняя промышленность развивалась быстрее, чем крупная. Однако уже лет через десять эта тенденция изменилась на противоположную. Преобладание западных экономических форм обеспечивалось политикой Александра II, создавшего предпосылки для дальнейшего прогрессирующего отторжения народных форм хозяйствования.

Одним из средств разрушения русской общины со стороны западнически настроенных правящих кругов была финансово-налоговая политика по отношению к крестьянству, когда оно было обложено большими налогами и разными поборами. Нередко для выплаты налогов община прибегала к займу под круговую поруку.

Однако порой складывалось так, что община уже не могла получить кредита для выплаты займа и вынуждена была продавать средства производства. Влезая в долги, теряя средства производства, крестьянский мир терял и свою независимость и способность сохранять свои национальные методы хозяйствования, что вело к упадку сельского хозяйства. Как справедливо отмечал *В. П. Воронцов*: «Не ограниченность знания, энергии, вообще способностей народа и не общинное землевладение причиною низкого состояния русского земледелия, а неустранимые силами общины общественные и финансовые условия, созданные культурными слоями.

Эти условия мешают народу даже применять на практике те правила обычной полевой системы, которые выработаны им долголетним опытом и наблюдением природы; поэтому-

то между его теорией земледелия и практикой существует значительное противоречие».

Главные итоги

Несмотря на то, что западнический строй мыслей многих представителей правящих кругов и интеллигенции обрекал русские формы хозяйствования и труда на деградацию и вырождение, все экономические успехи России в XIX — н. XX в. были связаны именно с ними. Вопреки настроению образованных слоев народные формы хозяйствования продолжали продуктивно существовать, особенно в сельском хозяйстве, средней и мелкой промышленности. Более того, именно в этот период произошел своеобразный синтез народных основ и передовой техники и технологии. Именно этот синтез стал основой своего рода русского экономического чуда к. XIX — н. XX в., которое сравнимо только с «японским экономическим чудом» после Второй мировой войны. И ничего удивительного в этом нет — как Россия, так и Япония обеспечили себе небывалый экономический успех соединением преимуществ традиционной национальной культуры хозяйствования и преимуществ, связанных с внедрением новейшей техники и технологии. По сравнению с дореформенным периодом промышленность России выросла в 13 раз. Темпы экономического роста были самыми высокими в мире, а по отдельным отраслям просто гигантскими — производство стали возросло в 2234 раза, нефти — в 1469 раз, угля — в 694 раза, продукции машиностроения — в 44 раза, продукции химии — в 48 раз. В к. XIX — н. XX в. осуществлено коренное техническое перевооружение промышленности. Доля производственного накопления составляла 15 — 20% национального дохода, что было выше, чем в США. Только за 1885 — 1913 крупные акционерные предприятия увеличи-

ли свои фонды в 11,1 раза. Средний рост производственных фондов составлял за этот период 7, 2 % в год, т.е. опять выше, чем в США.

Символом экономического процветания России этого периода являлась Великая Сибирская железная дорога, воплотившая в себе все предыдущие хозяйственные достижения страны. В то время это был самый великий в мире экономический проект, воплощенный в жизнь. Металл, рельсы, вагоны, паровозы — все было произведено на русских заводах руками русских рабочих.

По производству главнейших сельскохозяйственных культур Россия заняла первое место, выращивая больше половины мирового производства ржи, больше четверти пшеницы и овса, около двух пятых ячменя, около четверти картофеля. Россия была главным экспортером сельскохозяйственной продукции, первой «житницей Европы», на которую приходилось две пятых всего мирового экспорта крестьянской продукции.

Опережая западные страны по темпам экономического роста, Россия вместе с тем по объему промышленного производства еще отставала от США, Великобритании, Германии и Франции, занимая пятое место в мире. Специалисты, основываясь на анализе промышленных мощностей и среднегодовых темпов роста продукции, предсказывали к 1930-м выход России на один из передовых рубежей мирового хозяйственного развития.

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО, ИЛИ ОСНОВЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

РУССКАЯ ПРАВДА, XI–XII ВЕКА
(экономические статьи)

В России никогда не было рабства. Хозяйственные отношения в Древней Руси XI–XII веков строились на строго правовой основе, в рамках трудовой демократии сельских общин (вервей) и церковных приходов. Это, конечно, не означало, что не существовало определенного слоя несвободных людей — холопов. Однако слой этих людей был невелик и использовались они не столько в процессе производства, сколько в быту, в качестве домашних слуг (челяди, чади).

Община с началами взаимопомощи и саморегулирования создавала более высокий уровень развития средств производства по сравнению с теми странами, где она отсутствовала.

В городах существовали самоуправляемые коллективы ремесленников, купцов.

И сельские общины, и городские самоуправляемые единицы действовали на началах круговой поруки, объединявшие их в экономически зависимые друг от друга коллективы.

«Русская Правда», сложившаяся еще на основе законов, существовавших в X веке, включила в себя нормы правового регулирования, возникшие из обычного права, то есть народных традиций и обычаев.

Содержание «Русской Правды» свидетельствует о высоком уровне развития экономических отношений, богатых

хозяйственных связей, регулируемых законом. «Правда,— писал историк В.О. Ключевский,— строго отличает отдачу имущества на хранение — «поклажу» от «займа», простой заем, одолжение по дружбе, от отдачи денег в рост из определенного условленного процента, процентный заем краткосрочный от долгосрочного, и, наконец, заем — от торговой комиссии и вклада в торговое компанейское предприятие из неопределенного барыша или дивиденда. Правда дает далее определенный порядок взыскания долгов с несостоятельного должника при ликвидации его дел, умеет различать несостоятельность злостную от несчастной. Что такое торговый кредит и операции в кредит, хорошо известно Русской Правде. Гости, иногородние, или иноземные купцы «запускали товар» за купцов туземных, т.е. продавали им в долг. Купец давал гостю, купцу-земляку, торговавшему с другими городами или землями, «куны в куплю», на комиссию для закупки ему товара на стороне; капиталист вверял купцу «куны и гостьбу», для оборота из барыша».

Вместе с тем, как видно из прочтения экономических статей «Русской Правды», нажива, погоня за прибылью не являются целью древнерусского общества. Главная экономическая мысль «Русской Правды» — стремление к обеспечению справедливой компенсации, вознаграждения за нанесенный ущерб в условиях самоуправляемых коллективов. Сама правда понимается как справедливость, а ее осуществление гарантируется общиной и другими самоуправляемыми коллективами.

Главная функция «Русской Правды» — обеспечить справедливое, с точки зрения народной традиции, решение проблем, возникавших в жизни, обеспечить баланс между общинами и государством, осуществить регулирование организации и оплаты труда по выполнению общественных функций (сбор виры, строительство укреплений, дорог и мостов).

Привожу основные экономические статьи в кратком изложении:

Статья 4. Устанавливает порядок выплаты общиной (вервью) штрафа за преступление, совершенное на ее территории. Устанавливаются размеры штрафа. Общине предоставляется право распределения суммы штрафа между ее членами, что предполагает наличие развитого самоуправления.

Статья 9. Содержит указание на традиционные размеры натурального обеспечения общиной государственных чиновников, собиравших виры.

Статья 47. Спор по договору займа решается с помощью свидетелей заключения этого договора. Длительное невозвращение долга рассматривается как преступление.

Статьи 48. Купец пользуется особыми правами на получение и выдачу в долг денег на торговые операции: при отказе в их возврате представлять свидетелей займа ему не надо, но достаточно самому дать показание, подкрепленное клятвой.

Статья 49. По положению о договоре поклажи, хранения товара, в котором участвуют купцы, товар может быть оставлен на хранение и без свидетелей. При обвинении в утайке части оставленного товара хранителю для оправдания достаточно принести присягу, поскольку договор безвозмезден, рассматривается как благодеяние.

Статья 50. Регламентируется договор займа с процентами, размер которых не ограничивается. Предписывается заключение этого договора в присутствии свидетелей.

Статья 51. Величина процентов по займу находится в зависимости от срока договора: больший срок предполагал более высокую ставку процента.

Статья 52. В случае невозможности представить свидетелей займа при отказе ответчика от его уплаты заимодавец мог получить свои деньги только в пределах установленной законом суммы. Для этого он приносил присягу в том, что он эти деньги должнику дал. Если же заем был больше установленной суммы, кредитор терял право на иск.

Статья 53. Сформулированы ограничения размеров процентов, взимаемых по долгосрочным займам.

Статья 54. Банкротство, утрата купцом взятых в долг денег и товаров не влечет за собой уголовной ответственности. Ему дается возможность восполнить утраченное и в рассрочку выплатить долг. Эта льгота не распространялась на купца, утратившего капитал в результате пьянства и иных предосудительных действий.

Статья 96. Регулирует организацию и оплату труда на общественных работах по строительству деревянных городских укреплений и башен. Строительство это велось под управлением городника самими горожанами и окрестными жителями, которых выделяли общины. Общины оплачивали труд городника и его помощников в денежной и натуральных формах в начале и конце работы по сооружению каждой городни (секции укреплений) или башни.

Статья 97. Регулирует организацию и оплату труда на общественных работах по строительству мостов. Руководитель строительства — мостник вместе с отроком получал с общины, на территории которой строился или ремонтировался мост, денежную плату в зависимости от длины моста и количества опор — городней.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА
(фрагменты)

В своем Поучении русский князь Владимир Мономах (1053 — 1125) отражает ту основу, на которой строилось хозяйство Древней Руси — трудолюбие как добродетель. Труд — высшее мерило богоугодности человека, любой труд для человека — радость.

… Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«…»

В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтеся, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком,— то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям или добрым, или злым.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков,

оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или сбор дани, или лечь спать. Спанье в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

УСТАВ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА О МОСТАХ, XIII ВЕК

Устав определяет принципы организации общественного хозяйства Новгорода Великого, исходя из народных экономических идеалов коллективного, общинного труда, распределения обязанностей и повинностей.

Регулируется порядок общественных работ по строительству и ремонту городских проездов и дорог, а также заготовке строительных материалов.

Работы распределяются и оплачиваются в определенном порядке всеми городскими и провинциальными сотнями (общинами).

Приводим статьи Устава в кратком изложении:

Статьи 1, 1а, 16. Разверстывает мостовую повинность, касающуюся общественных центров города Новгорода: Детинца и главных подходов к нему, дорог, соединяющих Торг, иностранные фактории, пристани. Главная цель Устава — организовать те дороги, которые обслуживают Торг и основные экономические потребности города.

Статья 2. Организует заготовки строительных материалов среди провинциальных сотен новгородской земли.

Статья 3. Перечисляются городские, провинциальные и волостные сотни, на которые разверстываются «поплаты» за сооружение дорог и мостов.

РУКОПИСАНИЕ КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА, XIII ВЕК

«Рукописание князя Всеволода» — уникальный памятник русской экономической мысли, содержащий в себе Устав купеческой корпорации в Новгороде Великом, сформировавшейся вокруг церкви Ивана на Петрятином дворе.

Имея преимущественно купеческий характер, корпорация вместе с тем выходила за чисто сословные купеческие рамки и представляла собой торгово-экономический центр, действовавший на правах самоуправления, и выполняла функции по регулированию коммерческой жизни города, а также торговый суд. Деятельностью этого торгово-экономического центра руководили два выборных старосты от купцов и один выборный от житьих и черных людей (статья 5). Чтобы стать членом купеческой корпорации, существовавшей возле церкви Ивана, необходимо было вложить в нее вкладом 50 гривен серебра (около 10 кг) и сделать подарок тысяцкому (статья 7). Купцы, совершившие этот вклад, получали наименование пошлых (исконных) с правом передачи членства по наследству.

Ни новгородские посадские, ни новгородские бояре не имели права вмешиваться в деятельность этого Центра (статья 6). Торгово-экономический центр имел исключительное право держать эталон весов для меры взвешивания при торговых операциях (статьи 8 и 9), также осуществлял в свой доход сбор вощаной пошлины от торговли воском (статья 10).

В случае старости и нетрудоспособности священники, дьяконы, дьяки и даже сторожа церкви великого Ивана брались на общественное обеспечение купеческих и других самоуправляемых городских объединений (статья 17). Таким образом, следует констатировать один из характерных

для Древней Руси фактов социального обеспечения, когда лица, находящиеся на общественной службе, брались на содержание тех или иных общин.

Ниже приводятся наиболее характерные статьи «Рукописания»:

5. И яз, князь великий Всеволод, поставил есми святому Ивану три старосты, от житьих людей и от черных тысяцкого, а от купцев два старосты, управливати им всякие дела иванская, и торговая, и гостинная, и торговой.

6. А Мирославу посаднику в то не вступатца и иным посадником в ываньское ни в что же, ни боярам новгорцкым.

7. А хто хочет в купечество вложится в ываньское, даст купьцем пошлым вкладу пятьдесят гривен серебра, а тысяцкому сукно ипьское, ино купцам положить в святыи Иван полътретьяцать гривен серебра. А не вложится хто в купечество, не даст пятьдесят гривен серебра, ино то не пошлый купець. А пошлым купцем ити им отчиною и вкладом.

8. Авесити им в притворе святого Ивана, где дано, ту его и дръжати.

9. Авесити старостам иваньским, двема купцем пошьлым добрым людем. А не пошлым купцем старошениа не дръжати, ни весу им не весити иваньского.

10. А у гостя им имати: у низовьскаго от дву берковска вощаных пол гривне серебра да гривенка перцю, у полоцкого и у смоленьского по две гривны кун от берковска вощаного, у новоторжанина полторы гривны от берковска вощаного, у новогородца шесть мор док от берковска вощаного.

11. А куны им класти святого великого Ивана в дом, что вывесят по правому слову.

17. А попов святого великого Ивана, и дьякона, и дьяка, и сторожов призирати старостам иваньским, и купцам, и старостам побереским, и побережаном».

НАСТАВЛЕНИЕ ОТЦА К СЫНУ
(фрагменты)

«Наставление отца к сыну» из сборника XV века «Пчела» говорит о распространенном в русском народе идеале трудолюбия и нестяжательства.

… Тот, кто о душе своей не заботится, а только о смертной плоти печется, подобен тому, кто рабыню кормит, а госпожу отвергает. Тот, кто ищет земных благ, забывая о небесных, подобен человеку, который хочет пахаря иметь на стене изображенного, а не в поле пашущего.

Мудрый муж — мудрым и разумным друг, а друг убогим людям — Бог; муж мудрый, если и беден, то премудростью владеет вместо богатства; богатство праведников — мир Бога ко всем людям; великое богатство — хороший разум.

Мудрый муж, имеющий страх Божий, даже если он раб и нищий,— лучше царя. Тот же, у кого богатства много, но страха Божия нет — тот без ума; но если старается постичь закон Божий,— спасение получит; тот же, кто не имеет страха Божия,— спасения будет лишен.

Богатый муж, истине не наученный и не разумный, подобен ослу, взнузданному золотою уздою. Бедные и богобоязненные — лучше их.

Жизнь скупых и сребролюбцев подобна поминальной трапезе: все вокруг плачут и нет веселящегося.

Грешник хуже горбатого: горбатый за собой носит уродство, а этот — в себе.

Ленивый хуже больного: больной хоть и лежит, да не ест, а ленивый — и лежит, и ест.

Скупого дом — как облачная ночь, закрывающая звезды и свет от очей многих.

«ДОМОСТРОЙ»

Как рукодельничать всякому человеку и любое дело делать, благословясь

В домашнем хозяйстве и всюду, всякому человеку, хозяину и хозяйке или сыну и дочери, или слугам, мужчинами женщинам, и всякому мастеровому человеку, старому и малому, и ученикам любое дело начать и рукодельничать: или еду и питье готовить, или печь что и разные припасы делать и всякое рукоделье и ремесло, и приготовясь, очистясь от всякой грязи и руки начисто вымыв, прежде всего — святым образам поклониться трижды в землю, а если болен — только до пояса: а кто может — «Достоинство есть» произнести, так, благословясь у старшего, и молитву Исусову проговорит, да перекрестись, и молвит: «Господи, благослови, Отче!» — с тем и начать всякое дело, тогда ему божья милость поспешествует, ангелы незримо помогают, а бесы исчезнут, и дело такое Богу в честь, а душе на пользу.

А есть и пить с благодарностью — будет сладко: что впрок сделано, то мило, делать же с молитвой и с доброй беседой или в молчании, а если во время дела какого раздастся слово праздное и непристойное, или с ропотом, или со смехом, или с кощунством грязные и блудливые речи и песни бесовские да игры,— от такого дела и от такой беседы божья милость отступит, ангелы отойдут в скорби, и возрадуются бесы, видя, что волю их исполняют безумные христиане. И приступят тут лукавые, влагая в помысл всякую злобу, вражду и ненависть, и подвигнут мысли на блуд и на гнев и на всякое кощунство и сквернословие, и на всякое прочее зло,— и вот уже дело, еда и питье не спорятся, и каждое ремесло и всякое рукоделие не по-божьи свершается Богу во гнев, ибо не бла-

гословенное людям не нужно, не мило, да и не прочно оно, а еда и питье не вкусны и не сладки, только дьяволу да слугам его и угодно, и радостно.

А кто еду и питье и какое еще рукоделье не чисто исполнит, и в ремесле каком что украдет, подмешает, подменит или соврет и притом побожится ложно: не настолько сделано или не в столько стало, а он врет,— так те все дела не угодны Богу, и тогда запишут их бесы, и за это все взыщется с человека в день Страшного суда. И хозяина обманул, и людям навредил, да и впредь никто ему не поверит. А если что сотворил не по правде или приврал и выклянчил, или выторговал обманом,— не благословен подобный доход, не надежен, и милостыня с него неприятна Богу. От праведных же трудов и от честных доходов и себе надежно, и Богу достойно дать, и такая милостыня Богу приятна, а сам человек Богу угоден и людьми почтен, всякий ему во всем доверяет: и в этом мире добрыми делами Богу он угодит, и в будущей жизни во веки царствует.

Наказ мужу и жене, и детям, и слугам о том, как следует им жить

Следует тебе самому, господину, жену и детей, и домочадцев учить не красть, не блудить, не лгать, не клеветать, не завидовать, не обижать, не наушничать, на чужое не посягать, не осуждать, не бражничать, не высмеивать, не помнить зла, ни на кого не гневаться, к старшим быть послушным и покорным, к средним — дружелюбным, к младшим и убогим — приветливым и милостивым. Всякое дело править без волокиты и особенно в оплате не обижать работника, всякую же обиду с благодарностью претерпеть Бога ради: и поношение, и укоризну.

Если поделом поносят и укоряют — соглашаться и новых безрассудств избегать, а в ответ не мстить. Если же ни в чем

не повинен ты, уже за это от Бога получишь награду. А домочадцев своих учи страху божию и добродетели всякой, и сам то же делай, и вместе от Бога получите милость. Если же небрежением и твоим нерадением сам или жена, наставленьем твоим обделенная, согрешит или зло сотворит перед Богом, или домочадцы твои, мужчины, женщины, дети твои грех какой совершат, хозяйского наставления не имея: ругань, воровство или блуд и всякое зло сотворят,— все вместе по делам своим примете: зло сотворившие — муку вечную, а хорошо поступишь и ты, и те, кто с тобою — вместе с ними заслужишь вечную жизнь: тебе даже больше награда, ибо не об одном себе старался ты перед Богом, но и всех, кто с тобою, ввел в вечную жизнь.

Каких слуг держать при себе и как о них заботиться, во всяком их учении и по божественным заповедям, и в домашней работе

А людей у себя держи дворовых хороших, чтобы знали ремесла, и кто такого достоин, такому ремеслу учи. И не был бы вор, ни бражник, ни игрок, ни грабитель, ни разбойник, ни блудник, никакому обману не потворщик. Всякий человек у хорошего хозяина, прежде всего, был бы научен страху божию, а также и всем добродетелям, вежеству, смирению, доброй заботе и домашней работе. Не крал бы, не лгал, ко всем добродетелям относился бы со смирением и в поучении господина своего, по заповеди апостола Павла, который писал к Тимофею: «Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божье и учение. Те же, которые имеют господами верующих, не должны обращаться с ними

небрежно, ибо братья они: и тем более должны служить им, что верные они и возлюбленные и благодетельствуют им». Этому, господине, и сам следуй, и от слуг своих требуй такими быть — и наказанием и страхом великим. И опять тот же апостол к Титу писал, что должны рабы «своим господам повиноваться, угождать им во всем, не прекословить, не красть, но оказывать всю добрую верность, дабы они во всем были украшением учению Спасителя нашего Бога…

О праведном житии

А если кто по-божески живет по заповедям господним, по отеческому преданию и по христианскому закону, то есть если владыка судит справедливо и нелицемерно и одинаково всех, богатого и бедного, ближнего и дальнего, известного и неизвестного.— такие, конечно, будут вознаграждены за свои справедливые решения. И слугам своим пусть велит поступать точно так же.

Если же в селах иль в городах кто хорош по-соседски, тот у христиан, у властей и в приказе, справедливых решений в нужное время добьется не силой, не грабежом, не пыткой. Если же не уродилось что и расплатиться нечем, так он не торопит. А не то так и у соседа или иного христианина не хватило зерна — на семена ли, на пищу, да лошади или коровы нет, или налога в казну уплатить нечем,— так нужно помочь ему и ссудить, а мало у самого, так у людей подзанять, но другому по просьбе дать. И помогать им от всей души, от всяких обидчиков оберегая по правде их. Самому господину, и слугам его ни дома, ни на селе, ни на службе, ни в жалованье — ни в каких делах и отнюдь не обделять никого ни в чем: ни пашней, ни землей, ни домашним каким припасом, ни скотиной неправедного стяжания избегая.

Благословенным трудом и средствами праведными жить подобает всякому человеку. И видя добрые ваши дела и милосердие и любовь сердечную ко всем и таковую праведность, обратит на вас Бог свои милости и преумножит урожай плодам и всякое изобилие. Вот такая — от праведных трудов и благих плодов — милостыня приятна Богу, и молитву их Бог услышит, и грехи отпустит, и вечной жизнью наградит.

Люди торговые и мастеровые, и земледельцы тоже пусть праведным только и благословенным торгуют, и производят, и пашут — без покражи, разбоя и грабежа, без поклепов и лжи, клеветы и обманов; пусть торгуют и промышляют нажитым праведными грудами, не ростовщичеством, но благодаря приплоду, труду и всякому урожаю, исполняют дела свои добрые по христианскому закону и по заповедям господним: угодит в сем мире — вечную жизнь заслужит.

Как жить человеку по средствам своим

А в повседневном своем хозяйстве: и в лавке, и во всяком товаре, и в кладовой, и в комнатах, и во всяком дворовом припасе или деревенском, и в ремесле, и в приходе-расходе, в займах-долгах,— все заранее распределить, а потом уж и жить, хозяйство ведя согласно приходу и расходу.

Кто живет нерасчетливо

Всякому человеку, богатому и бедному, великому и малому, разобраться в своем хозяйстве, распределив по добытку и промыслу, и по своему достатку.

Служивому человеку жить, все разметив себе в соответствии с государевым жалованием, по доходу и по поместью

или по вотчине, и уж такой себе дом держать и все хозяйство с припасами. По тому же расчету — и слуг держать, и уклад, по промыслу и по доходу глядя, по нему и есть и пить и одеваться, и государю служить, и слуг содержать, и с добрыми людьми общаться.

Если же кто, не оценив себя и не рассчитав добра своего, ремесла и прибыли и государева жалованья и добытка законного начнет, на людей глядя, жить не по средствам, занимая и беря незаконным путем, то честь его обернется великим бесчестьем со стыдом и позором, а в лихое время никто ему не поможет: от безрассудства своего пострадает, да и от Бога грех, а от людей насмешка. Надобно каждому человеку избегать тщеславия и гордыни и неправдою нажитого имущества, жить по силе своей и возможности и по расчету, и по средствам, добытым законным путем. Только такое житье и благоприятно, и Богу угодно, и похвально среди людей, а себе и детям своим надежно.

Кто без присмотра содержит слуг

Если же держат людей у себя не по средствам, не по достатку, а потому и не могут удовлетворить их едой и питьем и одеждой, или таких, что ремесла не знают и пропитаться сами не могут, — придется слугам таким, мужику или женке, или девке поневоле, горюя, красть, и лгать, и блудить, а мужикам еще грабить и красть, и в корчме выпивать, и всякое зло чинить, — таким неразумным господину и госпоже от Бога грех, от людей насмешка и житье без соседей, от судей же пеня, разорение дому, да и сам обнищает за скудость ума. А все потому, что каждому человеку следует слуг держать по добытку-доходу, столько, сколько можно их прокормить и одеть и во всем остальном удовлетворить их, да в страхе Божьем и поучении добром их держать. И если таких людей

ты при себе имеешь, то и сам от Бога получишь благословение, и эти души спасешь.

А не по силам тебе людей содержать, не продавай их в рабство, но отпусти на волю и, насколько можно, надели их: от Бога награда, а душе польза.

Как сохранять порядок домашний и что делать, если придется у людей чего попросить или людям свое дать

Для любого рукоделья и у мужа, и у жены всякое бы орудие в порядке на подворье было: и плотнимое, и портновское, и кузнечное, и сапожное: и у жены для всякого ее рукоделья и домашнего обихода всегда бы прядок был свой, и хранилось бы все то бережно, где что нужно, ибо если придется что делать — никто ничего не слыхал: в чужой двор не идешь ни за чем, все свое — без лишнего слова.

Да поварские принадлежности, хлебопекарные и пивоваренные все бы были у себя сполна: и медное, и оловянное, и железное, и деревянное — какое найдется. Если же и придется у кого в долг взять или свое дать: женскую одежду, бусы или мониста, или свое дать: одежду мужскую, сосуд медный, оловянный или деревянный, или какое платье, и какой-то запас — так все пересмотреть, и новое все и ветхое: где что измято или побито, или дыряво, а одежда измазана или продралась, и какой-то в чем-нибудь непорядок или что не цело — и все то сосчитать, и заметить, и записать и тому, кто берет, и тому, кто дает — обоим то было бы ведомо.

И что можно взвесить — то взвесить, и всякой ссуде определить бы цену: по нашим грехам какой непорядок случится, так с обеих сторон ни хлопот, ни раздоров нет — и тому уплатить, у кого взято. А всякую ссуду и брать, и давать чест-

но, хранить крепче, чем свое и в срок возвратить, чтобы сами хозяева о том не просили и за вещами не посылали: тогда и еще дадут, да и дружба навек.

А если чужого не беречь или в срок не вернуть, или отдать, испортив, в том обида навек и убыток в том и пени бывают, да и впредь никто и ни в чем не поверит.

ВЕК ПЕРЕМЕН

О СКУДОСТИ И БОГАТСТВЕ

ПОСОШКОВ Иван Тихонович
1652 — 1726

Посошков, вышедший из крестьян, занимавшихся ювелирным промыслом, с одной стороны является продолжателем хозяйственной традиции Древней Руси, выраженной в «Домострое» и практической жизни общин и артелей, а с другой несет уже сомнение в верности традиционных ценностей. Хотя в целом его симпатии на стороне национальных традиций хозяйственной жизни, которые он хочет обновить «сугубо умственным путем». Тем не менее пафос огульного и не всегда справедливого обличительства внутреннего порядка присутствует в его главном труде «Книге о скудости и богатстве».

Из основополагающих ценностей Древней Руси он принимает почти все. Прежде всего идею домостроительства (экономики, хозяйства), цель которого, по его мнению,— в достижении изобильного богатства, то есть определенного достатка человеческих вещественных и невещественных благ. Источником богатства является только труд, «безотносительно к его физическим и социальным особенностям».

Изобильное богатство понимается им не как средство к роскошной жизни, а как средство обеспечения некоторого достатка для прокормления своей семьи, церковного богослужения и выплаты царских налогов. Изобильное богатство может быть очень скромным и дело совсем не в вели-

чине его, а в том, что каждый человек должен обязательно трудиться, приносить «прибыток». Трудом создается «всенародное богатство», состоящее из «домовых внутренних богатств». Некоторые «избытки» во «внутреннем домовом хозяйстве» предполагают продажу их вне хозяйства.

Посошков стоял на позициях регулирования внешнеторговой деятельности в сторону таможенного ограничения вывоза за границу сырья. Он полагал, что продавать надо преимущественно готовые продукты. Ученый стоял за независимость русского хозяйства от иностранного рынка, предлагая использовать для этого таможенную политику, содействующую росту российской промышленности и созданию производств продукты которых тогда закупались за границей. За рубежом следует покупать только то, чего нельзя сделать в России.

Посошков неоднократно высказывает идеи экономической автаркии, независимости русского хозяйства от внешних рынков. Богатство народа состоит не в том, что он получает из-за границы, а в том, что он создает внутри своего хозяйства, обеспечивая себя всем необходимым.

Во времена Посошкова крестьяне составляли не менее 95 процентов всего населения страны. От их «изобильного богатства» зависело русское Царство. «Крестьянское богатство, — говорил Посошков — царственное, а нищета — крестьянское оскудение царственное». Крестьянский экономист считал крестьян такими же землевладельцами, как и помещиков. «Под всеми ими земля вековая царева, а помещикам дается ради пропитания на время». Земля, которую обрабатывают крестьяне, принадлежит им по обычному праву ее распределения и перераспределения, регулируется общиною. Для осуществления справедливого землевладения, по мнению Посошкова, нужно ввести всеобщий поземельный налог не только с крестьян, но и с других «чинов».

От чего приключается напрасная скудость, и от чего гобзовитое богатство умножается

Аз, мизирный Его Императорского Величества рабичищ, мнение свое сицево предлагаю о собрании Царских сокровищ, сице, еже верным Его Величества рабом тако подобает пещися, ежебы елико о собрании казны старатися толико, но ежебы и собранное туне не погибало, и нетокмо собранного, но и несобранного прилежно смотреть, дабы даром ничто нигде не лежало и не погибало.

Подобие и о всенародном обогащении подобает пещися без уятия усердия, дабы и они даром и напрасно ничего не тратили, но жили бы от пьянственного питья повоздержнее, а во одеждах не весьма тщеславно, но посредственно; чтобы от излишняго украшения своего, наипаче же жен своих и детей своих, в скудость не приходили, но вси бы по мерности своей в приличном богатстве расширялись.

Понеже не то царственное богатство, еже в царской казне лежащие казны много, ниже то царственное богатство, еже синклит Царского Величества в злато-тканных одеждах ходит; но то самое царственное богатство, ежели бы весь народ по мерностям своим богат был самыми домовыми внутренними своими богатствы, а не внешними одеждами или позументным украшением: ибо украшением одежд не мы богатимся, но те государства богатятся, из коих те украшения привозят к нам, а нас во имении теми украшениями истончевают. Паче же вещественного богатства надлежит всем нам обще пещися о невещественном богатстве, то есть, о истинной правде; правде — отец Бог, и правда вельми богатство и славу умножает, и от смерти избавляет; а неправде отец диявол, и неправда не токмо вновь богатит, но и древнее богатство отгончевает, и в нищету приводит, и смерть наводит.

Сам бо Господь Бог рек: *Ищите прежде царства Божия и правды Его;* и прирече глаголя: *яко вся приложатся вам,* то есть, богатство и слава. (Матф. гл. 6, ст. 33). И по такому словеси Господню подобает нам паче всего пещися о снискании правды; а егда правда в нас утвердится, и твердо вкоренится, то не можно царству нашему Российскому не богатитися и славою не возвыситися. То бо есть самое царства украшение и прославление и честное богатство, аще правда, яко в великих лицах, тако и в мизирных; она насадится и твердо вкоренится — и вси, яко богата, тако и убозии, между собою любовию имут жить, то всяких чинов люди по своему бытию в богатстве довольни будут.

О купечестве

И купечество в ничтожность повергать не надобно, понеже без купечества никакое не только великое, но и малое царство стоять не может. Купечество и воинству товарищ: воинство воюет, а купечество помогает, и всякие потребности им уготовляет.

И того ради и о них попечение нескудное надлежит иметь: яко бо душа без тела не может быть, так и воинство без купечества пробыть не может; не можно бо ни воинству без купечества быть, ни купечеству без воинства жить. И царство воинством расширяется, а купечеством украшается. И того ради и от обидников вельми надлежит их охранити, дабы не малые обиды им от служивых людей не чинилось. Есть многие несмысленные люди — купечество ни во что ставят, и гнушаются ими, и обидят их напрасно. Нет на свете такого чина, коему бы купецкий человек не потребен был бы.

И так купечество годствует блюсти, чтобы не токмо от обидников посторонних, но и они между собою друг бы друга не обидели, и в купечество их иночинные люди отнюдь бы

не вступали, и помешательства ни малого им не чинили, но дать им торг свободный, дабы от торгов своих сами полнились, и Его Императорского Величества интерес умножали.

Егда ибо торг дан будет Русскому купечеству свободный, чтоб не токмо иночинцы, но и иноземцы в торгу Русским людем помешательства нималого б не чинили, то и пошлинный сбор будет не в том сочислении. Я так мню, что при нынешнем сборе пошлины будут собираться вдвое или втрое; а ныне от разночинных промышленников пропадает ея большая половина.

Буде кто коего чина нибудь аще от синклита, или от офицеров, или от дворянства, или из приказных людей, или церковные причетники, или и крестьяне похотят торговать, то надлежит им прежний свой чин отставить, и записаться в купечество, и промышлять уже прямым лицем, а не пролазом, и всякие торги вести купечески с платежом пошлин, и иных каких поборов с купечества, равно со всем главным купечеством, и без согласия купеческого командира утайкою, по-прежнему, воровски ничего не делать, а пошлиннаго платежа ни мало не таить.

Надобно всякому чину прямо себя вести, чтобы перед Богом не грешить и пред Царем в вине не быть; и как жить, так надлежит и слыть: аще воин, то воин и да будет, и аще инаго звания человек, то всяк бы свое звание и да хранил бы цело.

Сам Господь Бог рек, глаголя: (Матф. гл. 6, ст. 24): Един раб не может дву господинам служити. Тако и воину и инаго чина человеку всякому свой чин прямо вести, а в другой предел не вступати: аще бо тому к купечеству прилипнутися, то в военном деле солгат будет. Сам же Спаситель наш рек, глаголя: яко идеже сокровище ваше, ту и сердце ваше будет. А Святый Павел Апостол глаголет: яко никто воин обязуйся куплями угоден будет воеводе. А по простонародному речению есть глагол приличен сему, еже глаголется: одно взять — либо воевать, либо торговать.

И посему воину и всякому иночинцу отнюдь купечеством не подобает; но буде у кого желание к купечеству припадет, то уже в тот чин и вписатися надлежит.

И сего ради аще не учинить о сем предела, еже посторонних торговцев из господ и из прочих приказных и вотчиных людей и из крестьян не унять, то весьма обогагитись купечеству не возможно, и собранию пошлинной казны умножиться не от чего будет.

А аще Господь Бог у нас в Российском Царстве устроит сице: еже судьи и вси правители будут кийждо управлять свое дело с прилежанием, а в купечество не вступати, не токмо их от обидников защищать, также и военным людям, ни офицерам, ни солдатом, в купечество не вступати же, и ничем их не обижати, токмо пещися о своем деле военном, такожде и приказные люди пеклись бы о своих приказных делех, а в купечество отнюдь бы не вступали ж, а и мастеровые люди питались бы своим рукодельем, а в купечество и ти не вступались бы, такожде и крестьяне знали бы свою крестьянскую работу, а в купеческое дело ни мало не прикасались бы.

А буде кой крестьянин может рублев на сто торговать, тот бы чей ни был крестьянин, Государев ли, или Царицын, или митрополий, или монастырский, или сенатский, или дворянский, или какого звания ни был, а торгу на сто рублев имеет, тобы записался в купечество. И аще и там поведено будет им жить на стороне, а уже пахоть ему не пахать и крестьянином не слыть, но слыть купеческим человеком, и надлежит уже быть под ведением магистратским, и с торгу своего пошлина платить, в мелочные сборы, или по окладу своего торгу уколом, то так тому и платить неизменно.

А дворяне ради себя пасли бы своих крестьян неотложно, и прикащикам своим и старостам наказали б накрепко, чтоб крестьяне его ни мало к торгу не прикасались бы, и никогда бы даром ни летом, ни зимою не гуляли, но всегда б были

в работе, а к купечеству ни малым торгом отнюдь не касались бы, такожде и сами дворяне никаковому торгу не касались бы. А буде кой крестьянин и богат, то бы он пустоши нанимал, да хлебом насевал, и тот излишний хлеб продавал бы, а сам у иных крестьян ни малого числа для прибыту своего не покупал бы; а буде купит хотя одну осьмину, а кто свой брат-крестьянин или и тот, кто продал, пришед в таможню, известить, то у того торгаша взято будет штрафу сто осьмин, а кто о том донесет, дать десять мин. А буде кто купит для продажи десять четвертей, то взято будет на нем штрафу тысяча четвертей, а кто доведет, тому сто четвертей. А буде коему крестьянину припадет охота к купечеству чем бы он ни был, явился б в магистрате, и сказал, что могу я торговать на сто рублев или на двести или и вящше, то указом Его Императорского Величества взят будет в купечество.

Аще сие Бог устроит, еже всякого звания человек будет пещися о своем деле, то всякие дела будут споры, а купечество так обогатится, что не в пример нынешнему богатству. А пошлины будут с них собираться не то что вдвое, но, чаю, что нынешняго сбора и втрое больше будет или вящше.

Потому что ныне торгуют бояра, дворяне и люди их, и офицеры, и солдаты, и крестьяне, то все те торгуют беспошлинно, а и купецкие люди за их имены множество провозят беспошлинно же. И я не чаю, чтобы ныне и половина прямо пошлин собиралося, да и собрать ее не мочно, аще не отставить во всем торгу от господ и от служивых людей, потому что прикоснулись торгу лица сильныя, а кои и несильны, то магистрату неподсудны.

Я о сем всесовершенно знаю, что в одном Новгородском уезде крестьян, кои торгуют, будет сто-другое, а пошлин ни по деньге не дают. И аще кой сборщик, увидя их похочет пошлину взять, то дворяне за них вступятся, и чуть живых оставят, и на то смотря, никакие целовальники и прикоснуться к ним не смеют. И есть такие богачи, что сот по пя-

тишти имеют у себя торгу, а Великому Государю не платят ни по деньге.

И если вся сия устроится, то яко от сна купечество возбудится.

А сей древний купецких людей обычай вельми есть неправ, еже и между собою друг другу неправду чинят, ибо друг друга обманывают.

Товары яко иноземцы, тако и Русские, на лице являют добрые, а внутрь положены или соделаны плохи, а иные товары и самые плохие, да закрасив добрыми, продают за добрые, и цену берут неправедную, и неискусных людей тем обманом вельми изъявят, и в весах обвешивают, и в мерах обмеривают, а в цене облыгают, и тое неправду и в грех не поставляют, и от такого неправаго порядка незнающим людем великия пакости чинятся.

А кои обманывают, последи за неправду свою и сами все пропадают, и в убожество вящшее приходят; и тако вси отончевают.

А аще бы в купечестве самая христианская правда уставилася, еже добрые товары за добрые бы и продавали, а средние за средние, а плохие за плохие, и цену брали по пристоинству товару прямую настоящую, почему коему товару цена положена, а излишния бы цены ни у какого товара не то что взять, но и не припрашивали б, и ни стара, ни мала, ни несмысляннаго не обманывали б, и во всем поступали б самою правдою, то благодать бы Божия возсияла на купечестве, и Божие благословение почило бы на них, и торг бы их святой был.

И ради неподвижныя в купечестве правды надлежит во всех рядах устроить сотских и пятидесятских и десятников, и в коей лавке сидит сотской, то над дверьми лавочными прибить дощечка окруженная, покрытая белилами, дабы всем она знатна была, и на такой дщице написать сице: сотской; такожде над лавкою пятидесятскаго и десятскаго, чтобы купующие, куля какой товар, знали где тот товар показать, пря-

мо ль отвесил или обмерял, и товар доброй или плохой и настоящую ль цену взял.

А буде взял цену не противо настоящая цены излишнюю, то за всякую излишнюю копейку взять на нем штрафу по гривне или по две, и высечь батоги или плетьми, чтоб впред так не делал; а буде в другой раз так же учинит, то доправить штрафу сугубо, и наказание учинить сугубое ж.

А буде кто неправо отвесит или неправо отмеряет, или не такой товар даст, какого купец требовал, и вместо добраго худой продаст, то таковому жесточае чинять наказание, и штраф противо товарныя цены взять десятерично.

А буде в такой неправости помирволить продавцу сотской или пятидсятской или десятской, то взять штраф на десятском в десять мер, а на пятидесятском в 50 мер, а на сотском во 100 мер, и наказание чинить кнутом, по колику ударов уложено будет: и дать тем сотским и пятидесятникам инструкции с великим подкреплением, чтоб они за своими десятскими смотрели неоплошно, дабы они никаковому десятнику понаровки ни малыя не чинили, и плохо бы сего не клали, но боялись бы яко огня, дабы не дошло до великих лиц, и чтобы десятские и по лавкам досматривали, чтобы никакова товару худаго добрым не закрашивали, но каков кой есть, таков бы продавали, добрый за добрый, средний за средний, а плохой бы за плохой, и весили бы и меряли самою правдою, а излишния цены ни у какого товару не прибавляли бы и не прикрашивали бы. Но что чего стоит, того бы и просили, а и заморские товары, сукна и камки и прочия парчи, меряли бы и продавали с перваго конца, а не с задняго. И какой купец не пришел, богат или убог, аще разумен или ничего не смышлящ, всем бы единаче правдою продавали, и ни у рубля, ни у десяти рублев единыя копейки не имали и не припрашивали бы. (Спорить нельзя — одной цены уставить вес товару: имя одно, да доброта не одна; ину пору да и поплоше) и самыя ради беспорочныя правды не худо бы всяким товарам

весовым и локотным положить цена уставленная, чтоб она какова была в первой лавке, такова бы и в последней.

А что с кого надлежит за какую вину взять штрафу, и тот бы штраф собирали сотские не отлагая до инаго дня, когда кто провинится, тогда бы и платили, и приняв штрафу, записывали б в закрепленную книгу, и помесячно относили бы их в контору надлежащую, а со иноземцы приезжими на ярмарках без воли главнаго купеческаго правления командира, ни великаго, ни малого торгу не чинили бы.

А буде кто хотя на один рубль дерзнет приезжим иноземцам продать какого-нибудь товару без воли вышняго своего командира, то взять с него штраф сторично; за всякой взятой рубль по сту рублев, и наказание учинить кнутом, колико уложено будет ударов дать, дабы помнил и впредь так не делал.

И с воли командира своего и по согласию купечества поставя цену товару своему, отпускали бы за моря и за прочие рубежи Русские товары, как богатые, так и убогие с воли командира своего по общему согласию компанства, чтобы никому обиды не было.

И егда иноземец сторгует какова товара Русскаго многое число или малое, то всем Русским людям, как богатым, так и убогим, комуждо из своих товаров поверстався по количеству товаров своих, чтоб ни богатому, ни убогому обиды не было.

А буде кто не похочет товару своего для малые продажи расчинать, и то как кто похочет, в том воля мочно дать.

И тако творя, между всеми купецкими людьми будет мирно и согласно, а цены никому уронить будет нельзя, и почему какому товару цену с общаго согласия наложат, то уже иноземцы по той цене и нехотя возьмут.

А буде иноземцы похотя нашим товарам цену снизить, и товаров по наложенной цене брать не станут, то надлежит у маломочных товары все богатым за себя снять.

А буде купецкие люди за недостатком денежным не сой-мут, то выдать бы им деньги из ратуши и отпустить их вос-вояси, и впредь до указа таковых товаров не возили бы хотя годы два — три или больше, донележе со иноземцы торгу не будет, промышляли бы иным каковым промыслом. И по-ка иноземцы по наложенной цене товаров наших принимать не будет, до тех времени отнюдь нималаго числа таких това-ров на иноземческие торги не возили бы.

И буде иноземцы восхотят наших купцов принудить к своему умыслу, ежебы наших Русских товаров ценой не взвысить, а своих не снизить, оставя торг, поедут за море без наших товаров, то и свои они товары с коими приехали повезли б все с собою назад; а в амбары с кораблей не сторго-вавшись отнюдь класть им не попускать бы, хотя за амбары вдвое или втрое наемныя деньги давать станут, или где в до-ме похотят сложить, отнюдь того им не попускать; то когда наших товаров не брать, то и своих товаров оставлять им не для чего: как привозили, так пусть и назад повезут.

А в другое лето буде приедут, то надлежит нам на свои Русские товары к уставленной прошлогодней цене положить на рубль по гривне или по четыре алтына, или как о том указ Великаго Государя состоится, како бы купечеству слично было, и деньги бы в том товаре даром не прогуляли.

А буде два года иноземцы с торгом не будут, то на пре-жнюю цену наложить еще толико же, колико на первый год наложено. И так колико годов ни проволочат они упрямством своим, то на каждой год по толико и те накладки на всякой рубль налагать, не уступая ни малым чем, чтоб в купечестве деньги в тех залежалых товарех не даром лежали, но процен-ты бы на всякой год умножалися.

И аще в тех процентах товарам нашим возвысится, что ко-ему прежняя цена была рубль, а в упорстве иноземском воз-высится в два рубли, то таковую цену уже впредь за упрямс-тво их держать, не уступая ни малым чем.

И аще иноземцы упрямство свое и отложат, и станут товары свои возить к нам по-прежнему, и наших товаров к себе востребуют, а уже цены на Русские товары прибавленныя отнюдь не убавлять, и в предбудущие годы по такой же наложенной цене продавать, почему в упорстве их иноземской наложилась.

И буде двойныя цены за наши товары не похотят нам дать, то и их товары перед ними: мы благословением Божиим можем без их товаров пробыть.

Обще же я мню: хотя они и хитры в купечестве и в иных гражданских расправах, а аще уведают нашего купечества твердое положение о возвышении цены, то не допустят до двойныя цены: будут торг иметь повсягодно, видя бо наше твердое постоянство всячески упрямство свое прежнее и гордость свою всю и нехотя отложат: нужда пригоняет и к поганой луже. Для нас хотя они вовсе товаров своих к нам привозить не будут, мню, можем прожить без товаров их; а они без наших товаров и десяти лет прожить не могут. И того ради подобает нам над ними господствовать, а им рабствовати пред нами, и во всем упадок пред нами держать, а не гордость. Сие странное дело, что к нам приехав со своими безделками, да нашим материяльным товарам цену уставляют низкую, а своим цену ставят двойную, а иным товарам и выше двойныя цены.

И не до сего ста, но и деньги нашего Великого Государя ценят, до чего было им нималаго дела не надлежало: им надлежит деньги ценить своих государей, потому что они власть имут над своими владельцы. А наш Великий Император сам собою владеет, и в своем государстве аще и копейку повелит за гривну имать, то так и может правитися. Мы в своем царстве с воли Монарха своего вольны на привезенные их товары цену налагать. А буде им нелюбо, то на ту цену не отдавай, волен он и отдать и не отдать; нам силой у него не отнять, а в том мы можем стоять, несторгованнаму

и негодному на сухом берегу места не дать; либо назад вези, либо в корабле держи.

Время было уже им прежняя своя гордость и отложить; плохо им было над нами ломаться, тогда, когда сами наши Монархи в купеческия дела не вступали, но управляли бояре. И приехав они иноземцы засунут сильным персонам подарок рублев во сто-другое, то за сто рублев сделают они иноземцы прибыли себе полмиллиону, потому что бояре не ставили купечества ни в яичную скорлупку; бывало на грош все купечество променяют!

А ныне, слава Богу, Монарх наш вся сия разсмотрил; и подлезть им уже никак, еже бы им по прежнему своему хотению уставить и на своем поставить.

И если они иноземцы от упрямства своего года два — три и пять — шесть торговаться с нами не будут, то купечеству нашему великая и неисчислимая прибыль будет, потому которые товары покупались у нас в Руси по рублю, то будет уже в покупке по полтине или и меньше, а иноземцам меньше уставленныя цены за иноземческое упрямство сбавить отнюдь неможно. Потому что такая цена уставилась за их непокорство; они на свои товары без причины наложили цену высокую и тем нас вельми изневожили, а им изневога не от нас, но от своего им упрямства. Они в причину поставили Русския наши деньги, до чего им ни малаго дела нет. Деньги наши когда в их землю придут, то хотя они нашу копейку и за деньгу не возьмут, то в том они вольны: их земля, их воля. А в нашей земле нет им ни малыя власти, но волен наш Монарх; а по его Монаршеской воле и мы имеем некую часть воли. А они, пришед в нашу землю, ценя наши деньги, да всяким своим товарам цену возвысили: червонные были без гривны по сроку алтын, а ныне по два рубля, ефимки были по осьмнадцати алтын, а ныне по осьми гривен; меди пуд был по три, а ныне — по семи и по восьми рублев, олово было не с большим по три рубля, а ныне выше шести руб-

лев; горючая сера была по полтине пуд, а ныне втрое выше продают. Бумага писчая, коя была стопа по восьми гривен, ту ныне продают по два рубля: оконечных стекол ящик покупали по три рубля, а ныне продают по десяти рублев. Колико ни есть заморских товаров, на все наложили они цену двойную, да и тройную, и тем они хощут Российское Царство пригнать к оскудению, и издеваясь над нами, вместо матерьяльных товаров возят к нам разные питья, да похваляют их, то питье честное и весьма похвальное, дабы слыша их такую похвалу, больше у них покупали, и денег бы им больше давали, а нам бы то их питье выпить, да………… а иное и выблевать; да привозят к нам стеклянную посуду, чтоб нам купив, разбить, да бросить. И нам если заводов пять — шесть построить, то мы все их государства стеклянною посудою наполнить можем.

И того ради весьма надлежит нам себя осмотрить: их Немецких разсказов нам не переслушать; они какую безделицу не привезут, то надседаясь хвалят, чтобы мы больше у них купили, и уже чего не затеют: и пива наваря, да налив в бутылки привозят, да продают бутылку по десяти алтын: а нам мочно на ту бутылку наложить на алтын или на две копейки.

И аще нашим товарам высокая цена уставится или не уставится, то в воли Монарха нашего; как он поволит, так то и будет неизменно.

А их заморские товары весьма надлежит принимать купечеству нашему по разсмотрению, и по согласию общему, и с воли командира своего, а не по-прежнему, самовольно, и выбирали б, кои товары были прочны и самые были добрые, а плохих отнюдь не принимали, и те принятые товары такожде делили между собой по количеству своих товаров с общаго совета, чтобы никому и малой обиды не было.

А буде же иноземцы на тот отборной товар еще сверх настоящия цены наложат цену излишнюю, то и того отборнаго товара с наложением прибавочной их цены не брать бы у них

ничего, но брать по настоящей цене, какова до того от отбирания установилась.

А буде заупрямятся, и давать тех товаров по настоящей цене не похотят, то отказать им: пусть весь свой товар повезут назад, а плохих и непотребных товаров и на полцены отнюдь бы не принимать ни малого числа для того, чтобы они дураками нас не называли, и в товарах наших над нами не издевались бы.

А наипаче таких товаров не принимать, которые куля выпить, да………. или приняв разбить и бросить. Стеклянную посуду мочно нам к ним возить, а не им к нам; и всякие товары, кои непрочны и портятся, якоже обшивныя их иноземческия пуговицы принимать и на полцены не надобно; понеже пока человек кафтан носит, то обшивныя пуговицы двое или трое переменит. И того ради годствует принимать пуговицы медныя плотныя, кои паяны не оловом, или кои и без пайки, да насажаны на деревянные болвашки, или оловянныя серебром посеребряны на жестяных чашках. Такожде кои вместо стальных привозят визмутовыя пуговицы, то и таких принимать не надобно ж для того, что они непрочны. А принимать самыя прочныя, с коими бы мочно было кафтана два-три износить; буде и стеклянныя черныя, да сделаны на железных самых плотных ушках, то таковые мочно брать; потому что оне весьма потребны, платья не дерут, а к носке прочны, цена им не высокая; буде станут ушки делать у них гораздо плотны, то они партищ пять-шесть переносят.

А и во всяких товарех смотрить того накрепко, чтобы был прочен, и парчи всякие, кои бывают к носке прочны, те и брать, а кои на клею камчицы и атласцы и штофцы, хотя кои и цветны, таковых и на полцены принимать не надобно, и никому бы из таких парчей и платья делать надлежит призапретить; потому что в них деньгам перевод.

И не токмо шелковых, но и гарусных, кои неплотны и к носке непрочны, чулки и парчевые вещи, кои скоро про-

падают, таковых никогда ж принимать не надобно: также и линтов, кои весьма тонки и плохи, хотя самою малою ценою не доведется ж брать; но брать те линты, кои весьма плотны, хотя и ценою выше, только б к носке были прочны; и с мишурою битью никаких линтов не принимать; потому что в них никакого проку нет, токмо денежная напрасная трата.

Также и платков шелковых Немецких и Персидских не надлежит же покупать нам; потому что и в них токмо одна денежная трата, а самыя потребы ни полу нужныя нет: дать за него рубль или полтора рубля и годом платка два-три истеряет, и на другой год толико ж надобно, и лет в десяток иной щеголь платков с пятьдесят: и хотя по рублю положить платок, то пятьдесят рублев истратит, и на всякий год, и в той безделице из царства тысяч десятка по два-три пропадут, а на утирание носа и на утирание на лице пота гораздо потребнее платки льняные, нежели шелковые; и шелковые только одни хвасты, да иноземцам обогащение.

И если заказ о шелковых платках будет, то никто их не востребует, и будут по-прежнему полотняными платками утиратися.

Немцы никогда нас не поучат на то, чтобы мы бережно жили, и ничего б напрасно не теряли: только то выхваляют, от чего б пожиток какой им припал, а не нам. Они не токмо себя, но и прочих свою братию всякими вымыслами богатят, а нас больше в скудость пригоняют; и того ради надобно нам разумея разуметь о всяких их делах яко о купецких, тако и о военных и о художных делах: не тут то у них правда, что на словах ладогозят; надобно смотреть их на делах, а не на словах, и смотреть презрительным оком.

А кои у нас в России обретаются вещи, яко же соль, железо, иглы, стеклянная посуда, зеркалы, очки, оконечныя стеклы, шляпы, скипидар, робячьи игрушки, вохра, чернень, прозелень, пульмент, то всем тем надобно управляться

над своим, а у иноземцев отнюдь бы никаковых тех вещей ни на полцены не покупать.

А и сукон солдатских, мнится мне, у иноземцев покупать не надобно ж, потому что наши Русские сукна аще и дороже заморских станут, обаче тыи деньги из царства вон не выйдут.

Того ради и сукнами нам потребно прониматися своими же, чтобы те деньги у нас в России были.

И правителем не токмо одних купецких дел, но и градских, надлежит смотрить тою накрепко, чтобы нетребнаго и непрочнаго ничего из-за моря и из-за рубежей в Русь не покупали, но покупали б такия вещи, кои прочны, и коих в России у нас не обретается, или без кои пробыть немочно.

Нам надобно не парчами себя украшать, но надлежит добрым нравом, и школьным учением, и христианской правдой, и между себя истинной любовию и непоколебимым постоянством, яко к благочестивой христианской вере, так во всех делах, и за таковое украшение не токмо на земли, но и на небеси будем славны.

А и сие в купецких людях деется весьма неправильно, еже аще который человек проча себе и детям своим построить палаты, и аще он построил их и одолжась, а соседы и клевреты его вси, вместо ежебы его за то паче перваго любити и благодарити, что сделал от бочнаго огня преграду и царственную учинил украсу, вознегодуют на него, и налягут на него тяжелыми податьми и службами, и то стало быть диявольская ненависть: за что было надлежало ему польготить, потому, что он строя палаты изубыточился, а они вместо льготы нападут на него с разорением.

А мнится: не худо бы и Царским указом сие подтвердити, чтобы лет на пять-шесть или и больше построившим палаты в Царских поборах давать льготы, и в те льготные годы службы никаковы не выбирать бы; дабы он поправился, и на то смотря, стали б иначе тщатися палаты строить.

Паки и сие мнится: не весьма право посадские люди многие украшают себя паче меры своей, а жен своих и детей и наипаче того со излишеством украшений, и в том украшении излишнем себя истощевают.

Паки мне мнится — не худо бы расположить, чтобы всякий чин свое бы определение имел: посадские люди все купечество собственное свое платье носили; чтобы оно ничем ни военному, ни приказному согласно не было. А ныне ни коими делы по платью неможно познать, кто какого чина есть, посадский или приказный или дворянин или холоп чей; и не токмо с военными людьми, но и с царедворцами распознать неможно.

А мнится быть то самое прямое дело, чтобы не то что от царедворцев или от солдат, но и между собою надлежит им различие иметь.

Первая статья купецкаго чина, кии высше тысячи рублев, даже до десяти тысяч пожитки у себя имеют, тии бо носили на верхних кафтанах от сукна кармазиннаго, кой купуется выше дву рублев, а камзолы луданые и стофные и прочие шелковые парчи, кои без золота, без атласа и без испещрения разных цветов, а разноцветных парчей купечество и на малых своих детей не надевали бы; пуговицы носили бы серебряныя позолоченыя, а позументов бы и снуров золотых и серебряных, ни пуговиц обшивных, отнюдь бы не было и на малых их детях; а покроем надлежит, мнится, всему купечеству иметь: верхние кафтаны были б ниже подвязки, чтоб оно было служивого платья длиннее, а церковного чина покороче, а штаны бы имели суконныя и триповыя, а камчатых и парчовых отнюдь бы не было у них, а на ногах имели бы сапоги, а башмаков тот чин отнюдь не носили же бы, а на головах бы носили летом шляпы, и носили бы их аще и пуховыя, а пол по служивому маниру не заворачивали бы, а зимою носили бы шапки с околыши лисьми и рассомашными, а собольих бы отнюдь не носили. Собольи шапки носили бы гости, да гостинные сотни, кии выше десяти тысяч имут у се-

бя пожитку. А средния статьи, кии имут у себя пожитки ото ста рублев даже до тысячи, то тии бы носили сукна Английския, кии около рубля покупается аршин, а камзолы китайчатые и суконные носит, а пуговицы серебряныя белия и медныя, паяныя медью и серебром посеребреныя; а на головах летом носили бы шляпы без заломов, а зимою шапки лисьи и бобровыя, а покроем особым от первостатейного купечества, а на ногах — сапоги. А нижняя статья, кии от десяти рублев имеют пожитка только до ста рублев, тии бы носили сукна Русские крашеныя лазоревыя и иными цветами, хотя валеныя, хотя неваленыя, только бы были крашеныя, а некрашеныя носили бы работные люди и крестьяна.

И по одежном расположении аще инем повидится дело невеликое, мне же мнится — велико оно: первее, что чин от чина явен будет, и всяк свою мерность будет знать; другое, что у всякого чина денежныя истраты излишния не будет; третьи, что царству наполнение будет немалое.

И платенное расположение, я чаю, что иноземцы вельми будут спорить того ради, что разходу парчам их будет гораздо меньше. И о всем, как воля Его Императорского Величества произыдет, тако и будет; и расположить бы все статьи особливостно, не токмо материяльными статьями, но и покроями, и утвердить бы накрепко, чтобы впредь неподвижну быти. И того ради штрафом подтвердить и страх предложить, дабы никто не держал на изменение предела сего.

У кого пожитку на тысячу рублев есть, тот бы себя не ругал, но благодаря Бога, носил бы достойное платье по пристоинству своему.

А ныне много есть, что тысячи две — три имеют, а ходит в сером кафтане; а у инаго и ста рублев нет, а он носит платье против тысячника; а по прямому, у кого пожитка большаго нет, тот бы не тщеславился, но всяк бы свою мерность знал.

И аще у кого пожитку выше тысячи рублев, и он платье по своему достоинству противу своего клевретства носить

не будет, и кто, ведая его пожиток, донесет о нем, то все его пожитки переписать, и аще явятся тысячи на две или на три, то оставить ему ста на два или на три; потому что он сам себе того возжелал, а излишнее все, аще и выше того будет, взять на Великого Государя, а доносителю из взятого пожитку выдать десятая доля.

А буде у кого по смете явится ни с большим на тысячу рублев, тому в пеню не ставить: аще сто — другое или третие явится излишняя, и кто доносил, нет ему ничего. А буде сот пять излишняя будет, то излишняя пять сот или и больше взять на Государя, а ему оставить тысячу рублев или сот пять — шесть.

А кто выше своей меры платье себе сделает, и по доношению тое платье снять, и дать тому, кто на него о том непристойном платье обличит его, и учинить ему наказание, чтобы впредь так он и иные не делали, и себя бы не убытчили.

И аще сие дело не великое, а царственному обогащению будет великая помощь: никто излишняго тратить не будет.

И аще воля Великого нашего Монарха на сие дело произыдет, то надлежит закрепить штрафом великим и страхом немалым, дабы не токмо в городех, но и в путях ездили бы в определенном своем платье.

А буде кто оденется не своего чина одежою, то наказание чинить ему жестокое, а по людям смотря, надлежит и разыскать, а наипаче, аще крестьяне да уберутся людьми боярскими или самыми дворянами или солдатами, то уже явно, что хощет идти на легкую работу — на разбой.

В одеждах так бы хорошо устроить, что не то, чтоб по верхнему платью или по исподнему, но и по рубашкам все бы были знатны, кто какого звания есть.

И по такому расположению все чины будут явны, и никто волгатись во иной чин не может; а мне видится, от такого порядка и азарничества поубудет; ныне бо многие поубравшись по-солдатски, ходя по улицам, чинят, что хотят, а никто при-

стать к ним не смеет: мнят быть их прямых солдатов, наипаче кии убираются подобием Преображенских или Семеновских солдат, и тако творя, наносят слово на прямых солдат недоброе.

А если бы все чины были расположены, то аще бы кто и поазарничал, то положил бы порок на свой чин, а и сыскивать бы скоро мочно было, кто азарничает.

И не худо бы расположить какими знаками и полки все как солдатские, так и Драгунские, чтобы всякий солдат и драгун знатен был, коего он полку.

И аще все чины повадится расположить трудно, то хотя б то учинить, чтобы мочно было знать, кто идет или едет, господин ли или раб; обаче о всем сем како воля Божия и Его Императорскаго Величества произыдет, так и может быть.

И сие вельми потребно, еже бы то учинить, чтобы никто выше меры своея одежд и всяких украшений не строили.

А наипаче монахом шелковыя одежды носить неприлично; а сие весьма непристойно, еже носят они рясы луданыя, атласныя и штофныя; они бо уже мира сего отреклися, и яже суть в мире, и миру подобает от них отреченну быть: они живые мертвецы, они токмо Богу живы, а миру мертвы суть: и того ради ни малаго убрания не подобает им не токмо в одеждах иметь, но и во всяких вещех украшати себя светскими украшеньми не надлежит, но подобает им украшати себя святым житием и всякими добродетельми, паче же смирением и из монастыря неисхождением. Им по чину своему подобает носить самое простотное одеяние, от волны сотканное, а и покрой рясам их надлежит быть мешковатой, чтобы и в том украшения ни малого какого не было.

А исподы носили б самые смиренные овечьи, а собольих, и куньих, ни лисьих, ни бельих, отнюдь бы не носили; ибо на худой конец, что они по всей России на всякой год тысяч десятка по два — три в том украшении истратят, и тая трата самая непотребная: ни она царству украшение, ни она миру

увеселение, то токмо тщеславие и к б…. цам присвоение, и иного ничего в том украшении несть, кроме греха.

И аз не вем, како у них на сие рассуждение будет, а мое мнение тако лежит, что отнюдь им не то что одежд, но и опушки шелковыя не подобает им иметь. Чернец — мертвец. И от пьянственнаго питья подобает им весьма удаляться, и между мирскими людьми не шататься, и в деревнях монастырских управителями не подобает им быть, но токмо знать им монастырь, да святую церковь, и келлий своих никаковым украшением не украшати, а не худо, чтоб и стен не тесати, и в келлиях своих не токмо хлопцев молодых при себе держати, но и родных своих детей отнюдь при себе не надлежит имети.

У инока инако всякому делу подобает быть: у инока ни отца, ни матери, ни детей, ни сродников нет, кроме единого Бога. Им пища сладимая и приправная и маслом гораздо усмаженная не весьма подобает ясти. А егда случится торжественный день, то и тогда ради разрешения маслица положить самую малую часть, дабы не весьма уж усладило; такожде и на питие разрешить от самые ж малые части, чтоб пиянства в себе не почуяти.

Чернецу непрестанно подобает быть в молитве, да в труде и в непрестанном богомыслии. Им так надобно жить, что он весь был в Бозе и Бог бы в нем неизходно, и не токмо ему сладостныя яствы ясти или по люторску мясу коснутися, но и рыбы, кроме разрешенных дней, не подобает вкушати. Вся бо та в мире суть, а не монастыре, и егда на рыбу разрешено, то и рыбу не весьма усмаживать маслом и иными приправами, но варить ее просто и, кроме соли никакой потравы в нее класть не весьма потребно; в монастыре токмо труд и алкание, а не роскошь какая. И того ради называется равноангельское житие их, потому что непрестанно в церковном пении и в келейном правиле и в постех и молитве пребывают и в богомыслии.

И в монастырех каков труд и воздержание всей братии, таков и архимандриту, и пища какова все соборным и работным инокам, такова и самому архимандриту. И в таком бытии самое будет братство, такожде и одежда у всех бы была безукрасная и ничем одежда от одежды не отмеченная; и тако бы они в монастыре трудились, чтоб никто посторонний человек познать не мог, кто какого чина есть.

Христос, дая нам образ, будут на земле, платья украшенного и изменного не имел, и яко Сам едину ризу имел, тако и прочим ученикам своим повелел единоризным быти.

А и пищу Христос требовал простую без приправ (Лук. гл. 1, зач. 54): егда бо пришед в весь посетит Лазаревых сестер, и Мария села при ногу Иисусову слышаше словес Его, нача про Христа припасать ядь со учреждением. Господь же похвалил Марию, коя о пище не пеклася, но седше, слушаше словес его Господних, а Марфе рек: Марфо, Марфо, печешися о мнозе, едино же есть на потребу. Яве есть, яко повелел ей припасти то, чем мочно человеку сыту быть. Тако и инокам токмо припасать, чем мочно человеку сыту быть, и есть надобно не чрез сытость, чтобы не отяготить себя, и имения иноку никакого не подобает имети.

И в таковом житии могут они слыть Евангеликами, понеже они никаковыя утехи себе, кроме Бота, не имеют; всегда пребывают в посте и в молитве, и мяса не вкушают, и никакими сладкостями не услаждают себя, и яко Христос жил, тако и они живут, и живут житие безженное, а мнози в них обретаются и девственники; итого ради весьма им надлежит слыть Евангеликами.

А люторы, я невем, с коего разума называются евангеликами: они живут… а не евангельски: мясо едят…

И ради всенародного охранения надлежит не одних иноков, но и купечество от лишнего пиянства и от роскошного жития повоздержать; наипаче надлежит запретить от заморских питей, чтобы сами не пили и в гостинцы никому бы

не носили: а чаю, не худо бы и приказным людям и служивым и прочим всякого чина людям призакрепить, чтоб и они в заморских питьях не касались, и денег бы напрасно не теряли. Буде кто похочет прохладиться, то может и Русскими питьи забавиться, а не то что покупаючи пить, но и приноснаго никакого заморскаго питья не поваживались бы пить. И буде кто учинить и пиршество, аще и про высокие персоны, а заморских питей и духу бы не было, кроме табаку, (а табак не худо бы в Руси ж завести сеяти и строить его по-заморски, как у них водится, чтобы и на табак деньги из Руси напрасно не тратились), но чем Бог нашу страну наполнил, тем надлежит и честноватись.

И иноземцам то прилично питье свое заморское во домех своих держать и кого не похотят поить им хотя Рейнским или алканом, но хотя Венгерским безденежно; а на деньги буде продаст много или мало, брать штраф сторичный — за копейку по рублю, а за рубль по сту рублев, а достальное питье, колико у него не сыщется, взять на Великаго Государя.

А буде кто и иноземцев позовет к себе в гости, то потчивали б своими питии, а на заморские питья отнюдь никакого числа денег не тратили бы, но токмо заморские питья покупали бы одни сенаторы, да из Царского Синклита, кои самые богатые люди, обаче с рассуждением же бы, чтобы деньгам не весьма истратно было.

Разве к кому случится пришествие Царскаго Величества, то уже тут нет предела — идеже Царское пришествие, тут и закон изменяется.

Нам от заморских питей кроме тщеты и богатству нашему Российскому препятия и здравию повреждения иного несть ничего, и дадим мы из Российского царства за него червонные, да ефимки и иные потребности, без коих им пробыть не можно, и от чего они богатство себе приобретают, а от них иноземцев примем мы то, что выпита да… и на землю

вылить, а иное выблевать, и здравие свое повредить, а и веку своему пресечение учинить.

А нас Россиян благословляя, благословил Бог хлебом и медом и всяких питей довольством: водок у нас такое довольство, что и числа им нет; пива у нас предорогие и меды у нас преславные вареные, самые чистые, что ничем не хуже Рейнского, а плохого Рейнского и гораздо лучше. Есть же у нас и красные питья, каразин и меды красные ж вишневые, малиновые, смородинные, костяничные и яблочные.

И аще заморские питья оставить, а повелеть строить меды разными виды, различными искусы, и продавать их из-австерии; то так их настроят, что больше заморских питей их будет.

А аще и табачные заводы завести в России, и ради доброго в нем управления, чтоб он был ничем не хуже заморского, добыта мастера доброго, чтобы научился строить по-заморски, то так нам мочно его напасти, что и кораблями за море мочно нам его отпускать, и если в Руси его строить, то выше копейки фунт его не станет, а заморского выше десяти алтын фунт покупают, а сеять его места у нас много. Нам так мочно его размножить, что миллионная от него прибыль будет; а на каких землях он родится, таких земель у нас премножество, мочно нам или его сеять во всех понизовых городах, а наипаче в Симбирску, на Самаре, на Пензе, на Инсаре, на Ломове, во Мченске, на Саратове, на Царицыне, и в Астрахане, и на Воронеже и во всей Киевской стране и в тех городах мочно его на каждый год по тысяче тысяч пуд наплодить его.

И аще он в Руси заведется и размножится, то те все деньги, кои за него за море идут, все останутся у нас в Руси. А если за море будут отпускать, то будут деньги и к нам от них возвращаться.

И аще и табак в Руси заведется, то кто сколько каких питей Русских и табаку ни выпьет, все те деньги из царства вон не выйдут, а заморские питья покупать ничем же лучше то, что деньги в воду метать.

Обаче, по моему мнению, лучше в воду деньги метать, нежели за море за питье их отдавать; из воды колико ни есть либо кто и добудет, а из-за моря данные деньги за питье никогда к нам не возвратятся, но те деньги из царства уже погибли.

А самого ради лучшего царственного пополнения надлежит и прочие заморские товары с рассмотрением покупать, ибо те токмо надлежит товары покупать, без которых нам пробыть не мочно, а иные их Немецкие затейки и прихоти их мочно и приостановить, дабы, напрасно из Руси богатства не тащили; на их мягкие лестные басни и на всякие их хвасти нам смотреть не для чего. Нам надлежит свой ум держать, и что нам к пополнению царственному потребно и прибыльно, то надлежит у них покупать, а кои вещи нам не к прибыли, или кои и непрочны, то тех отнюдь у них не покупали б.

И аще мочно так учинить, еже бы в Санкт-Петербурге и в Риге и в Нарве и у Архангельского города, приезжие иноземцы товаров своих продавали с кораблей, аще большими статьями, аще, и малыми, обаче с кораблей бы продавали, а в амбары и на дворы не сторговав и пошлин не заплатя не выгружали бы, а кои товары их за непотребность или за высокость цены не проданы будут, то те товары, не вынимая из кораблей, назад к себе за море повезли бы, а у нас бы отнюдь не оставляли их.

И аще тако состоится, то иноземцы будут к нам ласковее, а прежнюю свою гордость всю отложат. Нам о том вельми крепко надобно стоять, чтобы прежнюю их пыху в конец сломить, и привести бы их во смирение, и чтобы они за нами гонялись.

И аще в сем мы можем устояти еже бы товаров незапроданных в амбары наши им не складывать, то станут они гораздо охотнее те свои товары продавать, а пошлина уже будет со всего товара взята сполна, а на перевод по-прежнему уже переводить не станут.

И хорошо бы в купечестве и то учинить, чтобы все друг другу помогали, и до нищеты никого не допускали. Аще своими деньгами не могут его оправить, то из Царские бы сборные казны из ратуши давали им из процента на промысл, смотря по промыслу его, дабы никто промышленной человек во убожество великое от какого своего упадка не входил.

И аще в купечестве тако будет строиться, то никогда они не оскудеют, но год от года в промыслах своих будут расширяться, и Бог их за такое братолюбие, благословляя благословит, и во всем им подаст угобжение и душевное спасение.

О крестьянстве

Крестьянское житие скудостно ни от чего иного, токмо от своея их леності, а потом от нерассмотрения правителей, и от помещичья насилия, и от небрежения их.

Аще бы Царского Величества поборы были расположены по владению земли их, колико кой крестьянин на себя пашет, и поборы собирали бы с них в удобное время, а помещики их излишнего ничего с них неимали, и работы бы излишние не накладывали, не токмо и подать свою и работу налагали по владению земли их, и смотрели бы за крестьянами своими, чтоб они, кроме недельных и праздничных дней, не гуляли, но всегда б были в работе, то никогда крестьянин весьма не оскудеет. А буде кой крестьянин станет лежобочить, то бы таковых жестоко наказывали, понеже кой крестьянин изгуляется, в том уже пути не будет, но токмо уклонится в разбой и во иные воровства.

Крестьянину надлежит летом землю управлять неоплошно, а зимою в лесу работати что надлежит про домашний обиход или на люди, от чего бы какой себе прибыток учинить.

А буде при дворе своем никакой работы пожиточной нет, то шел бы в такие места, где из найму люди работают, дабы

даром времени своего не теряли. И тако творя никакой крестьянин не оскудеет. «…»

А и сие не весьма право зрится, еже помещики на крестьян своих налагают бремена, неудобь носимые; ибо есть такие бесчеловечные дворяне, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахотную и сенокосную пору всю и потеряют у них; или что наложено на их крестьян оброку или столовых запасов, и то положенное забрав, и еще требуют с них излишнего побору, и тем излишеством крестьянство в нищету пригоняют; и который крестьянин станет мало мало посытее быть, то на него и подати прибавят. И за таким их порядком крестьянин никогда у такого помещика обогатитися не может, и многие дворяне говорят: крестьянину де не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола. И тако творя, царство пустошат; понеже так их обирают, что у иного и козы не оставляют. От таковые нужды домы свои оставляют и бегут иные в Понизовые места, иные ж и во Украинные, а иные — ив зарубежные; тако чужие страны населяют, а свою пусту оставляют. А чтобы до того помещикам дела, что крестьяне богаты, лишь бы он пашни не запустил; хотя бы у него и не одна тысяча рублев была, только бы не воровал, и без явочно не торговал: что крестьяне богаты, то бы и честь помещику.

Крестьянам помещики невековые владельцы; того ради они не весьма их и берут, а прямый их Владетель Всероссийский Самодержец, а они владеют временно.

И того ради не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их Царским указом хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство — богатство Царственное.

И того ради мнится мне: лучше и помещикам учинить расположение указное, по чему им с крестьян оброку и иного чего иматъ, и по колику дней в неделю на помещика своего работать и иного какого сделья делать, чтобы им сносно было

Государеву подать и помещику заплатить, и себя прокормить без нужды. Того судьям вельми надлежит смотреть, чтобы помещики на крестьян излишнего сверх указу ничего не накладывали, и в нищету бы их не приводили.

И о сем яко высоким господам, тако и мелким дворяном, надлежит между собою посоветовать о всяких крестьянских поборех помещичьих и о сделье, как бы их обложить с общего совета и с докладу Его Императорского Величества, чтобы крестьянству было не тягостно, и расположить именно по чему с целого двора и по чему с полу-двора или с четверти или с осьмыя доли двора имать денег и столовых запасов, и поколику с целого и не с целого двора пашни на помещика своего вспахать и хлебом засеять и сжав обмолотить: такожде и подводы расположить по расположению дворовому, чтобы всем по владению земли было никому ни перед кем не обидно, и чтоб Государевы поборы сносно им было платить сполна без доимки. И како о сем с общего совета изложится и указом Его Императорского Величества утвердится, и тако аще нерушимо будет стоять, то крестьянство все будут сыти, а иные из них обогатятся.

Я, истинно, о сем много размышлял, како бы право крестьянские поборы с них собирать, чтобы Его Императорскому Величеству было прибыльно, а им бы было нетягостно, и сего здравее не обретох: что прежде расположить крестьянские дворы по владению земли им данные, чем кой владеет, и колико он на той своей земле хлеба высеет про себя.

Я невем, чего господа дворяне смотрят: крестьянами владеют, а что то именовать крестьянина не знают, и почему числит двор крестьянской ничего того не разумеют, но токмо ворота, да городьбу числят; а иные дым избной считают. И яко дым на воздух исчезает, тако и исчисление их ни во чтожность обращается. А и во счислении душевном нечаю ж я проку быть; понеже душа вещь неосязаемая и умом непостижимая и цены неимущая: надлежит ценить вещи

грунтованные. В душевном следовании труда много подъято, а казны, чаю, тысяч десятка два-три истощилось на него, обаче чаю я, что она вся туне пропала, и груд весь ни во что; ибо побор сей несостоятелен, а в чесом надлежит прямо неподвижной прибыли искать…

А о крестьянех, мнится мне, лучше так учинить: егда кой крестьянин повыток свой сполна помещику своему заплатит, то уже бы никакой помещик сверх уреченного числа ни малого чего не требовал с него, и ни чем бы таковых не теснил, токмо смотрит за ним, чтоб он даром не гулял, но какую мочно к прокормлению своему работы бы работал. И от такового порядка, кои разумные крестьяне, могут себе и хорошие пожитки нажить.

А буде кой крестьянин хлеба напахав, да станет гулять, и впредь ничего не станет запасать, и таковых, не токмо помещикам или прикащикам, но и сотским надлежит за ними смотрить и жестоко наказывать, чтобы от лености своей в скудость не приходили, и в воровство бы, ни в пиянство не уклонялись.

Крестьянам и радетельным разорение чинится не малое и от того, что дворового расположения прямого у них нет: кои сильные помещики, те пишут дворов по пяти и по шти и по десяти в один двор, то тем легко и жить; а кои средние могуты, те дворы по два и по три вместе сваливают, а одними воротами ходят, а прочие ворота забором забирают, то и тем крестьяном не весьма тягостно; а кои бедные и беспомощные помещики, то у тех крестьян все дворы целыми дворами писаны. И от такового порядка тыи крестьяне от несносных поборов во Бесконечную нищету приходят; а богатые и сильные бояре своих токмо крестьян оберегают от поборов, а о прочих не пекутся.

И ради основания правды надлежит первее уставить в крестьянстве, что то именовать двор и что полдвора или четверть или осьмая доля двора.

Я сему вельми удивляюсь, что в Российском царстве премногое множество помещиков богатых и судейством владеющих, а того не могут сделать, чтобы собравшись посоветовать и уложить, что тот крестьянской двор именовать или полдвора или четверть двора, и почему бы разуметь целой двор или без четверти или с четвертью двор?

В Москве в посадских слободах аще и мужики живут, обаче у них разумно учинено: кто на целом дворе живет, тот с целого двора и платит, а кто на полудворе или на четверти, то с того и тягло платит.

А у крестьян писцы и перепищики ворота числят двором, хотя одна изба на дворе, хотя и с пять-шесть или и с десять, а пишут двором же. И то стало бы не разум, но самое безумство и всесовершенная неправда, и убогим и маломочным обида и разорение.

По здравому рассуждению надлежит крестьянскому двору положить рассмотрение не по воротам, не по дымам избным, но по владению земли и по засеву хлеба на том его владении.

По моему мнению, аще у коего крестьянина целой двор, то надобно ему земли дать мерою толикою, чтобы ему мочно было на всякий год высеять ржи четыре четверти, а ярового осьм четвертей, а сена накосить ему про себя двадцать копен.

А буде коему крестьянину отведено земли, что и четверти ржи на ней не высеет, то того двора не надлежит написать, но разве шестою долею двора: и тако всякому крестьянину числить дворы по количеству земли надлежит.

А буде ж кой крестьянин могутен, а земли ему от помещика отведено малое число, и он мочью своею наймет земли у иного помещика, и на той наемной земле высеет хотя четвертей десять, или больше, и тоя земли к дворовому числу не причитать, и Государевой подати никакой с той наемной земли не платить; потому что с тоя наемныя земли будет платить помещик, который тою землею владеет; тако ж поме-

щику своему ничегож с тоя пашни не платить же, а платить тому помещику по договору деньгами или снопами, у коего ту землю нанял.

А буде кой помещик видя коего крестьянина семьяниста и лошадиста, даст ему земли со удовольством что высевать, а он будет четвертей по десяти на лето ржи, а ярового по двадцати, а сенокосу отведет ему на пятьдесят копен, то с такого крестьянина мочно брать как Его Императорского Величества, так и помещику с полутретья двора. И тако все дворы расположить не по воротам, ни по дымам, но по владению земли и по засеву их на отведенной им земле.

И аще тако во всей России устроено будет, то ни богатому ни убогому обиды ни малые не будет, но всякой по своей мочи, как Великому Государю, так и помещику своему будет платить.

И ради охранения крестьянского от помещиков их надлежит и в помещичьих поборах учинить по земле же, и чтоб больше положенного оклада отнюдь на крестьян своих не накладывали. И тако яко в Государевых поборех, тако и в помещичьих, будет им сносно. И по такому расположению и помещикам дворов крестьян своих таить по-прежнему не для чего; потому, буде кто дворы свои целые полудворами или четвертьми или осьмушками напишет, то и сам помещик не может уже с них больше того взять; ибо всякой крестьянин на чем будет жить и чем будет владеть, с того будет и платить как Царю, так и помещиком своим. И буде кой помещик напишет дворы целые полудворами или и меньше полу дворов, и Царские поборы платит против письма, а себе станет с них имать с целых дворов, и кто про то уведомится посторонний человек, и донесет о такой его неправде судьям, то те дворы и со крестьяны отдать тому, кто известил. А буде крестьяна непохотя лишнего помещикам своим платить и донесут судьям, то того крестьянина, кой доведет, дать волю, да за довод — пятьдесят рублев денег. А которые крестьяна ведали,

что помещик их берет с них излишние поборы, а умолчат, то тех крестьян бить кнутом, колико ударов уложено будет.

И аще кой помещик на целый двор или на полдвора или на четверть двора посадит дворового человека или делового или бобыля или полонника, то кто бы он ни был, а плату дворовую имать с него по владению земли неизменно.

И тако как крестьяне, так и дворовые люди, будут Великому Государю данники, и платеж им тягостен не будет, потому что платеж их будет по владению земли, определенной при дворе. И таким порядком интерес Его Императорского Величества вельми будет множится.

И аще по всей России тако устроится, и поборы с дворового числа легкостнее будут; а по древнему порядку от побору иные в конец разоряются, а иные даром живут.

По моему мнению, Царю паче помещиков надлежит крестьянство беречи; понеже помещики владеют ими временно, а Царю они вековые, и крестьянское богатство — царственное, а нищета крестьянская — оскудение царственное.

И того ради Царю яко великородных и военных, тако и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто в убожество не входил, но все бы по своей мерности изобильны были.

И аще по вышеписанному крестьянские дворы управятся, то каково за сильными люди будет крестьянам жить, таково и за самыми убогими быть, и к прежнему бегать крестьянам будет уже не для чего, потому что везде равно будет жить.

И у коего крестьянина двор целой и меньше или больше двора, обаче в селитьбе строили бы по два двора гнездами, и между ними по два огорода… И аще тако устроены будут деревни, то во время огненного запаления никакая деревня вся не выгорит.

А буде кой помещик будет на крестьян своих налегать, и наложит сверх указанного числа, или излишнюю работу наложит, и аще те крестьяне дойдут до суда, и у такого помещика тех крестьян отнять на Государя и землю; то на то

смотря и самый ядовитый помещик сократит себя, и крестьян разорять не станет.

А буде кой судья по доношению крестьянскому о винности помещиковой сыскивать не станет, и отошлет их к старому их помещику, или и сыскивать станет, да будет во всем помещику наровить, а на крестьянина вину валить, и аще те крестьяна дойдут до вышнего суда, и вину на помещика своего изъявят, и судейскую вину предложат, то тот судья не токмо пожитков, но и живота своего лишится.

И тако злый зле погибнет, а праведный судья за праведный свой суд настоящих благ насладится, и грядущих не лишится во веки веков. Аминь!

НРАВОУЧЕНИЯ ЖИЗНИ ДОБРОГО КРЕСТЬЯНИНА И РУКОДЕЛЬНИКА

ТАТИЩЕВ Василий Никитич 1686 — 1750

Выдающийся русский ученый-энциклопедист — историк, географ, этнограф, философ, лингвист и многое прочее, оставил после себя опубликованный уже посмертно незаурядный труд по экономике русского хозяйства, продолжающий традиции домостроительства в лучших их проявлениях — нестяжательство, трудолюбие как добродетель, попечительная забота о крестьянах. Не тот счастлив, кто имеет много денег, или несчастлив, у кого их нет, а тот, кто живет трудом согласно своему достатку, довольствуясь малым, презирая роскошь. «Нравоучения жизни» Татищева безусловно имеют корни в «Домострое», однако автор его не повторяет, а воспроизводит творчески, внося немало собственных соображений.

Каждый день необходимо всякой доброй крестьянин должен поутру встать зимою и летом в 4-м часу по полуночи, обутьца, одетьца, умытьца, голову вычесать, отдать Богу долг, принести молитву, потом осмотреть свою скотину и птиц, накормить, клевы вычистить, коров выдоить, после того делать разную по времени надлежащую работу до 10-го часу; а потом обедать, а в 12-м часу поить всякий скот и птиц и доить коров; а сделав то, взять роздых, летом до 4 часу пополудни, потом надлежит умытьца и ужинать; а в 5-ть начать

производить с поспешением надлежащую работу до 10 часу пополудни; после того должно убрать с поля скотину и птиц, коров выдоить, а в ночь летом корму не давать; сделав оное, отблагодаря Бога, спокойно может спать. Зимою же работу производить таким же образом с разделением тем: обедать в 12-м часу, ужинать в 9 часу пополудни, по холодному времени, кроме 12 часу, весь день производить работу; в субботу пополудни итти в баню, где обрезвыать ногти у рук и у ног. А в воскресенье, торжественные праздники, кроме пустых крестьянских, должны быть в церкви, слушать божественную литургию в белых рубашках и во всяком опрятстве. Доброй хозяин должен стараться иметь чистые хорошие постели из перья, дабы от скота иметь различие в своем покое; в дому истреблять всякую гадину, которая родится единственно от нечистоты, также и от духу всякой той пищи, которую мы употребляем, и для того по обеде и ужине надлежит тотчас хлеб и прочие съестные припасы выносить вон в нежилое место, избу тотчас вымести. Всякая крестьянка должна уметь хлебы печь добрые, делать квасы хорошие, стряпать разное кушанье; в саду хозяйка должна иметь фрукты и овощи всякие: яблоки, груши, вишни, сливы, малину, смородину, рябину, черемуху, капусту, огурцы, лук, чеснок, хрен, редьку, брюкву, репу, морковь, горох, бобы, пустарнак, петрушку, грибы, всякие ягоды, картофель; и тем может чрез всю зиму хорошо себя довольствовать и различить себя от скотской пищи. В летнее время делать сыры молошные, пахтанное масло ибо способно употреблять во время работы летом по неимению случая варить пищу от поспешности в работе. Каждой человек, которой ежечасно упражняется в работе, тот всегда здрав и бодр; а которой спит довольно, ест много, тот ежечасно себя подвергает болезни. При том то ведать надлежит: летом меньше есть, а чаще пить, а зимою больше есть, а меньше пить, то никакой болезни знать не будет; чрез силу не пей и не ешь и спать не ложись, когда

не хочешь. Каждый крестьянин должен иметь у себя 2 лошадей, 2 вола, 5 коров, 10 овец, 2 свиньи, гусей старых две пары, кур старых 10; а кто будет иметь больше, то заслужит больше себе похвалы и тем докажет доброе свое хозяйство и домоводство. Должен иметь посуду ценинную, блюда, тарелки, ножи, вилки, оловянные ложки, солонки, стаканы, скатерти, полотенца, шкафы или поставцы, малинькое зеркало, деревянные стулья, жестяные шандалы, свечи сальные, железные половники и ковши; а кто всего вышеписанного в доме своем иметь не будет, таковых отдавать другому в батраки без заплаты, который будет за него платить всякую подать и землею его владеть, а его ленивца будет иметь работником, пока он заслужит хорошую похвалу.

И для того всякий крестьянин детей своих должен в великом страхе содержать, ни до какой праздности не допускать, и всегда принуждать к работе, дабы он в том взял привычку и, смотря отца своего неусыпные труды, себя к тому приучать мог. Праздность человека приводит в воровство и разбои, от чего после навеки должен будет пропасть душею и телом. А дабы каждой праздно в младости не был, то должен он отдать его какому-нибудь художеству или рукоделью учитьца, от чего всегда интерес свой получить может; а наивящей пункт — учить грамоте и писать, чрез что познает закон и страх Божий, хотя тем может назваться истинным человеком и различить себя от скота. В случае же недорода хлеба никакой доброй крестьянин, льстясь на барыши, хлеб продавать не станет, для того, польстясь на самый малый барыш, продаст хлеб, а при крайней нужде не токмо на ссуду другому, но и самому за великие деньги достать будет неможно; от чего принужденным себя найдет, оставя свой дом, скитаясь, странствовать и без призрения жизнь свою окончить. В таком случае должен он без утайки о своем хлебе объявить своему приказчику, который, сыскав к тому разные способы, к продовольствию их употреблять будет; и тем

сохранитьца может целое их жилище без всякого разорения и убытка. «…»

Конец желаниям нашим ненасытным в свете главный пункт — деньги: не тот богат, кто их имеет много и еще желает, и не тот убог, кто их имеет мало, мало же скорбит о том и не желает, а богат, славен и честен тот, кто может по пропорции своего состояния без долгу век жить и честь свою тем хранить и быть судьбою довольным, роскоши презирать, скупость в доме не пускать. Советую всякому жителю сего света оставлять от годового своего дохода по крайней мере пятую часть денег для нечаянных приключениев: например, в случае недорода хлеба в прокормлении крестьян, в падеже скота и пожара; притом сделать разоренному вспомоществование, увечному подаяние, больному на исцеление, попу и доктору за труды и на погребение бедного своего трупа, дабы оставшим тягости не навести преселением своим в вечное жилище и не оставить от обидимых слез о себе, вопиющих на небо. Сохраняя все то, укрепит Бог чад его. «…»

Всего наивяшще смотреть надлежит, дабы летом во время работы не малой лености и дальняго покою крестьянам происходить не могло. Кроме одних тех праздников, которые точно положены и освобождены от работы, не торжествовать; понеже ленивые крестьяне ни о чем больше не пекутца, как только узнать больше праздников. И для того работу производить, начав с вечера, ночью и поутру, а в самое жаркое время отнюдь не работать, ибо как людям, так и лошадям оное весьма вредно. А имянно: до 10 часу по полуночи производить летом работу, а от 10 часу до 4-го пополудни самой жар иметь свободу. И всякий скот и птиц на жар не пускать, а иметь в хлевах… И необходимо во время работы с крестьянами старосте и приказчику с великою строгостью и прилежностью обращаться надлежит, пока хлеб весь с поля убран будет, как помещиков, так и крестьянской. Работу ж производить, сделав сперва помещичью, а потом принуж-

дать крестьян свою, а не давать им то на волю; как то есть в худых экономиях, то не смотря за крестьянскою работой, когда они обращаются к собственной своей работе, понеже от лености в великую нищету приходят, а после произносят на судьбу жалобу. Когда ж убран будет с поля весь хлеб, то староста и приказчик не имеет их больше к работе принуждать и должен им дать покой несколько времени; а за труды их, выбрав свободный день и собрав, всех напоить и накормить из боярского кошту. А в зиму ревизует художников, что кто сделал для своей продажи и не были ль праздно; понеже от праздности крестьяня не токмо в болезнь приходят, но и вовсе умирают, спят довольно, едят много, а не имеют муциону; доброму старосте и приказчику всего того смотреть надлежит, ибо за хорошее смотрение должны получить хорошую заплату, а за нерадение штраф или наказание. Он должен смотреть, чтоб каждой крестьянин, муж с женою, имел у себя лошадей работных 2-х, быков кладеных двух, боровов 5, овец 10, свиней 2, гусей старых две пары, кур старых 10; а кто пожелает иметь больше, дозволяется, а меньше вышеписанного положения отнюдь не иметь. Крестьянин не должен продавать посторонним хлеб, скот и птиц лишних, кроме своей деревни, а когда купца нет, то должен купить помещик по вольною ценою; а когда помещик купить не захочет, тогда вольно продать постороннему. А кто без ведома продает или к работе ленив будет, тех сажать в тюрьму и не давать хлеба двое или трое сутки. А особливо вражды, ссор и драк между собой не иметь под жестоким наказанием; а жить согласно и единодушно без всякой зависти во всяком дружелюбии, одному другому во всем вспомоществовать и друг другу быть покорным по закону Божию. А кто в том виновен явитца или каким себя злодеем окажет, то штрафовать денежным штрафом и сверх того чинить наказание, не давать пить и есть время, смотря по вине, до трех дней. Приказчик же ни под каким видом не должен иметь присевок

или пашню, кроме своего дохода, положенного от помещика, а может держать скот на барском корму, сколько ему позволено будет; а лутче содержать приказчика деньгами. Крестьян в чужую деревню в батраки и пастухи не пускать и в свою не принимать; вдов и девок на вывод не давать под жестоким наказанием; понеже от того крестьяня в нищету приходят, все свои пожитки выдают в приданые, и тем богатятца чужие деревни. В своей деревне между собой кумовства не иметь, затем чтоб было можно женитъца. Крестьян старых и хворых мужеска и женска полу по миру не пускать, а определять их в домовую богадельню, которых поить и кормить боярским коштом. Приказчик должен иметь годовой ежедневный журнал, что когда делано и зачем когда работы не было. На барском дворе иметь каждую ночь караульщиков по 3 человека с рогатинами. Если паче чаяния в случае недорода хлеба или в дороговизне должен всякой приказчик у крестьян весь хлеб собственной заарестовать и продавать им запретить; дабы они в самую крайнюю нужду могли тем себя пропитать, чрез что можно их удержать в случае самой крайней нужды от разброду. Впрочем, и то доброму приказчику и старосте наблюдать должно и ежегодно приготовлять надлежит к довольствию и прибыли своего помещика, а именно: яблоки, груши, дули, сливы, вишни, смородину, малину, бамбарис, крыжовник, клубнику, чернику, клюкву, бруснику, землянику, орехов, рябину, черемухи, сельцерей, петрушки, пустарнаку, бобов, картофелю, репы, моркови, хрену, зеленаго гороху, редьки, тыквы, арбузов, дыней, капусты, огурцов, свеклы, луку, чесноку, разных салат, артишоков и всяких трав: мяты, шалфей, полыни, безелики, мариам, спаржи, грибов, груздей и рыжиков, сосновыя шишки, мозжевеловые ягоды и всякие тому подобныя, которое, смотря по времяни, в погребах свежее хранить, а прочее сушить, солить, и разными способами; а ягоды и всякие фрукты водкою наливать, дабы ништо, произращенное от Бога, данное нам в пищу,

втуне по нашей лености пропасть не могло. Естьли ж в чем потребно надобности в дому состоять не будет, то все оное можно будет продать, а хотя и крестьянам отдать весьма полезно. «…» Не менее ж и то знать надлежит, каким образом из всякого хлеба по крайней мере семь ведр доброго вина вытти могло; в том предосторожности зачат те: всякого хлеба зерны должны быть сыромолотные обращаемы в солод, который смолоть мелко, положа в чан, налить горячею водою, спустить сусло в другой чан, и промыть тот солод горячею водою раза три, и собрать все то в один чан, куда положить дрожжей: на каждую четверть солода по ведру; закрыть плотно, штоб дух не выходил, квасить десять дней; при том смотреть, чтоб работные люди сусло не пили и траты не было. Почасту надлежит трубы и кубы чистить, штоб вино было чисто и без всякого запаху; а дрожжи разводить суслом, сколько возьмешь из бочки дрожжей, толикое число положить должно в дрожжи сусла, будет беспереводно; одним словом сказать: из всякой кислоты заквашенной дрожжами, вино быть может, если взять какие-нибудь ягоды, и налить водою, и положить дрожжей, и как крепко закиснет, оной морс двоить чрез куб, будет вино. А барду и всякую гущу употреблять должно рогатому скоту и птицам…

ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО

СУМАРОКОВ Александр Петрович
1717 — 1777

Домостроительство состоит в приумножении изобилия. Многие превозносятся прехвальным именем Домостроителя и заслужили себе похвалу; но рассмотрим, похвалы ли они достойны или чего иного, и в чем состоит домостроительство, а паче, какая от него истинная польза. На первое услышу я сей ответ: дабы умножены были тщанием хозяина прибытки; на второе: дабы тем обогощалося государство. Чьи прибытки? ежели только единого хозяина, так это только ему единому разрешение вина и елея, а крестьянам его сухоядение; а польза государственная, или паче общественная, умножение изобилия всем, а не единому; почему ж называют тех жадных помещиков экономами, которые или на свое великолепие, или на заточение злата и сребра в сундуки сдирают со крестьян своих кожи и коих мануфактуры и прочие вымыслы крестьян отягощают и все время у них на себя отъемлют, учиняя их невинными каторжниками, кормя и поя, как водовозных лошадей, противу права и морального и политического, единственного ради своего излишнего изобилия, раздражая и Божество и человечество. Блаженство состоит во спокойствии духов. Что приятнее Богу и государю: то ли, когда господин обитатель великой деревни ест привезенных из Кизляра фазанов и пьет столетнее токайское вино, а крестьяне его едят сухари и пьют одну воду; или когда помещик ест кашу и пьет квас, а крестьянин то же: вкус помещика потоне; так пускай щи его будут погуще, погуще и квас, когда ему угодно. Когда солнце равно освещает и помещика и крестьянина, так можно и крес-

тьянину такие же есть яйца, какие высокородный его помещик кушать изволит. Должно жить мещанину пышнее поселянина, дворянину мещанина, государю дворянина; но можно и крестьянину такую же есть курицу, какую вельможе, ибо от вельможи больше рассудка требуется, а не прожорливости. Никак не вообразительно мне, чтобы вельможа от маленького человека, а малочинный от крестьянина весьма отличен был. Каждый человек есть человек, и все преимущества только в различии наших качеств состоят, а чины суть утверждения наших отличных качеств: сожаления достойно, что то не всегда бывает. Но как то ни есть, уступим политическому расположению, когда моральное мало свойственно роду человеческому, и утвердим поместничество, или паче власть нашу, свойственную единому человеколюбию. Власть быта должна; не деревня будет, но гнездо разбойническое, где нет у поселян ни приказчика, ни старосты. Тело без головы быта не может, однако и мизинец ноги есть член тела.

Помещик, обогащающийся непомерными трудами своих подданных, суетно возносится почтенным именем Домостроителя, и должен он назван быть доморазорителем. Такой изверг природы невежа и во естественной истории и во всех науках: тварь безграмотная, не почитающая ни Божества, ни человечества, каявшийся по привычке и по той привычке возвращавшийся на свои злодеяния, заставляющий поститься крестьян своих ради наполнения сундуков своих, разрушающий блаженство вверенных ему людей, стократно вредняе разбойника отечеству. Увеселяюся ли я тогда, имея доброе сердце и чистую совесть, когда мне такой изверг показывает сады свои, оранжереи, лошадей, скотину, птиц, рыбные ловли, рукоделия и прочее? Но я с такими Домостроителями не схожуся и пищи, орошенныя слезами, не вкушаю. Много оставит он детям своим; но и у крестьян его есть дети. В таком обеде пища мясо человеческое, а питие слезы и кровь их. Пускай он то сам со своими чадами кушает.

В моде ныне суконные заводы; но полезны ли они земледелию? Не только суконные дворянские заводы, но и сами лионские шелковые ткания, по мнению отличных рассмотрителей Франции, меньше земледелия обогащения приносят. А Россия паче всего на земледелие уповати должна, имея пространные поля, а по пространству земли не весьма довольно поселян, хотя в некоторых местах и со излишеством многонародна. Тамо полезны заводы, где мало земли и много крестьян. Но чтобы заводы и крестьянам, а не одному помещику доходны были и были бы крестьяне работники, а не каторжники. Крестьяне не работы, но каторги гнушаются. А блаженство деревни не во едином изобилии помещика состоит, но в общем. Ежели помещик почитает себя головою своих подданных, так сохраняя голову, сохранит и мизинец, ибо голова тела и мизинцу состраждет. Но таковые гнусные Домостроители не почитают себя головою своей деревни и не отличают крестьян от лошадей: на лошади такой человек ездя питает ее ради того только, чтобы она его возила; людей он содержит на корме единственно только ради работы, не помятуя того, что и крестьянин не ради единого помещика от Бога создан.

Наша премудрая обладательница печется о домостроительстве, но домостроительство помещичье есть яд империи, когда оно только единого помещика обогащает. Но я похвалу, экономам соплетаемую, слышу только о таковых помещиках, которые свои собственные доходы умножают, так кажется мне, что люди гнусные, похвалою ободряемые, ободряются к разорению своих подданных и ко вреду своего отчества.

Сколько мало имею я времени писать о домостроительстве, упражняясь и соликовствуя с музами, толико много я имею о сем веществе ясным рассмотрением готовых ко рассуждению мыслей. О, если бы мнимые Домостроители такое попечение о своих крестьянах имели, какое они о себе имеют. Но что делаю я в рассуждении моих крестьян по домостроительству? Что я против беззаконного домостроительства пишу, то я и делаю.

КАКИМ ОБРАЗОМ ПРАВИТЬ ДЕРЕВНЯМИ

БОЛОТОВ Андрей Тимофеевич 1738 — 1833

Один из величайших русских ученых-энциклопедистов, выдающийся предприниматель, писатель и мыслитель. Болотов оставил глубокий след в русской экономической мысли. Не считая погоню за прибылью главной целью развития хозяйства, Болотов вместе с тем во главу своих предприятий ставил экономичность и рациональность, основанные на точном научном расчете. Целью своей жизни он считал преобразование сельскохозяйственного производства на основе собственных научных достижений. Активно работал над новыми видами растений и формами сельскохозяйственного производства. Болотов выступал против некритического переноса на русскую почву иностранных видов и сортов растений, чужеземную практику возделывания полевых культур без учета местных условий.

Болотову принадлежит множество открытий мирового значения, среди которых обоснование выгонной системы земледелия. Научные разработки в этой области позволили ему заложить основы учения о системах земледелия, дать практические рекомендации по организации и землеустройству территории, а также по введению многопольных севооборотов.

Продолжая развивать русские национальные традиции домостроительства, он совмещал крайнюю бережливость с готовностью затрачивать значительные средства на со-

здание новых сортов и видов сельскохозяйственного производства, заботу о своих крестьянах со строгим отношением к ним, многопрофильность хозяйства со специализацией его по ряду передовых культур. В подведомственной ему деревне Болотов за счет внутреннего производства обеспечивал почти все потребности населения, создавая как в старину «беззаботный монастырь». В приводимом ниже очерке анализируются все основные источники дохода от сельского хозяйства, позволяющие создать замкнутую, самообеспечивающуюся экономическую систему, вместе с тем работающую и на рынок.

О первом источнике доходов

§ 21. Первый и важнейший источник доходов в хлебных деревнях проистекает обыкновенно от продажи или отправления в поведенное от господина место разного сеямого обыкновенно в деревнях хлеба, как, например, пшеницы, ржи, ячменя, овса, гречихи, гороха и проса. Легко можно заключить, что умножение сего источника состоит в том, чтоб чрез прилагаемые старания, во-первых, хлеба родилось больше и преимущественнее того, который продается дороже прочих; во-вторых, чтоб хлебом сим наиудобнейшим образом пользоваться, то есть чтоб продавать колико можно дороже и больше или на иное что употребить наивыгоднейшим образом. Сии суть вообще главные правила или пункты в рассуждении сего источника доходов, о коих приказчику помышлять надобно.

§ 22. Что касается до подробности оных, то они суть многие, ибо к первому из них принадлежит вся пространная часть сельского домостроительства, касающаяся до собственного хлебопашества и земледелия, и потому весьма бы было пространно, если б хотеть предписывать все подобные

для того касающиеся правила и обстоятельства, да и намерение сего сочинения не к тому клонится. И для того подробнейших наставлений к приведению хлебопашества в лучшее состояние должен приказчик искать в других экономических книгах и сочинениях, а здесь сообщаются только важнейшие и по большей части общие из оных.

§ 23. Количество урожаемого хлеба зависит от многих разных причин. Одни и наиважнейшие из них не подлежат нашей власти, например, добрые или худые года, или собственные различные погоды во все времена года. Худые следствия, проистекающие от них для хлебородия, суть по большей части не отвратимы и такого состояния, что все человеческое искусство иногда не в состоянии ни малейшего обстоятельства отвратить или чему-нибудь сделать поспешествование, почему о том и говорить будет бесполезно. Другие же, и не менее важные, зависят от нас, или от старания земледельца. О сих приказчику надобно ближайшее иметь сведение и наблюдать все принадлежащие к тому правила.

§ 24. Сии правила имеют основание свое на следующих известных и весьма важных в рассуждении хлебопашества обстоятельствах, а именно: ежели хотеть, чтоб хлеба родилось больше, то надобно: 1) чтоб земли было больше; 2) чтоб она была колико можно лучших свойств и качеств; 3) чтоб она была надлежащим образом и как можно лучше уработана; 4) семена хлебные были б колико можно самые лучшие и совершеннейшие; 5) посеяны они были б надлежащим образом и в настоящую пору; 6) хлеб во время растения своего не имел бы никаких удобоотвратимых помешательств и повреждений; 7) наконец, по созревании своем не был бы попустому растерян, но собран с возможнейшею бережливостью.

§ 25. Из каждого из сих обстоятельств проистекают многие и разные для приказчика правила и должности. Я упомяну только о наиважнейших. Итак, что до первого из них, или до количества земли принадлежит, так хотя то и справед-

ливо, что чем земли больше будет засеяно, тем более и хлеба родится, однако сие правило имеет некоторые изъятия и сопряжено с тем необходимым условием, чтоб о приумножении земли потолику токмо стараться, сколько того число работников или хлебопашцев дозволять станет. Не диковинка пашенной земли присовокупить великое множество, но какая польза от нее, если всю ее имеющиеся работники порядочным и надлежащим образом упахать и уработать не с состоянии? Погрешность в рассуждении сего пункта делается от многих. Они завиствуются землею, но из опытов известно, что тем они количество урожаемого хлеба не только весьма мало приумножают, но иногда еще делают малейшим, что и натурально последовать должно, ибо в таком случае ни порядочно ее упахать и уработать, ни благовременно посеять и спрятать невозможно. Единая польза от того та, что крестьяне, будучи отягощены непомерною работою, упускают за тем и свое земледелие и от того приходят в крайнее разорение. Хорошо, когда, по-земледельчески говоря, люди возьмут верх над землею, а не земля над людьми. И для того разумному приказчику о приумножении пахотной земли тогда только стараться надобно, когда он по исчислении работников и земли и по расположении сей на них надлежащею пропорцией найдет, что земли против работников мало и недостаточно. В таком случае должен он изыскивать все те места в дачах деревень своих, которые в пашню удобно превращены быть могут, как, например, нет ли каких излишних лесов или малого и низкого чепыжнику, который бы без дальнего труда мог выкопан или выжжен, а потом распахан быть; нет ли каких худых или излишних лугов, которые бы могли быть разодраны в пашню; нет ли каких праздно лежащих полян или других каких лоскутов подле усадеб и в иных местах и прочее тому подобное; а все таковые места, которые хотя некоторым образом в пашню годятся, немедленно в оную обращать и тем число пахотной земли от времени до времени приумножать

стараться надобно. Напротив того, если окажется в земле сверх надлежащей по числу работников пропорции излишество такое, что оного никоим образом порядочно урабатывать невозможно будет, то либо о приумножении работных людей господину представлять, либо иные какие приличные к тому меры предпринимать, как, например, избирая самонегоднейшие из излишних, либо в залог запускать, чтобы они несколько лет отдохнули, обросли дерном и потом с лучшею пользою могли опять употреблены быть в пашню, или по недостатку и надобности в лугах оставлены, в котором случае лучше засевать их какими-нибудь травяными семенами, либо в случае недостатка и нужды в лесе запускать в лес, а ежели надежды нет, чтоб сам вырос, то обсевать древесными семенами или засаживать рощами и лесами, либо все таковые земли отдавать в наем и другое тому подобное. Одним словом, старание прилагать, чтоб и сии излишние земли не лежали праздно и приносили бы какую-нибудь пользу. Что ж касается до пропорции, поскольку земли полагать на работников, по сему общего правила предписать не можно — толь разные и неодинаковые свойства земли в разных провинциях нашего отечества и проистекающее из того великое различие в обыкновениях ее урабатывания, сопряженное в одних местах со множайшими трудами, нежели в других, причиною сей невозможности. Ибо хотя по большей части полагается на каждую соху по полторы десятины в каждом поле, однако в других местах могут уработать они более, а в иных и сего не могут, и для того помянутая пропорция должна определяема быть согласно с тем родом земли и обыкновениями, какие в том месте находятся.

§ 26. В рассуждении ж второго обстоятельства, или доброты земель, следующее примечать он должен. Известно то, что чем земля лучше, тем она и хлебороднее, доброта ж и худоба земли зависят от добрых или худых ее свойств и качеств. Но как худых земель гораздо больше, нежели добрых, и од-

ни только степные провинции в нашем государстве имеют то блаженное преимущество, что земли в них почти повсюду сами собою такой доброты, что никакого удобрения не требуют, то, кроме сих, во всех других местах и проистекает необходимая надобность удобрения худых земель. И как пункт сей наиважнейший есть в рассуждении поспешествования лучшему урожаю хлеба, то, натурально, приказчику о сем преимущественнее всего прочего стараться и все удобовозможные к тому способы употреблять надобно. И для того за главное правило он себе почитать должен, чтоб удобренных земель у него колико можно было больше. Сие удобрение состоит либо в снабдении земли нужными для хлебородия и в ней недостаточными вещами, либо в отвращении каких-либо худых ее свойств и помешательств, препятствующих хлебородию. Примечание приказчиково должно к обоим сим предметам устремляться, и он не должен упускать ни малейшего обстоятельства, поспешествующего обоим сим пунктам. Пространное наставление ему о том сообщить пределы сочинения сего не дозволяют, и для того упомяну только вскользь о нужнейших вещах.

§ 27. Под снабдением земли нужными для хлебородия вещами разумею я удобрение ее как обыкновенным скотским и птичьим навозом, так и другими вещами, как, например, золою, гноеным листом, приготовленным прудовым илом, мергелем, гипсом, известью и другими некоторыми вешами, о коих, равно как и о средствах и нужных притом примечаниях, должно приказчику осведомляться в особых экономических книгах. Здесь упомяну я только о навозе, яко обыкновеннейшем, наилучшем и известнейшем средстве. В рассуждении сего рода удобрения должен он о следующих обстоятельствах старание прилагать: 1) чтоб сего навоза сколько можно было у него больше, дабы им множаишее количество земли удобрить можно; 2) чтоб он был сколько можно лучше и действительнее; 3) наконец, чтоб употреблен

был наилучшим образом в пользу. Сии суть важнейшие пункты в рассуждении навоза, а из каждого из них проистекают многоразличные экономические правила, из которых наизнаменитейшие суть следующие.

§ 28. I. Как количество навоза зависит от умножения и бережения тех вещей, из которых он состоит или от которых происходит, то, натурально, следует, чтоб стараться, во-первых, сколько можно умножать скот, а особливо такой, от которого бывает его более и лучшего, как, например, коров, лошадей и овец. На сем оснуется все толь надобное для хлебопашества скотоводство, о котором ниже пространнее упомянется. Во-вторых, надобно не только об обыкновенном сбирании бываемого от скота навоза, но и о нетерянии без пользы и того, которого собрать не можно, старание прилагать, и для того всегда наблюдать, чтоб скот праздно по улицам не шатался, но был бы либо в сараях, либо на пажити, а на сих, чтоб в полднях летом держан он был на пахотной земле, ибо через то унавоживаются земли уже довольно изрядно и навоз скотский не пропадает. В-третьих, заготовлять сколько можно более потребной для подстилки скоту соломы, которая при хорошем употреблении составляет великую важность и весьма много к умножению навоза служит. А особливо нужна сия подстилка летом в то время, как навоз вывозят, тут надобно ей быть сколько можно толще, и для того к сему времени должно довольному числу соломы быть в готовности. Скашиваемое осенью ржаное и пшеничное жнивенье делает великое подспорье, и потому о заготовлении оного стараться надобно. В-четвертых, не упускать подспаривать навоз всем тем, что только к тому прилично, как, например, кроме обыкновенной соломы, сбирать и валить в навоз всякий со дворов сор, лист, гнилую щепу и хворост, золу, пыль с дорог, выпалываемую на полях, огородах и выкашиваемую в усадьбах всякую негодную траву и прочее тому подобное. Все сие, смешавшись с навозом, умножит его

довольным образом. Наконец, польза и надобность навоза так велики, что рачительному приказчику всячески стараться надобно и о доставании его из других мест, как, например, покупкою от соседей и привозом из близлежащих городов и торговых мест, где множество навоза пропадает тщетно. Капитал и труды, к тому определенные, с лихвою возвращены и награждены будут.

§ 29. 2. Что касается до доброты навоза, то к сему пункту принадлежат все правила, касающиеся до различного приуготовления навоза, о чем должен приказчик искать пространнейшего наставления в экономических книгах. Я только скажу, что как доброта оного наиболее в том состоит, чтоб он довольно перегнил и напоен был довольным соком, и не состоял бы из целой и неперегнившей соломы, то приказчику о следующих вещах наиболее стараться надобно: 1. Чтобы дворы и сараи скотские были по пропорции скота не пространны, но так, чтоб скот подстилаемую солому довольно перемять мог. 2. Чтоб они были крытые и навозные кучи не лежали бы на солнце, ветре и дожде. 3. Солома для подстилки употребляема бы была более старая и наполовину уже гнилая, а подстилаема бы была больше в ненастную погоду и осенью. 4. Для скорейшего перегнития пересыпаемы бы были слои навозные кое-когда землею. Пыль, сгребаемая с дорог, которая сама уже довольно унавожена, с лучшею пользою к тому употреблена быть может. 5. Даватъ навозу сколько можно более времени согнивать и возить на поле уже перегодовалый, в котором случае надобно его сгребать в кучи и оные чем-нибудь прикрывать. Обыкновение сие нетрудно в употребление ввесть. Нужно только один год навоз не возить, но, сгребая в кучу, дать ему гнить, а там возка навозная опять производиться будет по порядку только из кучи, а новый опять в кучу складываться.

§ 30. Употребление навоза в пользу не меньшего требует от приказчика внимания. Тут примечаются три важных об-

стоятельства: 1) выбор земли, которую унавоживать; 2) выбор удобного к тому времени; 3) собственная возка и унавоживание. В рассуждении первого обстоятельства не должен приказчик свято следовать древним обыкновениям, чтоб навоз возить на такие земли, которые только лежат поблизости к деревням и исстари были унавоживаемы. Сии и без того много доброго в себе имеют и довольную пользу и без навоза долгое время приносить могут, но ему надобно помогать тем, кои никогда навоза не видали и унавоживать хотя по нескольку десятин на год, лежащих в отдаленности, дабы чрез сие час от часу унавоженных земель было больше, а сие учинит лучшему и множайшему урожаю великое поспешествование. Кроме сего, должен он иметь предосторожность, чтоб навоз не возить на такую землю, где оного либо много тщетно пропадать может, как, например, на косогорах и крутых скатах, либо где он мало действовать может, например очень мокрые пашни. Что касается до времени унавоживания, то надобно выбирать к тому наиудобнейшее. За важное обстоятельство при том почитают многие, чтоб не возить и не запахивать навоз в мокрую и ненастную погоду, сверх того и в сем случае нет нужды держаться одного древнего обыкновения, чтоб возить его только в петровки, а можно возить также и в осень, а по нужде и зимою, по последнему пути, и весною по вскрытии воды, а особливо на отдаленные земли, на которые летом возить время не дозволяет. Наконец, что касается до собственной возки навоза и самого унавоживания, то притом два важных обстоятельства приказчику наблюдать надобно: во-первых, чтоб при возке навоза как самого его, так и нужных из него частиц колико можно меньше было растеряно; во-вторых, навоз соединен был с землею неиудобнейшим и лучшим образом. В рассуждении первого надобно прилежно смотреть за работниками, чтоб они имели телеги крепкие, накладывали на них умеренно, а не так, чтоб по дороге сыпалось, и чтоб воздухом и солнцем не вытягива-

ло из него нужных частиц, то надобно при возке навоза такие распоряжения сделать, чтоб навоз отнюдь не лежал и не сох долго на поле в кучах, но чтоб он вдруг и вожен, и разбиваем, и запахиваем был, и потому для скорейшего вывоза надлежит употребить всех работников, а из них несколько человек отрядить для запахивания оного, а разбивать должны в самое то время, как привезут, бабы. В рассуждении ж второго пункта надобно навоз на вспаханную и заскороженную землю, которую расчертить наперед равными полосами, кучи класть на равное расстояние, смотря по доброте или худобе земли, то есть чаще или реже, разбивать как можно ровнее и по запашке оставшиеся наруже клочки чтоб бабами были затоптаны в землю и прикрыты оною. За всем сим должно приказчику неленостно самому смотреть, а особливо за разбиванием навоза, ибо от того зависит великая важность, а не менее того стараться, чтоб и навоз был весь вычищен и вывезен.

§ 31. Кроме обыкновенного навоза, унавоживают землю, как выше упомянуто, некоторые и другие вещи, как, например: 1) зола, которой о собирании из-под овинов, винокурен, печей и других огнищ приказчику во весь год стараться надобно. Она по земле рассевается руками или разбрасывается лопатами; 2) голубиный навоз; сей надобно также стараться собирать для унавоживания земли, сперва он толчется, а потом рассеивается по пашне. Обоими сими средствами хорошо унавоживать самые отдаленные земли, куда навоза возить не можно: 3) прудовый ил; сей пригоден более для удобрения песчаных земель, но ему надобно наперед в куче дать год или два пролежать, проветриться и промерзнуть. Всеми и другими подобными сему средствами, о каких в экономических книгах предписывается, должно приказчику земли свои удабривать стараться.

§ 32. Что ж касается до второго главного рода удобрения земель, состоящего в отвращении помешательств и худых свойств земель, то, не входя в подробность, упомяну только

о главнейших. Итак, во-первых, мешает много хлебородию, если пашни лежат в низких местах и от того бывают слишком мокры и хлеба на них вымокают. В рассуждении сих надобно приказчику стараться копать в пристойных местах рвы и делать для воды стоки. Сие правило надобно наблюдать также в рассуждении таких пашен, кои лежат подле лесов и кустарника, где равномерно хлеба вымокают. Некоторые истребляют излишнюю мокроту в земле рассеиванием по ней извести и в том находят пользу; сие также не худо опытами изведывать, а особливо если в земле находится много железных частиц и от того она в сухую погоду красна кажется. Во-вторых, мешает много также хлебородию вырастаемый на пашне кустарник, как то в особливости в степных местах от полевого персика бывает; в других местах зарастают пашни великим множеством негодных больших трав, например полынью, чернобылом и прочая. В-третьих, усыпаны пашни великим множеством камней. Все сии и другие тому подобные помешательства, о коих ниже несколько упомянется, должен приказчик всячески истреблять и о приведении вообще земель своих в лучшее состояние стараться, а для лучшего успеха небесполезно иметь ему как всем своим землям и их свойствам и качествам, а особливо унавоженным, исправную всегда записку, дабы ему во всякое время справляться можно было, которая земля когда и чем унавожена, и по этому делать свои примечания и распоряжения. Для сих и многих других нужных до земли касающихся записок, о коих ниже упомянется, должен он иметь особливую тетрадь, которая полевою названа быть может. А каким образом наиспособнее сии записки вести, о том прилагается примерная форма, где сообщены и нужные об ней примечания.

§ 33. Что касается до третьего главного обстоятельства в рассуждении хлебопашества, то есть урабатывания земли, или собственного земледелия, то приказчику не в меньшее уважение оное принимать надобно. Известно, что зем-

ля чем лучше будет уработана, тем с лучшею способностью родится на ней хлеб. Собственных правил в рассуждении урабатывания оной для [при] великой разности в землях и в обыкновениях ее урабатывания здесь предписать не можно. Общие ж состоят в том, чтоб земля сколько можно глубже вспахана и мягче была уработана. Для сего приказчику стараться надобно, чтоб пашни его благовременно были вспаханы и заскорожены. Неупускание приличных и удобных к производству сея работы погод делает великое в хорошем урабатывании земли поспешествование. И для того не надобно отнюдь упускать способного времени в пашне, а особливо скородьбе, ибо великая разность урабатывать землю в сухую погоду и после дождя или очень рано весною, или дав земле прочахнуть. Для всего того надобно приказчику заблаговременно при наступлении весны сделать распоряжение, кому из крестьян которую землю пахать и ускораживатъ. Обыкновение пахать сгоном не таково способно, как в удел по тяглам. Туг всякое тягло должно ответствовать за свою землю и скорей можно найти виноватого, а сверх того, вся пашня скорей может быть уработана, ибо всякий спешит для себя и опасается делать проступки. А чтоб отвратить оные, то необходимо приказчику, а того более старосте должно смотреть за пахарями, и сделавшие хотя малые проступки, например огрехи и прочее, или худо пашни свои уработавшие должны в страх другим наказываемы быть. О средствах, каким образом урабатывать, должен приказчик по свойствам своей земли сам рассуждать и изыскивать оные. Наконец, надобно ему и о том стараться, чтоб при урабатывании земли счищаема и сволакиваема была вся случающаяся на землях дрянь, как, например, каменья, коренья худых и больших трав и прочее.

§ 34. Четвертый главный и весьма важный предмет при хлебопашестве составляют семена хлебные, чего ради приказчику их в наивящее уважение принимать надобно. Наиглавнейшие должности его, касающиеся до сего пункта,

суть следующие: 1. Должен он стараться, чтоб семенной хлеб был заблаговременно приготовлен. 2. Чтоб был он самый хороший, имеющий все потребные качества, то есть был бы самый зрелый, всхожий, чистый, не наполнен семенами худых трав, например головнею. 3. Чтоб сохранен он был до времени посева с возможнейшим бережением и не допускаем был до какого-нибудь повреждения. В подробности должен он в рассуждении первого пункта на семена потребный хлеб заблаговременно и в лучшую погоду молотить, а буде которого недостаточно — доставать. Второго: заблаговременно семенной хлеб осматривать, кидать его в рост; для чищения ж его, а особливо пшеницы и гороха, употреблять все средства, как, например, при молотьбе наилучшим образом веять, отнимать от чела, пред посевом подсевать. иной мыть или заблаговременно выбирать по зерну и прочая. Буде же который совсем худ и негоден, то доставанием и покупкою лучших переменить стараться и денег на покупку самых хороших не жалеть, либо лучше хлеб не сеять, нежели сеять худой и ни к чему не годный и тем отягощать только землю и людей. В рассуждении третьего пункта должен он с особливым старанием семенной хлеб в зимнее время беречь в крепких закромах и смотреть, чтоб он не сдохнулся, не засорен был другим каким хлебом и прочее тому подобное, за чем особливо смотреть и ответствовать должен староста.

§ 35. Пятое важное обстоятельство при хлебопашестве есть собственный сев хлеба. В рассуждении сего пункта есть две главные должности для приказчика. Во-первых, должен он благовременное и лучшее распоряжение сделать, какую землю каким хлебом засевать и более ли которого или менее сеять. Во-вторых, прилежно наблюдать, чтоб собственный посев производился порядочным и колико можно лучшим образом, ибо от посева проистекают великие важности. В рассуждении обоих сих пунктов не можно также почти ничего собственного для различности земель предписать

и остается только включить некоторые общие правила. Итак, что касается до распоряжения, сколько какого хлеба и где сеять, то должен он согласовать оное с обстоятельствами того места, с обыкновением тутошних жителей, а не менее того с свойством и качеством земель, а наиглавнейшие с домашними нуждами и обстоятельствами, в рассуждении получения на хлебе прибытка. Ему должно наблюдать при сем известное и весьма важное экономическое правило, чтоб стараться от всякой земли или, так сказать, от каждого лоскута оной наивеличайшую и такую прибыль получить, какую только она принесть в состоянии. И для того по прилежном разведывании об урожае хлебов в тамошних местах или, того лучше, искусившись во всем нужном собственными опытами, всякую землю под то и определить, к чему она наиспособнее и более прибытка принесть может. Для самого того и требовалось выше. чтоб ему о свойствах своих земель стараться получить совершенное сведение. А из хорошего рассмотрения и распоряжения в сем случае всего более искусство и рачение приказчика усмотреть можно. Искусный домостроитель получает иногда от тех же земель прибытка вдвое против прежнего и единственно чрез хорошее распоряжение посева хлеба. Есть земли, которые могут иные хлеба чрезвычайно хорошо и всегда родить, но что пользы от того, если сей хлеб с хорошею прибылью с рук сжить не можно, и для того такого хлеба не более надобно сеять, как сколько его на домашние необходимые нужды потребно, а прочие земли определять под продажный и лучший, стараясь наперед привесть их в такое состояние, чтоб они его родить могли. Что касается до второй главной должности в рассуждении сего пункта, то весьма было бы пространно, если б упоминать о всех до него касающихся подробностях, а скажу только вкратце, что старания приказчика наиглавнейше касаются до следующих предметов: 1) чтоб для посева хлеба выбираема и наблюдаема была способная погода и севом бы

ни уранено, ни опоздано не было; 2) чтоб севцы были умеющие и рассевали бы ровно и хорошо; в обоих сих пунктах, как из опытов известно, заключается великая в хлебопашестве важность; 3) чтоб посеянный хлеб запахан или заскорожен был по свойству хлеба и земли и обыкновения тамошнего места порядочным образом. Наконец, чтоб остающийся от посева хлеб не пропадал и украден был севцами, ибо сие часто случается, а для всего того и нужно записывать, кто которую десятину пахал и рассевал так, как о том в форме полевой книги показано.

§ 36. Как из опытов известно, что хлеба во время растения своего претерпевают иногда великие повреждения и от того гораздо хуже и в меньшем количестве родятся, то проистекает из сего шестая главная должность приказчика в рассуждении хлебопашества, состоящая в прилежном и нелeностном смотрении за посеянными хлебами и в усердном старании об отвращении всех повреждений, которые отвратить можно. Сии повреждения бывают многоразличные и происходят либо от стихии, либо от произрастений, либо от животных. К первым причислить можно бывающие повреждения от градов, больших дождей, худых мучных и медвяных рос, морозов, инеев и снега, от чрезвычайной стужи, ненастья и жара и прочая. Ко вторым — от зарастания худыми травами и кустарником и от тени от лесов и дерев. К третьим — от разного рода червей, насекомых, скота, зверей, птиц и, наконец, самих человеков. Некоторые из сих повреждений совсем неотвратимы, а другие отвращены и предупреждены быть могут, почему рачительный приказчик всеми образами стараться должен все то отвратить, что только можно, и к тому предпринимать надлежащие меры, о которых пространно упоминать не дозволяет место, и для того упомяну только вскользь, какие вещи наиглавнейше принадлежат к сему пункту: 1) опускание воды и луж с низких и ровных пашен; 2) перескораживание забитого дождем хлеба; 3) за-

севание вновь земли, где посеянный хлеб пропал; 4) зарывание и заглушение рытвин и водомоин; 5) полоние хлебов и истребление из них негодных трав, а особливо из пшениц; 6) недопускание скота ходить по хлебам и оный как растущий голочить, так и молодой втаптывать в землю и грязь; 7) смотрение за изгородями; 8) недопускание домовых птиц до хлебов; 9) бережение от диких и отгонение оных прочь, а особливо воробьев, грачей и диких гусей: 10) смотрение, чтоб по хлебам никто не ездил и не топтал, и прочее тому подобное. Из всех сих обстоятельств следует само собою, что приказчику надобно как возможно чаще все поля свои осматривать и примечать, все ли везде в надлежащем порядке находится и не требуется ли где какая предосторожность или иное что подобное, и как скоро где увидит, то, не упуская времени, нужное исправлять и до дальнейшего вреда не допускать стараться надобно. А чтоб тем способнее могло сие смотрение в действо производиться, то надобно стараться, чтоб земли господские были сколько возможно вместе, дабы ее всю вдруг осматривать было можно, а не перемешаны с крестьянскою или разбросаны по всему полю, и для того в случае чресполосного с кем владения, когда сего учинить или землю столбами разделить для каких-нибудь обстоятельств будет не можно, то, по крайней мере, о мене десятин и о соединении их хотя по нескольку в одну кучу прилагать старание.

§ 37. Наконец, дошли мы до седьмого и последнего главного предмета при земледелии, а именно жнитва и прочего прятанья хлеба. Сей пункт не менее важен, как и все прочие. Ибо от оплошности приказчика в сем случае и от делаемых погрешностей множество хлеба по-пустому растеряно или перепорчено быть может. И для того рачительному приказчику неотменно самому при прятанье хлеба всегда быть и как можно за всеми нужными притом вещами смотреть надобно. Старание его должно до следующих трех наиважнейших

вещей касаться: во-первых, чтоб всякий хлеб впору зрелый и наилучшим образом был сжат; во-вторых, чтоб по сжатии или по скошении оного до возки в гумна не сделалось ему какого удобоотвратимого повреждения: в-третьих, чтоб свожен в гумна и складен в скирды и одонья с наименьшею растерею и с употреблением к тому всех нужных предосторожностей. Для всего того надобно ему: 1. Делать рассмотрение, которые десятины прежде, которые после жать, а не сподвал и спелый и неспелый. 2. Прилежно стараться, чтоб прятаньем не опоздать и не допустить до того, чтоб хлеб, например, высыпался, пал, обит был ветром, попал под снег и прочее, и для того надобно ему заблаговременное к скорейшему прятанию поспешествующее распоряжение сделать, в рассуждение которого также удобнее одну только рожь и другой семенной и такой хлеб, который дружного прятанья требует, жать миром и всеми работниками мужского и женского пола вдруг, а прочий разделять по тяглам и в удел, имея только за ними почаще смотрение. 3. Для семенного хлеба надобно ему определять с особливым рассмотрением самый лучший, чистейший и зрелый хлеб и смотреть, чтоб сжат был с наилучшим рачением и с ожинанием всех худых больших трав, а если того не можно, то с выдергиванием из снопов или прежде жнитва пред собою, что особливо о таких разумеется, которых семена при веянии от хлеба не могут быть отвеяны и отделены, а хлеб много портят, как, например, горошек, куколь, или хлеб, отменный от того, например овес в яровой пшенице. Сия предосторожность нужна и не для одного семенного хлеба, но и для прочего из хороших, ибо худой и сорный и в продаже дешевле. 4. В случае непостоянной погоды во время прятанья надобно с отменным рачением стараться, чтоб хлеб не претерпевал от мокроты какого вреда, как то часто случается, и для того не упускать удобной погоды и времени к возке хлеба и прочего, иногда один час весьма дорог бывает; особливо же наблюдать, чтоб сырой и непровялый не был

свожен и складен в скирды и от того бы не сгорелся, а не менее того и на поле в копнах от дождей чтоб не вырос. 5. При собственной жнитве наблюдать, чтоб делано было сколько можно меньше растери, а особливо хорошим и дорогим хлебам. Всякий жнец должен, связав сноп, собрать кругом себя все незахваченные колосья и оные воткнуть в сноп, при встаскивании же оных в копны отнюдь по земле не волочить, а особливо сухой хлеб, ибо чрез то прежде времени много его обмолачивается. 6. Равномерную ж предосторожность надобно употреблять и при возке в гумна: в телегах должны расстилаемы быть веретья, а снопы так складены, чтоб колесами колосья не отбивало, около же скирдов очищено и снопы с бережением киданы и кладены были. Кроме всех сих, есть многие и другие вещи, кои приказчику при прятанье наблюдать надобно, как, например, чтоб в копнах хлеб не распропал, не обит был птицею и прочее тому подобное. Но о всем том упоминать будет пространно.

§ 38. Сии суть вообще наиважнейшие обстоятельства и правила, кои приказчику в рассуждении хлебопашества наблюдать надобно. Теперь присовокуплю несколько слов о других обстоятельствах, касающихся до приумножения доходов от сего источника. Добрый приказчик должен уже во время прятанья помышлять о будущем и лучшем употреблении родившегося у него хлеба. Ему надобно уже заранее делать примерные счисления, сколько у него которого будет и сколько от домашних расходов на продажу останется. Для первого надобно ему как можно скорее узнать об умолоте и для того всякого хлеба оставлять понемногу для опытов, выбирая добрый, средний и худой, а для лучшей удобности и в скирды класть особо, не мешая добрый с худым, записывая именно в хлебной своей тетради, какой хлеб с каких десятин и в какой скирде кладен, дабы ему после, узнав умолот, примерно можно счислить, сколько какого будет и сколько всего хлеба будет. В рассуждении молотьбы

должен он тот прежде и велеть молотить, который надобнее для скорейшего сева или лучшей благовременнейшей продажи. А и вообще о молотьбе должен он не меньшее попечение иметь, как и за прочим. Нужные притом обстоятельства суть следующие: 1. Чтоб хлеб как можно скорее был перемолочен и излишний сбыт с рук, ибо известно, что с каждый днем и молоченого и немолоченого несколько уже убывает. Для поспешествования сему надобно необходимо ему стараться иметь крытый ток, или так называемую *ригу,* и с крытым овином, или избу сушильную с потолком. Нельзя довольно изобразить, сколь великое поспешествование делают сии избы и крытые гумна скорейшей молотьбе и сколь преимущественнее и безопаснее [они] обыкновенных открытых токов и овинов. А особливо нужны они, если хлеба много, ибо в них никакая почти погода в молотьбе не делает помешательства. Хорошее учреждение в молотильной работе также много помогает. В иных местах молотят по тяглам, а в других делается множество овинов, и хлеб перемолачивается сгоном вдруг с осени, не оставливая ничего в застой, и прочее тому подобное. Все такие обыкновения имеют свои пользы и неудобности, и приказчик должен выбирать то, что обстоятельствам его деревень наиудобнее и для желаемого поспешествования скорейшей молотьбе лучше. 2. Чтоб сушение овинов производимо было с наивеличайшею осторожностью, а особливо во время ветров. Толь частое горение оных с хлебом и бедствия, проистекающие от того целым селениям, и убыток явный не только приватному домостроительству, но и для всего общества требуют сей предосторожности. И для того приказчику надобно прилежно смотреть, чтоб печи в овинах были хорошие, сажа бы часто была обметаема; сушили бы их не ребята, а старые, обвыкшие и умеючие люди, ибо из опытов известно, что овины пожигаются по большей части от неосторожности и неумения в сушке. 3. Хлеб обмолочиван бы был, а особливо веян, как возмож-

но чище и лучше и для веяния выбираемы бы были хорошие ветры, а в случае недостатка лучше сносить невеянный, полагая в особое место, нежели веять в худой [при плохом ветре] и тем только продолжить время. 4. Чтоб при молотьбе не происходило никаких мытарств и плутовства как от старосты, так и крестьян, и для того на овины бы сажен был всегда хлеб счетом, а за мерою смотреть приказчику. Для счисления ж оного самому ему иметь ежедневную записку в хлебной тетради, а старосте — так называемые бирки. Меру же должен он во всех деревнях иметь одинаковую и мерить всякий хлеб вровень, а не вверх, ибо и в том происходят иногда бездельничества, в отвращение которых, явившихся в преступлении, нещадно наказывать. 5. Чтоб не пропал также и остающийся от молотьбы гуменный корм, как, например, озадки, мякина, охоботье, колос и солома. Всякая вещь должна иметь особое для себя место и употреблена быть в корм скоту и прочее…

О втором источнике доходов

§ 40. Все вышепомянутое говорил я об обыкновенном хлебопашестве и о хлебах, по большей части везде сеямых, как, например, разного рода пшеницах, ржи, ячмене, овсе, гречихе, горохе, а в некоторых местах — полбе, просе и чечевице. Но, кроме сих, есть и другие полевые и огородные продукты, которых на продаже в иных местах весьма знатный доход проистекает, как, например, мак, лен, конопля, картофель, или земляные яблоки, хмель, а в некоторых степных местах — табак и арбузы. Известно, сколь великие деньги получают в иных местах на маке и льне, и для того радетельному приказчику надобно доходы с деревень, в правление ему порученных, и с сей стороны возможнейшим образом приумножать стараться, и потому все те из сих продуктов,

которые в тех местах по свойству климата и земель родиться могут, не только, если нет заведенных, заводить, но и о поспешествовании лучшему оных урожаю, а потом к лучшему вырабатыванию и выгоднейшей продаже прилагать всяческое старание. Но как многие из сих продуктов не везде и не во всяком месте довольную прибыль приносить могут, то пространно о них говорить оставляю, а скажу только, что приказчику в рассуждении их наиглавнейшим предметом должно иметь ожидаемую прибыль и заводить более те, от которых бессомненно надеяться можно хорошей прибыли. Прочие же, которые к единому только отягощению в работе служат и со многими неудобностями в тех местах сопряжены, лучше оставлять, нежели тратить по-пустому на то время, труды и землю. О собственных обстоятельствах, касающихся до каждого из сих продуктов, должен он наиприлежнейшим образом в тамошних местах, где они родятся, наведаться и узнать то из экономических книг стараться, а здесь всего нужного сообщить не дозволяют пределы сего сочинения, и по всему тому принимать как в рассуждении заведения, так сева, сажания, содержания, сбирания, приуготовления и продажи лучшие и полезнейшие меры.

О третьем источнике доходов

§41. Третьим и равномерно важным из обыкновенных источников доходов в хлебных деревнях почесть можно известный доход, получаемый от скотоводства. И потому приказчику не только должно и с сей стороны о приумножении доходов стараться, но сверх того еще особливое рачение о сей части сельской экономии иметь, для того что она сама собою неразрывно сопряжена с первою главною частью, то есть земледелием. Земля не может без скота и лошадей урабатываема быть, а какое участие имеет скот и в удобре-

нии оной, о том всем известно. Одни только немногие провинции, как я выше уже упоминал, имеют то преимущество, что в них часть, касающаяся до удобрения земель навозом, совсем отпадает, и где оный более отяготителен, нежели полезен. Но и в сих местах долго ли или скоро навоз не менее будет надобен, как и в прочих, как тому уже примеры видим, для которой причины и в сих местах полезнее бы было сбирать его в особое и такое место, где б он не пропадал и после сыскать бы его можно было, нежели валить по нынешнему обыкновению в вершины и буераки. Таким образом, в рассуждении скотоводства за важное правило в сельском домостроительстве почесть можно, чтоб скота столько содержать, чтоб оного на урабатывание земли и на получение от него довольного количества навоза для удобрения земель было довольно, а не менее, чтоб и знатный прибыток на продаже излишнего скота и вещей, от него происходящих, получать можно было. Но как скот взаимного ж вспоможения требует и от земли, то сие содержание оного предполагает уже и то, чтоб для содержания скота довольно было летнего и зимнего корма, и потому следует само собою, чтоб скота не более содержать, как толикое число, сколько оного тутошними пашнями и лугами прокормить можно.

§ 42. Теперь было бы весьма пространно, если б входить во всю подробность сей части сельского домостроительства и говорить о всех вещах, касающихся до скотоводства, и для того необходимость принуждает упомянуть только о нужнейших и общих правилах и должностях, расположа их по разности предметов, касающихся до скотоводства.

§ 43. Итак, первым предметом в рассуждении скотоводства можно почесть заведение и размножение всякого рода скота. В рассуждении сего пункта приказчику следующее наиважнейшее наблюдать надобно: 1. Прежде всего рассматривать, которого скота наиболее ему надобнее и полезнее по обстоятельствам той деревни, которую он управляет, то есть разби-

рать, сколько которого для исправления полевой работы и на необходимые домашние надобности потребно, коликое число прочего он кормом своим прокормить и лугами, и пажитнями содержать может; который скот в тамошних местах лучше водится и подвержен меньшим опасностям, который содержать не убыточнее и, наконец, от которого он по тамошнему месту наиболее господину своему прибыли принести может, и потому такого более и заводить и размножать стараться, который нужнее и прибыточнее. 2. Должен он стараться заводить всякий скот, колико можно лучшего рода, чтоб труды и иждивение, употребляемые на содержание оного тем более награждались, и для того, который скот негодной породы или гораздо уже измелен, то о перемене оного и о заведении иной лучшей породы прилагать старание. 3. Должен он наблюдать все то в рассуждении припусков, клажи и особенного воспитания молодых скотин, что экономия за полезное предписывает.

§ 44. Вторым главным предметом при скотоводстве почесть можно содержание оного. Оное разделяется на летнее и зимнее, и об обоих равно попечение приказчику иметь должно. В рассуждении летнего должен он разбирать, каким образом наилучше ему по обстоятельствам той деревни скот свой на пажитях содержать и вместе ли который или особливо и на каких местах приказывать стеречь. Его главное попечение притом должно быть, чтоб скот сколько можно имел во все лето хорошее довольствие и не растерян и не заморен был пастухами, и для того прилежно самому надсматривать над пастухами, чтоб они стерегли, кормили, давали отдыхать, выгоняли б, пригоняли б и поили б скотину порядочным образом и в подлежащее время. В случае особенного владения может он многие найти к тому поспешествования, как, например, разделяя пажитные места на несколько частей и приказывая стеречь на них попеременно, дабы между тем, когда скотина на одном месте пасется, тогда в другом

вырастал для нее корм и прочее тому подобное. В рассуждении зимнего содержания должен он попечение иметь,, чтоб всякий скот имел не только особливые себе хлевы, сараи и закуты, но чтоб из них одни были теплые, то есть крытые или иногда с потолками, другие же холодные, также, чтоб были особливые на скотских дворах места, куда бы на день можно было скотину выгонять или так называемые денники, а, наконец, особливые сарайчики и закуты для молодого скота, или куда бы требующую особого призрения скотину загонять можно было, и для всего того вообще о скотском дворе и о построении всего нужного стараться. Во-вторых, чтоб для хождения за каждым родом скотины определены были скотники и скотницы и всем бы им распределены были разные до хождения, кормления и смотрения касающиеся должности. В-третьих, прилежно наблюдать, чтоб всякая скотина довольствована была надлежащим кормом и не претерпевала бы никогда нужды, также была бы в надлежащее время поена и в прочем призираема, и для того надобно приказчику скотские дворы нередко надсматривать и наблюдать, чтоб ходящие за скотиною исправно отправляли свою должность. В-четвертых, чтоб не сделалось никогда в потребном корме недостатка, надобно приказчику всегда в том стараться, чтоб оного в готовности во всякое время довольно находилось, и для того как гуменный корм, так и сено и прочее заблаговременно заготовлять, и буде своего мало, то заранее о доставании оного покупкою или привозом из других мест стараться, а на тот же конец и летом липовый и других дерев лист, а осенью хорошее жнивенье заготовлять. В-пятых, чтоб хороший скотский корм с меньшею растерею мог быть в пользу употреблен, то надобно о том стараться, чтоб всякого рода скотине поделаны были ясли или такие особливые места и решетки, где бы корм закладывался, дабы он не валялся по земле и не втаптывался без пользы в навоз. В-шестых, чтоб о молодом скоте, как, например, телятах и ягня-

тах, прилагаемо было особое смотрение и они б содержаны были лучше; наконец, в-седьмых, стараться сколько можно, чтоб на содержание скота расходилось меньше хлеба зернами, а особливо в рассуждении свиней, которых содержание в иных местах более убыточно, нежели прибыльно бывает.

§ 45. Третий предмет при скотоводстве есть сохранение скота от случающихся прилипчивых и других болезней и лечение оного. Пункт сей весьма важен и требует особливого от приказчика попечения, потому что скотоводство не чрез что иное, как чрез сие, величайший подрыв претерпевает. И для того надобно ему скотникам накрепко приказывать скотину чаще осматривать и примечать, не больна ли которая, и для случаев надобно приискивать и иметь на примете всегда таких людей, которые скотские болезни лечат, а в случае недостатка оных самому стараться узнавать все известные от скотских болезней лекарства и в случае нужды употреблять. Но ни в которое время не нужно столь хорошее рачение приказчика, как в случае заразительных скотских болезней, например коровьего или конского падежа, в котором случае надобно ему наперед в то время величайшие предосторожности употреблять, когда падеж в соседстве и до той деревни еще не дошел, например, отгонять скот в какое-нибудь отдаленное место, не допускать его ни под каким видом до воды, текущей из мест, зараженных скотским падежом; велеть всех собак в деревне держать на привязи; прилежно и ежедневно осматривать поля и буераки, чтоб кто не подвез падалицы и чтоб не затащили собаки костей, а вороны — падалища и стерьвы. Подтверждать накрепко, чтоб как можно меньше в те места ездили, а особливо никакого бы скотского корма оттуда не завозили. Наконец, разведывать, зарывается ли там мертвая скотина и не снимаются ли кожи, и как в случае сего ни с какими предосторожностями устеречься почти не можно, то делать в тех местах представления, чтобы скотина была зарываема и кожи не снимаемы, и изыскивать средс-

тва для принуждения к тому, например чрез сотских или городские канцелярии. Буде же оплошностью какою или так, невзирая на все предосторожности, зараза в той деревне появится, то приказчику в то время труды и прилежность свою усугубить надобно и употреблять все то, что только может служить к отвращению, сего зла, и что в экономических книгах в таких случаях предписывается.

§ 46. Наконец, четвертый предмет скотоводства есть получение от него пользы. Польза от скотоводства получается троякая. Во-первых, проистекает доход от продажи разных вещей от скота получаемых и остающихся от употребления на домашний обиход, как, например, масла, творогу, шерсти, овчин, кож, сукон и прочее. В рассуждении сего пункта надобно приказчику также хорошо смотрение иметь за сбиранием и приуготовлением и бережением сих вещей, ибо без того легко может быть дохода меньше. Продажа оных должна быть не безвременная, а в лучшую пору и местах, где что дороже. Во-вторых, получается прибыль на продаже самого излишнего скота, живого и битого. В сем случае надобно приказчику также все то употребить, что может служить к лучшей пользе, и для продажи битой, назначенную к тому заблаговременно откармливать. Наконец, в-третьих, получается от скота толь нужный навоз, о котором довольно уже говорено выше.

§ 47. Вот все, что приказчику о скотоводстве вообще наблюдать надлежит. Теперь следовало бы упомянуть о каждом роде особо, но как сие заведет в великое пространство, то, оставляя сие, упомяну только несколько слов о лошадях. Заведение и содержание сих нужнейших при сельском домостроительстве животных сколько выгодно и полезно, столько ж, напротив того, сопряжено с некоторыми условиями. Содержание довольного числа и добрых лошадей предполагает уже, чтоб было довольно и таких угодий, где их и пасти и с которых бы довольно сена на содержание оных получать можно. Кроме того, потребно для них знатное число овса,

также особливых людей для хождения за ними и прочее, почему сие только в таких местах полезно быть может, где потребных к тому угодий много, да и прочее содержание немногого будет стоить, да и в том случае полезнее заводить уже порядочный конский завод, дабы употребляемые на содержание оного убытки и труды награждалися довольною от продажи излишних дорогих лошадей прибылью, но о коих писать не принадлежит к теперешнему намерению. Итак, не касаясь до порядочных конских заводов, что принадлежит до содержания прочих лошадей, то обыкновенно содержатся либо езжалые, либо рабочие, да и то смотря по надобности, ибо как первые более при присутствии самих господ для езды, а другие только в случае деловым или дворовым рабочим людям надобны, то во многих отсутственных деревнях обе сии надобности не бывают. Однако как и без лошадей в доме пробыть не можно, по крайней мере для езды приказчику, для разных посылок и домовых работ, то содержание такого рода недорогих, не нежных лошадей в отсутственной деревне, а особливо в такой, где в навозе большая надобность, не инако как крайне полезно быть может, ибо: 1) содержание для них требуется не дорогое; 2) навоза от них делается много и хорошего; 3) подвержены они наименьшей опасности, нежели прочий скот; 4) пользу приносить могут троякую, а именно: употребляться для езды и в работу, для возки хлеба на продажу и, наконец, для продажи и снабдения ими нужных мужиков и в нужное время. Но в таком случае не надобно держать сих лошадей много на конюшнях, а более должны они содержаны быть в пространных крытых сараях, и сие собственно для получения от них довольного числа навоза, ибо в них должно не уреживая стлать негодную солому.

§ 48. Наконец, присовокупить надобно и сие, что приказчику о всем, что касается до скотоводства, должно иметь особую записку, сколько, например, в который год какого было и каким образом утратилось и прочее тому подобное.

О четвертом и пятом источниках доходов

§ 49. Земледелие и скотоводство, о коих выше говорено было, суть по справедливости наиважнейшие источники доходов в хлебных деревнях; прочие суть не таковы знамениты, однако для других обстоятельств в сельском домоводстве не менее важны. К сим принадлежит особливо часть экономии, касающаяся до лугов и сенокосов, ибо во многих местах получаются и на продаже сена, и отдачи излишних лугов внаймы великие доходы, и потому приказчику равное попечение и о сем иметь надобно. Должности его в рассуждении сего пункта должны состоять вообще в том, чтоб ему всеми образами стараться не только, чтоб сено в настоящее время было скошено и все работы, касающиеся до сенокосов, исправляемы были как надобно, но чтоб и луга приводить час от часу в лучшее состояние, дабы сена от них от часу более получать было можно.

§ 50. Что касается до отправления сенокосов, то как бывает сие в одно время в году и притом требует прямой от сельских жителей расторопности, то приказчику необходимо надлежит отменное притом рачение иметь и во время сенокосов самому при том чаще быть и за всем производством сей работы иметь смотрение, ибо как погода составляет наиважнейшее обстоятельство и иногда один час очень дорог, то и не надобно упускать удобного времени к перетрясыванию и возке сена и для того поворачиваться с возможнейшим поспешением, а особливо когда предвидится дождь или ненастливая или случится так называемая сеногнойная погода.

§ 51. Прочие же его до сего пункта касающиеся должности состоят в следующем: 1. Весною должен он сколько можно ранее заказывать луга и не давать скоту поедать первые нужные травяные отрасли, ибо из опытов известно, что самое сие на-

иболее уменьшает урожай сена. 2. В сие ж время осматривать все луга и велеть счищать с них всякий дрязг и камни. 3. В продолжение лета, а особливо во время пахания пара и пред покосом накрепко наблюдать, чтоб луга никто из своих и посторонних воровски не выбивал лошадьми и не выкашивал по ночам сена, что обыкновенно случается, и для того в сие время чаще осматривать и по ночам посылать людей для ловления таких бездельников, которых за то неупустительно наказывать, а если посторонние, то взыскивать потраву. 4. Во время кошения смотреть за косцами, чтоб чисто и плотно косили и не оставляли бы под рядами высоко траву. 5. При гребле наблюдать, чтоб гребено было чище, а при возке — чтоб вожено было с меньшею растерею. 6. Ежели сено становится в лугах, то чтоб вывершиваемые стоги и скирды были круче, а потом, если гоняется туда скотина, оные бы огорожены были жердями или оплетены плетнями. За всеми сими вещами надобно приказчику иметь прилежное смотрение, ибо известно из искусства, что при малом недосмотрении тотчас сделано будет что-нибудь от наших крестьян предосудительное.

§ 52. В вышепомянутом состоят все те должности, кои при нынешней простой экономии наблюдаемы быть должны; однако сие еще далеко не все, о чем доброму домостроителю притом попечение иметь следует. Луга составляют в сельском домостроительстве не меньшую важность, как и земледелие, и как с ним, так особливо с скотоводством неразрывно сопряжены, почему и о том рассуждать надобно, довольно ли и столько ли всякий год родится сена, сколько оного на содержание лошадей и скота надобно, и буде мало, то о приумножении сего нужного продукта стараться, что не инако, как двумя средствами сделаться может, то есть либо приведением имеющихся лугов в лучшее состояние, либо приумножением числа оных вновь сделанными лугами.

§ 53. Что касается до первого пункта, то старание о сем и, кроме недостатка, во всякое время надобно, по тому прави-

лу, что лучше иметь хотя немного, но хорошо родящие луга, нежели множество, да негодных, того ради упомяну о том вкратце. Сие исправление лугов имеет два главных предмета: 1) отвращение всех препятств хорошему урожаю сена; 2) придавание лугам новой силы к поспешествованию лучшему урожаю. К первому пункту принадлежат вычищение и вырубание мелкого кустарника, коим луга зарастают, истребление моха, который наиболее луга неплодородными делает; срывание кротовых и муравьиных кочек; предпринимание предосторожностей, чтоб луга не заносило с полей илом и землей, также, чтоб не изрываемы они были свиньями; истребление худых и негодных на лугах трав; осушивание слишком мокрых и болотных мест; выкапывание в удобных местах рвов; благовременное заказывание лугов, огораживание лучших от скота и прочее. Ко второму принадлежит удобрение худых лугов разными к тому удобными средствами, как, например, некоторыми скотскими навозами, золой и птичьим навозом и прочее. Заведением на лугах гораздо лучших выгоднейших полезнейших трав, а наиглавнейшее, наводнением оных в приличное время приведенною на них водой и прочее.

§ 54. Что же принадлежит до другого славного средства, служащего к умножению сена и лугов, то сии делаются вновь или из леса, или из болот, или из пашен. Первое средство у нас употребительнейшее. Лес обращается в луга чрез вырубание и выкапывание кореньев, древ и кустарников, но сие средство тогда только должно употреблять, когда есть излишнее число лесных угодий или отлогие вершины и буераки, зарослые кустарником, которые в изрядные сенокосы обращены быть могут; а не менее того не надобно жалеть и таких ровных мест, где растет один низкий кустарник или ракитник, который никогда в хорошие дрова не вырастает. Болота же должны во всякое время осушаемы и в луга обращаемы быть, разве только состояние их и местоположение никоим образом того дозволять не будут. Что же касается

до обращения в луга пашен, то сие средство не гораздо у нас еще употребительно, хотя и наивеличайшее искусство и полезность в рассуждении всей оной части сельского домостроительства составляет, и сие не только в случае недостаточного числа лугов и излишнего числа пашен, а особливо худой земли, предпринимается, но и в противном случае, когда бы, например, лугов довольно находилось и пашен излишних не было, в котором случае делается двоякое преобращение: то есть из пашни делаются луга, а из лугов — пашни, и сие на тот конец, чтоб чрез сие средство из худых лугов сделать хорошие пашни, а из худых пашен изрядные луга и чрез то и хлебопашеству, и сенокосам не малое поправление. Сии суть вообще те вещи, кои сверх нынешней обыкновенной экономии примечаемы быть должны и о коих рачительному приказчику по мере сил своих стараться надобно.

О прочих источниках доходов, кои не во всех местах бывают

§ 60. Кроме всех вышепомянутых, есть многие и другие части сельского домостроительства, из коих также не малый доход проистекать может и действительно во многих местах бывает знатный. К сим принадлежат: 1) пчелиные заводы; 2) сады и огороды; 3) пруды и рыбные ловли; 4) разного рода мельницы; 5) птицеводство. Всем известно, коль прибыльны бывают иногда все сии вещи, но было бы весьма пространно, если б о каждой из них сообщить пространные наставления, и как, сверх того, все сии вещи более случайные и не во всяком месте быть могут, то и упомяну об них с возможнейшей краткостью.

§ 61. Пчелиные заводы имеют по справедливости пред всеми оными преимущество, потому что пчелы не только в множайших местах могут заводимы быть, но и на содер-

жание свое не требуют почти никакого иждивения, да и смотрение за ними не сопряжено с дальними затруднениями. Нужно только иметь хорошего человека, который бы до них охотник был и разумел, как с ними обходиться и их содержать. Почему усердному приказчику и в рассуждении сего пункта ничего упускать не надобно, что б только могло служить в пользу и, например, буде пчелиного завода нет, то стараться оный заводить, а особливо если места к тому способные и знающие люди есть. В таком случае надобно ему испрашивать у господина своего довольного капитала на покупку оных и стараться купить сколько можно в множайшем количестве и хорошего рода, ибо в малом числе оные заводить не стоит почти труда и служить будет к единому только отягощению, доход же от оных долгое время совсем будет не виден. Буде же пчелы есть, то во всякое время иметь об них хорошее попечение и не упускать ничего, им в пользу служащего. Правда, главные должности касаются тут до пчельников, однако и для приказчика остается многое для наблюдения, как, например: 1) чтоб ульев запасных всегда было довольно; 2) чтоб пчелиные омшеники и ограда около осеков были в добром состоянии; 3) чтоб посторонние пчелы не нападали на него и не производили бы толь иногда чувствительного вреда или совершенного подрыва, а равномерно, чтоб и свои к чужим не ходили и не делали обиды; 4) чтоб пчельник не делал каких шалостей, как, например, не упускал бы роев или не продавал бы оных и прочее тому подобное. Наиважнейшая же должность приказчика касается до получения от них доходов. В рассуждении сего должен он поступать по обыкновениям тамошнего места и по правилам разумной экономии, то есть или продавать излишние хорошие ульи, или выламывать ежегодно худые, оставлять добрые на приплод и продавать самому мед, воск и прочее.

§ 62. Сколько сады бывают иногда прибыточны, а особливо в таких местах, где их мало и где от продажи целых са-

дов или плодов и овощей великую прибыль получить можно, о том упоминать нет нужды; всем известно, что иногда такой же доход получается с них, как из целой и хорошей деревни, почему следовало бы приказчику и о заведении оных возможнейшее и заблаговременное иметь попечение, а буде они есть, то о приумножении и распространении, а особливо о содержании оных в хорошем состоянии прилагать старание. О правилах и нужных наставлениях к тому, каким образом оные скорее завести и в хорошее состояние привесть можно, я не буду здесь упоминать ничего для того, что, несмотря на все старание, материя сия заведет в пространство, с пределами сего сочинения не согласующееся. И потому оставляю стараниям домостроителей осведомляться о том в приличных к тому экономических книгах. А я то только скажу, что когда сады в той деревне уже есть, то приказчику по крайней мере крепкое смотрение иметь надобно, чтоб не претерпевали они какого удобоотвратимого повреждения, например не объедены бы были плодовитые деревья скотом, а особливо зайцами, не переломаны б были сучья и деревья людьми или за недостатком нужных подпор ветром или от тягости плодов и прочее. И для того наблюдать, чтоб ограда около садов особливо была в хорошем состоянии, а в случае продажи оных не делано бы было сидельцами отнюдь ни малейших обид, ибо чрез то отгоняются купцы от покупки оных к немалому предосуждению хозяина.

§ 63. Пруды также нужны и полезны в сельском домостроительстве. Часто случается, что они за оскудением воды необходимо надобны, а сверх того и от рыб, распложающихся в них, может иногда проистекать доход, который хотя бы был и не важный, но в домостроительстве всякая копейка дорога. И для того рачительному приказчику как о заведении и размножении, так о ловле и продаже оных стараться надобно, а особливо если удобные места для запружения прудов в дачах находятся. Сии пруды надобно утверждать крепкими

плотинами и хорошими снабдевать спусками, рыбу же сажать не всякую без разбора, но смотря по воде и по различию их природы, а особливо не мешать хищных рыб с прочими. С сим сопряжено уже и то, чтоб приказчику иметь за имеющимися старыми прудами все надлежащее смотрение. Главные пункты, о коих ему в рассуждении сего попечение иметь надобно, суть следующие: 1) чтоб в зимнее время вода в прудах «...» не портилась и не поморила б рыбу, в отвращение чего прорубаемы бы были всегда большие проруби; 2) весною чтоб льдом и водою не испортило плотин и прудов не прорвало, также бы с водою не сбежало много рыбы, в отвращение чего надобно лед заблаговременно около плотин обрубать, спуски осенью еще вычинивать, а весною сетьми и решетками заставливать; 3) чтоб пруды заносились сколько можно меньше с полей илом, тиною и дрязгом, в отвращение чего чтоб сделаны были вверху для удержания того ила небольшие прудки; 4) чтоб не было в пруды стоков из скотских дворов и не шел бы в оные навозный сок и не портил бы воду; 5) летом во время туч или паводков иметь предосторожности, чтоб дружною водой не прорвало; 6) во всякое время накрепко беречь, чтоб рыба из прудов бездельниками воровски была не ловлена, как, например, по ночам квашнями, снастьями и прочее; 7) не допускать, чтоб утки, плавая по прудам, молодых рыбных зародышей и икру поедали, также, чтоб завелись в прудах выдры и другие зверьки, толь много рыбы поедающие; 8) не допускать того, чтоб пруды от долговременного нечищения совсем обмелели, но оные благовременно спускать, чистить и вновь запружать; 9) беречь рыболовные снасти и не допускать их сгнивать на дожде и солнце и прочее тому подобное. Если же случится в дачах того владения озеро или реки, в коих рыбная ловля производима быть может, то приказчику не надобно упускать и с сей стороны о приумножении доходов господину своему чрез продажу оных стараться и для того в праздничные и гуля-

щие дни и другие для ловли удобные времена оную в озерах и реках ловить или тотчас продавать, либо сажать в садки, сохранять до времени.

§ 64. Ежели есть в деревнях его водяные, ветряные или лошадиные хлебные или другие какие мельницы, то о содержании их в хорошем состоянии и о приведении от часу в лучшее должно прилагать старание, а буде нет, а места к тому способные есть, то в рассуждении бываемой от них великой прибыли с дозволения господского самому оные вновь заводить или посторонними исполу, или на других каких договорах строить стараться. Особливо же иметь за мельничными плотинами попечение и делать их, колико можно, крепче, не жалея на то капитала, дабы чрез частое прерывание не было мельничному доходу столь часто случающегося подрыва и, одним словом, о всем том стараться, что в рассуждении сего пункта за нужное почитается.

§ 65. Что касается до птицеводства, или содержания разного рода домовых птиц, то вообще можно сказать, что содержание оных в деревнях более необходимо, нежели полезно, потому что часто поедают они столько хлеба, что и половины оного сами не стоят, и потому содержание их в пригородных и в таких местах необходимо, где они тотчас в расход употребляемы или живностью в города отвозимы бывают. В отдаленных же и отсутственных, а особливо в таких деревнях, где хлеб может хорошею ценою продаваться, великое множество оных, и только для того водить и кормить, чтоб, зимою перебивши и переморозив, на торгах за малую цену распродать, конечно, будет не великая прибыль. Не убыточнее из всех их могут почесться гуси и того более русские куры. Сии не только малым, но к тому ж негодным кормом могут быть содержаны, а пользу как сами собою, так и яйцами приносить могут. Но как бы то ни было, а в случае содержания всех их приказчику великое смотрение иметь надобно, чтоб хожатые ходили и смотрели за ними хорошенько, а особливо

надобно ему изыскивать все способы, чтоб как возможно расходилось на них меньше доброго хлеба, и в записках особо замечать, сколько какого хлеба употреблено на содержание оных. Обыкновение, имеющееся в некоторых уездах, раздавать гусей, индеек и кур по дворовым людям, а иногда и по крестьянам и отпускать для корма оных положенное число хлеба, а потом взыскивать с них определенное число молодых птиц и яиц, в отсутственных деревнях может с великою пользою употреблено быть, если только определенное число не будет превосходить меры и обратится в отягощение.

ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ СЕЛЬСКУЮ ОБЩИНУ

КАВЕЛИН Константин Дмитриевич 1818 — 1885

Русский мыслитель, один из творцов крестьянского законодательства 1861 года, в числе первых отечественных ученых исследовал сельскую общину, доказав, что в ее сохранении — основа социальной и экономической устойчивости России. Разрушение тысячелетних обычаев крестьянского мира, по мнению Кавелина, приведет к упадку экономики и падению самого Русского государства.

Кавелин выступал противником личной собственности на землю, считая, что в условиях России она приведет к массовому обнищанию крестьян. Чтобы не допустить этого, ученый предлагал передать землю крестьянам в пожизненное пользование с правом наследования, но без права продажи. Причем выделение земли должно осуществляться строго в рамках уже существующих общин, являющихся по сути дела коллективными владельцами земли.

I

Первый, самый обильный источник недоразумений относительно русской сельской общины — это смешение общины административной с поземельной. Находят, что община пог-

лощает индивидуальность, не дает почти никакого простора для личности и гражданской самостоятельности членам общины и тем парализует их силы, существенно мешая вместе с тем развитию нравственных и экономических сил всего государства. Упрек справедлив, но к кому он относится? Очевидно к общине административной. Коль скоро подать лежит не на земле, а на душе… государству невозможно иметь дело с каждым из податных людей в отдельности, и оно поручает это общинам, возлагает на них надзор за каждым из своих членов и ответственность за них — современное государственное хозяйство, к слову, от всякой ответственности свободно — поскольку имеет дело не с крестьянами, — личностями в полном смысле, а с наемной рабочей силой… последнее зависит от общей финансовой системы, существующей у нас с Петра Великого, и с изменением ее может измениться административным или законодательным порядком, не касаясь поземельного устройства.

Обратимся теперь к поземельной общине.

Владение землею миром, как называется наша сельская община, чрезвычайно оригинально… в мирских землях и угодьях имеет часть только член мирского общества, пока остается его членом, т.е. пока имеет в нем оседлость. Получает он ее безвозмездно, не платя за нее ничего вперед. Оставляя свое общество и перенося оседлость в другое место, крестьянин лишается всякого права на часть в земле и угодьях, и лишается безвозмездно, не вправе даже оставить своего бывшего жилья за собою, ни строений, потому что они на мирской земле, в которой у него нет более части: последняя поступает в распоряжение мира.

Как же пользуются члены общины землями и угодьями? В исключительном, постоянном пользовании находится усадьба, сад, дом, огород; лес состоит в общем пользовании всех членов общины, по мере надобности; также и выгон, если по местным обычаям выгоны не прирезаны к усадьбам.

Луга и сенокосы тоже или разделяются на участки ежегодно перед косьбой, по числу земельных частей, или же сено косится и ставится в копны всем миром, а затем уже делится…

Наконец, при повсеместной почти у нас трехпольной системе хозяйства полевая мирская земля делится на три поля: озимое, яровое и пар. Последний служит пастбищем для скота всей общины. Каждое из остальных двух полей разделяется или по числу душ, или по числу тягловых работников в семье на равные части… Качество и плодородие почвы, местоположение пашни — все это принимается крестьянами в самое внимательное соображение при наделе участков..

Сроки пользования одними и теми же земельными паями чрезвычайно разнообразны, смотря по местности, обстоятельствам и обычаям. В одних местах передел производится ежегодно; у государственных крестьян законом определено переделять землю не иначе, как с наступлением новой ревизии: здесь за начало принят не тягловый, а душевой надел; наконец, есть сельские общества, в которых поземельные участки никогда не переделяются и остаются неизменными… Между этими тремя главными видами срочного и бессрочного общинного землевладения есть множество оттенков: так, например, в некоторых местах передел бывает не ежегодно и не вследствие новой ревизии, а с принятием в общество или выбытием из него членов…

Переделы, чересполосицы вытекают из теперешнего способа пользования общинными землями, который следует изменить: но общинное землевладение удержать необходимо…

От переделов мирской земли, рано или поздно, придется отказаться совсем: это бесспорно.

… Но и за этими важными переменами общинное землевладение сохранит еще много особенностей, одному ему свойственных. Юридически оно определяется следующими положениями:

1) член общины не имеет права собственности на отведенный ему земляной пай, а лишь право владения и пользования. Поэтому он не может отчуждать его ни при жизни, ни на случай смерти; не может его закладывать; дети и родственники в случае, если не пожелают остаться в общине, не наследуют его по смерти крестьянина; наконец, отведенный обществом земляной пай не может быть продан в удовлетворение долгов и взысканий… какие бы они ни были;

2) владение и пользование общинною землей неразрывно связано с постоянною оседлостью в общине… нельзя владеть общинными земельными паями в одно и то же время в нескольких общинах; нельзя владеть в одной и той же общине двумя и более паями… уступать, дарить свой пай не только члену другой общины, но даже той самой, к которой принадлежит владелец:

3) владение и пользование общинною землею соединено с отправлением известных податей и есть пожизненное, ограниченное сроком жизни; но если после умершего владельца остались малолетние сироты или взрослый сын, не имеющий своего земельного пая, то они имеют предпочтительное перед всеми прочими соискателями право удержать за собой отцовский пай. Общинные участки отводятся безденежно, то есть без требования залога, поручительства состоянием или задатка.

Все эти положения существуют в действительности и частью держатся обычаем, частью перешли в закон. Рассматривая их поодиночке, можно подменить сходство их то с тою, то с другою формами землевладения, выработанными римским правом и законодательством новых христианских народов; но взятые в совокупности, они представляют особливый гражданский институт, не похожий на все известные доселе и всего менее на личную собственность…

Но всего любопытнее и поразительнее то, что общинное землевладение, которое обыкновенно считается запоздалым остатком варварских времен, уделом безличных масс,

не представляет, за устранением названных выше несущественных его принадлежностей: чересполосица, передел, ни одного положения, которое не подходило бы под правила любого гражданского права, наиболее благоприятствующего личной независимости и свободе.

Говорят: безвозмездный отвод земельного пая есть благодеяние… Это замечание основано на очевидном недоразумении. Нельзя называть благодеянием отвод земли с обязанностью платить подати… Это кредит, к развитию которого стремятся все законодательства в мире. И надобно сказать, что кредит далеко еще не такой рискованный, какие встречаются в Европе, где считать умеют.

Скажут: чем оправдать правило, что за участок, оставляемый членом общины, последняя не дает ему никакого вознаграждения? Крестьянин улучшил, удобрил участок, вложил в него труд и капитал…

Взгляните поближе: все знают, что такое договор об отдаче земли в содержание из выстройки. Хозяин предоставляет свой участок другому лицу с условием, чтобы он выстроил на нем такое-то строение; по истечении определенного числа лет участок возвращается в полное распоряжение и собственность хозяина, и вместе с ним… безвозмездно и поставленное на нем строение, часто наниматель всего лишь не платит при этом аренды. Примеров подобных сделок множество. Те же начала лежат в основании условий правительства с частными лицами и компаниями о постройке железных дорог, которые со временем также безвозмездно переходят в собственность государства — главного владельца земли.

Что постановили законодательства, то подтверждает и простой здравый смысл. Когда я спокойно владею или пользуюсь землею в качестве арендатора на более или менее продолжительный срок, я могу, соображаясь с этим сроком, найти для себя выгодным, в течение первых лет арендного содержания, не только не получать никакого дохода от за-

арендованной земли, но даже положить в нее труд и капитал, ибо рассчитываю в остальные годы арендного срока воротить все издержки и сверх того получить барыш. Если посреди этой моей операции, когда сделаны затраты, а выручка еще впереди, у меня вдруг отнимут аренду, что исключено в общине, понятно, что мне по всей справедливости следует вознаграждение. Но если расчет верен и срок достаточен — в выигрыше и сдатчик и арендатор. Вопрос второй: «Арендатор может иногда сделать такие улучшения, что у хозяина земли и состояния не хватит за них. Что тогда делать?»

II

С изменением действующей ныне административной и финансовой системы, а с тем вместе и гражданских прав земледельческих классов… владение и пользование общинными землями перейдет мало-помалу в пожизненное арендное содержание, которое, при известных условиях, может быть и наследственным. Но эта система аренд будет иметь свое особливое назначение, свой характер, совершенно отличный от аренд частных, которые, по самому свойству личной собственности, неудержимо обращаются, рано или поздно, в промышленные спекуляции. Система же мелких и практически бесплатных у общины аренд служит верным, единственным возможным убежищем для народных масс от монополии землевладельцев и капиталистов. Наоборот, система мелкой, личной, поземельной собственности, в которую многие предлагают обратить общинное землевладение, не может идти в этом отношении ни в какое сравнение с системой таких мелких аренд. Это вытекает само собою из самого свойства личной собственности…

Личная собственность, исключительная по своей природе, стремится к беспрерывному расширению, увеличе-

нию: стяжание есть ее лозунг и знамя… но в том-то и беда, что бойцы не равны. При таких условиях окончательный исход борьбы несомненен: рано или поздно собственность сосредоточивается в немногих руках и дает им безграничную материальную власть над не имеющими собственности. Мелкие собственники не могут держаться и постепенно переходят в работников. Массы народа должны по необходимости безусловно подчиниться этому нового рода владычеству, беспощадному, произвольному, которого единственный закон — личная выгода. Создается гнет нестерпимый и тем более ненавистный, что не оправдывается никакою разумною необходимостью и требованием общественного блага.

Такой порядок действует гибельно на народные массы и в материальном и в нравственном отношениях. Они тупеют от нищеты, голода, чрезмерного труда и безвыходного положения; озлобление и отчаяние овладевают ими…

Социальные теории, надеющиеся воссоздать общественный мир и равновесие сил и в то же время сохранить исключительное господство начала личной собственности, доказывают только, что корень зла не понят; те же, которые отрицают вовсе это начало, осуждают общество на вечную регламентацию, апатию и бездеятельность. Указывают на ассоциацию как на панацею против такой безурядицы. Но успех ее опять-таки зависит от тысячи случайностей, в т.ч. от… капитала.

III

Социальная анархия, то есть ничем не умеряемая борьба частных интересов, принадлежит именно к числу тех страшных разъедающих общественных недугов, которые исподволь, незаметно, разрушают общественные организмы. Только уравновешенная другим началом, эта борьба поддержи-

вает и развивает жизнь. Какое же это начало? Обыкновенно указывают на правильную администрацию, суд…

Но это заблуждение!

Ни администрация, ни суд не могут устоять против социальной анархии, по той простой причине, что они соответствуют совершенно другим функциям жизни. Суд существует на вора, разбойника, убийцу… Борьба же капиталов, собственности, совершающаяся в условиях закона и без нарушения общественного порядка, ускользает и от суда, и от администрации. Ее нельзя поймать без… нарушения законов. Ей может противодействовать только начало, вполне ей соответствующее. Одно лишь развитие кредита убивает ростовщичество, а не законы о росте; обильный подвоз хлеба понижает цены на него и прекращает дороговизну, а не хлебные таксы и не запретительные меры.

Применим все сказанное к землевладению. Представить всю землю в частную собственность — она тотчас же сделается предметом ажиотажа и коммерческой конкуренции. Ее начнут скупать и перепродавать с барышом. Делом этим займутся сильные капиталисты… цена ее будет подыматься… масса земледельцев обратятся в батраков и бездомников… Возражения на этот непреложный закон социальной анархии, подтверждаемый наблюдениями из других областей коммерции невольно вызывают улыбку…

Нет, не количественное, а качественное врачевание социального недуга может положить этому конец. Личная собственность становится началом гибели и разрушения, когда не будет умеряема другим организующим началом. Такое начало я вижу в нашем общинном владении, приведенном к его юридическим началам и приспособленном у более развитой и граждански самостоятельной личности. Не представляя никакой возможности для спекуляции, оно будет служить надежным убежищем для люден неимущих от монопольного повышения цен на земли и понижения цен на труд. Общин-

ное владение предназначено быть великим хранилищем народных сил.

Из боязни промышленного застоя не вгоняйте человека в промышленную белую горячку, которая есть тоже источник деятельности, но истощающий, а не поддерживающий силы. Устраняйте только препятствия, замедляющие естественный рост народа. Искусственные приемы хороши в местной патологии, но убийственны против всей экономии общественного организма. Дорожите общиной, как зеницей ока, поддержите, закрепите заложенный в общине смысл народный законом на вечные времена! В нем верный оплот от будущих бед.

СПБ. 3-го ноября 1858 года.

ОБЩИНА ПРОТИВ КОММУНИЗМА

ВАСИЛЬЧИКОВ Александр Илларионович 1818 — 1881

Князь Васильчиков подготовил ряд капитальных научных трудов о землевладении, земледелии и самоуправлении в России, где на большом фактическом материале доказывал необходимость сохранения крестьянской общины как средства экономического процветания России и спасения ее от революции и социализма.

Мы должны также объяснить то глубокое, существенное различие, которое отличает наш мирской быт от общинных и так называемых коммунистических воззрений, проявляющихся в наше время на Западе, ибо, как известно, противники русского мира между прочим приводят и довод, что будто бы наша община есть грубый, но живой зародыш коммунизма, как ее разумеют европейские революционеры. и, с другой стороны, наши народолюбивые юноши тоже мечтают найти в русском мире элементы для излюбленных ими учений об упразднении собственности и хозяйства.

В этом отношении те и другие одинаково ошибаются, как и часто случается с людьми крайних мнений, принимающих свои личные опасения и увлечения за всенародные угрозы и стремления.

Наш мирской быт не имеет ничего общего с коммунистическими стремлениями европейских рабочих, и не представляет никаких элементов для разрушения собственности

и семейства; он, напротив, вырос на двух основах: праве поземельной собственности, обусловленном семейным бытом.

Это мы постараемся доказать.

Если не ошибаемся, то суть всех коммунистических учений состоит в том, что доход недвижимых имуществ, и земли в особенности, по справедливости, принадлежит не столько собственнику, сколько лицу, эксплуатирующему имущество, возделывающему землю, и это учение, доведенное до крайних своих афоризмов, приводится окончательно к тому, что не принадлежность имущества, а труд, на него употребленный, основывает право на получение дохода; далее, возводя эту теорию в общий закон человеческих обществ, коммунисты отвергают всякое семейное право на владение, заменяют брачный союз сожитием рабочих мужеского и женского пола, двор и общество — казармой и артелью, и, по пресловутому принципу — a chacun selon ses oeuvres, распределяют прибыли и убытки по заработкам, добытым работою сообща.

Общее пользование, общинный труд, вольная ассоциация, дележ продуктов и заработков между членами общества — таковы главные основания новейших коммунистических вымыслов.

Нашему крестьянскому быту эти принципы не только чужды, но и противны по существу.

Наш русский мир имеет в виду не общее владение и пользование, а напротив, общее право на надел каждого домохозяина отдельным участком земли; обработка сообща и дележ продуктов, хлеба или сена в натуре, при уборке, никогда не были в обычае русского крестьянства и совершенно противны мирскому быту.

Общественные запашки, огульные работы всегда внушают нашим общинникам неодолимое отвращение, и когда подобные меры принимались помещиками или начальством (в удельных имениях и военных поселениях), то они испол-

нялись только по принуждению и часто с помощью насильственных средств, военных команд и экзекуций, а при освобождении крестьян были повсеместно отменены.

При нарядах на общественные работы, починки дорог, провод канав и т.п., крестьяне всегда избегают работы сообща, разбивают дорогу или канаву посаженно, по тяглам или душам, и исполняют наряд под личною ответственностью каждого домохозяина. Вообще, коммунистический принцип общественного обязательного труда так противен нраву русских рабочих, что они, без сомнения, встретили бы проповедников подобных иноземных учений с таким же радушием, с каким принимали сельских начальников и аракчеевских офицеров, выгонявших их, по наряду, на сельские полевые работы.

Существо мирского общинного быта заключается в равном праве на земли всех членов общества пропорционально их рабочим силам; но земля, однажды наделенная, разверстанная, возделывается, пашется, боронится и косится отдельно каждым владельцем.

Коренное понятие, из коего выросло русское мирское общество, есть равноправность всех членов общества по земельному владению, равное разверстание всех полевых угодий между всеми взрослыми рабочими, но вовсе не совместное, общинное пользование, о коем мечтают легковерные реформаторы-социалисты, отвергающие право собственности и семейные связи. Русский мир есть, напротив, наивысшее, даже несколько преувеличенное подтверждение прав собственности и семейного быта, ибо полагает основанием всякого общества — право на землю всех его членов и ставит одно условие, один срок для получения земельного надела — вступление в брак и в семейную жизнь. Полное тягло слагается из двух рабочих душ мужского и женского пола, совершеннолетнего мужика и замужней бабы, и они, совокупно в одном общем хозяйстве, выражают единицу рабочей

силы, первое звено хозяйственного и мирского общественного быта.

Поэтому можно смело утверждать, что мирское землевладение в том виде, в коем оно устроилось в великороссийских губерниях на местах первобытных поселений славянских племен, имеет главною основою рабочую семейную силу, полным выражением коей служат не отдельные личности, не индивидуальные способности и нужды, а хозяйственный быт мужа с женой, совокупный их труд, скрепленный брачным союзом и потребностями, истекающими из супружества, пропитанием детей, прокормлением престарелых родителей. Земельный надел есть не только право, но и обязанность; женатый крестьянин не только может, но и должен держать землю; холостой или вдовый мужик должен отыскивать невесту, потому что дом, крестьянский двор, без бабы признается неполным, расстроенным хозяйством. Все эти понятия, права и обязанности домохозяйства и супружества, равноправности и равнотягости соединяются в выражении тягло, которое есть основное понятие русского крестьянского землевладения, точно так как подворный участок есть основа германского аграрного строя.

ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ

КАРЫШЕВ Николай Александрович *1855 — 1905*

Профессор политической экономии, публицист, земский деятель, предводитель уездного дворянства в Екатеринославской губернии. В своем исследовании «Труд, его роль и условия приложения в производстве» дал огромный фактический материал о развитии трудовой деятельности в России, уделял особое внимание хозяйственному крестьянину, живущему в условиях общины. Карышев отмечает благотворное влияние общины на социально-экономическую стабильность России. Община спасает русского крестьянина от пролетаризации.

Многие кризисные явления в экономике Карышев связывал с неумением должным образом регулировать и реформировать общину с учетом современных требований.

Основное отличие общинного земледелия от частного или подворного заключается в следующем. Земля не составляет собственности одного лица — в общине она принадлежит всем членам в совокупности. Вся община в полном составе распределяет ее между отдельными домохозяевами для использования в течение определенного срока, по истечении которого община снова и снова периодически повторяет такое распределение, называемое «переделом» земли: при этом каждый Домохозяин получает новые участки в иных местах и почти всегда иных размеров.

Некоторые угодья не подлежат переделу; чаще всего это бывают усадьбы и выгоны; другие могут подвергаться ему лишь иногда (огороды, леса, сенокосы); существенной, однако, чертой господствующих у нас общинных отношений служит передел пахотной земли. Как весьма редкая разновидность общинных распорядков встречается артельная общая обработка всех угодий, (кроме усадеб) с разделом продуктов между членами.

Вся совокупность общинников имеет право полного распоряжения всем общинным имуществом; каждый из них, как один из членов корпорации, может подавать голос за отчуждение этого имущества, но не может по желанию отчудить своего участка, который он получает лишь для пользования с определенными целями. Из сказанного вытекают два важных последствия: 1) общинник не может лишиться своей доли земельного надела и 2) каждый общинник имеет право на получение своей доли из общинной земли. В самом деле, при общинном землевладении каждый домохозяин может, конечно, сдать в аренду свой участок по своей задолженности, бесхозяйности, безлошадности и т.п. причинам, никакого отношения к общинным распорядкам не имеющим; его земельный пай может быть сдан в аренду самой общиной для уплаты его недоимок, но такое отчуждение всегда есть результат силы каких-нибудь внешних факторов; юридически оно представляется временным, форсированным, исключительным: по истечении срока отчуждения или при обзаведении рабочим скотом, вообще при улучшении своего хозяйственного положения общинник никогда не теряет права получить свой участок обратно в собственное пользование. Так, напр., две крупные финансовые меры первой половины 80-х годов — уничтожение подушной подати и уменьшение выкупных платежей, сократившие крестьянские платежи в иных местах весьма значительно, как увидим ниже, имели следствием возврат на родину, требование вновь своих общинных паев и возобновле-

ние хозяйства немалого числа таких крестьян, которые ранее бросали свои наделы и уходили на заработки. Во-вторых, всякий полноправный член общины имеет в составе общинной земли свою долю, сколько бы таких членов ни было. Поэтому каждый общинник — землевладелец, все его дети, сколько бы их у него ни было, также в свое время получат в пользование причитающиеся им участки земли. Раздел общинных полей между всеми общинниками гарантирует им принадлежность этого важнейшего орудия их труда. В данном случае безразлично, велики или малы участки, приходящиеся на долю каждого отдельного члена общины. Общинный принцип заключается в уравнительном распределении наличного земельного фонда общины. Если он чрезмерно мал и участки общинников представляют ничтожные делянки, то это может быть следствием лишь других причин, обусловливающих малоземелие той или иной части населения, но не следствием общинных распорядков. Нам придется сейчас увидеть, что размеры крестьянского землевладения играют видную роль в системах разверсток земли: чем больше надельный фонд относительно числа общинников, тем и последовательнее проводится общиной уравнительность при переделах.

При господстве денежного хозяйства в жизни каждого собственника и в особенности мелкого, нередки случаи нужды в деньгах. Заем их или залог земли в частных руках или продажа земли могут нередко служить единственными выходами из затруднения. Но сношения с деревенским ростовщиком также ведут весьма часто к потере земли, а такая потеря есть признак разорения. Причины такого явления могут быть весьма разнообразны: одни коренятся просто в индивидуальных свойствах лица, другие — во временном случайном расстройстве его хозяйства, наконец, третьи — в общем угнетенном состоянии хозяйства страны или какой-нибудь ее части. Подобные бедствия, по мнению сторонников общины, и предупреждаются этой формой отношений в зна-

чительной мере. Невозможно думать вместе с писателями 50-х годов, что община предотвращает возможность появления в стране земледельческого пролетариата, так как возрастающее малоземелье может иметь результатом увеличение числа бесхозяйных или чрезмерное парцеллирование полос, перестающее удовлетворять продовольственным нуждам семьи земледельца. И против последнего, как сказано, община бессильна, так как причины этого явления лежат вне ее. Но процесс обращения населения в пролетариат бесспорно значительно затрудняется при наличности общинных отношений потому, что невозможность юридически отчуждать участок, с одной стороны, сокращает кредитоспособность общинника, а с другой — допускает лишь фактическое отчуждение земли, владение которой может быть восстановлено с улучшением хозяйственного положения должника.

Второй весьма важной стороной в этом деле служит то обстоятельство, что при переделах община наблюдает между своими членами возможное равенство не только в их количестве и в величине земельных паев, но и в их к а ч е с т в е. Каждый общинник получает не один цельный участок, но несколько, иногда много полос разного плодородия и разной отдаленности. Если бы доля его находилась в одном отрубе, невозможно было бы уравнять плодородие и отдаленность участков между всеми общинниками. Как это делается, постараемся сейчас выяснить.

Выше (…) были указаны причины, по которым мелкая частная земельная собственность ограничена в своем развитии известными пределами и теряет мало-помалу свою выгодность. Можно думать, что община обладает гораздо большей приспособляемостью к изменяющимся хозяйственным условиям и имеет более данных к развитию и переходу к высшим формам земельных отношений. Наличность переделов при росте населения и неизменяемых размерах земельного фонда общинников, конечно способствует раз-

мельчанию участков отдельных лиц и может привести в результате к господству того же «карликового» хозяйства, которое служит столь пагубным отрицательным идеалом, и мелкой собственности. При тех же условиях наступает в общине и уменьшение средств большинства общинников, и недоступность для отдельных членов общины дорого стоящих улучшений, и истощение почвы, и отсутствие кормовых угодий. В конце концов разделение общинного населения на обособленные группы, различествующие между собой по степени хозяйственного обеспечения, хотя и затрудняемое общинными порядками, все же может делать значительные поступательные шаги. Но тесная имущественная связь, создающаяся между общинниками общностью их земельного надела, обусловливает наличность некоторых условий, способствующих дальнейшей эволюции этой формы земельных отношений. Переделы стремятся уравнять между членами общины главнейшее орудие земледельческого труда. Насущные хозяйственные нужды отдельных общинников указывают им на выгодность разных проявлений сотрудничества и на необходимость выработки разных форм общественного труда. «Помочь», «супряга», совместное пользование сенокосами, отдельные случаи совместной артельной обработки пахотной земли общими орудиями и т.п. служат внешними выразителями такой тенденции, имеющей целью парализовать вред обособленности отдельного производителя. По мере размельчения хозяйства общинников и усиления недостаточности их обеспечения, такая тенденция развивается с течением времени более и более. Нельзя видеть простой случайности в том, что идея «земледельческих артелей», находившая лишь отдельные, разбросанные случаи для своего выражения в 70-х и 80-х годах, начинает осуществляться в виде систематических опытов в последние годы. Наблюдения окружающей жизни в переживаемый исторический момент наводят на мысль, что дальнейшее развитие указанной

тенденции — тенденции к выработке форм труда, носящих более общественный характер — имеет будущность. Если же это так, если обособленность производителя в общине осуждена на постепенное сокращение, то можно думать, что эта форма земельных отношений эволюционирует к такой, при которой возможна крупная культура, т.е. которой чуждо размельчание участков, доступны дорого стоящие улучшения, при которой можно избегнуть истощения почвы, можно практиковать в больших размерах сотрудничество, можно применять «средства и знания». Несколько ниже мы увидим, что даже на современной ступени своего развития община вовсе не ставит неодолимых преград таким улучшениям земледельческой культуры, когда на то имеются достаточные данные в виде средств и знаний. Уменьшение обособленности производителя под влиянием настоятельных потребностей и наличных условий ведения хозяйства может только увеличить количественно, распространить территориально и разнообразить приводимые ниже факты поступательного культурного движения общины.

Переходим к внутренним распорядкам общинного землепользования. Они представляют в разных областях нашей страны весьма большое разнообразие, о котором могут дать понятие указанные выше исследования. Здесь мы можем привести лишь наиболее типичные формы этих отношений в самых общих чертах.

Прежде всего отметим, что слово «община» неизвестно крестьянству. В Великороссии его заменяет слово «мир», а в Малороссии — «громада», «обчество».

Эта форма землевладения поэтому и называется также «мирским» в противоположность «подворному».

Община не всегда совпадает с понятием деревни, села. Часто такое совпадение действительно имеет место. Это — случай наиболее распространенный. Иной раз община бывает больше или меньше села. Общину называют простою,

если она совпадает с деревней или селом. В Московской губернии простые общины составляют 94 процента всего их числа. Общину называют составною, если она больше деревни или села, т.е. если в состав ее входит несколько деревень, пользующихся одной и той же земельной территорией. Такие общины распространены особенно на севере, где редкое население разбросано небольшими поселками среди лесов, где удобные для земледелия пространства встречаются лишь небольшими участками между землями неудобными, болотами и лесами. В Олонецкой губ., напр., «селением» называется нередко два двора или просто хижина в лесу. Всякий такой незначительный поселок имеет всегда свое особое название. В состав одной общины входит, конечно, много таких поселков (пословица: «в деревне мира не наберешь»). Она состоит иногда из 20, 30, даже 50 таких «селений». В том же Олонецком уезде насчитывали до 600 таких «селений» в то время, когда общин там было не более 30. Наконец, общину называют раздельною, если она менее села. Это явление тоже довольно редкое и встречается только в селах, составленных из двух или нескольких крестьянских групп. Или деревня населена, напр., и государственными, и удельными и бывшими помещичьими крестьянами; или в бывшей владельческой деревне крестьяне принадлежали нескольким разделившимся наследникам и т.д. В этих и подобных случаях каждая группа имеет свой особый надел и образует самостоятельную общину. В Московской губ. таких раздельных общин числится всего около 4 процентов. По способу владения землей и вообще в отношении всех своих распорядков общины составные и раздельные весьма сильно приближаются к общинам простым и отличаются от них лишь в подробностях, на которых мы останавливаться не будем и перейдем прямо к внутреннему устройству общин простых.

Основную черту нашей общины, как сказано, представляют переделы одних угодий и общее пользование других. Общины

без переделов с артельной обработкой всех угодий составляют исключения. Обыкновенно же выгоны и пастбища находятся в совокупном пользовании всей общины. Переделам подвергаются пашни, сенокосы и иногда лесные угодья. Усадьбы же составляют предмет частного пользования общинников.

Далее, для ясного понимания приемов переделов земли между общинниками, прежде всего следует ознакомиться с той единицей, которая служит этой цели. Единица эта несколько своеобразна и ее следует себе уяснить, прежде чем начать знакомство с техникой переделов.

Такой единицей служит «душа». Но эта душа не наличная, а условная, фиктивная, податная. После каждой ревизии во всякой общине числится то количество душ, которое застала ревизия. Но в период между ревизиями, очевидно, количество это значительно видоизменяется. Население или возрастает, или сокращается. Следовательно общая сумма д у ш в общине постоянно колеблется. То же следует сказать и о каждом отдельном семействе. Иные семьи совершенно уничтожаются, другие разделяются на несколько частей, третьи увеличиваются, не разделяясь, и т.п. Считаться со всеми этими изменениями при взимании налогов фискальному ведомству представляется, конечно, невозможным. Оно производит свои расчеты на основании данных последней ревизии и требует от общины то количество платежей, которое причитается с нее именно на основании этих данных. Когда в общину поступает такое требование, то задачей ее делается — распределить возможно равномернее требуемую сумму между наличным числом своих членов. Для этого она накладывает на наличные души известное число (целое или дробное) душ податных. Эти-то податные души (количество которых определено для каждой общины ревизией) и пишутся в каждом окладном листе и служат поэтому единицей раскладки между наличными душами податей и повинностей, лежащих на всей общине. Если. напр., в деревне по ревизии 1858 г.

числится 500 человек, то «душой» (в техническом податном смысле) в ней и до настоящей минуты считается 1/500 всех податей и повинностей. Если теперь в деревне имеется 1000 наличных душ, то в среднем на каждую падает 1/2 «души», если 250, то 2 «души» и т.д.

Количество этих душ служит основанием для раскладки податей и для переделов земли. Каждый общинник получает на свою долю, конечно, равное количество того и другого (т. е., напр., пяти душам податным соответствуют непременно пять же душ и земельных). Но определение суммы таковых, падающих на долю того или другого общинника в частности, обусловливается весьма многими соображениями. Разделить число душ податных на число жителей мужского пола было бы в этом случае, конечно, проще всего, но далеко не всегда справедливо. Община не допускает такого грубого, противохозяйственного приема раздела. Разница между общинниками в возрасте, в разных личных индивидуальных особенностях, обладании средствами обработки земли (скотом, орудиями и проч.) оказывает немалое влияние на трудовую способность человека, и ее нельзя не принимать в расчет. «Наблюдения показывают нам, — говорит весьма почтенный исследователь Григоров, что общество ежегодно обсуждает самым внимательным образом раскладку общей суммы по дворам, причем принимает во внимание не голый двор, не одно только число работников по возрасту, но оно входит возможно подробно в условия семейного положения, принимает при этом в соображение умственные и физические способности лиц, его составляющих, отправление каких-либо общественных должностей и т.п.»

Главнейший пункт, около которого концентрируются в этом вопросе рассуждения общины, представляет состав семьи. Большая семья с достаточным количеством взрослых мужских работников в хозяйственном отношении гораздо сильнее семьи небольшой или состоящей только из женщин

и детей. Понятно, что в данном случае на практике встречается много комбинаций, варьирующих до бесконечности трудовую способность семьи. Вообще же намечается два типа домохозяев — одиночки и семьяные. Одиночкой считается единственный взрослый работник в семье. Если это человек здоровый, молодой, обладающий некоторым достатком, то он может представлять собой силу, способную «поднять» две и более «души». В противном случае он считается маломощным. Сообразно способности своей к труду, старости, болезненности и проч., сообразно имеющимся у него средствам обработки земли (орудиям, скоту и пр.), такой общинник может быть иногда вовсе освобожден от всяких повинностей или получить какую-нибудь дробь «души» (1/2, напр.). Семьяными домохозяевами называются те, которые имеют двух и более взрослых работников, достаток которых выше, трудовая способность которых сильнее. Они представляют главную массу, среди которой разделяется остальное количество «душ».

Для распределения «душ» между общинниками сообразно всем этим особенностям отдельных семейств существуют, как сказано, переделы земель. Переделы бывают общие и частные. При общем — переделяется вся общинная земля, при частном — только часть ее. Последний наступает тогда, когда бывает возможно удовлетворить требование новых или прежних общинников о выделе или прирезке им земли при помощи отобрания части земель от других вследствие обеднения, смерти, болезни, ухода и проч. последних. В этом случае мир «сваливает» часть «душ» с этих и «наваливает» их на тех. Кроме того «свалка» и «навалка» «душ» может иметь место просто с целями более справедливого распределения земли по причине каких-либо перемен в уровне благосостояния прежних общинников.

Далее, вообще могут быть три системы разверстки земли между членами общины. При первой принимаются во вни-

мание только мужчины рабочего возраста, по второй — все наличные мужчины, по третьей, кроме числа мужчин, еще и иные признаки состава и благосостояния семьи. Первая система называется тягольной разверсткой, вторая — подушной, третья — смешанной.

Тягольная разверстка совсем не принимает в расчет количество неполных работников в семье. Она считается только с количеством взрослых мужчин, полных работников. Очевидно, эта система принимает во внимание только часть тех условий, которые указаны выше, и потому не может, по-видимому, достигать того равенства общинников, из-за которого и совершаются самые переделы. Такое суждение было бы, однако, ошибочным. Выдающийся знаток русской общины — покойный В. И. Орлов — указывает на то, что разверстка эта встречается в тех случаях, когда она является именно наиболее справедливою. Это бывает там, где надельная земля едва ли может оплатить лежащие на ней подати и повинности да к тому же еще и прокормить общинников без помощи отхожих промыслов или других посторонних заработков. При этих условиях земля не представляет для семьи источника благосостояния, нередко она является даже бременем. Часть работников должна искать посторонних заработков на стороне. Если бы община при этом «навалила» большое количество земельных «душ» на человека, семья которого многочисленна, но бедна полными работниками, то поставила бы его этим в безвыходное положение. Чтобы не бросать земли и в то же время иметь возможность выдержать ее, необходимо сообразовать величину долей общинников с количеством только одних взрослых работников мужчин. Это подсказывает опыт, и так поступает община, взвешивая интересы своих сочленов.

Основанием подушной разверстки служит все число наличных душ мужского пола в семье. Там, где платежи находятся в большем соответствии с доходностями земли, пос-

ледняя, очевидно, представляет не бремя, а некоторое благо, к которому стремятся общинники. Каждый домохозяин желает получить ее побольше, чтобы тем полнее удовлетворить потребность своей семьи. «Если бы с течением времени, — говорит В. И. Орлов, — и произошло в ней уменьшение рабочих сил или иные какие-либо семейные несчастья, то это не вызвало бы за собою необходимости отказа от излишней земли, так как ее можно на время сдать в аренду соседу за такую цену, которая покроет платежи; а если бы кто и пожелал «свалить» с себя надел, то всегда найдутся охотники взять ее со всеми лежащими на ней платежами».

Смешанные разверстки практикуются там, где платежи находятся в еще большем соответствии с доходностью земли. По большей части она встречается у крестьян бывших государственных и бывших удельных, имеющих большие наделы и платящих меньше, чем бывшие владельческие. Здесь обладание землей представляет предмет еще больших исканий со стороны общинников, чем в предшествующем случае. И в этом случае община должна принимать в расчет все положительные и отрицательные признаки крестьянской состоятельности и потребности семьи в предметах первой необходимости, и количество взрослых работников, и общее количество всех членов семьи обоего пола, и имущественное положение хозяйства.

Переходим, наконец, к технике переделов и начнем с переделов пахотной земли.

Выше было сказано, что община стремится уравнять между своими членами участки земли не только количественно, но и качественно. Это бывает всегда необходимо, ибо полосы, хотя бы и равной величины, обыкновенно разнятся одна от другой. Причин тому на практике представляется немало. В о - п е р в ы х. в данном случае играет роль качество почвы. На общинной земле может встречаться глина, песок, камень, чернозем и пр. В о - в т о р ы х, расстояние участ-

ка от усадеб. Обстоятельство это бывает настолько важным, что даже там, где нет почвенных различий, поля все-таки делятся по признаку их удаления от села. Некоторые части общинной земли расположены бывают за 10, 15, 18 верст от двора. Нетрудно понять, какую огромную затрату времени и труда должен нести домохозяин, работающий в таком отдалении. Наконец, в - т р е т ь и х, сюда относятся всевозможные особенности той или другой части общинной земли (болото, низкое или высокое положение места, сырость, защита лесом, покатость места на юг или на север, какая-нибудь неправильная форма участка и пр. и пр.). Согласно общинному распорядку каждый ее член должен пользоваться частью выгод и разделять наравне с прочими часть невыгод, проистекающих от всех у к а з а н н ы х причин. Для этого община прежде всего разделяет по всем этим признакам свою землю на соответственное количество крупных участков, из которых каждый обладает каким-либо специфическим достоинством или недостатком (напр., участки глинистый, каменистый и черноземный, участки ближний и дальний, участки на пригорке, на низу, под защитой леса и пр.). Они носят весьма различные названия в разных местностях России: кон, ярус, столбняк и пр. Число их иногда не превышает 3 — 4, а иногда возрастает до 20 в каждом поле, т.е. всего в трех полях до 60. Это деление на коны имеет целью доставить каждому общиннику возможность получить свою долю земли совершенно такого же качества, какого получает и другой. Всякий из них получает свою часть в каждом кону. Поэтому очерченным приемом устраняются все споры по поводу неравенства естественного плодородия участков. Эта черта переделов существенно отличает общинное землевладение от частного. В то время, как мелкий частный собственник не может изменить почвенных и других названных условий, присущих полосе земли, случайно ставшей его собственностью, общинник пользуется всем разнообразием

их, имеющихся в сравнительно большой площади земли, которая отмежевана всей общине. Равенство в этом отношении нескольких соседских мелких частных собственников может иметь место опять-таки только случайно; равенство общинников в данном случае гарантируется тем принципом, который коренится в основании всей системы.

Далее, коны не делятся непосредственно на полосы по числу домохозяев. Имеется еще промежуточное подразделение, называемое в разных местах вытью, осмаком и пр. Этим именем обозначается та доля кона, которая достается в пользование целой группы хозяев. Наконец, выти разделяются уже по числу членов группы на полосы. Такой двухстепенный раздел вызывается требованиями простого удобства переделов и является особенно необходимым в больших общинах. Самое назначение вытей и полос производится с помощью жеребьевки в присутствии всех членов общины.

Что касается до переделов сенокосов, то приемы их весьма мало отличаются от приемов переделов пахотной земли. Сенокосы также разбиваются на коны по количеству травы и иным признакам (коны носят в этом случае иные весьма разнообразные названия). Эти — делятся на выти, а выти — на полосы. Нередко, однако, сенокосы не подвергаются переделам и трава скашивается или сообща всей общиной, или группой домохозяев, входящих в состав одной и той же выти. Последний случай наблюден был, между прочим, в Московской губернии, причем между домохозяевами делится не земля, а продукт (трава). И это не составляет особенности названной губернии. Исследования общины в различнейших уголках России доставляют немало подобных фактов. Так, в некоторых селах Вологодской губ. сено скашивается общим трудом всего мира и складывается в копны. Затем его делят на два сорта и дают поровну каждого сорта каждой половине населения села. Затем каждая половина снова делится на две части и т.д., причем каждая группа об-

щинников продолжает получать по ровной части сена каждого сорта. Наконец, когда путем такого последовательного деления дело доходит до дележа сена между членами общины попарно, то жребий решает, кому должен достаться верх и кому низ копны. Такие и подобные способы пользования сенокосами встречаются вообще нередко.

Нельзя при этом обойти молчанием весьма интересного способа общинного сенокошения на Урале у яицких казаков (сведения относятся к 60-м годам). Войсковое управление назначает для начала сенокосов особый день. Кто вздумал бы косить раньше этого дня, тот лишается права косить сено на один год. В указанный день, начиная с утренней зари, каждый домохозяин начинает обкашивать кругом то место, внутри которого он затем может скосить всю траву в свою пользу. При этом он обязан до вечерней зари того же дня заключить свой круг, т.е. возвратиться к точке своего отправления. В противном случае он не может воспрепятствовать соседу вкоситься своим кругом в его круг.

Наконец, и переделы лесных угодий совершаются по приемам, аналогичным приемам переделов пахоты и сенокосов. Если переделу подлежит лес крупный, то еще на корню он разделяется на известные группы по качеству деревьев. Группы эти, аналогичные конам, разделяются на осмаки, а последние делятся между отдельными домохозяевами. Если же переделу подлежит лес мелкий, то весь он принимается за один кон и разделяется на осмаки и полосы. Если при этом возникает сомнение в равенстве передела вследствие различия в качестве осмаков, то оно устраняется простым увеличением их величины в одном месте и уменьшением в другом. Наконец, если подлежащий переделу лес представляет смесь крупного с мелким, то применяются оба названных способа передела одновременно.

Таковы общинные распорядки. Чтобы изучить те изменения, которым они подвергаются во времени, необходимо

было бы произвести несколько подворных исчерпывающих массовых исследований, разделенных между собой некоторыми промежутками времени. Таких исследований, однако, мы не имеем. Поэтому приходится в этом вопросе довольствоваться теми сведениями, которые имеются.

В литературе достаточно прочно установлены причины, вызывающие коренные переделы общинных земель. Главнейшим определяющим моментом в данном случае служит отношение, существующее между доходностью наделов и размерами лежащих на них платежей. Земско-статистические исследования показывают, что «надельная» земля имеет для крестьянина двоякое значение: она служит ему источником дохода и вместе с тем мерою взыскиваемых с него податей и других сборов. Первое ее значение для него положительное, второе — отрицательное, и окончательное отношение крестьянина к наделу в значительной степени определяется равнодействующей того и другого ее влияния на экономическое состояние хозяина. Где земля не окупает платежей, там хозяйственному крестьянину выгодно получить лишь такой участок, который не отнимал бы всех его трудовых сил и оставлял ему возможность арендовать землю или зарабатывать на стороне, а крестьянину маломощному — отказаться от надельной земли совсем; другими словами — обе категории в этом случае стремятся отделаться от земли, следовательно, «мотивом к изменению существующего распределения наделов здесь служит стремление облегчить членов общины, чрезмерно обремененных платежами, равномерно распределить недоимки, запущенные неплательщиками». С другой стороны, в обществах, где доходность надела равняется или даже превосходит платежи, главнейшей причиной передела служит «малоземелье одних членов общины при относительном многоземелье других, а соответствующий психический мотив — желание увеличить участок как источник дохода. Этот естественный мотив, вызываемый

непосредственно неравномерностью распределения земли между членами общины, усиливается тягостями, лежащими на малоземельных и безземельных ее членах по исполнению воинских и мирских натуральных повинностей, привлечение к которым делается не на основании размера землевладения, а по величине рабочего состава семьи». К этим двум основным мотивам переделов присоединяются еще другие, имеющие меньшее распространение, на которых останавливаться не будем.

В исследовании В. П. Воронцова подробно разработан исторический очерк развития идеи передела после крестьянской реформы. К нему мы и отсылаем желающих изучить фактические изменения в этой области и препятствия, испытанные тенденцией общинников к переделам в течение последних десятилетий. В прежнее время государственные крестьяне давно выработали обычай периодического перераспределения земли между членами общины вслед за ревизией. Когда неравномерность земельного обеспечения общинников начала выясняться после последней ревизии 1858 г., возник прежде всего вопрос о праве общины производить переделы без ревизии. Пока этот вопрос не был решен в утвердительном смысле, до тех пор он служил первым крупным препятствием к устранению возникшего земельного неравенства. Сказанному помогали нередко и представители ближайшего «начальства» над крестьянами, сознательно или бессознательно затемнявшие для общинников истинный смысл закона в этом вопросе. Однако когда население поняло, что перераспределение земли входит в число его прав, препятствия к переделам этим еще далеко не были устранены. Внутри самих общин возгорелась упорная борьба тех, кому выгодно было прежнее распределение участков, с теми. кому выгодно было его изменение. В местностях, где платежи превышают доходность земель, оппозицию переделам должны были оказывать домохозяева, которым переверстка участков грозила увеличением их зем-

левладения: в местностях, где платежи находились в большом соответствии с доходностью земель, оппозицию оказывали те, которым переверстка обещала уменьшение землевладения. В первом случае «против передела стоят бедные, малоземельные крестьяне, думающие, что им трудно будет справиться с большой тягостью, связанной с расширением их участков», во втором случае «противники переделов, кроме семей с большим числом умерших ревизских душ, являются обыкновенно кулаки, мироеды, каштаны, так или иначе захватившие в свои руки наделы переселенцев и другие, или наживающиеся при распоряжении общества мироплатимыми душами. Вспомнив влияние на общественные дела, каким пользуются эти обыкновенно богатые и ловкие лица, легко понять, каких сильных противников имеет в них передел». Борьба бывает упорная, страсти разыгрываются и сторонами пускаются в ход все средства (прибегают и к подлогам, и к обманам, к подкупам, спаиваниям, насилиям и т.д.). Очевидно, при таких условиях перевес должен остаться на стороне, оказавшейся более сильной фактически. Если настойчивость и установленное законом большинство окажутся в лагере требующих переверстки земли «по новым душам» — передел состоится, в обратном случае хлопоты меньшинства останутся без результата. Нетрудно понять, что во всех тех случаях, когда платежи не превосходят доходности земель, борьба за передел есть борьба менее состоятельных членов общины против более состоятельных, борьба обделенных землею против тех, в руках которых концентрировались земельные участки. В этой борьбе замешаны крупнейшие интересы тех и других и потому ее исход может служить весьма важным показателем степени действительного влияния на общинные отношения той или другой из борющихся сторон. Если дифференциация общинного крестьянства дошла уже до той степени, когда все эти «кулаки, мироеды, каштаны», и как они все называются, концентрировавшие в своих руках значительную долю наделов, когда весь этот

люд фактически распоряжается судьбами общинных отношений, передел, очевидно, состояться не может или может быть произведен лишь по прежней системе разверстки земли, выгодной для этого «командующего» слоя деревни.

Если же переделы совершаются и если системы их эволюционируют в сторону удовлетворения интересов менее состоятельных общинников, то необходимо предположить, что первая группа домохозяев не обладает еще тем безусловным господством над второй. В первом случае община близка к разложению. Общинные порядки если при этом и сохраняются, то лишь по форме, а не по внутреннему своему содержанию, ибо не удовлетворяют более первому принципиальному требованию; они перестают служить всем участникам, а служат лишь состоятельному меньшинству их. Во втором случае эти распорядки удовлетворяют именно потребности большинства, менее состоятельной массы домохозяев, в ущерб интересам более обеспеченного меньшинства, подчас — небольшой кучки, даже единиц, т.е. уравнивают, нивелируют интересы общинников. При таких условиях, очевидно, принцип этот обнаруживает дееспособность.

Было упомянуто, что государственные крестьяне выработали обычай переделов после ревизий. То есть каждый новый передел совершался по новому наличному числу душ мужского пола. Понятия «ревизской» и «наличной» души при этих условиях совпадали. Переделы, совершенные вслед за X ревизией, носили тот же характер — все наличные общинники попадали в ревизию и получали на свою долю участки земли. Понятно, чем далее шло время, тем значительнее становилась разница между числом «ревизских» и «наличных» душ в каждой общине, от движения населения — естественного (рождаемости и смертности) и искусственного (переселений и вселений). Обнаруживалось несоответствие между единицей разверстки (ревизская душа) и потребностями массы общинников. Семьи, в которых имелось сравнительно много мужчин

в момент X ревизии, владели большим количеством наделов, хотя бы численный состав их изменился весьма значительно в смысле уменьшения числа мужчин. С другой стороны, семьи с малым числом ревизских душ владели, очевидно, несправедливо малыми участками в случае разрастания. Ждали XI ревизии для переустройства этих отношений на прежних основаниях, но проходили десятилетия, а ревизии не было. Свалка и навалка душ служили лишь паллиативом.

Крестьяне бывшие помещичьи, в силу меньших размеров и удобств своего землевладения и высоких размеров лежащих на земле платежей, обратились прежде всего к разверсткам по рабочей силе. «Нашлись такие общины, — говорит В. П. Воронцов, — которые донесли эту систему нетронутой до самого последнего времени. Такие общины обыкновенно характеризуются небольшими размерами: несколько дворов, иногда несколько десятков дворов — вот тип тягловой общины». Но и среди этого разряда крестьян начала практиковаться ревизская же система разверстки, подобно государственным, что и понятно, — в начале шестидесятых годов ревизская разверстка почти совпадала с наличной. Но очевидно с течением времени и в этом случае в тех общинах, где доходность наделов превышала платежи, должно было обнаружиться стремление к более равномерному распределению наличного земельного фонда.

В результате у тех и других началась та борьба за передел, о которой сказано выше. Нетрудно понять, что является лозунгом при такой борьбе для обделенных. Это прежде всего — разверстка земли по наличным душам мужского пола, т.е. восстановление того принципа переделов, который действовал ранее вплоть до X ревизии и времени, непосредственно за ней следовавшего включительно. Та часть общинников, которой передел обещает сокращение размеров их участков, понятно, заинтересована в сохранении прежней ревизской разверстки. Нередко прежде окончательной по-

беды первой группы над второй наступает промежуточный период разных разверсток, составляющий переживание прежней системы и переход к новой. Сюда относятся переделы по живым или наличным ревизским душам или разновидность последних — смешанные по ревизским и наличным душам, или, наконец, переделы по наличным душам мужского пола, но не всех возрастов (напр., с 5, с 10 и т.д. лет), вследствие чего дробление участков увеличивается сравнительно несколько слабее и т.п.

Наконец, когда необходимость коренного изменения принципа переделов входит в сознание необходимого большинства общинников, настает момент установления той системы разверстки, которая является наиболее удобной при наличных условиях. Прежде всего там, где доходность земли не покрывает лежащих на ней платежей, наиболее целесообразной, как уже упомянуто, является разверстка тягольная, по взрослым мужчинам, чаще всего — только рабочего возраста.

В этом случае часть работников каждой семьи вынуждена обращаться к сторонним заработкам. Двор, обладающий большим количеством мальчиков и стариков при малом числе рабочих мужчин, очевидно, не смог бы справиться с большим количеством земли[1]. Далее, там, где платежи находятся в большем соответствии с доходностью земли, указанное препятствие к разверстке земли по всем наличным душам мужского пола устраняется, и такая система вступает в действие, знаменуя собой победу интересов массы над стремле-

[1] Такая принудительная разверстка земли, представляющей собой для земледельца лишь тяготу (вследствие весьма высоких платежей или плохого ее качества, или ряда крупных неурожаев и т.д.), часто заменяется затем полюбовной «по милу», «по согласию», причем главную роль играет личное решение каждого члена о том, какое количество общинной земли он считает возможным взять на себя, причем мир «накидывает» ему земли больше заявленного лишь в том случае, если он берет на себя («не по совести») меньше, чем он может осилить (В. В. 236).

нием меньшинства сохранить прежнюю неравномерность распределения земли.

Но сказанным дело не кончается. Если общинные традиции не пришли в забвение, если внутренний смысл общинных отношений не отступил на задний план, оставив лишь внешнюю их оболочку (а без всего этого трудно себе представить возможность успешного окончания начатой большинством борьбы и введения разверстки по наличным душам мужского пола), то на такой системе община не может помириться надолго при наличных благоприятствующих условиях. Условия эти заключаются в еще лучшем соотношении между доходностью земель и платежами, а дальнейшая тенденция переделов — в устранении тех неудобств, которые сопряжены с разверсткой по одним мужским душам и безотносительно разных хозяйственных признаков двора. При наличном подушном переделе семья, состоящая из малого числа мужчин и большого числа женщин, может удовлетворять своим потребительным требованиям в гораздо более слабой степени, чем другая, с иным соотношением числа лиц разных полов между собой. Отсюда — стремление внести поправку в принятую систему разверстки в смысле включения в число участников в дележе земли и женщин, и рядом с этим начинают иногда приниматься в расчет и некоторые хозяйственные особенности двора. Являются разновидности так называемой смешанной разверстки, из которых более других начинает пользоваться распространением разверстка на всех «едоков».

Таков общий процесс выработки системы разверстки общинной земли. Все сказанное до сих пор представляет результат фактического обследования общины земской статистикой.

Еще в 70-х годах начала назревать потребность в коренных переделах, но в огромном большинстве случаев те препятствия, о которых говорено выше, удерживали общины

от равнения земельных участков между своими членами. По-видимому, тогда больше всего действовала в этом направлении неясность сознания общинниками своих прав распоряжения их земельным фондом. Мало-помалу сознание это, однако, распространялось в массе, а рядом с этим обострялась и необходимость перераспределения участков. На первый план выдвигалась борьба разных имущественных слоев внутри общины. Обе стороны начинали уже понимать, что передел юридически возможен. Оставалось тем, кому он выгоден, преодолеть тех, кто от него потерпит. В таком положении застала вопрос о переделах большая часть земско-статистических исследований. Первые подворные описи встречали еще очень мало коренных переверсток земли; год от году число таковых увеличивалось. Восьмидесятые и девяностые годы представляют собой, по-видимому, тот период, когда число переделов росло постоянно и повсеместно, когда, следовательно, очень большая часть надельной земли подвергалась переверстке. При этом должны были обнаружиться те течения, которые характеризуют современную общину и выражаются в установлении тех или других систем переделов.

Большой интерес имеют собранные податными инспекторами данные, касающиеся господствующих систем разверсток. Постараемся прежде всего сравнить их с теми аналогичными данными земской статистики, которые приведены у г. В. П. Воронцова. Последние относятся по большей части к концу 70-х и первой половине 80-х годов.; первые — к периоду 1887 — 1893 годов. Следовательно, эти рисуют продолжение и развитие тех процессов в вопросе о переделах, которые установлены теми.

В Херсонской губ. при земско-статистическом обследовании обнаружено было почти исключительное применение ревизской разверстки; в 96,3 процента общин (1602 из 1664). Только 3,7 процента их практиковали другие системы (ис-

ключительную подушную — 42, а по едокам — всего 1). В последнее время эта губерния представляет собой поле приложения весьма разнообразных систем, от первобытных до наиболее совершенных. Ревизская продолжает преобладать только у бывших помещичьих крестьян, но и у них вымороченные наделы предоставляются сходами в пользование или безземельных — преимущественно многосемейных (Херсонский уезд), или же распределяются между всеми членами общества (Александрийский). Далее имеется целый ряд промежуточных систем, составляющих переход к наличной подушной. Так, местами земля поделена по наличным ревизским душам с такими изменениями: или вымороченные участки распределяются между всеми родившимися после ревизии мужчинами (поровну или смотря по возрасту их: Тираспольский, Херсонский, Елизаветградский), или — также между бессыновными вдовами (Тираспольский), или — при ревизском счете принимается во внимание и семейный состав двора: крупным семьям прибавляют землю на мужчин побольше, на женщин поменьше (Елизаветградский). Компромиссы при разверстках выражаются там еще и тем, что подушная система применяется местами к мужчинам не всех возрастов, а лишь с 5 л. или с 1 г. В Тираспольском уезде есть селения, где при этой системе разверстки земли делают различия в размере отвода между взрослыми мужчинами (с 20 лет) и не достигшими этого возраста: последним дают меньше земли. Наконец, в уездах Тираспольском, Ананьевском и Александрийском имеется налицо уже немало разверсток на всех членов семьи без различия возраста и пола («по едокам»). Как ни разнообразны эти системы, но при сравнении их с приведенными более ранними сведениями по тому же предмету, они совершенно ясно указывают на то, что новейшие переделы имеют более уравнительные тенденции и переходят там постепенно к более высшим с этой точки зрения формам.

Переходим к Таврической губ. Здесь в четырех материковых уездах при подворной земско-статистической описи найдена была ревизская разверстка в 50 процентах общин, наличная — в 30 процентах и смешанная — в 12 процентах. Очевидно, первая преобладала. Что же касается до Крымских уездов, то там она господствовала почти исключительно в тех местах, где не практиковалась заимочная, захватная форма. В последние годы и в этой губернии системы разверсток изменились в том же направлении, как и в Херсонской. Наибольшим распространением все еще пользуется ревизская разверстка, но устои ее, по-видимому, расшатаны очень сильно. Влияние ее сказывается чаще всего лишь в том, что «живые ревизские души» получают большие участки, чем не ревизские (Днепровский, Бердянский, Мелитопольский). В Бердянском уезде она сохранилась в тех — преимущественно мелких — общинах, где во всех семьях население возросло почти равномерно. Там же в виде исключения сохранилась разверстка по работникам (с 18 лет). Рядом же с этим наличная разверстка имеется в Днепровском, Бердянском и Евпаторийском уездах. В Бердянском — в селениях, где земли мало, наделяются мальчики от 3-х, 4-х лет; вообще же эта система распространяется все более и более (без различия между всеми ревизскими душами). Изредка появляется уже и разверстка по едокам (Евпаторийский). Вместе с тем характерно постановление некоторых общин Бердянского уезда — не давать одной семье больших душевых наделов, очевидно для избежания концентрации в немногих руках больших количеств надельной земли. Вдовы и сироты женского пола иногда получают там клинья и вообще небольшие участки, оставшиеся от передела.

Насколько можно судить о системах разверстки в Екатеринославской губернии по обследованию земской статистикой общины в двух уездах — Бахмутском и Славяносербском, то переделы по наличным душам и «по едокам»

там еще почти совсем не были известны в половине 80-х годов. Последняя система не встречалась ни в одном из этих уездов, а первая — всего в двух общинах уезда Бахмутского. Ревизская разверстка практиковалась в Бахмутском в 70 процентах исследованных общин, а в Славяносербском — в 43 процентах; в обоих в немалом числе встречались разверстки по работникам и «по согласию»; наконец, переходные формы встречались в первом — лишь в незначительном количестве общин, а во втором в несколько большем.

К сожалению, наш материал, относящийся к последнему времени, ничего не говорит о переделах в Бахмутском уезде и весьма мало о Славяносербском, где теперь существуют параллельно ревизская и подушная (от 17 лет) разверстки. Но сведения несколько полнее о других уездах той же губернии. В Екатеринославском, Новомосковском и Павлоградском при ревизской разверстке остались лишь бывшие помещичьи крестьяне, а бывшие государственные уже перешли к наличной подушной — без различия возраста в последних двух уездах (в одной только волости — с 5 лет) и с 1,5,7,10,17 и 21-летнего возраста — в первом[1]. В Павлоградском уезде, кроме того, встречаются уже случаи, когда при разверстке принимается во внимание и весь состав семьи, а в Новомосковском не допускается отвод одной семье больше 4 наделов, как то уже встретили мы в Бердянском уезде.

Таким образом, данные по этим трем Новороссийским губерниям дают основание заключить, что развитие систем переверсток земли в смысле большей уравнительности представляет там характерный факт последних лет.

О Саратовской губернии находим в «Итогах» следующие данные земской статистики. В Саратовском уезде сохранили в то время ревизскую разверстку 29,3 процента всего числа общин, а 70,7 процента делили землю по живым ревизским

[1] При этом делается оговорка, что устранение младших возрастов от участия в разверстке обусловливается недостатком земли.

душам с присоединением неревизских, с 16 — 18-летнего возраста, просто по живым ревизским, по работникам, по работникам с подростками, по достатку семьи и, наконец, по наличным душам. Словом, имелась целая лестница систем, служащих переходом от ревизской к наличной разверстке. Рабочая сила, как единица переверстки, выдвигалась в общинах, в которых надел не окупал платежей, на нем лежавших. В Хвалынском уезде более 60 процентов общин (61,3 процента), придерживались еще ревизской системы, 27,2 процента — по работникам, и только 11,5 процента — подушной наличной. В Царицынском уезде о переделе по наличным душам тогда не было «еще и разговору». Преобладала разверстка ревизская, по живым ревизским с неревизскими от 16 — 18 лет и по работникам. Таковы сведения подворных переписей. В последние годы общая картина переделов сильно изменилась и там в том же направлении, как и в Новороссии. Ревизская разверстка сохранилась преимущественно только в малоземельных общинах (чаще всего у бывших помещичьих крестьян) — в уездах Вольском, Сердобском, Балашевском и Хвалынском. В Саратовском и Вольском встречается несколько переходных систем (свалкой «пустовых» и умерших ревизских душ и навалкой на наличных). Практикуется иногда и разверстка по работникам там, где платежи высоки, хозяйство в упадке (как в татарских селениях) и где поэтому главный источник доходов составляют заработки (Хвалынский). Но «преобладающий» способ разверстки в губернии — по наличному мужскому населению. В Кузнецком и Петровском уездах в счет душ входят и вдовы-хозяйки. Чем меньше надел, тем старше возраст, дающий право на получение земельного пая (иногда с 5 л., иногда старше, иногда даже с 18 л.). Даже в тех уездах, где, как указано, ревизская система сохранилась еще более, чем в других (Балашевский, Вольский, Хвалынский), замечается «усиливающаяся склонность в последнее время» к подушной разверстке. В одном

Хвалынском уезде к ней перешли с 1887 по 1892 г. от ревизской системы 19 общин.

В Самарской губернии более ранние земско-статистические исследования (1882 — 1884 гг.) уездов Самарского, Ставропольского и Бузулукского показали там совершенное отсутствие других систем разверстки, кроме ревизской и тягольной; исследования 1885 — 1888 гг. дали в результате уже некоторое количество наличных разверсток: в 10,4 процента общин Николаевского уезда, в 20,1 процента Бугульминского и 23,5 процента Бугурусланского; наконец, последняя по времени опись Новоузенского уезда (1888—1889 гг.) зарегистрировала уже 58,4 процента общин с ревизской разверсткой. В последние годы — «в Самарском и Ставропольском уездах преобладает ревизская разверстка земли» (стало быть, наличная уже есть, но не преобладает); в остальных уездах подушная разверстка развита не менее ревизской (по количеству мужчин всякого возраста или начиная с 10, 12, 15 лет и т.д.), а всего более распространена в Новоузенском (сведения по этой губернии хотя и весьма кратки, но довольно ясно характеризуют интересующее нас явление).

В Казанской губернии разверстка по ревизским душам в последние годы преобладала только в северных нечерноземных уездах. В уездах черноземных (Ядринском, Цивильском и Свияжском) землю теперь делят только по наличному населению. В остальных уездах обе системы практикуются рядом: в Казанском и Тетюшском ревизская у бывших помещичьих, а подушная наличная — у бывших государственных и бывших удельных: в Лаишевском: при земско-статистическом исследовании в начале 90-х годов

Ревизская: 206 общ. 193 общ.

Подушная: 116 общ. 156 общ.

По работникам: 27 общ. 1 вол.

Т. е. наличная подушная разверстка распространилась за счет двух других. Следовательно, и в этой губернии ревиз-

ская система отступает перед наличной. Больше того, там уже имеются симптомы перехода к переделам «по едокам», состоящие и в привлечении женского пола к пользованию общинной землей. В Козьмодемьянском уезде при подушной разверстке не исключают и вдов; в Лаишевском — в некоторых селениях дают землю и на девочек (до 1/2 надела); в Ядринском — если в исправном хозяйстве за смертью мужчин остались одни женщины, то на каждую дается или целый душевой надел, или 1/2, или 1/3 надела.

Из уездов Нижегородской губернии в «Итогах» находим данные о трех. В Макарьевском наличная разверстка обнаружена была всего в 7,6 процента общин (преобладала тягольная), в Княгининском — в 8,0 процента; столь же мало, по-видимому, была распространена эта система и в Васильевском. В последнее время преобладающая разверстка в губернии — по наличным душам м. п.; минимальный возраст наделяемых при этом увеличивается с уменьшением размеров надела. «Менее распространены разверстки по ревизским душам, по живым ревизским, по имущественной состоятельности семей». В вышеупомянутом Макарьевском уезде чистая ревизская разверстка уже совсем «не допускается»: встречается лишь по живым ревизским душам (что обыкновенно соединяется с привлечением к земле и неревизских). В Васильевском уезде ревизская разверстка теперь практикуется только в 20 общинах, тягольная (по работникам и полуработникам (12 — 18 л. и больше 60 л.) с меньшим наделением землей) — только в 30, а наличная — в 140 (с 2 — 12 лет; подростку 1/2 надела). Наконец, там практикуются уже и переделы по едокам. В Васильевском уезде эта система принята в 35 общинах; в Лукояновском — каждая брачная пара получает один надел, из остальных членов семьи — каждый мужчина (без различия возраста) получает целый надел, а женщина — 1/4 надела (во избежание дробления полос дается только 1/2 двум-трем женщинам, целый надел — четырем-пяти и т.д.).

Таким образом, и в среднем Поволжье, подобно Новороссии, системы разверсток претерпевают в последние годы резкие изменения в сторону более уравнительного распределения общинных земель.

Далее, в двух уездах Воронежской губ., по данным земской статистики, в середине 80-х годов системы разверстки распределялись следующим образом:

Ревизская:

Воронежский **у б. помещ.** 167 **общ. у б. госуд.** 42 **общ.**

Наличная:

у б. помещ. 2 общ. **у б. госуд.** 57 общ.

Ревизская:

Острогожский **у б. помещ.** 105 **общ. у б. госуд.** 57 **общ.**

Наличная:

у б. помещ. 8 общ.**. у б. госуд.** 57 **общ.**

Всего **Ревизская:** 371 общ.=75%
Наличная: 124 общ.=25%

Т. е. ревизская разверстка распространена была в 3/4 случаев, причем ее придерживались не только почти все б. помещичьи крестьяне, но и больше половины общин б. государственных. В сущности распространение подушной наличной разверстки было тогда еще меньше показанного, так как в приведенные цифры включены и те общины с малодоходными наделами, которые возвышали минимальный возраст наделяемых землей до рабочего возраста и тем обращали наличную разверстку в тягловую, принимавшую иногда форму разверстки «по согласию». В последние годы дело улучшения систем переделов подвинулось и здесь, наподобие предшествующих губерний. У б. помещичьих сохранилась ревизская разверстка «преимущественно», а не почти исключительно, как это мы видели выше; «во многих общинах» того же разряда крестьян в уездах Бирюченском,

Павловском и Воронежском «замечается стремление перейти к разверстке по наличному мужскому составу дворов», хотя оно и встречает противодействие со стороны малосемейных, но многодушных (по числу ревизских душ) домохозяев. «Иногда препятствием является малоземелье», боязнь чрезмерного дробления полос (Павловский). Следует добавить, что при ревизской разверстке чистая ее форма (по всем ревизским душам) (некоторые общины Бирюченского уезда) дает место переходной форме (по живым ревизским душам) (Бирюченский, Воронежский). Но в селениях б. государственных крестьян вполне господствует наличная подушная разверстка (Воронежский, Павловский, Бирюченский, Бобровский), причем минимальный возраст колеблется так же, как и указано выше. Наконец, проявляются уже и разверстки «по едокам» (Бирюченский, Павловский).

Во всей Курской губ. при земско-статистическом обследовании найдено было всего 40 общин, практиковавших наличную разверстку. Ревизская господствовала во всех уездах почти исключительно, заменяясь в иных случаях лишь тягловою. В новейшее время эта система удержалась только среди бывших помещичьих крестьян Льговского, Грайворонского, Дмитриевского и Тимского уездов, уступив место наличной. Даже и в этих уездах относительно названного разряда крестьян замечается, что они «стали переходить к разверстке земли по числу мужчин во дворе».

В Орловской губ. по аналогичным данным земской статистики разверстка «по едокам» почти не практиковалась, а наличная составляла менее 45 случаев. В последние годы в этой губернии в противность всему тому, что нам известно до сих пор, это положение изменилось, по-видимому, весьма мало, даже почти совсем не изменилось. Наличная разверстка господствует лишь в Севском уезде и среди бывших государственных крестьян Карачаевского. На всем остальном пространстве губернии продолжает господствовать ревизс-

кая система. В Малоархангельском уезде отмечено возникшее в последние годы стремление к переделам по наличным душам, встречающее усиленное сопротивление тех домохозяев, кому выгодна существующая ревизская разверстка.

В Рязанской губ. при подворной переписи ревизская разверстка решительно преобладала, допуская наличную лишь в виде исключения. В Данковском уезде последней придерживались лишь около 30 общин из почти 300, в Ранненбургском — около 12 из почти 275, в Егорьевском — 33 из 606; она была несколько более распространена лишь в Михайловском уезде — 158 из 384 (41 процент). В настоящее время, хотя ревизская система еще и преобладает, но «много разверсток имеется и по наличным душам мужского пола: к этому порядку обыкновенно переходят особенно при переделах последних лет». В уездах Рязанском, Касимовском, отчасти Егорьевском и Касимовском встречается тягольная разверстка (где население живет сторонними заработками более, чем земледелием, и где платежи превышают доходность наделов), переходящая (в северной части Рязанского уезда) в разверстку «по согласию», «по милу». В Касимовском уезде при этих системах не отказывают в наделе и крестьянам свыше 60 лет, если у них нет родственников, которые обеспечивали бы их пропитание. Наконец, где платежи невысоки, при наличной разверстке прибавляют земли на женщин или просто переходят к переделам «по едокам» (Рязанский).

В Тамбовской губернии в годы земско-статистических исследований наличная разверстка у бывших помещичьих крестьян (за исключением единичных случаев) совсем не практиковалась; эта система была более известна бывшим государственным, у которых в 6 уездах[1] в период с 1880 до 1884 г. по этой системе были переделены земли в 225 общинах из 548 (41 процент). В последние годы наличная раз-

[1] Козловский, Кирсановский, Усманский, Тамбовский, Липецкий. Лебедянский.

верстка, по-видимому, приобрела там господство. Ни о какой другой системе не упоминается для уездов Кирсановского, Моршанского, Темниковского и Спасского; в Тамбовском, Козловском, Лебедянском, Елатомском и Борисоглебском рядом с ревизской приобрела большое развитие и наличная.

В Московской губ. в конце 70-х годов тягольная разверстка охватывала почти 75 процентов общин, 3/4 их по работникам, «побратно», а 1/4 по дробной системе — с полурабочими), смешанная — 21 процент общин (бывшие государственные и бывшие удельные) и только около 4 процентов общин полных собственников, быших государственных и удельных, практиковали подушную разверстку. Подобно Орловской губ., здесь мало изменилось это распределение систем. Тягольная разверстка продолжает господствовать. В общинах, где земля «оправдывает платежи», наделы остаются в пользовании и стариков старше 60 — 65 лет, и семейств, в которых число работников уменьшилось; там же, где она их «не оправдывает», каждое изменение числа лиц рабочего возраста вызывает свалку и навалку душ, причем принудительным образом наделяются в большей мере более состоятельные дворы (Звенигородский, Броницкий, Дмитровский, отчасти Рузский: в захудалых деревнях). В более земледельческих уездах встречаются иные системы: в Подольском, Серпуховском и Рузском ревизская разверстка и только в одном Волоколамском господствует наличная (с 5-летнего возраста).

Во всех приведенных губерниях Новороссии, Приволжья, средней черноземной полосы и московской промышленной замечается в последние годы одна общая тенденция: системы переделов, по-видимому, изменяются по направлению от ревизской к более уравнительным — наличной и «по едокам». Весьма прочно, по-видимому, держится тягольная разверстка, зависящая от плохого соотношения между доходностью наделов и платежами, но и она теперь уже, по-видимому, нередко нарушает свой принудительный принцип и переходит

в разверстку «по милу», «по согласию». Сказанная тенденция проявляется, как кажется, сравнительно слабо в малоземельном центре и гораздо сильнее — на юге и востоке.

Для остальных губерний мы не можем, по свойству материала, сделать тех сравнений, которые произведены выше. Но мы знаем, что история переделов после крестьянской реформы везде начинается с ревизской и тягольной систем. Поэтому, изучая распространенность улучшенных разверсток в настоящее время, мы и без таких сопоставлений легко можем понять, насколько уравнительность переделов сделала успехи в разных местностях Европейской России.

Начиная опять с юга, и в частности с малороссийских губерний, встречаем и там знакомую уже нам тенденцию.

В Черниговской губ. общинное землевладение имеется у бывших государственных крестьян и у большей части бывших помещичьих. Переделов у них «до последних годов вовсе не было, когда среди бывших государственных возникло стремление к новой разверстке земли». Сравнительно мало таких случаев было в Козелецком и в Черниговском уездах, а особенно много — в Остерском, Суражском, Новгородсеверском и Стародубском. Общепринятой системой при этом является разверстка по наличным душам мужского пола (редко — по рабочему составу и по зажиточности). Иногда при этом уменьшаются размеры участков малолетних. У бывших владельческих крестьян переделы реже и системы их носят еще переходный характер (по живым ревизским душам). Наконец, в уездах Новгородсеверском, Суражском и Стародубском встречается уже разверстка «по едокам» — по всему населению, и не только среди бывших государственных, но и среди бывших помещичьих (у этих лица женского пола получают иногда добавочные участки из запасных наделов).

В Полтавской губ. в тех общинах бывших государственных крестьян, в которых уже произведены были переделы, «чаще всего наблюдается переход от ревизской системы

к разверстке по числу всех наличных мужчин (Кобелякский, Прилукский, Кременчугский)». Ревизская удержалась только в мелких и малоземельных общинах Кобелякского уезда; в Лубенском встречается переходная форма — по живым ревизским душам. Ко всему этому должны быть отмечены два очень характерных факта. Первый заключается в том, что в некоторых селениях Кобелякского уезда при переделах не давали на одно домохозяйство более 4 наделов во избежание концентрации наделов, а второй — в том, что в Прилукском уезде в 1886 г. был случай перехода от подворного владения к общинному: крестьяне одной деревни поделили свою частную (подворную) полевую и лесную землю по наличным душам мужского пола.

В Харьковской губ. ревизская разверстка систематически вытесняется наличной. По наличному мужскому населению не делят земли только в Купянском уезде (ревизская) и в Изюмском (по рабочим); В Харьковском, Волчанском и Сумском эта система уже начала заменять собой ревизскую: в Ахтырском и Валковском она практикуется у бывших государственных крестьян, а ревизская у бывших помещичьих[1], которые, однако, в первом из этих уездов стали переходить в последние годы также к наличной разверстке. Наконец, этот порядок практикуется исключительно в Старобельском уезде. Как в этих, так и в названных выше уездах, при такой системе землей наделяются мужчины или всех возрастов, или с 5, 10, даже иногда 15 лет.

В Бессарабской губ. общинное землевладение существует только в двух уездах — Аккерманском и Хотинском. В первом ревизская разверстка удержалась лишь в немногих местах; в большинстве селений землю делят или по работникам, или по наличному мужскому населению. Во втором —

[1] В Валковском земельное владение 90 селений с ревизской разверсткой в 4 раза меньше площади владения 31 селения с разверсткой наличной. Из тех 90 общин в 47 земля распределяется по живым ревизским душам.

еще в первой половине 70-х годов произведены были переделы на все население (без различия пола и возраста) причем «давним» владельцам и имеющим больше скота увеличивали участки по сравнению с остальными.

В Донской области преобладающая система разверстки — ревизская; рядом практикуется — по работникам (Ростовский, Усть-Медведицкий, иногда Таганрогский). В последнем из этих округов от домохозяев неисправных или старше рабочего возраста отбирается часть надела и передается не упомянутым в уставной грамоте. Иногда вдовы получают половинные наделы (Донецкий). Нетрудно заметить, что Донская область принадлежит к числу наиболее отсталых губерний в разверстке общинных земель.

Переходя далее на восток, в Астраханской губ. находим полное господство наличной системы. Ревизская сохранилась только в одной волости Черноярского уезда, в одной — Енотаевского и в 10 общинах Царевского. В Астраханском уезде принята разверстка по рабочим, встречающаяся местами в Еиотаевском и Черноярском. Везде в остальных общинах практикуется только наличная — по мужчинам всех возрастов или с 5, 10, 13 лет.

Из уездов Оренбургской губ. в Верхнеуральском и Троицком земля, поделенная весьма давно по имущественной состоятельности (по скоту), лишь в редких местах подвергалась последующим переверсткам. «Происходящая отсюда неравномерность участков не вызывает жалоб благодаря невысокой арендной плате — от 20 к. до 2 р. за десятину — у соседних казаков и башкир». Переделов там не бывает, очевидно, потому, что земельный простор обусловливает пока отсутствие в них надобности. Но и здесь иногда составляется приговор об отдаче более бедному домохозяину части пашни более богатого; а иногда производят передел (ревизская система уступила место рабочей, в одном случае — по скоту). В остальных уездах перверстки повторяются более или ме-

нее периодически. В Орском у башкир преобладающей системой является ревизская (с добровольной или принудительной свалкой и навалкой душ), а у бывших государственных крестьян и иногда башкир по рабочим (18 — 55 лет). Гораздо больше, чем в этом уезде, уравнительности в остальных двух; в Оренбургском господствует та же разверстка по рабочим, но с той крупной особенностью, что наделами там пользуются женщины, если пожелают; а в Челябинском делят землю по наличному составу мужчин без различия возраста.

В Уфимской губ. ревизская разверстка сохранилась, по-видимому, только у татар и башкир; русское же население практикует наличную подушную.

В уездах Симбирском, Сызранском и Буинском[1] Симбирской губ. еще преобладает ревизская разверстка, хотя в селениях с сравнительно меньшими наделами Сызранского уезда земля по большей части переделяется по наличным душам. В других местностях (по трем уездам сведений нет) подушная система практикуется рядом с ревизской (Ардатовский) или господствует (Курмышский). По-видимому там еще весьма сильна оппозиция наличной разверстке со стороны малосемейных домохозяев, пользующихся большими наделами (Курмышский, вероятно, Сызранский). В некоторых частях Курмышского уезда, однако, уже встречается разверстка «по едокам».

В Пензенской губ. ревизская разверстка сохранилась только в Городищенском и Пензенском уездах, но и там она уже испытывает натиск наличной. Разверстка по рабочим (с 16 — 18 л.) встречается в Чембарском, Нижнеломовском, Саранском и Мокшанском, а наличная в Нижнеломовском, Чембарском и Наровчатском (в 3/4 сельских общин).

Вятская губ. практикует целую лестницу систем переде-

---

[1] В Буинском уезде ревизская разверстка удерживается, между прочим, «вследствие разноплеменности населения — частью татарского, частью чувашского: татары размножаются быстрее чуваш и для последних передел земли по наличному составу невыгоден».

лов. Южная часть губернии сохранила ревизскую разверстку, причем, однако, в расчет иногда включаются и женщины, стоящие во главе хозяйств (Нолинский, Яренский, Уржумский, Сарапульский, часть Малмыжского и северный уезд Орловский). Встречаются также и переходные формы — по наличным ревизским душам (Орловский, исчезают в Котельническом). Значительно распространена, далее, в малоземельных селениях рабочая система (Вятский, Сарапулький, Елабужский, Уржумский, отчасти Орловский). Изредка в бедных селениях последних двух из названных уездов наваливают на более состоятельного домохозяина (имеющего больше скота и построек) больше земли, от которой освобождают менее состоятельного. Наличная разверстка «часто встречается» в уездах Малмыжском (во всех 877 селениях, где были переделы), Елабужском, Котельническом и Орловском. Наконец, «за последнее время замечается движение в пользу разверстки земли «по едокам» (без различия пола и возраста)». К этому порядку перешли в Сарапульком уезде с разверстки «по работникам», в Яранском к переделам «по парням»(?) или «по едокам» начали переходить только с 1887 г.: раньше не производили «в ожидании ревизии и новых нарезок земли». Таким переделам сопротивляются крестьяне, имеющие много ревизских душ в семье и состоятельные. В Вятском уезде при разверстке по рабочим «нередко допускаются отступления в пользу начала распределения «по едокам»: малорабочему, но многосемейному двору прибавляется против нормы 1/4, 1/2 надела и более». Очевидно, эта губерния представляет на сравнительно небольшом пространстве все главнейшие движения, которыми характеризуется наша земельная община в настоящее время, и потому заслуживала бы с этой точки зрения тщательного изучения.

В Вологодской губернии разверстки по ревизским душам, по наличным ревизским, по работникам и даже по наличным душам мужского пола встречаются весьма редко — в единич-

ных волостях и селениях разных уездов. Преобладающей же системой является — «по едокам», без различия пола и возраста, иногда с 5 или с 2 лет. В Яренском и Устъ-Сысольском уездах она существует издавна, в остальных (кроме Вольского и Тотемского) она «устанавливалась постепенно, заменяя собой прежний ревизский счет», там, где крестьяне «дорожат наделами», где под руками мало оброчной (казенной и удельной) земли и малоземельные «начали одолевать на сходах». Характерно, что в уездах Устюжском и Сольвычегодском вдовам дают только 1/2 и 1/4 пая и сокращают надел неисправных дворов, в которых большинство едоков — мужчины. Наконец, распространен и при ревизской разверстке обычай отбирать у малосемейного часть пая (1/8— 1/4) и передавать многосемейному.

В Архангельской губ. ревизская разверстка встречается кое-где лишь в Печорском и Шенкурском уездах; господствующей же системой «почти везде» служит наличная без различия возраста. В Архангельском уезде при этом иногда принимают во внимание имущественную состоятельность, но не занимающимся земледелием земли не дают[1]. В Шенкурском уезде при новейших переделах появилась и разверстка «по едокам».

В Олонецкой губернии ревизская разверстка удержалась значительно больше, чем в предшествующих. Но и там она уступает место более уравнительным системам. От ревизского счета к наличному переходят в уездах Вытегорском и Пудожском и уже перешли в Петрозаводском и Каргопольском. В Петрозаводском участие отдельных селений в пользовании землями общего надела определяется также числом мужского населения «с равнением потребностей селений» (лесом же пользуются только по потребности). В том же уезде, в Повенецком и в виде исключения — в других имеется

[1] У поморов Кемского уезда, не занимающихся хлебопашеством, сенокосами наделяются мужчины с 10 — 18 лет.

разверстка по количеству высеваемого хлеба и убираемого сена (в основание разверстки принимается пространство, засеваемое 1 четвериком ржи = воз сена в 20 пудов). Наконец, в Каргопольском уезде встречаются и переделы «по едокам» («причем принимаются во внимание и силы двора»).

В Костромской губ. о ревизской разверстке не упоминается уже совсем. Она, по-видимому, уже исчезла и заменена почти везде рабочей или наличной, а в некоторых местах разверсткой «по едокам». Первая преобладает в восточных уездах — Кологривском, Ветлужском, Варнавинском, Макарьевском, а также в Юрьевецком и Кинешмском[1]; вторая — в Галичском и Чухломском; обе вместе — в Нерехтском, Костромском и Буйском. Характерно размещаются эти системы в последнем уезде: рабочая встречается в тех волостях, где земледелие не может служить единственным источником дохода крестьян и где распространены некоторые промыслы (шапочный, плотничный и проч.), а наличная (или всех возрастов, или с 3 лет) — в исключительно земледельческих. Наконец, в том же Буйском, Варнавинском и Ветлужском землю делят и по всему составу двора и вдовам наравне с домохозяевами мужчинами, если они того пожелают[2].

В Ярославской губ. ревизский счет сохранился местами только в Ярославском, Угличском, Ростовском и Даниловском уездах, но и здесь — «путем скидок-накидок душевых наделов (или частей их — 1/2, 1/4 души) землевладение приспособляется к наличному мужскому составу семей». В Пошехонском, Мышкинском, Любимском, Мологском, Рыбинском и Ростовском (от 16 — 18 л. до дряхлости) («где мало земли для быстро увеличивающегося населения») имеется разверстка по рабо-

[1] В этом уезде — с 18 лет полтягла, а целое — лишь с 21 — 22 (после явки к отбыванию воинской повинности).

[2] Вдовам обыкновенно или сохраняют надел мужей, но новых не дают (Галичский), иди дают землю в том размере, который она в силах обработать (Костромской), или — преимущественно тем, у которых есть дети (Костромской, Юрьевецкий).

чим (вдовы домохозяйки приравниваются к мужчинам, если нет в семье рабочих мужчин). В Романово-Борисоглебском землю делят исключительно по наличным душам мужского пола (малолетним меньше, подросткам больше, взрослым еще больше), а в Ярославском и Даниловском встречается разверстка «по едокам». Иногда принимают в соображение имущественную состоятельность двора (Пошехонский), выражающуюся в числе скота (Мологский) или доходности кустарных и отхожих промыслов (Ярославский, Угличский).

Ревизская разверстка во Владимирской губ. встречается уже весьма редко (в Александровском, Покровском, Ковровском, Владимирском, Меленковском). В зависимости от хозяйственного значения наделов и в связи с развитием у населения посторонних заработков практикуется то рабочая, то наличная система. Чем хуже почва и чем больше перемещается центр тяжести хозяйства на заработки, тем более распространена первая и тем более расширяется понятие о рабочем возрасте (от 15 — 18 лет до 55 — 60) (Судогодский, Гороховецкий, Вязниковский, Покровский, Ковровский; в уездах с лучшей почвой преобладает вторая (Юрьевский, Суздальский, Муромский, Александровский). Среди всех уездов первой группы встречается также нередко и наделение землей всех, «охотно дают ее вдовам и старикам, лишь бы разобрали всю» (что весьма напоминает разверстку «по милу», «по согласию», в которую часто переходит рабочая): в Ковровском «даже наваливают на сильные дворы» (вероятно, принудительно). Во второй группе рабочая разверстка иногда встречается в селениях с хорошими посторонними заработками (Муромский), или у бывших помещичьих крестьян, или в селениях с землей похуже (Александровский, при этом, однако, здесь принимаются во внимание, с одной стороны — женская рабочая сила, количество скота и вообще состоятельность, а с другой — число едоков). Наконец, в уездах Юрьевском, Суздальском («лучших по почве») и Меленковском прак-

тикуется уже и разверстка по всему наличному населению без различия возраста и пола (по едокам).

В Тульской губернии ревизская разверстка удержалась лишь «местами», где не было переделов с начала 60-х годов. Повсеместно по всей губернии распространена наличная разверстка по мужским душам всех возрастов (чаще) или с 1 — 5 лет (реже). В Тульском уезде установилась разверстка «по едокам» (в 12 волостях из 17), встречающаяся также в уездах Богородицком и Крапивенском.

В Калужской губ. встречается разверстка ревизская (особенно в Мещовском и Перемышльском), по работникам 18 — 60 лет (Боровский, Жиздринский, отчасти Калужский, Тарусский), особенно развита система — по наличным душам, преимущественное распространение имеет разверстка «по едокам» (Малоярославский, Козельский, Лихвинский). Здесь вообще замечается усиленное тяготение крестьян к земле, о чем несколько подробнее сказано будет ниже.

В восточной и южной частях Смоленской губернии сохранились еще «прежние порядки разверстки»; ревизская (Рославльский, Ельнинский) и рабочая (Гжатский), или рядом обе (Юхновский, Вяземский). В остальных семи уездах (о Дорогобужском сведений нет) эти системы встречаются лишь в виде исключения. В Смоленском уезде рядом с рабочей практикуется и наличная разверстка; даже иногда с наделением землею вдов и малолеток; в Краснинском уже перешли к наличной с нарезкой земли на женщин, если их много во дворе; наконец, в Вольском, Поречском, Духовщинском и Сычевском («крестьяне стали дорожить больше наделами») практикуется, по-видимому, исключительно разверстка «по едокам» (без различия пола и возраста или с 3 — 5 лет).

В Тверской губернии в местностях, где переделы еще встречают сильное сопротивление со стороны более состоятельных крестьян, продолжает еще держаться ревизская разверстка, хотя свалки и навалки душ и здесь стремятся при-

вести землепользование в большее соответствие с наличным и рабочим составом семейств и отчасти — с их имущественной состоятельностью (Тверской, Новоторжский, Ржевский, Весьегонский, Старицкий, Зубцовский и отчасти Кашинский). Эта система уступает место другим везде, где переделы уже состоялись. Рабочая (от 18 — 21 г. до 60 лет) имеется в Старицком, Зубцовском, Тверском (в селениях с плохим наделом), Вышневолоцком («вследствие малопроизводительности почвы»), Осташковском, Корчевском, Калязинском и отчасти в Кашинском. При этом в местностях с особенно плохой почвой принимается во внимание «сила» отдельного двора. Далее, наличная разверстка встречается уже во всех уездах, причем наделы малолетков и подростков бывают иногда меньше наделов взрослых. Наконец, в Тверском уезде в селениях с наделами «высокого качества» и в 70 общинах Кашинского уезда появилась уже разверстка «по едокам», а в Бежецком «она стала теперь обычною».

В восточных уездах Новгородской губ., где полевое хозяйство развито слабо, господствует или ревизский счет (Белозерский, Тихвинский у бывших помещичьих), или по рабочим (Устюжнский, Тихвинский у бывших государственных); при этом иногда соображаются с «моготой» дворов; в Новгородском и Боровичском распространяется уже переходная форма — по живым ревизским душам. Там, где земледелие играет большую роль — улучшенные формы разверстки уже утвердились: наличная — в Старорусском, Крестецком и Череповецком (без различия возраста или с 5 — 10 лет), или «по едокам»— в Боровичском, Новгородском, Старорусском, Череповецком, Демянском. При той и другой системе принимается иногда во внимание имущественная состоятельность двора (Старорусский, Череповецкий).

В С.-Петербургской губернии ревизская разверстка сохранилась только в Петергофском уезде и в некоторых селениях Царскосельского и Гдовского. Наибольшим же распростра-

нением, по-видимому, пользуется система по работникам (Ямбургский, Шлиссельбургский, частью Гдовский и Царскосельский). Но в последнее время в Гдовском же уезде стала распространяться система наличная и (реже) по «едокам».

В Псковской губернии ревизский счет еще преобладает. Но более уравнительные системы получили и там в последние годы заметное распространение: не только наличная (Новоржевский, Псковский, Опочецкий, Великолукский), но даже и — «по едокам» всех возвратов или с 3 — 10 лет, или с нарезкой половинного надела до 12 — 15 лет (Псковский, Опочецкий, Великолукский).

В Витебской губернии общинное землевладение преобладает среди бывших помещичьих крестьян, в ее северо-восточной части — в уездах, смежных с Псковской и Смоленской губерниями (Себежском, Невельском, Городокском и Велижском), но встречаются и в других местах. В Себежском уезде практикуются системы разверстки: и ревизская, и по живым ревизским душам, и по рабочим, и по имущественной состоятельности («зажиточные получают меньше земли»). В остальных, по-видимому, безусловно господствует или наличная разверстка земли, (Невельский, Городокский, 2 волости Двинского), или «по едокам» (Велижский).

Наконец, в Могилевской губернии общинная земля, отведенная бывшим помещичьим по ревизскому счету, а бывшим государственным по наличному (мужчин м. п.) 1873 года (люстрационными комиссиями), не переделялась в большей части губернии. Но в Могилевском, Быховском и Чаусском уездах перешли к разверстке по работникам.

Приведенный материал, очевидно, весьма несовершенен. Это не результат научного массового изучения вопроса. Но его однородность позволяет думать, что в Европейской России, по-видимому, везде наблюдается в данном случае одно и то же движение, укладывающееся в очень небольшую формулу.

В начале 60-х годов крестьяне разных разрядов были наделены землей по числу душ мужского пола, зарегистрированных в X ревизию. Число это еще весьма близко совпадало в то время с числом наличных душ того же пола, и потому крупных неудобств от такого деления вначале не возникало. По мере того, как личный состав каждой общины изменялся в силу рождаемости, смертности, вселении и выселении, неравномерность замлепользования отдельных домохозяев выступала все более и более рельефно. Если бы к тому времени успело бы уже заглохнуть в массе сознание тех хозяйственных выгод, которые соединяются с общинным землевладением для огромного большинства домохозяев, новых переделов не возникало бы. Но произошло иное. Когда указанная неравномерность землепользования стала сказываться острее, масса домохозяев не пожелала примириться с этим явлением. Возник вопрос о переделе, а вместе с тем возникли и те препятствия к осуществлению желания массы, о которых говорено выше. Началась упорная борьба за переделы между общинниками, в которой обе стороны боролись за те свои личные выгоды. Это явление, конечно, не могло окончиться быстро. И упорство обеих сторон, затронутых в своих насущнейших интересах, и различия хозяйственные, племенные и иные, разделяющие русское крестьянство, и громадность территории, на которой эта борьба происходит, — все это обусловило продолжительность переходного периода. Мы едва ли ошибемся, если скажем, что для всей общинной России он длится уже 20 лет, и еще далеко не завершен, как показывают приведенные данные. Еще в каждой губернии имеется немало общин с первобытной ревизской разверсткой. Наиболее отсталыми в этом случае местностями, как мы могли заметить, являются, по-видимому, губернии Орловская, Московская, Приозерская область, Донская область. Но опять-таки, едва ли мы ошибемся, если скажем, что большинство местностей общинной Европейской России теперь уже зна-

чительно меньше знакомо с такой системой, чем прежде. Общий характер картины уже, кажется, изменился, другие системы разверстки занимают место, оттеснив ревизскую. Другие, но не новые. В прежнее время крепостные переделяли отводимую им землю по рабочей силе (по «тяглам»), а более обеспеченные землей государственные крестьяне — от ревизии до ревизии, т.е. по новым наличным душам. Эти же системы и сменили собой теперь ревизскую. Там, где земли мало, или она плоха, или доходность ее не «оправдывает» лежащих на ней платежей — она переделяется по рабочей силе семейств (тягловая рабочая или дробная разверстки), но где больше, где она лучше и где она с избытком покрывает платежи — она переделяется по наличным душам мужского пола (потребительный признак ставится на место производительного). В новейшее время, по-видимому, получили распространение еще другие, родственные последним системы переделов, представляющие собой дальнейшее развитие того же принципа. Рабочая разверстка во многих местах заменяется разверсткой «по милу», «по согласию», а наличная — разверсткой «по едокам». Общины, несущие за пользование землей больше повинностей, чем получают от него выгоды, могут облегчить своих членов только одним путем: обратив принудительную разверстку своих тягостей в добровольную — это и есть система «по милу», больше ничего община сделать не в силах. Общины, получающие реальные выгоды с своих земель, могут уравнять их между своими членами лучше (чем при наличной разверстке), только приняв во внимание потребительные потребности не одного пола, а обоих; это и есть система «по едокам». Опуская разные промежуточные переходные формы разверсток и разные варианты приведенных основных типов их — сказанным исчерпывается схема той эволюции, которая, насколько можно судить на основании приведенного материала, совершалась в недавние годы в нашей земельной общине.

Чтобы отчетливо выяснить себе научным путем все причинности, закономерности в области общинной жизни, такого симптоматического изучения вопроса, конечно, мало. Необходимо для этого произвести строго статистическое обследование переделов за определенный период во всей общинной России или в значительной ее части и сопоставить полученный результат с колебаниями тех факторов, которые оказывают на общину то или другое влияние. (…) Мы довольно хорошо знаем, что происходит в общине, но весьма мало знаем, почему это происходит.

Приведенные сведения лишены цифрового характера и потому теперь для такой обработки не годятся. Но на основании их можно попытаться сделать два указания на причины, которыми обусловливаются те или другие колебания системы переделов.

Первое из них заключается в том, что размеры землевладения крестьян играют выдающуюся роль в вопросе об изменении систем разверсток. Чем меньше надельная площадь селения, тем дольше задерживается в нем деление земли по ревизским душам. Малоземелье не служит, конечно, единственным фактором этого явления, но едва ли можно сомневаться в том, что оно представляет собой одну из сильных причин его, влияющих в сказанном смысле. В доказательство этого положения мы не будем делать подробные поуездные сопоставления между размерами наделов и системами разверсток. По свойству материала они являются и невозможными. Но приведенный материал и без того дает достаточно указаний в этом направлении.

Прежде всего, можно заметить, что бывшие помещичьи крестьяне чаще остаются еще до сих пор при ревизской разверстке, чем больше наделенные землей бывшие государственные.

Рядом с этим мы имеем отдельные указания на то, что именно малоземельные общины не изменяют прежней

системы переделов. Это упомянуто, напр., о Кобелякском уезде Полтавской губ. Для Валковского уезда Харьковской губернии было уже выше отмечено, что там «земельное владение 90 селений с ревизской разверсткой в четыре раза меньше площади владений 31 селения с разверсткой наличной». Аналогичную роль играет пригодность надельной земли для хлебопашества. Уменьшение значительных размеров ее удобной производительной площади имеет, по-видимому, тот же результат, как и сокращение площади наделов вообще, т.е. задерживает переход к более уравнительным системам переделов.

Так, в Таганрогском и 2-м Донском округах Донской области, одной из наиболее отсталых в этом отношении местностей России, встречается много весьма плохих надельных земель, солонцеватых, глинистых, неудобных к обработке, на которых лишь в виде исключения попадается тонкий слой чернозема.

В Казанской губернии уезды с ревизской разверсткой — Козьмодемьянский, Царевококшайский и Чебоксарский — характеризуются относительно меньшим количеством пахоты на крестьянских наделах (58,6 процента, 62,6 процента и 70,1 процента удобной пахотной земли; в остальных уездах от 70,6 до 83,0 процента) и большим — лесной площади (15,9 процента, 20,1 процента и 13,9 процента; в остальных — от 5,0 до 12,9 процента).

Второе указание, которое можно почерпнуть из нашего материала, состоит в том, что уменьшение размеров платежей, лежащих на крестьянской земле, способствует скорейшему переходу общин к более уравнительным системам переделов. В том крупном и повсеместном процессе ломки ревизской разверстки и замены ее разверстками по наличным душам и «по едокам», который мы проследили по всей Европейской России, сыграли существенную роль две финансовые меры первой половины 80-х годов: уничтожение

подушной подати и уменьшение выкупных платежей. Прямых указаний на этот счет имеется много[1].

Можно думать, что если о названном факторе не упомянуто по остальным губерниям, то из этого еще не следует, что чтобы там он не играл той же роли. Особенно характерен следующий отзыв из Калужской губ. Выше уже было упомянуто, что тяготение крестьян к земле там в последние годы возрастало. Так, «в Мещовском и Перемышльском уездах, где ранее крестьяне бросали наделы и уходили на сторону, преобладала разверстка земли по рабочей силе; в настоящее время крестьяне возвращаются на землю и требуют ее себе». В иных случаях это влечет за собой даже возврат к ревизской разверстке[2]. «Как ранее допускались отступления. в разверстке земли — накладывали на более состоятельных домохозяев и давали льготу многосемейному, но захудалому двору, — так и теперь, при равных правах на землю, отдается предпочтение беднейшему, лишь бы платил повинности без недоимок». В Жиздринском уезде прежде делили землю по ревизскому счету, «но так как на душевой надел причиталось тогда 12 — 15 р. и более налогов,— что при слабой производительности почвы в уезде и необходимости сильного ее удобрения было непосильно для домохозяйства с большим числом ревизских душ, то крестьяне снимали землю с маломощных дворов и накидывали ее с причитающимися сборами на домохозяйства более сильные. Со времени понижения выкупных платежей и с отменой подушной подати среди сельских обществ началось движение в пользу разверстки общинной земли по рабочему или же по наличному составу дворов. Такой способ разверстки в настоящее время и пре-

[1] Из губерний: Петербургской, Новгородской, Вятской, Астраханской Таврической, Бессарабской, Черниговской, Нижегородской, Владимирской, Тверской, Калужской, Смоленской.

[2] Кроме упомянутых двух уездов Калужской губернии, такие случаи встретились теперь только в уездах Масальском той же губернии, в Днепровском Таврической и в Волховском Орловской.

обладает. Движение это продолжается до сих пор и вызвало во многих сельских обществах коренные переделы» и т.д. Такой отзыв является типичным и повторяется с большими или меньшими вариантами из многих мест.

Если оба эти наблюдения справедливы, то получается такое положение. Общинные формы землевладения тем прочнее и совершеннее, чем больше размеры крестьянских земель. Когда делить нечего или почти нечего, интерес общинников к переделу, понятно, сводится к нулю. Такое же положение получается и в том случае, когда площадь наделов хотя относительно и не мала, но неудобна для обработки. Внимание населения при таких условиях направляется главным образом на развитие местных или отхожих заработков, на арендование вне-надельных земель, но не на формы своего собственного землепользования. Наоборот, чем шире размеры наделов, тем больше податные обязательства общинников, с одной стороны, и тем больший валовой доход их хозяйствования на собственной земле с другой. И в том случае, когда сказанные обязательства превышают эту доходность, и в том, когда соотношение этих факторов имеет обратный характер — общинники являются заинтересованными в возможно равном их распределении. Строгое применение такого равенства важно для существеннейших их материальных интересов, как в том случае, когда уравниваются их хозяйственные минусы, так и в том, когда уравниваются плюсы. Это во-первых. Во-вторых, общинные формы землевладения тем прочнее и совершеннее, чем ниже лежащие на общинной земле платежи. Если доходность хозяйства на общинных наделах относительно и не мала, но если вся она или почти вся поглощается повинностями, землевладение приобретает характер обязанности и теряет положительное значение в глазах общинника. Интерес последнего к земле возрастает в прямом отношении к увеличению той части дохода его хозяйства, которая остается в его распоряжении по пога-

шении обязательных платежей, а при этом растет, понятно, и стремление сохранить в возможной неприкосновенности те формы разверстки, которые гарантируют более равномерное распределение ожидаемых от хозяйства выгод. Следовательно, в смысле улучшения систем переделов важное значение должно оказывать сокращение всякого рода лежащих на земле повинностей, так как оно может создавать эти выгоды там, где их до тех пор не было (где платежи превышали до тех пор доходность) и увеличивает их там, где платежи были ниже доходности хозяйства.

В этом именно направлении и слагалось влияние отмены подушной подати и понижения выкупных платежей. Нетрудно догадаться, что всякое увеличение податной тяготы, падающей всегда на землю, равно и развитие малоземелья, должны действовать в обратном смысле.

Все сказанное убеждает в том, что в общинном землепользовании играют весьма важную роль платежи и разные повинности, лежащие на сельском населении. Поэтому знакомство с той обстановкой, среди которой прилагается труд общинников, было бы неполно, если бы мы не сделали попытки ознакомиться с приемами общинных раскладок. Воспользуемся при этом тем же материалом, собранным податными инспекторами, которым мы пользовались выше.

Напомним, что материал относится ко всей общинной Европейской России, кроме Кавказа. Нижеследующие данные имеют тот особый интерес, что приемы общинных раскладок во всех деталях известны у нас вообще мало — гораздо меньше, чем приемы переделов общинных земель. Книжка покойного Трирогова «Община и подать» касается больше других этого вопроса, но в ней речь идет, во-первых, о половине 70-х годов, а во-вторых, — только об одной части Поволжья. Поэтому всероссийская анкета об общинных раскладках последних годов приобретает большое значение, поскольку можно положиться на точность добытых ею сведений.

Закон предоставил волостным, и в особенности сельским, сходам обширные права в этой области. Статья 51 п. 11 Общ. Полож. уполномочивает сельский сход производить «раскладки всех лежащих на крестьянах казенных податей, земских и мирских денежных сборов, равно как земских и мирских натуральных повинностей», а ст. 78 п. 5 возложила на волостной сход «назначение и раскладку мирских сборов и повинностей, относящихся до целой волости». Права эти представляются очень обширными. Объектом обложения казенными и земскими сборами для казны и земства является вся земельная территория, числящаяся за целой общиной, а не участок отдельного домохозяина. В общину поступают окладные листы, в которых обозначаются лишь общие суммы причитающихся с нее платежей, а не те отдельные части их, падающие на долю каждого общинника, из которых эти суммы слагаются в действительности. При подворном владении важнейшие по своим размерам сборы — выкупные платежи — почти никогда не разверстываются сходом, так как суммы их указаны на каждого домохозяина в отдельности в особых именных списках подворных владельцев селения, приложенных к актам наделения их землей. При общинном же владении все сборы, падающие на землю целой общины, разверстываются исключительно по желанию схода, по той системе, которая принята самой общиной. Что же касается до мирских сборов (волостных и сельских), то не только раскладка их, но и возникновение, и назначение, и размер всецело зависят от усмотрения соответственных сходов по принадлежности. Так как общая сумма крестьянских платежей всегда составляет весьма крупную часть доходности крестьянской земли, а в иных случаях даже превосходит последнюю, то не трудно видеть, насколько существенны те интересы отдельных домохозяев, распоряжение которыми вверено сходам, и в особенности — сельскому.

Но прежде чем ознакомиться с практикой, которая в этом случае установилась в общинной жизни, мы должны вспомнить общие критерии, являющиеся обязательными при суждении о степени уравнительности, целесообразности, продуманности принятых систем.

Финансовая теория знает три способа обложения: налог равный, пропорциональный и прогрессивный.

Финансовая практика всех цивилизованных стран еще далека от того, чтобы прогрессивное обложение было положено в основу финансовой системы. Представлять такое требование к нашей общине — следовательно, значило бы искать в ней того, что представляется еще пока научным идеалом. Господствующим на западе принципом обложения является пропорциональность с теми или другими смягчениями его в сторону прогрессивности, в роде установления известного минимума, не подвергающегося обложению и т.п. Ближайшее фактическое исследование общинных раскладок прежде всего и должно выяснить, придерживается ли мир неуравнительного, несправедливого, отвергнутого теорией «равного» налога, или более уравнительного, более справедливого пропорционального и практикуются ли при этом какие-либо поправки к этой системе в указанном направлении.

Размер казенных и земских сборов не зависит от общины. Мир получает готовые окладные листы, определяющие денежные суммы, которые должны быть так или иначе распределены между плательщиками и взысканы с них. Размер мирских сборов также является более или менее обязательным для общин. Согласно последнему обследованию этого предмета центральным статистическим комитетом расходы более или менее устойчивого типа, более постоянные (по управлению, выполнению повинностей и на другие общественные нужды) составляют почти 10,2 процента всех мирских сборов, а расходы сельскохозяйственные всего 12,8 процента, причем и среди последних имеются такие, которые так-

же носят более или менее постоянный характер (напр., плата пастухам, расходы на борьбу с вредными насекомыми и животными).

Следовательно, мир не может иметь сколько-нибудь заметного влияния на величину общей суммы подлежащих раскладке платежей и, следовательно, на отношение последних к доходности хозяйства плательщиков. Какова бы ни была эта сумма, каково бы ни было это отношение, сход должен произвести раскладку причитающихся сборов во что бы то ни стало. Поскольку удается ему при таких условиях удовлетворить указанным выше требованиям уравнительности раскладок, принимая во внимание высокие размеры обложения у нас крестьянских земель, — этот вопрос и устанавливает ту точку зрения, с которой представляется весьма интересным упомянутый выше фактический материал.

Обратимся прежде всего к раскладке казенных и земских сборов. Всеобщее правило, наблюдаемое в этом случае при общинных раскладках решительно везде в России, состоит в том, что платежи эти разверстываются пропорционально размерам земельных участков, находящихся в пользовании отдельных домохозяев. Эта система господствует без исключения во всех 40 губерниях, в которых имеется общинное землевладение.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что аналогичный порядок разверстки, в виде переживания, сохранился в губернии Подольской, где общинного землевладения теперь не встречается. «Хотя землевладение в этой губернии исключительно подворное и выкупные платежи исчислялись при отводе надела не только в одной общей сумме с селения за всю мирскую землю, но и по каждому подворному участку в составе селения, тем не менее эти платежи разверстываются в Каменецком и Гайсинском уездах ежегодно вместе с остальными окладными сборами». Таким образом, во всех тех случаях, когда окладные сборы не покрываются общин-

ными оброчными статьями[1], когда, следовательно, неизбежно производить их раскладку, система последней находится в зависимости от принятой системы разверстки земли[2].

В тех селениях (главным образом — крайнего севера), которые имеют общие земельные владения, в иных местах еще сохранилась в виде переживания первоначальная ревизская раскладка платежей между отдельными селениями, но и там внутри селений между отдельными домохозяевами сборы разверстываются по действительным размерам землепользования каждого. Такова, напр., принятая система в Олонецкой губ., где большая часть сельских обществ состоит из многих селений, включенных в одну общую владенную запись или выкупную сделку (на 4067 селений 1892 г. составлено 1069 окладных листов); число селений в сельском обществ доходит до 28 в Олонецком уезде и до 63 — в Повенецком. Аналогичные условия находим в Кольском уезде Архангельской губ. и в Устюгском и Сольвычегодском уездах Вологодской губ. (где в разных селениях, входящих в состав одного и того же сельского общества, приняты разные системы разверстки земли). Тот же прием разверстки встречается

[1] Такие факты изредка встречаются, напр., в одной волости Печорского уезда Архангельской губ. (тони), в нескольких волостях Красноярского уезда Астраханской губ. (сдача в наем киргизам разных угодий, рыбные ловли) и в некоторых других местах.

[2] Из двух только мест имеются сведения о каких-то нарушениях этой общей системы, смысл, которых, однако, не представляется ясным: 1) «только по Сызранскому уезду есть указание (не вполне определенное), что в селениях с дарственным наделом (по одной десятине не рев. душу), находящихся в восточной части уезда (Самарская Лука), окладные сборы разверстываются между ревизскими душами, без соображения с существующим распределением между ними общинной земли» и 2) в Пермской губ. «в некоторых обществах» разверстывается по земле лишь процентов 60 — 70 всякого рода сборов, «остальное же раскладывается по ревизским душам». Так как для этой губернии материал страдает большой неопределенностью и неполнотой по вопросу о разверстке земель, то не представляется возможным отчетливо понять тех отступлений от общего правила, которые в данном случае наблюдаются.

и в Павловском уезде Воронежской губ. для селений с общим владением.

Таким образом, по общему правилу, кто пользуется большим количеством земли, тот и платит больше, и наоборот. В данном случае представляется безразличным, какое отношение существует между платежами и доходностью наделов. Если первые больше второй, то община, распределяя землю по рабочей силе своих членов, пользуется тем же критерием для выполнения лежащих на ней повинностей и стремится уравнять таким путем тот минус, который образуется в этом случае в каждом отдельном хозяйстве. Если доходность наделов выше платежей, если в силу этого при разверстке земли принимаются во внимание потребительные требования общинников, система раскладки также соответствует распределению земельных участков, доходом которых платежи покрываются. Мир уравнивает в этом случае те полосы, которые остаются в хозяйстве каждого члена от соотношения названных факторов. Право пользования землей и обязанность выплачивать сборы следуют друг за другом в строгой зависимости между собой.

Таково общее положение, но в отдельных местностях размеры доходов домохозяев зависят в сильной степени не от полевого хозяйства, а от других факторов (скотоводство, огородничество и др.). Там приведенная система разверстки платежей, очевидно, не находилась бы в соответствии со средствами к их уплате. Поэтому в таких случаях к ней делаются те или другие поправки, имеющие целью восстановить это соответствие. Поправки эти вводятся довольно разнообразными приемами; для таких более сложных раскладок избираются довольно несхожие между собой единицы в зависимости от местных условий.

Такой единицей служит иногда скот, причем часть сборов разверстывается по земле, а часть по скоту. Этот случай распространен в Астраханской губернии (встречается во всех

уездах, кроме Красноярского). В Царевском уезде такая разверстка практикуется потому, что «некоторые крестьяне держат много скота и выпасывают его на общественных выгонах с промышленной целью». В некоторых селениях Черноярского уезда выкупные платежи раскладываются частью по земле, частью по числу рогатого скота, принадлежащего домохозяйству (по 25 1/2 к. со штуки). В некоторых обществах Царицынского уезда Саратовской губернии существует «особый сбор со скота, целиком поступающий в уплату окладных сборов до общей разверстки их по надельным душам; этот порядок обложения объясняется тем, что здесь часть наделов состоит под пастбищем и владельцы значительного количества скота при разверстке исключительно по землевладению пользовались бы большими преимуществами перед остальными домохозяевами». В Черниговской губернии (в одной волости и в нескольких обществах — немецких — Борзенского уезда) часть сборов, причитающаяся с выгонных земель, которые находятся в общем пользовании всех жителей селения, разверстывается между отдельными домохозяевами по числу голов выпасываемого скота. В Хотинском уезде Бессарабской губ. казенные и земские платежи раскладываются также и по скоту, и по земле. Там устанавливают сначала «размер сбора со скота — напр., по 1 р. со штуки крупного и по 10 коп. с овцы (козы и свиньи обыкновенно не облагаются); затем остальная сумма распределяется по наделам».

Далее, к обложению привлекаются иногда усадьбы, если владение ими представляет особые выгоды или если размеры их не соответствуют более новому распределению полевой земли. Так, в Ямбургском уезде С.-Петербургской губернии часть выкупных платежей «разверстана по величине усадебного места каждого двора, причем в некоторых селениях установлены разные разряды усадебной земли по качеству ее и другим основаниям (этого усадебного сбора причитается около 1 коп. с кв. саж., т.е. от 7 р. до 10 р. за усадьбу)».

В некоторых местностях Тверского уезда, «где количество усадебной земли, принадлежащей отдельным дворам, перестало соответствовать количеству предоставленной им теперь полевой земли, часть выкупных платежей взимается отдельно с усадебной земли, напр., по 1 р. 50 к. с души усадебной земли». В большинстве волостей Нерехтского уезда Костромской губ. при раскладке выкупных платежей принимается в расчет размер усадьбы домохозяина («усада»), так как вследствие изменений семейного состава дворов размер усадебных участков, оставшийся без изменения, нередко не соответствует существующему распределению полевых угодий.

Раскладка выкупных платежей происходит при этом таким образом, что сперва определяется усадебный сбор по расценке, а остальная сумма разверстывается по полевой земле. При раскладке прочих сборов усадьба там или вовсе не принимается в расчет, или душевой надел «усада» признается равноценным полевому наделу и вся сумма платежей делится на двойное число земельных единиц или душ, затем размер обложения каждого домохозяина определяется помножнием полученного частного на сумму душевых долей его в поле и в усадьбе. В некоторых селах Макарьевского уезда Нижегородской губ., где усадьбы имеют особую ценность, на них падает часть выкупного платежа; это касается и тех крестьян, которые не пользуются полевой землей. В 3 волостях Алексинского уезда Тульской губернии при раскладке окладных сборов также принимают во внимание, кроме полевой земли, и размер принадлежащей домохозяину усадьбы (мотивы не выяснены). В Богодуховском, Харьковском и Валкском уездах Харьковской губ. в общинах с наличной разверсткой, где усадебная земля не уравнивается, часть выкупного платежа разверстывается особо, по размеру каждой усадьбы; к этому платежу привлекаются и не принадлежащие к обществу лица, владеющие усадебной землей.

В местностях, где в силу особых условий значение полевого хозяйства уступает, у крестьян первое место заработкам разного рода, раскладочной единицей нередко служит рабочая сила двора, независимо от принятой системы разверстки земли. В таких районах переделы земель составляют обыкновенно более редкое явление и производятся по большей части по ревизским душам или по работникам же. Так, в тех селах Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии, где доходы получаются преимущественно от лоцманства по р. Свири, сборы разверстываются по рабочему населению (с 18 лет), а в одном селении того же уезда — по доходам каждого двора, так как крестьяне вовсе не занимаются земледелием, а живут торговлею и трактирным промыслом (также по р. Свири) и отчасти лесным промыслом. В Меленковском уезде Владимирской губернии у бывших горнозаводских мастеровых привлекаются к платежам все взрослые работники (18 — 55 л.) и в половинном размере полуработники (15 — 18 и 55 — 60 л.), «без соображения с размером участия их в пользовании общественной землей». Вероятно, тем же мотивом руководствуются и в одной волости Рузского уезда Московской губернии, где раскладке подвергаются и крестьяне, не ведущие полевого хозяйства (т. е. занимающиеся исключительно местными или отхожими промыслами?), хотя и в половинном размере (в соответствии с доходностью этих заработков?). В уездах Верхнеуральском и Троицком Оренбургской губернии платежи разверстываются по рабочему составу дворов, между тем как земля поделена по ревизским душам (рабочий возраст принимается от 17 — 18 до 50 л., а у тептерей — даже от 13 — 15 л.). В Троицком уезде привлекаются к платежу оклада также и подростки 14 — 17 л. и старики 50 — 60 л. в половиной доле («половинные души»). В башкирских волостях Верхнеуральского уезда рабочее население облагается не поровну, а по степени зажиточности домохозяев, признаками которой служат скот, постройки, количест-

во засеваемой земли. Общей причиной такой системы в названных уездах служит то обстоятельство, что «земледелие здесь имеет мало значения». Население пяти русских волостей здесь «почти в полном своем составе занимается работой на горных заводах, владея только усадебной землей, а у башкир главное занятие — скотоводство, затем — лесной промысел и заработки на горных заводах»[1].

Здесь же следует отметить особенность раскладки окладных сборов в уездах Лебедянском, Кирсановском, Козловском и Моршанском Тамбовской губ., где при этом принимается во внимание только пахотная земля (быть может, остальные угодья представлены слишком слабо в составе крестьянского надела?).

Наконец, остается указать, что лесные сборы раскладываются миром исключительно между теми домохозяевами, которые пользуются лесом и лесными материалами. Так, в Мезенском и Пинежском уездах Архангельской губернии «лесной налог распределяется по потребностям каждой семьи в лесном материале». В Богодуховском и Харьковском уездах причитающаяся за лесные угодья часть окладных сборов разверстывается между наследственными пользователями этими угодьями. В Валковском Харьковской же губернии (вероятно, в силу того, что все члены общины пользуются лесными угодьями) названный платеж раскладывается поровну на дворы. В Данковском уезде Рязанской губ. «лесной налог взимается не на общем основании, а только с дворов, пользующихся лесом».

Таковы данные о разверстке казенных и земских сборов. Переходим к раскладке мирских, которая представит теперь уже весьма много знакомых черт.

Общее правило, применяемое во всех губерниях, в которых встречается общинное землевладение, в этом случае,

[1] Число таких случаев в разных местностях России, вероятно, значительно больше, чем приведено в материале.

как и в предшествующем, состоит в том, что мирские сборы (сельские и волостные) разверстываются пропорционально земельному пользованию каждого отдельного домохозяина. Такой порядок является всеобщим для всех полос России и практикуется при всех системах разверстки земли. Все видоизменения этого приема раскладки, о которых мы будем говорить сейчас, имеют значение лишь поправок и дополнений к нему в интересах возможно большей уравнительности распределения сборов между плательщиками, когда это требуется по местным условиям.

Крупным отличием раскладки мирских сборов от раскладки казенных и земских служит лишь то обстоятельство, что к первой часто привлекаются также жители деревни, которые не имеют общинной земли. Это отличие является совершенно понятным ввиду того, что все казенные и земские сборы приурочены в настоящее время исключительно к земле (после уничтожения подушной подати), мирские же сборы взимаются нередко на удовлетворение таких потребностей сельского и волостного общества, которые касаются одинаково как надельных, так и безнадельных жителей села (напр., на караул, на пожарный обоз, на медицинскую часть, церковные расходы и т.д.). Чаще всего в таких случаях эта категория деревенского населения облагается поровну, по дворам. Встречаются и варианты этого способа обложения. Так, в Царскосельском уезде с безнадельных крестьян мирской сбор взимается поровну с усадеб, а в Гдовском и Ямбургском той же Петербургской губернии волостной сбор — по числу наличных душ безземельных. Безземельные же привлекаются к обложению мирскими сборами в Олонецкой губ., в Нижнеломовском и Саранском уездах Пензенской губернии. В Саратовской губернии то же практикуется или по всем статьям мирских сборов, или только по некоторым (уезды Царицынский, Балашевский). В Борисоглебском уезде Тамбовской губернии все мирские сборы распределяются между

всеми крестьянами, принадлежащими к обществу, хотя бы они и не пользовались землей. При разверстке части сельского и мирского сбора безземельные и отсутствующие принимаются в счет и в Павловском уезде Воронежской губернии, безземельные — во 2-м Донском округе Донской области, в Днепровском и Евпаторийском уезде Таврической губернии. В Херсонском, Елисаветградском и Ананьевском Херсонской губ., в Карачевском уезде Орловской губ., в Харьковской губ., в Полтавской губ., в Орловском уезде, в Васильевском и Нижегородском уездах Нижегородской губернии (мещане), в Гжатском, Юхновском, Вяземском и Сычевском уездах Смоленской губернии. В Жиздринском и Медынском уездах Калужской губ. «безземельные крестьяне уплачивают волостные и сельские мирские сборы по душам; при этом их ревизская душа приравнивается к однодушевому наделу и облагается одинаковым с ним сбором». Сюда же должно отнести и особый сбор с усадебной и огородной земли, взимаемый только с тех дворов, которые не ведут полевого хозяйства в Новоторжском уезде Тверской губернии. В Сарапульском уезде Вятской губернии к платежу привлекаются отставные солдаты и лица, прослужившие более 20 лет на Боткинском заводе и освобожденные от платежа казенных сборов. В Дмитриевском уезде Московской губернии сельские сходы взимают с крестьян, бросивших землю, «отвыкших от земли» и промышляющих на стороне, так называемый «гудяцкий оброк», в размере от трех рублей до двадцати пяти рублей с работника, смотря по нужде общества в земле. Сбор этот практикуется в селениях с сильно развитыми фабричными отхожими заработками или с малодоходными наделами.

Возвращаясь к надельному населению, замечаем в виде общего правила разверстку платежей по размерам землевладения каждого домохозяина. Как указано выше, система эта является всеобщей, конечно, за исключением тех случаев, когда сборы покрываются общинными, оброчными статья-

ми (Печерский, Красноярский, Павловский, Воронежский, Острогожский, Ялтинский, некоторые селения Херсонской губ. и друг.). Даже в тех случаях, когда волостные сборы разверстываются по ревизским душам между селениями, эти же сборы внутри селений между отдельными домохозяевами раскладываются по земле. Такой порядок практикуется в некоторых уездах Псковской губ. (Порховской, Опочецкой, Псковской), в Валдайском уезде Новгородской губ., иногда в Олонецкой губ., в Устюгском и Сольвычегодском уездах Вологодской губ., в Уржумском, Елабужском и Малмыжском Вятской губ., в некоторых обществах Пермской губ. (30 — 40 процентов платежей, остальное — по земле), в Наровчатском уезде Пензенской губ., в большинстве уездов Воронежской губ., в Тираспольском уезде Херсонской губ., иногда в Павлоградском и Новомосковском уездах Екатеринославской губ., в Черниговской губ., в Касимовском и Раненбургском уездах Рязанской губ., в Горбатовском, Нижегородском и иногда в Васильском уездах Нижегородской губ., В Мологском, Угличском и Пошехонском уездах Ярославской губ. и в сложных общинах Звенигородского уезда Московской губ. Как показывает этот перечень уездов, такая система практикуется чаще всего на севере и северо-востоке России с господствующим типом сложных (составных) общин, т.е. таких, которые составляются из большого количества мелких поселений, разбросанных на больших пространствах, где, следовательно, волости обнимают обширную территорию. Очевидно, там представляются специальные, технические трудности производить волостную раскладку непосредственно по размерам землевладения каждого отдельного домохозяина. Там ревизская разверстка волостных сборов и должна была сохраниться в виде переживания, дольше, чем в других местах. По всей вероятности этим же особенностям следует приписать и сохранение раскладки платежей по ревизским душам даже внутри отдельных селений, встре-

чающейся в немногих местах (напр., в некоторых общинах Олонецкой губ.) [1].

Далее, общая система обложения мирскими сборами по размерам землевладения каждого двора терпит довольно разнообразные ограничения с целью уравнительности раскладки. Как было уже упомянуто выше по поводу разверстки казенных и земских платежей, в отдельных местностях количество доходов плательщиков зависит в сильной степени не от полевого хозяйства, а от других факторов. Поэтому к упомянутой господствующей системе разверстки там и здесь вводятся такие или иные поправки, обусловливаемые весьма различными местными особенностями.

Так, нередко в этом случае вводится в расчет, как и там, количество скота, принадлежащего двору, причем часть сборов разверстывается по земле, а часть по скоту. Понятно, такая единица разверстки может применяться лишь в тех степных губерниях, в которых скотоводство играет сравнительно крупную хозяйственную роль. Это мы видим в некоторых общинах Белевского уезда Уфимской губ., почти во всей Астраханской губ. (в некоторых селениях Черноярского уезда мирские сборы взимаются только с рогатого скота по 19 1/2 коп. и с овец — по 15 коп.), в Днепровском и Мелитопольском уездах Таврической губ., в некоторых обществах Павлоградского, Новомосковского, Екатеринославского, Славяносербского, Верхнеднепровского и Мариупольского

[1] В одной волости Гадячского уезда и в трех волостях Прилукского уезда Полтавской губ. мирские сборы разверстываются в виде величайшего исключения по дворам поровну. То же встречается и в некоторых волостях Борзенского, Нежинского и Козелецкого уездов Черниговской губ. В двух обществах последнего уезда и двух Борзенского мирские сборы раскладываются по тяглам (брачным парам — овдовевшие и неженатые пользуются половинным окладом). Причины переживания этих дореформенных систем раскладок не выяснены, как и то, относятся ли они к общинам или подворным обществам. Аналогичные сведения имеем по Тимскому уезду Курской губ. и по некоторым общинам Харьковской губ.

уездов Екатеринославской губ., в Херсонском, Тираспольском и Ананьевском уездах Херсонской губ. и в Аккерманском и Хотинском уездах Бессарабской губ. Отметим весьма важную особенность такой раскладки в Ананьевском уезде, где совсем не облагаются мирским сбором дворы, имеющие менее трех голов скота.

Другой единицей обложения (кроме скота), наряду с землей, нередко принимается усадьба, необходимость чего логически вытекает из принятых систем общинной разверстки общинной земли. Известно, что переделам не подвергаются усадебные угодья, поэтому периодические равнения землевладения отдельных домохозяев не касаются усадеб, в силу чего концентрация этих угодий может представлять собой при наличности переделов явление более частное, чем концентрация других угодий.

Отсюда становится понятным стремление общины в этих случаях подвергать усадьбы, разросшиеся шире нормального размера, и большему обложению. В нашем материале не встречается указаний на то, чтобы такое усиленное обложение вытекало из факта большей доходности (от огородничества, напр.) упомянутых больших усадеб. Легко может быть, что такое соотношение между доходностью усадеб и платежами за них в иных случаях и имеет место. Чаще, однако, этой зависимости, по-видимому, не наблюдается; усадьба облагается сильнее просто потому, что ею пользуется большее количество людей, принадлежащих к более состоятельной семье. Так, в Аткарском уезде Саратовской губ. мирскими сборами облагаются иногда усадьбы, превышающие средний нормальный размер, установленный обществом. В некоторых обществах Бирюченского и Бобровского уездов Воронежской губ., где количество полевой земли ничтожно или где велика разница в количестве и качестве усадебной земли домохозяев, взимается в уплату повинности особый сбор с усадеб. Аналогичная разверстка встречается в Одес-

ском, Ананьевском и Елисаветградском уездах Херсонской губ. и в некоторых общинах Павлоградского уезда Екатеринославской губернии.

Дальнейшим признаком, который принимается во внимание при раскладках наряду с землей, служат иногда и разного рода заработки крестьян, если роль их почему-нибудь особенно выдвигается по местным условиям в бюджете общинников. Так, в Городищенском уезде Пензенской губ. при разверстке мирских сборов принимается во внимание не только наличный состав каждого двора, но и неземледельческие его заработки. Выше было уже указано, что в Верхнеуральском и Троицком уездах Оренбургской губ. и Лодейнопольском уезде Олонецкой губ. казенные и земские сборы разверстываются по рабочему составу дворов; так же раскладываются там и мирские сборы, по тем же причинам, которые указаны были выше. Аналогичные сведения имеем и из Екатеринбургского, Камышловского уездов Пермской губ., Звенигородского уезда Московской губ., из Гадячскго, Кобелякского и Лубенского уездов Полтавской губ. и из некоторых местностей Черниговской губ. В иных селах Перекопского уезда Таврической губ., Тираспольского и Елисаветградского уездов Херсонской губ., по-видимому этот способ раскладки исчезает по мере перехода общин от ревизской к высшим системам разверстки земли.

В некоторых общинах Пермской и Тамбовской губ. при раскладке мирских сборов принимается во внимание пользование только одними пахотными землями. Причины такой особенности не выяснены. Надо думать, что все остальные угодья среди наделов этих селений имеют чересчур слабое распространение.

Далее, стремление возможно лучше уравнять мирские платежи между домохозяевами побуждает общину производить между ними раскладку по наличным душам иногда даже в тех случаях, когда эта система еще не утвердилась

в раскладке земли. Мы не имеем определенных указаний на причины возникновения этого интересного факта. Нельзя, однако, не заметить, что он может возникнуть только в том случае, когда неудовлетворительность ревизской системы переделов уже достаточно проникла в сознание общинников, когда борьба за наличную разверстку уже началась, когда, быть может, распределение земельных участков между домохозяевами фактически уже к ней значительно приблизилось путем ежегодной свалки и навалки душ. Принимая во внимание общую тенденцию мирских раскладок — находиться в соответствии с землепользованием плательщиков — трудно себе представить возможность появления наличной раскладки, когда земля еще поделена по ревизским душам, при иных условиях. Если это так, то на упомянутый факт надо смотреть как на один из ясных признаков перехода общины к более уравнительным системам разверстки земли. Такие сведения мы имеем о некоторых селениях Холмского уезда Псковской губ., Стерлитамакского уезда Уфимской губ., Нижнеломовского и Саранского уездов Пензенской губ., о немецких колониях Бердянского уезда и о некоторых русских селениях Днепровского уезда Таврической губ., Херсонской губ., Павлоградского и Новомосковского уездов Екатеринославской губ., некоторых уездов Полтавской губ., Васильского и Нижегородского уездов Нижегородской губ., Дмитриевского уезда Московской губернии (в общинах, где велико число крестьян, живущих на стороне).

Наконец, с теми же целями большей уравнительности раскладки в иных местах община находит возможным привлекать к обложению мирским сбором так называемую «купчую» землю отдельных домохозяев, т.е. приобретенную ими в частную, личную собственность. Такое сообщение имеем из Казанского и Ядринского уездов Казанской губ. и из двух волостей С ы ч е в с к о г о уезда Смоленской губ.; здесь при этом освобождаются от таких сборов безземельные.

Как нам лично известно, аналогичные случаи встречаются в Александровском уезде Екатеринославской губернии. Переходим к разверсткам разного рода сельских сборов, взимаемых с специальными целями: сборы эти бывают крайне разнообразны. Сведения, которые мы имеем но этому вопросу, конечно, не исчерпывают всего разнообразия приемов раскладки, которые встречаются в этом случае в разных местностях России. Но даже и те данные, которые мы имеем, отчетливо рисуют всю ту заботливость, которую обнаруживает мир в изыскании такой единицы раскладки, которая удовлетворила бы, по возможности, интересы всех его членов. Чем ниже благосостояние населения, чем слабее его платежные средства и чем выше необходимые платежи, тем важнее такая заботливость и тем искуснее вырабатываются более удовлетворительные приемы раскладки.

Наиболее распространенным из таких сборов является на жалованье пастуху, в найме которого заинтересованы, конечно, не все общинники, а лишь те из них, которые имеют скот. Этот расход повсеместно разверстывается не по земле, не по наличному, или рабочему, или ревизскому составу двора, а исключительно по числу голов скота, принадлежащего тому или другому хозяину. Об этом приеме раскладки сообщается решительно из всех тех местностей, в которых упоминается об этом общественном расходе. Такая практика установилась в Гдовском уезде Петербургской губ., в Новгородском и Старорусском уездах Новгородской губ., в Чистопольском уезде Казанской губ., в Симбирском и Сызранском уездах Симбирской губ., в Пензенском уезде, во всей Саратовской губ. («с череда»), в Воронежском и Павловском уездах Воронежской губ., в Корочанском, Обоянском, Новооскольском и Суджанском уездах Курской губ., в некоторых селениях Малоархангельского уезда Орловской губ., в шести уездах Тульской губ. (на пастухов и на конюхов), в Рязанском, Касимовском, и Егорьевском уездах Рязанской

губ. (так же и на конюхов), в пяти уездах Владимирской губ., во всей Нижегородской губ., в Даниловском и Ростовском уездах Ярославской губ., в Костромском уезде, в семи уездах Тверской губ., в Звенигородском, Дмитриевском и Рузском уездах Московской губ., в Масальском, Калужском и Тарусском уездах Калужской губ. и во всей Смоленской губ.

Та же система раскладки (по числу голов скота) принимается по тем же причинам и на покрытие расходов на общественного быка в Воронежском и Павловском уездах Воронежской губ., в Звенигородском, Рузском и Дмитриевском уездах Московской губ., в Бежецком и Новоторжском уездах Тверской губ., в Покровском уезде Владимирской губ. Наконец, так же распределяется между домохозяевами и плата за арендование общинами лугов и пастбищ в Старорусском уезде Новгородской губ., в Бежецком и Новоторжском уездах Тверской губ., в Судогодском уезде Владимирской губ., в Воронежском и Павловском уездах Воронежской губ.

Другая единица разверстки принята для покрытия расходов на караул и пожарный обоз. В этом случае чаще всего встречается равное обложение всех дворов селения, покоящееся на предположении одинаковой заинтересованности всех домохозяев, проживающих в селении, в охране от огня. Такую систему встречаем в Петергофском уезде, Бугурусланском уезде Самарской губ., в Симбирском и Сызранском уездах Симбирской губ., во всей Саратовской губ., в Бирюченском уезде Воронежской туб., в Харьковской губ., в Новооскольском, Корочанском, Обоянском и Суджанском уездах Курской губ., в Малоархангельском уезде Орловской губ., в Ефремовском уезде Тульской губ., в Рязанском уезде, в четырех уездах Владимирской губ., в Сергачевском уезде Нижегородской губ., в Даниловском и Ростовском уездах Ярославской губ., в семи уездах Тверской губ., в Калужском Масальском и Тарусском уездах Калужской губ., в Вяземском и Юхневском уездах Смоленской губ.

Но такое равное обложение, в котором отсутствует принцип пропорциональности, начинает, по-видимому, сменяться другим, более уравнительным, для которого намечаются несколько приемов. Этого рода расходы начинают разверстывать или по строениям (Воронежский и Острогожский уезды Воронежской губ.), или по наличным душам (Рославльский уезд Смоленской губ.), или по сумме страховых платежей, платимых каждым домохозяином (Судогодский уезд Владимирской губ., Чистопольский уезд Казанской губ.. Павловский уезд Воронежской губ., Белгородский уезд Курской губ. и Валковский уезд Харьковской губ.).

Далее, плата лесным сторожам, как и следует ожидать, разверстывается только между теми домохозяевами, которые пользуются общественным лесом (Валковский уезд Харьковской губ., Данковский уезд Рязанской губ., Рузский уезд Московской губ.; в последнем иногда поровну с дворов или печей, вероятно, где лесом пользуются все общинники).

Церковные расходы (жалованье причту, на общественные молебны и проч.) покрываются обыкновенно обложением наличного населения обоих полов (Судогодский уезд Владимирской губ., Бежецкий, Новоторжский, Старицкии уезды Тверской губ., Бугурусланский уезд Самарской губ., Валковский уезд Харьковской губ., Днепровский уезд Таврической губ.). По той же системе разверстываются расходы на медицинскую часть в Мелитопольском уезде Таврической губ. (в некоторых немецких колониях, где такой расход существует). В Ливенском уезде Орловской губ. деньги, уплаченные из мирских сумм на лечение беднейших членов общества в больнице, однако, не взыскиваются с двора, к которому принадлежит лечившийся.

О способах раскладки других специальных сборов имеется весьма мало сведений. О приемах разверстки их можно судить до некоторой степени лишь по отдельным единичным показаниям. Так, расходы на хлебозапасные магазины

раскладываются, по-видимому, по той же системе, которая принята общиной для разверстки земли: в Малоархангельском уезде Орловской губ. при господстве ревизской разверстки земли расходы на содержание хлебных магазинов распределяются по ревизским душам, а в Рузском уезде, где, как и во всей Московской губ., преобладает рабочая разверстка земли, чаще других встречается раскладка на жалованье смотрителю магазина по рабочим (иногда поровну по дворам). О расходах на содержание школ имеем лишь одно сообщение, что они раскладываются в силу каких-то местных соображений в том же Малоархангельском уезде Орловской губ. по количеству паев. принадлежащих каждому домохозяину в общественном сенокосе. О раскладке между общинниками расходов на почтовую часть мы ничего не знаем, кроме одного сообщения из Сумского уезда Харьковской губ. (одна волость), где содержание почтовых лошадей разверстывается по дворам, причем, однако, не указано. в каких отношениях производится эта разверстка.

Таковы существенные черты раскладки мирских сборов в общинах, поскольку они выясняются из нашего материала. Как уже упомянуто, сведения эти не добыты путем подворной переписи, и потому весьма легко может быть, что не все разновидности существующих видов раскладки разного рода платежей зарегистрированы в вышеизложенном. Можно с уверенностью далее сказать, что каждая из приведенных систем раскладок имеет гораздо большее территориальное распространение, чем указано на предшествующих страницах. Но несомненно одно, что все эти приемы, свидетельствующие наглядно о стремлении сходов к возможному уравнению податной тяготы между своими членами, бесспорно, существуют в современной русской общине и пользуются большим или меньшим распространением.

Каковы изменения этих приемов во времени, какова эволюция, которая совершается в этой части общинных отно-

шений, — для суждения об этом вопросе прямыми данными мы не обладаем. Однако следует думать, что системы разверстки платежей прогрессируют в общине одновременно с улучшением систем переделов земли. В самом деле, какою можно себе представить раскладку платежей в общине в период, следовавший немедленно за наделением крестьян землею по ревизским душам, т.е. еще в то время, когда число наличных душ в общине весьма мало отличалось от числа ревизских? Можно с уверенностью сказать, что и тогда платежи, вероятно, разверстывались, как и теперь, по з е м л е, но тогда эта раскладка «по земле» была синонимом раскладки по ревизским душам. С течением времени, как мы уже знаем, ревизская разверстка земли все более утрачивала свое уравнительное значение и уступала место иным системам. Согласно основному принципу, которого держится в этом случае община, одновременно с перераспределением доходов от общинной земли должно было происходить и соответственное перераспределение между домохозяевами платежей, лежащих на общине.

Нетрудно поэтому убедиться в том, что приемы раскладок всякого рода сборов должны были соответственно изменяться. Ревизская раскладка должна была мало-помалу уступать место другим, более уравнительным ее формам. Должны были появиться разверстки платежей по рабочему составу семьи, по наличным душам, по едокам и т.д., судя по тому, какие изменения претерпевало распределение земельных участков между общинниками под влиянием местных условий. Даже в нашем материале мы имеем некоторые намеки на то, что такая эволюция в действительности происходила и происходит.

Так, указывается, например, на то обстоятельство, что в Сосницком и Новгородсеверском уездах Черниговской губ. в настоящее время происходит переход к раскладке платежей по размерам землепользования.

В Новоторжском уезде Тверской губ. «волостной сбор разверстывался до 1892 г. по числу ревизских душ, теперь же в нескольких волостях стали распределять волостной сбор между селениями по числу десятин принадлежащей им земли, как надельной, так и купленной». Здесь уместно отметить переживания общинных порядков в некоторых таких местностях юго-западных губерний, в которых подворная форма владения землей является теперь исключительною. Так, «в каждом сельском обществе Каневского уезда Киевской губ. (все подворные) после введения уставных грамот было два-три передела земли, вызывавшиеся обменами участков, разбросанностью и измельчанием полос вследствие наследственных наделов и т.п.» (при этом изменялось только расположение подворных участков, а не их размер). В этом уезде выкупные платежи, несмотря на то, что сумма их распределена в выкупных актах по домохозяйствам, все же ежегодно разверстываются по дворам. Совершенно такое же распределение выкупных платежей ежегодно совершается и у подворных владельцев Каменецкого и Гайсинского уездов Подольской губ.

Нам остается отметить последнюю характерную черту раскладок платежей в общинах. При крайней ограниченности размеров крестьянского землевладения и при сравнительно высоком обременении крестьянской земли платежами трудно было бы ожидать, чтобы община давала крупные льготы при раскладках беднейшим из своих членов. Можно думать, что такие льготы были бы и многочисленнее, и распространеннее, и существеннее по своим размерам, если бы сборы, лежащие на общине, находились в лучшем соотношении с чистым доходом крестьянского хозяйства. Но так как такого соотношения не существует и самый этот чистый доход является крайне проблематичным в массе местностей, то невозможно ожидать особенно широкого распространения и льгот при раскладке. Характерно, однако, то, что они

существуют, и даже не особенно редко. В огромном большинстве губерний, как показывает наш материал, такие льготы практикуются в весьма разнообразных формах, а это указывает на то обстоятельство, что общине далеко не чужда мысль об установлении такого минимума доходов, который избавляется частью или совсем от обложения. В Гдовском уезде Петербургской губ. бывают случаи, что бобылям, старухам и т.п. отводят бесплатно кусок земли для избы и огорода. Льготы по обложению (не объяснено какие) «ввиду имущественного положения домохозяев» допускаются иногда в Петрозаводском, Каргопольском и Повенецком уездах Олонецкой губ. В Кемском уезде Архангельской губ. льготные обложения дворов захудалых или временно нуждающихся бывают обыкновенно в случаях долговременного отсутствия хозяина, его смерти или смерти единственного работника в семье. В Кадниковском уезде Вологодской губ. бывают случаи снятия оклада с захудалых домохозяев и разверстки его поровну между остальными односельчанами. Сравнительно много случаев льгот по обложению встречается в Сольвычегодском и Устюгском уездах той же губернии; здесь льготы предоставляются не только отдельным домохозяевам, но и целым селениям по случаю временных бедствий (напр., пожар, наводнение и т.д.) или по состоянию бедности (хроническая захудалость, занесение песком части надела и т.д.). Снимают также оклад иногда с малолетних сирот, со слабых здоровьем нижних чинов; также в случае поступления члена домохозяйства в военную службу уменьшают оклад на целую душу. Весьма важно отметить, что в двух последних уездах снятая часть платежа разверстывается не между всеми остальными домохозяевами, а только между некоторыми более состоятельными. В Вятской губернии (Вятский, Нолинский, Слободской, Орловский) часть платежей иногда снимается с захудалых хозяев, а разверстывается между остальными членами общества; в Яранском уезде

той же губернии «общество иногда предоставляет некоторые льготы домохозяину старательному, но обремененному большим семейством: освобождает его от выбора на общественные должности, от караула, от поставки подвод или отводит ему полосу получше. В том же уезде по особым мирским приговорам производятся иногда сборы в пользу погорельцев, причем часть этих сборов иногда обращается на уплату податей. Льготы по обложению слабосильных домохозяев (не объяснено какие) встречаются и в Пермской губ. В башкирских волостях Верхнеуральского уезда Оренбургской губ. льготы по обложению захудалых определяются самой системой раскладки повинностей — по достатку каждого плательщика»; в том же уезде и в Троицком неспособные к работе и калеки обыкновенно не подлежат обложению. Платежи уменьшаются для захудалых и в Златоустовском и Бирском уездах Уфимской губернии. Эта категория домохозяев, равно и те, кого постигло временное бедствие, получают по крайней мере отсрочку платежей в Алатырском уезде Симбирской губернии. В Пензенском уезде с таких домохозяев снимают иногда часть сборов, которые разверстываются между остальными членами общества. В Балашовском уезде Саратовской губ. допускается иногда уменьшение оклада, а в Царицынском — уплата его из арендных общественных статей для захудалых домохозяев. В Воронежской губ. «мир иногда платит подати за стариков, за захудалых или пострадавших от временных бедствий, за «бабьи семьи», не отнимая у них надела; такие «мироплатимые души» исключаются из счета и раскладка производится на остальных. в Бирючинском уезде мир принял на себя за время с 1889 до 1891 года уплату податей за 43 надела, в Острогожском уезде по отношению к захудалым домохозяевам «допускается отсрочка платежей на год или два, после чего, в случае неуплаты, надел отбирается». В Астраханской губ. льготное обложение нуждающихся дворов практикуется в уездах Астраханском,

Енотаевском и Царевском. Сложенные этим путем платежи покрываются обыкновенно из мирских сумм или разверстываются между остальными домохозяевами; такие же льготы предоставляются и в Донской области в случаях временных бедствий (пожар, градобитие, крупная потрава); сложенная часть оклада или разверстывается между остальными домохозяевами, или покрывается из мирских сумм[1]. Совершенно аналогичные сведения имеем и из Херсонской губ., где, однако, такие факты встречаются, по-видимому, гораздо реже. В Аккерманском уезде Бессарабской губ. из мирских сумм покрывались недоимки по мирскому сбору с заменою этого платежа натуральной повинностью: этапною, подводною и дорожною. Случай «освобождения беднейших хозяев от части причитающегося с них оклада сборов известен по Валковскому и Сумскому уездам Харьковской губернии; в некоторых обществах Валковского уезда постановлено остатки 6 раскладок (колеблющиеся от 2 до 75 руб.), образующиеся при округлении долей, употреблять на уплату податей за беднейших домохозяев». В двух волостях Сумского уезда общества берут на себя половину платежей, лежащих на вдовах, имеющих малолетних детей. В Тимском уезде Курской губ. сельские общества иногда освобождают от платежа податей крестьян, которых постигло случайное бедствие, и возлагают на них обязанность содержать подводу для сельских должностных лиц, держать въезжую избу и т.п. В Чернском и Новосильском уездах Тульской губ. уменьшают платежи тех, кого постигло временное бедствие (пожар, падеж и пр.), а в Алексинском иногда освобождают от оклада нуждающихся вдов. В Касимовском уезде Рязанской губ. льготы при раскладках практикуются в двух селениях. Сложение платежей с захудалых домохозяев составляет постоянное явление в уездах Вязниковском, Суздальском и Александровском

[1] В Ростовском уезде выдается из мирских средств безвозвратное пособие погорельцам, вдобавок страховой премии, по 50 — 100 рублей на домохозяина.

Владимирской губ., платежи эти разверстываются между остальными домохозяевами. В последнем уезде есть селения, где родители новобранцев пользуются их наделами в течение года бесплатно; подати платит за надел общество. В одной волости Судогодского уезда на каждый погорелый двор делается по волости сбор по 10 руб. В Ковровском уезде бывают уплаты из мирских сумм (преимущественно из арендных сумм за питейные заведения) всего или части оклада за отдельных домохозяев или даже за целое общество. В Угличском уезде Ярославской губ. платежи иногда снимаются с захудалого домохозяина и раскладываются на всех остальных. Аналогичные льготы встречаются в Галичском и Буйском уездах Костромской губ.; в двух волостях Кинешемского уезда той же губернии, населенных раскольниками, «установился обычай вносить обществом годовой оклад податей за домохозяев, потерпевших от пожара; в том же уезде выделяется одна волость — Георгиевская, — где случаи взноса податей за обедневших часты». В Новоторжском уезде Тверской губ. старики и бобылки иногда освобождаются от усадебного сбора на мирские расходы. В Подольском уезде Московской губ. общество освобождает иногда от уплаты сборов вдов с малолетними детьми и раскладывает этот платеж на остальных домохозяев. В Медынском уезде Калужской губернии известны случаи освобождения вдов от уплаты повинностей за находившиеся в их пользовании двухдушевые наделы, пока дети не подросли: затем общество вводило эти домохозяйства в денежную раскладку в половинном размере, а по достижении детьми семнадцатилетнего возраста оклады дворов были определены уже в полном размере. В Лихвинском уезде той же губернии снятая с захудалых домохозяев часть оклада разверстывается между всеми остальными на общем основании.

Приведенные факты не имеют всеобщего распространения. В одних губерниях они встречаются чаще, в других —

реже, в иных — даже в единичных только случаях. Но они рассеяны по всей России и драгоценны в том отношении, что свидетельствуют о возможности для общины облегчать тем или другим способом податное бремя беднейших своих членов. Кто взялся бы утверждать, что это явление не сделалось бы всеобщим, не вылилось бы в более определенные формы, не вошло в раскладку ее органической частью, если бы наша податная система подверглась изменениям и если бы крестьянские платежи могли бы более соответствовать доходности хозяйства общинников? Ведь произвела же весьма большая часть русских общин переделы по улучшенным системам, как только размеры казенных сборов были лишь несколько сокращены вследствие отмены подушной подати и уменьшения выкупных платежей. (…)

Суммируя все, что сказано было об общинных раскладках, прежде всего отчетливо выступает на первый план стремление схода достигнуть возможной пропорциональности платежей доходности хозяйства плательщиков. Важнейшим источником дохода крестьянина была и есть земля в тех местностях, где она «оправдывает» платежи. Где она их не «оправдывает», там она служит все-таки главнейшим фактором для их покрытия. Поэтому при разверстке подавляющей части крестьянских повинностей размер земельных участков остальных домохозяев и служит универсальной раскладочной единицей. Но мы уже знаем, что в распределении самых участков между общинниками нет того случайного, произвольного момента, который имеется налицо в распределении участков подворных. Эти составляются путем первоначальной отмежевки и целого ряда гражданских актов, ничего общего с «равнением» не имеющих (купля — продажа, дарение, завещание и пр.). Те же образуются путем общего и частного перераспределения их между пользователями на основании какой-либо принятой системы. А известно, что при переделах происходит «равнение» общинной земли не только коли-

чественное, но и качественное. При этой разверстке общиной уже соображены все те особенности личного и хозяйственного состава двора, которые оказывают влияние на колебание размера землепользования. Следовательно, при раскладке платежей общиной «по земле», во-первых, уже тем самым принимаются во внимание все эти особенности, а во-вторых, — устанавливается соответствие между обложением и теми средствами производства, заключающимися в земле, которые могут быть предоставлены общиной в распоряжение ее членов. Не ее вина. если при этом получается иногда только распределение минусов. Размер платежей, как было упомянуто, от схода почти не зависит. Мир делает, что может, и разверстывает ту податную тяготу, что установлена не им. Но получаются ли только минусы, или имеются в наличности и плюсы (в смысле соотношения доходности общинной земли с лежащими на ней платежами), все равно — община уравнивает те и другие между своими членами пропорционально тем признакам, которые характеризуют при местных условиях хозяйственную силу двора.

Но не везде полевая земля может служить достаточным мерилом платежеспособности двора. Проводя принцип пропорциональности обложения, община во многих местностях не может ограничиться при раскладке одним этим критерием. При разнообразных условиях хозяйства в разных уездах вводятся и другие признаки, помогающие практиковать последовательнее упомянутый основной принцип, которым руководится община. Такими признаками служит то скот, где скотоводство играет сравнительно большую роль в хозяйстве, то размер усадеб, где они особенно доходны (огородничество), или распределяются неравномерно между общинниками, то заработки, поскольку община может уследить за их доходностью, то число наличных душ, где борьба против ревизской, неравномерной разверстки земли еще не закончилась, то частное землевладение отдельных домохозяев, где

община оказывается в силах подчинить себе в этом отношении деревенских «богатеев», «богатырей», разного рода земельных промышленников и т.п., то, наконец, несколько разных признаков одновременно, судя по назначению, для которого устанавливается тот или иной сбор.

Но есть и в общинной раскладке платежей одна область, в которой имеются налицо признаки архаического «равного» налога. Это — обложение безземельных, того населения деревни, которое не имеет права пользования общинной землей. Едва ли, однако, община может в данном случае применить какую-либо иную систему. Никакой промысловый налог и никакой налог на потребление установлен сходом быть не может. Для этого у него нет ни достаточных прав, ни подходящих средств.

Однако обложение этих лиц мирскими сборами является и нужным для плательщиков-общинников, и согласным с требованиями справедливости. «Равный» налог, при всем своем несовершенстве, является в таком случае единственно возможным. И подворные губернии не выработали в этом направлении, как уже упомянуто, ничего иного. И там нигде не встречается другой системы обложения, кроме поголовного.

В общинной раскладке разного рода сборов есть зато и другая сторона, принципиальное значение которой представляется весьма важным. При всех неблагоприятных условиях, которые окружают ее жизнь и развитие, при крестьянском малоземелье, при несоответствии доходов с общинной земли с платежами, при наличности того факта, что во многих местах надел «не оправдывает» лежащих на нем налогов, при всем этом община все-таки умудряется вводить некоторый проблеск прогрессивности обложения, заключающийся главным образом в установлении чего-то похожего на Existenziminimum, выставляемый финансовой теорией в качестве крупного постулата.

Конечно, это явление, о котором я говорю, не есть «Existenziminimum» в точном смысле. Если бы община применяла соответственное понятие во всем его объеме — в значении того минимума, не подлежащего обложению, который безусловно необходим для удовлетворения первых насущных потребностей плательщика, ей пришлось бы в очень многих местах, пожалуй, освободить 9/10 своих членов от уплаты каких бы то ни было сборов. Этого она, очевидно, достигнуть не может по внешним причинам. Но она делает, что может. Упомянутый минимум нередко, несмотря ни на что, все же ею устанавливается, но лишь в относительном смысле. От обложения освобождаются не все те, которые отнимают от себя для уплаты различного рода повинностей часть средств, необходимых для удовлетворения своих первых потребностей, а лишь беднейшие из них. На первом плане стоят, конечно, при этом те, рабочие силы которых минимальны — сироты, калеки, неспособные к труду, вдовы, «бабьи семьи», далее следует разряд домохозяйств, потерпевших от временных, острых несчастий (наводнение, пожар, падеж и проч.), наконец, все захудалые дворы, т.е. те, сравнительная бедность которых приняла хронический характер по каким бы то ни было причинам. Относительно всех трех категорий применяется правило: ожидать поправки их имущественного положения и пока освобождать их от всего или части оклада. Если помощь первым двум категориям домохозяев напоминает простую благотворительность, «общественное призрение», то льготы последней категории, бесспорно, выходят за пределы последнего и носят вполне «общественно-хозяйственный» характер. Если такое явление не часто практикуется, то следует помнить, во-первых, что количественного учета таких факторов, научно-статистического массового исследования их еще не произведено, а во-вторых, что при упомянутых фискальных условиях, в которых находится современная община, следует удивляться не тому, что такие льготы рас-

пространены менее, чем то было бы желательно, а что они вообще существуют, хотя бы и в малой части общин.

Припомним, что в подворных губерниях от обложения не освобождается нигде никто, кроме пострадавших от временных, острых бедствий, и то лишь в редких, исключительных случаях.

Сложенные таким образом платежи разверстываются между всеми остальными домохозяевами. Общинники в этом случае платят за них собственные деньги. Мало того, община иногда обнаруживает в таких случаях явную тенденцию к прогрессивности обложения. Выше мы цитировали сообщение из Вологодской губернии о том, что такая разверстка сборов, снятых с беднейших, там производится иногда не между всеми, а между «некоторыми более состоятельными» хозяевами, а в Сычевском уезде Смоленской губернии, как указано, при обложении мирскими сборами «купчей» земли более состоятельных крестьян, безземельные совсем освобождаются от таких платежей.

Наконец, нельзя не видеть проявления той же тенденции и в обложении усадеб. Было уже сказано, что привлечение этого угодья к платежам в сравнительно больших размерах не всегда вытекает из большей его доходности, а часто — просто из факта концентрации усадебных мест в руках более состоятельных домохозяев. В этом случае объект обложения имеет значение лишь симптома, показателя большей платежеспособности, а не играет роли источника дохода. Едва ли может подлежать спору, что большее обложение дворовых мест при таких условиях может состояться лишь при условии понимания сходом больших выгод от прогрессивности раскладок.

Таким образом пропорциональность разверстки платежей с некоторыми поправками этой системы в смысле прогрессивности — таковы характерные черты тех приемов, которыми сходы выполняют свои фискальные функции.

Картина обложения в подворных губерниях, очевидно, составляет полную противоположность очерченной. Отсутствие разверсток выкупных платежей, раскладка остальных по голому признаку размеров землевладения без соотношения с другими особенностями личного и имущественного состава двора, распространенность «равного» обложения, появление даже поголовной подати с лиц, владеющих землей, наконец, полное отсутствие льгот для беднейшей части населения — все это весьма далеко от тех принципов, которые составляют основу общинного обложения. И если бы, в силу особых причин, податная тягота западных губерний не была значительно слабее такой же тяготы общинной России, весьма возможно, что установившаяся там система раскладки отразилась бы немалыми потрясениями для местного хозяйства.

ОБЩИНА И АРТЕЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЭНГЕЛЬГАРДТ Александр Николаевич 1832 — 1893

Известный ученый и публицист, на собственной практике убедился в преимуществах общинного и артельного хозяйства. В своем имении организовал образцовое высоко эффективное хозяйство. Главный его вывод — хозяйственный прогресс в сельском хозяйстве России возможен не в помещичьем, не в фермерском хозяйстве, а только в общинном крестьянском, существующем на артельных началах. Артель позволяет соединить склонность русского крестьянина работать самостоятельно с навыками коллективного труда. Как вариант решения помещичьего вопроса предлагал сдачу помещичьих имений в аренду крестьянским общинам.

Все дело в *союзе.* Вопрос об артельном хозяйстве я считаю важнейшим вопросом нашего хозяйства. Все наши агрономические рассуждения о фосфоритах, о многопольных системах, об альгаусских скотах и т.п. просто смешны по своей, так сказать, легкости.

У меня это не какое-нибудь теоретическое соображение. Занимаясь восемь лет хозяйством, страстно занимаясь им, достигнув в своем хозяйстве, могу сказать, блестящих результатов, убедившись, что земля наша еще очень богата, (а когда я садился на хозяйство, я думал совсем противное), изучив помещичьи и крестьянские хозяйства, я пришел к убеждению, что у нас первый и самый важный вопрос есть вопрос об артельном хозяйстве. Каждый, кто любит Россию,

для кого дорого ее развитие, могущество, сила, должен работать в этом направлении. Это мое убеждение, здесь, в деревне, выросшее, окрепшее.

Мало того, я, веря в русского человека, убежден, что это так и будет, что мы, русские, именно совершим это великое деяние, введем новые способы хозяйничанья. В этом-то и заключается самобытность, оригинальность нашего хозяйства. Что мы можем сделать, идя по следам немцев? Разве не будем постоянно отставать? И наконец, полнейшая неприменимость у нас немецкой агрономии разве не доказывает, что нам необходимо нечто самобытное?

Вот почему в одной из моих статей я говорил про крестьянское хозяйство:

«Хлеба никогда не хватает на прокормление, а чуть неурожайный год, крестьяне уже с декабря начинают покупать хлеб. А между тем дайте в мои руки ту же землю, тот же труд, то же количество скота — и в несколько лет я поставлю хозяйство на такую ногу, что хлеба не только хватит на прокормление, но еще и продавать будет что. Стоит только для этого уничтожить нивки, разделить землю на десятины и *обрабатывать землю сообща.* Я не только твердо убежден в этом, но знаю, что с этим согласится каждый крестьянин. Зажиточность не разделившихся дворов разве не доказывает этого?»

Описав там же мое хозяйство, я закончил статью следующим образом: «Я достиг в своем хозяйстве, можно сказать, блестящих результатов, но будущее не принадлежит таким хозяйствам, как мое. Будущее принадлежит хозяйствам тех людей, которые будут *сами обрабатывать* свою землю и вести хозяйство не единолично, каждый сам по себе, *но сообща.* И далее я говорю: «Когда люди, обрабатывающие землю собственным трудом, додумаются, что им выгоднее вести хозяйство сообща, то и земля, и все хозяйство неминуемо перейдут в их руки».

И додумаются.

Все крестьяне сознают, что жить большими семьями выгоднее, что разделы причиною обеднения, а между тем все-таки делятся. Есть же, значит, этому какая-нибудь причина? Очевидно, что в семейной крестьянской жизни есть что-то такое, чего не может переносить все переносящий мужик. Не в мужике ли оно? Вот у мещан, у купцов дележей гораздо меньше — там вся семья работает сообща: один брат дома торгует, другой по уезду ездит, третий в кабаке сидит и все стремятся к одному — сорвать, надуть, объегорить. Не оттого ли мужик делится, не оттого ли стремится к отдельной, самостоятельной жизни, что он более человек, чем поэт, более идеалист?

Если бы крестьянские семьи, расходясь жить по разным домам или по разным углам дома — бывает иногда, когда не на что выстроить новую избу, что живут и в одной избе в разных углах, — в то же время не разделяли хозяйства и сообща обрабатывали землю, подобно тому, как это бывает в купеческих семействах, где иногда, разделившись и живя в разных домах, все-таки ведут торг сообща, то уже одно это имело бы громадное значение. Но я даже не видел таких попыток, и трудно предположить, что люди, озлобленные друг против друга, как это всегда бывает при разделах, могли согласиться на общее дело. Гораздо скорее согласятся на это чужие, даже целая деревня, чем разделившаяся семья.

Мне часто случается сдавать крестьянам покосы из части на том условии, чтобы убирали сообща и затем делили готовое сено. Дело всегда идет отлично. Так, одна соседняя деревня ежегодно косит у меня с половины довольно большой луг, и косит *всей деревней,* потому что после покоса этим лугом и прилегающими пустошами деревня пользуется для выгона лошадей и скота. Крестьяне сначала хотели убирать луг враздел, нивкми, каждый двор отдельно — так убирают они свои собственные луга и луг соседнего помещика — но я на это

не согласился. Теперь, когда привыкли, оно уже так и идет из года в год, и сами крестьяне довольны, потому что при покосе сообща весь луг убирается сразу, до Казанской, когда крестьяне еще не приступили к своим покосам, и скорее поспевает для выгона, тогда как при покосе враздел тот, другой могут опоздать покосом, затянуть, и неубранная нивка будет препятствовать выгону скота. На покос деревня выходит вся зараз. Тотчас — это совершается чрезвычайно быстро — делят часть луга на нивки по числу кос, и каждый гонит свою долю и т.д. Весь луг скашивается зараз, хотя и враздел, по нивкам. Я этому не препятствую, потому что это не производит никакой разницы в хозяйственном отношении. Косить сообща, огульно, идя в один ряд, крестьяне ни за что не соглашаются, потому что, говорят они, в деревне косцы *перинные,* не все косят одинаково хорошо, а так как сено делится по числу кос, то выйдет несправедливо. На уборку сена деревня высылает людей по числу кос, и уже эта работа производится сообща, причем распоряжается один из крестьян, пользующихся доверием деревни. Он смотрит, чтобы все хорошо работали и клали копны равной величины. Затем половина копен перевозится ко мне, а другую половину крестьяне делят между собою по числу кос.

Мне случалось также сдавать покосы из части не целой деревне, а небольшим артелям из четырех — пяти человек. Так как в артель подбираются по взаимному согласию *ровные* между собою косцы, то они уже вовсе не делят покос на нивки, даже для косьбы, но косят сообща все подряд, убирают вместе и делят сено по числу кос.

АРТЕЛИ В ДРЕВНЕЙ И НЫНЕШНЕЙ РОССИИ

КАЛАЧОВ Николай Васильевич 1819 — 1885

Приступая к исследованию об артелях, мы не можем иметь в виду рассмотреть со всех сторон это характеристическое явление в жизни и отношениях наших простолюдинов, так как для полного и удовлетворительного объяснения его еще недостает надлежащего количества материалов. Имея, однако, в виду важность этого явления, на которое в настоящее время обращено справедливое внимание, мы считаем небесполезным предложить здесь собранные нами сведения: 1) касательно артелей древней России: 2) об артелях, ныне существующих: 3) об относящихся к ним законодательных постановлениях. В заключение представим выводы, вытекающие из этих данных, и приложим те из полученных нами подлинных документов, на основании коих образовались и действуют некоторые артели.

I

Артель, в смысле товарищества нескольких лиц, соединяющихся своим капиталом и трудами или только последними для какой-нибудь работы, промысла или предприятия и вследствие этого отвечающих друг за друга, — есть явление, встречающееся у нас еще в глубокой древности, а названием своим оно указывает на отдаленные, а именно тор-

говые, связи наших предков с восточными народами, в языках которых этим словом означаются *общины и товарищи.* Первые следы такой ассоциации находим мы еще в XI и XII столетиях в правительственных постановлениях, коими дозволяется *вкладываться* в общество, учреждаемое для какой-нибудь общеполезной цели. Именно, уже в «Русской Правде», древнейшем памятнике светского законодательства в нашем отечестве, встречается указание на круговую ответственность, которой обязаны в отношении платежа *дикой виры* (денежной пени) за убийство, учиненное в *верви* (округе), все *сложившиеся в дикую виру* или составляющие *дружину.* Эта круговая ответственность имела место в том случае, если убийца *(головник)* был известен и, находясь налицо, принадлежал к дружине; но размер пени, падавшей на каждого из членов, был, кажется; неодинаков. смотря по различию убийства: при вире в 80 гривен дружина могла даже платить только половину, в которой должен был участвовать и убийца, а остальное платил сам *головник:* за разбойника же никто не должен был платить, он выдавался *на поток с* женою и детьми. Другое любопытное указание на подтверждаемую правительством ассоциацию находится в известной грамоте (начала XII века), данной новгородским князем Всеволодом-Гавриилом Новогородской церкви Иоанна Предтечи («на Петрятине дворище»). При этой церкви производился, как известно, вес воска, продаваемого местными и иногородними купцами, привозившими его в Новгород: *низовыми,* полоцкими, смоленскими, новоторжскими. Право на вес, на основании грамоты, предоставляется князем только *купечеству Иванскому,* названному так от церкви, к которой они были причислены или при которой состояли. В купечество это нельзя было поступать иначе, как давши *вкладу* 50 гривен серебра и тысячскому ипрское *(ипьское)* сукно. Давший вклад получал название *пошлого* купца, впрочем, можно было сделаться пошлым купцом и *отчиною,* т.е. это звание и соеди-

ненные с ним права переходили также по наследству. Кроме купцов, в состав Иванского общества входили трое старост от житьих людей, тысячский от черных людей и двое старост от купцов, коим вверялось все управление делами Иванскими: торговыми, гостинными и суд торговый (конечно, только в отношении продажи воска). Деньги, вырученные за вес, поступали в *дом святого, великого Ивана,* т.е. в церковную сумму; но из них — и в этом состояла, кажется, вся выгода Иванских купцов — предоставлялось купецким старостам и купцам брать на всякий праздник Иоанна Предтечи, на вечные времена, по пятнадцати гривен серебра. К сожалению, более сведений о взаимных отношениях между членами этой общины мы не имеем.

Скудость дошедших до нас материалов столетий XIII, XIV и XV составляет, вероятно причину, почему в числе их мы не находим актов, в которых артельное товарищество было бы выражено вполне наглядно; но на существование его в этот период времени указывают довольно ясно как известия, сохранившиеся в памятниках о торговых и других *складчинах* и *ватагах,* так и название *товарищей,* которое давалось складчикам. Имея в виду эти данные, мы не сомневаемся связать их непосредственно с теми сведениями, какие во множестве находим о существовании у нас артельных союзов в XVI и особенно в XVII веке. Впрочем, самое слово *артель* встречается в первый раз в актах лишь в половине XVII столетия, зато в том тесном юридическом значении, которое выражает товарищество равных между собою лиц, согласившихся действовать заодно в промышленном предприятии.

Материалы, на коих мы должны по преимуществу остановиться для изучения артелей в древней России, распадаются на следующие три отдела: только, к сожалению, два акта суть артельные записи в собственном смысле, т.е. представляют условия или договоры, заключенные между артельщи-

ками и теми лицами, у которых они обязываются исполнить какую-либо работу, или что-либо нанимают; третьи, известные под названием *поручных записей,* относятся к содержанию артельных товариществ не прямо, но тем не менее очень ясно обозначают их состав, разнообразные предприятия, для коих они соединялись и важность, которую они имели в современном обществе. Независимо от этих договорных актов, о существовании артелей и товариществ для некоторых предприятий и промыслов мы находим ясные указания в современных грамотах и других источниках.

Чтобы в большей полноте представить характеристические черты нашей древней артели, мы остановимся прежде всего на содержании двух первых из вышеозначенных актов, которые суть *артельные записи* в собственном смысле.

Одна из этих записей — 1654 г. января 25. В нашем издании юридических актов мы назвали ее *артельною,* потому что сами товарищи называли себя «артелью», и все принадлежащее к этому товариществу «артельным». Самая артель, указываемая в настоящем акте, состояла из трех товарищей, взявших на трехлетний откуп сбор полшины на таможнях Арзамасской и в селах Ичалове, Стексове и Гремячем. Каждый из них сверх того принял на себя *на пай по человеку для своей перемены,* также с именем *товарища* своего, но так, что каждый заключил особое с своим товарищем условие *для укрепления его за собою.* Во всяком случае, эти товарищи представляются по акту лишь в значении поверенных, заступающих место главных товарищей, когда в том встретилась бы необходимость. Сущность артельного договора заключается в следующем. Назначение кого-либо из товарищей к той или другой таможне должно делаться всей артелью («кого похотят товарищи где тому быта… куды всею артелью не пошлют») и нельзя от назначения отговариваться, а напротив, следует артель *во всем слушать.* Запрещаются ссоры, брань, дурное поведение, игра в карты и зернь и предписывается уважение

и почтение к прочим товарищам. Никто не вправе брать какой-нибудь подарок или почесть помимо артели и свозить ее *украдом* на сторону. Нанимать посторонних людей для сбора пошлин товарищи должны не иначе как сообща. В случае иска на ком-либо из артели «в таможенном деле», что случалось в «откупных городах», и убытков, понесенных ответчиком, все потери уплачиваются «из артели». Откупные деньги должен отвозить в Москву один из артельщиков, «кого артелью излюбят»; дорожные же расходы возмещаются также сполна «из артели». Не исполняющий какого-либо из этих правил подлежит взысканию трехсот рублей пени и лишается *заводных* денег, т.е. вкладного капитала, внесенного им при вступлении в артель, и если он не подчинится этому добровольно, то прочие артельщики выговаривают себе право жаловаться на него судебным порядком всею «артелью». Количество упоминаемых здесь заводных денег в акте не определено; но сказано, что по откупу в таможнях Арзамасской и Стексовской все трое товарищей положили паи поровну. Наконец, в случае смерти кого-либо из товарищей, наследникам его выделяются как заводные его деньги, так и причитающаяся ему прибыль, а на место его поступает в артель брат его, сын или кто другой, «кому он прикажет». Наклад разверстывается также между товарищами поровну, по паям. В заключение акта говорится, что он вручается *третьему с* тем, чтобы в случае спора он выдал его «правому на виноватого», с докладу воеводе при «добрых людях», и «всем артельщикам вместе» (т. е. за исключением виноватого).

Другая принадлежащая сюда запись называется в подлиннике *складной.* Она писана в 1635 году 25 апреля и имеет своим содержанием условие о взаимных отношениях между двумя товарищами, согласившимися «торговать и промышлять» в сибирских городах. Сложилися мы, — говорят товарищи, — русским товаром и деньгами полюбовно на 297 рублей, заняв этот товар и деньги вместе, по кабалам, выдан-

ным нами также «свопча, вместе». Далее товарищи договариваются торговать и промышлять вместе, «за един человек», кабалы выкупать также сообща и вообще прибыль и наклад делить пополам. Касательно выполнения правил о послушании друг другу, о честности в расчетах и добром поведении здесь поставляется то же, что и в предыдущем акте. В заключение именуются свидетели, присутствующие при совершении этой записи.

Договоры между артельщиками и посторонними лицами по предмету их занятий, найма и даже займа открывают нам самые разнообразные цели товариществ, составлявшихся в древней Руси. Но как и *поручные записи,* хотя имеют целью лишь укрепление таких договоров со стороны артельщиков перед теми, кому они в чем-либо обязывались, содержат в себе вместе с тем чрезвычайно любопытные указания не только на занятия и промыслы артелей, но и на правила, которым они в этом подчинялись, то мы соединим данные, встречающиеся в актах того и другого рода, а также и в прочих источниках, чтобы исчислить разнообразные артели, существовавшие у нас в XVII веке, и по возможности осветить их внутренний быт, т. е. отношения артельщиков между собою и в особенности к посторонним лицам, с которыми они вступали в договоры.

1. Артели ярыжных

Две записи, одна 1642 г., другая 1653 г., сохранили нам черты этих товариществ, весьма сходных с нынешними артелями. Обе они суть поручные, взятые Лысковцем Василием Обросимовым, который в первой записи называется приказчиком, а во второй торговым человеком, по ярыжных, обязавшихся ему по первому акту *идти в тяге,* на астраханском судне, от г. Самары вверх Волгою до Лыскова, о по второму нагрузить его струг запасами и товарами в Лыскове и отсюда ехать на струге с грузом вниз по Волге в Астрахань. Об ярыж-

ных, обязавшихся в тяге, говорится в записи, что они должны «тянуть канат и всяким струговым ходом и в завозне ездити, и всякую судовую работу работати против нижегородских ходовых судовых записей», если же судно станет *на костях и на мелях,* то *снимать* его «и в воду с рычаги лазити, и перепауживатись, и по паузки ездити, и паузки назад привозити». Другие ярыжные, нанявшиеся ехать со стругом, должны были «грести весла, бить в поносную, угребать от островов, берегов, карш, песков и проносов», а в случае, если судно станет на мель, снимать его, перекладывать груз в малые лодки, перевозить его на берег и обратно с берега в судно и проч. Сверх того они обязывались перед приездом в Астрахань «высечь в лесу на всякого человека по сохе да по два честики» и поставить в Астрахани лубяной амбар, в который и укласть хозяйские запасы и товар и прочую кладь выгрузить из струга «на обруб». Число всех ярыжных по первому акту шесть человек, и все они приняты за поруками; по второму акту всех ярыжных восемь, также с поруками, но из поручившихся двое сами ярыжные, нанявшиеся к хозяину в тот же струг. Наемной платы дано первым по четыре рубля без 10 алтын и по три рубля на человека; сверх того они должны были получать «готовый хлеб и харч»; о наемной плате вторых сведения в акте не уцелело, но «на хлеб и вологу» они уговорились получать по рублю на человека. Часть наемной платы была взята теми и другими вперед — в задаток, а остальную сумму им следовало выдать — первым в Казани и Лыскове, а вторым в Астрахани по выполнении ими договора. В случае неисполнения кем-либо из ярыжных своих обязанностей, воровства или бегства за него отвечает поручившийся по нем уплатою понесенных хозяином убытков и сверх того за выданные ярыжному задаточные деньги платить вдвое. В акте 1642 г. ярыжные обеспечиваются также от притеснений со стороны хозяина: он не вправе, сказано здесь, заставить их выгружать из хозяйского судна соль и ры-

бу, не в праве вычитать у них деньги за лыка, канаты и проч.: если же судно не дойдет до Лыскова по случаю заморозков, то ярыжные все-таки условленные деньги получат сполна; а в случае болезни ярыжного хозяин обязан перевезти его в город, но больной должен нанять за себя человека в тягу.

2. Артели каменщиков

В одном еще не напечатанном акте находятся следующие любопытные сведения об одной такой артели, взявшей на себя в 1686 г. июля 14 у колокольного мастера Маторина сделать в Москве два погреба «с жилыми наверху палатками, сенями и крыльцами». Всех договаривающихся каменщиков исчислено в записи 14 человек, принадлежащих к разным селениям костромского и ярославского уездов, монастырских и помещичьих. Они рядятся заодно, ручаясь друг за друга круговой порукою. За подобным исчислением и описанием принятой ими на себя работы, в акте I сверится, что все припасы должны быть хозяйские, а латки и шайки каменщиков. Подрядная сумма назначена в 105 рублей, из коих взято в задаток 40 рублей, а остальное получать «как понадобится». В случае неисполнения каменщиками подрядных работ или даже плохой кладки хозяину предоставляется взять на том из каменщиков, *кто будет в лицах,* 200 рублей пени.

3. Артели плотничьи

О существовании этих артелей мы знаем из двух записей о постройке и починке мостов, заключенных разными крестьянами с казначеем Вяжицкого монастыря, 1598 года, и из одной записи, которою Верхотурские ямские охотники обязались казенным целовальникам сделать в казну два дощаника. Впрочем, во всех этих актах, из коих особенно любопытен последний по заключающимся в нем подробностям касательно самой постройки судов, для нашей цели заслуживает особенного внимания, кроме условия о цене работы,

оговорка со стороны плотников, что в случае неисполнения принятых на себя ими обязанностей, они подвергаются платежу пени, *что Государь укажет,* а работу должен все-таки окончить тот. «кто будет из них в лицах».

4. Артели рыболовов

Сюда, без сомнения, может быть отнесено товарищество, подрядившееся на рыбную ловлю у игумена Кириллова монастыря в 1577 г. июня 2. Договаривающиеся обязываются давать игумену или его старцам во все время лова (от Петрова заговенья до Дмитриева дня) ежедневно четвертую часть улова (четвертую рыбы); в противном же случае должны заплатить сто рублей пени, которые надлежит взыскать с того, кто из них будет налицо.

5. Артели бортников

На товарищества для выемки меду из бортей указывают два дошедшие до нас акта 1663 года, из коих один есть договор, заключенный двумя русскими крестьянами с игуменом Макарьева Желтоводского монастыря, а другой — договор, с ним же заключенный одиннадцатью черемисами. В первом из этих актов договаривающиеся упоминают, что, хотя они приняли к себе еще трех бортникв «подушенников», но все они будут «ходить заодно». За бортное ухожье они обязываются платить оброк, в лес никого не пускать, дельного лесу самим не рубить и «борти с пчелами не пустошить», в противном же случае должны заплатить заряду по записи 50 рублей, а за дерево и пчелы по Уложенью. То же повторяется и в другом акте.

6. Артели чернорабочих

Сюда относятся два в высшей степени любопытные акта, свидетельствующие о существовавшем и в XVI веке найме для черных работ вольных людей, составивших между собой

товарищество именно с этой целью: они напечатаны в Архиве Историческ. и практ. свед. о России 1859 г. в кн.1. 151

Это две наемные записи 1700 г. в обеих за изложением *наймитами-товарищами,* в первой в числе трех семейств, а в другой в числе двух семейств, принимаемых на себя работ на срок (семилетний по первому акту и трехлетний по второму) у помещика Григория Сабанина в его деревне Сычевке (Симбирской губ.) они говорят:

«Мы наймиты не боярские и не властелинские и не монастырские крестьяне и не дворовые чьи люди беглые, великого государя *вольные люди из разных городив, друг друга меж собою знаем, все добрые и не воровские люди»,* и ручаются друг за друга *голова в голову,* а в случае невыполнения кем-то из своей среды обязанностей по договору или бегства, дурного поведения, воровства и т.п., обязываются платить сообща все понесенные хозяином убытки.

Самое условие о работах, на которые они нанимаются, заслуживает, по нашему мнению, особенного внимания, почему мы позволяем привести его здесь в подробности. Крестьяне-товарищи берутся пахать пашню, *раздирать* залоги, рубить лес, ставить строение, косить сено, возить дрова, жать и убирать хлеб, плотничать, кто умеет, и вообще делать все, что помещик заставит, причем работы должны исполняться на *своих лошадях.*

Жить они условливаются на хозяйской земле, без всякой за нее платы, и сверх того распахивать себе земли, сколько понадобится; но работать при этом на своем хлебе. За все это помещик обязан платить ежегодно большим по рублю, а середним и малолетним по полтине; деньги эти были взяты наймитами за все годы вперед.

7. Артели кортомщиков

Так называют себя в одном акте два товарища-крестьянина, взявшие в кортому (наем) лес и покос Жуковской пустыни

Солдомского монастыря на десять лет. К сожалению, этот акт есть противень, данный монастырским строителем крестьянам, и потому в нем исчисляются только обязанности к ним монастырской братии, а не обязанности самих крестьян. Поэтому любопытнее для нас другой акт, данный двумя священниками и двумя крестьянами архимандриту Рязанского Богословского монастыря на взятый ими на распашку луг, на 10 лет в числе 50 нив. Кроме определения наемной платы, кортомщики обязываются, если не будут пахать взятую ими землю, все-таки платить кортомные деньги, а убытки взять на том, «кто будет из них в лицах».

8. Артели извозчиков

Такие артели составлялись как для отправления *ямской* гоньбы, так и для перевоза или доставления из одного места в другое съестных припасов, денег, строительных материалов и т.п. сухим путем или водой (на лошадях и стругах). Из множества относящихся сюда актов, дошедших до нас от XVII века, частью уже напечатанных, укажем на одну подрядную 1655 г. марта 10 об отвозе из Новгорода в Витебск хлебных запасов, и на одну поручную 1605 г. по ямских охотниках. Первая дана была архимандриту Тихвина монастыря с братией артелью, составившеюся их трех ямщиков (ямских охотников), одного крестьянина монастырского, одного крестьянина черносошного и двух «вольных людей»; все они называют себя *извозчиками* и обязываются поставить монастырские запасы на 15 лошадях, с платою за каждую лошадь по 7 рублей, которые взяты ими были вперед. «А везучи нам, — говорят они далее, — те хлебные запасы, сухари и крупы дорогою и по станом, и по ночлегом беречь от всего накрепко от всяких лихих людей, окромя Божией воли и сильной руки, и тех хлебных запасов нам, извозчикам, по дороге своим небреженьем не подмочить и никакие хитрости не учинить», в противном же случае архимандри-

ту с братией взять «за подмоченные и недовозные запасы… по Витебской цене и убытки и волокита все сполна на вас, извозчиках». Поручною записью 1605 г. трое ямщиков костромского яма обязываются, за порукою исчисляемых в этом акте ямских охотников и посадских людей, отправлять за разные села Ипатьева монастыря ямскую гоньбу как сухим, так и водяным путем, именно:

«Государевых… посланников и гонцов на подводах отпущати и провожати безотступно, денно и нощно, от Семенова дни летопроводца (т. е. 1 сентября) 113 году да до Семенова ж дни 114 году». Для исправления этой гоньбы они должны держать на яму по три мерина добрых с седлами, санями и телегами и «со всякою ямскою поряднею». Наемной платы взято извозчиками за год на каждую лошадь 15 рублей, из коих они условились половину получить вперед, а другую половину 1-го марта. В случае неисполнения ими принятых на себя обязанностей или если они «с яму до сроку сбежат», поручившиеся — кто из них будет налицо — берутся заплатить пеню, «что государь укажет, и ямская гоньба, и убытки вдвое».

II

Об артелях со времени Петра Великого почти до конца XVIII века мы знаем несравненно меньше, чем об артелях XVII столетия, не потому, впрочем, чтобы такие товарищества исчезли или сделались редкими исключениями, но единственно по недостаточному знакомству нашему с памятниками этой эпохи. Наши археографы еще почти вовсе не касались драгоценных актов, относящихся к частной жизни народа в XVI веке и еще менее приступили к их изданию. Вот почему мы можем указать только на следующие артели, о существовании которых заявляется в законодательстве XVIII и XIX столетий: 1) артели *биржевые* в Петербурге; о занятиях и ус-

тройстве этих артелей я буду говорить ниже, а здесь замечу только, что в донесении Санкт-Петербургской Казенной Палаты Министру Финансов 1822 года в марте месяце прямо выражено, что «все состоящие в здешней столице биржевые артели, не имея на сие законного утверждения, существуют и занимаются промыслами по добровольному между собой условию»; 2) артели судорабочих и бурлаков; 3) артели ломщиков соли; 4) артели извозчиков; 5) артели, исполняющие разные горнозаводские работы. Дальше постараюсь я объяснить, в какой мере законодательство коснулось всех этих артелей; теперь же перейду прямо к обозрению вкратце разных существующих ныне артелей, насколько они известны как самому мне из практики, впрочем только хозяйственной, так и на основании сочинений, в которых упоминается о них с большими или меньшими подробностями.

Самые простые и вместе с тем настоящие товарищества в значении артелей представляют складчины двух, трех, а иногда и более лиц, соединяющих свои капиталы и труды для какого-либо предприятия: земледельческого, хозяйственного вообще, торгового или промышленного. Так, напр., весьма часто крестьяне или мещане нанимают сообща поля, сенокосы или рыбные ловли, потом обрабатывают эти поля, косят и убирают траву или ловят рыбу собственными трудами, а иногда употребляя для этого еще наемных людей, и затем делят между собой барыши, а подчас и убытки соразмерно вложенному каждым из них капиталу. Так, в помещичьих селениях уже теперь случается нанимать для пашни, полотья и уборки полей и для сенокоса рабочих, которые рядятся иногда артелями. Так, наконец, составляются очень часто небольшие товарищества для торговых оборотов: они закупают на общие деньги (складчиной) хлеб, скот и другие предметы сельского хозяйства, а также изделия промышленности ремесленной, мануфактурной и даже книжной, а потом делят между собой вырученные барыши соразмерно

капиталу, внесенному каждым на общее предприятие. Из таких товариществ те, которые состоят из незначительного числа лиц, напр., 2,3, не называются обыкновенно артелями. Напротив, рабочие, принимающие на себя исполнение какой-либо работы или вообще занимающиеся какой-либо промышленностью в большом числе лиц носят обыкновенно это название. Но в чистом виде, именно как ассоциации капиталом и трудом, артели существуют только в малых размерах. Как скоро является потребность в большем капитале, то, по недостатку денег в простом народе, к чистому началу артели присоединяется еще отношение между артельщиками и лицом, ссужающим этот капитал. Самый простой вид такого отношения есть тот, когда артель нужный ей капитал занимает, хотя бы даже с обязательством отдать капиталисту определенную долю барышей. Впрочем, весьма часто дающий капитал принимает сам непосредственное участие в занятиях артели, и тогда она получает совершенно иное значение. При этом случается нередко, что не артель приискивает себе хозяина, а наоборот, зажиточный мастеровой, напр., каменщик, плотник, сам составляет артель, нанимая рабочих из своих ли односельцев или из посторонних, за плату, в которой уговариваются с каждым рабочим особо, хотя, впрочем, в каждой местности эта плата довольно известна и определительна, смотря по возрасту и знанию дела рабочим и по времени, на которое он нанимается. Очевидно, что такая артель связывается только тем, что она имеет одного хозяина и большею частью исполняет работу сообща в одном месте. Но и между такими рабочими образуется обыкновенно настоящая артельная связь посредством соглашения их иметь общую пищу или общий стол. Такая *потребительная* артель поручает заведование своим хозяйством одному из своей среды, который и получает за это деньги от хозяина, вычитающего их впоследствии у каждого рабочего соразмерно их числу. Есть, впрочем, и такие артели, в которые рабочие

набираются хозяином под условием делить между ними заработки, которые и распределяются соответственно знанию дела каждого, а хозяину полагается особое вознаграждение. При этом случается, что рабочие попадают в руки обманщиков, которые, заподрядившись на работы и взяв задатки, оставляют приведенную ими артель на месте работы; впрочем, настоящими хозяевами или подрядчиками считаются такие, которые занимаются десятки лет своим промыслом и известны своей честностью.

Что касается, в частности, до разных артелей, существующих в настоящее время, то вот те сведения, какие мне удалось собрать о некоторых из них.

1. Артели биржевые

Из всех нынешних артелей артели *биржевые* должны быть поставлены на первом месте, потому что они уже успели сами собою выработаться в правильное учреждение и имеют каждая составленные ими самими правила, которыми они и руководствуются. Эти артели представляют еще ту особенность, что они обеспечивают исполнение своих обязательств не только круговой порукой, как это свойственно и прочим артелям, но сверх того страховыми суммами. К сожалению, собранные мною данные о биржевых артелях относятся только до артелей Петербургских и Московских, очерком которых я поэтому и ограничусь.

Биржевые артельщики имеют предметом своих занятий погрузку и выгрузку товаров на барже, упаковку их и стережение в складочных местах; они весят и провожают товары и сверх того исполняют разные обязанности у купцов, как то: в конторах в звании приказчиков, по посылкам (нередко с весьма значительными суммами), по домашней прислуге и проч. Все члены артели отвечают перед посторонними друг за друга, а самой артели каждый отвечает за себя капитальной суммой, без которой никто не принимается в артель.

Впрочем, подобных общих правил для действий и обязанностей артельщиков не существует и только из известных нам постановлений нескольких артелей можно извлечь некоторые одинаковые в них начала, состоящие в следующем.

Вступление в артель обусловливается, как мы сказали, взносом от каждого вновь принимаемого определенной в ее постановлении суммы (средним числом до 1000 руб. сер.), которая называется *вкупом. вкупными деньгами,* а также *новизной.* Эта сумма требуется в обеспечение исправного исполнения артельщиком его обязанностей. Впрочем, она редко вносится сполна при самом поступлении; обыкновенно артель, в которую вступает *новик* (так называется артельщик до уплаты всей вкупной суммы, в противоположность уплатившим ее, называемым *стариками},* довольствуется какой-нибудь частью ее (напр., по 3 руб. сер. на каждого артельщика), которая называется *передовыми деньгами,* а остальная затем сумма составляется вычетами в течение нескольких лет из заработанных денег; но если бы новик пожелал внести весь вкуп разом, то ему делается сбавка. Внесенные деньги распределяются между всеми наличными членами артели, так однако, что передовые деньги делятся между ними тотчас, а остальные, вычитаемые из заработка новика, делятся между теми только артельщиками, которые находились в артели при его поступлении. При выходе из артели исправные (т. е. ничем не опороченные) артельщики, внесшие свой вкуп, получают в виде награды *вывод,* или *выводные деньги,* которые обыкновенно равняются трети *новизны.* Этот капитал составляется вычетом из заработанных денег у тех артельщиков, которые получали с выходящего новизные деньги. В случае смерти артельщика вывод выдается его наследникам.

Заработные деньги уплачиваются артелям *хозяевами* (т. е. поручающими им работы или дающими им занятия) в один срок по взаимному согласию, исключая мелкие работы, за которые плата получается тотчас. Всякую плату

хозяин вписывает сам в артельную приходную книгу, а уплаченные деньги хранятся у артельного старосты. В определенные сроки накопившаяся таким образом сумма делится между всеми членами артели, и этот раздел называется *дуваном;* но и до назначенных сроков артельщик может забрать у старосты часть денег, необходимых ему на расходы, с тем, что забранные им суммы вычитаются из части, следующей ему при общем разделе. Общие артельные расходы, как то: наем подмоги при выгрузке товаров или в других случаях, покупка нужных снастей и снарядов (рогож, веревок и проч.) и всякие мелкие выдачи производятся старостою также из заработанных денег. Эти расходы должны быть объявляемы старостой писарю, который вносит их в заведенную для того расходную книгу. При общем разделе заработных сумм приходные и расходные книги проверяются всей артелью, которая, впрочем, для подробнейшего обозрения их и проверки книг выбирает нескольких из своих членов.

Артели управляются лицами, избираемыми ими из своей среды на сходке всех артельщиков. Главное из этих лиц *староста,* выбираемый на срок не далее года. Он не только хранит деньги, но и распределяет между артельщиками работы: в нескольких, впрочем, артелях на постоянные работы староста не может ставить без согласия артели; без согласия же старосты и артели никто из артельщиков не вправе брать на себя работы, в противном случае артель не отвечает за убытки, которые он может причинить наемщику или поручителю. В некоторых артелях при замещении должности старосты соблюдается очередь между артельщиками по времени поступления в артель, так что обходят только известных по нетрезвости или по другим слабостям, и в таких случаях обыкновенно оставляется прежний староста, если им довольны, а *обойденный* платит ему известную сумму в вознаграждение за его вторичную службу. В других артелях очереди этой не соблюдается и выбор падает на достойней-

шего, хотя бы он был и неграмотный. Староста, назначенный по очереди, не получает от артели никакого особого вознаграждения за свою службу, пользуясь лишь дуваном наравне с прочими артельщиками. Напротив, старосте выборному полагается особое вознаграждение.

За старостой по важности должности следует *писарь,* который, как сказано выше, ведет книги приходные и расходные и вообще заведует письменной частью по делам артели. Хотя он назначается по выбору, но обыкновенно остается с общего согласия артели до тех пор, пока исправен. Ему во всяком случае полагается, сверх дувана, особое жалованье.

В некоторых артелях есть особые должностные лица — *выгрузные* или *амбарные,* а в других *кассиры,* получающие также жалованье.

Выборы исчисленных должностных лиц производятся всей артелью на одной из артельных квартир, смотря по тому, где удобнее. Впрочем, действительное участие в выборах принимают только лица, имеющие особенное значение в артели или пользующиеся особым ее уважением. По предварительному соглашению таких лиц, предлагаются на должность несколько артельщиков и тот из них считается избранным, в чью пользу оказалось больше голосов.

За проступки артельщиков, как то: ослушание против старосты при исполнении работ, за жалобу хозяина, своевольный забор у хозяина на свои надобности денег, если не объявится о том старосте, за явку в пьяном виде на работы, буйство, неисправное исполнение поручения, за утрату хозяйских товаров и денег хозяйских или артельных, за утайку или необъявление проступка товарища, за укор или попрек товарища прежним проступком и проч. налагается штраф, размер которого, смотря по степени вины, определяется артельными правилами или каждый раз по приговору всей артели. Самый больший штраф есть временная отписка от работы или исключение из артели с лишением выводных денег. По общему

приговору артели штрафу может быть подвергаем и староста: за своевольное (без ведома и согласия артели) назначение к хозяевам людей в известные должности, исключая посылок на короткое время, напр., на день для исправления каких-либо неважных домашних работ; за произвольную неявку на биржу, если только не был занят в это время исполнением каких-либо других артельных надобностей,; случается также, что артель по общему приговору не принимает на свой счет некоторых расходов, сделанных старостой совершенно произвольно или вовсе ненужных и таким образом штрафует его. Наконец, как староста, так и писарь, за умышленное нанесение вреда артели могут быть отрешаемы от должности и до истечения срока, на который были выбраны.

Особой штрафной книги в артелях не ведется с тою целью, чтобы купцы охотнее доверяли им свои товары и капиталы. Впрочем, из общей денежной книги можно видеть, подвергался ли штрафу известный артельщик в текущем году, хотя самые проступки в ней не прописываются. По истечение же года после общего раздела денег все артельные книги уничтожаются.

В случае болезни артельщика, произошедшей по воле Божией, от ушиба на работе или других причин, от него не зависящих, он получает заработные и новизные деньги в течение шести месяцев или даже года от начала болезни; но заболевший по собственной вине (от дурной жизни) не получает заработка. Как в этом случае, так и в других, артельщик не вправе заводить с артелью никаких споров по судебным местам, иначе признается виновным.

Об артелях в Москве мы находим первое сведение в указе 8 апреля 1684 г., о неприеме пришлых и гулящих людей без поручных записей: «... а буде, — говорится в этом указе, — чьи люди или крестьяне придут *для найму в работу с* Красныя площади, не явясь помещикам своим и вотчинникам, и тем велеть записываться в Земском Приказе самим (т. е. не через

посредство помещиков) *артельми* по именам и имать из Земского Приказу для свидетельства, что они в Земском Приказе явились и в книги записаны, письмо за дьячею подписью или за справкою старого подьячего; тому в Земском Приказе для записи тех пришлых и гулящих людей учинить записную особую книгу». Одну из таких артелей мы видели в приведенном выше (…) акте 1686 г. июля 14. Но это артели пришлые; об артелях же собственно московских нам не удалось встретить положительных сведений в материалах как XVII, так и XVIII столетий.

В настоящее время в Москве есть несколько артелей, которые в своих постановлениях представляют некоторые особенности от артелей петербургских. Нам известны следующие из них: 1) артель биржевая; 2) гостинодворская Ильинско-Мазуринская: 3) гостинодворская Алексеевская; 4) гостинодворская Шекулевская; 5) артель Чижовского подворья; 6) две артели ветошного ряда и 7) две артели зеркального ряда. Число лиц в них различно: от 25 до 110 человек, но так, что определенное число членов каждой артели не изменяется, если же временно встретится надобность в людях, то по усмотрению старосты нанимаются работники из посторонних, за которых артель отвечает как за своего члена. Как особенности этих артелей можно отметить следующие черты. На каждого члена есть в кассе артели определенная в обеспечение сумма (не превышающая, впрочем, 120 руб. сер.). Эта сумма (хранящаяся в кредитных билетах или и отдаваемая в частные руки под процент) считается неприкосновенной и употребляется для вознаграждения убытков, полученных *хозяином* от вины или неосмотрительности артельщика. Но еще большим обеспечением служит ценность самого места или звания артельщика: они нередко продаются или передаются по взаимному согласию от 1000 до 1300 руб. сер. каждое. В случае смерти или тяжкой продолжительной болезни артельщика место его продается его родственниками или наследниками, которые,

из вырученных денег сделав расчет с артелью, остальные затем удерживают в свою пользу. Если же артельщик исключается артелью за неисправность или дурное поведение, то место его продается самой артелью, которая, в случае наложения на него штрафа или взыскания за причиненный им убыток, удерживает их из вырученной суммы, а остальную выдает исключенному; но если бы эта сумма, равно как и капитал исключенного, находящийся в кассе артели, оказались недостаточными для покрытия причиненного им ущерба, то остальное доплачивает сама артель, а с него довзыскивается по своему усмотрению. В московской биржевой артели, в отличие от петербургских, староста имеет право, как скоро кто объявит надобность в артельщиках, немедленно набирать нужное число их, давая знать писарю, чтобы он вписал в книгу как их работу, так число рабочих и полученную сумму. Необходимые расходы делаются старостой, но он обязан как можно своевременно сообщать о том артели *у образа,* где писарь и вписывает их в расходную книгу. Относительно самих артельщиков нельзя не указать на их девиз, выраженный в самом их постановлении — верность и честность; почему за утрату денег и товаров, порчу их, убытки взыскиваются с виновного или же вычитаются со всех по раскладке. Во время работ артельщики должны повиноваться тому, кому старостою доверен хозяйский приказ, хотя бы он был летами и моложе, «не возвышаться друг перед другом старшинством или званием» и не заводить никаких ссор. С артельщиков, провинившихся в малых проступках, берется штраф до пяти рублей, который налагает староста, объявляя о том *у образа.*

2. Артели для рыболовного и звериного промыслов

Товарищества для рыбной ловли составляются в малых размерах едва ли не в каждом селении, где есть рыбная река или озеро. Ловитвенные снаряды артель имеет обыкновенно

свои или же берет их под условием заплатить за них какой-либо долей улова. Если при этом и вода не находится в общем пользовании селения, а в чужой даче, то промышленники точно так же платят владельцу этой дачи деньгами или же частью улова. В больших размерах рыболовство производится артелями на морях Белом и Ледовитом, где к нему присоединяется еще звериный промысел, на Урале и на Чудском озере. Скажем о каждом из них несколько слов.

О зверином промысле и рыбной ловле артелями на морях Белом и Ледовитом сообщает некоторые любопытные подробности г. *Максимов* в сочинении «Год на севере». Вот как он описывает составление этих артелей, занятия их и отношения между артельщиками.

Каждое судно, отправляющееся из Пустозерска за промыслами на Новую Землю имеет свою артель, называемую *котляною.* Котляна носит название *плотной,* когда артельщики идут от себя, а не по найму от хозяев. В каждой котляне, снаряженной *хозяином,* бывает от 8 до 20 человек; главный из них называется *кормщик,* второй за ним *полукормщик,* третий *полууженщик;* все остальные простые работники — *покрутчики, покручeники.* Каждый из них имеет при разделе промысла свою часть, пай, называемый *ужною.* На хозяина по ужнам идет обыкновенно две трети всего промысла; кормщик из остальной трети получает, против простого покрутчика, в 4,5, и даже 7 раз больше; полукормщик всего этого половину, полууженщик половину против последнего; покрученик, по взаимному договору с хозяином, получает против первых меньше иногда на половину, а иногда и того меньше. Впрочем, взаимные полюбовные условия на честное слово занимают первое и главное место, так что вышесказанные основания не всегда должно понимать за постоянное правило.

Жители Мезени выходят на тюлений промысел артелями иначе называемыми *покрутим, ужною,* которые состоят из 7 или 8 человек, именно хозяина, уженников и покручеников

или половинщиков и мальчиков *зуев.* Обязанность снаряжать артель лежит на хозяине, который и сам всегда отправляется на место промысла с работниками. Уженники, идущие на своем содержании, получают 1/8-ю часть всего промысла; покрученики половину этих или 16-ю долю промысла, а мальчики треть 16-й доли. Остальное достается хозяину за снаряд, который во всяком случае окупается.

Для промысла трески и палтасины на дальнем мурманском берегу в селениях начиная от Онеги до Кандалажской губы составляются также артели несколькими местными богачами. При наряде ими *покрута* соблюдаются следующие правила. Крутятся в пай обыкновенно четверо: *кормщик, тяглец, весельщик и наживочник.* Последние трое называются *рядовыми* и отдаются в полное распоряжение кормщика. Добытый промысел делится на три части: две поступают в пользу хозяина, крутившего народ, за его снасти и суда, остальная треть делится поровну между четырьмя работниками. Кормщик сверх того получает на свой пай *половой* от хозяина, т.е. еще ровно половину того, что ему досталось из третьей части по разделу, и сверх того награду, так называемый *свершонок,* от 5 до 50 руб. сер. Мальчики не получают ничего, кроме мелких подарков.

У уральских казаков, по описанию г. *Данилевского,* ловля в море против устья Урала (так называемые «Кухайские ловы») производится артелями с таким ограничением, что каждая артель имеет право на выставку не более 100 сетей или, что то же, она должна занимать не более 450 сажен в линию. Так как не все места ровно уловисты, то мечут жребии для размещения артелей, которые и выставляют свои сети в порядке доставшихся им нумеров. Жребии называются *полными,* если достанутся *полным артелям,* т.е. имеющим право на выставку 100 сетей, *неполными,* если достанутся меньшим артелям, и *единичными,* если их получают казаки, не приписавшиеся ни в какие артели, что, впрочем, случа-

ется весьма редко. От этого жеребьевого порядка освобождены лишь начальники участков и их помощники, которые выбирают себе место по желанию. Эти места самые лучшие и так постоянны, что известны под именем *атаманских мест.* Самые артели двух родов: одни истинно товарищеские, имеющие в виду взаимную выгоду своих членов, как, напр., потому что несколько казаков имеют одну общую морскую лодку; другие же составляются богатыми казаками, которые нанимают себе бедных казаков в работники, почему последние получают уговорную плату. Что касается дележа у уральцев добытой артелями рыбы, то он различен, смотря по способу и месту ее ловли. Так, на *осеннем* неводном лове что каким неводом вытянуто, то и принадлежит приписанной к нему артели, тянувшей его, и разделяется по паям между ее членами. Хозяин невода получает сверх того 5 паев; каждый из простых казаков, которых должно быть у невода не менее 6[1], за работу по паю, следовательно и хозяин, если он работал, как всегда и бывает. Офицеры, лично участвующие в тяге, получают: обер-офицеры по 2, штаб-офицеры по 3 пая. Основание этого преимущества офицеров заключается в том, что право на ловлю считается на Урале общей принадлежностью казаков, за исключением рядовых, находящихся в действительной службе и получающих денежное вознаграждение; но число сетей, которые казак может выставить, различно по чинам. На *зимнем* неводном лове дележ совершенно иной. Здесь лов в каждом участке производится сообща, т.е. каждый невод ловит не на себя, а складывают весь улов в общие кучи, называемые *урсами.* Дележ урсов по паям отличается тем, что хозяева неводов получают здесь по 6 паев вместо 5, потому что зимние невода дороже осенних;

[1] Назначение меньшего числа рабочих, равно как и в некоторых случаях наибольшего числа неводов, на ловлю имеет целью положить границу числу или величине паев, приходящихся на долю хозяев неводов с тем, чтобы эти паи могли доставаться большему числу казаков-работников участвующих в лове одним своим трудом.

офицерам, лично участвующим, полагается без различия чинов по 2 пая. На невод не должно быть приписано менее 14 человек. На *весеннем* Черхальском лове (в озере или морце Черхальском) вся рыба складывается вместе, солится и затем делится на равные кучи, по числу тянувших неводов. Так как эти кучи совершенно уравнять нельзя, то один из казаков отбирает у хозяев артелей шапки и, перемешав их, кладет по шапке на каждую кучу — чья шапка, того и куча. Каждая же куча делится по паям, так что за каждые 100 сажен невода хозяин его получает 5 паев. Прочие правила дележа те же, что и на зимнем неводном лове. На узенях, где по различному свойству речек и озер употребляются и невода различной величины, вознаграждение хозяевам предоставлено взаимному соглашению между членами артелей.

На Чудском озере для производства зимнего неводного лова образуются «ловецкие дружины». Кто достаточнее и опытнее в ловле и постановке невода, тот выбирается *жерником.* Обязанность его состоит в том, чтобы во все время производства лова распоряжаться и смотреть за порядком; ему повинуется вся дружина. Вырученная за лов сумма разделяется на две равные части: из них одна назначается на «народ» (работников), а другая «на запас», т.е. в пользу жерников, и вообще всех хозяев запаса или невода. Деньги этих последних соразмеряются с величиною принадлежащих им неводных частей, а деньги на работников делятся между всеми членами дружины поровну, исключая «коморы» (артельщика, приготовляющего пищу), который получает вполовину менее против других. Кроме того жернику дается еще плата за квартиру.

В дополнение к этим сведениям о рыболовных артелях сообщим историческую заметку о таких же артелях, еще недавно занимавшихся рыбной ловлей в Байкале. По свидетельству г. *Сельского,* до 1709 года было на этом озере несколько особых артелей; каждая состояла из 20 и более пайщиков

и имела на откупу известные рыболовные места как в самом озере, так и по речкам, впадающим в него. Главных артелей было четыре: 1) Коргинская, 2) Култукская (смежная с Коргинскою), 3) Березовская, по р. Селенге и 4) Ольхонская, производившая свои промыслы около озера Ольхона, в речке Бугульдейке и реках Баргузине и Верхней Ангаре. Артели эти имели свои собственные суда для сплава рыбы в Иркутск. Рабочих людей держали без платы, наделяя их за службу рыбою; впоследствии эти рабочие делались сами хозяевами новых артелей. В настоящее время от засорения устьев Селенги рыбный промысел здесь упал.

3. Артели бурлаков

Из артелей, промышляющих наймом своего труда, на низшей степени развития стоят артели судорабочих, известные под названием *бурлацких,* которых промысел состоит в том, что они проводят по рекам пустые или нагруженные суда от одной пристани до другой. Главным образом простолюдины, не знающие лучшего промысла. в свободное время от полевых занятий находят себе этого рода работу на Волге и Доне, почему и следует по преимуществу обратить внимание на бурлацкие артели той и другой реки. К счастью, мы имеем о них весьма подробные и верные сведения. Остановимся прежде на артелях волжских как наиболее известных и представляющих типические черты, которые прилагаются и к другим бурлацким артелям с некоторыми лишь особенностями.

Артели бурлаков на Волге разделяются на верхних и нижних, или *волжских* в собственном смысле. Самый путь, совершаемый бурлацкой артелью, называется *путиной* и бывает *дальний* или *короткий;* к первому принадлежат путины в Рыбинск из Астрахани, Царицына, Самары и проч.; короткие путины совершаются между Рыбинском, Нижним, Казанью, Симбирском. Основание, которым связываются бурлацкие артели, есть добровольное соглашение членов на рав-

ный труд для общего заработка. Отсюда следующее начало, ограничивающее их взаимные отношения, что хотя не все бурлаки одной артели трудятся равно, но плату они получают все равную, не выключая и выборного главы или десятника. Вместе с тем члены артели обязываются отвечать друг за друга хозяину, который их нанимает; так напр., если бурлак сбежит или захворает, то артель обязана нанять на свой счет другого работника; почему и стараются набирать в одну артель преимущественно односельцев.

Артели составляются обыкновенно в самых местах подряда: зимою в деревнях, селах или известных городах, куда приезжают приказчики от судохозяев для найма рабочих, летом — в тех приволжских городах, где существуют так называемые *бурлацкие базары.* Иногда бурлаки выходят уже из дому сформированной артелью, хотя, впрочем, это бывает редко. Артели состоят обыкновенно из 10 — 45 человек; но даже на пристанях чаще встречаются бурлаки небольшими группами, человека по 4, 5 и 6 в каждой. Из таких мелких до найма артелей и составляется при найме рабочих на судно одна большая рабочая артель (иногда в 150 человек и более). Но часто в самом пути оказывается, что нанятого сначала числа бурлаков недостаточно: тогда к этим *коренным* бурлакам, как они называются, хозяин судна нанимает еще *добавочных* за особую плату. Артели, нанимающиеся зимой, обыкновенно подряжаются посредством своих выборных — десятников или простых артельщиков; летние же лично или сообща договариваются с хозяином. Договор этот в первом случае составляется письменно в форме контракта, который является у маклера, а во втором вносится только в тетради, имеющие, впрочем, такую же обязательную силу. Чтобы определить точнее содержание таких сделок, я укажу на главные условия, которые в них помещаются, на основании одного контракта, прилагаемого ниже. Из них на первом месте стоит ряда о цене, которая, однако, показана в осо-

бом реестре; затем говорится о приготовлении бурлаками судна к сплаву, о сплаве его вниз по Волге до Балакова, где оно должно быть нагружено ими же хлебом, и о возвращении с ним в Рыбинск. Груза полагается не более 1000 пудов на пятерых работников. Далее объясняются обязанности бурлаков в случае каких-либо несчастных случаев с судном; вместе с тем они обязываются иметь осторожность от огня и потому не курить, так же не напиваться и не хворать притворно, иначе хозяин волен за счет них нанять других работников; со своей стороны хозяин обязуется больных рабочих оставлять не иначе, как в городе или в другом жилом месте и отдавать их на руки старшему того места. В заключении говорится, что по прибытии на место и по уборке судна и припасов хозяин должен сделать расчет. Читая эти условия, нельзя не припомнить себе те договоры, которые уже в XVI столетии и конечно еще ранее судохозяева на Волге заключали с «ярыжными», нанимавшимися плавить их грузы.

В пути бурлаки бывают большей частью на своих харчах. Покупка провизии и все расчеты по продовольствию поручаются артелью *десятнику* или *артельщику,* который, впрочем, на эти расходы получает деньги от хозяина, вычитающего их при окончательном расчете из рядной суммы. Для предупреждения обмана со стороны десятника, артелью ведется над ним контроль, состоящий в том, что для закупки провизии с ним отправляется обыкновенно *посыльный* (один из артельщиков) и расходные его счеты поверяются с хозяйскими, с которыми они должны быть согласны, иначе не признаются правильными. За свои обязанности как по части хозяйственной, так и по приискиванию ряды, десятник получает от артели вознаграждение.

В случае пьянства бурлаков, драки между ними или худой работы они подвергаются наказаниям по приговору артели.

Несмотря на долговременные обычаи, под влиянием которых сложились и окрепли отношения между бурлаками

и судохозяевами на Волге, несмотря также на письменные контракты, которыми утверждаются эти отношения, как положение бурлаков, так иногда и интерес самого хозяина судна далеко не обеспечены исполнением тех требований, на которые имеет право каждая из сторон. Иногда путь по причине противных ветров и других неблагоприятных обстоятельств продолжается долго, и тогда низкая плата, получаемая бурлаками, обращается им в наклад: вследствие этого они оставляют хозяина, так что подчас бежит целая артель. Но и судохозяева не свободны от разных проделок и обманов со стороны артели. Это самое обстоятельство, как увидим ниже, и вызвало подробные правила, которыми законодательство обставило отношения между бурлаками и судохозяевами. По этой же причине разбирательство между ними споров поручено Судоходным Расправам; однако ссорящимся в случае неудовольствия решением Расправы, предоставлено обращаться к третейскому суду.

В связи с бурлачеством находится в Рыбинске особый промысел *батырей и крючников.* Батырем называется подрядчик, имеющий одну или несколько артелей крючников, занимающихся нагрузкой или выгрузкой судов. Крючники, носящие кули на спине, называются *горбачами.* В артели из 10 человек бывает обыкновенно 2 горбача, в артели из 12 человек — 3. Богатые батыри не делят работы с своими артельщиками, разве если кто из крючников заболеет; но мелкие батыри работают наравне с крючниками. Из суммы следующей артели, батырь получает двойной пай: один от судохозяина, с которым он договорился в работе, для которой нанял крючников, наравне с ними, а другой в виде вознаграждения от самих крючников, которые выделяют для этого часть из своих заработных денег. Расчет между ними, или *дуван,* происходит публично, на улице.

Бурлацкие артели на Дону представляют следующие особенности. Для сплава судов вниз по реке общество, к которо-

му принадлежат крестьяне, желающие наняться в судорабочие (большей частью государственные), выдает им из Расправы билет за подписью писаря; с этим билетом они приходят к хозяевам и нанимаются, получая самый незначительный задаток. Но чаще случается, что приказчик судопромышленника или лоцман приезжают в село или слободу и объявляют в Расправе, чтобы желающие наниматься на суда шли к ним на квартиру. Расправа с своей стороны дает знать об этом известным бурлакам, чаще тем, за которыми более состоит недоимки; последних нередко и понуждают к найму. По окончании договора нанявшихся ведут приказчики в Расправу, где при старшине и сборщике податей выдают им почти все деньги по договору, оставляя у себя незначительную сумму для получения билета рабочему. Паспорта берутся в волостном правлении или в уездном казначействе всегда хозяевами. Самим рабочим деньги выдаются только тогда, когда они приходят наниматься с готовыми паспортами. Договор с рабочими бывает словесный, контрактов с ними не делают. Дорогой, когда суда причаливают, то сей же час *кухари* (дежурные) начинают варить обед или ужин на берегу, на каждую артель отдельно. Должность кухарей исполняют все, кроме лоцмана или помощника; обязанность их отливать из судна воду день и ночь, варить обед и ужин; в трудных и опасных местах они выходят на греблю. Продовольствие, впрочем весьма скудное, получается от хозяина.

По прибытии в Ростов (на Дону), рабочие приступают выгружать барки в указанном хозяином месте на берегу в бунты или амбары. По выгрузке порожние суда также отводятся на указанные места, и только тогда рабочие получают от своих хозяев паспорта и деньги (если только они есть в остатке); тогда же некоторые из рабочих нанимаются при расчете на верховой ход. Этот наем хозяева предоставляют большею частью лоцману, иногда же и сами договариваются с судорабочими. При этом хозяин берет у нанявшихся паспорта и выдает

задаточные деньги от 2 до 5 руб. сер., а остальные оставляет за собою до места. Продовольствие и здесь на весь путь также хозяйское: пшено для каши, мука ржаная для квасу и ржаные сухари. По прибытии судов к месту назначения бурлаки выгружают и складывают все материалы на указанные хозяевами места. Но если окажется по счету недостача товаров, то стоимость недостающего вычитается с них и лоцмана.

Бурлачеством на Волге занимаются крестьяне не только прибрежных местностей, но часто и приточных рек. Так, крестьяне Вятского уезда, приходя на Волгу, спускаются аж до Астрахани или поднимаются до Рыбинска. С другой стороны, крестьяне приволжских губерний иногда ограничиваются бурлачеством лишь на известном пространстве своей реки. Так, бурлаки Астраханской губернии нанимаются только на путь от Астрахани до Царицына или Саратова. Впрочем, эти артели не отличаются ничем особенным от тех, которые составляются в верховьях Волга.

4. Артели торговые

По всей России известны и действительно так распространены торговцы поодиночке и артелями мелочных товаров, преимущественно из Владимирцев, носящие разные названия, как то: *офеней, коробочников, ходебщиков, щепетильников,* что нельзя не упомянуть о них в настоящем случае. Не имея, однако, подробных сведений о составе этих артелей, об отношениях членов их между собой и к капиталистам или купцам, которые ссужают им деньги или товары, и наконец касательно раздела между ними доходов, мы можем только заметить, что они весьма близко подходят к артелям *украинских* мелочных торговцев, так хорошо описанным *И. С. Аксаковым* в его известном сочинении «Об украинских ярманках»; почему и приводим здесь это описание.

Жители местечка Рашевки, преимущественно казаки, образуют из себя артели от 6 до 10 человек. Каждая артель де-

лает складчину, избирает себе начальника или *атамана* и через посредство его берет у одного из Рашевских купцов известную пропорцию игольного товара, а иногда занимает денег на честное слово без всякой расписки; потом уплачивает подати за себя или за семьи, добывает паспорта и готовится в путь. До выезда вся артель собирается к атаману, который раздает каждому часть товара и некоторую часть денег; с общего согласия назначается срок и место для сбора, и потом вся артель расходится в разные стороны, по разным дорогам, пешком, с котомкой или коробкой за плечами, а атаман с остальным товаром и деньгами прямо едет в телеге на сборный пункт. Артельщики редко покупают что-нибудь за наличные деньги, а почти всегда выменивают свой дешевый игольный товар на щетину, перо, пух, старый медный лом, шкурки, восчину и т.п. Эта мена гораздо выгоднее продажи. На сборный пункт в урочное время являются все артельщики, выдают атаману выменянные вещи и отчет в деньгах и представляют к освидетельствованию наличный оставшийся у них товар. Атаман сейчас делает заключение, кто был исправен, кто нет, по какой причине: если от пьянства или вообще от собственной причины артельщика, то немедленно творится артельный общий суд и расправа, т.е. виновный тут же наказывается. Если же дело артели шло удачно и прибыль хороша, то все расчеты заканчиваются магарычом, после которого вновь раздаются товары, вновь назначается сборный пункт и артель движется далее… Таким образом артель проходит до Азовского побережья, постоянно смыкаясь и размыкаясь, то превращаясь в одну цельную общину, произносящую суд, то распадаясь на отдельные, самостоятельно действующие лица, ибо успех каждого зависит от его личных свойств, сметки, умения и характера. Разумеется не все артели путешествуют так далеко, некоторые из них совершают свои походы не далее Киевской и Херсонской губернии раза по два, по три, по четыре в год; отправляющиеся к Азовскому морю,

к черноморским казакам и даже на линию проводят в странствовании около года. Променяв весь взятый из дому товар и нагрузив опорожненную телегу новым приобретенным, артель возвращается домой. Атаман сдает купцу, ссудившему их деньгами и вещами, весь привезенный товар по существующим ценам. Купец вычитывает из общей ценности товара сумму, которая ему следует в возврат, без процентов, а за остальной товар уплачивает наличными деньгами. Тогда чинится расчет в самой артели: выручка делится на ровные части между всеми, причем деньги, внесенные в кассу, возвращаются каждому сполна, но атаман получает еще другую часть за подводу. Если же кто не оказал усердия, то с его части с общего согласия делается вычет. Все расчеты кончаются в один день, заключаются пирушкой, и партия расходится.

К торговым артелям принадлежат еще складчины капиталами, вверяемыми известному в данной местности капиталисту, который называется *мирским воротилой,* без всяких расписок, на веру. В помощь воротиле придаются 2 — 3 опытных лица, называемые *дядями;* складчики называются *молодцами,* а вся артель *миром.* Воротила и дяди становятся опекунами семейства молодцов и платят за них все подати; они же закупают товары на чистые деньги большею частью в Москве и во Владимирской губ. Товары распределяются между молодцами сообразно вкладу каждого; затем они разъезжаются в разные стороны, назначив сборное место и время съезда: здесь происходит расчет (дуван). Каждый молодец получает свой пай в общих барышах, на долю же воротилы и дядей идет барыш вдвое и втрое против молодцов; спору в дележе не бывает: на мир суда нет.

6. Артели чумаков и возчиков

Чумаками называются не только в Малороссии, но и в некоторых местностях Великой России малороссияне, перевозящие на своих фурах и своим скотом (обыкновенно на во-

лах) разные произведения, как то: хлеб, соль, рыбу и проч. из одной местности в другую. Такие чумаки делятся на два разряда: одни из них собственники, которые возят собственные произведения в ближайший порт или город и, продав их, покупают здесь другие для продажи на месте своего жительства или в ином городе. Чумаки этого разряда хотя и ездят артелями, но не связаны между собой ничем другим, кроме товарищества в дороге, как односельцы, и разве где-нибудь на привале сделают складчину на четверть или полведра вина, смотря по многочисленности партии. Настоящие же артели или купы чумаков составляют те, которые перевозят произведения или вообще тяжести, не принадлежащие им в собственность, и на них-то мы и остановимся.

Плодородная почва южного края России при своевременной обработке дает обыкновенно обильный плод. Преимущественное здесь произведение — пшеница под разными названиями. Кроме местного потребления (как составляющая необходимость в домашнем быту малороссиян), она заготовляется в большом количестве для продажи местным купцам, которые, в свою очередь, запродают ее в ближайших портах. Перевозка этой запроданной пшеницы на места обыкновенно делается на воловых фурах, что хотя крайне замедляет доставку ее и обходится дорого, но общеупотребительно по неимению еще в том крае правильных путей сообщения. Фуры нанимаются большею частью за несколько месяцев ранее: так, напр., пшеница, закупленная с осени, не может быть отправляема зимой, ибо в дальние дороги зимой чумаки не пускаются, не имея обычая подковывать волов. Самый наем делается не в центрах торговли, как по причине недостаточного количества в этих местностях фур, так равно и высшей цены на них против местностей более или менее отдаленных. В этито последние *хозяева* (купцы) отряжают в начале зимы своих приказчиков или, как их называют, *малых*. Приехав в слободу, приказчик объявляет одному-двум мужичкам, что вот-де зачем

он приехал, а эти сейчас же дают о том знать всем и каждому, не столько из желания иметь работу, сколько для того, чтобы иметь случай запить общий «магарыч». К вечеру или рано утром являются в хату приказчика человек 15 или более составившегося товарищества — договариваться «пид фуру». После обычных приветствий с обеих сторон, сторговавшись в цене, чумаки выговаривают себе часть «лантухов» (в которые насыпается пшеница), «мостовые» или перевозные деньги, и наконец, неизбежный «магарыч». По окончании всех договоров приказчик дает задаток, рублей по 5 на фуру, а иногда и более, смотря по нуждам нанимающихся. Затем договор излагается письменно и свидетельствуется волостным правлением. Самый задаток передается, однако, в руки одного из более уважаемых крестьян, получающего вместе с тем название *артельщика* или старосты, на имя которого пишется и контракт за поручительством товарищей. По отъезде приказчика к артельщику являются тотчас артельные и просят его помочь им в нуждах: одному деньги нужны на подати, другому на необходимые домашние расходы и проч. Артельщик удовлетворяет их беспрекословно, но не без разбору, и ведя всему счет, несмотря на то, что иногда бывает неграмотный. По окончании весенних посевов артель отправляется в торговый пункт для насыпки пшеницы и тут же запасается в дорогу дегтем, солью и рыбой, которые закупает артельщик; пшено же, сало, хлеб и сухари берет каждый домохозяин из домашних запасов, но все-таки складывает и их в артель. Дорогой всем распоряжается и деньги на необходимые расходы ведет также артельщик. По приезде на место и при благополучной сдаче хлеба староста получает следующие деньги за провоз из конторы купца, и тут же производится их дележ. В обратном пути каждый ведет денежные расходы сам, потому что на заработанные деньги покупает соль или рыбу на себя, следовательно, делается чумаком-собственником; харчевые же припасы остаются по-прежнему общими. Во все лето, во время рабочей

поры, чумаки обыкновенно не ходят в дорогу; но есть и такие, которые знают только одно дело — чумаковать. Артели этих последних даже зимуют вместе со скотом близ торговых пунктов; в них заведен уже порядок относительно внутренних распоряжений и самые расчеты ведутся правильнее, так как постоянные чумаки большей частью грамотные.

В последнее время и в некоторых селениях Великой России, особенно в бывших помещичьих, по освобождении крестьян от крепостной зависимости, распространилось извозничество или перевоз разного рода сельских произведений и других продуктов от пунктов их производства в большие торговые города и к пристаням, и обратно отсюда разных припасов и товаров в уездные города и села для местного потребления. В первом случае нанимают как сами помещики (для отвоза хлеба, вина, шерсти и т.п.), так и купцы, закупающие сельские продукты на самых местах их производства, а иногда и сами крестьяне, занимающиеся торговлей; в последнем случае обыкновенно купцы, торгующие в уездах солью, рыбой и разным товаром, иногда же и сами возчики, как малороссийские чумаки, покупают соль, рыбу, яблоки и т.п. на себя и продают их дома или развозя по окрестным селениям. Такие возчики нанимаются иногда целым товариществом, обязуясь *хозяину* отвечать друг за друга; почему и расходы, равно как и барыши, у них общие; но так, что расчет тех и других делается не по числу лиц, составляющих товарищество, а по числу *подвод,* ибо допускается, что один домохозяин может иметь в обозе двух или более лошадей и на каждую из них особые телегу или сани с поклажей, следовательно, не одну подводу.

6. Артели ремесленников и сельских рабочих

Ныне уже было нами указано на товарищества, составляющиеся для разных работ, в которых члены принимают на себя круговую друг за друга ответственность, участвуя

как в барышах, так и в убытках, выпадающих на долю товарищества. Нельзя, однако, не заметить, что такие товарищества теперь, сколько нам известно, едва ли не в самом начале, хотя мы уже видели их значительно развитыми в древней России. Причину тому, что они как бы исчезли и только с недавнего времени возрождаются с новой силой, должно, кажется нам, искать в крепостном праве, которое, ограничив огромное количество сельского населения определенными работами в пользу помещиков, тем самым, с одной стороны, устраняло большинство рабочих, которые при других условиях своего быта могли бы свободно вступать в товарищества для более выгодного употребления своего знания и труда, а с другой стороны, не только давало возможность помещикам, но даже некоторым образом заставляло их в вознаграждение за ущерб, приносимый им, в свою очередь, крепостным правом, ограничиваться производством своих крестьян или дворовых, чем самым очевидно уменьшался запрос на свободную и, следовательно, более дорогую, хотя и лучшую работу. Было бы, впрочем, несправедливо думать, что начало произвола, внешнего гнета и стеснения свободной деятельности отношений выражалось только в крепостном праве помещиков над их крестьянами и дворовыми людьми: оно касалось и других классов сельских и городских жителей, которые далеко не всегда свободно располагали своими занятиями и даже своим имуществом. Отсюда, как естественное последствие, явились апатия и лень, которые всюду и всегда приводят за собой застой, не только вообще в занятиях, но и в самом усвоении и развитии знаний, искусств и ремесел и вместе с тем рождают более или менее общую бедность. Под влиянием этого начала взамен ремесленных и рабочих артелей образовались у нас *подрядчики,* из немногих более зажиточных ремесленников, которые весьма часто держат в полной кабале своих односельцев или посторонних крестьян, нанимаемых ими для исполнения работ, взятых

с подряда, оставляя все барыши, за вычетом скудной платы артели (называемой так уже в совершенно ином смысле), исключительно в свою пользу. Не касаясь поэтому ближе таких артелей, мы укажем здесь только на те артели ремесленников и сельских рабочих, которые нам известны как действительные товарищества, заслуживающие тем большего внимания, что число их со времени отмены крепостного права на наших глазах все более увеличивается, обещая через то в близком будущем развитие правильно организованных и многочисленных ремесленных и рабочих артелей в собственном значении этого слова. Таким артелям мы придаем еще особенную цену потому, что лишь с помощью их, по нашему убеждению, становится возможным для помещиков в настоящее время успешное занятие вольнонаемным хозяйством.

По собственному опыту нам пришлось ознакомиться с товариществами, которые ежегодно образуются в наших имениях со времени введения в них уставных грамот для исполнения разных работ по вольнонаемному хозяйству, в особенности же пашни, сенокоса, жнитва и возки снопов. В Саратовском нашем имении на пашню нанимается у нас обыкновенно целое сельское общество на таком условии, что, получив задатку по рублю серебром на каждую десятину по числу всех десятин, снятых крестьянами, они вслед за тем приступают к парке, весенней или осенней, а когда приходит время пашни или посева, то по первой поверке принимаются за пашню, бороньбу и посев и только по окончании всей работы в полной исправности получают следующие по найму остальные деньги. При этом помещику нет дела до отдельных рабочих: он требует лишь хорошей работы и исполнения ее во всем условленном количестве, а наблюдение за всем остальным, как то: за теми, кто именно дурно работал, кто не вышел на работу, как заменить того, кто не в состоянии пахать своей десятины — есть дело мира. Покос и жнитво исполняются, напротив, небольшими артелями, которые, впрочем, от-

вечают за исправность всех и каждого товарища и без того не получают следующих денег. Возка снопов делается опять большею частью целыми обществами, и эту работу принимают иногда на себя не только сельские общества наших бывших крестьян, но и сторонних помещиков. В пензенском нашем имении точно так же самая значительная часть полевых работ исполняется товариществами бывших крепостных крестьян в том же имении, с которыми заключаются для того письменные условия, свидетельствуемые в волостном правлении. Привожу для образца одно из таких условий, замечательное тем, что обязанности подрядчика-артельщика, через посредство которого обыкновенно рабочие артели ведут свои переговоры с землевладельцами, возложены здесь на сельского старосту или выбранного обществом; что число работников, какое вправе требовать ежедневно помещица, ограничено и что споры о негодности работ постановлено разрешать третейским судом.

Из числа артелей каменщиков и плотников, какие во множестве расходятся по России из губерний: Ярославской, Нижегородской, Рязанской. Владимирской и некоторых других, но обыкновенно состоят из подрядчика и нанятых им работников. г. *Ознобишин* указывает на одну артель плотников Рязанского уезда из имения княгини Варшавской, связанную началом товарищества. В этой артели, отличающейся честностью и потому пользующейся большим доверием, подрядчик (один и тот же в течение 10 лет) получает только особое вознаграждение, самый же заработок делится между ее членами соответственно их трудам и знанию.

Кроме этой ремесленной артели, мы знаем о товариществах *серповщиков* или промышленников серпами во Владимирской губернии; но, к сожалению, г. *Дубенский,* упоминающий о них в одной из своих статей, не сообщает никаких сведений об отношениях между членами этих артелей, как можно их, конечно, назвать. Так, например, из числа

их так называемые «тюковщики» занимаются своей работой по нескольку человек вместе в одной кузнице, отправляя одного из среды себя в соседние деревни и села как для собирания заказов, так и для раздачи сработанных ими серпов, ножей, топоров, ножниц и проч. Такие артели ходят и в дальние губернии, в Сибирь, в земли Уральских и Донских казаков, в Украину.

По свидетельству г. *Савинова,* в Вятской губернии от уменьшения бурлачества (вследствие распространения коноводных машин и пароходств), бывшие бурлаки обратились в *рудокопов.* Они ходят на этот промысел так же партиями, как и на бурлачество, от 10 до 15 человек, в Пермские, Сибирские и Оренбургские рудники, а также на рудники железоплавительных и чугуноплавительных заводов Слободского и Глазовского уездов, в числе до 2000 человек. Такое же указание на артели сельских работников, занимающихся при разных горных и других заводах рубкою дров, жжением угля, ломкою соли и перевозом материалов, а также по золотопромышленности, мы находим в действующих законах, в которых относительно их установлены даже особые правила.

Впрочем, из всех сюда принадлежащих ремесленных и рабочих артелей правильным устройством в значении постоянного товарищества отличается недавно образовавшаяся в Петербурге *столярная артель.* Учредитель этой артели, г. Мельников, который, вложив для того основной капитал (2000 руб. сер.) и пригласив вступить в товарищество с ним нескольких столярных мастеров с вкладом мебели, обеспечил дальнейшее существование артели условием учредителей между собою принимать на себя исполнение заказов столярных изделий за их общим ручательством и делить между собою барыши и убытки, какие могут от этого произойти.

В течение не с большим двух лет со времени своего учреждения эта артель развилась в значительное товарищество, имеющее прекрасный магазин и признавшее полезным ис-

просить официальное утверждение своего устава на языках русском и немецком. На основании этого устава сущность артели заключается в том, чтобы все составляющие ее лица участвовали в работе, получаемой ею по заказам без всякого постороннего посредства а, следовательно, и в выручаемой от того прибыли, через что они приобретают самостоятельность, а публика — возможность иметь столярные изделия из первых рук. Для достижения этой цели материалы закупаются из общих сумм артели и выдаются членам в счет их работ вместо денег.

Число членов не ограничено; но в артель они поступают не иначе как по баллотировке в общем полугодовом собрании, а до того желающие быть членами могут лишь приписываться к артели в звании кандидатов. Избранный член в течение первых 7 дней обязан внести 25 руб. сер. *отступных* денег и в течение первых трех месяцев выставить в магазине артели не менее как на 50 руб. сер. мебели своей работы. раздел барышей производится соразмерно капиталу, внесенному деньгами и изделиями; но учредители получают сверх того на часть основного капитала, отчисляемую в запасный капитал, по 6 процентов в год до выхода их из артели. Член, оставляющий артель, получает назад свои вступные деньги и часть вырученного капитала, причитающуюся ему по расчету. Управление артелью принадлежит трем старостам, на которых возложены обязанности, лежащие и на старостах других артелей.

Из сведений, полученных нами от самих членов этой артели, оказалось, что она состоит теперь большею частью из немцев, между тем как основание ей положено было русскими. Тем не менее сущность ее не изменилась, и в этом мы не можем не увидеть указания на то, что в основе наших артелей, как товариществ, лежит то широкое начало, которого ищут западные теории для утверждения на нем своих ассоциаций. Если так, то мы вправе сказать, что задуманные вновь и от-

части уже осуществившиеся артели в Петербурге поступают весьма благоразумно, стараясь ближе ознакомиться с предшествующими им на Руси артелями. Действительно, начало, лежащее в основе этих артелей, так удобоприменимо в разных товариществах, что при нем возможно самое полное развитие всякого рода ассоциаций. Так смотрели и смотрят на свои уставы или условия и самые артели, как это ясно выражено некоторыми из них. Таким образом, и устав С.-Петербургской столярной артели предоставляет ее членам делать в нем необходимые изменения с оговоркою только, чтобы эти изменения (как и самый устав) утверждаемы были правительством.

7. Артели на урале для выставки войск

Вот что рассказывает об этих артелях *П. И. Небольсин* в своей любопытной статье под заглавием «Несколько замечаний об Уральских казаках».

«Если предположить, что в данный момент времени в Уральском войске, за всеми выкомандировками людей на службу внутреннюю и внешнюю, состоит взрослых, готовых на службу, так называемых служилых казаков, остающихся в домах при своих хозяйствах, всего-навсего только 6170 человек — и вдруг правительству немедленно, к такому-то сроку, понадобится тысяча вполне вооруженных и готовых к бою всадников, то войсковое правление делает такой домашний расчет: из 6170 человек нужна тысяча, стало быть, каждые шесть человек выставляют из себя одного человека, а затем 170 остаются в излишке — и об этом дает знать по городам и форпостам способом обычного делопроизводства.

«Если тот род службы, на который та тысяча человек требуется, общим приговором оценен а 210 руб. сер., то каждый из шестерых, выставляющих из себя служилого казака, дает ему в подмогу по 35 руб. сер. Если из этих шести человек

не найдется охотников идти на службу, то есть если каждого из них привязывают к дому рыбные промыслы и спешность караванных сделок, то каждая артель из шести человек предлагает 210 руб. сер. коренному уральцу из другой артели и снаряжает его на службу. Идет тот, кто беднее: половину денег он оставляет семье на прожиток или на поправку, а на остальную экипируется и вооружается под надзором начальства. Оставшиеся в излишке 170 человек, не нужные лично на службу, называются *нетчиками,* и из них каждые шесть человек вносят 210 руб. сер. уже не для охотника, а на войсковую казну, и этот сбор с нетчиков употребляется начальством на внутренние войсковые надобности для целого края».

«Если, — продолжает г. Небольсин, — число людей (для внутренней службы), долженствующих выставить из себя казака, не превышает числа десяти, то каждый участник этой малочисленной артели нанимает охотника лично сам за себя, и потом уже все сообща улаживают это дело общим расчетом. Но если артели должны составиться многолюдные — человек из 25 или 30, в таком случае каждая артель назначает особого *десятника,* облекает его на этот предмет неограниченным полномочием, и уже тогда десятник лично и сам собою совершает эту операцию».

8. Артели нищих

В Петербурге, а также, вероятно, и в других больших городах, нищие составляют иногда между собою артели, которые занимают одну квартиру. В таких квартирах, по словам *т. Соколова,* познакомившего нас с бытом петербургских нищих, артель сих последних помещается под председательством и поручительством одного из выбранных самими ими старосты, который, собирая со всей братии деньги за квартиру, отдает их квартиропромышленнику вперед. Сверх того на обязанности старосты лежат хлопоты об освобождении нищих, когда кто из них попадется за нищенство или пьянство.

9. Артели продовольственные или потребительные

Товарищества лиц, составляющих между собою на некоторое продолжительное время складчину деньгами или припасами для общего продовольствия пищею или также другими предметами жизненных потребностей, называют себя также *артелями.* Если члены таких артелей во всех других отношениях ничем между собой не связаны, то они суть исключительно продовольственные или потребительные: цель их — получение более дешевого продовольствия, и потому они возникают в различных положениях каких бы то ни было лиц, связанных между собою иногда совершенно случайно в одно общество.

Так обыкновенно рабочие, которые поставляются на какую-либо работу одним подрядчиком, составляют между собою артель, поручая одному из среды себя покупать на общие деньги все припасы, потребные им для пищи. Так, в каждом полку нашего войска существуют артели, общая пища изготовляется частью на солдатское жалованье, частью же из продовольствия, отпускаемого им натурой; излишне остающиеся от того деньги называются *артельными* и составляют солдатскую собственность. Так арестанты, содержащиеся за долги, соединяются иногда в артель, чтобы иметь общий стол. Так чумаки и другие извозчики, не связанные между собой договором по извозу, тем не менее находят выгоду, отправляясь обозом, иметь общую пищу. Так, наконец, переселенцы из одной губернии в другую складываются деньгами, которые дают одному из среды себя для путевых расходов до нового места жительства.

Впрочем, для всех подобных товариществ название их артелями может быть оправдано лишь в отличие от кратковременных складчин, которые очень известны между нашими простолюдинами, особенно для взаимного угощения вином

и пивом. Такие складчины ведут свое начало с глубокой древности и называются также *братчинами и пирами,* а лица, распоряжающиеся на них, — *пировыми старостами.*

Представив очерк главнейших из существующих ныне известных мне артелей, прежде чем я перейду к рассмотрению вопроса об отношении нашего законодательства как к исчисленным артелям, так и вообще к товариществам этого рода, я сделаю одно замечание касательно основного начала, составляющего их сущность. Начало это, как мы видели, состоит в равенстве взаимных отношений между членами артели и вместе с тем в участии их во всех действиях, а также в выгодах и убытках составляемого ими товарищества, соразмерно капиталу или труду, внесенному каждым из них в общее дело.

Такое свободное и равномерное отношение членов артели друг к другу основывается на свободном вступлении их в общий союз, другими словами — на начале договорном. Поэтому там, где какие-либо из этих отношений между членами общества определяются обязательно, помимо договора, там нет уже чистого артельного начала. С такой точки зрения, напр., сельские общества древней и новой Руси, несмотря на связь их круговой порукой, не могут быть названы артелями. Но с другой стороны, если бы по какому-либо предмету промысла или занятия могли согласиться между собою все лица или большая часть из составляющих сельский мир, или даже жители нескольких селений, т.о. несмотря на их многочисленность, это была бы артель.

Возможность такого товарищества не есть одно предположение. Замечательный пример подобной артели-общины, кроме приведенных нами выше товариществ из членов целого сельского общества для земледельческих работ, представляют жители пяти находящихся в близком расстоянии друг от друга селений, в числе с лишком 400 душ, принадлежавших г- же Марковой и княгине С. П. Оболенской (село Пономарево, деревни Иваново, Полчаниново, Филино, Под-

вязново), в 10 верстах от Ярославля по Вологодскому тракту. Еще до отмены крепостной зависимости крестьяне этих селений платили в экономию оброк и затем уже к помещикам никаких отношений не имели. Летом они занимаются хлебопашеством, а осенью и зимой столярным и плотничьим ремеслом, от которого и получают главную прибыль.

В числе предметов столярного их производства особенно важно делание деревянных ящиков, необходимых торговцам для хранения и укладки вин, белил, сурика, восковых и сальных свеч, табаку и проч. Для того, чтобы обеспечить за каждым крестьянином право на труд и на законную от него прибыль, достаточную для уплаты оброка и для устранения вредного для бедных соперничества с богатыми, крестьяне обеих вотчин заключили между собой союз и завели у себя совершенно особый порядок работы ящиков, нечто вроде тяглового надела, но не землею, а трудом и прибылью.

Именно осенью крестьяне всех пяти деревень по окончании полевых работ собираются на сходку, в которой рассматривают условия на заказы ящиков, предлагаемые им купцами; далее поверяют все условия истекшего года; приводят в известность, сколько каждая деревня получила барыша и поставила ящиков; наконец, рассмотрев предлагаемые работы и цены, мир утверждает их или же вновь договаривается с купцами. После всего этого, сообразив общий объем работы, «всемирской сход», как он себя называет, распределяет с наивозможною уравнительностью подряды ящиков на того или другого торговца по деревням, напр., поставку конфетных ящиков на купца Гарцева отдает деревне Филино, белильных ящиков купца Сорокина — селу Подвязному и т.д. При этом он не ограничивает работу каждой деревни известным количеством ящиков, ибо это количество нередко изменяется, но принимает в расчет приблизительные соображения купцов, примеры прежних лет, полученную по истекшему договору каждою деревнею прибыль и количество тягол. Впрочем, подробное

распределение работ между жителями каждой деревни возлагается на частную мирскую сходку этой деревни. Для наблюдения же за работами, для сдачи ящиков и брака дурных все пять деревень выбирают *поставщика.*

Положение общего мирского схода всегда утверждается письменным условием, но на простой бумаге и без явки у маклера, за подписью одних крестьян и с приложением вотчинных печатей. Нарушение договора наказывается штрафом и телесно. Никому, впрочем, не запрещается производство других работ независимо от мира, напр., мебели, посуды, колес; можно также вовсе отказаться от своей части в работе ящиков или же сдать ее кому-либо из своего общества, обеспечив миру платеж оброка. Таким образом, в одной части своего промысла мир добровольно отказывается от монополии и ограничивает свои личные права в пользу общины, уравнивая между собою всех ее членов.

Пример этот, по моему мнению, чрезвычайно важен: он доказывает, какие широкие размеры может принять артельное начало и к каким счастливым результатам оно может вести в народе, в котором развилось самобытно и существует с незапамятной древности. А что в старину у нас существовали подобные товарищества целых селений, это доказывается записями XVI и XVII столетий, в которых жители разных сел и деревень договаривались между собой отправлять сообща те или другие повинности.

III

Обращаясь к вопросу, в каком отношении находилось доселе наше законодательство к артелям, мы должны прежде всего заметить, что хотя товарищества этого рода существовали у нас еще в отдаленной древности, однако не ранее как в 1799 г., именно в Уставе цехов, они поставлены в зави-

симость от некоторых законодательных правил. Впрочем, и в этих правилах, поставленных в том предположении, что к каждому цеху будет принадлежать несколько артелей, выражается главным образом только сущность таких предполагаемых товариществ на основании тех начал, которыми руководствовались известные в то время артели. Так, здесь говорится, что для вступления в артель необходимо добровольное согласие, что все члены артели отвечают друг за друга, что всякая артель имеет своего старосту и казначея, которые подают хозяевам, нанимающим артель, счет в работе помесячно и получают деньги, которые делятся между всеми артельщиками, что артель для временной работы, как то: каменной, деревянной, земляной, — не должна быть меньше как из 6 человек, что не докончив взятой на себя работы, артель не может расходиться и т.д.

Ограничительные же правила Устава о цехах состоят в том, что артельщики должны приписываться к какому-либо цеху; что они обязаны повиноваться правилам этого цеха и объявлять ему дома и имена хозяев, у которых они работают. При этом определяется, что срок служения артелей по какому-либо постоянному промыслу должен быть не менее одного года.

Эти правила с небольшими дополнениями, изданными в 1823 году, вошли и в Свод Законов (т. XI) как глава X Устава Торгового с заглавием «О биржевых артельщиках». Но и добавление 1823 года основано опять на сущности самих артелей: объясняя, что артели состоят из настоящих артельщиков, новиков и мальчиков и что желающий быть в артели вносит за вступление в нее вкуп деньгами или же этот вкуп составляется удержанием части ежегодной платы, следующей артельщику при дележе общего дувана, до взноса же вкупа вступивший называется новиком или мальчиком, — оно таким образом повторяет только то, что принято за правило в уставах самих артелей.

В 1802 г. 12 февраля записка рабочих и нанимающихся в услужение людей в цех рабочий и служебный отменена.

В 1803 и 1805 годах состоялись Именные указы, в коих выражено, что в полках артельные деньги, остающиеся от сбережения сумм, отпускаемых на продовольствие солдат, составляют солдатскую собственность.

В 1812 году *артельщики* подчинены сбору пошлины (в 40 рублей); а в 1823 году ей признаны подлежащими и биржевые артельщики в С.-Петербурге, причем постановлено, что они должны находиться в заведовании управы приказчичьего цеха.

В 1827 г. составлено Положение о дрягилях (носильщиках и другого рода рабочих при торговых портах), но быв утверждено Министерством Финансов (5 декабря 1827 г.) и напечатано, оно, сколько известно, не получило применения на практике.

В 1830 г. марта 24 и в 1831 г. сентября 29 дозволено, впредь до времени, существование в Кронштадте и Петербурге особых, для нагрузки и выгрузки кораблей, обществ мастеровых под именем *штуров,* причем постановлены некоторые правила в устранение монополии, которую было присвоили себе эти общества. Но и здесь законодательство не коснулось внутреннего устройства и отношений между членами штуровых обществ, составившихся, как прямо выражено в представлениях Министерства Финансов по сему предмету в Комитет Министров, без особого законоположения: напротив, основное начало артелей о круговой поруке лиц, их составляющих, и об ответственности их друг за друга помещено здесь как существенный пункт в обеспечение шкиперов, нанимающих штуров.

В 1832 г. мая 14 в Учреждении Коммерческих Судов постановлено, что дела по жалобам на судовщиков, извозчиков товаров, артельщиков, браковщиков и на другие лица, по торговле употребляемые, подлежат разбору Коммерческих Судов.

В 1833 г. по вопросу о поручительствах, которые дозволено крестьянам и мещанам представлять по подрядам вместо залогов, выяснено, что артели, занимающиеся перевозом тяжестей, могут ограничиваться в этом случае круговыми друг по друге поручительствами их членов. Нельзя. однако, при этом не заметить. что таким разъяснением, сделанным Министерством Финансов, было стеснено право, которым до этого времени пользовались и прочие артели, — предоставлять вместо залога такие же ручательства не только обществ, к которым они принадлежат. но и своих членов.

В 1836 г. декабря 31 Положением о судохозяевах и судорабочих вменено рабочим наниматься на суда к одному хозяину не иначе как артелями, ответствуя друг за друга круговой порукой. Затем исчисляются взаимные отношения между хозяевами и бурлаками, причем имеется в виду преимущественное обеспечение этих последних. Так, напр., в случае полученного рабочим увечья на работе хозяин обязывается вознаграждать его, в случае же смерти отсылать вознаграждение его наследникам, а больных сдавать под расписку на руки начальнику или старшему того места, где оставляется больной. Здесь же определены разные правила с целью предупредить взаимные обиды между хозяевами и рабочими, и наблюдение за их исполнением возложено на начальника судоходной дистанции.

В 1838 г. апреля 30 в Положении о частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири работникам, нанятым в числе нескольких человек, поставлено в обязанность являться на места работать артелями, назначив над собою в каждой артели старосту и помощников к нему с круговою порукой в неотлучке от артели и в повиновении ему.

На самых же работах для сохранения порядка и удобнейшего их производства дозволено каждому промышленнику разделять рабочих на новые артели; в каждую такую артель промышленник назначает старосту от себя, а рабочие с своей

стороны двух выборных: они составляют *артельную расправу,* которой предоставляется право умеренного домашнего исправления рабочих, составляющих артель, а именно: она имеет право ленивых, нетрезвых, обличенных в запрещенной игре, порывавшихся к побегу и буйных наказывать по словесному ее приговору (на основании Уложения о наказаниях). Таким образом, артельное товарищество признается и здесь не только обязательным, но ему придается большое значение самим законодательством.

В 1846 г. февраля 13 издано Положение об общественном управлении С.-Петербурга. В нем в главе IV об устройстве цехов наемных служилых и рабочих в С.-Петербурге поставлены общие правила для артелей, на которые предполагалось разделить эти цехи по роду и свойству их занятий. Правила о них сходны с теми, которые помещены в XI т. Свода Зак. для биржевых артелей: подробности же предполагалось определить в особом Положении об этих артелях, но оно не было издано.

Точно так же официальный проект Положения для биржевых артелей в Петербурге, который был тогда же составлен Министерством Финансов, не был утвержден в законодательном порядке.

Причина тому заключалась, может быть, в мнении, поданном Биржевым Комитетом, «что было бы весьма неудобно делать какие-либо изменения в статьях XI т. Свода Зак., потому что всякая перемена в составе артелей легко может оказать вредное влияние на деятельность их и на совестливое исполнение ими своих обязанностей: лица, вступающие в артель, подчиняют себя добровольным условиям и правилам, а при отправлении отдельно своих обязанностей артель ответствует за каждого своего члена и тем служит купечеству ручательством, что возлагаемые на артельщиков занятия, часто по весьма обширным оборотам, будут исполняться в точности и притом с совершенным обеспечением».

Из всего этого ряда узаконений очевидно, что законодательство касалось до сих пор артелей лишь косвенно, в последнее же время оно, как кажется, утвердилось на той мысли, что в отношении к ним могут быть постановляемы только правила, имеющие целью обеспечение исполнения принимаемых ими на себя работ и вообще подрядов, а с другой стороны, ограждение их самих от злоупотреблений подрядчиков, но что не следует вовсе определять как самое устройство артелей, так и взаимные отношения их членов, а равно содержание заключаемых ими условий, лишь бы эти условия не противны общим правилам о составлении договоров. С этой точки зрения и объясняется, почему во временных правилах 31 марта 1861 года о найме рабочих для исполнения казенных и общественных работ помещен ряд статей, относящихся к артелям, которые, впрочем, до внутреннего состава их не касаются, заключая в себе только постановление, что каждая артель ограничивается числом в 100 человек и что она составляется по взаимному их согласию и избирает из среды себя старшину с помощниками ему, смотря по своей величине, от одного до двух.

Не установляя таким образом правил, на основании которых артельщики могут вступать между собой в товарищество, законодательство тем не менее неоднократно заявляло преимущественное доверие к ним перед отдельными лицами и даже прямо выразило в некоторых Уставах и Положениях, что общественные работы должны быть особенно поручаемы артелям, в каком случае оно допускает даже взаимное ручательство членов артели в исполнении договора вместо залогов.

Такая мысль ясно выражена, напр., в Уставе о соли относительно найма рабочих для ломки и возки соли и для поставки на солеваренные заводы дров и леса; в приведенном выше Положении 1838 года апреля 30, в Положении 8 марта 1861 года о горнозаводском населении казенных горных заво-

дов ведомства Министерства Финансов, относительно найма рабочих для рубки дров, жжения угля и перевозки материалов для заводов или рудников; в Правилах о поручительстве по договорам с казною и проч.

В заключение предложенного обзора артелей как древней России, так и ныне существующих, мы считаем себя вправе из всего вышесказанного сделать следующие выводы: 1) что артели суть товарищества, возникшие на нашей почве совершенно самобытно и с незапамятной древности: 2) что при совершившемся освобождении помещичьих крестьян от крепостной зависимости, стеснявшей сельскую промышленность, и при других благоприятных условиях для общественной деятельности товариществам, коих члены связаны между собой артельным началом, предстоит значительное развитие, обещающее вместе с тем благоприятные последствия и для других классов жителей; 3) что, ввиду такого развития артельного начала, желательно, чтобы законодательные постановления относились к нему и в будущем так точно, как относились до сих пор, т.е. чтобы оно не было стесняемо преждевременной регламентацией и могло выработаться свободно в среде самого народа.

СОХРАНИТЬ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ

О БОГАТЕНИИ

ПРОХОРОВ Тимофей Васильевич 1797 — 1854

В работе известного русского предпринимателя, владельца знаменитой Прохоровской Трехгорной мануфактуры, высказываются мысли, которые разделялись большинством коренных русских купцов.

Человеку нужно стремиться к тому, чтобы иметь лишь необходимое в жизни: раз это достигнуто, то оно может быть и увеличено, но увеличено не с целью наживы — богатства для богатства, — а ради упрочения нажитого и ради ближнего. Благотворительность совершенно необходима человеку, но она должна быть непременно целесообразна, серьезна. Нужно знать, кому дать, сколько нужно дать. Ввиду этого нужно посещать жилища бедных, помогать каждому, в чем он нуждается: работой, советом, деньгами, лекарствами, больницей и пр. и пр. Наградою делающему добро человеку должно служить нравственное удовлетворение от сознания, что он живет «в Боге». Богатство часто приобретается ради тщеславия, пышности, сластолюбия и пр., это нехорошее, вредное богатство, оно ведет к гибели души. Богатство то хорошо, когда человек, приобретая его, сам совершенствуется

нравственно, духовно: когда он делится с другими и приходит им на помощь. Богатство необходимо должно встречаться в жизни, оно не должно пугать человека, лишь бы он не забыл Бога и заповедей его. При этих условиях богатство неоценимо, полезно. Примером того, что богатство не вредит, служат народы, у которых при изобилии средств редки пороки. Не будь богатства, не было бы ни открытий, ни усовершенствований в различных отраслях знаний, особенно промышленных. Без средств, без труда, энергии не может пойти никакое промышленное предприятие: богатство — его рычаг. Нужды нет, что иногда отец передает большие средства сыну, сын еще более увеличивает их, как бывает в коммерческом быту». Это богатство хорошо, оно плодотворно, лишь только не надо забывать заветов религии, жить хорошей нравственной жизнью. Если богатство приобретено трудом, то при потере его оно сохранит от гибели человека: он станет вновь трудиться и еще может приобрести больше, чем у него было, он живет «в Боге». Если же богатство случайно досталось человеку, то такой человек часто не думает ни о чем, кроме своей похоти, и такой человек при потере богатства погибает. Вообще частное богатение, даже коммерсантов или банкиров, полезно, если человек живет по-Божьему.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОВАЛЫ

КОКОРЕВ Василий Александрович 1817 — 1889

Выдающийся русский предприниматель и экономист, сторонник сохранения и развития самобытных начал русской экономики. Вышел из старообрядцев поморского толка города Солигалича Костромской губернии. Добился больших успехов в торговле, разбогател на винных откупах. В 1870 г. основал Волжско-Камский банк и Северное страховое агентство. Одним из первых русских предпринимателей вложил большие капиталы в развитие нефтяного дела. Вместе с Губониным построил уральскую горнозаводскую дорогу.

В своих работах показал губительность для России механического заимствования западноевропейских финансовых и хозяйственных форм.

Книга, отрывки из которой мы публикуем ниже, была написана им на закате жизни, в 1887 году, и вместила экономические события за полвека. Анализируя экономические неудачи России, Кокорев убедительно доказывает, что они являются, как правило, результатом слепого копирования зарубежного опыта.

Особо следует отметить правильность оценки Кокоревым кабальной природы внешних займов. Он справедливо замечает, что эти займы стали средством угнетения России и способом перекачки ее ресурсов в пользу иностранных капиталистов. Вместо внешних займов, ложащихся тяжелым бременем на русскую экономику, Кокорев предлагал идею «печатания беспроцентных денежных бумажных знаков на какие бы то ни было производительные и общеполезные государственные потребности».

Пора *государственной мысли* перестать блуждать вне своей земли, пора прекратить поиски экономических основ за пределами России и засорять насильственными пересадками их родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и *познать в своих людях свою силу,* без искреннего родства с которой никогда не будет согласования экономических мероприятий с потребностями народной жизни; пора твердо убедиться в том, что только это спасительное согласование есть верный путь к покойному и правильному движению от силы в силу, тогда как путь розни и разлада с жизнью, т. е. нынешний путь, тянет в обратную сторону — от бессилия к бессилию, низводя прямо в бездну экономического расстройства. И мы дошли, наконец, до той глубины этой бездны, где уже редеет дыхание, не освежаемое чистым воздухом.

Печалование о расстройстве экономического положения России объемлет в настоящее время все сословия; все чувствуют, как быстро в наших карманах тают денежные средства и как неуклонно мы приближаемся к самому мрачному времени нужд и лишений.

Наше экономическое и финансовое обнищание образовывалось целыми десятками лет и дошло до того, что теперь никакие новые системы займов не могут направить нас на путь общего довольства и благосостояния. Вместе с этим было бы уже окончательно пагубно предаваться полному отчаянию, а лучше взглянуть без колебаний и робости прямо в глаза причинам, породившим угнетающие нас обстоятельства. Финансовая война против России настойчиво ведется Европою с начала 30-х годов; мы потерпели от европейских злоухищрений и собственного недомыслия полное поражение нашей финансовой силы. Настоящее положение настойчиво требует того, чтобы мы ободрились духом и сознали бы силу в самих себе. Примерами ободрения нам могут служить времена Петра I. Мы были тогда в военном деле совершенно

поражены под Нарвою, но это, однако же, не помешало нам в то же царствование отпраздновать Полтавскую победу и, к удивлению всей Европы, заявить такой исполинский рост нашей военной силы, что после присоединения Крыма и побед на Альпах, в Польше и в Финляндии, через сто лет от времени нарвского поражения, мы вступили в Париж победителями и даровали всей Европе мир и освобождение от порабощения Наполеоном I. Мы вырастали в военном деле на почве незыблемого сознания своего будущего великого назначения и на силе духа, верующего в народную мощь; но в деле финансов после каждого поражения мы, наоборот, падали духом и, наконец, до того приубожились, что во всех действиях наших выражалось постоянно одно лишь рабоподражательное снятие копий с европейских финансовых систем и порядков. Продолжая идти этим путем, мы утратили уважение к самим себе и веру в самих себя. Но, благодаря Богу, теперь наступило иное время: с высоты Престола веет свежим, новым духом ободрения Русских сил, и это веяние свидетельствуется в глазах всех указаниями и решениями, исходящими лично от благополучно царствующего Императора Александра III, в силу чего Русское патриотическое здравомыслие может признавать в себе твердое убеждение в том, что период нашего финансового и экономического возрождения возможен и находится не за горами.

Прежде всего считаю необходимым предупредить благосклонных читателей, что я вовсе не имею намерения утруждать их внимание предложением какой-либо финансовой системы, откровенно сознавая в себе полное незнание финансовой техники, при совершенном при том недоверии к девальвациям, консолидациям, конверсиям и тому подобному туману, напускаемому на нас в виде финансовой науки; но в то же время я полагаю, что внесу в сокровищницу общей пользы посильную лепту, если изложу последовательно все случаи пережитых Россией финансовых и экономических

провалов, для определения которых, я должен сознаться, у меня нет никаких материалов, кроме запаса памяти о событиях, причинивших финансовое расстройство. События эти всегда предварялись блестящими надеждами и ожиданиями со стороны изобретателей их и сопровождались самыми горькими последствиями, доставшимися на долю народонаселения. Таковые события живо и ясно сохранились в моей памяти, и мне сдается, что, если читатель вообразит себе нижеизлагаемые никогда не существовавшими, то его внутреннему возрению представится наше отечество богатейшею страною в мире, не нуждающеюся ни в каких кредитных пособиях со стороны иностранных бирж, Ротшильдов, Мендельсонов, Блейхредеров и т.п. А дабы губительное действие провалов было по возможности исправлено, надо прежде всего знать их корень и горечь последствий. Вот почему на закате моих дней я решился написать очерки экономических провалов, начинающихся за пятьдесят лет тому назад, основанные единственно на пережитых мною тяжелых ощущениях при виде того, как при каждом провале искалечивалась Русская народная жизнь и как надвигались на нее тучи бедности и лишений, несмотря на блестящую внешность официальной России. Здесь кстати будет сказать, что в настоящее время постоянно слышится: *чем хуже, тем лучше.* Отвергая этот взгляд, я верую в то, что над Россией свершится исполнение другого изречения: *«В скорби моей распространи мя еси».*

… Представим себе, хотя мысленно, то великое значение, которое нам было, так сказать, на роду написано и неоднократно указываемо Русской народной мыслью, и которого мы непременно бы достигли, если бы обновляли экономическую жизнь нововведениями, заимствованными прямо из жизни, не сбиваясь с действительного пути на какой-то извращенный путь, т.е.:

— если бы мы жили на медную гривну, а не на серебряный рубль, развивший в нас вредную похоть к расходам;

— если бы мы избежали Крымской войны, предотвратив ее сооружением в 40 — 50-х годах железной дороги из Москвы к Черному морю;

— если бы мы не надевали насильно на крестьянское и рабочее население линючей и непрочной ситцевой ткани и вместо платежа денег за хлопок направили бы эти деньги не за границу, а в избу земледельца за домашний лен;

— если бы мы не омертвили Сибирский тракт разрешением ввозить чай по западной границе и продолжали получать этот чай в Кяхте, посредством размена его на произведения наших фабрик, не расходуя на покупку чая монеты;

— если бы мы в 1857 году вместо сооружения Варшавской дороги начали нашу железнодорожную сеть с замосковных дорог и сберегли тем сотни миллионов, потраченных за границей по случаю обесценивания наших бумаг;

— если бы мы, «...» не уничтожали бы опекунских советов и не разоряли бы земледельцев лишением кредита;

— если бы мы, прежде приступа к сооружению железных дорог, образовали бы у себя рельсовые, локомотивные и другие заводы, нужные для железнодорожного дела, и не бегали бы за каждой гайкой за границу;

— если бы мы однообразием акциза не убили бы сельскохозяйственного винокурения и безграничным открытием кабаков не спаивали бы народа;

— если бы мы не ослабили в дворянских имениях сельскохозяйственного винокурения посредством данного права всем сословиям устраивать спекулятивно-винокуренные заводы, и т.д., и т.д.

Подводя итог всем этим *если,* интересно знать, какою бы цифрою потерь он выразился? Совершенно безошибочно будет сказать, что итог этот, когда бы можно было его сосчитать в цифрах, оказался бы с лишком вдесятеро против той контрибуции, которую взяла Германия с побежденной ею Франции в 1870 году. Вот куда ушло богатство России,

вот отчего образовалось наше обнищание! Наши внутренние недуги как будто сговорились с нашими западными завистниками и стали соединенными силами в речах, в печати и, наконец, в государственных воззрениях проводить идею, придавая ей значение какого-то догмата, о невозможности Верховной Власти разрешать — без потрясения финансов — печатание беспроцентных денежных бумажных знаков на какие бы то ни было производительные и общеполезные государственные потребности. Известно, что в основании этой проповеди лежало в Европе желание ограничить силу Власти и поставить ей в денежном вопросе известную преграду для предотвращения войны, чего на деле достигнуто не было, потому что во временных действий всякие ограничения исчезали и выпуск бумажных денег появлялся в том количестве, какое было необходимо для покрытия военных издержек. Мы видели, что вышеозначенное научное правило не могло задержать и у нас появления бумажных знаков ни в Крымскую, ни в Восточную войны, но потом, по водворении мира и спокойствия, безусловное соблюдение данного правила ложилось на народную жизнь самым угнетающим образом.

Для выяснения всех гибельных последствий этого провала необходимо войти в многосторонее обсуждение всех причин и обстоятельств, низвергнувших нас в глубокую пропасть безвыходных затруднений.

После Крымской войны мы никак не решались строить железные дороги на беспроцентные бумажные деньги несмотря на то, что народная жизнь принимала их в полном рубле и с полным доверием, и мы бы могли платить этими деньгами за все земляные, каменные, плотничные и т.п. работы. Мы могли бы на эти деньги построить дома, у себя, все нужные для железнодорожного дела заводы; но мы, неизвестно почему и зачем, не решались отступить от исполнения чужеземного догмата, вовсе не подходящего к образу Все-

российкого правления, и всецело подчинились указаниям заграничных экономических сочинений. Мы имели ложную боязнь, что при значительном выпуске бумажек наш рубль сильно упадет, и потому пустили в ход на иностранные биржи наши векселя с 5% интересов, т.е. облигации железных дорог и других займов, и отдавали их с уступкою более 30%. Что же вышло? Наш рубль все-таки упал на 40%. Если бы это падение случилось при постройке железнодорожной сети, без займов, посредством беспроцентных бумаг, даже более чем на 40%, то наше положение было бы в тысячу раз лучше теперешнего, потому что мы не были бы угнетены долгами и не были бы обязаны платить ежегодно 260 миллионов процентов за сделанные займы. Теперь, не достигнув поддержки ценности рубля, мы взвалили на народную спину такой долг по платежу процентов, который погашает целую треть из общего итога государственных приходов, упадая ежегодно в размере около 8 рублей за каждое взрослое мужское лицо. Вот вам и теория, вот вам и плоды каких-то иностранных учений и книжек! Такое великое умопомрачение только и можно объяснить тем, что если Бог захочет наказать, то отнимет у людей ум. Самый простой поселянин понимает, что беспроцентный долг легче, чем требующий уплаты процентов, и притом еще долг заграничный с такими тяжелыми условиями, чтобы уплачивать его металлическими деньгами по векселям (облигации), проданным со скидкой 20 или 30% и с ответственностью за курс, не при займе существовавший, а за курс того дня, в который будет произведен платеж. Итак, извольте-ка теперь тянуть лямку платежей, в которую запряжена Русская жизнь лжемудрою теорией на целые полвека, без всякого с ее стороны ведома. Займы такого губительного свойства можно сравнить только с займами некоторых прапорщиков прежнего времени, которые проматывали состояние своих отцов и тем казнили сами себя, а наши заграничные займы казнят всех нас, с мала до велика.

Нет, нельзя допустить такой мысли, чтобы деятели, создавшие означенную кабалу, уже до такой степени непрозорливы, что не сознавали вредных и совершенно очевидных последствий своих действий. Тут лежало другое руководящее воззрение, и мы попробуем подойти к раскрытию его.

Все то, что было отяготительно Русскому правительству и народу, было желательно Европе, потому что всякое наше оскудение усиливало Европейское влияние на Россию. Европа постигала, что верноподданная Россия, преданная в глубине души безусловному исполнению царской воли, всегда готова двинуться всюду, по первому с высоты престола мановению: а дабы положить этой силе преграды и затруднения, надо было сверх других экономических козней связать нам руки, т.е. подчинить правилу, что вместо простых денежных знаков можно выпускать только процентные бумаги с продажей их на Европейских биржах, дабы этим способом постепенно вовлекать нас в неоплатные долги, а Верховной Русской Власти противопоставить власть Ротшильдов и т.п. заправителей биржевого курса и *сделать из этого курса политический и финансовый барометр для определения русской силы, показания же барометра заимствовать из бюллетеней иностранных бирж, находящихся в распоряжении противников нашего преуспеяния.* В этой интриге они явились горячими пособниками, затрудняя царскую мысль и волю во всех ее стремлениях к созиданию Русского благоустройства на свои домашние средства; словом, они возродили власть принципов и подчинили им боготворимую Русским народом его исконную святыню.

Свершилось! Мы разорились, обеднели и погрязли в неоплатных долгах, а влияние Европы стало нас придавлять самою ужасною тяжестью — тяжестью благоволения. И пошла Русская жизнь, кое-как путаясь с ноги на ногу, с поддержкою ее милостивыми благодеяниями Европейских банкиров, которые до того вошли во вкус порабощения нас

своей денежной силе, *от нас же ими заимствованной* во все время предыдущих провалов с 1837 года, что при последних займах, как это было слышно, требовали уже обязательств от Русского правительства о невыпуске денежных беспроцентных бумаг. Как ни тяжело наше настоящее положение, но если бы мы могли, наконец, сказать сами себе, что обеднение наше раскрыло нам глаза и дало истинное понятие о всех наших провалах и, главное, о *причинах, их породивших,* тогда бы Русская земля нашла в себе средства к выходу из всех окружающих ее затруднений. «Спасение наше дома, в своей земле», — слова М. П. Погодина. И кто ведает непостижимые судьбы Всевышнего? Кто знает, что переживаемое нами угнетение не есть ли путь к нашему вразумлению и возрождению, путь к переходу в ту светлую область соединения мудрой царской воли с народным смыслом, где уже никакие внутренние недуги не будут в силах вносить в народную жизнь ядовитых измышлений?

Следовало бы, прежде чем прийти к мысли о невозможности печатать беспроцентные бумажные деньги, определить, сколько для всей Русской жизни нужно вообще денег, чтобы можно было расплачиваться ежедневно за труд рабочих по сельскому хозяйству и фабричному производству и т. д.; потому что при неимении монеты, исчезнувшей по случаю прежде изложенных товаров и предательских тарифов, надобно, чтобы были, по крайней мере, в потребном количестве бумажные знаки ценности. Затем следовало бы принять в соображение наши расстояния, например: Кавказ — Архангальск, Иркутск — С.-Петербург, Москва — Ташкент, Варшава — Амур и т. д. У нас никакого исчисления по этому основному вопросу еще никем не сделано, и мы сами не знаем, много или мало у нас денежных знаков, и скорее надобно думать, что их мало, по тем затруднениям, какие всюду встречаются в денежных расчетах. Безусловные поклонники чужеземных правил, не входя ни в какие подробности и не исчислив раз-

мера нужного для крайних надобностей количества денег, гласно вопиют на всякие лады о невозможности выпуска бумажных знаков, для какого бы общеполезного и выгодного государственного дела они ни понадобились. Голоса эти слышатся с 1856 года, после которого к России присоединились умиротворенный Кавказ и затем Амур, Ташкент, Каре и Батум, породившие новую потребность в оборотных денежных средствах. Но финансисты ничему этому не внемлют, ничего знать не хотят и продолжают петь свою песню и единично, и хором, в домах, в комитетах и на распутиях. В период времени от 1860 до 1875 года все стояли за невозможность выпуска, и даже самые патриотические люди, Ф. В. Чижов и И. К. Бабст, принадлежали к этому же воззрению, и в целой России в обществе и печати раздавались только три голоса, желавшие для постройки железных дорог появления беспроцентных железнодорожных бумаг вместо разорительных процентных займов за границею. Это были М. П. Погодин, А. П. Шипов и А. А. Пороховщиков, но их за этот взгляд называли не только отсталыми, но и юродивыми.

(…) Все наши провалы, начавшиеся с 1837 года, не были последствием зол, нанесенных небом, вроде эпидемий, землетрясений и неурожаев, или грозного нашествия каких-либо врагов, подобно бывшему в 1812 году. Все беды надвинулись на нас как наказание за великий смертный грех — *духоугашения,* и чем более гаснул дух народных мыслей, тем более входил в законопроекты и вообще в насилование жизни дух умопомрачения. Историк России будет удивлен тем, что мы растеряли свою финансовую силу на самое, так сказать, ничтожное дело, отправляясь в течение XIX столетия по два раза в каждое царствование воевать с какими-то турками, как будто эти турки могли когда-нибудь придти к нам в виде наполеоновского нашествия. Покойное и правильное развитие Русской силы в смысле экономическом и финансовом, без всяких походов под турку (говоря солдатским языком), порождавших

на театре войны человекоубийство, а дома — обеднение в денежных средствах, произвело бы гораздо большее давление на Порту, чем напряженные военные действия[1].

Пора сознаться в том, что мы забыли то, чего нельзя ни на минуту забывать, забыли, что животворные мысли, выражающие наитие Божией благодати, ниспосылаются тем людям, которых наша горделивая и бессодержательная суетность считает невеждами, не ведая того, что выражение на земле Высших Небесных Тайн было вверено грубым простолюдинам, оставившим нам завет *не угашать духа, в нем бо сила.*

И этот великий завет, изреченный носителями на земле всетворящего Духа Божия, должен был бы составлять неуклонную стезю жизни, а мы с нашим оледенелым сердцем и извращенным воззрением, уклонившись от истинного светозарного пути, стали искать спасения в окоченелых канцелярских справках и форменных пустословных комиссиях, думая найти в них свет разума (о несмысленное заблуждение!), и убедившись сто тысяч раз, что на этом пути ничего нет, кроме темнообразной путаницы, все-таки продолжаем коснеть в глубокой тьме вредного лжесловесия и разрушительного злообразия.

Слышу возражения, смешанные с вопросом: все это одни слова, и никто не знает, где находятся люди света и какая есть возможность их найти? Отвечаю: эти светочи живут вместе с нами и находятся на всех дорогах жизни, озаренные лучами правды и долготерпения.

Крестьянская семья, питающаяся милостыней и обливающаяся слезами о расстройстве жизни по случаю увеличения кабаков, представляет собою живую государственную лекцию (гораздо более поучительную, чем все наши экономи-

---

[1] Читатели Архива князя Воронцова припомнят, что эту же самую мысль относительно безвредности турок и необходимости беречь нашу силу для врагов с Запада неоднократно выражал граф Семен Романович Воронцов еще в прошлом столетии (Рус. Арх. 1887 года).

ческие лекции), к которой надобно было бы приложить внимательное ухо власти более двадцати лет тому назад[1].

Помещичья семья, вытесненная из своего гнезда бескредитным удушьем и разрушением мелких винокурен и скитающаяся по белу свету уже четверть столетия, составляет вторую государственную лекцию.

Кружок людей, умолявших властных лиц не учреждать Главного Французского общества железных дорог, а образовать вместо этого Русскую деятельность, составляет своего рода поучительную, также государственную, лекцию.

Другой кружок, составившийся из 92 патриотических лиц и ходатайствовавший об отдаче Николаевской дороги, выражал собой живой родник чистых струй народной деятельности, но этот родник засыпали разным сором теоретических чужеземных воззрений и т.д., и т.д.

По всему видно, что смиренные светочи, т.е. помещичьи и крестьянские семейства, разоренные преобразованиями, не могут в течение 25 лет возбудить к себе такого внимания, которое бы поворотило их *быт на новый лучший путь.* Без сомнения, это нерадение происходит от общего свойства Русской натуры, одинаково подчиняющейся как в простонародье, так и в интеллигенции, известной поговорке: Русский не перекрестится, пока гром не грянет. Впрочем, течение Русской жизни представляет не одну только сдержанную скорбь, но и грозу с страшным громом, беспрестан-

[1] Мне не раз случалось посещать лекции политической экономии в Москве и Казани, и эти посещения вполне убедили в том, что слушатели ничему научиться не могут, а сбить себя с толку (если будут верить в лекции, не относясь к ним критически), могут до такой степени, что потом между ними и народною жизнью образуется неисправимое непонимание друг друга. А сколько таких сбитых с толку людей попало впоследствии на влиятельные финансовые места? И начали эти люди направлять экономическую жизнь России по указаниям Мишелей Шевалье, Адамов Смитов и т.п., и зарыдали наши Трифоны, Прохоры, Матрены и Лукерьи и т.д., а затем надели на себя суму и пошли смиренно по миру питаться подаянием. — **В. К.**

но вокруг нас раздающимся. Замерзающие зимой на дорогах крестьяне, пропившие свою одежду и обувь, или преждевременно умирающие в деревнях от жестокого пьянства разве не представляют собой грозу и бурю? Затем, случаи убийства из-за нескольких гривен, совершаемые от помутившегося от пьянства рассудка, также выражают смертоносный гром бедствий. Наконец, наша молодежь, наши будущие заместители в жизни (офицеры, студенты и гимназисты), оканчивающие жизнь самоубийством, неужели не в силах возбудить такую деятельность в наших мыслях, которая додумалась бы до причины, порождающей отчаяние? Если каждодневные оглашения в печати скорбных известий о самоубийствах нас не трогают, то какие же словесные убеждения могут возродить в нас чувство жалости. Какая речь может быть убедительнее и трогательнее бездушного пораженного смертью человека, самовольно лишающего себя жизни от тоски и невозможности направить себя на путь полезного труда? Давно изречено святым Златоустом, что если смерть наших братьев не может нас уцеломудрить, то затем уже никто и ничто нас не уцеломудрит. Остается одно: плакать горькими слезами при виде того, как мертвые духом погребают мертвых телом.

Но от всех разрушительных провалов, породивших бедность и самоубийства, можно было бы избавиться, если бы мы оканчивали каждый день строгим требованием от своей совести удостоверения в том, что в течение дня не было отвергнуто ни одной просьбы, как бы она малозначительна ни была, и ни одно предложение о разных потребностях не только больших городов, но и бедной деревни не оставлено без скорого удовлетворения.

Нетрудно отгадать, что во мнении читателя возникнет удивление, смешанное даже с досадою и порицанием за то, что воспоминания за 50 лет представляют одни только провалы, как будто Русская жизнь в течение полвека не имела свет-

лых событий. Такое неудовольствие было бы вполне справедливым, если бы я за 50 лет описывал общее течение Русской жизни и это описание наполнил бы одними экономическими провалами, но так как задача сочинения состояла в обозрении экономических преобразований, то это уже не моя вина, что пережитые мною преобразования и нововведения представляют беспрерывный ряд провалов, деятельность которых осязательно удостоверяется настоящим финансовым и экономическим положением России. Справедливее будет такое заключение, что не все провалы мною исчерпаны: многие из них вовсе неизвестны и некоторые, без сомнения, не сохранились в моей памяти. Но чтобы не оставлять читателям сетования на то, что при созерцании всего прошедшего я был неспособен видеть отрадных явлений, считаю моею обязанностью, хотя в кратком изложении, поименовать те события, которые веселили дух Русских людей. Здесь я буду держаться того же правила, как и в провалах, то есть излагать те суждения, которые высказывались в обществе и в народе и ясно доказывали, что в то время, когда мы падали в экономическом положении, Русская жизнь в других ее проявлениях выражала очевидный рост. Остановимся на нашей главной гордости, военных силах России, беспрепятственно обновляющихся дальнейшим благоустройством и через это достигающих самого блестящего и влиятельного положения в Европе. У всех русских людей на глазах значительное улучшение положения солдата в отношении пищи, одежды и всей обстановки солдатской жизни в казармах и лагерях, это улучшение выразилось на самом наружном виде солдат, в особой их бодрости и веселости лиц сравнительно с прежним временем. Введенная вместо рекрутских наборов всесословная воинская повинность сразу прекратила семейные слезы и отчаянные вопли, какие слышались прежде.

Затем, другие части хозяйственного строя, положим, художественная — живопись, скульптура, архитектура — дав-

но уже заняли самое почетное место среди образованного Европейского мира, заявив всесветно множество талантов и массу замечательных произведений.

Русская медицина также, заняв самое почетное место в Европе, постоянно вносит в общую сокровишницу мировых знаний свои даровитые открытия и наблюдения для пользы человечества.

Инженерное искусство, сооружая мосты через такие реки, как Днепр и Волга, и пролагая дороги по Уральским и Кавказским хребтам, имеет полное право на то заслуженное удивление Европы, которое не раз высказывалось русским инженерам.

Примерно стройное и всех удовлетворяющее течение почтово-телеграфного дела не оставляет желать ничего лучшего. Но что выражает верх успеха и верное движение вперед с постоянным вкладом полезных сведений в общую сокровищницу жизни — это наша Русская печать, заявившая свой очевидный рост в размере, объемлющем отечественные потребности.

Все подобные совершенства и правильные шаги вперед вовсе не существуют в той части управления, которая ведает экономию и финансы. В этой части, наоборот, все идет к упадку и этим упадком тормозится общее движение жизни по пути преуспеяния. Что же за причина первых вышепоименованных частей управления и упадка другой части, т.е. финансовой и экономической? Дело представляется в таком виде: военное хозяйство находится в непрерывном сношении с живыми людьми, офицеры узнают и подмечают все нужные потребности для обыденной войсковой жизни прямо из самого хода солдатской жизни, генералы узнают все это от офицеров и потом все это безо всякого промедления восходит к решению главных высших властей; тогда как экономическая жизнь не может от своего начальства добиться никакого удовлетворения в ее насущных

потребностях и даже не знает, кто ее начальство и где оно находится. Между тем на эту горемычную жизнь налагаются — без всякого совета с ней — законопроекты о налогах, измышляемые в канцеляриях на основании европейских теорий, а не живой потребности.

Мир художественный вовсе не имеет никаких канцелярий, живет и развивается сам собою, единственно от прямого соприкосновения к живой натуре человека и природы.

Мир медицинский также чужд всяких канцелярий и имеет дело прямо с пульсом человека, но ведь у экономической жизни есть свой пульс, только, к несчастью, наука политической экономии не приготовила, подобно медицине, экономических Эйхвальдов, Боткиных, Захарьиных и т.д. для ощупания экономического пульса, дабы по его ударам и отбоям можно было определять состояние общего экономического организма.

Мир инженерный, при всех сооружениях, находится в неразрывной связи с народом. П.П. Мельников не раз доказывал в своих разговорах, что только тот инженер может идти вперед, который умеет пополнять свои ученые знания народным смыслом. По его мнению, в массе простых рабочих всегда есть несколько таких, которые самого опытного инженера довоспитывают своею смышленостью при практическом исполнении работ, сами не сознавая за собою столь важного достоинства.

Общий итог сводится к тому, что в военном, медицинском, художественном и инженерном деле движущая сила исходит из вдохновения и развития мыслей, не угнетаясь никаким давлением канцелярского формализма, тогда как в финансово-экономическом управлении не было не только уважительного отношения к вдохновенью, но наоборот, полные и неистовые стремления к тому, чтобы задушить всякое вдохновение. Нет спора о том, что финансовое управление не может отрешить себя от двуличности, будучи обязано преследовать

иногда расчет, а иногда воззрение вдаль, а потому оно может часто находиться в колебании между расчетом и воззрением, но в изложении провалов мы видим только такие действия, которые, нанося явный вред расчету и воззрению, вели к прямой гибели. Говоря народным выражением, поневоле приходится сказать, что просто не хватало смекалки ни для расчета, ни для воззрения.

Возьмем для примера факты, именно: предложения Русских людей строить дороги на Русские средства без заграничных займов, мольбы не увеличивать кабаков, не доводить мелкие винокурни до разрушения, не уничтожать кредит для земледельцев и не отдавать Николаевской дороги анонимному акционерному обществу. Разве все это вообще и в отдельности взятое не выражает чистейшего патриотического вдохновения, но было ли это вдохновение понято и оценено? Нет, не только не было понято, а отвергнуто как ненужное и бесполезное, отвергнуто потому, что на Русской земле не образовалась еще своя финансовая наука, соглашенная с Русской жизнью, и вместо нее действует идолопоклонение теориям и взглядам иностранных политико-экономистов и поклонению этому с энергией Диоклетианов, в смысле изнурительного надрыва народных сил, привлекаются Русские люди. Между тем в этих изнуряемых силах лежит истинное понятие о потребностях жизни, и кто добудет эти понятия из сердечной глубины русского мышления, кто поймет чистоту народных намерений и желаний, тот будет в состоянии написать руководящую книгу о Русской экономической науке. Но чтобы почувствовать в себе силу приступить к этому, надобно предварительно уметь читать и понимать еше другую многосложную книгу, называемую Русская жизнь, листы которой раскрываются только для тех, кто имеет сердце, преисполненное любви к простым серым Русским людям, для поклонников же чужеземных теорий книга жизни остается навсегда за твердой печатью недоверия.

Оканчивая повествование об экономической жизни России за 50 лет, я вижу в этом сравнительное сходство с могильным курганом, в котором погребена человеческая жизнь со всеми ее несбывшимися надеждами и мучительными страданиями от насильственного угнетения общечеловеческого роста чужеземными веригами, отравленными ядом зависти и злобы.

На этом кургане, неумолкаемо оглашаемом народным рыданием, прилично начертать: «Если равнодушные к человеческим бедствиям услышат грозный глас: *«Стыдите от Мене»* и пр., то что же услышат создающие беды и напасти?»

Не политико-экономичекие витийства, не парламентские хитросплетенные речи и не разновидные конституции дадут нам разум для благоустройства и возвеличивания России, а живущее в простых чистых сердцах Слово Божие, *То,* единое *То,* наставит нас на путь Истины и Правды.

УМНОЖЕНИЕ НАРОДНОГО КАПИТАЛА

БАБСТ Иван Кондратьевич
1823 — 1881

В своих воззрениях И. Бабст был довольно эклектичен. Понятия факторов производства и экономического прогресса трактовались им преимущественно с западнических позиций. Но были и отличия, которые возвышали его над западными представлениями, прежде всего он разграничивает капитал производительный и капитал спекулятивный. Понятие «капитал» он рассматривает с русских народных позиций, как результат труда и бережливости, отождествляя его с народным богатством.

Более того, расширительно толкуя понятие народного капитала, он включает в него капитал нравственный, то, что мы сегодня называем человеческим капиталом. Бабст придает этому виду капитала большое и даже решающее значение в развитии народного хозяйства.

(…) Позвольте мне в заключение указать вам еще на одну весьма важную сторону нашего вопроса, еще на одно условие, способствующее к умножению нашего богатства. Я говорил до сих пор об умножении материального благосостояния, об умножении капитала вещественного, но есть еще одна отрасль народного капитала — это капитал нравственный, заключающийся в народной честности, в народной предприимчивости и степени трудолюбия, в живом и ревностном участии к общему благу, в привычке не полагаться

на внешнюю помощь, не искать себя в силах, лежащих извне, но в самом себе, в привычке к самостоятельности. Не одинаково и не ровно распределены сии высокие качества нравственного достояния народного, этого неоценимого запаса нравственного капитала. Подобно вещественному богатству, проявляющемуся в разных степенях, встречаем мы и нравственный капитал не в одном и том же количестве. Мы найдем многочисленные здесь ступени, начиная от жидовского торгашества и барышничества, врожденного восточным народам, до непоколебимой честности квакеров, известной всему миру, от лени неаполитанского лазарони до трудолюбия английского работника и от совершенной апатии, от совершенного отсутствия потребности к улучшению своего быта земледельческого населения на востоке до неутомимого духа к спекуляциям североамериканца. Вглядитесь в весь общественный организм восточных государств, и вы увидите, что там, где дети от своих родителей заимствуют с самых молодых лет презрение к честному труду, презрение к честности и образованию, где все управление основывается на продажности и на подкупе, где господствует полный произвол везде и всюду, где уголовное законодательство существует почти единственно для потачки преступлению, а не для того, чтобы карать его, — там, конечно, не может быть честности, а где нет честности, там не может развиваться и умножаться народное богатство. И действительно, где более бедности и нищеты, как не в самых благословенных странах Азии и Европы, но страдающих от дурного управления? Развитие промышленности может быть только там, где господствует честность в народе и где развит кредит. Английские векселя принимаются охотнее всего на биржах; богатейшие и известнейшие во всемирной торговле дома, самые зажиточные торговцы встречаются только в тех местах, где существует продажа без запроса, где даже не знают, что значит торговаться. Запрос, барышничанье, страсть торговаться — это

явный признак мало развитого народного хозяйства, а вместе с тем и народной честности, потому что здесь каждый думает нажиться скорее и быстрее всякими непозволительными средствами. [1; 43 — 45]

Оглядимся же беспристрастнее на все наши в течение последних лет затеянные предприятия. Откуда взяты на них средства? Где нашлись капиталы? Бумажные деньги — это не капитал. Ни бумажные рубли, ни даже серебряные не в состоянии вызвать к жизни необходимых для предприятий средств, не они капитал, а настоящий капитал состоит в средствах для прокормления рабочих, в материалах, и этот-то действительный капитал у нас невелик, и далеко не представляется теми вновь созданными и брошенными в народное обращение искусственными капиталами в форме кредитных билетов.

В такое критическое время проявляется самым ясным образом все различие между частным и народным богатством. Умножением денег частные люди могут разбогатеть, народ никогда. Отчаянные спекуляции могут обогатить одних, разоряя других; народ от спекуляций никогда не будет в выигрыше. Народ благоденствует и богатеет от действительного производства, от предприятий призрачных никогда.

РАБОТА И ТРУД

ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ Никита Петрович 1824 — 1887

В книге «Основные начала экономии», опубликованной посмертно в 1888 в «Русском деле», Гиляров-Платонов проанализировал учения Лассаля, Родбертуса, Маркса, Дюринга, Шеффле, Тедески, Мейера и др. современных ему экономистов. Причем в отношении последнего, отмечая еврейский дух капитализма, он иронизирует, что тот договорился до производства без капитала «на воздухе и из воздуха».

«Материалистическое направление мысли, — говорит Гиляров-Платонов, — повело к тому, что вопрос общественности объявлен вопросом желудка»; это же направление «препятствует экономистам справиться с экономическим элементом услуг». Духовная жизнь есть не только цель растительной, но она ею и управляет; она дает бытие самой экономии, служит основанием материального прогресса». «Ум есть родоначальник стоимости, он же основание ценности и, следовательно, субстанция в обоих направлениях». Если бы не был упущен из виду этот психический элемент, то, между прочим, не ускользнуло бы от внимания, что «существующим экономическим устройством более всех обижен не рабочий, а интеллект», и тогда очевидна была бы «ложность теоремы, что рабочему должен принадлежать весь его продукт». «Ценность есть отражение годности, а в годности лежит уже зародыш психического элемента, ибо годность определяется потребностью». «Зачеркнув чувства и желания человека, — говорит Гиляров, — измеряйте труд каким угодно

динамометром, но реально измерить его не сможете. К нему неприложимо определение Маркса «воплощенный труд», ценность же есть понятие телеологическое».

Гиляров-Платонов выдвигал моральный, психический элемент в политической экономии, тот элемент, который ученые экономисты стали рассматривать в сер. XX в.

Говоря о производстве, Гиляров-Платонов делает вывод, что не производитель, а потребитель есть владыка экономической жизни, вследствие чего риск есть необходимая принадлежность производства, а монополия и централизация суть неизбежное зло современного состояния природы и общества. Высшая конечная цель этого производства заключается в питании духовном, вследствие чего материальное богатство не есть самостоятельное благо, весь же вообще экономический процесс сводится к трате жизненных сил с целью и в надежде их возобновления посредством усвоения материи, причем, возражая Марксу относительно направления экономического прогресса, автор сам намечает следующие ступени этого прогресса: 1) отношение непосредственное (благ к человеку), 2) отношение посредственное (процесс разложения конкретных благ и идеализация), 3) победа над посредственностью и идеализацией, возвращение к непосредственному пользованию благами, но под единственным управлением интеллектуальных сил, с полным не только освобождением, но и упразднением материального мускульного труда.

По вопросу о соотношении между трудом и капиталом в производстве Гиляров-Платонов высказывается безусловно против тезиса, будто бы труд человека есть единственный творец хозяйственных благ. Труд, по его мнению, не только не единственный, но и не главный производитель; мало того, он даже совсем не производитель, а лишь орудие производящей силы, имеющей целью покорить природу; между тем как капитал, будучи природой уже покоренный, есть ценность, дающая самостоятельный доход, — это саморастущая

ценность. В человеческом обществе природа мало-помалу превращается в капитал и теряет свою самобытность, а человек по природе своей капиталист. Определение капитала как «сбереженный труд» указывает лишь на происхождение, определение же его как орудия производства указывает лишь на применение, а между тем вследствие односторонности этих определений ускользает от внимания правильное, соответствующее природе вещей соотношение между трудом и капиталом, — соотношение, в котором как бы стихийно труд вытесняется капиталом, и в этом осуществляется начало прогресса в хозяйственной сфере. В вопросе права собственности на этот капитал Гиляров-Платонов отмечает непоследовательность многих экономистов. Спор по этому предмету сводится, по мнению Гилярова, к тому, что «теперешнее положение признает права рода и права корпорации, предоставляя внутренний распорядок соглашению, социалисты же распространяют эти права на общества, не доходя до человечества, но вместо внутреннего соглашения вводят регламентацию, — и таким образом решение сводится лишь к степени».

Вопросу о ценности и цене в «Основных началах экономии» отведено особое место. Основной тезис автора сводится к тому, что для ценности труд не только не единственное основание, но даже не главное, и даже совсем не основание. В данном случае, утверждая противное, упускают из виду психический элемент. Что же касается цены, то в отношении к ней определителем является не затраченный труд, а тот труд, который надо будет затратить на восстановление или воспроизведение такой же вещи. Затраченный труд имеет значение лишь для самого производителя, но и производитель сообразуется не столько с затраченным уже трудом, а с будущим, и в этом отношении или с этой точки зрения можно безошибочно сказать, что в общем экономическом обороте труд всегда проигрывает, а потребитель выигрыва-

ет. Потребительная стоимость есть материальный носитель меновой.

Сливая понятия о капитале и поземельной собственности, Гиляров делает то же и в отношении к ренте и проценту, причем он рекомендует назвать рентой вообще всякого рода избыток как результат всякого рода монополии (искусственной или естественной) и обращает внимание на недостаточно ясное разграничение понятий о заработке и доходе. В вопросе о заработной плате Гиляров-Платонов являлся безусловным противником Маркса, который видел только время, а не хотел видеть качества работы, вследствие чего, между прочим, приветствует т.н. фабричное законодательство. Это отнюдь цели своей не достигает. Уменьшение числа рабочих часов тогда только целесообразно, когда плата остается неизменной; а разве не в воле капиталиста уменьшить плату в меру уменьшения часов? «Гигиенический результат этого законодательства еще куда ни шло, имеется, и им, конечно, пренебрегать не следует, а экономический — химера», — считает Гиляров-Платонов. Соглашаясь с Лассалем, что рабочий получает свое продовольствие, Гиляров не одобряет, однако, его выводов из этого и вообще приходит к заключению, что «в получении дохода рабочий обделен не более других деятелей производства». Когда, говорит он, «рабочий простирает руки к доле избытка, ускользающей от него, он свидетельствует лишь о похоти своей на роскошь», ибо прогресс с каждым днем ее у него сам увеличивает, т. ч. в данном случае требования социалистов суть не что иное, как забегание вперед. Кроме того, если допустить рабочего до участия в барышах, то придется привлечь его и к участию в убытках, что, конечно, опять было бы справедливо лишь в том случае, если рабочий был бы и сам хозяином, а все рабочие хозяевами быть не могут.

В «Основных началах экономии» Гиляров-Платонов предлагает более точную русскую терминологию. Так, напр.,

он рекомендует заменить термин «продукт труда» термином «изделие труда», ибо в таком случае установится следующая постепенность в развитии одного и того же экономического понятия: 1) изделие труда, как непосредственный результат «мускульной и нервной (умственной)» работы, 2) изделие-товар при мене, 3) припас, как товар, дошедший уже до потребителя, т.е. переставший быть товаром, и 4) запас, как непотребленный еще припас.

В труде Гилярова-Платонова рассматривался и вопрос о задаче государства или закона в отношении к хозяйственной сфере, и по этому предмету он формулирует совершенно ясное и определенное положение: «на обязанности закона лежит ограждать взаимодействие, взаимную помощь, а не взаимную борьбу; борьбе, исходящей из личного интереса, он должен полагать границы».

Жизнь есть подвиг,
а не наслаждения.
Труд есть долг,
а не средство своекорыстия.
Верховный закон междучеловеческих
отношений есть всеотдающая любовь,
а не зависть.

Люби ближнего, как самого себя: вот в двух словах все начало должных общественных отношений, истинно христианских и истинных во всяком другом значении этого слова.

Лицо, сохрани свою инициативу, владей своей свободой, какою одарено, употребляя всю энергию, к какой способно, но клони все свои действия на благо человечества, на пользу братьев.

Представьте, что это соблюдается всеми, и никакого противоречия, никакого неудобства нет: общество сохраняется, труд увеличивается, счастье всех и каждого достигается.

НАРОДНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПРОТИВ КАПИТАЛИЗМА

ВОРОНЦОВ Василий Павлович 1847 — 1918

По профессии врач, экономикой серьезно занялся в тридцатилетнем возрасте. Выступал против развития народного хозяйства России на западных началах. Доказывал пагубность насаждения западных форм хозяйствования для народного благосостояния. В своих трудах неоднократно подчеркивал, что народное производство в России в силу определенных особенностей не подчиняется сформулированным на Западе законам политической экономии, ибо производитель стремится получить лишь массу продуктов, удовлетворяющую его потребности. Это было своеобразное обоснование принципа нестяжательства.

Воронцов показывал пагубность капитализации народного хозяйства России, ведущей к растрате производительных сил общества и к разорению значительной части тружеников. В противовес капитализации хозяйства он предлагает развитие традиционно русских форм хозяйствования — общины, артели, кустарных промыслов народного производства. Особое внимание уделял созданию системы менового хозяйства, основанной на единении земледельческой и обрабатывающей промышленности.

Воронцов отвергал неизбежность капитализма для России. Основываясь на факте, что русский народ не только сохранил вплоть до конца XIX века многие черты общинного быта, давно утраченные другими народами, но еще и развил

их дальше, он верил, что это развитие будет продолжаться и в будущем, что воспитание и дисциплинирование русского народа для общественной формы труда происходит и без руководства капитала, силою общины, и выработанный ею артельный дух приведет народное производство к той же организации, какая была достигнута на Западе при помощи капитала.

I

Среди молодых сил нашего общества преобладает тенденция некритического отношения к последним выводам западноевропейской науки, тенденция не проверять и исправлять теорию сообразно данным русской жизни, а конструировать последнюю согласно указаниям теории. При таком подчинении критической мысли догме и доктрине нельзя ожидать ни настоящего понимания изучаемой жизни, ни заметных успехов в деле развития науки. И если уже мы не можем обходиться без крайности, то в интересах научной производительности нашей интеллектуальной работы следует предпочесть крайность отрицания, предполагающего последующую самостоятельную работу построительного характера, крайности подчинения доктрине или теории.

Попытки применения к объяснению явлений русской жизни некоторых общепринятых положений политической экономии показали, что эти последние не могут считаться, как это за ними признается наукой, имеющими общее значение, а это обстоятельство побуждает глубже вникнуть в теорию, обратить внимание на такие ее стороны, которые не были разработаны в достаточной степени в Европе, потому что соответствующие им явления жизни в ряду других отступали на задний план, но которые не могут не обращать на себя особенного внимания в России. Одним из таких под-

верженных сомнению положений науки является положение о том, что капиталистическая эволюция или, как обыкновенно выражаются, промышленное развитие страны, если не всегда несет с собой возвышение народного благосостояния, зато обеспечивает быстрый рост национального, т.е. принадлежащего гражданам страны, богатства. Да и относительно самого народного благосостояния обыкновенно признается, что его понижение или сохранение низкого status quo есть явление временное, свойственное переходному состоянию национальной промышленности из одной формы в другую. Впоследствии же быстрый рост капиталистической продукции даст возможность и простой массе населения подняться на такую ступень зажиточности, какой она никогда бы не достигала при тех медленных успехах, какие свойственны промышленности, развивающейся без участия крупного капитала.

Теоретическая основа этого положения покоится на том несомненном факте, что единица труда, организованного в крупные капиталистические предприятия, несравненно производительнее труда мелкого; но при этом игнорируется другой факт, в Европе отступающий на второй план, а при известной комбинации условий могущий иметь первостепенное значение, — факт обращения процессом капиталистической эволюции промышленности известного количества национального труда в бездеятельное, т.е. потерянное для производства состояние, причем это неблагоприятное для национальной продукции обстоятельство не остается одиноким, а ведет за собой новые действующие в том же направлении явления, напр., дешевизну рабочих рук, стоящую на пути применения технически совершенных машин, вследствие чего и употребляемый производительно труд не достигает той степени успешности, какая по техническим условиям представляется в данный момент возможною и какая осуществляется в странах, обращающихся в капита-

листические при другой комбинации обстоятельств. В нижеследующем мы обратим внимание на эту сторону вопроса, высказав по данному предмету несколько соображений, которые, может быть, окажутся небесполезными при фактическом изучении нашего экономического развития, останавливая внимание исследователя на таких сторонах последнего, которые без того могли бы быть опущены из виду.

II

При географических условиях, свойственных большей части материка Европы, а также и другим странам умеренного пояса, земледелие отнимает у населения около 1/2 — 2/3 года, и если только производительность труда не достигнет весьма высокой степени развития, дозволяющей человеку полгода проводить в праздности, то целесообразная организация промышленности таких местностей должна открывать возможность соединять промысел с земледелием, т.е. допускать, чтобы одно и то же лицо часть года работало в поле, часть — в мастерской. Так именно и слагается промышленная организация стран, начинающих свое развитие: при натуральном хозяйстве семья или несколько более широкий союз, община, собственными силами производят все предметы своего потребления. На первых ступенях превращения натурального хозяйства в меновое связь промысла с земледелием продолжается, но земледельцы разных районов вместо того, чтобы, как это было прежде, производить в зимнее время предметы собственного потребления, приспособляются к производству товаров, соответствующих местным условиям, выносят эти товары на рынок — и прямо или через посредство денег — выменивают их на нужные им вещи, привезенные из другого промышленного района, особые условия которого благоприятствуют добыванию именно этих предметов.

Указанная связь промысла и земледелия может сохраниться при значительном развитии меновых сношений. Иначе говоря, меновое хозяйство само по себе не противоречит такой организации промышленности, что доказывается примером России, где уже в давно прошедшем выделились районы, земледельческое население которых снабжало всю Россию и даже отправляло за границу различные продукты обрабатывающей промышленности, выделываемые по преимуществу в зимнее время, и где такая же система менового хозяйства, основанного на единении земледельческой и обрабатывающей промышленности, представляется чуть ли не господствующим явлением в новейшее время.

Подобная же система господствует и в начальные периоды истории колоний. В Америке, напр., по словам Уэкфильда, не было «ни одной части населения исключительно земледельческого, кроме рабов и их хозяев, которые соединяют капитал и труд для крупных предприятий. Свободные американцы, сами обрабатывающие землю, имеют, кроме того, много других занятий: часть их мебели и инструментов обыкновенно делается ими самими; они часто сами строят свои дома и отвозят продукт своих промыслов на очень отдаленные рынки. Они в одно и то же время и прядильщики, и ткачи; они приготовляют для собственного потребления мыло и свечи, сапоги и платье. В Америке земледелие образует часто побочное занятие кузнеца, мельника или мелкого торговца».

С привлечением к участию в промышленном развитии страны капитала связь промысла с земледелием постепенно разрушается. Организуя более производительный труд, капитал получает возможность продавать с выгодой товар дешевле кустаря-земледельца и тем вынуждает последнего сбывать свое изделие ниже стоимости производства, а со временем совершенно прекратить его выделку. Продавая товар дешевле, фабрикант на первое время способствует возрастанию спроса на него, результатом чего является увеличение

потребности в сырье, за которое к тому же фабрикант, экономизирующий на издержках переработки, может предложить повышенную цену. Развивающиеся вместе с тем сношения между отдаленными областями одной и той же страны и различными государствами поддерживают этот спрос, следствием чего является временное повышение цены на продукты земледельческого производства. Указанное обстоятельство в совокупности с дешевизною предметов фабричной продукции, побуждает крестьян, удовлетворяющих многие свои потребности (в одежде, обуви и т.д.) продуктом домашнего производства, продавать перерабатывавшееся ими самими сырье (лен, коноплю, шерсть, шкуры домашних животных и др.) и покупать дешевые и красивые фабрикаты. Все эти влияния ведут к сокращению зимних занятий земледельческого населения, за которым должно следовать и уменьшение их доходов. Для пополнения образующегося таким образом недостатка в доходах мелкому производителю остается прежде всего усиленно подналечь на тот источник последних, который меньше всего поддается капиталистической организации производства, на земледелие. В силу сказанного, те производители, которые часть летнего времени отдавали другим занятиям, теперь целиком посвятят его земледелию; другие постараются применить сельскохозяйственные орудия, позволяющие работать быстрее и запахивать больше земли; третьи введут новые культуры, пользующиеся особенным спросом на рынке, и т.д. Степень ожидающего мелких производителей успеха на этом пути расширения своего земледельческого хозяйства зависит от многих условий внутреннего и международного характера.

Если страна обладает обилием незанятых земель и находится на сравнительно высоком уровне культурного развития, в таком случае стремление населения к расширению земледельческого производства может быть удовлетворено занятием девственных земель и обработкой их при помощи

быстро изобретаемых, увеличивающих производительную силу труда орудий, при противоположных же условиях населению останется донельзя расширять запашку на своей земле за счет остальных угодий, поднимать до неимоверной высоты арендную плату на все чужие способные к обращению под культуру, земли и при всем том не получить удовлетворения той потребности в увеличении дохода, какая вытекала из вмешательства в процесс экономической эволюции капитала. Не одними, однако, аграрными и культурными условиями определяется успех мелких производителей на рассматриваемом пути. Расширение обрабатываемой площади и увеличение получаемой массы продукта еще не означает возрастание денежных доходов земледельца. Меновая стоимость земледельческого продукта, как и всякого другого, измеряется трудом, затраченным на его добывание. Если кто-либо из земледельцев при помощи машин сумел удвоить количество зерна, получаемого им в течение лета, то его доход от предприятия увеличится лишь в том случае, если применение машин сделано небольшой группой населения, а главная масса идущего на рынок продукта произведена старыми техническими приемами. Если же применение усовершенствованных орудий сделалось общим явлением, то рыночная цена хлеба будет определяться новыми условиями производства, а так как при этих условиях на каждую единицу продукта затрачено вдвое меньше труда, то и денежная цена его понизится вдвое и денежный доход земледельца окажется равным тому доходу, недостаток которого именно и побудил его к расширению производства. Сказанное подтверждается примером Северо-Американских Соединенных Штатов, земледельческое население которых стремилось к покрытию дефицита в доходе, образовавшегося благодаря лишению его подсобных занятий, этим способом расширения площади обрабатываемой земли при помощи употребления машин: за двадцатилетие с 60-х до 80-х гг. площадь посева

здесь возросла с 202 млн. акров до 430, т.е. на 117%, валовой сбор с 4272 млн. бушелей до 8713 млн., т.е. на 140%, а валовая ценность урожая увеличилась всего с 3496 млн. долларов до 3687 млн. долларов, т.е. поднялась едва на 5%.

Итак, при возможности для самостоятельного земледельца неограниченного расширения культивируемой площади, пополнение дефицита в доходах, происходящего от лишения его подсобных занятий, может происходить следующими путями.

Если при прежних порядках натурального хозяйства отчуждение земледельческих продуктов на сторону было мало развито, то каждая семья посвящала земледелию не весь летний сезон. Поэтому при начинающемся отделении обрабатывающей промышленности от земледельческой, выражаемом параллельным развитием двух явлений — сокращением подсобных занятий земледельцев и образованием особого класса фабричных рабочих, — население может обращать освобождающееся у него время на расширение запашки с тем, чтобы получаемые избытки хлеба сбывать новому классу потребителей — фабрично-заводским рабочим, частью прибывающим из других стран (как это было в колониях), частью образующимся из местного населения, бросающего хозяйство. Повышение дохода описываемым способом увеличения времени, отдаваемого земледелию, имеет естественный предел, поставляемый географическим положением страны, ограничивающим земледельческий сезон известным числом месяцев.

Достигнув этого предела, земледельцам для увеличения дохода от хозяйства надлежит обратиться к средствам, возвышающим производительность труда, дабы в течение не подлежащего дальнейшему увеличению земледельческого сезона получить большую массу продукта. Те земледельцы, которые первые обратятся к этому средству и будут сбывать свой дешевый хлеб по рыночной цене, устанавливаемой сообраз-

но господствующей стоимости производства, будут получать приращение своих доходов, пропорциональное возрастанию производительности труда. По мере распространения улучшенных приемов обработки цена земледельческих продуктов будет понижаться, а вместе с тем будут сокращаться и доходы инициаторов. И во всяком случае указанное повышение дохода доступно лишь для небольшой группы земледельцев, идущих впереди других в деле улучшения хозяйства. Что же касается всего земледельческого населения страны, всякое увеличение производительности его труда имеет следствием соответственное понижение цены продукта, стоящее на пути возрастания его денежного дохода. Последний может в этом случае увеличиться лишь настолько, насколько понижение стоимости производимого земледельцем хлеба, мяса и т.п. делает более дешевым расход его семьи на собственное потребление этих продуктов, что позволяет большую, чем прежде, часть их выносить на рынок.

Что касается материального содержания нынешнего дохода земледельческого населения сравнительно с прежним, т.е. массы получаемых им предметов для удовлетворения потребностей, таковая может быть выше или ниже того количества продуктов, какое потреблялось населением при прежних порядках.

Если население потеряло все подсобные к земледелию занятия и вынуждено ограничиться одной сельскохозяйственной деятельностью; если при этом по климатическим условиям земледельческий сезон продолжается не более полугода, т.е. население вынуждено вместо целого года работать только половину, то его настоящий запрос на продукты потребления, выражаемый в количестве затраченного им на производство труда, равняется 6 месяцам, т.е. вдвое меньше прежнего. Что же касается количества предметов потребления, какое оно может получить при этом полугодовым трудом, сравнительно с количеством их, имевшихся у него

раньше, — таковое будет зависеть от успехов в производительности труда. Так как производительность труда в промышленности обрабатывающей несомненно возросла, каковое возрастание и было причиной утраты населением подсобных к земледелию занятий, то настоящий полугодовой труд дает земледельцу возможность иметь больше половины того количества предметов потребления, какое он получал раньше, работая круглый год.

Если прежде рабочий занимался 4 месяца земледелием и 8 месяцев промыслом, а теперь, при полной капитализации обрабатывающей промышленности он должен ограничиться шестимесячным сельскохозяйственным трудом, причем продукт 4 месяцев труда он по-прежнему потребляет в своей семье, а предметы двухмесячной работы вынесет на рынок для обмена на фабрикаты, то, чтобы получить за них сумму товаров, какую он производил раньше затратой 8-месячных усилий, — вместе с капитализацией промыслов, производительность труда должна была повыситься в 4 раза. Принимая же во внимание, что социальный смысл капитализации промышленности заключается не в изменении ее формы, каковое обстоятельство представляется выгодным лишь для ограниченного числа лиц, занявших места руководителей этого изменения и тем получивших возможность эксплуатировать большинство населения; что общенациональное значение рассматриваемой эволюции заключается в увеличении потребления всего населения и что возрастание массы потребляемых земледельцем продуктов вдвое должно быть признано весьма умеренным требованием, какое с точки зрения интересов народного благосостояния мы вправе предъявить новой организации промышленности — мы видим, что для достижения этого результата производительность объединенного капиталом труда должна подняться в 10 раз.

Из сказанного следует, что хотя бы капитализация коснулась только обрабатывающей промышленности, а зем-

ледельческая продолжала оставаться в руках мелких самостоятельных хозяев, — утрата последними промышленных занятий наносит такой удар их благосостоянию, что только очень высокий уровень производительности подчиненного капиталу труда в состоянии изгладить следы испытанного потрясения как следствия изменения формы национальной промышленности.

Возвышение производительности труда, вошедшего в капиталистическую организацию промышленности, будет иметь несомненно благодетельные результаты для мелкого самостоятельного земледельца лишь в том случае, когда полное отделение обрабатывающей промышленности от земледельческой сделалось свершившимся фактом и потому дальнейшее развитие капиталистической формы этой промышленности не грозит земледельцу новыми потерями, при условии, однако, чтобы размеры единичных земледельческих хозяйств не подвергались сокращению. Пока же капитализация промыслов не закончилась и всякий шаг в этом направлении лишает большую или меньшую часть земледельцев подсобных к главному занятий, — до тех пор успехи капиталистической эволюции легко могут сопровождаться понижением, а не возвышением народного благосостояния. Пусть, напр., крестьянин 4 месяца занимается земледелием, а 8 — промыслами. Если начавшаяся капитализация обрабатывающей промышленности отнимет у него половину промышленных занятий, причем он получит возможность расширить земледелие настолько, чтобы занять весь сельскохозяйственный сезон, продолжающийся, согласно нашему предположению, полгода, в таком случае с утратой 4 месяцев промыслового занятия он так же потеряет 2 месяца земледельческого. Если при этом производительность труда в капитализирующейся промышленности превышает производительность замещенного ею труда в 1 ½ раза, то продукт прибавочного 2-месячного земледельческого труда крестьянин обменяет на такую

сумму предметов фабрично-заводской выделки, какую он вырабатывал прежде 3-месячным трудом, т.е. совершившаяся эволюция поведет к сокращению его потребления в размере, измеряемом затратой одного месяца ремесленного труда. Если производительность капитализирующегося труда повысилась вдвое, то вышеуказанное расширение земледельческого промысла покрывает все потери крестьянина, вызванные сокращением подсобных занятий. При повышении же успешности труда втрое, крестьянин, вынося на рынок продукт 2-месячного труда, получает в обмен предметы капиталистической продукции в размере, какой собственными средствами он добыл бы течение 6 месяцев, и таким образом не только покрывает недочеты промыслового заработка, но получит излишек продукта, измеряемый затратами 2 месяцев ремесленного (как мера производительности) труда, отчего его благосостояние повышается.

Дальнейшая капитализация промыслов легко будет иметь следствием понижение благосостояния крестьянина, так как происходящую от того потерю заработка он не может восполнить расширением сельскохозяйственной деятельности, доведенной до предела, поставляемого естественными условиями местности. Утратив остальные 4 месяца промыслового труда и имея на удовлетворение всех своих потребностей, кроме продовольствия, земледельческий продукт стоимостью в 2 месяца, в обмен на который он получает на рынке той же стоимости предметы фабрично-заводской выделки, крестьянин должен удовлетворять ими все те потребности, которые раньше он удовлетворял продуктом 8-месячного промыслового труда. Если объединенный капиталом труд сделается в 4 раза успешнее замененного им ремесленного, то полученная земледельцем масса предметов даст ему возможность удовлетворять свои потребности в тех размерах, в каких происходило это удовлетворение во времена, так сказать, дореформенные; при более низкой произво-

дительности этого труда в потреблении будут недочеты; при более высокой — благосостояние крестьянина окажется поднявшимся. Каждое следующее возрастание производительности капиталистического труда увеличит массу предметов, получаемую крестьянином в обмен за выносимые на рынок продукты 2-месячного земледельческого труда и будет иметь следствием возвышение его благосостояния.

Из сказанного видно, каким значительным повышением производительности труда должна сопровождаться капитализация обрабатывающей промышленности для того, чтобы вместе с тем происходило поднятие народного благосостояния. Иное следует сказать относительно того случая, когда вместе с капитализацией промыслов наблюдается и увеличение производительности земледельческого труда. Такое направление технического прогресса ведет гораздо скорее к увеличению народного потребления. Правда, увеличение массы продуктов земледелия, зависящее от улучшений в производстве, не дает новой стоимости, так как количество затраченного труда остается неизменным, и потому хозяин этого продукта не продаст его дороже прежней цены. Но возвышение производительности труда дает земледельцу возможность меньшую часть последнего затрачивать на производство предметов собственного потребления и большую — обратить в обмен на предметы продажи, т.е. увеличить затрату труда для рынка за счет доли, назначаемой для производства предметов собственного потребления. Возьмем тот момент экономической эволюции нашего гипотетического общества, когда земледелец лишился всякого промыслового заработка, занимается только хозяйством (в течение полугода), потребляя продукт 4-месячного труда сам и вынося продукт 2-месячного труда на рынок; причем, благодаря тому обстоятельству, что успешность капиталистического труда в 4 раза выше ремесленного, в обмен на свой товар он получает ту же массу предметов, какую добывал раньше затратой

8-месяцев времени. Таким образом, возвышение производительности промышленного труда в 4 раза не сопровождалось подъемом народного благосостояния, и для того, чтобы это последнее увеличилось на 33 %, т.е. чтобы земледелец мог потреблять массу предметов, для производства которых потребовалась бы затрата 16 месяцев ремесленного труда, нужно, чтобы производительность труда фабрично-заводского сделалась в 6 раз (вместо 4) выше ремесленного, т. е. чтобы она поднялась еще на две единицы или на 50 %. Воздействуя же на технику земледельческого труда, тот же результат можно получить, возвысив производительность всего на 33 %. При таком состоянии техники продовольствие семьи земледельца, на которое раньше затрачивалось 4 месяца, потребует 3 месяцев труда, а в продажу будет пущен продукт 3 месяцев (вместо прежних 2), в обмен за который получится такая масса предметов, какая раньше производилась 12-месячным трудом, и все потребление земледельца по старой мерке стоимости будет равняться 16-месяцам (4+12) труда.

Ввиду такого выгодного результата поднятия производительности земледельческого труда читатель может подумать, что этим указывается только на необходимость не удовлетворяться стихийно идущим процессом капитализации обрабатывающей промышленности, а принимать меры к возбуждению того же процесса в земледелии, в том предположении, что капиталистическое хозяйство скорее мелкого поддается улучшениям. Простое рассуждение, однако, легко обнаружит неправильность такого предположения.

Капитализация земледельческого производства обращает мелкого самостоятельного хозяина, обладающего всем продуктом своего труда, в наемного работника, получающего в виде заработной платы только часть этого продукта. Допустим, что часть эта равняется ½ (это очень много для земледельческого рабочего), т.е. что, работая в течение полугода, сельскохозяйственный рабочий получает вознаграждение

в размере стоимости 3-месяцев. Таким образом, превращение мелкого земледелия в крупное принесло крестьянину сокращение дохода и, следовательно, потребления в 2 раза. Предполагая, что это обращение сопровождалось возвышением производительности труда вдвое и что половину заработной платы (стоимость в 1 ½ мес.) рабочий употребит на свое продовольствие, а другую — на приобретение прочих предметов потребления, мы увидим, что питаться он будет хуже самостоятельного земледельца (стоимость 1 ½ месяца эквивалентна 3-месяцам труда прежней производительности, а самостоятельный земледелец потребляет стоимость, эквивалентную 4-месяцам этого труда), на прочие потребности будет иметь много меньше (1 ½ месяца против 2). Дабы благосостояние наемного земледельческого работника достигло уровня благосостояния мелкого самостоятельного земледельца, при неподвижном состоянии техники последнего и производительности фабрично-заводского труда, в 4 раза превышающей производительность труда ремесленного, т.е. дабы сумма предметов потребления рабочего измерялась 12 месяцами дореформенного труда, нужно, чтобы производительность капиталистического земледелия уравнялась с производительностью промышленного труда, т.е. чтобы она в 4 раза превышала производительность мелкого хозяина. В этом случае наемный земледельческий рабочий из своей заработной платы стоимостью в 3 месяца труда на приобретение предметов продовольствия отделит стоимость в 1 месяц (эквивалентную дореформенной стоимости в 4 мес.), а на прочие предметы потребления — 2 мес. (равносильные прежним 8 мес.). Заметное возвышение благосостояния наемного земледельческого рабочего выше этого уровня невозможно ни при каком вероятном поднятии успешности сельскохозяйственного труда (т. е. путем сокращения расхода на продовольствие); оно будет только результатом или поднятия заработной платы за счет дохода землевладельца (напр., со сто-

имости 3 дней до 4), или возвышения производительности труда в промышленности обрабатывающей (вследствие чего увеличится масса предметов потребления, приобретаемых на заработную плату).

III

Итак, если промышленное развитие нации совершается капиталистическим путем, то во все время процесса капитализации обрабатывающей промышленности населению страны грозит опасность опуститься на низшую ступень благосостояния, что не может не отразиться неблагоприятно на культурном развитии и финансовом благополучии страны. Если же, вместе с тем, совершается капитализация и земледельческой промышленности, то понижение народного благосостояния (по крайней мере земледельческого класса) становится почти неизбежным. Прочное улучшение благосостояния самостоятельного земледельца может начаться лишь после того, как процесс капитализации обрабатывающей промышленности прекратиться и дальнейшее ее развитие совершается путем увеличения производительности труда, т.е. понижения стоимости продуктов. Но и в этом случае повышение благосостояния сельского населения будет иметь место лишь при условии, если размер крестьянского хозяйства не потерпит сокращения, т.е. если прирост сельского населения будет своевременно удаляться или получать на месте какое-либо неземледельческое занятие; так что продолжительность сельскохозяйственного занятия крестьянина и, следовательно, производимая им стоимость останется без изменения. Более глубокое положительное влияние на возвышение благосостояния мелкого земледельца будет иметь поднятие техники его хозяйства, но опять-таки при условии, чтобы абсолютное количество затрачиваемого в отдельном хозяйстве

земледельцем труда оставалось без сокращения, т.е. чтобы отдельное лицо производило в течение земледельческого сезона прежнюю стоимость. При несоблюдении этого требования, если увеличение производительности земледельческого труда достигается, напр., путем применения орудий, дозволяющих с прежней затратой рабочей силы запахивать большую площадь, причем ни расширение культивируемого пространства, ни отведение в сторону сделавшихся излишними для земледелия рук не представляются возможным, то подобное улучшение земледельческой техники, получив всеобщее распространение, не только не поведет к возвышению благосостояния населения, но будет иметь прямо противоположное следствие и тем более значительное, чем оно само выше. Так, в нашем случае поднятия земледельческой техники на 33 % при соответствующем расширении запахиваемой площади получится, как мы видели, возвышение благосостояния земледельца с 12 единиц до 16, т.е. на 33 %. Если же при этом культивируемая площадь не будет увеличена, то предположенное техническое улучшение производства сократит затрату труда каждого крестьянина на обработку его неизменившегося участка с 6 месяцев до 4 ½, отчего произведенная земледельцем стоимость уменьшится на 25 %. Оставив, согласно принятому нами расчету, на продовольствие своей семьи продукт 3-месячного труда, крестьянин окажется в состоянии пустить в продажу стоимость в 1 ½ месяца, т.е. вдвое меньше, чем он продавал бы в случае, если бы увеличение успешности его труда сопровождалось соответствующим расширением площади запашки, и на 25 % меньше, чем он выносил на рынок при старых приемах земледелия (2 мес.). При возвышении успешности труда вдвое производительная затрата времени земледельца (при неизменном участке) сократится до 3-месяцев, и за покрытием его продовольственных нужд для продажи осталась бы стоимость в 1 месяц труда, которая дала бы ему возможность приобрести только

половину того количества предметов потребления, каким он пользовался при старых агрикультурных приемах.

Из сказанного видно, насколько при капиталистическом направлении промышленного развития интересы благосостояния массы населения расходятся с интересами технического совершенства производства. Это значит, что движимое личным интересом, освобожденное от сознательного общественного регулирования промышленное развитие страны принимает характер, выгодный для немногих отдельных лиц и разорительный для массы населения. Если бы промышленные успехи нации оценивались не по техническому совершенству производства, а по благосостоянию трудящегося населения, и сообразно такому отношению к предмету принимались меры для поднятия производительности самостоятельного народного промысла, а не для превращения народной промышленности в капиталистическую, то обществу было бы обеспечено неуклонное движение вперед не в смысле только развития техники производства, но и в отношении поднятия народного благосостояния, т.е. промышленная эволюция нации не сделалась бы однобокой, ведущей к развитию одной стороны жизни за счет остальных, к принесению интересов большинства в жертву небольшой группе лиц; она сохранила бы правильное направление, отвечала бы на все запросы общественной жизни. Такой характер развития не представляет ничего невозможного. Способность народного производства достигнуть высокого технического совершенства даже при отсутствии систематического воздействия на жизнь науки доказывается успехами, сделанными промышленностью всякой страны до подчинения ее капиталу. Если бы развивающаяся наука оказывала соответствующее влияние на все стороны жизни и на все слои населения, а не обходила большинства последнего и не светила только небольшой кучке лиц, то естественный процесс поднятия производительности *народного* труда мог бы продолжаться бо-

лее систематично, с большей быстротою и без тех печатных явлений, какими наша жизнь обязана подчинению экономической эволюции руководству капитала. Во всяком случае, можно сказать одно: что если бы такое направление развития имело место, то хотя бы техническая производительность труда не достигала той высоты, какую она принимает в руках предпринимателя-капиталиста, народное благосостояние неуклонно бы поднималось, а принимая во внимание отсутствие при этом вынужденного бездействия земледельцев в течение $^1/_3$ — $^1/_2$ года — может быть, и рост национального богатства не отставал бы от того, какой имел место при капиталистическом направлении экономического развития.

Так, при сохранении народной организации производства, при которой трудящийся часть года отдает земледелию, а другую промыслу, — поднятие производительности его труда на 33 % будет иметь следствием возвышение его благосостояния с 12 единиц меры до 16. При капитализации обрабатывающей промышленности тот же результат будет, как мы видели, достигнут при высоте производительности капитализировавшегося труда, выражаемой 600 % (см. выше), т.е. в 18 раз большей. Для поднятия благосостояния населения в два раза при народной организации производства достаточно возвышения успешности труда вдвое; при капитализации же обрабатывающей промышленности для этого требуется высота производительности труда, выражаемая цифрою 10.

Что же касается наемного земледельческого рабочего, получающего в виде заработной платы половину той стоимости, какую имеет самостоятельный земледелец, для заметного поднятия его благосостояния требуется необыкновенное возрастание производительности труда. Если бы успешность труда капиталистической земледельческой промышленности росла с такою же быстротой, как и обрабатывающей, а производительность мелкого хозяйства оставалась бы постоян-

но на низком уровне, в таком случае при известной высоте технического развития положение наемного земледельческого рабочего было бы лучше положения самостоятельного мелкого хозяина. Так, если бы последний, по причине малой производительности его промысла, должен был тратить на продовольствие всегда продукт 4 месяцев своего труда и для обмена на прочие предметы потребления у него оставалась бы стоимость 2 месяцев, то увеличение его благосостояния могло бы произойти только от возрастания массы продуктов, покупаемых стоимостью этих двух месяцев, в то время как наемный рабочий представлял бы к рынку требование в размере стоимости 3 месяцев (его заработная плата). При этом благосостояние обоих лиц было бы одинаково при высоте производительности капиталистического труда, выражаемой цифрою 4 (самостоятельный земледелец потреблял бы 4+(2x4) =12, наемный рабочий — 3x4=12); при дальнейшем ее росте относительное положение самостоятельного земледельца ухудшалось бы: при успешности его труда, выражаемой цифрой 5, наемный рабочий имел бы в виде заработной платы 3x5=15 единиц продукта; самостоятельный же хозяин всего 4+2x5=14 единиц. При возвышении производительности до 6 первый будет потреблять 3x6=18 единиц, второй 4+2x6= 16 единиц и т.д.

Таково было бы положение вещей в случае неподвижности мелкого земледелия, с одной стороны, и неограниченного роста производительности капиталистического сельского хозяйства с другой. В действительности подобные отношения не наблюдаются, так как, во-первых, мелкое земледельческое хозяйство способно почти к такому же развитию, как и крупное, во-вторых, возвышение сельского хозяйства заключается в его интенсировании, а стоимость продукта интенсированного земледелия скорее повышается, нежели понижается, то отнесение капиталистической обрабатывающей и земледельческой промышленности в одну прогрес-

сирующую группу, противопоставляемую неподвижной группе мелкого хозяйства, не может быть признано правильным, и скорее в этом отношении следует капиталистическую обрабатывающую промышленность противопоставлять земледельческой — мелкой и крупной. Поступим же таким образом и дадим крупному земледелию то, на что оно может претендовать, т.е. допустим, что оно в 1½ раза производительнее мелкого. Примем затем, что мелкий земледелец поднял успешность своего производства на 33%, т.е. что из производимой им стоимости он затрачивает 3 месяца на свое продовольствие, а 3 месяца выносит на рынок в обмен на другие продукты, которые при высоте капиталистической техники, выражаемой цифрою 4, он получает в размере 12 единиц и в совокупности с продовольствием будет потреблять всего 16 единиц продукта. В это время наемный земледельческий рабочий, получающий заработную плату стоимостью в 3 месяца труда, употребляет на продовольствие стоимость 2 мес. (в этой стране, по нашему предположению, земледельческий труд в 1½ раза успешнее, а хлеб в 1½ раза дешевле, нежели в первой), и на все прочие нужды имеет только 1 месяц, т.е. втрое меньше мелкого земледельца. При той же производительности труда в обрабатывающей промышленности (4) материальное содержание дохода наемного рабочего будет составлять 8 единиц — половину того, что имеет мелкий самостоятельный хозяин. Если наемный земледельческий рабочий предпочтет несколько хуже питаться, но зато лучше одеваться и разделить свои расходы поровну между продовольствием и другими предметами потребления, то, по причине большой дешевизны этих последних, его потребительное богатство несколько увеличится; стоимость 1½ месяца, затраченная на продовольствие, даст ему 3 единицы продукта, а такая же сумма, издержанная на остальные предметы, принесет ему 6 единиц; в сумме он будет потреблять 9 единиц продукта, в то время как мелкий самостоятельный зем-

леделец при таком же расходе труда имеет для своего потребления 16 единиц. Дабы благосостояние наемного рабочего достигло того же уровня, на каком оно находилось до начала капитализации промышленности, когда оно измерялось 12 единицами продукта, производительность фабрично-заводского труда должна увеличиться до 6 (продовольствие рабочего будет тогда 3 един., а прочие предметы потребления $1\frac{1}{2} \times 6 = 9$). В это время мелкий самостоятельный хозяин будет потреблять $4 + 3 \times 6 = 22$ единицы продукта, т.е. почти вдвое больше.

После всего сказанного относительно влияния капитализации промышленности на благосостояние сельского населения становится вполне понятным стремление последнего в капиталистических странах в города и жалобы крупных хозяев на отсутствие надежных рабочих, — затруднение, почти не известное капиталистической обрабатывающей промышленности. Если добывание человеком средств существования ограничено периодом времени в $^1/_2$ — $^2/_3$ года, тогда как нормальным рабочим сезоном является полный год, то всякое сокращение рабочего времени, понижающее и без того скудные его доходы, грозит ему чувствительными потерями. Между тем такое сокращение явится неизбежным результатом скученности населения, и для предупреждения последней необходимо весь прирост населения, а при незаконченном еще процессе капитализации промыслов и часть основного его фонда отправлять в город. Если же при этом человек добывает средства существования наемным трудом, получая в вознаграждение лишь половину производимой им стоимости, то он обречен на низшую степень благосостояния, возможную для трудящегося в данной стране, и неудивительно, если с такой долей примиряются отбросы рабочего класса, а лучшие его члены принимаются за такие занятия, хотя бы по найму, которые продолжаются целый год и где достающаяся им половина произведенной стоимости а, следо-

вательно, и право на часть национального продукта готового производства, равняется не 3 — 4 месяцам, а полугоду. Такие занятия они могут найти в обрабатывающей промышленности и потому стремятся переселиться из деревень в города.

IV

Мы рассмотрели возможные последствия для народного благосостояния капитализации национальной промышленности при различных условиях ее развития. Посмотрим теперь, каким образом отражается то же экономическое явление на национальном богатстве; следует ли при этом ожидать непременного возрастания последнего или при различных условиях капитализация промышленности будет иметь в этом отношении весьма несходные результаты.

Мы знаем, что по причине отделения обрабатывающей промышленности от земледельческой и зависимости этой последней от естественных условий страны, результатом капитализации промышленности является вынужденное бездействие в течение большего или меньшего периода времени земледельческого населения, вынужденная растрата большего или меньшего количества производительных сил общества. Размер этой непроизводительной затраты времени зависит от двух условий: от продолжительности мертвого сельскохозяйственного периода и от степени земледельческого характера национальной промышленности. Чем длиннее по географическим условиям местности земледельческий сезон, тем меньшую часть года земледелец находится в бездействии и наоборот, при более коротком периоде сельскохозяйственных работ крестьянин несет большую потерю времени на вынужденное бездействие в течение мертвого сезона. Общая сумма теряемого таким образом национального труда зависит от того, какая часть населения занимается

земледелием. Так, предполагая, что земледельческий сезон продолжается полгода, вследствие чего каждый сельскохозяйственный рабочий (за исключением небольшой их части, нужной для ухода за скотом и надзора за строениями) при полном господстве в обрабатывающей промышленности капиталистического начала полгода будет проводить в праздности, и беря взаимные отношения промышленного и земледельческого рабочего населения, приближающиеся к тем, которые существуют в Англии, Германии, Северо-Американских Штатах и России, т.е. предполагая, что промышленное население относится к земледельческому в одном случае как 3 : 1, в другом как 1 : 1, затем как 1 : 2 и наконец как 1 : 9, будем иметь, что в Англии $^1/_4$ часть населения бездействует в течение полугода, т.е. общая потеря национального труда составляет $^1/_8$ (12,5 %) всего потенциального рабочего времени трудящегося населения; в Германии, где в течение полугода бездействует ½ населения, национальная потеря трудовой силы равняется 25 %, в Америке, при вынужденной праздности $^2/_3$ населения, растрата трудовой силы достигает 33 % и, наконец, в России бездействие в течение полугода 9/10 населения имело бы следствием потерю 4,5/10 или 45 % общей массы национального труда. Таким образом, капитализация промышленности неизбежно ведет к растрате производительных сил общества и тем большей, чем более нация сохраняет земледельческий характер. При нашем условии, что земледельческий сезон продолжается ½ года, национальная потеря труда составляет половину потенциального времени земледельческого класса: так, в Англии, где сельским хозяйством занимается 25 % рабочего населения, растрата национального труда измеряется 12,5 %, в Германии, при 50 % земледельческого населения, потеря рабочей силы равняется 25%, в Северо-Американских Штатах — при 66 % сельских жителей — 33 % и в России, где земледельческий класс составляет 90 % населения, растрата труда достигает (т. е. достигла бы

при завершении капитализации национальной промышленности) громадной цифры 45%. Если земледельческий сезон продолжается 8 месяцев, то потеря рабочей силы от вынужденного бездействия составляет третью часть потенциального рабочего времени земледельческого класса, т.е. в наших примерах: 8,33%, 16,66%, 22% и 30%. При более коротком земледельческом сезоне растрата времени возрастает. Беря полосы России с различной продолжительностью земледельческого сезона: северную — 4 месяца, среднюю — 6 мес. и южную — 8 мес.[1] — и предполагая полную капитализацию обрабатывающей промышленности и одинаковое во всех полосах распределение рабочего населения между фабрично-заводской и земледельческой промышленностью в отношении 1: 9, будем иметь потерю национального труда в размере 66,7%1, 45% и 30% потенциального труда рабочего населения соответствующих районов.

Итак, при взятых нами условиях задачи, т.е. при 6 месячной продолжительности земледельческого сезона, полной капитализации обрабатывающей промышленности и распределении рабочих между фабрично-заводской и сельскохозяйственной областями труда в вышеуказанных отношениях — на 100 единиц рабочего времени, занятого производительно, приходится растрачиваемого времени (единиц): в Англии 14,3, в Германии 33,3, в Северо-Американских Штатах 50 и в России 82. Это значит, что если бы оказалось возможным дать земледельческим рабочим в течение мертвого сельскохозяйственного сезона какое-либо занятие, в таком случае при одном и том же контингенте рабочих стоимостеобразовательная сила страны увеличилась бы сравнительно с си-

1 Из сведений, собранных Департаментом земледелия и сельскохозяйственной промышленности, видно, что период полевых работ продолжается в южной степной полосе 6,5 — месяца, в средних и северных черноземных губерниях 5 — 6 мес., в средних нечерноземных губерниях 4,5 — 5 мес. и северных нечерноземных — 4 — 4.5 месяца (Е. Андреев. Кустарная промышленность в России. с. 32).

лами, развиваемыми капитализмом в полном его расцвете: в Англии на $^1/_7$; в Германии на $^1/_3$; в Северо-Американских Штатах — наполовину и в России больше чем на $^4/_5$. Связывая производительный труд, превращая живую человеческую силу в мертвую и этим ограничивая производительность страны, другим своим влиянием — возвышением успешности труда, занятого в крупных предприятиях, — капитализм развивает эту производительность и окончательный экономический результат образования новой формы промышленности в данной стране будет зависеть от того, какая их двух взаимно противоположных тенденций и в какой именно степени получит перевес. Так, предполагая, что крупная организация охватила все сферы промышленности, для сохранения прежней общей производительности страны достаточно, если вместе с тем успешность труда повысится в размере, соответствующем отношению связанного труда к действующему, а именно: в Англии на 14,3 %, в Германии на 33,3 %, в Америке на 50 %, в России на 82 %. Если же крупная организация не коснулась земледельческой промышленности или если считать правильным, что крупное земледелие не отличается резко от мелкого в отношении производительности труда, то пополнение недобора в продуктах, происходящее от вынужденной бездеятельности в зимнее время земледельческих рабочих ложится всецело на обрабатывающую промышленность. Чтобы судить о том, в каких размерах должно быть сделано соответствующее указанному недобору возвышение производительности труда, занятого в этой промышленности, надлежит определить отношение, существующее между трудом связанным и тем живым, который объединен капиталом. В стране, именующейся у нас Англией, где крупная организация (исключая земледелия) охватила 75 % рабочего населения, а количество связанного труда выражается всего 12,5 %, отношение между капитализированным трудом (принимая его за 100) и связанным =100: 16, и потому достаточно, чтобы

производительность труда в крупной промышленности превышала производительность труда мелкого на 16% и общая продукция страны остается неуменьшившейся. В нашей так называемой Германии, где отношение живого подчиненного капиталу труда к связанному = 100:50, капиталистическая организация обрабатывающей промышленности не будет сопровождаться сокращением национального богатства при условии возвышения производительности капитализированного труда на 50%. В Америке для этого требуется удвоение производительности капиталистического труда сравнительно с трудом мелкого производителя; что же касается страны, фигурирующей под именем России, где капитализация 100 единиц труда достигается путем обращения в потенциальное состояние 450 единиц живой силы, здесь объединенный капиталом труд должен быть в 5½ раз производительнее связанного для того, чтобы капитализация промышленности не имела следствием уменьшение национального богатства.

Сделанные расчеты приведены с целью показать, как неодинаковы будут результаты капитализации промышленности при различных условиях ее осуществления, и как нерационально при оценке возможного влияния грядущего капитализма в одной стране ссылаться на положительные его результаты в другой, не производя тщательного анализа условий, при которых развиваются обе страны. Как видит читатель, в этом отношении нужно прежде всего не смешивать земледельческие и промышленные нации. Если Англии удалось свалить производство для нее зерна на другие области, благодаря чему капитализация ее промышленности сопровождалось потерей рабочей силы всего 12,5%, (предполагая, что земледельческий сезон продолжается здесь ½ года), то неудивительно, если капитализм дал этой стране огромное возрастание национального богатства, если он поставил ее на высшую ступень материального могущества. В Америке капитализм связал до $^1/_3$ национального труда (в действи-

тельности меньше, так как земледельческий сезон продолжается здесь более полугода) и если она тем не менее процветает, то это благодаря, во-первых, высокому тону, взятому здесь капитализмом (что, в свою очередь, обусловливалось комбинацией многих благоприятных обстоятельств), т.е. огромному росту производительности объединенного капиталом труда; во-вторых, полной свободе для мелкого земледельца занимать и культивировать безграничное пространство покрытой девственной почвой земли; в-третьих, широкому применению машин в земледельческом производстве. Другая страна, характеризующаяся таким же распределением производительных сил между земледелием и обрабатывающей промышленностью, Ирландия, с низкой производительностью земледельческого труда, уже не может быть считаема нацией богатой. Еще меньше надежды сделаться богатой капиталистической нацией имеет Россия. Перестать быть земледельческой страной она не может, потому что только область сельского хозяйства дает ей надежду успешно конкурировать на международном рынке с другими странами-производительницами, участвовать в международной промышленной организации в качестве экспортера. Поэтому-то лишь в вывозе продуктов сельскохозяйственной деятельности Россия обнаруживает успехи, сколько-нибудь соответствующие ее положению дистанции изрядного размера; вывоз же предметов ее фабрично-заводской выделки составляет ничтожную величину, и по условиям международной конкуренции и образовавшегося на мировом рынке разделения труда, нет ни малейшей надежды на сколько-нибудь отвечающее ее производительным силам возрастание этого вывоза. Правда, вывоз некоторых заводских продуктов у нас растет весьма быстро, Но это обстоятельство не может оказать ни малейшего влияния на промышленный характер страны. Действительно, что выиграла Россия от того, что вывоз ее керосина увеличился в 350 раз и достиг цифры в 50 млн. пудов, когда коли-

чество рабочих, занятых во всей нефтяной промышленности, не превышает 15 — 20 тыс. человек? А ведь успехи международной торговли русским керосином представляют нечто исключительное в истории нашей внешней торговли продуктами фабрично-заводской выделки! Таким образом, насколько будущее доступно предвидению, в международном обмене Россия будет участвовать в качестве земледельческой страны; земледельческий класс будет составлять основу ее рабочего населения; обрабатывающая промышленность будет работать наиглавнейшим образом для удовлетворения запроса земледельцев. При меновом хозяйстве запрос к рынку определяется покупательными средствами спрашивающего, а эти средства даются трудящемуся населению затратой его рабочей силы. При господстве мелкого производства земледелец работает (в поле или мастерской) круглый год; при успешном развитии капиталистической промышленности затрата его живой силы сокращается до $^2/_3$, $^1/_2$, $^1/_3$ года. Соответственно сказанному, запрос земледельческого населения к внутреннему рынку с развитием капиталистической промышленности сокращается до $^2/_3$ — $^1/_3$ первоначального размера, причем большая половина этого спроса получит удовлетворение от земледелия же. Имея в виду, что не весь продукт полугодового (в среднем) труда останется в руках крестьянина, так как значительная его часть перейдет в руки казны и частных собственников земли, обрабатываемой им в качестве съемщика или наемного рабочего; что добрую половину своего чистого дохода крестьянин употребит на продовольствие (расход на продовольствие фабричного, т.е. рабочего класса образует около половины его бюджета), производством которого занимается не фабричное население, а земледельческое; что из другой половины дохода, составляющей, вероятно, уже не больше продукта 2 — 3 месячного труда, — которую он назначит на приобретение предметов фабрично-заводской выделки — часть будет затрачена на иностранные фабри-

каты, кои мы должны брать в обмен за вывозимый из России хлеб: соображая все вышеизложенное, мы согласимся с тем, что потребуется очень небольшой контингент рабочих для того, чтобы удовлетворить запрос массы народа на продукты фабрично-заводской выделки. Попробуем дать не совершенно нелепую цифру этого контингента.

По одному из новейших статистических изданий в 50 губерниях Европейской России имеется 15547 тыс. взрослых мужчин крестьянского сословия; из них для обработки всей засеваемой ныне площади необходимо 13482 тыс. чел., а 2075 тыс. или 13,3 % являются излишними для хлебопашества и могут быть обращены на другие отрасли промышленности.

По данным того же источника в фабрично-заводской промышленности занято 863,4 тыс. взрослых мужчин; присоединяя сюда около 160 тыс. человек железнодорожных служащих, будем иметь около 1020 тыс. человек рабочих, объединенных капиталом, что составит $^1/_3$ часть земледельческого мужского населения страны. Но земледельцы отдаются не только хозяйству, а и промыслам, не совершенно еще изъятым из их рук капиталом. Можно даже сказать, что с утратою одних промышленных занятий земледелец изобретает другие и потому, вероятно, никогда не лишится совершенно подсобных промыслов. Но это уже касается сферы некапиталистической эволюции промышленности, которой многие наши писатели не придают серьезного значения. Что же касается собственно капиталистического развития нашей промышленности — результатом его успехов должно быть постепенное прекращение и, наконец, полное уничтожение подсобных к земледелию занятий и ограничение рабочего времени сельского населения земледельческим сезоном. Таков идеал товарной экономической организации, создаваемой капиталом, и остается только подсчитать вероятные результаты его осуществления в нашей стране.

Мы видели, что в настоящее время рабочие-мужчины в крупных предприятиях составляют $^{1}/_{13}$ часть рабочего земледельческого населения. Как возрастает эта доля в случае полной капитализации обрабатывающей промышленности? Возрастет ли она вдвое? А это значит: потеряло ли уже земледельческое население половину подсобных промыслов и теперь ожидает решения судьбы остальной половины их? Может быть и так, судя, напр., по тому, как сократилось домашнее и кустарное ткачество, извоз, бурлачество! Допустим, что это так и примем, что с уничтожением другой половины крестьянских промыслов доля фабрично-заводского населения удвоится. Это вовсе не скупо, принимая во внимание постоянно растущую производительность объединяемого капиталом труда. Таким образом, при совершенном выполнении своей миссии капиталистическая заводско-фабричная промышленность в России будет занимать $^{1}/_{55}$ часть (13,33 %) того числа рук, какое занято земледелием, т.е. 86,66 % населения останется при земле и будет бездействовать в течение полугода, а это значит, что 43,33 % живой рабочей силы страны перейдет в связанное состояние. Взамен этого, 13,33 % рабочих будут подчинены капиталистической организации, и происходящим от того возвышением производительности труда должны быть пополнены недочеты национальной продукции. Так как количество связанного труда в 3 ¼ раза превышает количество труда, подчиняющегося капиталу, то для пополнения этого недочета производительность последнего должны быть в 4 ¼ раза выше производительности ремесленного труда.

Итак, увеличение производительности труда как результат развития крупной организации промышленности в капиталистической ее форме не может быть считаемо в полной мере выигрышем для страны, а предполагаемое при этом приращение национального богатства никоим образом не осуществится в действительности в тех размерах, в каких

оно определяется по простому арифметическому подсчету. Некоторая доля этой возросшей производительности — и тем большая, чем менее страна утрачивает земледельческий характер — пойдет на восполнение недочета в национальной продукции, происходящего от связывания живой человеческой силы. Если бы все общества были изолированы друг от друга, то размер растраты национального труда в каждом из них определялся бы внутренними условиями их развития. Но так как культурное развитие цивилизованных наций принимает общечеловеческий характер, в частности, экономические отношения обращаются в международные, причем на этой новой почве, как и внутри страны, они складываются под действием духа индивидуализма и соперничества, то отдельным нациям открывается возможность перенести часть связываемой капитализацией их промышленности силы к своим контрагентам, возложить на этих последних ответственность за недочеты мировой продукции, являющиеся результатом капиталистического направления экономической эволюции. Этого они достигают, беря на себя труд производства для международного рынка предметов фабрично-заводской выделки и предоставляя другим снабжать этот рынок и их самих продуктами сельского хозяйства. Благодаря такому разделению труда, часть земледельческого населения этих промышленных стран вместо того, чтобы оставаться на полугодовом труде при сельском хозяйстве, обращаются в разряд фабрично-заводских рабочих и производят изделия для тех стран, на которые возлагается добывание хлеба и сырья. В этом случае связывание труда вследствие капитализации промышленности в стране А, совершается в стране В, которая таким образом и берет на себя потери, проистекающие от капитализации промышленности как у себя, так и у своих соседей. То или иное разделение участвующих в международном обмене наций на земледельческие и промышленные зависит от многих условий, из числа коих мы укажем на два:

земельные и земледельческие отношения и высота общего культурного развития.

В плодородных только что колонизируемых местностях производство сырья, хотя бы и в обмен на чужие фабрикаты, представляется выгодным, потому что производство ведется здесь выходцами из истощенных земель старых промышленных стран, вооруженными притом производительными средствами, созданными высоким развитием культуры. В этом случае капитализирующаяся страна выселяет часть своих рабочих с полусвязанной силой на новые земли, где, благодаря естественным богатствам — даже оставаясь в полусвязанном состоянии — сила этих рабочих дает происхождение массе продуктов, значительно превышающее эквивалентное им количество предметов земледельческого производства в метрополии. Так как подобные местности заселяются наиболее энергичным элементом старых наций, приносящим с собой готовую культуру, являющуюся передовой культурой цивилизованного мира, и находящим на новой земле наиболее благоприятные условия для свободного национального развития, то, хотя и являясь на свет Божий несколько подчиненными чужой стране, вновь образующиеся нации в то же время становятся в число передовых бойцов цивилизации и приобретают возможность пользоваться всеми доступными в тот момент средствами для облегчения неудобств, проистекающих из их положения в международной торговле в качестве земледельческой стороны, а также выступить на борьбу за освобождение себя от обязательства нести ответственность за грехи не только своего, но и чужого капитализма.

В ином положении находятся страны, вынужденные на земледельческую международную роль своей культурной отсталостью. Благодаря и своей отсталости и своему земледельческому характеру, эти страны постоянно будут находится в хвосте народов с определившимся характером цивилизации. Пока передовые нации мира не пришли к пре-

делу развития, до тех пор на всякий шаг отставших наций по направлению к сближению с ними они ответят новым шагом вперед, отчего расстояние между ними не испытает значительного сокращения. Поэтому борьба за освобождение от служения чужому капитализму на почве обычных приемов этого последнего будет в таких странах оканчиваться неудачно. Для избавления от вредных последствий, являющихся результатом преимущественно земледельческого характера промышленности, этим нациям надлежит разорвать с принципами, на которых покоятся капиталистические отношения, и обратиться к развитию народной формы производства, допускающей сохранение связи промысла с сельским хозяйством.

V

Растрата национального труда при капиталистической организации промышленности не ограничивается вышесказанным. Там мы имели дело с минимумом этой растраты в случаях, когда промышленно развитая нация не сумела сложить на другие страны-производительницы ответственность за развитие у себя капиталистических отношений. Эта растрата обусловливается, как мы видели, естественно-географической обстановкой земледельческой промышленности; она существует несмотря на то, что каждый член общества пристроен к производительному занятию и отдает ему все возможное рабочее время, т.е. что фабрично-заводской рабочий трудится круглый год, а земледельческий — в течение всего сельскохозяйственного сезона. Но капиталистические страны имеют новый источник растраты национальных производительных сил, уже чисто социального характера.

В обществах с народной организацией промышленности каждый человек расходует свою рабочую силу в размерах

имеющихся у него потребностей; и потому все количество произведенных продуктов пойдет на потребление населения. Предполагая, например, что земледельческий сезон продолжается круглый год и что для продовольствия человека достаточен продукт трехмесячного труда, вследствие чего один земледелец может приготовить предметы продовольствия для 4 человек, будем иметь, что в данном обществе земледелием (вернее, производством продовольствия) занимается 25 %, а прочими промыслами — 75 % населения. Если по существующим потребностям расход на продовольствие составляет ¼ часть общего расхода, то каждый будет трудиться круглый год и все произведенное обратит — непосредственно или путем обмена — на собственное потребление. Земледельцы (25 % населения) затратят на свое продовольствие ¼ произведенного ими продукта, т.е. 6 ¼ %) общей стоимости национального продукта, а пустят в продажу 18 ¾ %. Прочие рабочие по тому же расчету затратят на приобретение продовольствия 75/4 %=18 ¾ % общей стоимости национального продукта, а на все другие предметы потребления 56 ¼ % Таким образом, весь запрос рынка выразится спросом на продовольствие в размере: со стороны земледельцев 6 ¼ %, со стороны прочих рабочих 18 ¾ % общей стоимости национального продукта в сумме в том самом размере (25 %), в каком этот предмет производится; спрос на прочие предметы потребления будет: 18 ¾ % со стороны земледельцев и 56 ¼ % со стороны остальных рабочих, в сумме 75 %, что соответствует произведенной стоимости этих предметов. Тот же результат получился бы и тогда, когда земледельческий сезон продолжается ½ года.

В обоих случаях все количество произведенного страной продукта нашло бы себе потребителей, причем известная часть продукта готового труда в размере, определяемом духовными потребностями производительного класса, была бы изъята из потребления непосредственных производителей

и пошла на содержание непроизводительного населения: врачей, учителей, судей и т.д.

Иначе слагается дело в обществах капиталистических. Та или другая масса предметов, производимых здесь рабочим населением, не находится в зависимости от потребностей последнего и не пойдет целиком на их удовлетворение. Таким образом, не весь продукт готового производства найдет себе помещение среди производителей: часть его, и притом не зависимая от каких-либо соображений о духовных нуждах общества, требующих для их удовлетворения определенной затраты материальных средств, должна искать помещения вне трудящегося населения. А это значит, что кроме предметов потребления необходимого, как в первом случае, необходимого в смысле неизбежности, потому что и произведены-то они для удовлетворения строго определенных потребностей. — в капиталистических обществах существуют еще предметы потребления случайного, не связанного с их производством и потому могущего и не оказаться в размерах, соответствующих массе произведенного товара, а в таком случае следует ожидать сокращения самого производства, т.е. ограничения затраты национального труда. Чтобы судить о том, в каких размерах может происходить это ограничение, сделаем примерные расчеты.

Возьмем общество, где земледельческий сезон продолжается ½ года, форма земледельческого производства народная, а обрабатывающей промышленности — капиталистическая. Пусть норма прибавочной стоимости 100 % (что до известной степени соответствует действительности), т.е. заработная плата наемного рабочего равняется половине прибавляемой им к национальному продукту стоимости, и предположим, что трудящийся человек, как это имеет место среди фабрично-заводских рабочих в Западной Европе, половину своего вознаграждения расходует на продовольствие, а другую — на удовлетворение остальных материальных нужд.

Земледельческое население работает ½ года и весь добытый продукт обращает на свое потребление; фабричный рабочий получает заработную плату также в размере стоимости продукта полугодового труда. Оба они половину своего дохода тратят на продовольствие, а половину — на другие предметы потребления. При таких условиях задачи земледельческое население должно составлять 50 %, фабрично-заводское столько же. Если бы все население работало круглый год, то общая произведенная им стоимость могла составлять 100 % имеющейся в распоряжении общества стоимости — образовательной силы (рабочего времени); но так как 50 % земледельческого населения (при полугодовом земледельческом сезоне) производят всего 25 % стоимости, то сумма всей произведенной стоимости выразится 75 %, а 25 % национального труда растрачивается непроизводительно. В каком отношении к произведенному рабочими продукту будет находиться продукт, ими потребляемый?

Земледельческое население производит стоимость в 25 %, половину коей, согласно одному из условий задачи, обратит на собственное потребление, а другую вынесет на рынок для обмена на предметы обрабатывающей промышленности. Фабрично-заводские рабочие произведут стоимости в 50 %, из которой 25 % получат в свою пользу и разделят ее поровну между предметами продовольствия, имеющими быть полученными от земледельцев в обмен на нужные им продукты, и предметами фабрично-заводской выделки. Таким образом, из 75 % стоимости национального продукта трудящимися будет потреблено 50 % или $^2/_3$, третья же часть не найдет себе помещения на рабочем рынке, она должна быть потреблена непроизводительными классами. Если последние при данном распределении богатств могут потребить свою общую долю, в таком случае национальное производство будет идти не прерываясь и новая растрата национального труда не будет иметь места. Если же по причине неравномерного

распределения богатства между непроизводительными классами и т.п. часть их общей доли останется непотребленной, то следует ожидать сокращения производства, т, е. ограничения производительного использования национального труда. Это значит, что при указанных условиях вовсе и не будет произведена та масса предметов, которую мы только что подсчитали; что производительная затрата труда не достигнет предположенных нами размеров.

Действительно, если в своей гипотетической организации национального производства мы будем исходить из определившихся требований рынка, в таком случае мы найдем производительное занятие далеко не для всего населения. Так, каждый земледелец, как мы знаем, продукт 3-месячного своего труда будет потреблять сам и столько же вынесет на рынок для обмена на прочие предметы потребления. Эти прочие предметы производятся капиталистическими предприятиями, работающими в течение целого года; а это значит, что для удовлетворения запроса одного крестьянина на предметы обрабатывающей промышленности (запроса, выражаемого 3 месяцами труда), достаточно затраты труда одного фабричного рабочего в течение ¼ года (3 месяцев), т.е. что один рабочий приготовит массу предметов, удовлетворяющую спрос на продукты обрабатывающей промышленности со стороны четырех земледельцев. Этот фабричный рабочий, получая в виде заработной платы продукт полугодового труда, в свою очередь, представит спрос на предметы обрабатывающей промышленности в таком размере, для удовлетворения которого требуется работа человека в течение ¼ года (3 месяцев). В итоге оказывается, что 4 земледельца предъявляют запрос на продукты обрабатывающей промышленности в размере годового труда одного фабричного рабочего, для которого опять требуется трата промышленного труда в течение ¼ Сказанным определяется следующая организация промышленных сил страны, удов-

летворяющая запрос на предметы потребления со стороны трудящейся части населения: из 5 ¼ работающих должно быть 4 земледельца и ¼ фабричных или (приводя к целому числу) из 21 человека — 16 земледельцев и 5 фабричных, т.е. земледельческое рабочее население должно составлять 75 %, а фабрично-заводское — 25 %. Иначе говоря, для удовлетворения спроса на продукты обрабатывающей промышленности со стороны земледельческого населения, работающего в течение полугода, в том случае, когда остальные промыслы подверглись полной капитализации, — достаточно затраты третьей части количества рабочих сил, занятых в сельском хозяйстве. Такое распределение промышленных сил было бы осуществлено в случае, если бы земледельцы могли сбыть весь производимый ими продукт, ибо только продав свой товар они могут купить чужой. И так как количества добываемого 15 земледельцами продовольствия достаточно для прокормления 30 человек, из коих 15 приходится на долю самих земледельцев, то для продажи всего добытого продовольствия, кроме имеющихся занятых 5 фабричных рабочих, требуется еще наличность 10 потребителей. Таким образом, наша нормальная потребительная единица расширяется до 30 человек, из числа коих 15 человек, или 50 %, занимаются земледелием, 5 человек, или 16 ²/₃ % приготовляют для них и для себя предметы обрабатывающей промышленности, а 10 человек, или 33 ¹/₃ % всего населения должны состоять из непроизводительных классов и из рабочих, занятых производством для них и для себя предметов потребления, не относящихся к продовольствию, которое уже существует готовым.

Если третий из перечисленных отделов населения, определяемый существованием непроизводительных классов, заключает в себе 33 ¹/₃ % всего населения, то количество затрачиваемого на него национального труда сравнительно значительно больше; вернее говоря, количество националь-

ного труда, потребляемого на содержание первых двух, так сказать, абсолютно производительных групп населения, относительно меньше. Действительно, 50% земледельческого населения, производя продовольствие стоимостью в 25%, сами потребляют его в размере 12,5%, 16 2/3% фабричных рабочих, производя (для себя и для земледельческого класса) стоимость в 16 2/3%, потребляют предметы продовольствия (в размере половины своей заработной платы: равняющейся, в свою очередь, половине произведенной ими стоимости) стоимостью в 4 1/6%. Итого на содержание рассматриваемых классов издержан национальный труд в размере 12 ½+16 2/3+4 1/6 =33 1/3% всего потенциального труда общества. Так как за вычетом 25% рабочей силы, растрачиваемой непроизводительно по причине уничтожения подсобных земледельческих занятий, производительное употребление могло бы быть найдено для 75% общего количества имеющегося национального труда, то на непроизводительные классы и рабочих, приготовляющих средства для их существования, затрачивается 41 2/3% (75-33 1/3) всей национальной рабочей силы. Устраняя 25% рабочей силы, неизбежно теряемой при капиталистической организации промышленности, и имея дело только с тем рабочим временем, какое может быть при этом производительно утилизовано (75%), окажется, что при взятых нами условиях задачи (самостоятельное крестьянское земледелие, полугодовой сельскохозяйственный сезон, капиталистическая обрабатывающая промышленность, норма прибавочной стоимости 100%, распределение бюджета трудящегося населения пополам между продовольствие и остальными предметами потребления) абсолютно производительная затрата национальной трудовой силы составляет 44% имеющегося в распоряжении нации запаса труда, а употребление 56% последнего остается необеспеченным.

VI

Еще менее обеспечено производительное употребление всей рабочей силы общества и более вероятна бесплодная растрата этой силы в случае, если все производство имеет капиталистическую форму. Сделаем же соответствующий расчет, оставляя старые условия задачи, кроме формы земледельческого производства, и предполагая, что, получая в виде заработной платы при норме прибавочной стоимости в 100% стоимость в 3 месяца труда, земледельческий рабочий распределит ее между затратами на продовольствие и на остальные предметы потребления не поровну, как это делает со своей 6-месячной заработной платой фабричный рабочий, а отдавая стоимость в 2 месяца на продовольствие (как более необходимый предмет потребления) и 1 месяц — на прочие предметы потребления.

Каждый земледельческий рабочий, создавая продовольственные средства стоимостью в 6 месяцев и сам потребляя из них 2 месяца, продуктом остальных 4 месяцев может прокормить еще $1\,^1/_3$, человека (питающихся лучше его), т.е. для добывания продовольствия для всего общества требуется, чтобы его земледельческое население составляло 43%, а стоимость произведенного им продукта будет составлять 21,5% всего запаса стоимостеобразовательной силы.

Получая в виде заработной платы половину произведенной стоимости, (21,5), т.е. 10,75% общей потенциальной национальной стоимости, земледельческое население $^2/_3$ ее употребит на продовольствие, а $^1/_3$ или около 3,6% общей национальной стоимости — на приобретение предметов фабрично-заводской выделки, которою будет занято 3,6% населения; а для этого последнего будет приготовлять предметы потребления (кроме продовольствия) 1% населения. Таким образом, на производство продовольствия для всей страны и остальных предметов потребления для земледельцев и за-

нятых на них рабочих, потребуется 43+3,6+1=47,6% населения страны. Остальные 52,4% должны принадлежать к непроизводительным классам и к рабочим, приготовляющим для них и для себя все предметы потребления, кроме продовольствия.

Затрата стоимостеобразовательной силы между обоими отделами населения распределяется таким образом. На производство продовольствия для земледельческого населения (43%), производящего стоимость в 21,5% общего запаса национального рабочего времени и потребляющего третью ее часть (каждый земледелец, вырабатывая продовольствие стоимостью в 6 мес., потребляет его на себя в размере стоимости 2 мес.), потребуется затрата 7,2% национального рабочего времени. 4,6% фабричных рабочих, производящих для земледельцев и для себя остальные предметы потребления, потребуют продовольствия стоимостью в 1,15% (половина заработной платы, составляющая половину произведенной стоимости). В итоге на содержание всего земледельческого населения страны и рабочих, производящих для них и для себя предметы фабрично-заводской выделки, необходима затрата 7,2+4,6+1,15=13%) общего числа трудовых единиц, находящихся в распоряжении нации. Принимая во внимание, что необходимая растрата национального труда, являющаяся результатом отделения обрабатывающей промышленности от земледельческой, определяется в 21% всего запаса общественной рабочей силы, а производительно утилизировано могло бы быть 78,5%, мы видим, что из всей этой возможной затраты пока найдено помещение для 13% всего запаса национального рабочего времени, что составит 17% времени, могущего быть утилизированным производительно, а 83% этого времени останется на непроизводительное население и на тот производительный (т. е. затраченный на производство материальных предметов) труд, который имеет задачей производство для этого населения предметов потребления.

ЗА ОБЩИННЫЕ И АРТЕЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ

КАБЛИЦ Иосиф Иванович *1848 — 1893*

В своей главной книге «Основы народничества» (1882 г.), не лишенной некоторой эклектичности воззрений, выступал против ломки вековых устоев русской хозяйственной жизни. Считал западный капитализм выражением регресса человечества, который должен быть преодолен. Каблиц справедливо утверждал, что развитие хозяйственных форм в России гораздо больше зависит от прогресса общественных и нравственных чувств народа, нежели от простого накопления знаний. Общинное владение землей, господствующее в России, гораздо более способствует развитию социально-нравственных инстинктов, нежели изучение каких бы то ни было наук.

Молодое поколение, развиваясь в общинных и артельных порядках, имеет возможность гораздо чаще упражнять свои социально-нравственные инстинкты, нежели это могло быть при господстве индивидуализма.

Исходным историческим пунктом, с которого начал Маркс, был феодально-ремесленный общественный строй. Он доказывает, что этот строй по законам своей внутренней жизни стремится перейти в капиталистический. Всякое общество, основанное на полном индивидуализме и находящееся в периоде ремесленной кооперации труда, закончит капитализмом — вот что говорит теория Маркса.

Находится ли Россия в периоде феодально-ремесленной кооперации труда или в какой-нибудь еще более близкой к капиталистическому производству переходной форме? Нуждается ли русский рабочий люд в той артельности, которую за собой ведет капиталистическое производство? Не достигнет ли он этой артельности (социализации) другим своеобразным путем? Вот вопросы, которые мы обязаны разрешить, обсуждая приложимость теории Маркса к России.

Мы утверждаем, что тип общественной кооперации труда в России — другой, нежели был на Западе при зарождении капиталистического производства. У нас есть то, что называется «мирским владением»; в «мирском владении» находится главное орудие производства в России — земля. Русский народ не нуждался в капиталистическом кнуте для развития в себе способности сообща владеть орудием производства. «Вообще, — говорит Ю. Самарин, — можно доверять чувству правды в мирах и стремлению в них уравнению тягостей со средствами». Наша история дала нам для развития социальных чувств более целесообразное и вместе с тем только полезное, а не гибельное для многих поколений средство — общину, артель. «Не может быть более сомнения, — говорит г. Соколовский, — что в среде нашего крестьянина существовала с первых дней его жизни и существует теперь совершенная система социально-экономических отношений, принципиально отличная от господствующей у нас (т. е. в высшем сословии) и на западе. «Наши артели древнего типа, — по словам г. Исаева, — не находят соответствующих форм в Западной Европе».

По мнению С. К — на, «общинные порядки жизни, общинные понятия, выработанные до крайней тонкости, составляют главнейшую массу умственных представлений нашего крестьянства или, говоря иначе, общинными тенденциями проникнуто насквозь его мышление, из общинных принципов составляется кодекс его нравственности; общинные ин-

стинкты всасываются у него с молоком матери, а вследствие этого, куда ни занеси его судьба, он проявит везде общинные наклонности». По мнению того же автора, ломка общинных порядков — это «ломка миросозерцания русского крестьянина, его нравственных понятий, наклонностей, инстинктов, одним словом, — склада души его». Можно ли верить, что капиталистическое производство само собою, естественным путем появится среди народа с подобными нравами и привычками?

По мнению Маркса, капиталистическое производство было вполне естественным последствием феодально-ремесленного периода — насилие только ускорило переход из одного состояния в другое. У нас же если и мыслимо царство капитала, так только с помощью насилия; у него нет корней в самой жизни народа. «У нас еще крепка земельная община, — говорит г. Исаев, — у нас она еще способна защитить многочисленные массы от развития пролетариата, у нас еще нередко крестьяне — личные собственники переходят к общинному владению землей. Верный заветным преданиям, наш народ, помимо всякого участия образованного слоя, в десятках и десятках промыслов избирает ту форму труда, в которой всего лучше охраняются самые ценные права человека. Одно слово, один взгляд, один намек — и тысячи наших сограждан соединяются в артели, образованию которых на западе Европы предшествует красноречивая устная и печатная проповедь».

Тут может явиться вопрос: не имеет ли капиталистическое производство почвы в Малороссии, стране, прослывшей у нас своим индивидуализмом и участковым владением землей? По нашему мнению, миросозерцание малоросса относительно экономических отношений, долженствующих быть между людьми, мало чем отличается от миросозерцания великоросса. «По общераспространенному крестьянскому воззрению, — говорит г-жа Ефименко, — землею должен

пользоваться лишь тот, кто вкладывает в нее свой труд. Это справедливо как относительно той части крестьянства, которая пользуется своей землей на правах общинного владения, так и той, которая пользуется ею на правах частной собственности». «Крестьяне спокойно смотрят на настоящий прядок вещей, противоречащий их основным воззрениям, тем более спокойно, что они вполне убеждены, что их summum jus на землю находится в надежных руках верховной власти, которая ждет лишь удобного момента для осуществления их права». Следствием такого взгляда на поземельную собственность было то, что «убеждение в необходимости или, точнее сказать, в неизбежности всеобщего дележа земель господствует повсеместно, одинаково в общинной Великороссии, как и в участковой Малороссии. Оно коренится в той особенности крестьянских воззрений на собственность, по которой земля есть мирская да Божья; поэтому не может быть права частной собственности на землю, а может быть лишь право пользования землей, которое дается трудом, в нее вкладываемым. Община ли является в данную минуту владельцем земли или отдельное лицо — все равно: право на землю безусловно связано с трудом, который вкладывается в землю, и раз эта связь порвана, порвано и право». Если принять во внимание, что «существо мирского общинного быта, как говорит князь Васильчиков, заключается в равном праве на землю всех членов общества пропорционально их рабочим силам», то, следовательно, сущность мирского великороссийского владения господствует и в участковой Малороссии. Различие только в форме, а не а сути вещей. Владея землею даже по участковой системе, малороссы необходимо будут приходить к мысли регулировать свое владение посредством периодических переделов, так как участковое поземельное владение будет постоянно вести к накоплению земли у одних и к обезземелению других, и таким образом нарушать коренные основы их воззрения на социальный строй. Эти

переделы мало-помалу станут обычным делом, и Малороссия будет жить на основании такого же мирского владения землей, как и Великороссия. А так как «земля — основа наших социальных отношений», то в руки капитала не попадет именно «основа» социального строя, и он, следовательно, не сможет заполонить русскую землю, если будет предоставлен своим собственным силам. Что же касается сказанного нами о Малороссии, то все это подтверждается новейшими событиями. Так, например, в последнее время в некоторых уездах Киевской губернии проявилось желание перейти к общинному пользованию землей (...). То же самое, по словам князя Васильчикова, замечено «во многих селениях» Подольской и Волынской губерний. Г. Поругавин сообщает про село Благодатное (Екатеринославской губ. Мариупольского уезда) следующее: «Оно населено крестьянами Гадячского уезда, Полтавской губ., переселившимися сюда в 1842 году. На своей родине эти крестьяне владели землею на правах частной собственности — покупали и продавали ее в вечность. Здесь, в Мариупольском уезде, владели землею на правах захвата 10 лет, потом поделили землю на души. «Что же заставило вас поступить так, произвести такой передел?» — спрашивал я. «Нашли средство. Дали порядок!» — с глубоким сознанием в справедливости произведенных действий отвечали крестьяне».

В Херсонской *губернии* некоторые малорусские села издавна владеют землей на общинных началах. Исследования г. Лучицкого доказали, что общинное владение землей в Малороссии имеет свою историю и что малорусский крестьянин давно знаком с этой формой — исследователь нашел общинное владение в некоторых местах левобережной Украины. Правда, когда-то благодаря обилию земель общинное владение не было так сильно настоятельно необходимо, как теперь, чем и объясняется его слабое развитие; но при современной земельной тесноте крестьянин все чаще и чаще начинает на-

талкиваться на мысль о необходимости перейти к этой форме владения. История общинного владения на севере, как она изложена г-жою Ефименко, может нам дать ключ к будущей истории этого владения в Малороссии: необходимо, чтобы интеллигенция стала на сторону этого владения, подобно тому, как она сделала это в 30-х годах на севере России, — историческая же почва для этого владения несомненно существует в Малороссии.

Так, например, еще в начале 50-х годов нашего столетия, в Слободской Украине появилось народное движение к общинному владению. «Зародившись в больших центральных пунктах, движение в пользу общинного землевладения, главной формы землевладения Слободской Малороссии настоящего времени, перешло в хутора и, несмотря на увеличившиеся внешние и внутренние препятствия, охватило много селений и хуторов, еще сохранивших старозаимочный личный тип землевладения». «Община продолжает организоваться. Нам известен случай передела частных старозаимочных и крепостных земель в 1881 году в Удах, Харьковского уезда».

Г. Варзер утверждает, что напрасно упрекают малороссов во вражде к артельному началу. Он говорит, что «примеров артельных аренд в Черниговском уезде найдено достаточное количество и, судя по собранным фактам, можно даже сказать, что артельный вид аренды земель преобладает среди казенных и помещичьих крестьян уезда». Так, из 18 случаев крестьянских аренд около 10 случаев представляют «себринные» (товарищеские, артельные) аренды». Крестьяне с. Грековки (15 домохозяев), взявши в аренду имение г. К., порешили, что «дележ земли по хозяевам крайне невыгоден по местным условиям; они ввели общественные запашки, совместный сжон, обмолот и дележ готовым зерном и соломой. Так же они поступили и с сенокосами. До 1877 года у них уже прошел год с соблюдением членами артели указанных условий. Практика нисколько не охладила членов, и они находят

свою систему и справедливой, и удобной. По обыкновению совместный труд запапшки и скоса не только не представил никаких недоразумений, но даже показался и веселым, и удобным; «як вышли в поле до закурили в десять сох, ставши в ряд, только дым пошов: люди дивуются, а мы за день все отмахали». И даже дележ вымолоченного зерна и скошенного сена, этот слабый пункт во всех совместных предприятиях, у поселян-малороссов («гуртове-чертове»), даже эта операция не вызвала никаких пререканий».

У нас очень часто повторяется мысль, что общинное владение держится только традицией и бессознательной привычкой к ней крестьян. Это мнение, ни на чем не основанное, есть отражение того дворянского презрения к народу, которое господствовало в литературе. Все исследователи народного быта утверждают противное: так, например, г. Кавелин говорит про крестьян, что «кто с ними хоть раз толковая о праве личной поземельной собственности и общинном землевладении, тот знает, что они их различают очень отчетливо и сознательно». Ал. Л–ш говорит про олонецкого крестьянина, что тот знает цену общине; он понимает все те выгоды, которые вносятся в его трудовую жизнь этою благодарною «формою общения». П. Соколовский утверждает, что сознательное отношение крестьян к общинному владению доказывается многими фактами. На доводы против общины крестьянин Вологодской губернии Никольского уезда отвечал сравнением общинного владения с крестьянской рукавицей, а частного — с дворянской перчаткой: «В дворянской перчатке у каждого пальчика свой чуланчик, а в мороз они зябнут, в крестьянской рукавице они вместе и друг друга греют».

Толки о земле, споры и перебранки, говорит г. Приклонский, слышатся постоянно, как только соберется кучка крестьян в свободную минуту. Вопрос о сельской общине не менее волнует олонецких крестьян, чем занимает он и наше интеллигентное общество. Крестьяне недовольны сущест-

вующим порядком и ставят вопрос об общине в таком виде: следует ли уничтожать общинное владение или же изменить общинные порядки в таком направлении, чтобы они более согласовывались с принципом справедливости и равенства?

Пока поставленный таким образом вопрос решается, так сказать, теоретическим путем, в частных спорах и беседах, до тех пор, говорит автор, все недовольны существующим порядком, все требуют изменения его в том или другом направлении. Но скоро вопрос переносится на сход, где предстоит практически разрешить его, тогда одна из враждебных партий требует сохранения существующего порядка и тем парализует усилия противной партии, направленные к изменению этого порядка. Например, если одна партия заявляет на сходе о необходимости уничтожить общинное землевладение, то другая партия большинством голосов постановляет оставить землевладение в том же виде, как оно существует ныне. Но вслед за тем партия, требовавшая сохранения существующего порядка землевладения, вносит на сход предложения в смысле более справедливого уравнения земель между всеми членами общины. Тогда другая партия, недавно требовавшая уничтожения общинного землевладения, становится защитницею существующего порядка и добивается сохранения его на будущее время, так как имеет на своей стороне более 1/3 голосов. Таким образом, жгучий вопрос об общине откладывается в долгий ящик и продолжает попрежнему волновать крестьянские общества.

В Харьковской губернии крестьяне относятся крайне недружелюбно к мысли о переходе от общинного владения к подворному, говоря, что это повело бы к окончательному разорению. В некоторых общинах государственных крестьян в семидесятых годах были даже беспорядки, вызвавшие вмешательство военной власти вследствие недоразумений, возникших от нежелания крестьян переходить к подворному владению.

Существует также мнение, будто наша община — это что-то застывшее, не имеющее никакого стремления к развитию. Мы не можем согласиться с этим. История общины ведется с верви, т.е. семейной общины (задруги), которая переходит в общину территориальную, на первый раз в общину-волость (у нас еще и в наши дни существует община-волость, это земля Уральских казаков; земля Донских казаков недавно изменила свое общинно-волостное устройство в общину с переделами, а потом в ныне существующую общину с периодическими переделами. «Если сопоставить, — говорит Мэн, — различные славянские обычаи, то для нас не останется ни малейшего сомнения в том, что естественным развитие семейной общины будет переход ее в сельскую общину. В России он почти повсеместно приняла эту форму». Что переход от верви к территориальной общине-волости был шагом вперед, думаю, об этом говорить нечего; что же касается разложения общины волости на деревенские общины, то г. Соколовский говорит, что «принцип равенства проводится с гораздо большей строгостью по мере перехода от общинно-волостной системы к передельной», т.е. нынешней деревенской общине.

Итак, существующие формы общинного владения не остаются таковыми испокон веков, без всяких изменений и усовершенствований. Г-жа Ефименко доказывает, что северная община даже в тот относительно короткий промежуток времени, который захватывает достоверная история (т. е. приблизительно с XIV века), пережила несколько фазисов. Очень оригинально то обстоятельство, что землевладение севера, теперь исключительно мелкое, крестьянское, когда-то начало свою историю обширными боярскими латифундиями, бывшими результатом завоевания «Двинской земли» Новгородом. Московское завоевание вырвало с корнем боярское землевладение, но зато насадило монастырское, к которому крестьяне относились очень враждебно. Крестьянство

мешало заводиться новым монастырям и пустыням, гнало и преследовало отшельников, оседавших вблизи крестьянских земель. Акты наполнены свидетельствами о постоянной вражде монастырей с окрестным крестьянством. Вражда иногда так обострялась, что монастырь погорал. Достоверная история организации поземельной собственности на севере начинается с господства задружной формы землевладения, известной тут под именем печища. При этом группа родственников сообща ведет обширное хозяйство. Эта форма обширного владения господствовала в новгородский период истории севера. Вне печищ лежала не захваченная под эксплуатацию дикая земля, которая не входила в район никаких общин, а была просто-напросто Божья. Впрочем, бояре уже в новгородский период успели захватить себе куски дикой земли, а позже московские государи старались установить право своей верховной собственности на всю дикую землю.

Вторым фазисом в истории поземельной организации на севере, по словам г-жи Ефименко, является деревня с долевым владением. Она образовалась от разложения печища, т.е. кровного союза, семейной коммуны. Мало-помалу союз родственников замещался союзом «складников», соседей, «сябров», сохраняя, однако же, под собою всецело старую кровную схему. Это не было общинное владение в нынешнем смысле этого слова, так как величина участка каждого деревенского совладельца определялась наследованием, покупкою и т.п. основаниями, не имеющего ничего общего с теми основаниями, которыми теперь определяется право общинника на его долю. Замещая собою кровных родственников и являясь в силу этого обстоятельства представителями какой-нибудь идеальной доли общего деревенского целого, складники естественно могли также требовать передела и уравнения в своих долях, какого имели права требовать кровные родственники. Обычай передела был так распространен, что надо было особо оговаривать в актах

на приобретение доли древни о непривлечении к переделу даже вновь расчищаемой после дележа земли. Дело в том, что печище, дробясь и делясь, все-таки продолжало смотреть на себя со стороны земельных отношений как на целое: до дележа — простое, после дележа — сложное. Впрочем, печище почти никогда не делилось вполне; всегда оставалась какая-нибудь неделенная собственность. «Долевая» деревенская организация может быть сочтена за материнскую форму, которая заключает в себе в зародыше все существенные черты обеих развившихся из нее форм поземельного владения, как общинной, так и подворно-участковой. Северная деревня развила последнюю сторону и перешла таким образом в третий фазис — подворно-участковое владение индивидуального характера.

Личное землевладение привилось быстро; корни его, говорит г-жа Ефименко, лежали в прошлом. Процесс обезземеления одних и скопления в руках других теперь быстро двинулся; по-видимому, все шло к насаждению того типа сильного крестьянского хозяйства, державшегося на бобылях, захребетниках и казаках, который составляет идеал некоторых русских европейцев. Но вдруг на сцене появляется dens ex machina в виде правительства, изменившего свои взгляды на крестьянское землевладение, и все получает иной вид. Землевладение нашего севера вступает в свой четвертый и последний общинный фазис.

Г-жа Ефименко очень далека, однако, от мысли г. Чичерина, что общинная форма землевладения была создана правительством или помещиками. Не говоря уж об априорной несообразности этой мысли, против нее есть и несомненные исторические свидетельства. Автор указывает с настойчивостью на то, что деревня обращалась в общину именно сама собою: нет ни малейшей надобности предполагать участие в этом переходе какого-либо постороннего влияния или вмешательства со стороны помещиков или государства, — ввиду

равенства повинностей крестьяне непременно должны были сами поравнять землю. Но все-таки едва ли можно отрицать, что позже владельцы принимали участие в ее поддержке и распространении, так как общинная форма землевладения вполне совпадала с их выгодами и удобствами. Еще позднее правительство взяло на себя распространение общины. Так, оно ввело общину не только в Архангельской губернии, но, вероятно, и на других северных окраинах, где сохранились государственные крестьяне, оно же вводило ее и на южных окраинах, как показывает пример Харьковской губернии.

Остановится ли прогрессивное развитие общины на современной ее форме или, наоборот, принцип справедливости более и более будет воплощаться в общинных отношениях? Факты дают нам право надеяться на дальнейшее развитие общины.

На севере России в 1863 году происходило наделение крестьян землею. Эти последние «приготовлялись устроить свое хозяйство на самую широкую ногу. Так, например, в огромной Великониколаевской волости более ста деревень согласились иметь общую землю. В одних частях этой волости преобладали луга, в других леса, и они решили между собою, что луговые селения допустят лесные к своим лугам, а лесные взамен того допустят луговые к свои лесам, и таким образом каждый крестьянин будет иметь в своем распоряжении в достаточном количестве все угодья, которые ему нужны. Только русский крестьянин способен делать такие вещи: в целом свете вы не найдете ничего подобного таким широким начинаниям по отношению к земле. Это в высшей степени достойно было поощрения, но, к несчастью, вместо поощрения вызвало противодействие. И тут крестьяне не сошлись во взглядах с исполнителями (чиновниками, распоряжавшимися наделом землею). Эти толковали о зле чересполосности и, ради уничтожения этого будто бы сущего зла толковали о разделении земель между общинами раз и навсегда.

В разных концах России рядом с разделом общинных земель во временное частное пользование появляется и общая обработка земли с разделом добытого продукта. В большинстве случаев это касается сенокосов: крестьяне сообща скашивают сено и потом делят его. Но в наше время стала появляться и общая обработка полей с разделом хлеба, а также и исполнение таких грандиозных предприятий, как осушение болот и превращение их в луга. Разумеется, что это — редкие и исключительные случаи, которые только могут служить вехами для указания того пути, по которому идет развитие нашей общины.

В самой тесной связи с общиной искони стояла артель. Нет сомнения, что артель поможет общине в предстоящей ей реформе, а потому она и должна не менее общины привлекать на себя внимание всех интересующихся развитием нашего общественного организма.(…)

Что касается положения артели в настоящее время, то необходимо признать, что она развилась и распространилась сравнительно с прошлым. Мы говорим об артелях вполне народных, имевших свой корень не в пропаганде известных идей со стороны интеллигенции, а в артельном духе нашего рабочего класса, большею частью воспитываемого деревенской общиной, владеющей землей на общинных началах. Большая артельность русского рабочего класса сравнительно с западноевропейским несомненно поддерживается и развивается общинным владением землею. Вместе с тем надо надеяться, что эта артельность, в свою очередь, выведет русскую сельскохозяйственную промышленность на дорогу вполне самобытного, чисто русского крупного производства с распределением дохода по принципу не капиталистического, а артельного начала. Несомненно, что прогресс сельскохозяйственной промышленности рано или поздно приведет к необходимости дорогостоящих работ осушения и орошения почвы, а также всякого рода крупных машин, для дейс-

твия которых сельской общине придется слить те мелкие дольки земли, на которые она делится теперь. Как бы ни было отдаленно это время. Но нам необходимо помнить, что такова тенденция промышленности, а потому государству и необходимо способствовать внесению в жизнь артельных принципов, чтобы мы могли обойтись без всяких социальных переворотов, тормозящих жизнь западноевропейских народов. Уже и теперь мы встречаем у нас много предвестников артельного крупного производства в сельскохозяйственной промышленности — это вехи, по которым мы можем судить о том направлении, которое старается принять наша народная промышленность. Как бы ни были малочисленны эти факты, они все-таки знаменательны, так как вырастают вполне самобытно на крестьянской почве и никак не могут считаться чем-то навязанным извне. (…)

Земледельческие артели встречаются у нас на севере очень давно; так что г. Исаев утверждает (…) об их исконном существовании. Эти артели повсеместно распространены в Вологодской губернии и известны под именем о б ч и х. Наметил крестьянин участок леса, пригодный для расчистки новины, и приглашает нескольких соседей помочь ему. Заботясь о возможно большей производительности труда, он подбирает себе в товарищи исключительно мужчин в возрасте полной рабочей силы. Члены артели принимаются за работу сообща: они вместе корчуют лес, выжигают пни, сеют, молотят, свозят хлеб в житницу и поровну делят собранную жатву. По окончании работы товарищи расходятся, решая по взаимному соглашению, кто будет в следующие годы пользоваться расчищенной новью.

В последнее время, как мы уже говорили, у нас начинают появляться земледельческие артели по всем концам России; появляются они и в таких местах, население которых прослыло своим индивидуализмом. Так, «в 1863 г. помещик села П., Сорокского уезда, Бессарабской области, узнал, что мес-

тные крестьяне замышляют устроить артель. При помощи этого помещика крестьяне дружно принялись за дело. Поголовным трудом всей деревни были засеяны поля, собрана жатва, совершена молотьба; было выстроено артельное гумно. Хлеб был распределен между домохозяевами соответственно с числом рабочих рук, поставленным каждым двором для совместного труда. На 560 руб., вырученных от продажи излишков хлеба, было арендовано несколько десятин и открыта мелочная лавка для торговли предметами, наиболее употребительными в крестьянском быту. В следующие годы на излишки было выстроено училище, общий скотный двор и уплачены все недоимки. Обстановка крестьян заметно улучшилась; приобретение некоторых земледельческих орудий на общий счет подняло уровень сельского хозяйства».

«В 1874 г. в Полтавской губернии группа односельчан составила артель и арендовала участок земли в несколько десятин для совместной обработки. Жатва была распределена по числу рабочих рук, поставленных каждым членом. Успех артели побудил все сельское общество пристать к ней, и вся артель-деревня арендовала 200 десятин».

Насколько наш народ способен приноровлять к своей артельно-общинной жизни улучшенные орудия производства, видно, например, из следующего факта. «Крестьяне некоторых уездов Рязанской губ., в особенности Скопинского, сами делают молотилки. Они возят их с собою вместе с разбирающимся приводом. При молотилках этих путешествует целый комплект рабочих, которые при заподряде производят молотьбу. Такие молотилки принадлежат большею частью не одному, а целой артели крестьян, которая обыкновенно и путешествует с ними. Артели таких молотильщиков уже несколько лет и прежде обходили все хозяйства большей части уездов губ. Тамбовской, проходили отсюда в губ. Воронежскую и область Войска Донского. В нынешнем году число таких молотильщиков особенно велико; цены, по ко-

торым они молотят, невелики: обыкновенно 10 коп. с копны. Работы для них находится очень достаточно». Основываясь на подобного рода фактах, мы считаем себя вправе надеяться, что по мере необходимости введения таких машин и орудий, которые не под силу отдельным хозяевам, они найдут себе место в нашей жизни под покровительством артельно-общинных форм ее. Если наш крестьянин, видя необходимость держать быка для своих коров и не будучи в силах завести его для себя отдельно, входит в соглашение с членами своей поземельной общины и заводит быка на общий счет, то нет никакого основания предполагать, чтоб он не завел, даже в настоящее время, например, жатвенную машину на таких же основаниях, если бы это показалось ему выгодным. Это доказывается и тем, что наш крестьянин способен быстро перенимать очень интенсивную сельскохозяйственную культуру, если видит наглядно ее выгоды. Так, например, русские поселенцы в Иссыккульском уезде завели искусственное орошение полей. «Повсюду в долине, — говорит г. Кранов, — введено искусственное орошение полей. Везде по канавкам струится вода, отведенная из горных речек, поочередно затопляются то тот, то другой из четырехугольных участков, засеянных пшеницей, просом, ячменем и другими яровыми хлебами. Орошение полей находим и в Забайкальской области Восточной Сибири. Там «в некоторых селениях, где только была возможность, устроили водопроводные канавы, местами через скалистые горы; устройство этих водопроводов крестьянским обществам стоит значительных затрат единовременно и особо каждогодне; на расчистку употребляют до 10 дней и более всем селением крестьян, которые занимаются посевом хлеба».

В газете «Земство» (1881 г.) сообщали о следующем факте: крестьяне всей Кузьмичевской волости при энергичном содействии г. Кроэра купили имение в 16.000 руб. с уплатою в рассрочку. В имении находится винокуренный завод

и 3 мукомольные мельницы. Крестьянское волостное общество выбрало г. Кроэра распорядителем купленного имения и всех работ, какие будут производиться им по его собственному усмотрению. По плану этого распорядителя ни пахотные, ни сенокосные, ни лесные угодья не должны делиться на отдельные участки, соответственно количеству ревизских душ, а составляют нераздельную собственность всей волостной общины, причем все необходимые работы будут производиться сообща и единовременно всеми наличными работниками, точно так, как производились они прежде по найму управляющего имением. Часть доходов будет откладываться для образования фонда на устройство местной больницы и школы. Крестьяне обязались слушаться своего распорядителя до тех пор, «пока он им понравится». Мы не знаем, чем окончилось прекрасное дело г. Коэра и крестьян Кузьмичевской волости. Первое затруднение — само совершение купчей крепости. Дело в том, что наши нотариальные порядки не допускали до сих пор покупки земли в общинную собственность, а только в общую, что составляет большую разницу. Кроме того, некоторые из местных землевладельцев стараются разрушить это предприятие.

«В Мценском уезде Орловской губернии несколько лет тому назад крестьяне с. Долгого и сельца Меньшикова заарендовали у соседнего помещика г. Меньшикова землю целым обществом, причем решили арендуемую землю не делить по дворам, а производить общую запашку и вести все хозяйство сообща. Дело ведется следующим образом: работники должны являться на каждую работу от каждого дома по распределению, сколько придется с каждого пая: убранный с поля хлеб свозится на гумно помещика, обмолоченное зерно ссыпается в амбары имения и затем продается; из вырученной суммы выплачивается аренда, а остаток деньгами или зерном делится по паям. Такой способ аренды и ведения хозяйства оказался крайне выгодным для крестьян. На пай

выручается крестьянами 200 — 300 руб. ежегодно. Несколько лет ведения общего хозяйства оправили крестьян, дали им возможность уплатить все недоимки и долги, обзавестись достаточным количеством скота и т.д. В 1882 г. крестьяне снова арендовали землю на 6 лет на тех же условиях, несмотря на то, что владелец повысил арендную плату на 40%; и при таком возвышении крестьяне остаются в барышах, так как, обзаведшись скотом, они получили возможность лучше обрабатывать и лучше удобрять землю, а стало быть, и получать больше дохода, а также ввиду того, что и при возвышенной аренде земля им достанется на 30 — 40% дешевле, нежели местным крестьянам, арендующим землю в одиночку».

Сколько шуму подняли подобные предприятия в Западной Европе, и так тихо и спокойно возникают они у нас! Наша интеллигенция так привыкла к артельному духу, проявляемому нашим крестьянином, что сделалась непомерно требовательной и готова упрекать этих же крестьян в отсутствии артельности, сравнивая, разумеется, нашу артельность с ее идеалом, а не с артельностью, проявляемою ею самою и западноевропейскими обществами. Между тем, по словам г. Исаева (подтверждаемым всеми знатоками русской жизни, имевшими случай наблюдать и народы других стран), «наш народ имеет столь большую склонность к артели, какая не проявляется у наших западных соседей».

Нам могут заметить, что мы до сих пор говорим только о земледельцах, не упоминаем о промышленном населении, и что, как ни незначительно количество этого последнего сравнительно с первым, но оно должно все больше и больше увеличиваться с развитием экономической жизни. Так как наше промышленное население выходит из тех же деревень, которые, благодаря своему общинному устройству, способствовали сравнительно сильному развитию социальных чувств русского народа, то и это население тоже не нуждается в просветительном влиянии капиталистического кнута. Оно уже

издавна составляло артели во всякого рода промышленных предприятиях. Г-н Соколовский говорит, что русский крестьянин и «во все другие сферы экономической деятельности» внес тот же коллективизм, которым проникнуто его землевладение, и что «общинное начало проникло во все отрасли экономической деятельности северно-русского населения. Для какой бы экономической цели ни соединялось несколько человек, они устраивали свои отношения на основании одного и того же принципа — равенства всех участвующих в предприятии». С. К–н говорит о «легкости, с которою составляются у нас многочисленнейшие промышленные и рабочие артели, работающие в лесах и дворцах», и о «стройности их внутренней жизни, не заявляющей себя ни ссорами между собою, ни беспорядками вне». Иногда артели бывают глубоко альтруистичны; для примера укажем на порядки рыболовных артелей в устьях рек Селенги и Верхней Ангары, впадающих с восточной стороны в озеро Байкал. «Артель составляется человек из 30, управление ею и рыболовным судном вверяется самому способному, именуемому «большаком», который никакими особыми привилегиями не пользуется. На ловлю выезжают целыми селениями, все по силе возможности приносят на общее дело свой труд. Каждый член семьи, какого бы возраста и пола он ни был, считается пайщиком. Здесь вы видите в артельном начале труд всей семьи, какой она может выставить, а дележ добычи по р т а м, по едокам. Впрочем, необходимо заметить, что артели с таким характером встречаются нечасто и что общий их тип гораздо ниже только что указанного.

К сожалению, наше законодательство, можно сказать, игнорирует существование артелей. В наших законах, правда, находятся отдельные законоположения о союзах этой формы, но из них можно только убедиться в том, что артель сама по себе нимало не привлекала внимания законодательной власти. Все эти положения об артелях изданы отнюдь не ра-

ди артелей, а в интересах тех лиц или учреждений, которые пользуются артельным трудом. В них не заметно стремление законодателя оградить эту форму труда от внешнего давления и в то же время обнаруживается желание создать такие условия, которые были бы способны обеспечить всех, пользующихся услугами артелей, от ущерба, который они могут им нанести. Среди положений, охраняющих выгоды лиц и учреждений от нанесения им вреда артелями, встречаются иногда и статьи, которые имеют целью оградить важнейшие интересы самих артелей; но эти статьи большею частью неясны и неопределенны, допускают различное и часто несогласное с выгодами артелей толкование, а потому и не могут служить для них оплотом против давления капитала. Необходимо, чтобы наше законодательство совершенно изменило свое отношение к артели. Вместо того, чтобы поддерживать капитал, оно должно помочь артели в ее трудной борьбе с могучим противником. Г. Исаев вполне справедливо настаивает на этой мысли. Он предполагает, чтобы государство посредством артелей удовлетворяло всем своим хозяйственным нуждам. Так, сооружение и отделка казенных зданий, изготовление для войск известных частей одежды, снабжение казенных больниц, учебных заведений и т.д. разными принадлежностями — все это должно быть сдаваемо по преимуществу артелям. Это доставит большие выгоды и самому государству, как видно из опыта нижнетуринской механической артели, приготовлявшей ударные трубки, и екатеринбургской, приготовлявшей лафеты.

(…) Если мы убеждены, что община — развивающийся организм, обобществляющий труд, а следовательно и подготовляющий новые формы экономической жизни, то мы обязаны будем всеми силами поддержать ее в борьбе с надвигающимся на нее капитализмом. Можно предположить, что, несмотря на нашу поддержку, капитализм «слопает» общину; в таком случае нам остается хотя то утешение, что мы

непричастны этому преступлению. Много хорошего погибает на свете в борьбе со злом! Факт победы не дает права признавать победителя за более совершенный организм.

Но где же факты, указывающие на несомненную победу капитализма? В ответ на это обыкновенно указывают на пример Западной Европы. Мы уже говорили о странности ссылок на историю Европы: там, по свидетельству истории, капитализму никогда не приходилось бороться с общиной; победил общину не капитализм, а феодализм, т.е. кулачное право. Посмотрим же, какая судьба постигла капитализм у нас в промышленности, служащей основой нашего богатства, а именно в земледелии. Автор прекрасной статьи «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» говорит следующее: «Так как общинное начало препятствует приложению капитала к земледельческому производству, то в производстве он никакой роли не играет, а выступает на сцену как капитал купеческий только по окончании процесса производства, в качестве разъединителя продукта от производителя». Следовательно, в земледелии роль капитала сужена и говорить о нем как об «обобществителе» труда немыслимо. У нас, можно сказать, нет сельско-промышленных хозяйств, которые бы велись на капиталистических началах; наши крупные землевладельцы просто торгуют землей. Отсюда ясно, что никакой борьбы между капиталистической формой сельскохозяйственного производства и общиной не существует. У нас вполне господствует одна форма земледельческого производства — крестьянская. Усилия капитала направлены просто на обезземеливание народа, а не на победу над крестьянской формой производства путем конкуренции более производительной — капиталистической. Обезземеливая народ, наши капиталисты не вводят на этих землях более усовершенствованных культур, а остаются при крестьянской же обработке. А при подобного рода условиях дело общины отнюдь не может считаться проигранным. Все

зависит, можно сказать, от того, как будут вести себя относительно общины правящие классы. На их совести будет лежать ее гибель: они только будут виноваты, если такая дурная трава, как Разуваевы, заглушат общину. Для народа же община является несомненно излюбленной общественной формой, с которой он никак не хочет расстаться, а напротив, совершенствует ее по мере своего умственного и нравственного развития.

Из фактов, приводимых А. С. Ермоловым, можно заключить, что ходячее мнение об отсталости крестьянского хозяйства не имеет под собою никакого фактического основания и может быть отнесено к той же категории, как и то, что крестьяне бедны, потому что пьяницы. Если у нас не видно усовершенствованных систем полеводства, какие мы видим на западе, так только потому, что они пока будут только убыточны. Крестьянское хозяйство, можно сказать, имеет тенденцию идти в уровень с требованиями минуты, но задерживается на своем пути малоземельем и обилием платежей. Не недостаток знаний составляет главную причину той отсталости полеводства, которая проявляется в некоторых местах, а недостаток земли и сельскохозяйственного инвентаря. Это доказывается тем, что богачи из тех же крестьян, т.е. люди, не обладающие большими сельскохозяйственными сведениями, чем вообще крестьяне, ведут в тех же местах более рациональное хозяйство, нежели их малоземельные и бедные соседи. Какое мы имеем основание требовать от крестьянского хозяйства улучшений, истощая вместе с тем это хозяйство налогами и платежами? На основании «Трудов податной комиссии» можно заключить, что платежи бывших помещичьих крестьян по отношению к чистому доходу с их земли выражались 198 ¼ %, т.е. не только отдавали весь свой доход с земли, но должны были еще приплачивать почти столько же из сторонних заработков. Главную роль в этих платежах играют «выкупные», т.е. платежи, идущие

в частные руки, а не на общественные потребности. Государство великодушно истощает платежную силу крестьянина в пользу частных лиц и этим самым преграждает путь к расширению собственного бюджета. Но, несмотря на громадные суммы выкупных платежей, доставшихся в руки помещиков, эти последние разоряются и сбывают земли кулакам и торговцам. Если с большой натяжкой можно было утверждать, что помещики способны вести сельскохозяйственную промышленность в лучшем виде, нежели крестьяне, то относительно купцов этого сказать уже никак нельзя. Земли, переходящие из рук помещиков к купцам, для этих последних служат только средством эксплуатации крестьян. Купец, пользуясь их малоземельем, доводит арендную плату за землю до крайних размеров и обыкновенно не ведет сам никакого хозяйства. В некоторых местах, по преимуществу черноземных степных, купцы делают громадные запашки, но это не есть правильная сельскохозяйственная промышленность, а торговая спекуляция, принимающая вид сельскохозяйственного предприятия.

В то время, когда ученые и неученые экономисты ломают копья в защиту крупного землевладения как рассадника улучшенных систем полеводства, как пропагандиста разных веялок, молотилок, культиваторов и т.п. прекрасных вещей, говорит г. Варзер, на практике крупных хозяйств почти совсем не существует. Так, например, по сведениям, собранным в 1877 году, «в Черниговском уезде не оказалось ни одного владельческого имения, которое бы вело хозяйство самостоятельно, своими орудиями, скотом и рабочими; в Борзенском уезде, труд дороже и земля состоит главным образом из чернозема, таких имений всего четыре». Обыкновенно хозяйство ведется посредством «скопщины», т.е. земля раздается по кусочкам окружным крестьянам с известной доли урожая с разного рода доплатами деньгами или рабочими днями. «Правда, — говорит г. Варзер, — нельзя считать, чтобы все

имения буквально жили только скопщиной; правда, из этой общей массы выделяется особый тип смешанного характера, в котором система хозяйства будет представлять соединение скопщины с собственными запашками владельцев, но таких имений очень мало и насчет характера их не должно обманываться. В Черниговском уезде подобных имений смешанного типа всего 48 из 175, т.е. менее 1/3, в Борзенском их 44 из 122, т.е. около 1/3 всех и кроме того, все они, несмотря на то, что большинство их принадлежит к числу заботливо управляемых самими владельцами, все-таки держатся главным образом скопщиной». Рабочие дни, добываемые земледельцами путем скопщины и известные в народе под названием «отбучи», «панщины», «басаринки» и т.п., секрет существования бесхозяйственных имений, не имеющих ни рабочих, ни скота. При помощи этих отработков владелец делает все, что ему надо: запахивает свои унавоженные поля, молотит хлеб, унавоживает пашню, возит себе дрова, хворост, заплетает плетни, косит часть сенокосов, расчищает их, убирает огороды, чистит сад, пруд и проч. и проч., словом, выполняет все текущие хозяйственные и нехозяйственные работы». Отбывание рабочих дней в вознаграждение за землю ложится таким тяжелым гнетом на сельский люд, что, по его мнению, басаринок хуже панщины (т. е. барщины при крепостном праве), ибо теперь не одним крестьянам, а всем, и казакам, и казенным (крестьянам) приходится отбывать его.

Ни помещики, ни купцы не являются у нас сельскими хозяевами, способными вести земледельческую промышленность. Ею занимаются почти исключительно крестьяне, и уровень развития земледелия определяется их знаниями и их сельскохозяйственным инвентарем. Крупные землевладельцы и казна, говорит г. Красноперов про Пермский край, непосредственно ведут только лесное хозяйство, прочие же земельные угодья сдают в аренду крестьянам, которые и обрабатывают как эти, так и свои надельные земли. Поэтому,

говоря вообще, сельское хозяйство в крае есть крестьянское. Хотя некоторые частные владельцы имеют и собственные хозяйства, но таковые составляют в общем крайне незначительное исключение. Ввиду этого все существенные нужды сельского хозяйства в крае есть вместе с тем и нужды крестьянского быта.

Отсюда, понятно, вытекает то, что земля только в надежных руках крестьян может явиться орудием сельскохозяйственной промышленности, а не торговли. И помещик, и купец только торгуют землею, — крестьянин занимается земледелием; только он — сельский хозяин. Интересы общества и государства требуют, чтобы земля была в тех руках, в которых она дает наибольший доход, не говоря уже о том, что вообще обеспечение населения землею необходимо с точки зрения общественной солидарности и справедливости. Следует помочь крестьянам приобрести достаточное количество земли, необходимое для ведения самостоятельного хозяйства. Подобная мера не противоречит интересам бывших помещиков, так как все равно земля уплывает из их рук. Пусть же лучше она прямо попадет в руки крестьян, нежели сделается орудием торговли и возвышения вредных и для государства, и для народа кулаков и мироедов.

Необходимо позаботиться, чтобы земля, перешедшая в крестьянские руки, не могла опять попадать к мироедам. Лучшее средство для этого искренняя поддержка общинного владения землею там, где оно начинает прививаться. Еще недавно многие волости Чигиринского и Черкасского уездов Киевской губернии желали ввести у себя общинное владение землей; следовало не препятствовать этому, а помочь. Ведь история мелкой поземельной собственности в Малороссии ясно подтвердила давно установленный экономистами вывод о стремлении этой собственности к окучиванию в одних руках, т.е. к обезземелению мелких собственников и к образованию крупных землевладельцев. Крестьяне прекрасно по-

нимают это свойство мелкой собственности, а потому и недолюбливают ее. Вообще, фактов распространения общинного владения немало; очевидно, сама жизнь выдвигает этот принцип, хотя он и не пользуется до сих пор благосклонностью правящих классов. Наш закон, например, не знает общинного владения; крестьяне-общинники, покупая землю в общинное владение, принуждены совершать купчие крепости на правах товарищества в общую собственность. Покупает, следовательно, не юридическое лицо — община, а отдельные члены ее на правах товарищества. При общинном владении право пользования, владения и распоряжения принадлежит только всему сельскому обществу; а в общей собственности все эти права принадлежат отдельным членам товарищества соответственно их доле, — что, разумеется, составляет громадную разницу. Положим, например, крестьянское общество из 30 хозяев покупает землю в мирскую собственность. В следующем же поколении одно семейство может разрастись и расплодиться, другое же плохо нарождаться и оставаться в том же числе работников. По праву мирского владения земля будет распределяться по ровной доле между всеми наличными мужскими душами или работниками. Если же земля будет куплена крестьянами в общую собственность, то члены расплодившегося семейства, хотя бы их было 10 душ, имеют право только на одну тридцатую долю владения, т.е. все вместе получат столько же, сколько одна или две души семейства, плохо нарождавшегося. Следовательно, недопущение крестьян покупать землю в мирскую собственность может самым вредным образом отозваться на их быте, уничтожая в корне всякую возможность равенства в поземельном владении. Только благодаря тому, что крестьяне у нас до сих пор руководствовались не писанными для них законами, а своими обычаями, они и сохранили мирское владение землей. Таким образом, наши законы фактически в корне подрывают общинное землевладение,

хотя это пока мало отражается на действительной жизни, так как крестьяне действуют не на основании нотариальных актов, а по своим обычаям. Но достаточно какому-нибудь кулаку пойти против общества, и он наделает хлопот и замешательств, способных наводить крестьян на мысли о несправедливости закона, что, казалось бы, совсем нежелательно. Необходимо ввести в законодательство понятие общинного владения в том виде, как оно сложилось у народа. Необходимо не только не препятствовать, а способствовать укреплению, распространению и дальнейшему качественному развитию исконной бытовой формы русской жизни. Не о насильственном поддержании общины государством говорим мы, а только об устранении препятствий, стесняющих ее естественный рост и развитие. Для этого же необходимо, чтобы общественное мнение интеллигенции приняло сторону общины. Много ли найдется у нас людей, которые бы знали факт развития нашего общинного владения по пути к большему воплощению принципов равенства и справедливости? А между тем это факт, вполне установленный исследователями нашей общины. Громаднейшее большинство до сих пор придерживается ложного взгляда, заимствованного у западных ученых, не имевших под руками фактов из русской жизни, что наша община — архаическая форма, кристаллизовавшаяся в нечто неподвижное, не способное к развитию, а, следовательно, долженствующее погибнуть. Это большинство знать не хочет результатов, добытых русскими исследователями, придерживаясь своих заскорузлых мнений и не принимая во внимание, как необходима бдительная осторожность в подобных приговорах, имеющих сильное влияние на ход народной жизни путем давления общественного мнения интеллигенции на законодательство.

Все сказанное нами выше можно резюмировать так: Россия — страна земледельческой промышленности. В этой же промышленности капиталистическое производство пока со-

вершенно неприложимо, а потому и не существует никакой экономической конкуренции между капитализмом и общиной. Общину подрывает не конкуренция более производительной капиталистической формы продукции, а усилия разных хищников захватить основу этой общины — землю — в свои руки просто для торговли ею, т.е. с целью выжимать с крестьян наибольшую арендную плату. При этом производительность земледелия не повышается, а падает, хотя и незначительно. Происходит же это от обеднения народа, занимающегося сельскохозяйственной промышленностью, а обеднение является результатом тягостных платежей и малоземелья. Государство при этом только теряет, так как и земельная теснота, и львиная доля платежей идут в пользу частных лиц, а не государства. Понижение же земледельческой продукции, происшедшей, как мы уже говорили, от обеднения людей, занимающихся сельскохозяйственной промышленностью, не может не отразиться на государственном бюджете. Пора уже государству отделить свои интересы от интересов частных лиц и руководствоваться в своих действиях исключительно общенародною пользою, так как только эта последняя составляет вместе с тем и пользу государства. Разрушение общины — необходимое условие для введения господства капитализма в России; поэтому государство должно поддержать общину в ее борьбе с кулаками, мироедами и другими подобными же хищниками, подготовляющими почву для капитализма обезземеливанием народа.

«Социологи пришли к тому заключению, — говорит Уоллес, — что пролетариат западноевропейских государств образовался преимущественно вследствие того, что крестьяне и мелкие землевладельцы лишаются земли, и что предупредить или по крайней мере замедлить его развитие можно какой-нибудь системой законодательства, которая обеспечила бы владение землею за крестьянами и не допускала бы обезземеливания их. Теперь я могу утвердительно сказать,

что ни одно учреждение в мире не достигает так этой цели, как русская общинная система. В настоящую минуту около половины всей пахотной земли империи вследствие общинной системы владения не может быть приобретена крупными землевладельцами или капиталистами, и каждый крестьянин, самым фактом своего появления на свет, приобретает совершенно неприкосновенное право на долю в земле. Если бы Россия оставалась чисто земледельческой страной, то сельская община, по всей вероятности, предупредила бы образование пролетариата на будущее время, как предупреждала его целыми веками в прошлом. Периодический раздел общинной земли обеспечил бы за каждым человеком частичку земли, и если бы население стало слишком густо, то бедствие, могущее произойти от слишком мелкого разделения земли, могло бы быть устранено правильным выселением в отдаленные малонаселенные губернии. Но Россия надеется сделаться великой промышленной и торговой страной, и ее городское население быстро увеличивается; следовательно, вопрос осложняется, и надо разобрать влияние нового фактора — капиталистического производства».

Что касается влияния капиталистического производства на общину, то по этому поводу Уоллес говорит следующее: «Хотя можно положительно сказать, что рано или поздно община подвергнется сильным изменениям, но трудно предсказать, какие формы оно окончательно примет. Может быть все особенности ее исчезнут, и от нее останется только местное самоуправление; но, с другой стороны, она, может быть, сама преобразуется в силу новейших требований, не теряя своего настоящего основного характера. Легкость, с какой она до сих пор применялась к обстоятельствам, и высказанная ею сильная живучесть, по-видимому, оправдывают эти ожидания; но высказывать уверенность еще слишком рано. Только время разрешит эту задачу». Разумеется, время тут ни при чем, — все зависит от той или другой внутренней

политики России. Нельзя упускать из виду громадную разницу, которая должна проявиться в положении нашего пролетария сравнительно с западноевропейским благодаря общинному владению землею. Если предположить, что наше крестьянство осуществит при помощи правительственного или земского кредита свои исконные стремления владеть таким количеством земли, какое оно может обработать, и будет владеть ею на общинных началах, то положение городского пролетария должно быстро измениться. Достаточное крестьянство поднимет спрос на фабричные произведения, туго поддаваясь вместе с тем прелестям фабричного труда. Так как громадное большинство народонаселения будет иметь возможность удовлетворять своим потребностям, оставаясь независимыми хозяевами, то, понятно, капиталист должен будет ставить своих рабочих в такое положение, которое будет, во всяком случае, лучше, а не хуже крестьянского, ибо только тогда он найдет охотников расстаться с деревенской жизнью. Положение рабочего должно улучшится не только в материальном, но и в нравственном отношении соотносительно с улучшением нравственного положения крестьянства. Так, например, улучшение быта крестьянина отразится непременно на количестве рабочих часов уменьшением их, а следовательно, увеличением досуга, который может быть посвящен удовлетворению духовных потребностей. То же самое должно произойти и на фабрике.

Итак, положение пролетария благодаря общинному владению землей, закрепляющему землю за крестьянством, будет определяться материальным и нравственным положением независимого и достаточного крестьянства, чего на западе мы совершенно не видим. Кроме того, мы имеем право надеяться, что благодаря нравственной дисциплине общины, воспитывающей пока будущих фабричных и заводских рабочих, настолько укрепятся в них артельные чувства, что идея артельного производства может быстро распространиться

между ними и общинные принципы завоюют таким образом враждебную им область. Следовательно, рабочий вопрос, грозящий Западной Европе многими бедствиями, может быть разрешен у нас мирно и спокойно. Недаром дальнозоркие защитники мирного и спокойного прогресса обратили внимание на русскую общину. Так, например, известный публицист Лавеле говорит:

«Рискуя прослыть реакционером, я не колеблюсь сказать, что некогда существовали двоякого рода учреждения, которые следовало бы сохранить и усовершенствовать: общинная автономия и общинная собственность. Государственные деятели постарались сократить первую, экономисты приложили усилия к исчезновению второй: ошибка огромная, которая помешает повсюду установиться прочным общественным учреждениям, если не будет исправлена». «Если Сербия, едва освобожденная, прекрасно осваивается с порядком почти республиканским и с системою самоуправления, которые с трудом вынесли бы многие западноевропейские государства, то это лишь благодаря навыку, приобретенному сербами среди общин, — усваивать себе качества, необходимые для свободы и самоуправления». Если таково действие на народный характер сербских задруг, то нет сомнения, что русская деревенская община действует в этом отношении еще энергичнее и шире.

Мы считаем вполне справедливыми слова, сказанные много лет назад: «Общинное владение ближе других форм собственности подходит к идеалу поземельной собственности».

До сих пор мы говорили о внутренних условиях русской жизни, дающих право утверждать, что капиталистическое производство не есть необходимая ступень дальнейшего развития нашей экономической жизни. Г. В. В. в книге своей «Судьбы капитализма в России» указывает, что внешние условия тоже не только не благоприятствуют, но задерживают развитие капитализма у нас. Мы вправе поэтому ска-

зать, что капитализму препятствуют развиваться на русской почве как внутренние, так и внешние условия нашей жизни. Автор только что упомянутого нами исследования указывает, что международные экономические отношения не только не поощряют развития капиталистического производства в России, как думали прежде, а, наоборот, стесняют его. Историческая особенность нашей крупной промышленности заключается в том, что ей приходится расти в то время, когда другие страны достигли уже высокой степени развития. Ей приходится, таким образом, конкурировать с этими давно установившимися в промышленном отношении странами, а соперничество таких противников совершенно заглушает слабые ростки возникающего у нас капитализма.

Развитие капиталистического производства ведет за собою увеличение производительности труда; но это увеличение вместо того, чтобы найти себе правильный исход в облегчении рабочего, в создании ему досуга для развития и удовлетворения его умственных и нравственных потребностей, целиком тратится на возрастание производства., т.е. на увеличение количества продуктов. При этом совершенно естественно является избыток продуктов для внутреннего употребления и необходимость во внешнем рынке. Параллельно с развитием капиталистического производства на западе идет и погоня за рынком; вся внешняя политика Англии была ничем иным, как жаждой рынка, а с течением времени на тот же путь международной политики вступают и другие цивилизованные страны. Имея в виду тенденцию капиталистического производства к безмерному возрастанию, г. В.В. утверждает, что, чем позднее начнет какая-либо страна развиваться в промышленном отношении, тем труднее завершить ей это развитие капиталистическим путем. Ей необходимо придется при этом вступить в борьбу за рынки с такими опытными и могучими противниками, как Англия и Америка, имеющими над нею преимущество во всех отношениях.

Но как бы ни кончилась борьба, кто бы ни остался победителем, во всяком случае, здесь должен быть и побежденный: рынка для всех не достанет, т.е. победа капитала одной страны служит препятствием развитию капиталистического производства в другой. Таким образом, само собой падает предложение о необходимости для каждой страны достигать развития обобществленной формы труда непременно капиталистическим путем. Вновь возникающий капитализм может добиться лишь устранения иностранных товаров с внутреннего рынка и, самое большое, побить внутреннее мелкое производство. Но если только крупное капиталистическое производство охватит все области внутреннего труда, то оно грозит лишить все население самостоятельного хозяйства и вместе с тем будет не в состоянии дать ему взамен работу на фабрике, заставляя его, следовательно, эмигрировать.

Если применить к России, говорит В. В., те заключения, которые выше мы сделали относительно стран, поздно выступивших на сцену истории, то мы должны признать, что границы расширению ее крупного производства даны заранее определенным (внутренним) рынком, вследствие чего свободному полету капитализма положены у нас довольно тесные пределы; во-вторых, что расширяться наше крупное производство будет не столько в ширину, сколько, так сказать, вглубь, т.е. не столько охватывая все большее число рабочих, сколько увеличивая производительность труда уже занятых (вводя новые машины). Эти два условия, которыми ограничивается поле распространения капитализма в России, совершенно изменяют для нас его историческое значение.

Доводы г. В. В. имеют некоторое значение при обсуждении вопроса о вероятной будущности нашей экономической жизни. К сожалению наш автор, увлекшись значением внешних условий, стесняющих капитализм, вполне игнорирует внутренние условия, в действительности имеющие никак не меньше, а скорее больше значения, нежели вне-

шние. Не будь этих внутренних условий, побуждающих нас и дающих нам внутреннюю силу идти самобытным путем экономического развития, то внешние стеснения для капиталистического производства не давали бы права надеяться, что мы пойдем по пути усовершенствования нынешнего мирского владения землею. Доказательства существования внешних неблагоприятных условий для развития капитализма, будучи оторваны от тех указаний, что условия нашей внутренней жизни толкают нас идти своеобразным, а не европейским путем, — могут привести только к заключению, что мы, не имея возможности вступить в капиталистическую форму производства, будем отставать от западных народов в обобществлении труда, а следовательно, и самое стеснение капитализма должно читаться в числе неблагоприятных условий нашей жизни. В самом деле, если русская экономическая жизнь только тем и отличается от западноевропейской, что мы позднее выступили на поприще развития капитализма, а потому, как запоздавшие, терпим стеснения при необходимом переходе в эту форму производства, то это никак не может считаться благоприятным условием русской жизни. Марксист, считая капитализм необходимой ступенью развития экономической жизни всех народов, должен быть опечален подобным явлением, так как это ведет за собою стеснение полного обобществления труда, а следовательно, не приближает, а отдаляет падение капиталистического производства перед той будущей формой труда, которая есть результат саморазвития и саморазложения капитализма. Очевидно, что г. В. В., указывая на внешние, стесняющие капитализм условия и вместе с тем радуясь подобному явлению, должен был бессознательно (говорим «бессознательно» потому, что наш автор игнорирует значение внутренних условий нашей экономической самобытности) признавать особенности нашей экономической жизни, которые дают нам возможность идти самобытным путем, — он опасался только того,

что внешние условия окажутся сильнее внутренних и заставят насильно свернуть нас на дорогу капитализма; поэтому-то он и радуется, что исследование экономических явлений нашей жизни доказывает, что развитие капитализма стесняется внешними условиями.

В заключение мы считаем себя вправе сказать, что в настоящее время русский марксизм можно считать «разбитым наголову», поскольку, разумеется, он зависит от недомыслия и незнания, а не от кулацко-сословного эгоизма. Этот последний еще долго будет носиться с теорией Маркса, хотя сам автор ее заявил, что к России его теория общественно-экономических фаз прогресса неприменима.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: БОГАТСТВО И КАПИТАЛ, ОБЩИНА И АРТЕЛЬ

МЕНДЕЛЕЕВ Дмитрий Иванович 1834 — 1907

Великий русский ученый, создатель периодической системы химических элементов, Д. И. Менделеев был выдающимся экономистом, обосновавшим главные направления хозяйственного развития России. «Русские, — писал ученый, — готовятся стать народом передовым, владыками природы и истории, а не их рабами».

Менделеев выступал горячим сторонником протекционизма и хозяйственной самостоятельности России. В своих работах «Письма о заводах». «Толковый тариф...» Менделеев стоял на позициях защиты русской промышленности от конкуренции со стороны западных стран, связывая развитие промышленности России с общей таможенной политикой. Ученый отмечал несправедливость экономического порядка, позволяющего странам, осуществляющим переработку сырья, пожинать плоды труда работников стран —поставщиков сырья. Этот порядок, по его мнению, «имущему отдает весь перевес над неимущим».

Будущее русской промышленности Менделеев видел в развитии общинного и артельного духа. Конкретно он предлагал реформировать русскую общину так, чтобы она летом вела земледельческую работу, а зимой — фабрично-заводскую на своей общинной фабрике. Внутри отдельных заводов и фабрик предлагалось развивать артельную организа-

цию труда. Фабрика или завод при каждой общине — «вот что одно может сделать русский народ богатым, трудолюбивым и образованным».

Богатство и капитал Менделеев считал функцией труда. «Богатство и капитал, — записывал он для себя, — равно труду, опыту, бережливости, равно началу нравственному, а не чисто экономическому». Состояние без труда может быть нравственно, если только получено по наследству. Капиталом, по мнению Менделеева, является только та часть богатства, которая обращена на промышленность и производство, но не на спекуляцию и перепродажу. Выступая против паразитического спекулятивного капитала, Менделеев считал, что его можно избежать в условиях общины, артели и кооперации.

Ближайшим русским идеалом, отвечающим наибольшему благосостоянию народа, по мнению моему должно считать общину, согласно — под руководством лучших и образованнейших сочленов — ведущую летом земледельческую работу, а зимой фабрично-заводскую на своей общинной фабрике или на своем общественном руднике. Богатство народа, без сомнения, зависит от количества его производительного труда. А что же полезное станет делать крестьянин в долгие наши зимы, если у него не будет промышленного заработка? Кустарное дело, т.е. работа дома, своею семьею, может держаться только до развития фабрично-заводских дел, а потому я смотрю на кустарную работу только как на подготовку к фабрично-заводским делам, которые, как показывают акционерные предприятия, могут вестись на складочный капитал, и если он будет, хотя отчасти, от тех же крестьян (этого-то мы дождемся, судя по росту крестьянского капитала в сохранных кассах), то дело может у нас устроиться так, как трудно его осуществить где-либо в иной стране. Начала тому должно ждать от развития общинного травосеяния,

что ныне стало на очередь в деятельности передовых земств. Фабрика или завод около каждой почти деревни, в каждой почти помещичьей усадьбе — вот что одно может, по моему крайнему разумению, сделать русский народ богатым, трудолюбивым и образованным. И к постепенному достижению этого идеала я не вижу ни одного существенного препятствия ни в быте народном, ни в общих русских условиях, если не считаться с некоторыми предрассудками и с общею русскою неподготовленностью к промышленности, отчасти определяемою тем направлением, которое доныне господствовало в нашем учебном деле. «…»

Общинное крестьянское землевладение, господствующее в России, заключает в себе начала, могущие в будущем иметь большое экономическое значение, так как общинники могут, при известных условиях, вести крупное хозяйство, допускающее множество улучшений, начиная с травосеяния, а потому я считаю весьма важным сохранение крестьянской общины, которая со временем, когда образование и накопление капиталов прибудут, может тем же общинным началом воспользоваться и для устройства (особенно для зимнего периода) своих заводов и фабрик. Вообще, в общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыши возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение, так как, по моему мнению, после известного периода предварительного роста скорее и легче совершать все крупные улучшения исходя из исторически крепкого общинного начала, чем идя от развитого капитализма к началу общественному. Весь вопрос здесь сводится к развитию образования и общего народного богатства, дающего капиталы, совершенно необходимые для развития промышленного быта.

Богатство и капитал

Все материальное, чем пользуются люди, ведя свое начало от «земли» или природы, неизбежно содержит то или иное количество труда (например, малое при сборе готовых плодов или большое при пользовании фабрично-заводскими товарами), так что истинными производителями полезностей должно считать только «землю» и «труд». Но оба эти фактора, усложняясь с развитием общественных отношений, дали два новых и сильных двигателя всей современной промышленной деятельности: прикладное знание и капитал, которые отличают промышленность развитую от начальной, свойственной человеку в его «диком» состоянии. Они образуются только при благоустроенном, государственном сложении общества и берут начало от природных свойств людских: любознательности и бережливости, дающих сперва абстрактные науки и материальные богатства, не имеющие вначале никакого отношения к промышленной деятельности, а лишь затем, мало-помалу, направляющиеся в сторону пользы и производительности. Те пути и способы, которыми капиталы и знания служат к материально-промышленному развитию, составляют предмет изложения дальнейших параграфов, причем считаю полезным начать с капиталов.

Но как прикладные познания немыслимы без абстрактных (общих, теоретических), так капиталы — без богатств, потому что первые суть только части или производные от вторых. Как расчет сил, действующих в промышленном сооружении или машине, неизбежно требует суммы твердых познаний, накопленных в математике, механике, оптике и химии, чтобы стать сознательным, ясным, полным и верным, так капитал требует суммы прочных богатств, накопленных трудом, существовавшим ранее промышленного применения капиталов, которые составляют долю богатств,

назначаемую для того или иного вида вспомоществования трудовому производству. Поэтому для понимания роли капитала сперва следует рассмотреть богатство и его отношение к труду и собственности.

Не только животные (от растений и других животных), но даже растения (из воды, воздуха, почвы) собирают и вырабатывают себе от окружающей природы вещества, назначаемые или для непосредственного использования, или для запаса. В отложенном подкожном сале домашних животных или хотя бы в картофельных клубнях, особенно в пчелином меде — последнее совершенно очевидно. Поэтому собирание людьми всяких запасов того, что считается надобным, полезным или просто интересным и приятным, — совершенно естественно и всегда существовало. К этому должно прибавить всю совокупность того, что производится для более или менее продолжительного пользования, как то: жилища, одежду, приборы всякого рода, дороги, улучшения почвы, экипажи, домашних животных, плодовые деревья и многое тому подобное, составляющее *имущество* или *собственность* личную или общую, т.е. принадлежащую совокупности лиц (общине, городу, компании и т.д.), или же общегосударственную. Земля есть первообраз такого имущества, а вся его совокупность составляет *богатство.* По обычаю, укрепленному законами, землю и здания с их принадлежностями (например, с деревьями, водами, оградами и т.п.) отличают как «недвижимое имущество» от всего прочего, образующего «движимость», в числе которой — при переводе на деньги — отличаются, между прочим, видами ценностей: наличные деньги, бумаги, легко по курсу в них превращаемые, долговые обязательства, получение по которым более или менее вероятно, товары в готовом виде (запасы всякого рода), промышленные приспособления, домашняя обстановка и предметы, имеющие лишь семейное значение, за вычетом долговых обязательств, подлежащих уплате. Такой всем известный счет богатства

отдельных лиц, лишь немного изменяющийся при счете «богатства народного» (так, например, долговые обязательства и бумаги, отвечающие внутренним оборотам и соответствующие реальным ценностям, при этом, очевидно, исчезнут, так как взойдут с плюсом и минусом), прямо указывает на происхождение богатств как современных остатков от трудового заработка, главная часть которого, говоря про массы, назначается на текущие надобности, т.е. на истребление или потребление быстрое, как например для пищи или развлечений, или же медленное, как например для одежды, книг и т.п. Все производимое промышленностью, таким образом, поступает или в потребление, или в запасы, т.е. богатство. И если бы производство равнялось потреблению, богатство исчезло бы очень быстро, так как все его части более или менее недолговечны, не исключая земли, которая все же мало-помалу истощается и постепенно приходит в негодность для прямой производительности, как дома от жилья, как дороги от езды или как инструменты от стирания, а одежда от изнашивания. Следовательно, для образования богатства неизбежно необходимо производить в данный период времени более, чем в то же время потребляется из произведенного и естественно уменьшается из имеющегося богатства. А так как только тогда, когда есть запасы или богатства, жизнь можно считать обеспеченною от всякого рода случайностей, то большее или меньшее богатство людям и народам совершенно необходимо, и обеспеченность всего быта возрастает вместе с богатством и вместе с увеличением производства.

Промышленность во всех ее формах назначается именно для увеличения производительности при данном количестве затрачиваемого на это труда и при данном количестве «земли» или вообще природных сил, направленных в сторону производства полезностей. Уже по этой одной причине богатство прямо и тесно связано с промышленностью[1]. Но есть

[1] Если речь — о народах и если нет грабежа.

между ними связь иного рода, до некоторой степени обратная с вышеуказанною и зависящая от того, что промышленность может развиваться не иначе как после продолжительной подготовки средств производства, прямо не пригодных для потребления, например, металлов, орудий, всякого сырья, зданий, назначаемых не для жилья, а исключительно для производства, и т.п. Эти средства, необходимые для промышленных производств, составляют, однако, сами по себе продукты природы («земли») и труда, не пошедшие в потребление, а составляющие своего рода запас, т.е. богатство. Следовательно, для роста самой промышленности требуется уже некоторый запас богатства. Та часть богатства, которая обращена на промышленность и производство, носит название *капитала.* Поэтому капитал, требуемый промышленностью, входя в состав богатства, есть произведение «земли» и труда и вместе с ними обусловливает существование и возможность промышленности. Истинный смысл этой на первый раз неясной, но тесной зависимости между промышленностью и капиталом должно искать в том, что промышленность данного времени есть произведение промышленности, ранее существовавшей, питающейся «землею» и трудом, как дети составляют в известном смысле произведение своих родителей. Иными словами это значит, что у промышленности есть свои органические или исторические отношения и связи, выражаемые капиталом, начало которым дают «земля» и труд, направленные на получение полезностей. Современная промышленность (не говоря о знании) есть дитя прошлой, и связь их — в капитале. Отсюда вытекает пресловутая формула экономической науки: *во всяком промышленном производстве участвуют: «земля»* (природа с ее веществами и силами), *капитал* (часть имеющегося богатства или остатки прежнего производства, обращенные на производительность) и *труд* (физические и духовные усилия людей, определяемые их желанием, волей и взаимностью отношений).

Так как промышленные явления нельзя понимать без выяснения роли капитала, по этому предмету в «Учении о промышленности» должно отвести надлежащее место, и мы теперь обратимся к нему.

Но прежде, чем рассмотреть какие-либо стороны капитала, мне кажется совершенно необходимым остановиться на тех причинах, которые всюду в мире заставляют людей признавать справедливым интерес, или процент, или рост на затраченные или отданные в какое-либо дело капиталы, так как на первый раз такой обычай кажется лишенным основательности и даже представляется иногда до того чуждым нравственных начал, что противу роста капитала не раз являлись законы, существовавшие или недавно, или лишь на бумаге. Сущность понимания явления затрудняется еще, тем обстоятельством, что капитал есть труд, вещественно выраженный в том или ином виде, примененный к новому виду трудового же производства, и обладает, как всякое богатство, свойством постепенно уничтожаться или превращаться из полезной формы в бесполезную (машины портятся, земля истощается и т.п.), а потому все, что можно было бы, казалось бы, требовать при затрате капитала или при его ссуде, то разве только его возврата в целости, без всякой убыли, но и без прироста. Некоторое уяснение явления наступает, однако, уже тогда, когда обратят внимание на разность заработной и продажной платы, совершенно ясной при различии предпринимателя от работника. Так, подрядчик не стал бы хлопотать о производстве работы артелью нанятых им рабочих, если бы не имел от того своих выгод и получал бы только то, что ему уплачивается, потому что тогда его «труд», риск и хлопоты ничем бы не оплачивались. Когда рабочий сам соединяет в себе предпринимателя и исполнителя, он стремится получить не только рабочую плату но и свою избыточную выгоду, зная, что продажа не всегда бывает и запас нужен, а потому при такой самостоятельности рабочий чаще

может разживиться, чем при работе на подрядчика или при получении одной заработной платы, но при неудаче своих оборотов — у него немало риска остаться ни при чем.

Капитал, участвующий в данном производстве, играет сам по себе роль предпринимателя, а потому ему приличны и выгоды предпринимателя, так как без него трудов потратилось не больше, как без рубанка и струга, т.е. без своего рода капитала, для сглаживания досок. Такое понимание прибыли на капитал (Бастиа, Сэ и др.), согласуясь с явлениями окружающей жизни, однако, мне кажется недостаточным для объяснения причины процента на затраченный капитал, а только сводит проценты на капитал к ряду других, более понятных явлений. Более полное понимание причины процента на капитал представляют те экономисты (особенно Джорж), которые исходят из того, что первые виды промышленных дел состоят в разведении растений и животных, составляющих первейшую форму капиталов, но в то же время обладающих естественною способностью к приросту, чем и объясняется рост капиталов, которые всегда можно представить вымененными на растения или животных. Заимодавец имеет овец, это его капитал, и некто, берущий у него на год определенное число овец, естественно, готов уплатить ему через год не только то же число овец, но и часть их прироста, т.е. возвратить с процентом, потому что сам за свои хлопоты и свои риски получит не только шерсть со всех овец, но и остальную часть их приплода, так как без получения взаймы стада овец — у него не было бы выгодного занятия, а с остатком приплода ему есть возможность самому обзавестись овцами, т.е. сделаться капиталистом и стать в обеспеченное положение, которого он ищет. Сущность дела не изменится, когда вместо овец подставим плодовые деревья, ткацкую машину или дом, а так как все это должно переводиться на деньги, то и деньги, как капитал, должны дать прирост их собственнику точно так же, как овцы. Прибавлю со сво-

ей стороны, что отдача кому бы то ни было — даже при проценте — и прямо своему предприятию овец ли, или денег всегда должна сопровождаться риском, боязнью потери нажитого богатства, если оно вложено в производство, т.е. стало капиталом: дом может сгореть, стадо овец истребиться болезнями, торговля сопровождаться воровством, убытками или неудачею, завод или фабрика может не сбыть своих товаров или не достать сырья и т.п. Все знают и всякий слышит про массу подобных явлений, и можно сказать безошибочно, что на 20 — 40 однородных предприятий в наше время хоть одно да окажется неудавшимся, т.е. сопряженным с потерями. Были, скажем, у кого-нибудь деньги, например, в виде золота, и лежали так хорошо, что об утрате не могло быть и речи. Это богатство, оно не растет, но сохраняется на случай, для передачи в виде запаса детям, для затрат единовременных, когда в них может быть надобность. Но приходит некто и просит дать ему это золото, так как ему надо для его предприятия или просто для его жизни затратить это золото. Возврат золота обещается через определенный срок (если этого нет, дело сводится прямо на трату богатства, и хотя она морально часто может оправдываться, но явления «экономического», очевидно, уже не составляет), и пусть нравственная уверенность в этом будет очень велика, все же в действительности были, есть и всегда будут случаи пропажи от неудачи ли, от смерти ли или от чего иного. Тогда богатство пропало, охота ссужать убавляться должна и промышленное применение богатств должно сильно падать, а с ним и развитие всей жизни, основанной на постоянном росте видов промышленности ради прибыли народонаселения, необходимости ему новых промышленных заработков и ради возрастания размера трудовых заработков. Вот, видя все это, люди молча, судя по опыту, и согласились считать разумным и для общего блага полезным давать капиталу его определенный процент, чтобы, во-первых, по возможности обеспечить общую

целость суммы всех капиталов, влагаемых в промышленные дела и затраты, а во-вторых, чтобы заинтересовать богача в общенародных делах промышленности. Весь секрет именно в том, что промышленность всем нужна. Не будь этого и не будь надобности для роста промышленности в капиталах, процента бы не было.

Капитал, требуя процентов, так сказать, стремится только застраховать общую массу капиталов, вложенных в дела, и общество как совокупное целое стремится при помощи процента на капиталы по возможности гарантировать общую целость капиталов и тем приохотить богатых людей, имеющих те или иные виды запасов, пускать их в дела, умножающие равномерность обладания достатками, как умножилось оно, когда владелец уступил на время кому-то часть своего стада, требуя за то известный процент. Был один богач, а через ссуду их станет много. Можно с уверенностью утверждать, что проценты на капитал благодетельно действуют на предприимчивость и на умножение общего достатка, так как без них богачи не столь часто решались бы вкладывать свои достатки в новые дела, и тем, у кого нет достатков, было бы меньше случаев и возможностей разжиться, и их предприимчивость имела бы меньше, чем ныне, случаев осуществиться в действительности, тогда как при проценте на капитал он сохраняется, а рискующие расширением производительности имеют много шансов не только увеличить свое благосостояние, но и содействовать возрастанию общего достатка. Без существования процентов на капитал непременно должна была бы убавиться и самая бережливость как основное качество, необходимое для собирания запасов и накопления богатств[1]. Таким образом, всемирно принятый обычай (закон разумной справедливости) платить проценты — пропорционально времени пользования — за капитал, влагаемый в промышленные дела, определяется, по моему

[1] Процент есть своего рода изобретение.

мнению, не только тем, что капитал удешевляет производство (сокращает труд специализацией и машинами, готовностью зданий и сырья, возможностью выждать покупателя и т.п.) и позволяет пользоваться естественным приростом, совершающимся у растений и животных, но и тем, что процентом до некоторой меры покрывается общая убыль капиталов, происходящая от невозможности в иных случаях возврата (от потерь) производственных затрат; процентом вызывается превращение богатств в капиталы, т.е. образование сбережений на риске новых промышленных предприятий и процентах на капиталы, в значительной мере обеспечивающих — помимо личных выгод — непрерывное ведение и возрастание промышленных предприятий, необходимых для получения заработков, возрастающему народонаселению. Личных выгод предпринимателей от промышленности может и не быть, а капиталы, возрастая из-за процентов, все же будут влагаться в промышленные риски. Что касается до величины процента, то она достигает своего наименьшего значения только при законной и публичной охране права на получение процентов (всяких ссуд, сопровождаемых тайною, всегда несут большой процент, потому что риск возрастает) и особенно при обеспечении взятого капитала движимым или недвижимым имуществом, потому что в последнем случае заимодавец менее всего рискует потерею одолженного капитала. Ипотечная ссуда под залог недвижимости (становящейся несвободною только в отношении продажи ее третьему лицу), значительно обеспечивая заимодавца и не лишая кредитора выгод пользования имуществом, представляет для обеих сторон все выгоды процентного пользования капиталами и повсюду сопровождается почти наименьшим — для данного времени и для данной страны — процентом или ростом, и только разве государственные займы, как наиболее обеспеченные всем государственным строем, заключаются на еще более выгодных условиях. Все другие виды снабже-

ния капиталом, будучи всегда сопровождаемы большим риском, неизбежно оплачиваются дороже, но, однако, установление той или иной связи между государством и скоплением капиталов в особых *банковых* учреждениях (ибо государства заинтересованы в умножении народных оборотов, получающихся через подвижность капиталов) дает возможность удовлетворять народную потребность в капиталах с наибольшей легкостью (с низким процентом), так что в настоящее время между наименьшим процентом (по государственным и ипотечным займам) и средним процентом на капиталы, обращенные на более или менее обеспеченные торговые (например, для учета товарных векселей) и промышленные (например, облигации промышленных учреждении) обороты, существует такое соотношение (изменяющееся по времени и странам), что обычный процент превосходит указанный наименьший не более как в 2 раза. обыкновенно же в полтора.

Так, например, русские государственные «золотые» займы 1890 — 1894 гг. (после того займов не было) заключались в России по 4 — 3% интереса, средним числом по 3½%, акции же частных предпринимателей, уплативших дивиденды за 1900 г. до 3 марта 1901 г. (когда я пишу эти строки), ценились в среднем так что на капитал приходится от 4 до 9%, а в среднем около 7%, т.е. в 2 раза более, чем по государственным займам. Ипотечные же бумаги и облигации, будучи обеспечены недвижимостью, ценились за тот же период (3 марта 1901 г.) из интереса от 4½ до 5%, в среднем около 4¾%.

Однако для хода промышленных дел особо важное значение имеют средние текущие проценты не по таким обеспеченным займам, каковы ипотечные и облигационные, а особенно по акциям и займам, производимым для торгово-промышленных оборотов. Когда средние проценты этого рода примерно в 2 раза превосходят процент на государственные и ипотечные займы, тогда, конечно, трудно вести промыш-

ленно-торговые операции, потому что от них надо выручать крупные доходы и для достачи капиталов через ипотеку должно иметь недвижимую собственность, его значительно превосходящую. Но тогда, когда предложение капиталов велико, процент на капиталы для торгово-промышленных предприятий всюду явно падает, и тогда легко устраиваются, оборачиваются и умножаются всякие промышленные предприятия. А так как от промышленных отношений зависит в сильнейшей мере весь средний народный заработок, то в изменении среднего процента на промышленные капиталы должно видеть, показатель быстроты всего жизненного процесса экономического организма; это пульс современной экономической жизни, потому что она определяется прежде всего производством, а оно — при постоянстве земли и труда — зависит весьма сильно от капитала, т. е. от сбережений, добытых трудом от земли в прежнее время.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аксаков И. С. Полн. собр. соч. Т. 1—7. М., 1886—1887.

Аксаков И. С. Аксаков в его письмах. Ч. 1—2 (в 4 т.). М., 1888—1896.

Аксаков К. С. О крестьянстве в древней России//*Аксаков К. С.* Собр. соч. Т. 1. М., 1861.

Аксаков Н. П. И. Д. Беляев//Русская беседа. 1895. № 1.

Алексеев Н. Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. Париж, 1928.

Антонов М. Ф. Нравственность экономики. М., 1984.

Антонов М. Ф. Нравственные устои экономики. М., 1989.

Антонов М. Ф. Капитализму в России не бывать! Выход есть. М., 2005.

Афанасьев Э. О некоторых православных принципах формирования рыночной экономики//Вопросы экономики. 1993. № 8.

Афанасьев Э., Калхоун Н., Трофимова И. Христианская этика и православное христианство в деловой жизни России//Вопросы экономики. 1993. № 8.

Бак И. С. Экономические воззрения П. И. Рычкова//Исторические записки. 1945. № 16.

Бак И. С. Экономические воззрения М. В. Ломоносова. (К 175-летию со дня смерти)//Проблемы экономики. 1940. № 4.

Бак И. С. Экономические воззрения М. В. Ломоносова. М., 1946.

Бак И. С. Ломоносов о сельском хозяйстве//Советская агрономия. 1947. № 1.

Безобразов В.П. Очерки Нижегородской ярмарки. М., 1865.

Безобразов В.П. Народное хозяйство России: Москов. (центр.) пром. обл.: В 3 ч. СПб., 1882—1889. Ч. 1—3.

Беляев И.Д. О сельской общине//Русская беседа. Кн. I. 1856.

Беляев И.Д. Договор найма в древнерусском праве//Русский исторический журнал. V. 1918.

Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. Изд. 4-е. М., 1903.

Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1901.

Беляев И.Д. О земледелии в древней России//Труды Вольного Экономического Общества. I. 1866.

Беляев И.Д. О поземельном владении в Московском государстве. М., 1851.

Беляев И.Д. О сторожевой, засечной и полевой службе на польской Украине Московского государства//Временник ОИДР. Кн. 4. 1846.

Беляев И.Д. Разбор сочинения Чичерина «Обзор исторического развития сельской общины»//Русская беседа. Кн. I и II. 1856.

Беляев И.Д. Еще о сельской общине (на ответ г. Чичерина, помещенный в «Русском Вестнике», № 12)//Русская беседа. Кн. II. 1856.

Бердяев Н.А. О хозяйстве//*Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М., 1990.

Болотов А.Т. Избранные труды. М., 1988.

Болотов А.Т. Деревенское зеркало, или Общенародная книга, сочиненная не только, чтобы ее читать, но чтоб по ней и исполнять. Ч. I–III. СПб., 1798—1799.

Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990.

Булгаков С.Н. Краткий очерк политической экономии. М., 1906.

Булгаков С. Н. История экономической мысли. Т. 1. М., 1916.

Булгаков С. Н. История экономических учений. Лекции, читанные автором в Московском коммерческом институте. Ч. 2. Изд. 7-е. М., 1918.

Булгаков С. Н. Христианская социология//Вестник РХД. 1991. № 161.

Бутми Г. В. К вопросу о денежной реформе. Одесса, 1896.

Бутми Г. В. Золотой монометаллизм и его значение для России. СПб., 1897.

Бутми Г. В. Капиталы и долги. М., 1898.

Бутми Г. В. Золотая валюта. СПб., 1904.

Бутми Г. В. Итоги финансового хозяйства с 1892 по 1909. СПб., 1904.

Бутми Г. В. Блестящие финансы и разорение России//Прямой путь. 1910. № 3.

Бутми Г. В. О финансовой и денежной системе//Прямой путь. 1910. № 4.

Васильчиков А. И. О самоуправлении. Т. 1—3. СПб., 1869—71.

Васильчиков А. И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 1—2. СПб., 1876.

Васильчиков А. И. Сельский быт и сельское хозяйство России. СПб., 1881.

Иосиф Волоцкий. Трактат Иосифа Волоцкого о неприкосновенности церковных и монастырских имуществ. Приложение к книге В. Малинина «Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания». Киев, 1901.

*[Волынский А. П.] «*Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень (1724 г.)//Москвитянин». 1854. № 1, отд. IV, № 2.

Волынский А. П. Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула об лошадях…//Памятники древней письменности. СПб., 1881.

Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895.

Воронцов В. П. Крестьянская община. М., 1897.

Воронцов В. П. Наши направления. СПб., 1893.

Воронцов В. П. Очерки кустарной промышленности в России. СПб., 1886.

Воронцов В. П. Очерки теоретической экономии. СПб., 1899.

Воронцов В. П. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892.

Воронцов В. П. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882.

Воронцов В. П. К истории общины в России (Материалы по истории общинного землевладения). М., 1902.

Воронцов В. П. К истории крестьянской общины в России//Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. 1902.

Воронцов В. П. Судьба капиталистической России. СПб., 1907.

Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. СПб., 1870.

Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений. Т. 1—2. М., 1899.

Горчаков М. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и святого Синода (988—1738). СПб., 1871.

Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991.

Даниельсон Н. Ф. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893.

Даниельсон Н. Ф. Нечто об условиях нашего хозяйственного развития//Русское богатство. 1894. №4—6.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.

Данилевский Н. Я. Сборник политических и экономических статей. СПб., 1890.

«Домострой» по списку Императорского общества истории и древностей российских», с предисловием И. С. Забелина//Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. II. М., 1881.

«Домострой» Сильвестровского извода.//Русская классная библиотека/Под ред. А. Н. Чудинова. СПб., 1902.

Домострой/Под ред. В. В. Колесова. М., 1990.

Ермолай-Еразм. Благохотящим царем правительница и землемерие//Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 гг.. Вып. 33. Л., 1926.

Ермолов А. С. Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и севооборота. СПб., 1879.

Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 1—4. СПб., 1901—05.

Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. СПб., 1884.

Ефименко А. Я. Обычное право. М., 1884.

Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. Изд. 2-е. М., 1937.

Зейпель И. Хозяйственно-этические взгляды отцов Церкви. М., 1913.

Иванцов Д. Черты своеобразия русской экономической мысли//Евразийский сборник. Прага, 1929.

Ильин И. А. О частной собственности//Путь духовного обновления. Мюнхен, 1962.

Исаев А. Артель в России. Вып. 1—2. СПб., 1872—1873.

Исаев А. Община и артель//Юридический вестник. 1884. № 1.

Кавелин К. Д. Взгляд на юридический опыт древней России. СПб., 1847.

Калачов Н. В. Артель в древней и нынешней России. СПб., 1864.

Карнович Е. Крестьяне и помещики по идеям Ивана Посошкова, русского мыслителя в начале XVIII в.//Современник. 1858. № 10, отд. IV.

Каратаев Н. К. П. И. Рычков — выдающийся русский экономист XVIII в.//Вестник Академии наук СССР. № 3. 1950.

Кауфман А. А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908.

Качоровский К. Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие (опыт цифрового и фактического исследования). СПб., 1890.

Качоровский К. Р. Бюрократический закон и крестьянская община//Русское богатство. 1910. № 7—8.

Качоровский К. Р. Быть или не быть общине в России//Заветы № 2. 1912.

Клочков М. В. Посошков о крестьянах//Великая реформа. Т. 1. М., 1911.

Ключевский В. О. А. Л. Ордин-Нащокин, московский государственный человек XVII в.//Научное слово. Кн. 3. М., 1904.

Кокорев В. А. Экономические провалы: По воспоминаниям с 1837 г. СПб., 1887.

Коринфский А. Народная Русь. М., 1995.

Кошелев А. И. О сословиях и состояниях в России. М. 1881.

Лешков В. Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в. М., 1858.

Лешков В. Н. Древняя русская наука о народном богатстве и благосостоянии//В воспоминание 12 января 1855 г. М., 1855.

Лешков В. Н. Общинный быть древней России. Б. м. Б. г.

Лешков В. Н. Русская промышленность по указам Петра Великого//Юридический Вестник. 1876. Январь — февраль.

Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6. «Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747—1765 гг.». М., Л., 1952.

В т. 6 включены труды по общественно-экономическим вопросам 1761—1763 гг.: «[Темы статей]», «[О сохранении и размножении российского народа]», «Примечания [об обязанностях духовенства]», «Мнение о учреждении государственной коллегии земского домостройства» (С. 377-—13). Из вошедших в том трудов по географии 1763—1765 гг. наибольшее значение имеют «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию», «Прибавление. О северном мореплавании на Восток по Сибирскому океану», «Прибавление второе, сочиненное по новым известиям промышленников из островов американских и по выспросу компанейщиков…»

Ломоносов М. В. (о нем). *Тихомиров И. А.* О трудах М. В. Ломоносова по политической экономии//Журнал Министерства народного просвещения. Февраль 1914.

Менделеев Д. И. Сочинения (экономические работы). Т. XVIII–XXI. М., 1950—1952.

Менделеев Д. И. К познанию России. Изд. 1—7-е. СПб., 1906—1912; советское изд.: М., 1938.

Менделеев Д. И. Проблемы экономического развития России. М., 1961.

Меньшиков М. О. Из писем ближним. М., 1991.

Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

Милютин В. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862.

Национальные традиции и экономическая система общества//Вопросы экономики. 1993. № 8.

«*Нила Сорского* предание и устав»//Памятники древней письменности и искусства. Вып. 179. СПб., 1912.

Новгородцев П. И., Покровский И. А. О праве на существование. СПб., 1911.

Оль П., Шарапов С. Ф. Мнимое перепроизводство серебра. СПб., 1889.

Ордин-Нащокин А. Л. (о нем) *Чистякова Е. В.* Социально-экономические взгляды А. Л. Ордин-Нащокина (XVII в.). Воронежский государственный университет//Труды. Т. XX. Сборники работ по истории. Воронеж, 1950.

Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911.

Писемский В., Калашнов Ю., Малофеева Е., Платонова Е. Православие и экономика//Журнал Московской патриархии. 1992. №9.

Платонов Д. Православие в его хозяйственных возможностях//Вопросы экономики. 1993. №8.

Платонов О. А. Воспоминания о народном хозяйстве. М., 1990.

Платонов О. А. Русский труд. М., 1991.

Платонов О. А. Святая Русь. Открытие русской цивилизации. М., 2001.

Платонов О. А. Тысяча лет русского предпринимательства. М., 1995

Платонов О. А. Экономика русской цивилизации. М., 1995

Погодин М. Биографические сведения о Посошкове//Сочинения Посошкова И. Т. М., 1863.

Погодин М. Крестьянин Иван Посошков — государственный муж времен Петра Великого//Москвитянин. 1842. №3, ч. II.

Погодин М. Посошков по вновь открытым документам//Русский вестник. 1863. Т. 45.

Посников А. Общинное землевладение. Вып. I. Ярославль, 1875.

Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. Закончена в 1724. Издана впервые М. Погодиным. М., 1842. Изд. 2-е по пого-

динскому изд., 1911, серия «Памятники русской истории», под ред. преподавателей русской истории в Московском университете, с предисловием А. Кизеветтера. В 1937 г. вышла под ред., со вступительной статьей и примечаниями Б. Б. Кафенгауза. В 1951 г. вышла в издательстве Академии наук СССР, серия «Литературные памятники», под ред. и с комментариями Б. Б. Кафенгауза.

Посошков И. Т. (о нем). «Крестьянин-государственник Иван Тихонович Посошков». Краткая биография и его государственные мысли. Изд. редакции еженедельника «Дым Отечества». СПб., 1914 (без автора).

Посошков И. Т. (о нем). *Беляев И. С.* Крестьянин-писатель начала XVIII в. И. Т. Посошков. Его жизнь и деятельность. Исторический очерк. *М., 1902*.

Посошков И. Т. (о нем). *Брикнер А.* Иван Посошков. Соч., ч. 1. «Посошков как экономист». СПб., 1876.

Посошков И. Т. (о нем), *Пашков А.* Экономические взгляды И. Т. Посошкова. «Известия Академии наук СССР» № 4. Отделение экономики и права. М., 1945.

Посошков И. Т. (о нем). *Платонов Д. Н.* Иван Посошков. М., 1989.

Православная экономика и нравственная политика. М., 1996.

«Приговор царский о кормлениях и о службе»//Полное собрание русских летописей. Т. XIII, первая половина. СПб., 1904.

«Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. Творение Иосифа Волоцкого». Казань, 1855.

[Рычков П. И.]. Записки Петра Ивановича Рычкова, сообщено Н. Д. Рычковым//Русский архив. 1905. № 10. Т. III.

Рычков П. И. Наказ для управителя или приказчика о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина//Труды Вольного экономического общества. Ч. XVI. СПб., 1770.

Рычков П.И. О мануфактурах из хлопчатой бумаги и из верблюжьей шерсти//Труды Вольного экономического общества. Ч. II. СПб., 1766.

Рычков П.И. О сбережении и размножении лесов//Труды Вольного экономического общества. Ч. VI. СПб., 1767.

Рычков П.И. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии//Труды Вольного экономического общества. Ч. VII. СПб., 1767.

Рычков П.И. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия по разности провинций, кратко и по возможности изъясненные в рассуждении Оренбургской губернии//Труды Вольного экономического общества. Ч. VII. СПб., 1767.

[Рычков П.И.]. Переписка между двумя приятелями о коммерции. Подпись: NN.//Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755. Февраль, апрель, декабрь.

Рычков П.И. Письмо о управлении в деревенском житии//Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1757, ноябрь.

[Рычков П.И.]. Примечания о прежнем и нынешнем земледелии. Подпись: Р.//Труды Вольного экономического общества. Ч. VI. СПб., 1767.

[Рычков П.И.]. Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губ.//Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1758. Май — июнь.

Рычков П.И. (о нем). *Пекарский П.П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867.

Самарин Ю.Ф. Общинное владение//Русский вестник. 1858. № 13.

Самарин Ю.Ф. Поземельная собственность и общинное владение//Русский вестник. 1858. № 1—6.

Сборник материалов, касающихся артели в России. СПб., 1873.

Соловьев В.С. Оправдание добра//Соловьев В.С. Соч. в 2-х томах. Т. 1. М., 1990.

Сумароков А.П. Мнение о Наказе, сочиненном Екатериною II… с собственноручными замечаниями государыни//Сборник Русского исторического общества. Т.Х. СПб., 1872.

Сумароков А.П. О всегдашней равности в продаже товаров//Журнал «И то и сьо», февраль. 1769, шестая неделя.

Сумароков А.П. О домостроительстве. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч.Х. М., 1787.

Сумароков А.П. Письмо Вольному экономическому обществу. 1766//*Ходнев А.* История императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 г. СПб., 1865.

Сумароков А.П. О домостроительстве//Русская проза XVIII в. М., Л., 1950.

Татищев В.Н. Краткие экономические до деревни следующие записки//Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. XII, отд. «Смесь». М., 1852.

Татищев В.Н. Рассуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной// *Попов Н.* В. Н. Татищев и его время. Приложение XVI. М., 1861.

Татищев В.Н. Рассуждение о беглых мужчинах и женщинах и о пожилых за побег//*Попов Н.* В. Н. Татищев и его время. Приложение XVII. М., 1861.

Татищев В.Н. Напоминание на присланное расписание высоких и нижних государственных и земских правительств//В сборнике работ В.Н. Татищева «Избранные труды по географии России». М., 1950.

Татищев В.Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793.

Татищев В.Н. Например представление о купечестве и ремеслах//Исторический архив VII. М., 1951.

Татищев В. Н. На память о делах астраханских//Исторический архив VII. М., 1951.

Татищев В. Н. Заводской устав//Горный журнал. 1831. Кн. 1—3, 5—10.

Татищев В. Н. Наказ шихтмейстеру//Исторический архив VI. М., Л., 1951.

Татищев В. Н. Инструкция В. Н. Татищева по управлению имениями. 1742//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (сер. XVIII в.)/Сост. Л. В. Данилова, М. Д. Курмачева. М., 1987.

Татищев В. Н. О географии вообще и о русской//Избранные труды по географии России. М., 1950.

Татищев В. Н. Краткие экономические по деревне следующие записки//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России. Сельскохозяйственные инструкции (сер. XVIII в.). М., 1987.

Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979.

Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992.

Тихомиров Л. А. Земля и фабрика. М., 1899.

Тихомиров Л. А. Вопросы экономической политики. М., 1900.

«Труды Вольного экономического общества». Ч. 1—52. СПб., 1765—1798.

Фролов А. Деньги земледельческой страны. М., 1898.

Холодков В. Православные традиции в российском землевладении//Вопросы экономики. 1993. № 8.

Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988.

Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность. Монреаль, 1982.

[Чулков М.]. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия, сочиненное Михайлом Чулковым. Т. I–VII. СПб.; М., 1781—1788.

Чулков М.Д. История краткая российской торговли. М., 1788.

[Чулков М.Д.]. Наставление, необходимо нужное для российских купцов, а более для молодых людей, содержащее правила бухгалтерии. М., 1788.

Чулков М.Д. Словарь учрежденных в России ярмарок, изданный для обращающихся в торговле. М., 1788.

Чулков М.Д. Економическия записки для всегдашнего исполнения в деревнях прикащику и рачительному економу. М., 1788. Изд. 2-е. М., 1790.

Чулков М.Д. (о нем). Русский биографический словарь. Т. 22. СПб., 1905.

Шарапов С.Ф. Сочинения. Т. 1—9. М., 1900—1906.

Шарапов С.Ф. Бумажный рубль (его теория и практика). СПб., 1898.

Шарапов С.Ф. Пособие молодым хозяевам при устройстве их хозяйств на новых началах. СПб., 1895.

Шарапов С.Ф. Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве. М., 1886.

Шарапов С.Ф. По русским хозяйствам. М., 1893.

Шарапов С.Ф. Министерство земледелия и его местные агентства. М., 1892.

Шведов О.В. Энциклопедия церковного хозяйства. Экономика и право в Церкви. М., 2003.

Щапов А. Голос древней Русской церкви об улучшении быта несвободных людей. Казань, 1859.

Щепкин М. Экономические понятия в России в конце XVIII в.//Московские ведомости. 1859. № 142, 143, 154, 172, 177.

Щербатов А. Г. Письма об экономическом положении России. М., 1899.

Щербатов А. Г. Способы увеличить производительность крестьянского хозяйства. М., 1905.

Щербатов А. Г. Статьи кн. А. Г. Щербатова во время войны о народном русском денежном обращении. М., 1905.

Щербатов А. Г. Обновленная Россия. М., 1908.

Щербатов А. Г. Православный приход — твердыня русской народности. М., 1909.

Щербатов А. Г. Государственно-народное хозяйство в ближайшем будущем. М., 1910.

Щербатов А. Г. Государственная оборона России. М., 1912.

«Экономический магазин, или Собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов… В пользу российских домостроителей и других любопытных людей, образом журнала издаваемой». Ч. 1—40. Издатель Н. И. Новиков. М., 1780—1789.

Эрн В. Ф. Христианское отношение к собственности. М., 1906.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика русской цивилизации

Домостроительство, или Основы хозяйствования

Век перемен

Вечные ценности

Сохранить хозяйственные традиции

Платонов Олег Анатольевич

РУССКАЯ ЭКОНОМИКА БЕЗ ТАЛМУДА

Издательство «Родная страна»

Редактор Д. И. Кузнецов
Корректор Н. С. Иванова
Верстка Д. Е. Поляков

Подписано в печать 26.10.2013.
Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,5.
Тираж 1000 экз. Заказ №

ISBN 978-5-903942-15-2

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.

Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
Кожинов В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.

Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.
Ганичев В. Н. О русском, 832 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.
Пассек В. В. Очерки России, 448 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
Русский государственный календарь, 728 с.
Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
Русская артель, 672 с.
Русская община, 1376 с.
Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.